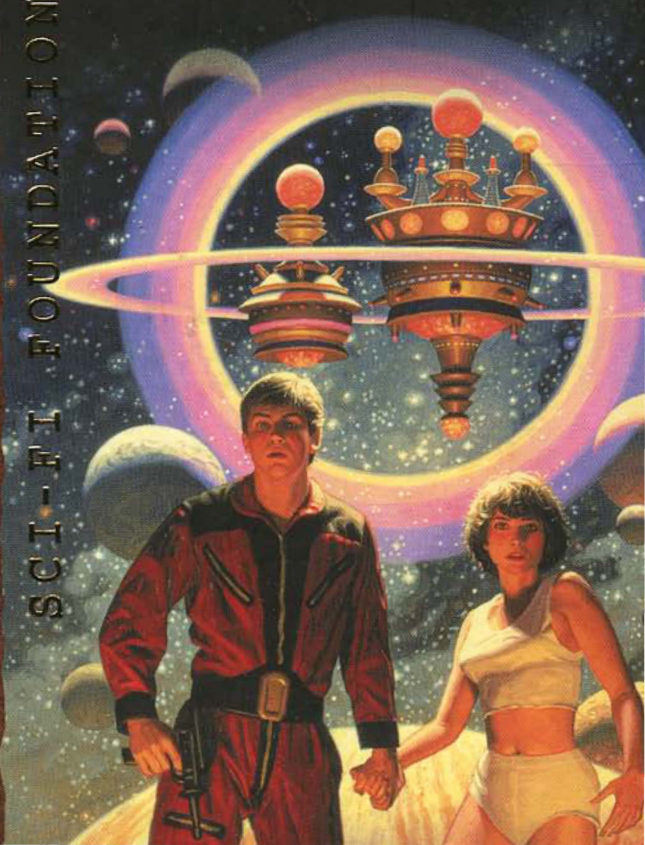
Весь

ХАЙНЛАЙН

РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ»

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

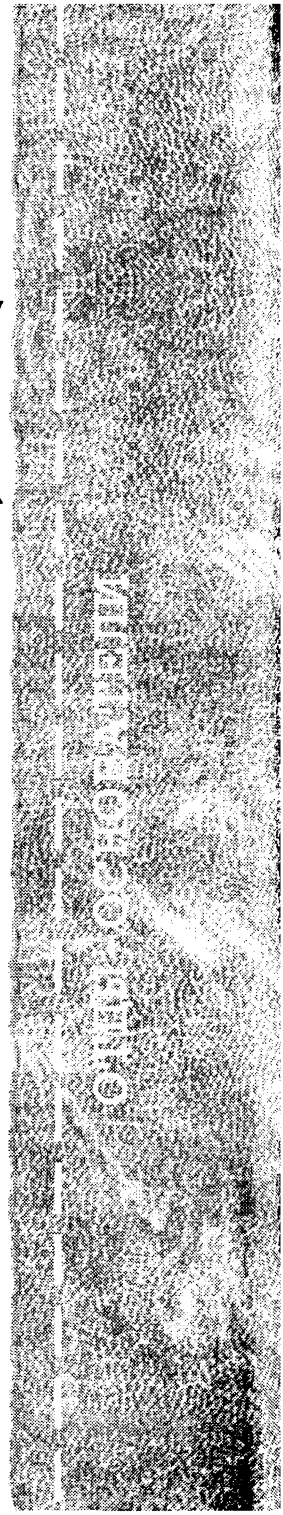
Весь

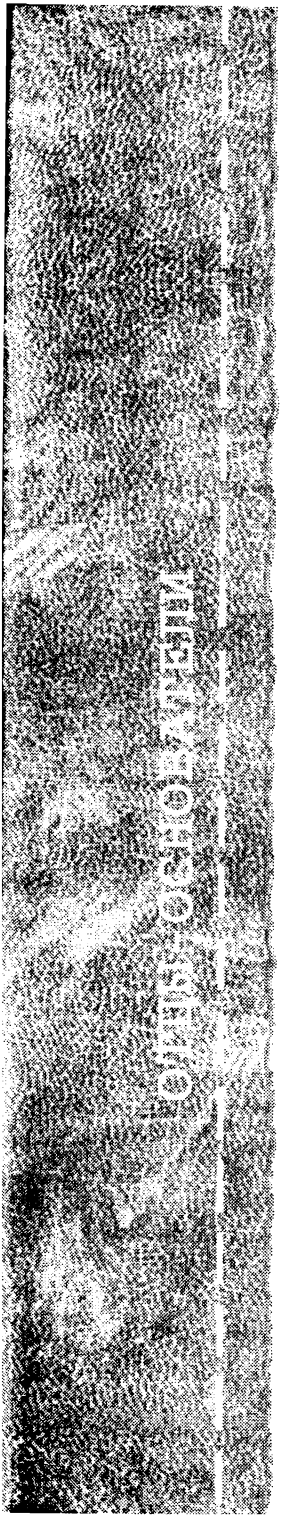
ХАЙНЛАЙН

Весь

ХАЙНЛАЙН

КУКЛОВОДЫ
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ
ДОРОГА ДОБЛЕСТИ
ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ
ТУННЕЛЬ В НЕБЕ
ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ
СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА
КОТ, ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ
УГРОЗА С ЗЕМЛИ
ЧИСЛО ЗВЕРЯ
ВНЕ ВСЯКИХ СОМНЕНИЙ
ДОСТАТОЧНО ВРЕМЕНИ ДЛЯ ЛЮБВИ
РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ»

Роберт
ХАЙНЛАЙН

РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ»

ЭКСМО
Москва
TERRA FANTASTICA
Санкт-Петербург
2009

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Х 16

Robert A. HEINLEIN
ROCKET SHIP GALILEO
Copyright © 1947 by Robert A. Heinlein
SPACE CADET
Copyright © 1948 by Robert A. Heinlein
RED PLANET
Copyright © 1949 by Robert A. Heinlein
FARMER IN THE SKY
Copyright © 1950 by Robert A. Heinlein
BETWEEN PLANETS
Copyright © 1951 by Robert A. Heinlein

Составитель и автор комментариев *А. Ермолаев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Хайнлайн Р.

Х 16 Ракетный корабль «Галилей» : фантастические произведения / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. ; сост. и авт. коммент. А. Ермолаев. — М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2009. — 1056 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 5-7921-0803-5 (TF)
ISBN 978-5-699-36497-8 (Эксмо)

Роберт Э. Хайнлайн — пионер освоения Вселенной человеческим разумом. Его книги — увлекательные межзвездные приключения или ставшие классикой фсерические космические оперы с сюжетом, разворачивающимся среди удивительных миров, — это послание в будущее, тем, кому предстоит обживать Галактику, утверждая в ней духовные ценности нашей цивилизации.

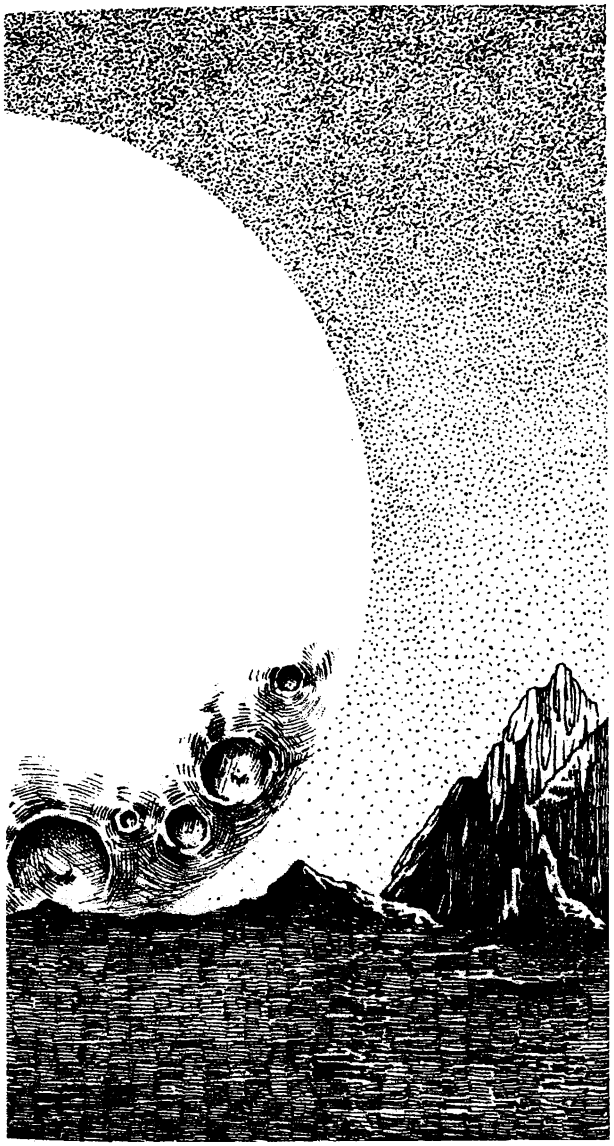
УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. А. Шаров, Л. Волошин, И. Почиталин, Н. Виленская, Г. Усова, 2009
© Иллюстрации. Я. Ашмарина, 2008, 2009
© TERRA FANTASTICA, 2009
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ISBN 5-7921-0803-5
ISBN 978-5-699-36497-8

РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ»

© А. Шаров, Р. Волошин, перевод, 2002

Колину, Мэтту и Бадди

1. И ПУСТЬ ВЗРЕВЕТ РАКЕТА

— Все готовы?

Юный Росс Дженкинс взволнованно оглядел двух своих товарищей.

— Арт, как там твоя камера? Надеюсь, сегодня ты не забудешь снять крышку с объектива?

Трое юношей сгрудились за укрывавшей их с головой толстой бетонной стеной длиною около десяти футов. За ней возвышалась стальная платформа, к которой был привинчен зловещий и некрасивый заостренный металлический снаряд — ракета. По обе стороны ее корпуса виднелись кронштейны для крепления стабилизаторов, которые были сняты: ракету установили для проведения научных исследований.

— Так что с камерой, Арт? — продолжал допытываться Дженкинс.

Парень, к которому он обращался, выпрямился во весь рост — пять футов три дюйма — и взглянул Россу в лицо.

— Смотри сам,— ответил он,— крышку я снял. И нечего меня попрекать. Ты бы лучше беспокоился о своей ракете. В прошлый раз она так и не запустилась, и я зря потратил двадцать футов пленки.

— Но ведь однажды ты снимал с крышкой... все, все, молчу. А лампы в порядке?

Вместо ответа Арт включил фотоосветители. Лучи отразились от полированных стальных зеркал и вырвали из темноты модель ракеты и фермы, удерживавшие ее во время испытаний. Третий юноша, Моррис Абрамс, прйник к перископу, который позволял им наблюдать за происходящим из-под прикрытия стены.

— Ну, прямо картинка,— произнес он с воодушевлением.— Росс, ты уверен, что эта горючая смесь и есть то, что мы так долго искали?

Росс пожал плечами.

— Не знаю. Лабораторные испытания дали отличный результат. Как бы то ни было, скоро мы все узнаем наверняка. Так, ребята, по местам! Доложите о готовности. Арт?

— Готов.

— Морри?

— Готов.

— Я тоже готов. Внимание! Начинаю отсчет. Поехали! — и он стал отсчитывать секунды, оставшиеся до момента зажигания: — Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре...

Арт облизнул пересохшие губы и запустил камеру.

— Три... два... один... контакт!

— Ну! Давай! — вскричал Моррис, и его голос потонул в оглушительном грохоте.

Из сопла взревевшей ракеты вырвалась мощная струя черного дыма. Она ударила в земляной вал, насыпанный в футах двадцати от платформы, и затопила все вокруг удушливыми газами. Росс недовольно покачал головой и коснулся ручки управления на пульте. Клубы дыма рассеялись; через перископ Росс рассматривал бьющие из двигателей реактивные струи. Из дюз вырвалось чистое, почти прозрачное пламя, на фоне которого лишь изредка вспыхивали искры. Сквозь огонь Росс мог видеть предметы, находящиеся по ту сторону. Их контуры слегка колебались в потоке раскаленного воздуха, но само пламя было чистым, бездымным.

— Что на динамометре? — бросил он Моррису, не отрывая взгляда от перископа.

Моррис смотрел на динамометр, прикрепленный прямо к стенду, через отдельный перископ с приспособленным к нему театральным биноклем.

— Ничего не видно! — крикнул он.— Ага, вижу... подожди секунду... Пятьдесят два — нет, сто пятьдесят два, сто пятьдесят два, пятьдесят три, четыре... Росс! Получилось! Ты гений! Это же вдвое больше самого лучшего старого результата!

Арт оторвал взгляд от аппарата. Это была обычная восьмимиллиметровая кинокамера, которую он купил в магазине и переделал так, чтобы в кассету влезало больше пленки, и теперь можно было не отвлекаться на ее перезарядку. Аппарат работал, но механизм оказался капризным и требовал ежесекундного внимания.

— Сколько времени до конца эксперимента?

— Семнадцать секунд! — крикнул в ответ Росс.— Внимание, сейчас я дам полную мощность! — и повернул вправо рычаг на пульте, открывая клапаны до отказа.

Низкий глубокий рев двигателей перешел в надсадный свист такого высокого тона, что его почти не было слышно. В этом звуке явственно ощущалась угроза. Росс заметил, что Моррис, оставив перископ, с биноклем в руке, влез на ящик.

— Морри, пригнись!

Из-за рева двигателей Моррис не услышал его крика и полез наверх, намереваясь получше рассмотреть ракету. Росс бросил пульт управления, одним прыжком оказался около Морриса и потащил его вниз, под защиту стены. Они вместе упали на землю и продолжали бороться лежа. Разумеется, драться они не стали: Росс был рассержен, но не настолько, чтобы ударить товарища, а Морри лишь слегка удивился.

— Ты чего это? — возмутился он, переводя дыхание

— Ты сумасшедший идиот! — крикнул Росс прямо ему в ухо.— Головы хочешь лишиться?

— Но все шло нормально...

Но Росс уже поднялся на ноги и отошел к пульту; Морри продолжал что-то говорить, но его оправдания заглушил рев ракеты.

— Что там у вас? — крикнул Арт.

Он так и не бросил свою любимую камеру, но не из чувства долга, а потому, что не мог решить, кто из них прав. Росс услышал его голос и повернулся, чтобы ответить.

— Этот дурак,— он ткнул большим пальцем в сторону Морри,— хотел...

Он так и не успел объяснить, что случилось: внезапно опять изменился тон двигателей, а затем раздался страшный взрыв. Одновременно вспыхнул яркий огонь, который, несомненно, ослепил бы ребят, не будь перед ними защитной стены. Тем не менее вспышка была столь сильна, что у них перед глазами поплыли круги. Они все еще моргали, приходя в себя после вспышки, когда их окутали валившие из-за стены клубы дыма. Все трое закашлялись.

— Так,— пробормотал Росс, в упор глядя на Морри.— Все! Пришел конец пятой модели «Звездного штурма»!

— Да нет же, Росс,— запротестовал Морри, и в наступившей тишине его голос прозвучал пронзительно.— Я тут ни при чем. Я только пытался...

— Никто тебя не винит,— оборвал его Росс.— Я знаю, что ты тут ни при чем. Я вывел ракету на режим, но она не выдержала и взорвалась. Но ты не должен забывать о своей голове, ведь на этот раз ты чуть было не лишился ее! Не зря же мы стену построили.

— Я вовсе не собирался высовывать голову наружу. Я только хотел...

— Замолчите оба,— вмешался Арт.— Мы еще раз взлетели на воздух, только и всего. Эксперимент заснят на пленку,— он похлопал по камере.— А теперь пойдем и посмотрим, что там уцелело,— и двинулся в обход стены.

— Секундочку,— скомандовал Росс, пристально вгляделся в перископ и объявил: — Похоже, все в порядке. Топливные баки разлетелись в клочья. Опасность миновала. Только постарайтесь не обжечься. Пошли.

Арт и Морри двинулись следом. Ракета превратилась в груду металлолома, но испытательный стенд выдержал. Он был рассчитан и не на такие нагрузки. Арт взялся за динамометр, которым измерялась развиваемая ракетой тяга.

— Придется заново калибровать,— объявил он.— Пружина цела, но сильно повреждены циферблат и сцепка.

Товарищи встретили его слова молчанием: они удрученно осматривали останки ракеты. Камера сгорания была развернута: нескольких деталей явно не хватало.

— Как ты думаешь, Росс,— спросил Морри,— насос полетел, или, может быть, температура была слишком высока?

— Трудно сказать,— рассеянно ответил Росс,— но насос тут ни при чем. Если бы его заклинило, он бы просто не качал топливо. Мне не верится, что он подал слишком много горючего — для этого он должен был взбрыкнуть и совершить чудо. Значит, это камера сгорания. Сопло в полном порядке, даже почти не прогорело,— добавил он, в сгустившихся сумерках рассматривая обломки.

— Возможно. Ну что ж, набросим сверху брезент, а разбираться будем утром. Ни черта не видно. Пошли, Арт.

— Давай. Подожди секунду, я захвачу камеру.

Он снял камеру со штатива и сунул ее в сумку. Затем помог остальным натянуть полотнища брезента — одно поверх стенда, второе — поверх стены, панели управления, приборов и перископов. И все трое двинулись прочь с площадки. Полигон был окружен забором из колючей проволоки, который они поставили по настоянию родителей Росса — владельцев этой земли,— чтобы любопытствующие люди и животные не очутились во время эксперимента на линии огня. Вход был в пятидесяти футах прямо за стеной. Во время испытания никто даже не смотрел в эту сторону: внимание ребят было приковано к ракете, так что оторвать их от работы могло только землетрясение.

Росс и Морри шли чуть впереди, Арт шагал следом, едва не наступая им на пятки,— так близко, что, когда товарищи внезапно остановились, он налетел на них сзади и едва не уронил камеру.

— Смотрите под ноги,— закричал он.— Чего вы остановились?

Морри и Росс не ответили. Они стояли как вкопанные, глядя на землю.

— Что такое? — продолжал Арт.— Очумели? Чего ради... ой!

И тоже увидел *это*.

«Это» было телом высокого мужчины, скорчившимся на земле у входа. На голове зияла рана, и из нее на землю уже натекла лужица крови. Все трое разом бросились вперед, но Морри оттеснил их, не давая прикоснуться к лежащему телу.

— Спокойно! — приказал он.— Не прикасайтесь к нему. Помните правила оказания первой помощи? У него ранение в голову. Если сдвинуть его с места, он может умереть.

— Но мы должны знать, жив он еще или нет,— возразил Росс.

— Сейчас посмотрим. Эй, дай-ка сюда...

Он протянул руку, выхватил из кармана Росса тетрадь, в которой они вели записи, свернул ее в трубочку диаметром около дюйма и приставил к левой половине груди неподвижного тела. Прижав второй конец импровизированного стетоскопа к уху, прислушался. Росс затаил дыхание. Немного погодя на встревоженном лице Морриса появилось выражение облегчения.

— Мотор работает,— заявил он,— и вполне прилично. По крайней мере, мы его не убили.

— Мы?

— А кто же еще? Как ты думаешь, что тут произошло? Посмотри, сколько вокруг обломков нашей ракеты — один из них и кокнул его по голове.— Моррис поднялся на ноги.— Ну ладно, об этом — после. А сейчас ты, Росс, дуй домой, вызови «скорую», и побыстрее! Мы с Артом останемся с... э-э-э... с ним. Он может прийти в себя и начать дергаться.

— Ладно.

Росс исчез. Арт смотрел на бесчувственное тело. Морри взял его за руку.

— Сядь, парень. И перестань трястись. Неприятности начнутся позже. Даже если он ранен не слишком серьезно, то — я надеюсь, ты это понимаешь,— все равно деятельности клуба «Галилей» пришел конец. Во всяком случае, деятельности его ракетной и громыхательной секций.

Арт вконец расстроился.

— Думаю, ты прав.

— Не «думаю», а «точно». Отец Росса и так уже косо смотрел на наши забавы с тех пор, как мы повышибали все стекла в подвале, и я его очень хорошо понимаю. А теперь еще и это. И если у нас только заберут полигон, то можно будет считать, что мы легко отделались. Нам еще повезет, если он не предъявит нам иск за нанесение увечий.

С этим Арт согласился.

— Теперь придется снова собирать марки,— произнес он с отсутствующим видом. Иск за нанесение увечий! Полигон у них отберут, но это не главное, хотя площадка значила для троих юношей немало. Откуда взять деньги Арту с матерью, живущим в задней комнате магазинчика, и родителям Морри, у которых хоть

и есть отдельная квартира, но — иск за нанесение увечий! Может быть, родители Росса и смогли бы заплатить, но Арт с матерью едва сводили концы с концами, несмотря на его приработки в свободное от занятий время, и иск наверняка пустит их по миру.

Сочувствие к раненому постепенно уступило место ощущению несправедливости происходящего. Чего ему здесь понадобилось, этому парню? Здесь не проходной двор: вокруг полигона расставлены предупреждающие знаки.

— Дай-ка я взгляну на него,— сказал Арт.

— Валяй, только не прикасайся,— предупредил Морри.

— Не буду. У тебя есть фонарик?

На площадке уже стало совсем темно.

— Конечно. Вот... держи.

Арт взял маленький фонарик и попытался осмотреть лицо жертвы, что было нелегко, ибо мужчина лежал ничком, уткнувшись лицом в землю, и к тому же оно было в крови. Вдруг Арт произнес каким-то странным голосом:

— Морри, ему ничего не будет, если я вытру кровь?

— Ни в коем случае! Он должен лежать так до приезда врача.

— Ладно, ладно. Уже не нужно. Я и так знаю, кто это.

— Ты знаешь? И кто же он?

— Мой дядя.

— Твой дядя?

— Да. Ну, тот самый, о котором я рассказывал. Дядя Дон. Доктор Дональд Каргрейвз, мой «атомный дядя».

2. ВЫЗОВ, ДОСТОЙНЫЙ НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНЫ

— Теперь я почти совсем уверен, что это мой дядя,— продолжал Арт.— Я бы сказал наверняка, сумей мы увидеть его лицо целиком.

— Не понимаю, как ты мог не узнать его до сих пор. Ведь он как-никак член твоей семьи, так что...

— Что с того? Последний раз я встречался с ним сразу после войны, когда он приезжал навестить маму. Давным-давно. И я

тогда был совсем маленьким. Но этот человек очень похож на дядю.

— Но он не такой уж старый, — рассудительно произнес Морри. — Так что я полагаю... О, а вот и «скорая»

Он не ошибся. Рядом с водителем сидел Росс, показывая дорогу, а шофер бранился, утверждая, что дорога существует лишь в воображении. Несколько минут они хлопотали вокруг пострадавшего, и вопрос о его личности не затрагивался.

— Похоже, ничего страшного,— заявил врач.— У него глубокая скользящая рана. Возможно, сотрясение мозга. А теперь переверните его. Осторожно! А я буду поддерживать ему голову.

Когда незнакомца поднимали и укладывали на носилки, он открыл глаза и шевельнул губами, как бы силясь что-то сказать. К нему наклонился врач. Арт поймал взгляд Морри и, сложив вместе большой и указательный пальцы, подал ему утвердительный знак. На сей раз ошибки быть не могло: Арт успел хорошенько разглядеть лицо мужчины. Росс полез в машину, но врач жестом велел ему остаться.

— Потом, ребята. Приходите в больницу. Надо будет составить акт о несчастном случае.

«Скорая» уехала, и Арт рассказал о своем открытии Россу.

— Говоришь, это был твой дядя? — удивленно спросил тот.— Твой родной дядя? Чего ему здесь понадобилось?

— Ума не приложу. Я даже не знал о его приезде.

— Скажи... Я надеюсь, он ранен не слишком серьезно... Это тот дядя, о котором ты рассказывал? Тот самый, которого выдвинули на Нобелевскую премию?

— А я о чем говорю? Это мой дядя Дональд Каргрейвз.

— Доктор Дональд Каргрейвз! — Росс присвистнул.— Ну, ребята, мы чертовски удачно выбрали жертву!

— Не вижу ничего смешного. А если он умрет? Что я скажу маме?

— Я серьезен как никогда. Прежде чем ты расскажешь матери, мы сходим в больницу и разузнаем, насколько он плох.— Росс вздохнул.— Сначала поговорим с моими родителями, а потом я отвезу вас в госпиталь.

— Разве ты ничего не сказал им, когда ходил звонить? — спросил Морри.

— Нет, их не было дома. Они копались в саду, а я позвонил и побежал встречать машину. Может, они и заметили ее...

— Уж это как пить дать!

— Но у меня не было времени это выяснять.

Отец Росса сидел дома, поджидая их. Ответив на приветствие, он произнес:

— Росс...

— Да, сэр?

— Я слышал взрыв на полигоне и видел проехавшую туда карету «скорой помощи». Что стряслось?

— Понимаешь, пап... мы запустили новую модель на всю катушку, и...

Росс подробно описал все, что случилось. Мистер Дженкинс кивнул:

— Ясно. Идемте, ребята.

По пути к гаражу, который раньше явно служил конюшней, он попросил:

— Росс, сбегай к матери и скажи, куда мы едем. Пусть она не тревожится.

И двинулся дальше, опираясь на трость. Мистер Дженкинс, в прошлом инженер-электрик, был человеком спокойным и молчаливым. Своего отца Арт не помнил; отец же Морри был жив, но имел совершенно иной характер. Мистер Абрамс управлял своим большим, шумным, многодетным семейством, сочетая громкий голос и щедрую, любящую натуру, которой хватало на всех. Запыхавшийся Росс вернулся и полез было за руль, но отец прогнал его на пассажирское сиденье.

— Нет уж, благодарю покорно. Я хотел бы в целости и сохранности добраться до места.

Всю дорогу они молчали. Потом мистер Дженкинс оставил мальчиков в вестибюле больницы и велел ждать.

— Что он задумал? — спросил Морри.

— Понятия не имею. Но уверен, что он поступит справедливо.

— Вот этого я и боялся,— ответил Морри.— Но сейчас нам нужна не справедливость, а сочувствие.

— Главное, чтобы дядя Дон оказался в порядке,— подал голос Арт.

— Чего? О, прости, Арт. Ты прав. Мы совсем позабыли о тебе. Самое важное, чтобы твой дядя поправился.

— Честно говоря, пока я не узнал его, я больше думал о том, что матери придется выплачивать возмещение за увечья.

— Поменьше вспоминай об этом,— посоветовал Росс.— Человеку свойственно думать, в первую очередь, о собственных передрягах. Мой отец говорит, что главное — то, как ты поступаешь, а не то, что ты при этом думаешь. Для твоего дяди мы сделали все, что было в наших силах.

— Это «все» состояло в основном из того, что его не трогали до прибытия врача,— напомнил Морри.

— Как раз это и было нужно.

— Да,— согласился Арт,— только я не согласен с тобой, Росс, насчет того, что можно думать все, что угодно, если действуешь правильно. Мне кажется, дурные мысли могут быть ничем не лучше дурных поступков.

— Тише, тише. Вот как по-твоему, человек, который совершает отважный поступок, а сам перепуган до смерти, он смелее, чем тот, который делает то же самое, но не боится?

— Он менее... нет, он более... Тьфу, ты все запутал. Это же совсем разные вещи.

— Может, оно и так. Ладно, давай не будем об этом.

Они помолчали, потом Морри сказал:

— Дай Бог дяде Дону здоровья.

Мистер Дженкинс принес добрые вести.

— Ну, парни, считайте, что вам повезло. Сделали рентген, и оказалось, что череп не поврежден. Когда зашивали рану, пациент очнулся. Я поговорил с ним, и он сказал, что не намерен сдирать с вас скальпы в счет возмещения убытков, — он улыбнулся.

— Можно мне к нему? — спросил Арт.

— Пока нельзя. Ему сделали укол, и он уснул. Я уже позвонил твоей матери, Арт.

— Правда? Спасибо, сэр!

— Она ждет. Мы подбросим тебя до дома.

* * *

Звонок мистера Дженкинса облегчил Арту объяснения. В сущности, она и мысли не допускала, что ее ребенок способен на что-либо дурное. Отец Росса успокоил ее, рассказал, что случилось с ее сыном, и объяснил, в каком состоянии пребывает ее брат. У Морри все прошло еще спокойнее. Узнав, что прохожий отделался пустяковыми ранениями, мистер Абрамс лишь пожал плечами:

— Ну и что? Для таких дел у нас имеются адвокаты. При жаловании полдоллара в неделю тебе понадобится лет пятьсот, чтобы расплатиться за ущерб. А теперь марш в постель.

— Да, папа.

Наутро юноши позвонили в госпиталь и, узнав, что ночью доктор Каргрейвз спал спокойно, отправились на полигон. Было решено навестить раненого после обеда, а сейчас заняться осмотром взорвавшегося «Звездного штурма-5». Первым делом следовало найти все обломки и, разобрав их на составные части, постараться понять, что же произошло. В этом могла бы очень помочь отснятая Артом пленка, но она еще не была проявлена. Сборка обломков была в самом разгаре, когда они услышали от ворот чей-то свист и крик:

— Эй! Кто-нибудь дома?

— Идем! — откликнулся Росс.

Они обошли стену и увидели в воротах высокого плечистого мужчину, столь моложавого и подвижного, что повязка на его голове выглядела прямо-таки несуразно. Это впечатление подчеркивалось дружелюбным выражением его лица.

— Дядя Дон! — воскликнул Арт и бросился ему навстречу.

— Привет,— сказал мужчина.— Так, я полагаю, что ты — Арт. Ты повзрослел, но не очень изменился,— они обменялись рукопожатием.

— Зачем вы поднялись с постели? Вам нужно лежать!

— Только не мне,— заявил дядя.— Я здоров и в доказательство тому удрал из больницы. Познакомь меня с остальными террористами.

— О, простите! Дядя Дон, это — Моррис Абрамс, а это — Росс Дженкинс. Ребята, это — доктор Каргрейвз.

— Как поживаете, сэр?

— Рады с вами познакомиться, доктор.

— Взаимно, — Каргрейвз шагнул было в ворота, но потом остановился.— Вы точно знаете, что здесь не заминировано?

— Мы все очень сожалеем, доктор.— Росс помрачнел.— Я и сейчас не пойму, как это могло случиться: ведь ворота защищены стенкой.

— Стукнуло рикошетом. Забудьте об этом. Ничего страшного не произошло. Лишился клочка кожи да капли крови, и все. Обрати я внимание на предупреждающий знак, и все это осталось бы при мне.

— А как вы попали сюда?

— Резонный вопрос. Меня ведь не приглашали, верно?

— Я не то имел в виду...

— Но я должен объясниться. В общем, вчера, когда я приехал в город, мне уже было известно о клубе «Галилей»: мать Арта обмолвилась о нем в письме. И когда сестра сказала мне, куда ушел Арт и что он собирается делать, я двинул следом в надежде понаблюдать за испытанием. Ваша служанка указала мне дорогу.

— Вы хотите сказать, что пришли сюда посмотреть на наши детские забавы?

— Да, конечно. Меня очень интересуют ракеты.

— Понятно. Но нам, в сущности, нечего вам показать. Ведь мы работали с маленькими моделями.

— Новая модель — это всегда любопытно, а какого она размера и кто ее сделал — совсем не важно,— серьезно произнес Каргрейвз,— и я хочу взглянуть на вашу работу. Можно?

— Конечно, сэр. Это для нас большая честь.

Росс повел гостя осматривать полигон. Морри помогал объяснять, и Арт изредка вставлял слово. Его лицо раскраснелось от радости: ведь это был его дядя, один из великих мира сего, пионер Атомной эры. Они показали гостю стенд и панель управления. Доктор выказал нешуточный интерес и выразил сожаление по поводу аварии «Звездного штурма». Если говорить правду, увиденное произвело на него сильное впечатление. Американские мальчишки любят возиться со всевозможными механизмами, начиная с будильников и кончая ветхими автомобилями. Но при-

вычка планировать исследования и вести записи, без которых невозможна серьезная научная работа, не столь распространена. У троих друзей было самое примитивное оборудование, они располагали весьма ограниченными средствами, но сам подход к делу был безупречен, и ученый понял это с первого взгляда. Стальные зеркала, призванные отбрасывать лучи осветителей поверх стены, удивили его.

— К чему так уж беречь лампы прожекторов? — спросил он.— Ведь лампы дешевле нержавейки.

— Зеркала достались нам даром,— объяснил Росс,— а за лампы пришлось бы выкладывать наличные.

Каргрейвз хмыкнул.

— Веская причина. Что ж, ребята, я вижу, что у вас получилась самая настоящая экспериментальная установка. Жалею, что не успел осмотреть ракету до того, как она взорвалась.

— То, что мы мастерим,— робко сказал Росс,— не идет ни в какое сравнение с беспилотными транспортными ракетами, хотя бы почтовыми. Но мы хотели бы сконструировать что-нибудь стоящее и получить приз на конкурсе для школьников.

— А вы уже участвовали в нем?

— Пока нет. Правда, весь наш класс участвовал в прошлом году в конкурсе для новичков. Ничего особенного, обычная пороховая ракета. Но это нас здорово подстегнуло, ведь мы все просто помешаны на ракетах с тех пор, как себя помним.

— Между прочим, многие органы управления выполнены на высоком уровне. Вы их сами сделали или достали готовые?

— О, нет! Мы их сделали сами в школьной мастерской. В ней можно работать после уроков с разрешения мастера.

— Хорошая у вас школа,— позавидовал доктор.— А я вот учился в школе, где не было мастерской.

— Да, у нас неплохое заведение,— признал Росс.— Его называют политехнической школой, и на математику, точные науки и практические занятия у нас отведено гораздо больше времени, чем в большинстве других школ. Но главное — то, что в мастерской можно поработать для себя. Там мы смастерили свой телескоп.

— Так вы еще и астрономы?

— Ну... астрономом у нас Морри.

— Правда? — спросил Каргрейвз, повернувшись к Моррису.

Тот пожал плечами.

— Не совсем так. У каждого из нас есть свой конек. Росс увлекается химией и готовит горючее. Арт — дока по части радиотехники, а еще он свихнулся на кино́ и фото. На мою долю досталась самая спокойная наука — астрономия.

— *Понятно,— серьезно ответил доктор.— Я уже знаю, чем увлечен Арт. Кстати, Арт, я хочу извиниться: вчера я не утерпел и сунулся в твою лабораторию. Но не пугайся, я там ничего не трогал.*

— Ради бога, дядя, я ничуть не беспокоюсь.— Арт залился краской.— Но у меня там жуткий кавардак.

— У тебя нормальная рабочая лаборатория, а не какая-нибудь гостиная. Я видел у тебя лабораторные журналы... нет-нет, я к ним даже не притрагивался.

— Мы все ведем записи,— сообщил Морри.— Это влияние Дженкинса-старшего.

— Вот как?

— Папа сказал мне,— объяснил Росс,— что ему все равно, чем я буду заниматься, лишь бы это было не на уровне заводных игрушек. Он научил меня вести записи и просматривал их, требуя полноты и ясности. Со временем я уразумел, что это весьма полезно, и отец перестал меня проверять.

— А он вам помогал?

— Нет. Он говорил, что наши конструкции — это как бы наши дети, *и мы должны вырастить их самостоятельно.*

Когда ошметки «Звездного штурма» были собраны, Росс осмотрел детали.

— Похоже, мы ничего не упустили.

Они собрались было устроить заседание клуба в сарае, оставшемся на площадке с тех пор, когда здесь стояла ферма, но тут Морри предложил:

— Погодите-ка. Может, стоит поискать осколок, оглушивший доктора?

— Это правильно,— согласился тот.— Будет интересно взглянуть на этот самый тяжелый тупой предмет: осколок, шрапнель, бомбу — или что там свалилось мне на голову. Хотелось бы знать, насколько я был близок к тому, чтобы отдать концы.

На лице Росса появилось озадаченное выражение.

— Арт, поди сюда,— произнес он, понизив голос.

— Я здесь. Что случилось?

— Никак не пойму, какой детали недостает.

— Какая разница? — ответил Арт, но тем не менее склонился над ящиком, в который были уложены обломки, и внимательно изучил его содержимое; подняв голову, он удивленно сказал: — Росс...

— М-м-м?

— По-моему, здесь все.

— Мне тоже так кажется. И все-таки чего-то должно не хватать.

— А не лучше ли поискать на месте, где меня шарахнуло? — предложил Каргрейвз.

— Точно!

Они вместе облазили все вокруг, но ничего не нашли. Тогда было решено начать тщательный систематический поиск — такой, чтобы наверняка обнаружить даже муравья. Они нашли центовую монетку и наконечник индейской стрелы, но ничего похожего на обломок взорвавшейся ракеты тут не было.

— Так мы зайдем в тупик,— заявил доктор.— Скажите лучше, где я лежал, когда вы нашли меня.

— Вы лежали в воротах,— ответил Морри.— Лицом вниз.

— Погоди-ка. Лицом вниз, говоришь?

— Да. Вы...

— Но каким образом это могло получиться? Когда рвануло, я стоял лицом к стенду. Я точно это помню. И должен был упасть навзничь.

— Э-э... но я уверен, что вы лежали не на спине. Вы же сами говорили, что могло отлететь рикошетом.

— Хм-м... возможно.

Доктор огляделся по сторонам. Вблизи ворот не было ни одного предмета, от которого мог бы срикошетить осколок. Устремив взгляд на место, где лежал, доктор что-то пробормотал про себя.

— Что вы говорите?

— А? Ничего, пустяки. Довольно об этом. Мне пришла в голову одна бредовая мысль... Но этого быть не могло! — он тряхнул

головой, как бы отгоняя наваждение. — Ладно, не будем терять время на этот мой «тупой предмет». Мне просто было любопытно. Пошли обратно

Сарай-клуб представлял собой помещение размером примерно двадцать на двадцать футов. Вдоль одной его стены располагался лабораторный стол Росса, заставленный обычным оборудованием: бунзеновскими горелками, штативами для пробирок и какими-то неуклюжими конструкциями из изогнутых стеклянных трубок. Рядом была укреплена сдвоенная раковина, такая древняя и грязная, будто ее купили у старьевщика. Один конец стола был занят самодельным вытяжным шкафом со стеклянной дверцей. У соседней стены на отдельном бетонном основании покоились старые, но очень хорошие прецизионные весы, покрытые колпаком.

— Здесь вполне можно работать,— сказал Росс доктору.— Конечно, хорошо бы еще провести вентиляцию.

— Да, неплохо вы тут устроились,— заметил Каргрейвз.

Стены сарая, сколоченные из грубых досок, были обиты фанерой и покрыты водостойкой эмалью, а щели тщательно зашпаклеваны. Линолеум на полу, как и раковина, был старый, но выглядел сносно, двери и окна были старательно пригнаны и плотно закрывались. Повсюду царили порядок и чистота.

— На результатах ваших опытов могут отразиться колебания влажности воздуха. Вы не думали о том, чтобы поставить кондиционер?

— Теперь уже все равно. Похоже, клуб «Галилей» сворачивает свою деятельность.

— Почему? Очень жаль!

— И да, и нет. Осенью мы собираемся поступать в тех.

— Понятно. А как же остальные члены клуба?

— Все уехали: кто учиться, кто служить в армию. Наверное, можно было найти еще ребят, но мы даже не пытались. Нам... очень хорошо работать втроем, и мы... ну, вы знаете, как это бывает.

Каргрейвз кивнул. Он понимал, «как это бывает», пожалуй, даже лучше самих мальчиков. Они втроем занимались серьезной работой. Большинству их сверстников хватило бы пороху лишь

на починку какого-нибудь старого автомобиля, чтобы потом гонять на нем со скоростью сто миль в час. Заниматься научными исследованиями и вести записи им было бы скучно.

— Да, вы отлично оснастили свой полигон. Жаль, его с собой не заберешь.

Напротив стола вдоль стены стоял низкий и широкий мягкий диван. Арт и Морри прислушивались к разговору, уютно устроившись на подушках. К стене над их головами были привинчены книжные полки, где с Жюлем Верном соседствовал «Справочник инженера» Мерка. Каргрейвз обнаружил тут еще несколько своих старых друзей: «Семь знаменитых романов» Уэллса, «Справочник по физике и химии», «Атомную энергию в военных целях» Смита. Бок о бок с пухлыми томами «Ракет» Лея и «Природы физического мира» Эддингтона пристроились дюжины дешевых книжиц с роботами и звездолетами на обложках. Сняв с полки зачитанный том «Когда земля вздрогнула» Хаггарда, доктор втиснулся на диван между мальчиками. Он чувствовал себя как дома. Глядя на ребят, он все больше узнавал в них самого себя.

— Простите меня,— сказал Росс,— но мне нужно заскочить домой.

— Да-да, конечно,— пробормотал Каргрейвз, не отрываясь от книги.

Росс вернулся очень быстро.

— Мать требует вас всех к ланчу,— объявил он.

Морри улыбнулся. На лице Арта появилось страдальческое выражение.

— Моя мама считает, что я слишком часто завтракаю у вас,— робко возразил он, глядя на дядю.

Каргрейвз потянул его за руку.

— Беру ответственность на себя,— уверил он племянника и повернулся к Россу: — Передай матери, что мы с благодарностью принимаем ее приглашение.

Во время ланча взрослые разговаривали, а мальчики прислушивались к беседе. Ученый, чей марлевый тюрбан выглядел еще более нелепо, чем раньше, хорошо поладил со старшими Дженкинсами. Завоевать расположение миссис Дженкинс было нетрудно: она выглядела бы весело и дружелюбно даже на пиру каннибалов.

Но мистер Дженкинс удивил мальчиков: до сих пор им не доводилось видеть его таким говорливым.

Ребят поразили его обширные познания в области атомной физики. Юноши были заражены обычным скепсисом в отношении умственных способностей взрослых. Разумеется, они уважали мистера Дженкинса, но все же подсознательно воспринимали его как некий пережиток прошлого: ведь слишком многие из его ровесников так и не сумели понять, что после Аламогордо, Нью-Мексико, 16 июля 1945 года, мир полностью и необратимо преобразился.

Оказалось, что мистер Дженкинс знает, кто такой доктор Каргрейвз, знает, что тот вплоть до самого последнего времени работал в Североамериканской атомной корпорации. Юноши внимательно слушали, стараясь разузнать о дальнейших планах доктора, но мистер Дженкинс не расспрашивал его, а Каргрейвз предпочел не распространяться на эту тему. После ланча трое мальчиков и их гость вернулись в клуб.

Растянувшись на диване, Каргрейвз рассказывал о своей жизни и работе в Окридже, где чавкающая липучая грязь на улицах казалась ему куда более мерзкой, чем постоянная опасность радиоактивного заражения. Рассказывал он и старую, но все еще свежую и волнующую историю о том, как хмурым дождливым утром в пустыне Нью-Мексико взметнулся фиолетово-золотистый гриб, возвещая о том, что человечество овладело энергией звезд.

Потом доктор заявил, что хочет дочитать найденную им книгу Хаггарда. Росс и Морри занялись делами, а Арт взялся за журнал. Он то и дело поглядывал на своего обожаемого дядю и заметил, что Каргрейвз очень редко переворачивает страницы.

Наконец, доктор отложил книгу.

— Вы, ребята, разбираетесь в ядерной физике?

— Так себе,— ответил Морри, переглянувшись с товарищами.— Учитель физики кое-что нам рассказывал, но в домашней лаборатории этим не займешься.

— Верно. Но она вас интересует?

— Еще бы, конечно! Мы прочли все, что смогли достать — и Полларда, и Дэвидсона, и новую книгу Гамова. Но мы еще недостаточно подкованы в математике.

— До каких разделов вы уже дошли?

— Мы умеем решать дифференциальные уравнения.

— Неужели? — удивленно спросил Каргрейвз.— Погодите-ка, ребята, но ведь вы еще школьники.

— Окончили школу в этом году.

— Так в программу средней школы входят дифференциальные уравнения? Черт, похоже, я безнадежно отстал от жизни.

— Это эксперимент,— объяснял Морри, как будто оправдываясь.— Если вы сдадите экзамен, вам читают смешанный курс: алгебра, до квадратичных форм включительно, планиметрия и стереометрия, плоская и сферическая тригонометрия, аналитическая геометрия на плоскости и в пространстве — все скопом. Закончив этот цикл — а его можно усваивать быстро или медленно, смотря по способностям,— ты приступаешь к...

— Пока я возился с нейтронами, мир не стоял на месте,— произнес доктор, качая головой.— Ну что ж, юные дарования, такими темпами вы уже очень скоро приступите к квантовой теории и волновой механике. И как это преподаватели решились так вас загружать? Вы понимаете аксиоматический подход к математике?

— В общем-то, да.

— Ну-ка?

Морри набрал полную грудь воздуха.

— Ни один из разделов математики, даже арифметика, не описывает существующую реальность. Вся математика умозрительна и не связана напрямую с окружающим миром, за исключением тех случаев, когда оказывается удобно выражать явления природы через понятия математики.

— Хорошо. Дальше.

— Но даже и в этом случае результаты математики не бывают реальными, хотя они «верны» в том смысле, как их понимали древние. Каждая математическая система основана на произвольных допущениях, называемых постулатами. В древности их именовали аксиомами.

— Прекрасно, парень! Ну, а теперь — об операционном подходе к научной теории. Нет, пусть Арт расскажет.

Тот смутился. Морри, явно довольный собой, с облегчением передал слово ему.

— Ну... операционный подход — это... э-э... построение теории в терминах выполняемых операций, например — измерений, отсчета времени и тому подобное, чтобы не извлекать из эксперимента факты, которых в нем нет.

Каргрейвз кивнул.

— Прекрасно. Я вижу, ты понимаешь, о чем говоришь, — он помолчал и добавил: — А вы всерьез интересуетесь ракетами?

На сей раз ответил Росс:

— Ну... конечно интересуемся. Мы и впрямь хотим выиграть этот конкурс.

— И только?

— По правде сказать, нет. Мы все надеемся, что, может быть, однажды...

Его голос прервался.

— Мне кажется, я понял, — Каргрейвз выпрямился.— Но при чем здесь конкурс? Ведь вы сами сказали, что модель всегда будет проигрывать настоящим ракетам. Премии дают только для того, чтобы поддерживать интерес к ракетостроению. Когда я был мальчишкой, то же самое происходило с авиамоделированием. Но вы, ребята, способны на большее, так почему бы вам не задуматься о вещах посерьезнее?

Три пары глаз уставились на него.

— Что вы имеете в виду?

Каргрейвз пожал плечами.

— Почему бы вам не полететь со мной на Луну?

3. КОЛУМБ С ОСКУДЕВШЕЙ РУКОЙ

В помещении клуба воцарилась тишина, такая осязаемая, что ее можно было нарезать на куски и наделать бутербродов. Росс первым обрел дар речи.

— Вы это серьезно говорите? — сдавленным голосом произнес он.

— Отчего же нет? — спокойно отвечал доктор.— Я не шучу. Предлагаю вам совершить путешествие на Луну. Я хочу полететь туда с вами. Арт, — добавил он, — закрой рот, не то челюсть отвалится.

Племянник судорожно сглотнул, пошевелил губами, словно хотел что-то сказать, и снова разинул рот.

— Но послушайте.— И слова потоком хлынули из него.— Дядя Дон, если вы возьмете нас собой... я хочу сказать, как мы сможем... а если сможем, что мы будем использовать в качестве... Каким образом вы предлагаете...

— Спокойно, спокойно! — возразил Каргрейвз. — Помолчите минутку, и я все объясню. А после вы обмозгуете и решите, стоит ли вам связываться со мной.

Моррис хлопнул ладонью по стоявшему рядом лабораторному столу.

— Мне все равно, на чем вы собираетесь лететь — хоть на метле! Я с вами.

— И я, — добавил Росс, облизывая губы.

Арт негодующе посмотрел на товарищей.

— А я что, отказывался? Я только спросил. Черт возьми! Я тоже с вами, вы же знаете.

Молодой ученый слегка поклонился, не вставая с места.

— Джентльмены, я благодарен вам за доверие, но будем считать, что никаких обязательств на себя вы еще не брали.

— Ну и что...

— Тише,— попросил доктор.— Раскрою вам свои карты, а уж потом мы обсудим дело. Вы, ребята, когда-нибудь давали клятву?

— Было дело. Мы принимали скаутскую присягу.

— А мне однажды пришлось свидетельствовать в суде.

— Отлично. Вы должны дать слово, что без моего согласия не станете никому рассказывать о том, что я вам сейчас сообщу, независимо от того, выгорит у нас дело или нет. Конечно, вы не обязаны молчать дольше, чем вам позволит совесть. Разумеется, вы можете нарушить обещание в том случае, если у вас появятся моральные или правовые основания, но до тех пор вы будете хранить тайну. Полагаюсь на вашу честь. Ну как, согласны?

— Да, сэр!

— Конечно!

— Еще бы!

— Ну что ж,— произнес Каргрейвз, откидываясь на спину,— это просто формальность, чтобы убедить вас в необходимости

держать рот на замке. Зачем это нужно, поймете позже. А теперь о деле: я всю жизнь мечтал дожить до того дня, когда человечество покорит космос и начнет осваивать другие миры. И я хотел принять участие в этом деле. Думаю, вы понимаете меня, — он обвел рукой книжные полки.— Эти мысли мне внушили те самые книги, которые читаете и вы. К тому же вы в достаточной степени безрассудны, чтобы разделить мои чувства. Все, что я видел здесь и вчера в лаборатории Арта, свидетельствует о том, что вам мало мечтать и читать книги. Вы хотите что-то сделать. Верно я понимаю?

— Конечно! — воскликнули все в один голос.

Каргрейвз кивнул.

— В ваши годы я мыслил точно так же. Первый диплом я получил, как инженер-механик, считая, что ракеты — это только механика и ничего другого мне не потребуется. Получив диплом, я поработал инженером, пока не накопил денег, чтобы вновь пойти учиться. Я понял — Господи, да разве я один? — что без атомной энергии нечего и думать о создании звездолетов, и получил докторскую степень по ядерной физике. Затем были война и Манхэттенский проект. Наступила атомная эра, и многие люди считали, что космические перелеты начнутся едва ли не завтра. Они заблуждались. Никто не знал способа обуздать атом и заставить его двигать ракету. Известно ли вам, почему?

— Э-э... думаю, да,— нерешительно произнес Росс.

— Поделись догадками.

— Для ракеты нужна масса, умноженная на скорость, очень приличная масса, отбрасываемая струей, и очень большая скорость. Но при ядерной реакции массы освобождается очень мало, а энергия практически целиком уходит в излучение, которое беспорядочно рассеивается и не образует направленной струи. Но...

— Так, так, и что же?

— И все-таки должен быть способ использовать эту силу. Уж больно много энергии содержится в такой мизерной массе.

— Именно об этом я и думал,— с улыбкой сказал Каргрейвз.— Мы построили атомные станции, дающие больше энергии, чем гидростанция Боулдер. Мы создали атомные бомбы, по сравнению с которыми те две, которые были использованы во время

войны, не более чем пиротехнические шутихи. Взрыв — и энергия разбрасывается во все стороны. Запрячь ее в ракету невозможно. Помимо этой существуют и другие сложности. Вы знаете, что на атомных электростанциях имеется мощная защита, ограждающая персонал от смертоносных лучей. А это означает огромный вес. Для ракеты же вес — это все. За каждую сотню фунтов мертвого веса мы расплачиваемся горючим. Представьте себе, что защитная оболочка весит всего лишь тонну. Сколько горючего придется израсходовать, а, Росс?

Росс поскреб в затылке.

— Это зависит от используемого топлива, от устройства ракеты... от того, какие задачи ей придется решать.

— Верно, — заметил ученый. — Я задал тебе вопрос, на который нельзя ответить однозначно. Ну, ладно, допустим, у нас ракета на химическом топливе, предназначенная для полетов на Луну. Массовое отношение примем равным двадцати к одному. Тогда, имея защитную оболочку весом в одну тонну, мы теряем двадцать тонн топлива.

— Погодите, дядя Дон, — вмешался Арт.

— Слушаю тебя.

— Если речь идет о химическом топливе, скажем, о спирте с жидким кислородом, то защитная оболочка не требуется.

— Верно, тут ты меня поймал. Но я привел этот пример только для иллюстрации. В случае атомной энергии и при разумном подходе к делу массовое отношение можно снизить, скажем, до одного к одному. Тогда на одну тонну материала защиты придется потратить лишь одну тонну топлива. Устраивает это вас?

Арт заерзал от возбуждения.

— Еще бы! Да ведь это будет настоящий космический корабль, мы сможем отправиться на нем куда угодно!

— Но пока мы на Земле,— суховато произнес его дядя.— Я лишь высказал предположение. Не следует запускать двигатель, пока ты не готов отправиться в полет. Есть и третья сложность: ядерной энергией трудно управлять. Атомный двигатель не так-то просто включить, а заглушить — и того труднее. Впрочем, об этом рано думать. И все же я уверен: мы сможем отправиться на Луну.

Он помолчал. Юноши напряженно ждали продолжения.

— Мне кажется, я нашел способ использовать атомную энергию в ракетном двигателе.

В ответ — ни бурных восторгов, ни рукоплесканий, ни проникновенных речей, вроде «в этот исторический момент я хотел бы сказать...». Наоборот, мальчики ждали, затаив дыхание.

— Я не собираюсь сейчас вдаваться в подробности. Если мы начнем работать вместе, вы и так все узнаете.

— Начнем! Мы готовы!

— Конечно же!

— Надеюсь. Я пытался заинтересовать фирму, в которой работал, но они не загорелись идеей.

— Боже праведный! Они отказались?

— Основная задача всякой корпорации — получение прибыли. Они в ответе перед своими акционерами. Может быть, вам известен легкий способ извлечения прибыли из полета на Луну?

— Вздор! — подал голос Арт.— Ради такого дела они должны были рискнуть всем своим капиталом!

— Ну, что ты! Дела так не делаются. Не забывай, что они распоряжаются деньгами других людей. Ты вообще-то представляешь, во сколько может обойтись научно-техническая разработка проекта, столь обширного, как полет на Луну?

— Нет,— признался Арт.— Думаю, очень много тысяч.

— Скорее, около сотни тысяч,— предположил Морри.

— Уже близко. Технический директор вычислил предварительную сумму — миллион с четвертью.

— Вот это да!

— Он хотел лишь продемонстрировать, что коммерческой выгоды моя затея не принесет, и пытался уговорить меня разработать двигатель для судов и железнодорожного транспорта. Я подал в отставку.

— И слава богу!

— Мне кажется, я понял, — задумчиво произнес Морри, — почему вы хотите сохранить это дело в тайне. Ваша разработка — собственность фирмы, в которой вы работали.

Каргрейвз энергично помотал головой.

— Вовсе нет. Вы, конечно же, имели бы право протестовать, попытайся я втянуть вас в махинацию, связанную с использованием чужих патентных прав — если даже эти права принадлежат кому-то на основе жульнического, грабительского контракта, — в его голосе звучала почти что ненависть. — Но в моем контракте таких загвоздок не было. Компания приобрела права на мои идеи лишь в тех аспектах, которые касаются конечной цели разработки — получения энергии. А все остальное принадлежит мне. Я расстался с фирмой по-хорошему. И не стану их ни в чем упрекать. Когда королева отправляла Колумба в дальнюю дорогу, никто не ждал, что он вернется с Эмпайр-стейт-билдинг в кармане.

— Тьфу! — сказал Росс. — Эти большие призы не так велики, как может показаться. Поэтому никто ради них особенно и не старается. Никакой приз не покроет расходов, если речь идет о таком грандиозном проекте, как ваш. Короче, все это попахивает большим надувательством.

— Ну, не совсем так, но ты в изрядной степени прав,— согласился Каргрейвз.— Максимальная премия составляет около двухсот пятидесяти тысяч, но такая сумма не соблазнит ни «Дженерал электрик», ни «Дюпон», ни Североамериканскую атомную корпорацию. Для крупных исследовательских центров такие деньги также не представляют особого интереса. Они не станут мелочиться, если им не будут светить никакие дополнительные источники доходов. В сущности, большинство премий выплачивают те же самые корпорации, — Каргрейвз выпрямился. — Но мы можем претендовать на приз!

— Как это?

— Плевать на деньги! Я хочу отправиться в космос! — воскликнул Росс.

— И я тоже! — подхватил Арт.

— Значит, мы с вами заодно. Как это сделать — расскажу, когда мы с вами обо всем договоримся. Конечно, я не смогу вложить в проект миллион, но думаю, что можно будет обойтись и более скромными средствами. Нам нужен корабль. Нам потребуется топливо. Нам надо обеспечить конструкторские разработки и заказать кучу деталей в мастерских. Еще предстоят расходы на снаряжение. Из всего этого у меня есть только корабль.

— Правда? Настоящий космический корабль? — Арт вытаращил глаза.

— Я могу купить трансатлантическую грузовую ракету по цене металлолома. Ракета в хорошем состоянии, но компания решила заменить свои корабли на более экономичные беспилотные аппараты. Они предложили мне ракету марки «V-17», которая не подходит для переоборудования в пассажирскую. Если я ее не куплю, она пойдет в переплавку. А если куплю, то останусь без гроша в кармане. Комиссия ООН по атомной энергетике может выделить члену Всемирной ассоциации ученых-ядерщиков, вроде меня,— тут Каргрейвз невесело усмехнулся,— расщепляющийся материал для экспериментальных целей. Для этого, правда, нужно согласие директората Ассоциации, но я сумею его получить. Я хочу приобрести торий, а не плутоний или уран-235. Сейчас неважно почему. Но на воплощение замысла не хватит даже моих, вполне приличных, средств. Я пытался решить эту проблему и заключил ряд контрактов на лекционные выступления и научные исследования. Но теперь у меня есть вы.

Доктор встал, вглядываясь в лица юношей.

— Переоборудовать «V-17» в космический корабль несложно. Но для этого потребуются умелые руки, светлые головы и фантазия. Вам придется стать механиками, инженерами, станочниками, специалистами по инструменту и в будущем — моим экипажем. Вам придется напряженно трудиться, не чураясь черной работы, а при этом еще и готовить себе обеды. Лично я могу обещать только кофе с булочками и великолепную возможность свернуть себе шею. Быть может, корабль так и не оторвется от земли. А если такое случится, вам, вполне возможно, не удастся даже поделиться с кем-нибудь своими впечатлениями. Короче, все выглядит не слишком-то романтично. Я загоняю вас так, что вам станет тошно от одного лишь моего вида, а в конечном итоге, может, ничего и не выйдет. Вот такое у меня предложение. Обдумайте и сообщите решение.

Воцарилась нервозная тишина, словно перед землетрясением. Затем ребята вскочили на ноги и все вместе загалдели на разные голоса. Было трудно разобрать, что они кричали, но решение

было единогласным: клуб «Галилей» желает лететь на Луну. Шум утих. Каргрейвз заметил, что лицо Росса вдруг омрачилось.

— Что такое? Уже струхнул?

— Да нет,— Росс покачал головой.— Я просто подумал, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Возможно, возможно. Думается, твое волнение можно понять. Родители?

— Черт! Ну конечно! Мне кажется, наши предки нипочем нас не отпустят!

4. КРОВЬ ПИОНЕРОВ

Каргрейвз молча смотрел на расстроенных ребят. Он прекрасно понимал, с чем им придется столкнуться. Не может же молодой человек эдак небрежно заявить отцу: «Да, кстати, старик, давай-ка забудем о наших планах, связанных с моим поступлением в колледж. Мне нынче недосуг: я договорился с Дедом Морозом о встрече на Северном полюсе». Именно поэтому доктор долго колебался, прежде чем выложить свою идею. Наконец он произнес:

— Боюсь, каждому из вас придется решать за себя. Обещание, которое вы мне дали, не распространяется на ваших родителей. Но все же попросите их не злоупотреблять вашим доверием. Мне бы не хотелось, чтобы сведения о нашей затее просочились в печать.

— Но послушайте, доктор, — заговорил Морри. — Излишняя таинственность может повредить, если наши родители решат, что все это — не более чем детская игра. Почему бы вам не поговорить с ними, рассказав только то, что вы считаете необходимым?

— Нет, — ответил Каргрейвз. — Ведь это ваши родители. Если они пожелают встретиться со мной, я, конечно, отвечу на все их вопросы. А что касается таинственности, то вот ее причина: сейчас патентоспособна только одна сторона моего изобретения, и по правилам Ядерной конвенции ООН любой желающий может приобрести лицензию. Патентом распоряжается компания, но ракетный двигатель в патенте не значится. Сама же идея использовать изобретение в качестве удобного и недорогого средства

передвижения в космосе принадлежит мне, и только мне. Я не хотел бы, чтобы кто-нибудь побогаче меня обошел. Незадолго до старта мы известим репортеров, быть может, только для того, чтобы они сообщили о нашей гибели при запуске. Но ваши возражения обоснованны: нам ни к чему изображать из себя сверхсекретную лабораторию сумасшедшего ученого из комиксов. Я постараюсь убедить ваших родителей.

Доктор Каргрейвз сделал исключение только для матери Арта. В конце концов, она была его родной сестрой. После обеда он прогнал Арта в лабораторию и, помогая сестре вытирать посуду, рассказал о своих планах. Она слушала его молча.

— Ну, что скажешь?

Женщина сидела неподвижно, не глядя на брата, и комкала в руках носовой платок.

— Дон, ты не можешь так со мной поступить.

Каргрейвз молча ждал.

— *Я не в силах отпустить его, Дон. Мой сын — все, что у меня осталось. С тех пор, как не стало Ганса...*

— Я знаю, — мягко заговорил доктор. — Но Ганс умер, когда Арт был еще малышом. Нельзя подрезать крылья сыну из-за гибели мужа.

— Думаешь, от этого легче? — она чуть не плакала.

— Нет, не думаю. Но именно ради памяти Ганса ты не должна закутывать сына в вату. Ганс был мужественным человеком. Будь он слабаком, он остался бы в Институте кайзера Вильгельма. Но он был истинным ученым и не пожелал жертвовать своими принципами в угоду политическим разбойникам. Он...

— И это стоило ему жизни!

— Знаю. Но не забывай, Грейс, что если бы ты не была американкой, ты не сумела бы вытащить его из концлагеря.

— Не понимаю, при чем тут это. О! Тебе надо было бы посмотреть на него, когда они его выпустили, — по лицу женщины текли слезы.

— Я помню, каким он появился в Америке. Зрелище было не из веселых. А то, что ты американка — действительно, очень важно. В нашей стране достаточно прочны традиции свободы, как личной, так и научной. Чрезмерная осторожность и слабоволие — злей-

шие враги свободы. Будь Ганс жив, он и сам бы отправился со мной. Ради его памяти ты не имеешь права держать мальчишку в клетке. И ты не сможешь удержать мальчика у своего подола навсегда. Пройдет пара лет, и тебе все равно придется отпустить его шагать своею дорогой.

Сестра молчала, склонив голову. Каргрейвз тронул ее за плечо.

— Обдумай все это, Грейс. А я уж постараюсь вернуть твое чадо целым и невредимым.

Когда спустя некоторое время Арт поднялся по лестнице, мать все еще сидела в комнате и ждала его.

— Артур?

— Да, мам?

— Ты хочешь отправиться к Луне?

— Да, мама.

Она глубоко вздохнула и твердым голосом произнесла:

— Веди там себя хорошо. Слушайся дядю, Артур.

— Обещаю тебе, мама.

После обеда Моррису удалось на минутку отозвать отца в сторону.

— Папа, я хочу поговорить с тобой как мужчина с мужчиной.

— А как же еще?

— Да нет, на сей раз все серьезно. Я знаю, что ты хотел бы сделать из меня предпринимателя, но все же согласился отпустить меня в тех.

Отец кивнул.

— Бизнес не пострадает. Мы гордимся учеными, которые есть в нашей семье. Твой дядя Бернард — хороший хирург. И разве кто-нибудь требует, чтобы он занимался еще и предпринимательством?

— Все так, папа, но дело в том, что я не хочу в тех.

— И что же? Пойдешь в какой-нибудь другой институт?

— Нет, я совсем не пойду учиться.

И Морри на одном дыхании, стараясь выложить все как можно быстрей, рассказал ему про план Каргрейвза. Он хотел объяснить отцу положение прежде, чем тот примет опрометчивое решение. Отец слушал, покачиваясь с пяток на носки.

— Сейчас Луна, на той неделе... может быть, уже Солнце? Чтобы чего-то добиться, нужно принять твердое решение, Морри.

— Верно, папа, но ведь как раз это я и хочу сделать.

— И когда же вы начинаете?

— Так ты отпускаешь меня? Разрешаешь?

— Спокойно, Моррис, я не сказал «да», но не сказал и «нет». Прошло уже порядочно времени с того дня, как ты встал перед общиной и произнес: «Сегодня я уже мужчина...». И это означало, что в тот момент ты действительно стал мужчиной. Прошли времена, когда я разрешал и запрещал, теперь я могу только советовать. И я советую тебе забыть об этой затее. Все это — чистая ерунда.

Морри застыл в почтительном, но упрямом молчании.

— Подожди неделю, а потом приходи ко мне, и мы поговорим о твоих планах. Шансы свернуть себе шею в этом предприятии весьма велики, не так ли?

— Ну... да, думаю, да.

— Неделя — не такой уж большой срок, если речь идет о решении покончить жизнь самоубийством. До той поры ничего не говори матери.

— Еще бы!

— Если ты все же решишь лететь, я сам сообщу ей об этом. Но, Морри, нашей маме эта затея явно не понравится.

Наутро Дженкинс-старший позвонил Каргрейвзу и попросил его приехать, если позволяют обстоятельства. Доктор согласился с таким чувством, будто его вызывают «на ковер». В гостиной он застал и мистера, и миссис Дженкинс. Росса не было. Дженкинс обменялся с гостем рукопожатием и усадил его в кресло.

— Сигарету, доктор? Сигару?

— Нет, спасибо.

— Если вы курите трубку, — добавила миссис Дженкинс, — то, пожалуйста, не стесняйтесь.

Доктор поблагодарил ее и с удовольствием принялся набивать трубку табаком.

— Росс недавно рассказал мне странную историю, — приступил к делу мистер Дженкинс. — Если бы я не относился к нему с

доверием, я решил бы, что у него разыгралось воображение на почве переутомления. Может быть, вы сумеете нам все объяснить?

— Постараюсь, сэр.

— Буду вам очень признателен. Итак, правда ли, что вы намерены отправится в путешествие на Луну?

— Чистая правда.

— Понятно. Но верно ли, что вы пригласили участвовать в этой фантастической авантюре Росса и его приятелей?

— Да, — Каргрейвз с удивлением поймал себя на том, что едва не прокусил мундштук трубки.

Мистер Дженкинс пристально посмотрел на него.

— Честно говоря, я удивлен. Даже если проект безопасен и выверен, ваш выбор партнеров кажется мне опрометчивым. Ведь они еще мальчишки.

Каргрейвз объяснил, почему молодые люди кажутся ему вполне подходящими помощниками.

— Во всяком случае, — заключил он, — молодость не помеха. Подавляющее большинство ученых, занятых в проекте «Манхэттен», были очень молоды.

— Но они не были мальчишками, Дон.

— Это верно. Но Исаак Ньютон изобрел интегральное исчисление в юном возрасте. Профессор Эйнштейн опубликовал свой труд по теории относительности в двадцать шесть лет, а сама работа была выполнена еще раньше. В технических науках и физике возраст особой роли не играет. Главное здесь — навыки и способности.

— Даже если и так, доктор, им нужно многому учиться. И потратить немало сил, чтобы подготовиться к работе, которую вы предлагаете. Особенно если речь идет о создании точных приборов и сложных установок. Черт побери, я сам инженер и знаю, о чем говорю.

— При обычных обстоятельствах я бы с вами согласился. Но эти ребята обладают именно тем, что мне нужно. Вы знакомы с их работой?

— Немного.

— И что вы о ней думаете?

— Для своего уровня парни добились вполне приличных результатов.

— Они знают именно то, что нужно для моего предприятия. Они помешаны на ракетах. Проводя исследования, они приобрели солидные знания, необходимые для моей работы.

Мистер Дженкинс немного поразмыслил над этим, потом покачал головой.

— Готов согласиться, что в ваших словах есть доля истины. Но сама затея представляется слишком уж фантастичной. Я не хочу сказать, что космические полеты невозможны. Я уверен, что технические трудности, которые тут возникают, в скором времени будут преодолены. Но космический полет не относится к числу задач, которые решаются в домашней мастерской. Полетами в космос должны заниматься авиационные и другие крупные технические фирмы, но уж никак не вчерашние школьники.

Каргрейвз покачал головой.

— Правительство не желает с этим связываться. Конгресс встретит такое предложение взрывом смеха. Что же до корпораций, то у меня есть основания утверждать, что ни одна из них не станет заниматься такого рода проектом.

Мистер Дженкинс устремил на него испытующий взгляд.

— В таком случае нам с вами, похоже, не дожить до начала космической эры.

— Я бы этого не сказал, — возразил ученый. — Кроме США на Земле есть и другие государства. И я не удивился бы, услышав одним прекрасным утром, что русские вышли в космос. Они располагают высокоразвитыми технологиями и, по-видимому, не скупятся финансировать науку. Вполне возможно, что они первыми создадут космический корабль.

— А если они и впрямь сделают это, что тогда?

Доктор глубоко вздохнул.

— Я ничего не имею против русских: если они обгонят меня и первыми высадятся на Луне, я готов снять перед ними шляпу. Но я предпочитаю нашу систему и полагаю, что это будет черный день для нас. Очень жаль, если они сделают что-то великое и чудесное, а мы с нашей технологией останемся позади. Во всяком случае,— заключил он,— я патриот и хочу, чтобы это сделали мы, а не какая-то другая страна.

Мистер Дженкинс кивнул и сменил тактику.

— Даже если трое ребят обладают нужными знаниями и навыками, я все равно не понимаю, почему вы выбрали подростков. Честно говоря, ваш проект больше всего смущает меня именно этим. Вам гораздо больше подошли бы квалифицированные инженеры и рабочие, а экипаж было бы логичнее составить из опытных пилотов-ракетчиков.

Каргрейвзу пришлось подробно объяснять, каким образом он надеется воплотить замысел при ограниченных средствах. Когда он умолк, мистер Дженкинс сказал:

— Итак, вы берете мальчиков потому, что испытываете финансовые трудности?

— Если вам так угодно, да.

— Не я, а вы сами изложили дело таким образом. Скажу откровенно, я не совсем одобряю ваш образ действий. Я не подозреваю вас в дурных намерениях, но считаю, что вам следовало бы остановиться и еще раз хорошенько все обмозговать. Я ни в коем случае не благодарен вам за то, что вы замутили головы Россу и его друзьям и втянули их в дела, до которых они еще не доросли, причем не посоветовавшись заранее с их родителями.

Дональд Каргрейвз плотно сжал губы, но ничего не ответил. Не рассказывать же, что он всю ночь пролежал без сна, мучимый сомнениями именно такого рода.

— Тем не менее, — продолжал мистер Дженкинс, — я понимаю ваше разочарование и одобряю воодушевление, — его губы тронула слабая улыбка. — Хочу обратиться к вам с деловым предложением. Я предоставляю в ваше распоряжение трех механиков — людей вы сможете подобрать сами — и одного инженера или физика, которые помогут перестроить ракету. Затем я помогу вам укомплектовать экипаж. Я уверен, что найдется много добровольцев, так что мы сможем выбирать, и даже платить не придется. Минутку, — попросил он, видя, что Каргрейвз хочет что-то сказать. — Вы ничем не будете мне обязаны. Мы составим договор, согласно которому, если ваше предприятие удастся, вы отчисляете мне известный процент от премиальных сумм и от гонораров за интервью, лекции, книги и все прочее. Мне кажется, это разумный путь.

Доктор глубоко вздохнул.

— Мистер Дженкинс,— медленно произнес он,— если бы я получил подобное предложение всего неделю назад, я бы прыгал от радости. Но сейчас я не могу его принять.

— Что же вам мешает?

— Я не могу бросить мальчиков. Теперь я в ответе перед ними.

— Ну, а если я скажу, что у Росса нет ни единого шанса получить мое разрешение?

— Это ничего не изменит, но мне придется найти кого-нибудь другого, кто предложил бы мне такие заманчивые условия. От вас я ничего не могу принять. Вы не обессудьте, мистер Дженкинс, но это было бы похоже на подкуп: вы помогаете мне средствами, а я вывожу Росса из игры.

Мистер Дженкинс кивнул:

— Я опасался, что вы посмотрите на дело именно таким образом. Я уважаю вашу щепетильность, доктор. Давайте-ка я позову Росса и сам объявлю ему свое решение.

Он пошел к двери.

— Минутку, мистер Дженкинс.

— Слушаю вас.

— Я хочу сказать, что тоже уважаю вашу щепетильность, и я уже говорил вам, что воплощение замысла сопряжено с немалой опасностью. Я готов рискнуть, но за вами остается право запретить сыну ставить на карту свою жизнь.

— Мне кажется, вы неправильно меня понимаете, доктор Каргрейвз. Конечно, это опасно, и мы обеспокоены. Но я отказываю не поэтому. Я никогда не пытался удержать Росса от чего бы то ни было только из-за опасности. Я разрешил ему учиться водить самолет и даже устроил так, чтобы школа пригласила двух военных инструкторов. Я никогда не удерживал его от экспериментов со взрывчатыми веществами. Я отказываю совершенно по другой причине.

— Тогда позвольте узнать, в чем же она состоит?

— Осенью Росс поступает в технический институт. Считаю, что получить образование гораздо важнее, чем быть первым человеком, высадившимся на Луне.

Он снова отвернулся.

— Если вы боитесь пробелов в его образовании... то, быть может, вы сочтете меня достаточно грамотным преподавателем?

— Что? Ну... разумеется.

— Я берусь поднатаскать мальчиков в технических и физических науках. Я позабочусь о том, чтобы они не остались без профессионального образования.

Мистер Дженкинс на мгновение заколебался.

— Нет, доктор, не будем возвращаться к этому. Инженер без диплома ущербен. И Росс получит диплом, — он быстрым шагом подошел к двери и позвал сына.

— Иду, пап!

Объект их разговора поднялся по лестнице и вошел в комнату. Сначала он посмотрел на Каргрейвза, потом на отца и только затем, на мать, которая молча ему улыбнулась.

— Итак, какой мне вынесен приговор? — спросил он.

Его отец ответил без обиняков:

— Этой осенью ты поступаешь учиться. Я не одобряю вашей затеи.

Росс сжал губы, но промолчал. Помедлив секунду, он обратился к Каргрейвзу:.

— А как Арт и Морри?

— Арт летит со мной. Морри позвонил и сказал, что его отец неодобрительно отозвался о самой идее, но мешать не станет.

— Это что-нибудь меняет, пап?

— Боюсь, что нет. Мне не хотелось бы тебе запрещать, но если речь идет о серьезных решениях, то я несу за тебя ответственность до тех пор, пока тебе не исполнится двадцать один год. Ты должен получить диплом.

— Но... но папа! Посуди сам, ведь диплом — это лишь бумажка! Если полет удастся, я буду достаточно знаменит, чтобы получить любую работу, какую только захочу. А если мы погибнем, никакой диплом мне не понадобится.

Мистер Дженкинс покачал головой.

— Росс, я принял решение.

Каргрейвз заметил, что юноша едва сдерживает слезы. От этого он стал выглядеть старше. Когда Росс снова заговорил, голос его дрожал.

— Папа...

— Да, Росс?

— Если я не могу лететь, то нельзя ли мне хотя бы помочь им с переоборудованием ракеты? Им не помешают лишние руки.

Каргрейвз посмотрел на него с новым интересом. Он понимал, чего стоило мальчику это предложение.

Мистер Дженкинс удивился, но тем не менее сразу ответил:

— Разумеется, можно. Но лишь до тех пор, пока не начнутся занятия в институте.

— Ну, а если к этому времени не все будет готово? Мне не хочется бросать дело на полпути.

— Хорошо. В таком случае можешь работать над проектом до второго семестра. Это моя последняя уступка, — он повернулся к Каргрейвзу. — Я рассчитываю на то, что вы уделите некоторое время образованию.

И опять обратился к сыну:

— На этом закончим, Росс. Когда тебе исполнится двадцать один год, можешь, если будет угодно, рисковать своей головой и лететь на космическом корабле. Откровенно говоря, мне кажется, что ты и тогда не опоздаешь стать первым человеком на Луне.

Он поднялся.

— Альберт...

— Да, Марта? — мистер Дженкинс предупредительно обернулся к супруге.

Она отложила вязание и сказала:

— Позволь ему лететь, Альберт!

— Что? Что ты хочешь сказать?

— Позволь мальчику лететь на Луну. Да, сначала я была против, но доктор Каргрейвз меня убедил. Он прав, а я ошибалась. Нельзя удержать птицу в гнезде. Я была против. Но разве можно ожидать иного от матери? Нашу страну открыли люди, которые не боялись пуститься в дорогу. Прапрадедушка Росса пересек горы в фургоне и освоил те места, где мы теперь живем. Ему тогда было девятнадцать лет, а его жене — семнадцать. В нашей семейной хронике записано, что их родители были против, — она вздрогнула и сломала одну из своих спиц.— Мне непереносима сама мысль о том, что наша кровь охладела.

Миссис Дженкинс поднялась и быстрым шагом вышла из комнаты. Плечи ее супруга поникли.

— Я даю тебе свое согласие, Росс, — тихо сказал он. — Я желаю вам удачи, доктор. А сейчас извините меня...

И он покинул комнату вслед за женой.

5. А ТРУДНОСТЕЙ ВСЕ БОЛЬШЕ

— Далеко еще? — Арт пытался перекричать шум мотора и свист пустынного ветра.

— Посмотри по карте! — ответил Росс и крутанул баранку, чтобы объехать кролика. — Пятьдесят три мили от шестьдесят шестого шоссе до поворота и еще семь миль по проселку.

— От шоссе мы проехали около сорока миль, так что поворот уже совсем скоро, — он окинул взглядом пустынный ландшафт Нью-Мексико. — Скажи на милость! Сколько свободной земли! Одни кактусы да койоты — и куда столько?

— А мне нравится, — ответил Росс. — Смотри, чтобы шляпа не слетела.

Прямая ровная дорога была пуста на много миль вперед, и Росс дал газу. Семьдесят миль... восемьдесят... девяносто... девяносто пять. Колеблющаяся стрелка спидометра приближалась к трехзначной цифре.

— Эй! Росс!

— В чем дело?

— Твоя машина того и гляди развалится. Хочешь нас угробить?

— Эх ты, котенок, — Росс улыбнулся, но все же сбавил обороты.

— И вовсе нет, — возразил Арт. — Если мы свернем себе шеи по пути к Луне, тогда мы — герои. Но погибнуть еще до старта — чистая глупость.

— Хорошо, хорошо... Это тот самый поворот?

Проселок свернул вправо, углубляясь в пустыню. Проехав по нему около четверти мили, автомобиль затормозил у стальных ворот, перегораживающих дорогу. По обе стороны тянулся внушительных размеров забор, увитый колючей проволокой. Табличка на воротах гласила:

ОПАСНО!

Неразорвавшиеся снаряды.

Дальше вы идете на свой страх и риск. Ничего не касайтесь — обо всех подозрительных предметах сообщите властям.

— То, что надо, — сказал Росс. — Ключи у тебя?

За забором располагался заброшенный военный полигон — малая часть из ставших непригодными более чем восьми миллионов акров американской земли, которую можно очистить лишь опасным трудом саперов. Но этот кусок пустыни не стоил затрат и риска, чтобы его расчищать, зато он был идеальным местом для воплощения замыслов Каргрейвза: площади здесь было достаточно и далеко от посторонних глаз. К тому же за полигон не пришлось платить: аренду по просьбе Каргрейвза взяла Ассоциация ученых-ядерщиков.

Арт протянул Россу связку. Тот перепробовал все, но ни один не подошел.

— Ты дал мне не те ключи, Арт... хотя нет. Это те самые, которые прислал нам док.

— И что же теперь делать?

— Попробуем сбить замок.

— Подожди. Такой замок не собьешь. Может быть, перелезем?

— И перетащим на себе оборудование? Не говори глупостей.

К ним приближался автомобиль: скорость его скрадывалась в огромном пространстве пустыни, и казалось, что он еле-еле ползет. Машина остановилась, и из окошка показалась голова мужчины в тропическом военном шлеме.

— Эй, там!

— Сам ты «эй», — пробормотал Арт, а потом добавил: — Доброе утро!

— Что вы здесь делаете, ребята?

— Пытаемся попасть внутрь.

— Вы что, не видите табличку? Впрочем, минутку... Нет ли среди вас некоего Дженкинса?

— Росс Дженкинс — это он. А я — Арт Мюллер.

— Рад познакомиться. Я — здешний управляющий, мое имя О'Бьюканан. Так уж и быть, я впущу вас, хотя не уверен, что это стоит делать.

— А что такое? — Росс заговорил резким тоном, почувствовав, что его принимают за мальчишку.

— Ну... тут на днях произошел небольшой несчастный случай. Поэтому мы сменили замок.

— Несчастный случай?

— Кто-то проник за забор. И в четверти мили отсюда напоролся на мину.

— И... погиб?

— Да. Теперь он мертвее дверной колотушки. Я заметил его из-за слетевшихся стервятников. Ладно, впущу вас: у меня копия выданного вам разрешения. Только давайте без глупостей. Держитесь возле укрытия или на дороге, идущей вдоль линии электропередачи.

— Постараемся быть осторожными, — Росс кивнул.

— Надеюсь. Слушайте, парни, а чего это вам туда приспичило? Кроликов собираетесь разводить?

— Точно. Больших таких кроликов, в восемь футов ростом.

— Да? Ну что ж, не выпускайте их за пределы зоны безопасности, иначе у вас получится гамбургер с крольчатиной.

— Мы будем осторожны, — повторил Росс. — А кто был тот человек, с которым произошло несчастье? И что он делал на полигоне?

— Ни то, ни другое не известно. Стервятники оставили от него только скелет. Личность установить невозможно. Полная ерунда: внутри даже красть-то нечего. Он взлетел на воздух еще до прибытия вашего груза.

— О! Наши ящики уже прибыли?

— Да. Контейнеры составили у ворот. Тот человек был не из местных, — продолжал управляющий. — По обуви видно. Может быть, приехал на машине... Но мы не нашли поблизости никакой машины. Странная история.

— Странная, — согласился Росс. — Но, как бы там ни было, он погиб, и на этом, может быть, все и кончится.

— Верно. А вот и ваши ключи. Да, кстати, — он сунул руку в карман. — Чуть не забыл. Вам телеграмма.

— Нам? Спасибо!

— Вы бы поставили почтовый ящик у дороги, — предложил О'Бьюканан. — Это же чистая случайность, что я ее захватил.

— Так и сделаем, — рассеянно ответил Росс, вскрывая конверт.

— Пока, ребята! — О'Бьюканан завел мотор.

— До свиданья. Спасибо вам.

— И что там? — нетерпеливо спросил Арт.

— Читай сам.

СЕГОДНЯ СДАЛИ ЭКЗАМЕНЫ ТЧК ОТБЫВАЕМ СУББОТУ ТЧК ПОЗАБОТЬТЕСЬ ДУХОВОМ ОРКЕСТРЕ ТАНЦОВЩИЦАХ ДВУХ УПИТАННЫХ ТЕЛЬЦАХ ОДНОГО ПОДЖАРЬТЕ ЧУТЬ-ЧУТЬ ДРУГОГО ПОБОЛЬШЕ НО НЕ ОЧЕНЬ ТЧК (подпись) ДОК И МОРРИ.

Росс улыбнулся.

— Подумать только! Наш старина Морри — дипломированный ракетный пилот! Готов спорить, его шляпа не налезет на раздувшуюся от гордости голову!

— Это верно. Черт! Нам всем следовало бы закончить эти курсы!

— Успокойся. Не мелочись. Нам пришлось бы потратить на них половину лета.

Впрочем, Арт и сам толком не понимал своей зависти. Скорее всего, он завидовал не цели поездки, а тому, что Морри отправился в Спатц-Филд в обществе его боготворимого дяди. Все трое ребят занимались на самолетах-спарках, но Морри пошел дальше и получил настоящие пилотские права. Согласно правилам — сильно устаревшим, по мнению Арта, — дипломированный пилот самолета мог проходить сокращенный курс обучения на пилота-ракетчика. У Каргрейвза были слегка запылившиеся права летчика, полученные пятнадцать лет назад, а он собирался получить права на управление ракетой. И когда он увидел, что Морри может в этом деле помочь, доктору показалось естественным взять парня с собой. Поэтому Арту и Россу пришлось взвалить на себя всю подготовительную работу, а после вдвоем отправиться в пустыню готовить лагерь.

Предупреждение держаться линии электропередачи оказалось весьма уместным: юноши увидели, что полигон изрыт воронками от взрывов и исчерчен следами гусениц транспортеров, танков и тягачей. Укрытие располагалось на огороженной площадке около четверти мили шириной и около мили длиной. В нескольких сотнях ярдов от укрытия начиналось уходящее на многие мили к горизонту пустынное пространство, похожее на покрытое барашками зеленоватое озеро — остекленевший кратер, оставшийся после испытания в 1951 году атомной бомбы — Бомбы ООН Судного Дня. Друзья глазели на открывшуюся картину, позабыв об укрытии и об уложенных неподалеку контейнерах.

Подогнав машину поближе, Росс застыл в удивлении. Арт с уважением присвистнул.

— Представляешь, что там творилось? — произнес Росс сдавленным голосом.

— Не хотел бы я оказаться в этом самом месте... да и поблизости тоже. Представь себе город, на который свалилась такая штука.

Росс покачал головой.

— Арт, не приведи Господь, чтобы им еще когда-нибудь пришлось взрывать такую вот штуку — разве что для проверки, как эту. Если такие бомбы станут разбрасывать налево и направо, это будет конец — гибель нашей цивилизации.

— Они не будут, — заверил его Арт. — Для чего, ты думаешь, создана полиция ООН? Войнам конец. Это любой знает.

— Это знаешь ты и это знаю я. Но иногда я спрашиваю себя: а другие-то это знают?

— Очень плохо, если не знают.

— Да, плохо — для *нас*.

Арт вышел из автомобиля.

— Как ты думаешь, мы сможем туда спуститься?

— Не сейчас. Потом попробуем.

— Думаю, что ни в кратере, ни вокруг него мин не осталось. Ведь был такой взрыв!

— Не спеши. Вспомни нашего приятеля, которого сожрали стервятники. Вполне могли уцелеть мины, которых не коснулась вспышка, ведь взрыв был произведен на высоте пять миль.

— Правда? А я думал...

— Ты думал об испытаниях в Чиуауа. Вот там был наземный взрыв. Поехали. Нам нужно приниматься за работу, — он нажал стартер.

Убежище представляло собой сборную конструкцию, установленную на полигоне после ядерных испытаний. Некоторое время здесь обитали дозиметристы, а потом помещение пустовало.

— Ну и грязища! — негодовал Арт. — Нужно было захватить палатку.

— Ничего особенного. Наведем порядок, и все станет хорошо. У нас есть керосин?

— Целых две бочки.

— Прекрасно. Я попытаюсь разжечь плитку. Неплохо бы поесть.

Убежище выглядело достаточно удобным, хотя изрядно захламленным. Тут имелась даже артезианская скважина: вода оказалась хорошей, хоть и имела необычный привкус. У стен стояли грубо сколоченные нары, не хватало лишь постельных принадлежностей. Кухней служил отгороженный закуток, столовой — сосновый стол, на стенах были укреплены полки и крюки, имелись окна, но самое главное — была надежная крыша над головой. Хотя от плитки воняло керосином, работала она сносно. Росс изготовил яичницу, сварил кофе и поджарил картошку, отделавшись совсем незначительными ожогами. Дополняли завтрак хлеб с маслом и покупной яблочный пирог.

Весь день юноши наводили порядок, разгружали машину и распаковывали самое необходимое. К тому времени как они проглотили ужин — на этот раз его приготовил Арт, — им хотелось лишь одного: разползтись по спальным мешкам. Росс тихонько захрапел, но Арту не спалось. Он прислушивался к отдаленному вою койотов и раздумывал, как бы половчее заткнуть уши. Потом он уснул, а когда проснулся, было уже утро.

— Росс! Подъем!

— А? Что такое?

— Вставай. Уже рассвело.

— Я не выспался, — простонал Росс и рухнул обратно. — Полагаю, завтрак мне подадут в постель.

— Ага, тебе и шести твоим братьям в придачу! Да вставай ты! Сегодня нам надо заливать фундамент для мастерской.

— Эх! — Росс безо всякой охоты расстался с мешком. — Прекрасная нынче погодка! Я, пожалуй, приму солнечную ванну.

— Приготовь лучше завтрак, а я пока сделаю план работ.

— Слушаюсь, Саймон Легри.

Мастерскую предстояло собрать из металлических листов и стоек. Ребята замесили цемент с песком и получили достаточно прочный для временного сооружения бетон. Прежде чем заливать раствором крепежные болты, пришлось распаковать инструменты и сделать разметку. Росс наблюдал за Артом, заглублявшим болты в жидкий бетон.

— Ты уверен, что мы ничего не забыли?

— Конечно. Шлифовальный станок... фрезерный... токарный... — Арт расставлял в списке галочки. — Сверлильный, две пилы...

У них были станки, необходимые для проведения всех работ. Вскоре ребята установили крепления стен мастерской. Они долго выверяли их соответствие крепежным отверстиям листов. До наступления темноты детали конструкции были разложены вблизи соответствующих болтов, и оставалось только собрать коробку.

— Как ты думаешь, проводка выдержит такую нагрузку? — озабоченно спросил Арт, когда они закончили работу.

Росс пожал плечами.

— Мы же не собираемся запускать все станки одновременно. Давай не будем об этом думать, иначе мы никогда не попадем на Луну. Нужно еще вымыть посуду для ужина.

К субботе они установили и испытали станки, и Арту пришлось перемотать обмотку одного из электродвигателей. Все оборудование было разложено по полкам, и помещение приняло божеский вид. Открывая ящики, они обнаружили, что некоторые повреждены. К счастью, груз, по-видимому, не пострадал. Росс не особо по этому поводу переживал, зато Арт встревожился. В поврежденных ящиках было уложено хрупкое электро- и радиооборудование.

— Не волнуйся, — посоветовал Росс. — Не забудь только сказать доку. Ящики были застрахованы.

— Застрахованы на время перевозки, — ответил Арт. — Кстати, как ты думаешь, когда док и Морри будут здесь?

— Трудно сказать... Если поедут поездом, то во вторник или в среду. Если самолетом до Альбукерке, а потом автобусом, то, может, и завтра. Что там такое?

Росс посмотрел в небо.

— Где? — спросил Арт.

— Вон там. Правее — видишь? Ракета!

— Действительно. Наверное, военная: мы находимся вдали от коммерческих трасс. Смотри-ка, они включили носовые дюзы!

— Неужели приземляются? Хотят сесть здесь?

— Ты так думаешь?

— Не знаю. Я думаю... да, они летят сюда! Не может же это...

Его слова потонули в громе тормозящей ракеты, напоминающем грохот поезда-экспресса. Перед тем как включить тормозные двигатели, ракета шла на сверхзвуковой скорости, так что им казалось, что ее движение происходит бесшумно. Пилот совершил мягкую посадку и последними вспышками верхних и нижних дюз опустил ракету не более чем в пятистах ярдах от ребят.

Они побежали к ракете. Когда они, задыхаясь, добрались до гладкого серого корпуса корабля, люк над плоскостями стабилизаторов распахнулся и оттуда выпрыгнул высокий человек, а сразу за ним — еще один, пониже.

— Док! Док! Морри!

— Эгей! — крикнул Каргрейвз. — Вот и мы! Завтрак готов?

Морри расправил плечи, едва не лопаясь от возбуждения.

— Это я совершил посадку, — заявил он.

— Ты?! — недоверчиво переспросил Арт.

— Конечно. Почему бы и нет? У меня теперь есть права. Хочешь взглянуть?

— «Выдано пилоту Абрамсу», — прочитал Росс. — Но почему ты не спланировал? Ведь ты посадил ее практически на одних двигателях.

— Я тренировался перед посадкой на Луну.

— Тренировался, говоришь? Нет уж, пусть док пообещает, что посадку совершит он, иначе я не полечу.

Вмешался Каргрейвз:

— Тише, тише. Ни я, ни Морри не будем пытаться сажать ракету в безвоздушном пространстве.

Морри смутился. Росс спросил:

— Так кто же...

— Сажать ракету будет Арт.

Арт проглотил застрявший в горле комок.

— Кто? Я?

— Некоторым образом — да. Садиться будем по радару. Мы не можем рисковать, сажая ракету на двигателях, это слишком трудная вещь; ведь если случится авария, пешком домой не доберешься. Арту нужно будет переделать систему управления так, чтобы посадку делал автопилот. Но и Морри должен быть наготове, — и, бросив взгляд на лицо юного пилота, доктор продолжал: — У Морри реакция гораздо быстрее моей. У меня уже годы не те. Так что же с завтраком? Я хочу побыстрее переодеться и заняться делом.

На Морри был летный комбинезон, а на Каргрейвзе — его лучший дорожный костюм.

— Что это за одежда? — спросил Арт, разглядывая дядю. — Непохоже, что вы готовились к ракетному перелету. Кстати, мне казалось, что ракету сюда перегонят без вас.

— Планы изменились. Из Вашингтона я отправился прямо на ракетодром, и Морри уже ждал меня там. Корабль был готов, так что мы решили перегнать его сами и сэкономили на этом около пятисот долларов.

— А как дела в Вашингтоне? — озабоченно спросил Росс.

— Все в порядке. Нам очень помогла юридическая служба Ассоциации. Вам осталось подписать только несколько бумаг. Кстати, чего это мы чешем языками? Давайте завтракать, и после этого мы с Россом займемся защитой.

Росс и доктор провели три дня, выполняя грязную и тяжелую работу — они разбирали топливную систему кормовых дюз. Носовые и тормозные двигатели, которые использовались только при маневрах, было решено оставить на месте. Они работали на анилине и азотной кислоте; Каргрейвз пожелал сохранить их, чтобы избежать трудностей, связанных со сложностью включения и

выключения тяги атомных двигателей. Попутно они делились друг с другом новостями. Росс рассказал доктору о несчастном случае с неизвестным. Каргрейвз слушал в пол-уха, но когда речь зашла о сломанных ящиках, он отложил в сторону инструменты и вытер со лба пот.

— Ну-ка, расскажи подробнее, — попросил он.

— Ничего особенного не произошло. Содержимое ящиков не пострадало.

— Ты упоминал о погибшем. Думаешь, это он рылся в наших вещах?

— Ну... мне тоже сначала так казалось, но потом я вспомнил, что здешний управляющий говорил, будто бы к моменту прибытия груза стервятники объели того парня до костей.

Каргрейвз с озабоченным видом поднялся на ноги.

— Куда вы, док?

— Продолжай работу, — рассеянно ответил ученый. — А я пойду поговорю с Артом.

Росс хотел что-то сказать, но передумал и взялся за инструменты.

— Арт, — сказал Каргрейвз. — Что вы собираетесь сейчас делать, ты и Морри?

— Мы готовим астрогационные приборы. Лично я проверяю схему интегратора ускорений. Похоже, гироскоп потерял центровку.

— Если ты внимательно прочтешь инструкцию, то поймешь, что так и должно быть. Впрочем, об этом потом. Ты не мог бы установить на площадке электронную сигнализацию?

— Конечно, была бы только аппаратура.

— Рассуждать о том, что было бы, «если», бесполезно. Меня интересует, нельзя ли что-нибудь сделать при помощи уже имеющегося оборудования?

— Минутку, дядя Дон, — возразил юный конструктор. — Скажите мне, чего вы хотите, и я отвечу, смогу ли я это устроить.

— Извини. Я хотел бы окружить сигнализацией ракету и убежище. Это возможно?

Арт почесал затылок.

— Надо подумать. Для этого потребуются фотоэлементы и ультрафиолетовая лампа. Все остальное есть. Еще у меня есть два экспонометра. Из них получатся хорошие фотоэлементы, вот только как быть с ультрафиолетом? Если бы у нас была кварцевая лампа, можно было бы поставить фильтр. А если свет электрической дуги?.. Ладно, что-нибудь придумаем.

Каргрейвз покачал головой.

— Нет, это ненадежно. За дугой нужно непрерывно следить, так что кому-то придется всю ночь дежурить возле установки. Больше ты ничего не можешь предложить?

— Ну, можно взять термопары и выделить инфракрасное излучение из света обычного прожектора.

— Сколько времени это займет? Необходимо подготовить все до наступления ночи. На худой конец можно натянуть поверх забора проволоку и пустить по ней ток.

— Ну что ж, так и сделаем, — ответил Арт. — О! У меня идея!

— Что такое?

— Вместо того чтобы подводить к проволоке высокое напряжение и надеяться на то, что злоумышленника шарахнет током, я лучше приложу один-два вольта, а концы провода подключу к мощной акустической системе. Можно сделать так, что при прикосновении к забору из динамика раздастся что-то вроде собачьего лая. Годится?

— Это уже лучше. Сигнализация нужна немедленно. Бери Морри и тут же приступай к работе, — Каргрейвз вернулся к своему занятию, но не мог сосредоточиться. Его вновь одолели сомнения, которые зародились еще во время поиска ранившего его осколка. Его ясный ум, привыкший к порядку, противился всему загадочному и непонятному.

Через час он пошел посмотреть, как движутся дела у Арта. Чтобы выйти наружу, ему пришлось пройти через рубку управления, в которой он застал Морри. Каргрейвз нахмурил брови.

— Слушай, парень, — сказал он, — а я думал, что ты помогаешь Арту.

— Ах, это? — произнес Морри с отрешенным выражением на лице. — Да, он что-то такое говорил, но я же занят.

Он указал на вскрытый бортовой компьютер.

— А разве Арт не сказал тебе, что это я попросил тебя ему помочь?

— Да, но Арту совсем не нужно, чтобы я ему помогал. С этим делом он и один легко справится.

Каргрейвз присел.

— Слушай, Морри, — медленно сказал он, — думаю, нам стоит всегда говорить откровенно. Ты когда-нибудь задумывался над тем, кто будет заместителем начальника экспедиции?

Морри промолчал. Каргрейвз продолжил:

— Ты, конечно. Ты — наш второй пилот. Если со мной что-нибудь случится, оставшиеся члены экипажа должны будут подчиняться тебе. Ты это понимаешь?

— Арту это не понравится, — тихо проговорил Морри.

— Если все будет делаться, как сейчас, то — да. Арт очень обижен, но его нельзя судить слишком строго. Он разочарован тем, что права пилота достались не ему.

— Но я же не виноват?

— Нет, но исправить положение должен ты. Ты обязан вести себя так, чтобы те двое при необходимости подчинялись тебе с охотой. Нам предстоит тяжелое испытание, и наше путешествие не пикник. Быть может, наши жизни будут зависеть от того, насколько быстро и беспрекословно будут выполняться распоряжения командира. Лично я предпочел бы видеть своим заместителем Росса — он гораздо серьезнее тебя. Но в силу обстоятельств этот пост достался тебе, и ты должен научиться ему соответствовать. Иначе наш замысел обречен на провал.

— Да нет же, у нас все получится! Мы не можем отказаться от нашего дела.

— Верно. Трудность заключается в том, — продолжал Каргрейвз, — что молодым американцам позволяют жить свободной и беззаботной жизнью. И это прекрасно. Мне нравится, что мы можем себе это позволить. Но настает время, когда о легкомыслии надо забыть. Человеку приходится учиться подчиняться приказам и выполнять их точно и беспрекословно. Ты понимаешь, к чему я клоню?

— Вы хотите, чтобы я вернулся в мастерскую и помог Арту.

— Точно. — Каргрейвз подтолкнул Морри к выходу и хлопнул его по спине. — А теперь иди!

Морри остановился в дверях и, обернувшись через плечо, отчеканил:

— Не беспокойтесь, док. Я смогу выправить курс и лететь куда надо.

— Вас понял!

Каргрейвз решил, что заодно ему придется поговорить и с Артом.

6. ТРЕВОГА В ПУСТЫНЕ

Скафандры прибыли на следующий день, и работу, к неудовольствию Каргрейвза, пришлось приостановить. Но юноши были вне себя от радости, увидев зримое доказательство того, что они готовятся прогуляться по Луне. Доктор скрепя сердце позволил ребятам опробовать костюмы и привыкнуть к ним. Скафандры представляли собой усовершенствованные стратосферные костюмы, разработанные для ВВС. Они напоминали водолазные, но не были такими неуклюжими. Шлемы имели форму шара и были изготовлены из плексигласа, а для прочности покрыты слоем поливинила. Обогрева у скафандров не было.

Вопреки распространенному заблуждению, вакуум открытого космоса ни горяч, ни холоден: у него вообще нет температуры. Находясь на поверхности лишенной атмосферы Луны, человек принимает и отдает тепло либо посредством излучения, либо через прямой контакт с лунной почвой.

Поскольку температура Луны колеблется от абсолютного нуля до невероятной жары, Каргрейвз снабдил подошвы асбестовыми прокладками. Куски асбеста были также закреплены на скафандрах сзади, и теперь путешественники могли сидеть, не боясь замерзнуть или поджариться. Экипировку дополняли перчатки из того же материала. Скафандры были так хорошо теплоизолированы и герметичны, что тепло, выделяемое телом, с лихвой перекрывало утечку энергии на излучение. Каргрейвз жалел о том, что нельзя установить термостатический контроль, но подобные

усовершенствования пришлось оставить разведчикам и колонистам, которые высадятся на Луне в будущем.

К шлемам вели трубки, присоединенные к баллонам с кислородом. Баллоны были гораздо крупнее и тяжелее, чем аналогичное оборудование у летчиков. На Земле баллоны можно было поднять лишь с большим трудом, но на Луне, где сила тяжести вшестеро меньше, они покажутся совсем легкими.

Скафандры устаревших конструкций были очень жесткими, и каждое движение в них давалось с трудом. Примерив свой костюм, Каргрейвз отметил, что тот совсем его не стесняет, даже когда Росс по его просьбе накачал в скафандр воздух до трех атмосфер. Похоже, что постоянство объема — предполагаемая характеристика соединений де Кампа — было реальностью.

Доктор позволил мальчикам поэкспериментировать и дополнить тем самым лабораторные испытания, проведенные фирмой-изготовителем. Затем скафандры передали Арту, который должен был установить в них приборы для радиосвязи.

На следующий день все четверо занялись переоборудованием двигательной установки. По расчетам доктора, в ближайшее время должно было прибыть ядерное топливо — торий, и к этому моменту нужно было собрать противорадиационный щит. Он состоял из слоев свинца, стали и органического пластика. Расположение листов было рассчитано так, чтобы добиться максимального экранирующего эффекта и уберечь экипаж от альфа-, бета-, гамма-излучений и нейтронных потоков. Из всех этих излучений наибольшей проникающей способностью обладают гамма-лучи, более всего похожие на обычный рентген.

Альфа-частицы представляют собой ядра гелия, бета-излучение состоит из обычных электронов, движущихся с чрезвычайно большой скоростью. Нейтроны — это электрически нейтральные частицы, их масса составляет основную часть веса атомных ядер. Именно нейтроны инициируют взрыв ядерной бомбы.

Все перечисленные излучения опасны для жизни и здоровья.

Было решено изолировать реактор только со стороны внутренних помещений ракеты, поскольку излучение в открытый космос не могло повредить экипажу. Морри посадил ракету за

забором так, что соплами она была нацелена на убежище. Теперь корабль нужно было повернуть таким образом, чтобы сопла смотрели в противоположную от убежища сторону и смертоносное излучение ториевого реактора было направлено к кратеру, оставшемуся после испытания бомбы. Туда же при испытательных запусках должен был отводиться выхлоп работающих двигателей.

Ракету разворачивали при помощи гидравлических домкратов и своих собственных мышц, и всем пришлось изрядно попотеть. Это тебе не на ракетодроме, где для подобных целей имеются краны и подвижные лебедки. Ракету удалось развернуть только к вечеру. По окончании работы Каргрейвз объявил, что завтра будет выходной день, а сейчас они совершат долгожданную экскурсию в кратер, оставшийся после взрыва бомбы.

Это место так часто снимали и показывали в кино, что мальчики не ожидали от посещения каких-либо острых ощущений, тем более что они успели насмотреться на кратер издалека. Но от зрелища опустошения, безжизненности протянувшейся на мили корки остекленевшей земли у них по телу побежали мурашки.

Каргрейвз шагал впереди со счетчиком Гейгера в руках. При помощи таких приборов в Канаде во время войны искали урановую руду. Профессор взял его главным образом для того, чтобы мальчики зарубили себе на носу, как осторожно следует обращаться с радиоактивными материалами. Каргрейвз, разумеется, не ожидал услышать в наушниках треск, который свидетельствовал бы об угрозе. Испытания проводились давно, так что мрачного вида воронка была не более опасна, чем мертвые улицы Хиросимы.

Но вид прибора подготовил мальчиков к той лекции, которую доктор им собирался прочесть.

— А теперь послушайте, парни, — сказал он им по возвращении. — Послезавтра привезут торий. С этого момента все шуточки в сторону. Торий опаснее любого яда. Вы должны помнить об этом постоянно.

— Еще бы! — сказал Арт. — Об этом мы знаем.

— Вы знаете об этом чисто теоретически. А мне хотелось бы, чтобы это знание крепко-накрепко засело в ваших мозгах. Мы отметим незащищенную местность между дюзами и забором.

Если ветер сдует с вас шляпу и она попадет в эту зону, то пусть она остается там и гниет, но вы ни в коем случае не должны забирать ее оттуда.

На лице Росса появилось недоверчивое выражение.

— Минутку, док. Неужели кратковременное облучение может нанести такой вред?

— Вероятно, нет, — согласился Каргрейвз. — Но при условии, чтобы больше ты не облучался. Но все мы будем постоянно получать определенную дозу, даже если установим защиту. Радиоактивное заражение имеет аккумулирующий эффект, то есть доза постепенно накапливается. Поэтому, если есть возможность избежать облучения, ею нужно непременно воспользоваться. Это повысит шансы, если вы схватите действительно большую дозу. Арт!

— Слушаю вас, сэр!

— С этой минуты ты — наш санитарный врач. Ты должен следить за тем, чтобы каждый из нас постоянно носил в кармане пленочный индикатор и — я повторяю, постоянно! — индивидуальный электроскоп. Я требую, чтобы ты проявлял пленки и проверял исправность электроскопов согласно инструкции по пользованию. Ты должен вести записи и по утрам в пятницу докладывать мне. А если произойдет что-нибудь особенное, то и чаще. Понял меня?

— Все ясно, док!

— Помимо этого, ты должен регулярно раз в неделю отсылать в город пробы крови каждого из нас.

— Может, мне самому научиться делать анализы? — предложил Арт.

— Оставь это профессионалам. У тебя достаточно забот с электронным оборудованием, ты должен постоянно поддерживать его в рабочем состоянии. И вот еще что... — Каргрейвз оглядел всех троих, желая убедиться, что его слушают внимательно. — Если пленки или анализы покажут, что кто-то из вас схватил лишнюю дозу, я буду вынужден отправить его домой для лечения. И не надейтесь, что вам удастся упросить меня не делать этого. Вы здесь поставлены в жесткие рамки — не мной, а законами природы. Если кто-то из вас проявит легкомыслие, он моментально выбывает из игры и нам придется найти ему замену.

Юноши внимательно слушали.

— Док? — сказал Арт.

— Что?

— А если лишнюю дозу получите вы?

— Я? Вряд ли. Но ежели так случится — смело гони меня пинками за ворота, я боюсь этой гадости. И тем не менее, — продолжил он, но уже серьезно, — ты будешь проверять меня так же, как и всякого другого. А теперь давайте ужинать. Арт и Морри будут дежурить ночью, а Росс — сразу после еды. Завтра нам с ним вставать в пять утра, так что придется лечь спать пораньше.

— Хорошо. А что вы будете делать завтра?

— Поедем в Альбукерке. Нужно кое-что купить, — ответил доктор, но подробнее объяснять не стал. Он уже жалел, что на полигоне не было оружия. Поначалу оно показалось ему никчемной дорогой игрушкой. Очень многие люди, прожившие в пустыне многие годы, так и не нашли, во что бы такое выстрелить, кроме собственного виска, говорил мальчикам Каргрейвз. Что же до путешествия, о котором они мечтали, то кого можно было надеяться подстрелить на Луне?

Но следы непрошеных гостей, которые умудрялись пролезать даже в запретную, огражденную зону, начинали действовать доктору на нервы. Электронное устройство, установленное Артом, подвергалось еженощной проверке, и юноша даже спал в наушниках, подключенных к системе сигнализации; до сих пор она не срабатывала, но обманчивая тишина успокоить Каргрейвза не могла. В три часа ночи Арт потряс доктора за плечо.

— Док! Док! Проснитесь!

Каргрейвз зажмурился от яркого света, ударившего ему в глаза.

— Что? Что случилось?

— Я слышал, как один из динамиков рявкнул!

Профессор моментально вскочил с кровати. Они с Артом склонились над громкоговорителем.

— Ничего не слышу.

— У меня поставлена малая громкость, но послушайте — вот, опять! — слышите? — На сей раз из динамика послышался отчетливый звук. — Будить остальных?

— М-м-м... да нет, пожалуй. Зачем ты включил свет?

— Честно говоря, я испугался, — признался Арт.

— Понятно. — Каргрейвз натянул брюки и обулся. — А теперь выключи-ка на десяток секунд свет — я полезу в окно. Если через двадцать минут я не вернусь или ты услышишь что-нибудь подозрительное, то буди остальных и бегом мне на выручку. Но только держитесь вместе, ни в коем случае не разделяйтесь, — он сунул в карман фонарик. — Ну, я пошел.

— Вам не следует идти одному.

— Мне кажется, мы уже договорились на этот случай.

— Да, но... ну ладно, — Арт встал возле выключателя.

Каргрейвз вылез в окно и, прежде чем свет зажегся опять, успел, неслышно ступая, обойти вокруг мастерской. Он затаился в тени и дождался, пока глаза не привыкли к темноте. Стояла безлунная, по-пустынному черная ночь. На востоке сияло созвездие Ориона. Через некоторое время доктор начал различать очертания кустов полыни, столбы ограды и контуры ракеты, лежавшей в сотне ярдов от него.

Замок на дверях мастерской был не тронут, а окна плотно закрыты. Доктор направился к ракете, стараясь как можно меньше шуметь. Люк был полуоткрыт. Каргрейвз никак не мог припомнить, кто последним покидал ракету — он или Росс. Даже если это и был Росс, все равно маловероятно, что он забыл закрыть люк.

Приблизившись к ракете вплотную, доктор ощутил, как его тело покрылось мурашками. Он еще раз пожалел, что так долго тянул с покупкой оружия. Револьвер сорок пятого калибра, несомненно, прибавил бы ему уверенности в себе.

Каргрейвз распахнул люк, быстро пробрался внутрь и шагнул в сторону от проема, в котором его силуэт мог бы стать отличной мишенью. Он всматривался в темноту, прислушиваясь и пытаясь унять бешеный стук сердца. Убедившись в том, что вокруг царит тишина, достал фонарик и включил его, держа в вытянутой руке.

В рубке никого не было. Доктор облегченно вздохнул и пошел к двигательному отсеку. Никого. И, кажется, все цело.

Он покинул корабль, продолжая двигаться осторожно. Плотно прикрыл люк. Затем зашагал вокруг убежища и мастерской,

пытаясь убедить себя в том, что на территории нет посторонних. Но в слабом свете звезд на площадке могли укрыться человек пятьдесят — им стоило лишь припасть к земле и не шуметь.

Каргрейвз вернулся в убежище и свистнул Арта.

— Двадцать минут уже почти вышли, — с упреком сказал тот. — Я уже собирался будить остальных и идти за вами. Что-нибудь обнаружили?

— Ничего. Сигнализация молчала?

— Ни звука.

— Может быть, койот пробрался сквозь внешнее ограждение?

— А как он мог это сделать?

— Прокопал дыру под забором. Ведь здесь есть койоты. Мы же слышали, как они воют.

— По вою не определишь, далеко они или нет.

— Нет, вы только послушайте эту старую пустынную крысу! Ладно, оставь свет и иди спать. Я подежурю. Все равно через час мне вставать. Лезь в мешок. — Док закурил трубку и задумался.

По дороге в Альбукерке у доктора не было времени вспоминать о событиях прошедшей ночи. Росс, как всегда, гнал машину на полной скорости, так что Каргрейвз думал лишь о бренности своего существования и о том, как бы не потерять шляпу. Но Росс ехал так быстро, что у них оказалось достаточно времени на покупки.

Каргрейвз приобрел по дешевке две списанные армейские винтовки Гаранда и полицейский револьвер тридцать восьмого калибра. У него слюнки потекли, когда он рассматривал новенькое охотничье ружье с оптическим прицелом, но денег оставалось мало; еще пара таких непредусмотренных трат или задержка старта — и их компания могла бы остаться на мели.

Он заказал для путешествия комплекты армейских пайков с рационами «Си» и «Кей». Пока клерк оформлял заказ, Росс потихоньку спросил:

— В большинстве фантастических романов пишут, что космические путешественники лишь глотают пилюли с питательными концентратами. Неужели, и вправду, когда-нибудь дойдет до такого? Как вы думаете?

— Нет уж, меня увольте, — ответил Каргрейвз. — Сами глотайте таблетки, если хотите. Лично я предпочитаю пищу, в которую можно вонзить зубы.

— Это точно, — сказал Росс.

Они зашли в питомник, где доктор купил три дюжины молодых корней ревеня. Он планировал поддерживать кислородно-углекислотный баланс воздуха при помощи особой системы регенерации и надеялся обеспечить ее работу за счет жизненного цикла растений. Можно было взять с собой достаточное для полета количество жидкого кислорода, но, располагая возможностью регенерировать воздух, они смогли бы оставаться на Луне, пока не кончится вся провизия.

Доктор приобрел также химические удобрения, необходимые для выращивания растений на гидропонике. Покончив с делами, они купили себе по молочному коктейлю с шоколадом и, закусив гамбургерами, поспешили вернуться в лагерь. Из мастерской им навстречу выбежали Морри и Арт.

— Привет, док! Здорово, Росс! Какие новости?

Росс показал им оружие. Арт пожелал немедля опробовать винтовки; Каргрейвз не возражал. Морри пошел было следом, но потом вернулся и сказал:

— Да, кстати, док! Сегодня к нам приезжал инспектор из ГА.

— Кто?

— Инспектор гражданской аэронавтики. У него было от вас письмо.

— От меня? И что же было в этом письме?

— Там было требование прислать инспектора, который проверил бы перестроенные агрегаты и признал бы ракету годной для полета. Я сказал ему, что она еще не готова.

— А что еще ты ему сказал? Говорил ли ты ему, что наша ракета на ядерной тяге?

— Нет, но он, похоже, сам знал об этом. И о том, что мы собираемся отправиться в космос, он тоже знал. Кстати, почему, док? Мне казалось, что вы это держите в тайне.

— Мне тоже так казалось, — с досадой в голосе произнес Каргрейвз. — Так о чем ты ему рассказывал?

— А ни о чем. Я решил, что эти переговоры лучше оставить вам, так что попросту прикинулся дурачком. И Арт тоже. А что? — озабоченно спросил он. — Может быть, мы поступили неправильно? Я знал, что он прибыл из Бюро, но решил, что ему лучше потолковать с вами. Может быть, мы его чем-то обидели?

— Жаль, что вы не довели его до припадка, — с яростью ответил Каргрейвз. — Никакой это не инспектор. Все это была липа.

— Как? Но почему... у него же было ваше письмо.

— Фальшивка. Готов поспорить, что он прятался где-нибудь за забором и дожидался, пока я не уеду. Вы оставляли его одного?

— Нет. Хотя... да, один-единственный раз, примерно на пять минут. Мы вошли в корабль, и он послал меня за фонариком. Мне очень жаль. — Морри выглядел очень виноватым.

— Забудь об этом. Ты всего лишь проявил нормальную вежливость. Откуда тебе было знать, что он жулик? Интересно, как он преодолел забор? Он приехал на машине?

— Да. Я... А ворота были закрыты?

— Закрыты, но он, должно быть, задурил голову охраннику и тот впустил его.

Беседуя, они шли к кораблю. Каргрейвз быстро осмотрел ракету, но не обнаружил ничего подозрительного. Похоже, непрошеный гость не нашел того, что искал, — возможно, потому, что двигатели еще не были установлены. Доктор все еще думал о замке на воротах.

— Я хочу поехать проверить ворота, — заявил он. — Скажи об этом ребятам.

— Я сам отвезу вас.

Ни один из юношей не доверял Каргрейвзу водить машину. Это было единственное, в чем они могли ему дать фору. Стиль вождения доктора казался им очень уж старомодным.

— Ну ладно. Только побыстрее.

Морри побежал к Россу и Арту, которые все продолжали палить из винтовок по ни в чем не повинным консервным банкам, и что-то им прокричал. Через несколько секунд он запустил мотор и уже был готов ехать, когда рядом с ним на сиденье опустился Каргрейвз. Замок оказался цел, но одно из звеньев цепи было перепилено и теперь вместо него красовался кусок проволоки.

— Все ясно, — сказал Каргрейвз.

— Может быть, заменим цепь? — предложил Морри.

— А что толку? Он и ее перепилит.

Назад они возвращались подавленные. Каргрейвз хмурился, а Морри был раздосадован тем, что не разоблачил обманщика и не задержал его. Теперь, когда он вспоминал об этом, ему рисовалась куча драматических сюжетов схватки. Каргрейвз велел ему молчать до конца обеда. И лишь когда миски были помыты, он сам рассказал остальным о том, что произошло. Арт и Росс восприняли его рассказ серьезно, но без видимого возбуждения.

— Так вот как все это выглядит, — сказал Росс. — Похоже, кому-то мы стали поперек горла.

— Вот гад, — тихо проговорил Арт. — Он мне еще тогда не понравился. Эх, попадись он на мушку моей винтовки!

— Может быть, тебе еще представится такая возможность, — ответил доктор. — В общем, ребята, я уже давно чуял здесь что-то неладное...

— Еще бы! Нам это стало понятно с того момента, когда вы велели устроить сигнализацию.

— Верно. Одного не могу понять — кому все это понадобилось. Если тут простое любопытство, тогда понятно, раз уж сведения о предстоящем полете в космос попали в чужие руки. Но этот кто-то уж очень настырен, и я не думаю, что причина такой настырности — праздная любознательность.

— Готов поспорить, что он хочет выкрасть ваш атомный двигатель, дядя Дон.

— Хотя это и весьма распространенный приключенческий сюжет, в такой краже мало смысла. Если кто-то узнал о моем двигателе, ему гораздо проще подать в комиссию заявку на лицензию и использовать патент по своему усмотрению.

— Может быть, он считает, что вы утаили от комиссии какие-либо секреты?

— В таком случае он может оставить залог и потребовать экспертизы, вместо того чтобы подделывать письма и взламывать замки. Если бы ему удалось доказать, что я мошенничаю, меня посадили бы в тюрьму.

— Нужно думать не о том, зачем он шпионит, — заявил Морри, — а о том, что мы можем сделать, чтобы его остановить. Мне кажется, стоит учредить ночные дежурства, — он посмотрел на винтовки.

— Нет, — возразил Каргрейвз. — Сигнализация, разработанная Артом, лучше всякой охраны. Ночью здесь ничего не видно, я сам в этом убедился.

— Скажите, — вмешался Арт, — а что если я установлю на крыше убежища навигационный радар? Сканируя поверхность площадки, мы могли бы видеть все, что на ней происходит.

— Нет, — ответил Каргрейвз. — Мне бы не хотелось рисковать оборудованием. Радар гораздо больше пригодится нам при посадке на Луну, чем при выслеживании шпионов.

— Но это совершенно не повредит радару!

— И все же я уверен, — настаивал Морри, — что лучшим средством был бы хороший заряд свинца!

— А еще лучше, — подхватил Арт, — надеть наушники со шнуром длиной метров в триста, и я берусь при помощи радара навести вас на шпиона даже в кромешной тьме.

— Звучит здраво, — согласился Морри.

— Не увлекайтесь, ребята, — успокоил их доктор. — Мы не на диком Западе. Если вы думаете, что можно пристрелить человека лишь за то, что он перелез через забор, то очень скоро увидите, что у суда на эти вещи совершенно другая точка зрения. Вы, похоже, начитались комиксов.

— Да я их и в руки-то никогда не беру, — сердито возразил Арт. А потом добавил: — По крайней мере, не часто.

— Если нам нельзя стрелять, то тогда зачем мы купили оружие? — допытывался Росс.

— Хороший вопрос. Стрелять можно, но только в целях самообороны; и вообще, я запру все оружие в мастерской, а то вскоре вы тут превратитесь в шайку дикарей с налитыми кровью глазами и непреодолимым желанием в кого-нибудь выстрелить. Оружие здесь для того, чтобы пугать непрошеных гостей. Вы можете стрелять, но до тех пор, пока они не откроют по вам огонь, стреляйте только в воздух.

— Хорошо.

— Согласен.

— Пусть только попробуют стрелять!

— Есть еще какие-нибудь предложения?

— Только одно, — ответил Арт. — А вдруг наш приятель обрежет электропроводку? Мы целиком зависим от нее — свет, радио, даже система сигнализации. Стоит нам лечь спать, и он сможет отключить энергию и спокойно разгуливать здесь, а мы даже знать об этом не будем.

Каргрейвз кивнул.

— Да, я должен был это предусмотреть, — он немного подумал. — Давайте-ка займемся резервной линией и подключим сигнализацию к ракетным аккумуляторам. А завтра проведем запасную линию освещения, — он поднялся на ноги. — Пошли, Арт. Остальные пусть садятся за учебники. Уже пора заниматься.

— Заниматься? — запротестовал Росс. — Сегодня мне никакая наука не полезет в голову!

— А ты запихивай через силу, — доктор был неумолим. — Были люди, которые умудрялись писать книги в ожидании виселицы.

Ночь прошла спокойно. Рано утром Росс и доктор отправились к ракете, оставив Морри и Арта подсоединять к автомобильной батарее линию освещения. Каргрейвз хотел закончить все приготовления до прибытия тория. Забравшись в корабль, они с жадностью принялись за работу. Доктор начал раскладывать инструменты, а Росс, фальшиво насвистывая какую-то мелодию, протиснулся к щиту.

Каргрейвз поднял взгляд и увидел ослепительно-яркую вспышку, а потом ударившая в лицо взрывная волна швырнула его о борт корабля.

7. НАС НИЧТО НЕ ОСТАНОВИТ!

Арт тряс его за плечо.

— Дядя! — умолял он. — Очнитесь! Вы ранены?

— Росс... — невнятно прошептал Каргрейвз.

— Это я, Арт!

— А Росс — что с ним? Он жив?

— Не знаю. С ним Морри.

— Пойди и узнай.

— Но вы...

— Я же говорю, пойди и посмотри...

Каргрейвз вновь впал в забытье. Когда он опять пришел в себя, то снова увидел склонившегося над ним Арта.

— Дядя, — сказал мальчик, — торий уже привезли. Что нам делать?

Торий... Торий? Голова его раскалывалась на части, и он никак не мог связать с этим словом ничего определенного.

— Сейчас... я приду... А что с Россом? Он жив?

— Жив.

— Сильно ранен?

— Кажется, больше всего пострадали глаза. Внешних повреждений он не получил, но ничего не видит. Так что делать с торием, дядя?

— К черту торий! Пусть его увозят обратно.

— Что?

Каргрейвз пытался подняться на ноги, но он был слишком слаб, голова кружилась. Он вновь уронил голову и попытался привести в порядок вихрь мыслей, проносившихся у него в мозгу.

— Не валяй дурака, Арт, — еле слышно пробормотал он. — Торий нам больше не понадобится. Путешествие закончено, и мой замысел был сплошным недоразумением. Отошли эту отраву назад.

Все плыло перед его глазами, и он зажмурился.

— Росс...

Он вновь пришел в сознание от прикосновения чьих-то рук. Арт и Морри осторожно, но настойчиво ощупывали его.

— Спокойно, док, — послышался голос Морри. — Ну, — юноша нахмурил брови, — с Россом, кажется, все в порядке, за исключением глаз. Но он говорит, что чувствует себя нормально.

— Он... ослеп?

— В общем, он ничего не видит.

— Его нужно срочно отвезти в больницу. — Каргрейвз уселся и попытался встать на ноги. — Ох! — простонал он и вновь опустился на пол.

— Нога, — догадался Арт.

— Давай-ка посмотрим. Сидите спокойно, док.

Мальчики осторожно сняли ботинок с его левой ноги и стянули со ступни носок. Морри внимательно осмотрел ногу.

— Что думаешь, Арт?

— Или растяжение, или перелом, — ответил Арт, изучив ступню. — Хорошо бы сделать рентген.

— Где Росс? Надо его в больницу... — настаивал Каргрейвз.

— Конечно, конечно, — согласился Морри, — и вас вместе с ним. Мы уже перенесли Росса в помещение.

— Я хочу на него посмотреть.

— Сейчас. Подождите секунду, я только подгоню машину.

Доктор проковылял к люку, опираясь на здоровую ногу и плечо Арта. Спускаться на землю было очень больно и, добравшись до машины, доктор с большим облегчением опустился на сиденье.

— Кто там? — спросил Росс, когда доктор входил в комнату, опираясь на своих юных товарищей.

— Это мы, — ответил Арт.

Каргрейвз увидел Росса, лежащего на койке с носовым платком на глазах, и проковылял к мальчику.

— Как ты, парень? — обеспокоенно спросил он.

— А, это вы, док. Все в порядке. Я могу выдержать и не такое. А вы как себя чувствуете?

— Нормально. Что у тебя с глазами?

— Ну... Честно говоря, сейчас они работают неважно. Я вижу только пурпурные и зеленые вспышки.

Он старался говорить спокойно и даже весело, но на его шее часто пульсировала жилка. Каргрейвз потянулся к платку на его глазах. Морри взял его за руку.

— Оставьте платок в покое, док, — жестко сказал он. — Там нечего смотреть. Подождите, пока мы не доставим его в больницу.

— Но... хорошо, хорошо. Только давайте займемся этим поскорее.

— Мы только дожидались, пока вы не придете в себя. Арт отвезет вас в город.

— А что будешь делать ты?

— Лично я, — заявил Морри, — собираюсь засесть на крыше с запасом бутербродов и патронов. Когда вы вернетесь, найдете меня там.

— Но... — начал было Каргрейвз, но, пожав плечами, махнул рукой.

Когда они вернулись, Морри спустился и помог Каргрейвзу войти в помещение; вслед за ним Арт ввел в убежище Росса. Глаза юноши были забинтованы, а из кармана куртки торчали темные очки.

— Как дела? — спросил Морри, пристально разглядывая товарища.

— Слишком рано говорить что-либо определенное, — устало произнес доктор, опускаясь в кресло. — Видимых повреждений нет, но, кажется, парализован зрительный нерв.

Морри прищелкнул языком, но ничего не сказал. Росс нащупал стул и уселся.

— Успокойся, — сказал он Морри. — Все будет в порядке. Это что-то вроде шока от яркой вспышки. Доктор мне все рассказал. Порой такое длится до трех месяцев, но потом все проходит.

Каргрейвз закусил губу. Врач рассказал ему гораздо больше, чем Россу. «Это» проходило не всегда: порой слепота оставалась на всю жизнь.

— А вы как, доктор?

— Небольшое растяжение и ушиб спины. Но меня уже подлатали.

— И все?

— Еще нам обоим сделали противостолбнячный укол, но это так, на всякий случай.

— Ну и славно, — с облегчением заявил Морри. — Мне кажется, что мы очень скоро сможем возобновить работу.

— Нет, — ответил Каргрейвз. — На этом все кончено. Я пытался объяснить этим балбесам, пока мы ехали из больницы, но они не слушали. Так вот. Наша деятельность прекращается, фирма лопнула.

Ни один из мальчиков не проронил ни звука. Доктор продолжал, повысив голос:

— Полет на Луну отменяется, разве вам не ясно?

Морри посмотрел на него и невозмутимо спросил:

— Вы сказали: «фирма лопнула». Хотите сказать, что у вас больше нет денег?

— Ну, не то, чтобы совсем, дело в другом. Я хотел сказать, что...

— У меня есть несколько облигаций, — произнес Росс, поворачивая забинтованную голову.

— Не в этом дело, — мягко ответил Каргрейвз. — Я очень благодарен тебе за предложение, не думай, что я его не оценил. И не думайте, что я с легким сердцем отказываюсь от своих замыслов. Но мне открыли глаза. Я делал все неправильно — неправильно с самого начала. Все это было чистым безумием. Я позволил своим чувствам взять верх над разумом. Как я мог втянуть в эту авантюру вас, детей? Твой отец был прав. Теперь я должен подумать о том, как мне все это исправить.

Росс протестующе замотал головой. Морри взглянул на Арта и спросил:

— Как тебе это нравится, наш экспедиционный врач?

Арт хотел что-то сказать, но передумал. Он подошел к аптечке и вытащил оттуда градусник. Вернувшись назад, попросил:

— Откройте-ка рот, дядя!

Каргрейвз открыл рот, чтобы ему ответить, но Арт сунул туда термометр.

— Сидите на месте, пока измеряется температура.

И засек время по наручным часам.

— Что? Да какого...

— Закройте рот, больной!

Рассерженный Каргрейвз тем не менее подчинился. Пока измерялась температура, все хранили молчание.

— Что он показывает? — спросил Морри.

— Тридцать семь и восемь.

— Дай-ка я сам посмотрю, — потребовал доктор, но Арт отнял у него градусник.

Каргрейвз встал, забывшись оперся на поврежденную ногу, охнул и вновь опустился в кресло. Арт встряхнул градусник и спрятал его в чехол.

— Все ясно, — заявил Морри. — Вы отстраняетесь от командования. Теперь здесь распоряжаюсь я.

— Что это на тебя нашло?

— Ты согласен со мной? — спросил Морри у Арта.

Тот некоторое время колебался, затем нерешительно произнес:

— Да, дядя. Морри прав.

— Росс?

— Я не совсем еще понимаю ситуацию, — ответил тот, — но я понимаю Арта и Морри и целиком на их стороне.

У Каргрейвза опять разболелась голова.

— Похоже, вы все с ума посходили. Но теперь это не имеет никакого значения. Наше предприятие провалилось.

— Нет, — ответил Морри. — Мы не сумасшедшие, и мы еще посмотрим — провалилось предприятие или нет. Сейчас вы больны. И согласно вашему решению, командование автоматически переходит ко мне; вы не можете отдавать приказы и принимать решения до тех пор, пока не выздоровеете.

— Но... — Каргрейвз запнулся и рассмеялся впервые за несколько последних часов. — Сумасшедшие! Не можете же вы объявить меня больным из-за какого-то одного лишнего градуса температуры.

— Вас объявили больным не из-за этого. Из-за этого вы лишь продолжаете считаться больным. Когда вы были без сознания, Арт занес вас в список раненых. И пока он не примет соответствующего решения, вы считаетесь больным. Вы же сами назначили Арта врачом!

— Это верно, но послушай, Арт! Правда ли, что ты объявил меня больным еще тогда? Или это уловка, с помощью которой вы надеетесь держать меня в стороне?

— Нет, дядя, — заверил его Арт. — Когда я рассказывал Морри о том, что вы отказываетесь принять торий, он захотел спросить вас, действительно ли это так. Но вы были в обмороке, и мы не знали, что делать. А потом Морри вспомнил, что я — врач и должен решить, можете ли вы исполнять свои обязанности дальше. Так что...

— Не можете же вы... Ну ладно, это несущественно. Я отослал торий обратно, так что путешествие не состоится; теперь у нас

нет ни экспедиционого врача, ни первого помощника. Наша фирма приказала долго жить.

— Именно это я и пытался вам втолковать, дядя. Мы не отправили торий обратно.

— Что?

— Я расписался за него как ваш представитель, — ответил Морри.

Каргрейвз потер ладонью лоб.

— Вы вгоните меня в могилу, ребята. Впрочем, даже и это не имеет значения. Я убедился в том, что вся моя затея — чистое безумие. Во всяком случае, я не лечу на Луну, так что лавочку придется прикрыть. Минутку, Морри! Никто не спорит, ты сейчас главный и будешь им до тех пор, пока у меня не упадет температура. Но я ведь имею право участвовать в дискуссии?

— Конечно. Никто не лишал вас слова. Тем не менее вы сможете принимать решения лишь после того, как спадет температура и вы спокойно проспите хотя бы одну ночь.

— Прекрасно. Но, как вы видите, решение напрашивается само собой. Вам нужен я, чтобы построить атомный двигатель, верно?

— М-м... да.

— Никаких сомнений! Вы, ребята, уже хорошо изучили ядерную физику, и очень быстро. Но ваших знаний недостаточно. Я даже не рассказывал вам об основных принципах работы двигателя!

— Мы сможем приобрести лицензию на ваш патент. Нам для этого не потребуется даже вашего согласия, — вмешался Росс. — На это уйдет некоторое время, но мы все же отправимся на Луну!

— Может быть... если вы найдете физика-ядерщика, который согласится рискнуть. Но это будет уже совсем другое предприятие. Послушайте меня, ребята. Неважно, высокая у меня температура или нет. Сейчас я способен мыслить здраво — впервые с тех пор, как получил по черепу на вашем полигоне. И я хотел бы разъяснить кое-что. Мы должны кончить на этом, но я не хочу, чтобы вы обижались на меня.

— Что вы хотите сказать этим «получил по черепу»?

Каргрейвз заговорил сухо и деловито.

— В тот момент, когда мы осмотрели все вокруг и ничего не нашли, я понял, что «несчастный случай» вовсе не был случаен. Кто-то приложился к моей голове, возможно, дубинкой; я ни тогда, ни сейчас не понимаю, с какой целью это было сделано. Я должен был догадаться, когда мы впервые обнаружили следы непрошеных гостей. Но мне было трудно поверить, что все это так серьезно. А вчера я осознал это. Изображать федерального инспектора смог бы лишь человек, ведущий крупную игру и готовый на все. Я уже давно думаю об этом, но все еще не понимаю, кому это могло понадобиться. И мне даже в голову не приходило, что кто-то захочет убить нас.

— Так вы считаете, что он хотел нас убить? — спросил Росс.

— Очевидно! Ведь именно фальшивый инспектор подложил бомбу!

— Может, он хотел взорвать ракету, а не убивать нас.

— Зачем ему это?

— Ну, — сказал Арт, — может быть, его организация претендует на какую-нибудь премию?

— Уничтожив наш корабль, они не получили бы никакой премии.

— Но это помешало бы нам обойти их.

— Возможно. Звучит не слишком правдоподобно, но в качестве версии годится. Но нас не должны волновать их мотивы. Кто-то хочет нас прикончить, и он желает сделать это во что бы то ни стало. Мы здесь живем в полном уединении. Сумей я окружить территорию цепью охранников, мы могли бы чего-нибудь добиться. Но такой возможности у нас нет. И я не могу позволить, чтобы вас, ребята, подстрелили или взорвали. Я отвечаю за вас перед вашими родными.

Арт набычился; лицо Морри, наоборот, сохраняло бесстрастное выражение. Помолчав, он произнес:

— Если это все, что вы хотели сказать, то я предлагаю поужинать и ложиться спать. Завтра поговорим.

— Прекрасно.

— Подождите, — Росс поднялся на ноги. Ухватившись за спинку стула, он пытался сохранить равновесие. — Где вы, док?

— Я здесь, слева.

— Отлично. Я тоже хотел бы кое-что сказать. Я лечу на Луну. Я лечу в любом случае — с вами или без вас. Я полечу туда, даже если мои глаза отказали навсегда. Я полечу туда, даже если Морри и Арту придется водить меня за руку. А вы поступайте как вам угодно. Но я удивляюсь вам, док, — продолжал он. — Вы боитесь взять ответственность за нас, верно? Не в этом ли дело?

— Да, Росс, ты прав.

— Но вы же готовы были взять на себя ответственность, когда мы задумывали полет. Между тем это предприятие намного опаснее, чем что бы то ни было. Верно?

Каргрейвз закусил губу.

— Это совершенно другое дело.

— Другое? Ну так я объясню вам разницу. Если при старте произойдет взрыв, то девять шансов из десяти, что мы погибнем все вместе. В таком случае вам не пришлось бы объясняться с нашими родителями. Вот в чем разница!

— Росс, послушай...

— И не надо мне никаких «Росс, послушай»! А если все это произошло бы на Луне? Как бы вы тогда тешили свои моральные принципы? Док, я удивляюсь вам. Если вы теряете самообладание всякий раз, когда что-то идет не по плану, то я проголосовал бы за назначение первым капитаном Морриса.

— Ладно, хватит об этом, Росс, — спокойно сказал Морри.

— Хорошо, я все сказал, — ответил тот.

Воцарилась гнетущая тишина. Наконец, Морри ее нарушил.

— Арт, давай-ка готовить обед. А потом примемся за работу. Нам нужно заниматься.

Каргрейвз удивился. Заметив это, Морри добавил:

— А что? Мы можем читать материал вслух.

Ночью доктор долго не мог заснуть и лишь притворялся спящим. Он заметил, что Арт и Морри, вооруженные винтовками, всю ночь сменяли друг друга на посту. И Каргрейвз не стал давать им советов.

На рассвете оба часовых легли спать. Каргрейвз, превозмогая боль, потихоньку встал и оделся. Опираясь на палку, доктор захромал к кораблю. Он хотел оценить ущерб, нанесенный взры-

вом. Но первое, что попалось ему на глаза, был ящик с торием. Защитная оболочка значительно увеличивала его внешние габариты. Доктор с облегчением отметил, что пломба Комиссии по атомной энергии не повреждена. Он втиснулся в корабль и медленно пробрался в двигательный отсек.

Повреждения были на удивление незначительны. Немного кузнечных и сварочных работ — и все будет исправлено, подумал Каргрейвз. Удивленный, он с опаской продолжал осмотр. Под щитом он обнаружил шесть кусочков пластичного материала, похожего на замазку. Хотя к этим безобидным с виду кускам не вело никаких проводов и в них не было детонаторов, доктор сразу понял, что они из себя представляют. Очевидно, диверсанту не хватило тех пяти минут, в течение которых он был здесь один, и он не успел соединить проводом свои смертоносные игрушки. Его намерения были совершенно ясны: разрушить двигатель и убить того, кому «посчастливится» попасть в ловушку.

Очень осторожно, вытирая струившийся со лба пот, доктор собрал комочки взрывчатки и снова все обыскал. Удовлетворенный, он опустил взрывчатку в карман рубашки и вышел наружу. Больная нога мешала ему вылезать из люка, и Каргрейвз чувствовал себя человеком-бомбой, в любой момент готовой взорваться. Проковыляв к забору, он зашвырнул пластик подальше в поле, и без того истерзанное взрывами. Из предосторожности Каргрейвз отложил другие куски подальше, прежде чем швырнуть первый, — в случае взрыва он готов был броситься плашмя на землю. Ничего не случилось: по-видимому, вещество было не слишком чувствительно к ударам.

Сделав это, доктор предоставил дождю и солнцу самим разлагать взрывчатку. У входа в убежище сидел Росс, повернув к небу забинтованное лицо.

— Это вы, док? — спросил юноша.

— Я. Доброе утро, Росс.

— Доброе утро, док. — Росс двинулся к профессору, ощупывая дорогу ногами. — Слушайте, док! Я вчера наговорил бог знает чего. Извините меня, я был сильно расстроен.

— Оставим это. Вчера мы все были очень возбуждены, — он сжал протянутую ему руку. — Скажи лучше, как у тебя глаза?

Лицо Росса просветлело.

— Уже лучше. Когда проснулся, я снял повязку. Я могу видеть...

— Отлично!

— Только окружающие предметы выглядят не совсем четко — двоятся, даже троятся. Но глазам стало больно от яркого света, так что я снова надел повязку.

— Похоже, ты скоро совсем поправишься, — сказал Каргрейвз. — Но будь осторожен.

— Я постараюсь. Док, скажите...

— Слушаю тебя, Росс.

— Впрочем, нет. Не обращайте внимания.

— Мне кажется, я понял. Да, я переменил решение, пока ворочался этой ночью без сна. Мы продолжаем дело.

— Великолепно!

— Может быть, это не так уж и хорошо... не знаю. Но если вы так твердо нацелились лететь, то и я с вами. Нас ничто не остановит!

8. В НЕБО!

— Вот это уже в вашем духе!

— Спасибо. Остальные уже поднялись?

— Пока нет. Они недавно легли.

— Знаю. Пусть спят. А мы посидим в машине. Берись за мою руку.

Когда они устроились на сиденьях, Росс спросил:

— Док, сколько еще времени потребуется на подготовку?

— Не очень много. А что?

— Ну, мне кажется, что нам надо бы поспешить и стартовать как можно скорее. Если эти попытки остановить нас будут продолжаться, то одна из них, вероятно, закончится успехом. Я думаю, нам стоило бы стартовать прямо сегодня.

— Сегодня мы стартовать не сможем, — ответил доктор, — но долго тянуть не станем. Во-первых, установим двигатель. В сущности, его нужно только собрать. Я практически все подготовил заранее, еще до того, как вы, парни, попались мне на глаза.

— Эх, мог бы я нормально видеть!

— Понимаешь, эту работу должен сделать я сам. Только не думай, будто я что-то от вас скрываю, — поспешно добавил он, заметив выражение лица юноши. — Я не объяснял вам принципов работы двигателя потому, что собирался сделать это, имея перед глазами все детали. Так было бы нагляднее.

— И как же работает двигатель?

— Когда вы проходили элементарную физику, вам должны были рассказывать о турбине Герона. Помнишь, она состоит из котла и небольшой вертушки, похожей на разбрызгиватель воды для лужаек. Котел нагревается, пар проходит через вертушку и заставляет ее вращаться. Мой двигатель устроен подобным образом. Вместо огня я применил ториевый реактор, а воду заменил цинком. Мы нагреваем цинк, доводим его до кипения. Получается струя цинкового пара, который устремляется через дюзы. Вот и все.

Росс присвистнул.

— Просто и изящно. А он будет работать?

— Он уже работал. Эта идея пришла мне в голову, когда я пытался сконструировать цинковую турбину для электростанции. Мне удалось получить сильную, устойчивую струю цинкового пара, но никакая турбина не выдерживала его напора: ломались лопасти. И тут меня осенило: ведь это же готовый ракетный двигатель!

— Прекрасно, док! Но скажите, почему бы не взять свинец? Ведь это означало бы большую массу при меньшем объеме.

— Ты прав. Большая плотность топлива действительно позволила бы сократить размеры двигателя, баков, да и самой ракеты; в итоге уменьшился бы мертвый вес. Но масса не так уж важна; главной задачей является получение скоростного реактивного потока. Я взял цинк потому, что он имеет более низкую температуру плавления, чем свинец. Я хочу перегревать пар до такой степени, чтобы он истекал в виде быстрой струи. Но я не могу повышать температуру выше предела устойчивости используемого в реакторе замедлителя.

— Углерод?

— Да, углерод. Графит. Он замедляет поток нейтронов, а кадмиевые стержни управляют скоростью процесса. Излучение

поглощается емкостью с жидким цинком. Он закипает и весело и жизнерадостно устремляется наружу.

— Ясно. Ну, а почему бы не взять ртуть? Она плотнее свинца и плавится при еще более низкой температуре, чем цинк.

— Идея хорошая, но это слишком дорого. Ртуть нам не по карману.

Из дверей убежища высунулась голова Морри, и доктор умолк.

— Эй! Идите завтракать, иначе останетесь голодными!

— Идем, — ответил Каргрейвз.

Вылезая из машины, он оперся на поврежденную ногу и вскрикнул от боли.

— Минутку, док. Обопритесь на меня, — предложил Росс.

Помогая друг другу, они поплелись в дом.

— Короче говоря, — продолжал Каргрейвз, — осталось лишь собрать реактор. Торий уже помещен в графите в соответствии с моими вычислениями, так что нам нужно лишь смонтировать воздушный шлюз и провести стендовые испытания.

Их ракета, хотя и использовалась ранее на трансатлантических стратосферных линиях, шлюза не имела: конструкторы не предусмотрели возможности открывания люка иначе как на земле.

Но, если уж нашим путешественникам было суждено высадиться на Луне, им было необходимо иметь воздушный шлюз — небольшую камеру, снабженную двумя дверьми. Каргрейвз намеревался приварить к имеющейся дверной раме стальную коробку со второй герметичной дверью, открывающейся внутрь корабля.

— Я могу сварить шлюз, — предложил Росс, — пока вы устанавливаете реактор. Разумеется, если мои глаза снова будут в порядке.

— Даже если ты снова начнешь видеть, я не думаю, что было бы разумно сразу же глядеть на сварочную дугу. А что, Арт и Морри не умеют варить?

— Конечно умеют, но, между нами, я веду шов лучше.

— Ладно, посмотрим.

За завтраком Каргрейвз сообщил ребятам о своем решении лететь. Арт покрылся румянцем и пробормотал нечто нечленораздельное. Морри серьезным голосом произнес:

— Я знал, что за ночь температура у вас спадет. Так какие же у нас планы?

— Все те же самые; но мы решили ускорить подготовку. Как твои успехи, Морри?

— Черт побери, я готов отправиться хоть сегодня. Гироскопы мурлычут как котята. Я рассчитывал гомановские орбиты и S-образные траектории, пока меня не стало от них тошнить. В общем, я и мои компьютеры готовы к полету на все сто. — Морри суеверно постучал по деревяшке.

— Отлично. Значит, теперь ты можешь заняться подготовкой снаряжения. А ты, Арт?

— Я? Ну, в общем-то и у меня все готово. Оба радара в рабочем сотоянии. Но я хотел бы кое-что улучшить в цепях частотной модуляции.

— А так, как есть, они хорошо работают?

— Думаю, что вполне прилично.

— Ну и нечего в них влезать. Я могу занять тебя другим делом.

— Уж не сомневаюсь.

— Как насчет радарного экрана, который должен был установить Арт? — вмешался Морри.

— Радар? А, ты имеешь виду систему сигнализации? — ответил Каргрейвз. — Росс считает, и я с ним полностью согласен, что лучшим способом утереть нос непрошеным гостям было бы стартовать как можно быстрее. Я не хочу вытаскивать радар из корабля, это заняло бы лишнее время. И кроме того, мы можем запросто повредить прибор, без которого нам в дальнейшем не обойтись. А замена, сам знаешь, нам не по карману.

— Верно, — согласился Морри. — Я по-прежнему считаю, что человек с оружием в руках гораздо надежнее всякого прибора. Судите сами: нас четверо. На каждого приходится лишь два ночных часа. Не стоит ли выставить часового?

Каргрейвз согласился. Были предложены различные планы — нанять охранника, подвести ток к заграждению, — но все они были отвергнуты либо по причине дороговизны, либо из-за больших затрат времени на их осуществление. Наконец, решили оставить все как есть, но на ночь зажигать свет и провести линию освещения

вокруг корабля. Все эти линии должны были в случае чего автоматически переключаться на питание от корабельных аккумуляторов.

На следующей неделе, в среду, Каргрейвз сел за ланч со спокойным чувством. Наконец-то ториевый реактор был установлен на своем месте, за отремонтированным щитом. Это было хорошо: он не любил эту заковыристую, всегда опасную работу с радиоактивными веществами — опасную, несмотря на использование предохранительных щитов и длинных щипцов.

Но как бы то ни было, реактор смонтировали, воздушный шлюз приварили и испытали на герметичность. Почти все снаряжение разместили на борту. Для Арта и Росса были изготовлены противоперегрузочные устройства. Каргрейвзу и Морри предстояло выдерживать ускорение, сидя в пилотских креслах. Реактор испытали на малой мощности; доктор чувствовал, что все хорошо, да и на приборной панели горели одни зеленые лампочки.

Самозванный инспектор больше не появлялся, и ночные дежурства проходили спокойно. Больше всего радовало то, что зрение Росса продолжало улучшаться, и окулист, которого он посетил в понедельник, посоветовал лишь еще пару недель не снимать темных очков.

Каргрейвз пока хромал, но уже ходил без палки, и травма совершенно не беспокоила его. Он с воодушевлением работал над статьей «Двигательный агрегат «Галилей» (стряпня для простых смертных) и обдумывал заметку, которую собирался послать в «Физикл ревью». Неплохим названием, думал он, было бы «Экспериментальное исследование некоторых аспектов космических перелетов», автор — доктор Дональд Каргрейвз, бакалавр естественных наук, доктор наук, доктор права, лауреат Нобелевской премии, действительный член Национальной и Французской академий и прочее. В действительности, он был удостоен лишь некоторых из упомянутых званий и в своих мечтах лишь примерял к себе эти громкие титулы.

За окнами взревел мотор остановившегося автомобиля, и в помещение вбежал Арт, неся в руках почтовые конверты.

— Санта-Клаус приехал! — весело крикнул он. — Одно письмо от твоих родителей, Росс, одно от той крашеной блондинки, за которой ты увивался...

— Ничего я за ней не увивался, и потом — никакая она не крашеная, — ответил Росс, с живостью выхватывая конверт.

— Пусть будет по-твоему, но ты еще сам убедишься... Так... Три письма Морри, и все деловые. Остальные — вам, док, — заявил Арт, пряча в карман письмо от матери. — Опять картошка с мясом! — радостно добавил он, заглядывая в кастрюлю.

— Это чтобы задобрить тебя перед тем, как мы будем есть на Луне, — ответил Морри. — Разносолов там не предвидится. Слушайте, док...

— Да, Морри?

— Тут в письме сказано, что консервы уже прибыли на нашу городскую базу. Пожалуй, я съезжу вечером в город и привезу их сюда. И еще нам прислали счета. Похоже, я выполнил все свои задания.

— Отлично, — рассеянно ответил доктор, надрывая конверт. — В таком случае можешь помочь нам с Россом при стендовом испытании. Это единственное, что нам осталось сделать. — Он развернул письмо и углубился в чтение.

Затем он начал его перечитывать. Заметив, что он перестал есть, Росс спросил:

— Что-нибудь случилось, док?

— Ничего страшного, но все же неприятно. Фирма в Денвере не сможет предоставить нам динамометры для испытания. — Каргрейвз перебросил письмо Россу.

— Это сильно нам помешает? — спросил Морри.

— Не знаю. Придется мне поехать в город вместе с тобой. Надо позвонить на Восточное побережье, и как можно быстрее, чтобы нас не задержала разница во времени.

— Надо — значит, надо.

Росс вернул письмо доктору.

— По-моему, такие динамометры можно приобрести где угодно.

— Не скажи. Динамометр на полмиллиона фунтов не так-то легко достать. Попробуем обратиться в фирму «Болдуин», производящую локомотивы.

— А почему не сделать приборы самим? — вмешался Арт. — Мы же сделали один такой для испытаний «Звездного штурма».

Каргрейвз покачал головой.

— Я очень высоко ценю ваше мастерство, если речь идет о точной механике. Но для некоторых работ требуется специальное оборудование. Кстати, если уж речь зашла о «Звездном штурме», — заговорил он, намеренно уходя от темы, — то не думали ли вы, ребята, что надо дать нашему детищу подходящее имя? Как насчет «Звездного штурма-6»?

Арту название понравилось. Морри сказал, что корабль логичнее было бы назвать «Лунный штурм». У Росса была другая идея:

— «Звездный штурм» — хорошее название для наших моделей. Для лунного корабля нужно придумать что-нибудь посолиднее, что-нибудь гордое, как вы считаете?

— «Пионер».

— Слишком затасканно.

— «Тор» — от названия топлива.

— Лучше, но все же не то.

— Назовем его «Эйнштейн».

— Я понял, что вы хотели бы назвать его в честь доктора Эйнштейна, — вмешался Каргрейвз. — Но я вам могу предложить другое имя, символизирующее примерно то же. Как насчет «Галилей»?

Возражений не последовало. Члены клуба «Галилей» были единодушны. Имя человека, впервые увидевшего и описавшего лунные горы, имя, ставшее синонимом упорства и свободы пытливого ума, звучало в их сердцах как сладчайшая музыка.

Доктор подумал о том, вспомнят ли их собственные имена лет через триста. Если повезет, если очень повезет — то да: ведь не забыли же потомки Колумба. А если вдруг от них отвернется удача и ракета взорвется, что ж — на их долю достанется лишь легкая мгновенная смерть.

Похоже было, что удача уже отвернулась от них, причем самым прозаическим образом: не предвиделось даже эффектной гибели в объятой пламенем ракете. Каргрейвз потел в телефон-

ной будке до пяти часов по тихоокеанскому времени, а потом еще дожидался, пока не настанет пять часов в Чикаго, и наконец должен был признать, что динамометра им не видать как своих ушей — во всяком случае, в ближайшее время.

Он упрекал себя в том, что решив сэкономить, связался с денверской фирмой, у которой надеялся приобрести подержанные приборы, а не побеспокоился заключить контракты с другими поставщиками. Изругав себя в пух и прах, он ощутил какое-то странное удовлетворение. Когда он забрался в машину, Морри внимательно посмотрел в его разочарованное лицо.

— Неудача, док?

— Да. Поехали в лагерь.

Около получаса они мчались по пустыне в напряженном молчании. Наконец, Морри предложил:

— Слушайте, док. Может быть, закрепить ракету фермами и провести наземное испытание без динамометра?

— А что толку? Мне нужно знать величину развиваемой тяги.

— Я уже подумал об этом. Кто-нибудь из нас залезет в ракету с акселерометром — я имею в виду маятниковый акселерометр, а не интегратор перемещения. Прибор покажет ускорение в единицах *g*. Зная ускорение и массу корабля, мы могли бы получить силу тяги.

Каргрейвз на мгновение заколебался. Ошибка Морри была столь очевидна и ее было так легко совершить, что доктор не сразу сообразил, как обратить внимание юноши на явный просчет и не ранить при этом его гордость.

— Идея неплохая, хотя я хотел бы считывать показания дистанционно, поскольку вероятность аварии двигателя нового типа весьма высока. Но главное препятствие не в этом. До тех пор пока корабль прикован к земле, никакого ускорения не будет, какую бы тягу ни развивал двигатель.

— Черт! — воскликнул Морри. — М-м-м... похоже, я дал маху, док!

— Вполне естественная ошибка.

Когда они проехали пять миль, Морри заговорил снова:

— Я придумал. Чтобы измерить тягу по акселерометру, «Галилей» должен свободно двигаться, верно, док? Ну что ж, в таком

случае я сам совершу испытательный полет. Стойте, стойте, — быстро заговорил он, — я отлично знаю, что вы не захотите подвергать меня риску. Ракета может взорваться или упасть. Такое, конечно, возможно, но ведь это моя работа. Для самого путешествия я не нужен, а без вас нам не обойтись. И без Росса нельзя никак: он бортинженер. Без Арта не будут работать радиоустановка и радар. Второй же пилот нужен только для подстраховки, так что испытывать корабль должен я.

— Морри, твое решение продиктовано чувствами, а не разумом, — ответил Каргрейвз, стараясь говорить как можно непринужденнее. — Даже если ты и прав в главном, ты ошибаешься в выборе пилота-испытателя. Я буду необходим только в том случае, если полет состоится. Но если испытание пройдет неудачно, скажем, взорвется реактор или корабль потеряет управление и упадет — то путешествие будет сорвано и во мне никакой надобности не будет.

— Да, вас на кривой не объедешь, — ухмыльнулся Морри.

— Хотел надуть меня, а? Может, я старый и хилый, но в полный маразм покамест еще не впал. Но ты подал хорошую идею. Мы не станем измерять тягу динамометром, а испытаем ракету в полете. И поведу ее я.

Морри нетерпеливо заерзал:

— И когда же?

— Как только вернемся в лагерь.

Морри тут же вдавил в пол педаль газа. Доктор с раскаянием подумал о том, что ему следовало молчать до прибытия на полигон. Сорок минут спустя он уже отдавал последние указания.

— Сядете в машину и отъедете от полигона не меньше чем на десять миль. Найдете удобное место, откуда был бы виден лагерь и где вы могли бы укрыться — скажем, в придорожной канаве. Если увидите гриб, как в Хиросиме, ни в коем случае не возвращайтесь. Езжайте в город и сообщите властям. — Он протянул Россу чемоданчик. — Здесь мои записи. Если я сыграю в ящик, передашь их своему отцу. Он сообразит, что с ними делать. А теперь мотайте отсюда. Даю вам двадцать минут. На моих часах семь минут шестого.

— Подождите, док.

— Что такое, Моррис? — спросил Каргрейвз нервным и слегка раздраженным голосом.

— Мы с ребятами пришли к единому мнению: «Галилей» можно построить заново, а вас в случае несчастья заменить некем. Мы все хотели бы во что бы то ни стало сохранить вас. Тогда можно будет сделать еще одну попытку.

— Хватит об этом, Морри.

— Я тоже думаю — хватит.

— Ты что-то стал заговариваться, Морри!

— Слушаюсь, сэр, — ответил Морри, влезая в машину. Вслед за ним втиснулись Росс и Арт.

— Желаем удачи!

— Счастливого полета!

Каргрейвз посмотрел вслед удалявшейся машине и повернулся к открытому люку «Галилея». Внезапно он ощутил страшное одиночество.

Выбрав подходящее место, мальчики укрылись за откосом, словно солдаты в окопе. У Морри был маленький телескоп; Росс и Арт вооружились теми же самыми театральными биноклями, которыми они пользовались во время испытаний своих моделей.

— Он закрыл люк, — сообщил Морри.

— Который час?

— На моих пять двадцать пять.

— Он может начать в любую минуту. Глядите внимательно.

В бинокль ракета казалась совсем крошечной; Морри со своей трубой был в более выгодном положении.

— Вот оно! Господи! — закричал он внезапно.

Из кормовой дюзы вырвалась реактивная струя, ярко отливающая серебром даже в лучах солнца. Корабль пока оставался неподвижным.

— Запустил носовой двигатель!

Из носовой части ракеты ударило яростное красное пламя химического двигателя. Оснащенный передними и нижними дюзами, «Галилей» мог обходиться без стартовой площадки и катапульты. Тут же запустились нижние двигатели. Нос «Галилея» резко задрался вверх, но действующие в противоположных

направлениях кормовой и носовой двигатели удержали его на месте.

— Взлет!

Красные языки пламени из носовых двигателей внезапно погасли, и корабль отделился от земли. Прежде чем юноши успели перевести дыхание, он уже пролетел над их головами. Вскоре он поравнялся с горными вершинами и исчез из виду.

— Господи! — тихо произнес Арт.

Росс сорвался с места и побежал.

— Ты куда?

— В лагерь! Мы должны быть там раньше чем он!

— Давай!

Остальные бросились следом.

На пути в лагерь Росс побил все рекорды скорости, но, как они ни спешили, доктор их опередил. «Галилей» вынырнул из-за горизонта, и когда машина достигла лагеря, корабль уже тормозил при помощи носовых дюз.

Ракета круто нырнула вниз; ходовой двигатель уже был выключен. Струя носового двигателя взрыла почву на том самом месте, откуда корабль стартовал. Ударом нижних двигателей Каргрейвз поднял нос ракеты и ровно положил ее на землю. Морри только головой покачал.

— Классная посадка! — уважительно крякнул он.

Каргрейвз выпрыгнул из люка, ребята тут же окружили его и, восторгаясь наперебой, принялись лупить по спине.

— Как она себя вела? А управлять легко?

— Работает как часы! Правда, управление главным двигателем несколько запаздывает, но этого и следовало ожидать. Разогревшись, она не очень-то охотно сбавляет мощность. Нужно будет научиться «травить пары». Прежде чем скорость упала настолько, что я смог повернуть назад, ракета была уже на полпути к Оклахоме.

— Да, славный у нас корабль!

— Когда стартуем?

Лицо Каргрейвза стало серьезным.

— Как вы насчет того, чтобы не поспать эту ночь и полностью загрузить корабль? Согласны?

— Еще бы! О чем разговор!

— Ну и отлично. Арт, марш в ракету. Займешься радиоустановкой. Поручаю тебе связаться с Ассошиэйтед Пресс в Солт-Лейк-Сити. И с Юнайтед Пресс — тоже. Обращайся прямо в отдел новостей. Пусть приедут с телекамерами. Теперь нет смысла хранить тайну. Дай им понять, что здесь произойдет нечто особенное.

— Уже бегу! — Арт кинулся к люку и, задержавшись у входа, спросил: — А что, если они не поверят?

— Заставь их поверить. Скажи им, что они могут запросить подтверждение у доктора Ларксби из Комиссии. Скажи, что если они не приедут, то пропустят величайшую сенсацию со времен войны. И свяжись с мистером Бьюкананом на его служебной частоте. Он честно сохранил наш секрет, так что я хочу, чтобы он тоже присутствовал при старте.

К полуночи погрузка была практически завершена, и Каргрейвз настоял, чтобы мальчики по очереди легли отдохнуть.

Спать было некогда, но и пускаться в путь измотанными было нельзя. Баки носовых и нижних двигателей были полны, и запасные емкости уже заправлены. Несколько тонн цинка, основного вещества для главного двигателя, было погружено на борт еще раньше, равно как и такой же по весу резервный запас цинковой пыли. Продовольствие и тщательно рассчитанный запас воды уже были на борту. Правда, проблем с водой не предвиделось: воздушный кондиционер должен был осаждать пар, образующийся при дыхании. Емкости с жидким кислородом были заправлены. Наконец, Каргрейвз собственноручно отнес в ракету две винтовки. Ради этого, экономя вес и место в корабле, пришлось содрать переплеты с немногих взятых в дорогу книг, но доктор решил, что оружие может потребоваться, если, вернувшись на Землю, они опустятся в какой-нибудь дикой местности.

Каргрейвз устал. Только тщательно составленные списки давали уверенность в том, что корабль готов к старту или, во всяком случае, будет готов очень скоро.

Мальчики тоже сильно вымотались, но были возбуждены. Морри трижды рассчитывал стартовую траекторию, но все еще

нервничал, хотя результат каждый раз совпадал с точностью до самых последних цифр. Его не оставлял страх совершить какую-нибудь нелепую гибельную ошибку, и мальчик успокоился лишь после того, как доктор воспроизвел расчеты с самого начала и получил тот же результат.

Около часа ночи на полигон прибыл мистер Бьюканан.

— Кажется, я попал в приемный покой психолечебницы? — с улыбкой спросил он.

Каргрейвз, смеясь, подтвердил его предположение.

— Все это время, ребята, я гадал: что же вы такое затеяли? — продолжал Бьюканан. — Я, разумеется, видел вашу ракету, но сообщение, честно говоря, меня удивило. Надеюсь, вы простите меня за то, что я считаю вас сумасшедшими. Но все равно — удачи вам.

— Благодарю вас, — ответил Каргрейвз и принялся показывать гостю корабль, попутно объясняя ему свои планы.

В небе сияла полная Луна; час тому назад она прошла высшую точку. Стартовать было намечено на рассвете, прежде чем Луна скроется за горизонтом. Из-за этого путешественники теряли возможность воспользоваться вращением Земли, но после испытательного полета Каргрейвз счел это несущественным: энергии хватало с избытком. Ждать еще двенадцать часов ради того, чтобы выиграть тысячу шестьсот миль в час, было бы слишком тяжелым испытанием для его нервов.

После пробного полета Каргрейвз посадил ракету так, что она оказалась нацеленной на запад, и теперь ее не нужно было разворачивать. Бьюканан осмотрел стартовую площадку и спросил, куда будут отводиться реактивные газы. Каргрейвз показал, после чего управляющий спросил:

— А вы позаботились об оцеплении?

Честно говоря, доктор совершенно забыл об этом.

— Не беспокойтесь, — уверил его Бьюканан. — Я сам позвоню капитану Тейлору и попрошу прислать сюда отряд полиции.

— Звонить не нужно. У нас есть рация. Арт!

К четырем часам прибыли представители прессы. Вслед за ними подъехали полицейские машины, и Каргрейвз с облегчением подумал, что ему удалось избежать возможных неприятностей. На полигоне уже собралась порядочная толпа, и без помощи

полиции обойтись было бы трудно. Необходимо было немедленно установить оцепление от ворот до стартовой площадки, чтобы никто из гостей не попал в опасную зону. Требовалась твердая рука полиции, чтобы присутствующие не подходили слишком близко и не осаждали корабль.

Около пяти утра путешественники в последний раз позавтракали в лагере под защитой полицейского, который стоял на посту у двери. Каргрейвз отказался давать интервью; он лишь заготовил письменное заявление и передал Бьюканану пачку копий для корреспондентов. Но мальчиков останавливали на каждом шагу, и в конце концов Тейлор приставил к каждому из них по телохранителю.

Окруженные со всех сторон охраной, они направились к кораблю. Со всех сторон засверкали фотовспышки; телекамеры следили за каждым движением путешественников. Было трудно поверить, что еще несколько часов назад полигон был совершенно пустынен и где-то в темноте могли прятаться злоумышленники. Каргрейвз впустил ребят в корабль и повернулся к Бьюканану и Тейлору.

— Десять минут, джентльмены. Вы уверены, что успеете за это время очистить площадку? Как только я сяду в кресло, я уже не смогу видеть землю вокруг корабля.

— Не беспокойтесь, капитан Каргрейвз, — уверил его Тейлор. — Десяти минут хватит.

Бьюканан поднял руку.

— Удачи вам, доктор. Привезите побольше зеленого сыра.

Внезапно из толпы вынырнул какой-то мужчина и, протиснувшись сквозь оцепление, сунул Каргрейвзу сложенный вдвое листок бумаги.

— Это еще что такое? — нахмурился Тейлор. — Немедленно убирайтесь отсюда!

Мужчина пожал плечами.

— Это судебное постановление.

— Что? Какое еще постановление?

— Старт временно запрещен. Каргрейвзу надлежит явиться в суд для дачи объяснений, почему он подвергает опасности жизнь несовершеннолетних. Иначе запрет будет продлен.

Доктор устремил на незнакомца яростный взгляд. Ему казалось, что мир вокруг него рушится. В проеме люка показались Росс и Арт.

— Док! Что случилось?

— Эй, вы там! Ребята, спускайтесь вниз! — крикнул чужак и повернулся к капитану Тейлору. — У меня есть другая бумага, приказывающая мне взять их под свою опеку от имени и по поручению суда.

— Возвращайтесь в корабль, — строго приказал Каргрейвз и развернул бумагу.

Повестка была составлена правильно. «Штат Нью-Мексико...» и так далее. Незнакомец начал что-то возбужденно объяснять. Тейлор взял его за руку.

— Спокойнее, спокойнее, — сказал он.

— Спасибо, — сказал Каргрейвз. — Мистер Бьюканан, нельзя ли мне с вами переговорить? А вас, капитан, я попрошу присмотреть за этим типом.

— Эй-эй, не надо устраивать скандал, — запротестовал незнакомец. — Я всего лишь исполняю свои обязанности.

— Так ли? — Каргрейвз посмотрел на него в упор.

Затем отозвал Бьюканана в сторону и показал ему бумагу.

— Кажется, все в порядке, — признал тот, ознакомившись с документом.

— Возможно. Эта повестка направлена от имени суда штата. А ведь мы находимся на федеральной территории, не так ли? В сущности, капитан Тейлор и его люди находятся здесь лишь по нашей просьбе и нашему согласию. Верно?

— М-м-м... да. Вы правы. — Бьюканан сунул повестку в карман. — Я с этим разберусь!

— Секундочку... — Каргрейвз в двух словах рассказал ему о самозваном инспекторе и ночных посещениях.

До сих пор он никому об этом не сообщал, если не считать письма в вашингтонское бюро гражданской аэронавтики.

— Этот парень, вероятно, мошенник или человек, подосланный мошенниками. Прошу вас не спускать с него глаз и задержать его до тех пор, пока суд не подтвердит, что эта повестка была действительно послана оттуда.

— Я все сделаю.

Затем они вернулись, и Бьюканан вполголоса отдал Тейлору какое-то распоряжение. Каргрейвз схватил незнакомца за руку. Тот начал вырываться.

— Эй! Полегче! А в глаз ты не хочешь получить?

Доктор был выше его на добрых пятнадцать сантиметров да и сложением покрепче. Мужчина быстро притих. Секунду спустя подоспели Бьюканан и Тейлор. Полицейский заявил:

— Вам надлежит стартовать в течение трех минут. А я позабочусь о том, чтобы убрать отсюда посторонних, — он обернулся и крикнул: — Сержант Свенсон!

— Слушаю, сэр!

— Возьми-ка этого парня, — Тейлор указал на незнакомца.

Каргрейвз поднялся по трапу в корабль. Входя в люк, он услышал крики толпы, сначала разрозненные, а затем слившиеся в громкий одобрительный гул. Захлопнув люк, он задраил его и скомандовал экипажу:

— Все по местам!

Арт и Росс влезли в противоперегрузочные устройства, установленные позади пилотских кресел; их места были расположены вертикально и напоминали по конструкции гамаки. Ребята застегнули ремни, опоясывавшие их на уровне груди и коленей. Морри уже сидел в кресле, крепко упершись ногами в подставку, пристегнувшись ремнями и плотно прижавшись затылком к подушке подголовника. Каргрейвз расположился в соседнем кресле, придерживая больную ногу.

— Все готово, Морри!

Его взгляд скользнул по приборному щитку. Больше всего доктора интересовали температура цинка и положение кадмиевых поглотителей. Он пристегнулся и выглянул наружу через кварцевый иллюминатор. Насколько он мог видеть, поле было свободно. Цель их путешествия, круглая и прекрасная, висела в небе перед его глазами. Под его правой рукой к ручке кресла был прикреплен большой рычаг. Ладонь капитана удобно легла на его рукоять.

— Арт?

— Готов, сэр!

— Росс?

— Готов.

— Второй пилот?

— Готов, сэр. Время шесть ноль одна!

Доктор медленно повернул рычаг вправо. За его спиной, повинуясь дистанционной команде, кадмиевые поглотители выдвинулись из графито-ториевой решетки; бессчетным нейтронам был освобожден путь к ядрам горючего. Изуродованные ядра, испустив дух, отдавали энергию кипящему цинку.

Корпус корабля задрожал. Левой рукой Каргрейвз включил носовые двигатели, компенсируя ими нарастающее давление сзади. Затем включил нижние двигатели, и ракета взметнула нос к небу. После этого доктор погасил носовые дюзы. «Галилей» устремился вперед, пилотов вмяло в подушки кресел.

Они направлялись в небо, ввысь, в бесконечность.

9. В БЕЗДНАХ КОСМОСА

Для Арта и Росса мир головокружительно перевернулся на девяносто градусов. Поначалу, пристегнутые к своим гамакам, они стояли вертикально и смотрели мимо Каргрейвза и Морри на Луну и западный горизонт, видневшиеся в иллюминаторе. Во время старта у них возникло ощущение, будто неведомая сила отбросила их назад, завалила на спину и вдавила в подушки *противоперегрузочного устройства. В сущности, так оно и было.* Мощным давлением, развиваемым двигателем, они были прижаты к подушкам и не могли шевельнуться. Именно эта сила создавала ощущаемые ими «верх» и «низ».

Но заходящая Луна все еще была видна в иллюминатор, так что «вверх» означало, в сущности, «на запад». С того места, где лежали, распластавшись на спинах, Росс и Арт, казалось, что доктор и Морри сидят на потолке и лишь толстая стальная конструкция, на которой были закреплены их кресла, удерживает пилотов от падения.

Изображение Луны мерцало и колебалось в потоках воздуха. Визг атмосферных молекул, ударявшихся о борт корабля, заглушал даже рев двигателей, находившихся у путешественников под

ногами. Горизонт медленно удалялся от диска Луны, по мере того как корабль продвигался на запад и набирал высоту. Во время старта небо было свинцово-серым, но теперь, когда корабль поднимался к Солнцу, оно постепенно светлело и наливалось голубизной.

Потом небо стало фиолетовым, и на нем проявились первые звезды. Скрежет трущегося об обшивку воздуха постепенно затихал. Каргрейвз подключил гироскопы и позволил «роботу Джо» скорректировать курс. Луна мягко скользнула вправо на половину своего диска и замерла.

— Все в порядке? — крикнул Каргрейвз, на секунду отвлекаясь от пульта управления.

— Превосходно! — крикнул в ответ Арт.

— Такое ощущение, что мне на грудь уселся кто-то тяжелый! — добавил Росс.

— Что ты говоришь?

— Кто-то уселся мне на грудь! — прокричал Росс.

— Потерпи немножко, и на твою грудь усядется его братец! Уж он-то будет потяжелей!

— Не слышу!

— Не обращай внимания, — ответил Каргрейвз. — Это неважно. Второй пилот!

— Слушаю, капитан!

— Перевожу управление на автоматику. Приготовься к проверке курса!

— Есть, сэр!

Морри поднес октант к своему лицу и немного повернул голову, чтобы было удобнее смотреть на экран нижнего радара. Потом прижал затылок к подголовнику и напряг руки и ноги: он знал, что должно произойти.

— Штурман готов!

Небо стало совершенно черным, и звезды выделялись на нем яркими огоньками. Изображение Луны перестало дрожать, и адский визг воздуха совсем утих, слышался лишь неустанный грохот двигателя. Корабль вышел за пределы атмосферы и вырвался в открытый космос.

— Держитесь за шляпы, ребята! — крикнул доктор. — Начинаем разворот!

Движение рычага — и власть над ракетой целиком перешла к автопилоту. Это безмозглое электронно-механическое устройство покачало головой и решило, что курс ему не нравится. Изображение Луны скользнуло вниз и вперед, если выражаться привычными терминами, и корабль разворачивался до тех пор, пока его нос не нацелился в точку около сорока градусов к востоку от диска земного спутника.

Теперь корабль мчался к точке, в которой ему было суждено встретиться с Луной, и автопилот занялся двигателем. Кадмиевые поглотители выдвинулись еще немного, и пришпоренная ракета увеличила скорость. Россу показалось, что на грудь ему навалился целый выводок толстяков. Стало тяжело дышать, и перед глазами поплыл туман.

Если бы «робот Джо» был способен чувствовать, он не стал бы гордиться тем, что сделал; все решения были приняты за него загодя, когда корабль еще не оторвался от земли. Морри, посоветовавшись с Каргрейвзом, поставил во внутренности автопилота один из заранее изготовленных эксцентриков — этаких роликов хитрой формы. Эксцентрик «сообщил» автопилоту, каким путем надо лететь к Луне, куда направиться вначале, какую тягу должны давать двигатели и как долго.

Разумеется, автопилот не видел Луны и даже о ней не слыхал, но его электронные схемы указывали ему расхождение курса с неизменным направлением осей гироскопов и разворачивали ракету в направлении, заданном эксцентриком, заложенным в его внутренности. Эксцентрик был рассчитан дальним родственником Джо, большим компьютером ЭНИАК Пенсильванского университета. Разумеется, пользуясь бортовым вычислителем, Морри и Каргрейвз вполне могли решить любую задачу и управлять кораблем вручную.

Но Джо при помощи «старшего брата» проделывал это лучше, быстрее и куда более точно и не нуждался в отдыхе. Единственное, что требовалось от человека — это знать, чего он хочет от робота, и вовремя давать ему задания. Джо не был детищем Каргрейвза; своему появлению на свет компьютер был обязан тысячам ученых, инженеров и математиков. Во время ужаса последних дней Второй мировой войны дедушка робота управлял

нацистскими ракетами «Фау-2». Его отца устанавливали на межконтинентальных ракетах международных сил ООН. В нынешнее время его брата или сестру можно было найти в любой ракете, будь она частным кораблем или государственным транспортником. Роботу все одно — отправиться ли через Атлантику или махнуть на Луну. Он делал то, что велел ему делать эксцентрик; он даже не знал — что он делает.

— Как там у вас внизу? — крикнул Каргрейвз.

— Кажется, все в порядке, — ответил Росс, еле ворочая языком.

— Мне плохо, — простонал Арт.

— Дыши через рот, и поглубже.

— Не могу.

— Тогда терпи. Осталось недолго.

На самом деле Джо удерживал максимальную тягу всего лишь пятьдесят пять секунд. Потом, по совету все того же эксцентрика, была отдана команда на снижение ускорения. Кадмиевые поглотители углубились в реактор, захватывая нейтроны; рев ракетного двигателя стал тише.

Скорость корабля не уменьшилась: он лишь перестал так быстро ускоряться. Достигнутая скорость сохранялась, и в космическом пространстве, где невозможно трение о воздух, уже ничто не могло замедлить движение корабля. Тем не менее ускорение было уменьшено до земного g — величины, достаточной для преодоления тяготения огромной массы Земли. На самом деле ускорение было уже меньше, поскольку притяжение планеты снизилось и продолжало падать; вскоре оно должно было и вовсе исчезнуть — в точке, расположенной в двухстах тысячах миль от планеты, там, где сравниваются притяжения Земли и Луны.

Двигатель корабля развивал такую тягу, что члены экипажа весили несколько меньше, чем на Земле. Искусственное тяготение имеет совершенно иную природу, чем земной вес, который ощущается, только когда человек связан с Землей, стоит на ней, плывет в океане или летит в атмосфере. Притяжение Земли существует и в открытом космосе, но у организма нет возможности ощущать его непосредственно. Если кто-то падает с огромной высоты, скажем, пятнадцать тысяч миль, то он не чувствует, что

падает; ему кажется, что Земля мчится навстречу, грозя обрушиться на него.

После того как уменьшилось колоссальное стартовое ускорение, доктор окликнул Арта:

— Тебе уже лучше?

— Да, теперь все в порядке, — ответил тот.

— Вот и отлично. Может быть, поднимешься сюда? Отсюда лучше видно.

— Еще бы! — в один голос воскликнули Росс и Арт.

— Давайте, но только осторожнее.

— Ага! — оба отстегнули ремни и полезли наверх, к пульту управления, цепляясь руками за скобы, приваренные к стенкам кабины.

Добравшись до пилотских кресел, они уселись на балках, поддерживающих сидения пилотов, и выглянули наружу. После того как Джо изменил курс, Луны из своих гамаков они не видели. Отсюда же мальчики могли видеть ее в нижней части иллюминатора. Она была круглой, серебристо-белой и такой яркой, что свет буквально слепил глаза; но заметного увеличения размеров диска пока не наблюдалось. В угольно-черном небе яркими бриллиантами сияли звезды.

— Вы только посмотрите! — выдохнул Росс. — Кратер Тихо светит, словно прожектор!

— Эх, взглянуть бы на Землю, — сказал Арт. — Этой консервной банке побольше б иллюминаторов, а то одного мало.

— А чего ты хочешь иметь за такие деньги? — осведомился Росс. — Часы с фонтаном? Это же бывший грузовик.

— Я могу показать ее на экране, — предложил Морри, включая радар.

Спустя несколько секунд экран засветился, но картинка их разочаровала. Арт с легкостью разобрался в ней — в конце концов, радар был его головной болью, — но с точки зрения эстетики изображение никуда не годилось: какое-то расплывчатое пятно, одноцветное и невыразительное, на периферии круга, который представлял на экране кормовое направление корабля.

— Что ты мне показываешь? — сказал Арт. — Я хочу увидеть планету целиком — в виде глобуса с континентами и океанами.

— Подожди до завтра. Мы выключим двигатели и развернем корабль. Тогда ты увидишь: Землю, Солнце — что хочешь.

— Ладно. А с какой скоростью мы идем? Хотя, постой, я и сам вижу, — сказал Арт, вглядевшись в приборную доску. — Три тысячи триста миль в час.

— Неправильно, — сказал Росс. — Прибор показывает четырнадцать тысяч четыреста миль в час.

— Ты что, спятил?

— Сам ты спятил. Протри очки!

— Спокойно, ребята, спокойно! — вмешался Каргрейвз. — Вы смотрите на разные приборы. Какую скорость вы хотите знать?

— Скорость, с которой мы движемся, — настаивал Арт.

— Ну, Арт! Я удивляюсь тебе! Ты же сам настраивал приборы. Подумай хорошенько, что ты сказал.

Арт уставился на приборную панель и смутился.

— Ах да, я совсем забыл. Так, мы набрали четырнадцать... нет, уже почти пятнадцать тысяч миль в час в свободном падении... но мы же не падаем!

— Мы все время падаем, — авторитетно заявил Морри, выпрямившись в пилотском кресле. — С той самой секунды, как мы стартовали, мы постоянно падаем, но наши двигатели преодолевают падение.

— Да, да, я понял, — прервал его Арт. — Я забыл, но теперь вспомнил. Значит, три тысячи триста миль в час — это та скорость, о которой я говорил. Точнее, три тысячи триста десять.

«Скорость» в космосе — это очень тонкое и неоднозначное понятие, поскольку ее величина зависит от того, какую точку пространства выбрать в качестве начала координат, а ведь космические объекты постоянно находятся в движении. Скорость, которой интересовался Арт, представляла собой скорость «Галилея» вдоль линии, соединяющей Землю с точкой, в которой корабль должен был встретиться с Луной. Данная величина вычислялась автопилотом путем сложения трех громоздких выражений: во-первых, ускорения, приобретаемого за счет работы двигателей, во-вторых, движения корабля, обусловленного его близостью к Земле — «свободного падения», о котором говорил Арт. Третьей составляющей суммы являлось вращение Земли вокруг

собственной оси: сюда входили скорость и направление, зависящие от времени старта и географической широты полигона в Нью-Мексико. Строго говоря, последний член не прибавлялся, а вычитался, если уж применять арифметику к такого рода вычислениям.

Проблему можно еще более усложнить. «Галилей» двигался вместе с Землей и Луной в их беге вокруг Солнца со скоростью девятнадцать миль в секунду, или семьдесят тысяч миль в час, если смотреть на все это из космоса. Да и сама линия, связывающая Луну с Землей, вращалась вокруг Земли в соответствии с ежемесячными оборотами Луны, но «робот Джо» учитывал все это, следуя курсом, нацеленным к тому месту, где Луна должна была оказаться, а не туда, где она была в данный момент.

Можно было принять во внимание сложные движения Солнца и его планет по отношению к головокружительно вращающимся «неподвижным» звездам, а уж скорость этих свободных и легкомысленных движений могла бы оказаться всем чем угодно, в зависимости от того, какие именно звезды выбирать в качестве точки отсчета. И уж во всяком случае эти скорости составляли очень много миль в час.

Но все это нимало не беспокоило автопилота. Его эксцентрик и многочисленные электронные схемы совершенно точно указывали ему, как довести ракету до Луны. Он был совершенно уверен в себе, и даже теория относительности Эйнштейна ничуть его не смущала. Механические устройства и электронные схемы, из которых он состоял, не умели волноваться. Зато он был в состоянии обрабатывать поступающие данные, свидетельствующие о том, что «Галилей» мчится со скоростью, превышающей три тысячи триста миль в час, по воображаемой линии, соединяющей Землю с точкой, в которой она должна была встретиться с Луной. Морри мог проверить эти числа при помощи радара и несложной арифметики. Если найденная позиция не соответствовала вычислениям Джо, Морри мог ввести поправки, которые автопилот учел бы и внес в последующие расчеты.

— Три тысячи триста миль в час, — сказал Арт. — Не так уж много. Во время войны ракеты «Фау-2» двигались быстрее. Да-

вайте поддадим газу и посмотрим, на что способен наш корабль. Как вы на это смотрите, док?

— Я — за, — заявил Росс. — На нашем пути нет никаких препятствий. Давайте рванем побыстрее.

Каргрейвз вздохнул.

— Послушайте, — сказал он. — Когда вы гоняли с головоломной скоростью на той куче металлолома, которую вы называли автомобилем, и рисковали своими шеями, я даже не пытался вас придержать, хотя я и сам немало рисковал при этом. Но ракетой управляю я. И мне спешить некуда.

— Ну ладно, ладно, мы только предложили, — успокоил его Росс. На мгновение воцарилась тишина, потом он добавил: — Но одна вещь не дает мне покоя...

— Что именно?

— Мне не раз доводилось читать, что для отрыва от Земли необходима скорость не менее семи миль в секунду. А мы развиваем всего лишь три тысячи миль в час.

— Но ведь мы движемся, не так ли?

— Да но...

— Если уж на то пошло, мы наберем гораздо большую скорость до того, как начнем тормозить. Начальный участок пути мы пройдем много быстрее, чем завершающий. Сколько времени потребовалось бы для того, чтобы достигнуть Луны, двигайся мы со скоростью, которую развили к нынешнему моменту?

Росс быстренько подсчитал в уме, приняв во внимание расстояние от Земли до Луны и округлив его до двухсот сорока тысяч миль.

— Приблизительно трое суток.

— Ну и что ты видишь в этом плохого? Ладно, можешь не отвечать. Я совсем не пытаюсь показать, какой я умный. Это — одно из самых старых заблуждений; оно проявляется всякий раз, когда человек, не сведущий в небесной механике, пытается написать рассказ о будущих космических перелетах. Все практически поголовно путают стрельбу с полетом ракеты. Если вы хотите запустить на Луну снаряд, как это предлагал Жюль Верн, то корабль должен покинуть жерло пушки со скоростью семь миль в секунду, иначе он упадет на Землю. Но на ракете вы можете двигаться со

скоростью пешехода, если у вас имеется достаточный запас мощности и топлива, чтобы не свалиться на Землю. Конечно, при этом возрастает отношение массы ракеты к полезной нагрузке. И тем не менее мы сейчас делаем что-то в этом духе. Энергии нам хватит на что угодно с избытком. Я не вижу причин страдать от избыточных перегрузок ради того, чтобы достичь цели чуть быстрее. Луна ждала долго, подождет еще.

— Так что вот, — добавил он вдруг, — сколько ни написано умных книжек, а люди до сих пор путают снаряд и ракету. Между прочим, это напомнило мне об одной старой бессмыслице — что ракета не может двигаться в безвоздушном пространстве, так как ей не от чего отталкиваться. Ну вот, вы уже смеетесь, — сказал доктор, глядя в лица мальчиков. — Вы находите эту точку зрения наивной, вроде теории плоской Земли. А я слышал подобное утверждение из уст одного инженера-аэронавта в 1943 году.

— Не может быть!

— И тем не менее... У него было двадцать пять лет стажа работы по специальности, и он работал на Райт-Филд в военно-морских силах. А сказал он это в 1943 году, за год до того, как нацы обстреляли Лондон ракетами «Фау-2с». По его мнению, это было ну никак невозможно!

— Мне кажется, принцип работы ракеты должен понимать всякий, кому доводилось получать удар прикладом при выстреле из винтовки, — воскликнул Росс.

— К сожалению, не всегда так. Обычно это не воздействует на мозговые клетки и все ограничивается синяком на плече. — Каргрейвз принялся выбираться из полуоткинутого пилотского кресла. — Ну ладно, пора подкрепиться. Ух! Нога совсем затекла. Я бы не прочь закусить и завалиться спать. Завтрак явно не пошел мне на пользу: слишком много людей стояло в дверях, глядя на то, как я орудую ложкой.

— Спать? — воскликнул Арт. — Вы сказали «спать»? Нет уж, после такого я даже глаз не сомкну. Мне кажется, я не смогу заснуть на протяжении всего путешествия!

— Это уж как хочешь. Что до меня, я намерен всхрапнуть сразу после еды. Смотреть еще не на что, и так будет до тех пор, пока

мы не окажемся в свободном полете. А что до Луны, то уверяю тебя, ее гораздо лучше рассматривать с Земли в телескоп.

— Это совсем разные вещи, — возразил Арт.

— Разные, — согласился Каргрейвз. — Но все равно я намерен достичь Луны свежим и бодрым. Морри, где у нас были консервные ножи?

— Ээ... — Морри запнулся, на его лице появилось выражение величайшей озабоченности. — Слушайте, я их, кажется, забыл. Я положил их на полочку около раковины, но тут какая-то корреспондентка задала мне дурацкий вопрос, и я...

— Да, да, я видел, — вмешался Росс. — Ты прямо из кожи вон лез, заигрывая с ней. Было на что посмотреть!

Каргрейвз тихонько присвистнул.

— Надеюсь, что мы не забыли чего-нибудь действительно необходимого. Ладно, Морри, обойдемся без консервного ножа. Я так голоден, что смогу открыть банку зубами.

— Не стоит, док, — поспешно сказал Морри. — У меня есть нож со специальным таким лезвием для... — произнес он, лихорадочно ощупывая карман; выражение его лица резко переменилось. — Вот! Вот же консервные ножи, док!

— Морри, ты хоть телефончик у той корреспондентки не забыл взять? — спросил Росс, невинно поглядывая на смущенного товарища.

Обед, или поздний завтрак — сказать точно было бы трудно — состоял исключительно из армейских пайков. Затем Каргрейвз развернул постель на переборке, которая теперь стала палубой, отделявшей рубку от грузового отсека. Морри решил устроиться на ночь в пилотском кресле. С его подлокотниками, подголовником и подставкой для ног оно было похоже на парикмахерское кресло и могло откидываться назад. Каргрейвз не стал отговаривать мальчика, лишь напомнив ему о необходимости заблокировать пульт управления перед тем, как заснуть.

Но уже через час Морри вылез из кресла и расстелил мешок подле доктора. Арт и Росс улеглись в противоперегрузочных гамаках, представлявших собой удобные спальные места. Несмотря на приглушенный рокот двигателя, несмотря на возбуждение — ведь они были в настоящем космосе! — уже через несколько минут

мальчики крепко заснули. Они смертельно устали и нуждались в отдыхе. В течение ночи по мере уменьшения притяжения Земли «робот Джо» плавно снижал тягу двигателя.

Арт проснулся первым. Не сообразив, где находится, он едва не вывалился из гамака на спящих под ним товарищей, но все же успел сориентироваться. И наконец-то совсем проснулся.

Космос! Он летел в космосе! На Луну!

Затем мальчик на цыпочках перебрался в пилотское кресло. Он старался не шуметь, хотя его вряд ли можно было услышать сквозь рев двигателя и, не уступающий ему по силе, храп доктора и Морри. Усевшись на место пилота, Арт с любопытством и удовольствием ощутил необычайную легкость своего тела, вызванную снижением ускорения. Луна висела практически там же, где и была, но значительно выросла в размерах и казалась такой красивой, что Арт даже зажмурил глаза. Потом он снова с осторожностью их открыл. На секунду его пронзила тревога: как же они собираются достичь Луны, если та не движется к точке, на которую они нацелились?

Для Морри здесь не было бы проблемы: на курсах пилотов он хорошо познакомился с курсами столкновения, траекториями перехвата и прочими премудростями такого рода. Но поскольку ситуация казалась противоречащей здравому смыслу, Арт долго мучился, прежде чем ему удалось до некоторой степени уяснить положение: если автомобиль мчится наперерез железнодорожному полотну, а поезд приближается к перекрестку так, что они непременно должны столкнуться, то направление на поезд, с точки зрения шофера, не меняется вплоть до момента удара.

Это была простейшая задача на подобные треугольники, которую легко решить, если есть чертеж; но представить все это мысленно было не так-то просто. Луна движется к точке встречи со скоростью две тысячи миль в час, и все же направление на нее не будет меняться; она будет просто расти в размерах до тех пор, пока не заполнит собой весь небосвод.

Взгляд Арта скользнул по лику Луны, и в памяти всплыли красиво звучащие названия: море Спокойствия, океан Бурь, Лунные Апеннины, Лагранж, Птолемей, море Дождей, Катарина —

они так и лились с языка. Он не смог бы с уверенностью назвать столицы пятидесяти одного штата и даже страны, входящие в ООН, но географию Луны — или, может быть, селенографию? — Арт знал не хуже улиц родного города. Как же выглядит обратная сторона, второе лицо Луны, невидимое с Земли? Яркое свечение Луны начало резать глаза, и Арт посмотрел выше, устремив взгляд в черноту космоса, оттеняемую сиянием звезд.

В направлении полета «Галилея» было лишь несколько по-настоящему ярких звезд. Прямо по курсу, ближе к верхнему краю иллюминатора, мерцал Альдебаран. Справа закругление иллюминатора пересекало Млечный Путь, так что хотя бы небольшая часть этой величественной звездной реки открывалась глазам пилота. Арт разглядел несколько звезд Овна, а рядом с Альдебараном призрачные Плеяды. Но впереди, сколько бы он ни вглядывался, был виден лишь свет слабых звезд, мерцавших в глубокой бесконечности космической пустыни.

Откинувшись назад, Арт уставился в чудовищную даль, бездонность которой превосходила всякое человеческое воображение, и оцепенел, словно потеряв самого себя. Ему показалось, что он покинул уютный и безопасный корабль и погрузился в черное безмолвие. Он поежился и заморгал глазами, впервые ощутив желание никогда больше не покидать спокойного, привычного родного дома. Ему нестерпимо захотелось вернуться в лабораторию, в магазинчик, принадлежавший матери, к обычным разговорам простых людей, оставшихся на Земле и не думавших о беспредельных просторах космоса.

И все же черная бездна околдовала его. Он почувствовал под правой рукой рычаг управления. Сними он сейчас рычаг со стопора и переведи вправо, как они стремительно рванутся вперед и, развивая немыслимое ускорение, оставят Луну позади — еще было слишком рано, чтобы с ней встретиться. Прочь от Луны, от Солнца, от Земли, что осталась за спиной, — все дальше и дальше, пока не погаснет огонь в ториевой топке или не испарится весь цинк; но и тогда они не остановятся и будут вечно мчаться сквозь годы в бесконечные глубины Пространства.

Арт моргнул, зажмурил глаза и вцепился в подлокотники кресла.

10. НАУЧНЫЙ МЕТОД

— Ты что, спишь?

Голос заставил Арта вскочить; до сих пор он сидел, закрыв глаза, и оклик его испугал. Но это был всего лишь Каргрейвз, карабкавшийся наверх.

— Доброе утро, дядя. Рад видеть вас. Вы знаете, мне как-то не по себе в этом кресле.

— Доброе утро, если только это утро. Во всяком случае, где-то сейчас должно быть утро, — доктор посмотрел на часы. — Неудивительно, что ты чувствуешь себя неуютно. Интересно, понравилось бы тебе совершить подобное путешествие в одиночку?

— Только не мне!

— И не мне. На Луне будет не менее одиноко, но твердая почва под ногами придает хоть какую-то уверенность. Я думаю, путешествия на Луну не станут популярными до тех пор, пока там не появятся несколько миленьких шумных ночных баров и пара кегельбанов, — Каргрейвз уселся в кресло.

— Неужели такое будет?

— Почему бы и нет? Когда-нибудь Луну станут посещать туристы. Кстати, ты замечал, что туристы, прибывшие в незнакомое место, первым делом ищут те развлечения, которые могли с тем же успехом получить у себя дома?

Арт глубокомысленно кивнул, мотая это замечание себе на ус. Его собственный опыт путешественника был весьма скуден до сих пор!

— Как вы думаете, дядя, я смогу сфотографировать Луну через иллюминатор?

Каргрейвз вскинул голову.

— Конечно. Но зачем тратить пленку? Лучшие снимки Луны были сделаны с Земли. Подожди, пока мы не перейдем в свободный полет и не развернемся. И уж тогда ты сделаешь действительно уникальные фотографии — Земля из космоса! Или, еще лучше, сфотографируй Луну, когда мы будем облетать вокруг нее.

— Именно об этом я и мечтаю! Снимки обратной стороны Луны!

— Я так и подумал. — Каргрейвз на мгновение замолчал, а потом добавил: — Ты думаешь, там будет что снимать?

— Э-э... ага, я вас понял. Возможно, там будет слишком темно?

— Это не совсем то, что я хотел сказать, хотя и это тоже имеет значение: во время облета Луна будет еще совсем молодая — трехдневный серп; я имею в виду обратную сторону. Мы постараемся устроить так, чтобы ты смог сделать нужные снимки на обратном пути. Я про другое: откуда ты знаешь, что у Луны вообще есть обратная сторона? Ведь ты никогда ее не видел. И, кстати, никто ее никогда не видел.

— Но она должна... я хочу сказать, что... видна эта...

— Если я правильно расслышал, док, то у Луны нет обратной стороны? — Это был Росс, его голова внезапно появилась подле Каргрейвза.

— Привет, Росс. Нет, я этого не утверждал. Я лишь спрашивал Арта, что дает ему основание полагать, что она там есть.

— Не поддавайся ему, Арт, — улыбнулся Росс. — Разве ты не видишь, что он подначивает тебя?

Каргрейвз лукаво улыбнулся.

— Ну что ж, мистер Аристотель, вы схватили косточку. Постарайтесь доказать мне, что обратная сторона Луны существует.

— Это следует из общих соображений.

— Каких именно? Ты там был? Видел ту сторону?

— Нет, но...

— Может быть, ты хотя бы знаком с кем-нибудь, кто видел? Читал книги, статьи, авторы которых заявляли бы, что они видели?

— Нет. Но я уверен, что у Луны есть обратная сторона.

— Почему?

— Потому, что я вижу *эту* сторону.

— И что это доказывает? Разве твой опыт, приобретенный до нынешнего момента, не ограничивался лишь теми вещами, которые ты видел на Земле? Кстати, я могу назвать одну вещь, которую ты видел на Земле и у которой нет обратной стороны.

— А? И что же это такое? О чем это вы, ребята, толкуете? — раздался голос Морри, взбиравшегося наверх с другой стороны.

— Привет, Морри, — сказал Арт. — Хочешь сесть в свое кресло?

— Нет, спасибо. Я только присяду рядом. — Морри устроился на балке, болтая ногами. — О чем спор?

— Доктор пытается, — ответил Росс, — доказать нам, что у Луны нет обратной стороны.

— Нет, нет, — поспешил возразить Каргрейвз, — и еще раз нет! Я лишь хотел услышать сколь-нибудь доказательное подтверждение ее существования. Я уже говорил, что даже на Земле встречается вещь, не имеющая обратной стороны, и хотел таким образом отвести возражение Росса, основанное на его опыте,— даже если считать, что земной опыт обязательно применим на Луне, с чем я в общем-то не согласен.

— Та-ак. Секундочку! Рассмотрим сначала последнее утверждение. Разве законы природы не действуют везде, во всей Вселенной?

— Голословное утверждение, ничем не подкрепленное.

— Но, основываясь на нем, астрономы предсказывают затмения и прочие вещи, и весьма успешно.

— Ты смотришь на проблему не с той стороны. Китайцы предсказывали затмения задолго до того, как была принята теория неизменности законов природы. На самом же деле мы видим определенное сходство явлений, происходящих в космосе и на Земле. Это не имеет никакого отношения к обратной стороне Луны, которую вы никогда не видели и которой, быть может, вовсе не существует.

— Но некоторая часть той стороны иногда видна, — возразил Морри.

— Верно, — согласился Каргрейвз. — Из-за либрации и всего прочего, вроде эксцентричности лунной орбиты и наклонности ее оси — мы порой можем заглянуть за угол и увидеть примерно шестьдесят процентов ее поверхности, если, конечно, она имеет форму шара. Но я говорю о тех сорока процентах, которые мы никогда не видим.

— Ага, — сказал Росс, — вы имеете в виду, что невидимая часть может оказаться как бы срезанной, словно половинка яблока. Ну что ж, вы можете оказаться правы, что же до меня, то я готов поставить шесть молочных коктейлей с шоколадом за то, что вы заблуждаетесь. Расплатиться мы можем после возвращения на Землю. Идет?

— В научной дискуссии нет места для пари, — ответил Каргрейвз. — К тому же я могу и проиграть. Но я не имел в виду отрезанного куска яблока или чего-нибудь подобного. Я говорил лишь о том, что обратной стороны может не быть вовсе. Возможно, что, обогнув Луну, мы вообще ничего не увидим — ничего, кроме пустого пространства, — и что, глядя на Луну с той стороны, мы вовсе не увидим самой Луны. Я не утверждаю, что так и будет; я лишь прошу доказать, что мы что-то увидим.

— Минутку, — прервал его Морри, в то время как Арт с беспокойством взглянул в иллюминатор, словно опасаясь, что Луны там и вправду нет, — а она светила как ни в чем не бывало! — Док, вы упомянули о каком-то предмете, существующем на Земле и не имеющем обратной стороны. Разъясните подробнее глупому парнишке из Миссури!

— Радуга. Она видна только с одной стороны: со стороны, обращенной к Солнцу. Обратной стороны не существует.

— Но мы не можем пройти на ту сторону!

— Попробуй поэкспериментировать с садовым шлангом. Обойди вокруг радуги. И ты ее не увидишь.

— Но, док, — возразил Росс. — Это же совсем из другой оперы. Параллели здесь неуместны. Радуга — это лишь световые волны, а Луна — нечто вполне материальное.

— Именно это вы и должны доказать, и до сих пор вам это не удалось. Откуда вам известно, что Луна материальна? Все, что вы видите на ней, суть световые волны, как и в случае с радугой.

Росс задумался.

— Ну хорошо, я понял, к чему вы клоните. Но известно, что Луна действительно материальна. Еще в сорок шестом году ее ощупали лучами радара.

— Но это были все те же лучи: инфракрасный ли свет, ультракороткие ли радиоволны — все это одно и то же. Давай снова.

— Но они отразились!

— И вновь ты ищешь аналогию на Земле. Повторяю: нам ничего не известно о законах природы на Луне, кроме того, что мы получили, изучая нематериальные волны электромагнитного спектра.

— А как же приливов и отливов?

— Они, конечно же, существуют. Мы их наблюдаем, можем даже намочить в них ноги. Но в отношении Луны это ничего не доказывает. То, что приливы вызывает Луна, — лишь общепринятое мнение, голая теория. Человечество меняет теории так же легко, как нижнее белье. Быть может, уже в следующем году астрономы решат, что приливы порождают Луну. У тебя есть другие идеи?

Росс глубоко вздохнул.

— Вы пытаетесь запутать меня в словах. Верно, я никогда не видел обратной стороны Луны. Я не щупал ее и не пытался отломить от нее кусок. Кстати, используя вашу аргументацию, можно было бы предположить, что Луна состоит из зеленого сыра.

— Не совсем, — возразил Каргрейвз. — Насчет этого у нас есть более или менее достоверные сведения. Один астроном снял спектр зеленого сыра и сравнил его со спектром Луны. Ничего общего.

— Неужели и вправду? — хихикнул Арт.

— Точно. Можешь посмотреть статью.

Росс пожал плечами.

— Ничем не лучше данных экспериментов с радаром, — резонно возразил он. — Но вернемся к моему доказательству. Мы точно знаем, что существует видимая сторона Луны, неважно, какова ее природа, лишь бы она была достаточно материальна, чтобы отражать лучи радара. Тогда мы должны согласиться, что у нее есть обратная сторона — плоская, круглая, квадратная или бесформенная. Это лишь результат математической дедукции.

Морри хмыкнул.

Каргрейвз лишь еле заметно усмехнулся.

— Ну, Росс... подумай над своими словами. Что является предметом, изучаемым математикой?

— Математика изучает... — Росс внезапно осекся. — М-да, я наконец-то понял. Математика не изучает ничего реального. Если мы обнаружим, что у Луны нет обратной стороны, то нам просто придется изобрести новую математику.

— Вот об этом я и говорю! Все дело в том, что мы не можем утверждать, что другая сторона Луны имеется, пока мы не попадем туда. Я лишь пытался продемонстрировать вам, — продол-

жал доктор, — насколько несостоятельны умозаключения, сделанные при помощи «здравого смысла», если разобраться по-настоящему. Ни «здравый смысл», ни «логика» не способны ничего доказать. Доказательства добываются при помощи эксперимента или, что то же самое, из опыта, и ниоткуда более. Вот вам короткая лекция по научной методологии; можете зачесть ее за тридцать минут, отведенных на сегодняшние занятия. Кто-нибудь, кроме меня, хочет позавтракать? Или уменьшенный вес ухудшил ваш аппетит? — Доктор полез вниз.

Во время приготовления завтрака Росс выглядел очень сосредоточенным. Завтрак должен был быть настоящим: его решили приготовить из весьма ограниченного запаса неконсервированных продуктов. «Галилей» располагал чем-то вроде камбуза, состоявшего в основном из плитки и маленького холодильника. Была предусмотрена возможность мыть тарелки, ножи и вилки. Они ополаскивались водой, которую регенератор вытягивал из воздуха, а затем стерилизовались на плитке. На корабле было все, что нужно, даже маленькая, но такая необходимая ванна. Все вспомогательные предметы, даже такие, как тарелки, были изготовлены из цинка, резервного вещества для ненасытного реактора.

Они сели, точнее — опустились на корточки — за завтрак, состоявший из настоящего молока, овсяной каши, вареных яиц, булочки, кофе и джема. Когда все было съедено, Каргрейвз удовлетворенно вздохнул.

— Жаль, что такой пир нельзя будет устраивать каждый день, — сказал он, набивая трубку. — Космические путешествия еще нескоро станут комфортабельными.

— Осторожнее с трубкой, капитан, — предостерег его Морри.

— О черт, я совсем забыл, — виновато пробормотал Каргрейвз и с сожалением посмотрел на трубку. — Слушай, Росс, — спросил он. — Как ты думаешь, сможет ли кондиционер достаточно быстро освежить воздух?

— Давайте проверим, — ответил тот. — Я думаю, одна трубка не убьет нас. Но, док...

— Да?

— Э-э... а вы-то сами верите, что у Луны есть обратная сторона?

— Опять ты об этом?.. Конечно верю.

— Но...

— Это лишь мое личное мнение. Я верю в это, основываясь на предположениях, допущениях, теориях, суевериях и тому подобном. Это часть иллюзий, с которыми я живу, но они не являются строгим доказательством. Если на деле все окажется не так, то, надеюсь, мой разум окажется достаточно крепок, чтобы не свихнуться от этого. Кстати, подоспело время ежедневных занятий, — продолжал он. — Тридцать минут мы уже отработали, так что остается лишь полтора часа. Беритесь-ка за книжки.

Арт был поражен.

— Я подумал, что вы шутите, дядя. Неужели вы будете настаивать на выполнении такого расписания даже на Луне?!

— Если не помешают обстоятельства. Кстати, сейчас особенно удобно заняться пополнением запаса знаний, поскольку ничего не видно и совершенно нечего делать.

Удивленное лицо Арта прояснилось.

— Боюсь, мы не сможем сесть за уроки, дядя. Мы так далеко засунули книги, что достать их сможем только после посадки.

— Вот как? Ну что ж, это нас не остановит. Что такое школа? — процитировал он. — Это скамья, на одном конце которой сидит учитель, а на другом — ученики. У нас будут лекции и проверки.

Начнем с опроса на повторение. Ну-ка, садитесь поближе, несчастные!

Они уселись в кружок, скрестив ноги на переборке. Из своего бездонного кармана Каргрейвз извлек карандаш и сравнительно чистый лист бумаги.

— Ты первый, Арт. Изобрази и опиши устройство циклотрона. Повторим основы. Посмотрим, много ли ты забыл.

Арт, запинаясь, начал описывать важнейшие части циклотрона. Он нарисовал два пустотелых полуцилиндра, расположенных рядом и обращенных друг к другу разрезами.

— Полуцилиндры изготовлены из меди, — сказал он, — и к ним подводится высокое напряжение очень высокой частоты. В сущности, источник этого напряжения представляет собой нечто вроде коротковолнового передатчика — я его не стал рисовать. Помимо них имеется сильный электромагнит, поле которого проходит в щель между полуцилиндрами и направлено

вертикально. Весь аппарат помещен в вакуумную камеру. Берется источник ионов...

— Каких именно?

— Ну... можно ввести в камеру немного водорода и хорошенько разогреть его в центре между полуцилиндрами и получить ядра водорода — протоны.

— Так, продолжай.

— Протоны, разумеется, заряжены положительно. Переменный ток заставляет их совершать колебания между электродами. Но магнитное поле вынуждает их двигаться по окружностям, ведь протоны — заряженные частицы. В итоге они движутся по спирали между полуцилиндрами и при каждом обороте набирают скорость до тех пор, пока пучок их не вылетает наружу через тонкое металлическое окошко в безвоздушное пространство.

— Ну, и зачем все это нужно?

— Если направить такой пучок быстрых протонов на образец, например кусочек металла, то начнутся интересные вещи. Пучок выбивает электроны из атомов и даже может проникнуть вглубь ядер, вызывая ядерные реакции, делая вещество радиоактивным и всякое такое.

— Неплохо, — признал Каргрейвз и начал задавать вопросы, касающиеся деталей. — И вот еще что, — добавил он напоследок. — Ты отвечал удовлетворительно, но, между нами, схема нарисована небрежно.

— У меня никогда не получались рисунки, — защищался Арт. — Я всегда предпочитал делать фотографии.

— Ты, вероятно, сделал очень много снимков. Что же касается художественных способностей, то я их также лишен, но чертить я научился. Подумай, Арт, и вы двое тоже подумайте. Если вы не умеете чертить, это значит, что и увидеть толком не можете. Если вы четко представляете себе предмет, вы сможете перенести его на бумагу. И если вы что-то увидели и запомнили, вы должны суметь начертить по памяти.

— Как бы я ни старался, линии идут не туда, куда надо.

— Карандаш направляет твоя рука. У него нет собственной воли. Я посоветую тебе практиковаться, тренироваться и тщательно присматриваться к предмету, на который смотришь. Все вы,

оболтусы, собираетесь быть учеными, а умение чертить для ученого не менее важно, чем искусство владеть логарифмической линейкой. Даже более важно — ведь без логарифмической линейки можно и обойтись. Ну ладно, Арт. Следующим будет Росс. Расскажи-ка мне в двух словах о радиоактивной последовательности протактиния.

Росс набрал полную грудь воздуха.

— Существуют три семейства радиоактивных изотопов: семейство урана, тория и протактиния. Последнюю открывает изотоп уран-235, и... — Обстоятельный разговор продолжался около полутора часов; Каргрейвз хотел, чтобы они были как можно более свободными в будущем, и в то же самое время старался придерживаться духа и буквы соглашения, заключенного с отцом Росса.

Наконец он сказал:

— Ну что ж, теперь мы можем подкрепиться. Скоро тяга двигателя упадет до нуля. Ускорение постоянно уменьшается: чувствуете, как ваше тело становится легче?

— Возьмемся за К-рацион? — спросил Морри, который был не только вторым пилотом, но и интендантом.

— Не стоит, — медленно произнес Каргрейвз. — Давайте-ка ограничимся концентратом аминокислот и желе. — Он вопросительно приподнял брови.

— М-м-м... ясно, — согласился Морри, глядя на своих товарищей. — Наверное, вы правы.

Обучаясь на пилотских курсах, Морри и Каргрейвз побывали в невесомости, но желудки Росса и Арта еще предстояло испытать.

— А в чем, собственно, дело? — спросил Арт.

На лице Росса отразилось недовольство.

— Они думают, что нас стошнит. Мы же почти ничего не весим. Послушайте, док, вы нас за детей считаете?

— Нет, — ответил Каргрейвз. — Тем не менее вы можете плохо переносить невесомость. Со мной это уже было. И я считаю, что продукты, подвергнутые химической обработке, будут очень кстати.

— Какого черта! У меня крепкий желудок. Меня никогда не тошнило в самолете.

— А в море?

— Никогда не плавал на кораблях.

— Поступай как знаешь, — уступил Каргрейвз. — Но на одном я буду настаивать. Во время еды надень на лицо мешок. Мне не хотелось бы, чтобы то, что из тебя полезет, попало в кондиционер.

Доктор отвернулся и принялся готовить себе желе, насыпая в воду порошок. Размешав жидкость, он выпил ее. Продолжая хмуриться, Росс тем не менее отставил в сторону консервы и направился к плите, намереваясь приготовить аминокислотный концентрат на горячем молоке. Вскоре очнулся «робот Джо» и выключил двигатель.

Четверо путешественников отнюдь не взлетели к потолку, и ракета не стала бешено вращаться. Не произошло ни одной из тех вещей, которые обычно изображают в комиксах. Тяга постепенно исчезла, и все предметы в корабле попросту потеряли вес. Невесомость поразила их не больше чем наступившая тишина. Каргрейвз заранее осмотрел корабль и удостоверился, все ли привязано и закреплено, чтобы каюту не заполнили свободно парящие предметы.

Доктор, оттолкнувшись одной рукой, приподнялся в кресле и, двигаясь, словно пловец, плавно перевернулся в воздухе и медленно поплыл вниз — или, может быть, вверх: теперь эти понятия утратили смысл — туда, где болтались Арт и Росс, пристегнутые ради безопасности ремнями к своим гамакам. Ухватившись одной рукой за гамак Арта, доктор замедлил свое движение.

— Эй! Как вы там?

— Кажется, все в порядке, — сглотнув, пробормотал Арт. — Похоже на падение в лифте. — Его лицо заметно позеленело.

— А ты, Росс?

— Ничего, терплю, — сказал Росс и замолчал.

Его лицо было даже не зеленым, а скорее серым. Космическая болезнь — не шутка, и об этом знает каждый начинающий пилот. Она похожа на морскую болезнь — тошноту, возникающую у пассажиров, когда судно проваливается между волнами — с той

лишь разницей, что в космосе это падение продолжается непрерывно.

Во время коммерческого рейса из одного пункта Земли в другой невесомость длится не более нескольких минут при переходе от полета с включенным двигателем к парению. Рассчитанный Каргрейвзом курс предусматривал многочасовой участок свободного падения. С их запасами топлива можно было проделать на тяге весь путь, но тогда было бы невозможно развернуть корабль — что он собирался сделать сейчас — до того, как придет время предпосадочного торможения.

Только повернув корабль, можно было посмотреть из космоса на Землю; Каргрейвз намеревался сделать это, пока Земля не удалилась на значительное расстояние.

— Некоторое время вам придется провести на своих местах, — предупредил он. — Я собираюсь развернуть ракету.

— А можно мне посмотреть? — спросил Росс, делая героическое усилие. — Я так долго ждал этого момента! — Он отстегнул ремни и тут же едва не подавился. Из его рта показалась слюна, которая не потекла по подбородку, а разделилась на крупные капли, которые нерешительно разлетелись в разные стороны.

— Возьми носовой платок, — посоветовал Каргрейвз, который чувствовал себя лишь немногим лучше. — И спускайся, если сможешь. — Он повернулся к Арту.

Тот уже вовсю пользовался своим платком. Каргрейвз вернулся в пилотское кресло. Он знал, что не в силах помочь мальчикам, к тому же его собственный желудок также выписывал кренделя и, казалось, медленно кувыркался. У доктора появилось желание закрепить его на месте, хорошенько прижав ремнем. Усевшись в кресле, он заметил, что Морри согнулся пополам, держась за живот. Каргрейвз не стал ничего говорить и внимательно присмотрелся к приборам, готовясь к развороту. Ничего, Морри оправится.

Развернуть корабль было очень простым делом. В центре тяжести корабля располагался небольшой массивный металлический маховик. На пульте управления имелась рукоятка, при помощи которой его можно было поворачивать на произвольный угол. Маховик был установлен на свободном карданном подве-

се, и после поворота кардан можно было зафиксировать. Маховик раскручивался и останавливался при помощи электромотора.

Маховик мог развернуть находящийся в свободном падении корабль и затем удерживать его в новом положении. Следует пояснить, что поворот никоим образом не влиял на курс и скорость «Галилея», а лишь на его ориентацию, направление, в котором он был нацелен. Так, прыгая в воду с вышки, ныряльщик может крутить во время падения сальто, нисколько не меняя траектории своего полета.

Сравнительно небольшой маховик способен развернуть огромную махину корабля в силу физических законов, проявление которых на Земле не очень заметно. Основным принципом является сохранение момента движения, в данном случае — углового момента. С ним очень хорошо знакомы любители фигурного катания на льду; многие из сложнейших трюков основаны на применении этого закона.

Как только маховик начинал быстро вращаться, корабль медленно разворачивался в противоположном направлении. Когда маховик останавливался, корабль тут же прекращал разворот.

— Наденьте темные очки! — запоздало крикнул Каргрейвз, когда корабль начал разворот и звезды поплыли мимо иллюминатора.

Мальчики, хоть и имели плачевный вид, все же нашли в себе силы нащупать очки, которые на этот случай лежали у каждого в кармане, и нацепить их себе на нос. Очки понадобились очень скоро. Луна плавно скрылась из виду.

В иллюминаторе показались Земля и Солнце. Земля выглядела огромным ярко светящимся серпом, похожим на Луну спустя два дня после новолуния. На этом расстоянии в одну четверть пути до Луны Земля казалась раз в шестнадцать больше, чем Луна с Земли, и намного величественнее. Рога серпа были бело-голубыми из-за полярных снежных шапок. Вдоль серпа виднелись зеленовато-голубые моря и темно-зеленые и песчано-коричневые просторы океанов, лесов, полей... Линия тени пролегла через сердце Азии. Все это было видно совершенно отчетливо, будто на школьном глобусе. Индийский океан был частично скрыт облаками —

возможно, под ними свирепствовал шторм, но отсюда они были похожи на полярные снега.

Между рогами серпа пряталась ночная сторона Земли; она была слабо, но достаточно ясно освещена почти полной Луной, оказавшейся за кормой корабля. Там и тут в темноте вспыхивали сверкающие бриллиантами огоньки — земные города, такие родные, такие знакомые и манящие. На Луне такого не увидишь, даже когда «молодой месяц держит в объятиях старую Луну».

На полпути от экватора к северному рогу виднелись три очень ярких огня, расположенные близко друг от друга, — Лондон, Париж и возрожденный Берлин. На другом берегу темного Атлантического океана, на самом краю диска, сияла особенно яркая точка — огни Бродвея и всего Большого Нью-Йорка.

Трое юношей видели Нью-Йорк впервые, не говоря уже об остальной части планеты!

Хотя это и был их дом, который они могли сейчас наблюдать со стороны, откуда до сих пор никто никогда не видел Землю, внимание мальчиков довольно скоро привлекло еще более захватывающее зрелище — Солнце. Его видимые размеры составляли лишь одну шестнадцатую огромного серпа Земли, но все же сравнивать их было невозможно. Солнце висело под Землей — разумеется, по отношению к ориентации «Галилея», а не в смысле «выше» или «ниже» — на расстоянии примерно в четыре видимых диаметра последней. Размеры самого светила были точно такими же, как и при взгляде с Земли, а яркость примерно такой же, какую можно видеть в полдень в прозрачном небе пустыни. Но небо вокруг него в безвоздушном пространстве было черным, и Солнце опоясывала сияющая корона. Видны были протуберанцы, и по лику Солнца проносились испепеляющие бури.

— Не смотрите прямо на Солнце, — предупредил Каргрейвз, — даже если вы настроили поляризатор на максимальное поглощение. — Доктор имел в виду двойные линзы очков, сделанные из поляризующего стекла. Внешние стекла могли поворачиваться.

— Я должен сфотографировать это! — воскликнул Арт и выскочил из гамака, совершенно забыв про космическую болезнь.

Вскоре он вернулся к иллюминатору, захватив «Контакс», и начал прилаживать к нему самый длиннофокусный объектив.

Старая камера была одним из немногих предметов, которые мать Арта умудрилась вывезти из Германии, и мальчик ею очень гордился. Привинтив объектив, он извлек из футляра «Уэстон», но Каргрейвз остановил его.

— Хочешь спалить экспонометр? — спросил он.

Рука Арта замерла.

— Да, верно, — признал он. — Но как я получу снимок?

— Может, ты его вообще не получишь. Лучшее, что ты можешь сделать — взять пленку наименьшей чувствительности, самый темный фильтр, установить самую малую диафрагму и самую короткую выдержку. Потом помолиться Богу.

Глядя на расстроенного мальчика, доктор продолжал:

— На твоем месте я бы не стал расстраиваться из-за снимков Солнца. Пусть этим занимаются астрономы, которые выйдут в космос по нашим стопам. Лучше займись фотографированием Земли. Сначала пощелкай Солнце, а потом мы займемся Землей. Я заслоню объектив от Солнца рукой.

Арт сделал несколько снимков Солнца и приступил к фотографированию Земли.

— Никак не могу замерить экспонометром, какую поставить выдержку, — пожаловался он. — Солнце слишком мешает.

— Ты же знаешь, сколько света получает Земля. Давай предположим, что освещенность примерно соответствует условиям пустыни, и установим выдержку и диафрагму на чуть большую и чуть меньшую экспозиции.

Когда Арт закончил, Каргрейвз сказал:

— Смотрите, ребята, как бы нам не обгореть. — И, потрогав пластиковую оболочку кварцевого иллюминатора, добавил: — Фильтр, конечно, отсеивает наиболее губительные лучи, но осторожность не повредит.

— Ерунда, мы все загорели дочерна, — возразили мальчики, на коже которых оставило свои следы жаркое солнце пустыни Нью-Мексико.

— Верно. Но это самый яркий солнечный свет, который когда-либо видели люди. Так что будьте осторожны.

— Интересно, — заговорил Морри, — насколько опасны эти лучи, раз они не задерживаются атмосферой? Я не имею в виду возможность получить небольшой солнечный ожог.

— Ты читал те же самые статьи, что и я. Кроме всего прочего, мы подвергаемся еще и мощному космическому облучению. Все это может оказаться смертельным. А может быть, у ваших детей будут длинные зеленые щупальца. Что поделаешь, мы вынуждены рисковать.

— Колумб тоже рисковал!

— И подумайте, как далеко его это завело! — вставил Арт.

— И за все труды его упекли в каталажку!

— Как бы там ни было, — заметил Каргрейвз, — сейчас я разверну корабль так, чтобы Солнце не светило прямо на нас. Фюзеляж и так уже слишком сильно нагрелся.

Заботиться об обогреве корабля не было необходимости, зато отвод избыточного тепла представлял собой серьезную проблему. Полированный корпус отражал большую часть падающих на него лучей, но солнечный свет, попадающий в иллюминатор, создавал нежелательный парниковый эффект. Охлаждение в обычном смысле этого слова было невозможно: корабль представлял собой замкнутую систему, так что избавиться от избытка тепла можно было, лишь излучая энергию во внешнее пространство. В данный момент ракета поглощала тепло гораздо эффективнее, чем излучала его.

— Я хотел бы сделать еще несколько снимков, — возразил Арт.

— Я развернусь так, что мы не упустим Землю из виду, — пообещал Каргрейвз и установил рукоятку управления маховиком в соответствующее положение. Потом он поднялся наверх и присоединился к мальчикам, которые плавали напротив иллюминатора, словно рыбки в аквариуме.

Росс прижал кончик пальца к прозрачному стеклу; даже такого легкого усилия оказалось достаточно, чтобы отбросить его прочь.

— Слушайте, док, а что будет, если в стекло угодит метеорит?

— Даже и думать об этом не хочу. Впрочем, беспокоиться тут нечего. По расчетам Лея, шанс нарваться на метеорит за время путешествия к Луне и обратно составляет один к пятистам тыся-

чам. Я вычислил, что рискую гораздо больше, когда сажусь в так называемый автомобиль, на котором вы, ребята, гоняете.

— Это хорошая машина.

— Должен признать: работает она отлично. — Сказав это, Каргрейвз отодвинулся в сторону движением, которым пловец-спринтер отталкивается от стенки бассейна. — Арт, когда кончишь фотографировать Землю, я предложу тебе кое-что получше. Как насчет того, чтобы Землю послушать?

— Кое-что получше... Что? Что вы сказали?

— Разогрей-ка свои лампы и прислушайся: нет ли передач в эфире?

Со времени старта они еще ни разу не включали радио. Дело было не только в помехах от двигателя: на время прохода атмосферы все антенны, даже штыревые, пришлось втянуть в корпус. И лишь теперь, когда дюзы замолчали, наступил удобный момент попытаться установить связь. Разумеется, включенный сразу после старта радар посылал сигналы примерно так же, как и радиопередатчик, но теперь они находились далеко за радиусом действия приборов, используемых для пилотирования.

Их радар мало походил на гигантские радиотелескопы, применяемые для зондирования Луны. Размер кварцевого окна, через которое работал радар, был слишком мал для установки большой антенны, способной излучать энергию, достаточную для того, чтобы пройти расстояние от Земли до Луны.

Арт тотчас же занялся рацией, впрочем заявив, что шансы поймать что-либо весьма малы.

— Для этого нужен пучок, достаточно узкий, ну как... словом, остронаправленный. И чего ради кто-нибудь будет посылать сюда такой пучок?

— Чтобы связаться с нами, — предположил Росс.

— Они не смогут нас найти. На таком расстоянии маленький корабль нельзя обнаружить даже радаром — слишком мала отражающая поверхность, — авторитетно объявил Арт. — Нет, современный радар на это не способен. Быть может, в будущем... ой!

— Поймал что-нибудь?

— Тише! — Арт уставился прямо перед собой с выражением предельного, почти болезненного сосредоточения, которое можно

видеть на лицах операторов, надевших наушники. Он осторожно прикоснулся к ручкам настройки и схватился за бумагу и карандаш. Писать в невесомости оказалось не так-то просто, но мальчик прилежно царапал кончиком карандаша.

— Есть кое-что, — прошептал он спустя пару минут. — Слушайте:

РАДИО ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ» РАДИО ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ» РАДИО ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ» ДОКТОР КАРГРЕЙВЗ АРТУР МЮЛЛЕР МОРРИС АБРАМС РОСС ДЖЕНКИНС ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС СЛЕДИЛИ ЗА ВАМИ ПОКА НЕ ПОТЕРЯЛИ КОНТАКТ В НОЛЬ ОДИН ТРИНАДЦАТЬ ПО ГРИНВИЧУ ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО СЕНТЯБРЯ ПРОДОЛЖАЕМ ВЫЗЫВАТЬ ВАС НА ЭТОЙ ЧАСТОТЕ НАПРАВЛЯЕМ ЛУЧ ПО ВЕРОЯТНОЙ ТРАЕКТОРИИ ЖЕЛАЕМ УДАЧИ РАДИО ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ» РАДИО ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ...

— И затем все повторяется. Видимо, это запись, — сказал Арт дрожащим голосом.

— Черт побери! — только и смог вымолвить Росс.

— Ну, ребята, похоже, мы стали знаменитостями. — Каргрейвз старался говорить как можно спокойнее. Впрочем, от тут же заметил, что сжимает в каждой руке по обломку трубки — он разломил ее, даже не заметив как. Пожав плечами, он выпустил обломки из пальцев.

— Но как им удалось нащупать нас? — настаивал Арт.

— В радиограмме об этом сказано достаточно ясно, — указал Морри. — Обратили внимание на время? Именно тогда мы легли в свободный полет. А до тех пор они следили за пламенем дюз.

— Как? В телескоп?

— Скорее всего, — вмешался Каргрейвз, — при помощи антиракетного пеленгатора.

— Что вы? Ведь такое оборудование имеется только у патрулей ООН!

Каргрейвз выдавил улыбку.

— А почему бы ООН не интересоваться нами? А теперь, парень, постарайся сообщить им что-нибудь в ответ!

— Я попытаюсь.

11. НА ОДНУ АТОМНУЮ ВОЙНУ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МОЖНО

Арт с головой ушел в работу, но так и не смог выудить из эфира ни одного сигнала, который свидетельствовал бы о том, что его попытки увенчались успехом. Передачи с Земли слышны были еще в течение трех с половиной часов — он их слушал в промежутках между собственными попытками послать радиограмму. Затем и они умолкли: корабль вышел из зоны направленного луча. Как бы то ни было, им удалось установить самую дальнюю связь в истории человечества.

«Галилей» продолжал упорно продвигаться к той невидимой границе, где кончается власть Земли и вступает в свои права меньшая масса Луны. Выше и выше, дальше и дальше — корабль несся в свободном полете, замедляясь из-за все еще заметного притяжения Земли, но все еще используя запас скорости, набранной за счет работы двигателя, до тех пор, пока не преодолел границу и оказался во власти Луны. С этого момента ракета начала понемногу ускоряться, падая на поверхность серебристого спутника Земли. Путешественники поели, поспали, потом поели опять, глядя на удаляющуюся Землю, потом снова улеглись спать.

Пока они спали, «робот Джо» встрепенулся, задал вопросы своим механизмам, решил, что невесомости с него хватит, и опять запустил двигатель. Но сначала он развернул корабль так, чтобы его дюзы смотрели в сторону Луны: теперь корабль гасил скорость, а иллюминатор был направлен к Земле. Рев двигателя разбудил экипаж. Предугадав появление тяжести, Каргрейвз заранее велел всем пристегнуться. Отвязав ремни, они спустились к пульту управления.

— Где же Луна? — спросил Арт.

— Прямо под нами, а где же еще, — объяснил ему Морри.

— Поищи-ка ее радаром, — попросил Каргрейвз.

— Сейчас! — Морри щелкнул переключателем, подождал, пока прибор прогреется, и принялся его настраивать. На краю экрана появилось расплывчатое большое пятно — Луна. — Примерно пятнадцать тысяч миль, — сказал он. — Пора проверить курс, капитан.

Больше часа они наблюдали, измеряли и вычисляли. Направление на Луну и расстояние до нее можно было определить с помощью радара. Направление действия двигателя определялось по положению звезд, видимых в иллюминаторе. Несколько радарных наблюдений, проводимых через определенные промежутки времени, давали курс и скорость, которые можно было сравнить с курсом и скоростью, выдаваемыми на приборную панель автоматикой. Все эти данные надо было принять во внимание при проверке правильности работы «робота Джо».

Было выявлено несколько мелких ошибок и в автопилот ввели соответствующие поправки. Джо воспринял изменения инструкций без замечаний. Покуда Морри и доктор занимались этим, Арт и Росс приготовили лучший завтрак, который только смогли собрать. Ощутить под собой более-менее твердую почву оказалось для них приятным облегчением — для них и их желудков, которые с великим трудом приспособились к невесомости. Обретя опору, они тут же потребовали нормальной пищи.

С едой было покончено, и Каргрейвз с сожалением вспоминал о сломанной трубке, когда раздался звонок. Джо выполнил все указания, его эксцентрик отработал свое, и автопилот теперь желал отдохнуть. Все четверо вскарабкались к пульту управления. Огромная ослепительно-белая Луна закрывала собой большую часть экрана. Она была настолько близко, что можно было воочию видеть перемещение ракеты — стоило лишь обратить внимание на неподвижные предметы: кратеры или горные цепи.

— Вот это да! — закричал Арт.

— Ну, и как вам это? — проговорил Росс, глядя во все глаза.

— Впечатляет, — сказал Каргрейвз. — Но пора за работу. Пристегнитесь ремнями и приготовьтесь к маневру.

С этими словами он устроился в пилотском кресле и повернул рычаг, приказавший Джо идти спать. Теперь ручное управление было переключено на самого доктора. Направляемый Морри,

который следил за экраном радара, Каргрейвз сделал один за другим несколько незначительных поворотов. Его целью было вывести корабль с параболической траектории, которой тот следовал до сих пор, на круговую окололунную орбиту.

— Ну как? — спросил он после продолжительного молчания.

— Отлично! В самую точку! — заверил его Морри после недолгой заминки.

— Ты уверен, что достаточно точно, чтобы перейти на автоматику и повернуть корабль.

— Дайте я еще чуть проверю. Несколько минут.

Вскоре Морри подтвердил, что с маневром — полный порядок. Еще до того, как Каргрейвз попросил о проверке, они перешли в свободный полет. Морри крикнул Россу и Арту, что они могут отстегнуться. Повернув корабль так, что иллюминатор вновь был направлен к Луне, доктор набрал код, приказывая Джо вновь взять управление на себя. Теперь задачей автопилота было подключиться к радару и следить, чтобы высота и скорость оставались неизменными. Освободившись от ремней, Арт схватился за фотоаппарат и тут же приник к иллюминатору.

— *Боже мой! — воскликнул он.* — *Вот это да!* — Он навел камеру и лихорадочно щелкал до тех пор, пока Росс не обратил его внимание на то, что с объектива не снята крышка. Лишь после этого незадачливый фотограф несколько успокоился.

Росс парил лицом вниз, глядя на развертывающуюся под ними безжизненную картину. В безмолвной тишине ракета скользила в двух сотнях миль от поверхности планеты, приближаясь к линии, разделяющей свет и тьму. Внизу лежали длинные тени; пустыни и острия горных вершин казались от этого еще более зловещими.

— Да, страшноватая картинка, — признал Росс. — По правде сказать, мне здесь не слишком нравится.

— Хочешь сойти на следующей остановке? — осведомился Каргрейвз.

— Нет... но теперь наша затея кажется мне не такой привлекательной, как раньше.

Морри взял его за руку, чтобы Росс мог успокоиться, ощутив человеческое присутствие.

— Знаешь, что я думаю, Росс? — начал он, разглядывая бесконечные цепи кратеров. — Мне кажется, я знаю, как это все получилось. Эти кратеры, конечно же, не вулканического происхождения. И не метеоритного. *Они сделали все это сами!*

— Кто «они»?

— Жители Луны. Это их рук дело: они сами себя уничтожили. И все здесь изуродовали. У них было на одну атомную войну больше, чем можно.

— Ну и как же... — Росс уставился на Морри, затем перевел взгляд на поверхность Луны, словно силясь отыскать там разгадку зловещей тайны. Арт отложил в сторону камеру.

— А что вы об этом думаете, док?

Каргрейвз наморщил лоб.

— Вполне возможно, — согласился он. — Любая другая теория, объясняющая все естественными причинами, похоже, не проходит. Например: как объяснить наличие протяженных гладких участков, называемых морями? Дело в том, что там действительно были моря, и эти участки бомбардировались гораздо реже.

— И вот теперь эти моря исчезли, — вмешался Морри. — Селениты, жители Луны, уничтожили атмосферу, так что их моря испарились. Гляньте-ка на кратер Тихо. Именно там произошел самый сильный на планете взрыв. Он едва не расколол Луну надвое. Готов поспорить, у них нашелся умник, который придумал самое эффективное контроружие, которое сработало слишком уж хорошо. Это оружие взорвало все бомбы, имевшиеся в арсеналах сторон. Это их и доконало! Я в этом уверен.

— Ну что ж, — сказал Каргрейвз. — Я не разделяю твоей уверенности, но должен признать, что эта теория выглядит убедительнее других. Возможно, нам что-нибудь удастся обнаружить после посадки. Что же касается одновременного взрыва всех бомб, то могу привести достаточно веские теоретические возражения. Никто не имеет ни малейшего представления, как это сделать.

— Несколько лет назад никто не знал, как сделать атомную бомбу, — возразил Морри.

— Это верно, — Каргрейвз хотел сменить предмет обсуждения. Ему было неприятно вспоминать о кошмарах, мучивших его

во сне с самого начала Второй мировой войны. — Росс, что ты теперь думаешь об обратной стороне Луны?

— Скоро увидим, — усмехнулся Росс. — А вообще-то, ведь это она и есть.

Так оно в действительности и было. Двигаясь по круговой орбите, ракета обогнула Луну слева (если смотреть с Земли) и теперь летела над загадочной обратной стороной. Росс внимательно присмотрелся.

— Выглядит точно так же.

— А ты ожидал чего-то особенного?

— Ожидал? Нет. Но надеялся.

Только он это сказал, как корабль пересек границу света и тени, и поверхность Луны стала темной, но по-прежнему видимой — ее все еще освещал призрачный свет звезд... одних только звезд, ибо сияние Земли никогда не достигало этой стороны. Освещенные солнцем вершины остались далеко позади. При скорости, с которой они двигались — а для поддержания низкой круговой орбиты требовалась скорость четыре тысячи миль в час, — корабль совершал полный оборот вокруг планеты за полтора часа.

— Боюсь, фотографировать здесь не придется, — огорчился Арт. — Нужно было прилететь в другое время.

— Да уж, — согласился Росс, все еще вглядываясь вниз. — Это же надо — быть так близко и ничего не увидеть!

— Какие вы нетерпеливые, — сказал Каргрейвз. — Через восемь-девять дней мы стартуем вновь и опять облетим вокруг. И тогда вы сможете фотографировать и смотреть, пока глаза не устанут.

— А почему только девять дней? Продовольствия у нас хватило бы и на большее.

— По двум причинам. Во-первых, если мы стартуем во время новолуния, нам не придется всю обратную дорогу лететь против Солнца. Во-вторых, я соскучился по родным краям, а мы ведь еще даже на нее и не сели, — усмехнулся Каргрейвз. На самом деле он не хотел лишний раз испытывать судьбу, надолго задерживаясь в космосе.

Полет над знакомой, освещенной стороной Луны был великолепен, но краток, словно взгляд на витрины магазинов из окна

мчащегося автомобиля. Кратеры и моря были хорошо знакомы по картам, но сейчас представлялись новыми и неизведанными. Их появление напомнило четырем путешественникам встречу со знаменитой телезвездой «в натуре» — ощущение, граничащее с чувством нереальности.

Арт взялся за кинокамеру, которой пользовался прежде для съемки моделей серии «Звездный штурм», и заснял движение корабля от Моря Плодородия до кратера Кеплера, и в этот миг Каргрейвз отвлек его и велел пристегнуться. «Галилей» выходил на посадочную траекторию. Каргрейвз и Морри выбрали для посадки плоскую безымянную равнину в районе океана Бурь, располагавшуюся на границе видимой и обратной сторон Луны. Выбор пал на нее по двум причинам: во-первых, надо было попытаться установить связь с Землей, для чего нужно было ее видеть, а во-вторых, путешественникам хотелось исследовать хотя бы часть обратной стороны Луны.

Вновь был разбужен Джо. Ему велели следовать указаниям второго эксцентрика, спрятанного в его невидимых внутренностях, эксцентрика, который должен был обеспечить необходимую тормозную тягу и, главное, — последний момент посадки, посадки на двигателях и по указаниям радара. Каргрейвз осторожно выводил корабль на высоту и скорость, необходимые для начала работы автопилота, и когда Морри подал знак, что они находятся на нужной, заранее вычисленной орбите, он переключил управление на робота.

Джо «взялся за рычаги». Действуя маневровыми двигателями, он развернул корабль и начал посадку, используя кормовые дюзы, чтобы погасить огромную скорость. Теперь Луна была внизу, и доктор видел лишь звезды и серп Земли, находившейся в четверти миллиона миль от ракеты и ничем ему сейчас не способной помочь. «Удастся ли вернуться домой?» — думал Каргрейвз. Морри следил за сближением по радару.

— Все тик в тик, до девятого знака, капитан, — сообщил он с гордостью и, как всегда, сильно преувеличивая. — Дело считайте сделано.

В иллюминаторе было видно, как близко уже поверхность. Корабль на мгновение завис. Джо выключил маршевый двига-

тель и повернул ракету. Очухавшись после бешеного кувыркания, доктор увидел, что носовые дюзы извергают струи огня, и понял, что нижние двигатели тоже включены — их тяга и втиснула его в кресло. Ему уже почти казалось, что он и сам смог бы посадить корабль, настолько это напоминало ему ту посадку в пустыне.

Несколько секунд спустя доктор увидел, как плоская ровная поверхность уступает место огромным валунам, трещинам и разломам... если корабль сядет здесь, даже не потерпев аварии, то взлететь отсюда ему уже не удастся. Их обмануло Солнце. Оно стояло в зените, и вокруг не было теней. Казалось, плоская равнина тянется до самых гор. Они не были слишком высоки, но их вполне хватило бы, чтобы разнести «Галилея» в щепы. На оценку положения ушла всего-то одна секунда — но какая это была секунда! — а потом Каргрейвз лихорадочно взялся за дело.

Выключая одной рукой автопилот, другой он взялся за рычаг управления кормовым двигателем, рванул его до упора и тут же включил на полную мощность нижние двигатели. Нос ракеты задрался кверху. Корабль завис, готовый рухнуть в любой момент, и его удерживали только двигатели и гироскопы. Потом медленно, словно нехотя, заработал маршевый двигатель, и только теперь Каргрейвз понял, что медлительность ядерного реактора никогда не позволит ему сделать то, что он собирался сделать, — посадить ракету вручную.

«Галилей» двинулся прочь от Луны.

— Еще чуть-чуть — и конец, — тихо промолвил Морри.

Каргрейвз вытер со лба пот и поежился. Теперь он понимал, что ему предстоит. Он видел только одну возможность: направить ракету к Земле и рассчитать курс в пути — курс к планете, чья атмосфера помогла бы пилоту посадить взбесившийся корабль. Лишь в этот миг он понял, что до героя ему далеко. Он состарился и узнал об этом только сейчас. Его мутило от мысли, что он должен сказать об этом Морри.

— Собираетесь сажать вручную? — спросил юноша.

— Что?

— Это единственная возможность посадить корабль на незнакомой площадке. Теперь я это понял. Необходимо в последнюю

половину минуты видеть место посадки — работать носовыми двигателями и не пользоваться радаром.

— Я не могу сажать ракету, Морри.

Мальчик промолчал. Он уселся в кресло и смотрел прямо перед собой. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Я хочу увести корабль к Земле.

Морри даже не подал виду, что расслышал хотя бы слово. Его лицо не выражало ни одобрения, ни недовольства — вообще ничего. Каргрейвз вспомнил, как его отчитывал Росс — ослепший, весь в бинтах. Вспомнил о том, как Арт преодолел космическую болезнь ради того, чтобы сфотографировать Землю. О тех горячих деньках, когда они с Морри овладевали пилотским искусством. Но теперь парень молчал и даже не смотрел на доктора.

Что же ему делать, имея на руках ракету с подростками, за которых он отвечает? Он был ученым, привыкшим к лабораторным исследованиям, а вовсе не суперменом. Если бы Росс управлял кораблем... но даже в этой критической ситуации Каргрейвз вздрогнул, вспомнив о манере Росса водить автомобиль. Арт был немногим лучше. Морри же был самым отчаянным сорвиголовой из всей троицы.

Каргрейвз понимал, что лихой пилот из него уже не получится — мешают лишние двадцать лет. А вот эти мальчишки, с их невежеством, с их ободранными автомобилями, на которых они гоняют как бешеные, — это как раз для них ... Они были слишком молоды, чтобы чересчур осторожничать, они-то не передумают в последнюю секунду. Доктор припомнил слова Росса: «Я попаду на Луну, даже если придется идти пешком».

— Морри, сажай ракету.

— Есть, сэр!

Мальчик так и не посмотрел на Каргрейвза. Он поставил корабль на хвост и медленно опускал его, потихоньку уменьшая тягу кормового двигателя. В момент, подсказанный интуицией, каким-то внутренним расчетом — Каргрейвз не видел в иллюминаторе ничего, кроме звезд, и мальчику было видно не больше, — он вновь развернул ракету, одновременно выключив маршевый двигатель.

Поверхность Луны была совсем рядом и быстро приближалась. Морри дал вспышку из нижних дюз, оказавшись в резуль-

тате над гладкой полоской поверхностью, а затем начал опускаться, придерживая корабль короткими ударами носового двигателя и поминутно выглядывая наружу. Он опустился так низко, что доктору показалось: вот-вот корабль ткнется в почву носом, иллюминатор разобьется, и они все погибнут. Но Морри дал еще одну вспышку, которая чуть приподняла ракету, затем развернул ее и опустил вниз почти горизонтально и так близко к лунной поверхности, что доктор видел ее сквозь стекло.

Бросив короткий взгляд в иллюминатор, Морри в последний раз включил нижние дюзы и мягко посадил ракету. «Галилей» опустился на Луну.

— Есть посадка, сэр! Время ноль восемь тридцать четыре.

Каргрейвз глубоко вздохнул.

— Великолепная посадка, Морри! Просто чудесно!

— Благодарю вас, сэр!

12. ГОЛЫЕ КОСТИ

Росс и Арт уже отстегнули ремни и, возбужденно переговариваясь, собирались надевать скафандры, когда Каргрейвз, неуверенно вылез из своего кресла. Его обманула слабая сила тяжести в одну шестую земной. К невесомости и ускорениям, спиравшим грудь, он привык; искусственная сила тяжести в один g, возникавшая при работе двигателя, не смущала доктора. Пристегнувшись, он переносил развороты ничуть не тяжелее, чем маневры самолета. Тут же было нечто иное, и к этому нужно привыкнуть, решил он. Это было похоже на ощущение, возникающее у человека после того, как он снимает горнолыжные ботинки или тяжелые сапоги.

Морри еще некоторое время оставался в кресле, заполняя и подписывая бортжурнал. Его смутила графа «позиция». В школе пилотов его учили записывать здесь широту и долготу пункта прибытия. А какие же были координаты у этого места? Луна, как и Земля, имеет северный и южный полюса, что вполне определяет широту любой ее точки. Что же касается долготы, она остается неопределенной до тех пор, пока не будет выбран нулевой меридиан. Это уже было сделано: «Гринвичем» Луны стал Тихо.

Но навигационные таблицы составлялись для Земли.

Проблема была разрешима, и Морри об этом знал. Пользуясь сферической тригонометрией, можно было перенести на Луну решения небесного треугольника, на которых основывалась вся навигация. Но это потребовало бы сложных расчетов, совсем не похожих на выкладки, производимые пилотами самолетов по заранее составленным таблицам. Моррису пришлось бы обратиться к методу Марка Хилари, о котором никто не вспоминал уже более двадцати лет, и пересчитать по условиям Луны решения, определенные для Земли.

Этим можно заняться потом, к тому же Каргрейвз должен будет все перепроверить, решил он. Луна звала Морри.

Он поспешил присоединиться к остальным членам экипажа, собравшимся подле иллюминатора. Перед ними простиралась серовато-коричневая безжизненная равнина, вдалеке возвышались зубчатые холмы. Было жарко, ослепительно светило Солнце; ракету окутывало абсолютное безмолвие. Земли не было видно: в последние секунды совершенной без подготовки посадки они пересекли грань и сели на обратной стороне Луны.

Вместо медного неба, которое нависало бы над безрадостной каменистой пустыней на Земле, над ними простирался черный свод, усыпанный сияющими звездами. Ну что ж, подумал Морри, все еще занятый проблемами навигации, во всяком случае, заблудиться тут будет сложно. Курс можно будет без труда проложить по звездам.

— Когда же мы выйдем наружу? — спросил Арт.

— Не суетись, — Росс повернулся к Каргрейвзу. — Да, доктор, посадка была отличная, но скажите, первый подход — это был осмотр местности на ручном управлении, или вы и его загнали в программу автопилота?

— Честно говоря, ни то ни другое, — доктор секунду колебался; первые же слова Росса и Арта показали, что они даже не догадывались ни о грозившей им аварии, ни о его опасной нерешительности.

Стоило ли рассказывать об этом теперь? Доктор понимал, что, промолчи он, и Морри не проронит ни звука. Поэтому Каргрейвз решил быть откровенным. Мужчина — именно мужчи-

на, а не мальчик — должен получить заслуженное им признание.

— Нам пришлось отключить робота, и посадку Морри произвел сам, — сказал он.

Росс тихонько присвистнул.

— Что вы сказали? — воскликнул Арт. — Только не говорите, что радар вышел из строя! Я его проверял шесть раз!

— Твои приборы работали безупречно, — заверил его Каргрейвз. — Тем не менее человек может сделать кое-что недоступное технике. Так оно и получилось.

И он стал рассказывать о том, что же произошло. Росс широко открытыми глазами рассматривал Морри до тех пор, пока тот не покраснел.

— Говорил же я, что ты отличный пилот, — заявил Росс. — Но я рад, что не знал, что там у вас происходит.

Он отошел, фальшиво насвистывая «Пляску смерти», и взялся за скафандр.

— Так когда же мы выйдем наружу? — настаивал Арт.

— Думаю, прямо сейчас.

— Ура!

— Не спеши, не спеши. Быть может, именно на твою долю выпадет жребий остаться на корабле.

— Э-э... послушайте, дядя, а зачем кому-то оставаться? Ведь ракету никто не украдет!

Каргрейвз заколебался. Осторожный по натуре, он намеревался каждый раз оставлять на корабле хотя бы одного человека. С другой стороны, для этого не было никаких оснований. Человек, остающийся на корабле, ничем не сможет помочь тем, кто снаружи, до тех пор, пока не натянет скафандр и не выйдет из ракеты.

— Мы пойдем на компромисс, — сказал он. — Морри и я... — Тут ему пришло в голову, что не стоит рисковать сразу двумя пилотами. — Нет, мы с Артом выйдем первыми. Если все будет в порядке, Росс и Морри выйдут следом за нами. Ну что, гвардейцы, — добавил он, поворачиваясь, — надеть скафандры!

Они помогли друг другу влезть в космические костюмы, смазав сначала противосолнечной мазью лица там, где они не были прикрыты темными очками. Потом Каргрейвз распорядился

накачать в скафандры воздух под удвоенным давлением, а сам тем временем тщательно проверил кислородные баллоны. Проверили и средства связи. Пока вокруг был воздух корабля, можно было переговариваться и так, но звук был приглушен шлемами. Радиосвязь обеспечивала гораздо лучшую слышимость.

— Ну, ребята, — сказал наконец Каргрейвз, — мы с Артом вместе войдем в шлюз, потом обойдем корабль и встанем так, чтобы вы могли нас видеть. Вы сможете выйти, когда я махну рукой. И последнее: все время держитесь вместе. Не отходите от меня дальше, чем на десять ярдов. Да, кстати, выйдя наружу, вы все обязательно захотите проверить, как высоко вы сможете подпрыгнуть. Я слышал, как вы об этом говорили. Так вот, могу сказать заранее: вы подпрыгнете на двадцать пять-тридцать футов или около того. Но прошу вас: не делайте этого.

— Почему бы и нет? — спросил Росс, его голос в наушниках звучал непривычно.

— Потому, что если кто-то упадет головой вниз и разобьет шлем, то нам придется там же его и похоронить. Пошли, Морри! Прошу прощения, я имел в виду — Арт!

Они втиснулись в крохотный шлюз, заполнив его собой почти до отказа. Мотор насоса, откачивающего воздух, коротко взревел — так мало осталось не занятого их телами пространства — затем захлебнулся и умолк. Щелкнул клапан насоса, и Каргрейвз открыл люк. Оттолкнувшись ногой от ракеты, доктор почувствовал, как плавно он падает — скорее плывет — к поверхности Луны. Следом прыгнул Арт и, опустившись на ладони и колени, легко вскочил на ноги.

— Ну как, парень?

— Великолепно!

Они двинулись в обход корабля, бесшумно ступая башмаками по мягкой почве. Посмотрев под ноги, доктор взял рукой горсть пыли и принялся рассматривать ее, стараясь понять, не похожа ли она на почву, опаленную атомным взрывом. Доктор думал о теории, выдвинутой Моррисом.

Они сейчас находились внутри лунного кратера — это было ясно, так как их со всех сторон окружали цепи холмов. Не воронка ли это, оставшаяся от ядерной бомбы?

Сказать наверняка было трудно. Лунный грунт действительно был похож на оплавленную, — всю в пузырях, землю, подвергнутую воздействию ядерного взрыва. Но это могло быть и результатом вулканической деятельности или взрыва, вызванного падением гигантского метеорита. Ну что ж, решение этой проблемы придется отложить на потом.

Внезапно Арт остановился.

— Дядя! Мне нужно вернуться назад!

— Что такое?

— Я забыл фотоаппарат!

Каргрейвз рассмеялся.

— В следующий раз. Твоя натурщица никуда не денется.

Страсть Арта все разгорается, подумал он. Если так пойдет дальше, он даже в ванну не залезет без своей камеры. «Хорошо бы сейчас искупаться», — вздохнул мысленно Каргрейвз, вспомнив о ванне. Путешествия в космосе имеют свои отрицательные стороны. Запах собственного тела был неприятен доктору, особенно в герметичном скафандре.

Росс и Морри с видимым нетерпением ждали у иллюминатора. Их радиоголоса, до сих пор экранированные стальным корпусом корабля, свободно проникали сквозь кварцевое стекло.

— Как там у вас? — закричал Росс, прижав к иллюминатору нос.

— Кажется, все в порядке, — послышался голос Каргрейвза.

— Нам можно выходить?

— Подождите минутку, я еще не уверен.

— Ну ладно, — разочарованно протянул Росс.

Ему на месте не сиделось от нетерпения, но дисциплина на корабле соблюдалась свято. Арт скорчил ему рожу и изобразил что-то вроде танца, при каждом прыжке взлетая футов на пять в воздух, точнее — в вакуум. Он медленно и даже грациозно парил. Его движения напоминали замедленные съемки или, скорее, балет под водой. Но когда он начал подпрыгивать все выше, постукивая при этом башмаками, Каргрейвз велел ему стоять спокойно.

— Перестань топорщить перышки, — сказал он, — и опустись на поверхность. Нижинский из тебя не получится.

— Нижинский? Кто это?

— Неважно. Во всяком случае, пусть ноги будут на грунте. Морри! — позвал он. — Давайте, выходите — ты и Росс.

Морри и Росс не заставили долго себя ждать. Ступив на поверхность Луны, Морри взглянул на окружающую его безжизненную равнину и изрезанные вершины скал вдалеке. На него внезапно нахлынуло предчувствие беды, и в душу закралось какое-то неприятное ощущение.

— Голые кости, — пробормотал он. — Голые кости мертвого мира.

— Ну, — сказал Росс. — Ты идешь?

— Только после вас, сэр.

К ним присоединились доктор и Арт.

— Куда теперь? — спросил Росс

— На первый раз я не хотел бы слишком отдаляться от корабля, — заявил Каргрейвз. — Здесь могут оказаться какие угодно ловушки, которых сразу и не заметишь. Какое у вас давление в скафандрах?

— Как на корабле.

— Можете уменьшить его вдвое. Этого будет достаточно. Мы дышим чистым кислородом, не забывайте об этом.

— Давайте прогуляемся вон до тех холмов, — предложил Морри, показывая на край кратера менее чем в полумиле от корабля.

Там была солнечная сторона, и тени от холмов протянулись к кораблю, обрываясь в сотне футов от него.

— Давайте проделаем хотя бы часть пути. В тени нам будет лучше. Я уже начинаю потеть.

— Если я не ошибаюсь, — сказал Морри, — то с вершины тех холмов мы сможем увидеть Землю. Когда мы садились, я заметил там ее светящийся краешек. Мы не очень далеко залетели на обратную сторону.

— И где же мы сейчас?

— Чтобы ответить на этот вопрос, мне нужно осмотреться. Так... мы находимся в районе к западу от океана Бурь, невдалеке от экватора.

— Это я и без тебя знаю.

— Если вы так спешите, капитан, то лучше позвоните в Автомобильный клуб.

— Я не спешу. Индеец не потерялся, потерялся его вигвам. Надеюсь, мы сможем увидеть Землю прямо отсюда. Тут очень хорошее место для установки антенны, причем недалеко от корабля. Честно говоря, мне не хотелось бы трогать корабль с места до тех пор, пока мы не отправимся назад, — даже если мы потеряем возможность связаться с Землей.

К облегчению Каргрейвза, вскоре они укрылись в тени. Вопреки распространенному мнению, тени на Луне не были черными, хотя здесь не было воздуха, который рассеивал бы солнечный свет. Сверкающий песок под ногами и окружающие холмы отражали в тень достаточно света. Они уже прошли приличный кусок пути, когда Каргрейвз заметил, что группа разбрелась по сторонам. Остановившись у найденного Россом обнажения скального грунта и пытаясь рассмотреть его в слабом сумеречном свете, он вдруг обнаружил, что рядом нет Морри. Сначала доктор рассердился, но потом сообразил, что Морри, шедший впереди, вполне мог не заметить их задержки. Каргрейвз взволнованно осмотрелся.

Морри был уже в сотне ярдов впереди, там, где начиналось возвышение.

— Морри!

Было видно, что тот остановился; но в наушниках его не было слышно. Доктор заметил, что юноша не идет прямо, а как-то странно блуждает из стороны в сторону и покачивается.

— Морри! Назад! У тебя все в порядке?

— В порядке? Конечно, у меня все нормально, — хихикнул тот.

— Тогда возвращайся.

— Не могу. Я занят. Я нашел тут... — Морри сделал неосторожный шаг, подпрыгнул, потом опустился на песок и покачнулся.

— Морри! Стой на месте! — Каргрейвз поспешил к нему.

Но Морри его не слушал. Наоборот, он начал прыгать из стороны в сторону, каждый раз все выше и выше.

— Нашел! — кричал он. — Нашел! — Он прыгнул в последний раз и, опускаясь на песок, продолжал кричать: — Я нашел... голые кости...

Он внезапно смолк. Он стал на ноги, снова подпрыгнул, сделал сальто, упал и больше уже не вставал. Тут же огромными

прыжками подоспел Каргрейвз. Шлем юноши был не поврежден. Но глаза мальчика тупо смотрели в пространство. Голова его поникла, лицо посерело. Доктор подхватил его на руки и помчался к «Галилею». Он сразу узнал симптомы, хотя до сих пор видел подобное лишь в барокамере на пилотских курсах. Аноксия! Что-то произошло, у Морри началось кислородное голодание, и он мог умереть еще до того, как ему окажут помощь; либо, что еще хуже, мог остаться в живых с необратимыми повреждениями мозга и утратой интеллекта. Такое не раз случалось с храбрецами, достигавшими больших высот на заре воздухоплавания.

Двойной груз не мешал доктору бежать. Даже вдвоем, одетые в скафандры, они весили меньше семидесяти фунтов. Лишний вес только помогал, придавая устойчивость. Каргрейвз втиснулся в шлюз, прижимая Морри к груди и с нетерпением ждал, когда камера наполнится воздухом. До тех пор пока давление не сравняется, всей его силы не хватит, чтобы открыть люк.

Наконец он вошел в корабль и положил Морри на пол. Тот все еще был без сознания. Трясущимися пальцами доктор попытался сорвать с Морри скафандр: на руках были перчатки, и оттого пальцы не слушались. Тогда Каргрейвз стащил с себя скафандр и отстегнул шлем юноши. Свежий воздух коснулся лица Морри, но мальчик все еще не подавал признаков жизни.

Чертыхнувшись, доктор попытался дать ему кислород прямо из баллона, но обнаружил, что клапан скафандра Морри почему-то не работает. Тогда Каргрейвз схватился за свой аппарат, отсоединил кислородный шланг, направил струю в лицо мальчика и начал ритмично массировать ему грудь.

Веки Морри дрогнули, и он сделал глубокий вдох.

— Что случилось? Все в порядке?

Пока Каргрейвз занимался спасением, Арт и Росс успели вернуться на корабль.

— Может быть, и обойдется. Пока не знаю.

Внезапно Морри пришел в себя и уселся на полу, недоуменно моргая.

— Что такое? — спросил он.

— Ложись, — велел Каргрейвз, кладя руку ему на плечо.

— Хорошо... Как я попал в корабль?

Каргрейвз объяснил, что произошло. Морри опять заморгал.

— Вот так история! У меня было все нормально... за исключением того, что в какой-то момент я почувствовал себя особенно хорошо!

— Это и был первый симптом.

— Да, я понимаю. Но тогда я просто не сообразил. Я нашел кусок металла с отверстием и держал его в руке, когда...

— Что? Обработанный металл? Металл, который кто-то...

— Да, потому-то я так и за... — Морри озадаченно умолк. — Но этого не могло быть!

— Почему же? Луна вполне могла быть населена... А может быть, кто-то уже сюда прилетал.

— Я не об этом говорю, — отмахнулся Морри, словно это было совсем неважно. — Я рассматривал тот кусок и пытался сообразить, что же это все значит, и тут ко мне подошел маленький лысый человечек и... но этого не могло быть!

— Да, — подтвердил Каргрейвз после короткой паузы. — Этого не могло быть. Боюсь, в тот момент у тебя начались галлюцинации из-за недостатка кислорода. Ну, и что же кусок металла?

Морри потряс головой.

— Не знаю, — признался он. — Помню, как я держал его, смотрел на него. Помню так же отчетливо, как все остальное. И лысого коротышку помню. Он стоял прямо передо мной, и у него за спиной было еще несколько существ, и я понимал, что это жители Луны. И еще там были здания и деревья.

Он запнулся.

— Ну конечно, все это галлюцинации.

Каргрейвз кивнул и занялся кислородным баллоном в скафандре Морри. Вентиль вновь работал нормально, и теперь уже нельзя было сказать, замерз ли он, когда мальчик оказался в глубокой тени, или в него попала крохотная песчинка, или же Морри слишком туго закрутил его, когда Каргрейвз велел снизить давление, и тем самым едва не удушил сам себя. Этого нельзя было допустить снова. Доктор повернулся к Арту.

— Слушай, Арт. Надо что-то придумать, чтобы клапаны можно было заворачивать только до определенного предела. М-м-м... Но и этого недостаточно. Нужен сигнал, предупреждающий владельца

скафандра о том, что запас кислорода на исходе. Подумай, как это можно сделать.

На лице Арта появилось выражение озабоченности, обычное в те минуты, когда его техническое мышление начинало работать в полную силу.

— Среди инструментов у меня есть несколько неонок, — ответил он. — Может быть, вмонтировать их в шейное кольцо и включить так, что если поток кислорода уменьшится, то...

Каргрейвз его больше не слушал: он знал, что Арт непременно изобретет что-нибудь подходящее — это было только вопросом времени.

13. ЭТО — ЧИСТОЕ БЕЗУМИЕ

Как Морри и ожидал, с вершин холмов оказалась видна Земля. Каргрейвз, Росс и Арт отправились на разведку, оставив пострадавшего в ракете, чтобы он мог немного прийти в себя и поработать над задачей определения их местоположения по звездам. Доктор отказался отпустить мальчиков одних, опасаясь, что они станут прыгать по скалам. При пониженной силе тяжести у них вполне мог возникнуть подобный соблазн. К тому же ему не терпелось осмотреть место, где с Морри произошел несчастный случай. Его не интересовали лысые человечки, но кусок металла с дыркой вполне мог там оказаться. Если так, то, возможно, именно это станет величайшим открытием с тех пор, как человечество вылезло из пещеры и осознало себя.

Но ему не повезло. Отыскать нужное место было нетрудно: отпечатки ног были для поверхности Луны внове. Они тщательно обследовали все вокруг и не нашли ничего. Но делать окончательные выводы было рано — тени холмов все еще накрывали это место. Лишь через несколько дней сюда проникнет свет; тогда, решил Каргрейвз, они возобновят поиски. Во всяком случае, обуреваемый галлюцинациями Морри вполне мог зашвырнуть кусок металла весьма далеко — если, конечно, этот кусок вообще существовал. Он мог пролететь ярдов двести прежде чем упасть, а потом еще и зарыться в мягкий грунт.

Посещение вершины холмов оказалось делом более полезным. Каргрейвз сказал Арту, что теперь можно попробовать связаться с Землей... и с трудом удержал его на месте: тот пожелал немедленно вернуться в корабль, чтобы заняться связью. Вместо этого все трое принялись искать удобное место для установки «конуры».

«Конура» — заранее изготовленный маленький домик, изогнутые секции которого находились сейчас на «Галилее», аккуратно прилегая к его таким же изогнутым стенам. Ее конструкцию Арт разработал еще летом, пока Каргрейвз и Морри занимались на пилотских курсах. Она была похожа на сборный металлический ангар с выгнутой крышей и имела одно несомненное достоинство: все ее детали и панели можно было вынести наружу через шлюз корабля. В их намерения не входило просто установить «конуру» на поверхности Луны: в ней было бы то слишком жарко, то слишком холодно. Она должна была служить основой для чего-то наподобие самодельной пещеры.

Около гребня, между двух каменных столбов они нашли подходящую по размерам ровную площадку. Вершина одного из столбов была легкодоступна, и с нее открывался прямой вид на Землю, а для установления связи лучшей возможности и не придумаешь. Поскольку здесь не было атмосферы, можно было не беспокоиться об эффекте горизонта; лучи пройдут туда, куда их направят. Выбрав место, трое путешественников вернулись в корабль за инструментами. Большую часть монтажных работ взяли на себя Каргрейвз и Росс; было просто невозможно требовать помощи от Арта — он прямо-таки разрывался между желаниями фотографировать все подряд и устанавливать оборудование, при помощи которого надеялся связаться с Землей. По распоряжению Каргрейвза Морри несколько дней занимался только легкими работами: готовил пищу, проводил навигационные расчеты. Во всяком случае, ему было рекомендовано держаться подальше от скафандра.

При пониженном тяготении переноска материалов, панелей и инструментов к месту строительства казалась детской игрой. Каждый мог переносить около пятисот фунтов за раз — по земным меркам, конечно. И только на самых крутых участках пути

размеры и грамоздкость некоторых секций заставляли браться за них вдвоем. Первым делом они разровняли песчаную почву, чтобы уложить металлический пол, а потом собрали всю конструкцию прямо на месте. Работа шла быстро; из инструментов понадобились только гаечные ключи, а металл казался не тяжелее картона. Собрав коробку, они поставили «дверь» —похожий на барабан люк с герметическими крышками.

Испытав дверь, они набросали несколько тонн (опять же в земном пересчете) лунного грунта на крышу будки, чтобы заполнить свободное пространство между каменными столбами — всего пришлось насыпать где-то около трех футов песка. Когда это было сделано, на виду осталась лишь дверь, напоминающая вход в эскимосское иглу. Лунный грунт сам по себе плохо проводит тепло, между песчинками находится вакуум — все это обеспечивало надежную теплоизоляцию. Но помещение пока не было герметичным. Установив временные переносные светильники, астронавты принесли запечатанные баки и тюки. Из баков достали клейкие пластины резиноподобного герметика и быстро, чтобы не испарился клей, приклеили их к потолку, стенам и полу, затем извлекли из тюков тонкую алюминиевую фольгу, сверкавшую словно зеркало, и обложили ею пластины. На пол вместо фольги были уложены более прочные дюралюминиевые листы. Теперь можно было испытать хижину давлением. Обнаружив несколько мест, где происходила утечка, они быстро заделали щели. Вся работа заняла меньше двух «дней».

«Конура» должна была служить Арту радиорубкой, но не только. Нужен был склад для вещей, без которых можно было обойтись на обратном пути и которые можно было вынести из корабля. Освободившееся в трюмах место предназначалось для сбора образцов грунта и лунных камней, которые они намеревались доставить на Землю. Кроме того, они перенесли сюда личные вещи и установили аппаратуру для гидропоники, на которой посадили ревень. Теперь появилась возможность очищать воздух, так что «конура» вполне годилась для постоянного проживания. Для путешественников это было нечто вроде символа покорения человечеством новой планеты, его стремления утвердиться здесь навсегда, приспособить планету к своим нуждам и жить за счет местных

ресурсов. Хотя «конуру» предстояло покинуть уже через несколько дней, они объявили ее своим новым домом: входя сюда, они обязательно снимали головные уборы.

Когда все было готово, состоялась церемония, которую Каргрейвз намеренно откладывал до окончания строительства «конуры». Мальчики встали у двери полукругом, и доктор произнес небольшую речь:

— Как руководитель экспедиции, одобренной комиссией Объединенных Наций и прибывшей сюда на корабле, зарегистрированном в Соединенных Штатах Америки, я вступаю во владение этой планетой как колонией от имени Объединенных Наций Земли в соответствии с законами этой организации и законами Соединенных Штатов. Росс, поднимай флаги!

На невысокой мачте взвились знамя Объединенных Наций и флаг Соединенных Штатов Америки. Здесь не было воздуха, который мог бы расправить их дуновением ветра, но Росс предусмотрительно вставил в верхние швы полотнищ отрезки упругой проволоки, и флаги явили присутствующим свои цвета.

Наблюдая за их подъемом, Каргрейвз проглотил застрявший в горле комок. Он не стал никому признаваться, но про себя доктор считал эту маленькую нору первым зданием будущего Луна-Сити. Он представлял себе, что уже через год здесь, вокруг этого исторического места, появится множество подобных строений, гораздо больших размерами и оборудованных много лучше. Здесь будут жить разведчики, ученые и строители — те рабочие, которые станут возводить в глубине, под дном кратера, не какое-нибудь временное пристанище, а Луна-Сити — город, воздвигнутый на века, в то время как на поверхности другие рабочие будут оборудовать мощный ракетный порт. И возможно, здесь будут устроены Научный каргрейвзовский центр и лунная обсерватория «Галилей». Он почувствовал, что по его щекам текут слезы; он пытался вытереть их, но безуспешно — рука натыкалась на шлем. Встретив взгляд Росса, доктор смутился.

— Ну, мальчики, — сказал он с деланной бодростью, — пора браться за дело. Интересно, — добавил он, глядя на Росса, — как все-таки действуют на разумного человека такие простые символы.

Росс отвел взгляд от лица доктора и посмотрел на куски разноцветной материи.

— Что ж, — сказал он. — Человек — не совокупность химических реакций, он — совокупность идей.

Каргрейвз внимательно присмотрелся к нему. Да, его мальчики взрослели не по дням, а по часам.

— Когда мы начнем разведку? — спросил Морри. — Чего мы ждем, «конура» ведь построена?

— Я полагаю, скоро, — уклончиво ответил Каргрейвз.

В течение последних дней ему пришлось обуздывать нетерпение Морри, который был явно разочарован тем, что они не могут пункт за пунктом облетать Луну на ракете, как предполагалось первоначально. Морри был убежден, что легко сумеет повторить успех первой посадки. Каргрейвз же, в свою очередь, был уверен, что одна из многих посадок непременно кончится аварией, и им, даже если они не погибнут при крушении, будет суждено умереть от голода или удушья. Поэтому он не отступал от своего решения ограничить исследование пешими прогулками, длительность которых была не больше нескольких часов.

— Посмотрим, как идет дело у Арта, — предложил он. — Я не хотел бы держать его взаперти — ему ведь обязательно захочется поснимать. С другой стороны, он должен закончить монтаж радиостанции. Вполне возможно, что для ускорения работы ему потребуются дополнительные рабочие руки.

— Ладно, капитан.

Они прошли через шлюз и втиснулись в «конуру». Росс и Арт уже сидели внутри.

— Арт, — спросил Каргрейвз, сняв скафандр, — через какое время ты сможешь испытать передатчик?

— Точно сказать не могу. Честно говоря, я даже не думал о том, что мы сумеем связаться с Землей на нашем оборудовании. Если бы мы смогли привезти все, что я хотел...

— Ты хочешь сказать — если бы это было нам по карману? — вмешался Росс.

— Ну... во всяком случае, у меня есть одна мысль. Здесь идеальное место для экспериментов с электроникой: чистый вакуум!

Я хочу попробовать сделать большие — очень большие генераторные лампы... точнее, это будут скорее даже не лампы. Я смонтирую электроды в открытом пространстве и не стану заключать их в стекло. Это самый лучший способ разрабатывать вакуумные приборы, о лучшем и мечтать нечего.

— Даже если и так, наши перспективы все равно остаются неопределенными, — заметил Морри. — Док, вы решили отправиться в обратный путь где-то через десять земных дней. Вы не хотели бы немножечко задержаться? — добавил он с надеждой в голосе.

— Нет, не хотел бы, — заявил Каргрейвз. — Хм-м... Арт, отвлекись-ка от передатчика. В конце концов, нас никто не принуждает устанавливать связь с Землей. Ну а сколько времени потребуется на то, чтобы поймать радиопередачу оттуда?

— Всего-то? — ответил Арт. — У меня есть все необходимое, чтобы организовать это за пару часов. А уж о передаче пусть заботятся на Земле.

— Прекрасно! А мы займемся ланчем.

Прошло около трех часов, и Арт объявил, что он готов к испытаниям.

— Начинаю, — сказал он. — Готовсь!

Они обступили передатчик, и Росс нетерпеливо спросил:

— Ну, и что же ты собираешься поймать?

Арт лишь пожал плечами.

— Может быть, Эн-Эй-Эй или Берлин, если они, конечно, вещают на нас. Мне кажется, лучше всего попробовать радио Парижа, если они все еще пытаются нас достать... — И он взялся за ручки с отсутствующим, как всегда, видом.

В хижине воцарилась мертвая тишина. Если радио заработает, это будет великий момент в истории, и все они очень хорошо это понимали. Внезапно Арт насторожился.

— Что? Что-нибудь слышно?

Арт пару секунд молчал, потом снял наушники и укоризненно произнес:

— Кто-то из вас, ребята, забыл выключить питание рации в скафандре.

Каргрейвз проверил костюмы.

— Нет, Арт. Они молчат как убитые.

Арт оглядел маленькую комнату.

— Но... но тут больше нет ничего, что могло бы... С ума можно сойти!

— Что случилось?

— Что случилось, спрашиваешь? А то, что я поймал сильный шум передатчика, и этот передатчик неподалеку от нас... совсем близко!

14. НИ МАЛЕЙШЕГО ШАНСА!

— Ты уверен? — спросил Каргрейвз.

— Еще бы!

— Вероятно, радио Парижа, — предположил Росс. — Ты же не знаешь, как далеко расположен передатчик.

Арт посмотрел на него с презрением.

— Быть может, вы сами сядете к приемнику, мистер де Форрест? Передатчик находится близко. Это не земная станция.

— Обратная связь?

— Не говори глупостей! — Арт вновь взялся за ручку настройки. — Вот, сигнал пропал.

— Секундочку, — заговорил Каргрейвз. — Мы должны знать все точно. Арт, ты не мог бы собрать хоть какой-нибудь передатчик?

— Не совсем то, что надо... Но могу. Приводная станция уже готова.

Приводной станцией они называли маломощный аппарат, предназначенный лишь для связи из «конуры» с любым членом экипажа, находящимся снаружи в скафандре.

— Дайте мне пару секунд.

Конечно, двумя секундами дело не обошлось, но уже скоро Арт приник к микрофону, крича:

— Алло! Алло! Вы меня слышите? Алло!

— По-моему, Арту просто послышалось, — шепнул Морри Каргрейвзу. — Здесь никого не может быть.

— Тихо! — рявкнул Арт, обернувшись через плечо, и вновь закричал в микрофон: — Алло! Алло! Алло! — Внезапно он по-

бледнел и отрывисто произнес: — Говорите по-английски! Повторите!

— Что там? — в один голос спросили Каргрейвз, Морри и Росс.

— Я же просил — тихо! — и опять в микрофон: — Да, я вас слышу. Кто это? Что? Повторить еще раз? Ракетный корабль «Галилей», у передатчика Артур Мюллер. Подождите минутку... — Арт щелкнул переключателем. — Слушаю вас. Повторите еще раз — с кем я говорю?

Из динамика послышался низкий, тяжелый голос:

— Лунная экспедиция номер один. Не выключайтесь, я позову нашего руководителя.

— Постойте! — закричал Арт. — Не прерывайте связь!

Но голос уже умолк. Росс начал насвистывать что-то себе под нос.

— Перестань свистеть, — оборвал его Арт.

— Извини, — Росс помолчал и добавил: — Надеюсь, ты понимаешь, что все это значит?

— Что? Я вообще ничего не понимаю!

— Это значит, что мы опоздали к раздаче главных призов. Кто-то нас опередил.

— Да? А ты откуда знаешь?

— Точно не знаю, но очень на то похоже.

— Я готов поспорить, что мы совершили посадку первыми!

— Увидим. Слушайте!

Динамик ожил вновь. Теперь послышался другой голос, более высокого тона, с заметным оксфордским акцентом.

— Вы слушаете? Говорит Джеймс Браун, командир первой лунной экспедиции. Это ракетный корабль «Галилей»?

К микрофону склонился Каргрейвз.

— Корабль «Галилей», капитан Каргрейвз у микрофона. Где вы находитесь?

— Не очень далеко, старина. Но не беспокойтесь. Вас мы уже засекли. Продолжайте передачу.

— Скажите хотя бы, с какой от нас стороны вы сели?

— Не волнуйтесь. Мы уже приближаемся. Только не прекращайте передачу.

— Сообщите свои лунные координаты!

Казалось, человек некоторое время колебался, затем произнес:

— Мы засекли вас. Поговорим потом. Даю отбой.

Арт продолжал кричать «Алло», пока не охрип, — но все впустую.

— Лучше продолжай передачу, Арт, — решил Каргрейвз. — Мы с Россом вернемся на корабль. Его-то они заметят сразу. Хотя... не знаю. Может быть, они заявятся сюда через неделю.

Он задумался.

— Это ставит перед нами новые проблемы.

— Кто-то из нас должен пойти к кораблю, — сказал Морри, — и немедленно. Может быть, они уже совершают посадку. Они могут показаться с минуты на минуту.

— Мне кажется, это была передача не из корабля, — заявил Арт и вновь повернулся к микрофону.

Как бы то ни было, они решили, что доктор и Росс вернутся на корабль. Надев скафандры и пройдя через шлюз, они стали спускаться по каменистому откосу, и в этот миг Росс увидел ракету. Разумеется, он не слышал ее приближения. Он лишь повернулся назад, чтобы удостовериться, что Каргрейвз идет следом, и закричал в микрофон, указывая рукой:

— Смотрите!

С запада к ним приближался чужой корабль. Он летел относительно медленно и на малой высоте. Пилот поддерживал его над поверхностью Луны при помощи дюз: реактивные струи были направлены больше вниз, чем назад.

— Быстрее! — крикнул Росс и рванул вперед.

Но ракета, судя по всему, не собиралась садиться. Она резко нырнула носом, и из передних дюз вырвалось пламя, удерживавшее ее от падения. Корабль летел прямо к «Галилею». На высоте менее пятисот футов пилот нижними двигателями развернул ракету носом вверх и резко пошел на подъем, включив маршевый двигатель. Там, где стоял «Галилей», вспыхнуло пламя совершенно беззвучного взрыва. Взметнувшееся в вакууме пылевое облако быстро осело. Они почувствовали, как под их ногами вздрогнула почва — им казалось, что миновала целая вечность.

«Галилей» лежал на боку, и в его фюзеляже зияла огромная рваная дыра, тянувшаяся от разбитого иллюминатора почти до

середины корабля. Каргрейвз замер на месте, отказываясь верить своим глазам.

Росс первым обрел дар речи:

— Они не оставили нам ни малейшего шанса! — закричал он, тряся кулаками. — Ни единого!

15. ЗАЧЕМ ОНИ ЭТО СДЕЛАЛИ?

Он повернулся и, спотыкаясь, побрел к откосу, где стоял Каргрейвз, растерянный и онемевший.

— Вы видели, док? — спросил он. — Видели? Эти грязные крысы сбросили на нас бомбу. Они нас бомбили! Зачем? Почему? Зачем им это понадобилось?

По его лицу текли слезы. Каргрейвз неуклюже погладил мальчика по спине.

— Не знаю, — медленно произнес он. — Не знаю, — повторил он, пытаясь преодолеть шок.

— Я убить их готов!

— Я тоже, — Каргрейвз внезапно повернулся. — Как знать, может быть, мы так и сделаем. А теперь пойдем, расскажем все остальным. — И двинулся вверх по откосу.

Арт и Морри уже вылезали из шлюза, когда Росс и доктор подошли к хижине.

— Что случилось? — спросил Морри. — Мы почувствовали какое-то сотрясение.

Каргрейвз не стал прямо отвечать на вопрос.

— Арт, ты отключил передатчик?

— Да, а что произошло?

— Больше не включай. Иначе они догадаются, где мы. — Он протянул руку, указывая на дно кратера. — Смотрите сами!

Прошла пара минут, прежде чем мальчики осознали случившееся. Арт беспомощно повернулся к доктору.

— Дядя, но как же так? Почему корабль взорвался?

— Они напали на нас! — в ярости воскликнул Каргрейвз. — Они нас разбомбили! Будь мы на борту, мы бы погибли! Очевидно, они именно этого и добивались.

— Зачем?

— Если б я знал. Должно быть, они не хотят, чтобы мы были здесь.

Он не стал открывать им правду: враг допустил промашку, но это лишь вопрос времени — быстрая смерть от взрыва была бы милосерднее той смерти, которую им предстояло принять на этой мертвой, лишенной воздуха планете. Сколько они еще протянут? Месяц? Два? Уж лучше было попасть под бомбу.

Морри вдруг бросился к шлюзу.

— Куда ты?

— Возьму оружие.

— Оно нам не поможет.

Но мальчик его не слышал. Антенна Морри уже была экранирована металлической стенкой.

— А я считаю, что оружие нам пригодится, док! — заявил Росс.

— Каким образом?

— А что они теперь будут делать? Наверняка захотят посмотреть на результат. Они даже не видели взрыва — сбросили бомбу и дали деру.

— И что же?

— Если они сядут поблизости, мы можем захватить их корабль!

Арт подошел поближе.

— Молодчага, Росс! Мы поймаем этих убийц! Мы им покажем!

Его пронзительный голос отрывисто звучал в наушниках шлемов.

— Да, мы попытаемся, — решился наконец Каргрейвз. — Мы попробуем. Если они сядут здесь, без борьбы мы не сдадимся! Хуже чем есть все равно не будет. — Доктор вдруг ощутил прилив отваги, и перестрелка, хоть она и была для него в диковинку, уже его не страшила. — Как ты думаешь, Росс: где нам лучше спрятаться? В «Галилее»?

— Если у нас есть... вот! Они летят!

Над краем цепи холмов появилась ракета.

— Где Морри?

— Я здесь. — Он вынырнул из-за их спин, держа в руках две винтовки и револьвер. — Так, Росс, держи... Ага! — он тоже заметил ракету чужаков. — Что ж, надо поторапливаться!

Но ракета садиться не стала. Она медленно опустилась, замерла ниже кромки кратера, лизнула реактивной струей обломки «Галилея», поднялась ввысь и улетела.

— А мы даже ни разу не выстрелили, — с горечью в голосе произнес Морри.

— Пока нет, — ответил Росс. — Но они вернутся. Наверняка, это был лишь второй заход для бомбометания на случай, если они промазали в первый раз. Но они вернутся посмотреть, что у них вышло. Верно, док?

— Полагаю, да, — ответил Каргрейвз. — Им нужно осмотреть корабль и добить уцелевших. Но на «Галилей» мы не пойдем.

— Почему?

— Не успеем. Они, наверное, вернутся очень быстро и постараются сесть. Они обнаружат нас на ровной местности.

— Придется рискнуть.

Решение пришло само собой. Ракета появилась снова — оттуда, куда улетала. На сей раз она явно пошла на посадку.

— Вперед! — закричал Каргрейвз и сломя голову ринулся вниз по склону.

Ракета села на полпути между «Галилеем» и тенью, которая стала заметно короче, поскольку уже четыре «дня» Солнце поднималось над горизонтом все выше и выше. Даже на таком расстоянии ракета чужаков выглядела гораздо меньше, чем «Галилей». Но Каргрейвзу было не до сравнений. Его ближайшей целью было достигнуть люка прежде, чем его откроют, чтобы напасть на врагов сразу же, как только те выберутся наружу. Но, как только он выбежал на освещенную площадку, здравый смысл пришел ему на помощь: он вспомнил, что у него нет оружия. Одна винтовка была у Морри, другая — у Росса, а Арт размахивал револьвером. Доктор остановился у самой границы тени.

— Стойте! — велел он. — Думаю, они нас не заметили. И, похоже, не увидят.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Морри.

— Подождем, пока они не выйдут из корабля. А потом ворвемся внутрь, когда они отойдут достаточно далеко. Ждите моего сигнала.

— Они нас не слышат?

— Возможно, слышат. Если они настроились на нашу частоту, то мы — покойники. Отключите-ка свои передатчики. — И тут же щелкнул выключателем. Наступила зловещая тишина.

Ракета села почти точно кормой в их сторону. Доктор увидел, как из откинувшегося бокового люка показались три фигуры в скафандрах. Первый человек быстро осмотрелся, но не заметил ничего подозрительного. Так как он почти наверняка был в темных очках, было сомнительно, чтобы он мог увидеть что-нибудь в тени. Он махнул рукой, давая знак остальным, и двинулся к «Галилею» тем размашистым шагом, который, как уже выяснила для себя команда «Галилея», был самым подходящим способом ходьбы на Луне. Этого оказалось достаточно, чтобы понять: эти люди, эти враги, отнюдь не впервые ступали по поверхности Луны.

Доктор подождал, пока они добрались до «Галилея» и скрылись за его корпусом, и рванулся к вражескому кораблю, крича в отключенный микрофон «Вперед!» и делая гигантские прыжки в пятьдесят футов длиной. Внешний люк был открыт. Каргрейвз нырнул внутрь и прикрыл за собой крышку. Люк задраивался установленным в его центре штурвалом. Это было понятно. Задраив люк, доктор оглянулся. Крошечный шлюз был слабо освещен через стеклянный иллюминатор во внутреннем люке. В этом слабом свете Каргрейвз почти ощупью отыскал воздушный клапан.

Открыв его, он услышал шипение воздуха, наполнявшего камеру. Доктор всем телом навалился на внутренний люк и стал ждать. Неожиданно люк поддался; Каргрейвз оказался в ракете и зажмурился от яркого света. В пилотском кресле сидел мужчина. Он повернул голову и, казалось, что-то хотел сказать. Сквозь шлем Каргрейвз не слышал его слов, да он особенно и не прислушивался. Воспользовавшись маленькой гравитацией, он одним прыжком подскочил к пилоту и схватил его за плечи. Тот был слишком изумлен, чтобы сопротивляться, да это и не имело значения: сейчас Каргрейвз был готов сразиться хоть с тигром. Он начал бить противника головой о мягкий подголовник кресла, но потом сообразил, что это ни к чему не приведет. Он шагнул в сторону и, сжав кулак, двинул мужчине под дых. Противник коротко застонал и, казалось, потерял сознание. Доктор еще раз уда-

рил его в незащищенный подбородок. Больше бить не потребовалось. Доктор опустил пилота на пол, заметив на его поясе кобуру, в которой лежал пистолет, по виду — маузер крупного калибра, затем встал на бесчувственное тело и посмотрел в иллюминатор.

У разбитого борта «Галилея» на песке лежало скорчившееся тело — друга или врага, точно было сказать нельзя. Еще один стоял рядом, и это был наверняка враг. Это можно было понять по незнакомому покрою скафандра и по пистолету в его руке. Он целился в сторону ракеты, в которой сейчас находился доктор. Каргрейвз увидел вспышку выстрела, но звука не услышал. Еще выстрел! На этот раз пуля угодила в корпус ракеты, и она загудела, словно гигантский колокол. Каргрейвзу нужно было срочно решить, что теперь делать. С одной стороны, ему не терпелось вступить в схватку, воспользовавшись оружием поверженного врага. С другой стороны, нельзя было оставить пленника одного, а у доктора не хватило бы духу даже в горячке битвы прикончить человека, потерявшего сознание.

Он уже решил было оглушить пленного мощным ударом и выйти наружу, но события, за которыми он наблюдал в иллюминатор, лишили его выбора. Одетый в скафандр чужак, стоявший у борта «Галилея», внезапно остался без шлема. Вокруг его шеи остался лишь зубчатый стеклянный воротник. Он уронил пистолет и схватился руками за лицо. Постояв так несколько секунд, словно удивляясь случившемуся, он сделал два неуверенных шага и опустился на песок. Еще некоторое время он дергался, но так и не встал. Его тело еще сотрясалось в конвульсиях, когда из-за корабля показался третий. С ним было покончено очень быстро. Он лишь теперь осознал, что происходит: ведь вся перестрелка происходила совершенно беззвучно. Он схватился было за пистолет, и в этот миг его настигли сразу две пули: одна попала в грудь, другая — чуть ниже.

Вероятно, он так и не понял, что его ударило и почему. Он склонялся все ниже и ниже, пока его шлем не коснулся грунта, и повалился набок. Каргрейвз услышал шум за спиной. Вскинув трофейное оружие, он повернулся и стал ждать, когда откроется люк. Это был Арт. Взгляд у него был дикий, лицо раскраснелось.

— Есть здесь кто-нибудь еще? — крикнул он доктору, описывая револьвером широкую дугу.

Его голос был едва слышен Каргрейвзу через два шлема.

— Нет. Включи радио, — крикнул Каргрейвз в ответ и тут же заметил, что его собственный передатчик выключен.

Он повернул рычажок и повторил приказ.

— Мой работает, — сказал Арт. — Я включил его, пока шлюз заполнялся воздухом. Как дела снаружи?

— Кажется, все в порядке. Постереги-ка этого парня, — доктор показал на лежащее тело. — Я выйду наружу.

Но нужды в этом не было. Люк опять открылся, и в ракету ворвались Морри и Росс. Каргрейвз удивился, как им удалось втиснуться вдвоем в такой маленький шлюз.

— Нужна помощь? — спросил Морри.

— Нет. Похоже, вам она тоже не нужна.

— Мы устроили им засаду, — торжествующе заявил Росс. — Спрятались в тени корабля и напали, когда они выходили оттуда. Правда, тот, второй, едва не уложил нас, прежде чем мы его. Знаете, — небрежно произнес он, словно опытный вояка, — с этими аквариумами на голове не так-то легко прицеливаться.

— Хм... во всяком случае, у вас это получилось неплохо.

— Просто повезло. Морри стрелял с бедра.

— Да нет, — ответил тот. — Я тщательно целился и готовил каждый выстрел.

Каргрейвз велел им следить за пленником и собрался выйти на разведку.

— Чего зря беспокоиться? — спросил Арт. — Пристрелить его и вышвырнуть наружу. Как вы думаете?

— Остынь, — урезонил его доктор. — Убивать пленных могут только дикари.

— Они и есть дикари! — с жаром воскликнул юноша.

— Помолчи. Морри, останешься за старшего, — сказал Каргрейвз, закрывая за собой крышку люка.

Осмотр длился недолго. Двое незнакомцев получили, как показалось доктору, смертельные ранения. К тому же их скафандры были разорваны. Третьему, у которого был разбит шлем, тоже ничем нельзя было помочь. Его безжизненные глаза смотрели в

черное небо, из носа все еще текла кровь. Он был мертв, его убил вакуум. Каргрейвз вернулся к маленькому кораблю, даже не взглянув на жалкие обломки, в которые превратился сверкающий прекрасный «Галилей». Войдя внутрь, доктор опустился в одно из противоперегрузочных кресел и вздохнул.

— Ну что ж, — сказал он. — Все не так уж и плохо. По крайней мере, у нас есть ракета.

— Вы так думаете? — мрачно спросил Арт. — Поглядите-ка на панель управления!

16. ТАЙНА ОБРАТНОЙ СТОРОНЫ ЛУНЫ

— Что? — спросил доктор и посмотрел туда, куда указывал мальчик.

— Никакой это не космический корабль, — с горечью произнес Арт. — Это лунный «джип». —

Он указал на два прибора. — Посмотрите-ка сюда. Здесь по-немецки написано «КИСЛОРОД» и «СПИРТ». Эта штука — что-то вроде детской коляски.

— Может быть, это для маневровых двигателей? — спросил Каргрейвз без особой надежды.

— Ничего подобного, — сказал Росс. — Не надо себя обманывать, док. Мы все осмотрели. Арт перевел нам эту немецкую тарабарщину. Потом, вы же видели, у этой штуки нет ничего похожего на крылья. Она предназначена исключительно для перемещения по Луне. А вот и наш приятель очнулся.

Пленник открыл глаза и попытался усесться. Каргрейвз схватил его за плечо, рывком поставил на ноги и швырнул в кресло, в котором тот только что сидел.

— Эй, ты! — рявкнул он. — Говори!

Тот молчал: по-видимому, до сих пор не пришел в себя.

— Лучше попробуйте говорить по-немецки, дядя, — посоветовал Арт. — Все надписи здесь на немецком.

Каргрейвз напрягся и, порывшись в памяти, припомнил несколько немецких фраз.

— Назовите свое имя! — потребовал он.

— Фридрих Ленц, техник-сержант второго класса. С кем я говорю?

— Отвечайте на вопросы, которые вам задают. Зачем вы бомбили наш корабль?

— Я подчинялся приказу.

— Это не основание. Зачем вы бомбили мирный корабль?

Немец угрюмо молчал.

— Превосходно, — сказал Каргрейвз все еще по-немецки. — Арт, открой шлюз. Мы выбросим эту падаль наружу.

Техник-сержант внезапно заговорил очень быстро. Доктор наморщил лоб.

— Арт, — сказал он, переходя на английский. — Тебе придется помогать мне. Он болтает слишком быстро.

— И переводи! — потребовал Росс. — Что он говорит?

— Попытаюсь, — ответил Арт и заговорил по-немецки: — Повторите свои слова. Говорите медленнее.

— *Ja*,— пленник повернулся к Каргрейвзу.

— Вы должны говорить «*Herr Kapitan*»! — прикрикнул на него Арт.

— *Ja, Herr Kapitan**, — вежливо произнес немец. — Я как раз пытался объяснить вам...

Рассказывал он долго. Время от времени он делал паузы, и Арт переводил его слова.

— Он говорит, что является членом экипажа этой ракеты. Ими командовал лейтенант... я не разобрал его имени... один из тех, кого мы подстрелили... а их руководитель приказал отыскать и разбомбить наш корабль. Он говорит, что это не было... э-э... *неспровоцированным* нападением, это было частью военных действий.

— Война? — вскричал Росс. — Что он имеет в виду? Какая же тут война? Типичная уголовщина!

— Он говорит, что война идет, она никогда не прекращалась и будет продолжаться вплоть до победы национал-социалистического рейха, — Арт выслушал пленника и перевел дальше: — Он утверждает, что рейх будет существовать тысячу лет.

---

* Да, господин капитан *(нем.)*.

Морри в ответ на это произнес несколько слов, каких Каргрейвз от него прежде никогда не слыхал.

— Спроси его, как он это себе представляет и откуда взялся такой срок — тысяча лет?

— Оставим это, — прервал его Каргрейвз. — Мне кажется, я начинаю понимать, — и обратился прямо к нацисту: — Сколько вас здесь, когда вы прибыли на Луну и где находится ваша база?

Арт тут же перевел:

— Он заявляет, что в соответствии с международной конвенцией о военнопленных он имеет право не отвечать на такие вопросы.

— Вот как? Скажи-ка ему, что законы войны были отменены, когда запретили саму войну. Впрочем, не так. Скажи лучше вот что: если он настаивает на правах пленного, то мы можем немедленно освободить его! — Доктор показал в сторону шлюза.

Хотя он говорил по-английски, пленный отлично понял его жест. Теперь он с готовностью выложил подробности. Он и его товарищи прожили здесь уже около трех месяцев. У них была скрытая под лунной поверхностью база в тринадцати милях от кратера, в котором совершил посадку «Галилей». У них также была ракета, гораздо большая, чем «Галилей», и тоже оснащенная атомными двигателями. Себя пленник называл воином Великого рейха. Он не знал, зачем ему приказали бомбить «Галилей», но полагал, что это было сделано из соображений секретности. Нужно было сохранить в тайне их планы.

— Какие планы?

Пленный опять замолчал. На сей раз Каргрейвз действительно открыл внутренний люк шлюза, даже не зная, как далеко он готов зайти, чтобы получить нужную информацию. Немец сдался.

План был прост — покорить Землю. Нацистов было немного, но в их распоряжении имелись лучшие военные, научные и технические специалисты, скрывшиеся после падения империи Гитлера. Бежав из Германии, они построили в глухих горах базу и продолжали там работать, рассчитывая на возрождение Рейха. Похоже было, что сержанту неизвестно точное местоположение базы. Доктор начал задавать наводящие вопросы: Африка? Южная Америка? Какой-нибудь остров? Но немец знал лишь, что на

подводной лодке из Германии туда плыть очень долго. Он сообщил нечто, заставившее путешественников забыть о грозившей им опасности. У нацистов были атомные бомбы, но, пока они сами находились на Земле, спрятавшись на своей тайной базе, они не решались пускать их в ход потому, что у ООН гораздо больше ядерного оружия.

Но, построив космический корабль, они обрели новые возможности. Теперь они могли укрыться на Луне и, обеспечив себе безопасность, обрушить на земные города ракеты, которыми управляли бы дистанционно. Бомбежка должна была продолжаться до тех пор, пока отчаявшиеся народы Земли не сдались бы на милость победителя.

Рассказывая об этой конечной цели, пленник преисполнился гордости и надменно заявил:

— Вы можете убить меня, но это ничего не изменит! *Heil dem Fuhrer**!

— Можно, я плюну ему в морду? — небрежно осведомился Морри.

— Не трать зря слюну, он того не стоит, — ответил Каргрейвз. — Лучше подумайте, как нам выбраться из этой веселенькой истории. Какие будут предложения?

Он вытащил пленника из кресла и велел ему лечь на пол лицом вниз, а сам уселся на него сверху.

— Давайте, парни, выкладывайте. Думаю, наш приятель не знает по-английски и двух слов. Что ты думаешь, Росс?

— Ну, — ответил тот, — теперь нам придется спасать не только свои шкуры. Мы должны их остановить. Но перебить пятьдесят человек из двух винтовок и пары пистолетов — это задачка скорее для Тарзана или для Супермена... Честно говоря, я не знаю, с чего начать.

— Может быть, для начала отыщем их базу? Пройти тринадцать миль по Луне — это нам ничего не стоит.

— Послушайте, — сказал Арт. — Через пару дней я мог бы закончить монтаж передатчика, который достанет Землю. Нам необходимо подкрепление.

---

* Да здравствует вождь *(нем.)*.

— Как же они сюда прилетят? — спросил Росс. — У нас был единственный корабль, если не считать ракеты этих бандитов.

— Но ведь сохранились чертежи! Док, ведь вы отдали их отцу Росса, верно? Земля вполне может построить сколько угодно кораблей и выкурить отсюда эту нечисть!

— Это было бы лучше всего, — согласился Каргрейвз, — мы не имеем права на ошибку, это уж точно. Сначала можно было бы уничтожить нацистскую базу на Земле, а потом приняться за лунную. Ведь теперь на Земле знают, что наш корабль оправдал все надежды.

Морри покачал головой.

— Это все не то. Мы должны ударить сейчас же. Промедление недопустимо. Мы имеем возможность поступить с ними так же, как они поступили с нами. Предположим, ООН доберется сюда за шесть недель. Шесть недель — это слишком много. Атомная война может начаться и закончиться в один день.

— Ну что ж, тогда спросим у нашего приятеля — не знает ли он, когда его боссы собирались начинать, — предложил Росс.

Морри вновь покачал головой и помешал Арту задать этот вопрос пленному.

— Бесполезно. Нам не удастся построить передатчик. Они будут шнырять вокруг кратера, как репортеры на процессе об убийстве.

Они могут появиться здесь в любую минуту. Уж не думаете ли вы, что они не станут искать свою ракету?

— О, черт! — воскликнул Арт.

— Сколько сейчас времени, док? — спросил Росс.

К их общему удивлению выяснилось, что со времени бомбардировки «Галилея» прошло всего сорок минут. Им эти минуты показались целым днем. Это обнадеживало, хотя и не слишком. По словам пленного, ракетка, в которой они сейчас находились, вероятно, была единственным средством для ближних разъездов. Большой корабль нацистов, «Вотан», едва ли будут использовать для поиска. Похоже, у путешественников оставалось несколько часов в запасе.

— Как же нам поступить? — размышлял Каргрейвз. — Две винтовки, два пистолета — и нас тоже четверо. Силы слишком

неравные. И нам никак нельзя проиграть. Я знаю, что вы, ребята, не боитесь умереть, но мы просто обязаны победить!

— Разве можно воевать только винтовками? — спросил Росс.

— Ты можешь предложить что-то еще?

— На нас сбросили бомбу. Я готов поспорить, что здесь она была не одна.

Каргрейвз на мгновение задумался, затем обратился к пленному и быстро заговорил по-немецки. Тот дал короткий ответ. Доктор кивнул:

— Морри, ты сумел бы справиться с этой посудиной?

— Попробовать можно.

— Вот и хорошо. Сейчас я приставлю к ребрам этого парня из расы господ пистолет и заставлю его поднять ракету, а ты присмотришься к тому, как он ею управляет. Имей в виду: второй попытки не будет, и ты даже не успеешь попрактиковаться. А теперь надо разобраться бомбометанием.

Это оказалось простым делом. Даже прицела не было. Пилот просто пикировал на цель, сбрасывал бомбу и, пока она не взорвалась, взмывал вверх. На борту было устройство, отпускавшее бомбу, которая после этого просто продолжала лететь по первоначальной траектории ракеты. Разобравшись в устройстве, они допросили пленного, который рассказал им то же, что они узнали без его помощи. В кабине было два пилотских кресла, за ними — два пассажирских. Морри сел в одно из пилотских, второе занял нацист. Росс уселся за спиной Морри, а Каргрейвз посадил к себе на колени Арта, и они пристегнулись одним ремнем. Мальчик оказался достаточно близко к спинке кресла пленника, чтобы приставить к его боку пистолет.

— Морри, все готово?

— Готово. Я сделаю один заход, чтобы определиться и отыскать вход в их нору. А на втором заходе угощу их бомбой.

— Отлично. Постарайся не задеть их большой корабль, если сможешь. Мне бы хотелось вернуться домой. Ключ на старт! *Achtung! Aufstieg!**

Мстители приступили к делу.

---

* Внимание! Подъем! *(нем).*

— Как она работает? — прокричал Каргрейвз несколько секунд спустя.

— Нормально, — ответил Морри громким голосом, перекрывая шум. — Я мог бы посадить ее прямо в печную трубу. Впереди по курсу какой-то холм, я думаю, они там!

Серебристая сигара «Вотана», стоявшая подле холма, к которому они направлялись, положила конец всем сомнениям. Этот холм был естественным утесом, так что от кратеров его отличить было легче легкого; он стоял совершенно один в нескольких милях от «берега» одного из «морей». Сначала они пролетели мимо, потом Морри развернул ракету, давая вспышку за вспышкой и быстро уменьшая скорость. Всех вдавило в кресла. Арт чуть было не нажал спусковой крючок. Развернув ракету, Морри набрал высоту, чтобы спикировать вниз и сбросить бомбу. Интересно, подумал Каргрейвз, неужели Морри заметил люк, ведущий в их базу? Сам доктор не обнаружил даже и намека на него.

Но времени на размышления не оставалось: Морри уже пикировал. Мгновением позже он снова дернул ракету вверх, выходя из пике, и пассажиров вновь вдавило в спинки кресел. На секунду ракета зависла, и Каргрейвз подумал, что Морри в своем стремлении нанести точный удар явно перестарался. Доктор вцепился в подлокотники кресла. Ракета шла вверх. Набрав достаточную высоту, Морри вновь развернул корабль и уменьшил тягу. Ракета опускалась, и через направленный вниз иллюминатор можно было видеть, что происходит на поверхности.

Туча пыли и песка все еще продолжала подниматься в небо. Внезапно из ее центра вырвался столб осколков и песка. В вакууме пыль очень скоро рассеялась, и они увидели зловещий черный провал, ведущий в недра Луны. Морри попал точно в шлюз, как стрелок — в десятку.

А затем, согласно плану Каргрейвза, он посадил ракету за вражеским кораблем, подальше от входа в базу.

— Готово, док!

— Прекрасно. А теперь давайте-ка еще раз подумаем. Я не хочу дать маху. Росс идет со мной. Ты и Арт остаетесь в «джипе». Мы первым делом осмотрим «Вотан», затем исследуем базу. Если мы задержимся более чем на тридцать минут, значит, мы погибли или

взяты в плен. Что бы ни произошло, вы не покидаете этой ракеты ни при каких обстоятельствах. Если кто-нибудь двинется в вашу сторону, улетайте. Если мы придем не одни, то не подпускайте нас к ракете, улетайте. У вас осталась еще одна бомба. Вы знаете, что с ней делать.

Морри кивнул.

— Бомбить «Вотан». Но мне не хочется этого делать.

Он с тоской посмотрел на большой корабль — единственную ниточку, связывавшую их с Землей.

— Что поделаешь! После этого вы с Артом возвращаетесь в «конуру» и прячетесь там. Ты, Арт, должен будешь любым способом собрать установку, которая смогла бы отправить на Землю послание. Ни в коем случае не возвращайтесь сюда, чтобы отыскать меня и Росса. Если вы хорошо спрячетесь, они, может быть, не найдут вас в течение нескольких недель, и тогда у вас будет шанс. И не у вас одних — будет шанс у *Земли*. Согласны?

Морри все еще колебался.

— Допустим, мы отправили на Землю сообщение. Что потом?

После секундного размышления Каргрейвз ответил:

— У нас нет времени обсасывать это со всех сторон. Пора браться за дело. Если ты получишь с Земли ответ, из которого будет совершенно ясно, что тебе поверили и принимают меры, то поступай по собственному усмотрению. Но я не советовал бы тебе рисковать. Если мы не вернемся через тридцать минут, то вряд ли нам можно будет помочь.

Доктор немного помолчал и добавил: все-таки он сомневался, что Морри пойдет на такое по собственному почину.

— Надеюсь, ты понимаешь, что если дело дойдет до бомбометания, ты должен сбросить бомбу туда, куда следует, даже если там будем мы с Россом.

— Понимаю.

— Это приказ, Морри.

— Я понял.

— Морри!

— Есть, капитан.

— Вот так-то лучше, сэр. Арт, Морри остается за старшего. Пойдем, Росс!

На ракетодроме царило абсолютное спокойствие. Поднятая взрывом пыль быстро осела в безвоздушном пространстве; в середине поля зияла черная безмолвная дыра воздушного шлюза. Невдалеке высился могучий, блестящий «Вотан». Возле него даже охраны не было. Сжав пистолет, Каргрейвз обошел корабль кругом. Вооруженный винтовкой Росс прикрывал его с тыла, следуя в соответствии с планом на некотором расстоянии.

Как и у «Галилея», у этого корабля был один люк — по правому борту, и располагался он прямо за пилотской рубкой. Доктор велел Россу остановиться, поднялся по узкому металлическому трапу и попытался открыть люк. К его удивлению, корабль оказался не заперт. Потом доктору пришло в голову, что удивляться здесь нечему. Замки были изобретены для городских жилищ. Когда давление в камере выровнялось, Каргрейвз снял с пояса фонарик, взятый в нацистском «джипе», и приготовился к встрече с тем, что находилось за дверью шлюза. Дверь с шумом распахнулась. Каргрейвз пригнулся, отскочил в сторону и осветил помещение фонариком. Никого... и ничего.

Корабль был пуст от носа до кормы. Это было почти невероятной удачей. Доктор ожидал встретить здесь хотя бы часового. Правда, часовой — это пара неиспользуемых рабочих рук, а здесь, на Луне, они стоили в сотни, тысячи раз дороже, чем на Земле. Люди здесь наверняка на вес золота; скорее всего, решил доктор, функцию охраны выполнял радар — неусыпный автоматический страж. И наверняка снабженный широкополосным радиопеленгатором, подумал Каргрейвз, вспоминая, как быстро поступил ответ на сигнал, который они в первый раз направили из своего кратера.

Он прошел через пассажирский салон, оборудованный десятками противоперегрузочных кресел, и через трюм спустился в кормовой отсек. Он искал силовую установку. Но так и не нашел. Путь преградила наглухо заваренная стальная переборка без единого отверстия. Удивленный, доктор вернулся к пульту управления. То, что он увидел там, удивило его еще больше. Противоперегрузочные кресла были обычными, некоторые из навигационных приборов — стандартными, о назначении прочих было нетрудно догадаться. Но функции органов управления были абсолютно непонятны.

Хотя это и озадачило его, одно было совершенно ясно. Нацистам не удалось бы справиться с такой грандиозной задачей — построить гигантский корабль в секретном убежище — точно так же, как и он сам, и его мальчики не смогли бы построить «Галилей» голыми руками. Они лишь заменили двигатель и установили несколько второстепенных приборов. «Вотан» был одним из лучших, новейших больших кораблей, которые выпускались на верфях Детройта. Доктор вспомнил о том, что время идет. Осмотр корабля занял целых семь минут, и Каргрейвз поспешил наружу к Россу.

— Пусто, — сообщил он, оставляя подробности на потом. — А теперь порыщем в крысиной норе.

И бегом припустил по равнине. Пробираясь среди острых глыб к базе, они были вынуждены соблюдать особую осторожность. Сброшенная ими бомба не была атомной, она была начинена самой обычной взрывчаткой. Но хотя опасности облучения не было, путешественники вполне могли поскользнуться и провалиться в черную бездну. Внезапно глыбы кончились, и они увидели великолепную лестницу, ведущую вглубь. Росс посветил фонариком. Стены, ступени и потолок были покрыты каким-то прочным лаком, который обеспечивал герметичность помещения. Лак был почти прозрачный, и можно было видеть, что он покрывает плотно пригнанные каменные плиты.

— Да уж, пришлось им тут попотеть! — заметил Росс.

— Тихо! — ответил доктор.

Двумястами футами ниже лестница закончилась, и они вошли в другую дверь. Это не был шлюз, но все же и эта дверь была герметична. Тем не менее она не спасла обитателей базы: взрыв и напор воздуха изнутри оказались слишком сильными для нее. Она удержалась на петлях, но была вспучена и так искорежена, что они смогли войти внутрь через открывшуюся брешь. В помещении за дверью было светло. Взрыв разбил большую часть установленных здесь старомодных светильников, но все же то тут, то там горела одинокая лампочка, и разведчики сумели разглядеть, что они находятся в большом зале. Каргрейвз осторожно двинулся вперед.

Справа было помещение, в которое вела обычная, не герметичная дверь, сейчас висевшая на одной петле. Теперь они поняли,

почему во время атаки на поверхности никого не оказалось. Здесь располагалась спальня, и смерть застигла нацистов во сне. На Луне понятия «день» и «ночь» весьма произвольны, если употреблять их в смысле «рабочее время» и «время отдыха». У нацистов было другое времяисчисление, и они имели несчастье спать именно тогда, когда в них попала бомба Морри, разом лишившая их воздуха. Каргрейвз задержался здесь ровно настолько, чтобы убедиться в том, что в живых не осталось никого. Росса он сюда не впустил. На лежащих людях крови было немного — в основном она вытекала изо ртов и выпученных глаз. К горлу доктора подступила тошнота — не из-за вида крови, а из-за выражения, застывшего на безжизненных лицах. Он вышел из спальни, борясь с дурнотой.

Росс тоже нашел кое-что интересное.

— Посмотрите сюда! — позвал он.

Каргрейвз подошел поближе. Резкое падение давления выворотило кусок стены, который ввалился внутрь помещения. Он представлял собой металлическую панель, а не каменные плиты, которыми были выложены остальные стены. Росс потянул панель, отодвинул ее настолько, что можно было заглянуть за нее, и осветил открывшееся отверстие фонариком. Внутри был еще один коридор, уложенный тщательно отшлифованными и пригнанными каменными плитами. Но здесь плиты не были покрыты герметизирующим лаком.

— Интересно, зачем они вырыли этот коридор, а потом замуровали его? — спросил Росс. — Как вы думаете, может быть, они что-нибудь там спрятали? Атомные бомбы, например?

Каргрейвз изучил аккуратно подогнанные плиты, терявшиеся в черноте бесконечного коридора стен. После долгого молчания он тихо сказал:

— Нет, Росс, это не нацистский склад. Ты открыл жилище селенитов.

17. ПОКА НЕ СГНИЕМ

Росс молчал, не в силах произнести ни слова. Когда к нему, наконец, вернулся дар речи, он воскликнул:

— Вы это вправду? Док, вы уверены?

Каргрейвз кивнул.

— Настолько уверен, насколько это возможно. Я долго не мог понять — как нацистам удалось построить такую мощную базу и почему они выбрали для герметизации такой странный материал — каменные плиты. Это потребовало бы очень больших усилий, особенно если работать в скафандрах. Но я решил отнести все на счет любви немцев ко всему монументальному: у них это называется — «сработано на совесть». Мне сразу надо было повнимательнее присмотреться.

Он заглянул в темный таинственный коридор.

— Несомненно, все это построено не за последние несколько месяцев.

— Давно?

— Давно? Миллион лет — это, по-твоему, как — давно? А десять миллионов? Не знаю: мне трудно представить себе даже тысячу лет. Возможно, нам этого никогда не узнать.

Россу очень хотелось немедленно все осмотреть. Каргрейвз покачал головой.

— Нам нельзя сейчас отвлекаться, Росс. То, что мы обнаружили, — величайшая находка в истории человечества. Но она может и подождать, — он посмотрел на часы. — У нас осталось ровно одиннадцать минут, чтобы покончить с делами и вернуться наверх, а то ребята начнут волноваться.

Он быстрым шагом обошел остальные помещения. Росс расположился в центральном зале, прикрывая Каргрейвза с тыла. Доктор обнаружил радиостанцию, подле которой сидел в наушниках мертвый оператор, и отметил, что оборудование, судя по всему, не слишком повреждено волной воздуха, вырвавшегося наружу. Затем он нашел арсенал, в котором хранились винтовки и бомбы для «джипа». Далее находился склад управляемых ракет. Их там размещалось что-то около двух сотен, но стеллажи были заполнены только наполовину. Каждая из ракет могла бы взорвать и испепелить целый город, но у доктора не было времени думать на эту тему. Он двинулся дальше. В небольшой, хорошо обставленной комнате, похожей на кают-компанию или офицерскую гостиную, Каргрейвз нашел нациста, отличавшегося своим видом от прочих.

Он лежал в скафандре, лицом вниз. Хоть он и не двигался, Каргрейвз приблизился к нему с большой осторожностью. Незнакомец был либо мертв, либо без сознания. Но на его лице не было признаков смерти, а скафандр был надут воздухом. Размышляя, как ему поступить, доктор опустился подле него на колени. На боку лежавшего висел пистолет. Каргрейвз вытащил его и сунул себе за пояс. В перчатках и сквозь плотную ткань скафандра было невозможно прощупать пульс, а шлем мешал прослушать у незнакомца сердце. До конца условленного срока оставалось лишь пять минут, и если доктор хотел что-нибудь сделать, ему следовало поспешить. Он схватил обмякшее тело за пояс и потащил его за собой.

— Что это вы нашли? — спросил Росс.

— Запасаюсь сувенирами. Бежим быстрее! У нас нет времени.

Он берег дыхание для подъема. Перескакивая через шесть ступенек за раз, он втащил наверх шестьдесят фунтов — себя и свой груз. До условленного времени оставалось еще две минуты.

— Бегом к «джипу»! — скомандовал Каргрейвз. — Я не могу тащить его с собой, иначе Морри подумает, что это ловушка. Встретимся около «Вотана»! Вперед!

С этими словами, взвалив свой легкий груз на плечо, доктор галопом побежал к кораблю. Войдя внутрь, он положил тело на пол и снял с мужчины скафандр. Тело было теплым, но мертвенно-неподвижным. Но доктору все же удалось нащупать слабые удары сердца. Когда из воздушного шлюза показались мальчики, он уже делал мужчине искусственное дыхание.

— Эй, — спросил он, — кто меня сменит? Я слабо разбираюсь во всех этих вещах.

— А чего силы зря тратить? — спросил Морри.

Каргрейвз на мгновение остановился и с любопытством взглянул на мальчика.

— Ну, даже не говоря о тех общепринятых правилах, которым тебя тоже вроде бы обучали, живым этот парень может быть куда полезнее, чем мертвым.

Морри пожал плечами.

— Если вы настаиваете... — он опустился на колени, занял место Каргрейвза и принялся за дело.

— Ты все рассказал? — спросил доктор Росса.

— Так, вкратце. Сказал, что это место теперь наше, рассказал о найденных развалинах.

— Ну не такие уж они и развалины, — возразил Каргрейвз.

— Дядя, отпустите меня вниз, — попросил Арт. — Я хочу сделать несколько снимков.

— С фотографиями придется повременить, — ответил доктор. — Сначала надо будет разобраться с управлением этим кораблем. Как только мы сможем его поднять, мы отправимся домой. Это — самое наше *первое дело*.

— Ну конечно... — согласился Арт. — Значит, никаких фотографий?

— Давай договоримся так. Нам с Россом и Морри, да и тебе тоже, потребуется, вероятно, довольно много времени, чтобы понять, как управляется корабль. Так что, кто его знает, может и найдется двадцать минут, когда ты нам будешь не очень нужен. А пока — отложим это дело на будущее. Давай, Росс. Кстати, как там наш пленный?

— А, этот... — ответил Морри. — Мы связали его и оставили в «джипе».

— Что? А если он сумеет развязаться? Он же может угнать ракету!

— Не развяжется. Я сам его связывал и, уж поверьте, подошел к этому делу очень серьезно. В любом случае он не убежит — куда ему деваться без скафандра и пищи? Парень знает, что его шанс дожить до старости зависит от нас, так что он не станет делать глупостей.

— Это точно, дядя, — подтвердил Арт. — Вы бы послушали, чего он мне наобещал!

— Могу представить, — отозвался Каргрейвз. — Пойдем, Росс.

Морри продолжал заниматься пленным, Арт готов был его сменить. Через несколько минут Каргрейвз и Росс вернулись в салон.

— Ну что, ожил наш покойничек? — спросил доктор.

— Пока нет. Может, бросить его?

— Я сменю тебя. Иногда приходится делать искусственное дыхание целый час и даже дольше. А вы вдвоем возьмите запас-

ной скафандр, отправляйтесь к «джипу» и приведите сюда сержанта — как там его зовут? Мы с Россом так и не смогли разобраться в управлении, — признался он. — Тот парень был пилотом, и мы должны вытянуть из него все, что он знает.

Только доктор принялся за работу, как лежащий на полу мужчина застонал. Морри, подошедший было к люку, вернулся назад.

— Давай, отправляйся, — велел ему Каргрейвз. — Мы с Россом управимся сами.

Нацист шевельнулся и застонал. Каргрейвз перевернул его. Веки задрожали, открылись ярко-голубые глаза. Он уставился на Каргрейвза.

— Как поживаете, сэр? — спросил он, словно актер, изображающий истинного англичанина. — Можно мне сесть?

Доктор отодвинулся в сторону и позволил ему подняться, но помогать не стал. Мужчина осмотрелся. Росс стоял молча, направив на него дуло винтовки.

— Уберите оружие, — попросил пленник.

Росс посмотрел на доктора, но винтовку не опустил. Мужчина повернулся к Каргрейвзу.

— С кем я имею честь говорить? — спросил он. — Вы капитан Каргрейвз с корабля «Галилей»?

— Точно. А вы кто такой?

— Гельмут фон Хартвик, подполковник особого подразделения.

Акцент у него был — что у твоего диктора Би-Би-Си.

— Ну что ж, Гельмут, надеюсь, вы нам кое-что объясните. Что здесь происходит?

Подполковник рассмеялся.

— Ну, старина, тут нечего особенно объяснять, не так ли? Похоже, вы сумели от нас улизнуть, и теперь преимущество на вашей стороне. Я это прекрасно понимаю.

— Еще бы! Но это не то, о чем я вас спрашиваю, мне этого недостаточно.

Каргрейвз задумался. Он не мог понять этого нациста: тот вовсе не выглядел человеком, только что очнувшимся от обморока. Может быть, он притворялся, а если так, то как долго?

Ладно, не в этом дело, решил доктор. В конце концов, он у нас в плену.

— Зачем вы приказали разбомбить наш корабль?

— Я? Слушайте, старина, почему вы решили, что это я приказал?

— Потому что я узнаю ваш идиотский акцент, который мы уже слышали по радио. Тогда вы назвались капитаном Джеймсом Брауном. Сомневаюсь, что среди ваших бандитов есть хотя бы еще один «англичанин».

Фон Хартвик приподнял брови.

— Бандит — это грубое слово, приятель. Вряд ли оно свидетельствует о приличных манерах. В одном вы не ошиблись: из всех моих коллег только я имел сомнительное удовольствие посещать хорошую английскую школу. И попрошу вас не называть мое произношение «идиотским». И даже если я и назвался капитаном Брауном, то это еще не доказывает, что именно я распорядился бомбить ваш корабль. Поступил приказ вышестоящего командира, вызванный военной необходимостью. Персонально я за это не отвечаю.

— Вы солгали дважды. Не думаю, что вы посещали английскую школу: похоже, вы подхватили акцент, слушая английские пластинки и радио. И ваш вышестоящий командир не отдавал приказа бомбить нас, ведь он даже не знал, что мы здесь находимся. Это решение было принято вами — сразу же, как только вы обнаружили нас и засекли, где мы находимся.

Нацист развел руками, разыгрывая обиду.

— Вы, американцы, слишком поспешны в выводах. Неужели вы думаете, что можно было за десять минут заправить ракету, снарядить ее бомбами и собрать экипаж? Моей задачей было лишь выяснить, где вы.

— Так вы знали о нас?

— Естественно. Если бы этот дурак оператор не упустил вас с экрана радара, когда вы переходили на посадочную траекторию, мы бы встретили вас гораздо раньше. Неужели вы думаете, что мы построили военную базу, не позаботившись о защите? Все продумано, мы готовы ко всему. Именно поэтому мы и победим.

Каргрейвз позволил себе сдержанно улыбнуться.

— Едва ли вы запланировали ситуацию, которая сложилась на данный момент.

— На войне порой приходится отступать. Приходится считаться с такой возможностью.

— Вы называете войной вероломную бомбардировку мирного гражданского корабля?

На лице пленного появилось оскорбленное выражение.

— Прошу вас, друг мой! Зачем искажать факты? Ведь это вы напали на нас без предупреждения. Если бы мне не посчастливилось оказаться в тот момент в скафандре, я был бы уже мертв. Хочу вас заверить: я ничего не знал о том, что вы готовите удар. Что же до ваших слов, будто «Галилей» — это мирный гражданский корабль, то я нахожу весьма удивительным, что вы смогли разбомбить нашу базу, не имея на борту ничего более разрушительного, чем мухобойка. Вы, американцы, удивляете меня. Вы всегда готовы обвинить других в том, что делаете сами.

Услышав столь наглое заявление, Каргрейвз едва не задохнулся от ярости. На лице Росса появилось выражение крайнего отвращения. Он уже открыл рот, когда доктор знаком велел ему молчать.

— Эти слова, — сказал он, — содержат больше лжи, полуправды и искаженных фактов, чем все то, что вы соблаговолили сказать до сих пор. Так вот, я скажу вам правду: «Галилей» не бомбил вашу базу; от него остались одни обломки. Но ваши люди оказались слишком беспечны. Мы захватили вашу ракету и сбросили на базу вашу же бомбу...

— *Idioten!**

— Они вели себя глупо, правда? А ваша высшая раса чаще всего так и делает в самый ответственный момент. Далее: вы утверждаете, что мы напали без предупреждения. Опять ложь: вы были предупреждены в достаточной мере и даже более того. Вы ударили первыми. И с вашей стороны было крайней наивностью считать, что мы вам не ответим.

Фон Хартвик открыл рот, чтобы что-то сказать.

---

*Идиоты! *(нем.)*.

— Молчать! — отрывисто произнес доктор. — Мне надоело выслушивать вашу чушь. Объясните мне, откуда у вас американский корабль. Только без вранья.

— Ах, это! Мы купили его.

— Не валяйте дурака.

— Ничего подобного. Я не хочу сказать, что мы пришли на завод, заказали военный корабль — одну штуку, попросили его упаковать и послать по нашему адресу. Он был приобретен через третьи руки, но, как бы то ни было, наши друзья сумели доставить то, что нам нужно.

Каргрейвз ненадолго задумался. Такое вполне могло быть. Он смутно припоминал, что в газетах мелькали сообщения о заказе на двенадцать кораблей такого же типа, как «Вотан» до переделки. Газеты подавали это событие как доказательство того, что страна полностью оправилась от войны и восстановила свою экономику. Интересно, подумал доктор, все ли двенадцать кораблей служат тем целям, для которых они предназначались?

— Это обычное заблуждение американцев, — продолжал фон Хартвик. — Вы полагаете, что весь мир разделяет вашу святую веру в такую глупую вещь, как демократия. Чепуха! У нас везде есть друзья. В Вашингтоне, Лондоне, даже в Москве. Повсюду. Это еще одна причина неизбежности нашей победы.

— Может быть, даже в Нью-Мексико?

Фон Хартвик рассмеялся.

— Это была забавная операция, мой друг. Я с наслаждением читал ежедневные донесения. Нам не хотелось слишком уж вас пугать, пока не выяснилось, что у вас может что-нибудь получиться. Вам очень повезло, что вы убрались оттуда так быстро, мой дорогой друг.

— Перестаньте называть меня «дорогой друг», — с раздражением произнес Каргрейвз. — Мне это уже надоело.

— Очень хорошо, мой дорогой капитан. — Каргрейвз пропустил это замечание мимо ушей.

Его беспокоило затянувшееся отсутствие Морри и Арта. Неужели еще кто-то из бандитов остался в живых? Он уже начинал подумывать о том, чтобы связать подполковника и оставить его на корабле, а самому отправиться на поиски, когда шлюз распах-

нулся и в ракету вошли мальчики, ведя перед собой первого пленника.

— Он сопротивлялся и не хотел идти, дядя, — объяснил Арт. — Нам пришлось его уговаривать. — Он хихикнул. — Похоже, он не слишком нам доверяет.

— Хорошо. Снимайте скафандры.

Техник-сержант, казалось, вконец растерялся, увидев в кабине фон Хартвика. Он поспешно стянул с головы шлем и, откинув его на спину, сказал по-немецки:

— *Herr Oberst,** я не виноват. Я...

— Молчать! — рявкнул подполковник, тоже по-немецки. — Ты рассказал что-нибудь этим собачьим свиньям об управлении кораблем?

— *Nein, nein, Herr Oberst,*** клянусь!

— Тогда продолжай изображать дурака, иначе я вырву из твоей груди сердце!

Каргрейвз с непроницаемым лицом выслушал эту короткую перепалку, но Арт не выдержал:

— Дядя, — вскричал он, — вы слышали? Вы слышали, что он приказал сержанту?

Фон Хартвик посмотрел сначала на мальчика, потом на доктора.

— Так вы понимаете по-немецки? — тихо спросил он. — Этого я и опасался.

Когда Морри и Арт вводили в корабль пленника, Росс опустил свою винтовку. Каргрейвз давно уже засунул свой трофейный пистолет за пояс.

Фон Хартвик переводил взгляд с одного на другого. Морри и Арт были вооружены, первый — винтовкой, второй — револьвером, но оба ствола были нацелены на сержанта. Фон Хартвик рванулся к Каргрейвзу и выхватил у него из-за пояса пистолет. И мгновенно нажал на спуск. Секунду спустя Каргрейвз подскочил к нему и попытался схватить немца за руки. Фон Хартвик ударил доктора пистолетом по голове и обхватил его поперек

---

* Господин полковник *(нем.)*.

** Нет, нет, господин полковник! *(нем.)*.

туловища. Сержант схватился руками за грудь, издал булькающий звук и осел на пол. На него никто не посмотрел. Юноши замерли от неожиданности, но уже секунду спустя оправились от испуга и, повернувшись, приготовились стрелять в подполковника, стараясь не задеть при этом доктора. Каргрейвз, получив удар по голове, потерял сознание и повис на руках немца. Тот с легкостью приподнял тридцать фунтов лунного веса одной рукой.

— Стоять! — закричал он.

На его слова вряд ли стали бы обращать внимание, если бы юноши не увидели, что он приставил дуло пистолета к голове доктора.

— Спокойно, джентльмены, — быстро проговорил фон Хартвик, — я не собираюсь причинять вред вашему капитану и не сделаю этого, если вы меня не заставите. Мне очень жаль, что пришлось ударить его, я сделал это только потому, что он напал на меня.

— Не стрелять! — скомандовал Морри.

— Это очень разумно, — похвалил его немец, — я сам не хочу стрелять ни в вашего капитана, ни в вас. Я только хотел заткнуть рот ему. — Кивком головы он указал на лежащего пилота.

Морри бросил взгляд на бездыханное тело.

— Зачем вам это?

— Он был глупой и безвольной свиньей. Он мог рассказать все, о чем бы вы его ни спросили, — подполковник на секунду умолк и вдруг заявил: — А теперь я опять ваш пленник.

Он выпустил из рук пистолет, и тот со стуком упал на пол.

— Уберите дока с линии огня, — прошипел Росс, — я боюсь попасть в него.

— Спокойно! — сказал Морри. — Арт, подними пистолет. Росс, возьми дока!

— О чем ты говоришь? — возразил Росс. — Это же убийца. Его надо прикончить на месте.

— Нет!

— Почему?

— Потому, что доку это не понравилось бы! Этого вполне достаточно. Не стрелять. Это приказ, Росс! Позаботься о доке. Арт, свяжи этого парня, и покрепче.

— Да уж постараюсь! — пообещал Арт.

Нацист не сопротивлялся, и Морри принялся помогать Россу.

— Что с ним? — спросил он, склоняясь над Каргрейвзом.

— Похоже, ничего особо страшного. Сейчас посмотрим, я только сотру с него кровь.

— Бинты и все прочее, — сказала Хартвик таким голосом, будто его не связывали, — лежат в аптечке под пультом управления в рубке.

— Сходи за бинтами, Росс, — велел Морри. — А я присмотрю за ним. Если он умрет, — заявил он Хартвику, — то вам придется худо. Мы выбросим вас наружу без скафандра. Застрелить вас было бы слишком милосердно.

— Он не умрет. Я ударил его очень осторожно.

— Молите бога, чтобы док остался живой. Вы переживете его не более чем на пару минут.

Фон Хартвик пожал плечами.

— Что толку мне угрожать? Мы все здесь практически мертвецы. Неужели вы этого не понимаете?

Морри внимательно посмотрел на него.

— Ты кончил, Арт? Уверен, что связал его достаточно крепко?

— Он удушит себя, если начнет трепыхаться.

— Отлично. Так вот. — Морри вновь обратился к немцу. — Может быть, вы и мертвец. Этого я не знаю. Но мы — нет. Мы отправимся на Землю на этом корабле. Если будете хорошо себя вести, то мы и вас прихватим с собой.

Фон Хартвик рассмеялся.

— Мне очень жаль разочаровывать вас, мой мальчик, но никто из нас на Землю не вернется. Именно для этого я убил своего пилота.

Морри отвернулся, внезапно вспомнив, что никто даже не удосужился проверить, насколько серьезно ранен сержант. Короткий осмотр убедил его, что пилот мертв: пуля пронзила сердце.

— Я не вижу, какое это может иметь значение, — ответил он. — У нас есть вы. И вы расскажете нам все, или же я отрежу ваши уши и вас же ими накормлю.

— Какие кровожадные замыслы, — улыбнулся Хартвик. — Но это вам не поможет. Видите ли, я ничего не смогу вам рассказать: я ведь не пилот.

Арт внимательно посмотрел на пленного.

— Он врет, Морри.

— Нет, — возразил немец. — Не вру. Попробуйте отрезать мои уши, и вы сами увидите. Нет, ребятки, мы останемся здесь надолго — до тех пор, пока не сгнием. *Heil dem Fuhrer!*

— Спокойно, Арт. Не трогай его, — предупредил Морри. — Доку это не понравится.

18. СЛИШКОМ МАЛО ВРЕМЕНИ

Каргрейвз скоро очнулся и громко ругался, когда Росс обрабатывал его разбитую голову антисептиком.

— Спокойнее, док.

— Я спокоен. Не обращай внимания.

За перевязкой Росс вкратце рассказал о последних событиях.

— Этот подонок считает, что ему удалось обвести нас вокруг пальца, — закончил Росс. — Он полагает, что без посторонней помощи нам не справиться с этим кораблем.

— Может быть, он прав, — признал Каргрейвз. — До сих пор у нас это не получалось. Ну, мы еще посмотрим. Бросьте его в трюм, и мы попытаемся еще раз. Морри, ты поступил правильно, не дав его застрелить.

— Я подумал, что вы не захотели бы убивать его, пока мы не вытянули из него все, что он знает.

Каргрейвз посмотрел на него со странной улыбкой.

— Полагаю, это была не единственная причина?

— Э-э... пустяки! — Морри смутился. — Понимаете, как только он бросил оружие, я уже не мог просто взять и выстрелить. Он очень хитрый — этот нацист.

Каргрейвз одобрительно кивнул.

— Ты прав. Это и есть одна из причин, по которой они считают нас мягкотелыми слюнтяями. Но мы приготовим ему сюрприз. — Доктор встал, повернулся к Хартвику и пошевелил его ногой. — Слушай, ты! Если я смогу, то возьму тебя на Землю, чтобы тебя там судили. Если же нет, мы будем судить тебя прямо здесь.

Фон Хартвик вздернул брови.

— За то, что я воевал против вас? Это будет истинно по-американски!

— Нет, не за войну. Войны никакой и не было. Третий рейх прекратил свое существование весной 1945 года, и сейчас между Германией и США заключен мир, независимо от того, сколько мелких бандитов избежали возмездия. Ты, супермен липовый, будешь осужден за убийство своего же сообщника, несчастного придурка, который лежит рядом с тобой, — Каргрейвз отвернулся. — Мальчики, несите его в трюм. Давай, Росс.

Три часа спустя Каргрейвз был вынужден сам себе признаться, что Хартвик был прав, утверждая, будто посторонние не смогут управлять кораблем. На подлокотниках пилотских кресел были укреплены непонятные рукоятки. Было ясно, что это рычаги управления, но, как бы их ни поворачивали и не нажимали, корабль оставался мертв. Двигательная установка располагалась за сплошной заваренной переборкой толщиной в несколько дюймов, если судить по раздававшемуся при простукивании ее звуку.

Каргрейвз сомневался, что сумеет разрезать ее даже автогеном. В любом случае это было нежелательно: попытка разгадать тайны корабля хирургическим путем могла бы привести к необратимой порче агрегатов. Самым разумным было предположить, что где-нибудь на корабле имеется инструкция. Они долго искали ее, открывая всевозможные дверцы, обшаривая самые укромные уголки и сдвигая с места все предметы, какие только могли. Инструкции на корабле не было.

При осмотре обнаружилось еще одно странное обстоятельство. На корабле отсутствовали съестные припасы. Последнее уже кое-что значило.

— Все, хватит, — объявил доктор, убедившись, что дальнейшие поиски ни к чему не приведут. — Давайте еще раз осмотрим их базу. В конце концов инструкцию мы найдем. Еду тем более. Морри, ты пойдешь со мной. Мы притащим оттуда ящики с провизией.

— А я? Возьмите меня! — воскликнул Арт. — Фотографии! Жилище селенитов!

Каргрейвз искренне позавидовал его юношеской беззаботности.

— Ну, хорошо, — согласился он. — Где же твой фотоаппарат?

Лицо Арта помрачнело.

— Остался в «конуре».

— Тогда, полагаю, с фотографиями придется подождать. Но ты все равно пойдешь с нами. Там столько электронного оборудования, что ты сможешь на нем хоть плясать, хоть прыгать. Может быть, связавшись с Землей, мы упростим нашу задачу.

— Почему бы нам не пойти всем вместе? — спросил Росс. — В конце концов, развалины открыл я; неужели я не имею право еще раз на них посмотреть.

— Прости, Росс, но тебе придется остаться и приглядывать за нашим приятелем. Он может знать о корабле гораздо больше, чем говорит. Будет очень неприятно, если мы вернемся и обнаружим, что корабль исчез. Следи за ним в оба. Скажи ему, что если он хотя бы дернется, ты разобьешь в кровь его морду. Кстати, при необходимости можешь так и поступить.

— Хорошо. Хотелось бы надеяться, что он дернется. Вы надолго?

— Если мы ничего не найдем, через два часа вернемся.

Сначала Каргрейвз обыскал офицерское помещение: инструкция скорее всего могла находиться именно там. Но ее там не оказалось; Каргрейвз обнаружил несколько книг и картин, свидетельствующих о своеобразных и малоприятных вкусах бывших обитателей базы. Затем он вернулся в спальню, которая по-прежнему представляла собой жуткое зрелище, но доктор был к этому готов. Арта он отправил в радиорубку, а Моррису поручил проверить остальные помещения. Он решил, что мальчикам ни к чему видеть эти раздувшиеся трупы. В спальне не было ничего интересного. Выйдя оттуда, доктор услышал в наушниках голос Арта:

— Дядя! Посмотрите, что я нашел!

— Что такое? — спросил он, и в наушниках тут же послышался голос Морри:

— Ты нашел инструкцию, Арт?

— Нет, но посмотрите!

Все трое собрались в центральном зале. «Это» было фотоаппаратом «Графлекс» со вспышкой.

— Возле радиорубки у них целая фотолаборатория, там я его и обнаружил. Что скажете, дядя? Как насчет снимков?

— Хорошо, хорошо. Морри, идите вместе: возможно, это ваш последний шанс увидеть развалины. Даю вам тридцать минут. Не заходите слишком далеко и не сверните шеи. Никакого безрассудства, и чтобы вернулись вовремя. Иначе я приду за вами с игрушечным пистолетом.

Он с завистью посмотрел на мальчиков, испытывая немалый соблазн отправиться вместе с ними. Эх, если бы на его плечах не лежала эта чертова ответственность... Но ничего не поделаешь — доктор заставил себя вернуться к наскучившим уже поискам. Сплошное невезение. Даже если здесь и была инструкция, то — пришлось признать доктору — отыскать ее вряд ли удастся. Тем не менее, когда мальчики вернулись, он еще продолжал поиски.

Он взглянул на часы.

— Сорок минут. Вы пунктуальнее, чем я ожидал. Я уже собирался идти за вами. Ну, нашли что-нибудь? Как снимки?

— Снимки? О, вы их еще увидите!

— Мне никогда не доводилось видеть ничего подобного, док! — возбужденно тараторил Морри. — Там целый город! Он уходит в самую глубину. Представляете? Залы со сводчатыми потолками в сотни футов шириной, коридоры, идущие во всех направлениях, комнаты, балконы... нет, я даже не знаю, с чего начать!

— Тогда и не начинай. Когда вернемся на корабль, сядь и запиши все на бумаге.

— Док! Это настоящая фантастика!

— Я думаю! Столько всего... просто в голове не укладывается. Арт, как там с радиорубкой? Можно оттуда связаться с Землей?

— Трудно сказать, дядя, но на первый взгляд аппаратура так себе.

— Ты в этом уверен? Насколько нам известно, они держали связь с Землей — во всяком случае, наш приятель говорил что-то подобное.

Арт покачал головой.

— Лучше сказать, что они принимали передачи с Земли. Я нашел приемник, но не смог его испытать: для этого нужно засунуть наушники в шлем. Но я так и не понял, как они могли посылать радиограммы на Землю.

— Почему? Им нужна была двусторонняя связь.

— Может быть, и нужна, но они на это бы не пошли. С их секретной земной базы можно было послать направленный пучок: это безопасно, поскольку никто, кроме них, его бы не принял. Но если бы они попытались выйти на связь отсюда, им не удалось бы направить луч точно куда нужно. На таком расстоянии пучок расширяется и покрывает довольно обширный район — это будет, как широковещательная передача.

— Ага, — сказал доктор. — Я начинаю понимать. Один-ноль в твою пользу, Арт. Мне следовало подумать об этом заранее. Какой бы код они ни придумали, сигнал, пришедший со стороны Луны, раскрыл бы их карты.

— И я так же думаю.

— Ты совершенно прав. Жаль, у меня оставалась последняя надежда — связаться с Землей. — Доктор пожал плечами. — Ну что ж, всему свое время. Морри, ты нашел провиант, который можно было бы взять с собой?

— Да, я все выложил.

Они отправились вслед за Морри на камбуз, где уже были сложены три груды консервных банок. Консервов было так много, что три человека едва-едва могли их унести. Пока они набирали охапки груза, Морри спросил:

— Сколько здесь было людей, док?

— Я насчитал сорок семь трупов — не считая того, которого застрелил Хартвик. А что?

— Мне пришла в голову забавная мысль. Исходя из кое-какого своего опыта, я прикинул их потребности в питании. Для такого количества людей тут не хватило бы пищи даже на две недели. И знаете, что я по этому поводу думаю?

— М-м-м... да, Морри, ты, похоже, заметил очень важную вещь. Неудивительно, что Хартвик держится так уверенно. Это не хорошая мина при плохой игре. Он действительно уверен, что его спасут.

— О чем вы, дядя? — спросил Арт.

— В любой момент сюда может прибыть транспортный корабль.

Арт присвистнул.

— Он надеется застать нас врасплох.

— Его надежды чуть было не оправдались. Но теперь мы готовы. — сказад Каргрейвз и добавил: — Пойдемте-ка.

— Куда?

— Я кое-что вспомнил.

Обыскивая офицерское помещение, доктор переворошил целую кучу инструкций, книг, записей и прочих бумаг. Он просмотрел их мельком, лишь убеждаясь, что они не содержат сведений о том, как управляется «Вотан». Среди бумаг имелся журнал дежурного офицера. Помимо всего прочего там были указаны координаты земной базы нацистов; Каргрейвз надеялся подробнее ознакомиться с журналом позднее. Теперь он понял, что сделать это нужно немедленно.

Записей в журнале было много. В нем с тевтонской аккуратностью описывался почти трехмесячный период жизни базы. Каргрейвз быстро пробегал взглядом страницы, Арт читал, заглядывая через его плечо. Морри с нетерпением ждал и наконец напомнил, что обещанные Россу два часа на исходе.

— Двигай вперед, — ответил с отсутствующим видом Каргрейвз. — Захвати провизию, и начинайте готовить обед. — Он вновь уткнулся в журнал.

Вскоре он обнаружил список нацистской команды. Фон Хартвик был старшим офицером. Это убедило Каргрейвза в том, что пленник лгал, утверждая, что не умеет управлять кораблем. Разумеется, его звание не служило доказательством этого, но во всяком случае говорило о многом. Впрочем, от Хартвика нельзя было ожидать ничего, кроме лжи. Наконец доктору стали попадаться первые следы того, что он искал. Корабли снабжения прибывали сюда каждый месяц. Если расписание выдерживалось достаточно строго — а запасы продовольствия свидетельствовали об этом весьма надежно, — то очередной транспорт должен прибыть в ближайшие шесть-семь дней.

Добравшись до конца записей, доктор обнаружил еще более важную вещь: у заговорщиков имелась по крайней мере еще одна такая же большая ракета. Ясно было, что «Вотан» не собирается отбывать на Землю за припасами: если расписание выполнялось, он взлетел бы с Луны только после посадки другого транспортника. После этого «Вотан» мог бы взлететь, а тот, другой корабль,

стал бы под разгрузку. Таким образом, персонал лунной базы никогда не оставался без средств эвакуации — во всяком случае, Каргрейвз представлял себе ситуацию именно так.

Доктор установил, что у нацистов две ракеты: «Вотан» и «Тор». Второй корабль должен был прибыть на Луну через неделю, следовательно, он стартует с Земли дней через пять. Время перелета составляло сорок шесть часов с небольшим, если верить журналу. Если «Тор» стартует, будет поздно что-либо предпринимать, поздно передавать предупреждение. Наци, очевидно, уже знали, что секрет космических перелетов раскрыт; в журнале несколько раз упоминался «Галилей», причем последняя запись о нем гласила, что его местоположение на Луне уже определено. Они обязательно ударят в самое ближайшее время. Перед мысленным взором Каргрейвза появились длинные ряды атомных боеголовок, лежавших на стеллажах в соседней пещере. Он представил себе, как они обрушиваются на беззащитные земные города. Собирать мощный передатчик уже было некогда. Настало время чрезвычайных мер.

Он боялся лишь одного: что времени осталось слишком мало.

19. КТО КОГО

— Суп готов! — приветствовал Каргрейвза Морри, когда тот поспешно вошел в корабль.

Доктор начал снимать скафандр и тут же заговорил:

— Некогда. Сделай мне пару сэндвичей.

Морри выполнил его просьбу. Росс спросил:

— Из-за чего такая спешка?

— Мне срочно нужно переговорить с пленником, — доктор повернулся было, но потом остановился. — Нет, подождите. Давайте сюда, парни.

Он выстроил их стенкой, словно футбольную команду.

— Я хочу кое-что попробовать, — они пошептались, и доктор скомандовал: — А теперь сыграем. Я оставлю дверь открытой.

Он прошел в трюм и ткнул фон Хартвика носком ботинка.

— Подъем!

И отломил кусок сэндвича.

— Я не сплю, — пленник с трудом повернул голову, потому что его лодыжки были подтянуты к связанным за спиной рукам. — А, еда! — обрадованно сказал он. — А я уже начал спрашивать себя, вспомните ли вы о правилах обращения с пленными.

— Это не для вас, — сообщил ему доктор. — Оба сэндвича я взял для себя. Вам они не понадобятся.

Фон Харттвик заинтересованно и без всякого испуга посмотрел ему в лицо.

— Вы так полагаете?

— Еще бы, — ответил Каргрейвз, вытирая рот рукавом. — Я собирался доставить вас для суда на Землю, но теперь я вижу, что нам некогда будет с вами возиться. Я буду судить вас лично и немедленно.

Связанный Хартвик пожал плечами.

— Вы можете делать все, что вам заблагорассудится. Не сомневаюсь, что вы собираетесь убить меня, но только, пожалуйста, не разыгрывайте суд. Давайте назовем это линчеванием. Будьте честны хотя бы перед собой. Во-первых, я вел себя совершенно корректно. Верно, мне пришлось убить одного из своих людей, но это была мера, необходимая во время военных действий...

— Это было убийство, — прервал его доктор.

— ...при защите безопасности рейха, — не торопясь, продолжал немец, — и это событие совершенно вас не касается. Все произошло в моем корабле и не подпадает под юрисдикцию и идиотские законы вашей прогнившей демократии. Что же касается бомбардировки вашего корабля, то я уже объяснял...

— Заткнись! — рявкнул Каргрейвз. — Я предоставлю вам возможность высказаться позже. Итак, заседание суда открыто. Специально для вас повторяю: вся эта планета находится под юрисдикцией ООН. Мы официально вступили во владение ею и основали здесь постоянную базу. На основании чего...

— Поздновато, мой дорогой судья Линч. Новый рейх вступил во владение этой планетой три месяца назад.

— Я же сказал: молчать! Я обвиняю вас в оскорблении суда. Еще один звук — и мы сделаем так, что вы не сможете произнести ни слова. Я капитан корабля, зарегистрированного по всем законам ООН, и моей обязанностью является надзор за соблюдением

этих законов. Ваши притязания необоснованны. Никакого Нового Рейха не существует, так что он не может ничем владеть. Вы и ваши сообщники не представляете никакой нации; вы обычные бандиты. Мы не обязаны и не будем принимать во внимание выдуманные вами фикции. Морри! Принеси еще сэндвич!

— Иду, капитан!

— Как капитан «Галилея», — продолжал Каргрейвз, — я представляю правительство своего государства. Поскольку я не имею возможности доставить вас для суда на Землю, я вершу суд лично. Вам предъявляются два обвинения: предумышленное убийство и пиратство.

— Пиратство? Мой дорогой друг...

— Да, пиратство. Вы напали на судно, зарегистрированное в ООН. По вашим собственным словам, вы участвовали в этом, неважно, отдавая приказы или нет. Все члены пиратской банды виновны в равной мере, а это — преступление, караемое смертной казнью. Равно как и предумышленное убийство. Спасибо за сэндвич, Морри... Откуда у тебя свежий хлеб?

— Он консервированный.

— Восхищаюсь нацистской предусмотрительностью... Я долго сомневался, квалифицировать ли убийство как предумышленное или непредумышленное. Но вы вырвали у меня оружие прежде, чем вы смогли застрелить вашего человека. А значит, вы совершили намеренный поступок. Итак, вы обвиняетесь в пиратстве и предумышленном убийстве. Признаете свою вину?

Поколебавшись, фон Хартвик ответил:

— Так как я не признаю себя подпадающим под юрисдикцию вашего так называемого суда, то и не собираюсь оправдываться. Даже если я соглашусь, что нахожусь на территории ООН, а я не собираюсь этого делать, то все равно вы не обладаете судебными полномочиями.

— Капитан корабля в чрезвычайных обстоятельствах имеет весьма широкие полномочия. Можете сами это проверить. Свяжитесь с того света с каким-нибудь медиумом и проверьте.

Фон Хартвик вздернул брови.

— Из этого замечания, которое вы, видимо, считаете очень смешным, я вижу, что приговор мне вынесен еще до начала разбирательства.

Каргрейвз продолжал задумчиво жевать.

— В некотором смысле, да, — признал он. — Я с удовольствием представил бы вам присяжных, но они нам не потребуются. Видите ли, нам не требуется доказывать что-либо, поскольку факты налицо. Мы все присутствовали при этом. Единственный вопрос состоит в следующем: что вам за это полагается по закону? Только по этому вопросу вы имеете право высказаться — если, конечно, хотите.

— Чего ради? Ваши ублюдочные нации много треплются о справедливости и равенстве перед законом, но их у вас нет и в помине. Вы стоите передо мной, и руки ваши обагрены кровью моих товарищей, которых вы хладнокровно убили, не дав им ни малейшего шанса, — и вы при этом еще обвиняете меня в убийстве и пиратстве!

— Мы это уже обсуждали, — ответил Каргрейвз. — По законам свободных людей между неспровоцированным нападением и ответным действием для самозащиты имеется огромная разница. Если в темной аллее на вас нападет грабитель, вам не требуется решение суда, чтобы прибегнуть к самозащите. Давайте дальше. Выкладывайте свои дутые оправдания.

Немец молчал.

— Ну, давайте! — настаивал Каргрейвз. — У вас есть возможность оправдаться, сославшись на невменяемость, и возможно вы даже сумеете меня в этом убедить. Я всегда считал, что люди с замашками сверхчеловеков — сумасшедшие. Вы можете убедить меня в том, что вы сумасшедший даже в правовом аспекте.

В первый раз за все время уверенность пленника в собственном превосходстве слегка поколебалась. Он побагровел и был готов взорваться. Но взял себя в руки и произнес:

— Давайте прекратим этот фарс. Делайте, что хотите, и кончайте свою игру.

— Заверяю вас: я не шучу. Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Я не стану говорить!

— Я признаю вас виновным в обоих преступлениях. Хотите ли вы сказать что-нибудь перед вынесением приговора?

Обвиняемый не потрудился ответить.

— Отлично. Приговариваю вас к смерти.

Арт с шумом вдохнул воздух и с расширенными от ужаса глазами попятился из дверного проема, в котором они стояли все трое — он, Морри и Росс. Его вдох выстрелом прозвучал в немой тишине.

— Хотите ли вы что-нибудь сказать, прежде чем мы приступим к исполнению приговора?

Фон Хартвик отвернулся.

— Я ни в чем не раскаиваюсь. По крайней мере, я умру быстрой и безболезненной смертью. Вам же, четырем свиньям, приходится рассчитывать только на долгую мучительную смерть.

— О, — сказал Каргрейвз, — я давно хотел кое-что вам разъяснить. Мы не погибнем.

— Вы так полагаете? — В голосе Хартвика слышалось нескрываемое торжество.

— Я в этом уверен. Видите ли, через шесть-семь дней прибывает «Тор»...

— Что? Откуда вы знаете?

Пленника словно обухом по голове ударили. Потом он прошептал:

— Это неважно... вас всего четверо... но теперь я понимаю, почему вы так спешите убить меня. Вы боитесь, что я от вас ускользну.

— Вовсе нет, — возразил Каргрейвз. — Вы не понимаете. Если бы в этом был какой-то смысл, я доставил бы вас на Землю, где вы предстали бы перед более высоким судом. Я это сделал бы не ради вас — вы виновны с головы до ног, — а ради себя самого. Но, как бы то ни было, я счел это невозможным. До прибытия «Тора» мы будем очень заняты, а я смогу быть уверенным, что вы не убежите, только если кто-то из нас будет постоянно охранять вас. Этого я себе позволить не могу; но я также не намерен дать вам ни малейшего шанса избежать наказания. Тут нет даже помещения, в котором вас можно запереть. Я собирался слить топливо из баков вашей маленькой ракеты и посадить вас туда без скафандра. Таким образом вы были бы надежно изолированы, пока мы работаем. Но теперь, поскольку мы ожидаем прибытия «Тора», нам потребуется и маленькая ракета.

Фон Хартвик мрачно ухмыльнулся.

— Думаете, вам удастся удрать? Черта с два, на этом корабле вам не добраться до Земли. Неужели это до сих пор не понятно?

— Это вы ничего не поняли. Успокойтесь и дайте мне объяснить. Мы собираемся загрузить «джип» бомбами — такими же, какими вы уничтожили «Галилей», — и взорвать склад с вашими атомными ракетами. Очень жаль: ведь это помещение было построено местными жителями. Затем мы взорвем «Вотан».

— «Вотан»? Зачем? — Фон Хартвик внезапно оживился.

— Чтобы быть уверенными, что он больше не сможет вернуться на Землю. Мы им управлять не умеем; я хочу сделать так, чтобы им не воспользовался кто-либо другой. Затем взорвем «Тор».

— «Тор»? Вы не можете взорвать «Тор»!

— Почему же? Конечно, можем — точно так же, как вы взорвали «Галилей». Но, даже если кто-то из экипажа уцелеет, у них не останется ни малейшего шанса захватить «Вотан» — он будет взорван первым. И это — одна из причин того, что вы должны умереть как можно скорее. Уничтожив «Вотан», мы укроемся на нашей базе — о ее существовании вы даже не догадывались, верно? — но там, к сожалению, только одна комната. Для пленного там места нет. Как уже было сказано, я намеревался держать вас в «джипе», но он потребуется для того, чтобы взорвать «Тор». Это все меняет. В ожидании прибытия «Тора» там постоянно будет находиться наш пилот. Для вас места не остается. Так что извините, — закончил, улыбаясь, Каргрейвз. — Мы все верно рассчитали? — добавил он.

Фон Хартвик начал проявлять признаки волнения.

— Может быть, у вас и получится...

— Обязательно получится!

— Даже если и так, вы все равно погибнете. Мне суждена быстрая смерть, вам — долгая и мучительная. Взорвав «Тор», вы теряете последний шанс. Подумайте об этом, — продолжал нацист. — Смерть от голода, удушья, холода. Давайте заключим пакт. Отпустите меня под честное слово. Тогда, когда прилетит «Тор», я замолвлю за вас словечко...

Каргрейвз прервал его взмахом руки.

— Слово нациста! Чего оно стоит?! Да вы не заступитесь и за свою бабушку! Ваша тупая башка не в силах сообразить, что у нас на руках все козыри. Покончив с вами, мы возьмемся за ваших приятелей; затем мы спокойно устроимся в теплой базе с большими запасами воздуха и пищи и будем сидеть до тех пор, пока не подоспеет помощь. Мы даже не будем одиноки: когда вы

запеленговали нас, мы как раз испытывали передатчик для связи с Землей. Мы...

— Врете! — закричал Хартвик. — Никто вам на помощь не придет. Нам известно, что ваш корабль был единственным; у нас была полная информация!

— Был единственным, — сладко улыбнулся Каргрейвз. — Но в соответствии с устаревшими дурацкими законами прогнившей демократии, которую вам не понять, все чертежи, расчеты и записи, касающиеся постройки корабля, были переданы ученым для тщательного изучения в ту самую минуту, когда мы стартовали. Уже очень скоро мы сможем выбирать, какой корабль нам больше нравится. Кстати, мне очень жаль разочаровывать вас еще кое в чем. Ваша смерть не будет легкой и приятной, как вы надеялись до сих пор.

— Что вы имеете в виду?

— Я не собираюсь еще раз забрызгивать корабль кровью, расстреливая вас. Я...

— Подождите. Умирающий имеет право на последнее желание. Оставьте меня здесь. Я хочу умереть на борту своего корабля.

Каргрейвз откровенно рассмеялся ему в лицо.

— Как это прекрасно, как трогательно! И позволить вам улететь на нем! Черта с два!

— Я не пилот, поверьте мне!

— О, я верю! Я не позволил бы себе усомниться в искренности умирающего человека, но рисковать не хочу. Росс!

— Да, сэр!

— Возьми его и выбрось за борт!

— С удовольствием!

— Вот и все.

До сих пор доктор сидел на корточках, теперь он поднялся на ноги, отряхивая с ладоней крошки.

— Я даже не сниму с вас веревки, чтобы вы умирали в удобной позе. А то вы слишком уж здорово умеете хвататься за пистолеты. Придется вам откинуть копыта таким, как есть. Надеюсь, агония не затянется, — деловито продолжал он. — Мне кажется, вы будете чувствовать себя, как утопающий. Семь-восемь минут — и конец, если только разрыв сердца и легких не прикончит вас еще раньше.

— Свинья!

— Для вас — капитан Свинья.

Росс тщательно застегнул скафандр.

— Так я приступаю?

— Давай. Хотя, впрочем, я передумал. Сделаю это сам. Меня еще, пожалуй, упрекнут в том, что я позволил молодому человеку дотронуться до этого дерьма. Морри! Принеси мой скафандр!

Когда ему помогали надевать снаряжение, доктор весело насвистывал. Продолжая насвистывать, он, словно кучу тряпья, схватил пленного за веревку, стягивавшую его локти и запястья, и быстрым шагом двинулся к шлюзу. Сначала он забросил в шлюз свою ношу, затем вошел туда сам и помахал ребятам рукой.

— Я скоро вернусь! — И открыл внутренний люк.

Когда воздух начал со свистом вырываться наружу, фон Хартвик стал задыхаться. Каргрейвз улыбнулся.

— Сквозняк беспокоит?

Чтобы его было слышно сквозь шлем, доктору приходилось кричать. Губы фон Хартвика двигались.

— Вы что-то сказали?

Нацист открыл рот, задохнулся и закашлялся. На его губах пузырилась пена, стекая на подбородок.

— Говорите громче! — крикнул Каргрейвз. — Я вас не слышу!

Воздух со свистом вылетал наружу.

— Я пилот!

— Что-что?

— Я пилот. Могу научить вас...

Каргрейвз потянулся к воздушному клапану и перекрыл его.

— Сквозь этот шум ничего не слышно. Что вы сказали?

— Я — пилот! — выдохнул фон Хартвик.

— Да? И что из того?

— Воздух. Дайте мне воздуха.

— Здесь его еще много. Я слышу, что вы говорите. Должно быть, в шлюзе осталось еще четыре-пять фунтов воздуха.

— Дайте мне воздуха! Я расскажу вам, как работает корабль.

— Сначала расскажите, а уж потом... — Доктор вновь потянулся к клапану.

— Подождите! Там есть маленькая кнопка — позади панели... — немец запнулся, тяжело дыша. — Панели управления... Справа.

Предохранительный выключатель. Вы его не могли заметить, он похож на деталь крепления. Нажмите кнопку...

Он вновь умолк, задыхаясь.

— Я думаю, вам лучше показать самому, — строгим голосом произнес доктор. — Если только вы опять не солгали, у меня появится возможность доставить вас для суда на Землю. Хотя вы этого и не заслуживаете.

Он протянул руку и повернул впускной клапан. В шлюз начал поступать воздух.

Десять минут спустя Каргрейвз уселся в левое пилотское кресло и пристегнулся ремнем. Место справа занял фон Хартвик. В левой руке Каргрейвз держал пистолет, ствол которого положил на сгиб правого локтя, чтобы постоянно держать нациста под прицелом.

— Морри! Вы готовы?

— Готовы, капитан! — донесся голос, едва слышный из-за рева запускаемого двигателя.

Мальчикам пришлось занять противоперегрузочные кресла в пассажирском салоне. Они согласились с неохотой, особенно Морри, но тут уж ничего нельзя было поделать. В рубке управления во время ускорения могли находиться только двое.

— Все в порядке. Стартуем! — Каргрейвз вновь повернулся к пленному. — Запускайте эту свою штуку, Свинья! О, простите, полковник Свинья!

Фон Хартвик угрюмо покосился на него.

— Я не верю, что вы на самом деле собирались меня удушить.

Доктор ухмыльнулся и потер рукой подлокотник кресла.

— Хотите назад, в шлюз?

Пленный отвернулся и уставился прямо перед собой.

— *Achtung!* — прокричал он. — Приготовиться к ускорению! Готов! — И, не дожидаясь ответа, рванул корабль вверх.

При таком легком грузе энергии у корабля было с избытком. Каргрейвз велел удерживать ускорение в два *g* в течение пяти минут, а затем переходить в свободный полет. К этому моменту, ускоряясь на 64 фута в секунду за каждую секунду этих пяти минут и даже учитывая потерю одной шестой части *g* из-за притяжения Луны, они достигли бы скорости примерно двенадцать

тысяч миль в час. Если бы не пришлось тормозить при посадке, он пролетели бы мимо Земли уже через двадцать часов. Доктор хотел уложиться в сутки.

Когда они перешли в свободный полет, мальчики поднялись в рубку, и Каргрейвз потребовал от пленного точных и полных инструкций по управлению кораблем. Удовлетворившись, он сказал:

— Прекрасно. Росс и Арт, отведите его на корму, привяжите к креслу и пристегнитесь сами. Мы с Морри немножко поупражняемся.

Хартвик было заспорил, но доктор велел ему заткнуться.

— Молчите! Вы не получили помилования, мы лишь использовали кое-что из ваших знаний. Вы — преступник, которого мы везем на Землю для суда.

Несколько часов они осваивали корабль, сделав лишь перерыв на обед. Влияние их упражнений на скорость и курс было нулевым: сверяясь с приборами, каждое включение тяги с какой-либо стороны они компенсировали таким же усилием с противоположной. Потом они решили вздремнуть. Им нужен был отдых: они непрерывно бодрствовали уже больше земных суток. Проснувшись, Каргрейвз позвал Арта.

— Нельзя ли связаться с Землей при помощи здешней аппаратуры?

— Я попробую. С кем вы желаете говорить и что хотите сказать?

Каргрейвз задумался. Впереди сиял серп Земли. Нацистская база находилась вне зоны прямой видимости.

— Попробуй вызвать Мельбурн, Австралию, — решил он. — И скажи им вот что...

Арт кивнул. Несколькими минутами позже, освоившись с незнакомым оборудованием, он уже непрерывно повторял:

— Космический корабль «Город Детройт» вызывает подразделение миротворческих сил ООН в Мельбурне... Космический корабль «Город Детройт» вызывает подразделение миротворческих сил ООН в Мельбурне...

Он повторял это минут двадцать, пока ему не ответил еле слышный голос:

— Пост Мельбурн, пост Мельбурн, вызываем космический корабль «Город Детройт». Прием.

Арт сдвинул наушники и беспомощно произнес:

— Может быть, вы сами с ними поговорите, дядя Дон?

— Давай-давай. Передай им то, что я тебе сказал. Это твое шоу.

Арт вновь вышел на связь с Землей.

Морри осторожно снизился и вывел корабль на круговую орбиту вблизи земной атмосферы. Их скорость по-прежнему составляла около пяти миль в секунду, корабль совершал оборот вокруг планеты за девяносто минут. Затем мальчик плавно снизил скорость и направил корабль вниз. Коротенькие крылья «Детройта», бывшего «Вотана», врезались в разреженную стратосферу с тонким, леденящим душу визгом.

Они вновь выходили в открытое пространство и входили в атмосферу, с каждым разом все глубже и медленнее. Во время второго торможения они поймали радиопередачу о налете патруля ООН на нацистскую базу и захвате «Тора». На следующем витке два информационных агенства, все повышая и повышая предлагаемую цену, соревновались за эксклюзивные права на трансляцию передачи из космоса. На третьем витке уже торговались за право телевизионной съемки на месте приземления. На четвертом витке они получили официальный приказ садиться на ракетодром в округе Колумбия.

— Хотите, я ее посажу? — крикнул Морри сквозь визг трущегося об обшивку воздуха.

— Давай, — приободрил его Каргрейвз. — Я уже пожилой человек, мне нужен личный шофер.

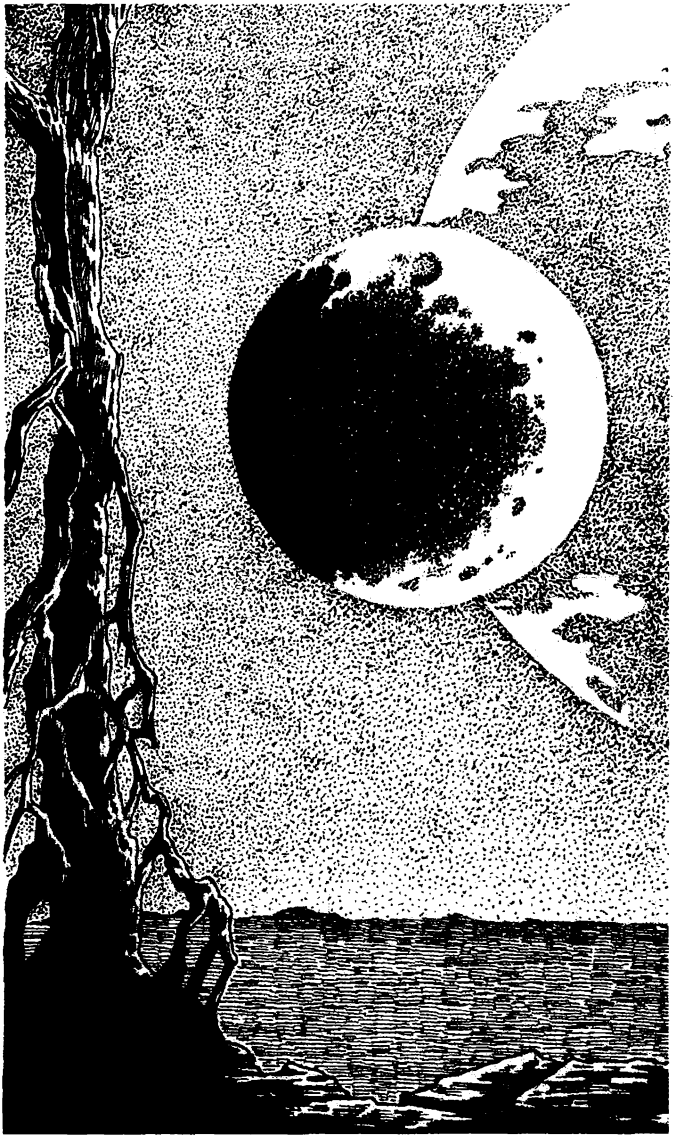
Морри кивнул и начал снижение. Они находились где-то над Канзасом...

Земля, на которой стоял корабль, показалась им необычайно твердой. Одиннадцать дней — неужели только одиннадцать? — проведенных без земной тяжести, выработали у них новые привычки. Каргрейвз почувствовал, что при ходьбе его слегка покачивает. Он отдраил внутренний люк шлюза и подождал мальчиков. Откинув внутренний, он шагнул к наружному люку и открыл его.

Плотная волна звуков хлынула в уши, и доктор увидел бесчисленное множество устремленных на него глаз. Засверкали фотовспышки. Каргрейвз повернулся к Россу.

— Боже мой! — сказал он. — Какой кошмар! Ребята, можно я после вас?

КОСМИЧЕСКИЙ КАДЕТ

© И. Почиталин, перевод, 1992

1. БАЗА «ТЕРРА»

«Мэттью Бруксу Додсону, — было написано в бумаге, которую он держал в руке. — Примите наши поздравления с успешным завершением отборочных тестов, необходимых для того, чтобы стать кандидатом для поступления в школу Межпланетной патрульной службы. Вам надлежит прибыть к начальнику базы "Терра", космопорт "Санта-Барбара", Колорадо, Северо-Американский союз, Терра, не позднее первого июля 2075 года. Там Вам предстоит пройти дальнейшие испытания и тесты. Предупреждаем, что большинство кандидатов, приезжающих для прохождения испытаний, не выдерживает их, поэтому Вам следует...»

Мэтт сложил письмо и сунул его в сумку на поясе. Ему не хотелось думать о вероятности неудачи. Сидевший рядом пассажир — юноша примерно такого же возраста — с любопытством посмотрел на него.

— Знакомая бумажка. Значит, ты тоже кандидат?

— Да.

— Ну тогда здравствуй! И поздравляю! Моя фамилия Джермэн, я из Техаса.

— Рад познакомиться, Текс*. Я — Мэтт Додсон, из Де-Мойна.

— Привет, Мэтт! Мы должны вот-вот при...

Раздался негромкий звук — вагон словно выдохнул и начал замедлять ход; кресла пошли вперед, откликаясь на быстрое торможение. Скоро вагон совсем остановился и кресла вновь приняли нормальное положение.

— Прибыли! — закончил наконец свою фразу Джермэн.

---

* Текс — традиционное прозвище техасцев.

На телевизионном экране перед ними, где белокурая красотка только что демонстрировала преимущества суперзвездного мыла Соркина, появилась надпись: «СТАНЦИЯ БАЗА "ТЕРРА". Юноши схватили сумки и выскочили из вагона. Еще через мгновение они уже стояли на эскалаторе, несущем их вверх, на поверхность. На расстоянии в полумиле от станции, отчетливо видное в прозрачном, холодном воздухе, вырисовывалось здание Хэйуорт холла, земной штаб-квартиры знаменитой Патрульной службы. Мэтт остановился. Ему не верилось, что он наконец-то видит его.

— Пошли, — подтолкнул его Джермэн.

— Что? Ну, конечно.

От станции в направлении Хэйуорт-холла протянулась пара движущихся дорожек; юноши встали на ту, что двигалась в направлении к зданию. На дорожку выходило все больше и больше юношей, поднимающихся на поверхность из подземной станции. Мэтт обратил внимание на двух молодых людей со смуглыми лицами в высоких тюрбанах на головах; в остальном они были одеты как и все остальные. Позади них он заметил высокого стройного юношу с совершенно черным лицом.

Парень из Техаса засунул большие пальцы рук за пояс и огляделся.

— Бабушка, готовь еще одного цыпленка! — сказал он, улыбаясь. — У нас гости к обеду. Между прочим, если уж говорить про обед, — добавил Джермэн, — надеюсь, они не будут с ним слишком тянуть. Я чертовски проголодался.

Мэтт достал из сумки плитку шоколада, переломил ее пополам и протянул Джермэну.

— Ну, ты настоящий кореш. А то я с самого завтрака на одном только подкожном жиру. Это опасно. Слушай-ка, звонит твой телефон!

— Верно, — Мэтт сунул руку в сумку на поясе и достал телефонную трубку. — Алло?

— Сынок, это ты? — послышался голос отца.

— Да, папа.

— Благополучно добрался?

— Да. Сейчас должен прибыть на место и сдать документы.

— Нога тебя не беспокоит?

— Нет, папа, с ногой все в порядке, — Мэтт покривил душой: правая нога, на которой ему была сделана операция по устранению дефекта ахиллова сухожилия, болела не переставая.

— Отлично. Слушай, Мэтт, если у тебя возникнут трудности с зачислением, не падай духом. Сразу же позвони мне и...

— Обязательно, папа, — прервал его Мэтт. — А сейчас извини — мне некогда. Тут очень много народу. Спасибо, что позвонил.

— До свидания, сынок. Счастливо.

Текс Джермэн понимающе посмотрел на него.

— Родные беспокоятся? А вот я своих обманул — спрятал телефон в сумке.

Движущийся тротуар начал описывать широкую дугу, поворачивая назад к станции; вместе со всеми они сошли перед Хэйуорт-холлом. Текс остановился перед огромными дверями здания.

— Что значит эта надпись, Мэтт? — спросил он.

— *«Quis custodiet ipsos custodes»*, — Это по-латыни и переводится примерно так: «Кто будет сторожить сторожей?»

— Ты что, знаешь латынь?

— Нет, просто когда-то прочитал это выражение в книге о Патрульной службе.

Круглый зал Хэйуорт-холла был огромен и казался даже еще больше, чем в действительности, потому что, несмотря на яркое освещение внизу, куполообразный потолок не отражал света — он был совершенно черным, как в зимнюю полночь, — черным и усеянным звездами. На куполе зала виднелись знакомые звезды — блистающий Орион рядом со вскинутой головой Тельца; на северо-северо-востоке ручкой вниз опрокинулся с детства знакомый ковш Большой Медведицы; чуть на север от него сияли семь звезд Плеяд. Впечатление, что ты находишься под ночным звездным небом, было поразительным. Освещенные стены и пол, по которому ходили, разговаривая и толпясь, люди, казались не более чем узким кольцом света, кругом тепла и уюта, резко контрастируя с ужасающей глубиной космического пространства, подобно повозкам переселенцев, собравшимся вместе для ночевки под безоблачным небом пустыни.

У юношей, как и у всех, кто видел это впервые, перехватило дыхание. Но они не успели как следует удивиться, потому что их

внимание привлекло нечто иное. В центре зала находилось широкое углубление, уходящее на много футов вниз; они стояли на балконе, опоясывающем по кругу зал, а внизу, под ними, виднелась огромная неглубокая шахта. В ее центре, на скалах, валунах и песке покоился искореженный космический корабль, будто совершивший вынужденную посадку, вынырнув из искусственного неба над головой.

— Это же «Килрой», — произнес Текс, будто сомневаясь в своих словах.

— Наверно, — шепотом сказал Мэтт.

Они подошли к поручням балкона и взглянули вниз, на мемориальную доску, установленную рядом:

РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ ВКС США «КИЛРОЙ»
ПЕРВЫЙ МЕЖПЛАНЕТНЫЙ КОРАБЛЬ
совершил полет к Марсу и обратно.
Его команда: подполковник Роберт Симс, командир корабля;
капитан Саул С. Эбрамс;
старшина Малькольм Макгрегор.

Погибли при посадке на Землю. Мир их праху

Они стояли рядом с двумя другими юношами и, не отрываясь, смотрели на разбитый корабль.

— Видишь борозду в грунте, которую он пропахал во время посадки? — Текс толкнул Мэтта локтем. — Как ты думаешь, здание построено прямо над местом катастрофы?

Один из двух юношей, стоявших рядом, — высокий широкоплечий парень с каштановыми волосами — заметил:

— Нет, «Килрой» совершил посадку в Северной Африке.

— Значит, они сделали все точь-в-точь как там. А ты тоже кандидат?

— Да.

— Меня зовут Билл Джермэн, из Техаса. А это — Мэтт Додсон.

— Я — Оскар Йенсен. Мой товарищ — Пьер Арман.

— Привет, Оскар. Рад познакомиться, Пьер.

— Зови меня Пит, — улыбнулся Пьер.

Мэтт обратил внимание, что Пьер говорит по-английски с каким-то акцентом, но с какой он планеты, Мэтт определить не мог. Оскар тоже говорил как-то странно, слегка шепелявя. Он повернулся и посмотрел на корабль.

— Да, смелым нужно быть человеком, чтобы отправиться в космос на этой консервной банке, — сказал Мэтт. — Даже страшно подумать!

— Ты прав, — согласился Йенсен. — Прямо мороз по коже.

— Все-таки жалко! — тихо сказал Пьер.

— Чего жалко, Пит? — повернулся к нему Джермэн.

— Что вышло так неудачно, и главное, под самый конец. Посмотрите на корабль — они совершили почти идеальную посадку. Если бы корабль врезался в землю, не осталось бы ничего, кроме глубокой ямы.

— Да, ты прав. Смотрите, ребята, вон лестница, по которой можно спуститься вниз. Видишь, Мэтт? Может быть, сойдем вниз и осмотрим корабль поближе?

— Пожалуй, — произнес Мэтт, — но мне кажется, что лучше это сделать потом. Нам нужно сообщить о прибытии.

— Да, и нам тоже, — кивнул Йенсен. — Пошли, Пит.

Арман наклонился и взялся за ремни сумки. Оскар оттолкнул его и поднял обе сумки — свою и Армана.

— Это вовсе не обязательно! — запротестовал Арман, но Оскар не обратил на это никакого внимания.

— Пит, ты что, болен? — Джермэн внимательно посмотрел на Пьера. — Вид у тебя какой-то усталый. В чем дело?

— Если ты болен, — вмешался Мэтт, — лучше попросить отсрочку.

На лице Армана появилась смущенная улыбка.

— Да здоров он, здоров, не нужна ему никакая отсрочка, — отрезал Йенсен. — Оставьте его в покое.

— Конечно, конечно, — поспешно ответил Текс.

Они повернулись и двинулись вместе с толпой кандидатов. У объявления, гласившего, что всем необходимо явиться в комнату 3108 в третьем коридоре, они остановились. Затем нашли

третий коридор, встали на движущуюся дорожку и опустили на нее свои сумки.

— Послушай, Мэтт, — спросил Текс, — а Килрой — это кто?

— Дай подумать. Это — кто-то из Второй глобальной войны, адмирал, вроде. Ну да, адмирал «Бык» Килрой.

— Странно, что космический корабль назвали именем адмирала.

— Килрой по штабам не сидел, он был летающим адмиралом.

— Слушай, да ты прямо ходячая энциклопедия! — воскликнул Текс. — Надо бы мне на экзаменах держаться рядом с тобой.

— Просто случайно запомнил, — отмахнулся Мэтт.

В комнате 3108 красивая молодая девушка вместо того, чтобы принять у них документы, лишь попросила сделать отпечатки их больших пальцев. Затем она вложила пластинки с отпечатками в аппарат, стоявший рядом. Через мгновение оттуда появились листы с напечатанными инструкциями, где были их имена, присвоенные им серийные номера, отпечатки пальцев и фотографии. Там же указывались места их временного размещения и место в столовой. Девушка передала им листы, попросила подождать в соседней комнате и сразу же отвернулась.

— Жаль, что так быстро все кончилось, — сказал Текс, когда за ними закрылась дверь. — Я только собрался попросить у нее телефончик. Посмотри-ка, — заметил он, просматривая инструкции. — Нам даже не оставили времени отдохнуть после обеда!

— А ты думал оставят? — усмехнулся Мэтт.

— Нет, ну а вдруг?

В соседней комнате стояли ряды скамеек, на которых тесно сидели кандидаты. Джермэн остановился у скамейки, на которой лежали три больших чемодана, дорожный туалетный набор в богато разукрашенном несессере и банджо в футляре. Рядом с этим добром сидел юноша с розовыми щеками.

— Это твое? — спросил Текс.

Молодой человек неохотно кивнул.

— Ты как, не против, если мы скинем твое барахло и сядем на скамейку? — поинтересовался Текс и, не дожидаясь ответа, принялся снимать чемоданы и ставить их на пол.

Юноша мрачно смотрел на него и молчал.

Освободившегося места хватило лишь для троих. Текс уговорил своих друзей сесть, а сам положил сумку рядом, опустился на нее, опираясь спиной на колени Мэтта, и вытянул ноги перед собой. Это был лучший способ выставить напоказ свою обувь — ковбойские сапоги: новенькие, на высоких каблуках, разукрашенные. Юноша, сидящий на другой стороне прохода, с удивлением посмотрел на сапоги, повернулся к соседям и громко прошептал:

— Ребята, туш! Тут у нас ковбой объявился.

Текс фыркнул и попытался встать, но Мэтт положил руку ему на плечо.

— Не связывайся, Текс. Только время зря потеряем.

— Верно, — кивнул Оскар, — не переживай из-за ерунды.

— Ладно, — Текс снова опустился на сумку. — Но мой дядя Боди даже за меньшее сунул бы мерзавцу в рот его собственную ногу.

Пьер Арман наклонился вперед и прошептал Тексу на ухо:

— Слушай, извини, а это что, действительно сапоги, в которых ездят на лошадях?

— Да уж на лыжах в них не катаются.

— Извини, ради Бога! Просто я ни разу не видел лошадей.

— Что?

— Лично я видел, — сказал Оскар. — В зоопарке.

— Лошадей — в зоопарке?

— Да, в зоопарке, в Нью-Окленде.

— А-а, — протянул Текс и улыбнулся. — Теперь понимаю. Ты из венерианских колонистов!

Мэтт тут же вспомнил, где он слышал знакомый акцент, с которым говорил Оскар: перед ними однажды выступал лектор, прилетевший с Венеры. Текс повернулся к Пьеру:

— Пит, ты тоже оттуда?

— Нет, я... — начал Пит.

Его прервал громкий голос, донесшийся из громкоговорителей.

— Прошу внимания! Тишина! Прошу внимания! — в углу зала стоял молодой человек, одетый в строгую светло-серую форму кадета школы Космической патрульной службы. — Все, у кого нечетные серийные номера, — произнес он в ручной микрофон, —

пройдут со мной. Возьмите с собой личные вещи. Четные номера останутся на местах.

— Нечетные номера? — повторил Текс. — Никак я! — воскликнул он и вскочил.

Мэтт посмотрел на свои инструкции.

— И у меня нечетный!

Кадет прошел вдоль прохода рядом с ними. Мэтт и Текс не спускали с него глаз. Кадет шел, слегка пригнувшись, чуть-чуть расслабив колени, держа руки наготове. Его ноги мягко ступали по ковровой дорожке. Это чем-то напоминало изящную кошачью походку; Мэтту казалось, что, если сейчас зал внезапно станет вверх дном, кадет мягко приземлится на ноги и не потеряет равновесия, и, между прочим, все так бы на самом деле и было.

Мэтту захотелось выглядеть точно так же.

Когда кадет проходил мимо, юноша с чемоданами схватил его за рукав.

— Эй, мистер! — произнес он.

Кадет мгновенно повернулся, присел, затем спохватился и посмотрел на юношу.

— В чем дело?

— У меня нечетный номер, но одному мне не унести весь багаж. Кто мне поможет?

— Никто, — кадет легонько тронул носком ботинка груду вещей. — И это *все* ваше?

— Да. Но как же мне быть? Не могу же я оставить их здесь. Чемоданы могут украсть.

— Кому они нужны, ваши чемоданы, — кадет с отвращением оглядел груду. — Отнесите все это добро на станцию и отошлите домой. Или просто выбросьте.

Юноша смотрел на кадета непонимающим взглядом.

— Рано или поздно вам все равно придется избавиться от лишнего веса, — терпеливо пояснил кадет. — В случае перелета на учебный космический корабль вы имеете право взять с собой двадцать фунтов груза.

— Но... предположим, я соглашусь отправить багаж домой. Кто же мне будет его переносить?

— Это ваше дело. Если вы хотите служить в космическом патруле, следует научиться самому решать возникающие проблемы.

— Но...

— Молчать!

Кадет отвернулся и пошел дальше. Мэтт и Текс последовали за ним.

Через пять минут Мэтт, голый, как новорожденный ребенок, засовывал сумку и одежду в специальный мешок, помеченный его номером. По команде он открыл дверь и вошел внутрь, прижимая к груди выданные инструкции и пытаясь сохранить остатки достоинства. Он оказался в бане, где механические устройства вымыли его, вытерли, сполоснули, снова высушили — как на каком-то конвейере. Его инструкции оказались водонепроницаемыми, и Мэтт стряхнул с них несколько капель воды.

В течение двух часов его осматривали, ощупывали, фотографировали, взвешивали, подвергли рентгеноскопии, сделали прививки, взяли образцы крови, тканей и многое другое. Мэтт совершенно растерялся. Один раз он заметил Текса, двигающегося в другой очереди. Текс тоже увидел его, махнул рукой, похлопал себя по ребрам и поежился. Мэтт попытался заговорить с ним, но в этот момент его собственная очередь двинулась вперед. Врачи осмотрели ногу Мэтта, которая подверглась операции, попросили его подвигать ступней в разные стороны, спросили относительно времени операции и поинтересовались, не болит ли нога сейчас. Он честно признался: болит. Сделали дополнительные фотографии, провели новые тесты. Наконец, врачи сказали: «Все, отправляйтесь обратно в очередь».

— Вы считаете, с ногой все в порядке? — не удержавшись, спросил Мэтт.

— По-видимому. Вам будут предписаны специальные упражнения. Идите.

Прошло немало времени, прежде чем он оказался в комнате, где одевалось несколько юношей. При входе ему пришлось встать на платформу автоматических весов, а его тело пересекло сетку световых лучей, измеривших размеры его тела. Щелкнули реле, через несколько минут в стене открылась крышка люка, и на скамейку прямо перед Мэттом упал сверток. В свертке оказалось

белье, синий комбинезон, пара мягких ботинок — все точно по размеру.

Синий комбинезон Мэтт принял за временную одежду — уж очень ему хотелось сменить его на строгий светло-серый комбинезон кадета космической школы. Ботинки, те просто привели его в восторг. Он надел их, застегнул, встал, ощущая, как плотно они облегают ступню и насколько они мягкие. Казалось, он может встать ногой на монету и сказать, на орле она или на решке. Это ж надо: «кошачьи лапы» — его первые космические ботинки! Мэтт сделал шаг, второй, третий, стараясь двигаться подобно кадету, которого видел утром.

— Додсон!

— Иду! — он поспешил к выходу и скоро оказался в комнате со столом, за которым сидел средних лет мужчина.

— Садитесь. Меня зовут Джозеф Келли, — Мужчина взял из рук новичка документы. — Мэттью Додсон... рад познакомиться с тобой, Мэтт.

— Как поживаете, мистер Келли?

— Вроде неплохо. Итак, почему ты хочешь стать офицером Патрульной службы?

— Потому что... — Мэтт заколебался. — Говоря по правде, сэр, сейчас я так растерян, что не могу ответить на этот вопрос.

Келли усмехнулся:

— Это лучший ответ из всех, которые мне пришлось сегодня услышать. У тебя есть братья или сестры, Мэтт?

Беседа продолжалась, Келли подбодрял Мэтта и тот разговорился. Вопросы были достаточно личными, но у Мэтта хватило ума сообразить, что «мистер Келли» скорее всего психиатр. Он пару раз начинал заикаться, но все-же старался отвечать честно.

— Ну, а теперь ты можешь сказать мне, почему хочешь служить в Патруле?

Мэтт задумался.

— С самого детства мне хотелось полететь в космос.

— Путешествовать, посещать незнакомые планеты, встречаться с разными людьми — все это понятно, Мэтт. Но почему не поступить в торговый космический флот? Учеба в Космической академии — дело долгое и тяжелое, и вероятность того, что ты закончишь

учебу, всего один к трем. И то только в том случае, если ты пройдешь все испытания и примешь кадетскую присягу, — а этого добивается не больше четверти кандидатов, прошедших отборочные тесты. Но ты можешь поступить в школу космического торгового флота — я могу перевести тебя прямо сегодня — и при твоих данных ты получишь пилотские права еще до того, как тебе исполнится двадцать лет. Как ты считаешь?

На лице Мэтта появилось упрямое выражение.

— Но зачем отказываться, Мэтт? Почему ты настаиваешь на том, что хочешь стать офицером Патрульной службы? Там тебя вывернут наизнанку, сломают и даже «спасибо» не скажут. Они сделают из тебя человека, которого даже родная мать не узнает, и счастливей от этого ты не станешь. Поверь мне, сынок, уж я-то знаю.

Мэтт молчал.

— Значит, ты все еще настаиваешь на том, чтобы сделать попытку, зная, что все шансы против тебя?

— Да. Мне очень хочется.

— Но почему, Мэтт?

Мэтт колебался. Наконец, он произнес едва слышно:

— Офицера Космической патрульной службы везде уважают.

Мистер Келли посмотрел ему в лицо.

— Ну что ж, Мэтт, пока это единственная достаточно веская причина. Думаю, у тебя появятся и другие причины — или придется оставить службу. — Настенные часы внезапно щелкнули и оттуда раздалось: — Тринадцать часов! Тринадцать часов! — Затем наступила короткая пауза и послышалось задумчивое: — Есть-то как хочется!

— Господи, — воскликнул Келли, — и мне тоже! Пошли на обед, Мэтт.

2. ПРОЦЕСС ОТБОРА

В инструкциях Мэтта было написано, что в столовой у него место за столом 147, восточное крыло. Схема на обратной стороне показывала, где расположено восточное крыло; вот только Мэтт понятия не имел, где он сейчас находится. Все утро, пока

продолжалась вся эта мышиная беготня, он столько раз переходил из комнаты в комнату, из одного коридора в другой, что заблудился. И спросить-то ему было не у кого — кроме Высших Существ в черной форме офицеров Космического патруля, никто ему по пути не встречался, а спросить у них Мэтт попросту не осмеливался. Наконец, он нашел выход — вернулся в огромный купольный зал и отправился оттуда, но из-за этого опоздал на десять минут. Он шел вдоль бесконечного ряда столов, разыскивая номер 147, и ему казалось, что все на него смотрят. К тому времени как Мэтт отыскал свой стол, его щеки горели от смущения.

Во главе стола сидел кадет; все остальные были одеты в форму кандидатов. Кадет посмотрел на Мэтта и сказал:

— Садитесь, мистер, вон там, справа. Почему вы опоздали?

— Я заблудился, сэр, — с трудом выдавил Мэтт.

Кто-то хихикнул. Кадет бросил холодный взгляд вдоль стола.

— Ты. Который сейчас заржал как идиот — твоя фамилия?

— Э-э, Шульц, сэр.

— Мистер Шульц, я не вижу ничего смешного в честном ответе. А вы, должно быть, ни разу в жизни не заблудились?

— Почему... Ну, может быть, пару раз.

— Хм... Будет очень интересно посмотреть на ваши успехи в астрогации, если, конечно, вас не выгонят раньше, — кадет повернулся к Мэтту. — Вы что, не голодны? Как вас зовут?

— Голоден, сэр. Меня зовут Мэттью Додсон, сэр, — Мэтт поспешно взглянул на кнопки перед собой, решил, что обойдется без супа, и нажал кнопки «второе», «десерт» и «молоко». Когда блюда появились на столе, кадет все еще не сводил глаз с Мэтта.

— Я — кадет Саббателло. Разве вы не любите суп, мистер Додсон?

— Люблю, сэр, но я же опоздал, и мне надо поторопиться.

— Торопиться не надо. Суп пригодится для вашего пищеварения, — кадет Саббателло протянул руку к месту, где сидел Мэтт, и нажал кнопку с надписью «суп». — К тому же повару будет легче прибираться на камбузе.

К облегчению Мэтта, кадет наконец отвернулся. Суп был просто замечательный, но другие блюда показались ему безвкусными по сравнению с теми, которые он привык есть дома. Во время

обеда Мэтт прислушивался к разговорам вокруг. Особенно ему запомнилось одно замечание кадета:

— Мистер Ван Зук, в Патрульной службе не принято спрашивать, откуда кто родом. Мистер Ромолус вам сказал, что он из Манилы, и в этом нет ничего плохого, но спрашивать его об этом не следовало.

Время после обеда было занято разного рода тестами: сообразительность, мышечный контроль, быстрота рефлексов, время реакции, чувствительность нервной системы. Во время некоторых тестов от него требовалось выполнять сразу две или больше задач. Некоторые казались Мэтту просто глупыми. Тем не менее он старался изо всех сил. Один раз он оказался в комнате, где не было ничего, кроме большого, прикрепленного к полу кресла. Из динамика над головой донеслось:

— Закрепите пристежные ремни. Кнопки на ручках кресла управляют точкой света на стене перед вами. Сейчас будет выключено освещение и вы увидите световое кольцо. Ваша задача заключается в том, чтобы удерживать точку света в середине кольца — что бы ни произошло.

Мэтт застегнул ремни. На стене появилась яркая точка света. Нажав на кнопки, он увидел, что правой рукой контролируется перемещение точки по вертикали, а левой рукой — по горизонтали.

— Как просто! — подумал Мэтт. — Скорей бы уж начинали.

Комната погрузилась в темноту; Мэтт увидел перед собой освещенное кольцо, перемещающееся вверх и вниз. Без особого труда он удерживал точку света в центре кольца.

И в это мгновение кресло перевернулось.

Когда Мэтт оправился от изумления, он увидел, что висит в темноте вверх ногами, а точка света сместилась в сторону кольца. Он тут же попытался вернуть ее в центр кольца, проскочил мимо и был вынужден скорректировать свои движения. Кресло качнулось в одну сторону, кольцо поплыло в другую, и рядом с левым ухом прогремел громкий взрыв. Кресло тряхнуло; электрический ток пробежал по рукам, и световая точка ушла далеко в сторону от цели.

Мэтт рассердился на себя. Он сконцентрировал свое внимание, загнал точку в середину кольца и с триумфом воскликнул: «Так тебе!»

В комнату начал сочиться дым. Мэтт закашлялся, из глаз, застилая цель, потекли слезы. Он прищурился и сконцентрировался лишь на одном — не упустить это проклятое кольцо, сколько б ни продолжались взрывы, пронзительный рев, разрывающий барабанные перепонки, мелькающие яркие огни и бесконечные сумасшедшие броски кресла.

Внезапно в комнате загорелся свет, и из громкоговорителя раздался механический голос:

— Тесты завершены. Продолжайте программу.

В другой раз ему дали пригоршню бобов и маленькую бутылку. Он должен был сесть на пол, поставить бутылку на отметку, обозначенную на полу, зафиксировать в уме точное расположение бутылки, закрыть глаза и ронять бобы в горлышко бутылки, стараясь попасть как можно чаще. Судя по звукам, бобы попадали в бутылку не слишком часто, и все же он онемел от ужаса, когда открыл глаза и увидел, что внутри бутылки всего один боб.

Мэтт сжал дно бутылки в руке и встал в очередь к столу экзаменатора. Он заметил, что в бутылках у нескольких стоящих в очереди кандидатов бобов было очень много, а у двух человек бутылки были совершенно пустыми. Наконец, он вручил бутылку экзаменатору.

— Додсон Мэттью, сэр. Один боб.

Не поднимая головы, мужчина сделал пометку. Мэтт не выдержал: «Извините меня, сэр, но что мешает человеку открыть глаза и подглядывать?» Экзаменатор улыбнулся: «Ничто не мешает. Переходите к следующему тесту».

Мэтт отошел в сторону, недовольно бормоча про себя. Ему даже не пришло в голову, что он не знает, какова цель теста.

В конце дня его проводили в крохотную конуру, где были стол со стоящим на нем аппаратом и стул; на столе лежали бумага и карандаш, а на стене висела инструкция в рамке. «Если в окошечке с надписью "РЕЗУЛЬТАТ", — прочитал Мэтт, — вы увидите цифры, обозначающие итог предыдущего кандидата, поверните рычаг в "НЕЙТРАЛЬНОЕ" положение, и экран будет готов фиксировать ваш результат».

Мэтт отыскал окошечко, над которым было написано «РЕЗУЛЬТАТ»; там горела цифра «37». «Ну что ж, — подумал он, —

будем к нему и стремиться». Мэтт решил пока не снимать цифры с экрана — сначала нужно прочитать инструкцию. «После начала теста, — читал он, — единица будет прибавляться к вашему результату всякий раз, когда вы нажимаете на левую кнопку, если только это не противоречит условиям, указанным ниже. Нажимайте на левую кнопку, как только загорается красная лампочка, если только одновременно не горит зеленая, за исключением того случая, когда не следует нажимать ни одну из кнопок, потому что открыта правая дверца, если только не выключены обе лампочки. Если открыта правая дверца, а левая закрыта, нажимать на любую из кнопок не надо, потому что это не отразится на результате, но на левую кнопку тем не менее нужно нажимать при подобных обстоятельствах, если все остальные условия позволяют нажимать на кнопку, иначе не будет зафиксирован результат в последующих фазах теста. Для того чтобы выключить зеленую лампочку, нажмите на правую кнопку. Если левая дверца не закрыта, не следует нажимать на кнопки. Если левая дверца закрыта, пока горит красная лампочка, не нажимайте на левую кнопку, если выключена зеленая лампочка, если только не открыта правая дверца. Для начала теста передвиньте рычаг из нейтрального положения в крайнее правое. Тест продолжается в течение двух минут с того момента, как рычаг будет передвинут вправо. Внимательно прочитайте эту инструкцию — можете потратить на подготовку столько времени, сколько считаете необходимым, — и лишь после этого приступайте к тесту. Вам запрещено задавать вопросы экзаменатору, поэтому постарайтесь изучить инструкцию как можно тщательнее. Постарайтесь набрать побольше очков».

— Вот это да! — вздохнул Мэтт.

Тем не менее тест казался несложным — один рычаг, две кнопки, две цветных лампочки, две маленькие дверцы. Как только он овладеет инструкцией, все будет проще пареной репы, так же просто, как управлять воздушными змеями, а уж Мэтт был старый воздухоплаватель — в двенадцать лет он имел уже на руках лицензию на право вождения вертолета. И он принялся на работу.

— Сначала, — сказал он себе, — учтем, что у нас имеется только два способа набирать очки: когда горит красная лампочка и когда обе лампочки выключены и открыта одна дверца.

Идем дальше. Итак: если левая дверца не закрыта — нет, если левая дверца закрыта... Мэтт остановился и принялся читать с самого начала. Прошло несколько минут, и перед Мэттом лежал лист бумаги с записанными на ней шестнадцатью возможными положениями дверок и состоянием лампочек. Закончив, он уставился на полученный результат и снова перечитал инструкцию, стараясь найти комбинации, позволяющие набрать очки. Затем присвистнул и, почесав голову, взял расчеты, вышел из комнатки и подошел к экзаменатору.

Мужчина поднял голову.

— Вопросы задавать не разрешается, — напомнил он.

— Я не собираюсь задавать вопросы, — покачал головой Мэтт, — просто хочу сказать, что с этим тестом что-то не все в порядке. Может быть, в комнате повесили по ошибке не те инструкции. В общем, если делать как по инструкции, не наберешь ни одного очка.

— Не может быть! — воскликнул экзаменатор. — Вы уверены?

Мэтт заколебался, потом решительно кивнул головой.

— Да, уверен, — ответил он. — Хотите посмотреть на мои доказательства?

— Нет. Вы — Додсон? — Экзаменатор посмотрел на таймер и что-то пометил в журнале. — Вы свободны.

— Но... Можно я все-таки попробую набрать хоть сколько-нибудь очков?

— Никаких вопросов! Я уже пометил набранные вами очки. Идите в столовую — скоро ужин.

Во время ужина за столом 147 пустовало немало стульев. Кадет Саббателло посмотрел на длинный полупустой стол.

— Да, потери у нас тяжелые, — сказал он. — Поздравляю вас, джентльмены, с тем, что вы пока уцелели.

— Извините, сэр, — это значит, что мы выдержали все сегодняшние испытания? — спросил один из кандидатов.

— Или, по крайней мере, вам разрешат повторить какой-то из тестов. Во всяком случае, сегодня вам пока повезло, — ответил Саббателло.

Мэтт с облегчением вздохнул.

— Но не слишком радуйтесь, — тут же предостерег их кадет. — Завтра вас останется еще меньше.

— А что, испытания будут еще труднее? — раздался чей-то голос.

— Это точно, — насмешливо улыбнулся Саббателло. — Мой вам совет: поменьше увлекайтесь завтраком. Впрочем, — продолжал он, — у меня есть для вас и хорошие новости. Прошел слух, что на церемонии присяги будет присутствовать сам начальник, который специально для этого прилетает на Терру, если, конечно, вы дотянете до присяги.

Кандидаты недоумевающе переглянулись. Кадет посмотрел на них, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Да что это с вами, джентльмены? — резко спросил он наконец. — Не может быть, чтобы все вы были такие невежды. Вот вы! — Он повернулся к Мэтту. — Мистер... Додсон? Да, мистер Додсон. Мне кажется, что у вас что-то такое промелькнуло. Почему присутствие начальника будет для вас такой честью?

— Вы имеете в виду начальника Академии, сэр? — нерешительно произнес Мэтт.

— Разумеется. Вы что-нибудь о нем знаете?

— Это коммодор Аркрайт, сэр, — Мэтт замолчал, будто считая, что упоминание имени начальника Академии патрульной службы не нуждается в объяснении.

— И чем же отличается коммодор Аркрайт от других?

— Но ведь он слепой, сэр!

— Он не слепой, мистер Додсон! Просто у него выжжены глаза. Как он потерял зрение? — Кадет тут же предостерегающе поднял руку. — Нет, мистер Додсон, молчите. Пусть они сами узнают.

Кадет принялся за еду, следом за ним и Мэтт, думая о коммодоре Аркрайте. В то время сам Мэтт был еще слишком молод, чтобы следить за новостями, но отец рассказал ему о случившемся — о невероятном по смелости спасении в одиночку космической яхты, терпящей бедствие внутри орбиты Меркурия. Мэтт забыл про обстоятельства, при которых офицер Патрульной службы подвергся мощному излучению Солнца, — это произошло при переводе пассажиров яхты на корабль Патрульной службы, — но он отчетливо помнил торжественный голос отца, читавшего заключительные слова официального сообщения: «...подобные действия полностью соответствуют традициям офицеров Космического патруля».

Мэтт подумал: а он? Смог бы он повести себя так, чтобы потом его действия заслужили такую высокую оценку? Вряд ли. Самое большее, на что он может надеяться, — на что может надеяться любой офицер Патрульной службы, — это пометка в личном деле: «Обязанности выполнял удовлетворительно». Выходя из столовой, Мэтт наткнулся на Текса Джермэна. Тот радостно похлопал его по спине.

— Рад тебя видеть, старик, — воскликнул он. — Где ты разместился?

— Я все еще никак не могу дойти до своей комнаты.

— Ну-ка, покажи свои документы, — Джермэн взял их из рук Мэтта. — Мы в одном коридоре — отлично! Пошли посмотрим, где ты живешь.

Они нашли комнату и вошли. На нижней койке вытянулся еще один кандидат. Он курил и читал книгу. Услышав скрип распахнувшейся двери, он посмотрел на юношей.

— Заходите, приятели, — сказал он. — Стучать у нас не принято.

— Мы и не стучали, — ответил Джермэн.

— А я и не сомневаюсь.

Юноша сел на койке. Мэтт узнал в нем парня, пошутившего насчет ковбойских сапог Текса, но решил промолчать, надеясь, что они не узнают друг друга.

— Ищете кого-нибудь? — поинтересовался парень.

— Нет, — ответил Мэтт, — меня сюда поселили.

— А-а, так ты мой товарищ по квартире! Добро пожаловать во дворец. Я положил твои шмотки тебе на койку.

Мешок с сумкой и гражданской одеждой Мэтта лежал на верхней койке. Мэтт снял его оттуда и поставил на пол.

— Что это значит, тебе на койку? — возмутился Текс. — Вы должны разыграть, кому спать внизу.

— Раньше пришел — раньше и обслужили, — парень равнодушно пожал плечами.

Текс помрачнел. Заметив это, Мэтт постарался его успокоить.

— Брось, Текс, — сказал он. — Мне больше нравится спать наверху. Между прочим, — повернулся он к юноше, — меня зовут Мэтт Додсон.

— Жерар Берк, к вашим услугам.

Комната была хоть и скромно обставлена, но выглядела вполне прилично. Дома Мэтт спал в водной постели, но ему приходилось спать и на матрасе — в летнем лагере. Боковая дверь вела в ванную, оборудованную по последнему слову, но без излишеств. Мэтт с удовольствием отметил, что душ снабжен автоматическим массажером. На полке не было маски для бритья, но бриться Мэтту было пока нетрудно. Заглянув в отделение шкафа, Мэтт обнаружил пакет со своим номером. Внутри лежало два комбинезона, две смены белья и вторая пара космических ботинок. Он уложил все это вместе с остальными вещами, затем взглянул на Текса.

— Чем займемся теперь?

— Прогуляемся по заведению.

— Отлично. Может быть, осмотрим «Килрой»?

Берк бросил окурок сигареты в сторону мусоропровода.

— Подождите минуту. Я с вами, — и он исчез за дверью туалета.

— Может, пошлем его к черту, а? — предложил Текс тихим голосом.

— Идея неплохая. Но мне хотелось бы найти с ним общий язык.

— Ну что ж, может быть, он не выдержит завтрашних испытаний.

— Или я, — грустно добавил Мэтт.

— А может, и я. Ладно, ты прав, Мэтт, потерпим. Между прочим, ты не думал о том, чтобы подыскать себе постоянного товарища по комнате? Хочешь будем жить вместе?

— Согласен.

Они пожали друг другу руки.

— Вот и отлично, значит, вопрос решен, — продолжал Текс. — Меня поселили с хорошим парнем, но у него отыскался земляк, с которым он хотел бы жить в одной комнате. Так вот, этот земляк зашел к нему перед ужином, они сели рядом и давай калякать на хинди. Я, естественно, ничего не понял и чувствовал себя как дурак. Затем они переключились на бейсик — проявили, так сказать, вежливость, — а мне от этого только хуже стало.

— С нервами у тебя вроде бы все в порядке, Текс.

— Это только на первый взгляд. Мы все Джермэны — очень чувствительный народ. Возьми моего дядю Боди. Один раз он пришел на ярмарку посмотреть на бега и так разволновался, что вскочил между оглоблями одноколки, помчался по кругу и выиграл два забега перед тем, как его догнали и выбросили вон.

— Шутишь!

— Честное слово. Приза он, конечно, никакого не выиграл. Его дисквалифицировали — забеги-то были для двухлеток, а он оказался чуток постарше.

Наконец, к ним присоединился Берк, и втроем они направились к купольному залу. Точно такая же идея пришла в голову еще нескольким сотням кандидатов, но администрация предвидела такую возможность. У лестницы, ведущей в шахту, где лежал разбившийся «Килрой», стоял дежурный кадет, который пропускал желающих группами по десять человек, причем только в сопровождении кадета. Берк посмотрел на вытянувшуюся очередь и сказал:

— Ждать нет никакого смысла. Элементарная арифметика.

Мэтт заколебался.

— Давай подождем, — вмешался Текс. — Может быть, кому-нибудь надоест.

— Пока, придурки, — Берк пожал плечами и пошел прочь.

— Знаешь, Текс, по-моему, он прав, — произнес Мэтт с сомнением в голосе.

— *Конечно, прав, — кивнул Текс, — но зато мы от него избавились, верно?*

Весь зал представлял собой мемориальный музей Патрульной службы. Юноши проходили мимо экспонатов: вот бортовой журнал первого космического корабля, совершившего полет к Марсу, фотография взлета космолета, отправившегося в экспедицию на Венеру, которая закончилась катастрофой, модели немецких ракет, которые применялись во время Второй глобальной войны, карандашный набросок карты обратной стороны Луны, найденный в обломках «Килроя». Они подошли к нише, задняя стена которой представляла собой огромную стереофотографию освещенной ослепительными лучами Солнца лунной поверхности на фоне черного неба, усеянного звездами, и родной Земли среди них.

На первом плане стоял молодой человек, одетый в старомодный космический скафандр. Через прозрачный пластик шлема были отчетливо видны черты его лица — улыбающийся рот, веселые глаза и густые русые волосы, коротко подстриженные по моде конца прошлого века. Под фотографией виднелась надпись: «Лейтенант Эзра Далквист, один из тех, кто положил начало славным традициям Патрульной службы. 1966–1996 гг.».

— Где-нибудь рядом должно быть написано, что он такое сделал, — прошептал Мэтт.

— Что-то не видно, — прошептал в ответ Текс. — А почему ты говоришь шепотом?

— Нет, я не говорю ше... Впрочем, действительно. В конце концов, он не может нас слышать, правда? А смотри, вот фонограмма!

— Чего ты ждешь? Жми на кнопку.

Мэтт послушался, и ниша наполнилась звуками Пятой симфонии Бетховена. Музыка постепенно стихла, и раздался голос диктора:

— Сначала Патрульная служба была укомплектована офицерами, посланными всеми странами, которые составляли тогда Западную Федерацию. Некоторые офицеры были честными и преданными своему делу, тогда как другие — нет. В 1996 году был день, одновременно позорный и славный в истории Космической патрульной службы, когда была сделана попытка осуществить государственный переворот — так называемый «мятеж полковников». Группа высокопоставленных офицеров, действуя с военной базы на Луне, попыталась захватить власть над всем миром. Заговор мог бы оказаться успешным, если бы не лейтенант Далквист. Он вывел из строя все атомные ракеты в арсенале базы, вывернув из них взрыватели и удалив заряды. Но при этом он получил такую дозу радиации, что скончался от ожогов.

Диктор замолчал, и снова послышалась негромкая музыка — на этот раз это была «Валгалла» из «Гибели богов».

Текс глубоко вздохнул; Мэтт тоже заметил, что все это время сдерживал дыхание. Он начал дышать нормально, и боль в груди сделалась меньше. За их спинами раздался смешок. Юноши

обернулись. У входа в нишу стоял Жерар Берк, опершись плечом о притолоку.

— Чего они только не делают, чтобы произвести впечатление, — заметил он. — Будьте настороже, ребята, а то и вправду во все это поверите.

— Что ты хочешь этим сказать? Какое еще впечатление?

Берк показал рукой на фотографии.

— Да вот это. И объяснения с музыкой в придачу. Если вам нравится такое, могу помочь, мне не жалко — в зале таких четыре ниши: на юг, север, восток и запад.

Мэтт смотрел на него холодными глазами, не отрывая взгляда.

— Берк, ты что, не хочешь стать офицером Патрульной службы?

— Хочу, разумеется. Но я человек практичный: меня на слезу не купишь, — он указал на фотографию Эзры Далквиста. — Возьмите, к примеру, его. Ведь вы не услышали ни слова о том, что он отказался выполнить приказ вышестоящего офицера, своего прямого начальника. Если бы события обернулись по-другому, его судили бы как изменника. К тому же никто не говорит о том, что погиб Далквист из-за собственной неосторожности. И вы хотите, чтобы я считал его суперменом?

— Нет, не хочу, — покраснел от ярости Мэтт и сделал шаг вперед. — Но раз ты такой практичный, тебе не хочется получить практичный удар в зубы?

Ростом Берк был пониже Мэтта и ничуть не шире в плечах, но он наклонился вперед и, опершись на носки, тихо произнес:

— Очень хочется. От тебя или от кого-нибудь еще?

— И от меня, — шагнул вперед Текс.

— Не суйся, Текс! — рявкнул Мэтт.

— Еще чего! Я считаю, что честно драться можно лишь равному с равным!

— Текс, я же сказал тебе: отойди!

— Ну уж нет, я тоже хочу получить удовольствие. Ты врежь ему в зубы, а когда он свалится, я добавлю ему в живот.

Берк посмотрел на Джермэна и улыбнулся, будто почувствовав, что время драки прошло.

— Ну-ну, джентльмены! Вы уже поцапались между собой, — он отвернулся и пошел к выходу из ниши. — Доброй ночи, Додсон. Постарайся не разбудить меня, когда вернешься.

— Зря мы его отпустили, — ярость еще не оставила Текса. — Он из тех, кого каждый раз нужно ставить на место. Мой дядя Боди всегда говорил, что такого прыща нужно лупить до тех пор, пока он не извинится.

— Чтобы нас выгнали из Патрульной службы еще до того, как мы поступим в Академию? Он разозлил меня, так что пока выигрыш на его стороне. Пошли, наверное, здесь много чего интересного.

Но сигнал отбоя прозвучал раньше, чем они успели подойти к следующей нише. Юноши направились к своему коридору, и Мэтт попрощался с Тексом у дверей его комнаты. Потом он прошел в свою. Берк спал — или притворялся, что спит. Мэтт быстро разделся, ловко забрался на верхнюю койку, нашел выключатель и погасил свет. Трудно было заснуть, зная, что рядом с ним человек, который ему неприятен, но усталость взяла свое, и он уже почти засыпал, как вдруг вспомнил, что забыл позвонить отцу. От этой мысли он мгновенно проснулся. И тут же почувствовал, как где-то внутри оживает тупая боль. Неужели это тоска по дому? В его-то возрасте? Чем дольше Мэтт размышлял, тем более убеждался, что причина именно в ностальгии — как бы он ни гнал эту мысль от себя. Он все еще думал об этом, когда погрузился в глубокий сон.

3. ПО УХАБАМ

На следующее утро Берк сделал вид, что забыл о вчерашней ссоре. Он был даже приветлив и позволил Мэтту первым войти в душевую. И все же Мэтт почувствовал радость, когда услышал сигнал на завтрак. На привычном месте стола 147 не оказалось. Озадаченный, Мэтт пошел вперед и наткнулся на стол с табличкой 147–149, во главе которого сидел кадет Саббателло. Мэтт сел на свободный стул и увидел рядом Пьера Армана.

— Привет, Пит! — воскликнул он. — Как дела?

— О, Мэтт! Рад тебя видеть. Да пока, вроде, неплохо.

Уверенности в голосе Пьера было маловато. Мэтт пристально посмотрел на него. Пьер выглядел неважно; его будто кошка

протащила через дырку в полу — такое сравнение показалось Мэтту наиболее подходящим. Он собрался было спросить, что с ним такое стряслось, но в это время кадет Саббателло резко постучал по столу.

— Джентльмены, — сказал кадет, — кажется, кое-кто из вас забыл мой вчерашний совет — едой особо не увлекаться. Сегодня вас как следует потрясет по ухабам. А я-то знаю по своему личному опыту: при этом немало кротов теряют не только завтрак, но и остатки собственного достоинства.

Мэтту от таких слов стало как-то не по себе. Ведь он-то уже собрался заказать обычный завтрак, а вместо этого пришлось ограничиться стаканом чая и гренками в молоке. Взглянув на соседа, он заметил, что на Пита совет кадета как-будто не произвел впечатления: он поставил перед собой тарелку с бифштексом, картошкой и яичницей и принялся есть. Если Пит и чувствовал себя неважно, подумал Мэтт, по его аппетиту об этом не скажешь. Кадет Саббателло тоже увидел это. Он наклонился вперед и обратился к Питу.

— Мистер, разве вы не...

— Меня зовут Арман, сэр, — вежливо ответил Пит, проглотив огромный кусок.

— Мистер Арман, разве вы не слышали моего предупреждения? Может быть, у вас пищеварение марсианина? Или вы считаете, что я пошутил? Думаете, вас не будет тошнить в невесомости?

— Нет, сэр, не будет.

— Неужели?

— Видите ли, сэр, я с Ганимеда.

— А-а! Тогда прошу прощения. Закажите себе еще бифштекс. Как ваши дела?

— Да вообще-то неплохо, сэр.

— Не стесняйтесь просить, чтобы вам сделали скидку. Уверен, что все поймут положение, в котором вы оказались.

— Спасибо, сэр.

— Я серьезно, мистер Арман. Не пытайтесь строить из себя «железного человека». В этом нет никакого смысла.

Мэтт и Пьер встали из-за стола одновременно.

— Пит, теперь я понимаю, почему Оскар нес вчера твою сумку. Ты уж меня прости, дурака.

— Да брось ты, — смущенно посмотрел на него Пит. — Оскар сам придумал за мной присматривать — мы с ним познакомились, когда летели с «Терры».

— Понятно, — кивнул Мэтт. У него было самое смутное представление о маршрутах пассажирских лайнеров, но он знал, что Оскар, прилетевший с Венеры, и Пит, направлявшийся с одной из лун Юпитера, должны были оказаться на искусственном спутнике Земли — станции «Терра», прежде чем прибыть шаттлом на Землю. Этим и объяснялась дружба двух юношей родом из самых разных уголков Солнечной системы.

— И как ты себя чувствуешь на Земле? — спросил Мэтт.

Пит заколебался.

— По правде говоря, мне кажется, что я хожу, погрузившись по самую шею в песок-плывун. На каждое движение уходит столько сил.

— Тяжелый случай. Какая же там у вас на Ганимеде сила тяготения? Треть земной?

— Тридцать два процента. Для меня все на Земле весит в три раза больше, чем дома. Включая меня самого.

— Будто у тебя на плечах сидят еще двое, — кивнул Мэтт.

— Да, примерно. А самое противное, что у меня все время болят ноги. Но это пройдет...

— Конечно, пройдет!

— ...Потому что я родился на Земле и должен быть нисколько не слабее отца. У себя на Ганимеде последние два земных года я тренировался на центрифуге. Сейчас я куда сильнее, чем раньше. А вот и Оскар.

Мэтт поздоровался с Оскаром и тут же поспешил к себе в комнату, чтобы позвонить отцу.

Транспортный вертолет доставил Мэтта и еще пятьдесят кандидатов к тому месту, где должны были проводиться испытания на способность организма переносить переменное ускорение — на языке кадетов это называлось «тащить по ухабам». Испытательная станция была расположена к западу от базы, в горах: для

продолжительного свободного падения требовался высокий отвесный обрыв. Вертолет опустился на посадочной площадке неподалеку от края обрыва, пассажиры вылезли из машины и присоединились к толпе кандидатов, прилетевших сюда раньше. Было ясное холодное утро. Здесь, на вершине одного из пиков Колорадо, воздух казался прозрачным и удивительно свежим. Площадку окружали кривые, изуродованные деревья, привычные к постоянным ветрам.

Из строения, расположенного на самом краю утеса, уходили вниз две стальные фермы. Они напоминали фермы открытых лифтов — одна из них на самом деле такой и была. Вторая ферма была направляющей для испытательной кабины во время падения с высоты.

Мэтт протолкался к поручням, которые ограждали обрыв, и посмотрел вниз. Нижняя часть стальных ферм исчезала в головокружительной глубине, проходя сквозь крышу строения на дне каньона, в двух тысячах футах от вершины утеса. Мэтт пытался убедить себя в том, что инженер, который все это построил, был мастером своего дела. В этот момент кто-то толкнул его локтем в бок. Он обернулся. Рядом стоял Текс.

— Ничего себе горка, а?

— Текс, привет. Это еще слабо сказано.

Стоявший рядом кандидат обернулся к ним и спросил:

— Ребята, мы что, и вправду будем спускаться по этой штуке?

— А ты как думал, — кивнул Текс. — Потом внизу собирают кости, складывают в большую корзину и поднимают на втором лифте.

— А спускается она быстро?

— Погоди немного, сам узна... Эй, смотрите! Вон она!

Серебристая кабина без окон появилась наверху одной из направляющих и на мгновенье словно бы замерла. Затем ринулась вниз, стремительно набирая скорость, — быстрее, быстрее, пока не пропала из виду в крыше нижнего строения. Летела она, казалось, с быстротою просто невероятной — на самом же деле скорость ее была двести пятьдесят миль в час, чуть больше ста метров в секунду. Мэтт замер, ожидая, что снизу донесется грохот разбившейся кабины. Но вокруг царила полная тишина, и он

успокоился. Через несколько секунд серебристая кабина появилась в нижней части второй фермы. Казалось, она медленно ползла вверх — на самом деле первую половину пути она проходила с большим ускорением — и наконец исчезла в верхнем строении рядом с ними.

— Девятая группа! — загремел громкоговоритель позади.

— Это меня, Мэтт, — вздохнул Текс. — Передай маме, что мои последние слова были о ней. А себе возьми мою коллекцию марок.

Он пожал Мэтту руку и пошел вместе со своей группой к кабине.

Кандидат, который только что говорил с ними, с трудом проглотил слюну; Мэтт увидел, какой он сделался бледный. Внезапно он сорвался с места и двинулся в направлении девятой группы, но присоединяться не стал, а подошел к кадету, выстраивавшему группу, и что-то ему сказал. Кадет пожал плечами и знаком разрешил отойти в сторону. Мэтт почувствовал, что нисколько не презирает несчастного кандидата, а скорее жалеет.

Его испытательная группа выстроилась вслед за девятой. Их провели в верхнее здание, и кадет, руководивший группой, объяснил суть теста:

— Сейчас мы проведем испытания на способность вашего организма переносить переменное ускорение, свободное падение или невесомость, а также резкие изменения в силе тяжести. Испытания начнем в центрифуге с ускорением в три нормальных, затем, когда кабина начнет опускаться, тяготение полностью исчезнет — кабина будет падать с вершины утеса. В нижней части фермы она скользит вдоль спирали и замедляется с ускорением в три *g*. После остановки кабина перемещается в ту ферму, вдоль которой она будет подниматься. Подъем начнется при ускорении в два *g*, которое уменьшается до нормального, а затем, когда кабина оказывается наверху, наступает невесомость. На следующем этапе цикл повторяется снова, но уже при более высоких величинах ускорения, и так до тех пор, пока не будет выявлена реакция вашего организма. Вопросы?

— Как долго будет свободное падение, сэр? — спросил Мэтт.

— Одиннадцать секунд. Можно бы сделать и подольше, но для того, чтобы увеличить время свободного падения вдвое, требуется высота, в четыре раза больше, чем эта. Думаю, вам и такой хватит вполне, — заключил он с мрачной улыбкой.

— Извините, сэр, а что это значит — «выявление реакции организма»? — послышался чей-то робкий голос.

— Это значит, что реакция организма может оказаться любой — кровотечение, потеря сознания и всякое такое.

— А это опасно?

— Да как вам сказать... А что вообще можно считать безопасным? Механических неполадок, правда, до сих пор не было, — пожал плечами кадет. — Частота вашего пульса и дыхания, давление крови и другие данные будут передаваться с помощью телеметрии на пульт управления. Мы постараемся, чтобы, пока идут испытания, никто из вас не погиб.

После этого группа проследовала вслед за кадетом по коридору, прошла в дверь и оказалась внутри кабины. В ней находились маятниковые сиденья — какие обычно бывают в машинах, двигающихся с высокой скоростью, — но здесь сиденья отклонялись назад и были покрыты толстой обивкой. Кандидаты пристегнули ремни, и медик закрепил на теле каждого из них телеметрические датчики. Кадет внимательно проверил надежность крепления ремней, затем вышел и вернулся с офицером, который проверил все еще раз. После этого кадет раздал пакеты, которые крепились ко рту каждого кандидата, — чтобы в случае приступа рвоты не перепачкать соседей. Закончив приготовления, он спросил:

— Все готовы?

Молчание. Кадет удовлетворенно кивнул, вышел из кабины и закрыл за собой дверь.

Мэтт пожалел, что вовремя его не остановил.

Шли секунды, и все оставалось без изменений. Затем кабина как-то непонятно накренилась; на самом деле наклон дала не кабина — стали отклоняться сиденья по мере того, как кабина начала набирать скорость. Затем сиденья вернулись в прежнее положение, но Мэтт почувствовал, насколько тяжелее сделалось его тело, и понял, что это они кружатся в центрифуге. Его прижало к спинке сиденья; руки, казалось, налились свинцом, и он не мог

ими даже пошевелить. Внезапно чувства тяжести словно и не бывало — тело приподнялось, сдерживаемое пристяжными ремнями. Желудок начал куда-то проваливаться. Мэтт судорожно глотнул: завтрак вроде бы остался на месте. Кто-то закричал: «Падаем!». «Чего кричать, и так ясно», — подумал Мэтт.

Он сжал зубы, напрягся, ожидая удара о скалы, но удара не было. Удара не было — а его желудок по-прежнему старался сбежать из тела. Одиннадцать секунд? Вранье, он уже падает дольше! Неужели что-то случилось?

Они продолжали падать.

И тут Мэтт почувствовал, что какая-то сила прижимает его к сиденью. Эта сила росла и росла, пока он не стал таким же тяжелым, как и перед началом падения. Его многострадальный желудок бился и трепыхался в спазмах, но сила тяжести, выросшая в бесконечное число раз, крепко удерживала добро.

Тяжесть исчезла, вернулся нормальный вес. В следующее мгновение кабина будто подпрыгнула, и на мгновение вернулось ощущение невесомости, но это чувство продолжалось не больше мига; тут же его тело размякло в подушках кресла. Открылась дверь, и в кабину вошел кадет в сопровождении двух санитаров. Кто-то кричал в истерике: «Выпустите меня отсюда! Выпустите меня!». Кадет, не обращая внимания на крик, прошел к креслу, стоявшему прямо перед Мэттом. Он наклонился над юношей, неподвижно сидящим в кресле, расстегнул пристежные ремни, и санитары вынесли тело. Откинутая назад голова юноши безжизненно свисала вниз. Затем кадет подошел к истерично кричащему кандидату, отстегнул ремни и сделал шаг в сторону. Юноша встал, пошатнулся и с трудом вышел из кабины.

— Кому сменить гигиенический пакет?

Несколько человек подняли руки. Кадет быстро раздал новые пакеты и помог их закрепить. Мэтт с облегчением подумал, что его-то пакет в замене не нуждается.

— Приготовьтесь к пятикратной силе тяжести, — предупредил кадет и заставил каждого из оставшихся в кабине назвать свои имена.

Перекличка еще не закончилась, как один из юношей попытался подняться, дергая за ремни, удерживающие его в кресле.

Не прекращая переклички, кадет помог ему расстегнуть ремни и сделал жест в сторону открытой двери, потом вышел следом за ним. Дверь захлопнулась. Мэтт почувствовал, как его охватывает невыносимое напряжение. Когда растущая сила тяжести снова вдавила его в сиденье, ему даже вроде бы полегчало, но только на мгновение, потому что трудно было не догадаться: пятикратное увеличение тяготения это тебе не трехкратное. Грудь сдавило железными тисками, он не мог даже вздохнуть.

Колоссальное давление исчезло — они снова сорвались вниз, и началось падение. На этот раз несчастный желудок не выдержал; Мэтт пожалел, что вообще что-то ел за завтраком.

Падение продолжалось. Освещение в кабине погасло — и кто-то дико закричал. Мучаясь от приступов рвоты, Мэтт не сомневался, что стряслась катастрофа — потому и освещение вышло из строя; на этот раз они наверняка разобьются о скалы каньона. Но почему-то теперь это не казалось таким уж важным.

Он погрузился в черный водоворот пятикратной силы тяжести, когда кабина замедлила падение, Мэтт понял, что уцелел и на этот раз. Эта мысль не принесла облегчения — все его внимание сосредоточено было на том, чтобы суметь сделать вздох грудью, зажатой в страшных тисках. Подъем к вершине утеса — сначала при двукратной силе тяжести, потом при нормальной — показался ему легкой прогулкой, если не считать момента, когда перед самой остановкой на мгновение опять наступила невесомость и пустой желудок запротестовал.

В кабине зажегся свет, дверь открылась, и снова появился кадет. Его взгляд остановился на юноше, который сидел рядом с Мэттом. Лицо юноши было залито кровью, струившейся из носа и из ушей. Кандидат посмотрел на подошедшего кадета и махнул рукой, будто уговаривал его отойти.

— Все нормально, я выдержу, — еле слышно заговорил он. — Пусть продолжают тесты.

— Возможно и выдержите, — ответил кадет, — но не сегодня. Не расстраивайтесь, — добавил он, — это совсем не значит, что вы потерпели неудачу.

Кадет осмотрел остальных, затем позвал офицера. Они посоветовались о чем-то шепотом, и еще один юноша был наполовину вынесен, наполовину выведен из кабины.

— Кому нужны новые пакеты? — спросил кадет.

— Мне, — произнес Мэтт слабым голосом. Ему быстро заменили пакет, и Мэтт дал себе слово больше никогда не есть за завтраком гренки в молоке.

— Семикратная сила тяжести! — объявил кадет. — Кто хочет — может отказаться, остальным приготовиться.

И он снова начал перекличку. Мэтт приготовился отказаться, но услышал, к своему удивлению, как сказал «готов», когда кадет назвал его фамилию. Кадет вышел из кабины и закрыл дверь до того, как Мэтт решил передумать. Теперь в кабинете осталось всего шестеро. Когда сила тяжести постепенно увеличилась в семь раз, Мэтту показалось, что освещение в кабине снова погасло. Теперь его тело весило тысячу фунтов. Но как только кабина сорвалась с вершины утеса вниз, внутри стало светло; Мэтт понял, что какое-то время был без сознания.

На этот раз он решил вести счет секундам, чтобы избавиться от пугающего чувства бесконечной невесомости, но ничего не вышло — он так и не смог оправиться после колоссальной нагрузки. Даже боль в желудке казалась какой-то далекой. Падаем... падаем...

Снова великанья рука сжала грудь, выдавила из мозга кровь и погасила свет. На этот раз окончательно...

— Как вы себя чувствуете? — Мэтт открыл глаза и увидел, как все перед ним двоится.

Он с трудом догадался, что над ним склонился кадет. Мэтт попытался ответить. Кадет исчез; он почувствовал, что его взяли на руки и несут.

Кто-то вытер его лицо влажным холодным полотенцем. Мэтт сел и увидел стоящую рядом медсестру.

— С вами все в порядке, — приветливо сказала девушка. — Держите это, пока не перестанет течь кровь из носа, — она дала ему полотенце. — Хотите встать?

— Да, спасибо.

— Обопритесь на меня. Выйдем на воздух.

Сидя на поляне под яркими лучами солнца, Мэтт прижимал к лицу влажное полотенце и чувствовал, как к нему возвращаются силы. От края утеса, огороженного поручнями, доносились взволнованные голоса всякий раз, когда серебристая кабина

летела вниз. Он сидел, наслаждаясь теплом и солнцем, и думал, а вправду ли после всего, что было, ему еще хочется стать космонавтом.

— Эй, Мэтт!

Он открыл глаза. Перед ним стоял Текс, бледный и без привычной самоуверенности. На груди его комбинезона виднелось пятно крови.

— А, это ты, Текс. Значит, и тебе досталось.

— Уж это точно.

— На скольких *g*?

— На семи.

— И мне на семи. Что ты обо всем этом думаешь?

— Не знаю еще... — Текс заколебался. — Жаль, что мой дядя Боди такого не пробовал. Думаю, тогда б он не стал без конца рассказывать про то, как однажды схватился с гризли.

Во время обеда стол оказался наполовину пустым. Мэтт думал о тех, кто отсеялся: что они чувствовали — разочарование или облегчение? Он был голоден, но ел мало: Мэтт знал, что после обеда их ждет первое знакомство с ракетными полетами. А этого этапа испытаний Мэтт ждал с нетерпением. Полет в космос! Короткий, но все-таки настоящий космический полет. Мэтт старался убедить себя, что, даже если не выдержит испытаний, уже одно то, что он совершит полет в космос, стоит затраченных усилий.

Впрочем, теперь Мэтт не был в этом уверен — прогулка «по ухабам» изменила его точку зрения на профессию космонавта. У него появилось новое, правда, довольно мрачное уважение к ускорению, и он больше не считал боязнь невесомости чем-то забавным; наоборот, его не покидали сомнения, сумеет ли он когда-нибудь к ней привыкнуть. Ему было хорошо известно, что некоторые так никогда с невесомостью и не свыклись.

Его группе надлежало прибыть на космодром в Санта-Барбаре в половине третьего. В запасе был еще час — длинный, нескончаемый час, в течение которого ему оставалось только волноваться и беспокоиться. Наконец, подошло время спуститься вниз, построиться, назвать свое имя на перекличке и отправиться к космодрому по движущейся дорожке.

Кадет, руководивший их группой, вывел юношей на поверхность прямо в бетонированный окоп глубиной фута в четыре. Мэтт невольно сощурился от яркого солнечного света. Беспокойство исчезло; ему теперь не терпелось взлететь в космос. С каждой стороны траншеи, примерно в двухстах ярдах, словно гигантские свечи на именинном пироге, рядами выстроились учебные ракеты. Они стояли, опираясь на хвостовые стабилизаторы; их острые носы были устремлены в небо.

— Если случится что-нибудь непредвиденное, сразу бросайтесь на дно, — сказал кадет. — Предупредить вас об этом — моя обязанность, так что за совет не обижайтесь. Полет будет непродолжительным — всего девять минут, причем первые полторы минуты при включенных тяговых двигателях. Вам покажется, что сила тяжести около трех *g*, но на самом деле ускорение будет равняться всего лишь двойной силе тяжести, потому что мы все еще близко к Земле. Через девяносто секунд двигатели выключатся и ракетный корабль будет двигаться со скоростью миля в секунду. В течение еще трех минут корабль продолжит движение по инерции и поднимется еще на сто миль, достигнув, таким образом, высоты в сто пятьдесят миль. Затем начнется падение на Землю, оно продлится еще три минуты, потом — торможение с помощью включенных ракетных двигателей и на исходе девятой минуты — приземление. Посадка летательного аппарата без крыльев на планете с такой силой тяжести, как Земля, — дело непростое. Она будет осуществляться автоматически, но в кабине ракетного корабля будет находиться пилот, постоянно сверяющий процесс полета и приземления с разработанным планом. В случае необходимости он может взять управление на себя. Вопросы есть?

— Корабли с какими двигателями — с атомными? — спросил кто-то.

Кадет фыркнул:

— Такие малютки? Нет, они работают на обычном ракетном топливе — разбирайтесь в конструкции. Двигатели этих кораблей питаются атомарным водородом. Эти корабли очень похожи на самые первые большие ракеты; исключением является только переменная тяга, так что пилоту и пассажиру не угрожает опасность

быть раздавленными растущей силой тяжести при изменении массы корабля.

С башни управления полетами взлетела зеленая сигнальная ракета.

— Следите за северным рядом — второй корабль от конца, — посоветовал кадет.

У основания вертикально стоящего корабля внезапно вспыхнуло яркое оранжевое пламя, ослепительное, как солнце. «Пошел!» — послышался чей-то крик. Корабль величественно поднялся и на мгновение завис в воздухе, как вертолет. Грохот работающего ракетного двигателя докатился до Мэтта: ощущение при этом было такое, что звук на него давит физически. Шум напоминал рев гигантской паяльной лампы. На вершине контрольной башни мигнул прожектор, и корабль продолжил полет: все выше и выше, плавно ускоряясь — настолько плавно, что было трудно понять, насколько велика его скорость; через несколько секунд рев двигателя затих в вышине. Мэтт смотрел теперь прямо в зенит, следя за тающим искусственным солнцем, почти таким же ослепительным, как настоящее.

Корабль исчез из виду. Мэтт закрыл разинутый рот и повернул голову в сторону, потому что его внимание привлек белый инверсионный след, оставленный кораблем, когда тот прорезал стратосферу. Белый и странный, он извивался подобно змее, у которой перебили хребет.

— Все! — послышалась команда кадета. — У нас нет времени ждать его приземления.

Следуя за кадетом, они спустились вниз, прошли по подземному коридору и вошли в кабину лифта, который поднял их к поверхности и, не останавливаясь, продолжил подъем на выдвинувшемся вверх гидравлическом стержне. Кабина лифта остановилась у борта космического корабля. Мэтт с изумлением увидел, насколько корабль огромен..

Дверца в борту откинулась наподобие подъемного моста, кандидаты прошли по нему внутрь корабля; кадет поднял дверцу-мост и закрыл ее, потом спустился вниз в опустевшем лифте. Они оказались в коническом помещении. Над их головами в своем кресле полулежал пилот. На полу вокруг них располагались кресла для пассажиров.

— Размещайтесь в креслах! — скомандовал пилот. — И сразу пристегивайтесь ремнями.

Десять юношей, толкая друг друга, устремились к креслам, но внезапно один из них остановился и, немного помявшись, поднял голову к пилоту.

— Э-э, мистер! — произнес он.

— В чем дело? Занимайте кресло и пристегните ремни.

— Я передумал и решил остаться на Земле.

Пилот произнес несколько фраз, не входящих в состав изысканного офицерского лексикона, потом повернулся к пульту управления.

— Башня! Заберите одного пассажира из номера девятнадцать, — он выслушал ответ и заорал: — Нет у нас времени менять план полета. Присылайте взамен массу, — пилот бросил одиноко стоящему юноше: — Какой у вас вес?

— Э-э, сто тридцать два фунта, сэр.

— Сто тридцать два фунта, и побыстрее! — добавил он в микрофон; повернувшись к юноше, он сказал: — А ну давайте-ка с корабля, если из-за вас у меня еще сорвется и время взлета, я, точно, сверну вам шею!

Через несколько мгновений открылся люк, и внутрь корабля вбежали три кадета. Двое несли мешки с песком, третий держал в руках свинцовые бруски. Они быстро уложили мешки на кресло, а бруски закрепили на его ручках.

— Сто тридцать два фунта! — объявил один из кадетов.

— Шевелитесь! — огрызнулся пилот и повернулся к щиту управления.

— Не злись, Гарри, предохранители сгорят, — посоветовал кадет пилоту.

Изумленный Мэтт ушам своим не поверил, а потом догадался, что пилот — тоже кадет. Тройка вышла наружу, и люк захлопнулся. Юноша, отказавшийся от полета, ушел вместе с ними.

— Приготовиться к взлету! — скомандовал пилот и внимательно осмотрел пассажиров. — Пассажиры на местах, ремни пристегнуты, — объявил он в микрофон. — Этот проклятый лифт уже отошел?

Наступила тишина. Шли секунды.

Вдруг корабль вздрогнул. Рев, такой низкий, что находился едва ли не за пределами слышимости человеческого уха, донесся откуда-то снизу, болезненно отозвавшись в голове Мэтта. На мгновение он почувствовал себя чуточку тяжелее, но скоро это ощущение пропало, а затем его сильно вдавило в кресло. Мэтт с радостью отметил, что тройная сила тяжести уже не действует на него так сильно — может быть, потому, что он полулежал, откинувшись на спину. Полторы минуты работы двигателя тянулись очень долго; слышен был лишь рев раскаленных газов, вырывающихся из дюз корабля, и через иллюминатор над головой пилота виднелся кусочек неба.

Было видно, что небо становится все темнее. Вот оно превратилось в пурпурное и прямо на глазах почернело. Очарованный, Мэтт увидел появившиеся на небе звезды.

— Приготовиться к невесомости! — донесся из громкоговорителя голос пилота. — Под головными подушками лежат санитарные пакеты. Если кто в себе сомневается, пусть приготовит их заранее. Я не собираюсь соскребать с палубы вашу блевотину.

Мэтт сунул странно потяжелевшие пальцы под подушку и достал пакет. Рев двигателя затих, а вместе с ним исчезла и сила, прижимавшая их к подушкам сидений. Пилот расстегнул ремни и повис в воздухе, глядя сверху на кандидатов.

— А теперь, парни, послушайте. У нас шесть минут невесомости. Можете отстегнуть ремни — по два человека — и подняться сюда, чтобы осмотреться. Но предупреждаю — держитесь за поручни. Если я замечу кого-нибудь, повисшего в воздухе или решившего позабавиться, тут же помечу у себя и сообщу на базу, — он ткнул пальцем в одного из кандидатов. — Вот вы. И который рядом.

«Который рядом» оказался Мэтт. Его желудок не переставал давать знать о себе, юноша чувствовал себя ужасно, и ему совсем не хотелось воспользоваться предложенной привилегией. Но на карту была поставлена его гордость. Он стиснул зубы, проглотил слюну, которая заполнила рот, и расстегнул ремни. Освободившись, он поднялся вверх, держась одной рукой за ремень, и попытался сориентироваться. Было как-то странно и неприятно оказаться в обстановке, где нет ни верха ни низа; все плыло у него перед глазами.

— Поторопитесь, ребята! — послышался голос пилота. — Иначе пропадет ваша очередь!

— Поднимаюсь, сэр!

— Держитесь, я сейчас разверну корабль.

Пилот отключил гироскопы и привел в действие прецессионный маховик. Корабль повернулся вверх дюзами. К тому времени когда Мэтт успел добраться до пульта управления, двигаясь подобно старой и очень осторожной обезьяне, нос ракетного корабля был направлен в сторону Земли. Мэтт прильнул к иллюминатору и стал всматриваться в земную поверхность, расположенную на расстоянии ста миль от него и медленно удаляющуюся. Зеленые и коричневые цвета на ней казались очень темными по сравнению с ослепительной белизной облаков. Слева и справа виднелось иссиня-черное небо, оно было усыпано звездами.

— Прямо под нами база, — заметил пилот. — Если присмотритесь, увидите Хэйуорт-холл, вернее его тень.

Направление, которое указывал пилот, не было для Мэтта «прямо под нами», скорее, оно казалось просто снаружи — чувство ориентации у Мэтта пропало начисто. Это его беспокоило.

— А вон там — видите? — кратер, где раньше был расположен Денвер. Теперь взгляните на юг — темная полоса, вернее темно-коричневая, — это Техас; рядом виден Мексиканский залив.

— Сэр, а Де-Мойн отсюда можно увидеть? — спросил Мэтт.

— Трудновато. Вон там — иди глазом по Миссисипи до того места, где в нее впадает Миссури, а потом — вверх по Миссури. Это темное пятно — Омаха и Каунсил Блафс. Де-Мойн между ними и горизонтом.

Мэтт напряг зрение, стараясь найти родной город. Он не был уверен, что увидел Де-Мойн, но отчетливо различал, как искривляется поверхность Земли перед тем, как растаять за горизонтом; теперь он наглядно убедился, что Земля — круглая.

— Достаточно, — скомандовал пилот. — Возвращайтесь в кресла. Следующая пара!

Мэтт был рад, что пристяжные ремни снова надежно удерживали его в кресле. Оставшиеся четыре минуты тянулись бесконечно; он примирился с тем, что, по-видимому, никогда не совладает с космической болезнью, которую вызывает невесомость.

Наконец, пилот послал обратно последнюю пару, развернул корабль дюзами к Земле и произнес в микрофон:

— Приготовиться к перегрузке — будем спускаться к Земле хвостом вперед!

Благословенная тяжесть придавила Мэтта к сиденью, и его желудок наконец объявил перемирие. Девяносто секунд торможения, казалось, длились намного дольше, чем полторы минуты, когда они ускорялись. Мэтт ощутил испуг — он знал, что Земля стремительно летит им навстречу, а он даже видеть ее не мог. Наконец, Мэтт ощутил легкий толчок, и его вес неожиданно стал нормальным.

— Сели, — сказал пилот, — и вроде бы не расшиблись. Давайте, парни, отстегивайтесь.

Скоро подъехал грузовик, из которого выдвинулась телескопическая лестница, и кандидаты спустились вниз. За ними спустился пилот. На обратном пути им встретился огромный трактор, направляющийся к ракетному кораблю. Водитель высунул голову из кабины и крикнул:

— Эй, Гарри! А почему ты не сел в Канзасе?

— Скажи спасибо, что не в Канзасе, — огрызнулся пилот.

До ужина еще было долго, и Мэтт решил вернуться в траншею, из которой они следили за взлетом первого корабля. Ему хотелось увидеть, как садится корабль на двигателях. Мэтту приходилось наблюдать за приземлением пассажирских стратосферных ракет, планирующих к посадочной площадке на крыльях, но он еще ни разу не видел посадки на двигателях. Едва Мэтт нашел удобное место в бетонной траншее, как послышался взволнованный крик — на посадку заходил корабль. Поначалу он казался огненным шаром, висящим высоко в небе; шар увеличивался в размерах, теперь это был не шар, а мощный огненный столб, растущий впереди корабля. Языки пламени лизнули землю, корабль застыл в воздухе, подобно балетному танцору, и плавно сел на поверхность. Посадка была совершена.

Мэтт повернулся к стоящему рядом кандидату:

— Сколько времени до следующей посадки?

— Они приземляются каждые пять минут. Оставайся на месте и все увидишь.

Через пару минут в небо поднялась зеленая сигнальная ракета. Мэтт оглянулся по сторонам, пытаясь увидеть взлетающий корабль, как вдруг чей-то крик заставил его обернуться. В небе снова появился растущий огненный шар.

Невероятно, но огонь почему-то исчез. Мэтт застыл, не в силах сдвинуться с места. Из громкоговорителей донеслась команда:

— Ложись! Все ложись лицом вниз!

Прежде чем Мэтт заставил себя подчиниться команде, кто-то повалил его на дно бетонной траншеи. Раздался резкий удар, за которым последовал оглушительный грохот. У Мэтта перехватило дыхание.

Он сел и осмотрелся. Кадет, который стоял с ним рядом, осторожно наблюдал через парапет траншеи.

— Господи Боже мой, — услышал Мэтт его шепот.

— Что случилось?

— Корабль разбился. Все погибли, — кадет тупо смотрел на Мэтта, словно видел его впервые. Потом резко скомандовал: — Быстро возвращайтесь к себе.

— Но... почему?

— Какая разница — и нечего тут глазеть, это тебе не цирк.

Кадет пошел по траншее, выгоняя из нее зрителей.

4. ПЕРВАЯ ПОВЕРКА

Когда Мэтт вернулся к себе в комнату, там никого не было. Он вздохнул с облегчением. Сейчас ему не хотелось встречаться с Берком, да и вообще ни с кем. Он сел и задумался.

Погибло одиннадцать человек — вот так, за одно мгновение. Взволнованные, счастливые люди, и вдруг — взрыв, и того, что осталось, недостаточно даже для кремации. Внезапно он представил себе, что находится в космосе, и тут же, дрожа всем телом, выбросил из головы эту мысль. Прошел час, и Мэтт решил уже окончательно, что, Патрульная служба не для него. Он понял, что мечтая о космосе, представлял себе Космическую патрульную службу через призму детских иллюзий — «Капитан Дженкс из Космического патруля», «Юные ракетчики» и тому подобное.

Такие книги интересны были лишь для детей, а Мэтт честно признал, что героя из него не получится.

К тому же вспомнилось про желудок: тот вряд ли когда-нибудь свыкнется с невесомостью. Даже сейчас, когда он подумал об этом, желудок болезненно вздрогнул.

К тому времени когда в комнату, беззаботно посвистывая, вошел Берк, Мэтт успокоился; нельзя сказать, что принятое им решение сделало его счастливым, но, по крайней мере, он выбрал путь.

Сосед замолчал и внимательно посмотрел на него.

— Что, малыш, ты все еще с нами? А мне казалось, что прогулочка по ухабам спровадит тебя домой.

— Нет.

— Неужели тебя не тошнило при невесомости?

— Тошнило, — Мэтт старался держать себя в руках. — А тебя?

— Меня? — усмехнулся Берк. — Нет, конечно. Малыш, я же не крот какой-нибудь, я...

— Меня зовут Мэтт.

— Хорошо, Мэттью. Я летал в космос еще до того, как научился ходить. Видишь ли, мой старик занимается строительством космических кораблей.

— Вот как?

— Точно. Компания «Реэкторз Лимитед» — он председатель правления. Послушай, а ты видел этот фейерверк на космодроме?

— Ты имеешь в виду разбившийся корабль?

— Разумеется. Впечатляющее зрелище, правда?

Мэтт почувствовал, что сейчас не выдержит.

— Неужели ты можешь вот так спокойно стоять и говорить, — произнес он тихим голосом, — что смерть одиннадцати человек — «впечатляющее зрелище»?

Берк смотрел на Мэтта непонимающим взглядом, затем рассмеялся.

— Извини, старина. Но мне даже не пришло в голову, что ты не знаешь таких элементарных вещей.

— Не знаю? Что это ты имеешь в виду?

— С другой стороны, тебе об этом знать не положено. Успокойся, сынок, никто не погиб. Тебя просто обманули.

— Не понял!..

Берк сел и принялся хохотать до тех пор, пока у него из глаз не потекли слезы. Мэтт схватил его за плечо и встряхнул.

— Кончай этот балаган и объясни, что случилось!

Берк перестал смеяться, вытер слезы и посмотрел на Мэтта.

— Честное слово, Додсон, ты мне нравишься — где еще встретишь такую святую деревенскую простоту. Скажи, а в Деда Мороза ты веришь? А в то, что детей аист приносит?

— Перестань болтать!

— Неужели ты не понял, что они с тобой делают начиная с того момента, как ты сюда приехал?

— Что со мной делают?

— Да ведь против тебя ведут психологическую войну, парень! Очнись! Разве ты не заметил, что некоторые тесты слишком легкие — я имею в виду, что на них очень легко обмануть экзаменаторов? А когда тебя «тащили по ухабам», неужели ты не обратил внимание на то, что вам позволили подойти к самому краю обрыва и посмотреть вниз? Ведь вас запросто могли оставить внутри здания до начала испытаний, чтобы не трепать всем зазря нервы.

Мэтт подумал об этом. Мысль была интересная — он понял, что она отвечала на некоторые вопросы, над которыми он напрасно ломал голову.

— Дальше.

— Действительно, это превосходная идея — и, главное, помогает избавиться от слабаков и тех идиотов, которым не удержаться, чтобы не сжульничать, которым даже в голову не приходит, что здесь ловушка. Причем и вправду придумано все толково — офицер Патрульной службы должен уметь думать, быстро действовать и логически мыслить. Можно сберечь деньги, которые иначе были бы потрачены на второсортные кадры.

— Ты назвал меня дураком, а ведь я выдержал все испытания.

— Разумеется, ты их выдержал, у тебя же кристально чистая душа, — он снова засмеялся. — Я тоже выдержал все испытания. Но из тебя никогда не выйдет офицера Патрульной службы, Мэтт. У них есть множество способов избавляться от честных, но глупых кандидатов. Ты скоро в этом сам убедишься.

— Ну, хорошо, я дурак, допустим. Только не вздумай больше называть меня малышом. А как все это связано с катастрофой?

— Это элементарно просто. Им нужно избавиться от всего балласта еще до того, как кандидаты примут присягу. Есть парни с желудками из чугуна, на которые не влияют ухабы и все такое. Поэтому офицеры Академии запускают корабль с автоматическим управлением — естественно, без пилота и пассажиров, — а потом его разбивают, чтобы напугать тех, у кого нервы не из железа. Причем это куда дешевле, чем готовить одного кадета, который еще неизвестно, станет офицером или нет.

— Слушай, откуда ты все это знаешь? Ты что, имеешь доступ к закрытым от нас сведениям?

— Ну как тебе сказать. В какой-то степени — да, имею. Это логическая необходимость — такие корабли не могут разбиться, если, конечно, их не разбивают нарочно. Я это *знаю* — их же мой старик строит.

— Что ж. Может быть, ты и прав, — Мэтт замолчал; доводы Берка его не устраивали, но у него не было весомых доказательств обратного. Впрочем, в одном смысле разговор этот прошел не без пользы: решимость его окрепла. Теперь он будет бороться за право называться кадетом, и безразлично что по этому поводу скажет его желудок; по крайней мере будет бороться до тех пор, пока в списке кандидатов числится Жерар Берк — и уж во всяком случае ближайшие 24 часа, не меньше.

На их столе за ужином стояла надпись: «Стол 147, 149, 151, 153». За одним столом было достаточно места, чтобы разместить всех оставшихся кандидатов.

— Поздравляю вас, джентльмены, с тем, что вы продержались, — с непривычным радушием обратился к ним кадет Саббателло. — Поскольку сегодня вечером вам предстоит принимать присягу, наша следующая встреча будет уже в другом качестве, — он ухмыльнулся. — Так что наслаждайтесь последним ужином, который вы будете есть как свободные люди.

Несмотря на потерянный завтрак и легкий обед, Мэтт ел мало. Его беспокоило объяснение тестов, которое дал ему Жерар Берк. Он по-прежнему собирался принять присягу, но его не покидало ощущение, что ему вот-вот предстоит сделать решающий шаг, а

он все еще не может понять, что такое служба в Космическом патруле. После ужина что-то заставило его подойти к кадету, в течение всех этих дней сидевшему во главе их стола, и обратиться к нему.

— Извините меня, мистер Саббателло, можно поговорить с вами по личному вопросу, сэр?

— Что? Разумеется, идите со мной, — он провел Мэтта к себе в комнату — она ничем не отличалась от той, в которой жил Мэтт. — Так о чем же вы хотели поговорить?

— Мистер Саббателло, я хотел спросить вас о сегодняшней катастрофе. Кто-нибудь пострадал?

— Пострадал? Погибло одиннадцать человек. По-вашему, про них можно сказать, что они «пострадали»?

— Вы уверены в этом, мистер Саббателло? Разве не могло так случиться, что корабль управлялся автоматически и внутри никого не было?

— Да, могло, но не в этом случае. Мне бы очень хотелось, чтобы все произошло так, как вы говорите; дело в том, что пилот корабля — мой друг.

— Извините, сэр. Но я должен был задать этот вопрос. Ответ на него очень для меня важен.

— Почему?

Мэтт рассказал ему про версию Берка, не называя автора по имени. Слушая Мэтта, Саббателло хмурился все больше и больше.

— Понятно, — кивнул он, когда Мэтт закончил рассказ. — Действительно, некоторые тесты носят скорее психологический, чем технический характер. А что касается катастрофы, послушайте, кто вдолбил вам в голову подобную чушь?

Мэтт молчал.

— Ладно. Если хотите, можете не выдавать источник. В конце концов, это не имеет значения. Но относительно катастрофы... — Саббателло задумался. — Я готов дать вам свое честное слово — нет, я даю честное слово, но раз вы приняли гипотезу своего товарища, вы не обратите никакого внимания на мои клятвы, — он снова задумался. — Вы — католик?

— Э-э, нет, сэр, — Мэтт был удивлен таким вопросом.

— Впрочем, это неважно. Вы знаете, кем была святая Варвара?

— Говоря по правде, сэр, я не уверен. Космодром...

— Космодром... Она приняла мученическую смерть в третьем веке. Но дело в том, что ее считают святой покровительницей всех, чья деятельность связана со взрывчатыми веществами, включая ракетчиков, — он замолчал. — Если вы пройдете в церковь, там вам скажут, что завтра состоится месса, во время которой будут просить святую Варвару спасти души тех, кто погиб сегодня. Думаю, вы понимаете, что ни один священник не согласится пойти на такой обман, о котором говорит ваш товарищ.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, сэр, — торжественно кивнул Мэтт. — Я не пойду в церковь — мне все и так ясно.

— Отлично. А теперь бегом к себе в комнату и начинайте готовиться. Вам же самому будет неловко, если вы опоздаете на собственную присягу.

Первая поверка была назначена на двадцать один час в центральном зале. Мэтт пришел одним из первых, гладко выбритый, в чистом комбинезоне. Кадет, стоящий у входа, записал его фамилию и попросил подождать в зале. Мэтт увидел, что все стулья из зала были убраны. Над сценой в дальнем его конце висела эмблема Федерации — три переплетенных кольца, символизирующих Свободу, Мир и Справедливость. Кольца были соединены одно с другим таким образом, что стоило удалить одно, и вся эмблема рассыпалась. Под эмблемой Федерации виднелась эмблема Космической патрульной службы — звезда, сияющая в ночи.

Текс едва не опоздал. С трудом переводя дыхание, он подошел к Мэтту и поздоровался; и буквально в то же мгновение кадет, стоящий на сцене, скомандовал в микрофон: «Внимание!»

— Всем собраться в левой части зала, — продолжил он.

Кандидаты сбились в тесную группу.

— Оставайтесь здесь до начала поверки. Когда назовут вашу фамилию, отвечайте: «Здесь!» и переходите на противоположную сторону зала. Там на полу нанесены белые линии. Выстраивайтесь вдоль них.

Еще один кадет спустился со сцены и подошел к столпившимся кандидатам. Остановился, взял один листок бумаги из четырех, которые держал в руке, и протянул его Тексу.

— Вот вы, мистер, — сказал он. — Возьмите.

Озадаченный Джермэн взял листок и с удивлением посмотрел на кадета.

— Зачем?

— Услышав свое имя, вы ответите: «Здесь!». Когда произнесут фамилию, написанную на этом листке, сделаете шаг вперед и скажете: «Я за него».

Текс взглянул на листок. Мэтт заметил, что там было написано: «Джон Мартин».

— А зачем это? — спросил Текс.

Кадет посмотрел на него:

— Вы, и вправду, не знаете?

— Нет.

— Тогда вот что. Считайте, что это ваш друг, который не смог прийти на поверку. Вы отвечаете вместо него, чтобы все думали, что он здесь. Понятно?

— Да, сэр. Понятно.

Кадет пошел дальше. Текс повернулся к Мэтту.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Нет.

— И я ничего не понимаю. Может быть, дальше станет ясно.

Кадет, стоящий на сцене, скомандовал в микрофон: «Внимание! Начальник Академии!». Из двери в задней половине зала вышли два офицера, одетых в черные мундиры. Тот, что помоложе, шел так, что его рукав касался локтя старшего офицера. Они вышли на середину зала; молодой офицер остановился. Старший офицер мгновенно последовал его примеру, после чего адъютант отошел в сторону. Начальник Академии стоял, повернувшись лицом к новому классу. Вернее, даже не к классу, а к центру зала. Шли минуты. Кто-то кашлянул; послышался шорох ботинок по полу. В следующее мгновение офицер повернул к юношам голову.

— Добрый вечер, джентльмены.

Глядя на него, Мэтт отчетливо вспомнил замечание кадета Саббателло: «Он не слепой, мистер Додсон!». Глаза коммодора Аркрайта выглядели как-то странно: глазницы уходили глубоко внутрь и веки были опущены, как у задумавшегося человека. И тем не менее, когда взгляд этих невидящих глаз остановился

на нем, Мэтт был уверен, что коммодор не только видит его — он может заглянуть в голову и прочесть мысли.

— Я приветствую вас как новых членов нашего братства. Вы приехали сюда из разных стран, некоторые — с других планет. У вас разный цвет кожи, и вы принадлежите к разным вероисповеданиям. Несмотря на все это, вы должны стать и станете братьями. Кое-кто из вас тоскует по дому. Прислушайтесь к моему совету — не нужно тосковать. С сегодняшнего дня каждая из планет нашей Федерации — это ваш дом, такой же, как и все остальные. Каждое живое, мыслящее существо в нашей Солнечной системе — это ваш сосед, и на вас возлагается ответственность за его благополучие. Сейчас вы произнесете слова присяги, принять которую вы согласились добровольно, и станете членами Патруля нашей Системы. Со временем вы будете офицерами Патруля. Нужно, чтобы вы поняли, какую ответственность вы принимаете на себя. Вы проведете бесчисленные часы, готовясь овладеть новой профессией, приобретая навыки космонавта и профессионального военного. Вы овладеете знаниями и навыками, но не они сделают вас офицерами Патрульной службы.

Коммодор задумался, затем продолжал:

— Офицер, командующий кораблем Патрульной службы вдали от места базирования, является последним из абсолютных правителей, потому что остановить его может только он сам. Он бывает по долгу службы в местах, где не существует иной власти. И он должен быть олицетворением закона и разумного, справедливого и милосердного правления. Более того, членам Патрульной службы — как поодиночке, так и всем вместе — дано самое грозное оружие, самая страшная сила, которая может одолеть или уничтожить любую другую силу; и вместе с этой силой им доверено сохранять мир в нашей системе и защищать гражданские права народов, ее населяющих. Они — это солдаты свободы. Недостаточно быть умным, смелым, умелым; те, кому доверена эта власть, каждый из них должен владеть безукоризненным чувством чести, самодисциплины, не дающей проявиться честолюбию, тщеславию или жадности, уважать права, свободу и достоинство всех существ и иметь несгибаемую волю, направленную

на торжество справедливости и милосердия. Этот человек должен быть подлинным рыцарем.

Коммодор смолк, и в огромном зале воцарилась абсолютная тишина. Затем он произнес:

— Пусть те, кто готовы принять присягу, построятся для переклички.

Кадет, выполнявший роль адъютанта, вышел вперед.

— Адамс!

— Э-э, здесь, сэр! — Кандидат поспешно перешел на другую сторону зала.

— Акбар!

— Здесь!

— Альварадо!

— Здесь!

— Андерсон, Питер...

— Андерсон, Джон...

— Анжелико...

Наконец, кадет произнес:

— Дэйна... Делакруа... Де Витт... Диас... Доббс... Додсон!

— Здесь! — выкрикнул Мэтт.

Он пустил петуха, но никто не засмеялся. Он поспешил на другую сторону зала, встал на свое место и замер в ожидании. Перекличка продолжалась:

— Эдди...

— Эйзенхауэр...

— Эрикссон...

Юноши переходили на другую сторону зала, оставшихся было совсем мало.

— Сфорца...

— Стенли...

— Сулейман...

Наконец, кадет вызвал последнего кандидата:

— Зам!

Выкрикнув: «Здесь!», последний юноша пересек зал.

Но перекличка не закончилась.

— Далквист! — торжественно произнес кадет.

Тишина.

— Далквист! — повторил кадет. — Эзра Далквист!

Мэтт почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. Теперь он узнал это имя, но ведь Далквиста не было здесь, во всяком случае — Эзры Далквиста. Мэтт был уверен в этом, он вспомнил фотографию улыбающегося молодого человека на фоне раскаленных песков Луны, фотографию, которую Мэтт увидел в нише купольного зала. Позади Мэтта послышалось какое-то движение. Юноша, стоящий за Мэттом, сделал шаг вперед и произнес:

— Я за Эзру Далквиста!

— Мартин!

На это раз замешательства не последовало. Мэтт услышал голос Текса:

— Я за Мартина!

— Ривера!

— Я за Риверу! — произнес кто-то звонким голосом.

— Уилер!

— Я за Уилера!

Кадет повернулся к начальнику Академии, отсалютовал ему и сказал:

— Поверка закончена, сэр. Все на месте. Весь набор две тысячи семьдесят пятого года присутствует на первом построении!

Человек в черном мундире отдал ответный салют.

— Благодарю вас, сэр. Начнем присягу, — коммодор Аркрайт подошел ближе, кадет следовал рядом с ним, касаясь рукавом его локтя.

— Поднимите правую руку.

Коммодор поднял правую руку вместе со всеми.

— Повторяйте за мной: — По моему собственному желанию, безо всяких сомнений...

— По моему собственному желанию, безо всяких сомнений...

— Я клянусь хранить мир в Солнечной системе...

Хор юношеских голосов повторял слова присяги за коммодором.

— ...Защищать законные права и свободы народов, ее населяющих...

— ...Охранять конституцию Солнечной Федерации...

— ...Выполнять обязанности, мне порученные...

— ...И повиноваться законным приказам старших офицеров...

— Для выполнения этих обязанностей я обязуюсь хранить преданность данной мной присяге и отказаться от всего, что противоречит ей.

— И в этом я торжественно клянусь. Да поможет мне Бог, — закончил коммодор Аркрайт.

Мэтт повторил его слова и услышал, как вокруг прозвучали те же слова, сказанные на разные голоса. Коммодор повернулся к стоящему рядом кадету.

— Дайте команду разойтись, сэр, — сказал он.

— Есть, сэр! — кадет посмотрел на ряды принявших присягу кандидатов.— После команды разойтись, — громко произнес он,— всем повернуться направо и направиться к выходу. Не нарушать строя, пока не покинете зал. Разойтись!

Сразу после команды зал наполнился звуками музыки; новые кадеты направились к выходу в сопровождении марша «Долгая вахта» Космической патрульной службы. Когда последний скрылся за дверью, музыка стихла. Коммодор подождал, пока юные кадеты не вышли из зала, и повернулся. Его адъютант, затянутый в черный мундир офицера Патрульной службы, тут же появился рядом, а кадет, временно исполнявший обязанности адъютанта, быстро отошел в сторону. Коммодор Аркрайт окликнул его:

— Одну минуту, мистер Барнс.

— Слушаю, сэр.

— Вы готовы к представлению на офицерское звание?

— Думаю, что не готов, сэр. Пока не готов.

— Вот как? Ну что ж, зайдите ко мне в один из ближайших дней.

— Есть, сэр. Спасибо.

Коммодор повернулся и быстрыми шагами направился к двери рядом со сценой. Возле него шел адъютант, касаясь его локтя рукавом.

— Ну, Джон, что вы думаете о них? — спросил коммодор.

— Прекрасные парни, сэр.

— Я тоже так думаю. Молодость, задор, юношеские надежды. Но скольких нам придется отсеять? Грустно, Джон, очень

грустно. Мы берем юношу и меняем его жизнь так, что он уже не может нормально жить в обществе, а после выбрасываем его как непригодного. Ведь это жестоко!

— У нас нет другого выхода, сэр.

— Действительно, мы не можем поступать иначе. Вот если бы у нас был волшебный пробный камень... Передайте на космодром, что я хочу взлететь через тридцать минут.

— Есть, сэр.

5. В КОСМОС

У Академии патрульной службы, может, и нет зданий со стенами, затянутыми плющом, и тенистых дорожек, зато учебных помещений у нее более чем достаточно. Кадеты Академии находятся во всех уголках системы, от кораблей, летающих на орбитах вокруг Венеры или составляющих карты выжженной поверхности Меркурия, до кораблей, патрулирующих луны Юпитера. Кадеты летят даже на кораблях, отправляющихся в многолетние экспедиции к застывшим от вечного холода краям Солнечной системы, и получают офицерское звание, как только командиры их кораблей убеждаются, что кадеты готовы стать офицерами, прямо в полете, не дожидаясь возвращения на Землю.

Многие думают, что Академия патрульной службы — это патрульный ракетный корабль (ПРК, как называют его космонавты) «Джеймс Рэндольф», но для кадетов *любая* столовая на любом корабле Патрульной службы составляет частицу Академии. Кадетов-новичков отправляют на «Рэндольф» сразу после принятия присяги, и они остаются на борту учебного корабля до тех пор, пока не будут готовы к несению службы на настоящем патрульном корабле. Но и после этого подготовка кадета будет продолжаться; со временем его отзовут обратно в Хэйуорт-холл, откуда он начал свой путь в космос, там и завершается его обучение. «Старик», приписанный к Хэйуорт-холлу, не обязательно находится именно там. Его могут послать в радиационную лабораторию Оксфордского университета или в Сорбонну изучать космическое право, а то и на Венеру, в Институт системного анализа.

Каким бы ни был его путь — а никто из кадетов не повторяет процесс обучения друг друга, — Академия по-прежнему руководит им и несет ответственность до тех пор, пока кадет не станет офицером, если, конечно, он им вообще станет.

Срок пребывания в Академии зависит от самого кадета. К примеру, кадет Хартстоун, юноша поразительного таланта и редких способностей — он погиб во время первой экспедиции к Плутону, — стал офицером уже через год после прибытия зеленым кандидатом в Хэйуорт Холл. Но нередки случаи, когда на базе «Терра» оказываются кадеты, проходящие обучение пять, а то и более лет.

Кадет Мэттью Додсон восхищенно смотрел на свое отражение в зеркале ванной комнаты. Он был одет в светло-серую форму, которую обнаружил у себя в комнате после возвращения с первой поверки. Рядом лежала маленькая книжица правил и наставлений, где было вытеснено его имя. Скрепкой к ней был приколот листок бумаги со списками его новых обязанностей. Крупными печатными буквами на верху листа говорилось:

«ВАША ПЕРВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ КАК КАДЕТА – НЕМЕДЛЕННО ПРОЧИТАТЬ КНИГУ ПРАВИЛ И НАСТАВЛЕНИЙ. НАЧИНАЯ С ЭТОГО МОМЕНТА ВЫ НЕСЕТЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ ВЫПОЛНЕНИЕ».

Мэтт принялся за чтение и читал книжку до самого отбоя. Его голова была переполнена массой непонятных — по крайней мере пока — и наполовину понятных правил: «В определенном, ограниченном смысле кадет является офицером Патрульной службы... вести себя с достоинством и самообладанием, соответствующими ситуации... воздерживаться от нарушения местных обычаев, в случае, если они не вступают в противоречие с законами Федерации или правилами Патрульной службы... но ответственность при определении законности приказа возлагается на лицо, его получившее, равно как и на того, кто этот приказ отдал... обстоятельства, которые не оговорены законами или правилами, должны истолковываться самим кадетом в свете существующих традиций Патрульной службы... кадет обязан всегда

быть чисто выбритым и с прической, не превышающей два дюйма в длину».

Мэтт решил, что последнее правило ему понятно.

Он проснулся еще до сигнала, бросился в ванную, поспешно побрился, хотя в этом не было надобности, и надел новую форму. Сидела она на нем довольно сносно, но уж ему-то казалось, что сидит она идеально и выглядит — лучше не придумаешь. На самом деле форма была как форма: обычный комбинезон, без украшений, без знаков отличий, да и покрой, хоть и вполне приличный, но что не щегольской, это точно. Но для Мэтта его новая форма была просто вершиной совершенства.

В дверь постучал Берк.

— Ты что там, заснул? — он просунул внутрь голову. — А-а, это ж надо — какой красавчик. А как насчет слинять отсюда?

— Выхожу, выхожу.

Мэтт еще какое-то время бродил по комнате, наконец, сгорая от нетерпения, сунул книжку в карман (параграф устава 383) и отправился в столовую. Гордый и взволнованный, он вышагивал по коридору, чувствуя себя ростом с два метра. Он сел за стол. Остальные места были еще свободны — Мэтт появился первым. Один за другим стали подтягиваться кадеты. Кадет Саббателло пришел одним из последних и мрачно посмотрел на столующихся.

— Внимание! — скомандовал он. — Всем встать!

Мэтт, как и все остальные, вскочил на ноги. Саббателло опустился на стул.

— Отныне, джентльмены, извольте ждать, пока не сядут старшие. А теперь можете сесть.

Он посмотрел на кнопки перед собой, выбрал блюда и нажал несколько кнопок. Новички снова принялись за еду. Саббателло резко постучал по столу.

— Минуту внимания, джентльмены. Вам необходимо привыкнуть к правилам поведения во время еды. И чем быстрее вы это сделаете, тем лучше для вас. Мистер Додсон, перестаньте макать хлеб в молоко, вы капаете себе на комбинезон. В связи с этим, — продолжал Саббателло, — мне хотелось бы напомнить вам о поведении за столом...

Когда Мэтт вернулся к себе, восторженности в нем поубавилось.

По пути из столовой он забежал к Тексу; тот сидел на койке и листал книжку правил и наставлений.

— Привет! — поднял голову Текс. — Слушай, ты не знаешь, есть ли в этой библии правило, позволяющее мистеру Динковски запретить мне дуть на кофе?

— Значит, тебе тоже досталось. Что там у тебя?

— Сначала я думал, что Динко — хороший парень, сговорчивый и заботится о нас. Но сегодня за завтраком он начал с того, что спросил у меня, как это я ухитряюсь носить с собой весь этот штрафной вес. — Текс глянул на свою талию, и Мэтт впервые с удивлением заметил, что в светло-серой форме кадета, обтягивающей его тело, Текс выглядит, мягко говоря, толстовато.

— Все мы, Джермэны, — *плотного сложения*, — начал оправдываться Текс. — Ты посмотрел бы на моего дядю Боди. Когда он...

— Да хватит тебе, — прервал его Мэтт. — Я уже наслушался рассказов про твоего дядю.

— Пожалуй, ты прав. В любом случае, мне не надо было срываться.

— Это верно, — кивнул Мэтт и начал листать устав. — Вот посмотри, может быть, это тебя касается. Здесь говорится, что, если возникают сомнения, офицер, отдающий приказ, должен — по твоей просьбе — дать его в письменном виде и приложить отпечаток большого пальца или использовать другие средства для того, чтобы осталось постоянное доказательство.

— Ну-ка, где это? — Текс выхватил книжку. — Точно, как раз мой случай — ведь я, и вправду, не верю, что он может мне это приказывать. Отлично! Представляешь, какое у него будет лицо, когда я ткну его в этот параграф!

— Да, это будет интересно, — согласился Мэтт. — Тебя как отправляют, Текс?

Мэтт задал этот вопрос потому, что патрульный ракетный корабль «Симон Боливар» находился на космодроме «Санта-Барбара», высадив батальон космических пехотинцев. Но ПРК «Боливар» мог захватить на обратном пути лишь половину нового класса кадетов. Остальным предстояло отправиться гражданским

шаттлом, запускаемым с катапульты пика Пайк на космическую станцию «Терра», и уже оттуда совершить полет на учебный корабль «Рэндольф».

— Транспортом, — ответил Текс. — А тебя?

— Я тоже на «Боливаре». Хотелось, конечно бы, побывать на космической станции, но лететь на патрульном корабле интереснее. Ты с собой что берешь?

Текс вытащил багаж и прикинул его на вес:

— Да, проблема. Здесь у меня фунтов пятьдесят, не меньше. Как ты думаешь, если все это как следует упаковать, сумею я уложиться в двадцать фунтов?

— Интересная теория, — согласился Мэтт. — Знаешь что, давай посмотрим на твое барахло, может, получится выжать из него тридцать фунтов штрафного веса?

Джермэн выложил на пол свои вещи.

— Так, — с ходу начал Мэтт, — вот эти фотографии тебе точно не понадобятся. — Он показал на двенадцать стереофотографий, каждая из которых была весом не меньше фунта.

— Оставить на Земле мой гарем? — спросил потрясенный Текс. — Вот это, — он взял одну, — самая красивая блондинка во всей долине Рио-Гранде, — техасец поднял другую. — А это Смитти, без Смитти мне точно не обойтись. Она же считает меня самым лучшим парнем на свете!

— Она что, подумает по-другому, если ты не возьмешь с собой ее фотографию?

— Нет, конечно, но ведь я джентльмен, — он задумался. — Ладно, приму компромиссное решение. Оставлю-ка я здесь свою дубинку.

— Дубинку? — спросил Мэтт, не видя нигде предмета, хотя бы отдаленно ее напоминавшего.

— Да, дубинку. Ту, которой я обычно отбиваюсь от милых крошек, когда они становятся уж очень настойчивыми.

— О! Может быть, ты и меня когда-нибудь этому научишь? Да, дубинку, пожалуй, можно оставить, на «Рэндальфе» девиц будет не густо.

— И чего в этом хорошего?

— Не знаю, не знаю.

Мэтт еще раз осмотрел кучу вещей.

— Знаешь, что бы я тебе предложил? Возьми эту губную гармонику. Я люблю музыку. А фотографии можно переснять на микропленку. Остальное все выброси.

— Тебе легко говорить, — уныло сказал Текс.

— У меня та же самая проблема, — ответил Мэтт и пошел к себе.

Занятий сегодня у класса не было — кадетам дали время для подготовки к перелету на учебный космический корабль. Мэтт разложил свои вещи. Гражданскую одежду, разумеется, он пошлет домой, а заодно отправит и телефон — все равно дальность его действия ограничена наземными релейными станциями.

— Домой бы не забыть позвонить, — напомнил себе Мэтт вслух.

И подумал: «Пожалуй, стоит позвонить еще в одно место, хотя он вроде бы и зарекся в новой своей жизни тратить время на девушек. Нет, надо позвонить, попрощаться — хотя бы из вежливости». Так он и сделал.

Мэтт позвонил домой, поговорил с родителями и младшим братом, потом позвонил своей девушке. Через несколько минут он положил трубку, сбитый с толку тем, что, оказывается, обещал регулярно с ней переписываться. Он сидел, глядя на оставшиеся вещи и задумчиво почесывая затылок. В этот момент вошел Берк.

— Что, пытаешься избавиться от штрафного веса? — ухмыльнулся он.

— Придумаю что-нибудь.

— Знаешь, а ведь совсем не обязательно оставлять здесь всю эту дребедень.

— А?

— Пошли свои вещи на станцию «Терра» грузовым кораблем. Возьми в аренду шкаф для хранения и сдай их туда. А после, когда получишь увольнительную на станцию, захватишь на обратном пути все, что тебе нужно. А если хочешь взять что-нибудь из вещей на «Рэндольф» и боишься, что не пропустит начальство, спрячь их и провези тайком.

Мэтт молчал.

— Чего замолчал, сэр Галахэд? Боишься, что тебя поймают на контрабанде?

— Нет. Просто у меня нет шкафчика на станции «Терра».

— Ладно, если тебе жаль денег, чтобы арендовать шкафчик, пошли вещи на мой номер. Услуга за услугу.

— Нет, спасибо.

Поначалу Мэтт подумал было о том, чтобы послать вещи в почтовое отделение станции, но потом отказался от этой мысли — слишком дорого. Он принялся сортировать вещи. Мэтт решил взять фотоаппарат, микроскоп брать не стал — пусть останется на Земле, и еще захватил с собой шахматы. Наконец, ему удалось сократить вес вещей, которые он хотел взять с собой, до — как он надеялся — двадцати фунтов; Мэтт уложил багаж и пошел его взвешивать.

На следующий день подъем и завтрак были перенесены на час раньше. Сразу после завтрака в Хэйуорт-холле провели поверку, на которую кадетов позвали звуки марша «Кораблю — взлет!» Мэтт перекинул через плечо сумку и поспешил вдоль подземных коридоров. Он протолкался через толпу взволнованных новичков-кадетов и отыскал свое место в строю.

Поверка проводилась по отделениям, и Мэтт был временно назначен в своем отделении командиром, потому что его фамилия в списке стояла первой. Ему дали список кадетов его отделения еще до завтрака; он сунул руку в сумку, прикрепленную к поясу, и на мгновение его охватил страх — уж не забыл ли он список у себя в комнате? Но волновался Мэтт зря — в следующий момент пальцы коснулись листа бумаги.

— Додсуорт!

— Здесь.

— Данстэн!

— Здесь.

Мэтт все еще продолжал вызывать: Френкель! Френд! Фанстон! — когда старший кадет, командующий поверкой класса, потребовал от него доклада. Он поспешно закончил поверку, повернулся кругом, отсалютовал и доложил:

— Девятнадцатое отделение — поверка закончена, все на месте!

У него за спиной кто-то хихикнул, и Мэтт понял, что отдал скаутский салют, а не свободный, открытой ладонью, салют Патрульной службы. Его щеки запылали.

Из динамиков послышался многократно усиленный металлический голос:

— Доложить о готовности!

Старший кадет отрапортовал, наступила короткая тишина, и из динамиков донеслось:

— Далквист!

Чей-то голос, слышный через громкоговоритель, ответил:

— Я за него!

Затем были названы имена остальных членов знаменитой четверки, и из динамиков раздалось:

— Все на месте, сэр.

— Начать посадку на корабль.

Движущейся дорожкой они добрались до огромного подземного зала, расположенного глубоко под космодромом «Санта-Барбара». Вокруг зала были двери восьми больших лифтов. Мэтт и его отделение вошли в один из них, и лифт начал поднимать их вверх. Кадеты поднимались все выше и выше, намного выше, чем это было в тот раз, когда они входили на борт учебного ракетного корабля. Наконец, лифт остановился у люка в колоссальном корпусе «Боливара».

По перекидному мостику кадеты перешли внутрь корабля. В шлюзе стоял сержант космической пехоты; форма на нем была не просто красивой — форма была великолепной. Сержант все повторял: «Седьмая палуба! Вниз на свою палубу через люк! Поживей!». Он показал на люк, внутри которого начинался узкий металлический трап, круто уходящий вниз.

Мэтт взял сумку в руку, чтобы не мешала пролезть в люк, и начал спускаться по вертикальной лестнице, стараясь двигаться как можно быстрее, чтобы следующий за ним кадет не отдавил ему пальцы. Он потерял счет палубам, но на каждой из них стоял сержант, выкрикивавший ее номер. Когда Мэтт услышал возглас: «Третья палуба!», он сошел с трапа и оказался в широком круглом помещении с низким потолком. Весь пол был устлан толстым слоем поролона, разделенного белыми линиями на секции: каждая

семь футов на три и с ремнями безопасности. Мэтт нашел свободную секцию, сел на нее и стал ждать. Наконец, кадеты перестали спускаться по трапу, и каждая секция на палубе оказалась заполненной. Сержант проверил, нет ли свободных секций.

— Внимание, всем приготовиться к взлету! — донеслось предупреждение из громкоговорителей.

Сержант дал кадетам команду пристегнуться и стоял, наблюдая, пока приказ не был исполнен. Затем он тоже, как и кадеты, лежа расположился на своей секции, взялся руками за поручни и доложил, что третья палуба к взлету готова.

Наступило томительное ожидание.

Наконец прозвучала команда: «Взлет!», и Мэтт почувствовал, как его спина вдавилась в толстый слой поролона.

Космическая станция «Терра» и учебный корабль «Рэндольф» находились на круговой орбите на расстоянии в двадцать две тысячи триста миль от поверхности Земли и совершали один виток вокруг планеты ровно за двадцать четыре часа — естественный период для любого небесного тела на такой высоте.

Поскольку период обращения Земли вокруг своей оси точно соответствует этому периоду, они всегда находятся над одной стороной Земли, точнее говоря, над девяностым западным меридианом. Их орбита лежит в эклиптике — плоскости земной орбиты вокруг Солнца, а не в плоскости земного экватора. Это приводит к тому, что для наблюдателя, находящегося на поверхности Земли, они ежедневно перемещаются к северу и югу. Когда на Среднем Западе полдень, космическая станция «Терра» и учебный корабль «Рэндольф» находятся над Мексиканским заливом; в полночь — над южной частью Тихого океана.

Штат Колорадо движется на восток со скоростью восемьсот тридцать миль в час. Космическая станция «Терра» и «Рэндольф» тоже движутся на восток со скоростью около семи тысяч миль в час, или, если быть точным, одна целая девяносто три сотых мили в секунду. Пилоту «Боливара» было необходимо привести корабль к «Рэндольфу» с безошибочно рассчитанными курсом и скоростью. Для этого требовалось, чтобы он вырвал корабль из гравитационного поля нашей тяжелой пла-

неты и направил его по эллиптической орбите, касательной к круговой орбите «Рэндольфа», таким образом, чтобы, когда он уравняет скорость, корабли стали неподвижны по отношению друг другу, одновременно перемещаясь в пространстве со скоростью двух миль в секунду. Совершить подобный маневр было куда сложнее, чем посадить на посадочную площадку вертолет, поскольку скорости двух кораблей — невыравненные — отличались на три тысячи миль в час.

Перелет «Боливара» из Колорадо к «Рэндольфу» и все остальные передвижения, связанные с путешествиями между планетами, подчиняются точным и изящным расчетам, основанным на четырех законах, впервые сформулированных праведным, хотя и рассеянным сэром Исааком Ньютоном почти за четыреста лет до полета «Боливара», — трех законах движения и законе всемирного тяготения. Сами по себе законы просты; их применение в космическом пространстве, для того чтобы доставить вас туда, где вы хотите оказаться в нужное время, с нужной скоростью и в соответствии с курсом, представляет собой процесс сложных математических вычислений.

«Вес», который вдавливал Мэтта в мягкий матрас, был результатом четырехкратного увеличения силы тяжести — сейчас он весил почти шестьсот фунтов. Он лежал, вытянувшись и тяжело дыша, пока корабль пробивал дорогу через толстый слой атмосферы. Тяжелый вес, прижимавший кадетов к палубе, будет действовать на них до тех пор, пока «Боливар» не достигнет скорости шесть миль в секунду, поднявшись на высоту около тысячи миль над поверхностью Земли.

Прошло чуть больше пяти минут, и тяговые двигатели выключились.

И сразу же навалилась такая нестерпимая тишина, что у Мэтта зазвенело в ушах. Он поднял голову. Сержант заметил движение и рявкнул:

— Оставаться на местах, не двигаться!

Мэтт опустил голову и расслабился. Они находились в состоянии свободного падения, невесомости, хотя «Боливар» уносился от земной поверхности со скоростью больше чем двадцать

тысяч миль в час. Любое тело в космическом пространстве — планета, корабль, метеор, атом — непрерывно падает. Кроме того, оно продолжает движение по той орбите, по которой двигалось раньше. Мэтт отчетливо осознавал, что они в состоянии невесомости, потому что его желудок жаловался не переставая. Чтобы не рисковать, он достал из рюкзака санитарный пакет и держал его наготове. Мэтта подташнивало, но он все-таки чувствовал себя куда лучше, чем во время первого испытательного полета или когда их «тащили по ухабам». Он надеялся, что ему удастся сохранить завтрак.

Из динамика донеслось: «Конец ускорения. Начались четыре часа свободного падения».

Сержант сел.

— Можете отстегнуть ремни, — скомандовал он.

Через несколько секунд отсек превратился в переполненный аквариум. Сотня юношей плавала и поворачивалась на разной высоте и в самом разном положении в пространстве между палубой и потолком. Впрочем, две эти перегородки не казались ни палубой, ни потолком, поскольку понятия «верх» и «низ» исчезли; они превратились в стены, которые медленно и в беспорядке вращались: это чувствовал каждый кадет, тело которого кувыркалось в воздухе.

— Эй, парни! — крикнул сержант. — Схватитесь за что-нибудь и слушайте меня!

Мэтт оглянулся по сторонам, обнаружил, что находится под потолком, увидел рядом поручень и вцепился в него.

— Нужно овладеть элементарными правилами передвижения в невесомости. Вы должны научиться вовремя дергаться в сторону от того парня, который летит вам навстречу. Причем в другую, не туда, куда он. Если по пути вам встретится капитан, а вы дернетесь влево, когда нужно вправо, и при этом вы с ним столкнетесь, он вряд ли останется доволен. Понятно?

Сержант поднял покрытый шрамами большой палец.

— Итак, правило номер один. Все кроты — а вы и есть кроты, и не пытайтесь меня в этом переубедить, — должны все время держаться за что-нибудь хотя бы одной рукой. Это правило будет выполнятся вами до тех пор, пока вы не пройдете обучение

акробатике невесомости. Правило номер два: пропускать всех офицеров, не дожидаясь, когда они крикнут: «С дороги!». Кроме того, вы обязаны пропускать всех, у кого заняты руки, кто несет вахту или выполняет другие служебные обязанности. Если вы двигаетесь в сторону кормы, расходитесь со встречными, придерживаясь внутренней — по отношению к оси корабля — стороны коридоров, а если к носу — наоборот. Когда вы перемещаетесь по часовой стрелке, если смотреть от носа корабля, то обходите встречного, держась внешней стороны коридора, а если двигаетесь против часовой стрелки, то соответственно — держась внутренней. Независимо от того, в каком направлении вы двигаетесь, обгоняйте человека вдоль внутренней по отношению к нему стороны. Все понятно?

Мэтт подумал и решил, что понятно, хотя и сомневался, что сразу запомнит все эти инструктажные хитрости. Но ему пришло в голову, что существует еще одна возможность, которую не упомянул сержант.

— Послушайте, сержант, — спросил он, глядя на него невинным взглядом, — предположим, я двигаюсь прямо от центра корабля или к центру, как поступить тогда?

Мысль явно показалась сержанту дурнее некуда, что мгновенно отразилось на физиономии: с точки зрения Мэтта, она сделалась несколько странноватой, тем более что сержант висел ногами в одну сторону, а Мэтт — в другую.

— Тогда с вами произойдет то же, что случается с теми, кто переходит дорогу в неположенном месте. Итак, вы двигаетесь наперерез потоку движения: старайтесь ни с кем не сталкиваться. Это ваша задача. Еще вопросы?

Вопросов не было. Сержант продолжал:

— Теперь можете отправляться и осмотреть корабль; только постарайтесь никому не мешать, чтобы не опозорить нашу третью палубу.

На третьей палубе иллюминаторов не было, но «Боливар» был космическим кораблем, рассчитанным на длительные перелеты; у него имелись комнаты отдыха с иллюминаторами. Мэтт направился к носу корабля, надеясь взглянуть на быстро удаляющуюся Землю. Он твердо запомнил, что нужно двигаться вдоль внешней

стены коридора, но некоторые пассажиры, судя по всему, не получили соответствующих инструкций или не поняли их смысл. Возле каждого люка был затор: там толпились кадеты, пытающиеся выбраться со своей палубы и посетить другую — причем не обязательно ту, где имелись иллюминаторы.

Как выяснилось, шестая палуба служила комнатой отдыха. Здесь находились корабельная библиотека — сейчас она была заперта, а также оборудование для игр — которое тоже было на замке. Но в стенах комнаты отдыха было шесть огромных иллюминаторов.

При взлете в комнате отдыха также располагались пассажиры. Теперь, в состоянии невесомости, сюда постепенно перебрались кадеты с остальных палуб. Подобно Мэтту, они надеялись посмотреть на Землю или хотя бы взглянуть на космос. Но те кадеты, которые при взлете были размещены на шестой палубе, тоже не собирались ее покидать.

Комната отдыха была переполнена.

Она была набита кадетами до отказа, как корзинка с котятами. Мэтт отпихнул рукой чей-то ботинок, норовивший влезть ему в левый глаз, и попытался протиснуться к одному из панорамных иллюминаторов. Усиленно работая коленями и локтями и нисколько не обращая внимания на правила расхождения при встрече, Мэтт сумел добраться до второго или третьего ряда кадетов, уставившихся в иллюминатор. Он положил руку на плечо кадета впереди себя и постарался отодвинуть его в сторону. Возмущенный, тот обернулся.

— Эй, ты чего толкаешься! А, Мэтт, это ты. Привет!

— Привет, Текс. Как дела?

— Вроде в порядке. Жаль, что ты так поздно пришел. Мы только что пролетали мимо спутника связи, было рукой подать. Ты бы только видел, с какой скоростью наш корабль промчался мимо него. Спутник не успел показаться, как тут же исчез за кормой. Я даже не сумел как следует его разглядеть. К тому же, от нас до него было миль десять.

— А Землю видно? — поинтересовался Мэтт, продвигаясь поближе к иллюминатору.

— Конечно.

Текс отодвинулся, и Мэтт занял его место. Край иллюминатора прорезал середину южной Атлантики. Мэтт видел дугу, простирающуюся от Северного полюса до экватора. Над Атлантикой царил полдень. За ней Мэтт видел Британские острова, Испанию и металлический отблеск песков Сахары. Коричневые и зеленые цвета суши резко выделялись на фоне темно-пурпурного океана. Еще резче выделялись ослепительно-белые облака. Взгляд Мэтта переместился к выпуклой дуге горизонта. Там все детали как-то стушевывались, казались слегка расплывчатыми и создавали поразительный эффект глубины, трехмерной выпуклости — планета действительно была круглой! И не только круглой, но и зеленой и — такой прекрасной! Мэтт поймал вдруг себя на том, что у него перехватило дыхание. Чувство тошноты бесследно исчезло.

Кто-то потянул его за ногу.

— Эй, послушай, ты что, весь день здесь торчать собрался? Дай и другим посмотреть.

С неохотой Мэтт уступил место. Он повернулся, оттолкнулся от иллюминатора, выплыл на середину отсека и потерял при этом ориентировку. В беспорядочной толпе тел Текса нигде не было видно. Тут он почувствовал, что кто-то схватил его за лодыжку.

— Я здесь, Мэтт. Давай-ка двинем отсюда.

— Давай.

Они сумели доплыть до люка и переместились на следующую палубу. Здесь иллюминаторов не было, и поэтому она казалась почти пустой. Чтобы не мешать движению, Мэтт с Тексом продвинулись в центр помещения и ухватились за поручни.

— Ну вот мы и в космосе, — сказал Мэтт. — Как тебе здесь?

— Как рыбе в аквариуме. И знаешь, оттого, что все время пытаешься определить, где верх, по-моему, очень скоро здесь заработаешь косоглазие. Желудок у тебя как? Не тошнит?

— Нет, — Мэтт осторожно сглотнул слюну. — Давай лучше про это не будем. Где тебя вчера носило? Я заходил к тебе пару раз, но твой сосед сказал, что не видел тебя после ужина.

— А, ты об этом... — на лице Текса появилось что-то вроде обиды. — Я был у мистера Динковски. Между прочим, Мэтт, ну и шутку ты со мной выкинул!

— Какую шутку?

— Помнишь, ты посоветовал мне обратиться к мистеру Динковски, чтобы он дал свое распоряжение относительно кофе в письменном виде, раз уж я сомневаюсь в его правоте. Ты даже не представляешь, в каком дурацком положении я оказался!

— Минуточку, Текс, я ничего тебе не советовал; просто сказал, что устав позволяет тебе требовать это.

— Все равно, ты меня завел.

— Даже не собирался! Мой интерес был чисто теоретическим. Ты мог поступать, как считал нужным.

— Ну ладно, замяли.

— Так что там у тебя было?

— Вчера за ужином я заказал на десерт пирог. Ну, взял его в руку — я всегда так делал, с того самого момента, как подрос и мама устала меня шлепать по рукам, — и стал есть. В общем стал я есть — откусываю куски побольше, засовываю их в рот и ем. Счастливый был, как щенок на клумбе. А Динко приказал мне прекратить это безобразие и есть пирог вилкой.

— Ну и ну. И что было дальше?

— Я сказал, что мне нужно его письменное распоряжение.

— И он, конечно, после этого от тебя отстал?

— Ты что! Он мне спокойно так отвечает: «Как вам угодно, мистер Джермэн», достает записную книжку, пишет, что предложил мне есть пирог вилкой, ставит отпечаток большого пальца, вырывает страницу и дает мне.

— И после этого ты стал есть пирог вилкой. Верно?

— А что мне оставалось. Но это только начало истории. Динко тут же пишет второе распоряжение, передает мне и просит прочитать вслух. Я и прочитал.

— А в нем что?

— Сейчас... Где-то оно было в кармане, — Текс достал из сумки листок. — Вот — читай.

— Кадету Джермэну, — прочел Мэтт, — немедленно после ужина явиться к вахтенному офицеру, захватив с собой первое письменное распоряжение, которое я ему передал. Объяснить вахтенному офицеру обстоятельства, которые привели к появлению этого распоряжения, и узнать у офицера, насколько закон-

ны распоряжения такого рода. Подпись: С. Динковски, кадет Академии, завершивший курс обучения.

— Да! — присвистнул Мэтт. — А что дальше?

— Кончил я есть пирог — само собой вилкой, раз уж Динко мне так приказал, но, сам понимаешь, аппетита у меня уже не было никакого. Между прочим, Динко при этом был — ну сама вежливость. Говорит, а сам улыбается: «Вы уж не обижайтесь на меня, мистер Джермэн. Сами знаете, устав есть устав». И потом спрашивает, а кто это, мол, подал мне такую мысль — потребовать от него письменное распоряжение.

Мэтт покраснел.

— Ты сказал, что это был я?

— Ты что, за дурака меня принимаешь? Я просто ответил, что какой-то кадет, кто — не помню, подсказал мне, что есть такой параграф девятьсот семь.

— Спасибо, Текс, выручил, — облегченно вздохнул Мэтт. — Ты — настоящий друг.

— О чем ты говоришь! Но он попросил меня передать тебе одну фразу.

— Мне?

— «Не надо».

— Что — «не надо»?

— Не знаю. Просто фраза такая: «не надо», просил тебе передать. И еще сказал, что кадеты, чересчур увлекающиеся космической юриспруденцией, часто кончают тем, что их вышибают из Патрульной службы.

— А-а... — Мэтт задумался. — Ну и как развивались события дальше? После того как ты явился к вахтенному офицеру?

— Я прибыл на мостик, и дежурный кадет разрешил мне войти в рубку. Я отсалютовал вахтенному офицеру, назвал свою фамилию и показал оба письменных распоряжения. — Текс замолчал и уставился куда-то вдаль.

— Ну? Да продолжай ты, не томи, Бога ради.

— Что ну? Ну выдал мне вахтенный офицер на полную катушку. Даже у дяди Боди не получилось бы лучше, а уж он-то это делать умел. — Текс снова замолчал, делая вид, будто воспоминание о происшедшем причиняет ему невыносимую боль. — После

этого вахтенный успокоился и объяснил мне, причем слова подбирал какие попроще, чтоб они были подоходчивей для меня, кретина. Мол, параграф девятьсот семь касается исключительно нештатных ситуаций и что кадеты-новички обязаны подчиняться старшим кадетам при любых обстоятельствах и по всем вопросам, если только устав этого не запрещает.

— Вот оно что! Но послушай, получается, что мы обязаны выполнить все их распоряжения практически по любому поводу. Это что же, значит, старший кадет может мне приказать, как делать пробор в моей прическе?

— Совершенно точно: ты произнес именно те слова, которые выбрал для примера лейтенант фон Риттер. Старший кадет не имеет права приказать тебе нарушить устав — он не может приказать ударить капитана и не может приказать тебе покорно стоять, чтобы ему было удобно выдать тебе по роже. Но его права только этим и ограничиваются. Правда, лейтенант пояснил, что старший кадет обязан руководствоваться здравым смыслом и благоразумием и что правила поведения за столом относятся как раз к этой категории. А под конец он приказал мне явиться к Динко и все ему доложить.

— Вот уж, наверно, Динко порадовался.

— Да ни капельки. — Текс наморщил лоб и посмотрел на Мэтта озадаченным взглядом. — Знаешь, что странно. Динко смотрел на это дело, будто преподал мне урок геометрии. Он сказал, что теперь, когда я убедился, что все делалось по закону, он хочет мне объяснить, почему решил научить меня правильно есть пирог. Он сказал даже, что понимает, будто я могу рассматривать этот приказ как недозволенное вмешательство в мою личную жизнь. Я ответил, что никакой личной жизни у меня больше нет. А Динко на это мне говорит, мол, ничего подобного, личная жизнь у меня есть, просто какое-то время она будет микроскопической. Затем он принялся объяснять причину, почему решил заняться моим поведением за столом. Офицер Патрульной службы, по его словам, должен уметь общаться с представителями самых разных слоев общества; если хозяйка дома, куда пригласили офицера, ест с ножа, тогда и офицер должен поступать так же.

— Ну это понятно.

— Потом он сказал, что кандидаты приезжают в Хэйуорт Холл отовсюду. Некоторые из них воспитаны в семьях и обществах, где хорошие манеры требуют, чтобы все ели из одного блюда пальцами... как это принято у мусульман. Но существуют общие правила, которые считаются нормальными среди высших слоев общества.

— Глупости! — возразил Мэтт. — Я сам видел, как губернатор Айовы закусывал, держа в одной руке сосиску, а в другой — кусок пирога.

— Наверняка это был не официальный банкет, — отмахнулся Текс. — Нет, Мэтт, мне кажется, Динко прав. Он говорил, что само по себе поведение за столом — или то, как я ем пирог, — не так уж важно, но это все складывается в общее воспитание, умение держать себя: например, нельзя говорить о смерти на Марсе или упоминать про нее в разговоре с марсианином.

— Вправду? — удивился Мэтт.

— По крайней мере, так говорит Динко. Он еще сказал, что со временем я научусь, как он выразился, «есть пирог вилкой» при самых разных обстоятельствах и на любой планете. Вот и все, на этом наш разговор закончился.

— Значит, весь вечер он читал тебе мораль?

— Ну не весь, минут десять.

— Почему тогда я не мог тебя найти? Я зашел в твою комнату перед самым отбоем, а тебя все еще не было.

— Я сидел в комнате у Динко.

— Да чем ты там занимался?

— Видишь ли, — Текс выглядел смущенным, — я писал... Я писал фразу «я всегда буду есть пирог вилкой» две тысячи раз.

Текс и Мэтт решили осмотреть весь корабль и действительно побывали на всех палубах, открытых для посещения. Но машинное отделение было заперто, а в коридор, ведущий к рубке управления, их не пустил вооруженный часовой. Они попытались снова заглянуть в иллюминаторы комнаты отдыха, но обнаружили, что теперь там был установлен порядок: у входа на палубу стоял старшина корабельной полиции и спрашивал у каждого из

кадетов, какой тот здесь уже раз, и если кадет отвечал, что не первый, сержант его не пускал.

Что касается пассажирских палуб, юноши быстро поняли, что одна ничем не отличается от другой. Они было заинтересовались работой бортовых санузлов: их необычной и хитроумной конструкцией, необходимой для нормального функционирования в космосе. Но четыре часа — слишком большой срок, чтобы потратить его целиком на осмотр душевых и сантехники; через некоторое время друзья отыскали спокойное место и в первый раз испытали самую характерную черту космических полетов — их монотонность.

Наконец, из корабельных динамиков донеслось:

— Приготовиться к ускорению! Начало через десять минут!

Юноши, вытянувшиеся на поролоновых матах и пристегнутые ремнями к палубе, почувствовали короткие рывки двигателей, разделенные довольно значительными промежутками времени, затем последовало долгое ожидание и, наконец, едва заметный толчок.

— Это нас присоединили к причальному тросу, — сказал сержант, расположившийся неподалеку от Мэтта. — Теперь они подтянут нас к себе. Ждать придется недолго.

Еще через десять минут последовала громкая команда:

— Высадить пассажиров! Попалубно!

— Отстегнуться! — скомандовал сержант и встал у люка.

Переход пассажиров с одного корабля на другой — процесс долгий, потому что соединялись корабли всего одним шлюзом. Группа кадетов, в которой находился Мэтт, ждала пока перейдут на борт учебного корабля четыре палубы, расположенные перед ними, и лишь после этого поднялась по трапу на седьмую палубу. Там был открыт люк, но за ним вместо пустоты виднелась гофрированная труба шести футов в диаметре. Посередине трубы был протянут трос. Вдоль троса, быстро перебирая руками, двигались кадеты: сейчас, в невесомости, они сильно смахивали на обезьян.

Когда пришла его очередь, Мэтт схватился за трос и стал двигать себя вперед. В пятидесяти футах за воздушным шлюзом гофрированная труба внезапно открывалась в другой отсек, и Мэтт оказался внутри своего нового дома, ПРК «Рэндольф».

6. ЧТЕНИЕ, ПИСЬМО И АРИФМЕТИКА

Патрульный ракетный корабль «Рэндольф» в свое время был мощным и современным космическим крейсером. Его длина составляла девятьсот футов, а диаметр — двести, не очень много, но и не мало. Но теперь, в качестве учебного корабля, он имел массу достаточно скромную — примерно шестьдесят тысяч тонн. «Рэндольф» висел в космическом пространстве на расстоянии десяти миль от станции «Терра», позади нее, и двигался по одной орбите со станцией. Если бы «Рэндольф» оставался под влиянием их взаимного притяжения, он начал бы медленно двигаться по орбите вокруг космической станции, масса которой была в десять раз больше; но в целях безопасности кораблей, то и дело подлетающих к станции и покидающих ее, учебный корабль удерживался на постоянном расстоянии от станции.

Осуществить это было несложно. Масса Земли составляет шесть миллиардов триллионов тонн; масса космической станции «Терра» — одна стомиллионная одной миллиардной части массы Земли — всего шестьсот тысяч тонн. На расстоянии в десять миль от нее «вес» учебного корабля «Рэндольф» равняется приблизительно одной тридцатой унции, что соответствует на Земле весу масла на половине бутерброда.

Попав на корабль, Мэтт оказался в ярко освещенном отсеке странной формы — нечто вроде куска круглого торта. Группы молодых кадетов направлялись к выходу из отсека в сопровождении старших с черными повязками на рукавах. Один старший кадет двигался к Мэтту с непринужденной грацией человека, чувствующего себя в невесомости как рыба в воде.

— Девятнадцатое отделение? Кто из вас командир?

— Я, сэр, — поднял руку Мэтт. — Я командир отделения.

Старший кадет остановился, взявшись рукой за трос, от которого Мэтт так еще и не отцепился.

— Я освобождаю вас от исполнения обязанностей командира, сэр, — сказал он. — Но пока держитесь ко мне поближе и помогите собрать этих йеху. Вы, наверно, знаете всех в лицо?

— Думаю, что да, — ответил Мэтт не очень уверенно.

— А должны бы — времени у вас было достаточно.

Мэтт даже позавидовал новому командиру отделения кадету Лопесу, когда увидел, что тот уже через несколько минут знал наизусть весь список, тогда как Мэтту приходилось то и дело заглядывать в лист бумаги, который он держал в руке. До Мэтта еще окончательно не дошло, как важны в их деле порядок и тщательная подготовка; его поразили легкость и непринужденность в поведении Лопеса. Пока Мэтт показывал на членов отделения, Лопес нырял в середину отсека и вылавливал, подобно коршуну, заблудившихся новичков. Скоро девятнадцатое отделение было собрано у одного из выходов, где они повисли, держась за поручни, как летучие мыши.

— Следуйте за мной, — скомандовал Лопес, — и не отставайте. Додсон, вы будете замыкающим.

— Есть, сэр.

Они двигались по нескончаемым коридорам, держась руками за натянутый трос, оставляя позади отсек за отсеком, за люком люк, огибая бесчисленные углы. Мэтт чувствовал, что совсем заблудился. Наконец, кадет, двигавшийся перед ним, остановился. Мэтт увидел, что отделение собралось в каком-то отсеке.

— Кушать подано, — объявил Лопес. — Это — ваша столовая. Обед через несколько минут.

За спиной Лопеса к стене были прикреплены столы и скамейки. Крышки столов глядели на Мэтта со всех сторон — они были над ним, под ним, напротив него, где угодно. Конструкция столовой казалась странной и не очень практичной.

— Что-то есть не особо хочется, — еле слышно сказал один из кадетов.

— Не верится, — возразил Лопес. — Сколько прошло после вашего завтрака? Больше пяти часов? Мы живем по тому же времени, что и Хэйуорт-холл, восьмой временной пояс по Терре. Тогда почему же вы не проголодались?

— Не знаю, сэр. Как подумаю про еду — сразу аппетит пропадает.

Лопес внезапно улыбнулся, и лицо его сразу стало таким же юным, как и у его подопечных.

— Ребята, я просто пошутил. Как только мы отделимся от «Боливара», главный механик придаст кораблю вращение. Тогда вы сможете приземлить свои мягкие задницы за столы и мирненько-спокойненько утихомирить свои желудки. У вас сразу появится аппетит. А пока отдыхайте.

В отсеке появилось еще два отделения. Пока кадеты, повиснув в воздухе, ждали, Мэтт спросил Лопеса:

— А какая скорость вращения, сэр?

— У наружной обшивки корабля сила тяжести будет равна земной. Для этого потребуется два часа — может, чуть больше; но не беспокойтесь, мы примемся за обед, как только сила тяжести позволит кротам, то есть вам, проглотить суп и не поперхнуться.

— С какой все-таки скоростью будет вращаться корабль?

— Вы арифметику знаете?

— Да, сэр.

— Так вот. «Рэндольф» имеет диаметр в двести футов и будет вращаться вокруг главной продольной оси. Квадрат скорости на внешней обшивке корабля, деленный на его радиус, — сколько оборотов в минуту?

На лице Мэтта появилось отсутствующее выражение.

— Господи, да не напрягайтесь вы так! — улыбнулся Лопес. — Представьте себе, мистер Додсон, что вы на борту корабля, падающего на поверхность планеты. Если вы не успеете сделать необходимые расчеты, корабль разобьется. Итак, какой же ответ?

— Боюсь, что в уме это у меня не получится, сэр.

Лопес оглянулся вокруг.

— Ну так кто же из вас может ответить на этот вопрос? — Молчание. Лопес скорбно покачал головой. — А вы, ребятки, еще надеетесь справиться с астрогацией. Шли бы вы уж в какой-нибудь колледж, где учат коровам хвосты крутить. Ну, ладно — скорость вращения корабля составит примерно пять и четыре десятых оборота в минуту. В результате получается сила тяжести, равная земной, — специально для женщин и маленьких детей. После этого скорость вращения будет постепенно уменьшаться — день за днем, — и через месяц мы будем снова в состоянии невесомости. У вас будет время привыкнуть — или уж как хотите.

— Но для этого потребуется огромная мощность! — воскликнул кто-то.

— Вы что, шутите? — удивился Лопес. — Вращение корабля осуществляется электрическим торможением маховиков, расположенных на главной продольной оси. На валу установлены электрические обмотки; главный механик включает систему в режиме генератора, и взаимодействие между маховиком и массой корабля приводит «Рэндольф» во вра́щение. При этом вырабатывается электричество, которое накапливается в аккумуляторах. А когда нужно замедлить или прекратить вращение, в обмотки поступает электрический ток, и система начинает работать в режиме двигателя. Все — совершенно бесплатно, если не считать небольших потерь. Усекли?

— Так точно, сэр.

— Зайдете в корабельную библиотеку, сделаете чертеж электрической схемы и покажете мне после ужина.

Кадет ничего не ответил.

— В чем дело, мистер? — резко спросил Лопес. — Вы что, не слышали?

— Да, сэр. Так точно, сэр.

— Вот это другое дело.

Кадеты очень медленно подплыли к боковой переборке, стукнулись об нее и так же медленно стали соскальзывать к наружной, к которой были прикреплены столы и скамейки. К тому времени когда они достигли переборки, скорость вращения корабля была уже достаточной, чтобы начала ощущаться сила тяжести. Кадеты встали на палубу, столы и скамейки оказались в привычном положении рядом с ними, а люк, через который они попали в отсек, стал всего лишь квадратным отверстием в потолке.

Мэтт заметил, что головокружения как не бывало; он ощущал всего лишь растущую силу тяжести. Ему все еще казалось, что он легонький как пушинка, но и этого веса было достаточно, чтобы он сел за стол и удержался при этом на скамейке; шли минуты, и с каждой из них Мэтт чувствовал, что становится тяжелее. Он оглядел стол, надеясь увидеть кнопки, с помощью которых можно выбирать блюда. Но кроме зажимов и углублений — от невесомости, подумал Мэтт, — на столе больше ничего не было.

Лопес постучал по столу.

— Вы не в санатории, джентльмены. Рассчитаться вокруг стола! — Он подождал, пока кадеты закончат расчет, и продолжил: — Запомните свои номера и порядок, в котором сидите. Первый и второй номера займутся сегодня подносом калорий. Завтра эта честь выпадет следующей паре, и так далее.

— А еду где получать, сэр?

— Откройте глаза! Вон там.

«Вон там» находилась дверца, за которой проплывала лента конвейера. Кадеты с других столов уже собрались возле нее. Двое из девятнадцатого отделения, которым было суждено сегодня играть роль официантов, отправились к дверце и скоро вернулись с большим подносом, на котором стояло двадцать порций, все упакованные в специальные посудины и горячие, прямо в руки не взять. К каждой порции были прикреплены ложка, вилка и нож, а также трубки для питья.

Мэтт обнаружил, что твердая пища здесь накрывается крышками, захлопывавшимися, если их не придерживать. Жидкая пища содержалась в контейнерах, тоже с крышками, только снабженными клапанами, в которые при желании можно было просунуть трубки для питья. Ему еще ни разу не приходилось видеть столовые приборы, приспособленные для невесомости. Они буквально восхитили его, хотя, пока «Рэндольф» вращается, вполне можно было бы обойтись обычными земными приборами. Обед состоял из бутербродов с горячим ростбифом плюс картошка, зеленого салата, лаймового щербета и чая. Во время обеда Лопес непрерывно бомбардировал своих подопечных вопросами, но Мэтт в сектор обстрела не попал. Через двадцать минут металлический поднос перед ним был отполирован до блеска. Он откинулся на спинку стула в полной уверенности, что Патруль — шарага что надо, а жить на «Рэндольфе» — это самое то.

Перед тем как отпустить своих подчиненных, Лопес объяснил, что им на сегодня предстоит. Мэтта разместили в каюте А-5197. Все жилые помещения находились на палубе «А», примыкающей вплотную к наружной оболочке корабля. Лопес даже снизошел до того, что рассказал кадетам про систему нумерации помещений на «Рэндольфе», после чего отпустил их на все четыре стороны. Вел

он себя, словом, так, что глядя на него и не скажешь, что еще год назад, сразу после прибытия на корабль, он блуждал по нему весь день.

Мэтт, разумеется, сразу же заблудился.

Выйдя из столовой, он попытался пройти через внутренние отсеки корабля, послушавшись совета космического пехотинца, который встретился ему по пути. Оказавшись рядом с продольной осью корабля, где господствовала невесомость, он полностью потерял ориентировку. Выбравшись из внутренних отсеков, Мэтт направился к наружной обшивке корабля, руководствуясь возрастающей силой тяжести. Наконец он добрался до наружной обшивки, встретил кадета с черной повязкой на рукаве и взмолился о помощи. Через несколько минут Мэтт оказался в пятом коридоре и отыскал свою комнату.

Текс был уже там.

— Привет, Мэтт. Как тебе нравится наша небесная хибара?

Мэтт положил на палубу свою сумку.

— Неплохо, но в следующий раз, когда мне надо будет куда-нибудь выйти, я привяжу конец шнурка к койке. А иллюминатор здесь есть?

— Вряд ли. А чего ты хотел? Может, тебе еще и балкон в придачу?

— Не знаю. Я вроде как надеялся, что мы сможем глядеть наружу и видеть Землю. — Он принялся ходить по маленькой каюте, заглядывая во все углы и открывая дверцы. — Где тут то самое место?

— Начинай разматывать шнур. Оно в конце коридора.

— Да, здесь не пороскошествуешь. Ну что ж, справимся как-нибудь. — Мэтт продолжил осмотр.

Каюта представляла собой общую комнату размером пятнадцать на пятнадцать футов. В двух противоположных стенках было по две дверцы, ведущих в еще более крохотные помещения.

— Послушай, Текс, — сказал Мэтт, заглянув во все комнатушки, — наша каюта рассчитана на четырех человек.

— Обратись к старшине класса.

— Интересно, кто еще будет с нами жить?

— Мне тоже. — Текс показал на лист бумаги с напечатанными правилами. — Здесь сказано, что кадеты могут — по взаимной договоренности — поменяться каютами до завтрашнего ужина. У тебя есть предложения, Мэтт?

— Нет, не знаю. Я вообще никого не знаю, кроме тебя. Да какая разница, кто будет с нами жить, только бы не храпел. И, конечно, не приведи Господь поселиться с Берком.

Стук в дверь прервал их разговор. Текс крикнул:

— Входите! — и в каюту просунулась белокурая голова Оскара Йенсена.

— Чем-нибудь занимаетесь?

— Нет, заходи.

— Ребята, у нас проблема. Нас — Пита и меня — поселили точно в такой же каюте на четверых, и наши соседи просят нас уступить место двум их приятелям. К вам уже кого-нибудь подселили?

Текс посмотрел на Мэтта, тот кивнул.

— Можешь поцеловать меня, Оскар, — Текс повернулся к Йенсену, — ведь мы, считай, что уже поженились.

Еще через час вся четверка удобно разместилась в своей новой каюте. Пит был в отличном настроении.

— «Рэндольф» — это как раз то, что мне доктор прописал, — заявил он. — Думаю, мне здесь понравится. Всякий раз когда у меня начинают болеть ноги, я перехожу на палубу «G» и мне начинает казаться, что я у себя дома. Там у меня снова мой нормальный вес!

— Да, ты прав, — согласился Текс. — Вот только если бы в Академии было еще и смешанное обучение...

— Нет, это не для меня, — покачал головой Оскар. — Терпеть не могу баб.

Текс сочувственно пощелкал языком.

— Бедный мальчик! А вот возьми, к примеру, моего дядю Боди. Он тоже считал себя женоненавистником, пока однажды...

Мэтт так и не узнал, как преодолел свой недостаток дядюшка Боди. Из динамика, установленного в центральном помещении каюты, донеслось, что его вызывают в каюту В-121. Он прибыл туда, сделав всего пару ошибочных поворотов, как раз в тот момент, когда из каюты выходил другой новичок-кадет.

— Для чего нас сюда? — спросил его Мэтт.

— Входи, — ответил кадет. — Общее знакомство.

Мэтт вошел в каюту и увидел сидящего за столом офицера.

— Кадет Додсон, сэр, — доложил Мэтт. — Прибыл по вашему приказанию.

— Садитесь, — улыбнулся офицер. — Я — лейтенант Вонг. Назначен вашим наставником.

— Моим наставником, сэр?

— Наставником, надзирателем, называйте это как угодно. Мне поручено наблюдать за тем, чтобы вы, Додсон, и еще с дюжину таких же, как вы, учили то, что вам нужно учить. Представьте себе, что я стою у вас за спиной с кнутом из бычьей кожи.

Он засмеялся. Улыбнулся и Мэтт. Лейтенант Вонг ему сразу понравился.

Вонг взял со стола папку.

— Это ваше досье. Давайте разработаем курс обучения. Я уже знаю, что вы умеете печатать на машинке, логарифмической линейкой владеете, справляетесь с дифференциальным калькулятором, знаете стенографию. Это хорошо. Какие языки кроме английского вам знакомы? Между прочим, можете не говорить на бейсике: я довольно прилично владею североамериканским английским. А на бейсике — сколько времени вы говорите?

— Э-э, видите ли, сэр, я не знаю инопланетных языков. Бейсик преподавали нам в средней школе, но я не думаю на нем, хотя и говорю. Мне приходится выбирать слова.

— Я включу вас в число тех, кто будет изучать марсианский, венерианский плюс венерианский торговый. Ваш диктофон... Вы уже осмотрели оборудование в своей комнате?

— Нет, взглянул только. Там стоял письменный стол с проектором.

— В верхнем правом ящике стола найдете кассету с инструкциями. Прослушайте ее, когда вернетесь в каюту. Диктофон вмонтирован прямо в стол — модель отличная. Он может записывать и транскрибировать не только словарь бейсика, но и специальную техническую терминологию Патруля. Если вы овладеете этим словарным запасом, то — вот увидите — его хватает даже, чтобы писать любовные письма...

Мэтт посмотрел на Вонга — но нет, лицо офицера было совершенно серьезным; Мэтт решил попридержать смех.

— ...Одним словом, время, которое вы потратите пока практикуетесь в бейсике, зря не пропадет; это пригодится даже для светских бесед. Правда, если вы назовете слово, которого нет у аппарата в словаре, он начнет бибикать — жалобно так: «бип-бип», — пока вы сами ему не поможете. Теперь относительно математики: вижу, вы не знакомы с тензорным исчислением.

— Совершенно верно, сэр. В школе мы его не проходили.

Вонг печально покачал головой.

— Иногда мне кажется, что нынешнее образование только на то и расчитано, чтобы отбить у человека всякое желание учиться. Если бы кадеты приходили к нам, уже овладев всеми теми вещами, которые может — да что может, должна! — выучить любая юная человеческая особь, Патруль не нес бы таких потерь. Ну, ладно, тензорным исчислением мы займемся немедленно. Нельзя изучать ядерную технику, не зная ее языка. Скажите, Додсон, вы учились в обычной школе? Декламация, ежедневные домашние задания и так далее?

— Более или менее. Наш класс был разбит на три группы.

— Вы были в какой?

— В группе быстрого обучения, сэр. По большинству предметов.

— Это хорошо, но мало. Боюсь, сынок, вас это сильно удивит. У нас нет классных комнат и учебных курсов. Если не считать занятий в лаборатории и совместных тренировок, вы будете работать один. Я понимаю, что приятно сидеть в классе и о чем-нибудь мечтать, пока учитель спрашивает других, но на такую роскошь у нас просто нет времени. Слишком многому вам нужно научиться. Вот хотя бы обучение другим языкам; вам приходилось учиться под гипнозом?

— Нет, сэр.

— Тогда с этого и начнете. Сейчас пойдете в отдел психологического преподавания и возьмете первый урок венерианского языка. В чем дело, Додсон, вы чем-то недовольны?

— Извините меня, сэр, но... а без этого... без гипноза — что, нельзя?

— Нельзя. Все, что можно изучить под гипнозом, вы будете изучать под гипнозом, чтобы у вас было время для более важных предметов.

— Понимаю, сэр. Для таких, как астрогация.

— Ну что вы, Додсон! Астрогация к этим предметам не относится. Любой десятилетний мальчишка может научиться прокладывать курс космического корабля, если у него есть способности к математике. Это предмет для детского сада, Додсон. Управление космическим кораблем и ведение военных действий — не самое главное, чему обучаются в Академии, далеко не самое главное. Гораздо важнее познать окружающий мир, планеты и их обитателей — изучить инопланетную биологию, историю, культуру, психологию, законодательство и органы управления разных планет, соглашения и конвенции, планетарные экологии, экологию Системы, межпланетную экономику, законы экстерриториальности, сравнительные религиозные обычаи, космическую юриспруденцию — и это лишь часть предметов, которые надо знать в первую очередь.

— Боже мой! — Мэтт уставился на лейтенанта широко раскрытыми глазами. — Сколько же на все это нужно времени?

— Сколько времени, говорите? Пока не уйдете в отставку, вот сколько. Но даже эти предметы не являются целью вашего обучения в Академии. Это всего лишь основа. Настоящая ваша задача состоит в том, чтобы научиться думать — а это значит, что нужно познать основополагающие предметы: гносеологию, научную методологию, семантику, структуру языков, системы этики и морали, различные типы логики, мотивационную психологию и тому подобное. Наш метод образования основывается на том, что человек, способный правильно мыслить, неизбежно будет придерживаться морального поведения или того, что мы называем «моральным». Что такое моральное поведение для патрульного офицера, Мэтт? Друзья ведь зовут вас Мэтт, правда?

— Так точно, сэр. Моральное поведение для патрульного офицера...

— Ну-ну, продолжайте.

— Мне кажется, это значит выполнять свои обязанности, не изменять присяге... и все такое.

— А чего ради офицер Патрульной службы должен придерживаться этих принципов?

Мэтт молчал. На его лице появилось упрямое выражение.

— Возьмем, к примеру, обязанности. Объясните мне, а почему, собственно, вы должны их выполнять? Ведь при этом вы можете погибнуть, и часто смерть бывает мучительной. Ладно, не отвечайте. Наша главная задача заключается в том, чтобы вы поняли, как работает ваше собственное сознание. Если нам удается воспитать человека, который действует в согласии с целями Патруля, потому что его мозг — когда он умеет им пользоваться — работает соответствующим образом, тогда прекрасно. Мы присваиваем ему звание. Если нет — нам приходится с ним расстаться.

Мэтт так долго молчал, что Вонг не выдержал и спросил:

— В чем дело, юноша? Я хочу, чтобы вы были со мной откровенны.

— Видите ли, сэр, я готов работать изо всех сил, чтобы стать офицером. Но то, что вы мне сейчас сказали, по-моему, это для меня слишком. Да взять хотя бы всю эту массу предметов, о которых я и не слышал-то никогда. Ну хорошо, предположим, я с ними справился. А потом? Потом кто-то приходит к выводу, что мое сознание не действует как надо. Нет, сэр, должно быть, это работа для супермена.

— Вроде меня, — усмехнулся Вонг и напряг мускулы. — Может быть, ты и прав, Мэтт, но в мире нет суперменов, так что нам остается только выжимать все возможное из таких сопляков, как ты. Ладно, хватит об этом; давай составим список кассет, которые тебе понадобятся.

Список получился длинным. Мэтт удивился — впрочем, приятно, — когда обнаружил, что в него входят кассеты с литературными записями. Он показал Вонгу на кассету, которая заставила его несколько призадуматься: «Введение в лунную археологию».

— А зачем мне это? Ведь Патрульная служба с селенитами дел не имеет, они же вымерли миллионы лет назад.

— Для расширения кругозора. Вместо лунной археологии я мог бы предложить тебе современную французскую музыку. Офицер Патрульной службы не должен ограничивать свое образование только теми предметами, которые обязательно ему пригодятся.

Итак, я помечаю здесь те предметы, которые понадобятся тебе в первую очередь; теперь отправляйся в библиотеку, забери кассеты и — сразу в психологическую лабораторию на первый сеанс гипноза. Примерно через неделю, когда освоишь весь этот материал, приходи ко мне — поговорим.

— Вы хотите сказать, что мне надо выучить все, что здесь записано, за одну неделю?

— Совершенно верно. Разумеется, работать придется только в неслужебное время. Днем ты будешь занят тренировками и лабораторными занятиями. Так что приходи через неделю, и мы увеличим объем. Ну, за дело!

— Но... Есть, сэр!

Мэтт разыскал отдел психологического обучения и через несколько минут усталый специалист отдела, одетый в форму штабного управления космической пехоты, провел его в крохотную комнатку.

— Устраивайтесь в кресле поудобнее, — сказал он. — Голову откиньте на спинку. Это ваше первое занятие?

Мэтт признался, что первое.

— Вам должно понравиться. Есть парни, которые приходят к нам, чтобы отдохнуть: они уже освоили больше, чем следует. Так что же мы будем изучать?

— Введение в венерианский.

Специалист что-то произнес в стоящий на столе микрофон.

— Был у нас недавно забавный случай, — заметил он. — Месяц назад пришел кадет-выпускник, которому захотелось освежить свои знания в электронике. Техник что-то напутал, и кадет приобрел массу ненужных сведений из области патологии желудка. Вытяните левую руку. — Специалист направил пучок обеззараживающих лучей на кожу у локтя и сделал инъекцию. — Теперь ложитесь и следите за раскачивающейся лампочкой. Расслабьтесь... не напрягайтесь... закройте глаза... расслабьтесь... вам... приятно... засыпаете...

Кто-то стоял перед ним, держа в руке шприц.

— Все. Я ввел вам противодействующее лекарство.

— Как? — ничего не понимая, спросил Мэтт. — Что-нибудь случилось?

— Посидите, не двигаясь, пару минут и потом можете идти.

— Что, не подействовало?

— Что — не подействовало? Не знаю, какое у вас было задание, я только что заступил на смену.

Мэтт вернулся к себе в каюту. Настроение у него было подавленным. Он побаивался гипноза, но теперь, когда понял, что его организм не поддался обучению под гипнозом, Мэтт чувствовал себя еще хуже. Он подумал, что теперь ему точно не одолеть такой объем учебной работы, раз уж придется пользоваться привычными методами, особенно изучая языки. «Ничего не поделаешь — завтра пойду снова к лейтенанту Вонгу и все ему расскажу», — решил Мэтт. В каюте он нашел одного Оскара, который, влезши на стул, пытался укрепить в стенке крюк. Рядом, прислоненная к стулу, стояла картина в рамке.

— Привет, Оскар, — поздоровался Мэтт.

— Привет, — ответил Оскар и на мгновение повернулся к нему; и тут же дрель, которой он сверлил отверстие в переборке, соскользнула и ободрала ему костяшки пальцев. Оскар принялся ругаться на странном, шепелявом каком-то языке:

— *Пусть мои проклятия преследуют эту мерзость до самого дна всемирного ила!*

Мэтт неодобрительно покачал головой:

— *Приглуши голос, о ты, нечестивая рыба!*

Оскар изумленно смотрел на него:

— Мэтт, а я и не знал, что ты знаешь венерианский!

У Мэтта отвисла челюсть. Он закрыл рот, снова открыл его и сказал:

— Я тоже.

7. ПРЕВРАЩЕНИЕ В КОСМОНАВТА

Поджав ноги к груди, сержант повис в воздухе.

— На счет «раз» займите исходное положение: ступни при этом должны быть в шести дюймах от переборки. На счет «два» упритесь ступнями в переборку и оттолкнитесь, вот так! — он уперся ногами в стальную переборку и полетел через отсек, не

переставая объяснять. — Продолжаете считать до четырех, на счет «пять» поворачиваетесь, — его тело свернулось в клубок и сделало полуоборот, — прекращаете вращение, — тело выпрямилось, — и на счет «семь» касаетесь ногами противоположной переборки.

Его носки коснулись стенки и он продолжил объяснения:

— После касания мягко сгибаете ноги в коленях, гася инерцию движения таким образом, чтобы все время сохранять контакт с переборкой и не отскочить от нее, — сержант согнул колени и, как пустой мешок, застыл в воздухе рядом с местом, которого коснулись его ступни. Тренировки проводились в цилиндрическом отсеке диаметром футов в пятьдесят, расположенном в центре корабля. Отсек был установлен на подшипниках и непрерывно вращался в направлении, противоположном вращению корабля, причем с такой же угловой скоростью; таким образом отсек оставался неподвижным по отношению к окружающему пространству. Войти в него можно было только через люк в центре вращения.

Это был крохотный островок «свободного падения» — гимнастический зал для тренировок в состоянии невесомости. Дюжина кадетов висела, уцепившись за длинный поручень, протянувшийся вдоль стены отсека от носа в сторону кормы, и следила за сержантом. Среди них был и Мэтт.

— А теперь, джентльмены, попробуем снова. Начинаем считать: один, два, три...

Уже при счете «пять», когда кадеты должны были одновременно с легкостью и изяществом повернуться в воздухе, исчез даже малейший намек на порядок. Некоторые столкнулись друг с другом, двое, задев один другого в полете и потеряв при этом инерцию, медленно и не зная, что делать, плыли в дальний угол отсека, а один даже забыл отпустить поручень и так и оставался на месте. На лицах тех, кто дрейфовал в дальний угол, застыло выражение растерянности и беспомощности, как у собаки, пытающейся зацепиться когтями за гладкий лед. Они безуспешно размахивали руками и ногами, стараясь остановиться.

— Да не так, не так, кому говорю! — в отчаянии завопил сержант, закрывая ладонями лицо. — Глаза б мои на вас не смотрели. Джентльмены, ну пожалуйста! Хоть немного координации!

И что вы все время бросаетесь на противоположную переборку, вы ж не эрдельтерьеры какие-нибудь, которые в драку рвутся. Медленный, уверенный толчок — вот так!

Сержант оттолкнулся от переборки, пролетел наискось, подхватил по пути двух дезертиров и медленно проплыл с ними к поручню.

— Хватайтесь и займите свои места, — скомандовал он. — А теперь, джентльмены, еще раз. Приготовились! Считаем: плавный толчок, мягкое касание — раз!

Через несколько секунд сержант твердо заявил, что легче кошку научить плавать.

Мэтт не обижался. Ему удалось достичь дальней переборки и остаться у нее. Пусть без легкости, пусть неуклюже, пусть не у того места, куда он рассчитывал, но все-таки после десятка неудачных попыток Мэтт достиг своей цели. И с того момента, когда это случилось, он уже считал себя космонавтом. После того как сержант их отпустил, Мэтт поспешил к себе в каюту, поставил в проектор кассету с уроком по марсианской истории и принялся за работу. Искушение остаться в тренировочном зале и продолжить упражнения в невесомости было велико; уж очень ему хотелось обрести «космические ноги» — сдать экзамен по акробатике в невесомости. Ведь те, кто его уже сдал, получали право на работу в открытом космосе, а также — раз в месяц — разрешение на увольнение на станцию «Терра».

Несколько дней назад у Мэтта состоялась беседа с лейтенантом Вонгом. Беседа была короткой, говорил лейтенант язвительно и все сводилось к тому, как эффективно Мэтт использует свое время. Еще раз выслушивать подобные речи Мэтту не хотелось — и не из-за пяти отрицательных баллов, которые будут занесены в его учебную ведомость. Откинув голову на спинку кресла, он сосредоточился на повествовании, одновременно глядя на цветные стереофотографии, которые мелькали перед ним на экране, иллюстрируя спокойную красоту богатой событиями истории древней планеты.

Проектор очень напоминал аппарат, которым Мэтт пользовался для учебы у себя дома, только здесь он был куда более совершенным, воспроизводил на экране объемное изображение и

был соединен с диктофоном. Мэтт обнаружил, что это экономит уйму времени. Он мог, например, прервать лекцию, продиктовать краткое содержание услышанного и прочитать запись на экране. Стереопроектор приносил немалую пользу и при изучении технических предметов.

— Сейчас вы входите в рубку универсальной ракеты типа А-6, — звучал в наушниках голос невидимого преподавателя, — и начинаете отрабатывать посадку на Луну.

Кадет наблюдал на экране, как перед ним появлялся вход в рубку, панель управления, и дальше видеокамера занимала место, где находится голова пилота. На экране перед пилотом возникала похожая до мельчайших подробностей картина подлета к Луне и посадки.

Или это могла оказаться кассета, рассказывающая о космических скафандрах.

— Перед вами скафандр типа «М», рассчитанный на четырехчасовое пребывание в космосе, — говорил голос. — Пользоваться этим скафандром можно где угодно, начиная от орбиты Венеры. В ранце скафандра находится маломощный ракетный двигатель, дающий массе в триста фунтов суммарное изменение скорости пятьдесят футов в секунду. Встроенная рация при связи «скафандр–скафандр» имеет радиус действия пятьдесят миль. Нагрев и охлаждение производится... — К моменту когда наступило время для тренировок, Мэтт знал о скафандрах все, что только можно узнать без практических занятий.

Его очередь настала после того, как Мэтт сдал экзамен на владение телом в состоянии невесомости. Он еще не закончил курс тренировок при свободном падении — оставались групповые тренировки, занятия по рукопашной борьбе в невесомости, по применению личного оружия и другие тонкости, — но экзаменаторы пришли к выводу, что телом своим он владеет уже достаточно умело. К тому же он мог теперь заниматься теми видами спорта, которые практикуются в невесомости: борьба, хай-лай и некоторые другие, тогда как раньше он мог заниматься одними шахматами. Мэтт выбрал космическое поло, игру, совмещающую элементы водного поло с рукопашной борьбой, и начал играть в низшей группе местной лиги космического поло — группе «расквашенных носов».

Он вынужден был пропустить первое практическое занятие со скафандрами, потому что на одной из тренировок ему, и вправду, расквасили нос. Из-за этого Мэтту пришлось дышать ртом, а респиратор космического скафандра типа «М» требует, чтобы вдох делался через нос, а выдох — через рот. Но уже на следующей неделе он был готов к практическим занятиям и буквально сгорал от нетерпения. Инструктор приказал кадетам своей группы надеть скафандры, не объясняя как это делается; он нисколько не сомневался, что они изучили пленки с инструкцией.

Вращение корабля, создававшее искусственную силу тяжести, было остановлено несколько дней назад. Мэтт свернулся в клубок, плавая в невесомости, и развернул скафандр. Надеть скафандр — вернее сказать, влезть в него — оказалось непростым делом; через несколько мгновений Мэтт обнаружил, что пытается сунуть обе ноги в одну штанину. Он вылез наружу и повторил попытку. На этот раз шлем свалился внутрь самого скафандра.

Большинство кадетов было уже готово к выходу в космос. Инструктор подплыл к Мэтту и недовольно спросил:

— Вы сдали испытания по владению телом в невесомости?

— Да, — ответил Мэтт несчастным голосом.

— Трудно поверить. Вы ведете себя, как черепаха, которую перевернули вниз панцирем. Вот.

И инструктор взялся руками за скафандр, удерживая его; со стороны это выглядело, будто он одевал малыша в зимний комбинезон. Мэтт сгорал от стыда. Затем инструктор проверил основные параметры — давление в баллонах, давление внутри скафандра, запас ракетного топлива, концентрацию кислорода внутри скафандра, содержание кислорода в крови (оно измерялось фотоэлектрическим датчиком, закрепленным за мочку уха) и, наконец, надежность радиосвязи между скафандрами. Убедившись, что все в порядке, он указал на шлюз.

По мере того как давление в шлюзе падало, скафандр постепенно раздувался. Двигать руками и ногами стало немного труднее.

— Пристегнуть страховочные тросы! — скомандовал инструктор.

Мэтт приготовил трос с карабином и ждал своей очереди. В крошечных динамиках шлемов было слышно, как кадеты докладывают: «Номер один готов! Номер два готов!».

— Номер три готов! — отрапортовал Мэтт в микрофон шлема и защелкнул карабин на поясе стоящего перед ним кадета.

Когда все были пристегнуты друг к другу, как альпинисты в связке, инструктор пристегнул свой трос и открыл наружную дверь шлюза. Перед ними открылась безбрежная пустота, усыпанная мириадами звезд.

— Закрепиться на поверхности корабля! — послышалась команда инструктора; он сам первым шагнул вперед, и его ботинки прилипли к обшивке.

Мэтт сделал то же самое и почувствовал, как магниты, находящиеся внутри подошв, притянули их к стальной стенке.

— Следуйте за мной, друг от друга не отставайте!

Инструктор прошел по стене шлюза и присел на его краю, осторожно поставив ногу на наружную обшивку корабля; ботинок другой ноги продолжал оставаться внутри шлюза, носком внутрь. Потом той ногой, что была снаружи, инструктор пошарил по внешней поверхности и, наконец, закрепил ботинок. После этого инструктор оторвал подошву от стенки шлюза и почти исчез из виду, потому что теперь он стоял перпендикулярно к обшивке. Следуя за кадетом, который шел впереди, Мэтт приблизился к самому краю шлюза. Поворот на девяносто градусов, чтобы совершить шаг наружу и поставить один сапог на внешнюю обшивку, оказался для него слишком сложным; ему пришлось схватиться руками за край наружного люка. И все-таки Мэтт сумел выбраться наружу и «встать». Строго говоря, и здесь не было понятия «верх» и «низ»: кадеты по-прежнему находились в невесомости, но стальная обшивка была полом «под» ними, они прилипли к ней, словно мухи к потолку.

Он сделал пару осторожных шагов. Казалось, он идет, погружаясь ногами в вязкую глину. Это, и вправду, было похоже на прогулку по мокрой глине, ноги крепко прилипали к кораблю, затем неожиданно отрывались от него. К этому надо было привыкнуть. Они вышли из шлюза на «темной» стороне корабля.

Солнце, Луна и Земля находились на противоположной стороне, где-то под ногами. Не было видно даже станции «Терра».

— За мной, — послышался в шлемах кадетов голос инструктора. — Не отставать.

Инструктор двинулся по изгибающейся поверхности корабля. Кадет, который шел в связке одним из последних, попытался оторвать магнитные подошвы своих сапог от корабельной обшивки, причем обе одновременно. Наконец ему это удалось: он присел, подпрыгнул и оторвался от корабля — и теперь уже не мог вернуться обратно. Кадет медленно поплыл в бездонную пустоту космоса, пока его страховочный трос не потянул за собой предыдущего и того, который шел сзади. Один из них как раз оторвал ногу, чтобы шагнуть вперед, неожиданный рывок поднял вверх и его, как ни старался он дотянуться ногами до обшивки. Кадет, следующий за ним, был в связке последним, и тоже не сумел удержаться.

Остальные кадеты продолжали стоять на поверхности корабля: энергия не такого уж сильного прыжка первого из тройки кадетов вся вышла на последовательные рывки страховочных тросов, и все-таки трое неудачников висели теперь в пространстве, неуклюже извиваясь и дергаясь на страховочном тросе.

Инструктор даже не оборачивался: быстренько оценил ситуацию и мгновенно присел. Он тут же нашел то, что искал, — стальное кольцо, закрепленное в крохотной нише, и защелкнул на нем страховочный трос. Убедившись в том, что теперь связка надежно держится на поверхности корабля, инструктор отдал приказ:

— Номер девять, тяните их к себе. Плавно, очень плавно, вот так. Только не сорвитесь сами!

Через несколько секунд беглецы коснулись стальной обшивки и прилипли к ней намагниченными подошвами сапог.

— А теперь, — голос инструктора звучал угрожающе, — кто из вас собирается отвечать за эту дурацкую выходку?

Провинившиеся молчали.

— Долго будете в молчанку играть? — резко бросил инструктор. — Или прикажете все списать на случайность? Только не надо мне вкручивать: невозможно оторвать обе ноги от обшивки

просто так — для этого нужно подпрыгнуть. Давайте, колитесь, или я отправлю всех троих к коммдору!

После упоминания этого ужасного слова послышался тихий робкий голос:

— Это я сержант.

— Поднимите руку, чтоб я вас видел. Я что, по-вашему, телепат?

— Варгас, сэр, номер десять, — провинившийся кадет поднял руку.

— О'кей. Давайте обратно к шлюзу, вся группа, только без спешки и чтоб ничего такого. Держитесь плотнее друг к другу.

Когда связка была у шлюза, сержант скомандовал:

— А теперь, мистер Варгас, идите внутрь корабля. Отстегните страховочный трос, защелкните его на скобку внутри шлюза и ждите нашего возвращения. Будете проходить испытание повторно — примерно через месяц.

— Но сержант...

— Молчать! Никаких споров, а то я доложу, что вы пытались уйти в самоволку.

Варгас молча исполнил распоряжение инструктора. Сержант наклонился, заглянул в шлюз, убедился, что кадет надежно закреплен страховочным тросом, и выпрямился.

— За дело, джентльмены, начнем все сначала. И больше без фокусов! Это работа, а не вечер танцев.

— Сержант Ханако... — спросил Мэтт.

— Да? Кто это?

— Додсон, сэр. Номер три. А если бы мы все оторвались от корабля?

— Нам пришлось бы возвращаться с помощью ракетных ранцевых двигателей.

Мэтт немного подумал:

— А если бы у нас не было ранцевых ракет?

— Тоже ничего страшного. Вахтенный офицер знает, что у нас тренировка за пределами корабля; радиорубка слушает наши переговоры. Они просто следили бы за нами с помощью радара, потом послали бы скутер и доставили обратно на борт. И все-таки слушайте — надеюсь, меня все слышат? То, что за вами постоян-

но следят и беспокоятся о вашем драгоценном здоровье, совсем не значит, что вы можете вести себя подобно школьницам на лужайке. Это самая страшная, самая мучительная смерть: одному, в космосе, внутри скафандра — задохнуться от недостатка кислорода, — он помолчал. — Однажды я видел труп космонавта, погибшего вот так; его нашли и доставили обратно на борт.

После того как они обошли выпуклый борт корабля, над их металлическим горизонтом показалась огромная сфера Земли. Внезапно откуда ни возьмись вынырнул ослепительный диск Солнца.

— Осторожно, берегите глаза! — раздался возглас сержанта.

Поспешным движением Мэтт установил стекло шлема на максимальную степень защиты. На Солнце он и взглянуть не пытался: вот уже несколько раз его сверкающие лучи ослепляли Мэтта, когда он смотрел через иллюминаторы каюты отдыха. Не помогала при этом даже металлическая монета, которой он старался как можно точнее закрыть диаметр светила, то отодвигая ее от лица, то придвигая к себе поближе. Ему хотелось увидеть протуберанцы и призрачную солнечную корону, но Мэтт так и не добился успеха. Обычным результатом его наблюдений была головная боль и круги, плавающие перед глазами.

Но видеть родную Землю — это не утомляло никогда: на нее он готов был смотреть сколько угодно.

Планета висела прямо перед ним — огромная, прекрасная, многоцветная; отсюда, с наружной поверхности корабля, она почему-то казалась более реальной, чем когда видишь ее из иллюминатора. Земля почти закрывала созвездие Водолея; она казалась такой огромной, что, будь она в созвездии Ориона, наверняка закрыла бы гигантского охотника от Бетельгейзе до Ригеля.

Прямо перед ним виднелся Мексиканский залив. Выше распростерся североамериканский континент, словно поварским колпаком украшенный на макушке сверкающими льдами Северного полюса. В затухающем свете позднего северного лета полярные льды были по-прежнему ярко освещены. Линия восхода Солнца уже прошла через американский континент, за исключением западного края Аляски; но центральная часть Тихого океана все еще пряталась под покровом ночи.

— А что это за яркая точка в середине Тихого океана? Гонолулу? — спросил кто-то.

Гонолулу Мэтта не интересовал; вот если бы ему удалось разглядеть Де-Мойн. Но на этот раз долину Миссисипи закрыли облака, и Де-Мойн он так и не разглядел. Иногда, когда над Айовой было безоблачное небо, ему случалось видеть Де-Мойн невооруженным глазом. Если же в Северной Америке была ночь, он всегда мог определить, какое из ожерелий сверкающих огней его родной город; или думал, что может определить.

Сейчас Земля висела перед кадетами в таком положении, что Северный полюс был для них «наверху». Далеко справа, на расстоянии ширины корабля от Земли, почти закрывая Регул, в созвездии Льва виднелось Солнце, а примерно на полпути между Солнцем и Землей, в созвездии Девы, висела ущербная Луна. Как и Солнце, Луна казалась ничуть не больше, чем она виделась с Земли. Сверкающая металлическая обшивка космической станции «Терра», располагавшейся между Солнцем и Луной в девяностах градусах от Земли, светилась ярче Луны. Станция находилась в десяти милях от «Рэндольфа» и на глаз была раз в шесть больше земного спутника.

— Хватит по сторонам глазеть, — скомандовал Ханако. — Давайте-ка погуляем. Вам нужно тренироваться в ходьбе.

Кадеты двинулись вперед, осматривая корабль и лишь теперь понимая, какой все-таки он огромный. И тут сержант их остановил.

— Еще несколько шагов, и мы устроим грохот прямо над головой коммодора. А вдруг он прилег отдохнуть.

Связка повернулась и направилась к корме. Ханако разрешил кадетам подойти к самому краю и взглянуть на зияющие отверстия его гигантских дюз, но через несколько секунд отвел их назад.

— Хотя «Рэндольф» не включал своих двигателей уже несколько лет, этот участок корабля все еще горячий — в смысле, радиоактивный. А вы не защищены от излучения реактора; он расположен за девяносто третьим кормовым шпангоутом. Теперь вперед!

Сержант подвел кадетов к средней части корабля, отстегнул от своего пояса страховочный трос кадета, следующего за ним, и закрепил его за скобу на корпусе корабля.

— Номер двенадцать, — скомандовал он, — пристегнуться к скобе запасным тросом.

— Чтобы овладеть искусством передвижения в космосе с помощью ранцевого двигателя, — начал Ханако, — нужно научиться балансировать телом на ракетной струе — тяга двигателя должна проходить через ваш центр тяжести. Если ошибетесь и сразу не скорректируете ошибку, будете кувыркаться и только зря переводить ракетное топливо. Придется потратить до черта времени, чтобы остановить эти ваши кувырки. Это ничуть не сложнее, чем удерживать на кончике пальца трость, но с непривычки может показаться и сложным. Для начала надо установить прицел, — продолжил сержант и нажал на кнопку у себя на поясе; примерно в ярде от его шлема появилось маленькое металлическое кольцо на тонком стержне. — Выбирайте звезду поярче или любую отдаленную цель, в направлении которой вы собираетесь двигаться. Затем займите исходное положение. Да погодите вы! Рано еще! Сначала я сам покажу, как это делается.

Он присел, оперся руками о поверхность корабля, медленно, осторожно оторвал магнитные подошвы сапог от стальной обшивки и сразу же прекратил движение, ухватившись за ближайшего из кадетов. Затем сержант повернулся и вытянулся во весь рост так, что теперь он плыл спиной к кораблю, вытянув руки и ноги. Ракетная дюза, выглядывающая из его ранцевого двигателя, была направлена от поясницы сержанта прямо в сторону корабля; прицел торчал перед шлемом с противоположной стороны.

— Держите наготове правую руку на пусковой кнопке ракетного двигателя, — продолжал он. — А теперь, ну-ка, ребята, вспомните: вам когда-нибудь приходилось видеть на сцене балетную пару, исполняющую адажио? Понимаете, о чем я говорю: парень в леопардовой шкуре и девушка, на которой и того меньше? Видели, как они танцуют? Как он ее подхватывает?

— Да, — донесся нестройный хор голосов.

— Тогда вы знаете, что я имею в виду. В конце они всегда исполняют один и тот же номер — девушка прыгает и партнер поднимает ее над головой, удерживая на одной руке. Он держит девушку, упершись в ее поясницу, а она откидывается назад, балансируя на его ладони. На ракетной струе надо балансировать

точно так же. Тяга толкает вас в поясницу, и вам нужно сохранять равновесие. Только в этом случае балансировать должны *вы:* если толчок не будет направлен точно в ваш центр тяжести, ваше тело начнет поворачиваться. Вы сразу это заметите, следя за намеченной целью через прицел. В этом случае нужно сразу ввести коррекцию, а не дожидаться, что будет дальше. Для этого вы смещаете центр тяжести, подтягивая к себе руку или ногу на той стороне, в которую вас начало разворачивать. Весь фокус в том, чтобы...

— Одну минуту, сержант, — послышался чей-то голос, — вы все перепутали. Вы хотели сказать — подтянуть руку или ногу на противоположной стороне, верно?

— Кто это говорит?

— Лэтроп, сэр... Номер шесть.

— Я сказал именно то, что хотел, мистер, Лэтроп.

— Но...

— Ладно, валяйте, делайте по-своему. Остальная группа будет делать так, как я сказал. Не будем зря тратить время. Вопросы? О'кей, держитесь подальше от струи.

Кадеты, выстроившиеся полукругом, сделали пару шагов назад. Дальше они не могли — их удерживали натянутые страховочные тросы. Из двигателя сержанта хлестнул ярко-оранжевый язык пламени, и сержант двинулся прямо от корабля, «вверх», сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. Его радиоканал оставался открытым, и Мэтт слышал приглушенный рев ракетного двигателя и отсчет секунд, который вел сержант:

— И раз, и два... и три...

На счете десять отсчет прекратился и пламя исчезло.

Инструктор находился в пятидесяти футах «над» ними и продолжал удаляться спиной к кадетам. Он не прекращал объяснять.

— Поворачиваться вы будете все равно — хоть немного, да будете, — как бы хорошо вы не умели балансировать на оси тяги. Когда вам захочется изменить направление движения, сожмитесь в клубок... — сержант подтянул к груди ноги и руки, — ...для ускорения поворота и распрямитесь, когда увидите, что направление правильное.

Он мгновенно вытянул руки и ноги, и кадеты увидели, что теперь сержант развернулся в их сторону.

— Снова включайте двигатель и балансируйте на оси тяги, чтобы удержаться на выбранном направлении, иначе вас развернет дальше.

Сержант тем не менее не включил ракетный двигатель и продолжал удаляться от корабля. Его медленно разворачивало в сторону. Он продолжал лекцию:

— Повернуться, куда вам надо, и вовремя включить двигатель, — это вы всегда сможете. На это и четверти секунды хватит. Например, нужно мне добраться до станции...

В этот момент станция «Терра» находилась почти под прямым углом от направления, в котором двигалось тело сержанта. Ханако проделал несколько телодвижений, напоминающих судороги обезьяны, которая в мучительных конвульсиях отдает концы, и снова раскинулся как медуза, но уже лицом к станции: на этот раз — медленно вращаясь, подобно человеку, делающему «колесо», — ось вращения при этом осталась как и была.

— Но мне не надо на станцию, я хочу вернуться на корабль.

Новые судороги, после которых сержант оказался лицом к кадетам. На этот раз он включил двигатель и снова начал считать до десяти. Он повис в пространстве, неподвижный по отношению к кораблю и группе учеников, на расстоянии около четверти мили от них.

— Сейчас я подлечу к вам и сяду на двигателе, чтобы сберечь время.

В космосе вспыхнуло пламя ракетного двигателя и не гасло в течение двадцати секунд; сержант быстро приближался к кораблю. Когда сержант был в паре сотен футов от «Рэндольфа», он перевернулся и направил струю в их сторону, словно собираясь улететь от корабля снова. Но через десять секунд пламя погасло. В результате этих маневров сержант теперь находился на расстоянии пятидесяти футов и приближался к кораблю со скоростью десяти футов в секунду. Он снова сжался в комок, а когда развернулся, его ноги были направлены к кораблю. Через пять секунд магнитные подошвы его сапог мягко коснулись стальной обшивки, и он присел, смягчая толчок при посадке.

— Но для первого раза ваш полет будет немного не таким, — продолжал объяснять сержант. — В моем ранце больше топлива,

чем у вас: запас топлива для ваших ракетных двигателей рассчитан на пятьдесят секунд непрерывной работы, причем каждую секунду будет происходить изменение скорости движения на один фут в секунду; но это для массы в триста фунтов — те, которые потощее, будут двигаться малость быстрей.

— Итак, какой будет ваш полет: десять секунд включенного двигателя при непрерывном счете секунд. Затем поворачиваетесь как можно быстрее, включаете двигатель на пятнадцать секунд и возвращаетесь обратно. Это значит, что вы коснетесь обшивки корабля на скорости пять футов в секунду. На такой скорости даже ваша бабушка, страдающая от ревматизма, сможет совершить посадку, не отскочив от обшивки. Лэтроп! Отстегните трос — вы будете первым.

Когда кадет подошел к нему, сержант пристегнулся к обшивке корабля двумя короткими тросами и снял с пояса бухту с еще одним тросом — очень длинным и тонким. Один конец Ханако пристегнул к поясу кадета, другой — к своему. Лэтроп смотрел на происходящее с явным неодобрением.

— Вы считаете это необходимым, сержант?

Инструктор посмотрел на него ледяным взглядом.

— Прошу прощения, командор, таковы правила. А теперь заткнись. И приготовься.

Кадет молча повернулся и отделился от корабля, подталкиваемый вперед языком пламени, растущим у него из спины. Сначала он двигался по прямой, затем начал поворачиваться. Кадет попытался скорректировать отклонение, подтянул ногу — и тут же перевернулся вверх ногами.

— Лэтроп, выключайте двигатель! — рявкнул Ханако.

Оранжевое пламя исчезло, но фигура в космическом скафандре продолжала удаляться, делая кувырок за кувырком. Ханако травил длинный страховочный трос. — Здоровая рыбка угодила мне на крючок, ребята, — добродушно пробормотал он. — Как вы думаете, сколько в ней весу? — Наконец, он потянул за трос, и Лэтроп начал вращаться в другую сторону: за время пока он кувыркался, трос успел обмотаться вокруг него. Когда он освободился, сержант подтянул кадета к себе.

Лэтроп встал на обшивку, и магнитные подошвы с легким щелчком притянули его к стальной поверхности.

— Вы были правы, сержант, — послышался его голос. — Можно мне еще раз попробовать, как вы учили.

— Нет уж, придется обождать. В правилах говорится, что для этого упражнения требуется полный запас топлива в баке; нужно ждать, когда заполнят твой бак. — Ханако заколебался. — Хорошо, внесите свою фамилию в список завтрашней группы: я возьму вас с собой дополнительным.

— Спасибо, сержант, — ответил ему радостный голос.

— Не стоит. Номер один!

Следующий кадет отделился от корабля плавно и при этом не потерял равновесия, но отклонился в сторону, когда возвращался, и сержанту пришлось подтягивать его к кораблю страховочным тросом, перед тем как кадет смог наконец «прищелкнуться».

Следующий за ним полностью потерял ориентировку. Он удалялся, повернувшись спиной к кораблю, и, похоже, так и собирался до скончания времен лететь к созвездию Дракона. Ханако осторожно потянул скользящий по его перчаткам трос, плавно развернул кадета и скомандовал: «Десять секунд работы двигателя, а я буду направлять ваш полет». Выбираемый Ханако трос удерживал кадета в нужном направлении до самого касания с обшивкой.

— Номер три! — вызвал инструктор.

Мэтт сделал шаг вперед, чувствуя сильное возбуждение.

Сержант пристегнул страховочный трос к его поясу.

— Все ясно? Когда будете готовы, включите двигатель.

— Есть, сэр. — Мэтт присел и плавным толчком оторвал ноги от обшивки.

Он остановил свое движение, придержавшись за колено сержанта. Прямо перед ним в необъятном небе распростерлись северные созвездия. Он выбрал в качестве цели Полярную звезду и нажал на стартовую кнопку ракетного двигателя.

— И... раз!

Мэтт почувствовал легкое непрерывное давление в области поясницы. Ракетный двигатель обеспечивал тягу чуть меньше

десяти фунтов. Полярная звезда, казалось, вибрировала в такт работе миниатюрного двигателя, затем медленно поплыла влево, за пределы кольца прицела.

Он подтянул к себе правую руку и правую ногу. Звезда начала отклоняться еще быстрее, на мгновение остановилась и вернулась обратно в центр прицела. Мэтт осторожно вытянул в сторону правые руку и ногу и чуть не забыл выключить двигатель на счет «десять».

Корабль остался где-то позади. Справа, в бархатной тьме, плыла Земля. Его окружали тишина и одиночество — такого Мэтт еще не испытывал никогда.

— Начинайте разворот, — послышался голос сержанта.

— О-о... — произнес Мэтт, подтянул колени к груди и обнял их руками.

Звезды стремительно завертелись вокруг него. Он заметил корабль, но было уже слишком поздно. Мэтт попытался остановить вращение, широко расставив руки и ноги, и все-таки не сумел удержать направление на корабль.

— Не волнуйтесь, все идет хорошо, — приободрил его сержант. — Не надо сворачиваться в такой тесный клубок, и в следующий раз вытягивайтесь чуть раньше. Времени хватает.

Мэтт опять свернулся в клубок, но теперь колени к груди прижимать не стал. Корабль снова показался у него в поле зрения, хотя и гораздо дальше. На этот раз он выпрямился до того, как шлем скафандра был на одной линии с кораблем. Фигуры на его поверхности казались совсем крохотными и продолжали уменьшаться. Расстояние перевалило за триста футов. Мэтт выбрал чей-то шлем в качестве цели, включил двигатель и начал отсчет.

В первые секунды ему показалось, что он неподвижно висит в пространстве, и его охватило беспокойство. Фигурки на поверхности корабля не увеличивались и начали медленно отходить в сторону.

Ему захотелось снова включить двигатель, но объяснения Ханако были совершенно ясными — и он удержался.

Корабль исчез из виду; Мэтт собрался в клубок, чтобы побыстрее завершить разворот. Когда корабль показался снова, он был гораздо ближе, и Мэтт почувствовал облегчение. Два небесных

тела — космонавт и корабль — сближались со скоростью пяти футов в секунду, что равняется скорости медленно идущего пешехода.

Прошло чуть больше минуты после того, как Мэтт отключил двигатель. Мэтт согнулся, приподнял колени и совершил мягкую посадку в десяти футах от инструктора. Цокая магнитными подошвами, Ханако подошел к Мэтту, прижал шлем к его шлему, чтобы можно было говорить с глазу на глаз, не включая радио.

— Молодец, парень. Мне понравилось, как ты держался, когда промахнулся в первый раз. Я включу тебя в список на более серьезную подготовку.

Мэтт едва не забыл выключить радио:

— Спасибо, сержант.

— Мне-то за что спасибо — справился с задачей ведь ты. — Сержант включил радио. — Продолжаем тренировку. Номер четыре.

Мэтту хотелось поскорее вернуться обратно, отыскать Текса и похвастаться, но оставалось еще семь кадетов. Несколько человек справились с заданием, остальных сержанту пришлось подтаскивать на страховочном тросе.

Последний кадет превзошел всех остальных. Он так и не выключил двигатель, сколько сержант ему ни давал команд. Кадет летел прочь от корабля по кривой и вовсю кувыркался; сержант тянул страховочный трос, пытаясь остановить вращение кадета и повернуть его к кораблю. Прошло пятьдесят долгих секунд, и двигатель выключился из-за того, что кончилось топливо; к этому моменту кадет был уже в тысяче футов и продолжал быстро удаляться от корабля.

Сержант отлавливал кадета подобно рыболову, который борется с барракудой; наконец ему удалось медленно и осторожно — потому что скорость кадета была уже велика, а прочность троса тоже имеет пределы — подтянуть неудачника к поверхности корабля. Когда наконец кадет встал на обшивку, магнитные подошвы его сапог надежно прилипли к стали и сержант закрепил его коротким страховочным тросом — Ханако устало вздохнул.

— Вот это да! — сказал он. — Я уже подумал, что придется лететь за ним и буксировать обратно...

Он подошел к кадету, прижал шлем к его шлему и выключил радио. Кадет тем не менее не догадался выключить передатчик, и остальные кадеты отчетливо слышали его объяснения.

— Не знаю, сержант, — растерянно отвечал кадет. — Со стартовой кнопкой все в порядке — я просто не мог заставить себя пошевелиться. Хорошо слышал ваши команды, но не мог даже двинуть пальцем.

Вместе со всей группой Мэтт вернулся в шлюз; восторгу в нем уже поубавилось, не то что раньше. Кажется, думал он, за ужином будет еще один свободный стул. Начальник Академии — коммодор Аркрайт — считал, что отчисленного кадета нужно отправлять с «Рэндольфа» как можно быстрее. Мэтт не собирался судить, насколько справедливы действия коммодора, но ему не очень-то пришлась по душе неумолимая жесткость, с которой они осуществлялись; он почувствовал, что холодный ветерок неудачи пролетел совсем рядом.

Но как только сержант отпустил кадетов, Мэтт снова почувствовал себя бодрячком. Он быстро скинул скафандр, осмотрел его и повесил в шкафчик, как это полагалось по правилам. И сразу помчался к себе в каюту, отталкиваясь на поворотах от стенки движениями, совсем не предусмотренными уставом.

Мэтт влетел в каюту и принялся стучать в дверь комнатушки Текса.

Никакого ответа — Текса в каюте не было. Не оказалось дома и Пита с Оскаром. Расстроенный, Мэтт забрался в свою каютку и включил учебную кассету.

И двух часов не прошло — Мэтт как раз собирался на обед, — как Текс ворвался в каюту и закричал:

— Эй, Мэтт! Поздравь космонавта!

— Что случилось?

— Я только что сдал экзамен по основам маневрирования в космосе. Сержант сказал, что это был лучший первый полет, который он когда-либо видел!

— Вот как?

— Точно. Да ты что — не понимаешь? Меня же теперь пустят в увольнение на станцию «Терра»!

8. СТАНЦИЯ «ТЕРРА»

— Кто в увольнение — всем пройти на борт скутера!

Мэтт застегнул молнию на скафандре и наспех его проверил. Оскар и Текс стояли у двери, поторапливая своего приятеля: все кадеты, отпущенные в увольнение, уже проходили через шлюз.

Старший кадет, исполняющий обязанности вахтенного офицера, быстро осмотрел Мэтта и закрыл за ним дверь шлюза.

Шлюз представлял собой длинный коридор, закрывающийся с обеих сторон герметичными дверями. Он вел в ангар, вделанный в борт «Рэндольфа»: там стояли ракетные скутера. Давление в коридоре начало понижаться и наконец сравнялось с наружным. Дверь, ведущая в ангар, открылась; Мэтт шел последним и обнаружил, что скутер полон. Для него не было места — все пассажирские места были заняты одетыми в скафандры фигурами, уже застегивавшими страховочные пояса.

Выпускник, сидящий в кресле пилота, поманил Мэтта к себе. Мэтт пробрался к нему и прижал шлем к его шлему.

— Мистер, — спросил пилот, — вы умеете управляться с приборами?

— Да, сэр, — ответил Мэтт, полагая, что речь идет о несложной контрольной панели скутера.

— Тогда садитесь в кресло второго пилота. Какая у вас масса?

— Двести восемьдесят семь, сэр, — сообщил Мэтт пилоту общую массу своего тела и космического скафандра.

Он быстро пристегнулся, затем посмотрел по сторонам, стараясь отыскать Текса и Оскара. Он чувствовал себя очень важной персоной, хотя, если по правде, катеру нужен второй пилот, как свинье — запасной хвост.

Пилот занес массу Мэтта в свою таблицу, определяющую центр тяжести и момент инерции, задумчиво уставился на нее и сказал:

— Попросите Д-3 поменяться местами с Б-2.

Мэтт включил радио и отдал приказ. После толкотни, продолжавшейся несколько секунд, крупный и рослый кадет поменялся

местом с другим, щуплым и небольшого роста. Затем пилот сделал знак кадету, управляющему механизмами ангара; скутер вместе со стартовыми направляющими был выведен из корабля неторопливыми гидроцилиндрами.

Скутер представляет собой пассажирскую ракету в своей первобытной простоте, и его можно представить как вешалку для шляп с подвесным мотором. Он применяется только в безвоздушном пространстве и не нуждается в обтекаемой форме. Сам ракетный двигатель ничем не прикрыт. Закрепленные вокруг него фермы не имеют ни малейшего сходства даже с самым примитивным космическим кораблем, обладающим герметическим корпусом. Пассажиры просто пристегиваются к фермам, а двигатель тащит их, куда надо. Когда скутер отодвинулся от корабля, кадет, сидевший в ангаре, повернул направляющие так, что скутер теперь смотрел в сторону станции «Терра». Пилот щелкнул тумблерами и скутер сорвался с места.

Пилот не сводил глаз с экрана радиолокатора. Когда расстояние между скутером и космической станцией начало сокращаться со скоростью восьмидесяти восьми футов в секунду, он выключил двигатель.

— Свяжитесь со станцией, — приказал он Мэтту.

Мэтт повернул тумблер и вызвал станцию.

— Скутер номер три с «Рэндольфа», полет по расписанию. Прибываем через девять минут, плюс-минус одна минута, — передал Мэтт и мысленно поздравил себя с тем, что вовремя изучил кассету с инструкцией по управлению малыми пассажирскими ракетами.

— Вас понял, — послышался в ответ женский голос, затем добавил: — Заходите на внешнюю посадочную платформу «Б».

— Понятно, платформа «Б», — повторил Мэтт. — Есть поблизости еще какие-нибудь транспортные средства?

— На внешних орбитах — нет. «Крылатая победа» — на внутренней орбите, в процессе стыковки.

Мэтт доложил результаты радиопереговоров пилоту.

— Значит, на внешней орбите никого, — повторил старший кадет. — Мистер, я пока вздремну. Разбудите меня, когда мы приблизимся на полторы мили.

— Есть, сэр.

— Вы считаете, что сумеете подвести скутер к станции?

— Постараюсь, сэр, — с трудом выдавил Мэтт.

— Обдумайте, пока я сплю, — и в следующее мгновение пилот, удерживаемый в невесомости ремнями, закрыл глаза, как будто со всеми удобствами лежал на своей койке.

Мэтт следил за показаниями приборов на контрольной панели.

Через семь минут он разбудил пилота. Тот открыл глаза и первым делом спросил:

— Какой же маневр вы собираетесь применить?

— Ну... э-э... если мы продолжим полет не меняя направления, то пролетим мимо станции с внешней стороны. Я не стал бы менять курс. После сближения на четыре тысячи футов включу двигатель и доведу относительную скорость до десяти футов в секунду. После этого буду управлять полетом вручную, не включая радиолокатора.

— Слишком уж старательно вы учились, — улыбнулся пилот.

— А что, разве неправильно? — спросил Мэтт обеспокоенным голосом.

— Нет. Действуйте. — Пилот взглянул на экран, чтобы убедиться в том, что катер действительно летит по курсу, пролегающему мимо станции. Мэтт следил за тем, как сокращается расстояние.

Радостное волнение переполняло его. Он мельком взглянул на гигантский сверкающий цилиндр космической станции и тут же отвел глаза. Через несколько секунд он нажал на кнопку включения двигателя, и перед ними выплеснулся яркий язык пламени.

Скутер имел двигатели на обоих концах; оба двигателя получали топливо из одних и тех же баков, и топливо перекачивалось общим насосом через систему соединяющихся трубопроводов. Управляют скутерами обычно на глаз, вручную, без сложных математических расчетов. Поэтому они просто незаменимы для того, чтобы дать начинающим пилотам почувствовать, что такое ракета.

По мере приближения к станции Мэтта начало охватывать тревожное чувство — вечный вопрос пилотов-ракетчиков: правильно ли он рассчитал курс и не случится ли столкновения?

Беспокойство не покидало его, хотя Мэтт был уверен, что, следуя по проложенному им курсу, скутер минует край гигантской станции. И только когда Мэтт снял палец с кнопки включения двигателя, он почувствовал облегчение.

— Когда мы будем рядом с платформой «Б», вы ее узнаете? — спросил пилот.

— Нет, сэр, — покачал головой Мэтт. — Это мой первый полет на станцию.

— Первый полет? И я еще доверил вам управление! Вон она, эта платформа — третья снизу. Начинайте торможение.

— Есть, сэр.

Скутер летел вдоль борта станции на расстоянии около ста ярдов от нее со скоростью быстро идущего пешехода. Мэтт дал возможность скутеру еще немного приблизиться к платформе и на несколько секунд включил тормозной двигатель. Ему показалось, что скутер почти не замедлил движения, поэтому Мэтт снова включил двигатель, на этот раз чуть дольше. Несколько минут спустя скутер почти замер в пространстве рядом с выделенной им платформой. Мэтт повернул голову к пилоту и вопросительно посмотрел на него.

— Я видел маневры и похуже, — буркнул пилот. — Передайте им, чтобы нас подтащили к станции.

— «Рэндольф» номер три, к стыковке готовы, — сообщил по радио Мэтт.

— Вас видим, — послышался в наушниках женский голос. — Принимайте трос.

Трос, выстреленный специальным устройством, полетел от станции к скутеру по идеально прямой траектории и попал точно в кольцо на корпусе.

— Я сменяю вас, сэр, — сказал пилот Мэтту. — Полезайте к кольцу и закрепите трос.

Через несколько минут скутер подтянули к стыковочной платформе, и кадеты начали заходить в шлюз платформы. Мэтт нашел Текса и Оскара в раздевалке, они как раз снимали скафандры.

— Ну и как вам полет и стыковка? — стараясь говорить как можно небрежней, спросил Мэтт.

— По-моему, неплохо, — ответил Текс. — А почему ты спрашиваешь?

— Скутером управлял я.

— Да ну? — Оскар с любопытством уставился на Мэтта. — Молоток!

— Пилот разрешил тебе управлять сближением и стыковкой? — на лице Текса было написано изумление. — Во время твоего первого полета?

— А почему бы и нет? Ты что, не веришь?

— Нет, верю, просто удивительно как-то. Тебя потрогать хоть можно? А автограф?

— Ладно, кончай трепаться!

Кадеты находились в той части станции, где властвовала невесомость. Уложив в шкафчики скафандры, они поспешили во вращающуюся часть станции — туда, где прогуливалась публика. Оскар — более или менее — со станцией был знаком: во время перелета на базу Академии ему пришлось совершить здесь пересадку. Он провел их к двери рядом с осью вращения — единственному месту, где можно было перейти из зоны невесомости в зону, на внешней части которой царила нормальная сила тяжести.

От центральной оси, минуя каюты и служебные кабинеты, кадеты спустились к одному из начальных уровней, отведенных для посетителей. Практически этот уровень ничем не отличался от широкой, ярко освещенной улицы с высоким потолком и движущимися тротуарами по сторонам. Слева и справа вдоль улицы выстроились рестораны и магазины. Движущиеся тротуары исчезали вдали, поворачиваясь вверх и в сторону, потому что широкий коридор поясом огибал всю станцию.

— Это Райская улица, — сообщил друзьям Оскар.

— Понятно, почему она так называется, — присвистнул Текс.

Остальные кадеты посмотрели туда же, куда и он. Высокая стройненькая блондинка, одетая в голубое платье, такое короткое, что почти не оставалось никакого простора для воображения, стояла у витрины ювелирного магазина.

— Текс, особо не увлекайся, — сказал Оскар. — Посмотри, какой у нее рост.

— Такие высокие мне особенно нравятся, — ответил Текс. — Сейчас увидите!

Небрежным шагом он подошел к молодой особе. Мэтт и Оскар не слышали его слов, но, видимо, сказанное ее нисколько не оскорбило, потому что девушка рассмеялась в ответ. Затем внимательно и слегка насмешливо она окинула Текса взглядом и заговорила. Ее голос был слышен даже на расстоянии.

— Во-первых, я замужем, а во-вторых, старше вас по крайней мере на десять лет. И вообще, я не имею привычки знакомиться с кадетами.

Текс на глазах у своих приятелей весь как-то сжался и, подобно побитой собаке, вернулся, поджавши хвост. Голос у него был сердитый:

— Попытка, по крайней мере, была сделана...

В этот момент женщина обратилась ко всем троим:

— Юноши, одну минутку! Да-да, вы — трое! — она подошла к ним и улыбнулась Мэтту и Оскару. — Вы ведь еще новички, верно?

— Да, мэм, в кадетах мы только недавно, — ответил Оскар.

Женщина открыла сумочку, всю в драгоценных камнях, и что-то достала оттуда.

— Если вам так уж хочется повеселиться и встретиться с молодыми девушками, приходите по этому адресу, — и она вручила Оскару визитную карточку.

Оскар взял карточку и удивленно посмотрел на женщину.

— Спасибо, мэм.

— Не стоит. — Женщина повернулась и исчезла в толпе.

— Что там написано? — с любопытством спросил Мэтт.

Оскар посмотрел на визитную карточку, затем передал ее Мэтту.

— На, читай.

На квадратике белого картона было написано:

ПЕРВАЯ БАПТИСТСКАЯ ЦЕРКОВЬ СТАНЦИИ «ТЕРРА»
ПАСТОР – ДОКТОР ТЕОЛОГИИ Р. СМАЙЛИ ЗАЛ ВСТРЕЧ
уровень «С», 2437

— Вот видите, кто из вас теперь скажет, что моя попытка провалилась полностью? — усмехнулся Текс.

Вышел спор. Мэтт и Текс, не откладывая, хотели отправиться в зал встреч; Оскар же настаивал, мол, сильно проголодался и хочет по-человечески поесть. Чем дольше тянулся спор, тем разумнее выглядели аргументы Оскара. Наконец, Текс присоединился к Оскару, и Мэтту пришлось согласиться с мнением большинства. Уже через несколько минут, взглянув на цены в ресторанном меню, Мэтт пожалел о своей уступчивости. Ресторан, куда зашли юноши, обслуживал преимущественно туристов и представлял собой роскошный зал с примыкающим к нему баром. Вместо автоматически обслуживаемых столов здесь работали настоящие официанты; соответственно высокими были и цены.

Текс увидел, как помрачнел Мэтт.

— Не расстраивайся, — сказал он. — Я угощаю — мой старик прислал чек.

— Нет уж, так дело не пойдет.

— Хочешь поссориться?

Мэтт улыбнулся.

— Ладно. Спасибо.

— Ну и на сколько ты собрался нам выставлять? — спросил Оскар. — В пределах чая с бутербродами?

— В общем, ребята, так. Каждый заказывает, что хочет. В конце концов должны мы это дело отпраздновать? Между прочим, надо заказать выпивку.

— Чтобы нас потом задержал военный патруль? — удивился Оскар. — Нет уж, спасибо!

Мэтт тоже принялся возражать, но Текс уже встал.

— Спокойно, ребята, положитесь на моего дядю Джермэна. Вам, бедным недоразвитым иностранцам, давно бы пора попробовать настоящий мятный джулеп, как у нас на юге! — И он направился в бар. Оскар, не зная, что делать, пожал плечами.

Перед тем как войти в бар, Текс провел тщательную разведку. Кадетов в баре, разумеется, не было. Но главное, там не было офицеров, военного патруля и космических пехотинцев. В это раннее время бар выглядел как покинутый. Текс подошел прямо к бармену.

— Вы можете приготовить мятный джулеп? — спросил он.

— Иди, гуляй, — посмотрел на него бармен. — Кадетам продавать спиртное запрещено.

— Я ведь не спрашиваю, запрещено это или нет. Я только спросил: умеете вы готовить мятный джулеп? — Текс сунул ему банкноту. — На троих.

Бармен уставился на деньги, затем сделал едва заметное движение рукой — и банкнота исчезла.

— Идите за стол, — сказал он.

— Понятно! — оживившись, ответил Текс.

Через несколько минут официант поставил перед ними на стол чайный прибор, но в чайнике был, понятно, не чай. Текс аккуратно разлил по чашкам содержимое чайника, так, чтоб каждому вышло поровну.

— Ну, ребята, за нас, за наш успех.

Мэтт осторожно попробовал напиток.

— Похоже на лекарство, — сказал он.

— Как ты сказал? Лекарство? — замахал на него Текс. — Этот благородный эликсир ты назвал лекарством? Южанин не в силах вынести такого оскорбления; сэр, встретимся на рассвете. Кофе и пистолеты на двоих.

— А по мне, так это самое настоящее лекарство. Как тебе оно, Оскар?

— Терпеть можно.

Мэтт решительно отодвинул свою чашку в сторону.

— Ты что, правда, не будешь? — спросил Текс.

— Спасибо, Текс, я просто боюсь, что мне станет нехорошо. Можешь считать меня маменьким сынком.

— Что ж, не пропадать же добру. — Текс взял его чашку и вылил половину в свою. — Тебе налить, Оскар?

— Нет. Пей сам.

— Ну раз ты настаиваешь, — Текс вылил себе остальное.

Когда подали обед, у Текса вдруг пропал аппетит. Мэтт и Оскар накинулись на мясо, а Текс пытался убедить их спеть хором.

— Ну Оскар, ну не ломайся! Словам я тебя научу.

— У меня голоса нет.

— Есть, не ври. Я же помню, ты пел с оркестром Свинячьего закоулка. Давай так: я спою куплет, потом мы все хлопаем в ладоши и выдаем припев: «В самом... сердце... Техаса». Вот.

— Слушай, Текс, может, хватит? — пытался остановить его Оскар. — А то, и вправду, споешь сейчас на свою голову.

— Ну и человек! Веселиться ему не нравится! Давай с тобой, Мэтт.

— Я не могу, у меня рот набит.

— Слушай, Мэтт, — внезапно прошептал Оскар. — Посмотри!

Мэтт повернул голову и увидел лейтенанта Вонга в дальнем углу ресторана. Офицер подошел к столу, сел, оглянулся по сторонам, заметил кадетов, кивнул и принялся изучать меню.

— Боже мой, — выдохнул Мэтт.

— Раз вы не хотите «В самом сердце Техаса», — не унимался Текс, — я согласен на «О, Айова!». У меня взгляды широкие.

— Да не собираемся мы петь. Текс, заткнись ради Бога! В эту забегаловку только что вошел офицер.

— Где он? — воскликнул Текс. — А что! И его позовем! Не такой я человек, чтобы на кого-нибудь держать зуб. Все они — хорошие парни, мерзавцы.

Мэтт осторожно повернул голову и взглянул на Вонга. В это мгновение офицер посмотрел на него и поманил пальцем к себе.

Мэтт встал и подошел к лейтенанту.

— Додсон...

— Слушаю вас, сэр.

— Идите обратно и уговорите Джермэна успокоиться, пока мне не пришлось подойти самому и поинтересоваться его именем.

— Будет исполнено, сэр!

Когда он вернулся к столу, Текс уже вроде утихомирился и даже, кажется, протрезвел, но выглядел сильно озадаченным. Лицо Оскара, обычно спокойное и улыбчивое, покраснело от гнева.

— Каким будет приговор?

Мэтт рассказал ему о словах лейтенанта.

— Понятно. Вонг — парень хороший, на него можно положиться. А сейчас нужно увести отсюда этого идиота. — Оскар подозвал официанта, расстегнул сумку Текса и расплатился.

— Пошли, — сказал он, поднимаясь из-за стола. — Эй, Текс, а ну соберись с силами, не то я сломаю тебе шею!

— Куда мы? — спросил Мэтт.

— Нужно найти туалет.

К счастью, в туалете никого не было. Оскар подвел Текса к раковине, заставил его наклониться и приказал сунуть два пальца в рот.

— Зачем? — удивился Текс.

— Потому что, если ты не выблюешь эту гадость, мне придется запихнуть тебе в пасть кулак. Слушай, Мэтт, займись им пока. Я сейчас вернусь.

Прошло целых двадцать минут, прежде чем Оскар вернулся с литровой картонной емкостью горячего черного кофе и упаковкой каких-то таблеток. Он заставил Текса выпить горячий кофе и проглотить с полдюжины таблеток.

— Что это за таблетки? — спросил Текс слабым голосом.

— Тиамин хлорид.

— Где ты всему этому научился?

— Да так... — Оскар *наморщил лоб.* — Венера — это тебе не Земля. Ее еще осваивать и осваивать, так что дикости там хватает. Там с чем угодно встретишься. Ладно, хватит болтать. Текс, допивай кофе.

— Слушаюсь, сэр. Как вам угодно, сэр.

— Посмотри, Оскар, у него на груди весь комбинезон запачкан, — сказал Мэтт.

— Черт! Жаль, раньше не сообразили. Сначала нужно было его раздеть.

— Вот ведь влипли! Если он вернется на «Рэндольф» в таком виде, пойдут всякие вопросы, так что мало не будет.

— Дай подумать, — Оскар повернулся к Тексу. — Иди вон туда, — сказал он, показывая на одну из кабин, — и сними комбинезон. Дашь его нам, а сам запрешься внутри. Мы скоро будем.

Похоже, Текс чувствовал себя так, словно его ссылают на каторгу, но сил сопротивляться у него не было. Он вошел в кабину, и через несколько минут Мэтт и Оскар вышли из туалета. Под мышкой у Оскара был туго свернутый кадетский комбинезон. Они объехали на движущейся дорожке половину станции, обго-

няя толпы хорошо одетых, смеющихся людей, промелькнули мимо роскошных, ярко освещенных витрин магазинов. Мэтт наслаждался невиданным зрелищем.

— Говорят, такими были все большие города до наступления беспорядков, — сказал Оскар.

— Да, на Де-Мойн это мало похоже.

— На Венеру тоже, — согласился Оскар.

Наконец он заметил место, которое они искали, — автоматическую прачечную, скрытую в узком коридоре рядом с залом ожидания для эмигрантов. Ждать пришлось довольно долго, но они получили безупречно выстиранный и отглаженный комбинезон, завернутый в аккуратный пакет. Поскольку прачечная находилась на космической станции «Терра», стоимость услуг здесь была просто астрономической. Мэтт уныло подсчитал, сколько у него осталось денег.

— А, тратить так тратить, — решил он в конце концов и купил на оставшуюся мелочь фунт вишен в шоколаде.

После этого они поспешили обратно. Текс весь измучался, пока приятелей не было, а когда они наконец вернулись, почувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Увидев такое, Мэтт в приступе щедрости отдал все конфеты Тексу.

— Это тебе подарок, чудовище ты несчастное.

Текс буквально растаял от чувств; впрочем, чувства — чувствами, а конфеты и любые другие подарки делились, по древней традиции, между всеми кадетами, живущими вместе в каюте.

— А теперь быстренько одевайся. Скутер отправляется через тридцать две минуты.

За семь минут до отлета одетые в скафандры друзья были уже в помещении шлюза. Текс прижимал локтем коробку с конфетами.

Перелет к «Рэндольфу» прошел без приключений, если не считать маленького происшествия: Мэтт не догадался спросить в магазине конфеты в герметической упаковке. Еще перед тем как Текс пристегнулся к ферме скутера, коробка раздулась. К тому моменту, когда катер состыковался с «Рэндольфом», вся передняя и левая сторона его космического костюма оказалась покрыта пенящейся липкой массой: вишневый сок, сироп и коричневый шоколад.

Шоколадные конфеты с жидкой начинкой закипели и расширились в пустоте безвоздушного пространства. Текс собрался было выбросить ставшую бесполезной коробку, но старший кадет, пристегнутый к ферме рядом, напомнил ему, как сурово наказывают любого, кто засоряет мусором пространство, в котором постоянно летают пассажирские и транспортные корабли. Кадет, отвечающий за порядок в ангаре, брезгливо посмотрел на испачканный скафандр Текса.

— Почему вы не сунули коробку внутрь скафандра? — недоуменно спросил он.

— Как-то не пришло в голову, сэр.

— Хм-м! Надеюсь, в следующий раз это придет вам в голову. Зайдите к вахтенному офицеру и сообщите о моем замечании за «вопиющую неопрятность при ношении формы». И не забудьте как следует вычистить скафандр.

— Есть, сэр.

Когда они вернулись в каюту, Пит их уже ждал. Он вышел навстречу из своей комнатушки.

— Ну, как повеселились? Жалко, что я был на дежурстве и с вами не полетел.

— Не расстраивайся, ты мало что потерял, — успокоил его Оскар.

Текс посмотрел на друзей виноватым взглядом.

— Ребята, простите. Первое увольнение, и так все вышло.

— Ничего страшного, — успокоил его Оскар. — Станция «Терра» и через месяц никуда не денется.

— Это точно, — согласился Мэтт. — Слушай, Текс, только честно. В твоей жизни это был первый коктейль, да?

— Да, — покраснел Текс. — Все родные у меня трезвенники, если не считать дяди Боди.

— Забудь ты про дядю Боди. Если я еще раз увижу тебя с коктейлем, тут же бутылкой и ухлопаю.

— Мэтт, может, хватит?

Оскар с сомнением посмотрел на Мэтта:

— Ты уж полегче с такими заявочками, приятель. А с тобой что, такое быть не могло?

— Могло, конечно. Черт его знает, может, когда и вам придется тащить меня под руки, и я узнаю, как чувствуют себя пьяные. Но уж в общественном месте — это нет.

— Заметано.

— Слушайте, — спросил Пит, — а что вообще происходит? О чем это вы?

9. ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА

Жизнь на борту «Рэндольфа» носила странный отпечаток «вневременности»: невозможно было следить за проходящими днями. На борту учебного корабля не менялась погода, да и время года постоянно казалось одним и тем же. Даже деление суток на «ночь» и «день» было произвольным и постоянно нарушалось ночными вахтами и занятиями в лабораториях: они проводились в любое время, чтобы до предела использовать ограниченные возможности. Кормили кадетов через каждые шесть часов круглые сутки, и в час «ночи» столовая была обычно наполнена не меньше, чем в семь «утра».

Мэтт научился спать всякий раз, когда выдавалась возможность; и «дни» быстро шли один за другим. Ему казалось, что никогда не хватает времени на то, что необходимо сделать. Математика и связанные с ней предметы, особенно астрогация и ядерная физика, превратились для Мэтта в настоящее пугало; он замечал, что по сути дела ему приходилось заниматься прикладной математикой еще до того, как он овладел основами ее теории.

Перед тем как стать кадетом, Мэтт считал, что довольно хорошо разбирается в математике, да так, наверно, оно и было — если судить обычными мерками. До этого он никогда не задумывался, что значит оказаться одним из членов группы молодых людей, где каждый необычайно хорошо понимает язык науки. Мэтт обратился за помощью, чтобы изучить предмет еще лучше, и работал теперь больше, чем когда-либо в жизни. Но дополнительные усилия помогли ему лишь избегать провалов, не больше.

Невозможно постоянно себя подгонять, заставлять работать и при этом не надломиться. Единственное, что Мэтта спасало, не давая переступить за опасную грань, — это его окружение.

Коридор номер пять на палубе «А» — именно здесь находилась каюта, где жили Мэтт и его друзья, — получил название «Свинячьего закоулка». Он прославился бесшабашностью своих обитателей еще до того, как здесь поселился Текс. А уж у Текса на этот счет способностей было хоть отбавляй.

В настоящее время в «мэрах Свинячьего закоулка» ходил кадет, по имени Билл Аренса, который уже заканчивал Академию. Талантлив он был необыкновенно, усваивал любую учебную кассету после первого же просмотра, и все-таки пребывание его на «Рэндольфе» затянулось намного дольше обычного. Объяснялось это огромным количеством набранных Биллом штрафных очков.

Однажды вечером, после ужина, Мэтт и Текс заперлись у себя в каюте, чтобы на пару поупражняться в музыке. Мэтт вооружился гребешком и полоской тонкой бумаги, а Текс взялся за губную гармошку. И тут же из коридора донесся вопль:

— Быстро открывай дверь! Эй там, молодняк, а ну выходите в коридор!

Повторного приглашения Текс и Мэтт дожидаться не стали. Мэр Свинячьего закоулка внимательно на них посмотрел.

— Следов крови не наблюдается, — сказал он, закончив осмотр. — А я вроде бы слышал — нет, точно, я слышал, — что в каюте кого-то режут. Давайте берите свои дуделки и за мной.

Аренса привел их к себе в каюту: народу там была тьма. Он махнул рукой в их сторону:

— Познакомьтесь с форумом Свинячьего закоулка — сенатор Мямля, сенатор Болтун, сенатор Кожаный Мешок, доктор Благодетель и маркиз де Сад. Джентльмены, разрешите представить вам комиссара Несчастливца и профессора Мудреца.

Закончив представление, Аренса скрылся в своей комнатушке.

— Как вас зовут, мистер? — спросил один из кадетов, обращаясь к Тексу.

— Джермэн, сэр.

— А вас? — спросил он у Мэтта.

— Побоку эти мелочи. Ближе к делу, — заявил Аренса, выходя с гитарой в руках. — А ну, джентльмены, какую там мелодию вы исполняли? Давайте-ка еще раз. Приготовились! Начинаем по моему сигналу... Раз, два, три!

Так появился на свет оркестр Свинячьего закоулка. Постепенно он вырос до семи инструментов, и началась работа над репертуаром, с которым не стыдно было бы выступить на корабельном празднике. Но с оркестром Мэтту скоро пришлось расстаться. Он был принят в команду по космополо, а разрываться между этим и тем — просто времени не хватало. Впрочем, его ухода из мира музыки ни один маэстро даже и не заметил.

И тем не менее Мэтт остался одним из друзей Билла. Аренса принял всех четырех под свое крыло, потребовал, чтобы они время от времени забегали к нему в каюту, и вообще следил за их жизнью. Но он никогда не жаловался на них офицерам. Сравнивая свои впечатления с впечатлениями других новичков, Мэтт сделал для себя вывод, что ему и его друзьям повезло. Они посещали частые заседания Форума — сначала их приглашал Аренса, потом — просто из интереса. Обычным развлечением на борту «Рэндольфа», как и везде в школах-интернатах, были споры.

О чем только ни спорили, а замечания Аренсы, всегда неожиданные и частенько идущие вразрез с общепринятым мнением, придавали этим спорам особый интерес.

Но как уж водится, с чего бы ни начинался спор, кончался он непременно на дамах. И точкой в споре служила стандартная фраза: «Какой вообще смысл о них говорить? На "Рэндольфе"-то их нету. Пошли лучше спать». Не менее интересным был семинар на тему «Сомнение», включенный в учебное расписание. Этот предмет появился на свет по инициативе коммодора, который, основываясь на собственном опыте, пришел к выводу, что все военные организации, в том числе и Патруль, имеют общую слабость. Свойственная им военная иерархия по своей природе консервативна и полагается на тупую исполнительность, основывающуюся на законе прецедента; оригинальное и нестандартное мышление считается у военных наказуемым.

Инициатива наказуема — гласит один из общепринятых военных принципов. Коммодор Аркрайт понял, что подобные

тенденции неизбежны и тесно связаны с природой военных формирований; он надеялся изменить их, введя в программу предмет, сдать который нельзя, не обладая оригинальным мышлением.

Были созданы дискуссионные группы, составленные из молодых кадетов, старших кадетов и офицеров. Руководитель семинара задает тон, выдвинув положение, противоречащее общепринятой аксиоме. И после этого можно говорить что угодно. Мэтт не сразу к такому привык. Во время первого семинара руководитель предположил следующее: «Патруль приносит вред и его надо распустить». Мэтт ушам не поверил.

Выступающие вставали и по очереди говорили, что в течение стабильного мира, существующего последние сто лет благодаря неослабной бдительности Патрульной службы, нанесен ущерб человеческой расе, что резкое увеличение числа мутаций, вызванное атомными войнами, в конечном итоге — благо, согласно непоколебимым законам эволюции, что ни человеческая, ни любая другая раса, населяющая Солнечную систему, не могут рассчитывать на вечное существование, если они намеренно откажутся от войн, и что, наконец, Патруль составлен из самодовольных глупцов, принимающих внушенные им предрассудки за законы природы.

Пока длилась та первая дискуссия, Мэтт не произнес ни единого слова.

На семинаре, который проводился на следующей неделе, он услышал, как под сомнение была поставлена материнская любовь и любовь к матери. Ему хотелось ответить, но даже под страхом смертной казни он не смог бы придумать аргументов, кроме: «А потому!» Затем последовали нападки на монотеизм как предпочтительную форму религии, на разумность научного подхода и на право большинства в решении спорных вопросов. Мэтт понял, что здесь разрешается выражать как ортодоксальные, так и неортодоксальные точки зрения, и постепенно начал вступать в дебаты, защищая некоторые из своих любимых идей.

И тут же он увидел, что его бессознательные предположения, скрывающиеся за теми суждениями, которые он пытался высказать, подвергаются безжалостным нападкам; скоро Мэтту пришлось вернуться к упрямому, хотя и не выраженному вслух доказательству: «А потому!» Постепенно Мэтт стал привыкать к

подобным методам споров и аргументации и быстро обнаружил, что можно, задавая невинные вопросы, разрушить цепь чьих-то доказательств.

Мэтт начал получать особое удовольствие от участия в семинарах после того, как в его группе появился Жерар Берк. Он терпеливо выжидал, пока Жерар не выскажет какую-нибудь определенную точку зрения, затем задавал вопрос; это всегда был вопрос и никогда — определенное заявление. По каким-то причинам, не понятным для Мэтта, точки зрения Берка всегда были ортодоксальными. Чтобы опровергнуть их, Мэтту приходилось выдвигать нестандартные идеи.

Один раз, когда семинар уже кончился, он спросил Берка:

— Послушай, Берк, мне почему-то всегда казалось, что мыслишь ты более оригинально.

— Может, и так. А что?

— По тому, что ты говоришь на «Сомнении», об этом не скажешь.

На лице Берка появилась хитрая улыбка.

— Я считаю, что лучше зря не высовываться.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты полагаешь, наши начальники так уж интересуются новыми мыслями? Послушай, юноша, ты когда-нибудь научишься распознавать ловушки?

Какое-то время Мэтт не знал, что ответить. Потом сказал:

— По-моему, у тебя что-то с мозгами.

Тем не менее слова Берка заставили его призадуматься.

Шли дни. Нагрузка была так велика, что на скуку не оставалось времени. Мэтт был согласен с общим мнением всех кадетов, что «Рэндольф» — это сумасшедший дом и нормальному человеку в нем жить никак не возможно, что это металлолом, выброшенный в космос за ненадобностью, и тому подобное. Но, по правде говоря, у него пока не сложилась своя точка зрения относительно учебного корабля — он был слишком занят учебой. Сначала его мучила тоска по дому; со временем она отступила. Его дни были заполнены занятиями, учебой, тренировками, снова учебой, лабораторными работами, сном, едой и опять учебой.

Однажды он возвращался с ночной вахты в отделе космической связи.

Из каютки Пита доносились какие-то звуки. Сначала Мэтт подумал, что его товарищ решил вместо сна заняться учебой и просматривает кассеты на проекторе. Он хотел уже постучать в дверь и позвать Пита в столовую — выпросить у дежурного по камбузу чашку какао, — но вдруг понял, что шум за дверью вовсе не от проектора. Мэтт осторожно приоткрыл дверь. С койки доносились сдавленные рыдания. Он тихо прикрыл дверь и постучал. Через несколько секунд послышался голос Пита:

— Заходи.

Мэтт вошел в комнатушку.

— Привет, Пит. У тебя поесть чего-нибудь не найдется?

— В столе пирожки.

— Пит, что с тобой? — спросил Мэтт, уминая пирожок. — Какой-то ты нездоровый.

— Нет, я здоров.

— Не вешай мне лапшу на уши. Говори, что случилось.

Пит помялся.

— Ничего. Ничего такого, в чем кто-нибудь может мне помочь.

— Может, так, а может — и нет.

— Ты мне помочь не сможешь. Домой я хочу.

— О-о, — Мэтт увидел вдруг перед собой зеленые просторы Айовы, ее холмы... Усилием воли он прогнал от себя видение. — Да, парень, это дело тяжелое. Я тебя понимаю.

— Как же! Понимаешь! Ты-то дома почти что — подошел к иллюминатору и посмотрел.

— Ну, это как сказать.

— Сколько времени как ты оттуда? А у меня два года ушло, чтобы попасть на Терру; и неизвестно когда еще я смогу побывать дома, — Пит был где-то далеко-далеко; будто не говорил, а стихи читал. — Мэтт, ты не представляешь, что это такое. Ты поговорку знаешь: «У каждого цивилизованного человека две родины: своя и Ганимед»?

— Чего-чего?

Но Пит его даже не слышал.

— Юпитер прямо над головой, в полнеба... — он замолчал. — Знаешь, Мэтт, как там красиво! Таких мест больше нет нигде.

А Мэтт видел Де-Мойн: летний вечер, осень почти... светлячки подмигивают, цикады среди деревьев стрекочут, а воз-

дух такой сладкий, такой густой, хоть черпай горстями. Вдруг накатила ненависть ко всему, что их окружало: к стальной оболочке, невесомости, очищенному воздуху, искусственному освещению.

— Зря мы с тобой завербовались, Пит!

— Не знаю, Мэтт. Я не знаю.

— А ты что, хочешь отчислиться?

— Да не могу я. Из-за отца. Ему пришлось влезть в долги, нужно было оплатить мой проезд туда и обратно... В общем, долго объяснять... и не хочется.

Вошел Текс, зевая во весь рот и почесываясь:

— Чего это вы полуночничаете? Вам что, спать надоело? Хоть бы других пожалели — поспать дали.

— Извини.

— На вас посмотреть — так будто у вас любимая собака подохла, — внимательно посмотрел на них Текс. — Что случилось?

— Ничего особенного, — буркнул Мэтт. — Тоска по дому.

— Это он из-за меня, — вступился за друга Пит. — Накатило на меня, понимаешь? А Мэтт мою тоску заговаривал.

— Ничего я не понимаю, — сказал Текс удивленно. — Какая разница, где вы. Все равно Техас далеко.

— Текс, Бога ради, перестань! — рассердился Мэтт.

— Что я такого сказал? — Текс удивился еще больше. — Пит, вот ты действительно далеко от дома, тут и спорить нечего. Но знаешь, как только нам дадут отпуск, поехали со мной в Техас. Хоть сосчитаешь, сколько у лошади ног.

— И познакомлюсь с твоим дядюшкой Боди, — слабо улыбнулся Пит.

— Точно! И дядя тебе расскажет, как он однажды прокатился на смерче — причем без седла. Ну как, договорились?

— Тогда обещай, что будешь у меня на Ганимеде. И ты тоже, Мэтт.

— Решено!

Они пожали друг другу руки.

Последствия ностальгического приступа прошли бы бесследно, но скоро случилось еще одно событие. Как-то у Мэтта неладилась одна астрогационная задача, и он собрался забежать в каюту Аренсы, попросить, чтобы тот помог.

— Заходите, сенатор, — выпускник укладывал вещи. — Не стой в дверях. Сказать что-нибудь пришел?

— Да нет, просто так. Вас на корабль назначили, сэр?

Аренса месяц тому назад сдал выпускные экзамены и получил назначение на космическую службу. Теперь одновременно он был и «старик», и выпускник.

— Нет, — Аренса взял пачку бумаг, просмотрел их и разорвал. — Я улетаю. Совсем.

— О-о!

— Давай без нежностей. Никто меня не увольнял — я подал заявление об отставке.

— О-о!

— Да не смотри ты на меня телячьими глазами и кончай эти свои «О-о!». Ну увольняюсь — что в этом странного?

— Странного? Да ничего.

— Наверно, ты думаешь, с чего бы это я, а? Ну так я тебе скажу. Хватит с меня, вот почему. Обрыдло мне, понимаешь? Нету у меня охоты заделаться в супермены. Поносил я свой нимб и хватит — голове тесно. Неужели непонятно?

— Понятно. Я же тебя не собирался разубеждать.

— Вижу, что осуждаешь, только не говоришь. А вот ты, сенатор, — ты оставайся. Ты как раз из тех серьезных, благоразумных паинек, которые им нужны позарез. А что до меня, то я не архангел и с огненным мечом по небу носиться не собираюсь. Тебе когда-нибудь приходило в голову, что это такое — сбросить на город атомную бомбу? Ты хоть раз задумывался над этим?

— Нет, никогда. С тех пор как навели порядок, Патрулю ведь не приходилось *использовать* бомбу. Думаю — и не придется.

— Все равно, раз ты записался сюда — значит, обязан при случае ее сбросить. В этом, мальчик ты мой, смысл твоей жизни, — он замолчал, взял гитару. — Ладно, хватит об этом. А вот с ней-то мне теперь что делать? Хочешь, продам тебе по дешевке, по земной цене?

— Сейчас не могу — денег нет.

— Тогда забирай в подарок, — Аренса перебросил инструмент Мэтту в руки. — Без гитары оркестру Свинячьего не обойтись. А я себе куплю новую. Через тридцать минут я буду уже на «Терре», а

еще через шесть часов, — на Земле, среди маленьких неприметных людишек, которые богов из себя не строят, да и зачем им это!

Мэтт не знал, что ответить.

Он даже представить себе не мог, что по коридору никогда больше не разнесется громоподобный голос Аренсы, но долго над этим раздумывать Мэтту не пришлось. Его учебная группа была послана на Луну для освоения посадки при отсутствии атмосферы.

Группа освоила полеты на скутере и начала тренироваться на транспортной ракете типа А-6, специально оборудованной для обучения кадетов. Трюм ПРК «Трясучка» — так прозвали его кадеты, хотя в списках «Рэндольфа» ракетный корабль был внесен как учебный корабль 106, — был заполнен дюжиной контрольных рубок, ничем не отличавшихся от настоящей контрольной рубки, вплоть до последнего инструмента, прибора и переключателя. Приборы и экраны учебных контрольных рубок регистрировали те же данные, что и в настоящей контрольной рубке, с одним важным отличием: когда кадет касался ручек управления в учебных рубках, это никак не отражалось на маневрах корабля, зато регистрировалось на магнитной ленте.

Действия пилота также записывались, поэтому после тренировок каждый кадет мог сравнить свои действия с маневрами пилота и узнать таким образом, как следовало ему поступать. Всему, чему группа могла научиться на «Рэндольфе» на практических занятиях и во время перелетов на станцию «Терра», — группа уже научилась. Теперь ей требовалось пройти более рискованные маневры у настоящей планеты. Двухдневный перелет с «Рэндольфа» на Лунную базу был совершен на той же самой «Трясучке» в условиях, мало чем отличающихся от полетов переселенцев на другие миры.

Лунных колоний ни Мэтт, ни кто другой из его группы так и не посмотрели — в увольнение их не отпустили ни разу. Они разместились в подземных казармах на Лунной базе и каждое утро отправлялись на космодром для тренировок в искусстве посадки; тренировки проводились сначала в учебных контрольных рубках «Трясучки», а затем в рубках ракетных кораблей А-6, оборудованных двойным управлением. Уже в конце первой недели Мэтт совершил свой первый самостоятельный полет и посадку.

У него оказалось природное чувство настоящего пилота, а такому любой корабль повинуется.

Пилотировать ракетный корабль для Мэтта было так же просто, как сложно делать астрогационные расчеты. Оставшиеся дни он был практически свободен. Он осмотрел базу и совершил прогулку в скафандре по выжженной поверхности Луны. Всех кадетов разместили в одном углу в казарме космических пехотинцев. От нечего делать Мэтт смотрел, как они живут, и болтал с сержантами и капралами.

Больше всего ему в них понравились четкость и дисциплина и какая-то небрежная самоуверенность. Во всей Системе нет зрелища внушительней, чем сержант — ветеран космической пехоты в парадной форме с нашивками, знаками отличия и сединой на висках. А как эта седина сочетается со сверкающим изображением солнца у него на груди! Мэтт чувствовал себя едва ли не оборванцем в своем простеньком, невзрачном и без знаков отличия комбинезоне.

Ему нравилось наблюдать за их частыми парадными смотрами.

Сначала Мэтту казалось странным, что на их поверках не слышно фамилий знаменитой четверки — Далквиста, Риверы, Мартина и Уилера, но у космической пехоты свои ритуалы, и ритуалов этих более чем достаточно.

Своего намерения во что бы то ни стало овладеть астрогацией Мэтт не оставил — он привез на Лунную базу учебник и ежедневно, как только выдавалась свободная минута, прорабатывал за задачей задачу. Как-то раз он сел за одну из них. Особой охоты не было. Задача была такая. Дано: вылет с орбиты Деймоса, спутника Марса, не раньше 12.00 по Гринвичу 15 мая 2087; топливо — химическое; скорость выброса газов — 10 тысяч метров в секунду; место назначения — надстратосферная орбита вокруг Венеры. Требуется: рассчитать орбиты, на которых 1) расход топлива минимальный и 2) минимальный период обращения, а также определить массовые отношения времени вылета и прибытия для каждой из орбит. Подготовить полетный план и наметить контрольные точки, вычислив для них все необходимые данные, используя при этом звезды второй величины или более яркие.

Вопросы: можно ли сберечь время и топливо, пролетев рядом с планетной парой «Терра—Луна», и получить от их гравитационного поля дополнительное ускорение? Предвидится ли пересечение метеоритных потоков и какие меры по уклонению от столкновения с метеоритами следует предпринять? Все ответы должны соответствовать правилам космических полетов, а также принципам космической баллистики.

Без компьютера с такой задачей помучаешься. И все же Мэтт мог подготовить нужные уравнения и затем, если повезет, уговорить офицера, руководящего вычислительным центром Лунной базы, разрешить ему попользоваться баллистическим интегратором. Мэтт принялся за работу.

Он так увлекся, что даже не услышал пронзительных звуков горна — сигнала смены караула. Он сидел, с головой уйдя в предварительные расчеты, когда вновь послышалась песня горна — на этот раз на поверку. Почему-то этот второй сигнал полностью перепутал все его ученые мысли.

«Задачка, чтоб ее! — подумал Мэтт. — И для чего в учебниках бывает такая дурость? Когда это патруль связывался с химическим топливом и наиболее экономичными орбитами? Ерунда это все — ерунда для коммерческого флота». Мэтт встал и пошел из комнаты. А через пару минут он уже наблюдал, как караул космической пехоты выстраивается в главном зале под казармами. Когда оркестр грянул марш «Пока не остынут солнца и не потемнеет небо...», у Мэтта перехватило дыхание.

Он остановился у караульного помещения: не хотелось идти к себе, к своей математике. Новый начальник караула оказался знакомым Мэтта — старший сержант Маклеод.

— Заходите, молодой человек, садитесь. Вы, кажется, наблюдали смену караула?

— Да. Здорово!

— Согласен. Служу в пехоте вот уже двадцать лет, и всякий раз сердце не нарадуется, как будто снова молодой. Ну, как жизнь? Все трудитесь?

Мэтт смущенно улыбнулся:

— Сделал себе передых. Вообще-то нужно заниматься астрогацией, но она у меня вот уже где сидит.

— Что правда, то правда. И у меня от цифр в голове треск.

Мэтт подумал, что старый сержант поймет: очень ему хотелось поделиться — столько на душе накопилось. Маклеод слушал, кивал, сочувствовал.

— Знаете, мистер Додсон, — сказал сержант, — вижу, не очень вам нравится эта ученая заумь. А может, бросить все это, а?

— То есть как — бросить?

— Вам космическая пехота нравится?

— Да.

— Так и займитесь настоящим делом. Мужским. Юноша вы крепкий, здоровый. Образованный. Да через год я буду в струнку перед вами стоять. Как вы об этом — думали?

— По-честному, не думал.

— Так подумайте, еще не поздно. Вы, я вижу, любите больше действовать, а такому с профессорами трудно ужиться; это мы так Патруль называем — профессора.

— Да, я слышал.

— Слышали, да? Мы служим профессорам, это верно, но войска-то у нас разные. Мы... да что это я, вы сами все видели. Подумайте, в общем.

Мэтт сильно думал над словами сержанта, думал, мучался, и когда вернулся на «Рэндольф», та задачка о перелете с Марса на Венеру так и осталась нерешенной.

Несмотря на то что прошло порядочно времени, проще задача не стала, да и другие, куда более сложные, проще почему-то не делались — а виной были мысли, которые ели Мэтта. Ему казалось все ясней и ясней, что совсем не обязательно изводить себя высшей математикой — космонавтом он станет и без того. В мыслях Мэтт уже щеголял перед всеми в форме космических пехотинцев, яркой, словно фазаний хвост. Наконец, он надумал идти за советом к лейтенанту Вонгу.

— Итак, вы хотите просить о переводе в космическую пехоту?

— Да. Думаю, так будет лучше.

— Почему?

Мэтт выложил ему весь ворох сомнений по поводу своих способностей в ядерной физике и астрогации.

— Я так и думал, — кивнул Вонг. — Мы этого ждали, вы же к нам прибыли с недостаточной подготовкой. Мне не нравится ваша неряшливость при математических расчетах, особенно после того, как вы вернулись с Луны.

— Я делаю все от меня зависящее, сэр.

— Неправда. Но овладеть вы этими предметами можете, уж я о том позабочусь.

Мэтт объяснил едва слышно, что он не совсем уверен, хочет ли он этого. Впервые лейтенант Вонг посмотрел на Мэтта озабоченно.

— Вы все еще настаиваете на своем? Если вы подадите рапорт с просьбой о переводе, я вас не поддержу, и можете быть уверены — начальник Академии тоже откажет.

— Это ваше право, — сквозь зубы произнес Мэтт.

— Черт побери, Додсон, это не мое право — скорее, это мой долг. Из вас никогда не получится космический пехотинец; я правду вам говорю — уж о ваших возможностях кому судить, как не мне. Но шансы стать офицером Патруля у вас твердые.

— Почему это вы считаете, что в космическую пехоту я не гожусь? — удивился Мэтт.

— Это окажется для вас слишком простым делом, таким простым, что вы точно потерпите неудачу.

— А?

— Да оставьте вы эти «а». Разница в коэффициенте умственного развития между офицером и подчиненными не должна превышать тридцати очков. А вы опережаете этих старых сержантов намного больше — только не поймите меня неправильно, все они — отличные люди. Но вы-то мыслите совершенно иначе, — Вонг подумал, затем продолжил: — Вы никогда не задумывались, почему в Патруле одни офицеры или кадеты — тоже будущие офицеры?

— Нет, сэр.

— Вполне естественно. Мы никогда не задумываемся над тем, что кажется нам естественным. Строго говоря, Патруль — это не военная организация.

— То есть как?

— Да, конечно: вас учат владеть оружием, исполнять приказы, вы носите форму. Но все это не войны ради, суть вашей работы —

предупредить войну, предупредить всеми возможными средствами. Патруль — не боевая единица, это что-то вроде места хранения оружия, слишком опасного, чтобы его можно было доверить военным. После того как в прошлом столетии появились средства массового уничтожения, война стала чисто наступательной, против современного оружия нет защиты. Страна может нанести страшнейший по силе удар, но она не в состоянии защитить даже свои ракетные базы. А потом появились космические корабли. С военной точки зрения космический корабль — идеальный ответ на появление атомной бомбы, бактериологического и метеорологического оружия. Нападение из космоса предотвратить невозможно, и в то же время космический корабль недоступен для атаки с земной поверхности.

— Фактор гравитации, — кивнул Мэтт.

— Совершенно верно, фактор гравитации. Люди на поверхности планеты беззащитны перед угрозой из космоса; бороться с космическими кораблями с поверхности Земли так же бессмысленно, как бросать по врагу камни со дна колодца. Ведь человек, стоящий у края колодца, имеет в союзниках гравитацию. В результате могла бы возникнуть самая прочная, практически нерушимая тирания. Но человеческой расе повезло, и этого не случилось. Задача Патруля в том и состоит, чтобы это везение продолжалось. Но Патруль не может применять ядерное оружие лишь потому, что какой-то новоявленный Гитлер попытался захватить власть и когда-нибудь, имея достаточно времени и средств, начнет строить космический флот и средства массового уничтожения. Оружие, доверенное Патрульной службе, слишком мощное, слишком неразборчивое. Использовать его — все равно что пытаться наводить порядок в детском саду с помощью заряженного ружья вместо розги. А розга — это космическая пехота. В ней самые отборные...

— Извините меня, сэр...

— Да?

— Я знаю, как работают космические пехотинцы. На них лежит вся активная деятельность по поддержанию порядка в Системе — поэтому я и хочу перевестись. Они...

— ...отчаянные, в них столько романтики, их всегда замечают, везде им уважение и почет — и, главное, им не приходится

заниматься изучением предметов, от которых так устал Мэттью Додсон. А теперь молчите и слушайте: вы очень мало знаете о космической пехоте, знали бы — не просили о переводе.

Мэтт замолчал.

— Человечество делится на три основные психологические группы с совершенно различными мотивациями. Существует группа, в состав которой входят люди, в деятельности которых побудительными мотивами служат экономические факторы — деньги... А есть другая группа — представители ее стремятся к самоутверждению, ими руководит самолюбие или гордость. К этому типу людей принадлежат транжиры, драчуны, спортсмены, хвастуны, любители азартных игр. Они стремятся к власти и хотят прославиться. А вот третья группа — профессионалы, старающиеся следовать законам чести и морали, а не просто стремиться к деньгам и славе; среди представителей этой группы — священники, учителя, ученые, врачи, некоторые художники и писатели. Они исходят из того, что человек должен посвящать свою жизнь чему-то более важному, чем удовлетворению собственных потребностей. Вы меня понимаете?

— Да... думаю, что понимаю.

— Имейте в виду, Додсон, я говорю, сильно все упрощая. И не пытайтесь применять эти правила к инопланетянам — к ним человеческие законы неприменимы. У марсиан абсолютно другая психика, у венериан — тоже.

— Теперь переходим к самому главному, — продолжал лейтенант.

— Патруль состоит исключительно из представителей третьего типа людей, тех, кто хочет посвятить свою жизнь службе человечеству.

Все те, кто служат в космической пехоте, начиная от солдата и кончая генералом, стремятся к славе, ими руководят гордость и самолюбие.

— Понятно...

Лейтенант Вонг замолчал, давая Мэтту возможность усвоить новые для него понятия.

— Это видно по форме, которую они носят. Офицеры Патруля одеты в самую скромную форму, какая только бывает, пехотинцы —

в самую яркую. Главное в Патруле — это присяга, служение человечеству. У космических пехотинцев главное — слава их рода войск, гордость, история и традиции, верность товарищам, — словом, те солдатские добродетели, известные еще с седой древности. И я совсем не хочу унизить в ваших глазах пехотинца, когда говорю, что ему до лампочки все эти политические институты Солнечной системы. Его волнуют исключительно проблемы организации, в которой он служит. Так что, Мэтт, это не в вашем духе. Я знаю вас лучше, чем вы сами, потому что изучил результаты ваших психологических тестов. Космический пехотинец из вас не получится.

Офицер замолчал. Тишина длилась так долго, что Мэтт не выдержал и робко спросил:

— Сэр, это все?

— Почти. Вам необходимо овладеть астрогацией. Если бы для выполнения задач Патруля понадобилось научиться нырять, вам пришлось бы овладеть и этим искусством. Но основой является управление космическим кораблем. Я составил для вас усиленный курс занятий. В течение нескольких ближайших недель вы будете заниматься только астрогацией. Вам нравится мое предложение?

— Нет, сэр.

— Я так и думал. И все-таки, когда мы с вами закончим курс обучения, вы сможете ориентироваться в Солнечной системе с закрытыми глазами. Итак, посмотрим...

Следующие несколько недель были однообразными — хоть стреляйся, но успехи Мэтта явно пошли на подъем. И у него оказалось достаточно времени для размышлений, если, конечно, он не корпел за компьютером. Оскар и Текс вместе отправились на Луну; Пит проводил ночи на дежурстве в машинном отделении. Мэтт работал с мрачным упрямством и думал. Он дал себе обещание не бросать работу, пока Вонг от него не отстанет.

А потом... потом у него будет отпуск. Если Мэтт все-таки решится бросить Патрульную службу — что ж, немало кадетов не возвращается из своего первого отпуска. Тем временем ему удалось добиться похвалы лейтенанта Вонга, правда сдержанной.

Наконец Вонг разрешил ему вернуться к обычным занятиям. Мэтт начал погружаться в рутину каждодневной работы, когда

ему поручили кое-что дополнительно. Чтобы выполнить поручение, он прибыл к вахтенному офицеру, прослушал инструктаж, запомнил список фамилий и получил черную нарукавную повязку. Затем Мэтт отправился к главному корабельному шлюзу и стал ждать.

Наконец из дверей шлюза выплыла группа испуганных, позеленевших парней. Настал черед Мэтту действовать: он продвинулся вперед и спросил: — Седьмое отделение! Кто командир седьмого отделения? Мэтт собрал своих подопечных вместе, кадета, исполнявшего обязанности командира отделения, назначил замыкающим и медленно и осторожно повел группу на палубу «А». Добравшись до палубы, он с облегчением выдохнул: все были на месте, не потерялся никто.

— Здесь ваша столовая, — сказал он. — Сейчас будем обедать.

Сказал и заметил, какое забавное выражение появилось на лице одного из новеньких.

— В чем дело, мистер? — спросил он юношу. — Вы что, еще не проголодались?

— Э-э, нет, сэр.

— Не падайте духом — скоро проголодаетесь.

10. QUIS CUSTODIET IPSOS CUSTODES*?

Кадет Межпланетного патруля Мэттью Додсон сидел в зале ожидания станции запуска на пике Пайкс и смотрел на часы. До посадки на корабль «Молодая Луна», отбывающего на станцию «Терра», оставался час; а пока он сидел, смотрел на часы, дожидался своих товарищей. «Неплохой все-таки вышел отпуск», — подумал он; все, что хотел, — сделал, вот только с поездкой на ранчо Джермэна ничего не вышло. Мать подняла шум, уговорила его остаться еще на пару дней дома. Но что ни говори, отпуск прошел

* Цитата из шестой сатиры ритора и поэта Децима Юния Ювенала (ок. 60 — ок. 127 г.): «Наложи засов, держи ее взаперти; но кто устережет самих сторожей? Твоя жена хитроумна и начинает с них».

хорошо. Лицо Мэтта было черно от космического загара, по лицу уже пробежали трещинки ранних морщин. Он никому не рассказывал о своем замысле бросить Патруль. Теперь он мучительно пытался вспомнить, а когда собственно и почему это желание исчезло.

Мэтта временно назначили помощником астрогатора на ПРК «Нобель», пока шла-тянулась обыденщина проверки находящихся на околоземных орбитах ракет с ядерными боеголовками. Мэтт взошел на борт корабля на Лунной базе и, оттрубив срок патрулирования — «Нобель» как раз к тому времени пришвартовался к «Терре» на предмет профилактического ремонта, — получил разрешение отправиться в отпуск, даже не залетая на «Рэндольф». Мэтт сразу отправился домой. Семья, все как один, встречала его на космодроме; домой они летели на вертолете. Мама всплакнула, а отец крепко пожал ему руку. Увидав младшего брата, Мэтт аж удивился: ну тот и вымахал! Очень все-таки славно снова оказаться среди своих. В вертолете Мэтт хотел было занять по привычке место в кресле пилота, но Билли, братишка, быстренько оккупировал панель управления.

Обстановка в доме переменилась полностью. Мать, разумеется, ожидала в свой адрес похвал, и, разумеется, она их получила, но перемены были Мэтту не по душе. Дом стал другим. Даже комнаты вроде бы стали меньше. Он решил, что в том, что они поужались, — метаморфозы с переустройстом и виноваты — не уменьшилось же само здание! Комната, где раньше Мэтт жил, была завалена теперь барахлом Билли, хотя младшего, пока старший отбывал отпуск, перевели обратно в его старую комнату, которая после отъезда Мэтта стала комнатой, где любовалась на свои безделицы мать. Вся эта перетасовка жилплощади, может быть, и была разумной, но Мэтта здорово раздражала.

И все же не перемены в доме были причиной его решения. Нет, конечно же, не они! И не слова отца, когда тот сказал про осанку Мэтта, хотя приятного после таких слов было мало... Это случилось в гостиной перед обедом. Мэтт ходил взад-вперед, взахлеб расписывая отцу свой первый самостоятельный полет. Отец дождался, когда Мэтт на минутку смолк, и сказал:

— Выпрямись-ка, сынок.

— Что? — не понял Мэтт.

— Ты сутулишься и как будто хромаешь. Что, все еще нога? — Нет, нога в порядке.

— Ну так распрямись, плечи расправь. У тебя должен быть гордый вид. Неужели им все равно, какая у вас осанка?

— А что в ней такого особенного?

И тут в гостиную случилось зайти Билли.

— Мэтти, — вмешался он, — ты ходишь вот так, смотри.

Билли пригнулся и начал ходить по комнате, намеренно искажая легкую и небрежную поступь космонавта. Его кривлянье сильно напоминало ужимки и шажки шимпанзе.

— Вот так ты ходишь.

— Ни хрена подобного.

— Хрена ни хрена, а ходишь ты именно так.

— Билл, — сказал отец, — пойди умойся, скоро обедать. И чтоб больше я от тебя такого не слышал. Ступай!

Когда Билли вышел, отец повернулся к Мэтту и сказал извиняющимся голосом:

— Я думал, мы здесь одни. Конечно, Мэтт, твоя походка совсем не такая, как тут кривлялся Билли, но нормальной ее тоже не назовешь.

— Но... папа, все космонавты ходят так. Мы же привыкли к невесомости, а при невесомости все время ходишь, пригнувшись, чтобы если что — оттолкнуться от переборки или схватиться за скобу. И понятно — когда попадаешь туда, где есть сила тяжести, мы ходим так, как сейчас я. Мы называем такую походку «кошачьи лапы».

— Пожалуй, ты прав: невесомость не очень-то переспоришь, — задумчиво сказал отец. — А ты не считаешь, что было бы неплохо почаще практиковаться в простой ходьбе? Чтобы не терять форму?

— В невесомости-то?.. — Мэтт замолк. Как можно объяснить, что такое невесомость, человеку, никогда не бывавшему в космосе? — Ладно, папа. Пошли обедать.

От такого бедствия, как торжественные обеды, которые устраивались дядюшками и тетушками Мэтта, отказаться было никак нельзя. Каждый раз его просили рассказать про Академию, и

все выпытывали, что же чувствует человек, оказавшись в космическом пространстве. Но впечатление было такое, что их не слишком интересовали ответы Мэтта. Взять, например, тетку Дору. Двоюродная бабушка Дора была старейшим членом семьи. Раньше она вела очень активную жизнь, занималась благотворительностью и делами церкви, но вот уже как три года оказалась прикованной к постели. Мэтт навестил ее, потому что очень настаивала семья.

— Она так часто жалуется, что ты ей не пишешь, Мэтт, и поэтому...

— Мама, послушай, но у меня нет времени писать письма, ты же знаешь!

— Да-да, знаю. Но она же гордится тобой, Мэтт. Она хочет задать тебе тысячу вопросов. Обязательно надень форму, ей это понравится.

Вместо тысячи вопросов бабушка Дора задала один. Она спросила, почему Мэтт не пришел к ней сразу, как только приехал. После этого ему пришлось выслушать во всех подробностях какой растакой-разэтакий у них новый пастор, какие шансы у нескольких родственниц и знакомых выскочить замуж, как обстоят дела со здоровьем каких-то пожилых женщин — о большинстве из них Мэтт и слыхом не слыхивал, — включая подробности перенесенных операций и последующего лечения.

Когда, наконец, ему удалось унести ноги — вроде как встреча у него, не пойти ну никак нельзя, — голова у Мэтта шла кругом. Так что, вполне может быть, именно визит к тете Доре убедил его, что не стоит бросать Патруль и возвращаться в Де-Мойн.

Именно это, а не Марианна.

Марианна была той самой девушкой, которой он обещал регулярно писать и регулярно писал, во всяком случае чаще, чем она ему отвечала. Мэтт заранее ей сообщил, что приезжает в отпуск, и Марианна по этому поводу организовала пикник, который прошел очень весело. Мэтт встретился со старыми друзьями и не без интереса отметил, что кое-кто из дамского пола смотрит на него, как на героя. Среди гостей оказался некий молодой человек, года на три или четыре старше Мэтта, который пришел

без спутницы. До Мэтта не сразу дошло, что у Марианны и этого некто имеются кое-какие планы на будущее.

Впрочем, его это не тронуло ни на грамм. Марианна была из породы тех девушек, которые не способны понять, чем звезда отличается от планеты. Сначала Мэтт вроде как этого не замечал, но однажды, когда у них было свидание без посторонних глаз, это и много чего еще выплыло на поверхность. К тому же Марианна назвала его форму «прелестной». После встречи с Марианной он начал догадываться, почему большинство офицеров Патруля не женятся до ухода в отставку — лет, примерно, до тридцати пяти.

Настенные часы показывали, что до отлета еще полчаса. Мэтт начал переживать за друзей. «Может, это Текс их заразил? Сам без царя в голове, и они от него набрались?» — подумал он. Нехватало еще опоздать с возвращением из отпуска! И тут он заметил всю троицу, когда она пробиралась через толпу. Мэтт схватил свою сумку через плечо и пошел к ним.

Он незаметно подобрался к ним сзади и произнес хриплым голосом прямо за спиной Текса:

— Мистер, вам следует немедленно прибыть к начальнику Академии!

Текс от неожиданности подпрыгнул, обернулся и узнал Мэтта.

— Мэтт, черт тебя побери! Совсем очумел, конокрад паршивый!

— Вот она, нечистая совесть. Привет, Пит! Привет, Оскар!

— Как отпуск, Мэтт?

— На отлично.

— У нас тоже.

И они пожали друг другу руки.

— Ну что, двинули на корабль?

— Пошли.

Кадеты показали проштампованные пропуска, сдали на весы багаж, и только тогда им разрешили пройти на площадку космодрома, где «Молодая Луна», раскинув могучие крылья, уже стояла в люльке катапульты. Стюардесса проводила юношей до их кресел. Когда прозвучал сигнал десятиминутной готовности, Мэтт сказал:

— Я — в рубку, пойду посмотрю на взлет. Кто со мной?

— Я спать хочу, — сказал Текс.

— Я тоже, — поддержал его Пит. — В их Техасе никогда не спят. Я хожу еле-еле.

Оскар решил идти вместе с Мэттом. Они поднялись в рубку и обратились к командиру корабля.

— Кадеты Додсон и Йенсен, сэр. Разрешите понаблюдать за взлетом.

— Ладно, не возражаю, — пробормотал капитан. — Пристегнуться не забудьте.

Вход в рубку управления любого космического корабля для сотрудников Патруля был свободен, но командиры кораблей, летающих по маршруту «Терра — станция «Терра», и без того были вымотаны до чертиков, так что частенько не очень-то радовались, когда маячили у них над душой. Оскар занял кресло инспектора. Мэтту пришлось разместиться на поролоновом матрасе: отсюда хорошо было видно, как работают второй пилот и помощник капитана, склонившиеся над приборами управления, очень похожими на те, что бывают на обычном самолете. Если после того, как катапульта выбросит корабль вверх, ракетный двигатель по какой-то причине откажет, долг помощника перевести корабль в режим планирования и посадить его в колорадских прериях.

Капитан сидел за пультом. Он переговорил с центром управления катапульты и включил сирену. Через несколько секунд корабль уже мчался вверх по желобу катапульты, проложенному по крутому склону горы, с костоломным ускорением в шесть *g*. Ускорение длилось всего десять секунд, затем корабль был вышвырнут в небо со скоростью в тысяча триста миль в час.

Они взлетали вверх в состоянии невесомости. Казалось, что капитан не спешит включить ракетные двигатели; на мгновение Мэтта охватило какое-то странное возбуждение, даже надежда, что без аварийной посадки не обойтись. Но в следующую секунду раздался рев раскаленных газов, рвущихся из дюз корабля. После того как корабль вышел на орбиту и ракетные двигатели смолкли, Мэтт и Оскар сказали капитану спасибо и вернулись в свои кресла. Текс и Пит спали; Оскар не заставил долго себя уговаривать — заснул тоже. Мэтт смотрел на спящих друзей и ду-

мал: и чего это он не подался с ними в Техас? Текс же его приглашал, уламывал.

И снова мысли его уперлись в вопрос, столько времени не дававший покоя. В том, что Мэтт решил остаться в Патруле, то обстоятельство, что его отпуск прошел довольно спокойно, не играло никакой роли; он никогда не считал родительский дом чем-то вроде ночного клуба или карнавала. Однажды вечером, после ужина, отец попросил рассказать Мэтта о том, чем занимался «Нобель» при околоземном патрулировании. Мэтт попытался объяснить.

— После взлета с Лунной базы мы по эллиптической орбите направились к «Терре». Приближаясь к Земле мы постепенно гасили лишнюю скорость и перевели корабль на низкую кольцевую полярную орбиту вокруг полюсов.

— Полярную? А почему не вдоль экватора?

— Видишь ли, папа, ракеты с ядерными бомбами вращаются вокруг планеты по полярным орбитам. Только следуя по полярной орбите, они могут своими витками охватить Землю целиком. Если бы они вращались вокруг экватора...

— Это мне понятно, — прервал его отец, — но ты говорил, что целью вашего патрулирования было осмотреть ракеты с ядерными бомбами. Находясь на экваториальной орбите, вы просто ждали бы, когда эти ракеты будут пролетать рядом.

— Понятно, понятно — вечно тебе все понятно, — теперь уже мать прервала отца, — а я не понимаю.

Мэтт переводил взгляд с одного на другого, не зная, кому отвечать и как.

— Спрашивайте, но только по одному, — попросил он. — Папа, мы не можем перехватывать ракеты с ядерными зарядами, которые пролетают мимо; нам нужно лететь рядом с ними, по одной и той же орбите, уравняв скорость. Затем бомбу вводят в грузовой отсек и там осматривают.

— И что же это за осмотр?

— Погоди, папа. Мама, посмотри сюда, — из вазы, что стояла на середине стола, Мэтт взял апельсин. — Ракеты летают по полярным орбитам одна за другой, совершая оборот вокруг планеты каждые два часа. Тем временем Земля поворачивается вокруг своей оси, совершая один оборот за двадцать четыре часа.

Мэтт медленно поворачивал апельсин, быстро водя указательным пальцем правой руки, как бы это летела ракета с ядерным зарядом.

— Это значит, что если сейчас ядерная бомба пролетает над Де-Мойном, то ее следующая орбита будет над Тихим океаном. За двадцать четыре часа она покрывает всю территорию земного шара.

— Боже мой! Мэттью, прошу тебя; не говори мне про атомную бомбу, летающую над Де-Мойном. Даже в шутку.

— В шутку? — Мэтт озадаченно посмотрел на мать. — Между прочим... сейчас подсчитаю; мы находимся примерно на сорок втором градусе северной широты и девяносто четвертом западной долготы... — он взглянул на часы, вмонтированные в перстень на пальце, и задумался. — «Джей-3» будет пролетать минут через семь — да, точно, она будет прямо у нас над головой, когда ты закончишь пить кофе.

Бесконечные недели на борту «Нобеля», во время которых Мэтт занимался расчетами и следил за экраном радиолокатора, сделали из него отличного вычислителя; он помнил данные всех орбит, по которым летали ракеты с ядерными зарядами вокруг Земли, лучше, чем жена фермера помнит, сколько у нее цыплят. Для Мэтта орбита ракеты «Джей-3» была не просто набором цифр, а чем-то вроде старого знакомого, все привычки которого навсегда отпечатались у него в памяти.

Мать смотрела на него с ужасом. Затем она повернулась к мужу, словно надеясь, что он сможет чем-то помочь.

— Джон... я боюсь. Ты слышишь меня? Я боюсь! А вдруг она упадет?

— Глупости, Кэтрин, ракета не может упасть.

— Мама даже не знает, почему Луна держится в космосе! — хихикнул младший брат.

Мэтт повернулся к брату.

— А ты, сопляк, чего лезешь? — осадил его Мэтт. — Сам-то ты знаешь, почему Луна держится?

— Конечно. Из-за силы тяготения.

— Так, да не так. Давай, чтобы было яснее, с помощью чертежей.

Билли попытался объяснить, измарав лист бумаги диаграммами; из его мараний понять что-нибудь было трудно. Мэтт сделал знак, чтобы он перестал.

— Астрономию ты знаешь хуже древних египтян. А еще над старшими смеешься. Мама, послушай, не расстраивайся. «Джей-3», правда, не может упасть на Землю. Он находится на свободной орбите, которая с земной поверхностью ну никак не пересекается. И в одном этот умник прав: «Джей-3» не может упасть вроде того, как не может упасть Луна. Для того чтобы подвергнуть бомбардировке какой-нибудь город, нужно подать команду ракете где-то за две тысячи миль до цели, ведь надо послать ее автопилоту сигнал на запуск двигателя и поиск цели. Ракету надо замедлить и направить ее траекторию вниз. Потому Патрульная служба и не сможет направить «Джей-3» на Де-Мойн, ведь ракета вот-вот пролетит над нашими головами. Значит Патрулю придется выбрать какую-нибудь другую ракету, скажем... — Мэтт на мгновение задумался, — «Ай-2» или, может быть, «Эйк-1».

Он что-то вспомнил и улыбнулся.

— Как раз из-за «Ай-2» у меня были однажды неприятности.

— Какие? — с интересом спросил младший брат.

— Мэтт, я думаю, от этих твоих объяснений матери лучше не стало, — сухо сказал отец. — Давай не будем про атомную бомбардировку городов.

— Но я и не собирался... Извини, папа.

— А ты, Кэтрин, не должна этого бояться, ты же местных полицейских не боишься? Мэтт, ты хотел рассказать, как делается осмотр ракет. Зачем их нужно осматривать?

— Папа, пусть Мэтти расскажет, почему у него были неприятности!

Мэтт подмигнул брату.

— Пожалуй, я расскажу, это связано с осмотром ракет, папа. Значит, дело было так: когда нужно было ее забрать, у меня плохо вышло с прыжком. Пришлось вернуться на ранцевом двигателе и начать все сначала.

— Что-то я не понимаю, Мэттью.

— Он хочет сказать, что...

— Билли, помолчи. Когда нам нужно взять ракету на борт, то посылают космонавта в скафандре, чтобы вставить в боеголовку чеку и прикрепить к ней трос. Тогда уже можно втянуть ее в корабль и начать работу. Это поручили мне. Я прыгнул, да неудачно и проскочил мимо ракеты. Она была от нас ярдах в ста, наверное, я плохо прикинул расстояние. Я повернулся и увидел, что пролетаю мимо. Тогда я вернулся — с ранцевым двигателем — на корабль и сделал все снова.

Мать все еще ничего толком не понимала, но услышанное ей не понравилось.

— Мэттью! По-моему это очень опасно.

— Ничего опасного, мама. Ведь и я не могу упасть, так же как ракета или корабль. Но мне, конечно, было очень неудобно за такую ошибку. Как бы там ни было, в конце концов я прикрепил трос к ракете и вернулся на корабль прямо верхом на ней.

— Ты хочешь сказать, что ехал верхом на атомной бомбе?

— Ерунда, мама, поглотитель вокруг расщепляющихся материалов задерживает большую часть излучения. К тому же все это было очень недолго.

— А если она взорвется?

— Да не может она взорваться. Для этого бомба должна врезаться в землю с такой скоростью, чтобы субкритические массы соединились в одно целое — как при действии взрывного механизма — или нужно дать команду по радио, чтобы сработало взрывное устройство. А я же ведь еще и чеку вставил — маленький такой ломик. Когда чека на месте, бомба даже чудом взорваться не может — субкритические массы не соединятся.

— Вот что, Мэтт, давай кончим этот разговор. Мать побереги.

— Папа, так ведь мама первая и спросила.

— Знаю. Но ты мне так и не сказал, зачем вы осматриваете ракеты.

— Ну, в первую очередь мы осматриваем сами боеголовки, но с ними всегда порядок. Кроме того, я еще не получил допуска для осмотра бомбы — для этого нужно иметь диплом физика-ядерщика. Потом мы проверяем ракетный двигатель, особенно — топливные баки. Иногда топливо приходится пополнять: бывает,

часть его испаряется через клапаны. Но наша главная задача — это проверка орбиты и контуров управления.

— Проверка орбиты?

— Конечно, теоретически мы должны быть готовы определить координаты любой из бомб в любой момент на протяжении следующих тысячелетий. Но так не бывает. Разная мелочь — приливы, неидеальная сферичность Земли и так далее — все это приводит к тому, что ракеты постепенно уходят с расчетных орбит. После того как ракету найдут и осмотрят — она всегда неподалеку от расчетного места, — корабль ложится точно на курс, по которому должна следовать ракета, и ее выталкивают из грузового отсека. Затем направляемся к следующей.

— Теперь понятно. Значит, осмотр ракет и коррекция орбит должны производиться достаточно часто? По-видимому, корабль постоянно летает от одной ракеты к другой?

— Нет, папа, осмотр производится чаще, чем это требуется. Поэтому команда корабля не страдает от безделья и однообразия полета. К тому же так оно и вернее.

— Мне кажется, что это просто напрасная трата средств налогоплательщиков.

— Папа, ты не понимаешь. Наша главная задача не в том, чтобы осматривать ракеты и осуществлять коррекцию их орбит. Патрульный корабль находится на околоземной орбите для того, чтобы он мог по переданной ему команде нанести атомный удар, если будет такая необходимость. Именно поэтому корабль патрулирует околоземное пространство до тех пор, пока ему на смену не придет другой. И чтобы не тратить время впустую, производится осмотр ракет и коррекция их орбит. Если по правде, ядерный удар можно нанести и с Лунной базы, но при наведении с патрульного корабля атака будет более точной и не принесет вреда мирным людям.

Лицо матери выглядело очень обеспокоенным.

— Мы опять вернулись к бомбардировке Земли, Мэтт, — с досадой сказал отец.

— Я же отвечаю на вопросы, папа.

— Боюсь, что я не должен был задавать тебе такие вопросы. Твоя мать не может спокойно об этом слушать. Кэтрин, уверяю

тебя, нет ни малейшей опасности бомбардировки Северо-Американского союза. Скажи ей, Мэтт, тебе мать поверит.

Мэтт молчал.

— Ну что же ты, Мэтт. Послушай, Кэтрин, Патруль ведь наш. Про другие нации и разговору нет. Большинство офицеров Патруля — американцы. Мэтт, правда?

— Я как-то об этом не думал. Да, пожалуй.

— Хорошо. Понимаешь, Кэтрин, разве можно представить себе, что Мэтт согласится участвовать в атомной бомбардировке Де-Мойна? Да скажи ты ей это, Мэтт!

— Но, папа, ты просто не понимаешь, о чем говоришь!

— Что?! Что это значит, молодой человек!?

— Я... — Мэтт беспомощно посмотрел по сторонам, неожиданно поднялся из-за стола и вышел в коридор.

Через некоторое время отец вошел к нему в комнату.

— Мэтт?

— Да, папа.

— Прости, этот разговор зашел слишком далеко. Признаю — я виноват и не сержусь на тебя. Все дело в твоей матери. Нужно же мне было как-нибудь ее успокоить.

— Ты ни при чем, папа. Прости меня за то, что я ушел из столовой.

— Давай забудем об этом. Мне только хотелось задать тебе один вопрос. Я знаю, что ты предан Патрулю и его идеалам. За это стоит уважать. Но ты еще слишком молод и всего, что касается политики, тебе не понять. И все-таки ты не можешь не знать, что Патруль не имеет права подвергнуть атомной бомбардировке Северо-Американский союз.

— В критическом случае — может.

— Но ведь не будет никакого критического случая. А даже если и будет, ты никогда не согласишься бомбить свой народ — и твои товарищи тоже.

В голове Мэтта боролись противоречивые мысли. Он вспомнил капитана Риверу — одного из знаменитой четверки, вспомнил, как Ривера, когда его послали на Землю, в столицу его собственной страны, для переговоров с ее президентом, не нарушил клятву офицера. Подозревая, что его могут захватить и держать в

качестве заложника, Ривера распорядился, чтобы удар был нанесен, если только он лично не вернется на корабль и не отменит свое решение. Ривера, чье тело превратилось в радиоактивную пыль, но чье имя произносилось на каждой поверке всех подразделений Патруля...

— Разумеется, Патруль обязан следить за соблюдением законов на континенте, точно так же как он следит за их соблюдением на всех планетах системы, — продолжал отец. — Иначе это произвело бы неблагоприятное впечатление. Но это еще не причина пугать женщин воображаемыми страхами.

— Мне не хочется на эту тему говорить, папа...

Мэтт посмотрел на часы, прикинул, через сколько времени корабль состыкуется со станцией. Он тоже не прочь бы заснуть, как это сделали остальные. Теперь он знал точно, что именно повлияло на его решение остаться в Патруле. Не желание подражать Ривере. Нет, просто накопились разные мелочи, и они так тесно сбились одна к другой, что яснее ясного становилось — у мальчика Мэттью и города Де-Мойна общего было мало.

В течение нескольких недель после своего возвращения Мэтт был так занят, что ему некогда было размышлять. Нужно было снова впрягаться в работу — так много требовалось усвоить, а времени на это как всегда не хватало. Теперь ему приходилось нести вахты и подменять офицеров, к тому же висели долги — *накопившиеся лабораторные по электронике и ядерной физике.* А еще вместе с другими «стариками» он помогал воспитывать новичков. До отпуска вечерами Мэтт обычно бывал свободен и посвящал это время учебе, но теперь ему приходилось три раза в неделю обучать молодняк астрогации. Мэтт начал уже подумывать — а не бросить ли к чертям космополо, но тут как на грех его выбрали капитаном команды Свинячьего, и со временем вышел полный завал. Мэтт и думать забыл о каких-то там абстрактных проблемах, пока не встретился с лейтенантом Вонгом.

— Добрый вечер, — сказал наставник. — Как ваши новички-астрогаторы? Успевают?

— Как вам сказать... Необычно как-то учить других, когда сам недавно только учился и вечно проваливался на испытаниях.

— Вот поэтому вам и поручили вести основы астрогации — вы еще не забыли, что и почему было самым трудным. А с атомной физикой у вас как?

— Ну... думаю, разберусь. Эйнштейн из меня, правда, не получится.

— Вот бы я удивился, если б было наоборот. Ну а вообще как дела?

— Неплохо, пожалуй... Знаете, мистер Вонг, я же, когда домой уезжал, думал, обратно не вернусь.

— Я догадывался. Вся эта идея с пехотой — обычная попытка уйти от решения настоящей проблемы, которая перед вами стоит.

— Да? Скажите, мистер Вонг, вы офицер Патруля или психиатр?

— Я — обыкновенный офицер, — по лицу Вонга промелькнула еле заметная улыбка, — прошедший специальную подготовку, необходимую для моей работы.

— Понятно. А что значит — уйти от решения проблемы? Какой проблемы?

— Не знаю. Думаю, вы в этом больше меня понимаете.

— Наверно, мне надо рассказать о себе. Только с чего начать?

— Расскажите о своем отпуске, Мэтт. Времени у нас хватит.

— Хорошо, сэр.

И он рассказал Вонгу все, что мог вспомнить.

— В общем, — сказал он напоследок, — это был самый обычный отпуск. Ничего особенного. Вот только... вроде и дома я был, а вроде — как и не дома. Говорили — будто на разных языках.

Вонг засмеялся было, но вдруг оборвал смех.

— Я не над вами смеюсь, — пояснил он. — Не смешно это. Ведь все мы проходили через такое — каждый вдруг открывал, что пути назад нет. Это болезнь роста, вот только для космонавта она проходит слишком уж тяжело. Мучительно тяжело.

— Теперь и я это понял, — кивнул Мэтт. — Вернуться я не смогу, уже не получится. Во всяком случае — навсегда. Быть может, уйду в торговый космический флот, но то, что останусь космонавтом, — это точно.

— На этом этапе вы вряд ли уже потерпите неудачу.

— Может быть. Но я все еще не уверен, что Патруль — это то, что мне подходит больше всего. Это меня и беспокоит.

— А поподробнее вы это мне объяснить не можете?

Мэтт попытался. Он рассказал про свою беседу с родителями, которая так их расстроила.

— Короче говоря, вот в чем дело: в случае крайней необходимости мне придется нанести ядерный удар по моему родному городу. Я не уверен, что справлюсь с таким заданием. Может быть, Патруль все-таки не для меня?

— Не думаю, Мэтт, что такое когда-нибудь случиться. Ваш отец совершенно прав.

— Не в этом дело. Если офицер Патруля верен присяге только тогда, когда это не касается его лично, то вся система разваливается.

Вонг ответил не сразу.

— Если бы перспектива бомбить свой собственный город, свою семью, оставила вас равнодушным, и часа бы не прошло, как я вышвырнул бы вас с этого корабля — вы были бы исключительно опасным человеком. Патруль не рассчитывает на ангельское совершенство своих офицеров. Люди несовершенны, поэтому наша служба основана на принципе разумного риска. Вероятность того, что Солнечной системе будет угрожать опасность из вашего родного города, очень невелика, по крайней мере в течение жизни одного человека. Еще меньше вероятность того, что именно вам будет поручено нанести удар — в этот момент вы можете оказаться на Марсе. Если обе эти вероятности сложить вместе, шансы практически нулевые. Но если все же такое случится, ваш командир, думаю, не станет рисковать и запрет вас в вашей каюте.

Беспокойства на лице Мэтта меньше не стало.

— Такой ответ вас тоже не устраивает? — удивился Вонг. — Видите ли, Мэтт, болезнь ваша мне понятна — молодость.

Вы считаете, что моральные проблемы можно решить сразу и навсегда, что они бывают только черные или белые и ничего между. Знаете, что я предлагаю? Перестаньте переживать и позвольте *мне* думать о том, есть ли у вас все необходимые качества. Не сомневаюсь, что наступит момент, когда вы окажетесь в

сложной ситуации и рядом не будет никого, кто мог бы помочь отыскать правильный выход. Но именно мне нужно определить, сумеете вы найти такой выход или нет, причем я даже не знаю, какой будет эта ситуация! Ну что, хотите поменяться со мной местами? — Пожалуй, нет, сэр, — робко улыбнулся Мэтт.

11. ПРК «Aes Triplex»*

Мэтт, Оскар и Текс убивали время перед обедом, собравшись в общей комнате у себя в каюте, когда к ним ворвался Пит. Именно ворвался — другого слова не подберешь, — ударился с разбегу о притолоку и с криком влетел в комнату:

— Эй, ребята!

Оскар схватил его за руки, когда он отскочил от противоположной стены.

— Выключи двигатель и давай на посадку. Чего шумишь?

Пит повернулся в воздухе и посмотрел на них.

— Там новый список выпускников повесили!

— Кто в списке?

— Еще не знаю, самому только что рассказали. Пошли!

Кадеты двинули за ним следом. Текс поравнялся с Мэттом и сказал на ходу:

— Я-то чего спешу? Меня там наверняка нету.

— Пессимист!

Они вывернули из Свинячьего закоулка, пролетели на три уровня к центру корабля и направились к носу. Увидев группу кадетов рядом с кабинетом вахтенного офицера, четверка присоединилась к ней. Пит сразу увидел свою фамилию.

— Смотрите! — закричал он.

В начале списка значилось: «Арман, Пьер — временно назначен на ПРК "Телега Чарльза", прс — ст. "Терра", мнзн — Леда, Гнмд. Ж.д.р.».

---

* В переводе с латыни означает «Тройная медь». Первым словосочетание употребил древнеримский поэт Флакк Квинт Гораций (65–8 гг. до н.э.) в одной из своих од.

— Ребята! — радостно воскликнул Пит. — Меня же домой посылают! Ждать дополнительных распоряжений.

— Поздравляю, Пит. Просто здорово. — Оскар похлопал его по плечу. — А теперь не соизволишь ли сместить свою тушу? Ты не прозрачный.

— Я тоже есть! — объявил Мэтт.

— Какой корабль?

— ПРК «Aes Triplex».

Оскар повернулся к Мэтту.

— Какой-какой?

— «Aes Triplex».

— Да это же *мой* корабль!

Расстроенный Текс отвернулся от списка.

— Джермэна нету, что я и говорил. Так что, ребята, оставаться мне на «Рэндольфе» пять лет, десять, пятнадцать — буду старый, седой. Вы мне хоть писать обещайте на день рождения.

— Да, Текс, нехорошо получается. — Мэтт, как мог, старался приглушить свою радость.

— Слушай, Текс, а во второй половине списка ты смотрел? — спросил Пит.

— В какой еще второй половине?

Пит ткнул пальцем, и Текс снова нырнул в толпу. Через мгновение он появился рядом с друзьями.

— Вы себе представляете? Я тоже прошел.

— Понятно, не решились подвергать дурному влиянию еще одно поколение новичков. Какой корабль?

— ПРК «Оукридж». А вы с Оскаром что — на одном корабле?

— Да, «Aes Triplex».

— Дискриминация, вот что это такое. Пошли, на обед опоздаем.

В коридоре они столкнулись с Жераром Берком.

— Не беги так, Вонючка. Тебя в списке нет, — любезно сообщил ему Текс.

— В каком списке? А-а, ты про список выпускников! Не бойтесь за меня, сосунки, вы разговариваете со свободным человеком.

— Да ну? Неужто они наконец поумнели и тебя выгнали?

— Вот уж хрен! Уволен по собственному желанию, с сегодняшнего дня. Займусь бизнесом при папаше.

— Будешь строить космический металлолом? Да, тебе не позавидуешь.

— Нет, мы с отцом решили открыть грузовую линию. Займемся экспортом. В следующий раз при встрече не забудьте добавлять к моей фамилии «капитан», — Берк исчез за углом.

— Держи карман шире! «Капитан»! — сказал Текс. — Уверен, что это коммодор попросил его подать рапорт.

— Вряд ли, — задумчиво произнес Мэтт. — Берк — ловкий парень. Что ж, по крайней мере, теперь мы от него избавились.

После обеда Текс куда-то исчез и появился в каюте почти через два часа.

— Все, ребята, дело в шляпе. Пожмите руку новому члену экипажа «Aes Triplex»!

— Иди ты! Текс, врешь!

— Факт. Сначала я сходил к Двораку, объяснил ему, дураку, что гораздо удобнее работать на корабле, летающем на околоземной орбите, — он же чаще сможет встречаться со своей девушкой. Потом пошел к коммодору Аркрайту и тонко так ему намекнул, что вам без меня не справиться, вы ж как дети малые — вечно лезете ко мне за советом. Вот и все, собственно. Коммодор сразу оценил мудрость моего предложения и дал добро.

— По-моему, ты все перепутал, — покачал головой Мэтт. — Наверняка он решил поручить мне и дальше присматривать за тобой.

— Мэтт, а знаешь, — Текс посмотрел на него странным взглядом, — ведь ты почти попал в точку!

— Ладно, кончай трепаться, я же пошутил.

— Коммодор сказал, что, по его мнению, кадет Йенсен на меня благотворно влияет. Как это тебе, Оскар?

— Если он так считает, значит, самое время заводить новые дурные привычки! — В этом можешь всегда рассчитывать на меня.

— Нет уж, спасибо. У меня есть для этого дядя Боди!

Три недели спустя Оскар, Мэтт и Текс устраивались в своей новой каюте на борту ПРК «Aes Triplex». Мэтт чувствовал себя не в своей тарелке: накануне они с друзьями неплохо повеселились в поселке Тихо и едва успели на последний шаттл,

вылетавший на Лунную базу. Загудел телефон. Мэтт поднял трубку.

— Кадет Додсон слушает.

— Говорит вахтенный офицер. Йенсен тоже с вами?

— Так точно, сэр.

— Обоим немедленно явиться к капитану.

— Есть, сэр!

Мэтт положил трубку и тревожно взглянул на Оскара.

— Ос, я, кажется, влип. Комбинезоны-то мои у портного в мастерской базы — он сказал, что перешьет без задержки. А этот такой, будто я в нем спал.

— Не «будто», а спал. Мой возьми.

— Спасибо, он на мне как носки на петухе. В прачечную я сбегать успею, как ты думаешь?

— Вряд ли.

— И побриться нужно, — Мэтт уныло поскреб на щеке щетину.

— Слушай, — сказал Оскар, — или я ничего не понимаю в капитанах, или лучше явиться к нему голым и с бородой до колен, чем заставить его ждать. Пошли.

Дверь приоткрылась, и в щель сунулся Текс.

— Ребята, вас — куда, к старику?

— Да. У тебя нет чистого комбинезона?

Текс кивнул. Мэтт быстро юркнул в его крошечную каюту и переоделся. Он потуже затянул ремень, расправил на спине складки и вместе с друзьями отправился к капитану, надеясь, что пронесет.

— Хорошо, что нас трое, — сказал Текс. — Что-то у меня сегодня с нервами.

— А ты не переживай, — сказал Оскар. — Капитан Макэндрюс, говорят, человек добрый.

— Ты что, ничего не знаешь? — удивился Текс. — Макэндрюс в госпитале, сломал лодыжку. Перед самым вылетом командиром экспедиции Департамент назначил капитана Янки.

— Янки! — присвистнул Оскар. — Вот это да!

— А ты его, что ли, знаешь? — спросил Мэтт.

— Мой отец с ним работал. Он получил контракт на поставку продуктов в порт Нью-Окленда, когда Янки — лейтенант Янки — был там смотрителем.

— Отлично! У тебя будет покровитель.

— Если б так. Отец с ним не ладил.

— Интересно, — мрачно произнес Текс, — и зачем я так старался свалить с «Оукриджа» и попасть сюда?

— Раньше надо было думать. Поздно...

Оскар замолчал. Дверь, перед которой они стояли, неожиданно распахнулась, и кадеты увидели перед собой командира корабля. Капитан Янки был высоким широкоплечим мужчиной с узкими бедрами и таким красивым лицом, что можно было подумать, что это какая-нибудь кинозвезда снимается в офицерской роли.

— В чем дело? — холодно спросил он. — Что это за манера, разговаривать под дверью каюты! Заходите!

Кадеты молча прошли внутрь. Капитан Янки сел за письменный стол и окинул их взглядом.

— Как это понимать, джентльмены? — поинтересовался он. — Неожиданно онемели?

— Кадет Джермэн явился по вашему прика́занию, сэр, — отрапортовал Текс, взяв себя в руки.

Взгляд капитана переместился на Мэтта.

— Кадет Додсон, сэр, — с трудом выговорил Мэтт.

— Кадет Йенсен прибыл по вашему приказанию, сэр.

Капитан резко повернул голову в сторону Оскара и заговорил с ним по-венериански:

— *Неужели мои уши слышат звуки речи Прекрасной Планеты?*

— *Это так, о старый и мудрый вождь.*

— Откровенно говоря, мне никогда не нравилось говорить на этом дурацком языке, — заметил капитан, переходя на бейсик. — Не буду спрашивать, с какой вы планеты, но позвольте поинтересоваться — ваш отец никогда не занима́лся поставками продуктов?

— Мой отец — оптовый торговец продуктами, сэр.

— Так я и думал, — капитан еще какое-то время смотрел на Оскара, затем повернулся к Мэтту. — Объясните мне, мистер, зачем вам понадобился этот маскарад? Вы похожи на пассажира корабля для переселенцев.

Мэтт попытался что-то буркнуть в свое оправдание, но капитан его оборвал: — Ваши оправдания меня не интересуют. Я строго слежу за дисциплиной и порядком на своем корабле. Запомните это.

— Есть, сэр.

Капитан откинулся на спинку кресла и закурил.

— Думаю, джентльмены, вам интересно, зачем я вас сюда вызвал? Мне любопытно было посмотреть, какую продукцию выпускает нынче Академия. В мое время главное внимание обращали на дисциплину. Теперь, я знаю, всем заправляют психологи, и порядки переменились.

Он наклонился вперед и посмотрел Мэтту прямо в глаза.

— Но на моем корабле порядки остались прежними. Их никто не менял, джентльмены.

Все молчали. Янки сделал паузу и продолжил:

— В соответствии с правилами, вы обязаны представиться своему командиру в течение двадцати четырех часов после прибытия на корабль или базу. Будем считать, что процедура знакомства состоялась. Садитесь, джентльмены. Мистер Додсон, слева от вас кофейник и чашки. Не будете ли вы так любезны?

Через сорок минут кадеты вышли из каюты своего командира, ровным счетом ничего не понимая. Янки дал им понять, что он — гостеприимный хозяин, шутил даже, а под завязку рассказал пару забавных анекдотов. Мэтт подумал-подумал и решил, что Янки ему понравился. Тем не менее, когда кадеты направились к выходу из каюты, капитан Янки посмотрел на часы и сказал:

— Мистер Додсон, зайдите ко мне через пятнадцать минут.

— Что ему от тебя надо, Мэтт? — удивленно спросил Текс, когда за ними закрылась дверь капитанской каюты.

— А ты что, не понял? — бросил Оскар. — Слушай, Мэтт, я побежал в мастерскую за твоей формой, а то ты не успеешь переодеться и побриться за пятнадцать минут.

— Спасибо, Ос, ты спасаешь мне жизнь!

Через тринадцать часов ПРК «Aes Triplex» взлетел с Лунной базы по траектории, которая выводила его на эллиптическую орбиту, своим дальним краем захватывающую пояс астероидов. Кораблю были поручены поиски пропавшего ПРК «Следопыт». Исчезнувший корабль занимался составлением радиолокационных карт одного из секторов пояса астероидов для уранографического отдела Патруля. Выполняя свое задание, ПРК «Следопыт»

находился за пределами радиосвязи; и тем не менее он должен был связаться по радио еще шесть месяцев назад, в момент сближения с Марсом.

Но станция на Деймосе сообщила, что «Следопыт» на вызовы не ответил: похоже, с кораблем что-то случилось. Возможное местонахождение «Следопыта» было в пределах перемещающейся в пространстве зоны, определенной с помощью баллистики, геометрии, данных корабля, поставленной перед ним задачи, а также последних переданных им координат, курса и скорости. Эта зона была разделена на четыре сектора, и «Aes Triplex» было поручено обследовать один из них. Три других патрульных корабля занялись поисками в остальных секторах.

Операция по розыску пропавшего корабля получила в штабе название «Операция "Самаритянин"», но каждый из четырех кораблей действовал в пределах выделенного ему сектора самостоятельно. Это было вызвано тем, что корабли находились слишком далеко друг от друга и их действия невозможно было координировать. Ведя поиски пропавшего корабля, все четыре спасателя продолжали радиолокационную съемку астероидного пояса.

Помимо командира корабля и трех кадетов экипаж «Aes Triplex» состоял из коммандера Хартли Миллера, старшего помощника командира и астрогатора, лейтенанта Новака — старшего механика, лейтенанта Турлова — бомбардира, лейтенанта Брюнна — офицера связи и трех младших лейтенантов: Петерса, Гомеса и Клири, исполнявших обязанности механика и вахтенных офицеров. Кроме того, на борту находился доктор Пикеринг, начальник корабельной санчасти, посланный на «Aes Triplex» для того, чтобы оказать медицинскую помощь тем уцелевшим космонавтам, которых удастся обнаружить.

На «Aes Triplex» не было космических пехотинцев, если не считать доктора Пикеринга, который принадлежал к административному штабу корпуса космической пехоты и не был офицером Патруля. Все необходимые функции на корабле выполнялись кадетами и офицерами. Вспоминали время, когда даже самому младшему офицеру пехотного полка прислуживал собственный ординарец, но слуги оказались слишком дорогой роскошью для того, чтобы возить их за миллионы миль, расходуя

понапрасну топливо, припасы и кубатуру. К тому же мелкие хозяйственные обязанности отвлекают ум космонавтов от тягучего однообразия полетов; даже такая малоприятная работа, как уборка сортира, выполнялась по очереди всеми членами корабельного экипажа, за исключением командира, его помощника и врача.

Воспитателем кадетов капитан Янки назначил лейтенанта Турлова, а тот, в свою очередь, распределил среди них обязанности помощника астрогатора, младшего вахтенного офицера, помощника механика и помощника бомбардира, организовав смены для исполнения этих никому не нужных обязанностей. Кроме того, лейтенант Турлов следил за тем, чтобы кадеты как можно чаще пользовались единственным учебным проектором, имевшимся на борту корабля. Еще старший помощник поделил между кадетами другие обязанности, не имеющие прямого отношения к учебе. Мэтт, например, был назначен корабельным «фермером». Поскольку гидропонические ванны обеспечивали корабль кислородом и овощами, он отвечал за кондиционирование воздуха и на пару с лейтенантом Брюнном занимался камбузом.

Теоретически все продукты, взятые на борт для длительного полета, заранее подвергнуты обработке и их не надо готовить; лишь нескольких секунд требуется для того, чтобы достать их из морозильника и разогреть в высокочастотной печи. Но многие офицеры Патрульной службы считают себя искусными поварами. Не был исключением и лейтенант Брюнн; говоря по правде, результаты его поварской деятельности говорили за себя, и пища на борту «Aes Triplex» всегда была просто пальчики оближешь.

Скоро Мэтт понял, что лейтенант Брюнн ждет от корабельной «фермы» не только элементарной очистки воздуха, при которой зеленые растения поглощают двуокись углерода и замещают ее кислородом; нет, заведующий корабельной столовой хочет, чтобы гидропонические ванны снабжали его крохотными зелеными луковицами, душистой мятой, помидорами, брюссельской капустой и молодым картофелем. Мэтт начал подумывать, а не проще ли было ему остаться в Айове и сажать кукурузу.

Когда Мэтт взялся за контроль состава корабельной атмосферы, он не умел даже измерить содержание углекислого газа, но скоро набил руку и уже как опытный ветеран проверял состав

растворов в гидропонических ваннах, добавляя туда капсулы с солями. И все это благодаря советам Брюнна и учебной кассете 62-А-8134 «Основы гидропоники для космических кораблей с диаграммами роста и формулами микроэлементов», которую он взял в корабельной библиотеке. «Ферма» начала ему нравиться.

До тех пор пока люди не откажутся от привычки принимать пищу, корабли, отправляясь в длительные полеты, будут вынуждены брать запасы продовольствия на борт из расчета семисот фунтов на человека в год. Растения в гидропонических ваннах позволяют до какой-то степени снизить эти ограничения. Жизнь растений протекает по замкнутому циклу; им нужно немного: воздух, углекислый газ и вода — с ничтожными добавками азотнокислого калия, фосфата кальция и сернокислого железа.

Хорошо сбалансированная жизнедеятельность на корабле очень напоминает земную; для того чтобы один цикл приходил на смену другому, нужна энергия, но сырье используется то же самое, раз за разом. Поскольку бифштексы и многое из того, что едят, трудно производить на борту обычного космического корабля, их приходится брать с собой. Поэтому накапливаются отбросы, помои, бумага и прочее. Теоретически все это, конечно, можно переработать и использовать снова, но на практике сделать такое бывает сложно.

Но любая масса на борту корабля с атомным двигателем может быть использована в качестве реактивной массы. Расщепляемые материалы реактора расходуются очень медленно; вместо этого они нагревают другие материалы до исключительно высоких температур и затем выбрасывают их из сопла в виде «пара». Несмотря на то что для создания реактивной массы может сгодиться хоть ботва репы, хоть что, основное назначение «фермы» — извлекать из воздуха углекислый газ. Для этого на борту корабля должно находиться примерно десять квадратных футов зеленой поверхности на человека.

Лейтенант Брюнн, все время требующий разнообразия фруктов и овощей, заставлял Мэтта выращивать все больше и больше зелени; в результате воздух становился настолько «свежим», настолько насыщенным кислородом, что растения начинали вянуть из-за нехватки углекислого газа. Мэтту приходилось внимательно следить за его содержанием в атмосфере корабля и время от

времени компенсировать недостаток углекислого газа, сжигая ненужную бумагу или ветки растений.

В каюте лейтенанта Брюнна хранился большой запас самых разнообразных семян; однажды Мэтт пошел в его каюту за семенами персидских дынь — собрался их посадить. Брюнн показал, где они лежат, и разрешил выбрать, какие Мэтта больше устраивают. Кадет принялся шарить в пачках и вдруг воскликнул:

— Мистер Брюнн, вы только посмотрите!

— Что там у вас?

Офицер посмотрел на пакет в руке Мэтта. На пакете было напечатано: «Семена дыни, персидская разновидность, особенно крупные, 12-К-4728а». Мэтт вынул из пакета конверт с семенами — там стояла надпись: «Семена анютиных глазок, гигантская разновидность».

Брюнн покачал головой.

— Это вам урок, Додсон. Никогда не полагайтесь на складских клерков, иначе на полпути к Плутону вы обнаружите, что вместо космических карт вам погрузили полторы сотни медных плевательниц.

— Так что же мне посеять вместо дынь? Канталупы?

— Давайте лучше арбузы — старик обожает арбузы.

Мэтт вышел из каюты с семенами арбуза, но заодно прихватил и пакет анютиных глазок.

Через восемь недель он соорудил нечто вроде вазы из кухонной миски, обвернутой в лист пористой целлюлозы, которая использовалась в гидропонике, чтобы жидкость не вылетала из ванны при невесомости. После этого Мэтт наполнил «вазу» водой, поставил туда новый урожай и торжественно поместил «вазу» в центре стола перед обедом. Увидев веселые цветки анютиных глазок, капитан Янки не удержался от улыбки.

— Браво, джентльмены, — захлопал он в ладоши, — вот сюрприз так сюрприз! Будто ты дома! — он повернулся к Мэтту. — Наверно, вас надо за это благодарить, мистер Додсон?

— Да, сэр, это я. — Мэтт даже покраснел от удовольствия.

— Гениальная мысль. Господа, предлагаю освободить мистера Додсона от плебейского титула, который он носит, и с этой минуты вместо «фермера» называть его «ученым агрономом». Кто «за», прошу поддержать.

Раздалось девять «да» и одно громкое «нет», от помощника командира Миллера. Тут же старший механик внес новое предложение: выгнать Миллера из-за стола, пусть доедает на камбузе. Что и сделали.

Лейтенант Брюнн принялся объяснять причину — почему да из-за какой неприятности появился этот цветник. Капитан Янки нахмурился.

— Надеюсь, вы догадались проверить остальные пакеты, мистер Брюнн?

— Э-э... Нет, сэр.

— Займитесь этим.

Лейтенант немедленно встал.

— После обеда.

Брюнн опять сел.

— Это напомнило мне один случай, когда я был «фермером» на старом «Персивале Лоуэлле» — не теперешнем, а который был до него, — продолжал капитан Янки. — Мы сели у Южного полюса Венеры и уж не знаю как занесли на корабль вирусную инфекцию, какую-то ржавчину — не смотрите на меня так, мистер Йенсен, и с вами такое может случиться, особенно на новой планете!

— Я, сэр? Я совсем на вас не смотрел.

— Да неужели? Значит, вы улыбнулись, глядя на анютины глазки?

— *Совершенно верно, сэр!*

— Хм! Так вот я и говорю, занесли на корабль какую-то ржавчину, и дней через десять мой огород был похож на огород эскимоса — зимой. Я тщательно обработал гидропонические ванны, сделал стерилизацию, все пересадил. Та же ерунда. Инфекция захватила весь корабль — что тут будешь делать! До конца полета мы питались одними консервами и то — экономили как могли. А меня за это заставили есть на камбузе.

Вспомнив прошлое, он улыбнулся и крикнул в сторону камбуза:

— Как там у тебя дела, Рэд?

Помощник командира появился в дверях, держа в одной руке ложку, а в другой — закрытое пластиком блюдо.

— Отлично, — произнес он с полным ртом. — Я съел ваш десерт, капитан.

— Эй! Капитан! Прикажите ему прекратить есть! — воскликнул лейтенант Брюнн. — Эти ягоды для завтрака!

— Слишком поздно. — Миллер уже вытирал губы.

— Капитан?

— Слушаю вас, мистер Додсон.

— Как вы очищали воздух?

— Хороший вопрос. А как бы на моем месте поступили вы, мистер?

Мэтт задумался.

— Я нашел бы способ избавиться от CO_2, сэр.

— Совершенно верно. Я выпустил из одного герметического отсека воздух, надел скафандр, вошел в отсек и просверлил два отверстия, соединяющих отсек с пустотой за бортом корабля. Затем соорудил что-то вроде самогонного аппарата со змеевиком на темной стороне корабля и начал сначала замораживать воду, потом — углекислый газ. Проклятый змеевик то и дело замерзал, и мне приходилось все время им заниматься. Но воздух очищался нормально, и мы сумели благополучно вернуться на Землю, — Янки поднялся из-за стола. — Хартли, если вы уже поели, давайте глянем на план метеоритного поля. У меня есть мысль.

Корабль приближался к орбите Марса и скоро должен был войти в довольно опасную зону пояса астероидов и космической пыли, которая их сопровождала. Мэтт к тому времени уже сменил свой предыдущий пост и стал помощником астрогатора, но «фермерства», или как это теперь называлось — «агрономства», из-за этого не бросил. Как-то раз к нему в отделение гидропоники заглянул Текс.

— Привет!

— Привет.

— Как, вспахал уже свои южные сорок акров? Похоже, дождь собирается, — Текс стал всматриваться в дальнюю даль... на мигающие лампочки, ускоряющие развитие растений. — Ладно. Я по делу. Старик тебя хочет видеть.

— Так бы и сказал, а то только губами шлепать, — Мэтт бросил работу и начал одеваться: из-за высокой температуры и

влажности он работал здесь всегда голым — оно удобней, да и одежду стоило поберечь.

— Кадет Додсон, сэр. Явился по вашему приказанию.

— Вижу, — Янки показал ему лист бумаги. — Додсон, я написал рапорт в Департамент. Он будет передан, как только установится радиосвязь. Здесь рекомендация, чтобы на всех кораблях Патрульной службы, совершающих дальние полеты, для поддержания настроения экипажа выращивали цветы. Автором этого предложения я назвал вас.

— Спасибо, сэр.

— Не за что. Все, что работает против скуки и однообразия корабельной жизни, все, что может поднять настроение экипажа, — все нужно использовать в Патруле. Считается, что цветы — это так, развлечение для земных психов; а кто знает, вдруг они помогут, чтобы у космонавтов шарики не заходили за ролики. Ну, с этим вроде покончено, у меня к вам вопрос.

— Слушаю, сэр.

— Я все хочу понять, почему вы тратите время на анютины глазки, вместо того чтобы наверстывать отставание в учебе?

Мэтт не знал, что ответить.

— Я просматривал отчеты лейтенанта Турлова, так вот — мистер Йенсен и мистер Джермэн идут впереди вас. За последние недели ваше отставание увеличилось. Я понимаю, хобби заниматься приятно, но главная-то ваша задача — учиться.

— Так точно, сэр.

— На отчете о вашей учебе за последнее время я поставил «неудовлетворительно». В следующей четверти нужно ликвидировать отставание. Между прочим, вы уже придумали, каким будет следующий ход?

До Мэтта не сразу дошло, что капитан перешел на шахматы. Они с Янки боролись за первое место в корабельном чемпионате.

— Да, сэр. Я беру вашу пешку.

— Так я и думал.

Янки протянул руку за спину; Мэтт услышал, как он переставляет фигуры, выдергивая штифты из углублений на шахматной доске.

— Скоро увидите, что станет с вашим ферзем!

* * *

Астероиды, космическая пыль, камни, осколки скал, заполняющие пространство между Марсом и Юпитером, движутся с разной скоростью: от пятнадцати миль в секунду — это недалеко от Марса, и до восьмидесяти миль рядом с Юпитером. Орбиты этих космических отбросов имеют произвольные наклоны к плоскости эклиптики, в среднем — около девяти градусов. Из этого следует, что космический корабль, двигающийся по кольцевой орбите на «восток» — или в одном с ними направлении, — должен быть готов к возможности скользящего столкновения на относительных скоростях порядка двух миль в секунду, а возможны даже — впрочем, возможность эта невелика — и столкновения со скоростью вдвое большей.

Две мили в секунду — это всего лишь в два раза больше начальной скорости пули, выпущенной из хорошей спортивной винтовки. Всякой там мелочи — песка или мелких камней — «Aes Triplex» при таких скоростях не боялся. Задолго до входа в опасную зону космонавты надели скафандры, вышли в космическое пространство и закрепили массивные стальные щиты над корабельными иллюминаторами. Теперь кварцевые стекла иллюминаторов также были защищены от мелких осколков.

Незащищенными остались только линзы астрогационных приборов и радиолокационные антенны. Чтобы уберечься от более крупных камней, капитан Янки организовал круглосуточное наблюдение, гораздо более тщательное, чем во время обычного космического полета. Восемь радиолокационных антенн неустанно обшаривали пространство вокруг корабля — как впереди, так и сзади. Если столкновение становится неизбежным, пеленг должен быть постоянным — здесь ни к месту сложные вычисления. Для того чтобы избежать столкновения, необходимо изменить курс или скорость — неважно как. Это, пожалуй, единственный случай, когда теория пилотирования элементарна как дважды два.

Миллер, старший помощник, разделил всех кадетов и младших офицеров на вахты круглосуточного наблюдения за экранами радиолокаторов. Экраны дальнего радиолокационного предупреждения не только следят за пространством вокруг всего

корабля, но и, строго говоря, не требуют постоянного наблюдения. Даже если человек и не заметит объекта с постоянным пеленгом, его «увидят» радары — если «зайчик» долго держится на одном месте экрана, прозвучит сигнал тревоги и вахтенный офицер быстро запустит двигатель.

К тому же не следует забывать, что пояс астероидов представляет собой достаточно свободное от космической пыли пространство; здесь даже с песчинкой вероятность столкновения ничтожна.

Поэтому перемены в жизни на борту «Aes Triplex» — если не считать более долгих вахт в дополнение к прочим обязанностям — заключались только в необходимости пристегиваться ремнями во время сна, вместо того чтобы свободно, расслабившись, плавать посредине каюты. Это делалось на случай внезапного ускорения, чтобы чего доброго не сломать себе шею.

На ПРК «Aes Triplex» имелось два джипа, до поры до времени отдыхавших в своих ангарах — углублениях в корпусе корабля. Это были самые обычные ракетные корабли с двигателями на химическом топливе, и небольшого радиуса действия, но на них стояли поисковые радары не слабее, чем на самом корабле. После прибытия в район поиска на каждый из джипов были назначены пилот и второй пилот, а также и вторая команда — каждый джип уходил в самостоятельный полет на неделю, после чего команда менялась и джип улетал снова.

Пилотами капитан Янки назначил лейтенантов Брюнна, Турлова и Новака, а также младшего лейтенанта Петерса. Кадеты были поставлены в паре с лейтенантами, а младший лейтенант Гомес попал в одну команду с младшим лейтенантом Петерсом. Мэтту достался лейтенант Турлов. Поварские заботы взял на себя доктор Пикеринг. Все остальные обязанности по кораблю легли на младшего лейтенанта Клири; понятно, что в одиночку было не осилить такую прорву работы, ведь нужно было по-прежнему вести поисковые и противометеоритные наблюдения. Поэтому две команды джипов, которые оставались на корабле, должны были помогать ему во время своего недельного отдыха.

Каждый понедельник корабль так размещал джипы в пространстве, чтобы вместе они могли осмотреть как можно боль-

ший его объем: области поисков при этом почти не пересекались. Корабль сам доставлял джипы на место, и они начинали поиск с полными баками на тот случай, если их не подберут, не дай Бог, и им придется самим добираться до внутренних планет.

12. ПРК «СЛЕДОПЫТ»

Когда Мэтт отправился в свой первый полет на джипе, он думал, что как следует навалится на учебу, и по этому случаю набрал целую кучу кассет, собираясь просматривать их на крошечном проекторе маленького корабля. Но получилось, что с учебой на джипе не очень-то разбежишься: из восьми — каждые четыре часа вынь да положь, проглядывая глаза у экранов поиска. Остальные четыре шли на сон, еду, другие обязательные работы — вот и считайте, много ли остается на учебу.

К тому же лейтенант Турлов был большой любитель поговорить. Сразу после экспедиции бомбардир собирался переводиться на Землю, в аспирантуру.

— И вот там-то от решения уже не отвертишься, Мэтт. Остаться ли мне на службе и заниматься в свободное время физикой или уйти из Патруля и на всю жизнь связаться с исследовательской работой?

— Смотря чего вам больше самому хочется.

— Банально, но вообщем-то верно. Хочется стать ученым, конечно, но когда нескольких лет отдал Патрулю, он становится тебе заместо отца и матери. Не знаю, не знаю... Смотри, эта каменюга совсем на нас наползает — уже через иллюминатор видно.

— Правда?

Мэтт наклонился вперед и тоже увидел небольших размеров обломок, уже давно выделяющийся на экране радиолокатора. Обломок скалы был неправильных очертаний, на глаз — так просто мешанина из ярко освещенных на солнце мест и глубоких черных теней.

— Мистер Турлов, — воскликнул Мэтт, — посмотрите — там, в середине. Похоже, какая-то сложная структура.

— Возможно. В космосе, бывало, подбирали обломки, несомненно осадочного происхождения. Собственно говоря, это и было первым доказательством, что астероиды — части бывшей когда-то планеты.

— Вот как? А мне казалось, что первым доказательством были расчеты Гудмана.

— Нет. Гудман сделал свои расчеты после того, как на станции «Терра» был построен большой баллистический компьютер.

— Я знаю, просто я думал, что это было раньше.

Теория, утверждающая, что астероиды когда-то представляли собой планету, находившуюся между Марсом и Юпитером, долгое время не признавалась, потому что орбиты астероидов, казалось, не имели между собой никакой связи. А если планета разорвалась на части, в месте взрыва орбиты осколков должны пересекаться. Профессор Гудман, пользуясь гигантским, работающим в невесомости компьютером, доказал, что это обстоятельство объясняется возмущениями от многовекового воздействия на астероиды других планет.

По его расчетам, взрыв безымянной планеты произошел почти полмиллиарда лет назад и основная масса осколков ушла за пределы Солнечной системы. Оставшиеся осколки — теперешние астероиды — составляют не более одного процента от ее массы.

Лейтенант Турлов замерил угловую ширину осколка, посмотрел по радару, какое до него расстояние, и записал получившиеся в результате размеры. Обломок оказался не настолько велик, чтобы тратить время и силы на расчеты его орбиты; он был просто включен в список объектов, засоряющих поле астероидов рядом с орбитой Марса. Осколки размером меньше, чем этот, просто записывались, а столкновения с мельчайшими частицами регистрировались электронным счетчиком, который был связан с обшивкой.

— Знаешь, Мэтт, что больше всего меня волнует в связи с моим увольнением? — продолжал Турлов. — Ты когда-нибудь обращал внимание, чем отличается офицер Патруля от всех прочих?

— Ну конечно!

— Так чем?

— Чем отличается? Ну, во-первых, мы космонавты, а они — нет. Я думаю, все дело в том, насколько велик вокруг тебя мир.

— Верно, да не совсем. Не следует увлекаться только размерами. Сто миллионов квадратных миль пустоты — как были, так пустотой и останутся. Разница много глубже. Мы обеспечили человечеству сто лет мира, сейчас нет ни одного человека, который видел войну. Мир и благополучие люди стали воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Но это не так. За спиной человека миллионы лет опасностей, голода, смерти; для истории сто лет мира — всего мгновение. И лишь только Патруль, я думаю, осознает это.

— Вы за то, чтобы Патруль отменили?

— Разумеется, нет! Что ты, дружище! Но мне очень хочется, чтобы люди поняли, как они недалеко от джунглей. И вот еще что... — Турлов робко улыбнулся. — Жаль, ведь никто из них толком не понимает, что мы собой представляем. Многие считают нас наемниками, работающими за деньги налогоплательщиков.

Мэтт кивнул:

— Они считают нас чем-то вроде транспортной полиции. В моем городе живет один тип, который торгует подержанными вертолетами. Так он меня как-то спросил, почему это люди из Патруля, когда уходят в отставку, получают пенсию. Он сказал, что не смог бы так вот просто сидеть и в свои тридцать пять лет ни хрена не делать и не понимает, чего это ради он должен тратить деньги на того, кто так делает, — на лице Мэтта появилось недоуменное выражение. — И в то же самое время он вроде как восхищается Патрулем — хочет даже, чтобы его сын стал кадетом. Не понимаю я этого.

— То-то и оно. Мы для них просто дорогая, но бесполезная игрушка. И принадлежит она как бы им. Они не понимают, что мы не продаемся. Охранник, которого можно купить, ничуть не лучше жены, которую купили за деньги.

На следующей неделе Мэтт выкроил время, чтобы заглянуть в корабельную библиотеку: ему хотелось подробнее узнать о взорвавшейся планете. Сведений тем не менее было немного: сухие статистические данные о размерах астероидов, осколков и космических частиц; данные по их распределению и орбитам;

вычисления Гудмана. И ни слова о том, как это произошло — никаких описаний, только ученые теории.

Во время следующего своего вылета он завел об этом разговор с Турловым.

— А что ты собирался найти? — пожал плечами Турлов.

— Не знаю, во всяком случае, больше, чем я нашел.

— Наши представления о времени — временной масштаб — не позволяют узнать многое. Предположим, ты возьмешь одну из учебных кассет, из тех, с которыми ты работаешь, скажем, вот эту, — офицер поднял на ладони кассету, озаглавленную «Социальные структуры аборигенов Марса». — Возьмешь эту кассету и посмотришь пару снимков из середины. Скажи, ты сможешь на основе этих двух снимков воссоздать тысячи, много тысяч, кадров, которые идут перед ними. Можешь ты это сделать, руководствуясь одной логикой?

— Нет, конечно.

— В этом-то все и дело. Если человечеству удастся уцелеть в ближайшие несколько миллионов лет, вот тогда, может быть, мы начнем кое-что понимать. А пока мы даже не знаем, о чем спрашивать.

Мэтту такое объяснение не понравилось, но возразить ему было нечего.

— Может быть, — продолжал Турлов, нахмурившись, — мы так и не сможем задать никаких вопросов. Ты ведь знаком с марсианской идеей «двойного мира»...

— Конечно, но ничего не понял.

— А кто понял? Давай отбросим обычное предположение, что марсианин, когда утверждает, что мы живем только на «одной стороне», тогда как он живет на «обеих», — пользуется религиозной символикой. Будем основываться на том, что он исходит из совершенно реальных понятий, что он действительно живет в двух мирах одновременно и тот мир, в котором живем мы, он считает чересчур мелким и не заслуживающим внимания. Если с этим согласиться, тогда то, что марсианин не больно-то проявляет желание с нами говорить или объяснить нам очевидные для него вещи, становится понятным. Он совсем не высокомерен, просто рассуждает разумно — со своей точки зре-

ния. Ты бы стал зря тратить время, объясняя радугу дождевому червю?

— Это совсем не одно и то же.

— Для марсианина — одно и то же. Дождевой червь не имеет органов зрения, не говоря уже о цветовом ощущении. Если ты согласен с реальным существованием «двойного мира», то для марсианина ясно, что у нас нет соответствующих органов чувств, необходимых для того, чтобы задавать правильно сформулированные вопросы. Зачем тратить на нас время? Из динамика прозвучал сигнал вызова.

Турлов взглянул на Мэтта и сказал:

— Кто-то нас вызывает. Узнай, кто это, и передай, что мы заняты.

— Ясно. — Мэтт переключил радио на прием: — Джип-один, «Aes Triplex», слушает.

— Это «Aes Triplex», — послышался знакомый голос младшего лейтенанта Клири. — Приготовьтесь, сейчас вас поднимут на борт.

— Что? Ничего себе шуточки — мы ж три дня, как покинули корабль.

— Приказ капитана — приготовиться к подъему на борт корабля. Джип-два нашел «Следопыта».

— Как? Вы слышали, мистер Турлов? Вы слышали, что он сказал?

Это действительно была правда; Петерс и Гомес почти случайно наткнулись на пропавший корабль. «Следопыт» стоял, пришвартовавшись к небольшому астероиду — не больше мили диаметром. Поскольку астероид был включен в список небесных тел — 1987-СД, — команда джипа не обратила на него никакого внимания, пока он не повернулся к джипу другой своей стороной.

Тогда-то они и увидели «Следопыт».

Заботясь о своих подчиненных, капитан Янки решил поднять на борт джип с Турловым и Додсоном, прежде чем отправиться к джипу-два. Поставив джип-первый в ангар, ПРК приблизился к астероиду 1987-СД и уровнял скорость. Младший лейтенант Гомес рискнул потратить часть драгоценного топлива и тоже завис около астероида.

Мэтт не находил себе места, пока поднимали на борт джип-два.

Через иллюминаторы, закрытые броневыми щитами, ничего не было видно, а Мэтт в эти минуты не выполнял никаких обязанностей. С тщательностью, от которой Мэтта трясло, капитан Янки прицепил свой корабль к «Следопыту», послав младшего лейтенанта Гомеса с тросом к борту блудного корабля. Экипаж «Aes Triplex» собрался в рубке управления. Текс и Мэтт воспользовались случаем и распросили Петерса.

— Честно говоря, я и сам толком не знаю, — ответил им младший лейтенант. — С виду «Следопыт» выглядит хорошо, повреждений вроде бы нет, люк шлюза только почему-то открыт.

— А экипаж? Кто-нибудь уцелел, есть надежда?

— Есть-то есть, да считай что нет.

Капитан Янки посмотрел на них.

— Да замолчите же вы! — скомандовал он. — Это рубка, а не бабская говорильня.

Закончив швартовку, командир приказал Петерсу и Гомесу надеть скафандры; скоро три космонавта покинули «Aes Triplex».

Они возвратились через час. Еще через несколько минут, сняв скафандр, капитан Янки собрал экипаж в столовой.

— Не хочется говорить, но ни один из наших товарищей не перенес катастрофы, — сказал он, уткнув глаза в палубу. — Вряд ли приходится сомневаться в причинах. Наружный бронированный люк корабля был открыт и не поврежден. Внутренний люк шлюза пробит быстро движущимся предметом размером с кулак, что вызвало взрывную декомпрессию в ближайших отсеках. Это невероятно, но, судя по всему, метеорит влетел внутрь корабля именно в тот момент, когда открывали наружный люк.

— Погодите, капитан, — возразил Миллер. — Неужели все двери внутри корабля оказались открытыми? Они же герметичны! Один камень не может причинить таких разрушений!

— В кормовую часть мы попасть не смогли — она все еще под давлением, и двери герметически закрыты. Но картина примерно ясная: мы сосчитали тела погибших — семь человек, вся команда. Они стояли без скафандров рядом со шлюзом; только один был в скафандре, он находился в шлюзе, но его скафандр был пробит осколком. Похоже, остальные ждали его, собравшись у

шлюза, — Янки посмотрел на помощника. — Рэд, думаю, нам нужно подготовить рекомендацию по управлению операциями вне корабля: чтобы при работах за пределами корабля экипаж находился в разных отсеках.

— Пожалуй, вы правы, капитан, — нахмурился Миллер. — Только иногда это будет трудно сделать, особенно в небольших кораблях.

— Трудно только дышать, когда нет воздуха... Теперь состав комиссии по расследованию катастрофы: ты, Рэд, будешь председателем, Новак и Брюнн — членами комиссии. Всем остальным, пока комиссия будет работать, оставаться на борту. Когда комиссия все закончит и заберет со «Следопыта» необходимые доказательства, у вас будет достаточно времени, чтобы потешить свое любопытство. Я разрешу вам там побывать.

— Как насчет врача, капитан? Он понадобится мне в качестве эксперта.

— Хорошо, Рэд. Доктор Пикеринг, отправляйтесь вместе с комиссией.

Кадеты собрались в каюте Мэтта и Оскара.

— Это ж представить себе — такая непруха! — сказал Текс. — Мы проторчим здесь неделю, а то и дней десять, пока эта комиссия будет измерять в люке дырку.

— Не надо дергаться, Текс, — сказал Оскар. — Думаю, старик просто не хочет, чтобы ты там нацарапал на переборке свою фамилию. А может, просто боится, что ты сопрешь пробитый люк в качестве сувенира.

— Да пошел ты! — Не ной, не ной. Капитан ведь сказал, вот кончит работать комиссия, и ползай себе по кораблю сколько влезет, фотографируй и вообще обжирайся новыми впечатлениями на здоровье. А пока для разнообразия удовлетворяйся роскошью восьмичасового сна. Вахт ведь теперь не будет. Представляешь — никаких вахт!

— Слушай, Оскар, а ведь верно! — воскликнул Текс. — Об этом я даже не подумал! Какой смысл нести вахту и следить за осколками, мы же привязаны к этому астероиду. Если вдарит, все равно мы увернуться не сможем!

— Команда «Следопыта» в этом уже убедилась.

На следующий день проводилась последняя поверка экипажа найденного корабля. Тела погибших были заперты в одном из отсеков «Следопыта», и поверка проводилась в кают-компании «Aes Triplex». Она длилась довольно долго: нужно было прочитать по погибшим молитвы — экипаж «Следопыта» принадлежал к трем различным вероисповеданиям. Наконец капитан закончил церемонию собственным прощанием Патруля. «А теперь мы направляем наш курс к дому...» Оказалось, что на борту «Aes Triplex» едва хватало народу, чтобы участвовать в этой последней поверке.

Команда «Следопыта» состояла из одиннадцати человек: шести офицеров Патруля, одного гражданского — планетолога и еще четверки, которая присутствует на каждой поверке. Капитан Янки выкликивал фамилии членов экипажа «Следопыта», и на них откликались все, один за другим, начиная с помощника капитана Миллера и кончая Тексом. Все это время из динамиков доносилась мелодия «Долгой вахты», тихая, словно реквием.

Когда настала очередь Мэтта, он отвечал с трудом — пересохло в горле. У Текса по щекам текли слезы, и он даже не скрывал этого.

На протяжении первых двух дней работы комиссии источником информации был лейтенант Брюнн. Он рассказал, что «Следопыт» — в хорошем состоянии, если не считать пробитого люка. На третий день он внезапно замолчал.

— Капитан приказал не обсуждать информацию, полученную комиссией, пока он ее не изучит, — объяснил Брюнн.

Мэтт передал его слова остальным.

— Странно все это, — удивился Текс. — Что там может быть такого секретного?

— Откуда я знаю?

У меня есть мысль, — сообщил Оскар.

— Ну? Давай свою мысль.

— Капитан пытается доказать, что от любопытства не умирают. Для этого, Текс, он выбрал тебя, подопытный кролик из тебя идеальный.

— Да вали ты со своими шуточками.

На следующий день капитан снова собрал всю команду.

— Джентльмены, благодарю вас за проявленное терпение. Я не хотел обсуждать, что там отыскалось на «Следопыте», сначала нужно было принять решение, как со всем этим поступить. Дело вот в чем: планетолог, работавший на погибшем корабле, профессор Торвальд, пришел к выводу, что взорвавшаяся планета была населена.

Раздались взволнованные возгласы.

— Прошу тишины! На «Следопыте» обнаружены образцы пород с окаменевшими ископаемыми; но еще там находятся предметы, являющиеся, по мнению профессора Торвальда — доктор Пикеринг и мы с Миллером тоже убеждены в этом, — результатом деятельности человеческих рук.

— Уже одного этого, — продолжал капитан, — достаточно, чтобы послать в пояс астероидов десяток космических кораблей. Думаю, это самое важное открытие со времени открытия подземных поселений на Луне. Но удивительнее всего другое. Используя метод радиоактивного анализа и благодаря помощи корабельного бомбардира, профессор Торвальд высказал предположение, что эта планета — профессор назвал ее Люцифер — погибла в результате взрыва ядерного устройства, созданного ее обитателями. Иными словами, жители планеты сами взорвали ее.

Тишину, наступившую в кают-компании, нарушало лишь слабое жужжание кондиционеров.

— Но, капитан, это же невозможно! — внезапно воскликнул Турлов.

— Вы знаете ответы на все вопросы, молодой человек? — посмотрел на него капитан Янки. — Я — нет.

— Простите, сэр.

— На этот счет я даже своего личного мнения не рискую иметь. Компетенция не позволяет. Тем не менее, джентльмены, если все это правда — а профессор Торвальд считает, что да, так оно и есть, — вряд ли стоит напоминать, что у нас еще больше поводов гордиться за свой Патруль. И ответственность, естественно, еще больше. А теперь давайте за дело. Мне совсем не хочется оставлять здесь

«Следопыт». Не говоря уже о причинах чисто моральных, не забывайте, что это корабль Патруля и стоит он миллионы. Думаю, мы сможем отремонтировать «Следопыт» и доставить его обратно.

13. ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Мэтт принял участие в ремонте пóврежденного люка и проверке отсеков «Следопыта» на герметичность; во время работы старший механик не сводил со своих помощников глаз. Если не считать отверстия в люке, проделанного метеоритом, внутри корабля повреждений почти не было. Практически целиком вся громадная энергия метеорита ушла на то, чтобы пробить внутренний люк; понадобилось только залатать одну переборку да выправить несколько вмятин в других местах. Наружный, бронированный люк не пострадал вообще; было совершенно ясно, что метеорит-убийца влетел внутрь корабля именно в тот момент, когда открылся наружный люк.

Растения в гидропонических ваннах погибли из-за нехватки углекислого газа и просто потому, что за ними некому было ухаживать. Мэтт взялся за это дело пока остальной экипаж занимался проверкой электрических цепей и контактов — а работе этой конца и краю не было. Что касается Мэтта, то ему сподручней было б трудиться на ремонтной базе; но ущерб был не так велик, и он кое-как справлялся.

Оскар и Мэтт урвали часок от сна, чтобы осмотреть 1987-СД. Для путешествия им понадобились навыки и сноровка альпинистов и космонавтов, привычных к заплечным двигателям. Гравитационное поле у астероида, разумеется, было, но масса даже такой небесной громадины — ничто по сравнению с массой планеты. Кадеты и притяжения-то толком не чувствовали: их мышцы, свыкшиеся с мощным гравитационным полем на Терре, не ощущали хилого притяжения астероида.

Наконец «Следопыт» отвалил от астероида, и команда: в рубке — капитан Янки, лейтенант Новак — в машинном, — провела испытание двигателя. ПРК «Aes Triplex» отошел на несколько миль от «Следопыта», подождал, пока не закончится испытание

двигателя, и потом вернулся. Корабли снова состыковались друг с другом. Капитан Янки и старший механик перешли на «Aes Triplex».

— Ну, Хартли, теперь он ваш, — сказал капитан. — Сами проведите испытания и, когда все будет готово, трогайтесь в путь.

— Вы же все проверили, капитан. Уж кому-кому, а вам-то я доверяю полностью. Так что — я перевожу на «Следопыт» свой экипаж, если вы, конечно, не против.

— Хорошо. Принимайте командование, капитан, и выполняйте поставленную задачу. Мистер, — бросил через плечо вахтенному офицеру капитан Янки, — внесите это в бортжурнал.

Спустя тридцать минут новый экипаж «Следопыта» прошел через шлюз одного корабля, потом — через шлюз другого. ПРК «Следопыт» снова вернулся в строй.

На борту «Aes Triplex» остались капитан Янки, лейтенант Турлов, исполняющий теперь обязанности помощника командира и астрогатора, младший лейтенант Петерс — старший механик, кадеты Джермэн и Додсон — вахтенные офицеры, кадет Йенсен, назначенный офицером связи, а также доктор Пикеринг, врач.

У коммандера Миллера, капитана «Следопыта», было на человека меньше. Зато все его офицеры обладали опытом. Капитан Янки решил взять на *себя* такое тяжкое бремя, как кадеты. Он бы принял на *себя* и командование попавшим в аварию кораблем — а дело это довольно рискованное, — если б не одна закавыка: это запрещает закон. Капитан Янки имел право назначить временного командира из числа своих подчиненных, но поблизости не было ни одного начальника рангом выше, который только и мог освободить капитана Янки от командования кораблем. Словом, он оказался жертвой своего собственного исключительного положения, поскольку был командиром корабля, действующего в одиночку.

По первоначальному плану «Следопыт» должен был сесть на Деймос, когда Марс догонит корабль и окажется в удобном для него положении. Но случившаяся трагедия нарушила эти планы; Марс окажется теперь далеко от намеченной точки встречи. Опять же капитану Янки хотелось поскорее доставить на

Землю те поразительные доказательства, которые сделал экипаж «Следопыта»; везти их на спутник Марса не было никакого смысла.

Соответственно реактивная масса была перекачана с громадного «Aes Triplex» на сравнительно небольшой «Следопыт» и заполнила его топливные баки. Затем рассчитана самая короткая, хотя и не выгодная в смысле расхода топлива, орбита на Землю.

ПРК «Aes Triplex», оставшийся с полупустыми баками, будет двигаться по экономичной орбите гомановского типа. По этой орбите, куда более длинной, он протащится мимо орбиты Марса, орбиты Земли (Земля в этот момент будет совсем в другом месте), потом — отправится еще ближе к Солнцу, обогнет его и станет удаляться. К Земле он подойдет почти на год позже, чем «Следопыт». У «Aes Triplex» оставалось достаточно реактивной массы, чтобы вернуться на Землю даже после того, как значительную часть его топлива перекачали в баки «Следопыта», но теперь он шел у орбиты на поводу — орбиты, на которой одновременно сильно выигрывали в расходе топлива и здорово проигрывали во времени. Такие орбиты были обычным делом для коммерческих кораблей, но патрульные ими пользовались не часто.

Как-то Мэтт, работая помощником астрогатора — одна из многочисленных лямок, которые он тянул, — обратил внимание на некую особенность их орбиты и сообщил о ней Оскару.

— Эй, Ос, посмотри-ка: проходя перигелий, за Солнцем, мы промчимся прямо над твоим родным городом! Видишь?

Оскар взглянул на элементы орбиты.

— Надо же, не соврал! А какое максимальное сближение?

— Меньше ста тысяч миль, мы малость воспользуемся притяжением Венеры. Старик обожает экономные орбиты. Нет желания сгонять в самоволку?

— Что-то скорость больно высока, — сухо ответил Оскар.

— Ну вот — скорость, скорость... А где же былой пионерский дух? Успеешь слетать на одном из джипов, прежде чем тебя хватятся.

— Боже мой! Как дома-то побывать хочется! — вздохнул Оскар. — Вот бы дали нам увольнение. — Он печально покачал головой и снова посмотрел на карту.

— Знаем-знаем, почему ты вдруг такой робкий: небось, как заделался в начальники, так сразу и чувство ответственности прорезалось? Наверно, приятно быть одним из сильных мира сего?

— Давай, Ос, рассказывай, — поддержал Текс, который только что вошел в рубку.

— Да что вы меня все подкалываете? — покраснел Оскар. — Я что ли в этом виноват?

— Ладно, шуток не понимаешь? Ребята, а ведь нам и по-правде сильно повезло, — продолжал Мэтт. Полет-то по идее должен был быть учебный, а мы сейчас исполняем обязанности офицеров. Знаете, что я думаю?

— Ты — думаешь?

— Заткнись. Если у нас все будет нормально, нам же всем могут присвоить офицерские звания!

— Как же, жди! — с сомнением покачал головой Текс. — Это чтоб капитан Янки сделал меня офицером? Фига с два.

— Ну, тогда Оскара, его уж точно! В конце концов, он — начальник службы связи.

— Что ты меня все начальником тыкаешь! Это еще ничего не значит, — запротестовал Оскар. — Ну, отвечаю я за связь — только с кем связываться-то! Мы же за пределами дальности, если не считать «Следопыта», да и тот смотри уже где.

— Не вечно же нам сидеть за пределами радиосвязи!

— Да какая разница? Ты что думаешь, старик разрешит мне — или кому из нас — делать что-нибудь серьезное? Да он будет торчать за нашими спинами и дышать в затылок! И потом, так уж они нужны, эти офицерские звания? Представляете — возвращаемся мы на Землю, а их не утверждают! Стыда после не оберешься.

— Нет, прошляпить такую возможность — дураком нужно быть, — заявил Текс. — Другой у меня, может, никогда и не будет.

— Перестань сироту-то из себя строить. Что дядя Боди скажет, если услышит.

Конечно, правда в словах наших друзей была: капитан и лейтенант Турлов действительно следили за действиями кадетов очень внимательно. И все-таки атмосфера на корабле заметно переменилась. Капитан Янки в неслужебное время обращался к ним теперь по именам, а звание «кадет» и вовсе упоминать перестал.

Иногда, когда речь заходила о команде, он говорил «офицеры моего экипажа», явно понимая под «офицерами» и кадетов. Но о присвоении офицерского звания он не заикнулся ни разу.

С тех пор как они вышли из пояса астероидов, обязанности команды особой сложности не представляли: корабль находился за пределами дальности радиосвязи, и опять же — невесомость, а при ней особо не поработаешь. Свободного времени у кадетов появился вагон — хватало и на учебу, и поспорить, а когда и в картишки перекинуться. Мэтт нагнал в науках своих приятелей, а после и того пуще — стал копаться в корабельной библиотеке, искать книжки для серьезной работы. Ведь те курсы, что он наметил, когда улетал с «Рэндольфа», шли в расчет на недолгий рейс.

Капитан начал серию семинаров, отчасти чтобы занять свое время, отчасти чтобы помочь кадетам в учебной подготовке. Темой его семинаров была роль офицеров Патруля в качестве дипломатов.

Рассказывать Янки умел; а скоро кадеты поняли, что капитана можно увлечь и тогда он погружался в воспоминания. Это было интересно и поучительно, а к тому же помогало коротать однообразные недели полета.

Наконец ПРК «Aes Triplex» оказался в пределах радиосвязи с Венерой — там их уже поджидало множество сообщений, гонявшихся за ними по всей Системе. Официальная радиограмма из Департамента выражала благодарность капитану и всей команде за активное участие в восстановлении и отправке на Землю патрульного ракетного крейсера «Следопыт». Естественно, эта благодарность заносилась в личное дело каждого. Кроме того, капитан Янки получил послание от Хартли Миллера, в котором говорилось, что «Следопыт» благополучно вернулся на Землю и теперь длинноволосые рвут друг на друге патлы в борьбе за привезенные кораблем данные. Янки зачитал это послание вслух.

Кроме писем из дома Мэтт получил письмо от Марианны, в котором сообщалось о свадьбе. Он так и не понял, за кого она вышла замуж — за того молодого парня, которого видел на пикнике, или за кого-то другого. Мэтт даже имени его не мог вспомнить — так давно, казалось, все это было... Еще кадетов ждало послание от Пита — на письме стояла пометка: «Леда, Ганимед».

Письмо было самого обычного содержания — «отлично-провожу-время-как-жалко-что-вас-тут-нет».

— Везет же некоторым! — прокомментировал письмо Текс.

Была и уйма прочих разнообразных сообщений — о передвижениях кораблей, о кадровых перестановках, многочисленные технические указания, словом, накопившаяся за это время обычная текущая корреспонденция большой военной организации. Кроме того, им передали подробную сводку новостей со всех четырех планет начиная с момента, когда они утратили контакт с миром.

Оскар обратил внимание, что капитан Янки уже не так внимательно следит за тем, как он выполняет обязанности офицера связи, но это его нисколько не удивило. Оскар и вправду превратился в начальника службы связи и даже успел забыть, что не так уж много утекло времени с той поры, когда он был кем-то другим.

Но он лишь тогда окончательно уверовал, что его считают офицером связи, когда принял шифровку — первую из радиограмм, посланных в адрес «Aes Triplex» не клером, а шифром. Оскару пришлось обратиться к капитану с просьбой дать шифровальную машинку, хранившуюся в сейфе. Капитан открыл сейф и без слов выдал Оскару машинку. Когда Оскар расшифровал радиограмму, у него глаза полезли на лоб. В ней сообщалось:

«TRIPLEX – ПРОСИМ РАССЛЕДОВАТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРОИСШЕСТВИЯ ЭКВАТОРИАЛЬНОМ РАЙОНЕ ВЕНЕРЫ ТОЧКА ОТДЕЛ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ».

Оскар тут же отнес радиограмму капитану Янки. Капитан прочитал расшифрованный текст.

— Передайте помощнику, чтобы срочно зашел ко мне. И не обсуждайте ни с кем содержание шифровки!

— Слушаюсь, сэр!

Когда Турлов вошел в капитанскую каюту, на лице его было недоумение:

— Что-нибудь случилось, капитан?

Вместо ответа Янки вручил ему шифровку. Лейтенант прочитал ее и покачал головой.

— Как вы считаете, мы сможем выполнить это распоряжение? — спросил капитан.

— Но, капитан, вы же сами знаете, сколько у нас осталось реактивного топлива. На круговую орбиту мы выйти еще сумеем, но где мы возьмем топливо на посадку?

— Вот и я о том же. Думаю, придется отказать. Черт побери, лучше бы меня выпороли, чем посылать отказ. И почему они именно нас выбрали? Ведь не меньше полдюжины кораблей находится в лучшем положении, чем мы.

— Вряд ли, капитан. Думаю, в этом секторе мы оказались единственными. Вы следите за расположением патрульных крейсеров?

— Не так чтобы очень. А почему вы спрашиваете?

— Вообще-то этим следовало заняться «Томасу Пейну», но он совершил посадку в Нью-Окленде для срочного ремонта.

— Понятно. Надо бы постоянно иметь патрульный корабль на орбите вокруг Венеры; когда-нибудь так и будет, — капитан Янки задумчиво почесал подбородок; вид у него был мрачный.

— У меня предложение, капитан.

— Да?

— Если изменить курс прямо сейчас, все может пройти без особых затрат. Затормозимся потом сколько сможем об атмосферу — и сядем аккуратненько на двигателе.

— Хм... А какой запас?

В глазах лейтенанта Турлова появилось отсутствующее выражение — он решал про себя уравнения четвертого порядка. Капитан Янки тоже застыл на месте с беззвучно шевелящимися губами.

— Практически никакого, капитан. После выхода на круговую орбиту придется нырнуть в атмосферу и тормозиться до скорости стабильного падения — или почти до нее, — прежде чем включить двигатели.

Янки покачал головой.

— Это на Венеру-то? Да надежней в Вальпургиеву ночь летать на метле! Нет, мистер Турлов, придется дать ответную радиограмму, что ничего у нас не получится.

— Минуточку, капитан. Они знают, что у нас на борту нет космической пехоты?

— Конечно.

— Значит, никто и не собирается требовать от нас вооруженных действий. Так что можно послать на поверхность один из джипов!

— Долго я ждал, когда вам придет в голову эта мысль, мистер Турлов. Все правильно. Расследование происшествия поручается вам. Не хочется, конечно, но другого выхода у меня нет. У вас ведь до этого никогда не было личной миссии?

— Не было, сэр.

— Вот видите, вы еще совсем молодой, а уже личная миссия. Начинайте подготовку, а я пока запрошу отдел космических операций о деталях.

— Слушаюсь, капитан. Вы сами мне подберете кадета или я?

— Берите всех троих сразу. В джипе все время должен кто-нибудь находится, а вам понадобится вооруженный спутник на время расследования. Сами знаете: экваториальная зона — там всякое может быть.

— Но, сэр, тогда у вас останутся только Петерс да врач.

— Мистер Петерс и я отлично со всем управимся. В криббедж Петерс игрок еще тот.

Отдел космических операций ничего толком сказать не мог — относительно ситуации на Венере у них не было никаких подробностей. Известно было только одно — транспортный корабль «Гэри» запросил о помощи, сообщив, что на него напали туземцы. Экипаж успел передать координаты, затем связь оборвалась.

Капитан Янки решился все-таки на атмосферное торможение, чтобы сберечь реактивную массу, иначе «Aes Triplex» мог застрять на орбите и прождать неизвестно сколько, пока его оттуда не вытащат. Экипаж корабля был вынужден провести пятьдесят шесть часов в тесноте рубки, в то время как ПРК окунался и делал нырки в плотные венерианские облака, все глубже и глубже при каждом новом заходе. Обшивка нагрелась почти до предела, и времени, когда корабль находился в свободном пространстве между двумя заходами, едва хватало, чтобы ее охладить. Жара в отсеках стояла просто невыносимая, потому что вся мощь аппарата охлаждения воздуха была брошена на поддержание нормальной температуры в рубке управления и отсеке с гидропоническими

ваннами. В пустоте космоса избавиться от избытка тепла можно лишь одним способом — излучая его в пространство, и кинетическая энергия, образовывающаяся при переходе с орбиты сближения на орбиту вокруг Венеры, поглощалась кораблем и затем излучалась в космос.

А когда наконец эти пятьдесят шесть часов кончились, трое потных, вымотанных молодых людей плюс еще один, чуть их старше, были готовы перейти на второй джип.

Внезапно Мэтт что-то вспомнил.

— Доктор! Доктор Пикеринг! — позвал он врача.

Доктор провел эту спокойную — во всяком случае, с точки зрения медицины — экспедицию за рукописью монографии под названием «Некоторые заметки относительно сравнительных патологий населенных планет» и сейчас просто не знал, чем заняться. На время, пока Мэтта не будет на корабле, его назначили «фермером».

— Да, Мэтт?

— Эти новые кусты помидоров, нужно через три дня им сделать перекрестное опыление. Пожалуйста, не забудьте.

— Нет, Мэтт, не забуду.

— А Додсон все про свою ферму! — расхохотался капитан Янки. — Ладно, уж как-нибудь о ней позаботимся. А теперь, джентльмены... — он обвел взглядом стоящую перед ним четверку. — Постарайтесь остаться в живых. Сомневаюсь, что эта миссия стоит того, чтобы из-за нее да еще и угробить четырех офицеров Патруля.

В шлюзе Текс ткнул Мэтта локтем.

— Ты слышал? Он сказал: «четырех офицеров Патруля».

— Слышал. И еще кое-что слышал. Вспомни, о чем он кроме этого говорил.

Турлов поправил на поясе сумку. В ней лежали распоряжения, касающиеся порученной им миссии. Распоряжения были простыми: следовать к точке с координатами два градуса семь минут северной широты и двести двенадцать градусов долготы; отыскать «Гэри» и расследовать обстоятельства, связанные с переданным по радио сообщением о нападении туземцев. Принять все меры для поддержания мира.

Лейтенант сел в кресло пилота и посмотрел на свой экипаж.

— Держите шапки, ребята. Вперед!

14. «ТУЗЕМЦЫ ЗДЕСЬ ДРУЖЕЛЮБНЫ...»

Джип оторвался от борта «Aes Triplex» и пошел вниз. За контрольной панелью сидел лейтенант Турлов, в кресле второго пилота — Мэтт. Начальная скорость джипа чуть превышала четыре мили в секунду — скорость «Aes Triplex» на низкой круговой орбите вдоль экватора Венеры. Лейтенант собирался постепенно снизить скорость торможением в атмосфере и сесть на хвост. Отсутствие крыльев делало посадку на двигателе неизбежной.

И все это надо было проделать с безукоризненной точностью, чтобы сберечь топливо. В какой-то степени джипу было подмогой вращение планеты с запада на восток — скорость вращения, равная девятьсот сорока милям в час, вычиталась из скорости маленького корабля. Наиболее трудным было найти точное место посадки. Момент вылета был подобран так, чтобы весь спуск проходил на дневной стороне планеты и можно было использовать Солнце для ориентировки по долготе; отыскать соответствующую широту следовало с помощью тщательного выбора курса.

Солнце — единственное небесное тело, которым можно пользоваться для ориентировки вблизи Венеры, но даже оно перестает быть видным невооруженным глазом, как только корабль скрывается в пелене облаков, плотно окутывающих Венеру. Мэтт следил за Солнцем, не отводя глаз от окуляра инфракрасного визора, закрепленного на октанте, и сообщал лейтенанту Турлову о необходимой коррекции курса. Еще на «Aes Triplex» они решили, что не стоит делать для автопилота кулачок, обеспечивающий посадку; слишком мало было известно об атмосферных условиях, которые их ожидают.

Как только Мэтт доложил пилоту, что согласно радару они на высоте в тридцать миль и, судя по инфракрасному изображению Солнца, приближаются к нужной долготе, Турлов направил корабль вниз, все ниже и медленнее, притормозил двигателями, а потом дал ему спускаться по параболе, искаженной сопротивлением воздуха.

Вокруг проносились сплошные венерианские облака, настолько плотные, что нижний иллюминатор был совершенно без пользы. Мэтт не сводил глаз с поверхности, видимой на экране инфракрасного локатора. Турлов следил за радарным высотомером, каждую секунду сверяясь с полетным планом.

— Если придется искать место посадки — на случай маневрирования, — нужно делать это сейчас, — негромко произнес он. — Что там у тебя на экране?

— Вроде довольно ровно. Толком не разберешь.

Турлов рискнул и на мгновение отвел взгляд от высотомера.

— По крайней мере, под нами не вода и не лес. Пожалуй, попробуем.

Они падали. Мэтт так и впился взглядом в экран локатора, готовый, если внизу будет болото, сказать Турлову, чтобы врубал двигатель. Пилот снизился еще немного и выключил двигатель совсем. Они почувствовали толчок, будто корабль упал с высоты нескольких футов. Они сели на Венеру.

— Фью! — присвистнул лейтенант Турлов и вытер со лба пот. — Не хотелось бы мне садится так каждый день!

— Хорошо сделано, капитан! — произнес Оскар откуда-то сзади.

— Ничего не скажешь, — поддержал его Текс.

— Спасибо, ребята. Пора опускать ноги, — и Турлов нажал на кнопку перед собой.

Подобно многим космическим кораблям, у джипа после посадки выдвигались три гидравлические опоры, помогающие вертикально стоящему кораблю сохранять равновесие. Мощные гидравлические насосы вдавливали опоры глубоко в грунт, пока они не упирались во что-нибудь твердое. Сразу после этого насосы автоматически выключались и надежно удерживали корабль в вертикальном положении. Турлов подождал, пока рядом с кнопкой не зажглись три крохотных зеленых огонька, затем отключил гироскопы-стабилизаторы. Джип стоял неподвижно. Лейтенант расстегнул пристежные ремни и встал.

— Ну, ребята, за дело. Посмотрим, где это мы. Мэтт и Текс, вы оставайтесь внутри. Оскар, это ведь твоя родная планета, представь-ка меня ей.

— Слушаюсь! — Оскар тоже отстегнулся, встал и поспешил к шлюзу.

В контроле состава атмосферы нужды не было, ведь Венера населена многими колонистами, а офицеры Патруля, включая кадетов, получили прививки против до смерти опасных венерианских грибков. Турлов пошел за ним. Мэтт отстегнул ремни, удерживавшие его в кресле, и сел рядом с Тексом в кресло для пассажиров, которое только что освободил Оскар.

Оскар глянул в иллюминатор, расположенный рядом со шлюзовым люком. Все снаружи было затянуто туманом.

— Ну как, приятно снова быть дома? — спросил Турлов.

— Еще бы! День-то какой замечательный!

Лейтенант улыбнулся, глядя в затылок Оскару, и сказал:

— Вот трап опустим, тогда и поглядим, где это мы оказались. — Внешний люк шлюза был на пятьдесят футов выше стабилизаторов джипа, а лифта у него не было.

— Сейчас, — сказал Оскар, протиснулся рядом с лейтенантом, и в этот самый момент джип накренился в сторону, противоположную шлюзу, на мгновение замер и начал падать.

— Гироскопы! — закричал Турлов. — Мэтт, включай гироскопы!

И сам бросился к панели управления, столкнулся с Оскаром и упал вместе с ним, когда джип завалился набок.

Мэтт попытался выполнить распоряжение пилота, но был к этому не готов: он, расслабившись, сидел в кресле, вытянув ноги перед собой. Он схватился руками за подлокотники, хотел было встать, чтобы вернуться в кресло пилота, но в это время корабль стал падать; Мэтт выскользнул из кресла и рухнул вниз. Джип лежал теперь на грунте, приняв горизонтальное положение. Первое, что увидел Мэтт, когда снова был на ногах, оказались тела Оскара и Турлова, распростертые на переборке, ставшей теперь палубой. Оскар, лежавший на лейтенанте, начал было вставать и вдруг вскрикнул от боли.

— Что с тобой, Ос?

— Рука... — пробормотал Оскар, поднялся, опираясь на правую руку, и осмотрел левую. — Растяжение или перелом.

Он попытался пошевелить ею.

— Да, перелом.

— А с капитаном что? — спросил Текс.

— А? — одновременно спросили Оскар и Мэтт.

Турлов не шевелился. Текс подошел к нему и наклонился.

— Потерял сознание, — сказал он.

— Брызни на него холодной водой.

— Не надо. Лучше...

Корабль снова вздрогнул.

— Я думаю, нужно скорее отсюда уходить, — обеспокоенно произнес Оскар.

— А с лейтенантом что делать?

Оскар не ответил и начал карабкаться к открытому люку шлюза, оказавшемуся теперь в десяти футах над их головами. Он лез, помогая себе одной рукой, лез мучительно и неуклюже, все время ругаясь по-венериански.

— Что это с ним? — удивился Текс. — Чокнулся?

— Пусть делает как знает. Давай лучше займемся шкипером.

Они встали рядом с Турловым на колени, быстро и осторожно осмотрели его. Видимых повреждений не было, но в сознание шкипер не приходил.

— Может, из него просто вышибло при падении дыхание, — предположил Мэтт. — Сердце бьется нормально.

— Ты на это посмотри.

«Это» оказалось шишкой на затылке у лейтенанта. Мэтт осторожно ее ощупал.

— Череп цел. Просто на балде шишка. Скоро, думаю, оклемается.

— Жаль, что с нами нет доктора Пикеринга.

— Ну, разумеется. А если бы у рыб выросли крылья, они стали бы птицами. Давай оставим его в покое — полежит и сам встанет.

В открытом люке показалась голова Оскара.

— Эй, ребята! Давайте отсюда — быстро!

— Зачем? — удивился Мэтт. — А лейтенант? Он же без сознания.

— Тащите его тоже.

— А как? На карачках?

— Как хотите, только скорее. Корабль тонет!

Текс открыл рот, снова закрыл и бросился к одному из шкафчиков.

Мэтт закричал:

— Тэкс, тащи трос.

— А я что делаю? На коньках катаюсь?

Текс появился с бухтой тонкого, прочного троса, которым пользовались при швартовке для притягивания одного корабля к другому.

— Приподними его, осторожнее, я просуну трос подмышки.

— Хорошо бы что-нибудь под трос подложить — вдруг он затянется...

— Не успеете! — крикнул сверху Оскар. — Быстрее!

Мэтт стремительно вскарабкался к люку, держа в руках конец троса; Текс тем временем закреплял петлю подмышками потерявшего сознание лейтенанта. Выглянув наружу, Мэтт сразу понял, что Оскар им не соврал: джип лежал на боку, погрузившись в желтую глину. Кормовые стабилизаторы стояли на твердом грунте, в то время как нос корабля медленно погружался в жидкую желтую грязь. Болото простиралось во все стороны и терялось в тумане; его поверхность была затянута чем-то вроде желто-зеленой плесени — везде, кроме маленького участка, который их окружал. Здесь покров был разбит, когда упал джип.

Мэтту некогда было все это разглядывать — жидкая глина почти достигла люка.

— Текс, ты готов?

— Да. Сейчас поднимусь к вам.

— Не надо. Оставайся внизу, придерживай его, чтоб не раскачивался. Здесь я и сам справлюсь.

Турлов весил сто сорок фунтов. Это на Земле. На Венере его вес составлял около ста семнадцати. Мэтт сел на край люка и натянул трос.

— Мэтт, одной рукой я могу тебе помогать, — озабоченно сказал Оскар.

— Ты под руку, главное, не суйся.

Текс поднял расслабленное тело лейтенанта Турлова, и Мэтт начал тянуть трос. Через несколько секунд офицер лежал на обшивке корабля рядом с люком. Корпус джипа опять содрогнулся:

стабилизаторы начали соскальзывать с крошечного пятачка твердого грунта.

— Кажется, ребята, пора отсюда валить, — озабоченно произнес Мэтт. — Ос, ты сам на берег выбраться сможешь?

— Смогу.

— Тогда давай, не тяни. Мы пока не будем развязывать трос, возьмешь с собой конец. Держи его здоровой рукой. Даже если лейтенант упадет в болото, мы его вытащим.

Оскар пошел вдоль лежащего корабля, держа в руке трос. Он вскарабкался на один из хвостовых стабилизаторов и с него перелез на высокий берег. Мэтт с Тексом без особого труда донесли лейтенанта до стабилизаторов, но последние несколько футов — когда переходили со стабилизаторов на берег — пришлось помучаться: дюзы были все еще обжигающе горячи, к тому же удерживать равновесие на изогнутой поверхности корпуса тоже было непросто. В конце концов почти всю работу пришлось выполнить Оскару — он втащил лейтенанта на берег своей здоровой рукой. Когда Турлова уложили на землю, Мэтт опять перепрыгнул на корабль.

— Ты куда? — встревоженно крикнул Оскар.

— Я сбегаю на корабль.

— Ты что! А ну назад!

Мэтт все еще стоял в нерешительности, и Оскар добавил:

— Это приказ, Мэтт.

— Да я всего на минуту. Мы же не взяли оружия и наборов для выживания. Я заскочу внутрь и выкину все это через люк.

— Никаких «заскочу». Быстро сюда.

Мэтт стоял, не зная, что делать. С одной стороны, у него и в мыслях не было сомневаться в старшинстве Оскара, с другой — непривычно было подчиняться приказам соседа по комнате.

— На люк посмотри, Мэтт, — добавил Оскар. — Ты же будешь в ловушке.

Мэтт посмотрел вниз. Слизкая желтая грязь уже достигала люка и перетекала, подобно патоке, через его край. В следующее мгновение корпус заметно осел и повернулся на четверть оборота. Мэтт сделал сильный прыжок и оказался на суше. Когда он встал и оглянулся, люка уже не было видно. Изнутри корабля вырвался огромный пузырь и лопнул.

— Спасибо, Ос!

Кадеты стояли и смотрели, как соскользнули в болото стабилизаторы. От раскаленных дюз взметнулся над поверхностью пар; через несколько секунд хвост встал вертикально вверх. Наконец весь корабль скрылся в болоте. О том, что он там, внизу, напоминали лишь пузыри и быстро затягивающаяся воронка на зеленой поверхности.

— Ну на кой я отошел от панели управления! — голос Мэтта дрожал. — Я бы успел включить гироскопы.

— Перестань. Ты, что ли, виноват? Следить за устойчивостью — это дело пилота. Если лейтенант сомневался, не надо было их вообще отключать. И наружный осмотр надо было сделать. И вообще нам сейчас не до этого. Лучше о командире позаботиться.

— Да, Ос, ты прав, — Мэтт наклонился и проверил у лейтенанта пульс; пульс был ровным. — Сердце работает нормально. Думаю, нужно дать ему отдохнуть. Так, дай-ка я посмотрю, что с твоей рукой.

— На — только поосторожней. Ой!

— Ни разу в жизни еще не вправлял кости. Извини.

— Я вправлял — уж чего-чего, а этого-то... — в дело вмешался Текс. — На пастбищах у нас всякое бывало. Ну-ка, Ос, перевернись на спину. Терпи, будет больно.

— Я думал в Техасе таких просто пристреливают, — Оскар попробовал улыбнуться.

— Только когда нога сломана. А ломаные руки мы пока еще лечим. Мэтт, подготовь пару лубков. Нож есть?

— Есть.

— Слава Богу, а то у меня нет. Оскар, сними куртку.

Куртку удалось снять только с помощью Текса. Потом Текс уперся ногой Оскару в бок, схватил руками его левую кисть и начал тянуть. Оскар вскрикнул.

— Порядок. Мэтт, дуй за лубками.

— Бегу.

Мэтт отыскал заросли чего-то смутно напоминающего земной бамбук, футов двенадцати-пятнадцати высотой. Он вырезал дюжину кусков толщиной с мизинец и длиной около пятнадцати дюймов и принес их Тексу.

— Такие сойдут?

— Попробуем. Все, Оскар, кранты твоей куртке.

Текс попытался разорвать куртку на полосы, но быстро сдался.

— Ни фига себе, тряпочка. Мэтт, давай нож.

Через десять минут рука Оскара, вся в лубках, была подвешена к его шее на остатках его же куртки. Текс снял свою куртку и сел, подложив ее под себя. Земля была сырая, день стоял жаркий и душный — такие бывают только на Венере.

— Ну, одно дело сделано, — сказал Текс. — А командир-то так и не пошевелился. Выходит, ты за него, Оскар. Знаешь, хорошо бы что-нибудь съесть, больно кушать хочется.

— Хочется, — кивнул Оскар и обеспокоенно оглянулся. — Но для начала посмотрим, что у нас в карманах.

Мэтт выложил на траву нож. В карманах и сумке Оскара ничего не оказалось. Вкладом Текса была губная гармошка.

— Да, ребята, подзалетели. Как думаете, я имею право заглянуть в сумку лейтенанта?

— Почему бы и нет? Я ни разу еще не видел, чтобы кто-то так долго был без сознания, — сказал Текс.

— Я тоже думаю — можно, — согласился Мэтт. — Ясно, что у него сотрясение, так что в ближайшее время толку с него никакого. Валяй, Оскар.

В сумке кроме документов нашелся еще один складной нож, в ручку которого был вделан компас.

— Слава Богу, а то я думал, придется просить туземцев, чтобы они нашли нам место посадки.

— А что мы здесь забыли? — спросил Текс. — Лично меня это место не очень-то привлекает.

— Здесь наш джип.

— А где-то вверху наш «Aes Triplex». И добраться до одного примерно так же просто, как до другого. Я имею в виду такому пешеходу, как я.

— Слышь, Текс, мы должны как-то вытащить этот тарантас из болота и привести его в чувство. Иначе застрянем здесь до скончания века.

— Чего? А я думал, что ты, как старый болотный житель, выведешь нас к цивилизации.

— Ты сам-то понимаешь, что говоришь? Это по болотам-то? Через трясины да омуты? Через заросли этого непролазного тростника? Может, у тебя и получится одолеть пять-шесть тысяч миль такого пути, у меня — нет. Ты что, забыл — люди здесь селятся и разводят плантации не дальше, чем за пятьсот миль от полюсов. Венера практически еще не исследована, я знаком с ее экваториальным поясом так же, как ты с Тибетом.

— Почему тогда здесь оказался «Гэри»?

— Я откуда знаю?

— Послушайте, — встрепенулся Текс, — а что, если мы сможем добраться до дому на «Гэри»?

— Сможем — не сможем, его для начала найти надо. А вдруг как не сможем, тогда все равно придется тащить джип из этой дыры. — Оскар поднял над головой бумагу, которую нашел в сумке Турлова. — Но только после того, как мы выполним эти приказы.

— Вот этими-то нашими лапками? Маленькими такими, розовенькими? — спросил Текс. — И что еще там о том, чтобы выполнять приказы? По-моему, мы не в лучшей форме, чтобы подавлять всякие там восстания, бунты и вообще демонстрировать всем свою мощь и силу. У нас даже детского пистолетика, стреляющего горохом, и того нет. Про горох я уже не говорю. Кстати, если бы у меня и была горошина, я б ее съел, скорее.

— Нет, Текс, Оскар прав, — сказал Мэтт. — Раз мы здесь и у нас есть задание, значит, мы должны его выполнить. То же самое бы сказал мистер Турлов. А сделаем — вот тогда и подумаем, как нам вернуться.

— Надо было мне остаться в Техасе пасти коров, — уныло покачал головой Текс. — Оскар, ну хорошо, а что дальше?

— А дальше тебе и Мэтту нужно сделать носилки для командира. Нам надо найти открытую воду, а разделяться лучше не стоит.

Носилки удалось соорудить из того же бамбука, который пошел на лубки. Семифутовые отрезки толщиной в руку продели через рукава двух курток, у каждого из концов сделали поперечины, а середину обмотали взятым с корабля тросом. Получились легкие, хотя и довольно неуклюжие носилки. Лейтенант в сознание так и не приходил. Дышал он слабо, неглубоко, но пульс оставался хорошим. Его положили на носилки и отправились в

путь. Впереди шел Оскар, то и дело поглядывая на компас. Почти час юноши пробирались болотами, то расплескивая ногами грязь, то обдираясь в кровь о высокую траву. За ними летели тучи насекомых. Наконец Мэтт не выдержал и окликнул Оскара:

— Все, Ос, сил больше нету. Пора делать привал.

Йенсен обернулся.

— Привал так привал, все равно идти дальше некуда. Впереди вода.

Текс и Мэтт подошли к Оскару. Перед ними лежала ровная поверхность воды. Похоже, озеро или пруд, подумал Мэтт.

Насколько велики его размеры, сказать было трудно: дальние берега терялись в тумане. Они вытоптали на маленьком пятачке траву, чтобы было куда поставить носилки, затем Оскар подошел к самой воде и начал шлепать по ней ладонью.

Шлеп! Шлеп! Шлеп, шлеп, шлеп. Шлеп, шлеп!

— И что дальше?

— Ждать и молиться. Слава Богу, туземцы — народ миролюбивый.

— Думаешь, они нам могут помочь?

— Если они нам захотят помогать, то ставлю один к одному — за три дня они вытащат наш джип из болота да еще так отчистят, что он сиять будет.

— Ты уверен? Я знаю, что венерианцы относятся к нам хорошо, но такая работа...

— Ты их недооцениваешь. Конечно, Маленький народ на нас не похож, но умеет он многое.

Мэтт уселся на корточки и принялся отгонять насекомых от неподвижного лица лейтенанта. Шли минуты. Оскар вновь подошел к воде и пошлепал по ней ладонью.

— Наверно, дома никого нет, Ос.

— Надеюсь, Текс, ты ошибаешься. Почти вся Венера населена, но, кто его знает, вдруг на это место наложено табу.

И тут в десяти футах от берега из воды показалась треугольная голова размером с голову шотландской овчарки. Текс вздрогнул от неожиданности. Венерианец смотрел на людей любопытными сверкающими глазами. Оскар встал.

— *Привет тебе, чья мать была подругой моей матери.*

Венерианец посмотрел на Оскара.

— *Пусть твоя мать живет счастливо и долго.*

Совершенно бесшумно голова исчезла в воде.

— Обошлось! — Оскар с облегчением вздохнул. — Вообще-то, я слышал, что язык здесь у всех один, но, честно говоря, первый раз убедился в этом на практике.

— А почему оно вдруг исчезло?

— Наверно, отправилась сообщить о нас. И не говори «оно», Мэтт, надо говорить «она».

— Это же только для них имеет значение.

— Неважно, все равно это дурные манеры.

Оскар сел на корточки и стал ждать. Из-за влажной жары и бессчетных укусов летучих тварей казалось, что прошла целая вечность, прежде чем из воды показались одновременно с десяток голов. Одна из амфибий легко выкарабкалась на берег и подошла к людям. Ростом она была Мэтту по плечо. Оскар ее поприветствовал. Амфибия посмотрела на него.

— *Моя мать сказала мне, что не знает тебя.*

— *Наверно, она просто забыла, будучи занята гораздо более важными делами.*

— *Возможно. Давай отправимся к моей матери, ей нужно тебя обнюхать.*

— *Это очень для нас приятно. Ты не могла бы помочь моей сестре?* — Оскар показал на Турлова. — *Она больна и не сможет закрыть под водой рот.*

Венерианка кивнула. Она позвала одну из своих спутниц, и вместе с Оскаром они начали оживленно переговариваться. Оскар показал, как следует закрыть лейтенанту рот и как зажать его ноздри, потому что иначе «вода возвратит ее к матери матери ее матери». Вторая венерианка немного поспорила, но затем согласилась. Текс наблюдал за происходящим широко раскрытыми от изумления глазами.

— Послушай, — взволнованно обратился он к другу на бейсике, — неужели они хотят нас вести под водой?

— А ты что, собрался остаться здесь и ждать, пока тебя сожрут насекомые? Главное — не мельтешиться, пусть они тащат вас на

буксире, а вы старайтесь набирать в легкие побольше воздуха. Когда они будут нырять, придется оставаться под водой больше минуты, может, даже несколько минут.

— Мне это тоже не очень нравится, — сказал Мэтт.

— Да бросьте вы, ребята, я в первый раз побывал в их доме еще в девять лет. Они же знают, что мы не можем плавать так, как они. Во всяком случае те, что живут рядом с колониями, — в голосе Оскара прозвучала нотка сомнения.

— Может, лучше все-таки им это объяснить?

— Попробую.

Но предводительница сразу прервала объяснения Оскара. Тут же она подала команду, по две амфибии встали рядом с каждым кадетом, а оставшиеся три подняли лейтенанта Турлова и погрузились с ним в воду. Одна из тройки была той самой амфибией, что участвовала в разговоре с Оскаром.

Оскар крикнул:

— Спокойнее, ребята!

Мэтт почувствовал, как маленькие руки тащат его в озеро. Он глубоко вдохнул и сделал шаг вперед.

Вода сразу сомкнулась над его головой. Она была теплой и чистой. Он открыл глаза, увидел поверхность озера и тут же оказался над ней. Маленькие руки обхватили его с боков и повлекли вперед. Мэтт решил, что лучше всего амфибиям не перечить — те знали, что делали. Скоро Мэтт понял, что странные создания не собираются погружаться с ним под воду, и ему стало даже приятно. Но советов Оскара он не забывал и старался быть наготове к возможному погружению. К счастью, Мэтт вовремя заметил, как погрузилась пара, плывущая впереди, та, что тянула Текса. Он успел глубоко вдохнуть. Они погружались все глубже и глубже, пока у него не заболели барабанные перепонки, потом поплыли вперед. Когда начался подъем, боль в груди стала и вовсе непереносимой. Он с трудом одолел рефлекс открыть рот и вдохнуть что угодно — хоть воду. И тут они снова вынырнули на поверхность.

Таких подводных рывков, больно разрывающих легкие, Мэтту пришлось перенести еще три; когда они вынырнули последний раз, он понял, что над ними уже не небо.

* * *

Пещера, если это можно было назвать пещерой, тянулась футов на сто в длину, а в ширину была примерно на половину меньше. В центре имелось что-то вроде пруда — тот вход, через который они сюда попали. Освещалась пещера — довольно тускло — какими-то светящимися оранжевыми гроздьями. Все эти подробности Мэтт разглядел уже после того, как попал на берег. Первое же, что он увидел, — толпу венерианок, окруживших подземный пруд. Судя по всему, они проявляли большое любопытство к своим гостям и все время о чем-то перешептывались. Мэтт прислушался и разобрал несколько слов, причем одна фраза — «порождение слизи» — ему совсем не понравилась.

Из глубины показалась тройка, поддерживающая лейтенанта. Мэтт вырвался из рук своих помощниц и помог затащить тело командира на берег. Пульс у Турлова отыскался не сразу, и Мэтт чуть в отчаяние не пришел; потом почувствовал частые, неравномерные сокращения сердца и слегка успокоился.

Турлов открыл глаза и посмотрел на него.

— Мэтт — включи гироскопы... — прошептал он.

— Все в порядке, командир, успокойтесь.

— Как он, Мэтт? — спросил Оскар, который стоял рядом.

— Вроде приходит в себя.

— Должно быть, купание пошло на пользу.

— Кому на пользу, а кому не очень, — вмешался Текс. — Я, когда ныряли последний раз, галлон воды проглотил. Эти маленькие лягушки только о себе думают.

— Они больше похожи на тюленей, — ответил Мэтт.

— Лягушки, тюлени... Люди они, понимаете? Люди! И вам надо с ними подружиться, понятно? — Оскар повернулся, стараясь отыскать меж амфибий старшую.

Толпа расступилась, и по образовавшемуся коридору к ним направилась одна из амфибий в сопровождении трех других.

— *Приветствую тебя, почтенная мать многих.*

Амфибия внимательно осмотрела его с ног до головы и ответила. Но не ему.

— *Так я и думала. Уведите.*

Оскар начал было протестовать, но без толку. Их окружили четыре маленьких существа.

— Ну как, Оскар? Может, дать им как следует? — крикнул Текс.

— Нет! — резко осадил его Оскар. — Никакого сопротивления!

Через несколько минут их втолкнули в малюсенькую комнатку; мрак здесь освещала только одна-единственная оранжевая сфера. Положив на пол Турлова, амфибии вышли, задвинув за собой что-то наподобие занавеса. Текс оглянулся по сторонам, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в этом тусклом свете.

— Уют прямо как в могиле. Зря, Ос, ты не разрешил нам сопротивляться. Мы запросто бы уделали всю эту...

— Не говори ерунды, Текс. Ну уделали бы, хотя вряд ли. Ну предположим. А что дальше? Как ты собираешься плыть обратно?

— Еще чего не хватало — плыть. У нас есть два ножа — прокопали б туннель наверх.

— Вот сам бы и копал, раз такой умный. Города-то у Маленького народа под дном озер!

— Да, действительно не подумал. Плохо все это, — техасец уставился в потолок, будто он вот-вот был готов обвалиться. — Нет, Ос, все-таки мы не под озером — стены-то, посмотри, какие сухие.

— Маленький народ много чего умеет.

— Ну... ладно, молчу. Поймали нас, это верно. Ос, ты только не думай, что я все это так — зужу, для разговору. Понимаешь, лучше б нам все-таки было остаться там, на лужайке.

— Ради Бога, Текс, помолчи! И так веселого мало, а тут еще ты все время со своим задним умом. «Для разговору, зужу...» Вот и кончай эти свои разговоры. Надоело.

Наступила тишина.

— Ос, извини, — послышался голос Текса. — Напало что-то такое.

— Да я и сам-то хорош. Рука вот разболелась.

— О! А что там такое? Я вроде нормально вправлял.

— Ты все сделал отлично. А болит. И дьявольски чешется под повязкой. Мэтт, ты куда это?

Проверив, как лейтенант, Мэтт подошел к двери и принялся рассматривать занавес. Тот был сделан из какого-то жесткого, упругого материала, пристегнутого по краям. Он как раз пробовал разрезать его ножом, когда услышал вопрос Оскара.

— Нож не берет, — ответил Мэтт Оскару.

— Тогда сядь, успокойся. Мы ведь не хотим выбираться отсюда, по крайней мере пока.

— «Говори за себя одного, Джон». А почему, собственно, не хотим?

— Как раз это я и пытался объяснить Тексу. Я не говорю, что здесь санаторий, но здесь все-таки наверняка лучше, чем там, где мы были пару часов назад.

— Ты считаешь?

— А ты вообще хоть сколько-нибудь представляешь, что значит провести ночь под открытым небом в венерианских джунглях? Когда темнеет, и выползают противные слизистые черви, и они начинают понемногу обгладывать у тебя на ногах пальцы? Нам-то еще, быть может, и удалось бы провести ночь, ну — две, если б мы шли все время без остановки и при очень большом везении, но с ним-то как быть? — Оскар показал на неподвижного лейтенанта. — Именно поэтому я и решил прежде всего отыскать туземцев. Здесь мы — не на свободе, зато в безопасности.

Мэтт поежился. У слизистых червей нет зубов. Вместо этого они выделяют кислоту, растворяющую все, что идет им в пищу. Средняя длина этих червей около семи футов.

— Все, Оскар, ты меня убедил, — пробормотал Мэтт.

— Жаль, что с нами нет дяди Боди, — послышался голос Текса.

— Это верно. По крайней мере, он не дал бы тебе раскрывать рот. Мне кажется, пока они нас не накормят, отсюда выбираться не стоит. И поспать не мешало. Может, к тому времени командир очнется и что-то решит.

— С чего бы это вдруг им нас кормить?

— Ну, я не знаю, просто мне так кажется. Если они хоть немного похожи на тех туземцев, что живут в приполярных районах, нас накормят. Морить голодом живые существа, которых они же сами и заперли, такое им в голову не придет, — Оскар замолчал, стараясь отыскать нужные слова. — Не знаю, поймете вы меня

или нет, но у Маленького народа нет той жестокости, какая есть у людей.

— Мягкая, не способная на войну раса, вот что я про них слышал, — согласился Мэтт. — Любви я, конечно, к ним не испытываю, но на учебных кассетах они показаны как вполне безобидные существа.

— Обычные расовые предрассудки. Полюбить венерианца проще, чем человека.

— Ос, это нечестно, — запротестовал Текс. — Нет у Мэтта никаких расовых предрассудков. И у меня нет. Возьми лейтенанта Петерса: он черен, как туз пик, но разве для нас это имеет какое-нибудь значение?

— Тоже мне, выбрал сравнение. Жители Венеры — это существа совершенно иного порядка. Думаю, чтобы воспринимать их как нечто само собой разумеющееся, нужно вырасти рядом с ними, как я. У них же все не такое. Например, мы ни разу еще не встречали венерианца мужского пола. Всюду одни женщины.

— Интересно, а почему так, Ос? Существуют венерианцы-мужчины или это одно суеверие?

— Ну разумеется, существуют. Маленький народ — существа двуполые, тут сомневаться не приходится. Но я сомневаюсь, чтобы мы хоть когда-нибудь сумели получить изображение их «мужчины», я уж не говорю — увидеть. Те, которые говорят, что видели, чаще всего лгуны, — добавил он, — их рассказы не стыкуются друг с другом.

— И чего это они в этом смысле такие чувствительные?

— А почему индусы не едят мясо? Не обязательно искать какую-то причину. Я согласен с общепринятой теорией: венерианцы мужского пола маленькие, слабые и нуждаются в защите.

— Хорошо, что я — не венерианец, — сказал Мэтт.

— А по мне, так они неплохо устроились, — возразил Текс. — Меня бы кто сейчас защитил-обогрел.

— Вы только не думайте, что по части венерианцев я такой уж авторитет. Я здесь родился, но я не родился *здесь*, — он похлопал по полу. — Я знаю приполярных туземцев, тех, что живут около моего родного города, — а других, собственно, никто толком и не знает.

— Думаешь, они сильно отличаются? — спросил Мэтт.

— Я думаю, нам сильно повезло, что мы вообще сумели с ними договориться — хотя их акцент меня просто бесит. А что касается других отличий — ну, скажи, например, если бы из земных людей ты знал одних эскимосов, сильно бы это помогло тебе в разговоре с мэром мексиканского города? Все местные обычаи оказались бы абсолютно другими.

— Одним словом, может так получится, что кормить они нас вообще не будут, — скорбно заключил Текс.

Но их накормили и довольно скоро. Кто-то отбросил в сторону занавес, на пол что-то поставили, и занавес задвинулся снова. Кадеты подошли ближе; там стояло блюдо какого-то комковатого вещества, но ни что это, ни какой у вещества цвет было не разобрать из-за слишком тусклого освещения. Рядом с блюдом лежал предмет, *по форме и по размерам напоминающий яйцо* страуса. Оскар взял в руки блюдо, понюхал, отщипнул кусочек его содержимого и попробовал.

— Съедобно, — сказал он. — Можно есть.

— А что это? — спросил Текс.

— Это... да какая тебе разница. Давай ешь. Вреда не будет, а калорий хватает.

— Нет, ты уж скажи. Интересно все-таки, что я ем.

— Знаешь, Текс, или ты ешь, что дают, или сиди голодным. Выбирай что хочешь — мне все равно. Если я скажу, что это такое, у тебя из-за твоих предрассудков аппетит пропадет. Ты сделай просто — представь, что это помои, но их нужно съесть, чтобы не умереть с голода.

— Кончай треп, Ос.

Но Оскар не дал втянуть себя в бесполезную дискуссию. Он принялся за еду и быстро прикончил свою порцию. Посмотрев на лейтенанта, он неохотно заметил:

— Ему тоже нужно оставить.

Мэтт осторожно попробовал незнакомую пищу.

— Ну как? — обеспокоенно спросил Текс.

— А что, съедобно. Похоже на пюре из соевых бобов. Только слишком соленое — обопьешься.

— Так пей, — предложил Оскар.

— Пей? А что? И из чего?

— Из питьевого пузыря, разумеется, — и Оскар передал ему «страусиное яйцо».

Несмотря на сходство с яйцом, предмет оказался мягким. Мэтт держал его в руке, не зная, что делать дальше.

— Что, не умеешь пользоваться? Смотри... — Оскар взял пузырь, нашел нужный конец и поднес ко рту, затем передал пузырь Мэтту и обтер губы. — Сильно только не нажимай — на себя выльешь.

Мэтт принялся пить. Казалось, он пьет из бутылочки с соской.

— Он сделан из желудка рыбы, — объяснил Оскар. — Снаружи гладкий, а внутри как губка. Текс, перестань брезговать! Он совершенно стерилен!

Текс попытался выпить воды, не смог с собой справиться и взялся за пищу.

После еды кадеты устроились поудобнее, почувствовав себя намного лучше.

— Кормят здесь, пожалуй, неплохо, — заявил Текс, — но знаете, чего мне сейчас хочется? Оладьев. Мягких, золотистых, только с плиты...

— Заткнись, Текс!

— ...На сливочном масле, полить их потом сиропом. Ну, ладно, ладно. Я чего — я могу и заткнуться, — он расстегнул сумку и достал оттуда гармонику.

— Вот это да! — удивленно воскликнул он. — Совершенно сухая!

Он взял несколько нот, потом исполнил «Косоглазого летчика».

— Перестань, Текс, — попросил Оскар. — Здесь же больной — неловко как-то.

— Думаешь, он слышит? — Текс с беспокойством посмотрел на офицера.

Турлов повернулся набок и что-то сказал во сне. Мэтт нагнулся к нему.

— *J'ai soif,* — пробормотал лейтенант, а затем повторил, совершенно разборчиво: — *J'ai soif**.

* Пить хочу *(франц.)*.

— Что он говорит?

— Не знаю.

— По звучанию похоже на французский. Кто-нибудь из вас знает французский?

— Только не я.

— И не я, — присоединился Мэтт. — А с чего это он вдруг заговорил по-французски? Я всегда считал его североамериканцем, он говорит на бейсике с тем же акцентом, что и все мы.

— А может, он франкоязычный канадец?

Текс встал на колени рядом с лейтенантом и пощупал у него лоб.

— Похоже, жар. Дать ему, может, попить?

— Сейчас.

Оскар приложил пузырь к губам Турлова и осторожно, чтобы не лить воду зря, надавил. Лейтенант, не приходя в сознание, пошевелил губами и начал втягивать в себя жидкость. Наконец он перестал.

— Ну вот, — сказал Оскар. — Теперь, может, и полегчает.

— Значит, ты думаешь, ему нужно оставить поесть? — спросил Текс, глядя на блюдо.

— А, доедай, если хочешь. Эта штука протухает через несколько часов после... в общем, может протухнуть.

— Расхотелось чего-то, — сказал Текс.

Они спали довольно долго. Разбудил их шум — звуки человеческого голоса.

— *Эй, куда ты меня ведешь! Я настаиваю, чтобы ты отвела меня к своей матери!*

Голос раздавался возле самого входа.

— *Придержи свой язык!*

А вот это уже был явно голос амфибии; занавес распахнулся, кого-то втолкнули в комнату и занавес задвинули снова.

— Привет, — крикнул Оскар.

Человеческая фигура резко повернулась на голос.

— Люди! Здесь люди! — и человек расплакался.

— Здорово, Вонючка! — сказал Текс. — А ты как здесь оказался?

Перед ними стоял Жерар Берк.

Комната мигом превратилась в бедлам. Берк рыдал и дрожал всем телом. Мэтт, проснувшийся позже всех, не мог понять, снится ему все это или происходит на самом деле. Все говорили одновременно, все задавали вопросы, и никто на эти вопросы не отвечал.

— Тихо! — скомандовал наконец Оскар. — Давайте все-таки разберемся. Берк, насколько я понимаю, ты прилетел на «Гэри»?

— Да, я капитан «Гэри».

— Да ну? Черт побери, мы ведь знали, что капитана зовут Берк.

Но откуда нам было знать, что Берк и «Вонючка» Берк — это одно и то же. Интересно, кто был тот псих, который доверил тебе космический корабль?

— Корабль — мой собственный, вернее, моего отца. И попрошу звать меня не «Вонючкой», а «капитаном Берком».

— Слушаюсь, капитан Вонючка.

— Но как он сюда попал? — недоуменно спросил Мэтт, все еще мало что понимая.

— Он сам только что рассказал, — ответил Текс. — Именно этот доблестный капитан и взмолился о помощи. Меня одно удивляет — что все это случилось именно с нами. Это все равно что раздать карты при игре в бридж и получить тринадцать пик.

— Не знаю, — пожал плечами Оскар. — Это действительно совпадение, но не такое уж невероятное. Он прилетел на космическом корабле, попросил помощи, и Патруль, естественно, прореагировал на его просьбу. Под руку попались мы. Вероятность этого примерно так же велика — или мала, — как наткнуться на свою учительницу по фортепьяно, гуляя где-нибудь на окраине города, далеко от дома.

— Не было у меня никакой учительницы по фортепьяно, — ответил Текс.

— Ну и что? У меня тоже не было. Так вот, я думаю...

— Постойте, — вмешался Берк. — Значит, это вас послали ко мне на помощь?

— А ты думал.

— Слава Богу, меня хоть услышали, если б еще не посылали вот таких охломонов, которые сами тут же попадают в ловушку.

А скажите, сколько в вашей спасательной экспедиции народу, если не секрет? И с оружием у вас как? Все это дело — так легко не расколешь.

— Ты это о чем, Вонючка? Вот она, вся экспедиция, будем знакомы.

— Что? Все шуточки? Я потребовал полк космической пехоты с полным снаряжением для боевых действий на суше и на воде.

— А больше ты ничего не потребовал? Перед тобой те, кто высланы по твоему запросу. Командир группы — лейтенант Турлов, но он долбанулся черепом, так что я временно его заменяю. Рассказывай, что у тебя там стряслось?

Берка словно по голове огрели. Он застыл на месте с глазами, выпученными от ужаса.

— Эй, Вонючка, кончай. Ну-ка очухался по-быстрому, — сказал Оскар. — Выкладывай все как есть. Надо разработать план действий.

— Какой еще план? Безнадега все это. Полная безнадега.

— С чего ты взял? Туземцы ведь дружелюбные, ну... в основном.

Ты нам расскажи лучше, в чем у тебя были трудности. Попробуем разобраться.

— Дружелюбные! — Берк невесело расхохотался. — Они убили весь мой экипаж. И меня убьют. А потом вас.

15. ПИРОГ ВИЛКОЙ

— Понятно, — кивнул Оскар. — С этим разобрались. Но все равно я должен знать обстановку. Берк, может, ты все-таки возьмешь себя в руки и расскажешь нам, что случилось?

Транспортный космический корабль «Гэри», построенный на верфях корпорации «Реакторз Лимитед» и переданный для эксплуатации фирме «Систем Энтерпрайзиз», принадлежащей семье Берка, был крылатым аппаратом, специально приспособленным для полетов на Венере. Берк-старший назначил командиром корабля своего сына и дал ему в помощь опытный экипаж. Целью экспедиции было выяснить сообщение о крупном месторождении

трансурановых элементов. Информация подтвердилась; руда была обнаружена в огромном количестве. Берк-младший сразу же начал вести переговоры с местными венерианскими властями, чтобы оформить на имя фирмы права на эксплуатацию месторождения. Надо было успеть до того, как появятся другие экспедиции. А в том, что они появятся, и довольно скоро, — сомневаться не приходилось.

Ему не удалось заинтересовать «мать многих» местного племени и добиться разрешения; она ясно дала понять Берку, что болото, в районе которого находилось месторождение, было запретной территорией, «табу». Под каким-то предлогом Берк сумел заманить ее на корабль. Когда она оказалась на «Гэри», Берк снова попытался ее убедить, и снова у него ничего не вышло. И тогда он отказался выпустить ее с корабля.

— Получается, ты ее похитил, — сказал Мэтт.

— Еще чего. Она пришла на корабль добровольно. Просто, когда она решила уйти, я не открыл люк. Мне же надо было ее убедить.

— Да неужели? — язвительно спросил Оскар. — И долго ты ее убеждал?

— Не то чтобы очень долго.

— А поточнее? Нечего от меня скрывать, я все равно узнаю от туземцев.

— Сутки, не больше. Что это, по-твоему, — преступление?

— Я не знаю, как по местным законам — считается это преступлением или нет? Если б это было на Марсе, тебя бы привязали к столбу и точно на тот же срок оставили одного в пустыне. Хотя чего это я тебе говорю, ты и сам должен знать, вместе ж в Академии проходили.

— Но, черт возьми, я же ее даже пальцем не тронул! Что я, дурак? Мне и нужно-то от нее было только ее согласие.

— И чтобы его получить, ты прибегнул к силе. А говоря юридическим языком, ты удерживал ее на корабле, заманив обманом, и требовал выкупа. Ну, хорошо, сутки ты ее продержал. А что дальше, после того как ты все-таки решил ее отпустить?

— О том и весь разговор. Сделать-то я этого не успел. Главное дело, собирался, но...

— Неужели?

— Да перестань ты со своими подколами. На следующее утро они напали на корабль. Тысячи, я не вру, буквально тысячи этих зверей!

— И тогда ты ее отпустил?

— Я испугался. Я подумал, пока она у нас, нам ничего не сделают. Но я ошибся — они облили люк какой-то дрянью, которая мгновенно разъела металл, и туземцы ворвались внутрь корабля, прежде чем мы успели их остановить. Они перебили экипаж, буквально задавили нас — столько их было, и все-таки нам удалось убить по крайней мере в два раза больше!

— А тебя почему не убили?

— Я заперся в рубке и послал сигнал бедствия. Меня нашли только после того, как туземцы обыскали корабль, отсек за отсеком. Должно быть, я потерял сознание от ядовитых паров, когда они растворяли кислотой мою дверь; как бы там ни было, очнулся я, когда они уже тащили меня сюда.

— Ясно. — Оскар задумался, глядя куда-то вдаль и упершись подбородком в колени. — Скажи, Вонючка, ты первый раз на Венере?

— Ну... да.

— Так я и думал. Теперь понятно, почему ты такой тупой. Ты же понятия не имеешь, какими упрямыми становятся местные, когда их пытаются заставить сделать что-нибудь не по-ихнему.

— Теперь-то я это знаю, — кивнул Берк. — Я ж поэтому и потребовал, чтобы сюда прислали полк космических пехотинцев. Просто не понимаю, о чем думают в Департаменте. Это надо же, дать вместо пехоты трех кадетов и вахтенного офицера. Ну и тупицы эти ваши военные! Ничего, вот я вернусь, отец им такой скандал закатит.

— Ты думаешь, что Патруль существует для того, чтобы спасать таких кретинов, как ты? — презрительно фыркнул Текс.

— Да ты...

— Замолчи, Берк. Текс, не поддавайся на провокационные замечания. Мы ведем расследование, а не занимаемся философскими спорами. Разве тебе не известно, Берк, что Патруль никогда

не посылает космическую пехоту, пока не будут закончены переговоры?

— Все мне известно! Именно поэтому я и потребовал космическую пехоту, чтобы покончить с бюрократической волокитой и добиться конкретных действий.

— Не надо себя обманывать, Берк. И тем более бессмысленно говорить, что будет после твоего возвращения. Мы не знаем, сумеем ли вообще выбраться отсюда.

— Ты прав, — Берк задумчиво пожевал нижнюю губу. — Послушай, Йенсен, я знаю, что во время учебы у нас были не самые лучшие отношения. Теперь это не имеет значения — мы все в одной лодке и должны выбираться отсюда вместе. У меня есть предложение. Ты знаешь этих лягушек лучше меня...

— Людей, а не лягушек.

— Хорошо, людей. Ты знаешь туземцев и знаешь их местные обычаи. Если тебе удастся уладить дело, договориться с туземцами об эксплуатации месторождения и помочь мне отсюда выбраться, я возьму тебя в долю...

— Берк, ты сперва думай, прежде чем говорить!

— Перестань строить из себя гордого, Йенсен. Послушай мое предложение. В конце концов, я имею право свободно выражать свое мнение, верно?

— Пусть говорит, Ос, — сказал Текс. — Мне нравится смотреть на его гланды.

Оскар ничего не ответил, и Берк продолжил:

— Я вовсе не собираюсь предложить что-то такое, что бросит тень на твою девственно чистую репутацию. В конце концов, вас послали сюда, чтобы меня спасти; разве я не имею права предложить за это вознаграждение? В этом болоте, право на эксплуатацию которого я хочу получить, находится огромное количество трансурановых элементов — от девяносто седьмого до сто четвертого. Думаю, тебе не надо объяснять, что это такое: элементы сто один и сто три входят в состав жаростойких сплавов для ракетных двигателей, сотый — для лечения рака и так далее; я не говорю об использовании этих элементов как катализаторов. А ведь только на одном этом можно сколотить миллионы! Я не хочу загрести все

это богатство себе: каждому из вас выделю долю, скажем, по десять процентов.

— Это и есть твое предложение?

— Не совсем. Если ты добьешься и нас освободят, и не станут нам мешать ремонтировать «Гэри», чтобы уже первым рейсом мы смогли доставить на Землю полный трюм урановых руд, — я дам каждому из вас по двадцать процентов от прибыли. Тебе понравится мой корабль. «Гэри» — самый лучший транспортник в Системе. Но если с «Гэри» у тебя ничего не выйдет и я улечу на вашем, все равно получите по десять процентов.

— Все?

— Да.

— Если бы я не знал, кто все это мне предлагает, то принял бы это за оскорбление. Думаю, не я один так считаю.

— Хорошо, пятнадцать процентов. Перестань лезть в бутылку, Йенсен; вам ведь все равно поручили меня спасти.

— Как ты думаешь, Ос, — спросил Мэтт, — может, хватит слушать эту его хреновину?

— Хватит, — решил Йенсен. — Он уже сказал все, что хотел. Итак, Берк, постараюсь быть беспристрастным. Ты знаешь, что Патруль нанять нельзя. Далее...

— Да не собирался я вас нанимать; всего-то поблагодарить хотел.

— Не перебивай, Берк. Выслушали мы тебя или нет? Так вот, далее. Корабля у нас нет, по крайней мере сейчас нет.

— Нет корабля? — Берк выглядел потрясенным.

Оскар коротко рассказал ему обо всем, что случилось после посадки. На лице Берка изумление смешалось с жутким разочарованием.

— Надо же было мне повстречать таких идиотов! Я забираю назад свое предложение, вы не можете за него расплатиться.

— А мы его и не принимали. Думаю, это будет лучше и для тебя самого. Мне бы только хотелось тебе напомнить, что не поведи ты себя здесь как последний дурак и не попроси помощи, нам вообще не пришлось бы совершать посадку на двигателях в джунгли. И все-таки джип из болота я думаю вытащить. Надеюсь, если,

конечно, удастся загладить твое преступление. А сделать это будет не просто, уж поверь.

— Вот как? Если вам удастся замять это дело и вытащить корабль, мое предложение остается в силе.

— Слушай, забыл бы ты лучше вообще, как думал дать нам на лапу. Обещать мы тебе ничего не можем, даже если бы захотели. Нам просто задание свое нужно выполнить.

— О'кей, какое у вас задание? Забрать отсюда меня. Так что то на то и выходит, просто я человек щедрый.

— Жди больше, нет про тебя ничего в нашем задании. Какая у Патруля главная миссия, знаешь? Всегда и везде сохранять мир. Вот и у нас такая же. В приказе написано: в связи с полученным донесением о нападении туземцев, если таковое имело место, провести расследование и всеми возможными способами «сохранить мир». И ни слова о том, чтобы мы вытащили Жерара Берка из местной каталажки и подбросили его до дому. Погоди, я еще не кончил. Ты не хуже меня знаешь, как действует Патруль. Находясь в отдаленных местах Системы, офицер должен полагаться на традицию и здравый смысл...

— Ну если ты ищешь прецедент, то мог бы и знать...

— Заткнись. Прецедент — это просто предположение, что некто, действовавший в прошлом и с меньшей информацией, несмотря на это, понимает ситуацию лучше, чем человек, попавший в эту ситуацию сегодня. Если бы ты зря не просиживал штаны, а толком использовал то время, которое провел в Академии, ты бы знал, что традиции — это совсем не то, что ты думаешь. Следовать традиции — значит делать все в таком же высоком стиле, как и те, кто был до тебя; это значит — делать, как и они.

— Ладно, ладно, кончай свою лекцию.

— Поэтому мне нужно, чтобы ты мне кое-что рассказал. Скажи, до встречи с тобой Маленький народ встречался с землянами?

— Ну... разумеется, они слышали о людях... Кое-что, во всяком случае. Потом, здесь побывал Стивенс.

— Кто этот Стивенс?

— Геолог, работает в компании, принадлежащей моему отцу. Это он провел здесь предварительное обследование и проинфор-

мировал отца о трансурановых рудах. С ним еще был пилот его разведывательного корабля.

— И это — единственные люди, с которыми встречались туземцы до прилета «Гэри»?

— Да, насколько я знаю.

— Про Патруль они когда-нибудь слыхали?

— Сомневаюсь... хотя, нет, слыхали. Эта мамаша-начальница, похоже, знает местное слово, обозначающее Патруль.

— Хм-м... странно все это. Насколько я знаю, Патрулю еще ни разу не приходилось работать так близко от экватора — а если б и приходилось, капитан Янки нам обязательно бы рассказал.

Берк пожал плечами, Оскар продолжил:

— Это сильно меняет дело. Ты все испоганил, Берк. Из-за открытия твоих минералов сюда прилетят люди, много людей. А ты так все замечательно начал, что неприятности теперь посыплются одно за другим, и в конце концов все это перерастет в партизанскую войну между местным населением и людьми. Волнения могут охватить всю планету, до самых полюсов. Задача Патруля — подавлять в зародыше саму возможность такой ситуации; в этом наша миссия и состоит. Теперь мне придется на коленях ползать, чтобы все загладить, из кожи лезть, чтобы они не думали, что все мы такие. Ты мне можешь хоть что-нибудь рассказать еще? Что угодно, любая мелочь сгодится — дело слишком серьезное, все нужно брать в расчет.

— Не думаю. Но ты давай, давай — обрабатывай старушенцию, глядишь, чего и получится. Можешь даже ей ляпнуть, что увозишь меня под арестом, если, конечно, от этого будет какой толк. Между прочим, отличная мысль! Лично я возражать не буду, лишь бы отсюда смотать.

— Арестовать — это можно, если она пожелает, — покачал головой Оскар. — Но ты вроде бы уже и так под арестом, вполне законным, между прочим, арестом, за преступления против местных законов.

— Да что ты говоришь?

— Могу и еще кое-что добавить. То, в чем ты сейчас признался, где угодно считается преступлением. Если она захочет, тебя

будут судить на Терре. Но мне, честно-то говоря, безразлично, хоть так, хоть этак. Патруля это уже не касается.

— Но здесь же ты меня не собираешься оставлять?

— Вот лейтенант Турлов очнется, сам с ним и будешь все обсуждать. Что до меня, то я не собираюсь ставить под угрозу нашу задачу. И чего, собственно, ради? Чтобы спасти тебя от наказания за убийство? Да-да, убийство — вот именно! Ты сам в этом признался.

— Но... — Берк оглянулся по сторонам. — Текс! Мэтт! Неужели вы позволите ему встать на сторону говорящих лягушек?

Мэтт промолчал, не сводя с Берка холодных глаз.

— Заткнись, Вонючка, — ответил Текс.

— Это точно, — кивнул Оскар, — заткнись и ложись спать. У меня рука болит, и вообще — не хочу я больше с тобой разговаривать.

В комнате мгновенно настала тишина, хотя никто из них не смог заснуть сразу. Мэтт лежал и думал, получится ли у Оскара убедить лягушачью мать — так он называл ее про себя — в честности их намерений. И в который раз мучал себя вопросом — как это так вышло, что он не смог уберечь джип. Наконец уснул и он.

Разбудил его громкий стон. Мэтт вскочил и подбежал к лейтенанту. Оказалось, что не он первый — Текс уже был на ногах и стоял, склонившись над Турловым.

— В чем дело? — спросил Мэтт. — Ему хуже?

— Он все время пытается что-то сказать.

Глаза Турлова приоткрылись и он посмотрел на Мэтта.

— *Maman,* — голос его дрожал. — *Maman... Pourquoi fait-il nuit ainsi?**

К ним подошел Оскар.

— Что он говорит?

— Похоже, маму зовет, — ответил Текс. — Остальное — чушь какая-то.

— Куда девался этот пузырь? Надо ему дать попить. — Мэтт приложил сосок пузыря к губам лейтенанта, тот напился и мгновенно заснул.

---

* Мама... Мама... Почему так темно? *(франц.)*.

— Вот что, ребята, — сказал Оскар. — Вы ложитесь, а я попробую переговорить с охранником, когда он снова принесет нам поесть. Нужно договориться о встрече с этой главной мамашей. Все-таки надо бы как-нибудь организовать ему медицинскую помощь.

— Оскар, хочешь, я подежурю? — предложил Мэтт.

— Нет, Мэтт, ты отдыхай. Я все равно не смогу уснуть. Эта проклятая штука все время чешется.

— Ладно.

Мэтт уже засыпал, когда раздались шаги и чья-то рука откинула занавес. Оскар, сидевший у самой двери со скрещенными ногами, как только охранница отодвинула занавес, чтобы поставить на пол поднос с едой, — просунул руку в образовавшуюся щель.

— *Убери руку,* — сказала охранница.

— *Послушай,* — начал уламывать туземку Оскар, — *мне надо поговорить с твоей матерью.*

— *Убери руку.*

— *Ты ей передашь мою просьбу?*

— *Убери руку!*

Оскар убрал, и охранница задвинула занавес.

— Что-то непохоже, чтобы они хотели вступить с нами в переговоры, — заметил Мэтт.

— Поживем — увидим, — ответил Оскар. — Завтрак подан. Буди остальных.

На блюде лежала все та же сомнительного вида жвачка.

— Дели на пятерых, Текс, — скомандовал Оскар. — Вдруг лейтенант очнется и захочет есть.

— Я не буду, — Берк брезгливо взглянул на пищу.

— Отлично. Значит, на четверых. — Текс кивнул и сделал как было сказано.

Кадеты принялись за еду. Наконец Мэтт откинулся назад, посмотрел на товарищей и сказал задумчиво:

— Неплохо бы, конечно, сейчас апельсинового сока и кофе, но в общем кормят нас не так уж и плохо.

— Я вам не рассказывал, как дядя Боди попал в мексиканскую тюрьму в Хуаресе? По ошибке, естественно.

— Естественно, — согласился Оскар. — И что дальше?

— В тюрьме их кормили кашей из прыгучих мексиканских бобов. Так вот, дядя...

— Живот у него, что ли, заболел?

— Да нет. Он их тарелку за тарелкой сметал, а через неделю перепрыгнул четырехметровую стену и пошел домой.

— Если б я сам не видел твоего дядю, ни за что б не поверил. Слушай, а что бы он делал на нашем месте?

— Что делал? Стал бы любовником этой ихней старушки и через три дня отдавал бы приказы направо-налево.

— Что-то и мне поесть захотелось, — вдруг объявил Берк.

— Это порция лейтенанта, — предупредил его Оскар. — Тебе предложили, нечего было отказываться.

— Не имеешь права мной распоряжаться.

— Да что ты говоришь — не имею? Имею, и сразу по двум причинам.

— Какие еще причины?

— Мэтт и Текс.

— Врезать ему как следует, командир? — Текс встал.

— Пока не надо.

— Ну вот!.. — разочарованно вздохнул Текс.

— Между прочим, — заметил Мэтт, — тут есть и постарше тебя, так что придется подождать очереди.

— Замолчите, ребята, — оборвал их Оскар. — Никто ему не врежет, если только он не схватит порцию лейтенанта.

У входа послышался шум и занавес приоткрылся.

— *Моя мать согласилась видеть тебя. Пошли.*

— *Меня одну или со всеми сестрами?*

— *Всех вместе. Идем.*

Они направились к выходу. Берк хотел выйти тоже, но две амфибии оттолкнули его и держали до тех пор, пока еще четверо не подняли лейтенанта Турлова и не вынесли его в коридор. После этого группа двинулась по коридору.

— Хоть бы свет в этой крысиной норе сделали, — сказал Текс, споткнувшись в очередной раз.

— Для них здесь и так светло, — сказал Оскар.

— Понятно, — ответил Текс, — но мне-то от этого не легче. *Мои* глаза в инфракрасном не видят.

— Тогда поднимай повыше ходули.

Они оказались в большой комнате. Это был не тот зал при входе, куда их привели в первый раз — здесь не было бассейна. Амфибия, та, что говорила с ними тогда и после разговора с которой их увели, сидела на возвышении в дальнем углу комнаты. Из пленников ее узнал один Оскар; для его спутников она ничем не отличалась от прочих амфибий. Оскар ускорил шаги и поравнялся с сопровождающими.

— *Приветствую тебя, старая и мудрая мать многих.*

Амфибия выпрямилась и пристально посмотрела на него. В комнате стояла тишина. У каждой ее стены выстроились представители Маленького народа, то и дело переводя взгляд со своей предводительницы на землян и снова на свою предводительницу. Мэтт чувствовал — от ее ответа зависит сейчас их судьба.

— *Приветствую,* — амфибия отказалась взять на себя инициативу в переговорах, поскольку никак не назвала Оскара. — *Ты хотел говорить со мной. Можешь говорить.*

— *Что это за город, в который я попал? Может быть, я приехал в такую даль лишь затем, чтобы оказаться в городе, где не соблюдают обычаи?*

Венерианское слово «обычаи» значило много больше, чем в языке землян, и охватывало все обязательные правила поведения, при которых старшие и более сильные охраняют младших и слабых. Туземцы, услышав слова Оскара, зашевелились. Мэтт подумал: а не слишком ли тот увлекся. Выражение на лице амфибии изменилось, но Мэтт так и не понял, к добру это или к худу.

— *Мой город и мои сестры всегда соблюдали обычаи...* — она использовала другой, более широкий термин, охватывавший и табу, и прочие обязательные действия, а не только закон помощи... — *И я никогда не слышала раньше, чтобы нас обвиняли в том, что мы их избегаем.*

— *Я слышу тебя, о благородная мать многих, но твои слова приводят меня в замешательство. Мы прибыли сюда, мои сестры и я, в поисках помощи как для нас, так и для нашей матери, которая серьезно больна. Я тоже ранена и не могу защитить своих младших сестер. И как нас приняли в твоем доме? Ты лишила нас свободы, наша мать лежит безо всякого ухода, и здоровье ее ухудшается.*

Более того, нам даже не предоставили отдельных комнат для того, чтобы есть.

Из толпы присутствующих донесся вздох, который Мэтт правильно истолковал как возмущенный возглас. Оскар вполне сознательно употребил непристойное слово «есть» вместо объяснений обиняками. Но он продолжал говорить, и подозрения Мэтта нашли новое подтверждение.

— Разве мы рыбы, чтобы с нами так обращались? Или таковы обычаи твоих дочерей?

— Мы следуем обычаям, — коротко ответила амфибия; гнев в ее голосе был настолько очевиден, что это заметили даже Мэтт с Тексом. *— Мне казалось, что у твоего рода исчезло всякое приличие. Это будет исправлено.*

Она что-то сказала одной из своих сопровождающих; маленькая фигурка тут же исчезла.

— Что касается твоей свободы, то я поступила по закону, потому что должна защищать своих дочерей.

— Защищать своих дочерей? От кого? От моей больной матери? Или от меня со сломанной рукой?

— Твоя сестра, не знающая обычаев, лишила тебя свободы.

— Я слышу твои слова, о мудрая мать, но их смысл ускользает от меня.

Амфибия недоуменно посмотрела на Оскара. Она спросила о Берке, произнося его земное имя «капитан-Берк» как одно слово. Оскар заверил ее, что Берк не является «дочерью матери» Оскара или даже «матери матери» Оскара. Амфибия-старейшина задумалась.

— Если мы вернем тебя в верхние воды, ты обещаешь покинуть нас?

— Но что будет с моей матерью? — спросил Оскар. *— Неужели ты просто выкинешь ее наверх больной и слабой, чтобы она умерла и была уничтожена существами из слизи?*

На этот раз Оскар постарался избежать венерианского выражения «быть съеденным». «Мать многих» распорядилась, чтобы лейтенанта перенесли на возвышение, где сидела она, и положили рядом. Несколько представительниц Маленького народа собрались вокруг и осмотрели его, переговариваясь друг с другом высокими

шепелявыми голосами. Наконец сама амфибия-старейшина присоединилась к осмотру и после этого повернулась к Оскару.

— *Твоя мать спит.*

— *Это — нездоровый сон. Ее голова повреждена ударом.*

Оскар подошел к группе, окружающей лейтенанта, и показал на опухоль на голове Турлова. Амфибии сравнили очертания головы лейтенанта с головой Оскара, с любопытством проводя по ней мягкими лапками. Снова обмен мнениями. Мэтт не понимал даже того, что удавалось расслышать, слова по большей части были ему незнакомы.

— *Мои ученые сестры считают, что было бы слишком рискованно разобрать голову твоей матери на составные части, потому что боятся, что не сумеют снова поставить все на свои места,* — заявила наконец «мать многих».

— Хоть здесь успокоили, — тихо пробормотал Текс.

— Ос не дал бы им это сделать, — шепнул в ответ Мэтт.

Предводительница распорядилась о чем-то, четверо амфибий подняли бесчувственное тело лейтенанта и понесли из комнаты.

— Послушай, Ос, — ты считаешь, с ним ничего не случиться? — обеспокоенно спросил Текс.

— Нет, успокойся, — ответил Оскар и тут же объяснил амфибии-матери многих: — *Моя сестра беспокоится о безопасности нашей матери.*

Старая амфибия сделала жест, внезапно напомнивший Мэтту о его двоюродной бабушке Доре: она самым натуральным образом фыркнула.

— *Передай ей, что ее ноздри могут не дрожать.*

— Старая дама посоветовала тебе не поднимать шухер, Текс.

— Слышал я. О'кей, ты начальник, — ответил Текс и пробормотал: — Ноздри! Во сказала.

Когда Турлова унесли, повелительница повернулась к людям.

— *А сейчас отдыхайте, и пусть ваши сны будут о дочерях.*

— *Пусть же и твои сны будут не менее прекрасны, о благородная мать.*

— *Мы еще вернемся к этому разговору.*

Она величественно выпрямилась во все четыре фута своего роста и вышла из комнаты. После ее ухода эскорт земноводных

повел кадетов по другому коридору. Наконец они остановились перед входом в другую комнату. Возглавлявшая эскорт амфибия пожелала им всего доброго, точно повторив формулу, произнесенную старейшиной. Кадеты вошли в помещение, занавес задвинулся, но остался чуть-чуть приоткрытым. Мэтт сразу обратил на это внимание. Он повернулся к Оскару:

— Да, Оскар, просто нет слов. Такой силы убеждения я еще не слышал. Если тебе когда-нибудь надоест Патруль, могу предложить отличную работу — продавать снег эскимосам. Для тебя это пара пустяков.

— Все верно, — согласился Текс, — полностью присоединяюсь к Мэтту. Ты был просто великолепен, Оскар. Мой дядя Боди, и тот не втерся бы к старушке в доверие лучше тебя.

— Сравнение что надо. Спасибо, Текс. Честно говоря, у меня у самого словно гора с плеч. Если бы Маленький народ не был таким честным и доверчивым, у меня точно бы ничего не вышло.

Главная комната их «квартиры» — всего комнат было две — по размерам не превышала ту, где их держали до этого, но отличалась от нее благоустроенностью и уютом. Вдоль стены, из конца в конец, тянулся мягкий, широкий диван. В центре комнаты располагался бассейн, вода в котором при тусклом освещении казалась черной.

— Ос, как ты думаешь, соединяется эта лохань с озером? — поинтересовался Текс.

— Так делается почти всегда.

Мэтт заинтересовался.

— Тогда, возможно, мы сумеем отсюда выплыть.

— Валяй пробуй. В темноте только не заблудись. И кстати, ты правило помнишь? Никогда не оставайся под водой больше половины того времени, на которое можешь задержать дыхание, — с ухмылкой посоветовал Оскар.

— Ясненько.

— Да и вообще надо у них еще погостить, пока не разберемся с этой историей окончательно.

Тем временем Текс отправился взглянуть на вторую комнату.

— Эй, Ос, иди посмотри, что тут есть.

Мэтт и Оскар присоединились к нему. Вдоль стен здесь тянулись ряды маленьких закутков, и у каждого был свой собственный занавес.

— Да это же клетушки для приема пищи.

— Знаешь, Ос, я только что вспомнил. Когда ты заговорил о еде, я думал, что все — допрыгались. А ты так ловко выкрутился из этого ляпа.

— Не из чего я не выкручивался, я знал, что говорил.

— Как это?

— Попробовал рискнуть. Мне нужно было стегнуть их как следует, показать им, что они ведут себя по отношению к нам неприлично или во всяком случае, нам кажется, что неприлично. Это дало им понять, что мы тоже «люди» — с их точки зрения. Теперь, когда Маленький народ признал в нас «людей», надо вести себя очень осторожно. Мне тоже не слишком нравится есть в этих темных комнатушках, но рисковать нельзя. Даже задвигать за собой занавеску — и то совершенно необходимо: на случай, если кто-то из них заглянет в этот момент к нам. Не забывайте, что еда — это единственное занятие, считающееся у них интимным.

— Понятно, — кивнул Текс. — Пирог нужно есть вилкой.

— Что?

— Ладно, не обращай внимания. Это из печальных воспоминаний моей юности. Можешь не сомневаться, мы с Мэттом сделаем все как надо.

16. ПРК «АСТАРТА»

На следующее утро Оскара опять пригласила к себе повелительница Маленького народа, и он принялся осторожно и не спеша закладывать основание для установления дипломатических отношений. Сначала он выслушал ее версию происшествия с кораблем «Гэри» и его капитаном. Она почти не отличалась от того, что рассказал Берк, хотя и была изложена с другой точки зрения. Затем как бы невзначай он спросил, почему болото, интересовавшее Берка, — табу. Его беспокоило, не в религии ли

причина такого запрета. Но так или не так, а узнать причину было необходимо: сомневаться не приходилось — скоро здесь высадятся другие экспедиции, привлеченные слухами о залежах трансурановых элементов. И если Патруль не хочет новых беспорядков, ситуация должна быть прояснена.

Амфибия-старейшина без колебаний ответила: болото объявлено табу потому, что глина, содержащая руды, ядовитая. У Оскара отлегло от сердца. Вполне естественно, что руды, содержащие трансурановые элементы, считаются ядовитыми. Но условные или практические запреты уже не раз преодолевались Патрульной службой: все решали переговоры — требовалось лишь терпение.

Потом он спросил ее о Патруле. Нечто подобное она слышала, причем использовала для него слово, которым приполярные туземцы называют вообще все органы колониального управления. Значило оно: «хранители обычаев», или «стражи законов». Это название оказалось для Оскара как нельзя кстати, потому что ему так и не удалось объяснить повелительнице земноводных, что задачей Патрульной службы было не допустить войну; понятие «война» оказалось совершенно непостижимым для старой амфибии.

Но по консервативности склада своего ума она была естественным образом расположена в пользу организации, именуемой «хранители обычаев». С этой-то стороны и подъехал к старой амфибии Оскар. Он объяснил ей, что вскоре сюда начнут прибывать люди, сотни людей; по этому-то «великая мать многих» его собственного народа и послала Оскара с товарищами посланниками с предложением, чтобы сюда прибыла «мать» их народа, чтобы помочь в устранении разногласий между двумя народами.

Вот так, ненавязчиво, он заложил основы для последующей организации консульства, экстерриториальных судов и состоящей из землян — и исключительно землянами и занимающейся — полиции. Задание, с точки зрения Оскара, было выполнено — если, конечно, они смогут вернуться с докладом на базу прежде, чем здесь начнут шнырять другие разведчики руды, горные инженеры и просто любители легкой наживы.

И только теперь он заговорил с «хозяйкой» о возвращении домой.

И... получил от нее предложение остаться в подземном городе навсегда в качестве «матери», представляющей его народ. (Слово, переводимое как «мать», употребляется у венерианцев для обозначения любого поста, связанного с властью или авторитетом; точное значение этому слову придают приставки, окончания и — главное — контекст.) От такого предложения Оскар на время лишился речи.

— Я просто не знал, — признался он позднее товарищам, — что ей сказать. В ее понимании она оказывала мне большую честь. *Если бы отказался, я бы наверняка ее оскорбил и испортил этим все дело.*

— Ну и как же ты выкрутился? — поинтересовался Текс. — Если, конечно, выкрутился.

— Думаю — у меня получилось. Я ей как можно дипломатичнее объяснил, что молод еще для такой высочайшей чести и действую в качестве *«матери»* только потому, что болеет Турлов; к тому же у моей *«великой матери многих»* есть для меня другая работа, которую я обязан, согласно обычаям нашего народа, выполнять.

— Наверно, это ее убедило.

— Думаю, она просто запомнила мое заявление, как один из моих аргументов в переговорах. Ты не знаешь Маленький Народ, они — высочайшие специалисты в ведении переговоров; когда будешь в Нью-Окленде, зайди как-нибудь в суд, ведущий межрасовые дела, и послушай. Получишь большое удовольствие.

— Не отвлекайся, — сказал ему Мэтт.

— А я и не отвлекаюсь, просто в этом самая суть. Они не дерутся, не воюют, они просто спорят, пока одна из сторон не сдается. Во всяком случае — сказал я ей — нам необходимо доставить Турлова к своему народу, где он получит нужную врачебную помощь. Вот это она поняла прекрасно и, уж не знаю в который раз, принялась сокрушаться, что ему не смогли помочь ее маленькие дочери. Но у нее было новое предложение, как можно попробовать вылечить нашего босса.

— Да? — спросил Мэтт. — Это как же?

Вопрос не был праздным: Мэтт сам назначил себя опекуном Турлова.

Он работал вместе с амфибиями-целительницами, которые сделали неприходящего в сознание лейтенанта предметом своей профессиональной заботы. Мэтт научил их измерять пульс и следить за дыханием; теперь в любой момент дня или ночи одно из этих нежных, этих заботливых созданий сидело на корточках возле постели Турлова, не сводя с него своих больших и серьезных глаз.

Похоже, их сильно удручала собственная неспособность добиться радикального улучшения состояния больного: лейтенант почти все время находился в коме, лишь изредка выходя из нее — это были единственные моменты, когда его можно было кормить и поить. Но и в эти редкие промежутки он не произносил ни одного слова, которое бы понимали кадеты. Мэтт с интересом обнаружил, что маленькие санитарки ничуть не стеснялись кормить беспомощного человека; они воспринимали неприятные, но необходимые действия с такой же смелостью и без малейших проявлений брезгливости, как и их земные коллеги.

Но Турлов не выздоравливал. Хотя и не умирал тоже.

— Между прочим, старушка предложила один решительный ход.

Кстати, довольно логичный. Она хочет, чтобы ее целительницы сперва разобрали на части голову Берка, чтобы посмотреть, как она устроена. После этого они могут прооперировать босса и вылечить его.

— *Что?* — спросил Мэтт.

Текс, тот просто пришел в восторг. Он смеялся так громко, что в конце концов задохнулся и принялся икать; пришлось лупить его по спине.

— Ой, мамочки, — наконец сумел проговорить он. По щекам его текли слезы. — Какая прелесть. До чего хочется посмотреть на Вонючкину морду. Ты ему еще не сказал?

— Нет.

— Чур я ему говорю первый.

— Я думаю, не стоит ему про это рассказывать, — возразил Оскар. — Зачем бить лежачего?

— Ах какие мы благородные! Ему будет совсем не вредно узнать свое новое социальное положение — морской свинки.

— Да, она его, должно быть, сильно возненавидела, — прокомментировал Мэтт.

— Собственно, а почему бы и нет? — сказал Текс. — Ее народ потерял с десяток, если не больше, своих — это что, по-твоему, шуточки?

— Вы оба ее не понимаете, — сказал Оскар. — Не собирается она его ненавидеть.

— А?

— Вот вы, к примеру, — вы стали бы ненавидеть собаку? Или кошку?

— Конечно, — ответил Текс. — Был у нас когда-то один старый кот, так я...

— Стихни, дай мне закончить. Я могу с тобой согласиться, но, извини, кота можно ненавидеть, только поместив его бессознательно на один уровень социальной лестницы, что и у тебя. А она не относится к Берку, как к... ну, как к *человеку*, потому, что он не придерживается обычаев. Вот мы — мы для нее люди, хоть мы и похожи на него. И это потому, что мы обычаев не нарушаем. А Берка она держит за опасное животное, вроде волка или акулы, которое надо либо посадить в клетку, либо уничтожить, а ненавидеть или наказывать бессмысленно!

— Как бы там ни было, — продолжал Оскар, — я сказал ей, что этот вариант невозможен, ему мешает некое эзотерическое, необъяснимое табу нашей религии. В общем, она больше не настаивала на своем предложении. Но я сказал еще, что мы хотели бы для перевозки лейтенанта взять корабль Берка. И она охотно нам его отдала. Завтра мы пойдем его осматривать.

— Господи, чего же ты сразу про это не сказал? Вешает, понимаете ли, всякую лапшу на уши!

Им пришлось вынести очередное подводное путешествие вроде того, какое они проделали, когда прибыли в подземный город. На этот раз сама «мать многих» отправилась с ними.

«Гэри» полностью соответствовал описанию, которое дал ему Берк. Это был действительно прекрасно оснащенный корабль с атомным двигателем. Но он был безнадежно разрушен.

Сам корпус сохранился полностью, если не считать наружного люка, который подвергся воздействию исключительно высокой температуры или какой-то невероятно едкой жидкости, а может, тому и другому сразу. Мэтт так и не смог понять, какова природа такого поразительно мощного воздействия на специальную сталь наружной обшивки, и еще раз напомнил себе, что венерианцы — совсем не какие-то там лягушки, или тюлени, или выдроподобные твари, как показалось ему сначала из-за земных предрассудков.

На первый взгляд и внутренние помещения корабля выглядели нормально, пока кадеты не увидели, что творится в рубке управления. Для амфибий даже простейший дверной засов являлся полнейшей загадкой, и поэтому, обыскивая корабль, они просто-напросто прожигали люки — включая люки, ведущие в отсеки гироскопов и автопилота. И в результате все проходившие там кабели — вся нервная система корабля — превратились в массу обожженного, расплавленного металлолома.

Но все равно они потратили еще три часа, чтобы окончательно убедиться, что для приведения корабля в работоспособное состояние нужна как минимум космоверфь. В конце концов они оставили все надежды и с тяжелым сердцем отправились назад. Оскар тут же предложил «матери» идею вытащить из болота утонувший джип. Раньше он об этом даже не заговаривал — вариант с «Гэри» казался ему замечательнее всего. Разговору со старой амфибией сильно мешали трудности с языком: в ее языке не было слова для понятия «средство передвижения», а для понятия «ракетный корабль» — тем более. Но положение облегчалось тем, что имелся «Гэри», на который можно было сослаться как на пример.

Поняв наконец, чего от нее хотят, мать города сразу же отдала нескольким «дочерям» приказ плыть к тому месту, где когда-то подобрали кадетов. По мусору, который там оставался, кадеты сначала убедились, что это то самое место и есть, а затем Оскар отвел амфибий туда, где погиб джип. Больше жестами, чем словами, он объяснил, что здесь произошло, показал на берегу следы хвостовой части джипа и отмерил шагами приблизительные размеры утонувшего судна.

Повелительница земноводных обсудила проблему со своими помощницами (кадеты, пока все это тянулось, ждали — их не исключали из беседы, их просто как бы не замечали) и тут же приказала всем возвращаться: приближалась ночь, и даже амфибии не решались оставаться в джунглях Венеры после наступления темноты.

В течение нескольких дней про спасение джипа даже и разговоров не было. Все попытки Оскара разузнать, что делается и делается ли что-нибудь вообще, с ходу отметались «матерью» — примерно так же взрослые пресекают порой докучливые расспросы надоедливого ребенка. Так что оставалось одно — ждать. И они ждали. Текс играл на губной гармошке, пока ему не сказали, что если он не заткнется, то его выкупают в бассейне, занимавшем всю середину комнаты. Оскар нянчился со своей сломанной рукой и предавался размышлениям. Не очень-то это были веселые размышления. Мэтт большую часть времени проводил возле Турлова и близко познакомился с санитарками, не оставлявшими лейтенанта ни на минуту. В особенности с одной из них, которую звали Т'винг, — маленькой, приветливой венерианкой с большими внимательными глазами.

Знакомство с Т'винг здорово изменило его точку зрения на венерианцев. Сначала он воспринимал ее по большей части как нечто вроде хорошей, верной и необыкновенно умной собаки, но постепенно Мэтт начал думать о ней как о друге, интересном собеседнике и... человеке. Мэтт пытался ей рассказать о себе, о своей расе, о мире, в котором он жил. Она слушала с большим интересом, не отводя ни на мгновение глаз от Турлова.

По необходимости пришлось рассказывать ей и про астрономию, но здесь возникали непреодолимые трудности. Для Т'винг мир состоял из воды, болот и редких клочков сухой почвы; сверху надо всем этим нависали бесконечные облака. Она знала Солнце — ее глаза, чувствительные к инфракрасному излучению, могли его различать, — но Солнце она воспринимала как светлый и теплый диск, а не как «звезду».

Что касается звезд, никто из ее соплеменников попросту никогда их не видел и не имел ни малейшего представления о том, что они существуют. Мысль о других планетах у них даже смеха

не вызывала, она была просто им непонятна. Мэтт оставил свои попытки.

Он рассказал о своих трудностях Оскару.

— А чего, собственно, ты хотел? — спросил тот. — Все местные такие. Да, вежливости от них не отнимешь, но ты пойми — они же считают, что ты рассказываешь о догматах своей религии.

— Что, даже те, которые живут поблизости от колоний?

— Один черт.

— Но корабли-то наши они видели! Кто-то, во всяком случае, видел. Неужели они ни разу себя не спрашивали, откуда мы им на голову свалились? Раньше ведь нас здесь не было, это-то они должны знать прекрасно.

— Да знают они, конечно, знают, только те, которые живут около южного полюса, считают, что мы прилетели с северного, а жители северного уверены, что мы появились с южного, — и пытаться им что-нибудь втолковать бесполезно.

Но трудности при общении с венерианкой были не у одного только Мэтта. Т'винг раз за разом употребляла слова и образы, которые Мэтт не понимал абсолютно и которые даже с помощью Оскара никак не удавалось понять. Исподволь у него начало возникать ощущение, что это Т'винг — культурная, образованная личность, а он, Мэтт, неграмотный и неотесанный варвар.

— Иногда мне кажется — признался как-то Мэтт Оскару, — что Т'винг считает меня идиотом, который очень старается чему-нибудь научиться и достигнуть уровня кретина, но у которого это выходит довольно плохо.

— Ты вот что — ты не расстраивайся. Станешь ты кретином, станешь, главное — побольше старайся.

И вот как-то утром, через пятнадцать венерианских дней после прибытия на планету, мать города вызвала кадетов к себе, а кончилось это тем, что их проводили к месту посадки джипа. Они стояли на том же самом берегу, на который вскарабкивались когда-то, покидая тонущий корабль, но вся картина переменилась полностью. Теперь у их ног был огромный котлован, на дне которого лежал на три четверти раскопанный джип. На нем и вокруг него кишел целый рой венерианцев, напоминавших в этот момент рабочих на космоверфи.

Амфибии начали работу с того, что добавили к жидко-желтой жиже, в которой утонул катер, некое вещество. Попытки Оскара — упорные, надо сказать, попытки — заполучить формулу этой добавки ни к чему не привели; даже его языковых познаний было явным образом недостаточно — почти все слова звучали странно и незнакомо. Но какой бы эта добавка ни была, в результате жидкая грязь превратилась в нечто очень напоминающее густой студень, который, взаимодействуя с воздухом, становился все более и более твердым.

Амфибии снимали верхние слои почти с той же скоростью, с которой затвердевали нижние; в результате вокруг джипа теперь возвышались крутые стены и он оказался в углублении, напоминавшем кессон. Из этого углубления в сторону берега поднимался пандус, по которому двигался непрерывный поток маленьких неутомимых работников, нагруженных глыбами затвердевшей грязи.

Кадеты сразу же сошли в котлован, чтобы на месте посмотреть на работу; настроение их стало заметно лучше, голоса — громче, и разговор в основном был о том, как восстановят джип и как они полетят домой. Но тут к ним приблизилась венерианка — должно быть, руководитель работ — и настойчиво попросила их поскорее убраться наверх и больше не путаться под ногами. Они присоединились к «матери города» и принялись ждать.

— Ос, спроси у нее, когда они надеются окончательно отчистить наш джип и вытащить его из болота, — предложил Текс.

Оскар так и сделал.

— *Скажи своей нетерпеливой дочери, чтобы она гонялась за своей рыбой, а я буду гоняться за моей.*

— Можно бы и без грубостей, — ответил на это Текс.

— *Что она сказала?* — поинтересовалась «мать многих».

— *Она благодарна тебе за урок,* — дипломатично соврал Оскар.

Маленький народ работал чрезвычайно быстро. Было ясно, что еще задолго до наступления вечера корабль будет практически свободен — а заодно и вычищен; наружная поверхность уже сияла, а из люка выносили все новые и новые блоки затвердевшей грязи. Потом процедура изменилась: маленькие работники

стали выносить из корабля наполненные какой-то жидкостью пузыри. Очистка шла полным ходом.

Оскар одобрительно смотрел на происходящее.

— Я же говорил, что они его вылижут до блеска.

Но во взгляде Мэтта особого оптимизма не было.

— Ос, я боюсь, как бы они чего не напортили в рубке. Или сами не попали под напряжение. Или еще что.

— Да брось ты. Все кабели хорошо заизолированы. И чего они там могут испортить? Ведь приборную панель, когда уходил, ты закрыл. Закрыл ведь?

— Само собой.

— Да если б ты ее даже и не закрыл, двигатель запустить они все равно не смогут. Ты посмотри в каком виде корабль!.

— Верно-то оно верно, но все равно как-то не по себе.

— Ну так пойдем посмотрим. Я давно хочу поговорить с их прорабом — есть у меня одна идея.

— Какая еще идея? — спросил Текс.

— Может, стоит поставить джип вертикально прямо здесь, в яме? Мне кажется, мы смогли бы стартовать прямо оттуда, тогда и вытаскивать ничего не надо. На этом же можно сэкономить несколько дней.

Они спустились по пандусу и нашли прораба, затем Мэтт и Текс отправились внутрь корабля, а Оскар остался разговаривать с венерианкой. Трудно было даже представить, что еще недавно пилотская рубка была до потолка забита отвратительной желтой грязью. Несколько амфибий продолжали работать в кормовом конце помещения, все остальное было уже очищено.

Мэтт забрался в кресло пилота и начал осмотр. Первое, что ему бросилось в глаза, было отсутствие сделанных из губчатой резины наглазников инфракрасного визора. Мелочь, конечно, но куда они все-таки подевались? Кто знает, может быть, Маленький народ тоже имеет склонность не отказывать себе в маленьких сувенирах? За кем только не водится этот повальный грех. Но Мэтт решил отложить на будущее следствие по делу о пропаже наглазников и попытался сделать «сухую», без запуска двигателей, прогонку этапов взлета.

Ни один прибор не работал. В самом буквальном смысле — ни один.

Тогда он присмотрелся к панели управления внимательнее. На первый взгляд казалось, что очищена она идеально и придраться вроде бы не к чему. Но теперь он заметил множество каких-то точек и углублений. И каково же было его удивление, когда поковыряв в одном из таких углублений ногтем, он заметил, что металл поддается. Поковыряв еще, он проделал в панели крохотное отверстие. От ужаса Мэтта даже слегка замутило, где-то внизу, в желудке, появилось нехорошее ощущение тошноты.

— Текс, пойди сюда на минутку. Я тут кое-что обнаружил.

— Кое-что обнаружил? — Голос Текса звучал что-то уж больно глухо. — Ты лучше на это посмотри.

Текс стоял возле снятой крышки гироскопического отсека. В руке у него был гаечный ключ.

— После того, что мы видели на «Гэри», я решил перво-наперво заглянуть сюда. Ты когда-нибудь видел такой бардак?

Грязь затекла внутрь. Когда корабль провалился в болото, гироскопы, хотя и отключенные от питания, естественно, продолжали вращаться и работали бы так еще много дней; они и сейчас, когда Текс отсоединил кожух, по идее должны были работать. Но вместо этого они завязли в грязи и сгорели.

— Надо позвать Оскара, — упавшим голосом сказал Мэтт.

Они выбрались из корабля и крикнули Оскара. И беглого осмотра было достаточно, чтобы понять — гироскопы выведены из строя, а все электроника источена какой-то неизвестной заразой. Ничего не понимая, Оскар обратился за помощью к ближайшей амфибии, показав ей одно из крошечных отверстий в панели. Сначала она осмотрела отверстие, потом подняла с пола кусочек глины и размазала его по стене. В тонком слое размазанной глины виднелся какой-то шнурок.

Длиной он был дюйма в два.

— *Вот источник твоих бед,* — сказала амфибия.

— Что это, Ос?

— Похоже на червя. Но такого я еще не встречал. В приполярных районах такие не водятся, слава богу.

— Пожалуй, всех этих работников можно распустить по домам.

— Давай не будем торопиться. Должен же быть какой-нибудь способ починить наше хозяйство. Без этого нам никак.

— Какой там «способ». Хватило бы и одних гироскопов. Попробуй подними бескрылую ракету без гироскопов!

— А может, получится как-нибудь их прочистить? Вдруг заработают?

— У тебя, может быть, и получится, но я же — не ты. Ос, ты пойми, грязь попала в *подшипники*!

Скрепя сердце Йенсен был вынужден согласиться. Гироскопы, самый точный элемент оборудования корабля, полностью зависят от своих подшипников. Даже слесарь-инструментальщик в специально оборудованной мастерской за голову бы схватился, увидев настолько изуродованные гироскопы.

— Но хоть что-то из электроники там должно было уцелеть! Давайте попробуем состряпать что-нибудь вроде передатчика.

Какой угодно, хоть на соплях. Надо же передать сообщение.

— Ты видел, что там творится? И что ты по этому поводу думаешь?

— Ну — отберем, что выглядит получше, и заберем с собой. Амфибии помогут нам все отнести.

— Да? А что будет со всем этим хозяйство после заплыва, когда часок-другой помокнет в воде? Нет, Ос, как только вся грязь будет вычищена, нам надо запереть люк, а потом вернуться сюда и прямо здесь и работать.

— Хорошо, так и сделаем.

Оскар крикнул Текса, продолжавшего совать нос во все уголки корабля. Тот пришел, непрерывно чертыхаясь.

— Что там у тебя еще, Текс? — устало спросил Оскар.

— Я думал прихватить отсюда что-нибудь из цивилизованной пищи, так эти проклятые черви все банки проели. Так что пища на корабле перепорчена, с чем и поздравляю.

— Это все?

— Все? Он еще говорит «это все»! А чего, собственно, ты еще хотел? Наводнение, чуму и землетрясение в придачу?

Но это, и вправду, оказалось еще не все — когда осмотр был продолжен, выяснилось новое обстоятельство, которое повергло бы наших кадетов в тоску, если бы их настроение и так было хуже некуда. Двигатели джипа работали на смеси жидких водорода и кислорода. Хорошо теплоизолированные топливные баки могут хранить топливо и окислитель достаточно долго, но грязь добралась и до них. Баки нагрелись, выкипающие газы были полностью стравлены через предохранительные клапаны. Катер лишился топлива.

Оскар с каменным лицом изучил ситуацию.

— Жаль, что «Гэри» работал не на химическом, а на ядерном топливе, — сказал он в конце концов.

— А какая нам разница? — спросил Мэтт. — Да будь у нас этого топлива хоть залейся, все равно мы не смогли бы взлететь.

В то, что корабль безнадежно испорчен, мать многих поверила не сразу — пришлось показывать ей повреждения. Но даже и это, похоже, убедило ее только наполовину. Кроме того, ее, видимо, огорчало, что кадеты не радуются подарку — вытащенному для них кораблю. Когда они возвращались в подземный город, большую часть пути Оскар потратил на осторожное заглаживание обиды, невольно нанесенной ими старой амфибии.

Ужинать Оскар не стал. Текс, и тот едва поковырялся в тарелке и — чего с ним никогда не бывало — так ни разу и не притронулся после этого к своей губной гармошке. Мэтт провел вечер в молчании, сидя около лейтенанта Турлова.

Амфибия-старейшина послала за ними на следующее утро. Для начала, как водится, они обменялись приветствиями, а после этого она обратилась к Оскару:

— Маленькая мать, это правда, что твой «Гэри» тоже мертв, как и другой «Гэри»?

— Да, это правда, о благородная мать многих.

— И теперь без «Гэри» ты не можешь вернуться к своему народу?

— Да, это так, мудрая мать, мы погибнем в джунглях.

Старая амфибия замолчала и сделала знак одной из своих приближенных. Та подошла к ней со свертком, размер которого

был чуть ли не вполовину ее роста. Мать многих положила пакет рядом с собой на возвышении и пригласила кадетов подойти ближе, после чего начала его разворачивать. Сверток был укутан в такое количество тряпок, что ему позавидовала бы и египетская мумия.

Наконец, закончив работу, старая амфибия протянула Оскару какой-то предмет.

— *Это твое?*

Кадеты увидели большую книгу. На обложке крупными золотыми буквами было вытеснено:

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ «АСТАРТЫ»

— Великий всемогущий Господь! — в изумлении прошептал Текс. — Этого быть не может!

— Ну конечно же. Пропавшая первая экспедиция. Значит, они все-таки долетели! — тоже шепотом сказал Мэтт.

Оскар молча смотрел на бортовой журнал.

— *Это твое?* — нетерпеливо повторила старая амфибия.

— *Что? Да, конечно! О, простите меня, мудрая и благородная мать многих, эта вещь принадлежала матери матери моей матери. Мы — ее дочери.*

— *Тогда я передаю это тебе.*

Дрожащими руками Оскар взял бортовой журнал и раскрыл его на первой странице. От времени бумага сделалась ветхой. Кадеты с благоговением смотрели на запись, которая открывала журнал: «*Взлет*», но особенно их поразил год — *1971.*

— Господи Иисусе, — еле слышно выдохнул Текс. — Вы посмотрите, вы только посмотрите на это. Больше ста лет прошло!

Они начали перелистывать пожелтевшие страницы. На них одна за другой шли одинаковые записи, каждая занимала место ровно в строку: «*невесомость, положение корабля соответствует программе полета*». Эти записи они просмотрели бегло, задержавшись взглядом только на строчках, отличавшихся от обычных: «*Рождество. После обеда пели рождественские песни*».

Кадеты спешили отыскать записи, сделанные в бортовом журнале после посадки. Видя, что старая амфибия уже подает признаки нетерпения, они поспешно перелистывали страницы:

«...Климат не тяжелее, чем в самых жарких тропиках на Земле во время сезона дождей. Основная форма жизни — крупные земноводные. Колонизация планеты вполне возможна».

«...Земноводные обладают значительными умственными способностями и умеют разговаривать друг с другом. Они дружелюбны, нами делаются попытки преодолеть языковой барьер».

«...Харгрейвс заболел. Какое-то инфекционное заболевание, вызванное, по-видимому, местным грибком. Симптомы проказы. Врач пытается подобрать лекарство».

«...После похорон Харгрейвса его каюта подвергнута стерилизации».

Вскоре после этого почерк, которым были сделаны записи, стал другим. Мать города проявляла уже сильные признаки недовольства, так что они решили ограничиться только двумя последними записями:

«... У Джонсона так ничего и не получается, хотя туземцы охотно ему помогают...»

«...левая рука слабеет. Я принял решение покинуть корабль и поселиться с туземцами. Бортовой журнал беру с собой и буду заносить новые сведения, по мере возможности».

Почерк тем не менее оставался разборчивым и четким; просто глаза кадетов, наполнившиеся слезами, мешали им различать буквы.

Повелительница Маленького народа тут же распорядилась, чтобы их вывели подводным туннелем из города. Ей не хотелось выслушивать расспросы людей, а в пути разговаривать с ней было попросту невозможно.

— Послушай, Ос, — спросил Текс, как только они вышли на сушу, — ты считаешь, что старушка и вправду хочет отвести нас к «Астарте»?

— Наверно.

— Так что же тогда получается — неужели корабль сохранился?

— Нет. Никакой надежды. Во-первых, в топливных баках не осталось горючего. Ты же видел, что вышло с джипом, — он немного помолчал. — Как бы там ни было, я и надеяться-то боюсь. Третьего раза я просто не выдержу, для меня это слишком.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул Мэтт. — Нервы надо беречь. Скорее всего, вместо корабля мы увидим гору ржавчины всю в лианах.

— Ну поволнуемся, первый раз что ли? — ответил на это Оскар. — Между прочим, я на таком взводе, что с трудом могу говорить. Главное, не думать об «Астарте» как о способе вернуться домой, просто о ней надо думать как об исторической реликвии.

— Думай, как хочешь, — покачал головой Текс. — А вот я — оптимист. Уж очень мне хочется выбраться из этой помойки.

— Выберешься когда-нибудь — почему не выберешься? В один прекрасный день сюда прилетят другие ребята и нас найдут. И завершат миссию, которую мы так замечательно провалили.

— Слушай, — сказал Текс. — А нельзя ли нам взять увольнительную и не думать об этой миссии хотя бы ближайшую четверть мили? А то здешние насекомые — это какой-то ужас. Давай, ты будешь думать про Оскара, а я — про любимого сынулю мамаши Джермэн. Как хотелось бы снова сейчас оказаться на старом добром «Aes Triplex».

— Интересно, а кто это больше всех распространялся, что «Aes Triplex» — не корабль, а просто психушка какая-то.

— Ну так ведь я ж ошибался. Со всей откровенностью каюсь в своей ошибке.

В этот момент они подошли к одному из редких в этих местах возвышений — холмику высотой чуть не в целые десять футов над уровнем воды. Туземцы начали вдруг возбужденно перешептываться, о чем-то отчаянно шепелявя. Мэтту показалось, что он уловил венерианское слово «табу».

— Ос, ты слышал? — спросил он на бейсике. — Табу.

— Да. Я думаю, она им не сказала заранее, куда мы идем.

Колонна остановилась и рассыпалась. Трое кадетов прошли вперед и, продравшись через густые заросли, оказались на поляне. С изящными крыльями, весь увитый лианами и покрытый слоем какого-то прозрачного вещества, который напоминал лак, перед ними стоял патрульный космический корабль «Астарта».

17. ОЛАДЬИ НА ЗАВТРАК

Старая амфибия подошла к наружному люку «Астарты» у правого крыла. Двое земноводных уже возились у люка, брызгая на его края какой-то таинственной жидкостью из эластичных пузырей. Там, куда попадала жидкость, лак исчезал. Амфибии схватились за край прозрачного слоя и начали его отдирать.

— Ты только посмотри, — сказал Текс. — Ты понимаешь, что они сделали? Корабль-то *венеризирован*.

Он использовал термин не совсем точно. «Планетизированным» называют предмет, приспособленный к типичным условиям, существующим на соответствующей планете, а определяется это при испытаниях, проводимых Бюро стандартов. Например, любой товар, упоминаемый в колониальном издании каталога «Сирс и Монтгомери» как «венеризированный», гарантированно устойчив к повышенной влажности, различным экзотическим грибкам и некоторым из вредителей, обитающим на этой планете. «Астарта» была просто заключена в оболочку.

— Похоже на то, — согласился Оскар. С большим трудом он заставил себя говорить спокойно. — Вроде как пульверизатором прошлись.

— Ставлю десять против пяти, что пульверизатора тут и близко не было. Это сделали венерианцы.

Текс прихлопнул очередное насекомое.

— Ты понимаешь, Ос, что это значит?

— Да уж не глупее тебя. Только ты больно-то не надейся. А то вдруг я тоже начну надеяться. Сто лет все-таки прошло.

— Ос, какая ты все же зануда.

В это время у маленьких работников, которые трудились у корабля, случилась непредвиденная заминка. До верхнего края люка амфибиям никак было не достать; они попытались взобраться одна на плечи другой, но, поскольку плечей у них не было, попытка не удалась.

— Поможем? — предложил Текс.

— Пойду спрошу. — Оскар направился к предводительнице.

— *А ты можешь вырастить себе новую руку, если старая отвалится?* — спросила у него предводительница.

Оскар покачал головой.

— *Тогда не вмешивайся в дело, которое не понимаешь.*

Наконец амфибиям удалось полностью содрать с люка лак. Люк оказался не заперт и хотя с трудом, но открылся. Кадеты забрались в шлюз.

— Постойте, — прошептал Мэтт. — Откуда мы знаем, что вирус, от которого погиб экипаж, больше не опасен?

— Глупости, — прошептал в ответ Текс. — Если бы наши прививки не действовали, нам давно бы уже была всем крышка.

— Текс прав. И не надо шептать. Призраки нас не слышат.

— А ты-то откуда это знаешь, Оскар? — спросил Текс. — Ты что, доктор призракологии?

— Нет, просто в призраков не верю.

— Хорошо тебе, а вот я верю. Однажды мой дядя Боди остался на ночь...

— Слушай, Текс, дай своему дяде передохнуть, а? Пошли-ка лучше в корабль.

В коридоре за шлюзом было темно, если не считать света, проникающего сюда через открытый люк. Воздух внутри корабля имел странный какой-то запах — не затхлый, нет, безжизненный что ли, старый.

Рубка управления была освещена сумрачным светом, который проникал сюда через кварцевое стекло иллюминатора, покрытого снаружи слоем прозрачного лака. Отсек показался кадетам уж слишком тесным. Они привыкли к просторным отсекам современных космических кораблей; «Астарта» казалась громадной благодаря мощным крыльям, на самом же деле она была меньше джипа. Текс начал было напевать себе под нос что-то там про «людей с железными сердцами», но вдруг осекся.

— Вы только гляньте на эту штуковину, — сказал он. — Это же невозможно представить себе: межпланетный перелет — и на таком... Посмотрите на панель управления, да ведь этот корабль не сложнее весельной шлюпки. А они ведь рискнули. Тут хочешь не хочешь, а подумаешь про Колумба с его «Санта-Марией».

— Или про драккары викингов, — добавил Мэтт.

— Да, тогда были настоящие люди, — сказал Оскар, хоть и не очень оригинально, но зато искренне.

— Это точно, — поддержал его Текс. — Слишком поздно мы родились, вся романтика уже кончилась. Нет, ребята, даже в голове не укладывается, они ведь летели не в какой-то там готовенький порт, они просто газанули неизвестно куда и только молились, чтобы удалось вернуться.

— Им вернуться не удалось, — тихо сказал Оскар.

— Поговорим лучше о чем-нибудь другом, — взмолился Мэтт. — У меня и без этого мурашки по коже бегают.

— Ладно, о другом так о другом, — согласился Оскар. — И вообще надо бы мне сходить посмотреть, что делают ее королевское величество.

Он вышел и почти сейчас же вернулся, сопровождаемый матерью города.

— Стояла, видите ли, ждала, когда ее соизволят пригласить, — торопливо объяснил он на бейсике. — И злилась, что о ней позабыли. Вы уж помогите мне ее как-нибудь умаслить.

Появление старой амфибии сразу же принесло пользу. Корабельные коридоры оказались слишком темными даже для ее глаз — тогда она подошла к наружному люку и что-то скомандовала. Ей принесли оранжевую сферу, которая хотя и не могла заменить простой электрический фонарик, но все-таки давала какой-никакой свет наподобие свечи.

Отсеки корабля оказались в полном порядке, лишь были покрыты тонким налетом пыли.

— Оскар, что бы ты там ни говорил, — сказал Мэтт, — а у меня появляется надежда. Похоже, все механизмы исправны. Такое впечатление, что экипаж только что вышел прогуляться! Может, у нас и получится привести ее в действие?

— Брось, Мэтт, я лично согласен с Оскаром. Лететь на таком корыте? Уж лучше рискнуть жизнью, прокатившись в бочке по Ниагарскому водопаду.

— Но они-то ведь сюда прилетели, — ответил Мэтт.

— Верно, и за это я снимаю перед ними шляпу. Но чтобы лететь в таком допотопном гробу, нужно быть героем, а я к героям не принадлежу.

Старая амфибия заскучала и вышла наружу. Текс взял у нее оранжевую сферу и отправился осматривать корабль. Тем временем Мэтт и Оскар тщательно осмотрели рубку управления.

Пока они этим занимались, Текс отыскал шкаф, в котором лежали небольшие запечатанные свертки. На свертках были пометки: «Личные вещи Роланда Харгрейвза», «Личные вещи Руперта Г. Шрайбера» и так далее — на каждом свое имя. Он осторожно вернул их на место.

Через какое-то время Текса окликнул Оскар.

— Думаю, пора нам отсюда двигаться. Ее величество прозрачно намекнула на это, когда уходила.

— Да ты только посмотри, что я откопал! Жратва!

Мэтт и Оскар подошли к двери кладовки камбуза.

— А ты думаешь, что-нибудь из этого еще пригодно к употреблению?

В голосе Мэтта явно звучало сомнение.

— Собственно, а почему бы и нет? Здесь же все консервированное. Дайте мне открывашку, сейчас выясним.

Текс быстренько вскрыл одну банку.

— Фу-у! — сказал он секундой позже. — Есть желающие попробовать тушонку столетней выдержки? Мэтт, выкинь ее поскорее за борт, а то она тут все провоняет.

— Уже провоняла.

— Но вы посмотрите на это! — в поднятой руке Текса красовалась банка с этикеткой «Блинная мука “Старая плантация”». — Мука не портится. Подумать только, ребята, на завтрак — оладьи. Я же всю ночь не засну, буду ждать утра.

— А толку — оладьи-то без сиропа.

— Что нужно, чтобы дом наполнился радостью? Полдюжины вот таких банок.

И Текс показал им банку, на которой было написано: «Вермонтский кленовый сироп. Натуральный, без добавок». Он хотел унести запас консервов с собой, но Оскар не разрешил — как из практических, так и из дипломатических соображений. Тогда Текс предложил остаться на корабле и не возвращаться в подводный город.

— Мы так и сделаем, Текс, — согласился Оскар. — Но не сейчас. Ты забываешь о лейтенанте Турлове.

— Знаешь, Ос, хорошо, что ты вспомнил про лейтенанта, — неожиданно сказал Мэтт. — Мне пришла в голову одна мысль. К местной пище он не притрагивается, так? Даже когда немного приходит в себя. А что, если мы будем давать ему сахарный сироп с водой? Я сам могу поить его из этого их пузыря.

— Ты прав, Мэтт. Вреда от сиропа ему не будет, а пользу принести может. Возьмем с собой несколько банок.

Текс собрал банки, Мэтт сунул консервный нож в поясную сумку и они вышли наружу. Вернувшись в подземный город, Мэтт увидел, что при Турлове сидит Т'винг; это было удачно — иметь дело с ней будет легче, чем с другими сиделками. С обычными у венерианцев вежливыми околичностями он объяснил ей, чего хочет. Т'винг взяла консервную банку (Мэтт заранее открыл ее и проверил содержимое) и, скромно отвернувшись, попробовала на вкус несколько капель.

И сразу же выплюнула.

— *Ты точно уверен, что это вещество не повредит твоей больной матери?*

Мэтт понимал ее нерешительность — диета венерианцев включала протеин и крахмал, но только не сахар. Он постарался убедить Т'винг, что сироп только поможет Турлову. Тогда они перелили содержимое банки в пузырь. Вечером после ужина кадеты обсуждали, что им делать с «Астартой». Мэтт по-прежнему убеждал друзей, что нужно лететь на ней. Текс же, наоборот, твердо стоял на том, что не стоит даже и пробовать.

— Она может подняться ровно настолько, чтобы после упасть и разбиться. Но не выше.

Некоторое время Оскар молча все это выслушивал, а затем спросил:

— Мэтт, а баки ты проверял?

— Да.

— Ну тогда ты и сам знаешь прекрасно — топлива-то там нет!

— Вот нечего и языком зря молоть, — почти обрадовался после такой новости Текс. — Все решилось само собой.

— Ничего еще не решилось, — неожиданно возразил Оскар. — Мы все-таки попробуем улететь на ней.

— Что?

— Лететь она, конечно, не может, но мы все равно попытаемся, — продолжил Оскар.

— Но зачем?

— Я тебе объясню зачем. Если мы здесь засядем надолго, Патруль объявится обязательно. Они нас найдут и увезут домой, так?

— Возможно, — согласился Мэтт.

— Не «возможно», а точно. Только так Патруль и работает. Они нас не бросят. Вы вспомните, сколько кораблей искали «Следопыт» — четыре, месяц за месяцем. Если бы с его командой не случилось непоправимого, мы вернули бы их домой в целости и сохранности. А мы живы и находимся почти рядом от заданного места посадки. Нас найдут, они потому и медлят, что сами еще не уверены, что мы пропали; контакт потерян не так уж и давно. И мы прекрасно знаем, что ни на северном, ни на южном полюсе не было корабля, готового начать розыски в экваториальной зоне. Иначе мы просто не получили бы этого задания. Так что может пройти какое-то время, прежде чем будет объявлен поиск. Но все равно Патруль будет здесь — раньше или позже.

— А чего тогда рыпаться, — гнул свое Текс. — Будем сидеть и ждать.

— Рыпаться надо по двум причинам. Первая — наш босс; мы обязаны доставить его в настоящий госпиталь, пока он не умер.

— И угробить его при взлете.

— Не исключено. Но я думаю, ничего с ним при взлете не будет. А вторая причина такая: ведь Патруль-то — это и есть *мы*.

— А?Повтори погромче.

— Мы тут вроде решили, что Патруль будет нас искать, пока не найдет. О'кей, все правильно, потому что такая уж организация — наш Патруль. Но и мы — часть Патруля и, пока они нас не нашли, мы будем делать все, что от нас зависит, чтобы выбраться из этой дыры без чужой помощи, а не просто сидеть вот так на своих толстых задницах в ожидании попутной машины.

— С тобой все ясно, — сказал Текс. — Я так и думал, что в конце концов твой малюсенький-выпендрюсенький комочек се-

рого вещества докатится до такой мысли. Ладно, согласен — записывайте и меня в герои. С пометкой «без особой охоты». Что-то я сильно подозреваю, что из-за всего этого героизма мы еще прольем пота. Вымотаемся будьте нате.

Пота и вправду хватало. Венерианцы по-прежнему помогали им чем могли, и все-таки главную работу по приведению корабля в состояние, пригодное для полета, выполняли земляне. С разрешения матери города Оскар перенес свою штаб-квартиру на «Астарту». Турлов остался в подземном городе, но каждый день одного из кадетов переправляли в город, чтобы осмотреть Турлова, — а на обратном пути захватить еду. Мало что из запасов «Астарты» оказалось съедобным.

Блинная мука пришлась очень кстати. Текс сварганил нечто наподобие масляной горелки — электричества у них пока еще не было — и зарядил это свое устройство рыбьим жиром, полученным от туземцев. Вот на этой-то штуке он и стряпал свои оладьи. Худших оладьев никто из них в жизни своей не пробовал — мука от времени потеряла вкус и насквозь прогоркла. Да и тесто подниматься что-то не очень хотело. Но все равно это были оладьи, и их можно было густо поливать кленовым сиропом. Это даже сделалось ритуалом, и соблюдался он каждое утро, в тайне, при закрытых дверях, чтобы не оскорбить пуританские чувства кого-либо из новых друзей.

Они начали систематическую компанию по выламыванию из двух других кораблей всего, что могло бы сгодиться при переоборудовании «Астарты». В этом кадеты тоже сильно зависели от туземцев; Мэтт и Текс выбирали то, что им было нужно, конечно же сами, но только Маленький народ мог перенести это оборудование через несколько миль воды, топей и непролазных зарослей.

О будущем полете они говорили так, словно и вправду собирались его совершить.

— Радар, — сказал однажды Мэтт Оскару, — дайте мне посадочный радар — любой, лишь бы у меня был шанс безопасно приземлиться. И я посажу «Астарту» где-нибудь около южного полюса. А так от всей этой умственной астрогации никакого толка — не будешь же садиться по приборам вслепую.

Они решили, что полетят в Нью-Окленд, на южный полюс. Северный полюс был, конечно, ничуть не хуже, но Оскар родился и жил на юге. Это и решило вопрос.

Оскар обещал достать радар, не очень, правда, представляя себе, как это сделать. Единственным вариантом оставался «Гэри»; его коммуникационная рубка была полностью уничтожена, но Оскар тешил себя надеждой, что уцелел посадочный радар на «животе» корабля. Вот он и принялся за него, чертыхаясь на каждом шагу, — было почти невозможно заниматься такой тонкой работой одной рукой. На джипе не осталось почти ничего пригодного для полета; даже то малое, что они все-таки отобрали, нуждалось в серьезном ремонте.

Сначала Оскар пытался использовать радары самой «Астарты», но вскоре эту мысль бросил — слишком уж сильно изменилась техника за прошедшую сотню лет. И дело было не только в том, что электронные цепи «Астарты» оказались много сложнее — и на столько же менее эффективнее, — чем привычное ему оборудование; изменилась вся элементная база оборудования и даже на маркировку простейших резисторов Оскар смотрел, словно она написана китайскими иероглифами.

А из собственно радиооборудования работоспособными оказались только внутренние рации космических скафандров с «Гэри».

И все-таки пришло утро, когда они закончили делать все, что было возможно сделать.

— По мне, — сказал Текс, раздавая друзьям оладьи, — так мы могли бы лететь хоть сегодня, было б только горючее.

— Ничего себе — «лететь»! — нахмурился Мэтт. — Панель управления даже не соединена с двигателями.

— Ну и что? Все равно мне придется регулировать подачу топлива от руки. Я возьму ту длинную трубу, которую мы выдрали с «Гэри», и протяну ее от тебя к себе, к топливным клапанам. Ты крикнешь мне, чего там тебе надо, и я все сделаю — если мне, конечно, понравится твоя команда.

— А если не понравится?

— Не понравится, сделаю что-нибудь другое. Поосторожней налегай на сироп, Ос. Это последняя банка.

Рука Оскара, наклонявшая банку, застыла в воздухе.

— Извини, Текс, забыл. Давай, я перелью тебе немного из своей тарелки.

— Все нормально, не надо. Это просто рефлекс. Если честно, меня уже тошнит от этих оладьев. Две недели уже, даже больше — все оладьи да оладьи. Ничего для разнообразия, разве что этот гуляш по-венериански.

— Меня тоже от них тошнит, но как-то неудобно было тебе говорить — ты ж их печешь.

Оскар оттолкнул от себя тарелку.

— А что сироп кончается — так Бог с ним, с сиропом.

— Но ведь он совсем... — Мэтт резко замолчал.

— Что это с тобой, Мэтт?

— Так, ничего.

Лицо Мэтта было задумчивым и удивленным одновременно.

— Ну и молчи, раз так. Слышь, Ос, если бы у нас был выбор, какое бы ты предпочел горючее для «Астарты»?

— Одноатомный водород.

— Ничего себе заявочки! Выбрал единственную вещь, которая для ее двигателей не годится. Лично я бы согласился на спирт и кислород.

— Если все равно ничего нет, почему бы не помечтать о самом эффективном горючем?

— Потому, что мы решили играть в эту игру как можно взаправдашнее. Теперь нам предстоит изображать попытки изготовить горючее, и заниматься мы этим будем, пока за нами не прилетят. Потому я и говорю: спирт и кислород. Я сколочу какой-нибудь самогонный аппарат и начну гнать спирт, а пока я это делаю, вы с Мэттом придумаете, как голыми руками изготовить жидкий кислород; ну не то чтобы совсем голыми — с помощью корабельного оборудования, конечно.

— Как ты думаешь, Текс, сколько времени понадобится тебе, чтобы приготовить несколько тонн чистого этилового спирта на своем кухонном агрегате?

— А-а, в этом и состоит вся прелесть моей задумки! Когда здесь будут спасатели, все увидят, что я работаю не покладая рук,

как настоящий самогонщик. Кстати, я не рассказывал, как дядя Боди однажды попал к самогонщикам? Он...

— Послушай, Текс, — перебил его Мэтт. — А кленовый сироп? Его бы ты здесь как-нибудь смог сделать?

— Сироп? Зачем? Всех уже тошнит от этих оладьев.

— И меня в том числе. Но я хотел бы знать, каким образом можно изготовить кленовый сироп в здешних условиях. Или, точнее, каким образом это могут сделать туземцы?

— Ты что — того? Или это такая загадка?

— Ни «того», ни «такая». Просто я вспомнил вдруг одну вещь, на которую раньше не обращал внимания. Ты вот сказал, что кленовый сироп кончился, а я чуть было тебе не ответил, что его — сколько хочешь. В комнате Турлова.

За два дня до этого разговора как раз была очередь Мэтта отправляться в город. Как обычно, он заглянул в комнату лейтенанта. Дежурила его подружка Т'винг; она на двадцать минут оставила Мэтта наедине с больным. Вскоре тот начал немного приходить в сознание и Мэтт решил дать ему попить; под рукой было несколько питьевых пузырей. Первый же пузырь, попавшийся в руки Мэтту, оказался полон сиропа. И следующий, и за ним — другой. На полу стоял целый строй пузырей с сиропом. Нужный Мэтту пузырь со слегка подкрашенной сиропом водой лежал там, где ему, собственно, и полагалось лежать — на кровати, возле больного.

— Тогда я как-то не обратил на это внимания — все крутился вокруг лейтенанта. Но теперь... Словом, чертовщина какая-то. Ведь он потребляет уйму сиропа, он же почти ничего другого не ест. Я же помню, я сам открывал первую банку, и другие обе тоже я открывал — ведь Т'винг не может справиться с консервным ножом. И я точно знаю, что сироп почти кончился.

— Так откуда же тогда его столько взялось?

— А чего тут такого? — ответил Оскар. — Его сделали туземцы. Я думаю, для них получить сахар из какого-нибудь местного растения — плевое дело. Около полюсов растет такая трава, сильно смахивающая на сахарный тростник; наверно, и здесь есть что-нибудь вроде.

— Ос, но ведь это был *кленовый* сироп!

— А? Не говори ерунду. От такого питания, как здесь, ты совсем перестал различать вкус.

— Да говорю тебе, что кленовый.

— А если и кленовый, то что? Только имей в виду, я совсем не собираюсь соглашаться, что где-нибудь за пределами Вермонта можно изготовить сироп с настоящим кленовым ароматом. Но если даже и так — что тут такого?

— Я думаю, мы кое-что упустили из виду. Ты вот говорил тут о самогонном аппарате. Сто против одного, что туземцы наделают нам сколько хочешь спирта.

— Ничего себе!

Оскар задумался.

— Хотя, может быть, ты и прав. По этой части они ребята хитрые. Помнишь, как лихо они расправились с болотной жижей. А эти их растворители, которыми они отчищали «Астарту». Химики-любители из них еще те.

— Любители, говоришь? А по-моему — самые настоящие профессионалы.

— Чего? — спросил Текс. — А к чему ты все это, собственно, Мэтт?

— А к тому. Горючее для «Астарты» нам, по твоему, что — не нужно? И кто его знает, может быть, если б у нас хватило ума вовремя попросить мать многих, оно давно бы у нас уже было.

Оскар печально покачал головой.

— Хорошо бы, конечно, чтобы ты оказался прав. Я очень уважаю Маленький народ, Мэтт, но на одном уважении ракету не заправишь — нам нужен сжиженный газ. Если мы даже сумеем объяснить им, как его получить, установок-то у них для этого все равно нет.

— Ты в этом уверен?

— Мэтт, ты как маленький. Без высоких давлений жидкий кислород — получи, попробуй. Да что там кислород — жидкого воздуха, и того не получишь! А энергии сколько нужно! Да плюс еще — на промежуточных стадиях — баки, выдерживающие повышенное давление. А Маленький Народ энергией почти и не пользуется. И металлом он тоже не пользуется.

— Они не пользуются энергией? А эти их оранжевые светильники?

— Тут большой энергии не нужно.

— А ты сам бы такой светильник сделал? Ты что, знаешь, как они работают?

— Нет, но...

— Я ж ведь что тебе все пытаюсь сказать. Техника — это не обязательно что-то громоздкое, шумное, требующее больших усилий, одним словом, то, к чему привыкли мы, люди. Вполне могут существовать и другие подходы. Ты же сам говорил, что практически не знаешь туземцев, даже тех, которые живут около полюсов. Так их самих-то почему тогда не спросить?

— А ведь, пожалуй, он прав, Ос, — поддержал товарища Текс. — Давай спросим.

Оскар задумался.

— Вообще-то мне и самому давно кажется, что местные наши друзья будут, пожалуй, поцивилизованнее приполярных туземцев. Но я все никак не мог толком сообразить — в чем это выражается.

— Что есть цивилизация?

— Ну ее, философию, лучше займемся делом.

Оскар открыл люк корабля и обратился к личности, которая терпеливо поджидала их на солнцепеке — по ее понятиям, естественно, — и деловито просматривала иллюстрации в «Сатеди ивнинг пост» издания 1971 года.

— Эй, девочка! *Не будешь ли ты так любезна провести нас к дому своей матери?*

Скоро они убедились, что сироп действительно настоящий — кленовый. Т'винг охотно им объяснила, что, когда запасы стали кончаться, были просто изготовлены новые. А образцом для этого послужил тот самый сироп, что принесли земляне.

Оскар отправился на встречу со старой амфибией, прихватив с собой в качестве образца бутылку этилового спирта, которую они нашли в аптечке на «Гэри». Мэтту и Тексу пришлось остаться: друзья уже убедились, что Оскар лучше всего договаривается с ее ве-

личеством в одиночку. И двух часов не прошло, когда он вернулся. Выглядел Оскар совершенно ошеломленным.

— Какие новости, Ос? — спросил Мэтт. — Узнал что-нибудь?

— Видно, что ничего хорошего, — сказал Текс. — Вон лицо у него какое.

— Новости, говорите? Да нет, новости не плохие.

— Так чего ты тогда молчишь — язык что ли проглотил? Они что, могут нам сделать спирт?

Оскар тихо выругался по-венериански.

— Они могут сделать все, что угодно.

— Кому другому соври, — сказал Текс. — Играть на губной гармошке — это они уж точно не могут. Я знаю, я давал как-то одной попробовать. Давай говори, что там было.

— Так вот. Я начал с того, что дал посмотреть ей спирт и рассказал, что у нас по-прежнему дело туго. А после спросил, могут ли они сделать такое же вещество. Старушка как на идиота на меня посмотрела — она просто понюхала спирт и сказала, что да, они могут. Потом я вспомнил, что знал из химии, и попытался ей объяснить про жидкий кислород, причем начал с элементарщины: мол, воздух состоит из двух компонентов — инертного и активного. Я не знал, как сказать это по-венериански, и перевел эти термины как «живой» и «мертвый». Затем добавил, что «живой» компонент воздуха нам нужен в виде жидкости — как вода. Она остановила меня и послала за одной из своих советниц. Когда та пришла, они начали разговаривать и болтали так несколько минут. Из их разговора я понимал только каждое второе или третье слово, не больше, и даже не уловил смысла беседы. После этого советница ушла. Потом мы сидели и ждали непонятно чего. А пока мы ждали, старушка возьми меня и спроси, когда мы собираемся улететь. Я ей ответил: скоро, если получим все, что нам требуется. И тут она попросила захватить с собой Берка. Вы бы только слышали, каким умоляющим тоном говорило об этом ее величество. Но просила она, между прочим, довольно твердо. Я, естественно, согласился.

— Вот и хорошо, — сказал Мэтт. — Хоть меня и тошнит от этого типа, но как-то неприятно оставлять его подыхать здесь. Что там ни говори, а на суд он право имеет.

— Хрен с ним, с Вонючкой, — оборвал его Текс. — Ну кому какое до него дело? Рассказывай, Оскар.

— Сколько точно — не знаю, но прождали мы достаточно долго, как вдруг в комнату входит эта ее советница, та самая, с которой она говорила о жидком кислороде. И в руке у нее обыкновенный пузырь для питья, ну разве что потемней, не такой, в каких обычно здесь держат воду. Ее величество передала мне пузырь и спросила, точно ли это то, что я имел в виду. Я ответил, что, конечно, очень ей благодарен, но воды у нас и без этого хватает. Тогда она капнула из пузыря мне на руку. Видите? Обожженные места.

— Это действительно был жидкий кислород?

— А может, и жидкий воздух. На глаз их разве определишь? Но это что, это еще цветочки. Главное, когда я пощупал пузырь — так он даже не был теплым! Старушкина помощница несла его, будто это был простой термос или грелка какая-нибудь.

Оскар невидящим взглядом уставился куда-то в пространство.

— Я ничего не понимаю, — сказал он едва слышно. — Единственное, чем это можно объяснить — химия катализа. Видно, они довели ее до такого совершенства, что могут запросто делать то, для чего нам нужны температура и давление.

— Так и не мучайся, если не понимаешь, — посоветовал Текс. — Все равно знать не будешь. Ты лучше считай за аксиому, что они забыли химию на столько, на сколько мы ее когда-нибудь вообще будем знать. Вот и все. Для нас главное — это получить топливо.

Двое суток подряд «дочери» старой амфибии непрерывно двигались от берега озера до «Астарты», опорожняли полные пузыри с горючим в корабельные баки и возвращались обратно с пустыми. Турлов был уже на борту, его по-прежнему опекали маленькие, терпеливые санитарки. Берка привели под конвоем и освободили только перед входным люком. Кадеты обращали на Берка внимания не больше, чем на пустое место, и скоро это начало действовать ему на нервы. Бросив взгляд на корабль — про «Астарту» он прежде даже и не слыхал, — Берк повернулся к Йенсену.

— Я не собираюсь лететь на этом летающем гробу, — заявил он.

— Не хочешь — не надо.

— Ну и что ты в таком случае собираешься делать?

— А ничего. Оставайся в джунглях или попробуй убедить «мать многих», чтобы она взяла тебя назад.

Берк задумался.

— Пожалуй, я останусь с лягушками. Если вы все-таки долетите, сообщите, где я нахожусь — пусть меня заберут отсюда.

— Я передам команде, что с тобой все в порядке; ну и заодно обо всем остальном расскажу.

— Что, думаешь, напугал? — Берк повернулся и вышел.

И нескольких минут не прошло, как он заявился обратно.

— Я передумал, лечу с вами.

— Ты хочешь сказать, что это они тебя не захотели принять.

— Ну... вообщем-то, да.

— Тогда вот что, — сказал Йенсен. — Раз местные власти не считают возможным применять к тебе свои законы, объявляю тебя арестованным на основании кодекса «Отношения с аборигенами». А конкретные обвинения тебе предъявят в момент передачи суду, причем, помяни мое слово, одним кодексом суд не ограничится. И последнее. Предупреждаю, что с этой самой минуты все, чего бы ты ни сказал, может быть использовано в качестве доказательства обвинения.

— Не имеешь права!

— Мэтт! Текс! Пристегните его!

— С удовольствием! — схватив Берка за руки, друзья усадили его на кушетку в камбузе — они решили, что там он им будет меньше всего мешать, — и пристегнули ремнями.

— Ос, ты что, действительно думаешь, — спросил Мэтт, возвратившись в рубку, — что у нас получится убедить судью принять эти обвинения?

— Вряд ли, если, конечно, судья не согласится с тем, что заявления Берка, переданные из вторых уст, достаточно убедительны и могут рассматриваться как доказательства. По мне, так вздернуть бы этого гада на высоком столбе, но я думаю, его просто лишат сертификата пилота и отнимут паспорт — тем дело и

ограничится. Зато Патруль нам точно поверит, а больше ничего и не надо.

Меньше чем через час санитарки Турлова ушли с корабля. Потом Оскар в прощальной речи, метя павлиньими перьями, долго благодарил «мать многих» и, как положено, дал ей уговорить себя приехать сюда еще. Наконец наружный люк был задраен. Текс спросил Оскара с беспокойством:

— Ты уверен, что они поняли, на какое нужно отойти расстояние, чтобы при взлете их не задела волна раскаленных газов?

— Я сделал на траве линию и предупредил, что пересекать ее опасно. Да не беспокойся ты, иди лучше на свое место.

— Есть, сэр!

Мэтт с Оскаром прошли в рубку, а Текс отправился в двигательный отсек. Оскар сел в кресло второго пилота, на колени себе положил бортжурнал «Астарты», который держал подмышкой, достал огрызок карандаша, найденный им на камбузе, послюнил, открыл журнал на последней недописанной странице, занес дату и большими буквами написал:

НОВАЯ КОМАНДА КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ «АСТАРТА»

Тут он задумался и нерешительно посмотрел на Мэтта:

— Слушай, давай поставим вместо меня кого-то из вас.

— Хватит тебе, Ос, — сказал Мэтт. — Если уж коммодор Акрайт — слепой! — может командовать «Рэндольфом», то ты-то со своим подбитым крылышком как-нибудь с «Астартой» управишься.

— Ну ладно, если вы так хотите...

Он продолжил писать:

О. Йенсен — исполняющий обязанности капитана

М. Додсон — пилот и астрогатор

У. Джермэн — старший механик

Р. Турлов, лейтенант — пассажир (болен)

Ж. Берк — пассажир (под арестом)

— Начинайте перекличку!

— Есть, сэр! А тебя, Ос, тоже называть?

— Конечно, список и так короткий.

— А Вонючку?

— Еще чего! Он записан как груз.

Мэтт набрал полные легкие воздуха и выкрикнул, держась поближе к переговорной трубе, чтобы слышал Текс:

— Лейтенант Турлов!

— Я за него, — откликнулся Оскар.

Он оглянулся на лейтенанта, привязанного к инспекторскому креслу, где за ним было проще присматривать. Турлов открыл глаза. На его лице появилось удивленное, вопросительное выражение — такое у него было всегда, когда он, казалось, начинал что-то понимать.

— Йенсен!

— Здесь!

— Джермэн!

— Здесь! — донесся через трубу приглушенный голос Текса.

— Додсон здесь, — сказал Мэтт, затем облизнул пересохшие губы и немного помедлил. — Далквист!

Оскар собрался ответить, но его опередил раздавшийся сзади голос Турлова:

— Я за него.

— Мартин! — машинально продолжил Мэтт, слишком удивленный, чтобы остановиться.

— Я за него, — развернувшись назад и не сводя глаз с Турлова, сказал Оскар.

— Ривера!

— Я за него, — послышался голос Текса.

— Уилер!

— И Уилер здесь, — снова откликнулся Текс. — Все они здесь, Мэтт. Мы готовы.

— Поверка окончена. Капитан, все на месте.

— Прекрасно, сэр.

— Как он там, Ос?

— Снова закрыл глаза. Поднимайте корабль по готовности.

— Есть, сэр. Согласно программе полета — *взлет*!

«Астарта» взлетала в крылатом — «самолетном» — режиме. Мэтт взялся за ручки управления и напряженно ждал. И вот взревел расположенный под брюхом корабля стартовый двигатель,

корабль вздыбился и рванулся — вперед и вверх! — в непроглядные облака Венеры.

18. В КАБИНЕТЕ КОММОДОРА

Кадеты-выпускники Додсон и Джермэн, доставленные из Нью-Окленда на станцию «Терра» патрульным крейсером «Пегас», вышли из скутера и поднялись на борт учебного корабля «Рэндольф». Кадета Йенсена с ними не было; Оскар по телеграфному разрешению из Академии получил шестимесячный отпуск с условием, чтобы он в любой момент готов был вылететь сопровождать первого консула Земли, отправленного для установления дипломатических отношений в экваториальную зону Венеры.

Мэтт и Текс предъявили вахтенному офицеру свои предписания и оставили ему обязательные их копии. Тот сообщил, где они будут жить — в Свинячьем закоулке, в комнате, которая отличалась от прежней лишь номером.

— Вроде бы никуда и не улетали, — сказал Текс, распаковывая вещи.

— Непривычно как-то без Пита и Оскара.

В этот момент загудел телефон. Текс снял трубку.

— Кадет Джермэн?

— Да.

— Коммодор поздравляет вас с возвращением и просит немедленно явиться к нему.

— Есть, сэр.

Текс положил трубку и повернулся к Мэтту.

— Да, времени здесь зря не теряют. — Немного помолчав, он добавил: — Знаешь, о чем я думаю?

— Пожалуй, могу догадаться.

— Да, этот срочный вызов выглядит многообещающе. А ведь и в самом деле мы потрудились неплохо, Мэтт. От этого никуда не денешься.

— Пожалуй, да. «Астарту» вот домой привели, с запозданием, правда, на сотню лет. Впрочем, знаешь, не буду я тебя пока

называть «лейтенантом», хотя надеюсь, без офицерских званий нас теперь не оставят.

— Постучи по дереву. Как я выгляжу — ничего?

— Не красавец, конечно, но, по-моему, лучше, чем когда мы садились на Южный полюс. Иди давай, не тяни.

— Да, верно.

Текс ушел. Мэтт принялся нервно расхаживать по комнатушке. В конце концов раздался звонок и его тоже пригласили к начальнику. Текс из кабинета еще не выходил. Чтобы не дергаться на глазах у всех, показывая свое нетерпение, Мэтт стал ждать его не в приемной, а в коридоре. Через некоторое время Текс вышел; Мэтт сразу же бросился к нему.

— Ну? Как там?

— Заходи, сам узнаешь, — ответил Текс, загадочно поглядывая на него.

— Не можешь, что ли, сказать?

— Иди-иди, после поговорим.

— Кадет Додсон!

Мэтт открыл дверь в кабинет коммодора Аркрайта.

— Кадет Додсон прибыл по вашему приказанию, сэр!

Коммодор повернулся к нему, и Мэтту вновь показалось, что слепой офицер видит его куда лучше, чем большинство зрячих.

— Вольно, мистер Додсон, — старый офицер протянул руку и взял со стола личное дело Мэтта. — Я познакомился с вашими документами, мистер Додсон. Вы наверстали упущенное в астрогации и даже приобрели определенный практический опыт. Капитан Янки в целом оценивает вас положительно, хотя и считает, что вы иногда рассеянны и склонны увлекаться чем-то одним в ущерб остальному. Впрочем, думаю, это свойство молодости.

— Благодарю вас, сэр.

— Это не комплимент, я всего лишь констатирую факт. А теперь ответьте, пожалуйста, что бы вы сделали, если...

Через сорок пять минут Мэтту удалось наконец перевести дыхание. Лишь теперь до него дошло, что ему учинили очень подробный и въедливый экзамен. Когда Мэтт входил в кабинет, ему казалось, что он девяти футов роста, четырех футов — в плечах и

весь порос густым волосом. Потом это ощущение как-то незаметно угасло.

Начальник помедлил минуту, словно задумавшись, а затем продолжил:

— Как вы думаете, мистер Додсон, когда вы будете готовы к присвоению звания?

У Мэтта перехватило в горле, и он с трудом выдавил из себя:

— Сэр, я не знаю. Года через три. Может, четыре.

— Года, думаю, будет достаточно, если, конечно, вы будете стараться. Сейчас я вас посылаю на Землю, в Хэйуорт-холл. Вы можете еще сегодня успеть на шаттл, отправляющийся со Станции. Ну и, конечно, вам предоставляется обычный отпуск.

— Это очень здорово, сэр!

— Отдыхайте, развлекайтесь. И еще, у меня тут есть для вас одна вещь... — слепой человек смолк на какую-то долю секунды, а затем взял со стола бумагу. — Копия письма от матери лейтенанта Турлова. Другая копия помещена в ваше личное дело.

— Как у лейтенанта здоровье, сэр?

— Передали, он полностью поправился. И еще, пока вы не ушли...

— Да, сэр?

— Представьте мне вкратце описание тех трудностей, которые возникли у вас при переоборудовании «Астарты». Главное внимание обращайте на то, что вы узнали нового в процессе этой работы, и особенно на допущенные вами ошибки.

— Э-э.. есть сэр.

— Ваши заметки будут приняты во внимание при изменении руководства по эксплуатации устаревшего оборудования. Спеха тут нет никакого — сделаете это, когда вернетесь из отпуска.

Выходя из кабинета начальника, Мэтт уже не чувствовал себя таким великаном, каким себе казался входя; но подавленности в нем не было никакой — наоборот, он ощущал странный подъем. В комнате, куда он добрался чуть не бегом, ждал Текс. Текс внимательно его осмотрел.

— Как я понимаю, тебя отправили вниз.

— Угу.

— Хэйуорт-холл?

— Ага, — на лице Мэтта было написано недоумение. — Ничего не понимаю. Я же шел туда в полной уверенности, что мне, как только войду, тут же присвоят звание. И все равно чувствую себя великолепно. С чего бы это, не знаешь?

— Да не смотри ты на меня так. Я ведь чувствую себя точно так же, хотя он доброго слова мне не сказал. Вся наша эпопея с Венерой была просто пущена побоку, будто ему это не интересно.

— Вот оно!

— Что «вот оно»?

— «Просто пущена побоку». Потому мы и чувствуем себя так здорово. Он не стал распространяться об этом потому, что ничего другого от нас и не ожидал — *мы же из Патруля*!

— Чего-чего? Слушай, а точно — так ведь оно и есть! Это вроде как если бы у него была тридцать вторая степень посвящения, а у нас только первая. Но все равно мы из одной Ложи.

Текс начал насвистывать.

— Я чувствую себя еще лучше, — сказал Мэтт. — Я и так чувствовал себя здорово, а теперь — и вовсе прекрасно, теперь ведь я понимаю — почему. Слушай, еще одно дело.

— Какое?

— Ты ему про мою драку с Берком в Нью-Окленде, случайно, не говорил?

— Да ты что! — изумился Текс.

— Странно. Я же точно не говорил никому, тебе только. И заложиться могу, что драки никто не видел. Я же так специально устроил.

— И он что, знал?

— Еще как знал.

— Ругал тебя?

— Нет. Он сказал, что знает, что Берк выпущен под залог, и что я был тогда в отпуске, и что он совсем не хочет вторгаться в мою личную жизнь, но что он хочет дать мне один совет.

— Да? А какой?

— Не атаковать с левой.

Изумление на лице Текса сменилось задумчивостью.

— Я думаю, он хотел еще тебе посоветовать не подставлять подбородок.

— Возможно.

Мэтт снова принялся собирать совсем недавно распакованную сумку.

— Ближайший джип на станцию когда?

— Минут через тридцать. Кстати, Мэтт, у тебя тоже ведь отпуск?

— Конечно.

— Ты как насчет того, чтобы провести недельку-другую на Джермэновской пустоши?

Познакомлю тебя со своими и с дядей Боди.

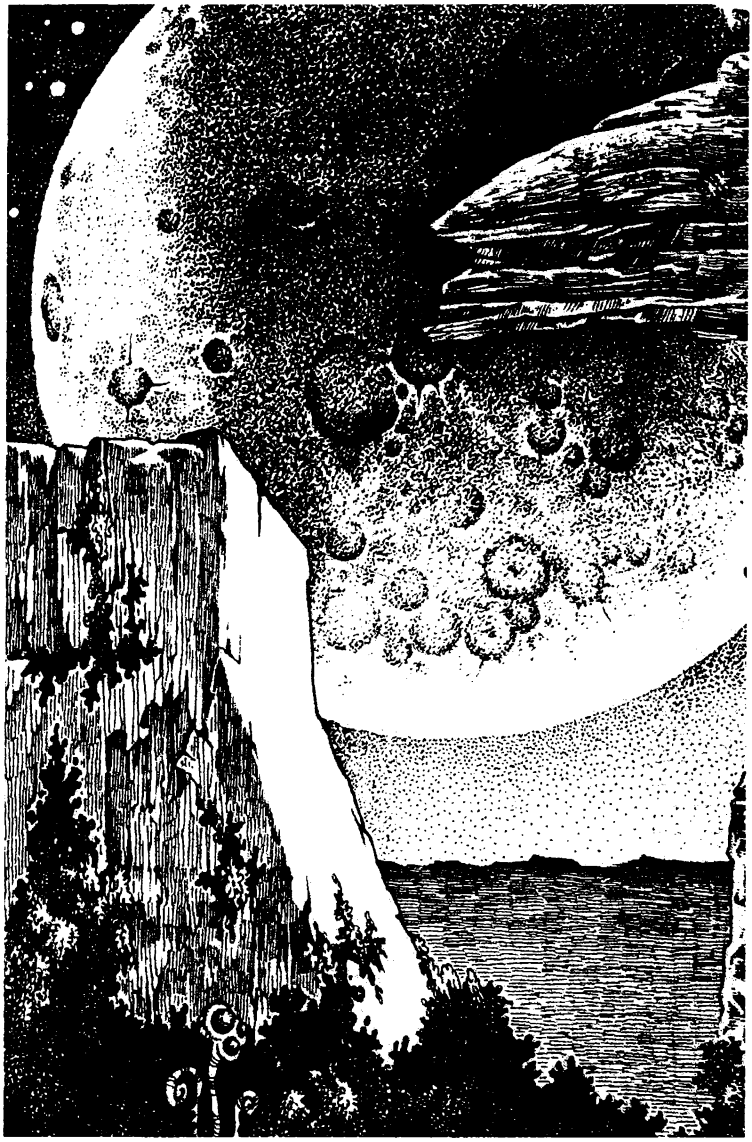
— С дядей Боди? Вот это да! Одна только просьба, Текс...

— Какая?

— Обещай, что на завтрак меня не будут кормить оладьями.

— Обещаю!

КРАСНАЯ ПЛАНЕТА

© Н. Виленская, перевод, 1993

Разреженный воздух Марса был прохладен, но не очень. В южных широтах зима еще не настала, и температура днем не опускалась ниже нуля.

Странное существо, стоящее у двери куполообразного строения, походило на человека, хотя ни у одного человека не было такой головы: на макушке — что-то вроде петушиного гребня, огромные глазницы, а посередине лица — клюв. А окрас уж и вовсе из ряда вон — тигровый, в желтую и черную полоску. На поясе у него висело оружие, напоминавшее пистолет, а в сгибе правой руки был зажат мяч — побольше баскетбольного и поменьше медбольного. Существо переложило мяч в левую руку, открыло входную дверь и оказалось в крохотном тамбуре.

Как только наружная дверь закрылась, давление воздуха в тамбуре стало подниматься со звуками, напоминающими вздохи.

— Ну, кто там? Отвечайте, отвечайте! — сиплым басом взревел репродуктор.

Пришелец осторожно опустил мяч на пол и обеими руками стянул с себя безобразную личину. Под маской обнаружился обыкновенный мальчишка.

— Это я, док, Джим Марло,— ответил он.

— Ну так заходи. Нечего стоять и ногти грызть.

— Иду.

— Когда давление в прихожей сравнялось с давлением в доме, внутренняя дверь автоматически открылась. Джим сказал:

— Пошли, Виллис,— и прошел внутрь.

Мяч выпустил снизу три отростка и последовал за мальчиком — непонятно было, идет он или катится, больше всего его походка напоминала движение бочонка, который кантуют на днище. Они прошли по коридору в большую комнату, занимавшую половину всего круглого дома. Доктор Макрей, не вставая, приветствовал их.

— Здорово, Джим. Разоблачайся. Кофе на скамейке. Здорово, Виллис.— Доктор вернулся к работе, он перевязывал руку мальчику, ровеснику Джима.

— Спасибо, док. А, Фрэнсис, привет. Ты чего тут?

— Привет, Джим. Я убил водоискалку, да только палец о шип наколол.

— Прекрати ерзать! — скомандовал доктор.

— Щиплется,— пожаловался Фрэнсис.

— Так и надо.

— Как это тебя угораздило? — не успокаивался Джим.— Ты что ж, не знаешь, что их нельзя трогать? Спалил сразу — и все тут.

Он расстегнул «молнию» скафандра, стянул его и повесил на вешалку у дверей. Там уже висел скафандр Фрэнсиса с маской, имитирующей боевую раскраску индейского воина, и скафандр доктора с маской без орнамента. Теперь Джим остался в модных на Марсе комнатных ярко-красных шортах.

— Я и спалил,— объяснил Фрэнсис,— но она зашевелилась, когда я ее тронул. Я хотел отрезать хвост, сделать бусы.

— Значит, плохо спалил. Может, в ней полно яиц осталось. А для кого бусы?

— Не твое дело. А яички я сразу выжег. За кого ты меня принимаешь? За туриста?

— Да как тебе сказать. Ты же знаешь, эти твари подыхают только на закате.

— Не говори глупостей, Джим,— сказал доктор.— Теперь, Фрэнсис, я тебе сделаю укол антитоксина. Толку от него никакого, зато твоя мама успокоится. Завтра палец у тебя вздуется, как обожравшийся щенок, принесешь его сюда, и я его вскрою.

— Палец придется отрезать? — спросил мальчик.

— Нет. Просто какое-то время будешь чесаться левой рукой. А тебя, Джим, что сюда привело? Живот заболел?

— Нет, доктор, я из-за Виллиса.

— Из-за Виллиса? Вид у него как будто бодрый.

Доктор посмотрел вниз, на Виллиса, который смотрел, как Фрэнсису перевязывают палец: он высунул еще три отростка — глазных. Отростки торчали, как большие пальцы рук, образуя равнобедренный треугольник, и на каждом углу сидел глаз, до того похожий на человеческий, что становилось не по себе. Виллис медленно развернулся на трех ножках, чтобы как следует обозреть доктора.

— Налей-ка мне чашку явы, Джим,— распорядился доктор, нагибаясь и складывая руки ковшиком.— Ну-ка, Виллис, оп-ля!

Виллис подпрыгнул и влетел прямо в руки доктору, убрав при этом все свои выступы. Доктор положил его на смотровой стол. Виллис снова выставил ножки и глазки, и они принялись разглядывать друг друга.

Доктор видел перед собой мячик, покрытый густой короткой шерстью, как стриженая овца, и не имеющий никаких отличительных черт, кроме ножных и глазных отростков. Виллис видел перед собой пожилого землянина с длинными курчавыми седовато-белыми волосами, одетого в белоснежную рубашку и шорты. Виллису очень нравилось смотреть на него.

— Как ты себя чувствуешь, Виллис? — спросил доктор.— Хорошо? Или плохо?

На самой макушке Виллиса между глаз появилась ямочка, а в ней прорезалась дырочка.

— Виллис хорошо! — сказал он. Голос у него был точь-в-точь как у Джима.

— Хорошо, говоришь? — переспросил доктор.— Джим, помой чашки и на этот раз простерилизуй. Мы ведь не хотим подцепить какую-нибудь заразу, верно?

— О'кей, док,— согласился Джим и спросил у Фрэнсиса: — Ты будешь кофе?

— Конечно. Слабый, и побольше молока.

Джим нырнул в лабораторную раковину и выудил оттуда еще одну чашку. В раковине было полно грязной посуды. Рядом на бунзеновской горелке потихоньку кипел большой кофейник.

Джим тщательно вымыл три чашки, пропустил их через стерилизатор и налил всем кофе.

— Джим, этот гражданин говорит, что он в порядке,— сказал доктор Макрей, беря чашку.— Что с ним такое?

— Да, знаю, он все время говорит, что у него все нормально, но это не так. Вы бы не могли осмотреть его, док?

— Осмотреть? Каким образом, мальчик? Я не могу даже измерить ему температуру, потому что не знаю, какая температура у него нормальная. В его биохимии я смыслю столько же, сколько свинья в апельсинах. Ты хочешь, чтобы я вскрыл его и посмотрел, почему он тикает?

Виллис тут же убрал свои отростки и сделался гладким, как бильярдный шар.

— Ну вот, вы его напугали,— с укором сказал Джим.

— Прошу прощения.— Доктор протянул руку и потрепал Виллиса по меховой шерстке.— Виллис хороший, Виллис славный. Никто не обидит Виллиса. Ну давай, малыш, вылезай.

Виллис приоткрыл голосовой сфинктер.

— Не обижать Виллис? — недоверчиво спросил он голосом Джима.

— Не обижать Виллис. Обещаю.

— Не резать Виллис?

— Не резать Виллис. Никогда.

Медленно появились глаза, и Виллис приобрел выражение настороженного внимания (он прекрасно обходился без лица).

— Вот так-то лучше,— одобрил доктор.— Ближе к делу, Джим. Почему тебе кажется, что с ним что-то не так, если мы с ним думаем иначе?

— Да потому что он так себя ведет, док. Дома-то все хорошо, а вот когда выходит... Раньше он со мной всюду ходил, скакал и везде совал свой нос...

— У него нет носа,— заметил Фрэнсис.

— Пять с плюсом. А теперь, когда я его беру погулять, он сворачивается в клубочек, и ничего от него не добьешься. Если он не болен, почему он так делает?

— Начинаю соображать,— сказал доктор.— Он у тебя сколько времени живет?

Джим задумался, перебирая в памяти двадцать четыре месяца марсианского года.

— Где-то с конца зевса, почти с ноября.

— А теперь конец марта, почти церера, лето кончилось. Тебе это ни о чем не говорит?

— Да нет.

— Что ж он, по-твоему, по снегу должен скакать? Мы уезжаем, когда приходят холода, а он здесь живет.

— Вы думаете, это он впадает в спячку? — раскрыл рот Джим.

— А что ж еще? Предки Виллиса много миллионов лет приспосабливались к смене времен года, не может же он так сразу от этого отказаться.

Джим забеспокоился.

— Я ведь хотел взять его с собой в Малый Сырт.

— Малый Сырт? Ах да, ты ведь в этом году поступаешь в школу. И Фрэнк тоже.

— Точно!

— Не могу привыкнуть к тому, как быстро вы растете. Я прилетел на Марс, потому что здесь год в два раза длиннее, но что-то не вижу никакой разницы — годы летят еще быстрее.

— Док, а сколько вам лет? — поинтересовался Фрэнсис.

— Неважно. Итак, кто из вас будет изучать медицину, а потом вернется мне помогать?

Ответа не было.

— Ну, ну! — настаивал доктор.— На кого вы собираетесь учиться?

— Не знаю,— сказал Джим.— Я интересуюсь ареографией, но и биология мне тоже нравится. Может, стану планетарным экономистом, как мой старик.

— Это обширная область. Долго придется учиться. А ты, Фрэнсис?

Фрэнсис немного смутился.

— Я? Да ну, я все-таки думаю стать космическим пилотом.

— А я думал, ты из этого уже вырос.

— А что тут такого? Мне кажется, я смогу.

— Дело твое. Да, раз уж об этом зашла речь: вы ведь уедете в школу еще до миграции?

Поскольку людям несвойственно впадать в зимнюю спячку, колония дважды в марсианском году переезжала. Южное лето они провели в Хараксе, в тридцати градусах от южного полюса, а теперь собирались перебраться в Утопию, в Копаис, почти на том же расстоянии от северного полюса. Там колония должна была провести половину марсианского года, то есть почти целый земной год.

Возле экватора находились постоянные, немигрирующие поселения — Нью-Шанхай, Марсопорт, Малый Сырт и другие, но они не считались колониями, и населяли их в основном служащие Марсианской компании. Контракт и закон обязывали Компанию обеспечить колонистам высшее земное образование, а Компании было удобнее сосредоточить обучение в одном месте — в Малом Сырте.

— Мы едем в будущую среду,— сказал Джим,— на почтовом скутере.

— Так скоро?

— Да, потому я и беспокоюсь за Виллиса. Что с ним делать, док?

Виллис, услышав свое имя, вопросительно посмотрел на Джима и повторил, в точности копируя его:

— Что с ним делать, док?

— Заткнись, Виллис.

— Заткнись, Виллис,— Виллис столь же точно скопировал и доктора.

— Наверное, правильнее всего было бы вынести его на воздух, найти норку и сунуть его туда. Вы сможете возобновить знакомство, когда спячка кончится.

— Что вы, док, он же так потеряется! Он выйдет гораздо раньше, чем я приеду на каникулы. Может, он проснется еще до переезда колонии.

— Может быть.— Макрей задумался.— Ему не повредит снова оказаться в своей среде. С тобой он ведет неестественный образ жизни, Джим. Ты же знаешь, он личность, а не собственность.

— Конечно! Он мой друг.

— Не пойму я,— вставил Фрэнсис,— чего это Джим так с ним носится. Конечно, болтает он здорово, но все равно как попугай. По-моему, он просто болван.

— А тебя никто не спрашивает. Виллис меня любит. Правда, Виллис? Ну, иди к папе.— Джим протянул руки, меховой шарик взобрался по ним и устроился у Джима на коленях — теплый, чуть пульсирующий. Джим погладил его.

— Почему бы тебе не попросить марсиан позаботиться о нем? — предложил доктор.

— Я пробовал, но не нашел ни одного в таком настроении, чтобы он обратил на меня внимание.

— То есть у тебя не хватило сил этого дождаться. Внимание марсианина можно завоевать, только набравшись терпения. А почему ты не спросишь самого Виллиса? У него свое мнение есть.

— А как ему объяснить?

— Давай я попробую. Виллис!

Виллис обратил к доктору два глаза.

— Хочешь выйти и найти место, где спать?

— Виллис не хочет спать.

— Надо выйти. Хорошо, холодно, найти норку в земле. Свернуться и поспать как следует. А?

— Нет!

Доктору стоило труда не поддаваться наваждению, что это говорит Джим (говоря от своего лица, Виллис всегда пользовался голосом Джима). Звуковая диафрагма Виллиса так же не имела собственного тембра, как не имеет его мембрана радиоприемника, она и была устроена так же, как мембрана радио, хотя и была органом живого существа.

— Решительно сказано, но попробуем зайти с другой стороны. Виллис, хочешь остаться у Джима?

— Виллис остаться у Джима. Тепло! — задумчиво произнес Виллис.

— Вот секрет твоего обаяния, Джим,— сухо сказал доктор.— Ему нравится температура твоего тела. Но ipse dixit, бери его с собой. Не думаю, чтобы это ему повредило. Ну проживет он пятьдесят лет вместо ста, зато получит вдвое больше удовольствия.

— Значит, обычно они живут по сто лет? — уточнил Джим.

— Кто их знает. Мы недостаточно долго пробыли на этой планете, чтобы знать такие вещи. А теперь выметайтесь. У меня полно дел.— Доктор задумчиво посмотрел на кровать, которая уже

неделю не застилалась, и решил подождать, пока будет менять белье.

— А что значит «ipse dixit», док? — спросил Фрэнсис.

— Значит «сказано — сделано».

— Док,— предложил Джим,— пойдемте к нам обедать. Я позвоню маме. И ты тоже, Фрэнк.

— Нет,— сказал Фрэнк,— я, пожалуй, не пойду. Мама говорит, что я слишком часто у вас ем.

— Моя мама, будь она здесь, непременно сказала бы то же самое,— признался доктор.— Звони, Джим.

Джим подошел к телефону, попал на двух колониальных мамаш, болтающих о своих малышах, и наконец, сменив частоту, соединился с домом. Когда на экране появилось лицо матери, Джим сказал ей, что пригласил доктора.

— Я очень буду рада, если доктор придет,— сказала она.— Скажи ему, Джим, пусть поторопится.

— Мы идем, мама! — Джим выключил аппарат и потянулся за скафандром.

— Не надевай,— остановил его Макрей.— На воздухе слишком холодно. Пройдем по туннелям.

— Это же вдвое дольше,— возразил Джим.

— Предоставим Виллису решать. Ты за кого, Виллис?

— Тепло,— важно сказал Виллис.

2. ЮЖНАЯ КОЛОНИЯ, МАРС

Южная колония была построена в виде колеса. Административный центр был ступицей, от него в разные стороны расходились туннели, над которыми стояли дома. Колонисты начали строить туннель-обод, соединяющий концы спиц, и уже соорудили дугу в сорок пять градусов.

За исключением трех лунных хижин, поставленных при основании первой, покинутой потом, колонии, все дома были одинаковой формы. Каждый дом представлял собой усеченный снизу пузырь из силиконового пластика (вещество добывалось из почвы и надувалось тут же, на месте). Собственно, пузырь был

двойной: сначала выдувалась внешняя оболочка, футов тридцати-сорока в поперечнике. Когда она застывала, надували внутренний пузырь, чуть поменьше первого. Внешний пузырь полимеризовался, то есть затвердевал и вулканизировался под лучами солнца. Внутренний пузырь вулканизировали с помощью ультрафиолетовых батарей и нагревательных ламп. Оболочки отделялись друг от друга слоем воздуха около фута толщиной, который служил теплоизоляцией в морозные марсианские ночи.

Когда новый дом затвердевал, в нем прорезали двери и устанавливали шлюзовой тамбур. Ради комфорта колонисты поддерживали в домах давление, составлявшее две трети земного (атмосферное давление Марса не достигает и половины). Новоприбывший с Земли, непривычный к условиям планеты человек сразу умер бы без респиратора. Из колонистов только тибетцы и боливийские индейцы отваживались выходить без респираторов за дверь, но даже они надевали облегающие эластичные скафандры во избежание подкожных кровоизлияний.

Окон в домах не было, как в современных нью-йоркских зданиях. Окружающая колонию пустыня однообразна, хоть и красива. Южная колония находилась в зоне обитания марсиан, немного к северу от древнего города Харакса (давать его марсианское название нет необходимости, ни один землянин его все равно не выговорит). Колония располагалась между двумя рукавами Стримонского канала.

Фрэнсис дошел с Джимом и доктором до коридора, соединяющего туннели под мэрией, потом свернул в свой туннель. Через несколько минут доктор, Джим и Виллис поднялись в дом Марло. Доктор поклонился вышедшей навстречу матери Джима.

— Мадам, я опять злоупотребляю вашей добротой.

— Чепуха, доктор. Вы у нас всегда желанный гость.

— Несмотря на то что вы такая первоклассная повариха, сюда меня привлекает не столько ваша стряпня, сколько вы сами, дорогая.

Мать Джима вспыхнула и переменила разговор.

— Джим, повесь пистолет. Не бросай его на диване, где Оливер может достать.

Маленький братишка Джима, услышав, что речь идет о нем, тут же потянулся за пистолетом. Джим и его сестра Филлис оба заметили это и в один голос завопили: «Олли!», а Виллис сразу передразнил их, проделав трюк, возможный только для атональной диафрагмы,— воспроизвел два голоса разом.

Филлис была ближе, она схватила пистолет и шлепнула малыша по рукам. Оливер заплакал, а Виллис ему вторил.

— Дети! — сказала миссис Марло, й тут на пороге появился мистер Марло.

— Что тут за шум? — ласково спросил он.

Доктор Макрей взял Оливера, перевернул его вверх ногами и посадил себе на плечи. Оливер забыл, что надо плакать. Миссис Марло повернулась к мужу.

— Ничего страшного, дорогой. Я рада, что ты пришел. Дети, идите мыть руки.

Младшее поколение покинуло комнату.

— Так в чем дело? — повторил мистер Марло.

Через пару минут он зашел в комнату Джима.

— Джим?

— Да, папа.

— Как же ты бросаешь пистолет там, где ребенок может его достать?

— Он не заряжен, папа,— вспыхнул Джим.

— Если бы всех, кто был убит из незаряженного оружия, сложить в ряд, ряд получился бы о-го-го какой длинный. Ты ведь гордишься тем, что получил разрешение носить оружие, правда?

— Да.

— А я горжусь тобой. Значит, ты у нас ответственный, взрослый человек, на которого можно положиться. И я поручился за тебя перед Советом и стоял рядом, когда ты давал присягу,— тем самым я пообещал, что ты будешь соблюдать правила и следовать закону. От всего сердца и постоянно, а не от случая к случаю. Ты понял меня?

— Да, папа, думаю, да.

— Хорошо. Пойдем обедать.

Беседу за столом, как всегда, возглавлял доктор Макрей, время от времени ненавязчиво вставляя соленую шуточку или скан-

дальное замечание. В ходе разговора он спросил у мистера Марло:

— Ты как-то говорил, что лет через двадцать мы сможем выкинуть респираторы. Есть что-нибудь новенькое насчет Проекта?

В колонии разрабатывались десятки проектов, направленных на то, чтобы сделать Марс более пригодным для человека, но Проект с большой буквы был только один: проект насыщения атмосферы кислородом. Пионеры из экспедиции Гарвард-Карнеги объявили, что Марс пригоден для колонизации, если не считать одного существенного факта: его воздух настолько разрежен, что человек будет в нем задыхаться. Тем не менее, доложили исследователи, в песках марсианской пустыни заключены многие биллионы тонн кислорода — это красный оксид железа, которому Марс и обязан своим цветом. Целью Проекта и было высвобождение этого кислорода.

— А вы слушали сегодняшние деймосские новости?

— Я их никогда не слушаю. Нервная система дороже.

— Без сомнения. Но на этот раз новости были хорошие. Головной завод в Ливии успешно заработал. После первого рабочего дня в воздух поступило около четырех миллионов тонн кислорода — без всяких срывов.

— Четыре миллиона тонн? — ахнула миссис Марло.— Но это же ужасно много.

— А ты представляешь себе,— усмехнулся ее муж,— сколько понадобится времени одному заводу, чтобы справиться с такой задачей — довести давление кислорода до пяти фунтов на квадратный дюйм?

— Нет, не представляю. Но, мне кажется, не очень много.

— А вот посмотрим.— Он беззвучно зашевелил губами.— Получается около ста тысяч лет, марсианских, конечно.

— Джеймс, зачем ты меня дразнишь?

— Я не дразню. Но пусть эти цифры тебя не пугают, дорогая, мы, конечно, не будем зависеть от единственного завода. Их расставят в пустыне через каждые пятьдесят миль, и все будут в тысячу мегалошадиных сил. Слава богу, в энергии у нас недостатка нет, и если мы не успеем разделаться с этой работой, то по крайней мере детишки увидят, чем все кончится.

— Как хорошо было бы погулять, подставив лицо ветерку,— мечтательно сказала миссис Марло.— Помню, когда я была маленькая, у нас был сад, а по нему бежал ручей...

— Жалеешь, что мы прилетели на Марс, Джейн? — мягко спросил муж.

— Нет-нет! Мой дом здесь.

— Вот и хорошо. Что это вы скисли, доктор?

— А? Да так, ничего. Просто задумался о конечном результате. Понимаете, это такая чудесная работа, трудная работа, хорошая работа, есть куда с головой уйти. И вот мы сделаем ее, а для чего? Чтобы еще два-три биллиона баранов могли бездельничать, почесываться и зевать. Следовало бы оставить Марс марсианам. А скажите, сэр, известно ли вам, для чего первоначально использовалось телевидение?

— Нет, откуда мне знать?

— Так вот, я сам, конечно, не видел, но отец мне рассказывал...

— Ваш отец? Сколько же ему было лет? Когда он родился?

— Ну, дед. А может, и прадед. Не в этом суть. Первые телевизоры ставили в коктейль-барах (это такие увеселительные заведения) и все вместе смотрели матчи по армрестлингу.

— Что такое армрестлинг? — спросила Филлис.

— Такой старомодный народный танец,— объяснил ей отец.— Так вот, принимая вашу точку зрения, доктор, я не вижу вреда...

— А что такое народный танец? — не унималась Филлис.

— Скажи ей, Джейн. Я выдохся.

— Это когда народ танцует, дурочка,— важно разъяснил Джим.

— В общем, правильно,— согласилась мать.

— Какой пробел в воспитании ребят,— опешил доктор Макрей.— Надо бы организовать клуб бального танца. Я в свое время считался неплохим кавалером.

Филлис повернулась к брату.

— Скажешь, бальный танец — это когда баллы танцуют, да?

Мистер Марло поднял брови.

— По-моему, дети уже доели, дорогая. Может быть, мы их отпустим?

— Да, конечно. Можете встать из-за стола, милые. Олли, скажи: «Прошу меня извинить».

Малыш повторил, а Виллис за ним. Джим торопливо вытер рот, схватил Виллиса и направился в свою комнату. Ему нравилось слушать разговоры доктора, но надо сознаться, что в компании других взрослых старик начинал нести несусветную чушь. Не интересовал Джима и кислородный проект. Он не видел ничего странного и неудобного в том, чтобы носить маску. Он чувствовал бы себя раздетым, выйдя из дому без нее.

С точки зрения Джима, Марс был хорош и такой, как есть, и нечего стараться, чтобы он больше походил на Землю. Подумаешь, Земля. Его личное впечатление о Земле складывалось из туманных воспоминаний раннего детства: адаптационная эмигрантская станция на высокогорном боливийском плато, холод, короткое дыхание, постоянная усталость.

Сестра увязалась за ним. Войдя к себе, Джим остановился в дверях.

— Тебе чего, коротышка?

— Слушай, Джимми, ведь я буду заботиться о Виллисе, когда ты уедешь в школу, так ты бы сказал ему об этом заранее, чтобы он меня слушался.

Джим вытаращил глаза.

— С чего это ты взяла, что я его оставлю?

Сестра в свою очередь уставилась на него.

— А как же? Как же иначе? Не можешь же ты взять его в школу? Вот спроси у мамы.

— Мама тут ни при чем. Ее не интересует, что я беру с собой в школу.

— Все равно его нельзя брать, даже если мама не против. Жадина ты, вот и все.

— Ты всегда говоришь, что я жадина, если я не делаю того, что тебе хочется!

— А о Виллисе ты подумал? Здесь его дом, он к нему привык. Он будет тосковать по дому в школе.

— У него буду я!

— Не всегда. Ты будешь в классе. А Виллису останется только сидеть и хандрить. Тебе надо оставить его со мной, с нами, здесь, где ему хорошо.

Джим выпрямился.

— Я пойду и выясню это прямо сейчас.

Он вернулся в столовую и вызывающе стал ждать, когда его заметят. Отец повернулся к нему.

— Да? Что у тебя, Джим? Хочешь что-то спросить?

— Да. Папа, решено ведь, что Виллис поедет со мной в школу?

Отец удивился.

— Я просто не думал, что ты захочешь взять его с собой.

— А почему?

— Ну, ему ведь в школе не место.

— Почему?

— Ты же не сможешь заботиться о нем как надо. Ты будешь все время занят.

— Виллис не требует большой заботы. Его надо покормить раз в месяц да напоить раз в неделю, вот и все. Почему же нельзя взять его, папа?

Мистер Марло в замешательстве посмотрел на жену.

— Джимми, милый,— начала мать,— мы же не хотим, чтобы ты...

— Мама,— перебил Джим,— каждый раз, когда ты хочешь меня от чего-то отговорить, ты говоришь «Джимми, милый».

Губы матери дрогнули, но она удержалась от улыбки.

— Извини, если так. Но я вот что хотела сказать: мы хотим, чтобы ты начал свою школьную жизнь хорошо и успешно. С Виллисом на руках тебе это вряд ли удастся.

Джим не нашел что сказать, но сдаваться не собирался.

— Слушай, мама. Слушай, папа. Вы оба видели брошюрку, которую мне прислали из школы. Там говорится, что надо делать, и что брать с собой, и когда явиться, и все такое. Если кто-нибудь из вас найдет там указание, что Виллиса брать нельзя, я молчу, как марсианин. Уговор?

Миссис Марло вопросительно посмотрела на мужа. Он ответил ей таким же молящим о помощи взглядом, все время сознавая, что доктор Макрей молча наблюдает за ними с сардонической усмешкой.

Мистер Марло пожал плечами.

— Забирай Виллиса, Джим. Но это будет твоя проблема.

— Спасибо, папа! — широко усмехнулся Джим и поскорее убрался из комнаты, пока родители его не остановили.

Мистер Марло выколотил трубку в пепельницу и сердито глянул на доктора.

— Ну чего вы усмехаетесь, как старая обезьяна? Считаете меня слишком снисходительным, да?

— Да вовсе нет! Я считаю, ты совершенно правильно поступил.

— Думаете, любимчик Джима не доставит ему в школе хлопот?

— Я думаю как раз наоборот, поскольку немного знаком со светскими манерами Виллиса.

— Почему же вы тогда говорите, что я правильно сделал?

— А почему у мальчика не должно быть хлопот? Хлопоты — это естественное состояние рода человеческого. Мы воспитаны на этом. Мы на этом выросли.

— Иногда я думаю, доктор, что вы ненормальный — вроде жука-вертуна, как выразился бы Джим.

— Возможно. Но поскольку я единственный медик в округе, засвидетельствовать это некому. Миссис Марло, не затруднит ли вас налить старику еще чашечку вашего восхитительного кофе?

— Конечно, доктор.— Налив кофе, она сказала: — А знаешь, Джеймс, я довольна, что ты разрешил Джиму взять Виллиса. Мне это очень облегчит жизнь.

— Почему, дорогая? Джим правильно сказал, этот малыш не требует особой заботы.

— Да, это верно. Но если бы он еще не был таким откровенным...

— Ну? Я думал, он как раз идеальный свидетель при разборе ребячьих ссор?

— Да, так и есть. Он проигрывает все, что слышит, не хуже магнитофона, вот в том-то вся беда.— Огорчение на лице Джейн сменилось усмешкой.— Вы знаете миссис Поттл?

— Конечно.

— Куда от нее денешься? — добавил доктор.— Я, несчастный, в ответе за ее «нервы».

— Она в самом деле больна, доктор? — спросила миссис Марло.

— Она слишком много ест и недостаточно много работает. Входить в дальнейшие детали запрещает мне профессиональная этика.

— Я не знала, что она у вас есть.

— Имейте уважение к моим сединам, леди. Так что же эта Поттл?

— На той неделе пришла ко мне на ланч Люба Конски, и мы заговорили о миссис Поттл. Честное слово, Джеймс, я ничего такого не говорила и не знала, что Виллис сидит под столом.

— А он сидел? — Мистер Марло прикрыл глаза рукой.— Ну и дальше что?

— Ну вы же помните, что Поттлы в Северной колонии жили в доме у Конски, пока им не построили свой. С тех пор Люба возненавидела Сару Поттл всем сердцем и в тот четверг поделилась со мной некоторыми аппетитными подробностями относительно Сариных домашних привычек. Через пару дней заходит Сара поучить меня, как надо воспитывать детей. На каких-то ее словах Виллис включился (я знала, что он в комнате, но у меня и в мыслях не было, что он что-то выкинет). И стал прокручивать как раз ту самую запись, а я никак не могла его заткнуть и наконец просто вынесла из комнаты. Миссис Поттл ушла не попрощавшись, и с той поры о ней ни слуху ни духу.

— Небольшая потеря,— заметил мистер Марло.

— Это верно, но Люба-то за что пострадала? Любин акцент ни с чем не спутаешь, а у Виллиса он получается лучше, чем у самой Любы. Не думаю, чтобы Люба обиделась, но слышали бы вы в исполнении Виллиса рассказ о том, как Сара Поттл выглядит по утрам и что она при этом предпринимает.

— А вам бы послушать,— откликнулся Макрей,— высказывания миссис Поттл о прислуге.

— Я слышала. Она считает безобразием, что Компания не обеспечивает нас слугами.

— Не поставляет их нам в заклепанных ошейниках,— кивнул доктор.

— Ну и женщина! И зачем только она стала колонисткой?

— А ты не знаешь? — спросил муж.— Они прибыли сюда, рассчитывая быстро разбогатеть.

— Хм-м!

— Миссис Марло,— с отрешенным видом сказал доктор Макрей,— мне, как лечащему врачу миссис Поттл, было бы полезно

послушать, что имеет сказать Виллис по ее поводу. Как вы думаете, согласится он нам это прочесть?

— Доктор, вы старый мошенник и собиратель сплетен.

— Само собой. А еще я люблю подслушивать.

— Вы бесстыдник.

— Опять согласен. Мои нервы расслаблены. Я уже много лет не испытывал стыда.

— Правда, Виллис может нам устроить захватывающую передачу — разговоры детей за последние две недели.

— Может быть, вы его уговорите?

— Попробуем,— миссис Марло улыбнулась и отправилась за Виллисом.

3. ГЕККО

В среду рассвет занялся ясный и холодный, как почти всегда на Марсе. Все Саттоны и Марло, за исключением Оливера, собрались на грузовой пристани колонии, на западном рукаве Стримонского канала, чтобы проводить мальчиков в дорогу.

Температура повышалась, ровно дул рассветный бриз, но было все еще около минус тридцати. Стримонский канал был покрыт серовато-голубым льдом, на этой широте он сегодня не растает. На канале у пристани стоял почтовый скутер Малого Сырта — лодочный корпус на острых полозьях. Водитель грузил багаж со склада.

Молодежь легко было различить по маскам: тигровым полоскам Джима, боевой раскраске Фрэнсиса и радужному орнаменту Филлис. Взрослые отличались друг от друга только ростом, фигурой и манерой поведения. Двое были сверх комплекта: доктор Макрей и отец Клири. Священник тихо и серьезно говорил что-то Фрэнку, потом обратился к Джиму.

— Твой пастор просил меня попрощаться с тобой, сынок. Он, бедняга, к несчастью, слег с марсианским катаром, но все равно пришел бы, если б я не спрятал его маску.— Протестантский священник, как и католический, был холостяком, и они жили в одном доме.

— Ему очень плохо? — спросил Джим.

— Нет, не очень. Прими его благословение и мое тоже.— Священник протянул руку.

Джим поставил дорожную сумку, переложил коньки и Виллиса в левую руку и ответил на рукопожатие. Наступило неловкое молчание. Наконец, Джим сказал:

— Почему бы вам всем не пойти в помещение, пока вы не окоченели окончательно?

— Точно,— поддержал Фрэнсис.— Хорошая мысль.

— Кажется, водитель скоро будет готов,— сказал мистер Марло.— Ну, сынок, береги себя. Увидимся, когда будем переезжать.— Он торжественно потряс сыну руку.

— До скорого, папа.

Миссис Марло обняла сына, прижав свою маску к его.

— Ох, мой маленький, рано тебе еще уезжать из дому.

— Ну, мама! — Джим крепко обнял мать. Потом пришлось обнять Филлис.

— Пассажиры, по местам! — позвал водитель.

— До свидания!

Кто-то поймал Джима за локоть — доктор.

— Береги себя, Джим. И никому не спускай грубостей.

— Спасибо, док.— Джим показал водителю школьное удостоверение. Доктор в это время прощался с Фрэнсисом.

— Оба задарма? — спросил водитель.— Ну, раз платных пассажиров все равно нет, можете ехать на обзорных местах.

Он оторвал себе корешок, Джим залез в скутер и прошел на вожделенное обзорное место — сзади, над кабиной водителя. Фрэнк последовал за ним.

Машина задрожала, это отрывались ото льда полозья. Потом взревела турбина, и скутер с легким свистом тронулся в путь. Берега проплывали мимо, сливаясь в одну сплошную стену, скорость нарастала. Лед был гладкий, как зеркало, и вскоре скутер набрал путевую скорость — 250 миль в час. Водитель снял маску. Джим и Фрэнк, глядя на него, сделали то же самое. Давление в машине теперь поддерживалось пневматическим устройством, работающим от потока встречного воздуха, а с ростом давления сразу потеплело.

— Здорово, правда? — сказал Фрэнк.

— Ага. Смотри, Земля.

Их родная планета плыла по небу на северо-востоке, выше Солнца, сияя зеленым светом на густом багровом фоне. Рядом с ней, ясно видимая невооруженным глазом, светилась белая звездочка поменьше — Луна, спутник Земли. На севере, куда они ехали, не выше двадцати градусов над горизонтом висел Деймос, внешний спутник Марса. Крохотный бледный диск, почти невидимый в лучах Солнца, Земля затмевала его своим блеском.

Фобос, внутренняя луна, не был виден. На широте Харакса он поднимается над северным горизонтом не выше чем на восемь градусов и не дольше чем на час дважды в сутки. Днем он теряется в синеве горизонта, а наблюдать его ночью на морозе дураков нет. Джим не мог припомнить, когда и видел его, разве что во время миграции.

Фрэнк перевел взгляд с Земли на Деймос.

— Попроси водителя включить радио,— сказал он,— Деймос взошел.

— Да кому это интересно? — ответил Джим.— Я хочу смотреть.

Берега теперь стали пониже, с верхних мест за ними виднелись поля. Хотя была уже осень, орошаемый пояс вдоль канала еще зеленел и на глазах становился все зеленее — растения раскрывались навстречу утреннему солнцу.

Там и сям вдалеке мелькали красные дюны — предвестницы пустыни. Зеленый пояс восточного рукава канала не был виден, его скрывал горизонт.

Водитель и без просьбы включил радио. Машину наполнила музыка, заглушив монотонный шум турбины. Это была земная классическая музыка, написанная в прошлом веке композитором Сибелиусом. Марсианские колонисты не успели еще создать собственное искусство, и культуру приходилось брать взаймы. Впрочем, ни Джим, ни Фрэнк не знали, чья это музыка, и это их не беспокоило. Берега канала снова ушли вверх, и ничего не стало видно, кроме ровной ленты льда. Мальчики откинулись на спинки кресел и погрузились в грезы.

Виллис шевельнулся в первый раз с тех пор, как его коснулся утренний холод. Он выставил глазные отростки, огляделся и начал отбивать ими такт.

Музыка умолкла, и диктор сказал:

— Говорит станция Ди-эм-эс, Марсианская компания, Деймос, орбита Марса. Сегодня мы передаем из Малого Сырта программу, представляющую общественный интерес. Доктор Грейвз Армбрастер расскажет об экологических аспектах экспериментального искусственного симбиоза...

Водитель поскорее выключил радио.

— Я бы послушал,— недовольно сказал Джим.— Это что-то интересное.

— Да ладно прикидываться,— сказал Фрэнк.— Ты и слов-то этих не знаешь.

— Черта с два. Это значит...

— Заткнись, давай поспим лучше.— С этими словами Фрэнк откинулся в кресле и закрыл глаза.

Но поспать ему не пришлось. Виллис, очевидно, переработал у себя в уме, что бы там его ни заменяло, услышанную им передачу и теперь начал трансляцию, не упустив ничего, даже деревянных духовых.

Водитель в изумлении оглянулся и что-то сказал, но за Виллисом его не было слышно. Виллис исполнил все до конца, включая и прерванное объявление. Водитель наконец прорвался:

— Эй, ребята! Что у вас там, магнитофон, что ли?

— Нет, попрыгунчик.

— Чего-чего?

Джим поднял Виллиса и показал его водителю.

— Попрыгунчик. Его зовут Виллис.

Водитель выпучил глаза.

— Это что, и есть магнитофон?

— Нет, это попрыгунчик. Я же говорю, его зовут Виллис.

— Это надо посмотреть,— сказал водитель. Он переключил что-то на панели управления, встал и просунул голову и плечи к ним под колпак.

— Эй! — сказал Фрэнк.— Мы же так разобъемся.

— Спокойно,— сказал водитель.— Я включил автоматический эхолот — теперь еще миль двести будут высокие берега. Ну-ка, что за зверюшка? Когда ты с ним садился в машину, я подумал, это волейбольный мяч.

— Нет, это Виллис. Поздоровайся с дядей, Виллис.

— Здравствуй, дядя,— тут же с готовностью откликнулся Виллис.

Водитель почесал в затылке.

— Я такого и в Кеокуке не видал. Он вроде попугая, что ли?

— Он попрыгунчик. У него есть и научное название, но оно значит просто «марсианин круглоголовый». Вы их никогда разве не видели?

— Нет. Я тебе скажу, парень, это самая свихнутая планета во всей системе.

— Если вам здесь не нравится,— сказал Джим,— почему бы вам не вернуться туда, откуда пришли?

— Не дерзи, юноша. Сколько возьмешь за зверюшку? У меня насчет него одна идея появилась.

— Виллиса продать? Вы что, с ума сошли?

— Иногда мне кажется, что да. Ладно, это я так.

Водитель вернулся на место, но не утерпел и оглянулся на Виллиса.

Мальчики вытащили из сумок сандвичи и принялись жевать. Предложение Фрэнка соснуть было одобрено. Они спали, пока скутер не начал замедлять ход. Джим сел, поморгал и спросил:

— Это что?

— Станция Киния,— ответил водитель.— Простоим тут до заката.

— Что, лед не держит?

— Пока держит, но кто его знает. Температура поднимается, и я не собираюсь рисковать.

Скутер плавно затормозил, вполз на низкие мостки и остановился окончательно.

— Все на выход! — скомандовал водитель.— Чтобы к закату были на местах, не то останетесь.— Он вышел, мальчики за ним.

Станция Киния находилась в трех милях к западу от древнего города Киния, в месте, где западный Стримон впадает в канал

Оэроэ. При станции был буфет, комната для ночлега и несколько сборных складов. На востоке мерцали в небе пернатые башни Кинии, казалось, что они колеблются в воздухе, слишком прекрасные, чтобы быть настоящими.

Водитель прошел в здание станции. Джиму хотелось побродить по городу, а Фрэнк предлагал сначала зайти в буфет. Победил Фрэнк. Мальчики вошли и осмотрительно поместили часть своих скромных капиталов в кофе и какой-то невыразительный суп. Водитель оторвался от обеда и сказал:

— Эй, Джордж! Видал когда-нибудь такое?

Он показал на Виллиса.

Джордж был буфетчиком, а также кассиром, портье, начальником станции и агентом Компании.

— Видал,— сказал он.

— Да ну? Где? А я смогу такого поймать?

— Сомневаюсь. Они иногда бегают около марсиан, только их мало.— И Джордж вернулся к чтению «Нью-Йорк таймс» двухлетней давности.

Мальчики поели, заплатили по счету и собрались выйти. Агент-буфетчик задержал их.

— Стойте-ка. Вы куда направляетесь?

— В Малый Сырт.

— Я не о том. Вот сейчас вы куда собрались? Пошли бы лучше в спальню, может, вздремнули бы.

— Мы хотели погулять тут,— объяснил Джим.

— Ладно. Только в город не ходите.

— Почему?

— Компания не позволяет, вот почему. Только по разрешениям. Так что держитесь от города подальше.

— А как получить разрешение? — настаивал Джим.

— А никак. Киния пока еще не открыта для эксплуатации.— Он вернулся к газете.

Джим хотел возразить, но Фрэнк дернул его за рукав, и они вышли. Джим сказал:

— По-моему, это не его дело указывать нам, можно ходить в Кинию или нет.

— Какая разница? Он-то считает, что это его дело.

— Ну и что теперь?

— Пойдем в Кинию, конечно. Не спросившись у его милости.

— А если он нас поймает?

— Где там. Разве он поднимется с нагретого стула. Пошли.

— Ладно.

И они пошли на восток. Идти было нелегко: никакой дороги не было, а растительность, окаймляющая канал, распустилась особенно пышно под лучами полуденного солнца. Но слабое притяжение Марса облегчает ходьбу, даже когда продираешься сквозь заросли. Вскоре мальчики вышли на берег Оэроэ и повернули направо, к городу.

Идти по берегу, мощенному камнем, стало легко. Воздух был теплым и ароматным, хотя на канале еще не стаял лед. Солнце стояло высоко: теперь они были почти на тысячу миль ближе к экватору, чем утром.

— Тепло,— сказал Виллис.— Виллис хочет гулять.

— Ладно,— сказал Джим,— только не провались никуда.

— Виллис не провались.

Джим спустил его на землю, и мячик пошел вдоль берега то вприпрыжку, то кубарем, то и дело ныряя в буйные заросли, как щенок, исследующий новую территорию.

Они прошли уже с милю — городские башни в небе стали выше — и тут встретили марсианина. Он был невысок для представителя своей расы — всего около двенадцати футов ростом — и стоял совершенно неподвижно, опустив все три ноги, очевидно, уйдя глубоко в себя. Глаз, не мигая, смотрел в окружающий мир.

Джим и Фрэнк давно привыкли к марсианам и поняли, что этот ушел в «иной мир». Они замолчали и прошли мимо, стараясь не задеть его ноги.

Виллис поступил иначе. Он стал шмыгать в ногах у марсианина, тереться о них, а потом пару раз жалобно каркнул.

Марсианин зашевелился, посмотрел по сторонам, потом вдруг нагнулся и поднял Виллиса.

— Эй! — завопил Джим.— А ну, положи его!

Ответа не было.

Джим торопливо стал просить Фрэнка:

— Скажи ему, Фрэнк. Меня он никогда не поймет. Пожалуйста!

Джим плохо понимал язык марсиан, а говорил на нем еще хуже. У Фрэнка получалось немного лучше, но только в сравнении. Люди, говоря по-марсиански, жалуются, что от этого болит горло.

— А что ему сказать?

— Скажи, чтобы положил Виллиса!

— Ты не волнуйся. Марсиане никому зла не делают.

— Вот и скажи — пусть отдаст Виллиса.

— Попробую.

Фрэнк скривил рот и приступил к делу. Произношение, и без того плохое, искажалось вдобавок маской и волнением. Все же Фрэнк с грехом пополам прокудахтал и прокаркал фразу, которая как будто передавала смысл просьбы Джима. Ответа он не получил. Фрэнк попробовал еще раз, прибегнув теперь к другой идиоме,— с тем же успехом.

— Бесполезно, Джим,— сознался он.— То ли он не понимает, то ли не желает понимать.

— Виллис! — закричал Джим.— Эй, Виллис! Ты как там?

— Виллис хорошо!

— Прыгай! Я тебя поймаю.

— Виллис хорошо.

Марсианин поводил головой по сторонам и, кажется, наконец приметил Джима. Виллиса он держал в одной руке; две другие руки вдруг поползли вниз и поймали Джима — одна ладонь подхватила его сзади, другая придерживала за живот.

Джим почувствовал, что отрывается от земли, и очутился прямо перед большим влажным глазом марсианина. Марсианин покачивал головой, чтобы как следует рассмотреть Джима обоими глазами.

Впервые Джим был так близко к марсианину — и не слишком этому радовался. Он попробовал вывернуться, но марсианин, такой хрупкий с виду, был сильнее его.

Марсианин что-то прогудел, голос шел у него с макушки. Джим не понял, что он сказал, заметил только символ вопроса в начале предложения, но голос произвел на него странное дей-

ствие. В этом режущем ухо карканье было столько тепла и дружелюбия, что Джим перестал бояться. Марсианин стал казаться ему старым и близким другом.

Марсианин повторил вопрос.

— Что он сказал, Фрэнк?

— Не уловил. Что-то приятное, но понять не могу.

Марсианин снова заговорил. Фрэнк вслушался и произнес:

— Кажется, он приглашает тебя пойти с ним.

Джим колебался лишь долю секунды.

— Скажи, я согласен.

— Джим, ты в своем уме?

— Все нормально. Он ничего плохого не замышляет, я уверен.

— Ну ладно.— И Фрэнк прокаркал утвердительный ответ.

Марсианин втянул одну ногу и быстро зашагал к городу. Фрэнк трусил следом, изо всех сил стараясь не отставать, но марсианин шел слишком быстро. Фрэнк задохнулся, остановился и глухо закричал в маску:

— Подождите меня!

Джим попытался построить фразу с просьбой остановиться, понял, что не сможет, потом его осенило:

— Виллис, а, Виллис. Скажи ему, пусть подождет Фрэнка.

— Подождать Фрэнк? — протянул Виллис.

— Да. Подождать Фрэнк.

— Ладно.

Виллис угукнул что-то их новому другу, марсианин остановился и опустил третью ногу. Фрэнк, отдуваясь, догнал их. Марсианин оторвал одну руку от Джима и подхватил Фрэнка.

— Эй! — запротестовал Фрэнк.— Ты это брось!

— Спокойствие,— сказал Джим.

— Да не хочу я, чтобы меня несли.

Марсианин снова тронулся в путь. Теперь, с такой ношей, он шел на трех ногах, причем в землю упирались обязательно две ноги разом. Аллюр был тряским, но на удивление быстрым.

— Как ты думаешь, куда он нас несет? — спросил Джим.

— Наверное, в город. Как бы не опоздать на скутер.

— У нас есть еще несколько часов в запасе, так что не дергайся.

Марсианин больше ничего не говорил, а все шагал и шагал к городу. Виллис, похоже, был на седьмом небе, и Джиму тоже начала нравиться поездка. Путешествуя в десяти футах над землей, он мог теперь видеть над верхушками растений радужные башни Кинии. Они были не такие, как башни Харакса, марсианские города не бывают похожи друг на друга. Все они словно произведения искусства, отражающие замысел разных художников.

Джиму любопытно было знать, зачем построены эти башни, на что они нужны и сколько лет они стоят.

Вокруг них расстилался растительный пояс канала, марсианин шел в этом темно-зеленом море. Широкие листья раскрылись навстречу солнцу, жадно ловя живительную энергию лучей. Пропуская марсианина, они сворачивались, потом распускались снова.

Башни стали гораздо ближе. Марсианин внезапно остановился и спустил мальчиков вниз, оставив себе Виллиса. Перед ними, почти скрытый нависшей растительностью, был пологий спуск под землю, в туннель.

— Ну что, Фрэнк? — спросил Джим, заглянув туда.

— Ох, не знаю.— Мальчикам и раньше приходилось бывать в городах Хараксе и Копаисе, но они посещали только заброшенные и наземные кварталы.

Впрочем, долго раздумывать им не пришлось: их проводник быстрым шагом начал спускаться вниз.

Джим побежал за ним с криком:

— Эй, Виллис!

Марсианин остановился и обменялся с Виллисом парой слов. Попрыгунчик крикнул в ответ:

— Джим подожди.

— Скажи, чтобы он тебя отпустил.

— Виллис хорошо. Джим подожди.

Марсианин снова рванул вперед так, что Джиму было за ним не угнаться. Расстроившись, он вышел наверх и уселся на краю ската.

— Что теперь будешь делать? — спросил Фрэнк.

— Ждать, что же еще. А ты?

— Я как ты. Только я на скутер опаздывать не собираюсь.

— Да я тоже не собираюсь. Все равно после заката мы не сможем тут оставаться.

Стремительное понижение температуры на заходе солнца меняет на Марсе почти всю погоду, и для землянина это смерть, если он недостаточно тепло одет и не находится все время в движении.

Мальчики сидели, ждали и смотрели на шмыгающих мимо них жуков-вертунов. Один задержался у колена Джима — трехногая козявка не больше дюйма ростом.

Похоже было, что он изучает новый объект. Джим тронул его пальцем, жучок растопырил ножки и вихрем умчался прочь. Быть настороже не было необходимости: водоискалки не подходят близко к марсианским поселениям. Оставалось только ждать.

Примерно через полчаса вернулся их марсианин — по крайней мере марсианин такого же роста. Виллиса с ним не было, и у Джима вытянулось лицо. Марсианин пригласил их следовать за ним, поставив в начале фразы символ вопроса.

— Ну как, идем? — спросил Фрэнк.

— Идем. Скажи ему.

Фрэнк перевел, и все трое стали спускаться вниз. Марсианин положил свои большие ладони мальчикам на плечи и так вел их, потом остановился и взял их на руки. На этот раз возражений не было.

В туннеле было светло как днем, хотя они и спустились на несколько сот ярдов под землю. Дневной свет шел отовсюду, но главным образом с потолка. Туннель по человеческим меркам был высоким, по марсианским — в самый раз. Им встречались другие марсиане. Тех, кто шевелился, их знакомый приветствовал, а застывших в характерной позе транса обходил молча.

Однажды он перешагнул через шар футов трех в диаметре. Джим сначала не понял, что это такое, потом сообразил и был поражен. Вывернув шею, он оглянулся. Не может быть — и все же это так!

Он наблюдал то, что не часто доводится видеть человеку и что ни один человек не стремится увидеть. Это был марсианин, свернувшийся в шар. Ладони закрывали все, кроме круглой спины. Марсиане — современные, цивилизованные марсиане — не впадают в зимнюю спячку, но их предкам в какую-то отдаленную

эпоху это, должно быть, было свойственно: любой марсианин устроен так, что при желании способен принять вот такую позу, сохраняющую тепло и влажность тела.

Но такое желание приходит не часто.

Для марсианина такая поза означает то же, что для землянина вызов на дуэль. Он прибегает к ней только тогда, когда оскорблен до глубины души. Поза гласит: я отрекаюсь от вас, я ухожу из вашего мира, я отрицаю ваше существование.

Земляне-пионеры, прибывшие на Марс, не понимали этого и по незнанию местных обычаев часто оскорбляли чувства марсиан. Это на много лет задержало колонизацию Марса человеком. Самые искусные дипломаты и семантологи Земли с трудом смогли исправить вред, нанесенный по недомыслию. Джим смотрел, не веря своим глазам, на удалившегося от мира марсианина и думал: что же могло заставить его поступить так по отношению ко всему городу. Джиму вспомнилась одна страшная история, которую рассказывал доктор Макрей. Это случилось во время второй экспедиции на Марс.

— ...И тут этот дурак набитый,— говорил доктор,— он был лейтенантом медицинской службы, как ни стыдно в этом сознаться, этот идиот хватает беднягу за руки и пытается развернуть его. Вот тогда это и случилось.

— Что случилось? — спросил Джим.

— Он исчез.

— Марсианин?

— Нет, военный врач.

— Как это исчез?

— Ты меня не спрашивай, меня там не было. Свидетели, их было четверо, показали под присягой, что он там был, а потом его не стало. Будто наткнулся на буджума.

— Что за буджум?

— Экая необразованная молодежь пошла!

— Но каким образом он исчез?

— Не спрашивай. Назови это массовым гипнозом, если тебе от этого легче. Мне, например, легче, но ненамного. Все, что я могу сказать, это что семь восьмых айсберга скрыты от нас.

Джим никогда не видел айсберг, и ассоциация ничего ему не говорила. И ему отнюдь не стало легче, когда он увидел свернувшегося марсианина.

— Ты видел? — спросил Фрэнк.

— Лучше б я этого не видел. Интересно, с чего это он?

— Может, он баллотировался в мэры и не прошел.

— Тут не над чем смеяться. Может, он... ш-ш!

Они приближались к другому марсианину, неподвижному, и вежливость обязывала хранить молчание.

Марсианин, который их нес, повернул налево, вошел в холл и поставил мальчиков на пол. Зал показался им огромным, но марсиане, должно быть, считали его как раз подходящим для небольшой вечеринки. Множество рамок, которыми марсиане пользуются вместо стульев, были составлены в круг. Зал тоже был круглым, с куполом вверху. Кажется, что находишься под открытым небом: на куполе был изображен марсианский небосвод, голубой на горизонте, выше переходящий в глубокую синеву, потом в пурпур, а в высшей точке купола пурпурно-черный с проглядывающими звездами. Миниатюрное солнце, совсем как настоящее, висело к западу от небесного меридиана. Благодаря хитрому устройству горизонт казался отдаленным. По северной стене протекал Оэроэ.

— Ух ты! — только и мог сказать Фрэнк, а Джима и на это не хватило.

Марсианин поставил их как раз около рамок, но мальчики не собирались на них садиться: на приставной лестнице сидеть и то удобнее. Марсианин посмотрел на них и на рамки большими печальными глазами и вышел. Вскоре он вернулся в сопровождении еще двоих, все трое несли в руках охапки разноцветных тканей, которые сложили посреди комнаты. Первый марсианин взял Джима и Фрэнка и осторожно опустил их в эту груду.

— По-моему, он предлагает нам присесть,— заметил Джим.

Материал оказался не тканью, а полотнищем вроде паутины, почти таким же мягким, но гораздо прочнее. Полотнища были окрашены во все цвета радуги, от пастельно-голубого до глубокого густо-красного цвета. Мальчики растянулись на них и ждали, что будет дальше.

Их знакомый устроился в одной из рамок, двое других последовали его примеру. Все они молчали, а мальчики были не какие-нибудь туристы, чтобы торопить их. Вскоре Джиму пришла в голову одна мысль. Чтобы проверить ее, он осторожно приподнял маску.

Фрэнк рявкнул:

— Ты чего это? Задохнуться захотел?

Джим поднял маску.

— Порядок. Давление в норме.

— Быть не может. Мы же не проходили через шлюз.

— Ну как хочешь.

Видя, что Джим не синеет, не задыхается, и лицо у него не отекает, Фрэнк тоже отважился попробовать. Оказалось, что дышать можно. Правда, давление было ниже того, к которому он привык дома (жителю Земли показалось бы, что он попал в стратосферу), но для человека в состоянии покоя оно было достаточным.

Пришли еще несколько марсиан и неторопливо расположились в рамках. Помолчав, Фрэнк сказал:

— Знаешь, что тут происходит, Джим?

— Кажется, да.

— Чего там «кажется». Это растительные посиделки.

«Растительные посиделки» — это неточный перевод марсианской идиомы, обозначающей наиболее распространенную форму общения марсиан — попросту говоря, когда все сидят и молчат. Подобным же образом игру на скрипке можно описать, как вождение конским волосом по высушенным кошачьим кишкам.

— Похоже на то,— согласился Джим.— И нам лучше заткнуться.

— Само собой.

Молчание было долгим. Джим отвлекся и стал думать о школе, о том, что ждет его там, о своих близких, о прошлом. Потом вернулся к своему душевному состоянию и понял, что давно уже не был так счастлив — без всяких видимых на то причин. Это было тихое счастье: ему не хотелось смеяться, даже улыбаться не хотелось, просто он испытывал полный покой и довольство.

Джим остро ощутил присутствие марсиан, каждого марсианина в отдельности, и это ощущение с каждой минутой станови-

лось все сильнее. Он никогда раньше не замечал, как они красивы. У колонистов была поговорка «страшный, как туземец», и Джим с удивлением припомнил, что и сам ею пользовался. Сейчас он не понимал, как мог говорить это.

Он чувствовал Фрэнка рядом с собой и думал о том, как его любит. Преданный друг — вот имя для Фрэнка, вот человек, на которого можно опереться. Странно, почему он никогда не говорил Фрэнку, как он ему дорог?

Немного не хватало Виллиса, но Джим не беспокоился о нем. Такое общение не в духе Виллиса, ему подавай что-нибудь шумное, бурное и не столь изысканное. Джим перестал думать о Виллисе, лег поудобнее и стал впитывать радость бытия. Его приводило в восторг то, что по воле художника, украшавшего зал, миниатюрное солнце движется по небу, как настоящее. Джим следил за тем, как оно склоняется к западу и начинает закатываться за нарисованный горизонт.

Рядом с ним послышалось тихое гудение, слов он не разобрал. Другой марсианин ответил. Один из хозяев встал, раскладываясь, со своего сиденья и иноходью вышел из комнаты.

Фрэнк сел и сказал:

— Кажется, мне снился сон.

— Ты разве спал? — спросил Джим.— А я нет.

— Как же, как же. Храпел, как доктор Макрей.

— Да я даже не засыпал.

— Рассказывай.

Марсианин, который выходил, вернулся. Джим был уверен, что это тот самый, теперь он стал различать их. В руках у марсианина была чаша. Фрэнк вытаращил глаза.

— Они что, собираются поднести нам воду?

— Похоже на то,— с трепетом ответил Джим.

— Лучше, чтобы это осталось между нами,— покачал головой Фрэнк,— все равно никто не поверит.

— Ты прав.

Церемония началась. Марсианин с чашей назвал свое имя, поднес край чаши к губам и передал другому. Тот также произнес свое имя, пригубил чашу, и она пошла дальше по кругу. Оказалось, что марсианина, который их привел, зовут Гекко,— Джим

подумал, что имя красивое и подходит ему. Наконец чаша дошла до Джима, сосед протянул ее с пожеланием:

— Да не придется тебе никогда страдать от жажды.

Джим легко понял смысл.

Все хором подхватили:

— Да будешь ты пить вволю, когда только пожелаешь!

Джим принял чашу, и ему вспомнились слова доктора, будто у марсиан нет ничего такого, что может привлечь человека.

— Джим Марло! — произнес он, поднес чашу к губам и отпил. Передавая чашу, он призвал на помощь все свое знание языка, сосредоточился на произношении и сумел сказать: — Да не будет у тебя никогда недостатка в чистой воде!

Марсиане одобрительно загудели, и у Джима стало тепло на душе. Марсианин протянул чашу Фрэнку.

По завершении церемонии собрание приняло шумный, почти человеческий характер. Джим тщетно пытался вникнуть в то, что говорит ему марсианин почти втрое выше его, когда Фрэнк сказал:

— Джим, взглянии-ка на солнце! Мы опаздываем на скутер.

— Да это же не настоящее солнце, а игрушечное.

— Нет, оно соответствует настоящему. Мои часы говорят то же самое.

— Ах ты, батюшки! Где Виллис? Гекко, где Гекко?

Гекко, услышав свое имя, подошел и вопросительно щелкнул. Джим напрягся и стал излагать просьбу, запутался в синтаксисе, неправильно употребил повелительный символ и совсем потерял произношение. Фрэнк отпихнул его и стал говорить сам, потом сказал Джиму:

— Они доставят нас обратно до заката, но Виллис останется здесь.

— Как? Они не сделают этого!

— Он так сказал.

Джим подумал.

— Пусть Виллиса принесут сюда, и мы спросим у него.

Гекко охотно согласился. Виллиса принесли и положили на пол. Он подкатился к Джиму и сказал:

— Приветик, Джим! Приветик, Фрэнк!

— Виллис,— серьезно сказал Джим,— Джим уходит. Виллис пойдет с Джимом?

Виллис пришел в замешательство.

— Остаться здесь. Джим остаться здесь. Виллис остаться здесь. Хорошо.

— Виллис,— свирепо сказал Джим,— Джиму надо уходить. Виллис пойдет с Джимом?

— Джим уходит?

— Джим уходит.

Было похоже, что Виллис пожал плечами.

— Виллис идет с Джим,— грустно сказал он.

— Скажи это Гекко.

Виллис послушался. Марсианин как будто удивился, но больше не спорил. Он взял на руки мальчиков и Виллиса и пошел к двери. Марсианин повыше его ростом (Джим вспомнил, что его зовут Г'куро) взял у Гекко Фрэнка и пошел следом. Во время подъема по туннелю Джим почувствовал, что надо надеть маску. Фрэнк тоже надел свою.

Марсианин-отшельник все еще загораживал проход, и носильщики перешагнули через него без всяких комментариев.

Когда они вышли на поверхность, солнце стояло очень низко над горизонтом. Хотя марсианина ничто не заставит спешить, ходят они очень быстро. Длинноногая парочка мигом одолела три мили до станции Киния. Солнце коснулось горизонта, и начало холодать, когда мальчиков с Виллисом доставили на причал. Марсиане сразу же повернули обратно, спеша в свой теплый город.

— До свиданья, Гекко! — прокричал Джим.— До свиданья, Г'куро!

Водитель и начальник станции стояли на причале: водитель явно собрался в дорогу и не мог найти своих пассажиров.

— Это еще что? — сказал начальник станции.

— Мы готовы,— сказал Джим.

— Вижу,— сказал водитель. Поглядев на удаляющиеся фигуры, он моргнул и повернулся к агенту: — Зря мы налегали на это дело, Джордж. Мне уже мерещится. Ну, по местам.

Мальчики забрались под колпак. Скутер сполз по мосткам на лед, повернул влево на канал Оэроэ и стал набирать скорость.

Солнце закатилось, окрестности еще освещал короткий марсианский закат. Растения по берегам канала сворачивались на ночь. Через несколько минут местность, еще полчаса назад покрытая пышной растительностью, стала голой, как настоящая пустыня.

Показались яркие, сверкающие звезды. Над горизонтом висел бледный полог зари. На западе загорелся крохотный ровный огонек, идущий против движения звезд.

— Фобос,— сказал Фрэнк.— Смотри!

— Вижу,— ответил Джим.— Холодно, давай укроемся.

— Давай. А я есть хочу.

— У меня еще осталась пара сандвичей.

Ребята съели по одному, спустились в нижнее отделение и залезли в койки. Тем временем скутер миновал город Гесперид и повернул на запад-северо-запад по каналу Эримант, но Джим этого не знал: ему снилось, что они с Виллисом поют дуэтом перед изумленными марсианами.

— Выходите! Конечная остановка! — расталкивал их водитель.

— А?

— Вставай, приятель. Приехали в Малый Сырт.

4. АКАДЕМИЯ ИМЕНИ ЛОУЭЛЛА

«Дорогие мама и папа!

Я не позвонил вам в среду вечером потому что мы приехали только утром в четверг. Когда я хотел позвонить в четверг оператор сказал что связи с Южной колонией нет и что я смогу соединиться с вами через Деймос только дня через три а письмо дойдет быстрее и я сэкономлю вам четыре с половиной кредитки за переговоры. Потом я спохватился что не отправил вам письмо сразу и вы получите его не раньше чем если бы я позвонил но вы может быть не знаете какая в школе нагрузка и сколько от нас требуют и мать Фрэнка наверно сказала вам что мы нормально добрались и я все-таки сэкономил вам четыре с половиной кредитки потому что не позвонил.

Я прямо слышу как Филлис говорит что это я намекаю чтобы сэкономленные деньги потратили на меня но я бы никогда

себе этого не позволил и потом у меня еще осталось немного денег которые вы мне дали и часть подарочных на день рождения и если расходовать осмотрительно то мне их хватит до вашей миграции хотя здесь все дороже чем дома. Фрэнк говорит что в туристских центрах всегда взвинчивают цены но пока никаких туристов здесь нет и они появятся только когда придет "Альберт Эйнштейн" на той неделе. И если даже вы со мной поделитесь вам все-таки останутся две с четвертью кредитки.

В среду мы не доехали потому что водитель сомневался выдержит ли лед и мы стояли на станции Киния и мы с Фрэнком болтались вокруг и убивали время до заката.

Нам с Фрэнком разрешили жить вместе и у нас шикарная комната. Она рассчитана только на одного и у нас только один стол но мы в основном проходим те же самые предметы и можем вместе пользоваться проектором. Я диктую это письмо на наш учебный магнитофон потому что сегодня очередь Фрэнка дежурить на кухне а мне осталось выучить только немного по истории и я лучше подожду Фрэнка и буду учить вместе с ним. Профессор Штойбен говорит что не знает куда денут еще школьников если их примут на крючки повесят что ли но это он просто шутит. Он все время шутит и все его любят и всем будет жалко когда он улетит на "Альберте Эйнштейне" а у нас будет новый директор.

Ну вот и все только что пришел Фрэнк и нам надо работать потому что у нас завтра контрольный опрос по истории системы.

Ваш любящий сын
Джеймс Мэдисон Марло-младший.

P.S. Фрэнк мне сказал что он тоже не писал своим и просит может быть вы позвоните его маме и скажете ей что у него все хорошо и пусть она пожалуйста сразу вышлет ему камеру он ее забыл.

P.P. S. Виллис шлет всем привет.

P.P.P.S. Скажите Филлис что девчонки здесь красят волосы полосками. По-моему выглядит очень глупо.

Джим».

Если бы профессор Отто Штойбен, магистр гуманитарных наук и доктор права, не ушел на пенсию, жизнь Джима в академии Лоуэлла сложилась бы совсем по-другому. Но профессор ушел-таки на пенсию и вернулся в долину Сан-Фернандо на вполне заслуженный отдых. Вся школа отправилась в Марсопорт провожать его. Он пожал всем руки, всплакнул и поручил их заботам Маркиза Хоу, недавно прибывшего с Земли и теперь занявшего директорский пост.

Джим и Фрэнк, вернувшись из космопорта, увидели, что пришедшие раньше их толпятся у доски объявлений. Они влились в толпу и прочли бумагу, из-за которой собрался народ:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Всем учащимся предписывается постоянно содержать себя и свое жилище в чистоте и опрятности. Практика проверки чистоты старостами себя не оправдала, поэтому директор будет лично заниматься проверкой, которая будет проводиться еженедельно. Первая проверка назначается на 7-е цереры, субботу, на 10 часов 30 минут.

М. Хоу, директор.

— Прямо слов нет! — взорвался Фрэнк.— Что скажешь, Джим?

— Скажу, что сегодня шестое цереры,— мрачно ответил Джим.

— Да, но сама идея! Он что, думает, у нас исправительная колония? — Фрэнк обратился к старшекласснику, который был старостой их коридора: — А ты что скажешь, Андерсон?

— Прямо не знаю. По мне, у нас и раньше все было нормально.

— Ну и что ты собираешься делать?

— Я-то? — молодой человек немного подумал.— Мне остался всего один семестр до аттестата, и я отсюда ухожу. Буду сидеть и помалкивать в тряпочку, авось как-нибудь.

— Да, тебе хорошо, а у меня еще целых двенадцать семестров впереди. Что я, преступник, что ли?

— Это твоя проблема, парень,— и старшеклассник отошел.

Одного мальчика объявление, похоже, не волновало, это был Герберт Бичер, сын генерального резидента Компании, новичок и на Марсе, и в школе. Кто-то заметил его ухмылку и спросил:

— А ты, турист, чего нос задираешь? Ты об этом заранее знал?

— Конечно, знал.

— Небось, сам и придумал.

— Нет. Но мой старик говорит, что вы, ребята, уж больно распустились. Старик говорит, что Штуби был слишком мягкотелым, чтобы держать в школе хоть какую-то дисциплину. Старик говорит...

— Никому не интересно, что говорит твой старик. Кончай волынку!

— Ты не должен так говорить о моем старике. Я...

— Кончай, я сказал!

Молодой Бичер посмотрел на своего оппонента — рыжего паренька по фамилии Келли, понял, что тот не шутит, и стушевался.

— Хорошо ему ухмыляться,— с горечью сказал Келли,— он живет в резиденции своего старика. Пострадают только те, кому приходится жить при школе. Форменная дискриминация, вот это что!

Около трети учеников были приходящими — в основном сыновья служащих Компании, живущих в Малом Сырте. Еще одну треть составляли дети мигрирующих колонистов, а прослойкой между двумя группами были дети служащих с отдаленных постов, особенно тех, кто работал над атмосферным проектом. Большинство из них были боливийцы и тибетцы, было и немного эскимосов.

Келли обратился к одному из них:

— Ну что, Чен? Неужели мы это проглотим?

Широкое азиатское лицо Чена ничего не выражало.

— Не стоит из-за этого волноваться,— он повернулся и хотел уйти.

— Ты, значит, не будешь бороться за свои права?

— Это все преходяще.

Джим и Фрэнк вернулись к себе, не прекращая обсуждать новости.

— Фрэнк,— спросил Джим,— что за этим кроется? Как ты думаешь, у девочек в школе то же самое творится?

— Могу позвонить Долорес Монтес и узнать.

— М-м-м... ладно, не беспокойся. Это в конце концов не важно. Вопрос в том, что нам делать?

— А что мы можем сделать?

— Не знаю. Жаль, что нельзя спросить у отца. Он мне всегда говорил, что надо бороться за свои права,— но в этом случае он бы, возможно, посчитал, что ничего особенного тут нет. Не знаю.

— Слушай,— предложил Фрэнк,— а почему бы в самом деле не посоветоваться с отцами?

— Ты предлагаешь позвонить им прямо сегодня? А связь есть?

— Нет, звонить не будем, это слишком дорого. Подождем миграции, когда они заедут к нам, теперь уж недолго осталось. Если мы собираемся поднимать бучу, то надо, чтобы нас поддержали родители, одни мы ничего не добьемся. А пока будем помалкивать и делать, что нам говорят. Может, ничего страшного и не случится.

— Вот теперь ты здраво рассуждаешь,— Джим встал.— Может, приберем все же этот свинарник?

— Давай. Слушай, Джим, я кое-что вспомнил. Как фамилия председателя Компании? Не Хоу?

— Джон У. Хоу,— подтвердил Джим.— А что?

— Директор тоже Хоу.

— А-а! Ну это ничего не значит. Хоу — очень распространенная фамилия.

— А я тебе говорю, очень даже значит. Доктор Макрей говорит, что без влиятельных родственников теплое местечко в Компании не получишь. Док говорит, что Компания — это одна большая дружная семья, а слова о том, что это независимая корпорация,— самая смешная острота с тех пор, как изобрели женщин.

— Н-ну, не знаю. Куда девать этот хлам?

Наутро за завтраком всем раздали листки с перечнем требований, которым должны соответствовать комнаты, и всю вчерашнюю работу пришлось переделывать заново. Поскольку инструкцией директора Хоу не предусматривалось, что в комнате на одного будут жить двое, это было нелегким делом, и они не успели до десяти. Впрочем, директор дошел до них только через два часа.

Он просунул голову в дверь и уже хотел было уйти, но передумал и вошел. Он указал на скафандры, висевшие на крючках рядом с гардеробом.

— Почему вы не убрали эту варварскую роспись со своих масок?

Мальчики не могли понять, о чем речь, и Хоу спросил:

— Вы не читали утром объявления на доске?

— Нет, сэр.

— Так прочтите. Вы обязаны знать все, что вывешивается на доске. Дневальный! — крикнул он в дверь.

На пороге появился старшеклассник.

— Да, сэр.

— Эти двое лишаются воскресных привилегий, пока не будут соответствовать требованиям. Пять штрафных баллов каждому.— Хоу посмотрел вокруг.— Комната невероятно захламлена и неопрятна. Почему вы не придерживаетесь предписанной схемы?

Джим не мог выдавить из себя ни слова, потрясенный явной несправедливостью вопроса, и наконец пробормотал:

— Эта комната рассчитана на одного человека. Мы сделали все, что могли.

— Меня не интересуют оправдания. Если у вас нет места, чтобы держать вещи в порядке, избавьтесь от лишних вещей,— тут его взгляд упал на Виллиса, который при виде посторонних убрался в уголок и спрятал все свои надстройки. Хоу указал на него.— Спортивное снаряжение следует хранить на шкафах или оставлять в спортзале. Недопустимо бросать его по углам.

Джим открыл было рот, но Фрэнк лягнул его в голень. Хоу, следуя к двери, продолжал:

— Я понимаю, молодые люди, что вы воспитывались вдали от цивилизации и не имели случая приобрести приличные манеры, но я сделаю все, чтобы исправить это. Я хочу, чтобы эта школа выпускала, помимо всего прочего, цивилизованных молодых джентльменов.— Хоу остановился на пороге и добавил: — Когда очистите маски, зайдите ко мне в кабинет.

Когда Хоу отошел на достаточное расстояние, Джим спросил:

— Ты зачем меня лягнул?

— Идиот ты этакий, он же подумал, что Виллис — это мяч.

— Я знаю, потому и хотел его поправить.

— Тебе что, еще мало? — процедил Фрэнк.— Хочешь держать при себе Виллиса, а Хоу, поди, уже выдумал правило, которое это запрещает.

— Ну нет, не может быть!

— С него станется. Я начинаю понимать, что Штуби не давал нашему другу Хоу проявлять свои таланты в полной мере. Слушай, а что такое «штрафные баллы»?

— Не знаю, но думаю, ничего хорошего.— Джим снял с крючка маску и посмотрел на веселые тигровые полоски.— Знаешь, Фрэнк, мне что-то не хочется становиться «цивилизованным юным джентльменом».

— Присоединяюсь.

Прежде чем браться за маски, друзья решили взглянуть на объявление, нет ли там еще какого подвоха. Они пошли в вестибюль и прочли на доске:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

1. Воспрещается раскрашивание респираторных масок так называемыми опознавательными узорами. Маски должны быть однотонными. Каждый ученик обязан написать на груди и на спине своего скафандра свою фамилию буквами вышиной в один дюйм.

2. Ученикам предписывается носить рубашки и обувь (ботинки или тапочки) повсюду, кроме своей комнаты.

3. Содержание домашних животных воспрещается. В отдельных случаях, если животные представляют научный интерес, может быть рассмотрен вопрос о содержании их в биологической лаборатории.

4. Воспрещается хранить в комнатах продукты. Учащиеся, получающие продуктовые посылки от родителей, должны сдавать их сестре-хозяйке и брать продукты в разумных количествах после каждого приема пищи, кроме субботнего завтрака. На чаепития в свободное время по случаю дня рождения и т. п. следует получить особое разрешение.

5. Ученики, лишенные воскресных привилегий за нарушения дисциплины, могут читать, заниматься, писать письма, играть на

музыкальных инструментах. Им не разрешается играть в карты, заходить в комнаты других учеников, а также покидать территорию школы под каким бы то ни было предлогом.

6. Ученики, желающие воспользоваться телефоном, подают письменное заявление установленной формы, после чего получают ключ от телефонной будки в канцелярии.

7. Ученический совет распускается. Ученическое самоуправление будет восстановлено только в том случае, если вся школа заслужит это своим поведением.

М. Хоу, директор.

Джим свистнул. Фрэнк сказал:

— Нет, ты видел такое? Распустить ученический совет — подумать только? А на то, чтобы почесаться, тоже надо испрашивать разрешение? За кого он нас принимает?

— Откуда я знаю. Фрэнк, а у меня рубашки нет.

— Я тебе одолжу футболку, пока не купишь. А ты посмотри на третий пункт и сделай выводы.

— А что такое? — Джим перечел объявление.

— Ты бы пошел и подлизался к биологу, может, он возьмет Виллиса.

— Что? — Джим просто не связал параграф о домашних животных с Виллисом, он не думал о Виллисе как о животном.— Нет, Фрэнк, я не могу. Он будет ужасно несчастен.

— Тогда отправь его лучше домой, и пусть твои о нем позаботятся.

— Не стану я этого делать. Не стану! — заартачился Джим.

— Что ж ты тогда будешь делать?

— Не знаю.— Джим призадумался.— А ничего. Просто буду его прятать. Хоу не знает даже, что он у меня есть.

— Ну... может, и пройдет, если никто не заложит.

— По-моему, наши парни на это не способны.

Они вернулись к себе и попытались смыть узоры с масок — нельзя сказать, чтобы с большим успехом: краска въелась в пластмассу, и друзьям удалось только размазать ее. Тут в дверь заглянул ученик по фамилии Смайт.

— Почистить вам маски?

— Ничего не выйдет, краска не отмывается.

— Я слышу это уже в энный раз. Но по доброте душевной, из желания послужить людям я покрашу ваши маски в естественный цвет — четверть кредитки за маску.

— Я так и знал, что тут подвох,— сказал Джим.

— Не хотите, как хотите. Давайте решайте быстрее, клиенты ждут.

— Смитти, ты способен продать билёты на похороны собственной бабушки.— И Джим достал четверть кредитки.

— Это идея. Как думаешь, по сколько брать за билет? — Смайт достал жестянку, кисточку и быстро закрасил смелый орнамент Джима коричневато-оливковым лаком, точно под цвет маски.— Ну вот! Через пару минут высохнет. А ты как, Саттон?

— Давай, кровопийца.

— Так-то ты отзываешься о своем благодетеле? У меня в женской школе важное свидание, а я тут трачу драгоценное субботнее время, выручая вас.— И Смайт столь же быстро обработал маску Фрэнка.

— Вернее сказать, сшибаешь денежки для свидания,— заметил Джим.— Смитти, что ты скажешь насчет хитрых правил, которые придумал новый шеф? Покоримся или поднимем вой?

— А зачем поднимать вой? — Смайт собрал свои орудия.— На всем можно сделать бизнес, стоит только приложить мозги. Когда вы в затруднении, обращайтесь к Смайту — обслуживаем в любое время.

Он задержался на пороге.

— А про билеты на похороны никому не говорите, а то бабушка захочет урвать долю, пока не померла. У старушки на это большой нюх.

— Фрэнк,— сказал Джим, когда Смайт ушел,— не нравится мне этот парень.

— Зато он нас выручил,— пожал плечами Фрэнк.— Давай отметимся, пусть нас вычеркнут из черного списка.

— Давай. Он мне напомнил, как док говорил: какой закон ни прими, он всегда открывает новую лазейку для мошенников.

— Не обязательно. Пошли.

У кабинета директора стоял длинный хвост, и очередных впускали по десять человек. Хоу быстро осмотрел их маски и перешел к нотации.

— Надеюсь, юные джентльмены, это послужит вам не только уроком аккуратности, но и уроком внимания. Если бы вы прочли сегодня объявление, то подготовились бы к инспекции. Что до самого нарушения, я хочу, чтобы вы поняли: дело здесь не только в детских, дикарских рисунках на ваших средствах защиты, как ни безобразна подобная живопись сама по себе.— Он помолчал, чтобы убедиться, что его слушают.— Нравы в колониях вовсе не обязательно должны быть грубыми и вульгарными. Как глава этого учебного заведения, я намерен искоренить все пороки, внедренные в вас домашним воспитанием. Главная цель воспитания, если не единственная, — это созидание характера, а характер создает только дисциплина. Считаю, что я как нельзя лучше приспособлен для этой задачи. Перед тем как прибыть сюда, я двенадцать лет преподавал в военной академии в Скалистых горах. Это превосходнейшая школа — школа, которая выпускает мужчин.

Он снова остановился — то ли перевести дыхание, то ли дать слушателям проникнуться своей речью. Джим пришел сюда только затем, чтобы у него со спины сняли ярлык нарушителя. Однако высокомерие директора и особенно его высказывание о колониальном доме как об источнике дурного воспитания в конце концов вывели Джима из терпения.

— Мистер Хоу,— сказал он.

— Да? Что такое?

— Здесь не Скалистые годы, а Марс. И не военная академия.

Изумление и гнев мистера Хоу были столь велики, что в какой-то момент казалось: не то он совершит рукоприкладство, не то его хватит удар. Затем он овладел собой и процедил сквозь зубы:

— Ваша фамилия?

— Марло, сэр. Джеймс Марло.

— Было бы намного лучше для вас же, Марло, если бы здесь была военная академия. Остальные могут идти. Воскресные привилегии восстановлены. Марло, останьтесь.

Когда все вышли, Хоу сказал:

— Марло, нет на свете ничего отвратительнее наглого, неблагодарного, не знающего своего места юнца. Вы получаете прекрасное образование исключительно благодаря Компании. И вряд ли вам пристало дерзить людям, которых Компания поставила наблюдать за вашим обучением и содержанием. Вы сознаете это?

Джим молчал. Хоу сказал резко:

— Ну же! Говорите, юноша, признайте свою вину и извинитесь. Будьте мужчиной!

Джим продолжал молчать. Хоу побарабанил пальцами по столу и наконец сказал:

— Очень хорошо, ступайте к себе и обдумайте свое поведение. До понедельника у вас будет достаточно времени.

Когда Джим вернулся к себе, Фрэнк восхищенно покачал головой.

— Ну и отчаянный же ты парень.

— Надо же было кому-то сказать ему.

— Да уж, надо. Каковы же твои дальнейшие планы? Перережешь себе горло или уйдешь в монастырь? Старый Хоу теперь будет постоянно держать тебя на мушке. Прямо небезопасно стало жить с тобой в одной комнате.

— Какого черта, Фрэнк! Если ты так на это смотришь, поищи себе другого соседа.

— Тихо, тихо! Я тебя не брошу, буду с тобой до конца. «И с улыбкою мальчик мертвым упал». Я рад, что ты ему все высказал. У меня не хватило бы смелости.

Джим бросился на койку.

— Не думаю, что смогу долго здесь выдержать. Я не привык, чтобы меня шпыняли и издевались надо мной ни за что ни про что. А теперь я буду получать двойную дозу. Что делать?

— А пес его знает.

— Здесь было так хорошо при старом Штуби. Я думал, мне здесь будет просто здорово.

— Штуби был молодец. Но что же остается, Джим, кроме как заткнуться, проглотить пилюлю и надеяться, что он забудет?

— Слушай, никому ведь это не нравится. Может, если мы объединимся, он сбавит ход?

— Вряд ли. Ты единственный, у кого хватило духу высказаться. Даже я и то тебя не поддержал, хотя согласен с тобой на сто процентов.

— А если мы все напишем родителям?

— Всех не заставишь,— покачал головой Фрэнк,— а кто-нибудь еще и настучит. Тогда тебя обзовут зачинщиком бунта или как-нибудь похоже. И потом, что ты такого напишешь в письме? Чем ты докажешь, что мистер Хоу делает то, что он не вправе делать? Я знаю, что скажет мой старик.

— Ну и что он скажет?

— Он мне много раз рассказывал про школу, в которой учился на Земле, и как ему там несладко приходилось. По-моему, он даже гордится этим. Если я ему скажу, что Хоу не велел нам держать в комнате пирожные, он посмеется, и все.

— Черт, Фрэнк, ведь речь идет не о правиле насчет продуктов, а обо всем вместе.

— Ясно, ясно. Мне-то ясно. А вот попробуй объясни моему старику. Все, что мы можем рассказать,— это мелочи. Нужны вещи посерьезнее, чтобы родители вмешались.

К вечеру Фрэнк утвердился в своем мнении. Слух разнесся, и у них перебывала чуть ли не вся школа. Кто приходил пожать руку Джиму, а кто просто поглядеть на чудака, у которого хватило ума восстать против авторитета, облеченного властью. При этом выяснились два обстоятельства: никому не нравилось новое руководство и предпринятые им дисциплинарные меры, и никто не желал объединяться, считая это делом пропащим.

В воскресенье Фрэнк пошел в Малый Сырт — в поселение землян, а не в соседний марсианский город. Джим, будучи под домашним арестом, остался в комнате, делал вид, что занимается, и беседовал с Виллисом. Фрэнк вернулся к ужину и сказал:

— Я тебе принес подарок.

И кинул Джиму маленький пакетик.

— Спасибо, друг! А что там?

— Разверни — увидишь.

Это оказалась кассета с записью нового танго, сделанной в Рио и доставленной прямо с Земли на «Альберте Эйнштейне».

Называлось танго «Quien Es la Secorita?»*. Джим был без ума от латиноамериканской музыки, и Фрэнк вспомнил об этом.

— Ух ты! — Джим подошел к столу, вставил кассету в магнитофон и приготовился наслаждаться, но Фрэнк остановил его.

— Звонок на ужин. Давай лучше потом.

Джим неохотно согласился, зато, вернувшись, прокрутил музыку несколько раз, пока Фрэнк не уговорил его позаниматься. Перед отбоем Джим еще раз поставил кассету.

В жилом коридоре стало темно и тихо, все отошли ко сну, но минут через пятнадцать «Сеньорита» зазвучала вновь. Фрэнк рывком сел в постели.

— Что за черт? Джим, да выключи ты ее!

— Я не включал,— возразил Джим.— Это, наверное, Виллис, кто же еще?

— Ну так заткни его! Придуши его. Сунь его под подушку.

Джим включил свет.

— Виллис, а, Виллис! Ну-ка, прекрати шуметь!

Виллис, похоже, даже не слышал его. Он стоял посреди комнаты, отбивал глазами такт и покачивался. В его блестящем исполнении звучали и маримба, и хор.

Джим взял его на руки.

— Виллис! Ну заткнись, пожалуйста.

Виллис продолжал концерт.

Дверь распахнулась, и на пороге возник директор Хоу.

— Так я и думал,— торжествующе сказал он.— Совершенно не считаемся с другими людьми. Выключите магнитофон. И имейте в виду, вы не выйдете из своей комнаты весь следующий месяц.

Виллис продолжал звучать. Джим попытался прикрыть его своим телом.

— Вы что, не слышали? — спросил Хоу.— Я сказал: выключить музыку.

Он прошел к рабочему столу и рванул выключатель. Поскольку магнитофон и так был выключен, Хоу только сломал себе ноготь. Он проглотил непедагогичное выражение и сунул палец в рот. Виллис приступил к третьему куплету. Хоу стал оглядываться.

---

* «Кто эта девушка?» *(исп.)*.

— Куда он у вас подключен? — гаркнул он. Не получив ответа, Хоу шагнул к Джиму и спросил: — Что вы прячете? — Оттолкнув Джима в сторону, он устремил недоверчивый и брезгливый взгляд на Виллиса.— Это еще что такое?

— Это Виллис,— прокричал, чтобы заглушить музыку, несчастный Джим.

Хоу был не так уж глуп, до него мало-помалу дошло, что музыка исходит из этого странного мехового шара.

— А что такое Виллис, можно спросить?

— Ну, это... попрыгунчик. Он обитает на Марсе.— В этот момент Виллис закончил выступление, пропев бархатным контральто «buenas noches», и заткнулся — на время.

— Попрыгунчик? Никогда о них не слышал.

— Их мало кто видел, даже среди колонистов. Они редко встречаются.

— Не так уж редко. Это разновидность марсианского попугая, не так ли?

— О нет!

— То есть как «о нет»?

— Вовсе он не попугай. Он думает, что говорит, он мой друг!

Хоу оправился от удивления и вспомнил о цели своего визита.

— Не имеет значения. Вы читали мой приказ о домашних животных?

— Да, но Виллис не животное.

— Кто же он в таком случае?

— Да он просто не может быть животным. Все домашние животные — это чья-нибудь собственность, а Виллис никому не принадлежит. Он — просто Виллис.

Здесь Виллис включил следующий номер программы — то, что он слышал после последнего прослушивания танго.

— Знаешь, когда я слышу эту музыку,— сказал он голосом Джима,— я забываю даже про старого паршивца Хоу.

— А у меня он из головы не выходит,— продолжал Виллис голосом Фрэнка.— Хотел бы я набраться духу и сказать ему то же, что и ты, Джим. Знаешь, я думаю, у Хоу не все дома, то есть по-настоящему. Поспорить могу, в детстве он был трусом, вот и вырос такой.

Хоу побелел. Доморощенный психоаналитик Фрэнк попал в самую точку. Он поднял руку, точно хотел ударить, и опустил ее, не зная, кого, собственно, тут надо бить. Виллис поскорей убрал отростки и сделался гладким.

— А я вам говорю, это животное,— свирепо сказал Хоу, обретя дар речи. Он схватил Виллиса и пошел к двери.

Джим закричал ему вслед:

— Слушайте, мистер Хоу! Вы не можете забрать Виллиса!

— Ах, не могу, вот как? — обернулся директор.— Ложитесь спать. Утром зайдете ко мне в кабинет.

— Если вы тронете Виллиса хоть пальцем, я... я...

— Что — ты? Никто твое сокровище не тронет. Сейчас же в постель, не то получишь как следует.— Хоу повернулся и ушел, не посмотрев, как выполняется его приказание.

Джим застыл, не сводя глаз с закрытой двери, по его щекам текли слезы, рыдания бессильного гнева сотрясали его. Фрэнк подошел и положил руку ему на плечо.

— Джим, Джим, не надо так. Ты ведь слышал, он обещал не трогать Виллиса. Ложись в постель, а утром все уладишь. В самом худшем случае придется отправить Виллиса домой.

Джим отмахнулся.

— Не позволяй ему бесить тебя, Джим,— настаивал Фрэнк.— Если ты разозлишься, то сделаешь какую-нибудь глупость, и тогда ты у него в руках.

— Я уже разозлился.

— Знаю, оно и понятно. Но тебе надо остыть и подумать головой. Он тебя караулил, сам видишь. Что бы он ни говорил и ни делал, ты должен сохранять спокойствие и не поддаваться, а то он доведет тебя до беды.

— Пожалуй, ты прав.

— Я знаю, что я прав. Так и док бы сказал. А теперь ложись спать.

Но ни один из них не смог как следует заснуть в эту ночь. Под утро Джиму приснился кошмар, будто Хоу — марсианин-отшельник, а он, Джим, пытается развернуть его по своему разумению.

К завтраку на доске снова появилось свеженькое объявление:

С сего дня личное оружие надлежит хранить исключительно на складе. Ученик, ведавший его хранением, освобождается от своих обязанностей. Оружие будет выдаваться директором только в том случае, если ученик выходит за пределы школы и поселения. Ношение оружия в местах, не посещаемых марсианской фауной, не допускается.

М. Хоу, директор

— Не понял,— сказал Джим по прочтении.— К чему такая волокита? К тому же у большинства из нас есть лицензии.

Школьники, как правило, и так хранили оружие на складе, но кладовщик из учеников контролировал только тех, кому еще предстояло получить лицензию.

— Знаешь, что я думаю? — поразмыслив, сказал Фрэнк.

— Ну что?

— Это он тебя боится.

— Меня? Почему?

— Из-за вчерашнего. Ты был готов его убить, и он это видел. По-моему, он решил вырвать у тебя зубы. А на нас, прочих, ему наплевать, сохраним мы оружие или нет.

— Ты правда так думаешь? Хм... может, и к лучшему, что наши пистолеты сейчас при нас.

— Весь вопрос в том, как тебе быть дальше.

Джим задумался.

— Я не собираюсь сдавать оружие. Отец бы этого не одобрил, я уверен. И потом, у меня лицензия, я не обязан этого делать. Я выбил необходимое количество очков, прошел психологические тесты и принес присягу, я имею такое же право носить оружие, как и он.

— Ладно, я за. Но лучше бы найти какую-нибудь лазейку перед тем, как ты пойдешь к нему.

Лазейка нашлась за завтраком в лице Смайта. Фрэнк вполголоса посовещался с Джимом, и после еды они зазвали Смайта к себе.

— Слушай, Смитти,— начал Джим,— ты у нас парень оборотистый, так ведь?

— Допустим. И что же?

— Читал сегодняшнее объявление?

— Кто ж его не читал? Все уже бурчат по этому поводу.

— Ты будешь сдавать пистолет?

— Он у меня и так на складе. Зачем он мне сдался здесь? Мне мозгов хватает.

— Значит, тебя не будут вызывать по поводу сдачи. Теперь допустим, что тебе дали на хранение два пакета. Ты их не разворачиваешь и не знаешь, что в них. Как по-твоему, сможешь ты поместить их в надежное, по-настоящему надежное место так, чтобы выдать по первому требованию?

— Подразумевается, что я не должен никому говорить про эти... э-э... пакеты?

— Ясное дело. Никому.

— Хм... такая услуга будет дорого стоить.

— Сколько?

— Я не могу с вас взять меньше двух кредиток в неделю.

— Дорого,— отрезал Фрэнк.

— Ну, для друзей — единовременно восемь кредиток до конца года.

— Все равно дорого.

— Шесть кредиток — последняя цена. За риск надо платить.

— По рукам,— сказал Джим, не дав Фрэнку торговаться дальше.

Смайт ушел со свертками, а Джим отправился к директору.

5. У МАЛЕНЬКИХ КУВШИНЧИКОВ БОЛЬШИЕ УШКИ

Директор продержал Джима полчаса, прежде чем принять. Войдя наконец в кабинет, Джим заметил, что у Хоу чрезвычайно довольный вид. Директор поднял глаза.

— Да? Вы хотели меня видеть?

— Вы велели мне прийти, сэр.

— Вот как? Минутку, как ваша фамилия?

«Он распрекрасно знает, как моя фамилия,— злобно подумал Джим,— хочет, чтобы я вспылил». Он вспомнил, как Фрэнк наказывал ему держать себя в руках, и спокойно ответил:

— Джеймс Марло, сэр.

— А, да. Итак, Марло, зачем вы хотели меня видеть?

— Вы сказали, чтобы я пришел. Насчет Виллиса.

— Виллис? Ах да, марсианин круглоголовый,— Хоу улыбнулся одними губами.— Любопытный экземпляр.

И замолчал. Пауза длилась так долго, что Джим начал понимать: директор вынуждает его сделать первый шаг. Джим уже примирился с мыслью, что больше не сможет держать Виллиса в школе, и сказал:

— Я хочу его взять, чтобы отнести в город и отослать домой.

Улыбка Хоу стала шире.

— Ах, вот как! Как же вы собираетесь это сделать, если вам запрещено покидать школу в ближайшие тридцать дней?

У Джима в ушах звучал предостерегающий голос Фрэнка.

— Я попрошу кого-нибудь, сэр, сегодня же. Можно мне взять Виллиса?

Хоу откинулся на спинку стула и сплел пальцы на животе.

— Вы затронули интереснейшую тему, Марло. Ночью вы говорили, что это существо не является животным.

— Да,— с недоумением сказал Джим.

— Вы настаивали на этом. Вы говорили, что он не ваша собственность, а ваш друг. Это верно?

Джим заколебался. Он чуял, что здесь западня, но не знал, какая.

— Ну и что же?

— Говорили вы это или нет? Отвечайте.

— Ну, говорил.

Хоу подался вперед.

— Тогда на каком основании вы требуете от меня вернуть вам это существо? У вас на него нет никаких прав.

— Но...— Джим не находил слов. Его запутали, обошли хитрыми речами, он не знал, как ответить.— Разве так можно? — выпалил он.— Вам он тоже не принадлежит. Вы не имеете права держать его под замком.

Хоу медленно соединил кончики пальцев.

— Этот вопрос требует рассмотрения. Хотя вы и отказались от своих прав на это существо, оно тем не менее может являться собственностью. В таком случае, поскольку оно было обнаружено на территории школы, я могу оформить его как школьное имущество — лабораторный экземпляр.

— Но нельзя же так! Это нечестно! Если он кому-нибудь принадлежит, то он мой. Вы не имеете пра́ва...

— Молчать! — Джим умолк, и Хоу продолжал уже спокойнее: — Не указывайте мне, что я вправе делать, а что нет. Вы забываете, что по отношению к вам я нахожусь in loco parentis*. Все ваши права представляю я, как если бы был вашим отцом. Что касается судьбы марсианского существа, я рассмотрю этот вопрос... сегодня я как раз собираюсь к генеральному резиденту. В свое время вам сообщат о результате.

Латинская фраза сбила Джима с толку, как и было задумано, но он ухватился за другие слова Хоу:

— Вот я и расскажу все своему отцу. Вам это так не пройдет.

— Угрозы? — скорбно улыбнулся Хоу.— Не трудитесь просить у меня ключ от телефонной будки, нечего школьнику звонить родителям каждый раз, когда я велю ему вытереть нос. Продиктуйте отцу письмо и представьте мне на прослушивание, прежде чем отправить.— Он встал.— Это все. Можете идти.

Фрэнк ждал Джима.

— Крови не видать,— объявил он при виде друга.— Ну как дела?

— Ах он, такой-сякой!

— Плохо, значит?

— Фрэнк, он не отдает Виллиса.

— Хочет, чтобы ты отправил его домой? Но ты ведь к этому приготовился.

— Не в том дело. Он его вообще не отдает. Наплел мне с три короба, но суть в том, что он его забрал и теперь не отдаст.— У Джима был такой вид, будто он вот-вот разревется.— Бедненький Виллис, ты же знаешь, как он всего боится. Фрэнк, что делать?

---

* На правах отца *(лат.)*.

— Не понимаю,— медленно ответил Фрэнк.— Как же он может забрать Виллиса себе? Виллис твой.

— Говорю тебе, он нагородил с три короба, но смысл такой. Как мне отобрать Виллиса? Фрэнк, я обязательно должен его отобрать.

Фрэнк не ответил. Расстроенный, Джим посмотрел вокруг и в первый раз обратил внимание на комнату.

— Что тут было? — спросил он.— Что за погром?

— А-а. Я не успел тебе сказать. Пока тебя не было, приспешники Хоу произвели у нас обыск.

— Да ну?

— Пистолеты искали. Я прикинулся дурачком.

— Обыск, значит? — Джим принял какое-то решение.— Пойду к Смайту.— И направился к двери.

— Эй, погоди, зачем тебе Смитти?

Джим оглянулся с постаревшим лицом.

— Возьму пистолет и пойду отбирать Виллиса.

— Джим! Ты рехнулся!

Джим, не отвечая, шел дальше.

Фрэнк подставил ему ногу, повалил и, уложив на обе лопатки, завернул ему правую руку за спину.

— Полежи-ка, пока не успокоишься.

— Пусти.

— У тебя в голове есть что-нибудь? Ладно,— продолжал Фрэнк, не получив ответа,— я могу так сидеть хоть до скончания века. Дай мне знать, когда уймешься.— Джим начал вырываться, но Фрэнк скрутил ему руку так, что он взвыл и сдался.— Вот так-то лучше,— сказал Фрэнк.— Теперь слушай меня: ты славный парень, Джим, но с придурью. Ну возьмешь ты пистолет и напугаешь старика Хоу так, что он выплюнет Виллиса обратно, а дальше что? Знаешь, сколько Виллис пробудет у тебя? Ровно столько времени, сколько Хоу будет дозваниваться до полиции. Тебя посадят, а Виллиса снова отберут, и ты его больше не увидишь, не говоря уж о том, сколько горя и хлопот это принесет твоим родителям.

Последовало продолжительное молчание.

Наконец, Джим сказал:

— Ладно, пусти.

— Раздумал махать пистолетом?

— Само собой.

— Честное слово? Клятва получающего лицензию и все такое?

— Да, обещаю.

Фрэнк отпустил его и слез. Джим потер руку.

— Мог бы и полегче.

— Он еще жалуется, нет бы спасибо сказать. Бери тетрадку, мы опаздываем на химию.

— Я не пойду.

— Не дури, Джим. Нахватаешь кучу двоек да еще и вылетишь, и все только потому, что обозлился на директора.

— Не в том дело. Я ухожу, Фрэнк. Я в этой школе не останусь.

— Чего? Джим, не горячись. Я понимаю твое состояние, но ведь учиться можно или здесь, или нигде. Твоим не по карману посылать тебя учиться на Землю.

— Значит, нигде. Здесь я не останусь. Побуду еще, пока не удастся заполучить Виллиса, а потом уеду домой.

— Ну что ж...— почесал голову Фрэнк,— твоя проблема. Но знаешь, при всем при том на химию лучше пойти. Вреда от этого никакого, ты же не сейчас уходишь.

— Нет.

Фрэнк забеспокоился.

— Обещаешь сидеть здесь и ничего не выкидывать, пока я не вернусь?

— Чего ты волнуешься?

— Обещай, Джим, а то я тоже пропущу химию.

— Ладно, ладно! Иди уж.

Фрэнк убежал. Когда он вернулся, Джим лежал на койке.

— Спишь?

— Нет.

— Решил, что будешь делать?

— Нет.

— Хочешь чего-нибудь?

— Нет.

— Ты блестящий собеседник.— Фрэнк сел к столу.

— Извини.

Весь день от Хоу ничего не было слышно. Фрэнк все-таки уговорил Джима пойти завтра на занятия, чтобы не привлекать к себе внимания, раз он хочет забрать Виллиса.

Во вторник Хоу тоже не давал о себе знать. Ночью, часа через два после отбоя, Фрэнка разбудил какой-то шорох в комнате.

— Джим! — тихо окликнул он.

Гробовое молчание. Фрэнк потихоньку протянул руку и включил свет. Джим стоял у двери.

— Джим,— пожаловался Фрэнк,— что же ты не отвечаешь? Хочешь напугать меня до смерти?

— Извини.

— Что случилось? Почему ты встал?

— Неважно. Спи дальше.

Фрэнк вылез из койки.

— Ну уж нет! Ты опять зверем глядишь. Скажи папе все.

— Не хочу я тебя впутывать,— отмахнулся Джим.— Ложись давай.

— Уж не ты ли меня уложишь? Кончай дурить и говори. Что ты задумал?

Джим неохотно рассказал. Он считал, что директор держит Виллиса где-то у себя в кабинете, и решил взломать дверь и попытаться спасти друга.

— А ты ложись спать,— закончил он.— Если тебя спросят, ты ничего не знаешь, ты всю ночь спал.

— Оставить тебя одного? Ну нет! Надо же кому-то стоять на стреме.— И Фрэнк начал рыться в шкафу.

— Мне помощь не нужна. Что ты там ищешь?

— Лабораторные перчатки,— ответил Фрэнк.— Все равно я тебе помогу, нужно тебе это или нет, идиот ты безрукий. Я не хочу, чтобы тебя поймали.

— А перчатки зачем?

— Про отпечатки пальцев слыхал?

— Конечно, но он и так будет знать, кто это сделал. Ну и пусть, я уйду, и все.

— Знать-то он будет, но пусть попробует доказать. На, надевай.

Джим взял перчатки и неохотно согласился на помощь Фрэнка.

Кража со взломом — на Марсе явление редкое, и замки тоже. Что касается ночных сторожей — не для того доставляют людей за миллионы космических миль, чтобы они охраняли пустые коридоры в школе для мальчиков. Все, чем рисковали Джим с

Фрэнком по пути в канцелярию,— это наткнуться на кого-нибудь, идущего в неурочный час в туалет.

Они крались как можно тише, заглядывая за каждый угол коридора, прежде чем повернуть. Через несколько минут они оказались у двери канцелярии и надеялись, что их никто не заметил. Джим попробовал дверь — она была заперта.

— Зачем канцелярию-то запирать? — прошептал он.

— Из-за таких, как мы с тобой,— ответил Фрэнк.— Иди на угол и смотри в оба.— И Фрэнк атаковал замок ножом.

— Иду.

Джим стал у поворота. Через пять минут Фрэнк тихонько свистнул, подзывая его.

— Чего ты?

— Ничего. Заходи.— Фрэнк открыл дверь.

Они прокрались через канцелярию, где стояли столы для записи с грудами кассет, к внутренней двери, на которой было написано: «Маркиз Хоу, директор. Посторонним вход воспрещен». Надпись была новая, как и замок. Замок был не из тех, что можно открыть ножиком. Он был кодовый, из титановой стали — такой впору ставить на сейф.

— Ты как, сможешь его открыть? — озабоченно спросил Джим.

Фрэнк присвистнул.

— Не говори глупостей, Джим. Дело не выгорело. Давай-ка попробуем пробраться назад, пока не поймали.

— А дверь с петель нельзя снять?

— Она не в ту сторону открывается. Уж лучше попробую прорезать дырку в перегородке.— Фрэнк встал на колени и начал ковырять стену ножом.

Джим посмотрел вокруг. Из коридора через комнату в кабинет директора шла вентиляционная труба, диаметр которой соответствовал ширине плеч Джима. Если бы отвинтить фланец и убрать колено трубы из отверстия в стене...

Нет, до трубы не добраться, даже встать не на что. Стеллажи для кассет, как выяснил Джим, были привинчены к полу.

В нижней части двери была маленькая решетка, через которую выходил из кабинета использованный воздух. Снять ее было нельзя, да и отверстие было недостаточно велико, но Джим лег

на пол и попытался заглянуть в кабинет. Он ничего не увидел — внутри было темно.

Джим сложил ладони рупором и позвал:

— Виллис! А, Виллис!

Фрэнк вскочил и сказал, подойдя к Джиму:

— А ну прекрати. Хочешь, чтобы нас засекли?

— Ш-ш! — Джим приложил ухо к решетке. Оба услышали приглушенный ответ:

— Джим! Джим!

— Виллис! Иди сюда! — ответил Джим и прислушался.— Он там где-то заперт.

— Скорей всего,— согласился Фрэнк.— Может, ты уймешься, пока никто не пришел?

— Надо его оттуда вытащить. Как у тебя со стенкой?

— Ничего не выйдет. Пластик битком набит арматурой.

— Все равно надо его вытащить. Но как?

— Да никак, черт возьми. Мы все испробовали. Надо возвращаться.

— Можешь идти, если хочешь. Я останусь и вытащу его.

— Прямо беда с тобой, Джим, хоть бы раз ты сознался, что проиграл. Пошли!

— Нет. Ш-ш! Ты слышишь?

— Слышу. Что это?

Из кабинета слышалось царапанье.

— Это Виллис хочет вылезти,— заявил Джим.

— Все равно не сможет. Пошли.

— Нет.

Джим продолжал слушать у решетки. Фрэнку не терпелось — с него довольно было приключений. Он разрывался между нежеланием бросать Джима и стремлением вернуться в свою комнату, пока их не застали. Царапанье не прекращалось. Потом оно утихло, раздалось негромкое «шлеп», как будто что-то мягкое, но достаточно тяжелое упало с высоты около фута, и послышался легкий, почти неслышный топоток.

— Джим? А, Джим?

— Виллис! — завопил Джим.

Голос попрыгунчика слышался у самой решетки.

— Джим, возьми Виллис домой.

— Да, да! Стой там, Виллис. Джим подумает, как Виллису выйти.

— Виллис выйти.— Попрыгунчик заявил это очень решительно.

— Фрэнк,— торопливо сказал Джим,— если б у нас было что-то вроде лома, я бы выломал эту решетку. Может, Виллис и пролез бы.

— У нас ничего такого нет. Только ножи.

— Думай, парень, думай! Есть у нас в комнате что-нибудь подходящее?

— Как будто нет.— Царапанье возобновилось.— Что это Виллис там делает?

— Наверное, пытается открыть дверь. Надо ему как-то помочь. Слушай, стань мне на плечи и попробуй снять фланец с трубы.

— Бесполезно,— прикинул Фрэнк.— Даже если снять трубу, с той стороны будет решетка.

— Откуда ты знаешь?

— Так всегда бывает.

Джим замолчал. Фрэнк был, конечно, прав, и он это знал. Виллис продолжал царапаться. Фрэнк опустился на одно колено, приблизил голову к решетке и стал слушать.

— Не волнуйся,— вскоре сказал он.— По-моему, Виллис и без нас управится.

— Что ты говоришь?

— Он там что-то режет, если слух меня не обманывает.

— Чем? Не может Виллис прорезать дверь. Я его дома много раз запирал.

— Может — не может, видно будет. Наверное, раньше ему не так уж хотелось выйти.

Скребущий звук усилился. Через несколько минут вокруг решетки обозначилась ровная линия, и вырезанный из двери кружок, упал на пол. В дыре тут же показался Виллис. Из его толстого тельца торчал щуп восьми дюймов длиной, в дюйм толщиной, с когтем на конце.

— Это еще что? — спросил Фрэнк.

— Понятия не имею. Он никогда раньше такого не проделывал.

Виллис убрал инструмент внутрь и прикрыл мехом, как будто его никогда и не было. Потом изменил форму, превратившись из шара в тыкву, и просочился в отверстие.

— Виллис выйти,— гордо объявил он.

Джим схватил его на руки.

— Виллис! Виллис, старина.

Попрыгунчик, сидя на руках у Джима, сказал с упреком:

— Джим потерялся. Джим ушел.

— Джим больше никогда не уйдет. Виллис и Джим будут вместе.

— Виллис вместе. Хорошо.

Джим потерся щекой о шерстку Виллиса. Фрэнк откашлялся.

— А не податься ли нам к себе в берлогу?

— Конечно, пошли.

Обратный путь они проделали быстро, и, кажется, никто их не видел. Джим уложил Виллиса к себе в кровать и огляделся вокруг.

— Что же взять с собой? Надо будет зайти к Смитти забрать пистолет.

— Погоди, не спеши,— сказал Фрэнк.— Тебе ведь совсем не обязательно уходить.

— Как это?

— Наружный замок я не повредил, а замок Хоу даже и не трогал. На то, что Виллис сбежал, указывает только дыра, в которую мы явно не пролезем, и еще, пожалуй, такая же у Хоу в столе. Ничего он не докажет. Можешь отправить Виллиса домой, и с нас взятки гладки.

Джим потряс головой.

— Я ухожу. Дело не только в Виллисе. Я не остался бы в школе, которой заправляет Хоу, даже за деньги.

— Ну чего ты кипятишься, Джим?

— Я не кипячусь. Тебя я не виню за то, что ты остаешься, на будущий год ты сможешь сдать экзамены на кандидата в пилоты и уйти. Но, если вдруг завалишь, могу поспорить, тебе тоже не захочется торчать здесь до окончания курса.

— Может, и не захочется. Ты уже придумал, как уйти, чтобы тебя не задержал Хоу? Не вздумай уходить до рассвета — слишком холодно.

— Дождусь рассвета и уйду без всяких ухищрений.

— Весь вопрос в том, как это у тебя получится,— сухо сказал Фрэнк.— Обязательно надо дразнить гусей? По-моему, лучше спрятаться, пока не удастся улизнуть, лучше всего, пожалуй, уходить во второй половине дня.

Джим собирался спросить, почему именно во второй половине дня, но тут включился Виллис.

— Добрый день! — сказал он сочным голосом взрослого мужчины.

— Заткнись, Виллис.

Виллис повторил:

— Добрый день, Марк. Садись, мой мальчик. Всегда рад видеть тебя.

— Где-то я уже слышал этот голос,— заинтересовался Фрэнк.

— Благодарю вас, резидент. Как поживаете, сэр? — Теперь Виллис говорил с четкими, довольно манерными интонациями директора Хоу.

— Знаю,— сказал Фрэнк.— Я его слышал по радио. Это Бичер, генеральный резидент.

— Ш-ш,— сказал Джим,— я хочу послушать.

Виллис снова сказал сочным голосом:

— Неплохо, совсем неплохо для старика.

— Вздор, резидент, какой же вы старик,— голос Хоу.

— Очень мило с твоей стороны, мой мальчик. Что у тебя в портфеле? Контрабанда?

Виллис воспроизвел подхалимский смех Хоу.

— Не совсем. Это научный экземпляр — любопытная редкость, которую я конфисковал у одного ученика.

После короткой паузы сочный голос сказал:

— Батюшки светы! Марк, где ж ты его откопал?

— Я же сказал, сэр. Вынужден был отобрать у одного из своих учеников.

— Да-да. А ты хоть имеешь представление, что это такое?

— Конечно, сэр. Я посмотрел. *Areocephalopsitlacus Bron...**

---

* Марсианский головастый попугай громогласный *(лат.)*.

— Избавь меня от ученых слов, Марк. Это марсианин круглоголовый, но не в том суть. Ты говоришь, что взял его у школьника. Как по-твоему, он согласится тебе его продать? — нетерпеливо спросил сочный голос.

— Не думаю, сэр,— медленно ответил Хоу.— Я почти уверен, что он не захочет продать. Это так важно? — продолжил он после паузы.

— Важно? Это смотря что ты считаешь важным. Как по-твоему, шестьдесят тысяч кредиток — это важно или нет? А то и семьдесят? Это сумма, которую наверняка уплатит за него Лондонский зоопарк, доставку они, разумеется, берут на себя.

— В самом деле?

— Конечно. У меня заказ от лондонского брокера на пятьдесят тысяч кредиток, а мне все никак не удается выполнить его. И думаю, что сумму можно будет увеличить.

— Вот как? — осторожно сказал Хоу.— Это очень выгодно для Компании, не так ли?

Помолчав немного, резидент от души рассмеялся.

— Марк, мой мальчик, ты меня уморишь. Вот послушай: тебя наняли заведовать школой, так или нет?

— Так.

— А меня наняли блюсти интересы Компании, верно? Весь день мы работаем на совесть и отрабатываем свое жалованье, а восемнадцать часов у нас остается для себя лично. Разве в твои обязанности входит поиск редких животных?

— Нет.

— И в мои не входит. Ты меня понял?

— Кажется, да.

— Уверен, что да. В конце концов, я же хорошо знаю твоего дядю, он не отправил бы сюда племянника, не объяснив ему, как устроена жизнь. Сам-то он прекрасно в этом разбирается, могу тебя заверить. Дело в том, мой мальчик, что здесь открывается масса возможностей для умного человека, только не зевай. Причем все вполне законно.— Виллис сделал паузу.

Джим заговорил было, но Фрэнк прервал его:

— Тихо! Как бы чего не упустить.

— Все вполне законно,— продолжал голос резидента.— Законные деловые интересы, естественно, сопутствующие нашей служебной деятельности. Так вот, насчет этого ученика: за сколько бы он согласился продать? Не надо предлагать ему слишком много, еще заподозрит что-нибудь, а это нам ни к чему.

Хоу не спешил с ответом.

— Я почти уверен, что он не продаст, резидент, но, кажется, есть иной путь.

— Какой? Не понимаю.

Хоу изложил свою персональную теорию относительно принадлежности Виллиса. Резидент так и покатился.

— Ох, не могу! Марк, ты меня просто уморишь. И что ты пропадаешь в учителях, тебе бы резидентом быть.

— Что ж, я не думаю, что буду учителем всю жизнь.

— Конечно, конечно. Мы подберем тебе место. И потом, школа станет меньше и не будет иметь такого значения, когда миграции будут отменены.

— О чем это он? — прошептал Фрэнк.

— Тихо! — шикнул Джим.

— А что, есть новости на этот счет? — поинтересовался Хоу.

— Я как раз жду сообщения от твоего дяди. Не зайдешь ли ко мне еще раз, вечером? Может быть, новости и будут.

Последующая беседа не представляла особого интереса, но Виллис добросовестно воспроизвел ее. Мальчики дослушали до того места, когда Хоу распрощался, и Виллис умолк.

Джим весь кипел.

— Отдать Виллиса в зоопарк! Это же надо придумать! Я прямо хочу, чтобы он задержал меня при уходе, будет повод его пристрелить.

— Спокойно, парень! Хотел бы я знать, что это за разговоры об отмене миграций?

— По-моему, он сказал «иммиграции».

— Нет, «миграции». Который час?

— Около трех.

— У нас еще почти три часа. Джим, давай попробуем, нельзя ли выжать из Виллиса еще что-нибудь. Мой нюх подсказывает: кое-что там есть.

— Ладно.— Джим взял пушистый шар и сказал: — Виллис, старичок, а что ты еще знаешь? Расскажи Джиму все, что ты слышал, все-все.

Виллиса не пришлось просить дважды. Он пересказал разговоры следующего часа — разные мелочи школьной жизни. Наконец, терпение мальчиков было вознаграждено, они услышали маслянистые тона Гейнса Бичера:

— Марк, мой мальчик...

— О, резидент, входите, садитесь, прошу вас. Счастлив видеть вас.

— Я зашел только на минутку — сказать тебе, что получил сообщение от твоего дорогого дяди. Он шлет тебе привет.

— Как мило с его стороны. Благодарю вас, сэр.

— Не за что, мой мальчик. Закрой дверь, хорошо? — Виллис изобразил, как закрывается дверь.— Теперь можно говорить. Сообщение касается, разумеется, отмены миграций.

— Вот как?

— Рад сообщить тебе, что комитет согласился с мнением твоего дяди. Южная колония остается на месте. Иммигранты с двух очередных кораблей направляются в Северную колонию, где у них будет впереди почти двенадцать летних месяцев, чтобы подготовиться к зиме. Чему ты усмехаешься?

— Да так, сэр. Один ученик, дубина по фамилии Келли, говорил мне сегодня, что со мной сделает его отец, когда будет здесь проездом во время миграции. Воображаю его физиономию, когда он узнает, что его папаша здесь вообще не появится.

— Ты ничего ему не скажешь,— резко сказал резидент.

— Нет?

— Я хочу, чтобы все прошло по возможности без трений. Никто не должен ничего знать до последнего момента. Среди колонистов есть горячие головы, которые воспротивятся новой политике, хотя уже доказано, что при некоторых предосторожностях на Марсе вполне можно зимовать. Мой план таков: отложить миграцию на две недели под каким-либо предлогом, затем опять отложить. К тому времени, когда я объявлю им новый приказ, будет слишком поздно предпринимать что-нибудь, останется только подчиниться.

— Гениально!

— Спасибо. Только так и можно управлять колонистами, мой мальчик. Ты здесь еще слишком недавно, чтобы знать их так, как знаю я. Это неврастеники, в большинстве своем бывшие неудачниками на Земле, и они могут с ума свести своими требованиями, если не проявлять к ним твердость. Они как будто не понимают, что всем обязаны только Компании. Возьмем эти миграции — если дать колонистам волю, они так и будут гоняться за солнцем, словно богатые бездельники, и все за счет Компании.

— Полностью с вами согласен,— вставил Хоу.— Если судить по их деткам, это народ вспыльчивый и необузданный.

— Никчемная публика,— подтвердил генеральный резидент.— С ними надо быть твердым. Ну, мне пора. Кстати, об этом, э-э... экземпляре: он у тебя в надежном месте?

— Да, конечно, сэр. Он заперт здесь, в кабинете.

— М-м-м... может быть, лучше перенести его ко мне?

— Вряд ли в этом есть необходимость. Вы обратили внимание на дверной замок? Здесь он в безопасности.

Они распрощались, и Виллис замолчал.

Фрэнк что-то свирепо бубнил себе под нос.

6. ПОБЕГ

Джим потряс его за плечо.

— Приди в себя и помоги мне, а то я не успею.

— Интересно, как бы ему понравилось зимовать в Хараксе? — тихо сказал Фрэнк.— Приятно бы ему было просидеть взаперти одиннадцать-двенадцать месяцев или выходить из дому при сотне градусов ниже нуля?

— Да уж, интересно. Ну, давай помогай.

Фрэнк вдруг вскочил, снял с вешалки скафандр и бросил его Джиму, потом снял скафандр и начал натягивать его.

— Эй, ты что? — уставился на него Джим.

— Я иду с тобой.

— Чего?

— Думаешь, я буду сидеть здесь и учить уроки, когда мою мать хотят вынудить зимовать в Южной колонии? Мою родную мать! У мамы слабое сердце, это ее убьет.— Фрэнк открыл шкаф и начал выбрасывать из него вещи.— Давай шевелись.

Джим колебался:

— Это все так, Фрэнк, но как же твои планы? Если ты сейчас бросишь школу, тебе уж не быть космическим пилотом.

— Ну и пусть. Есть вещи поважнее.

— Я и сам могу рассказать про то, что затевается, не хуже тебя.

— Как я сказал, так и сделаю.

— Ладно. Я просто хотел убедиться, что ты твердо решил. Пошли.

Джим надел скафандр, тщательно застегнул его, затянул ремни и стал укладывать свои пожитки. Большинство вещей пришлось оставить — в сумке он собирался везти Виллиса.

— Слушай, парень,— сказал Джим, взяв Виллиса,— мы едем домой. Я хочу, чтобы ты сидел здесь, тут хорошо и тепло.

— Виллис поедет?

— Виллис поедет. Но я хочу, чтобы ты сидел в сумке и ничего не говорил, пока я тебя не достану оттуда. Понятно?

— Виллис не говори?

— Виллис ничего не говори, пока Джим не достанет его из сумки.

— Ладно, Джим.— Виллис подумал и добавил: — Виллис играть музыку?

— Нет! Ни звука, ни слова. Никакой музыки. Виллис заткнется и будет молчать.

— Ладно, Джим,— грустно ответил Виллис и сделался гладким. Джим сунул его в сумку и закрыл «молнию».

— Пойдем,— сказал Фрэнк.— Сначала к Смитти — забираем пистолеты и вперед.

— Солнце взойдет не раньше чем через час.

— Ну что поделаешь. Слушай, а сколько у тебя денег?

— Немного. А что?

— А за проезд чем платить, балда?

— Ох! — Голова у Джима была занята другим, и он не подумал о билетах. В школу они ехали бесплатно, но на дорогу домой у них не было льготы, придется платить.

Мальчики объединили свои капиталы — их не хватало даже на один билет.

— Что будем делать? — спросил Джим.

— Возьмем у Смитти.

— Как это?

— Возьмем, и все.

— Не забудь свои коньки.

Смайт жил один, что следовало приписать его незаурядной натуре. Когда его потрясли, он сразу проснулся и проговорил:

— Да-да, офицер, я пойду сам.

— Смитти,— сказал Джим,— нам нужны наши пакеты.

— Я ночью закрыт. Приходите утром.

— Они нам нужны сейчас.

Смайт вылез из постели.

— Ночное обслуживание, разумеется, по повышенной таксе.— Он встал на койку, открыл вентиляционную решетку и, просунув глубоко руку, вытащил свертки.

Джим и Фрэнк достали пистолеты и прицепили их к поясу. Смайт наблюдал за ними, подняв брови.

— А еще нам нужны деньги.— Фрэнк назвал сумму.

— А я тут при чем?

— При том, что я знаю — у тебя они есть.

— Да? А почему я их должен вам давать? За красивые глаза?

— Нет.— Фрэнк достал логарифмическую линейку, красивый круглый приборчик с двадцатью одной шкалой.— Сколько дашь за нее?

— Ну-у... шесть кредиток.

— С ума сошел, отец за нее отдал двадцать пять.

— Ну, восемь. Мне ее больше чем за десять не продать.

— Возьми в залог за пятнадцать.

— Десять наличными. У меня не ссудная касса.

Линейка Джима ушла за меньшую сумму, за ней последовали двое часов и еще несколько вещиц подешевле.

Друзьям больше нечего было продать, кроме коньков, а с ними расстаться они отказались, хотя до нужной суммы не хватало еще двенадцати кредиток.

— Остаток придется поверить нам на слово, Смитти,— сказал Фрэнк.

Смайт уставился в потолок.

— Ну, поскольку вы были хорошими клиентами, я вам скажу: я собираю еще и автографы.

— Чего?

— Дадите мне одну долговую расписку на двоих, из шести процентов в месяц.

— Хорошо,— сказал Джим.

Наконец, они собрались уходить. Смайт сказал:

— Мой кристальный шар говорит мне, что вы, джентльмены, собираетесь слинять. Это каким же образом?

— Каким? Уйдем, и все,— сказал Джим.

— М-м-м... вы, должно быть, не обратили внимания на то, что входная дверь теперь на ночь запирается. Наш друг и ментор мистер Хоу лично отпирает ее, когда приходит утром.

— Врешь!

— Иди сам посмотри.

Фрэнк дернул Джима за руку.

— Пошли. Взломаем замок, если надо.

— Зачем эти крайние меры? — возразил Смайт.— Идите через кухню.

— Значит, задняя дверь не запирается?

— Почему же, запирается.

— Тогда нечего давать дурацкие советы.

— Я бы обиделся, если б не знал, от кого это исходит. Хотя задняя дверь и заперта, братец Хоу пока не додумался запирать мусорный люк.

— Мусорный? Еще чего! — взорвался Джим.

— Как угодно. Это единственный способ выбраться наружу.

— Мы согласны,— решил Фрэнк.— Пошли, Джим.

— Погодите,— остановил их Смайт.— Если один из вас выбросит в мусор другого, кто же выбросит его? Он застрянет.

— Все ясно — это будешь ты,— сказал Фрэнк.

— А что я получу взамен?

— Провались ты, Смитти, по башке получишь! Ты уж и так вытряс из нас все, кроме глазных зубов.

— Разве я против? — пожал плечами Смайт.— В конце концов, это я показал вам выход. Очень хорошо, я записываю это в накладные расходы, добровольно, в рекламных целях. Не люблю, когда мои клиенты вступают в конфликт с законом.

Все отправились на большую школьную кухню. Осторожное продвижение Смайта по коридорам указывало на длительную практику нарушителя. Когда пришли на место, он уточнил:

— Итак, кто первый?

Джим брезгливо осмотрел мусоропровод. Это был металлический цилиндр в форме бочонка, вделанный в стену. Его можно было вращать вокруг оси с помощью рычажка на стене. Отходы закладывались внутрь и через большое отверстие выбрасывались наружу, причем давление в здании не нарушалось — это было простейшее шлюзовое устройство. Внутренность цилиндра наглядно показывала, для какой цели он предназначается.

— Я пойду первым,— решился Джим и натянул маску на лицо.

— Погоди секунду,— сказал Фрэнк, глядя на банки с консервами, стоящие на стеллажах вокруг кухни. Он выбросил из сумки какую-то одежду и начал совать туда банки.

— Скорее,— торопил Смайт.— Я хочу вернуться к себе, пока не прозвонили подъем.

— Ну зачем они тебе? — поддержал Джим.— Через несколько часов мы будем дома.

— Да так, на всякий случай — чутье. Все, я готов.

Джим залез в мусоропровод, поджав колени и прижав сумку к груди. Цилиндр повернулся — сразу изменилось давление воздуха и повеяло леденящим холодом. Джим поднялся с земли на задворках школы.

Цилиндр со скрипом вернулся в исходное положение, и рядом с Джимом приземлился Фрэнк. Джим помог ему встать.

— Здорово ты извозился! — сказал он, стряхивая со скафандра Фрэнка картофельное пюре.

— Ты тоже, только некогда этим заниматься. Ну и холодина!

— Скоро потеплеет. Пошли.

На востоке уже розовело, хотя ночной холод еще держался. Они вышли переулком на улицу позади школы и повернули направо. Эта часть города была совершенно земная, можно было

подумать, что находишься на Аляске или в Норвегии, но древние башни Малого Сырта, словно выгравированные на светлеющем небе, перечеркивали земной вид улицы.

Друзья вышли, как и было задумано, на отводной канал, сели и надели коньки. Коньки были беговые, с 22-дюймовыми острыми, как бритва, лезвиями, рассчитанные только на скоростной бег. Джим управился первым и спустился на лед.

— Давай скорей,— сказал он.— Я чуть задницу себе не отморозил.

— Отморозишь тут.

— Лед такой твердый, что трудно стоять.

Фрэнк спустился к нему. Взяв сумки, они покатили вперед. Через несколько сот ярдов канава вывела их на Большой городской канал, они свернули на него и побежали к скутерной станции. Несмотря на быстрый бег, они совсем замерзли, пока добрались.

Через входной шлюз они прошли на станцию. Там дежурил только один клерк, и Фрэнк подошел к нему.

— Идет сегодня скутер в Южную колонию?

— Минут через двадцать,— сказал клерк.— Хотите отправить сумки?

— Нет, нам два билета.

Фрэнк выложил их совместный капитал. Клерк молча выдал билеты, и Джим вздохнул с облегчением: скутеры в колонию ходили не каждый день. Его мучила мысль: а вдруг придется скрываться сутки или еще больше, и как потом уехать, не попавшись на глаза Хоу.

Они сели в зале ожидания, и Джим сказал:

— Фрэнк, Деймос взошел?

— Не заметил. А что?

— Может, сумею дозвониться домой.

— Денег нет.

— Закажу с оплатой на номер вызова.

Джим вошел в кабину напротив стойки клерка — тот посмотрел, но ничего не сказал — и вызвал станцию. В глубине души ему не терпелось поговорить с отцом с тех самых пор, когда Вилис выдал секрет об отмене миграции.

На экране появилась приятная молодая женщина с полосатыми, по моде, волосами.

— Я хотел бы поговорить с Южной колонией.

— Связь будет позже,— сообщила телефонистка.— Желаете записать сообщение для последующей передачи?

Джим знал, что такие сообщения с оплатой на номер вызова не принимаются.

— Нет, спасибо, я перезвоню позжé,— соврал он и выключил аппарат.

Клерк постучал в дверь кабины.

— Водитель вас ждет.

Джим быстро опустил маску и вслед за Фрэнком прошел через шлюз. Водитель как раз закрывал багажное отделение. Он взял у них билеты, и мальчики прошли в салон. Они опять были единственными пассажирами и заняли обзорные места.

Через десять минут, устав смотреть на встающее прямо впереди солнце, Джим сказал:

— Я спать хочу, пойду вниз.

— А я, пожалуй, попрошу водителя включить радио,— сказал Фрэнк.

— Да ну его. У нас была трудная ночь. Пошли.

— Ну ладно.

Они спустились вниз, залезли в койки, и через несколько минут оба храпели.

Скутер, выйдя из Малого Сырта на рассвете, опережал дневное таяние, и ему не пришлось отстаиваться в Гесперидах. Он продолжал путь на юг и около полудня добрался до Кинии. Зима уже вступила в свои права, не нужно было беспокоиться, выдержит ли лед между Кинией и Хараксом, Стримон теперь не растает до весны.

Водитель был доволен, что не вышел из графика. Когда в конце утреннего перегона взошел Деймос, можно было расслабиться и включить радио. То, что водитель услышал, заставило его внимательно посмотреть на своих пассажиров. Они все еще спали, и водитель решил ничего не предпринимать, пока не прибудет на станцию Киния.

Причалив к станции, он быстро прошел в салон. Джим и Фрэнк проснулись, когда скутер остановился, но не спешили вставать.

— Остановка на обед. Выходите,— сказал им водитель.

— Мы не хотим есть,— сказал Фрэнк.

Водитель растерялся.

— Все-таки лучше выйти. В машине становится зверски холодно, когда она стоит.

— Нам все равно.

Фрэнк подумал, что можно будет достать из сумки какие-нибудь консервы, когда водитель уйдет, со вчерашнего ужина до полудня, как считал его желудок, прошло очень много времени.

— В чем проблема? — спросил водитель.— Финансы? — По выражению их лиц он понял, что угадал правильно.— Пошли, я угощаю — по сандвичу на брата.

Фрэнк отказался было, но Джим сказал:

— Ладно тебе, Фрэнк. Спасибо, сэр, мы согласны.

Джордж, агент и фактотум станции Киния, внимательно посмотрел на них и молча подал сандвичи. Водитель быстро расправился с обедом и встал, но видя, что мальчики последовали его примеру, сказал:

— Вы не торопитесь, у меня еще работы минут на двадцать, на тридцать: погрузиться надо и проверить машину.

— Может быть, вам помочь? — спросил Джим.

— Не стоит. Я вас позову, когда управлюсь.

— Ладно. Спасибо за сандвичи.

— На здоровье.

И он вышел.

Минут через десять им послышался шум двигателя. Испуганный Фрэнк бросился к окну, выходящему на канал. Скутер удалялся по направлению к югу. Фрэнк обернулся к агенту.

— Эй, он нас не дождался!

— Ага.

— Он ведь сказал, что позовет!

— Угу.— Агент продолжал читать газету.

— Но почему? — настаивал Фрэнк.— Он ведь велел нам подождать!

Агент отложил газету.

— Дело вот в чем. Клем — человек мирный. Я, говорит, не фараон и даже пробовать не стану — шутка ли, арестовать двух рослых, крепких парней, к тому же вооруженных.

— Что-о?

— То, что слышали. Только не махайте тут своими горелками, вы же видите, я без оружия, по мне — хоть всю станцию забирайте.

Джим подошел к стойке и встал рядом с Фрэнком.

— А в чем дело-то?

— Это вы мне скажите. Я знаю только, что по радио передали, чтобы вас задержать. Вас обвиняют в краже со взломом, в побеге из школы, в порче имущества Компании — чего только нет. Похоже, вы из отпетых, хотя по виду не скажешь.

— Понятно,— медленно сказал Фрэнк.— Ну и что вы собираетесь с нами делать?

— Да ничего. Ничего. Завтра утречком придет специальный скутер, и там, полагаю, будет достаточно народу, чтобы управиться с парочкой беглых. А пока можете делать, что хотите. Погуляйте, например. А как замерзнете, возвращайтесь обратно.— И он снова взялся за газету.

— Ясно. Пошли, Джим.

Они удалились в уголок на военный совет. Агента можно было понять. Станция Киния буквально на тысячи миль удалена от какого-либо жилья — это единственное человеческое становище, где можно укрыться от убийственного ночного холода.

Джим чуть не плакал.

— Прости меня, Фрэнк. Если бы мне не приспичило пожрать, ничего бы не случилось.

— Не надо трагедий,— посоветовал Фрэнк.— Ты можешь себе представить, как мы стреляем в двух безвинных людей и захватываем скутер? Я не могу.

— Ну да, тоже верно.

— Конечно. Надо решать, что делать дальше.

— Одно знаю: обратно в школу меня не затащат.

— Меня тоже. А самое главное — надо предупредить наших о том, что против них готовится.

— Слушай, а вдруг сейчас удастся дозвониться?

— Думаешь, он нам позволит? — Фрэнк кивнул в сторону агента.

— Кто его знает. Но пистолеты при нас,— а я теперь на все готов.— Джим встал и подошел к агенту.— Не возражаете, если мы воспользуемся телефоном?

Агент даже не поднял на него глаз.

— Сделайте одолжение.

Джим вошел в будку. Аппарат не был связан с местной станцией — это был радиопередатчик, настроенный на спутник. Табло светилось — значит, Деймос над горизонтом. Джим нажал кнопку вызова и попросил соединить его с Южной колонией. После необычайно длинной паузы приятный безличный голос объявил:

— По не зависящим от нас причинам станция Киния с Южной колонией не соединяется.

Джим стал спрашивать, виден ли Деймос из Южной колонии: он знал, что видимость — необходимое условие для радиосвязи на Марсе, а другие виды связи были ему неизвестны. Но станция отключилась, не отвечая на повторный вызов. Джим вышел из будки и рассказал Фрэнку о своей неудаче.

— Видно, Хоу нас засек,— заметил Фрэнк.— Я не верю, что у них повреждение. Разве что...

— Что «разве что»?

— Разве что дело не только в нас. Может быть, Бичер принял меры против утечки информации, пока не осуществит свои планы.

— Фрэнк, нам обязательно надо послать весточку своим. Держу пари: мы сможем укрыться у марсиан в Кинии. Мы ведь разделили с ними воду.

— Ну, предположим. И чего мы этим достигнем?

— Дай договорить. Можно отправить отсюда письмо — мы в нем обо всем напишем и скажем, где скрываемся. А потом будем ждать, когда наши приедут за нами.

Фрэнк покачал головой.

— Если мы оставим письмо здесь, вон та обмороженная морда тут же передаст его легавым, когда мы уйдем. И получат его не наши родители, а Хоу с Бичером.

— Ты, правда, так думаешь? Какое они имеют право вскрывать личную почту?

— Не будь ты таким наивным. Имел Хоу право заставлять нас сдавать оружие? Однако он это сделал. Нет, Джим, мы должны сами доставить новости.

На стене перед ними висела карта района, обслуживаемого станцией Киния, и Фрэнк во время разговора рассматривал ее. Вдруг он сказал:

— Джим, что это за новая станция к югу от Кинии?

— Где?

— Да вот.— На карте к югу от станции, на западном Стримоне, чернилами был поставлен крестик.

— Это? Наверное, один из опорных пунктов Проекта,— сказал Джим.

Грандиозный план насыщения атмосферы кислородом предусматривал на будущую весну создание цепочки кислородных заводов в пустыне между Кинией и Хараксом. К пуску в Ливии завода номер один было уже подготовлено несколько опорных пунктов.

— Он не дальше сотни миль отсюда.

— Ну, скажем, сто десять,— прикинул по масштабу Джим.

Глаза Фрэнка приняли отсутствующее выражение.

— Я, пожалуй, смогу пробежать это расстояние до темноты. Ты как, играешь?

— Да ты что, спятил? Все равно нам останется до дому больше семисот миль.

— Мы за день можем покрыть больше двухсот. Разве других опорных пунктов нет?

— На карте они не отмечены.— Джим задумался.— Я точно знаю, что их должно быть несколько — отец говорил.

— Если надо, мы можем бежать ночью, а днем спать. Тогда не замерзнем.

— Хм-м... ты на это не настраивайся. Я раз видел человека, которого ночь застала в пути. Он одеревенел, как доска. Ладно, когда отправляемся?

— Прямо сейчас.

Они взяли сумки и пошли к двери.

— Куда собрались-то? — спросил агент.

— Погулять.

— Сумки-то можете оставить, вы ведь вернетесь.

Джим и Фрэнк, не отвечая, вышли вон. Пять минут спустя они скользили на юг по западному Стримону.

— Эй, Джим!

— Чего?

— Давай остановимся на минутку. Хочу повесить сумку за спину.

— Я как раз об этом подумал.

Дорожные сумки мешали взмахам рук и не давали набрать нужную скорость. Но поскольку коньки были на Марсе обычным средством передвижения, сумки снабжались особыми ремнями, чтобы можно было нести их, как рюкзаки. Джим открыл сумку. Виллис выставил глазки и с укором посмотрел на него.

— Джим долго нет.

— Извини, старина.

— Виллис не говори?

— Виллису теперь можно говорить. Слушай — если я приоткрою сумку, чтобы тебе было видно, ты не выпадешь?

— Виллис хочет гулять.

— Нельзя. Зато я тебя прокачу. Ты не вылетишь?

— Виллис не вылетишь.

— Ладно.

Джим перекинул сумку за спину, и они снова тронулись в путь, набирая скорость. Гладкий лед, малое сопротивление воздуха и слабая гравитация — все это позволяет конькобежцу на Марсе развернуться в полную силу, а Джим с Фрэнком были сильными бегунами.

— У-у! — напутствовал их Виллис, и они начали отсчитывать милю за милей.

Участок пустыни между Кинией и Хараксом находится выше, чем дно мертвого моря между Кинией и экватором. По этому стоку при таянии вода с южного полюса поступает к широкому зеленому поясу вокруг экватора. В середине зимы полярная шапка подступает к Хараксу, и двойной канал Стримон, берущий начало в Хараксе, служит одним из главных водостоков, когда шапка весной начинает таять.

Мальчики сейчас поднимались вверх по водостоку, и берега канала стояли высоко над головой. К тому же уровень воды (или льда) теперь, поздней осенью, был низким — весной он будет гораздо выше. Ничего не было видно, кроме высоких берегов, голубого неба перед ними и пурпурно-черного над головой. Солнце было у них за спиной, чуть западнее небесного меридиана, оно двигалось к северу, к моменту северного летнего солнцестояния. Времена года на Марсе не запаздывают так, как на Земле, здесь нет океанов, удерживающих тепло, и единственный «маховик» климата — это таяние и замерзание полярных шапок.

Смотреть было не на что, и мальчики сосредоточились на движении, опустив головы и размахивая руками.

После многих миль однообразного бега Джим потерял бдительность: носок его правого конька попал в трещинку на льду, и Джим упал. Благодаря скафандру он не обжегся об лед, да и падать он умел, но Виллис выскочил из сумки, как пробка из бутылки.

Попрыгунчик инстинктивно втянул все отростки разом, подпрыгнул, как мячик на льду, и покатился дальше; так он пробежал несколько сот ярдов. Фрэнк, видя, что Джим свалился, затормозил, как хоккеист, в облаке ледяной пыли и подъехал к нему.

— Ты как, ничего?

— Порядок. Где Виллис?

Они поехали вперед и обнаружили Виллиса, который стоял на ножках и ждал их.

— Ура-а! — заорал он.— Давай еще так!

— Ну уж нет,— возразил Джим и затолкал его обратно в сумку.— Слушай, Фрэнк, сколько времени мы уже в пути?

— Не больше трех часов,— определил Фрэнк, поглядев на солнце.

— Жаль, часов нет,— посетовал Джим.— Не пропустить бы станцию.

— Да до нее еще бежать добрых два часа.

— А вдруг проедем мимо? Нам же не видно, что там на берегу.

— Хочешь вернуться и проверить?

— Ну нет.

— Тогда не дергайся.

Джим замолчал, но беспокоиться не перестал. Может быть, потому он и заметил единственный признак станции Проекта, а Фрэнк прокатился мимо. Это был обычный спуск с берега на канал. Такие спуски встречались через каждые несколько миль и были такими же древними, как сами каналы, но над этим торчала балка — должно быть, для подвески талей. Джиму подумалось, что это работа землян. Он остановился. Фрэнк, заметив, что Джима нет рядом, повернул назад.

— Чего ты?

— По-моему, это то самое и есть.

— Хм-м... все может быть.

Они сняли коньки и поднялись по скату. Наверху, недалеко от берега, стоял надувной дом, отличительный признак пришельцев с Земли. Рядом был заложен фундамент кислородного завода. Джим испустил глубокий вздох. Фрэнк кивнул.

— Как раз там, где мы ожидали.

— И как раз вовремя,— добавил Джим.

Солнце клонилось к западу и на глазах опускалось все ниже.

В доме, конечно, никого не было, работы на этой широте возобновятся только весной. Давление внутри не поддерживалось, мальчики просто открыли защелку на двери и вошли. Фрэнк нашарил выключатель и включил свет; электричество вырабатывал атомный блок питания, не требующий присутствия человека. Дом был простым бараком с рядами коек и кухней, но Фрэнк был на верху блаженства.

— Прямо как дома, Джим.

— Ага.

Джим нашел термостат, включил его, и комната стала нагреваться. Послышались легкие вздохи, это регулятор давления, встроенный в термостат, включил нагнетатель. Через несколько минут мальчики смогли снять маски, а потом и скафандры. Джим стал обыскивать кухню, открывая шкафы и заглядывая на полки.

— Нашел что-нибудь? — спросил Фрэнк.

— Ни фига. Могли бы хоть банку бобов оставить.

— Вот теперь ты порадуешься, что я перед уходом ограбил кухню. Ужин через пять минут.

— У тебя прямо криминальный талант,— признал Джим.— Воздаю тебе должное.— Он попробовал кран и объявил: — Полно воды в резервуарах.

— Это хорошо,— ответил Фрэнк.— Не придется идти строгать лед. Мне надо залить воды в маску. Последние несколько миль я бежал всухую.

В гребне на респираторной маске находится не только маленький нагнетатель с источником питания, поддерживающий давление, там есть еще и резервуар для воды. Через ниппель внутри маски можно попить, не снимая ее, но это не главная функция резервуара. В первую очередь вода нужна для того, чтобы смачивать тампон, через который воздух проходит в нос.

— Как всухую? Ты что, не знаешь, что этого нельзя допускать?

— Я забыл залить воду, когда мы уходили.

— Турист!

— Ну мы ведь несколько спешили.

— Сколько времени ты был сухой?

— Не знаю точно,— уклонился Фрэнк.

— Как твое горло?

— Нормально. Разве что чуть-чуть пересохло.

— Дай я посмотрю,— сказал Джим, подойдя к нему.

Фрэнк оттолкнул его.

— Говорю тебе: нормально. Давай лучше поедим.

— Давай.

Они поужинали говяжьим фаршем и улеглись спать. Виллис пристроился Джиму под бок и передразнивал, как он храпит.

На завтрак было то же самое: фарш еще остался, а Фрэнк настаивал на том, что ничего не должно пропадать. Виллис не стал завтракать, потому что поел всего две недели назад, зато выпил целую кварту воды. Перед уходом Джим показал Фрэнку электрический фонарик.

— Смотри, что я нашел.

— Положи на место, мы уходим.

— Пожалуй, я возьму его,— ответил Джим.— Вдруг пригодится.

— Не пригодится, и он не твой.

— Ты, праведник, я ж его не ворую, а беру взаймы — при чрезвычайных обстоятельствах.

— Ладно, пошли,— пожал плечами Фрэнк.

Через несколько минут они спустились на лед и снова покатили на юг. День был чудесный, как почти все дни на Марсе. Когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы заглянуть в русло канала, воздух наполнился запахом трав, несмотря на глубокую осень. К полудню Фрэнк приметил заветную балку — знак станции Проекта, и им удалось пообедать в доме. Это избавило их от скучной, неопрятной и неэффективной операции — питаться через клапан маски. Дом был близнецом первого, но фундамент завода отсутствовал.

Перед уходом Джим сказал:

— Ты что-то красный, Фрэнк. У тебя температура?

— Это признак цветущего здоровья,— заверил Фрэнк.— Все хорошо.

Однако он кашлял, надевая маску.

«Марсианский катар»,— подумал Джим, но ничего не сказал, он все равно не мог ничем помочь Фрэнку.

Марсианский катар сам по себе не болезнь, а просто крайняя сухость носоглотки. Она появляется, когда человек дышит марсианским воздухом без защитных средств. Влажность на Марсе, как правило, равна нулю, и пересохшая слизистая оболочка открывает дорогу всем болезнетворным микробам, которые в тот момент находились в горле. Обычно дело кончается жестокой ангиной.

День прошел без происшествий. Когда солнце стало клониться к закату, можно было предполагать, что до дома осталось не более пятисот миль. Джим весь день не спускал глаз с Фрэнка. Тот бежал на коньках так же резво, как и вчера. «Может быть, кашель — просто ложная тревога»,— решил Джим.

— Пора бы подумать о ночлеге,— сказал он.

— Согласен.

Вскоре они проехали спуск, построенный давно умершими марсианами, но ни подъемной балки, ни каких-либо иных знаков деятельности землян не было видно. Берега, хоть и стали чуть пониже, все же были слишком высоки, и с канала нельзя было увидеть, что находится наверху. Джим увеличил темп, и они помчались вперед.

Показался следующий спуск, но снова ничто не указывало на то, что над ним может быть приют. Джим остановился.

— Предлагаю подняться наверх и посмотреть. Мы точно знаем, что станции строят на спусках, а балку могли и опустить.

— А если мы только потеряем драгоценное время? — возразил Фрэнк.— Лучше поторопимся и доедем до следующего спуска, пока не стемнело.

— Ну как скажешь.— Джим оттолкнулся и начал набирать скорость.

У следующего спуска история повторилась. Джим снова остановился и взмолился:

— Давай взглянем. К следующему мы не успеем до заката.

— Давай.— Фрэнк нагнулся снять коньки.

Они поднялись наверх. В косых лучах солнца не было видно ничего, кроме растительности, окружающей канал. Джим чуть не заревел от усталости и разочарования.

— Что же теперь делать? — сказал он.

— Поедем обратно,— ответил Фрэнк,— и будем бежать, пока не найдем.

— Вряд ли мы разглядим подъемную балку в темноте.

— Тогда будем бежать, пока не упадем,— мрачно сказал Фрэнк.

— Раньше мы замерзнем.

— Если хочешь знать мое мнение,— ответил Фрэнк,— то нам конец. Я, к примеру, не смогу бежать всю ночь, даже если мы не замерзнем раньше.

— Тебе плохо?

— Мягко говоря. Пошли.

— Хорошо.

Виллис вылез из сумки Джиму на плечо, чтобы лучше видеть. Внезапно он соскочил вниз и куда-то покатился. Джим не успел схватить его.

— Эй! Виллис! Назад!

Виллис не отвечал. Джим побежал его догонять, с трудом продираясь сквозь заросли. Днем он спокойно прошел бы под листьями, но теперь, к вечеру, почти все растения съежились и стали ему по колено — скоро они уйдут на ночь в землю. Более чувствительные к морозу уже исчезли, и на их месте осталась го-

лая земля. Виллису заросли не мешали, но Джим запутался в них и никак не мог найти беглеца. Фрэнк закричал:

— Берегись водоискалок! Смотри, куда идешь!

Джим стал продвигаться еще медленнее.

— Виллис,— позвал он, стоя на месте,— а, Виллис! Вернись! Вернись, чтоб тебя, а то мы уйдем и бросим тебя здесь.— Это была совершенно пустая угроза.

Фрэнк с треском продрался к нему.

— Нельзя больше здесь оставаться, Джим.

— Само собой. Кто ж его знал, что он выкинет такой номер в самый неподходящий момент?

— Надоел он до смерти, вот что. Пойдем.

Издалека донесся голос Виллиса или, скорее, голос Джима:

— Джим! Джим! Иди сюда!

Джим, а за ним и Фрэнк стали пробираться сквозь жмущиеся к земле растения. Попрыгунчик сидел на краю огромного листа пустынной капусты — все растение насчитывало пятьдесят ярдов в поперечнике. Пустынная капуста не часто встречается вблизи каналов. Это сорняк, и ее не допускают на дно бывшего моря в низких широтах, зато ее находят в пустыне за многие мили от воды.

Листья, обращенные к западу, все еще были распластаны веером по земле, но те, что смотрели на восток, поднялись почти вертикально, жадно ловя солнечные лучи, необходимые для фотосинтеза, а значит, для жизни. Растение было морозостойким и не сворачивалось до полного захода солнца, а в землю совсем не уходило. Капуста просто сжималась в тугой шар, защищаясь от холода, и тем напоминала в гигантском масштабе земное растение, в честь которого была названа.

Виллис сидел на листе, распластанном по земле, и Джим потянулся за ним.

Виллис подпрыгнул и укатился в самую середину капусты. Джим остановился и сказал:

— Виллис, чтоб тебя, вылезай. Ну пожалуйста.

— Не ходи за ним,— предостерег Фрэнк.— Вдруг она сейчас свернется. Солнце почти что село.

— Я стою на месте. Виллис! Вернись!

— Иди сюда, Джим,— отозвался Виллис.

— Нет, это ты иди сюда.

— Джим, иди сюда. Фрэнк, иди сюда. Там холодно. Здесь тепло.

— Фрэнк, что делать?

— Иди, Джим,— снова позвал Виллис.— Тепло! Тепло всю ночь.

— Знаешь что, Фрэнк,— опешил Джим.— Кажется, он хочет пересидеть ночь в капусте. И зовет нас к себе.

— Похоже на то.

— Иди, Джим! Иди, Фрэнк! — настаивал Виллис.— Скорей!

— Может, он и знает, что делает,— сказал Фрэнк.— Док говорит, у него есть инстинкты для жизни на Марсе, а у нас нет.

— Но нельзя же лезть в капусту. Она нас раздавит.

— Не знаю.

— А нет, так задохнемся.

— Возможно. Делай как знаешь, Джим,— сказал вдруг Фрэнк,— я больше не могу бежать на коньках.

Он поставил ногу на широкий лист, который при этом дрогнул, и пошел прямо к Виллису. Джим какой-то миг колебался, потом бросился следом.

— Молодец, Фрэнк! Молодец, Джим! — восторженно приветствовал их Виллис.— Хорошо, тепло всю ночь.

Солнце опускалось за отдаленную дюну, подул холодный закатный бриз. Наружные листья растения поднялись и начали сворачиваться.

— Еще не поздно выскочить, Фрэнк,— нервно сказал Джим.

— Я остаюсь,— сказал Фрэнк, сам глядя с тревогой на приближающиеся листья.

— Мы задохнемся.

— Возможно. Все лучше, чем замерзнуть.

Внутренние листья закрывались быстрее, чем наружные. Один лист, четырех футов в ширину и десяти в длину, поднялся дыбом за спиной у Джима и стал скручиваться, пока не коснулся его плеча. Джим нервно стряхнул его. Лист отпрянул и снова медленно пополз к Джиму.

— Фрэнк,— пронзительно вскрикнул Джим,— они нас задушат!

Фрэнк тоже со страхом смотрел, как сжимаются листья вокруг него.

— Джим,— сказал он,— сядь. Расставь ноги пошире. Теперь бери меня за руки, сделаем свод.

— Зачем?

— Чтобы захватить как можно больше места. Скорей!

Джим послушался. Действуя руками, локтями и коленями, они отвоевали себе неправильную сферу пяти футов в поперечнике и примерно столько же высотой. Листья коснулись их, словно ощупывая, а потом сомкнулись вокруг них, но не с такой силой, чтобы раздавить. Вскоре закрылся последний просвет, и они оказались в полной темноте.

— Фрэнк,— спросил Джим,— теперь-то можно шевелиться?

— Нет! Пусть наружные листья тоже станут на место.

Джим еще долго просидел неподвижно, он знал, что долго, потому что досчитал в уме до тысячи и уже приступил ко второй, когда у него в ногах закопошился Виллис.

— Джим, Фрэнк, хорошо, тепло, да?

— Да, Виллис,— согласился Джим.— Ну как, Фрэнк?

— Пожалуй, можно расслабиться,— Фрэнк опустил руки. Лист, служивший потолком, тут же полез вниз и задел Фрэнка по голове. Тот инстинктивно отмахнулся, и лист вернулся на место.

— Здесь уже душно,— сказал Джим.

— Не волнуйся, ничего страшного. Не дыши глубоко, не говори и не двигайся, тогда меньше кислорода уйдет.

— Какая разница, задохнемся мы через десять минут или через час? Это было безумие, Фрэнк. Как ни крути, до утра нам не дотянуть.

— Почему? Я читал, как в Индии люди давали хоронить себя заживо, а когда их откапывали спустя несколько дней или даже недель, они еще были живы. Они назывались «факиры».

— Факиры или еще кто, я в это не верю.

— Говорю тебе, я читал это в книге.

— Что ж, по-твоему, все, что пишут в книгах, правда?

— Хорошо бы это было правдой,— поколебавшись, ответил Фрэнк,— потому что это наш единственный шанс. А теперь, может, заткнешься? Если будешь трепаться, то изведешь весь воздух, который еще есть, и мы все помрем из-за тебя.

Джим замолчал, и слышно было только, как дышит Фрэнк. Джим наклонился и потрогал Виллиса: попрыгунчик был гладкий, наверное, спал. Потом дыхание Фрэнка перешло в скрипучий храп.

Джим попытался заснуть, но не смог. Непроглядная тьма и спертый воздух давили на него, как груз. Он снова пожалел о своих часах, ставших жертвой деловой сметки Смайта. Если бы знать, который час и сколько еще до рассвета, тогда бы он, пожалуй, выдержал.

Он был убежден, что ночь уже прошла или на исходе, и стал ждать рассвета, когда капуста раскроется. Прождав, по своим расчетам, часа два в надежде, что это вот-вот произойдет, Джим начал паниковать. Он знал, что зима совсем близко, и знал, что пустынная капуста на зиму засыпает — закрывается до весны, и все. Очевидно, им с Фрэнком здорово не повезло: они нашли приют в капусте в ту самую ночь, когда она закрылась на зиму.

Пройдет двенадцать долгих месяцев, больше трехсот дней, и капуста раскроется навстречу весеннему солнцу, освободив их мертвые тела. Джим был уверен в этом.

Потом он вспомнил про фонарик, который прихватил на первой станции Проекта. Эта мысль немного приободрила Джима, и на миг он забыл свои страхи. Он наклонился, извернулся и попробовал достать сумку, все еще висевшую за спиной.

Листья у него над головой полезли вниз. Он стукнул по ним, и они отпрянули. Джиму удалось нащупать фонарик, он вытащил его и включил. Замкнутое пространство ярко осветилось. Фрэнк перестал храпеть, моргнул и сказал:

— Что это?

— Да вот вспомнил про фонарик. Хорошо, что я его взял, правда?

— Ты лучше выключи его и спи.

— Он кислорода не поглощает, а мне с ним легче.

— Может, и так, зато ты, когда не спишь, поглощаешь больше кислорода.

— Наверное.— Тут Джим вспомнил, что мучило его до того, как он зажег свет.— Только нам это все равно,— и он рассказал Фрэнку о своем открытии: больше они отсюда не выйдут.

— Чепуха! — сказал Фрэнк.

— Ничего не чепуха. Почему ж она тогда не раскрылась на рассвете?

— Потому что,— сказал Фрэнк,— мы здесь не больше часа.

— Что?

— Не больше часа. Заткнись и не мешай мне спать. А свет лучше выключи.

Джим заткнулся, но свет не выключил — свет успокаивал его. Кроме того, ближайшие листья, которые все время надоедливо лезли им на голову, теперь намного отодвинулись и плотно прилипли к стенке, образованной слоями наружных листьев. Следуя законам природы, листья старались подставить как можно больше поверхности свету фонарика.

Джим не анализировал это явление. Его понятия о фотосинтезе и гелиотропизме были очень поверхностными. Он просто видел, что при свете пространство увеличилось и не приходится все время воевать с листьями. Он приткнул фонарик к Виллису, который даже не шевельнулся, и закрыл глаза.

При свете казалось, что внутри не так душно и давление как будто повысилось. Джим подумал, не снять ли маску, но решил не делать этого и сам не заметил, как уснул.

Ему приснился сон. Ночлег в пустынной капусте был всего лишь фантастическим, причудливым сном, а школа и директор Хоу кошмаром; он был дома и спал в своей кровати с Виллисом под боком. Завтра они с Фрэнком поедут в школу в Малый Сырт.

Это был просто кошмарный сон, вызванный опасениями, что у него отберут Виллиса. Они собрались отнять у него Виллиса! Не бывать этому! Джим его не отдаст!

Сон переменился: Джим снова восставал против директора Хоу, спасал Виллиса и убегал, и снова они были заперты в пустынной капусте. Джим с горечью сознавал во сне, что конец всегда будет таким. Это реальность: они заперты, пойманы в сердцевину гигантского, закрывшегося на зиму сорняка и умрут там. Он задыхался и бормотал сквозь сон, пытаясь проснуться, и уходил в другой, не такой тяжелый сон.

7. ПОГОНЯ

Крохотный Фобос, внутренний спутник Марса, вышел из его тени и с головокружительной скоростью пролетел с запада на

восток, навстречу восходящему солнцу. Неспешное вращение Красной планеты, делавшей оборот за двадцать четыре с половиной часа, подставило под лучи солнца восточный Стримон. Через полосу пустыни между рукавами канала лучи достигли западного Стримона и коснулись огромного шара, торчащего на его восточном берегу — пустынной капусты, закрывшейся на ночь от холода.

Растение шевельнулось и раскрылось. Сторона, обращенная к солнцу, распласталась по земле, а вторая половина развернулась, как павлиний хвост, ловя почти горизонтальные лучи. При этом из сердцевины растения что-то вывалилось на плоские листья — два человеческих тела, скрюченных и застывших, одетых в нелепые эластичные костюмы, с карикатурными шлемами на головах.

Вместе с ними вывалился мяч, прокатился пару ярдов по толстым зеленым листьям и остановился. Вверху показались глазки, внизу — ножки, шарик поковылял к распростертым телам и потерся об одно из них. Подождал, потерся снова, отскочил и тоненько заскулил, выражая свое безутешное горе и невосполнимую потерю.

Джим открыл один глаз, налитый кровью.

— Прекрати к черту этот шум,— рявкнул он.

Виллис завопил:

— Джим, мой мальчик!

Вскочил ему на живот и начал там прыгать в полном экстазе.

Джим смахнул его и взял под мышку.

— Уймись. Как ты себя ведешь? Ой!

— Ты чего, Джим?

— Рука затекла. У-уй! — Джим понял, что у него затекли и ноги, и спина, и шея.

— Что с тобой? — спросил Фрэнк.

— Застыл, как доска. Придется коньки на руки надевать. Слушай...

— Чего «слушай»?

— Может, коньки и не понадобятся. Интересно, ручьи уже бегут?

— Что ты такое несешь? — Фрэнк медленно, осторожно сел.

— Ну ручьи, весенние. Нам как-то удалось протянуть зиму, не знаю почему.

— Не будь глупее, чем ты есть. Посмотри, где солнце встает.

Джим посмотрел. Марсианскому колонисту положение солнца на небе говорит гораздо больше, чем любому землянину, за исключением разве что эскимоса.

— А-а...— только и сказал он,— это, наверное, был сон.

— То ли сон, то ли мозги у тебя свихнулись набекрень больше обычного. Надо двигаться.— И Фрэнк со стоном поднялся на ноги.

— Как ты себя чувствуешь?

— Как собственный дедушка.

— Я про горло спрашиваю.

— Да нормально.— И Фрэнк тут же закашлялся, но усилием воли остановил приступ: очень неудобно кашлять, когда на тебе респиратор, а чихать еще хуже.

— Позавтракать не хочешь?

— Нет, не хочу пока,— ответил Фрэнк.— Давай сначала поищем станцию, тогда и поедим, как люди.

— Давай.

Джим упаковал Виллиса обратно в сумку и убедился, что стоять и ходить может. Заметив фонарик, он сунул его к Виллису и пошел за Фрэнком на берег. Растительность начинала вылезать из земли и все больше мешала ходьбе. Зелень еще не отошла от ночного холода и неохотно уступала дорогу. Они вышли на берег.

— Спуск должен быть ярдов на сто вправо,— определил Фрэнк.— Точно, я его вижу. Пошли.

Джим схватил его за руку и оттащил назад.

— Ты что, обалдел?

— Погляди на канал к северу.

— Чего там? А-а!

К ним приближался скутер, но не со скоростью двести пятьдесят миль в час, обычной для него, он еле полз. Наверху, на куполе, сидело двое человек.

Фрэнк быстро отпрянул назад.

— Молодец, Джим. Я чуть было не вылез прямо на них. Пусть проедут.

— Виллис тоже молодец,— наставительно заметил Виллис.

— Проедут, как же! — ответил Джим.— Ты что, не видишь, что они делают?

— Что?

— Идут по нашим следам, вот что!

Пораженный Фрэнк выглянул из укрытия.

— Осторожно! — одернул Джим.— У него бинокль.

Фрэнк нырнул обратно, он видел достаточно: скутер остановился примерно в том месте, где и они вчера вечером. Один из тех, что сидел наверху, через обзорный купол жестами разговаривал с водителем, показывая на спуск.

Следы коньков никогда не исчезают со льда канала — разве что при оттепели, а сейчас канал прочно замерз на зиму. И вряд ли еще кто-нибудь, кроме двух беглецов, мог бежать на коньках по этому отрезку канала, вдали от всякого жилья, и в это время. Следы скутеров, конечно, тоже отпечатывались на льду, но Джим и Фрэнк, как все конькобежцы, избегали их, предпочитая гладкий лед. Теперь их след, как по нитке, мог привести любого от станции Киния к ближайшему спуску.

— Залезем обратно в кусты,— прошептал Джим,— и спрячемся, пока они не уйдут. В этих зарослях им нас никогда не найти.

— А вдруг не уйдут? Хочешь провести еще одну ночь в капусте?

— Когда-нибудь им ведь придется уйти.

— Да, но это будет не скоро. Они знают, что мы поднялись на берег в том месте, значит, останутся и будут искать, мы столько не выдержим. Им легче, у них есть укрытие.

— Что же тогда делать?

— Пойдем на юг по берегу пешком, хотя бы до следующего спуска.

— Ну пошли, а то они вот-вот поднимутся.

С Фрэнком во главе они рысцой двинулись по берегу. Растения теперь поднялись достаточно высоко, чтобы можно было пройти под ними. Фрэнк держался футах в тридцати от обрыва. Сумрак под листвой и стебли трав укрывали их от преследователей.

Джим был начеку, высматривая змеечервей и водоискалок, и велел Виллису тоже следить. Они шли с хорошей скоростью. Через несколько минут Фрэнк остановился, знаком призвал к молчанию, и они прислушались. Джим слышал только хриплое дыхание Фрэнка, если погоня и шла за ними, то отстала.

Они отошли уже мили на две к югу от спуска, и Фрэнк внезапно остановился. Джим налетел на него, и оба чуть не скатились в то, что послужило причиной остановки,— в поперечный канал. Он шел с востока на запад и был притоком главного канала. Между Кинией и Хараксом таких было несколько. Некоторые соединяли восточный рукав Стримона с западным, другие просто отводили воду в местные водоемы.

Джим заглянул в глубокий и узкий проем.

— Надо же, чуть не свалились.

Фрэнк не ответил. Он упал на колени и схватился за голову: на него напал кашель. Потом приступ прекратился, но плечи Фрэнка продолжали вздрагивать, будто он беззвучно рыдал. Джим положил руку ему на плечо.

— Худо тебе, парень?

Фрэнк не ответил.

— Бедный наш Фрэнк! — сказал Виллис и поцокал, как будто языком.

Джим в раздумье снова перевел взгляд на канал. Фрэнк поднял голову и сказал:

— Я ничего. Это просто минутное — вдруг этот канал и снова задержка из-за него. Я так устал.

— Слушай, Фрэнк,— сказал Джим,— у меня новый план. Я пойду вдоль этой канавы на восток, пока не найду, где можно спуститься. А ты пойдешь назад и сдашься.

— Нет!

— Дай договорить! Это будет только разумно. Ты слишком сильно болен, чтобы идти. Если ты останешься здесь, то умрешь, надо себе в этом сознаться. Кто-то должен рассказать обо всем нашим, и это буду я. Ты идешь к скутеру, сдаешься и врешь им, что я, мол, пошел туда-то и туда-то — в другую сторону, конечно. Если соврешь убедительно, это может сбить их со следа, и весь день они будут гоняться за собственным хвостом, а у меня будет передышка. Ты тем временем полежишь в скутере, в тепле и безопасности, а завтра тебя поместят в школьный лазарет. Это только разумно, правда?

— Нет.

— Почему «нет»? Ты просто упрямишься.

— Нет,— повторил Фрэнк,— ничего не выйдет. Во-первых, я не дамся им в руки, лучше умру.

— Дурак!

— Сам дурак. Во-вторых, передышка в один день ничего тебе не даст. Когда они убедятся, что там, где я сказал, тебя нет, они вернутся, прочешут канал на скутере и завтра же тебя поймают.

— Что же ты предлагаешь?

— Не знаю, но твой план не годится.

Несколько минут оба молчали, потом Джим спросил:

— Какой у них скутер?

— Обычный грузовой, «Хадсон-600», по-моему. А что?

— Смогут они развернуться здесь?

Фрэнк посмотрел на поперечный канал с высокого берега: уровень воды в нем был таким низким, что ширина льда не достигала и двадцати футов.

— Не смогут,— ответил он.

— Значит, не будут обыскивать приток на скутере — по крайней мере, на этом.

— Без тебя ясно,— перебил Фрэнк.— Ты хочешь выйти на восточный Стримон и по нему добираться домой. Но откуда ты знаешь, выводит к нему эта канава или нет? Ты так хорошо помнишь карту?

— Нет, не помню. Но вероятность большая. А если нет, одну часть пути мы пробежим, а другую часть пройдем пешком, вот и все.

— Когда мы выйдем на восточный рукав, нам все равно останется миль пятьсот до Харакса. На этом рукаве хотя бы станции есть, просто мы вчера одну пропустили.

— На восточном рукаве так же могут быть станции, как и на западном,— возразил Джим.— Весной работы по Проекту начнутся и здесь, и там. Я знаю, отец без конца говорит об этом. А по этому рукаву дальше идти просто нельзя, нас здесь ищут. Так чего зря языком молоть? Вопрос только в том, сможешь ты бежать на коньках или нет? Если нет, я все-таки за то, чтобы ты сдался.

— Смогу,— мрачно сказал Фрэнк и встал.— Идем.

Они смело вышли на каменную кромку канала и убедились, что их преследователи все еще обыскивают окрестности того ме-

ста, где оборвался след. Пройдя три или четыре мили на восток, они обнаружили спуск на лед.

— Попытаем счастья? — спросил Джим.

— Конечно. Даже если они пошлют вдогонку человека на коньках, не думаю, чтобы он добрался до этого места — следов-то нет. Я устал идти пешком.

Они сошли вниз, надели коньки и покатили вперед. Ходьба излечила почти все последствия сна в неудобном положении, хорошо было снова оказаться на льду. Джим подстраивался под Фрэнка, а тот, несмотря на болезнь, бежал ровно, оставляя позади милю за милей.

Они проехали около сорока миль, и берега стали гораздо ниже. У Джима при виде этого екнуло сердце: должно быть, канал не доведет их до восточного рукава, это всего лишь сток, ведущий к какой-то впадине в пустыне. Свои подозрения он оставил при себе, но еще через час щадить друга больше не было смысла, истина стала очевидной. Берега стали такими низкими, что можно было видеть, что наверху, а лед впереди больше не сливался с голубым небом, а обрывался невдалеке.

Они дошли до этого места — там было замерзшее болото. Берега исчезли, во все стороны простирался неровный лед, обрамленный вдали зеленью. Кое-где из-подо льда торчали пучки травы, прихваченной морозом.

Друзья продолжали идти на восток, скользили на коньках, где было можно, проходили пешком через островки суши. Наконец, Фрэнк сказал:

— Конечная! Все выходят!

И сел снять коньки.

— Прости, Фрэнк.

— За что? Дальше пойдем пешком. Наверное, не так уж много осталось.

Они прошли зеленый пояс, двигаясь достаточно скоро для того, чтобы растения успевали дать им дорогу. Растительность, окружавшая болото, была ниже, чем у канала,— по плечо мальчикам, и листья были меньше. Пройдя пару миль, Джим и Фрэнк оказались в песках.

По рыхлым холмам красного оксида железа идти было тяжело, а дюны, на которые надо было либо взбираться, либо обходить их, еще больше затрудняли дорогу. Джим предпочитал взбираться на холм, даже когда Фрэнк обходил, и смотрел, не покажется ли на горизонте темно-зеленая линия, указывающая на близость восточного Стримона. Но она не показывалась.

Виллис настоял, чтобы его спустили вниз, и первым делом искупался в чистом песке, а потом стал рыскать впереди, разведывая дорогу и распугивая жуков-вертунов. Джим только что влез на дюну и спускался с нее, и тут он услышал отчаянный вопль Виллиса. Он оглянулся.

Фрэнк огибал дюну с Виллисом впереди. Теперь попрыгунчик замер на месте, а Фрэнк ничего не замечал, он тащился, волоча ноги и опустив голову. Прямо перед ними изготовилась к нападению водоискалка. Дистанция была длинной даже для опытного снайпера. Вся сцена стала казаться Джиму какой-то нереальной. У него было впечатление, что теперь Фрэнк застыл на месте, а водоискалка медленно движется к своим жертвам. А у него самого была целая бездна времени, чтобы вынуть пистолет, тщательно прицелиться и выстрелить.

Огонь сразу охватил хищницу, но она продолжала двигаться.

Джим снова прицелился и нажал на спуск. Луч, направленный точно в середину туловища, разрезал зверя пополам, словно циркулярная пила, но он продолжал двигаться, пока обе половины не распались, извиваясь. Огромный кривой коготь левой лапы остановился в нескольких дюймах от Виллиса.

Джим бегом спустился с дюны. Фрэнк, который больше не казался ему статуей, действительно стоял на месте и смотрел, хлопая глазами, на то, что чуть не стало для него внезапной и кровавой смертью.

— Спасибо,— сказал он подошедшему Джиму.

Джим, не ответив, лягнул ногу зверя, которая дергалась.

— Дрянь такая,— с силой сказал он.— Ух, до чего я их ненавижу. Всех бы спалил, сколько их есть на Марсе, всех до единой.— Он осмотрел туловище, нашел яичник и тщательно выжег его.

Виллис не шевелился и тихо плакал. Джим подошел, взял его и положил в сумку.

— Давай будем держаться вместе,— сказал он.— Если не хочешь лазить на дюны, мы их будем обходить.

— Ладно.

— Фрэнк!

— Да? Что, Джим? — безжизненным голосом спросил Фрэнк.

— Что ты видишь впереди?

— Впереди? — Фрэнк мужественно попытался сфокусировать взгляд — перед глазами стоял туман.— Да это же канал, то есть зеленый пояс. Кажется, мы дошли.

— А еще что? Башню видишь?

— Что? Где? Да, вроде вижу. Точно, башня.

— Ради всего святого, Фрэнк! Ты понимаешь, что это значит? Марсиане!

— Да, наверное.

— Ну так приободрись малость!

— С чего это?

— Марсиане возьмут нас к себе, они добрые! И ты сможешь отдохнуть в тепле, прежде чем идти дальше.

Фрэнк немного оживился, но ничего не сказал.

— Может, они и Гекко знают,— продолжал Джим.— Вот будет здорово.

— Все может быть.

Им пришлось тащиться еще около часа, пока они не добрались до маленького марсианского городка. Он был такой маленький, что мог похвалиться всего одной башней, но в глазах Джима он был прекраснее Большого Сырта. Идя вдоль стены, они нашли ворота.

Стоило пробыть внутри несколько минут, и радужные надежды Джима поблекли. Еще до того, как он увидел заросший сорной травой городской сад, пустые аллеи и площадки для игр открыли ему печальную правду: город был покинут.

Марс когда-то, очевидно, был гораздо гуще населен аборигенами, чем сейчас. Здесь встречаются города-призраки, и даже в крупных населенных центрах, таких как Харакс, Большой и Малый Сырт, Гесперид, есть заброшенные кварталы, по которым иногда водят туристов с Земли. А этот городок, скорее всего, никогда не имевший большого значения, опустел, должно быть, еще до того, как Ной заложил киль своего ковчега.

Джим стоял на центральной площади, и ему не хотелось говорить. Фрэнк сидел на слитке металла с вытравленными на нем письменами,— чтобы прочесть их, не один земной ученый отдал бы правую руку.

— Ладно,— сказал Джим,— отдохни немного, а потом, наверное, надо будет поискать спуск на канал.

— Без меня,— тусклым голосом сказал Фрэнк.— Я больше не могу идти.

— Не говори так.

— Я говорю как есть, Джим.

— Вот что,— забеспокоился Джим,— пойду-ка я пошарю тут кругом. Эти города под землей, как соты. Я найду, где нам укрыться на ночь.

— Как хочешь.

— Ты сиди, не уходи никуда.— Тут Джим заметил, что Виллиса нет, и вспомнил, что тот выпрыгнул из сумки, когда они входили в город.— Виллис! Куда он делся?

— Откуда я знаю?

— Надо его найти. Виллис! Эй, Виллис! Иди сюда, парень!

Джиму отвечало только эхо со всех сторон мертвой площади.

— Эгей, Джим!

Вот это, без сомнения, откликнулся Виллис — он был где-то поблизости. Вскоре он появился, и не один: его нес марсианин. Марсианин подошел, выставил третью ногу, наклонился и что-то ласково прогудел Джиму.

— Что он говорит, Фрэнк?

— Да не знаю я. Скажи ему, пусть убирается.

Марсианин снова заговорил. Джим отказался от попытки использовать Фрэнка как переводчика и постарался вникнуть в смысл. Он понял перевернутый символ вопроса: его то ли приглашали куда-то, то ли что-то предлагали. Было также окончание, обозначающее движение, но корень был Джиму неизвестен. Джим ответил вопросительным символом, надеясь, что марсианин повторит свои слова. За него ответил Виллис.

— Пошли, Джим,— хорошее место!

«Почему бы и нет?» — подумал Джим и ответил:

— Хорошо, Виллис.

Марсианину он ответил символом согласия и чуть не надорвал глотку, воспроизводя тройной гуттуральный звук, совершенно нечеловеческий. Марсианин повторил его в обратном порядке, втянул ближнюю к ним ногу и зашагал прочь, не оглядываясь. Пройдя ярдов двадцать пять, он заметил, что за ним никто не последовал, быстро вернулся и произнес общий вопросительный символ, обозначающий «Что случилось?»

— Виллис,— поспешно сказал Джим,— я хочу, чтобы он нес Фрэнка.

— Нести Фрэнк?

— Да, как нес его Гекко.

— Гекко нет. Это К'бумч.

— К'бумк его звать?

— Нет, К'бумч,— поправил Виллис.

— Так вот, я хочу, чтобы К'бумч нес Фрэнка, как Гекко.

Виллис с марсианином помычали и покаркали, потом Виллис сказал:

— К'бумч хочет знать: Джим знает Гекко?

— Скажи ему: мы друзья, мы вместе испили воды.

— Виллис уже сказал.

— А как насчет Фрэнка?

Оказалось, что Виллис сказал их новому знакомому и об этом. К'бумч взял Фрэнка в свои ладони и поднял. Фрэнк открыл глаза и снова закрыл, ему, как видно, безразлично было, что с ним делают.

Джим побежал за марсианином, еле успев схватить коньки Фрэнка со слитка, на котором тот сидел. Марсианин привел их в большое здание, которое внутри казалось еще больше, чем снаружи, благодаря цветным огням, горящим на стенах. Не задерживаясь там, марсианин сразу прошел под арку в дальней стене — там был спуск в туннель.

Марсиане, должно быть, так и не изобрели ступенек: скорее всего, просто не нуждались в них. Слабое притяжение Марса, составляющее всего тридцать восемь процентов земного, позволяет пользоваться скатами, которые на Земле показались бы опасно крутыми. Марсианин вел Джима по этим спускам все ниже и ниже.

Джим вскоре обнаружил, как раньше под Кинией, что давление стало выше, и сдвинул маску с чувством глубокого облегчения: он не снимал ее больше суток. Давление возросло внезапно, поэтому Джим рассудил, что дело тут не в спуске вниз, и не настолько уж глубоко они спустились, чтобы давление могло так измениться.

«Интересно,— думал Джим,— как они ухитряются это делать? Куда нам до них с нашими шлюзами».

Наконец, они пришли в большой зал под куполом, где с потолка шел ровный свет. Стены состояли из сплошных арок. К'бумч остановился и снова задал Джиму какой-то вопрос, в котором упоминалось имя Гекко. Джим порылся в памяти и старательно составил такую фразу:

— Мы с Гекко испили из одной чаши. Мы друзья.

Марсианин, кажется, остался доволен. Он прошел в одну из арок, в боковую комнату, и осторожно положил Фрэнка на пол. За ними бесшумно задвинулась дверь. Для марсиан комнатка была совсем маленькая, и в ней было несколько рамок для сидения. К'бумч пристроил свою нескладную фигуру в одну из них.

Джим вдруг почувствовал, что тяжелеет, и неожиданно для себя уселся на пол. Чувство тяжести сопровождалось легкой сонливостью, и Джим остался сидеть.

— Как ты, Фрэнк? — спросил он.

Фрэнк что-то пробормотал. Дышал он тяжело и хрипло. Джим снял с него маску и потрогал лицо: оно было горячим. Больше пока он ничего не мог сделать для Фрэнка. Чувство тяжести не оставляло его. Марсианин, похоже, был не расположен к разговору, да Джима и не тянуло разговаривать на его языке. Виллис стал гладким. Джим лег рядом с Фрэнком, закрыл глаза и попытался ни о чем не думать.

Потом он ощутил на миг, что стал легким, почти до головокружения, снова отяжелел и не мог понять, что это с ним творится. Он полежал еще несколько минут, потом К'бумч наклонился над ним и что-то сказал. Джим сел, и оказалось, что с ним снова все в порядке. К'бумч поднял Фрэнка, и они вышли.

В большом зале с куполом ничего не изменилось, только теперь там собралось много марсиан, больше тридцати. Когда К'бумч с ношей на руках, а за ним и Джим вышли из дверей, один

из марсиан отделился от остальных и подошел к ним. Для марсианина он был невелик ростом.

— Джиммарло,— сказал он, употребив звательный символ.

— Гекко! — завопили в два голоса Джим и Виллис.

Гекко склонился над ним.

— Друг мой,— мягко прогудел он.— Мой маленький, изувеченный друг.

Он взял Джима на руки и понес куда-то, а другие марсиане уступали ему дорогу.

Гекко быстро шел по каким-то туннелям. Оглянувшись, Джим увидел, что К'бумч и вся прочая компания следует за ними по пятам, и покорился обстоятельствам. Гекко вошел в комнату средних размеров и опустил Джима на пол, а рядом с ним положили Фрэнка. Фрэнк заморгал и спросил:

— Где это мы?

Джим посмотрел по сторонам. В комнате было несколько рамок для сидения, составленных в круг. На куполе изображено было небо. По одной стене протекал канал, прямо как настоящий. На стенах повторялся барельеф марсианского города, перья его башен парили в воздухе. Джим узнал эти башни, узнал город; он узнал эту комнату. Это была та самая комната, в которой он «произрастал» с Гекко и его друзьями.

— Провалиться мне на месте, Фрэнк, мы опять в Кинии.

— Как? — Фрэнк сел, обвел глазами комнату, снова лег и крепко зажмурил глаза.

Джим не знал, смеяться ему или плакать. Столько усилий! Побег, стремление добраться до дома, благородный отказ Фрэнка сдаться преследователям, несмотря на болезнь и усталость, ночь в капусте — и вот вам, пожалуйста: они снова в трех милях от станции Киния.

8. ИНОЙ МИР

Джим налаживал хозяйство — и уход за больным — в самой маленькой комнате, которую смог подобрать ему Гекко. Сразу после прибытия состоялось «произрастание», после которого

Джим, как и в прошлый раз, обнаружил, что его марсианский язык обогатился. Он дал Гекко понять, что Фрэнк болен и нуждается в уходе.

Гекко предложил взять заботу о Фрэнке на себя, но Джим отказался. Марсианская терапия то ли излечит Фрэнка, то ли убьет. Зато Джим попросил побольше питьевой воды — это было его правом, ведь он был «водный друг», почти что названый брат, а еще попросил цветной марсианский шелк, который предлагали им раньше вместо рамок. Из этого шелка Джим сделал мягкую постель для Фрэнка, а рядом гнездышко для себя и Виллиса. Он уложил Фрэнка, приподнял его, чтобы напоить как следует, и стал ждать, когда другу полегчает.

В комнате было как раз в меру тепло. Джим снял скафандр, потянулся и почесался. Потом стянул скафандр с Фрэнка и прикрыл его огненно-красным шелком. Порылся у Фрэнка в сумке и посмотрел, что там есть из еды. До сих пор он был занят и слишком устал, чтобы думать о желудке, теперь от одного вида этикеток у него потекли слюнки. Он выбрал банку с синтетическим витаминизированным апельсиновым соком и искусственное куриное филе. Последнее происходило из дрожжевого резервуара в Северной колонии, но Джим привык к дрожжевым протеинам, и филе было для него не менее соблазнительно, чем настоящее белое мясо. Насвистывая, он вынул нож и приступил к делу.

Виллис куда-то смылся, но Джим по нему не скучал, он почему-то не беспокоился о Виллисе, пока они были в марсианском городе: здешняя атмосфера дышала миром и безопасностью. Даже о больном Джим почти позабыл, пока не закончил есть и не вытер рот.

Фрэнк все еще спал, но дышал хрипло, и его лицо пылало. Хотя в комнате было тепло и давление почти равнялось нормальному, воздух был по-марсиански сухой. Джим достал из сумки носовой платок, намочил его и прикрыл Фрэнку лицо. Время от времени он смачивал платок снова. Потом достал еще платок, тоже намочил и обвязал себе вокруг носа.

Пришел Гекко в сопровождении Виллиса.

— Джиммарло,— сказал он и сел.

— Гекко,— ответил Джим, смачивая платок Фрэнку.

Марсианин так долго молчал, что Джим подумал, не ушел ли он в «иной мир», но оказалось, что Гекко наблюдает за ним с живейшим интересом.

Некоторое время спустя Гекко спросил, что это Джим делает и зачем.

Джим попытался объяснить, что его племя кроме воздуха должно дышать еще и водой, но его марсианский словарь, несмотря на «произрастание», был недостаточно богат. Он сдался, и снова наступило молчание. Потом Гекко ушел, а за ним и Виллис.

Вскоре Джим заметил, что его повязка и платок Фрэнка сохнут не так быстро, как раньше, потом они вообще перестали просыхать. Он снял повязку — в ней было неудобно — и решил, что Фрэнк тоже вполне может обойтись без мокрого платка.

Вернулся Гекко. После десятиминутной паузы он заговорил, проявив почти безумную для марсианина спешку. Он хотел узнать, достаточно ли теперь воды в воздухе? Джим заверил его, что достаточно, и поблагодарил. Помолчав еще минут двадцать, марсианин ушел. Джим решил лечь спать. День был длинный и тяжкий, а прошлая ночь не очень-то способствовала отдыху. Джим поискал взглядом выключатель, но так и не нашел. Он махнул рукой, натянул разноцветное покрывало до подбородка и уснул.

— Эй, Джим, проснись.

Джим приоткрыл глаза и снова закрыл.

— Уйди.

— Да очнись ты. Я уже два часа не сплю, а ты все храпишь. Мне надо узнать у тебя кое-что.

— Что ты хочешь узнать? Да, как ты себя чувствуешь?

— Я? Прекрасно. Почему ты спрашиваешь? Мы где?

Джим посмотрел на Фрэнка. Лихорадочный румянец пропал, и голос нормальный, без хрипоты.

— Ты вчера был здорово болен,— пояснил Джим,— и, по-моему, не в себе.

Фрэнк наморщил лоб.

— Может быть. Паршивые сны мне снились, это точно. Один был прямо ненормальный — про пустынную капусту.

— Это был не сон.

— Что?

— Я говорю, что пустынная капуста — это не сон, и все остальное тоже. Ты знаешь, где мы?

— Нет, потому и спрашиваю.

— Мы в Кинии, вот мы где.

— В Кинии?

Джим попытался кратко изложить Фрэнку события последних двух дней. Каким образом их доставили с восточного канала в Кинию, рассказать он не мог, поскольку сам толком не понимал.

— Наверное, это что-то вроде подземки, идущей параллельно каналу. Ну подземка — ты ведь читал про нее.

— Марсиане такой техникой не пользуются.

— Марсиане построили каналы.

— Да, но это было давным-давно.

— Может, они и подземку построили давным-давно. Откуда ты знаешь?

— Ну построили так построили. Я есть хочу. Осталось у нас что-нибудь?

— Конечно.— Джим огляделся, ища Виллиса, его все еще не было.— Поищу-ка я Гекко и спрошу у него, где Виллис,— забеспокоился он.

— Ненормальный,— сказал Фрэнк.— Давай завтракать.

— Ну давай.

Покончив наконец с едой, Фрэнк перешел к основному вопросу.

— Ладно, значит, мы в Кинии, а нам надо домой, и побыстрее. Вопрос в том, как туда попасть? Насколько я понимаю, раз марсиане так быстро сумели доставить нас сюда, они могут доставить нас и обратно, а там мы двинем домой по восточному Стримону. Как тебе идея?

— По-моему, годится,— ответил Джим,— только...

— Тогда первым делом надо найти Гекко и договориться. Чего тянуть?

— Первым делом,— возразил Джим,— надо найти Виллиса.

— Зачем? Мало тебе было с ним хлопот? Оставь ты его, он здесь счастлив.

— Фрэнк, ты совершенно неправильно относишься к Виллису. Разве не он выручил нас из беды? Если бы не Виллис, ты бы сейчас выкашливал легкие в пустыне.

— Если бы не Виллис, мы бы в эту беду не попали.

— Ну, это просто нечестно. По правде говоря...

— Ладно, ладно. Иди ищи своего Виллиса.

Джим оставил Фрэнка прибираться после завтрака и вышел. Впоследствии он так и не смог связно рассказать о том, что случилось после, хотя некоторые факты оставались непреложными. Он стал разыскивать Гекко и спросил о нем первого же попавшегося ему в коридоре марсианина самым варварским образом: произнес символ вопроса и назвал имя.

Джим не был одаренным лингвистом и не обещал им стать, но его метод сработал. Марсианин отвел Джима к другому марсианину — так горожанин на Земле отвел бы приезжего к полицейскому,— а тот привел его к Гекко.

Джиму не составило большого труда объяснить Гекко, чего он хочет: чтобы ему вернули Виллиса. Гекко выслушал его и ласково объяснил, что это невозможно.

Джим начал снова, полагая, что непонимание вызвано его плохим знанием языка. Гекко дал ему договорить, а затем совершенно ясно дал понять: он правильно понимает, чего хочет Джим, но не может выполнить его желание, не может отдать ему Виллиса. Нет, Гекко очень опечален тем, что вынужден отказать другу, с которым разделил чистую влагу жизни, но ничего не может поделать.

Под влиянием могучей личности Гекко Джим понял почти все, сказанное им, а остальное угадал. Отказ Гекко был окончательным. И какая разница, было при Джиме оружие или нет: Гекко не внушал ему ненависти, как Хоу. Джим чувствовал, как изливается на него дружеское тепло Гекко, и все же он был поражен, он негодовал и никак не мог смириться со своим приговором. Посмотрев в лицо Гекко, Джим повернулся и пошел, сам не зная куда, все время призывая Виллиса.

— Виллис! Виллис! Иди сюда, иди к Джиму!

Гекко устремился за ним, каждый его шаг равнялся трем шагам Джима. Джим бросился бежать, не переставая звать Виллиса. Он повернул за угол, налетел на троих марсиан и пролез у них между ногами. Гекко попал в уличную пробку, и, пока он выпутывался из нее по всем правилам марсианского этикета, Джим успел удрать довольно далеко.

Он заглядывал в каждую арку, что попадалась ему по дороге, и звал. Однажды он попал в комнату, где расположились марсиане, застывшие в трансе, который называется у них «уходом в иной мир». Джиму никогда не пришло бы в голову беспокоить марсианина в трансе, как мальчику, живущему на границе западных американских земель, не пришло бы в голову дразнить гризли. Но сейчас он ничего не замечал вокруг и крикнул, чем вызвал неслыханное и невообразимое смятение. Марсиан затрясло, а один бедняга так сильно переволновался, что задрал все три ноги и грохнулся на пол.

Джим этого не видел, он уже мчался дальше и кричал в следующую дверь.

Гекко догнал его наконец и поймал в свои ладони.

— Джиммарло! — сказал он.— Джиммарло, друг мой!

Джим рыдал и колотил кулаками по твердой груди марсианина. Гекко немного потерпел, а потом зажал руки Джима третьей рукой. Джим смотрел на него, не помня себя.

— Виллис,— сказал он на своем языке.— Я хочу Виллиса. Ты не имеешь права!

Гекко, держа его на руках, мягко ответил:

— Это не в моей власти. Я ничем не могу помочь. Нам надо отправиться в иной мир.— И пошел куда-то.

Джим не ответил, утомленный взрывом собственных чувств. Гекко сошел вниз по скату и стал спускаться все ниже и ниже. Они спустились так глубоко, как еще не приходилось Джиму и вряд ли приходилось хоть одному землянину. На верхних этажах им не встречались другие марсиане, здесь не было никого.

Наконец Гекко вошел в комнатушку глубоко под землей. Она отличалась тем, что ничем не была украшена, у простых, жемчужно-серых стен был какой-то немарсианский вид. Гекко опустил Джима на пол и сказал:

— Это ворота в иной мир.

Джим встал и спросил:

— Что ты такое говоришь?

И старательно перевел вопрос на марсианский. Он мог бы не утруждать себя: Гекко все равно не слышал.

Джим задрал голову и посмотрел на марсианина. Гекко застыл без движения, твердо упершись в пол всеми тремя ногами.

Глаза были открыты, но лишены выражения. Гекко перешел в иной мир.

— Вот тебе на,— забеспокоился Джим.— Ему-то хорошо.

Джим не знал, что делать: попробовать выйти наверх одному или подождать Гекко. Поговаривали, что марсиане могут не выходить из транса целыми днями, а то и неделями, но док Макрей всегда высмеивал такие россказни.

Джим решил немного подождать и уселся на пол, обняв руками колени. Он почти успокоился и никуда особенно не спешил, как будто безграничное спокойствие Гекко передалось ему, когда Гекко нес его на руках.

Прошло какое-то время, бесконечно долгое время, и в комнате стало темнеть. Джима это не беспокоило: ему было хорошо, он снова испытывал то полное счастье, которое познал на двух своих «растительных посиделках».

Где-то далеко в темноте появился маленький огонек и стал расти. Но он не осветил жемчужно-серую комнату, а превратился в изображение. Это было похоже на стереокино, как будто смотришь лучший нью-голливудский фильм в ярких, естественных красках. Только этот фильм снимали не на Земле, Джим точно знал это, в нем не было ни притянутого за уши счастливого конца, ни сюжета. Фильм был чисто документальным.

Джиму казалось, что он видит заросли трав у канала с высоты не более фута от земли. Ракурс все время перемещался туда-сюда, как будто камеру возили на очень низкой тележке между стеблями. Кадр перемещался на несколько футов, останавливался и снова переходил на другое место, хотя выше не поднимался. Иногда камера описывала полный круг, представляя панораму в триста шестьдесят градусов. Во время одного из таких оборотов Джим и увидел водоискалку. Странно, что он вообще узнал ее при таком сильном увеличении (готовясь к нападению, она заняла весь экран). Но разве можно было не узнать эти кривые, как ятаган, когти, это жуткое сосущее рыло, эти тяжелые ножищи? И уж ни с чем нельзя было спутать тошнотворное омерзение, которое вызывала эта тварь. Джиму даже казалось, что он чует ее запах.

Ракурс, с которого он ее видел, не менялся. Он замер на месте, а мерзкая, страшная тварь кинулась на него в последнем,

смертельном прыжке. В самый последний миг, когда она заполнила весь экран, что-то произошло. Мора (или то, что ее заменяло) разлетелась на куски, и обгорелая гадина рухнула наземь.

Изображение смазалось, сменившись калейдоскопом красок, а потом чистый, звонкий голос сказал: «Смотри-ка, какой симпатичный!» Изображение восстановилось, будто подняли занавес, и Джим увидел перед собой другую образину, почти такую же страшную, как рыло убитой хищницы. Хотя образина заняла опять-таки весь экран и была причудливо искажена, Джим без труда узнал в ней респираторную маску колониста. Что пошатнуло его позицию кинозрителя, так это то, что он узнал эту маску. Ее украшали те самые тигровые полоски, которые Смайт замазал за четверть кредитки; это была его собственная прежняя маска.

И Джим услышал собственный голос: «Ты слишком маленький, чтобы гулять одному, когда-нибудь такая же гадина тебя съест. Возьму-ка я тебя домой».

Камера опять пошла сквозь заросли, на этот раз повыше, покачиваясь вверх-вниз в такт его, Джима, шагам. Потом в кадре появилась открытая местность, а на ней, в форме звезды, надувные дома Южной колонии.

Джим попривык к тому, что смотрит на себя со стороны и слышит свою речь, и продолжал наблюдать мир глазами Виллиса. Пленка, видимо, не подвергалась никакой редакции, шла полная запись того, что видел и слышал Виллис с тех пор, как Джим взял его под свою опеку. Зрительные впечатления Виллиса были не слишком точными, он видел все по-своему, в свете прежнего опыта. У «Джима», героя фильма, поначалу было три ноги, прошло какое-то время, пока воображаемая конечность отпала. Другие персонажи — мать Джима, старый док Макрей, Фрэнк — постепенно превращались из бесформенных пятен в реальные, хотя немного искаженные изображения.

Зато все звуки воспринимались невероятно ясно и четко. Джим обнаружил, что и сам впитывает разные звуки, особенно голоса, с новым для себя, глубоким наслаждением.

Самое большое удовольствие он испытал, глядя на себя глазами Виллиса — с нежностью и теплым юмором. Его образ был лишен всякого достоинства, зато им живо интересовались. Его

любили, но почтения к нему не питали. Джим в фильме был чем-то вроде здоровенного бестолкового слуги: он был полезен, но полагаться на него было небезопасно, все равно что на плохо выдрессированного пса. Что до других людей, это были занятные создания, в общем безобидные, но то и дело загромождающие дорогу. Джима очень насмешило мнение попрыгунчика о людях.

Рассказ продолжался день за днем и неделя за неделей, в него вошли даже темные и тихие промежутки, когда Виллис изволил почивать или прятал свои органы чувств. Действие перенеслось в Малый Сырт. Там было очень плохое время, когда Джим куда-то подевался. Хоу был представлен как противный голос и пара ног, а Бичер вообще не существовал зрительно. История продолжалась, а Джиму почему-то не было скучно и не надоело. Он вошел в колею повествования и так же не мог выйти из нее, как и Виллис, да ему и не хотелось. Наконец действие дошло до марсианского города Кинии, где и завершилось периодом темноты и покоя.

Джим выпрямил затекшие ноги. Свет зажегся снова. Джим посмотрел на Гекко, но тот так и не вышел из транса. Оглянувшись, Джим увидел, что позади него, в глухой стене, открылась дверь. За ней виднелась соседняя комната, на стенах которой, по марсианскому обычаю, был изображен пейзаж — зеленая местность, больше похожая на дно бывшего моря к югу от Кинии, чем на пустыню.

В той комнате был марсианин. Позднее Джим никак не мог описать его: глаза марсианина притягивали к себе и не отпускали. Человеку трудно судить о возрасте марсианина, но Джим безошибочно чувствовал, что этот очень стар, старше отца и даже дока Макрея.

— Джим Марло,— звучным голосом сказал марсианин.— Добро пожаловать, Джим Марло, друг моего народа и мой друг. Испей со мной воды.

Говорил он на бейсик-инглиш с каким-то знакомым акцентом. Джим раньше никогда не слышал, чтобы марсианин говорил на языке землян, хотя и знал, что некоторые говорят. Большим облегчением было общаться на родном языке.

— Я пью с тобой. Да будет у тебя всегда чистой воды в изобилии!

— Благодарю тебя, Джим Марло.

На самом деле никакой воды они не пили, это была просто формула вежливости. Затем последовала пауза, также предписанная этикетом, во время которой Джим думал, кого же напоминает ему выговор марсианина — то ли отца, то ли дока Макрея.

— Ты чем-то опечален, Джим Марло. Твое горе — наше горе. Чем я могу помочь тебе?

— Мне ничего не нужно,— ответил Джим,— только добраться до дома и чтобы Виллис был со мной. У меня забрали Виллиса, это неправильно.

Последовало еще более продолжительное молчание. Наконец марсианин ответил:

— Стоя на земле, не всегда видишь то, что за горизонтом, но Фобос видит все.

Перед тем как сказать «Фобос», он немного запнулся и добавил:

— Джим Марло, я не так давно выучил ваш язык. Прости меня, если я не могу сразу найти слово.

— Да вы прекрасно говорите! — совершенно искренне сказал Джим.

— Я не знаю слов, их значение для меня неясно. Скажи мне, Джим Марло, что такое «Лондонский зоопарк»?

Джим начал объяснять, но остановился: от марсианина повеяло таким холодным, непримиримым гневом, что Джим испугался. Потом настроение марсианина снова переменилось, и Джим вновь ощутил дружеское тепло, идущее от его собеседника, как от солнца; оно было не менее реально, чем солнечные лучи.

— Джим Марло, ты дважды спасал малыша, которого назвал «Виллис», от...— он употребил марсианское слово, неизвестное Джиму, потом поправился: —...от водоискалки. Ты убил много водоискалок?

— Да нет, немного. Я как вижу их, так и убиваю. Слишком они обнаглели, нечего рыскать около колонии.

Марсианин задумался, потом снова переменил тему.

— Джим Марло, дважды или трижды ты спасал малыша; однажды или дважды наш малыш спас тебя. И с каждым разом вы становились ближе друг другу. День ото дня вы становились все ближе, и вот теперь ни один из вас не может жить без другого. Не

уходи от нас, Джим Марло. Останься с нами. Это мой дом, а ты в нем сын и друг.

Джим покачал головой.

— Мне надо домой, и хорошо бы отправиться прямо сейчас. Вы очень добры, что предложили мне остаться, и я благодарен вам, но...— Он как можно понятнее рассказал о заговоре против колонии и объяснил, что надо скорее сообщить об этом людям.— С вашего разрешения, сэр, нельзя ли, чтобы меня и моего друга доставили обратно туда, где К'бумч нашел нас. Только я бы хотел получить обратно Виллиса.

— Ты хочешь вернуться в город, где вас нашли? Разве ты не хочешь попасть домой?

Джим объяснил, что они с Фрэнком смогут оттуда добраться до дома.

— Может быть, вы спросите Виллиса, сэр, хочет он идти со мной или останется здесь?

Старый марсианин вздохнул точно так же, как отец Джима после бесплодного семейного спора.

— Есть закон жизни и есть закон смерти, и оба они подчинены закону перемен. Даже самую твердую скалу разрушает ветер. Понимаешь ли ты, мой сын и друг, что, даже если тот, кого ты зовешь Виллисом, уйдет сейчас с тобой, вам все равно когда-нибудь придется расстаться?

— Да, наверное. Значит, мне можно забрать Виллиса домой?

— Мы поговорим с тем, кого ты зовешь Виллисом.

Старик заговорил с Гекко, который зашевелился и забормотал во сне. Втроем они стали подниматься наверх, Гекко нес Джима, а старик следовал за ними.

Где-то на полпути до поверхности они вошли в темную комнату, которая осветилась при их появлении. Джим увидел, что там от пола до потолка рядами тянутся маленькие ниши, и в каждой нише лежит попрыгунчик. Все они были похожи, как близнецы.

Малыши выставили глазки, как только зажегся свет, и с интересом стали смотреть, что тут происходит. И тут кто-то крикнул:

— Приветик, Джим!

Джим оглянулся, но не смог определить, откуда слышится голос. А по комнате тут же пошло эхом:

— Приветик, Джим! Приветик, Джим! Приветик, Джим!

И все его собственным голосом.

Растерянный Джим обернулся к Гекко.

— Который же Виллис? — спросил он, забыв, что надо говорить по-марсиански.

Хор снова заверещал:

— Который же Виллис? Который же Виллис? Который — который — который — Виллис?

Джим вышел на середину комнаты.

— Виллис! — скомандовал он.— Иди к Джиму.

Справа из среднего ряда ниш выскочил попрыгунчик, спрыгнул на пол и затопал к Джиму.

— Возьми Виллис,— потребовал он.

Джим с облегчением взял его на руки.

— Где Джим был? — осведомился Виллис.

Джим почесал его шерстку.

— Ты все равно не поймешь. Слушай, Виллис: Джим уходит домой. Виллис хочет пойти с Джимом?

— Джим уходит? — недоверчиво переспросил Виллис, словно неумолкающий хор помешал ему расслышать.

— Джим уходит домой, прямо сейчас. Виллис пойдет или останется?

— Джим уходит, и Виллис уходит,— объявил попрыгунчик так, будто это было законом природы.

— Тогда скажи об этом Гекко.

— Зачем? — подозрительно спросил Виллис.

— Скажи, а то тебя не пустят. Ну давай, говори.

— Ладно.

Виллис защелкал и закаркал, обращаясь к Гекко. Ни Гекко, ни старый марсианин не сказали ни слова. Гекко взял Джима с Виллисом на руки, и все стали подниматься наверх. Гекко опустил их на пол возле комнаты Фрэнка и Джима, и Джим с Виллисом на руках вошел.

Фрэнк валялся на шелках, а на полу рядом с ним стояли открытые, но еще нетронутые консервы.

— Я вижу, ты его нашел,— заметил Фрэнк.— Правда, и времени у тебя было достаточно.

Джим почувствовал укол совести. Его не было бог знает сколько времени — несколько дней или недель? Фильм, который он смотрел, охватывал несколько месяцев.

— Ох, извини, Фрэнк. Ты беспокоился обо мне?

— С чего мне было беспокоиться? Я не знал, начинать ленч одному или ждать тебя. Тебя добрых три часа не было.

Три часа? Скорее, три недели, хотел было сказать Джим, но раздумал. Он вспомнил, что все это время ничего не ел, а между тем только слегка проголодался.

— Ну да, конечно. Извини. Только знаешь, может, мы попозже поедим?

— Почему? Я умираю с голоду.

— Потому что мы уходим, вот почему. Гекко и еще один марсианин ждут за дверью, чтобы отвезти нас обратно в тот город, где нас нашел К'бумч.

— А, тогда ладно! — Фрэнк набил рот едой и стал натягивать скафандр.

Джим последовал его примеру и стал одеваться и жевать одновременно.

— Доесть можем в вагоне подземки,— проговорил он с полным ртом.— Не забудь залить воду в маску.

— Не беспокойся, дважды я такую глупость не повторю.

Фрэнк наполнил резервуар своей маски и маски Джима, хлебнул как следует воды и передал напиться Джиму. Они перекинули через плечо коньки, и сборы были окончены. Все прошли по спускам и коридорам в зал, служивший «станцией метро», и остановились у одной из арок.

Старый марсианин вошел туда, но Гекко, к некоторому удивлению Джима, распрощался с ними. Они обменялись ритуальными любезностями, приличествующими водным друзьям, а потом Фрэнк и Джим с Виллисом вошли внутрь, и дверь за ними закрылась.

Кабина сразу же тронулась с места.

— Ой! — сказал Фрэнк.— Что такое?

И сел.

Старый марсианин, который устроился в рамке, ничего не сказал, а Джим засмеялся.

— Ты не помнишь, как мы ехали сюда?

— Не очень. Ух, какой я тяжелый!

— Я тоже. Это входит в программу. Как насчет перекусить? Кто знает, когда еще удастся поесть по-человечески.

Фрэнк достал остатки ленча. Когда они доели, Фрэнк подумал-подумал и открыл еще одну банку, но не успели они взяться за холодные бобы с искусственной свининой, его желудок подскочил к горлу.

— Эй! — завопил Фрэнк? — А это что еще?

— Ничего, в прошлый раз тоже так было.

— Я думал, мы куда-нибудь врезались.

— Да нет, говорю тебе, так надо. Передай-ка мне бобы.

Они ели бобы и ждали, что будет дальше. Вскоре чувство избыточной тяжести покинуло их, и Джим понял: приехали.

Дверь кабины открылась, и они вышли в круглый зал, точно такой же, как тот, из которого уезжали. Фрэнк разочарованно посмотрел вокруг.

— Слушай, Джим, мы ж никуда не уезжали. Тут какая-то ошибка.

— Нет.— Джим повернулся, чтобы поговорить со старым марсианином, но дверь под аркой уже закрылась.

— Ну вот, как нехорошо получилось,— сказал он.

— Что нехорошо? Они прокатили нас вкруговую?

— Нет, не прокатили, просто этот зал точно такой же, как в Кинии. Поднимемся наверх — увидишь. Я сказал «нехорошо», потому что не успел попрощаться...— Джим остановился, только сейчас сообразив, что так и не узнал имени старого марсианина,— не попрощался со стариком, не с Гекко, а с другим.

— С кем?

— Ну с тем, другим. Который с нами ехал.

— С каким еще другим? Я никого не видел, кроме Гекко. И никто с нами не ехал, мы там были одни.

— Ты что, ослеп, что ли?

— А ты что, спятил?

— Фрэнк Саттон, ты что ж, в глаза мне говоришь, что не видел марсианина, который с нами ехал?

— Я уже сказал.— Джим перевел дыхание.

— Ну вот что: если б ты не обжирался всю дорогу и хоть изредка смотрел на то, что тебя окружает, то увидел бы. Какого...

— Довольно, хватит,— прервал его Фрэнк,— пока я не разозлился. Хоть шесть марсиан, если тебе так хочется. Давай выйдем наверх и посмотрим, где мы. Мы зря теряем время.

— Пошли.

И они стали подниматься наверх. Джим молчал, инцидент беспокоил его, в отличие от Фрэнка.

Во время подъема им пришлось надеть маски. Минут через десять после этого они вошли в помещение, залитое солнечным светом, и заторопились к выходу.

Фрэнк, в свою очередь, растерялся.

— Джим, я знаю, что тогда плохо соображал, но ведь в городишке, из которого нас увезли, была всего одна башня?

— Одна.

— Тогда это не тот город.

— Не тот.

— Мы заблудились.

— Это точно.

9. ПОЛИТИКА

Они стояли в большом внутреннем дворе, который бывает во многих марсианских домах. Над стенами виднелись верхушки городских башен, но кругозор был ограничен.

— Ну и что теперь делать? — спросил Фрэнк.

— М-м-м... поищем туземцев и попробуем выяснить, куда нас занесло. Жаль, что я не удержал старика,— добавил Джим.— Он говорил на бейсике.

— У тебя что, сдвиг еще не прошел? — сказал Фрэнк.— Не думаю, что нам это удастся, похоже, это заброшенный город. Знаешь, что я думаю? По-моему, они просто нас надули.

— По-моему, они просто нас надули,— согласился Виллис.

— Заткнись. Нет, не стали бы они так делать.— Джим смотрел куда-то поверх крыш.— Слушай, Фрэнк...

— Да?

— Видишь те три башенки, похожие одна на другую? Вот — одни верхушки торчат?

— Вижу, ну и что?

— Мне кажется, я их уже где-то видел.

— Да и мне так кажется!

Они бросились бежать. Пять минут спустя они стояли на городской стене, и сомнений больше не было: они находились в заброшенной части Харакса. Под ними, на расстоянии трех миль, виднелись надувные дома Южной колонии.

Сорок минут быстрым шагом попеременно с трусцой — и они дома.

Добежав до колонии, Джим с Фрэнком расстались: каждому не терпелось попасть домой.

— До скорого! — крикнул Джим другу и побежал к себе.

Время в тамбуре-шлюзе показалось ему вечностью. Пока давление уравнивалось, он слышал, как мать, а за ней сестра спрашивают через переговорное устройство: «Кто там?» Джим решил не отвечать и сделать им сюрприз. Он вошел и оказался лицом к лицу с Филлис, которая сначала остолбенела, а потом бросилась ему на шею с криком:

— Мама! Мама! Мама! Это Джим! Это Джим!

А Виллис скакал по полу и вторил ей:

— Это Джим! Это Джим!

А мать оттаскивала Филлис в сторону, чтобы тоже обнять Джима, и намочила ему лицо слезами, и Джим почувствовал, что и сам вот-вот...

Наконец ему удалось высвободиться. Мать отступила назад.

— Ну дай хоть посмотреть на тебя, милый. Бедненький ты мой! Ты здоров? — и опять чуть не расплакалась.

— Конечно, здоров,— буркнул Джим.— Что мне сделается? Скажите, а папа дома?

Миссис Марло вдруг насторожилась.

— Нет, Джим, он на работе.

— Мне надо с ним увидеться, прямо сейчас. Ты что такая, мама?

— Да так, ничего. Сейчас позвоню отцу.— Она подошла к телефону и набрала номер экологической лаборатории. Джим слы-

шал ее сдержанный голос: — Мистер Марло? Это Джейн, дорогой. Ты не мог бы сейчас прийти домой?

И ответ отца:

— Это не совсем удобно. А что такое? У тебя какой-то странный голос.

Мать оглянулась через плечо на Джима.

— Ты один? Нас никто не может подслушать?

— В чем дело? Говори.

— Он дома,— полушепотом сказала мать.

Отец, помолчав, ответил:

— Сейчас иду.

Филлис тем временем терзала Джима:

— Джимми, где ж ты пропадал?

Джим начал было рассказывать, но передумал.

— Ты все равно не поверишь, детка.

— Не сомневаюсь. Но почему так долго? Наши прямо с ума посходили.

— Ничего. Слушай, какой сегодня день?

— Суббота.

— А число?

— Четырнадцатое цереры, разумеется.

Джим опешил. Четыре дня? Всего четыре дня прошло с тех пор, как он уехал из Малого Сырта? Припомнив все, что было, Джим согласился с этим. Если учесть заверение Фрэнка, что Джим провел в подземельях Кинии только три часа, тогда все сходится.

— Ух! Тогда я, пожалуй, успел.

— Что успел?

— Тебе не понять. Подожди еще пару лет.

— Нахал!

— Отец сейчас будет здесь, Джим,— отошла от телефона миссис Марло.

— Я слышал. Это хорошо.

— Ты же голодный, наверное? — спросила мать.— Чего бы ты съел?

— Ясное дело, упитанного тельца, а запил бы шампанским. Я вообще-то не голодный, но чего-нибудь могу перехватить. Может, какао? Последние дни я жил на одних консервах.

— Сейчас будет какао.

— Ты лучше наедайся, пока можно,— вставила Филлис,— а то потом захочешь, а уже нельзя будет, когда...

— Филлис!

— Да я, мама, хотела только сказать...

— Филлис, замолчи или выйди из комнаты.

Сестра что-то пробурчала себе под нос. Вскоре какао было готово, и не успел Джим допить его, как пришел отец. Он без сантиментов пожал Джиму руку, как взрослому.

— Хорошо, что ты дома, сын.

— До чего это здорово — оказаться дома, папа! — Джим проглотил остаток какао.— Но знаешь, мне надо столько тебе сказать, лучше не будем терять время. Где Виллис? Кто-нибудь видел, куда он девался?

— Это неважно, где Виллис. Я хочу знать...

— Но Виллис играет здесь очень важную роль, папа. Виллис! Иди-ка сюда!

Виллис притопал из коридора, и Джим посадил его на колени.

— Ну, вот тебе и Виллис,— произнес мистер Марло.— А теперь послушай-ка меня. Что это за кашу ты заварил, сын?

— Не знаю, с чего и начать,— нахмурился Джим.

— Выдан ордер на ваш с Фрэнком арест! — брякнула Филлис.

— Джейн,— сказал мистер Марло,— пожалуйста, уйми свою дочь.

— Филлис, ты не слышала, что я сказала?

— Да ведь это все знают, мама!

— Может быть, Джим не знал.

— Да нет, знал,— сказал Джим.— За нами всю дорогу гнались легавые.

— Фрэнк тоже вернулся? — спросил отец.

— Ну конечно! Мы их сбили со следа. Дураки они, фараоны эти.

Мистер Марло нахмурился.

— Видишь ли, Джим, я хочу позвонить резиденту и сказать ему, что ты здесь. Но я не стану сдавать тебя, пока не проясню для себя это дело и уж, конечно, пока не услышу твою версию событий. А когда ты пойдешь сдаваться, я пойду с тобой и не дам тебя в обиду.

Джим выпрямился.

— Сдаваться? Что ты говоришь, папа?

Лицо отца вдруг сделалось очень старым и усталым.

— Марло не бегают от закона, сын. Ты знаешь: я на твоей стороне, что бы ты ни натворил. Но тебе придется выдержать все, что тебя ожидает.

Джим с вызовом посмотрел на отца.

— Папа, если ты думаешь, что мы с Фрэнком прошли две тысячи миль по Марсу только для того, чтобы сдаться... в общем, зря ты так думаешь. А если кто захочет меня арестовать, то ему нелегко придется.

Филлис слушала брата с круглыми глазами, мать тихо роняла слезы.

— Напрасно ты выбираешь такую линию поведения, сын.

— Напрасно? Ну так я ее выбираю, и все тут. Может, ты все же выяснишь, в чем дело, прежде чем говорить о сдаче? — в голосе Джима появились истерические нотки.

Отец прикусил губу. Мать сказала:

— Пожалуйста, Джеймс, может быть, ты выслушаешь его?

— Конечно, я хочу его выслушать,— раздраженно ответил мистер Марло,— я ведь так и сказал. Но я не могу слушать, как мой родной сын открыто противопоставляет себя закону.

— Пожалуйста, Джеймс!

— Рассказывай, сын.

— Что-то мне уже не хочется,— с горечью сказал Джим.— Называется, вернулся домой. Можно подумать, что я уголовник.

— Прости, Джим,— медленно проговорил отец.— Давай начнем все сначала. Расскажи нам обо всем.

— Ну хорошо. Да, Филлис сказала, что меня хотят арестовать. В чем меня обвиняют?

— Во-первых, пропуск занятий... но это пустяки. Действия в ущерб школьному порядку и дисциплине — я лично не понимаю, что это значит, и это меня не волнует. Главный пункт обвинения — это кража со взломом, а через день добавился еще один — сопротивление при аресте.

— Сопротивление при аресте? Глупости какие! Нас никто не арестовывал.

— Ну а насчет остального как?

— Тоже ерунда. Я у него ничего не крал — у Хоу, у директора, это он украл у меня Виллиса. Да еще насмехался надо мной, когда я хотел взять Виллиса обратно. Кража! Я ему покажу кражу!

— Продолжай.

— Ну, взлом — это было. Я вломился в его кабинет или пытался это сделать. Но он ничего не докажет. Пусть-ка объяснит, как это я пролез в дырку десяти дюймов в диаметре. Отпечатки пальцев мы тоже не оставили. И потом, я отстаивал свои права. Там у него был заперт Виллис. Папа, а мы не можем выдвинуть против Хоу обвинение в краже Виллиса? Почему это только он обвиняет?

— Погоди-ка минутку. Я совсем запутался. Если у тебя была причина воспротивиться директору школы, то я, конечно, на твоей стороне. Но давай разберемся. Что за дырка? Ты прорезал дырку в директорской двери?

— Нет, это Виллис сделал.

— Как мог Виллис прорезать дырку?

— А вот так. У него выросла ручка с таким когтем на конце, и он стал резать. Я его позвал, и он пришел ко мне.

Мистер Марло потер лоб.

— Еще того не легче. А как вы с Фрэнком добрались сюда?

— На метро. Мы...

— На метро?!

Джим набычился. Вступилась мать.

— Джеймс, дорогой, может быть, он расскажет лучше, если мы не будем его прерывать.

— Пожалуй, ты права. Вопросы потом. Филлис, дай мне блокнот и карандаш.

Получив свободу слова, Джим изложил всю историю довольно связно — с того момента, как Хоу ввел в школе инспекции на военный манер, до того, как они приехали на «метро» из Кинии в Харакс. Когда Джим окончил рассказ, мистер Марло поскреб подбородок.

— Джим, если б ты всей своей жизнью не завоевал прочную репутацию упрямого правдолюбца, я бы подумал, что ты сочиняешь. А так придется тебе поверить, хотя это самая фантастическая история, какую мне доводилось слышать.

— Ты все еще считаешь, что мне надо сдаться?

— Ну нет, теперь все предстает в другом свете. Предоставь это мне. Я позвоню резиденту и...

— Минутку, папа.

— Да?

— Я еще не все тебе рассказал.

— Вот как? Расскажи, сын, чтобы я...

— Я просто не хотел путать одну историю с другой. Сейчас расскажу, только ответь мне на один вопрос: разве колония не должна уже переезжать?

— В общем, да,— подтвердил отец.— По расписанию миграция должна была начаться вчера, но ее отложили на две недели.

— Не отложили, папа, это обман. Компания не хочет, чтобы колония в этом году мигрировала. Они хотят оставить нас здесь и вынудить зимовать в Хараксе.

— Что? Это просто смешно, Джим. Землянам не выдержать полярную зиму. Но ты ошибаешься, это просто задержка. Компания ремонтирует энергетическую систему в Северной колонии, а поскольку зима в этом году необычайно поздняя, они хотят закончить ремонт до нашего приезда.

— Говорю тебе, папа, это все отговорки. План состоит в том, чтобы задержать колонию до тех пор, пока не станет поздно, и заставить здесь зимовать. Я могу это доказать.

— Каким образом?

— Где Виллис?

Попрыгунчик опять подался осматривать свои владения.

— При чем тут Виллис? Ты говоришь невероятные вещи. Откуда у тебя эта мысль? Говори, сын.

— Но мне нужен Виллис, чтобы это доказать. А, малыш! Иди к Джиму.

Джим кратко изложил то, что узнал из фонограммы Виллиса, и попросил Виллиса повторить ее.

Виллис был рад стараться. Он передал все разговоры мальчиков за последние дни, воспроизвел марсианскую речь, непонятную вне контекста, и спел «Сеньориту». Но передать диалог Хоу и Бичера он не смог или не захотел.

Джим все еще бился с ним, когда зазвонил телефон. Мистер Марло сказал:

— Подойди, Филлис.

Филлис тут же прискакала обратно.

— Это тебя, папочка.

Джим утихомирил Виллиса, чтобы можно было слышать весь разговор.

— Марло? Говорит резидент. Я слышал, ваш мальчик вернулся.

Отец, помедлив, оглянулся на Джима.

— Да. Он здесь.

— Пусть остается на месте. Я сейчас пришлю за ним человека.

Мистер Марло снова помедлил.

— Нет необходимости, мистер Крюгер. Я еще не закончил говорить с ним. Он никуда не пойдет.

— Бросьте, Марло, не станете же вы сопротивляться законным распоряжениям властей. У меня есть ордер, и я привожу его в исполнение.

— Да? Это вы так думаете.— Мистер Марло хотел что-то добавить, но воздержался и прервал связь. Телефон сразу зазвонил опять.

— Если это резидент,— сказал отец,— я не буду с ним разговаривать, а то скажу что-нибудь не то.

Но это оказался не резидент, а отец Фрэнка.

— Марло? Джейми, это Пэт Саттон.— При разговоре выяснилось, что оба отца дошли примерно до одной и той же стадии.

— Мы как раз пробуем разговорить Джимова попрыгунчика,— сказал мистер Марло.— Похоже, он подслушал чертовски интересный разговор.

— Я знаю,— сказал мистер Саттон,— и тоже хочу послушать. Пусть помолчит пока, мы сейчас придем.

— Прекрасно. Да, кстати, дружище Крюгер собрался арестовать мальчишек. Держите ухо востро.

— Да знаю я, он мне только что звонил. Я ему сказал пару слов. Ну, пока.

Мистер Марло выключил аппарат и запер входную дверь, а также дверь в туннель. И вовремя: вскоре загорелся сигнал, оповещающий, что кто-то вошел в тамбур.

— Кто там? — спросил отец.

— По делу Компании!

— Что за дело, и кто вы такой?

— Проктор. Мне нужен Джеймс Марло-младший.

— Можете идти, откуда пришли. Вы его не получите.

В тамбуре зашептались и стали дергать дверь.

— Откройте,— сказал другой голос.— У нас ордер на арест.

— Уходите. Я отключаю репродуктор.

Индикатор шлюза показал, что посетители ушли, но вскоре опять загорелся. Мистер Марло включил переговорное устройство.

— Если вы опять вернулись, можете убираться.

— Хорошо же ты гостей встречаешь, Джейми! — сказал голос мистера Саттона.

— А, Пэт! Ты один?

— Ну да, только с Фрэнсисом.

Саттонов впустили.

— Уполномоченных видели? — спросил мистер Марло.

— Ага, наскочили прямо на них.

— Папа сказал, что если они меня тронут, то пожалеют,— гордо сказал Фрэнк.

Джим посмотрел на отца, но тот отвел взгляд. Мистер Саттон продолжал:

— Так что же Джимов дружок должен нам рассказать? Давайте заведем его и послушаем.

— Мы пробовали,— сказал Джим.— Сейчас еще попробую. Нука, Виллис,— Джим посадил его на колени.— Ты помнишь директора Хоу?

Виллис тут же стал гладким.

— Не так,— сказал Фрэнк.— Помнишь, как он завелся в прошлый раз? Виллис! — Виллис выставил глазки.— Слушай, дружок: «Добрый день. Добрый день, Марк,— Фрэнк копировал глубокий, сердечный тон генерального резидента.— Садись, мой мальчик».

— Всегда рад тебя видеть,— продолжил Виллис голосом Бичера и передал оба разговора генерального резидента с директором, включая и промежуточную запись.

Когда он собрался говорить дальше, Джим его остановил.

— Ну,— сказал отец Джима,— что ты об этом думаешь, Пэт?

— Я думаю, что это просто ужасно,— произнесла мать Джима.

Мистер Саттон скривился.

— Завтра же отправлюсь в Малый Сырт и все там разнесу вот этими руками.

— Твои чувства делают тебе честь,— сказал мистер Марло,— но это касается всей колонии. По-моему, для начала надо созвать городской митинг и оповестить всех о том, что против нас затевается.

— Хм! Ты прав, разумеется, но так никакого удовольствия не получишь.

— Полагаю, тебя ждет еще масса удовольствий,— улыбнулся мистер Марло.— Крюгеру это не понравится и достопочтенному мистеру Гейнсу Бичеру тоже.

Мистер Саттон хотел показать доктору Макрею горло Фрэнка, и мистер Марло решил, несмотря на протесты Джима, что и ему не помешает показаться доктору. Мужчины отвели сыновей к Макрею, и мистер Марло сказал:

— Оставайтесь тут, ребята, пока мы не зайдем за вами. Я не хочу, чтобы вас сцапали уполномоченные Крюгера.

— Еще посмотрим, как у них это получится!

— Да уж!

— Не стоит доводить до этого, хочу попробовать сначала уладить дело миром. Сейчас мы пойдем к резиденту и предложим заплатить за продукты, которые вы присвоили, а я, Джим, предложу возместить ущерб, который Виллис нанес драгоценной директорской двери.

— Но, папа, зачем нам за это платить? Хоу не следовало его запирать.

— Я полностью согласен с парнем,— сказал мистер Саттон.— Продукты — другое дело. Ребята их взяли, и мы за них заплатим.

— Вы правы,— согласился мистер Марло,— зато мы лишим почвы все эти смехотворные обвинения. А потом я возбужу иск против Хоу за попытку кражи или порабощения Виллиса. Как лучше назвать это, Пэт? Кража или порабощение?

— Назови кражей, чтобы не было лишних прений.

— Ладно. Потом буду настаивать на том, чтобы резидент связался с планетарными властями, прежде чем действовать. Тут уж, думаю, его часы станут.

— Папа,— вставил Джим,— ты ведь не скажешь резиденту, что мы знаем про заговор против миграции? А то он сразу позвонит Бичеру.

— Пока не скажу, все равно узнает на митинге. Только тогда он уже не сможет позвонить Бичеру: через два часа закатится Деймос.— Мистер Марло посмотрел на часы.— Ну пока, ребята. У нас много дел.

Доктор, увидев ребят, закричал:

— Мэгги, запирай дверь! Тут два опасных уголовника.

— Здравствуйте, док.

— Входите, располагайтесь и рассказывайте.

Добрый час спустя доктор сказал:

— Ну, Фрэнк, надо тебя посмотреть. А потом, тебя, Джим.

— Со мной все в порядке, док.

— Поставь еще кофе, пока я буду заниматься Фрэнком.

Кабинет был оборудован новейшими средствами диагностики, но доктору они были ни к чему. Он задрал Фрэнку голову, заставил его сказать «а-а», выстукал его и послушал сердце.

— Будешь жить,— заключил доктор.— Мальчишка, способный проехать автостопом от Сырта до Харакса, будет жить долго.

— Автостопом? — спросил Фрэнк.

— Этого тебе не понять. Выражение давно вышло из употребления. Твоя очередь, Джим.— С Джимом доктор разделался еще быстрее, и трое друзей вернулись к разговору.

— Я хочу узнать подробнее о той ночи, которую вы провели в капусте,— заявил доктор.— С Виллисом все ясно: любое марсианское существо способно залечь и жить без воздуха сколько угодно. Но вы двое по всем статьям должны были задохнуться. Растение до конца закрылось?

— Ну да,— заверил Джим и стал рассказывать подробно. Когда он дошел до фонарика, Макрей прервал его:

— Вот оно. Ты раньше об этом не говорил. Этот фонарик спас вам жизнь, сынок.

— Как так?

— Фотосинтез. Если осветить зеленый лист, он просто не может не поглощать углекислый газ и не выделять кислород, как ты не можешь не дышать.— Доктор зашевелил губами, глядя в потолок: — Все равно, наверное, душновато там было: поверхность зеленого листа недостаточна. Какой у тебя был фонарик?

— Дженерал Электрик, «Ночное солнце». А душно было ужасно.

— Да, в «Ночном солнце» достаточно свечей. Теперь буду брать его с собой, если мне вздумается отойти на двадцать футов от крыльца. Реклама что надо.

— Вот чего я никак не пойму,— сказал Джим.— Как я мог посмотреть кино о том, как у меня появился Виллис и как он жил потом, минута за минутой, без единого пропуска, всего за три часа?

— Это еще не такая большая тайна,— сказал медленно доктор,— тайна в другом: зачем тебе это показали.

— Как «зачем»?

— Вот и я удивляюсь,— вставил Фрэнк.— В конце концов, что из себя представляет Виллис? Спокойно, Джим. Зачем надо было прокручивать Джиму его биографию? Как вы думаете, док?

— Единственная гипотеза, которая приходит мне в голову, до того фантастична, что я ее, с вашего позволения, оставлю при себе. Но вот что, Джим: как, по-твоему, можно записать чьи-нибудь воспоминания на пленку?

— По-моему, нельзя.

— Я пойду дальше и прямо заявлю, что это невозможно. Однако ты говоришь, что видел то, что Виллис запомнил. Это тебе о чем-нибудь говорит?

— Нет,— сознался Джим,— не понимаю я этого, хоть убейте. Но я это видел.

— Конечно, видел, видишь ведь мозгом, а не глазами. Вот я закрываю глаза и вижу, как светится Большая пирамида под солнцем пустыни. Я вижу осликов и слышу крики носильщиков, зазывающих туристов. Вижу? Да я даже запахи ощущаю, а это всего лишь воспоминания. А теперь вернемся к твоей истории. Если все факты объединяет только одна гипотеза, приходится ее принять. Ты видел то, что нужно было старому марсианину. Назовем это гипнозом.

— Но... но...— Джим вознегодовал, как будто покушались на его самое сокровенное.— Говорю вам, я это видел. Я был там.

— А я согласен с доком,— сказал Фрэнк.— Тебе и на обратном пути что-то чудилось.

— Старик с нами ехал: если б ты разул глаза, то увидел бы его.

— Полегче,— вмешался доктор.— Хотите драться, так выйдите вон. Вам не приходило в голову, что оба вы правы?

— Как это может быть? — возразил Фрэнк.

— Мне не хочется выражать это словами, но одно я вам скажу: за свою долгую жизнь я узнал, что человек жив не хлебом единым и что труп, на котором я произвожу вскрытие, это не человек. Самое безумное философское учение — это материализм. Остановимся пока на этом.

Фрэнк начал было опять спорить, но сигнал у двери возвестил о посетителях — вернулись отцы.

— Входите, входите, джентльмены,— загремел доктор,— вы как раз вовремя. Мы тут рассуждаем о солипсизме. Если хотите принять участие, мы предоставим вам трибуну. Кофе?

— Солипсизм, значит? — сказал мистер Саттон.— Фрэнк, не слушай этого старого язычника, слушай лучше, что говорит отец Клири.

— Он меня и так не слушает,— ответил доктор,— как и полагается здоровому ребенку. Ну, на чем вы порешили с его превосходительством?

Мистер Марло усмехнулся.

— Я уж думал, его придется связать.

Собрание колонистов состоялось вечером в муниципалитете — центральном здании поселка. Мистер Марло и мистер Саттон, инициаторы собрания, пришли пораньше и обнаружили, что конференц-зал закрыт, а у дверей стоят двое уполномоченных. Мистер Марло, несмотря на то что они несколько часов назад хотели арестовать Джима и Фрэнка, вежливо пожелал им доброго вечера и сказал:

— Давайте открывать. Люди начнут приходить с минуты на минуту.

Часовые не шевельнулись. Старший, по фамилии Дюмон, объявил:

— Сегодня собрания не будет.

— Почему это?

— Приказ мистера Крюгера.

— Он назвал причину?

— Нет.

— Собрание,— сказал мистер Марло,— созвано по всем правилам, и оно состоится. Отойдите.

— Мистер Марло, не надо обострять обстановку. У меня приказ и...

Вперед выступил мистер Саттон.

— Дай-ка я с ним поговорю, Джейми.

Он положил руку на пояс. За его спиной Фрэнк ухмыльнулся Джиму и тоже схватился за пояс. Все четверо были вооружены, как и уполномоченные: отцы не очень полагались на обещание Крюгера подождать инструкций из Малого Сырта.

Дюмон занервничал. В колонии не было настоящей полиции, эти двое были клерками Компании, а функции полицейских взяли на себя по распоряжению Крюгера.

— Это просто безобразие, когда люди в пределах колонии ходят вооруженные до зубов,— жалобно произнес Дюмон.

— Вот как? — ласково сказал мистер Саттон.— Что ж, можно обойтись и без оружия. Держи мою горелку, Фрэнсис.— С пустой кобурой он приблизился к часовым.— Как вас выкинуть? Понежнее или с ветерком?

Перед тем как отправиться на Марс, мистер Саттон управлялся с крутой строительной братией, полагаясь не только на диплом инженера. Он был не крупнее Дюмона, но гораздо крепче. Дюмон отступил на исходные позиции и засуетился:

— Послушайте, мистер Саттон, вы не... Мистер Крюгер!

Все оглянулись и увидели резидента. Оценив обстановку, он резко сказал:

— Что такое? Саттон, вы оказываете сопротивление моим людям?

— Ничего подобного. Это они оказывают сопротивление мне. Велите им отойти в сторону.

— Собрание отменяется,— объявил Крюгер.

— Кто его отменил? — вышел вперед мистер Марло.

— Я.

— По какому праву? Я получил одобрение всех членов совета и могу, если надо, представить фамилии двадцати колонистов

— Двадцать человек, по уставу колонии, могут собраться без разрешения совета.

— Не имеет значения. В уставе сказано, что собрания созываются для обсуждения вопросов, представляющих общественный интерес. А обсуждение обвинительных актов до суда никакого общественного интереса не представляет, и я не позволю вам толковать устав в своих целях. За мной остается последнее слово. Я не допущу, чтобы у нас здесь правила толпа.

Вокруг уже собирался народ — колонисты пришли на собрание.

— Это все? — спросил мистер Марло.

— Да. Остается только добавить, чтобы вы и все остальные разошлись по домам.

— Они сделают так, как сочтут нужным, и я тоже. Мистер Крюгер, мне странно слышать от вас, что гражданские права не представляют общественного интереса. У наших соседей есть сыновья, которые все еще находятся под опекой, если ее можно так назвать, директора Хоу, и все хотят знать, как обращаются с их детьми. Однако это не входит в повестку дня. Даю вам слово: ни я, ни мистер Саттон не собираемся просить колонию предпринимать что-либо в защиту наших сыновей. Довольно вам этого? Вы отзовете уполномоченных?

— Какова же тогда повестка дня?

— Безотлагательный вопрос, представляющий интерес для каждого члена колонии. Остальное я скажу собранию.

— Ха!

К этому времени появилось несколько членов совета. Один из них, мистер Хуан Монтес, вышел вперед.

— Минутку. Мистер Марло, когда вы говорили мне о собрании, я не имел представления, что резидент против.

— У резидента в данном случае нет права разрешать или запрещать.

— Никогда у нас такого не было. И у резидента есть право вето. Почему вы не скажете, чему посвящено собрание?

— Не говори ничего, Джейми! — через толпу протискивался доктор Макрей.— Что это за мягкотелость, Монтес? Я жалею, что голосовал за вас. Мы собираемся, когда нужно нам, а не когда позволит Крюгер. Верно я говорю, люди?

Послышался одобрительный гул.

— Я и не собирался ничего говорить, доктор,— сказал мистер Марло.— Я хочу сказать это всем в помещении и при закрытых дверях.

Монтес пошептался с другими членами совета, и Хендрикс, председатель, сказал:

— Мистер Марло, может быть, вы для порядка все же скажете совету, с какой целью созвали собрание?

Отец Джима покачал головой.

— Вы разрешили собрание. В противном случае я собрал бы двадцать подписей и обошелся без вас. Неужели вы так боитесь Крюгера?

— Они нам ни к чему, Джейми,— вмешался Макрей. Он обратился к толпе, которая теперь быстро росла.— Кто за собрание? Кто хочет послушать, что скажет Марло?

— Я! — крикнул кто-то.

— Кто это? А, Келли. Хорошо. Я и Келли — уже двое. Найдется еще восемнадцать человек, которые не спросят у Крюгера, можно им чихнуть или нет?

Отозвался еще один, за ним другой.

— Трое, четверо.— Через несколько секунд Макрей набрал двадцать человек и обратился к резиденту: — Уберите своих подручных от двери, Крюгер.

Крюгер был вне себя. Хендрикс шепотом посовещался с ним и убрал уполномоченных, которые сделали вид, что приказ исходит от самого Крюгера, и были только рады уйти от греха подальше. Все повалили в зал.

Крюгер сел сзади (обычно он занимал место в президиуме). Отец Джима, видя, что члены совета тоже не стремятся возглавить собрание, вышел на сцену сам.

— Нам нужно выбрать председателя,— объявил он.

— Веди сам, Джейми,— сказал доктор Макрей.

— Нет уж, давайте, пожалуйста, соблюдать правила. Какие будут предложения?

— Господин председатель!

— Да, мистер Конски?

— Я предлагаю вас.

— Очень хорошо. Другие предложения?

Других предложений не было, и Марло занял свое место — за него проголосовали единогласно.

Он сказал, что получил известия, жизненно важные для колонии, и рассказал о том, как Виллис попал в руки Хоу. Крюгер встал.

— Марло!

— Обращайтесь в президиум, пожалуйста.

— Господин председатель,— процедил Крюгер,— вы говорили, что не станете агитировать собрание в пользу своего сына. Теперь вы пытаетесь уберечь его от заслуженного наказания. Вы...

Мистер Марло поднял молоток.

— Вы нарушаете порядок собрания. Сядьте.

— Не сяду. Вы нагло и неприкрыто...

— Мистер Келли, назначаю вас приставом. Следите за порядком. Помощников подберите сами.

Крюгер сел, и Марло продолжал:

— Повестка собрания не имеет ничего общего с обвинениями против моего сына и сына Пэта Саттона, но известия я получил от них. Вы все видели марсиан круглоголовых-попрыгунчиков, как зовут их дети, и знаете об их удивительной способности имитировать звуки. Многие, наверное, слышали, как это делает питомец моего сына. Случилось так, что этот круглоголовый оказался там, где обсуждались некоторые вещи, которые нам всем следует знать. Джим, тащи его сюда.

Джим, преисполненный сознания собственной важности, взошел на сцену и посадил Виллиса на стол президиума. Виллис поглядел вокруг, и глазки тут же ушли внутрь.

— Джим,— нервно зашептал отец,— приведи его в чувство.

— Сейчас попробую. Малыш, выходи: никто не обидит Виллиса. Выходи, Джим хочет поговорить с тобой.

— Это очень робкие существа,— сказал отец собранию.— Пожалуйста, соблюдайте полную тишину. Ну как, Джим?

— Сейчас.

— А, чтоб ему! Надо было сделать запись.

В этот самый момент Виллис выглянул наружу.

— Слушай, Виллис,— сказал Джим.— Джим хочет, чтобы ты говорил. Все ждут, что Виллис будет говорить. Ну давай: «Добрый день. Добрый день, Марк».

— Садись, мой мальчик,— подхватил Виллис.— Всегда рад видеть тебя.— И стал передавать беседу Хоу с Бичером.

Кое-кто узнал голос Бичера; послышались приглушенные возгласы. Мистер Марло свирепо жестикулировал, призывая к молчанию.

Когда Бичер начал излагать свою теорию узаконенных махинаций, Крюгер встал. Келли положил ему руки на плечи и усадил на место, а когда Крюгер начал протестовать, зажал ему рот. И улыбнулся: ему хотелось это сделать с тех самых пор, как Крюгера назначили к ним в колонию.

В промежутке между двумя диалогами аудитория стала шуметь. Мистер Марло знаками показал, что самое интересное еще впереди. Мог бы и не беспокоиться: Виллиса, если уж он завелся, остановить было не легче, чем хорошо пообедавшего рассказчика.

Когда он кончил, настала тишина: все были ошеломлены. Потом поднялся ропот, он перешел в шум, а затем в крик, все заговорили разом. Марло застучал по столу, и Виллис ушел в себя. Слова попросил Эндрюс, молодой техник.

— Господин председатель, мы понимаем, насколько это важно, если это правда, но — можно ли полагаться на эту зверюшку?

— Ну, я думаю, они способны передавать чужую речь только слово в слово. Есть здесь психолог, который может выступить экспертом? Что скажете, доктор Ибаньес?

— Я согласен с вами, мистер Марло. Круглоголовый может разговаривать на своем умственном уровне, но речь, которую мы слышали, он должен был воспринять извне. Он повторяет, как попугай, только то, что слышит. Не думаю, что такую «фонограмму», если можно так выразиться, возможно изменить после того,

как она запечатлелась в нервной системе животного. Это безусловный рефлекс, усложненный, красивый, но все же рефлекс.

— Удовлетворен, Энди?

— Пока нет. Это все знают, что попрыгунчик — просто суперпопугай и не настолько умный, чтобы врать. Но откуда нам знать, что это говорил генеральный резидент? Голос похож, но я его слышал только по радио.

— Да Бичер это,— крикнул кто-то.— Я его достаточно наслушался, когда жил в Сырте.

Эндрюс не согласился.

— Похоже-то похоже, но мы должны знать точно. Может, это просто хороший актер.

Крюгер все это время сидел тихо, будто пораженный шоком. Новость была новостью и для него — Бичер не решился доверить тайну никому из колонии. Но совесть резидента была нечиста, он знал по своей почте, что Виллис сказал правду: миграция требует определенных распоряжений из планетарного управления. Крюгер был вынужден сознаться себе, что никаких шагов к тому, чтобы миграция состоялась, по официальной версии, через две недели, предпринято не было.

Он ухватился за выступление Эндрюса, как за соломинку.

— Я рад, что нашелся хоть один разумный человек, который не дает себя надуть,— встав, сказал Крюгер.— Долго вы учили свое животное, Марло?

— Заткнуть ему рот кляпом, шеф? — спросил Келли.

— Нет. Этого следовало ожидать. Думаю, все здесь зависит от того, верите ли вы моему сыну и его другу. Кто хочет задать им вопросы?

В заднем ряду поднялся с места тощий долговязый человек.

— Я могу дать ответ.

— Да? Очень хорошо, мистер Толенд, вам слово.

— Понадобится кое-какая аппаратура. Займет несколько минут.

Толенд был инженером по электронике и звукозаписи.

— Я, кажется, понял, в чем дело. Хотите смоделировать голос Бичера?

— Конечно. Только модель у меня есть. Каждый раз, когда Бичер произносит речь, Крюгер дает задание ее записать.

Несколько человек вызвались помочь Толенду, и Марло предложил сделать перерыв. Поднялась миссис Поттл.

— Мистер Марло!

— Да, миссис Поттл. Тишина!

— Я лично не останусь здесь больше ни одной минуты и не стану слушать эту чушь. Подумать только, такие обвинения в адрес дорогого мистера Бичера! Не говоря уж о том, какие ужасные вещи проделывает этот Келли с мистером Крюгером! Что касается этого животного (она указала на Виллиса), то ему ни в коем случае нельзя доверять, мне это отлично известно.— Она фыркнула и, сказав мистеру Поттлу: — Пойдем, дорогой,— поплыла из зала.

— Останови ее, Келли! — спокойно сказал мистер Марло.— Я надеялся, что никто из вас не захочет уйти, пока мы не примем решения. Если колония решит действовать, нам лучше сохранить это в тайне. Я хочу принять меры к тому, чтобы ни один скутер не ушел из колонии до тех пор, пока мы не придем к согласию. Поддержит ли меня собрание?

Против была только миссис Поттл.

— Возьмите людей себе в помощь, мистер Келли,— распорядился Марло,— выполняйте волю собрания.

— Есть, шеф!

— Теперь можете идти, миссис Поттл. А вы нет, мистер Крюгер.

Мистер Поттл нерешительно потоптался на месте и последовал за женой.

Вернулся Толенд и начал устанавливать на сцене свою технику. Джим уговорил Виллиса повторить «запись» еще раз, в микрофон. Вскоре Толенд поднял руку.

— Достаточно. Сейчас подберу одинаковые слова.

Он выбрал слова «колония», «компания», «день» и «марсианин», как наверняка присутствующие в той и другой записи — фонограмме Виллиса и официальном выступлении генерального резидента по радио. Затем начал сверять каждое слово. На экране осциллографа появились стоячие волны сложной формы, по которым столь же безошибочно можно определить тембр голоса, как по отпечаткам пальцев — человека.

Наконец Толенд встал.

— Это голос Бичера,— бесстрастно объявил он. Марло опять пришлось стучать по столу. Добившись тишины, он сказал:

— Итак, ваши предложения?

— Линчевать Бичера,— крикнул кто-то.

Председатель предложил высказывать только практические предложения.

— Давайте послушаем, что скажет Крюгер,— послышалось из зала.

— Господин резидент,— обратился Марло к Крюгеру,— выскажитесь от имени Компании.

Крюгер облизнул губы.

— Если кто-то утверждает, что эта скотина на самом деле воспроизводит слова генерального резидента...

— Хватит вилять!

— Толенд это доказал!

Глаза Крюгера забегали, его поставили перед решением, невозможным для человека его склада.

— Это вообще не мое дело,— сердито заявил он.— Меня все равно собирались переводить отсюда.

— Мистер Крюгер,— встал Макрей.— Вы стоите на страже нашего благополучия. Намерены вы защищать наши права или нет?

— Послушайте, доктор, я служу Компании. Если такова ее политика — я сказал «если»,— не могу же я идти против.

— Я тоже служу Компании,— прогремел доктор,— но я не продавался ей телом и душой.— Он обвел глазами зал.— Как, люди? Выкинем его отсюда?

Марло застучал молотком, призывая к порядку.

— Садитесь, доктор. У нас нет времени на подобные мелочи.

— Господин председатель!

— Да, миссис Палмер?

— А как по-вашему, что мы должны делать?

— Я предпочел бы, чтобы предложения поступали от вас.

— О, чепуха, вы знали об этом раньше нас и, наверное, уже приняли решение. Вот и скажите, какое.

Марло, видя, что это общее желание, сказал:

— Хорошо, я скажу за себя и за мистера Саттона. В нашем контракте предусмотрена миграция, а Компания обязана ее обеспечить. Вот я и предлагаю: начать миграцию прямо сейчас.

— Верно!

— Я за!

— Вопрос! Вопрос!

— Переходим к прениям,— сказал Марло.

— Минутку, господин председатель,— сказал Хамфри Гиббс, маленький занудливый человечек.— Мы действуем второпях и, так сказать, без соблюдения должной процедуры. Мы еще не пробовали договориться относительно возможных льгот. Нам следует связаться с мистером Бичером. Возможно, существуют веские причины для введения подобных новшеств...

— Вы что, хотите зимовать при минус ста?

— Господин председатель, я настаиваю на соблюдении порядка.

— Дайте ему сказать,— распорядился Марло.

— Как я уже сказал, на то могут быть веские причины, но, возможно, правление Компании на Земле не совсем в курсе местных условий. Если мистер Бичер не уполномочен предоставить нам льготы, следует связаться с правлением и обсудить вопрос. Не нужно заниматься самоуправством. В крайнем случае, у нас есть контракт, и, если нас к тому вынудят, мы можем обратиться в суд.— Он сел.

— Можно я скажу? — снова встал доктор Макрей.— Не хотелось бы перебивать у кого-то слово.— С общего согласия он продолжал: — Значит, этот сморчок хочет судиться. Когда он «исчерпает все средства», а заодно и наше терпение, температура снаружи будет минус 130, а земля промерзнет на фут в глубину — самое время записать дело к слушанию в каком-нибудь суде на Земле и нанять адвоката! Если хотите, чтобы ваш контракт соблюдался, надо самим об этом позаботиться. Всем известно, что стоит за этим: еще в прошлом сезоне Компания сократила расходы на домашнее хозяйство и начала взимать плату за лишний багаж. Я вас предупреждал тогда, но правление было за миллионы миль от нас, и вы предпочли лучше заплатить, чем бороться. Для Компании затраты на наш переезд — просто нож острый, а главное, им не терпится ввозить сюда новых иммигрантов, не дожидаясь,

когда мы сможем их принять. Им кажется, что дешевле будет заселять сразу и Северную, и Южную колонии, чем строить новые дома. Как сказал братец Гиббс, они не представляют себе здешних условий и не знают, что зимой мы не можем работать в полную силу. Вопрос не в том, можем мы выдержать полярную зиму или нет — сторожа-эскимосы выдерживают ее каждый сезон. И не в контракте дело. Сейчас решается, будем мы свободными людьми или позволим и дальше управлять собой жителям другой планеты, ноги которых никогда не было на Марсе! Минуту, дайте договорить! Мы — авангард. Когда атмосферный проект будет претворен в жизнь, сюда придут миллионы других. И что, так и будут ими управлять отсутствующие помещики с Земли? А Марс так и будет земной колонией? Пришло время определиться.

Настала гробовая тишина, потом раздались разрозненные аплодисменты.

— Кто еще желает высказаться в прениях? — спросил мистер Марло.

Встал мистер Саттон.

— Док правильно рассуждает. У меня в крови нелюбовь к отсутствующим лордам.

— Правильно, Пэт! — крикнул Келли.

— Снимаю этот вопрос с повестки дня,— заявил Марло.— Перед собранием ставится вопрос: мигрировать немедленно или нет? И ничего больше. Вы готовы голосовать?

За миграцию проголосовали единогласно. Если кто и воздержался, то «против» не голосовал никто. Потом был выбран чрезвычайный комитет, председателя обязали отчитываться о принятых решениях перед комитетом, а комитет — перед колонией.

Председателем избрали Джеймса Марло-старшего. Называли и доктора Макрея, но он отвел свою кандидатуру. Мистер Марло и он согласились на том, что доктор войдет в комитет.

В ту пору в Южной колонии насчитывалось пятьсот девять человек — от грудного младенца до старого доктора Макрея. В распоряжении колонистов было одиннадцать скутеров, их елеле хватало, чтобы вывезти всех, и то с тем расчетом, что люди набьются в них как сельди в бочку и каждый возьмет с собой

всего несколько фунтов ручной клади. Обычно миграция проводилась в три-четыре приема, а дополнительные скутеры приходили из Малого Сырта.

Отец Джима решил вывезти всех разом в надежде, что за вещами можно будет послать потом. Было много жалоб, но он настоял на своем, комитет ратифицировал его решение, а созвать собрание никто не требовал. Отправление Марло назначил на рассвет понедельника.

Крюгеру разрешили сохранить за собой кабинет; Марло предпочитал распоряжаться всем из своего. Но Келли, который стал *de facto** начальником полиции, велено было не спускать с резидента глаз. В воскресенье Келли позвонил Марло:

— Знаешь что, шеф? Только что на скутере приехали двое полицейских Компании — увезти в Сырт твоего мальчишку и мальца Саттона.

«Должно быть, Крюгер позвонил Бичеру сразу, как только узнал, что мальчики вернулись домой»,— подумал Марло.

— Где они теперь?

— Да здесь, у Крюгера в кабинете. Мы их сами арестовали.

— Ведите их сюда, я хочу их допросить.

— Сделаем.

Вскоре появились двое весьма недовольных мужчин в сопровождении Келли и его помощника.

— Отлично, мистер Келли. Нет, можете идти, я вооружен.

Когда Келли с помощником ушли, один из полицейских сказал:

— Учтите, это вам даром не пройдет.

— Вам никакого вреда не причинили,— резонно ответил Марло,— а оружие вы сейчас получите обратно. Я только хочу задать вам несколько вопросов.

Но он ничего не добился, полицейские отвечали односложно и неохотно. Внутренний телефон снова зазвонил, и на экране появилось лицо Келли.

— Шеф, ты не поверишь...

— Чему я не поверю?

---

* Фактически *(лат.)*.

— Старый лис Крюгер смылся на скутере, на котором приехали эти двое. Я и не знал, что он умеет водить.

Лицо Марло осталось спокойным. Помолчав, он ответил:

— Отправление переносится. Едем сегодня на закате. Брось все дела и оповести народ.

Он взглянул на таблицу.

— Осталось два часа десять минут.

Жалобных воплей было еще больше, чем раньше. Однако как только солнце коснулось горизонта, первый скутер отправился в путь. За ним с интервалом в тридцать секунд последовали остальные. Когда солнце закатилось, ушел последний скутер — колония двинулась на север, миграция началась.

10. «МЫ В ЛОВУШКЕ»

Четыре скутера старого образца шли медленнее остальных, их предельная скорость была только двести миль в час. Эти машины поставили в голове колонны, чтобы равняться по ним. Около полуночи у одной из них забарахлил мотор, и колонне пришлось замедлить ход. К трем часам утра мотор совсем отказал, пришлось остановиться и распределить пассажиров по другим скутерам — на морозе предприятие небезопасное.

Наконец Макрей и Марло залезли в свою штабную машину, последнюю в колонне. Доктор посмотрел на часы.

— Будем останавливаться в Гесперидах, шкипер?

Станцию Киния они прошли без остановки. Гесперид были недалеко от нее, а там через семьсот миль и Малый Сырт.

— Не хотелось бы,— нахмурился Марло.— Если делать остановку в Гесперидах, придется стоять до заката, пока не схватится лед, и мы потеряем весь день. Крюгер нас опередил, значит, у Бичера будет целый день, чтобы придумать, как нас остановить. Если бы я был уверен, что лед продержится после рассвета столько, чтобы мы успели добраться...— он замолчал и прикусил губу.

У них в Южной колонии уже настала зима, и лед на Риале теперь не растает до весны, но они приближались к экватору. Здесь каналы замерзали ночью и таяли днем — тоненькая марсианская

атмосфера допускала такие резкие перепады температуры. К северу от экватора, куда они направлялись, уже таяла шапка северного полюса и бежали весенние ручьи. Канал ночью затягивало льдом, но это был слабый лед, который двигался вместе с течением, а ночные облака сохраняли дневное тепло.

— Ну доберемся мы туда, шкипер, а что дальше? — настаивал доктор.

— Поедем прямо на лодочную станцию, поставим скутера у причала и загрузим все лодки, которые там у них есть. Как только лед достаточно ослабнет, чтобы прошли лодки, отправим их на север. Мне хотелось бы отправить хотя бы сотни полторы людей из Малого Сырта, пока Бичер не спохватится. Нет у меня никакого плана, кроме как форсировать события, пока он не успел составить свой план. Хочу поставить его перед фактом.

— Нахальство — второе счастье,— кивнул Макрей.— Дерзай.

— Я бы рад, да боюсь за лед. Если какой-нибудь скутер провалится, будут жертвы — и по моей вине.

— Наши водители сообразят, что надо растянуть колонну, когда взойдет солнце. Джейми, я уже давно понял, что в этой жизни иногда приходится рисковать. Иначе ты просто овощ, и место тебе в кастрюле с супом.— Доктор выглянул из-за спины водителя.— Я вижу впереди огонек, это Гесперидs. Решай, Джейми.

Марло промолчал, и вскоре огонек остался позади.

Когда взошло солнце, Марло приказал своему водителю стать в голове колонны. Около девяти утра они, не останавливаясь, проехали скутерную станцию Малого Сырта, проехали космопорт и свернули направо, к лодочной станции, где кончался главный канал, ведущий на север. Водитель машины Марло, постепенно тормозя, въехал на мостки, не обращая внимания на полозья, и остановился, а другие машины выстроились в хвост позади него.

Из головной машины вышли Марло, Келли, Макрей и Джим с Виллисом на руках. Из других скутеров тоже начали выходить люди.

— Скажи им, Келли, пусть сидят в машинах,— рявкнул мистер Марло.

Услышав это, Джим спрятался за спиной отца, чтобы не привлекать его внимания.

Марло сердито смотрел на лодочный бассейн. Там не было ни одной лодки, только на берегу стоял на катках катерок с разобранным мотором. Марло повернулся к Макрею.

— Ну вот, док, я и залез на дерево. Как теперь слезать?

— Ты не в худшем положении, чем был бы, остановившись в Гесперидах.

— И не в лучшем.

Лодочный бассейн кольцом окружали склады. Из одного склада вышел человек и подошел к ним.

— Что это такое? — спросил он, уставившись на колонну скутеров.— Цирк, что ли?

— Сезонная миграция.

— А я уж думал: что это вы не едете? Ничего про вас было не слыхать.

— Куда подевались все лодки?

— Да разогнали повсюду, в основном по лагерям Проекта. Я ими не ведаю, позвоните лучше в отдел транспорта.

Марло снова нахмурился.

— Можете вы хотя бы сказать, где нам разместиться?

При переездах из колонии в колонию один из складов всегда оборудовали под барак для ночлега: в единственной гостинице Компании, отеле «Марсополис», было всего двадцать мест.

Мужчина пришел в недоумение.

— Да как будто ничего такого не подготовили. Похоже, с графиком что-то напутали, да?

Марло выругался — глупо было спрашивать об этом. Разумеется, Бичер не готовился к миграции, которую не собирался проводить.

— Есть тут телефон?

— У меня в конторе, я тут кладовщиком. Звоните.

— Спасибо.

Марло прошел на склад, Макрей за ним.

— Какой у тебя план, сынок?

— Хочу позвонить Бичеру.

— Ты думаешь, это разумно?

— Черт возьми, нельзя же держать людей в машинах. Там малые дети и женщины.

— Они там в безопасности.

— Док, придется Бичеру сделать хоть что-нибудь, раз уж мы приехали.

— Ты тут главный,— пожал плечами Макрей.

Марло выдержал длительное препирательство с несколькими секретарями поочередно, и вот наконец на экране появился Бичер. Генеральный резидент, не узнавая, уставился на Марло.

— Да? Слушаю вас, любезный. Что̀ за срочность?

— Моя фамилия Марло, временный руководитель Южной колонии. Я хотел бы знать...

— Как же, как же! Знаменитый мистер Марло. Мы видели, как проходит ваша разбитая армия.— Бичер отвернулся и сказал что-то человеку за кадром. Ему ответил голос Крюгера.

— Итак, теперь, когда мы здесь, что вы собираетесь с нами делать?

— Делать? Это элементарно. Как только ночью установится лед, можете разворачиваться и возвращаться туда, откуда приехали. Все, кроме вас, вы останетесь здесь и будете преданы суду. И ваш сын тоже, если я правильно помню.

Марло сдержал себя.

— Я не это имел в виду, мне нужно жилое помещение с санитарными удобствами и кухней на пять сотен человек.

Бичер отмахнулся.

— Пусть остаются там, где они есть. Ничего с ними за день не сделается. Послужит уроком.

Марло хотел было ответить, но передумал и выключил аппарат.

— Ваша правда, док, не надо было с ним говорить.

— Ничего страшного, Джейми.

Они вышли и увидели, что Келли расставил свою команду вокруг скутеров.

— Мне как-то неспокойно стало, босс, когда вы пошли звонить, вот я и поставил ребят.

— Из тебя генерал лучше, чем из меня,— сказал Марло.— Ничего тут не произошло?

— Показался было фараон Бичера, но сразу ушел.

— Что ж ты его не задержал? — спросил Макрей.

— Я хотел,— ответил Келли,— но он не остановился, когда я ему крикнул. Без стрельбы его было не задержать, я и дал ему уйти.

— Вот и подстрелил бы его,— сказал Макрей.

— А надо было? — спросил Келли у Макрея.— Меня подмывало это сделать, но я не решился. У нас что, настоящая война или просто свара с Компанией?

— Ты правильно сделал,— успокоил его Марло.— Никакой стрельбы, разве что Бичер начнет первый.

Макрей фыркнул.

— Вы не согласны? — спросил его Марло.

— Джейми, ты мне напомнил один случай из жизни американского Запада. Примерный гражданин убил профессионального бандита выстрелом в спину. Когда его спросили, почему он не дал шанса своему противнику, он ответил: «Потому что он мертв, а я жив, и я хотел, чтобы так и было». Джейми, если ты ведешь честную игру с отпетым мерзавцем, ты подвергаешь себя большой опасности.

— Сейчас не время рассказывать истории, доктор. Надо немедленно поместить людей в безопасное место.

— Я настаиваю на своем,— не унимался Макрей.— Поиски пристанища могут и подождать, это не главное.

— Что же нужно делать, по-вашему?

— Отбери лучших стрелков и пошли их захватить управление Компании и арестовать Бичера. Я сам их поведу.

Марло сердито замахал руками.

— Не может быть и речи. Пока что мы просто граждане, настаивающие на своих законных правах. Действуя подобным образом, мы превратимся в преступную группу.

— Ты не видишь логики в собственных действиях,— покачал головой Макрей.— Ты видишь, что вода бежит под гору, и думаешь, что она не достигнет подножия горы. В глазах Бичера ты и так уже законченный преступник, равно как и все мы.

— Чепуха, мы просто добиваемся соблюдения контракта. Если Бичер будет держаться в рамках, мы тоже будем.

— Говорю тебе, сынок, раз уж взялся дергать крапиву, дергай с корнем.

— Доктор Макрей, если вы так хорошо знаете, что надо делать, что ж вы тогда отказались от руководства?

Макрей покраснел.

— Виноват, сэр. Жду ваших указаний.

— Вы знаете Сырт лучше, чем я. Какое здание можно занять под общежитие?

Джим решил, что самое время выйти из укрытия.

— Пап,— сказал он, выходя вперед,— от этого места до нашей школы...

— Джим, у меня нет времени на пустые разговоры. Вернись в машину.

— Папа, но до школы всего десять минут ходу!

— По-моему, он дело говорит,— вмешался доктор.— В школе есть нормальные кровати для детей и кухня.

— Хм-м... ну хорошо. Может быть, займем обе школы и поместим женщин с малышами в школе для девочек?

— Джейми,— сказал доктор,— рискуя тем, что мне опять надерут уши, я все же скажу: не надо дробить наши силы.

— Да нет, это я так. Келли!

— Да, сэр.

— Скажи, чтобы все выходили, и поставь своего человека во главе каждой машины. Мы уходим.

— Есть.

На улицах Малого Сырта прохожих мало, пешеходы предпочитают ходить по туннелям. Те, кто все же попадались навстречу, испуганно шарахались, но колонистов никто не останавливал.

Входной тамбур школы мог вместить только двадцать человек. Когда прошла вторая партия, появился Хоу.

— Что это значит? — спросил он.

Виллис, посмотрев на него, сразу спрятался, а Джим скрылся за спиной у отца.

— Сожалеем,— сказал Марло,— но мы вынуждены занять школу под временное пристанище.

— Это невозможно. Кто вы, собственно, такой?

— Моя фамилия Марло. Я возглавляю миграцию.

— Так...— Хоу внезапно повернулся, растолкал толпу и скрылся в здании.

Минут через тридцать Марло, Макрей и Келли вошли с последней партией. Марло приказал Келли поставить часовых у каждого выхода из здания. Макрей хотел было предложить расставить людей вокруг здания снаружи, но прикусил язык.

Саттон ждал Марло в вестибюле.

— Донесение от миссис Палмер, шеф! Она просила тебе передать, что кормежка поспеет минут через двадцать.

— Хорошо! Я и сам не прочь перекусить.

— Школьная повариха сидит в столовой и дуется. Хочет поговорить с тобой.

— Сам с ней разберись. Где Хоу?

— А пес его знает. Пролетел, как ангел мщения, и пропал.

Вестибюль был переполнен, здесь толпились не только колонисты, но и школьники. Родители обнимали своих сыновей. Келли дубасил по спине уменьшенную копию самого себя, а сын в свою очередь дубасил его. Гвалт стоял оглушительный. Какой-то человек, с трудом пробившись к Марло, прокричал ему в ухо:

— Мистер Хоу в своем кабинете. Он заперся. Я хотел к нему пройти, но мне не удалось.

— Пусть сидит,— решил Марло.— А вы кто?

— Ян ван дер Линдер, преподаватель естествознания. Можно узнать, кто вы?

— Марло меня зовут. Командую этим сумасшедшим домом. Послушайте, вы не могли бы собрать мальчиков, которые живут в городе? Мы здесь останемся по меньшей мере на пару дней. Городских учеников можно свободно отпустить по домам, и учителей тоже.

Учитель колебался.

— Мистеру Хоу не понравится, если я сделаю это без его указания.

— Я это сделаю в любом случае, просто у вас получится быстрее. Всю ответственность беру на себя.

Джим увидел в толпе мать и двинулся к ней, не дожидаясь, чем кончится дело. Мать прислонилась к стене с Оливером на руках, вид у нее был очень усталый. Рядом стояла Филлис. Джим протиснулся к ним.

— Мама!

— Что, Джимми?

— Пойдем со мной.

— Ох, Джимми, я слишком устала, чтобы идти еще куда-нибудь.

— Пошли! Я знаю, где можно прилечь.

Через несколько минут он привел всех троих в комнату, которую они занимали с Фрэнком. Мать рухнула на койку Джима.

— Джимми, ты ангел.

— Ты отдыхай. Фил принесет тебе поесть. А я пойду посмотрю, что там делается. Фил,— помедлил он,— ты не присмотришь за Виллисом?

— С чего это? Мне тоже интересно знать, что происходит.

— Ты девочка, и тебе лучше не путаться под ногами.

— Мне это нравится! Я имею такое же отношение...

— Довольно, дети. Мы присмотрим за Виллисом, Джимми. Скажи отцу, что мы здесь.

Джим сказал, потом встал в очередь за едой. Получив свою порцию и быстро разделавшись с ней, он обнаружил, что почти все колонисты собрались в актовом зале. Джим вошел туда, увидел Фрэнка и доктора Макрея и протолкался к ним.

Его отец стучал по столу рукояткой пистолета за неимением молотка.

— Слово предоставляется мистеру Линтикаму.

Оратор был весьма агрессивным мужчиной лет тридцати.

— Я поддерживаю доктора Макрея. Нечего тут болтаться. Нам нужны лодки, чтобы попасть в Копаис. Так? Бичер их нам не дает. Так? Но все, чем располагает Бичер,— это отделение полиции. Так? Если даже он мобилизует всех мужчин в Сырте, у него наберется не более полутораста стволов. Так? А нас вдвое больше. Да и не сможет Бичер собрать против нас всех, кто здесь работает. Что же мы делаем? Мы идем, хватаем его за шиворот и заставляем сделать то, что нам надо. Так? — И он с торжеством уселся на место.

— Избавь меня, Боже, от друзей,— пробормотал Макрей.

Несколько человек хотели высказаться. Марло выбрал одного.

— Слово имеет мистер Гиббс.

— Господин председатель! Соседи! Мне нечасто доводилось слышать столь опрометчивую и провокационную речь. Вы, мистер Марло, убедили нас присоединиться к этой безрассудной авантюре, которую я никогда не одобрял.

— Однако присоединились! — крикнул кто-то.

— К порядку! — призвал Марло.— Ближе к делу, мистер Гиббс.

— Я присоединился, не желая противиться воле большинства. Теперь же некоторые горячие и неуравновешенные личности могут еще ухудшить положение. Сейчас, когда мы находимся в правительственном центре, естественным шагом было бы составление петиции о возмещении ущерба.

— Если вы говорите о том, чтобы потребовать у Бичера доставить нас в Копаис, то это я уже сделал.

Гиббс кисло улыбнулся.

— Извините меня, мистер Марло, если я скажу,— иногда личность просителя влияет на судьбу прошения. Как я понимаю, здесь находится мистер Хоу, директор школы и человек, близкий к генеральному резиденту. Мне кажется, было бы разумно воспользоваться его помощью при обращении к генеральному резиденту.

Мистер Саттон крикнул:

— Это последний человек на Марсе, которому я позволю говорить от своего имени!

— Обращайся к председателю, Пэт,— предупредил Марло.— Я согласен с тобой, но не стану возражать, если этого захочет большинство. А разве Хоу здесь? — спросил он у зала.— Я его не видел.

— Да здесь он,— встал Келли,— прячется в кабинете. Я с ним поговорил через вентилятор и пообещал ему роскошную трепку, если он выйдет и подерется со мной, как мужчина.

— Вот вам, пожалуйста! — ахнул мистер Гиббс.

— Это личное дело, касается моего парня,— объяснил Келли.

Марло постучал по столу.

— Полагаю, что мистер Келли откажется от привилегии, если вы захотите, чтобы Хоу был вашим посредником. Будем голосовать?

За предложение Гиббса проголосовали только он сам и Поттлы.

После этого Джим сказал:

— Папа?

— Обращайся к председателю, сын. Что ты хочешь сказать?

— Господин председатель, у меня есть идея. Раз лодок нет, нельзя ли нам добраться до Копаиса тем же способом, каким мы с Фрэнком попали в Харакс — с помощью марсиан? Если все согласятся,— добавил Джим,— мы с Фрэнком могли бы вернуться, найти Гекко и обсудить это с ним.

В зале наступила тишина, потом все зашептались: «О чем это он говорит?» Хотя почти все слышали историю мальчиков, ей не верили, от нее отмахивались или не принимали в расчет. Эта история противоречила всеобщему опыту, а колонисты в большинстве своем так же погрязли в «здравом смысле», как и их сородичи на Земле.

Мистер Марло нахмурился.

— Мы не знаем, имеются ли у туземцев такие же средства передвижения между Сыртом и Копаисом...

— Спорю, что есть!

— ...и не знаем, позволят ли нам марсиане воспользоваться ими, даже если они есть.

— Но, папа, мы с Фрэнком...

— По поводу ведения, господин председатель! — вмешался Гиббс.— По какому праву вы разрешаете детям говорить на собрании взрослых?

Марло смутился. Встал доктор Макрей.

— Я тоже по поводу ведения, господин председатель. С какого возраста этот хлыщ...

— К порядку, доктор.

— Виноват. Я хочу сказать, почему сей зрелый муж не считает гражданами Фрэнка, Джима и других владеющих оружием мужчин их возраста? Я мог бы добавить, что был взрослым мужчиной, когда Гиббс еще пускал слюнки на слюнявчик...

— Доктор!

— Извините. Когда он еще не достиг этого возраста. Мы — общество пионеров, и каждый мальчик, достаточно большой, чтобы сражаться,— это мужчина и должен считаться таковым. И каждая девочка, достаточно большая, чтобы стряпать и нянчить детей, тоже взрослая. Сознаете вы это или нет, вы вступили в такой период, когда придется драться за свои права. А драться-то будет моло-

дежь, так что извольте относиться к ней соответственно. Может, двадцать пять лет — это и нормальный совершеннолетний возраст для умирающего, дряхлого общества Земли, а мы здесь не собираемся следовать правилам, которые нам не подходят.

Мистер Марло постучал пистолетом.

— Снимаю этот вопрос с обсуждения. Джим, мы поговорим с тобой после. Есть у кого-нибудь конкретное предложение на данный момент? Пойдем путем переговоров или прибегнем к силе?

Мистер Конски сказал:

— Я за то, чтобы идти до конца, если придется, но может быть, и не придется. Что если вам, мистер Марло, еще раз позвонить мистеру Бичеру? Вы можете сказать ему, что у нас достаточно людей, чтобы добиться своего, глядишь, он и прислушается к голосу рассудка. Вот мое предложение.

Предложение было принято. Марло предложил также, чтобы с генеральным резидентом вместо него говорил кто-нибудь другой, но этот вариант отклонили. Марло сошел с возвышения и направился к телефонной будке. Пришлось ломать замок, который приделал на нее Хоу.

Бичер имел очень самодовольный вид.

— А, мой любезный друг Марло. Вы звоните, чтобы сдаться?

Марло вежливо объяснил причину своего звонка.

— Лодки до Копаиса? — засмеялся Бичер.— Когда наступит ночь, будут приготовлены скутеры, чтобы отвезти людей обратно в Южную колонию. Те, кто готовы уехать, избегнут ответственности за свои необдуманные действия. Но не вы, разумеется.

— Позвольте вам заметить, что наша численность значительно превышает те силы, которые вы сможете сколотить здесь, в Малом Сырте. Мы добиваемся только выполнения контракта. Если нас вынудят применить силу ради защиты наших прав, мы ее применим.

Бичер ухмыльнулся с экрана.

— Ваши угрозы меня не пугают, Марло. Сдавайтесь. Выходите по одному, без оружия и с поднятыми руками.

— Это ваше последнее слово?

— Нет еще. Вы держите в плену мистера Хоу. Отпустите его сейчас же, не то я позабочусь, чтобы вас обвинили в похищении.

— Хоу? Он не пленник, он может уйти, когда захочет.

Бичер развил свою мысль.

Марло сказал:

— Это личное дело Келли и Хоу. Можете позвонить Хоу в кабинет и сказать ему об этом.

— Вы должны дать ему охрану,— настаивал Бичер.

Марло покачал головой.

— Я не собираюсь вмешиваться в частную ссору. Хоу в безопасности там у себя, зачем мне о нем беспокоиться? Бичер, даю вам еще один час, отдайте лодки миром.

Бичер пристально посмотрел на него и выключил экран.

— Может, стоило отдать меня на съедение, шеф? — спросил Келли.

Марло поскреб подбородок.

— Не думаю. Я не могу держать заложников, однако этот дом будет целее, пока в нем находится Хоу. Насколько мне известно, в Сырте нет ни бомб, ни другого тяжелого оружия, почему же тогда Бичер так уверен в себе, хотел бы я знать?

— Он блефует.

— Сомневаюсь.

Марло вернулся в зал и передал колонистам содержание разговора.

Миссис Поттл встала.

— Мы с мужем, безусловно, примем любезное предложение мистера Бичера. Держать бедного мистера Хоу в плену, подумать только! Надеюсь, что вы будете наказаны по заслугам и этот невоспитанный мистер Келли тоже. Идем, дорогой! — И она совершила свой драматический выход, а мистер Поттл плелся за ней по пятам.

— Кто еще хочет сдаться? — спросил Марло.

Гиббс нерешительно посмотрел по сторонам и последовал за Поттлами. Все молчали, и только когда он ушел, Толенд сказал:

— Предлагаю приступить к организации боевого отряда.

— Поддерживаем! Согласны!

Предложение было принято без всяких дебатов. Затем Толенд предложил назначить Марло капитаном с правом назначать офицеров. Это тоже было принято.

В этот момент вошел, шатаясь, Гиббс, весь белый, с трясущимися руками.

— Они погибли! Они погибли! — кричал он.

Марло не стал и пытаться восстановить порядок. Вместо этого он пробился к Гиббсу и спросил:

— Кто погиб? Что случилось?

— Поттлы. Меня самого чуть не убили.

Немного успокоившись, он рассказал следующее: они втроем надели маски и вышли через шлюз. Миссис Поттл, не поглядев ни вправо, ни влево, двинулась вперед, а муж следовал за ней, как тень. Как только они вышли за порог, в них ударил луч. Их тела лежат на улице перед школой.

— Это вы виноваты,— пронзительно закончил Гиббс, глядя на Марло.— Вы втравили нас в это дело.

— Минутку,— сказал Марло,— а они вышли так, как требовал Бичер? Поодиночке, с поднятыми руками и так далее? Был у Поттла пистолет?

Гиббс покачал головой и отвернулся.

— Какая разница,— сокрушенно сказал Макрей.— Пока мы тут дебатировали, Бичер устроил нам западню.

11. ОСАДА

Как ни печально, это оказалось правдой — разведка подтвердила. Переднюю и заднюю дверь перекрыли стрелки, предположительно из полиции Бичера. Они могли снять каждого, кто выходил из здания, сами оставаясь при этом в полнейшей безопасности. При шлюзовой системе прорыв был бы равносилен самоубийству.

Школа стояла в отдалении от поселка и не была связана с ним туннелем. Окон в ней тоже не было. Горсточка вооруженных людей держала взаперти сотни лицензированных стрелков колонии.

Зычный голос доктора Макрея убедил собрание продолжать работу.

— Прежде чем двигаться дальше,— сказал Марло,— выясним, может, еще кто-нибудь хочет сдаться? Я уверен: Поттлов

застрелили только потому, что они полезли напролом. Если покричать и помахать белым флагом, вас, полагаю, пропустят.

Наступила пауза. Потом встал мужчина вместе с женой, за ним еще один. Набралось несколько человек, и в гробовой тишине они вышли из зала.

После их ухода капитан Марло приступил к организации своего отряда. Миссис Палмер он назначил главным интендантом, доктора — своим заместителем, Келли — начальником караула, ответственным за посты. Саттону и Толенду поручили разработать нечто вроде переносного экрана для защиты от продольного огня, скосившего Поттлов. Джим с волнением наблюдал за этим процессом, но после назначения взводных командиров выяснилось, что отец не намерен вовлекать в боевые действия подростков. Школьников объединили в два запасных взвода и распустили до поры до времени. Джим не отходил от отца, все ждал случая перемолвиться с ним словом. Наконец ему это удалось.

— Папа...

— Не приставай, Джим.

— Но, папа, ты же сказал, что мы поговорим насчет марсианской помощи...

— Марсиане? — Мистер Марло подумал и сказал: — Не выйдет, Джим. Пока мы не вырвемся отсюда, ни от твоего плана, ни от любого другого толку нет. Пойди посмотри, как там мама.

Отвергнутый Джим грустно побрел прочь. К нему пристроился Фрэнк.

— Знаешь, Джим, а у тебя порой бывает просветление.

— Спасибо за комплимент.

— Это не комплимент, Джим, просто отдаю тебе должное. Как правило, идеи у тебя бредовые, но тут тебя осенило.

— Давай ближе к делу.

— Ближе некуда. Когда ты предложил позвать на помощь марсиан, это было просто гениально.

— Спасибо, но мне так не кажется. Папа правильно сказал: ничего нельзя сделать, пока мы не прорвемся. А тогда уж, наверное, нам и помощь не понадобится.

— Зря ты так думаешь. Давай проанализируем ситуацию, как сказал бы док. Во-первых, твой отец загнал нас сюда...

— Не трогай отца!

— Я не трогаю, он мужик что надо. Но своим джентльменским поведением он загнал нас в угол. Я не упрекаю его, но такова ситуация. И что же они намерены делать? Твой старик велел моему вместе с Толендом сделать щит, который позволит нам пройти через дверь на открытое место, где можно будет драться. По-твоему, у них что-нибудь получится?

— Я об этом не думал.

— А я думал. Ничего у них не выйдет. Отец хороший инженер, дай ему только оборудование и материал, так он тебе сотворит все, что угодно. А тут что? Есть школьная мастерская, сам знаешь, что это за счастье. Компания вечно экономила на ее оборудовании, в ней разве что подставки для книг можно делать. А материал? Из чего они сделают щит? Из обеденных столов? Бластер разрежет их, как мягкий сыр.

— Может, и придумают что-нибудь.

— Что, например?

— Так чего же ты хочешь? — отчаялся Джим.— Сдаться, что ли?

— Нет, конечно. Но наши старики увязли по уши. Тут-то мы и покажем себя — используем твою идею.

— Никакая она не моя.

— Ну, как хочешь, тогда я присвою все заслуги себе. Мы передадим Гекко, что нуждаемся в помощи. Он наш водный друг, он нас не оставит.

— Как может Гекко нам помочь? Марсиане не воюют.

— Верно, но, как говорится в геометрии, что из этого следует? Люди не воевали, не воюют и не будут воевать с марсианами. Бичер не может позволить себе задеть марсиан. Все знают, с каким трудом Компания добилась того, чтобы марсиане хотя бы позволили нам поселиться здесь. А теперь представь, что двадцать-тридцать марсиан, да пусть даже один, заявятся к нашей парадной двери. Что сделают тогда фараоны Бичера?

— Что?

— Прекратят огонь, вот что, и мы все вывалим наружу. Вот что может сделать для нас Гекко. Он может сделать так, что Бичер отзовет своих стрелков. Бичеру просто некуда будет деваться.

Джим подумал. Да, это имело смысл. Каждому человеку, который допускается на Марс, старательно вбивалось в голову, что ни в коем случае нельзя ссориться с туземцами, провоцировать их, нарушать их обычаи и уж вовсе недопустимо причинять им какой-нибудь вред. К возникновению этого закона — первой заповеди марсианских поселенцев — привела странная и горестная история первого поколения людей, контактировавших с марсианами. Джим не представлял себе, чтобы Бичер или полиция Компании решились на нарушение этого закона. Первой задачей полиции всегда было как раз его неукоснительное соблюдение, особенно по отношению к туристам с Земли, которым никогда не разрешалось контактировать с туземцами.

— Одно неясно, Фрэнк. Допустим, Гекко и его друзья захотят нам помочь, но как передать им, что нам нужна помощь? Не можем же мы позвонить им по телефону.

— Не можем, но тут на сцену выходишь ты. Ты можешь передать им весть.

— Как?

— Через Виллиса.

— С ума сошел!

— Почему? Предположим, из дома выходишь ты. Фш-ш! — и тебя нет. А если выйдет Виллис? Кто будет стрелять в попрыгунчика?

— Не нравится мне это. Вдруг его ранят.

— Если мы будем сидеть сложа руки, ты пожалеешь, что он не умер. Бичер отправит его в Лондонский зоосад.

Джим поразмыслил.

— Все равно в твоем плане полно прорех. Даже если Виллис проберется, он не сможет найти Гекко и передать ему наше сообщение. Возьмет и запоет вместо этого или начнет повторять докторские шуточки. Я придумал лучше.

— Послушаем.

— Спорю, что Бичеровы обормоты не додумались караулить мусорный люк. Я сам пойду к Гекко.

— Нет,— поразмыслив, ответил Фрэнк.— Даже если мусоропровод не охраняют, они тебя заметят со своего поста у задней двери и пристрелят, не успеешь ты подняться на ноги.

— Подожду, пока стемнеет.

— М-м-м... в этом уже что-то есть. Только пойду я. Я быстрее бегаю.

— Кто бы говорил!

— Ладно! Пойдем оба — с часовым интервалом. Но Виллис не исключается. Ему тоже надо попытаться. Кто-нибудь да пройдет. Нет, погоди, ты недооцениваешь своего дружка. Мы его научим, что надо говорить, а потом ты ему скажешь, чтобы он пошел в марсианский город, остановил первого встречного марсианина и рассказал ему то, что выучил. А уж марсианин будет знать, что делать дальше, это все будет в сообщении Виллиса. Только вот хватит ли у него ума сделать то, что ему скажут? Я в этом сильно сомневаюсь.

Джим ощетинился.

— Ты всегда считал Виллиса дураком. А он не такой, ты его просто не понимаешь.

— Значит, он доберется до города и все передаст. Или нет?

— Мне все-таки это не нравится.

— Тогда выбирай: или ты немного рискнешь Виллисом, или твою мать с маленьким братом заставят зимовать в Южной колонии.

Джим прикусил губу.

— Ладно, попробуем. Пошли за Виллисом.

— Не спеши. Мы с тобой не настолько хорошо знаем марсианский, чтобы составить донесение. Но док знает и поможет нам.

— Да, он единственный из взрослых, кому можно довериться. Пошли.

Они нашли Макрея, но поговорить с ним удалось не сразу. Он орал в телефон, и можно было слышать половину разговора:

— Мне доктора Ролингса. Так позовите, нечего сидеть и грызть карандаш! Скажите, доктор Макрей. А, доктор, добрый день! Нет, я здесь... Как дела? Кремируем свои ошибки? Что ж, все мы... Извините, не могу. Я заперт. Заперт, говорю. З-а-п-е-р-т, как буйный пьянчуга... Да никакой причины нет. Это все ваш человекообразный Бичер. А вы не слышали? Вся колония сидит под замком в здании школы, а если высунем нос, в нас стреляют. Нет, не шучу. Знаете Тощего Поттла? Его с женой убили часа два назад. Пойдите посмотрите сами, полюбуйтесь, что за сумасшедший вами тут управляет.

Экран внезапно погас. Доктор выругался и защелкал переключателями. Вскоре он убедился, что связь полностью перерезана, пожал плечами и вышел из кабины.

— В конце концов они меня вырубили,— сказал он тем, кто был в комнате,— но троим, самым главным, я успел позвонить.

— А кому вы звонили, доктор? — спросил Джим.

— Собирал пятую колонну против Бичера. Хорошие люди есть повсюду, сынок, только им надо все разжевать и в рот положить.

— Док, вы не можете уделить нам немного времени?

— А что? Твой отец мне дал кое-какую работу, Джим.

— Это важно.

Мальчики отвели Макрея в сторону и рассказали ему про свой план.

Макрей задумался.

— Да, это может сработать. Блестящая мысль, Фрэнк, использовать неприкосновенность марсиан, тебе надо идти в политику. Ну, а насчет десанта через мусорный люк — если ты спросишь у отца, он тебе запретит, Джим.

— А вы не могли бы его попросить? Вас он точно послушает.

— Я сказал «если спросишь у отца».

— А, понял.

— Давайте тащите свою зверюшку в класс «С», я его приспособил под свой кабинет.

Джим и Фрэнк отправились за Виллисом. Мать и Оливер спали; ни сестры, ни Виллиса не было. Джим хотел уйти, но мать проснулась.

— Джимми!

— Я не хотел тебя будить, мама. Где Фил? Мне нужен Виллис.

— По-моему, она на кухне, помогает. А Виллиса разве нет? Он был тут, на кровати, со мной и малышом.

Джим посмотрел еще раз, но Виллиса не было.

— Пойду спрошу Фил. Может, она заходила и взяла его.

— Далеко он не мог уйти. Извини, Джим.

— Ничего, я найду.

Джим пошел на кухню и спросил сестру.

— Откуда я знаю? — сказала она.— Он был с мамой, когда я уходила. Нечего ко мне цепляться.

— Ах ты, горе, недоглядели,— сказал Джим Фрэнку.— Придется искать.

Через час, опросив сотню человек, ребята поняли: если Виллис и в школе, то уж очень здорово спрятался. Джим так рассердился, что позабыл об опасности, которая всем угрожала.

— Вот что значит полагаться на женщин,— сокрушался он.— Что же делать, Фрэнк?

— Почем я знаю.

Они отошли далеко от своей бывшей комнаты и решили вернуться — вдруг Виллис уже пришел. Проходя через вестибюль, Джим внезапно остановился.

— Я его слышу.

Друзья прислушались. Кто-то говорил голосом Джима:

— Открой! Пусти Виллис!

Голос шел из дверного репродуктора.

Джим кинулся к двери в тамбур, но его остановил часовой.

— Эй,— запротестовал Джим,— откройте дверь. Это Виллис.

— Это какая-нибудь ловушка. Отойди.

— Впустите его. Говорю вам, это Виллис.

Часовой привел шлюз в действие, отогнал всех от двери и сам стал сбоку с пистолетом наготове. Внутренняя дверь открылась, и в нее ввалился Виллис. Он примирительно говорил:

— Джим ушел. Все ушел. Виллис пошел гулять.

— Как же ты выбрался из дома?

— Вышел.

— Но как?

Виллис, очевидно, не находил в этом ничего сложного и не желал вдаваться в подробности.

— Может, он вышел с Поттлами? — предположил Фрэнк.

— Может быть. Да неважно в конце концов.

— Ходил в гости,— сознался Виллис. И перечислил с десяток марсианских имен.— Хорошо. Водный друзья. Дали Виллис хороший вода, много.— Он почмокал, как будто губами, хотя не имел таковых.

— Ты только неделю назад пил,— укоризненно сказал Джим.

— Виллис хороший! — возразил Виллис.

— Погоди-ка,— сказал Фрэнк.— Он ведь был у марсиан!

— Да хоть у Клеопатры, зачем убегать-то было?

— Ты что, не понимаешь? Он может добраться до туземцев, он уже это сделал. Все, что нужно,— это передать с ним сообщение для Гекко.

В свете последних событий Макрей еще больше заинтересовался их планом. Втроем они составили сообщение на английском для перевода.

«Привет тебе,— говорилось в нем,— это весть от Джима Марло, водного друга Гекко из города...— Далее следовало совершенно непроизносимое марсианское название Кинии.— Кто бы ты ни был, друг моего друга, прошу тебя немедленно передать мои слова Гекко. Я в большой беде, и мне нужна ваша помощь». Дальше рассказывалось, что с ними произошло, кто в этом повинен и на какую помощь они надеются. К телеграфной краткости не стремились: нервная система Виллиса могла вместить хоть тысячу слов.

Макрей перевел текст, натаскал Джима бегло читать его, после чего они попытались внушить Виллису, что ему следует делать. Виллис был рад стараться, но его легкомысленный, бесшабашный подход ко всякой задаче чуть было не довел всех до истерики. Наконец сошлись на том, что Виллис, пожалуй, готов выполнить задание. По крайней мере, когда его спрашивали, что он должен делать, он отвечал «идти друзья», и когда его спрашивали, что он должен сказать, он, как правило, начинал передавать сообщение.

— Авось сойдет,— решил Макрей.— Мы знаем, что у марсиан есть средства быстрого передвижения, хотя и не знаем, какие. Лишь бы наш дружок-колобок не забыл, куда он идет и зачем.

Джим отнес Виллиса к входной двери. По распоряжению Макрея часовой пропустил их, и Джим вышел с Виллисом в тамбур. Попрыгунчик, по-видимому, усвоил свои инструкции, хотя его ответы выдавали обычный умственный кавардак.

Джим постоял на пороге, где не мог попасть под выстрелы, и посмотрел, как Виллис скатился с крыльца. Поттлы все еще лежали там, где упали. Виллис посмотрел на них, вильнул в сторону и побежал по улице, пропав из поля зрения Джима,— с порога его не стало видно. Джим пожалел, что не взял с собой зеркальце,

оно могло бы служить перископом. Потом собрал все свое мужество, лег и выглянул за дверь.

Виллис ушел уже далеко, и ничего с ним не случилось. В дальнём конце улицы стояло какое-то сооружение, которого раньше не было. Джим высунул голову еще на дюйм, чтобы рассмотреть его получше. Тут дверной косяк над ним задымился, и Джим ощутил легкий электрический разряд от прошедшего близко луча. Он убрал голову и вернулся в шлюз.

Внутри у него все оборвалось, и он был убежден, что больше не увидит Виллиса.

12. «НЕ СТРЕЛЯЙТЕ!»

День для Джима и Фрэнка тянулся без конца. Свой план они могли осуществить, только когда стемнеет. Предводители колонистов все время заседали, но это происходило при закрытых дверях, и мальчиков туда не приглашали.

Ужин был приятным разнообразием: во-первых, они проголодались, а во-вторых, кухня теперь освободится и они смогут пробраться к мусорному люку. Так думали Джим с Фрэнком, но на деле все оказалось по-другому. Женщины, хлопотавшие на кухне, сначала взялись за уборку, а потом, похоже, собрались просидеть всю ночь за кофе и разговорами.

Мальчики под разными предлогами все время совались на кухню, что наконец стало вызывать подозрения у миссис Палмер. Потом туда прошел другой мальчишка, и Джим последовал за ним, не зная, что придумать на этот раз.

— Миссис Палмер, капитан Марло спрашивает, не слишком ли трудно вам будет подежурить ночью, чтобы снабжать часовых кофе и сандвичами.

— Совсем не трудно,— ответила она,— мы будем только рады. Генриетта, спроси, пожалуйста, кто согласен подежурить. Я буду первая.

Джим вернулся к Фрэнку.

— Ну, какие шансы? — спросил Фрэнк.— Не собираются они там расходиться?

Джим сказал ему, что шансов никаких. Фрэнк выругался, употребив пару слов, которых Джим раньше не слышал.

— Что будем делать, Джим?

— Не знаю. Может, когда она останется одна, она выйдет куда-нибудь.

— Или мы ее выманим, наврем что-нибудь.

— Скажем, что ее просят в штаб. Это точно сработает.

В этот момент погас свет. Стало темно, как в пещере, и наступила какая-то тревожная тишина. Джим не сразу сообразил, что это прекратилась циркуляция воздуха от нагнетателя на крыше. Завизжала какая-то женщина. К ней присоединилась другая, повыше тоном. Голоса в темноте вопрошали, жаловались, успокаивали.

В вестибюле показался свет, и Джим услышал голос отца:

— Тихо там. Это просто авария. Имейте терпение.

Огонек двинулся в их сторону и вскоре осветил их.

— А вы, ребята, шли бы спать.

Отец прошел дальше. Где-то гремел доктор, убеждая кого-то замолчать и успокоиться.

Отец Джима вернулся и на этот раз сказал:

— Всем надеть скафандры. И респираторы. Мы надеемся исправить повреждение через несколько минут, но осторожность не помешает. Не волнуйтесь: давление будет держаться еще по крайней мере полчаса. Вполне достаточно для того, чтобы одеться, если даже мы так быстро не управимся.

Всюду зажигались огни, и вскоре если не в комнатах, то в коридорах стало достаточно светло. Везде замаячили фигуры людей, влезающих в скафандры. Джим и Фрэнк, поскольку собирались уходить, уже были в скафандрах, при оружии и с масками на головах.

— Может, проскочим сейчас? — предложил Фрэнк.

— Нет,— ответил Джим,— они все еще на кухне. Там свет.

По коридору шел доктор Макрей. Джим остановил его.

— Док, как вы думаете, скоро починят электричество?

— Ты что, смеешься?

— Почему, док?

— Это очередная пакость Бичера. Он отключил нас от сети.

— Вы уверены?

— Аварии нет, мы проверяли. Я еще удивляюсь, почему Бичер этого раньше не сделал. Но вы, ребята, не болтайте, отец Джима и так с ног сбился, утихомиривая нервных дамочек.

Несмотря на уговоры капитана Марло, истинное положение вещей скоро стало известно всем. Давление падало медленно, так медленно, что необходимо было оповестить всех и распорядиться, чтобы все надели респираторы. Иначе недостаток кислорода мог бы захватить многих врасплох. Теперь уже бесполезно стало придерживаться версии об аварии, которую вот-вот исправят. Температура в здании постепенно понижалась. Замерзнуть в закрытом изолированном здании они не могли, но ночной холод все же проникал внутрь.

Марло перенес штаб в вестибюль, где заседали при свете фонарика. Джим с Фрэнком потихоньку прокрались туда и спрятались в темноте. Им хотелось быть в курсе дел и совсем не хотелось идти спать, как им было велено, тем более что их кровати, как верно заметил Фрэнк, были уже заняты миссис Марло, Оливером и Филлис. Они не отказались от намерения уйти через мусорный люк, но знали, что там слишком людно и улизнуть незаметно вряд ли удастся.

К Марло подошел Джо Хартли, один из гидропоников колонии, а за ним его жена — она несла их маленькую дочку в защитной пластиковой палатке, над которой, как труба, торчал нагнетатель.

— Мистер Марло, то есть капитан...

—Да?

— Надо что-то делать. Наш ребенок этого не выдержит. У нее круп, а мы не можем добраться до нее, чтобы ей помочь.

К ним протиснулся Макрей.

— Надо было показать ее мне, Джо.— Он осмотрел ребенка через пластик и сказал: — По-моему, малышка в порядке.

— Она больна, говорю вам.

— Хм-м... от такого осмотра, конечно, мало толку и температуру нельзя измерить, но мне кажется, опасности нет.

— Вы просто хотите меня успокоить,— сердито сказал Хартли.— Что можно сказать, когда она под колпаком?

— Что тут поделаешь, сынок,— сказал доктор.

— Что поделаешь! Что-нибудь да надо делать. Это не может...

Жена дернула его за рукав, они пошептались, и Хартли сказал:

— Капитан Марло!

— Да, мистер Хартли.

— Вы как хотите, а с меня хватит. У меня жена и ребенок.

— Вам решать,— холодно сказал Марло и отвернулся.

— Но...— Хартли умолк, видя, что Марло больше не обращает на него внимания. Он нерешительно постоял, как будто ожидал, что его будут отговаривать. Жена тронула его за руку, и они пошли к главному выходу.

— Чего они от меня ждут? Чуда? — спросил Марло у Макрея.

— Вот именно, сынок. Люди в большинстве своем так и не становятся взрослыми, все ждут, что папа достанет им луну с неба. Однако Джо ненароком сказал правду — надо что-то делать.

— Не вижу, что можно сделать, пока Саттон с Толендом не закончат.

— Нельзя их больше ждать, сынок. Надо прорываться отсюда. Теоретически в респираторе можно прожить много суток, но на практике это не пройдет, на что и рассчитывает Бичер. Нельзя до бесконечности держать несколько сот людей в темноте и холоде, да еще и в масках. Дело кончится паникой.

Даже сквозь маску чувствовалось, как устал Марло.

— Не можем же мы прорыть туннель наружу. Выход один — через дверь, а дверь перекрыта. Это самоубийство.

— Придется рискнуть, сынок. Я возглавлю вылазку.

— Нет, я,— вздохнул Марло.

— У тебя жена и дети. А у меня никого, и я так долго живу взаймы, что уже со счета сбился.

— Это моя привилегия, так что вопрос решен.

— Это мы еще посмотрим.

— Я сказал, вопрос решен, сэр!

Они не доспорили — внутренняя дверь шлюза открылась, и вошла, шатаясь, миссис Хартли. Она безудержно рыдала, держа на руках девочку в защитной колыбельке.

Повторилась история с Поттлами и Гиббсом. Как понял доктор из того, что прорывалось сквозь рыдания миссис Хартли, они

с мужем соблюли все предосторожности. Они выждали, прокричали, что хотят сдаться, и посигналили фонариком. Не получив ответа, они покричали еще, и Хартли шагнул через порог с поднятыми руками, а жена светила на него.

Его застрелили, как только он вышел.

Макрей передал миссис Хартли женщинам и вышел на разведку. Почти в тот же миг он вернулся.

— Дайте кто-нибудь стул. Ну-ка, Джим, слетай.

— В чем дело? — спросил Марло.

— Сейчас скажу. Есть кое-какие подозрения.

— Будьте осторожны.

— Мне затем и нужен стул.

Джим вернулся со стулом, и доктор опять вышел в шлюз. Минут через пять он вернулся.

— Ловушка,— объяснил он.

— Что вы имеете в виду?

— Бичер не может держать людей всю ночь на морозе, я по крайней мере так думаю. Это автоматический самострел. Они установили на дверь фотоэлемент, и когда его кто-нибудь пересекает, срабатывает самострел и срезает того, кто вышел.— Доктор показал стул, прожженный в нескольких местах.— Но не это главное,— продолжал он, пока Марло осматривал стул.— Этот автоматический огонь ведется по двум стабильным линиям: одна проходит в двух футах от пола, другая в четырех. Можно пролезть между ними, если нервы крепкие.

— Покажите-ка,— выпрямился Марло.

Они вернулись через несколько минут с еще более обгоревшим стулом.

— Келли,— распорядился Марло,— мне нужно двадцать добровольцев для вылазки. Займись-ка.

Добровольцев вызвалось около двухсот, проблема была в том, чтобы отбиться от них. Джим с Фрэнком тоже сунулись, но Марло сказал, что возьмет только взрослых неженатых мужчин. Исключение составлял только он сам. Макрея тоже отвергли.

Доктор отвел Джима в сторонку и шепнул ему:

— Придержи лошадей. Через пару минут главным тут стану я.

Штурмовой отряд вышел в шлюз. Марло сказал Макрею:

— Мы идем на электростанцию. Если нас не будет больше двух часов, командуйте.

Прошел в шлюз и закрыл за собой дверь.

Не успела дверь закрыться, Макрей скомандовал:

— Ну-ка, еще двадцать добровольцев.

— Вы разве вы не будете ждать два часа? — спросил Келли.

— Займись вязанием. Когда я уйду, останешься за командира.— Доктор кивнул Джиму и Фрэнку.— Вы двое — за мной.

Макрей быстро отобрал себе людей (как видно, он уже сделал это мысленно перед уходом Марло) и вывел отряд в шлюз.

Когда наружная дверь открылась, Макрей посветил фонариком на улицу. Поттлы, Гиббс и несчастный Джозеф Хартли лежали там, где их настиг огонь, но больше мертвых тел не было.

— Дайте-ка стул,— обернулся Макрей.— Я покажу вам, как оно работает.

И высунул стул за порог. Его тут же перерезали два параллельных луча. Когда они погасли, ослепив всех своим блеском, от них остались два бледно-фиолетовых ионизирующих следа, которые постепенно исчезли.

— Как вы могли заметить,— начал доктор, будто читая лекцию студентам,— не имеет значения, где именно находится стул.

Он снова сунул стул за дверь и стал двигать его вверх и вниз... Выстрелы повторялись через доли секунды, но линии огня оставались неизменными: на высоте колен и на высоте груди.

— Пожалуй, будем поддерживать огонь,— решил доктор,— чтобы было видно, куда идти. Первый!

Джим сглотнул и вышел вперед — а может, его вытолкнули, он не был уверен. Глядя на смертоносную изгородь, он пригнулся и неуклюже, с бесконечной осторожностью переступил. И вышел на улицу.

— Вперед! — приказал доктор.— Рассредоточиться!

Джим побежал по улице, чувствуя себя бесконечно одиноким, но радостно волнуясь. Добежав до угла, он задержался и осторожно выглянул. Не увидев ничего подозрительного, он остановился и стал ждать, готовый стрелять во все, что будет двигаться.

Слева от него виднелось странное сооружение, из-за которого он днем чуть не лишился головы. Теперь было ясно, что огонь ведется оттуда.

Кто-то подбежал к Джиму сзади. Он резко повернулся и услышал:

— Не стреляй! Это я, Фрэнк.

— А другие где?

— Наверное, идут следом.

Впереди, за дотом, из которого стреляли, сверкнул свет.

— Кто-то вышел на улицу,— сказал Фрэнк.

— Ты его видишь? Как нам — стрелять или нет?

— Не знаю.

Сзади подбегал следующий боец. Впереди, там, где Фрэнк как будто заметил человека, сверкнул выстрел, и мимо них прошел луч.

Джим совершенно машинально выстрелил туда, где сверкнуло.

— Попал,— сказал Фрэнк.— Молодец!

— Да? — сказал Джим.— А где тот, который бежал сзади? — Джим заметил, что его трясет.

— Да вот он.

— Кто в меня стрелял? — спросил новоприбывший.— Где они?

— Пока нигде,— ответил Фрэнк.— Джим убрал его.— Фрэнк не узнавал незнакомца — было темно.— Ты кто?

— Смитти.

Фрэнк и Джим удивленно вскрикнули: это был Смайт, практичный человек.

— Не смотрите на меня так,— защищался он,— я пришел в последний момент, чтобы спасти свои вклады. Вы мне деньги должны.

— По-моему, Джим только что с тобой расплатился,— заметил Фрэнк.

— Совсем нет! Это совершенно другое дело.

— Потом, потом,— сказал Фрэнк.

К ним присоединялись другие. Подоспел, отдуваясь, Макрей и проревел:

— Говорил я вам, куриные вы мозги, рассредотачивайтесь!

Он перевел дух.

— Идем брать управление Компании. Трусцой, и не сбивайтесь в кучу.

— Док,— сказал Джим,— в том доме впереди кто-то есть.

— Ну и что?

— Они в нас стреляли, вот что.

— А-а. Всем оставаться на месте.— Доктор сорванным голосом дал новые указания.— Все поняли?

— Док,— сказал Фрэнк,— а самострел? Может, мы его сначала обезвредим?

— Старею, видно,— сказал Макрей.— Кто разбирается в технике и может поломать эту штуку?

Из темноты вызвался кто-то безликий.

— Давай,— сказал доктор.— Мы тебя прикроем.

Колонист рысцой добежал до будки, в которой стоял автоматический бластер, обошел ее сзади и что-то делал там несколько минут. Потом сверкнула белая, необычайно яркая вспышка. Доброволец вернулся обратно.

— Закоротил. Спорить могу, на электростанции все предохранители полетели.

— Теперь точно не будет стрелять?

— Теперь им даже точку над і не поставишь.

— Ладно. Ты,— Макрей поймал кого-то за руку,— беги обратно в школу и доложи обо всем Келли. Ты,— сказал он тому, кто обезвредил бластер,— возвращайся туда и посмотри, на что годится эта пушка. Вы, двое, прикрывайте его. Остальные за мной к тому зданию, по плану.

Джиму было поручено пробраться вдоль фасада и занять позицию футах в двадцати от двери, чтобы прикрывать других. Он миновал тот участок, где был человек, в которого он стрелял. Тела не было. Может быть, он промахнулся? Было слишком темно, чтобы рассмотреть, есть ли кровь.

Макрей выждал, пока прикрывающие не разошлись по местам, и атаковал дом во главе шестерых людей, среди которых был и Фрэнк. Доктор подошел к входу и попробовал дверь. Она открылась, атакующие по знаку доктора вошли за ним в шлюз и закрыли дверь за собой.

Джим прижался к ледяной стене, глядя во все глаза и приготовясь стрелять. Прошла, казалось, целая вечность, пока он ждал там на холоде, Джиму уже стало мерещиться, что на востоке уже брезжит заря. Наконец он увидел какие-то неясные фигуры, вскинул пистолет, но узнал могучий силуэт доктора.

Макрей был хозяином положения. Колонисты вывели четырех обезоруженных пленников, одного из них поддерживали двое других.

— Отведи их в школу,— велел доктор одному из своей группы.— Если кто будет делать лишние движения, стреляй. И скажи тому, кто там командует, чтобы он их посадил под замок. Вперед, ребята. Главная работа еще впереди.

Кто-то окликнул их сзади. Макрей оглянулся. Кричал Келли:

— Док! Подождите нас!

Он подбежал и спросил:

— Какой у вас план?

Из школы валом валил народ, и все бежали к ним.

Макрею пришлось задержаться и пересмотреть распоряжения, ведь теперь у него прибавилось людей. Одному из взводных, инженеру-строителю по фамилии Альварес, поручили охранять школу, он должен был расставить часовых вокруг здания и выслать разведчиков патрулировать окрестности. Келли получил задание захватить узел связи, находившийся между поселком и космопортом. Овладеть связью значило овладеть ситуацией — там была не только местная телефонная станция, но и пост радиосвязи с Деймосом, а значит, со всеми поселениями на Марсе. Кроме того, там были радарные маяки и прочие средства для принятия кораблей с Земли.

На себя Макрей взял задачу захватить планетарное управление — управление Компании на Марсе, резиденцию Бичера. Персональные апартаменты генерального резидента находились в том же здании, и доктор рассчитывал схватиться с самим Бичером.

Доктор отправил еще один отряд на электростанцию в помощь Марло и скомандовал своим людям:

— Вперед, пока мы тут не окоченели. Марш, марш!

Он затрусил вперед тяжеловесной рысью.

Джим нашел Фрэнка и побежал рядом с ним.

— Чего вы так долго торчали там, в доме? — спросил он.— Бой был?

— Долго? — сказал Фрэнк.— Мы там и двух минут не пробыли.

— Но вы, наверное...

— Эй там, сзади, не болтать! — крикнул доктор.

Джим замолчал в недоумении.

Макрей повел их по льду через главный канал, избегая арочного моста как возможной ловушки. Переходили канал попарно, оставшиеся позади прикрывали переходивших. Перешедшие, в свою очередь, рассредоточивались по берегу и прикрывали тех, кто шел за ними. При переправе казалось, что движешься медленно, как в кошмарном сне. Но ускорить дело было нельзя: человек на льду представляет собой идеальную мишень. Джим очень жалел, что при нем нет коньков.

На том берегу доктор собрал всех под стеной склада.

— Теперь пойдем на восток, избегая жилья,— сказал он хриплым шепотом.— И тихо все, если жизнь дорога! Расходиться не будем, не то еще перестреляете друг друга в темноте.— Он изложил им план захвата: они окружают здание, перекрывают все выходы, а Макрей с половиной отряда штурмует главный вход.— Когда вы встретитесь,— предупредил Макрей командиров двух групп окружения,— будет чертовски трудно отличить друзей от врагов. Так что осторожнее. Пароль «Марс», отзыв «Свобода».

Джим был в штурмовой группе. Шестерых из них доктор расставил веером у двери на расстоянии двадцати пяти ярдов, приказав по возможности укрыться. Трое залегли перед самой дверью с оружием наготове.

— В случае сомнения стреляйте,— приказал им доктор.— Остальные — за мной.

Среди остальных был и Джим. Доктор подошел к наружной двери и попробовал ее — она была заперта. Доктор позвонил и стал ждать.

Результата не последовало. Макрей снова позвонил и осторожно сказал в репродуктор:

— Откройте, у меня важное сообщение для резидента.

Опять ничего. Доктор сделал вид, что волнуется:

— Скорее, пожалуйста! Я тут замерзну насмерть.

Внутри по-прежнему было темно и тихо. Макрей отбросил маскировку.

— Ну-ка, Бичер, открывай! Дом окружен, сейчас будем стрелять по двери. Даем тебе тридцать секунд, потом откроем огонь.

Уходили секунды. Доктор шепнул Джиму:

— Хотел бы я, чтобы это было правдой.— Потом повысил голос: — Время истекло, Бичер. Все.

Дверь зашипела — сжатый воздух из шлюза пошел наружу, шлюз заработал. Макрей сделал им знак отойти. Все ждали, затаив дыхание и держа под прицелом открывающуюся дверь.

Дверь открылась, и на пороге, спиной к освещенному шлюзу, появилась одинокая фигура.

— Не стреляйте! — твердым приятным голосом сказал человек.— Все хорошо. Все уже кончено.

— Да это же доктор Ролингс! — пригляделся Макрей.— Дай тебе бог здоровья, красавец ты мой.

13. «ЭТО УЛЬТИМАТУМ»

Ролингс и сам провел полночи взаперти вместе с полдюжиной других именитых горожан, которые пытались урезонить Бичера. Когда вся история разошлась по городу и особенно когда стало известно о гибели людей, Бичер лишился всякой поддержки. При нем осталась только его клика — подхалимы и приживалы, да еще профессионалы — полицейские Компании, обязанные ему подчиняться.

Даже Крюгер сломался, стал уговаривать Бичера дать задний ход — и был посажен вместе с остальными, среди которых к тому времени оказался и главный инженер электростанции. Но доктор Ролингс уговорил охранника, и тот выпустил их, рискуя своим местом (доктор лечил его жену).

— Не думаю, что Бичера будут судить, даже если мы доставим его на Землю,— говорил Макрей Ролингсу и Марло.— Ваше мнение, доктор?

Все трое сидели в приемной планетарного управления. Марло явился туда, получив на электростанции сообщение от Макрея, и

сразу взялся за работу: начал писать депеши в лагеря Проекта и другие отдаленные поселения, а также в Северную колонию, чтобы прислали лодки. Потом, усталый, с красными глазами и плохо соображая от недосыпания, он попытался составить рапорт для отправки на Землю. Но Макрей остановил его и настоял на том, чтобы Марло сначала отдохнул.

— Паранойя? — спросил Ролингс.

— Типичный случай.

— Я того же мнения. Я видел определенные признаки и раньше, но болезнь не проявлялась в полной мере, пока никто не шел против его воли. Его следует госпитализировать, изолировать от общества.— Доктор Ролингс оглянулся на закрытую дверь, за которой сидел Бичер.— А о Хоу что скажете, доктор? — спросил он.

— Я не настолько его изучил, чтобы составить о нем мнение,— пробурчал Макрей.— Что ты собираешься с ним делать, Джейми? — спросил он Марло.

— Ничего,— нахмурился тот.— Ни в чем серьезном мы его обвинить не можем. Отправим его обратно, и все.

— Вот-вот,— кивнул Макрей.— Повесить — слишком много чести, а вышибить — в самый раз.

— Меня больше беспокоит, кем его заменить,— сказал Марло.— Школа должна работать, когда мы отправимся в Копаис. Вы не взялись бы, док? Временно, конечно.

Макрей вытаращил глаза:

— Я? Боже сохрани!

— Надо же кому-нибудь пасти молодняк, и желательно без применения смирительных рубашек. А вас они любят.

— Нет, говорю решительное «нет»!

— У них там есть один молодой человек,— вставил Ролингс,— профессор Штойбен готовил его на свое место, но Компания прислала Хоу. Его зовут ван дер Линдер. По-моему, он хороший, разумный парень. Моему мальчишке он нравится.

— Я с ним как-то встречался,— оживился Марло,— от него был толк. Но, собственно, кто я такой, чтобы назначать его?

— Джейми,— фыркнул доктор,— ты меня уморишь!

Марло допил кофе и вытер губы.

— Ну ладно. Прилягу, пожалуй, здесь на столе и сосну пару часов. Доктор, вы распорядитесь, чтобы меня разбудили?

— Разумеется,— заверил Макрей, не собираясь допускать никого к Марло, пока тот не отдохнет как следует.— Не беспокойся.

Джим вместе с остальными вернулся в школу, где колонисты должны были оставаться до прибытия лодок и отправки в Копаис. Миссис Палмер со своими помощницами суетилась на кухне, стряпая грандиозный завтрак для усталых мужчин и подростков. Джим тоже зверски устал и проголодался, но был слишком возбужден, чтобы спать, хотя уже начинался рассвет.

Он дул на кружку с кофе, которую ему дали, и тут появился Смайт.

— Слушай, говорят, ты и впрямь убил фараона, который в меня палил.

— Нет,— сказал Джим,— только ранил, он сейчас в лазарете. Я его видел.

Смайт призадумался.

— А, ладно,— сказал он наконец.— Такое только раз в жизни бывает. Держи свою расписку.

— Смитти, ты не болен? — уставился на него Джим.

— Сам не знаю. Бери скорее.

Джим порылся в памяти и процитировал отца:

— Нет, спасибо. Марло платят свои долги.

Смайт посмотрел на него:

— Ты просто хам, и больше ничего.— Порвал расписку на мелкие кусочки и ушел.

— С чего это он разозлился? — не понял Джим.

Он решил найти Фрэнка и спросить у него. И нашел, но рассказать ничего не успел. Кто-то закричал:

— Марло! Джим Марло!

— Капитан Марло в планетарном управлении,— ответили ему.

— Не его, мальчика,— сказал первый.— Джим Марло! Тебя там спрашивают у входа.

— Иду,— прокричал Джим.— Кто там еще?

И стал проталкиваться к выходу, Фрэнк за ним.

Человек, который его вызвал, подождал, пока он подойдет, и ответил:

— Ты не поверишь, я и сам не верю. Марсиане.

Джим с Фрэнком выбежали из дома. У дверей школы собралось больше дюжины марсиан. Там были Гекко и Г'куро, но К'бумча не было. Не находил Джим и старика, которого считал главным в племени Гекко. Гекко, увидя их, сказал на своем языке:

— Привет, Джиммарло, привет, Фрэнксаттон, друзья, испившие со мной воды.

С ладони Гекко отозвался еще кто-то:

— Приветик, Джим!

Виллис с честью вернулся домой, пусть он немного и опоздал, но выполнил задание.

Один из марсиан мягко прогудел что-то, и Гекко спросил:

— Где тот, который украл нашего малыша?

Джим не был уверен, правильно ли он понял.

— Он спрашивает, где Хоу,— сказал Фрэнк и ответил Гекко на довольно беглом и правильном марсианском. Хоу все еще сидел в своем укрытии, опасаясь Келли, хотя его много раз приглашали выйти.

Гекко показал, что хочет войти в дом. Мальчики удивились, но охотно провели его. Чтобы войти в шлюз, Гекко пришлось принять форму, напоминающую вешалку для шляп, но все же он поместился.

Внутри он произвел такое же впечатление, как если бы в церковь ввели слона. Все расступались перед ним.

В дверь канцелярии было еще труднее пролезть, чем в шлюз, но Гекко пролез — Джим с Фрэнком помогли. Гекко отдал Виллиса Джиму и легонько подергал ручку двери в кабинет Хоу. Потом потянул, и дверь оторвалась — не только потому, что сломался замок, она просто слетела с петель. Гекко двинулся дальше, целиком заполнив дверной проем.

Мальчики переглянулись, а Виллис спрятался. Они слышали, как Хоу сказал:

— Что это означает? Кто...

Потом Гекко выпрямился, насколько он мог это сделать в комнате, рассчитанной на человека, и пошел к выходу. Мальчики замешкались.

— Давай посмотрим, что он с ним сделал,— сказал Фрэнк и заглянул в дверь.— Я его не вижу. Эй, Джим, его там вообще нет. И не было.

Они побежали за Гекко, догнав его у выхода из школы. Никто не задерживал ни Гекко, ни их. Укоренившееся опасение относительно марсиан заставило всех убраться с дороги.

Выйдя, Гекко спросил их:

— Где другой, который хотел причинить зло малышу?

Фрэнк объяснил, что Бичер в другом месте и к нему нельзя.

— Покажи нам, где,— велел Гекко и взял обоих на руки. Другой марсианин забрал у него Фрэнка.

Джим уютно сидел в мягких ладонях Гекко, так же как Виллис на руках у Джима. Виллис выставил глазки и огляделся.

— Хорошо едем, да?

Джим не был в этом уверен.

Марсиане со скоростью добрых восемь миль в час прошагали по городу, через мост и в планетарное управление. Шлюз там был выше и просторнее школьного, так что в здание прошли все. Вестибюль был достаточно высок и для самого высокого марсианина. Войдя, Гекко опустил на пол Джима, а другой марсианин — Фрэнка.

Их встретили с тем же опасливым удивлением, что и в школе. Вышел Макрей и оценил обстановку без особого волнения.

— Это что за делегация?

— Они хотят поговорить с Бичером,— объяснил Фрэнк.

Макрей поднял брови и заговорил на чистом марсианском. Один из марсиан ответил, и они беседовали некоторое время.

— Ладно, я приведу его,— согласился доктор и повторил это по-марсиански.

Он прошел в глубину здания и вскоре вернулся, толкая перед собой Бичера, а за ним шли Ролингс и Марло.

— К вам тут пришли,— сказал Макрей и выпихнул Бичера в вестибюль.

— Это он? — спросил марсианин.

— Он самый.

Бичер посмотрел на марсиан и спросил на бейсике:

— Что вам от меня надо?

Марсиане подошли и окружили его со всех сторон.

— Отойдите от меня!

Марсиане медленно сжимали круг. Бичер хотел вырваться, но широкая ладонь преградила ему путь.

Круг становился все теснее. Бичер метался внутри, и наконец его стало не видно за ширмой из ладоней.

— Выпустите меня! — кричал он.— Я ничего не сделал. Вы не имеете права...— голос оборвался на визгливой ноте.

Круг распался. Внутри никого не было, даже пятнышка крови не осталось на полу.

Марсиане пошли к выходу. Гекко задержался и сказал Джиму:

— Хочешь пойти с нами, друг?

— Нет, о нет. Мне нужно остаться здесь.— Джим спохватился и повторил это по-марсиански.

— А малыш?

— Виллис останется со мной. Правда, Виллис?

— Конечно, Джим.

— Тогда скажи Гекко сам.

Виллис послушался, Гекко печально простился с мальчиками и Виллисом и пошел в шлюз.

Макрей и Ролингс озабоченно шептались, стоя на месте, где только что был Бичер. Сонный и растерянный Марло слушал.

Фрэнк сказал:

— Пойдем-ка отсюда, Джим.

— Пойдем.

Марсиане все еще стояли у дома. Гекко, увидев мальчиков, поговорил с одним из марсиан и спросил их:

— Где ученый, который говорит на нашем языке? Мы хотим поговорить с ним.

— По-моему, им нужен док,— сказал Фрэнк.

— Он его имел в виду?

— Кажется. Позовем его.

Они вернулись и извлекли Макрея из кучки взволнованных людей.

— Док,— сказал Фрэнк,— они хотят с вами поговорить — марсиане.

— Почему со мной? — спросил доктор.

— Не знаю.

— Как, шкипер? — спросил доктор у Марло.— Хотите поприсутствовать? Мистер Марло потер лоб.

— Нет, я слишком ошарашен, чтобы говорить на их языке. Идите вы.

— Ладно.

Макрей пошел за скафандром и маской, позволил мальчикам помочь ему одеться и не стал возражать, когда они пошли за ним. Однако выйдя из дома, Джим и Фрэнк предпочли стать в сторонке и наблюдать оттуда.

Макрей неторопливо подошел к группе марсиан и заговорил с ними. Они загудели в ответ. Доктор, стоя среди них, говорил, помогая себе жестами. Беседа продолжалась довольно долго.

Наконец утомленный Макрей опустил руки. Марсиане загудели, явно прощаясь, и двинулись быстрым, но неспешным для них шагом к мосту, а потом к своему городу. Макрей поплелся в дом.

— В чем там было дело, доктор? — спросил его Джим в шлюзе.

— А? Да так, сынок, ничего такого.

Войдя, Макрей взял Марло за руку и повел обратно в приемную.

— Пойдемте и вы, Ролингс. Остальные займитесь своим делом.— Но мальчиков, которые увязались за ними, Макрей не прогнал.— Послушайте и вы, раз уж по уши сидите в этом деле. Следи за дверью, Джим, чтобы никто не вошел.

— В чем дело? — спросил Марло.— Чего вы такой мрачный?

— Они хотят, чтобы мы ушли.

— Ушли?

— Ушли с Марса, вернулись на Землю.

— Как? Что их заставило предложить нам это?

— Это не предложение. Это приказ, ультиматум. Они даже не дают нам времени, чтобы вызвать корабли с Земли. Они хотят,

чтобы мы ушли — все и каждый, будь то мужчина, женщина или ребенок; они требуют, чтобы мы ушли немедленно,— и они не шутят!

14. ВИЛЛИС

Четыре дня спустя доктор Макрей, пошатываясь, вошел в тот же кабинет. У Марло по-прежнему был усталый вид, но теперь по-настоящему измученным выглядел Макрей.

— Убери всех отсюда, шкипер.

Марло отпустил всех, кто был в кабинете, и закрыл дверь.

— Ну что?

— Ты получил мое письмо?

— Да.

— Декларация об Автономии составлена? Поддержал ее народ?

— Да, составлена, боюсь только, основное мы списали с американской Декларации независимости, но в общем справились.

— Риторика меня не волнует. В какой стадии документ?

— Ратифицировали. Это было довольно легко. Получили пару испуганных запросов из лагерей Проекта, но документ прошел. Пожалуй, мы должны благодарить за это Бичера — из-за него всем вдруг показалось, что независимость то, что нам надо.

— Ничего мы ему не должны! Из-за него нас всех чуть не поубивали.

— То есть как?

— Потом скажу, сначала покончим с Декларацией. Я ведь там пообещал кое-что. Отправили ее?

— Прошлой ночью передали по радио в Чикаго. Ждать ответа пока еще рано. Дайте я тоже спрошу: у вас все прошло успешно?

— Да,— Макрей устало потер глаза,— мы можем остаться. Это была великая битва, Джейми, но победа осталась за мной. Они разрешили.

Марло встал и включил магнитофон.

— Может быть, запишем вас сразу на пленку, чтобы не возвращаться к этому?

Макрей отмахнулся.

— Нет. Мой официальный рапорт, каким бы он ни был, потребует самой тщательной редакции. Сейчас я попробую просто рассказать тебе обо всем.— Он помолчал в раздумье.— Джейми, сколько времени прошло с тех пор, как люди впервые высадились на Марсе? Больше пятидесяти земных лет, верно? Кажется, я больше узнал о марсианах за последние несколько часов, чем за все эти годы... И все же я ничего о них не знаю. Мы все думаем о них, как о людях, пытаемся поместить их в наши рамки. Но они не люди; они совершенно на нас не похожи. Они совершали межпланетные полеты еще миллионы лет назад,— добавил доктор,— и отказались от них.

— Что-о? — сказал Марло.

— Да ничего. Неважно. Это только одно из многого, что я узнал из разговора со стариком — тем самым стариком, с которым говорил Джим. Кстати, Джим не знает, с кем ему довелось говорить, старик вовсе не марсианин.

— Минутку, а кто же он тогда?

— Ну, он, конечно, родился на Марсе, но это не марсианин в нашем с тобой понимании. По крайней мере мне он таким не показался.

— Как он выглядит? Опишите его.

— Не могу,— пришел в замешательство Макрей.— Может, мы с Джимом видели каждый то, что он хотел. Оставим это. Виллис должен будет вернуться к марсианам, и довольно скоро.

— Жаль,— ответил Марло.— Джим будет против, но это не такая уж высокая цена, если марсиане так решили.

— Ничего ты не понимаешь, ничегошеньки. В Виллисе-то вся и загвоздка.

— Конечно, он имел отношение ко всей этой истории,— согласился Марло,— но почему загвоздка?

Макрей потер виски.

— Все очень сложно, не знаю, с чего и начать. Виллис очень много значит. Знаешь, Джейми, ты, безусловно, войдешь в историю как отец-основатель, но, между нами говоря, слава спасителя должна принадлежать Джиму. Исключительно Джиму и Виллису — любви

Виллиса к Джиму и упрямой привязанности Джима к Виллису — обязаны колонисты своей жизнью. Если б не они, мы бы пошли на корм червям. Ультиматум, обязывающий нас убраться с планеты,— всего лишь уступка, сделанная ради Джима. Они собирались уничтожить нас.

Марло открыл рот.

— Но это невозможно! Марсиане не способны на такое!

— Еще как способны,— заверил его Макрей.— Они долго сомневались на наш счет. Намерение Бичера отправить Виллиса в зоосад переполнило чашу, но благодаря отношениям Джима и Виллиса она вновь вошла в берега. И марсиане пошли на компромисс.

— Не могу поверить, что марсиане могли бы так поступить,— возражал Марло,— и не понимаю, как бы они это сделали.

— А Бичер где? — озадачил его Макрей.

— Н-н-да.

— Вот и помолчи о том, что они могут и чего не могут. Мы о них ничего не знаем — ровно ничего.

— Не стану спорить. Но что это за тайна вокруг Джима и Виллиса? Что им так дался Виллис? В конце концов он всего лишь попрыгунчик.

— Не думаю, что смогу разъяснить эту тайну,— сознался Макрей,— но кое-какие гипотезы на этот счет есть. Ты знаешь марсианское имя Виллиса? Знаешь, что оно означает?

— Я даже не знал, что у него есть имя.

— Оно означает: «Тот, на кого возлагаются надежды мира». Это о чем-нибудь тебе говорит?

— Видит бог, ни о чем.

— Может быть, я плохо перевел. Может быть, лучше сказать «Подающий надежды» или просто «Надежда». Возможно, это лишь поэтическое значение имени, как и у нас. Возьмем мое имя — Дональд. Означает «Правитель мира». Тут мои родители промахнулись. А может, марсианам просто нравится давать попрыгунчикам цветистые имена. Я знал одного пекинеса, так его, не поверишь, звали «Великий чемпион Маньчжурии, принц Бельведерский».— Макрей вздрогнул.— А знаешь, что я вспомнил: в кругу семьи этого песика звали Виллис!

— Да что вы!

— Точно.— Доктор поскреб щетину на подбородке и подумал, что на той неделе надо будет побриться.— Но это даже не совпадение. Я же и предложил Джиму назвать попрыгунчика Виллисом — наверное, вспомнил того пекинеса. Тот пучеглазый паршивец смотрел точно как Виллис — наш Виллис. Я хочу сказать, что ни одно из имен Виллиса, в сущности, ничего не значит.

Доктор замолчал так надолго, что Марло сказал:

— Вы не очень-то спешите раскрыть тайну. Вы ведь думаете, что настоящее имя Виллиса все-таки означает кое-что, иначе вы бы его не упомянули.

Макрей подскочил на месте.

— Да. Я действительно так думаю. Я думаю, что имя Виллиса следует понимать буквально. Нет, погоди, не спорь пока. Я ничего не хочу тебе навязывать. Скажи сам, кто такой Виллис, по-твоему?

— Кто? По-моему, он представитель экзотической марсианской фауны, полуразумное существо, хорошо приспособленное к окружающей среде.

— Сколько умных слов,— пожаловался доктор.— А по-моему, это марсианин, который еще не вырос.

— У них же совершенно разное строение,— заволновался Марло.— Они различны, как небо и земля.

— Допустим. А в чем сходство между гусеницей и бабочкой?

Марло открыл рот и снова закрыл.

— Я тебя не упрекаю,— продолжал Макрей,— мы никогда не связываем подобные метаморфозы с «высшими формами жизни», что бы мы под этим ни понимали. Но я думаю, что Виллис именно то, что я сказал, и этим объясняется, почему он должен вскоре вернуться к своим. Сейчас он в стадии личинки, но скоро станет куколкой и вступит в стадию гибернации (нечто вроде долгого сна). Выйдя из нее, он станет марсианином.

Марло прикусил губу.

— Да, ничего невероятного в этом нет, просто неожиданно.

— На Марсе все неожиданно. Но если моя теория верна — заметь, я не утверждаю этого,— тогда становится понятно, почему Виллис столь важная персона. А?

— Вы хотите, чтобы я переварил слишком много за один раз,— устало сказал Марло.

— Бери пример с Черной Королевы. Это еще не все. Я думаю, что у марсиан есть еще одна стадия, в коей и пребывает «старик», с которым я говорил. И эта стадия — самая странная из всех. Джейми, ты можешь представить себе народ, у которого сообщение с небесами — небесами в их понимании — развито так же, как у нас, скажем, сообщение между США и Канадой?

— Док, я могу представить все, что вы скажете.

— Вот мы говорим о марсианском «ином мире», что ты под этим понимаешь?

— Ну, это разновидность транса, вроде того, который практикуется в Ост-Индии.

— Я спросил тебя об этом, потому что они мне сказали, что я говорил с представителем «иного мира» — это и есть тот самый старик. Я хочу сказать, Джейми, что, кажется, заключил новый колониальный договор с призраком. А теперь не упади со стула,— продолжал Макрей.— Сейчас узнаешь, почему. Я никак не мог взять в толк, о чем он говорит, поэтому сменил тему. Мы говорили, кстати, на бейсике: он почерпнул его из мозгов Джима, так что знал те слова, которые знал Джим, и не знал тех, которых Джим знать не мог. Я спросил его, точно ли нам разрешено остаться и не позволят ли нам в таком случае марсиане воспользоваться их подземной дорогой для переезда в Копаис? Я по этой дороге ехал на переговоры. Очень остроумно устроено: ускорение гасится, как будто кабина на карданном подвесе. Старик никак не мог понять, чего мне надо. Потом показал мне глобус Марса — очень точный, только без каналов. Меня сопровождал Гекко, как и Джима. Старик посовещался с Гекко, причем смысл дискуссии составляло то, в каком году я нахожусь? Потом глобус у меня на глазах стал постепенно меняться, на нем прорезались каналы. Я видел, как они строились, Джейми. Вот я и спрашиваю тебя,— заключил доктор,— кто он такой, если не может сразу вспомнить, какое у нас тысячелетие? Не будешь возражать, если я назову его призраком?

— Не буду,— заверил Марло.— Может, мы все тут призраки.

— Я изложил тебе одну теорию, Джейми, а вот другая: попрыгунчики, марсиане и старики — это три разные расы. Попрыгунчики — граждане низшего класса, марсиане — средний класс, а высший класс мы никогда не видим, потому что они живут у себя под землей. Им безразлично, что мы там вытворяем на поверхности, лишь бы вели себя как следует. Нам можно пользоваться парком, можно даже ходить по газонам, но птиц пугать нельзя. А может, «старик» — это всего лишь образ, внушенный мне Гекко под гипнозом, может, существуют только попрыгунчики и марсиане. Как хочешь, так и понимай.

— Никак не хочу,— сказал Марло.— Я доволен, что вам удалось заключить соглашение, позволяющее нам остаться на Марсе. Должно быть, пройдут годы, прежде чем мы поймем их.

— Мягко говоря, Джейми. Белый человек до сих пор изучает американских индейцев и через пятьсот лет после Колумба все не может понять, «почему он тикает», а ведь и индеец, и европеец оба люди, похожие, как две горошины. А тут марсиане. Мы их никогда не поймем, мы просто идем в разных направлениях.— Макрей встал.— Хочу принять ванну и поспать... только вот поговорю с Джимом.

— Минутку, док. Как вы думаете, будут какие-нибудь проблемы с принятием Декларации?

— Их не должно быть. Отношения с марсианами оказались в десять раз сложнее, чем мы считали, и управлять нами на расстоянии теперь нереально. Вообрази, как бы решался вопрос, подобный нашему, как бы его поставили на голосование правления, члены которого марсианина и в глаза не видели?

— Я не то имел в виду. Насколько большое сопротивление нас ожидает?

Макрей снова поскреб подбородок.

— Людям и раньше приходилось бороться за свободу, Джейми. Я не знаю. От нас зависит убедить землян в том, что автономия необходима. Судя по тому, как обстоит на Земле дело с населением и продовольствием, они пойдут на все (когда поймут, с чем мы тут столкнулись), пойдут на все, лишь бы сохранить мир и продолжить эмиграцию. Тормозить Проект им ни к чему.

— Надеюсь, что вы правы.

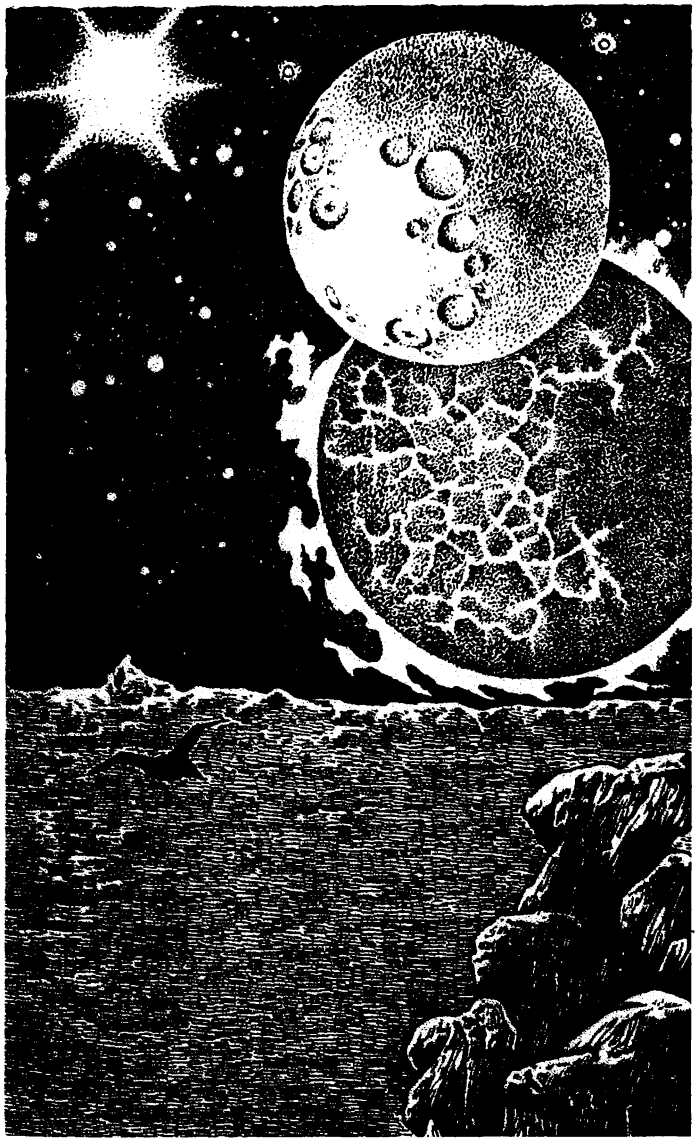
— В конечном счете все равно окажется, что я прав, раз в нашей команде подают марсиане. Ну, пойду сообщу Джиму новости.

— Они ему не понравятся,— сказал отец.

— Переживет. А там, может, найдет другого попрыгунчика, научит говорить по-английски и снова назовет Виллисом. А потом вырастет и перестанет приручать попрыгунчиков. Все это мелочи.— Доктор задумался и добавил: — А вот что будет с Виллисом, хотел бы я знать?!

ФЕРМЕР В НЕБЕ

© Г. Усова, перевод, 2002

1. ЗЕМЛЯ

В тот день наш отряд был в Хай Сьерра, и с возвращением мы поэтому запоздали. Из лагеря-то мы снялись вовремя, но Служба движения завернула нас восточнее из-за каких-то там погодных явлений. Мне это не понравилось: папа обычно не садится есть, когда меня нет дома. Кроме того, в сменщики-пилоты мне навязали нового мальчишку: мой всегдашний напарник и помощник командира отряда болел, и наш скаутский руководитель, мистер Кински, определил ко мне этого нахала. Сам мистер Кински летел в другом геликоптере, с группой «Пантера».

— Что это ты скорости не прибавляешь? — поинтересовался этот подонок.

— Слыхал когда-нибудь о правилах движения? — спросил я его.

Геликоптер был на режиме принудительной автоматики, его контролировали с земли, и он медленно двигался по той трассе, куда нас направили. Этот хам только рассмеялся:

— Всегда можно сослаться на чрезвычайную ситуацию. Я тебе сейчас покажу, как это делается, — он включил микрофон: — Лис восемь три вызывает Службу дви...

Я отключился и тут же включил микрофон снова. Когда Служба движения ответила, я объяснил им, что мы сделали ошибочный вызов. Этот нахал прямо взбесился.

— Маменькин сынок, — произнес он сладеньким голоском.

Не следовало этого говорить по моему адресу.

— Иди-ка к хвосту, — велел я ему, — и скажи, чтобы сюда пришел Слэтс Кейфер.

— С чего это? Он же не пилот.

— Можно подумать, что ты — пилот. Просто он весит столько же, сколько и ты, а я хочу, чтобы машина сохраняла равновесие.

Он развалился на сиденье:

— Старина Кински меня назначил вторым пилотом, тут я и останусь.

Я сосчитал до десяти и оставил его в покое. Пилотская кабина, когда машина в полете, не самое удачное место для драки. Больше нам нечего было сказать друг другу, пока я не посадил машину на площадке Северного Диего и не остановил двигатели. Я, конечно, вышел последним. Мистер Кински уже нас ждал, но я его не видел: я видел только этого хама. Я схватил его за плечо.

— Хочешь повторить, что ты там ляпнул? — предложил я.

Мистер Кински выскочил из ниоткуда и встал между нами:

— Билл, Билл! Что это значит?

— Я...

Я начал было объяснять, что вышибу подонку все зубы, но подумав, решил промолчать. Мистер Кински повернулся к этому нахалу:

— Что случилось, Джонс?

— Ничего я не сделал. Хоть кого спросите.

Я уже собирался сказать, что он может объяснить это в Совете пилотов. Неповиновение в воздухе — вещь серьезная. Но это «хоть кого спросите» остановило меня. Ведь и вправду никто не видел, что там между нами произошло. Мистер Кински посмотрел на каждого из нас и сказал:

— Построй свой отряд и отпусти их, Билл.

Я так и сделал — и отправился домой. В общем, в результате я ужасно устал и к тому времени, как добрался до дому, сильно разнервничался. По дороге я послушал известия: новости были плохие. Рацион урезали еще на десять калорий, и от этого только больше стало хотеться есть, к тому же я вспомнил, что не вернулся домой вовремя, чтобы накормить ужином папу. Диктор продолжал сообщать: космический корабль «Мэйфлауэр» получил разрешение на рейс и начинает запись эмигрантов. Вот счастливые, подумал я. Никакого тебе сокращения рациона. Никаких подонков, вроде этого Джонса.

И новенькая с иголочки планета.

Джордж — то есть мой отец — сидел в комнате и просматривал газеты.

— Привет, Джордж, — поздоровался я. — Не поел еще?

— Хелло, Билл. Нет.

— Сейчас приготовлю ужин. Я быстро.

Я пошел в кладовку и увидел, что он даже и не обедал. Тогда я решил его накормить сверх нормы. Взял из холодильника два синтобифштекса, сунул их в скороottаивалку, достал большую картофелину для папы и маленькую — для себя, потом раскопал пакет с салатом и предоставил ему разогреваться естественным путем. К тому времени, как я залил кипятком два бульонных кубика и две порции растворимого кофе, бифштексы дошли до кондиции и их вполне можно было жарить. Я передвинул их на средний огонь, а освободившееся место в оттаивателе использовал для картошки, чтобы он была готова одновременно с бифштексами. Тут я опять кинулся к холодильнику за двумя ломтями пломбирного торта на сладкое.

Ага, картошка готова. Я глянул на свою рационную карточку, решил, что мы имеем полное право позволить себе кое-что еще, и шлепнул на каждую картофелину по кусочку маргарина. Раздался звонок — сковородка дала сигнал, я снял с нее бифштексы, поставил на стол и зажег свечи — точно так, как это сделала бы Анна.

— Иди есть! — завопил я.

А сам принялся пересчитывать количество калорий, переписывая в отчет цифры, проставленные на упаковках каждого продукта. Потом бросил упаковки в мусоросжигатель. Если действовать таким способом, никогда не ошибешься в отчете. Папа сел за стол, когда у меня уже все было готово. С момента, когда я начал, прошло две минуты двадцать секунд, абсолютно ничего сложного в стряпне нет. Не понимаю, почему женщины поднимают такую суетню вокруг готовки. Может, системы им не хватает?

Папа принюхался к жаркому и ухмыльнулся:

— Ничего себе! Билл, ты же нас разоришь!

— Моя забота, — отмахнулся я. — На этот квартал у меня все еще плюс. — Потом нахмурился: — Но не думаю, что это удастся в следующем квартале, если нормы не перестанут снижать.

Папа застыл с куском на полдороге ко рту:

— Опять?

— Опять. Слушай, Джордж, я ничего не понимаю. Ведь в этом году был хороший урожай, а кроме того, в Монтане запустили новый дрожжевой завод.

— А ты прослушал все продовольственные новости, Билл?

— Естественно.

— Ты обратил внимание на результаты переписи в Китае? Проверь-ка их на логарифмической линейке.

Я понял, что он имеет в виду, — и внезапно бифштекс приобрел вкус изношенной резины. Какой прок экономить, если кто-то на другой стороне глобуса делает все, чтобы твои попытки ни к чему не привели?

— Этим проклятым китайцам надо бы уже прекратить выращивать младенцев и начать выращивать пищу.

— Все поровну, Билл, — напомнил папа.

— Но...

Я осекся. Джордж был, как всегда, прав, но что-то тут казалось несправедливым. — Ты слыхал о «Мэйфлауэре»? — спросил я, чтобы переменить тему.

— А что там с «Мэйфлауэром»?

Папина интонация внезапно сделалась настороженной, и это меня удивило. С тех пор, как умерла Анна (Анна была моя мать), мы с Джорджем сделались так близки, как только могут быть близкими два человека.

— Ну, ему дали разрешение на вылет, вот и все. Начали записывать эмигрантов.

— Вот как? — Опять этот настороженный тон. — А что ты сегодня делал?

— Ничего особенного. Мы ходили в поход на пять миль к северу от лагеря, а мистер Кински устроил некоторым ребятам проверку. Я видел пуму.

— Правда? Я думал, они все вымерли.

— Ну, мне показалось, что я ее увидел.

— Значит, может быть, и правда увидел. Что еще?

Я поколебался, потом рассказал об этом подонке Джонсе.

— Он даже в наш отряд-то не входит. Какое он имел право вмешиваться в мой полет?

— Ты вел себя правильно, Билл. Похоже на то, что этот подонок Джонс, как ты его называешь, еще слишком юн для того, чтобы доверить ему пилотские права.

— Вообще-то он на год старше меня.

— В мое время должно было исполниться шестнадцать и уж только потом ты мог претендовать на права.

— Времена меняются, Джордж.

— Да, конечно. Так оно и есть.

Папа сделался вдруг печальным, и я понял, что он думает об Анне. Я поспешно сказал:

— Достиг он возраста или нет, но я не понимаю, каким образом такой паразит, как Джонс, мог пройти через тест на самообладание?

— Психологические тесты несовершенны, Билл. Так же как и люди, — он откинулся на стуле и закурил трубку. — Хочешь, я сегодня уберу со стола?

— Нет, спасибо.

Он всегда это спрашивал. А я всегда отвергал его помощь. Папа такой рассеянный, он выбрасывает остатки пищи в мусоросжигатель. Вот уж я, когда убираю, все отходы пускаю в дело.

— Не хочешь сыграть в криббедж? — предложил я.

— Да я же тебя мигом обчищу!

— Это ты-то? А кто ж тебе всегда поддается?

Я убрал со стола недоеденные остатки ужина, сжег тарелки и отправился следом за ним в гостиную. Он достал доску и карты. Но игра занимала его постольку поскольку. Я легко вышел из затруднительного положения и почти выиграл партию, а он все еще не разыгрался. Наконец, он бросил карты и посмотрел мне прямо в глаза.

— Сынок!

— А? То есть — да, Джордж?

— Я решил эмигрировать на «Мэйфлауэре».

Я даже доску для криббеджа сшиб. Потом поднял ее, справился с пересохшим горлом и попытался лечь на верный курс:

— Ой, как здорово! Когда мы едем?

Папа свирепо запыхтел трубкой:

— В том-то и дело, Билл. Ты не едешь.

Я даже дар речи потерял. Никогда ничего подобного папа раньше себе не позволял. Я все сидел, шевеля губами, как рыба. Наконец, с трудом произнес:

— Папа, ты шутишь.

— Нет, сынок, не шучу.

— Но почему? Меня интересует одно: почему?

— Послушай, сынок...

— Называй меня — Билл!

— О'кей, Билл. Одно дело — мне решиться попробовать жизнь в колонии, другое — обречь на неудачное начало *тебя*. Я не имею на это права. Ты должен закончить учебу. А на Ганимеде приличных школ нет. Вот получишь образование, а после, когда подрастешь, если захочешь эмигрировать,— твое дело.

— Так вот какая *единственная* причина? *В школу* ходить?

— Да. Останешься здесь и получишь аттестат. Я бы хотел, чтобы ты и докторскую степень получил. А после, если захочешь, сможешь ко мне приехать. Ты не теряешь свой шанс: заявления от близких родственников рассматриваются в первую очередь.

— Нет!

Папа уперся. Я тоже.

— Джордж, да пойми ты, ничего хорошего не выйдет, если ты меня оставишь тут одного. Не буду я ходить в школу. Экзамены на гражданина третьего класса я сдам хоть сейчас. Тогда я смогу поступить на работу и...

Он оборвал меня:

— Не нужно тебе поступать на работу. Я оставлю тебе достаточное обеспечение, Билл. Ты...

— Достаточное обеспечение! Неужели ты думаешь, что я прикоснусь хотя бы к одному твоему доллару, если ты уедешь и бросишь меня? Буду жить на стипендию, пока не сдам экзамены и не получу трудовую книжку.

— Пониже тоном, сынок! — сказал он, потом добавил: — Ты ведь гордишься тем, что ты скаут, разве не так?

— Ну — так.

— Я, вроде, припоминаю, что скаутам полагается быть послушными и вежливыми.

Этим аргументом он припер меня к стенке. Мне пришлось подумать.

— Джордж...

— Да, Билл?

— Извини, если я был груб. Но законы скаутов были придуманы не для того, чтобы загонять скаута в угол. Пока я живу в твоем доме, я буду делать то, что ты говоришь. Но если ты от меня уедешь, то и прав на меня больше никаких не будешь иметь. Разве это не по-честному?

— Сынок, будь разумным, я это делаю для твоего блага.

— Не уходи от ответа, Джордж. Это по-честному — или нет? Если ты уедешь за сотни миллионов миль, как ты можешь рассчитывать управлять оттуда моей жизнью? У меня будет своя жизнь.

— Я останусь твоим отцом.

— Отцы и сыновья должны держаться вместе. Насколько я помню, отцы, которые отплывали на первом «Мэйфлауэре», везли своих детей с собой.

— Тут другое дело.

— Что ты имеешь в виду?

— Теперь это дальше, неизмеримо дальше — а насколько опаснее?

— И тогда было опасно: половина колонии в Плимут-Рок погибла в первую зиму, это каждый знает. А расстояние ничего не значит, какая разница, как долго ехать. Если бы мне сегодня пришлось возвращаться домой пешком, я провел бы в походе целый месяц. У пилигримов ушло шестьдесят три дня на то, чтобы пересечь Атлантику — по крайней мере, так меня в школе учили, — а сегодня по радио сказали, что «Мэйфлауэр» — этот «Мэйфлауэр» — долетит до Ганимеда за шестьдесят дней. Это делает Ганимед ближе, чем Плимут-Рок был от Лондона.

Папа встал и начал выбивать трубку.

— Не собираюсь спорить, сынок.

— И я не собираюсь.

Я сделал глубокий вдох. Не нужно мне было говорить то, что я сказал дальше, но я это сделал. Очень уж я завелся. Никогда

раньше со мной так не обращались, и я, наверно, хотел тоже сделать больно в ответ.

— Но вот что я тебе скажу: ты не один страдаешь от урезанной нормы питания. И ты напрасно воображаешь, что я собираюсь торчать здесь, пока ты ешь от пуза в колонии. Ты хорошо подумал? А я-то считал, что мы как-никак партнеры.

Произнести последние слова было просто низостью. Ведь именно их он мне сказал в тот день, когда умерла Анна, и так оно всегда между нами и было. В ту самую минуту, как я это сказал, я понял, почему Джордж вынужден эмигрировать, и понял, что никакого отношения нормы питания к этому не имеют. Но я не знал, как взять свои слова обратно.

Папа вздрогнул. Потом медленно выговорил:

— Значит, вот как ты все это понял? Что я хочу уехать, чтобы не пропускать иной раз обед и нормально питаться?

— А что же еще? — спросил я.

Я был загнан в угол и не знал, что сказать.

— Хм-м... Что ж, если ты так считаешь, Билл, мне нечего возразить. Пойду я, пожалуй, спать.

Я пошел к себе в комнату с таким чувством, что меня как следует встряхнули и все перемешали внутри. Мне так ужасно не хватало мамы, я это ощущал физически и знал, что в Джорджем творится то же самое. Она никогда не допустила бы, чтобы наш спор разгорелся до того, что мы начали кричать друг на друга — по крайней мере, чтобы кричал я. Кроме того, наше партнерство дало сильную трещину, никогда оно не станет таким, каким было прежде.

После душа и длительного массажа я почувствовал себя лучше. Я же знаю, что наши с ним отношения по-настоящему не могут порушиться. Времени еще много, и наверняка Джордж поймет, что мне нужно поехать с ним, он не станет делать из колледжа препятствие. В этом я был уверен — ну, по крайней мере, почти уверен.

Я начал думать о Ганимеде.

Ганимед!

Так ведь я и на Луне еще никогда не был. Со мной в классе учился мальчик, который родился на Луне. Его родители все еще были там, а его послали домой учиться. Он ужасно воображал и строил из себя заядлого космонавта. Но Луна от нас меньше чем

в четверти миллиона миль, практически в нее можно камнями кидаться. Она не могла себя прокормить; в Лунной колонии такой же рацион питания, как на Земле. Но *Ганимед!*

Посмотрим: Юпитер отсюда за полбиллиона миль, более или менее — это зависит от времени года. Что сто́ит небольшое расстояние до Луны по сравнению с таким прыжком? Что-то на меня вдруг нашло: я никак не мог вспомнить, третья или четвертая луна у Юпитера Ганимед? А знать мне это было необходимо. Так, в гостиной есть книга, которая мне на это ответит. И не только на это. Эллсвортс Смит «Путешествие по колониям Земли». Я отправился за ней.

Папа, оказывается, не спал. Он сидел и читал. Я сказал:

— А-а, привет! — и пошел искать книгу.

Он кивнул и продолжал читать. Книги на месте не было. Я стал искать. Папа спросил:

— Билл, ты что ищешь?

И тут я увидел, что она у него в руках. Я сказал:

— Да ничего. Я не знал, что она тебе нужна.

— Эта? — он поднял книгу.

— Да неважно, я что-нибудь другое найду.

— Возьми. Я уже посмотрел.

— Ну... ладно, спасибо.

Я взял книгу и повернулся, чтобы уйти.

— Минутку, Билл.

Я остановился.

— Я принял решение. Я не еду.

— *Как?*

— Ты был прав. Мы партнеры, и мое место здесь.

— Да, но... послушай, Джордж, мне жаль, что я сказал тебе о рационе. Я ведь понимаю, что причина не в этом.

Я хотел сказать, что причина в Анне, но боялся, что разревусь, если назову ее имя.

— Ты хочешь сказать, что согласен остаться и ходить в школу?

— Ну... — Я собирался сказать вовсе не это, я ужасно хотел, поехать сам. — Не совсем это. Я хотел сказать, что понимаю, почему ты хочешь... почему ты *должен* ехать.

— Хм-м... — он зажег трубку и провозился с ней очень долго. — Понимаю. А может быть, нет. — Потом добавил: — Давай так, Билл.

Между нами все сохраняется. Это значит: или мы оба остаемся, или оба едем — если ты только по собственной воле не решишь, что останешься получать аттестат и приедешь ко мне туда позже. Так будет справедливо?

— Так? Конечно!

— Знаешь что, давай поговорим об этом потом.

Я пожелал ему спокойной ночи и побыстрей удрал к себе в комнату. Уильям, мой мальчик, сказал я себе, практически, дело в шляпе, если только ты не размякнешь и не дашь согласие разделиться. Я улегся под одеяло и раскрыл книгу.

Ганимед был Юпитер-3, надо мне было это помнить. Он был больше Меркурия и гораздо больше Луны, вполне представительная планета, даже если она просто луна. Сила тяготения составляет одну треть земной: я буду там весить около сорока пяти фунтов. Впервые Ганимед посетили в 1985 — это я знаю, — его атмосферный проект начался в 1998 и с тех пор выполняется. В книге было стереофото Юпитера — как он виден с Ганимеда: круглый, точно яблоко, ярко-оранжевый и сплюснутый на обоих полюсах. Красивый. Я так и заснул, глядя на него.

Следующие три дня у нас с папой не было случая поговорить, потому что эти три дня я провел на уроке географии в Антарктике. Я вернулся с отмороженным носом, с несколькими подстреленными пингвинами и с некоторыми новыми идеями. Мне нужно было время, чтобы их обдумать. Папа, как всегда, перепутал записи в расходной книге, но не забыл сохранить упаковки и этикетки, так что я быстро все поправил. После обеда я дал ему дважды обставить меня в карты, затем сказал:

— Послушай, Джордж...

— Да?

— Помнишь, о чем мы толковали?

— Ну, да.

— Вот что. Я ведь несовершеннолетний: я не имею права поехать, если ты мне не разрешишь. Мне кажется, ты должен меня взять, но, если не возьмешь, я школу не брошу. Ты-то в любом случае *должен* ехать — ты знаешь, почему. Я прошу тебя все обдумать и взять меня с собой, но я не собираюсь вести себя, как ребенок.

Папа выглядел почти растерянным:

— Вот это, сынок, разговор. Значит, ты хочешь, чтобы я поехал, а ты останешься здесь, будешь ходить в школу и не станешь по этому поводу скандалить?

— Нет, я этого не хочу, но я с этим примирюсь.

— Спасибо. — Папа порылся в бумажнике и вытащил фотографию. — Взгляни-ка.

— Что это?

— Копия твоего заявления об эмиграции. Я его подал два дня назад.

2. ЗЕЛЕНОГЛАЗОЕ ЧУДОВИЩЕ

Следующие несколько дней я не больно-то отличался в школе. Папа меня предостерегал, чтобы я не особенно радовался: наши заявления еще не рассмотрели и не утвердили.

— Понимаешь, Билл, ведь заявлений подают в десять раз больше, чем требуется людей для колонии.

— Но большинство из них хотят лететь на Венеру или на Марс. Ганимед слишком далеко, это отпугивает слабаков.

— А я вовсе не говорю о заявлениях во все колонии. Я имею в виду заявления на Ганимед, *особенно* на «Мэйфлауэр», на первый рейс.

— Ну и что, напугал, думаешь? Я и сам знаю: только одного из десяти отбирают как соответствующего требованиям. Так и должно быть.

Папа согласился. Он сказал, что это первый случай в истории, когда делается попытка отобрать для колонизации лучший отряд, вместо того чтобы использовать колонии как свалку для неприспособленных людей, преступников и неудачников. Потом добавил:

— Слушай, Билл, но кто тебе сказал, что нас с тобой признают годными? Ни один из нас не супермен.

Это вернуло меня на землю. Мне не приходило в голову, что мы можем не подойти.

— Но, Джордж, не могут же нас *забраковать*!

— Могут.

— Как? Им ведь там нужны инженеры, а ты хороший инженер. Я — конечно, другое дело, я не гений, но в школе у меня все в порядке. Здоровье у нас обоих приличное, никакой скверной мутации у нас нет. Мы не дальтоники, не гемофилики — ничего такого.

— Никакой скверной мутации, о которой нам известно, — ответил папа. — Предков мы действительно подобрали себе довольно удачно, здесь спору нет. Но я вовсе́ не имею в виду что-нибудь настолько уж очевидное

— Ну так что же тогда? К чему они тогда могут придраться?

Он повертел в руках свою трубку, так он делал всегда, если не хотел отвечать сразу.

— Билл, когда я выбираю кусок стали для работы, совсем недостаточно сказать: «Что ж, это славный блестящий кусок металла, давайте, пустим его в дело». Нет, я принимаю во внимание таблицу испытаний длиной с твою руку, которая скажет мне все об этом сплаве, все, для чего он годится и что я могу от него ожидать в условиях, при которых я намерен его использовать. А теперь скажи, если ты хочешь подобрать людей для тяжелой работы при колонизации, чего ты станешь у них искать?

— М-м-м... не знаю.

— Вот и я не знаю. Я же не социолог. Не психометрист. Но сказать, что им нужны здоровые люди с хорошим образованием, это все равно что сказать: мне для определенной работы нужна скорее сталь, чем дерево. А какой сорт стали? Или, может быть, нужна не сталь, а титановый сплав? Так что не надейся уж слишком.

— Но... но что же нам теперь делать?

— Ничего. Если нас не отберут, скажи себе, что ты кусок стали высокого качества и не твоя вина, что им нужен магний.

Очень удобно было смотреть на дело с такой точки зрения, но все же я начал беспокоиться. Но в школе я виду не показывал. Я уже всем сообщил, что мы подали на Ганимед; если ничего из этого не получится — выйдет как-то неловко. Мой лучший друг Дак Миллер очень из-за этого взбудоражился и решил отправиться тоже.

— Но как это тебе удастся? — спросил я. — Что, твои родители тоже хотят ехать?

— Я уже об этом подумал, — ответил Дак. — Все, что мне для этого нужно, это взрослый опекун. Так вот, если ты сможешь подзадорить твоего старика, чтобы он за меня поручился, дело будет в шляпе.

— Но твой-то отец что скажет?

— Ему плевать. Он всегда мне говорит, что в моем возрасте уже сам зарабатывал на хлеб. Он говорит, что мальчишка должен сам за себя отвечать. Так как насчет этого? Поговоришь ты со своим стариком — прямо сегодня вечером?

Я обещал поговорить — и так и сделал. Папа сначала ничего не сказал, потом спросил:

— Ты и в самом деле хочешь, чтобы Дак летел с тобой?

— Конечно. Он же мой лучший друг.

— А что его отец говорит?

— Так он его еще не спрашивал, — сказал я и объяснил, как на все это смотрит мистер Миллер.

— Ах так? — удивился папа. — Тогда подождем, что на это скажет мистер Миллер.

— Ну... послушай, Джордж, значит ли это, что ты подпишешь ручательство за Дака, если его отец скажет о'кей?

— Я хотел сказать то, что сказал, Билл. Давай подождем. Проблема может решиться сама собой.

Я сказал:

— А-а, так может, мистер и миссис Миллер тоже решатся, когда Дак их заведет?

Папа поднял одну бровь:

— У мистера Миллера здесь, так сказать, многочисленные деловые интересы. Я думаю, что легче приподнять за угол плотину Боулдер-Дэм, чем заставить его от них отказаться.

— Но ты же ведь собираешься бросить свое дело?

— Не дело, а профессиональную практику. Но свою специальность я вовсе не бросаю, а беру ее с собой.

На другой день я увидел Дака в школе и спросил, что сказал его отец.

— Забудь об этом, — ответил он. — Все лопнуло.

— Как так?

— Мой старик говорит, что только у полного идиота может появиться такая мысль — поехать на Ганимед. Он мне объяснил, что Земля — единственная планета в Системе, которая пригодна для жизни, и что, не будь в правительстве столько звездных мечтателей, мы бы давно перестали выкидывать деньги на ветер, пытаясь превратить нагромождение голых скал в небе в зеленые пастбища. Он говорит — все это предприятие обречено.

— Вчера ты так не считал.

— Вчера я еще не получил этой информации напрямую. Знаешь что? Мой старик собирается взять меня к себе в компаньоны. Как только я окончу колледж, он возьмет меня в управленческий штат. Раньше он мне это не говорил, потому что хотел, чтобы я научился принимать решения сам и полагался на одного себя, но теперь он решил, что пора мне об этом узнать. Как тебе такая новость?

— Ну... я считаю, это подходяще. Но с чего ты взял, что «предприятие обречено»?

— «Подходяще»?! Всего-то? А про Ганимед мой старик говорит, что абсолютно невозможно создать там колонию. Это очень опасный, обреченный плацдарм, его с большим трудом поддерживают искусственно — это его точные слова,— и в один прекрасный момент там все технические устройства взорвутся и колония будет сметена с лица планеты. Все люди погибнут — и мы не станем больше идти против природы.

Наш разговор на этом оборвался, потому что надо было идти в класс на урок. Вечером я рассказал все папе:

— Что ты об этом думаешь, Джордж?

— Что ж, в том, что он говорит, кое-что есть...

— Это как же?

— Не горячись. Если дела на Ганимеде сразу пойдут неважно и мы не сможем ничего улучшить, предполагается, что мы вернемся все к тому первоначальному состоянию, в каком застали планету. Но это не полный ответ. Люди обладают забавной привычкой считать «естественным» все, к чему они привыкли, — но ведь никакого «естественного» окружения в том смысле, который в это выражение вкладывают, не существует с тех пор, как человек спустился в деревьев. Билл, сколько людей живет в Калифорнии?

— Миллионов пятьдесят пять — шестьдесят.

— А тебе известно, что первые четыре колонии здесь умирали с голоду? Это правда! Как же так получилось, что пятьдесят с лишним миллионов живут и не голодают? Хоть нормы, конечно, и жесткие! — он сам ответил на свой вопрос: — Мы поставили четыре атомных завода на побережье, чтобы преобразовать морскую воду в питьевую. Мы используем каждую каплю реки Колорадо и каждый фут выпадающего на Сьерре снега. Используем миллионы видов других средств. Если бы со всеми этими установками стряслась беда — скажем, мощное землетрясение разрушило бы все четыре атомные станции, — страна снова бы превратилась в пустыню. Сомневаюсь, что можно эвакуировать так много людей, прежде чем большинство из них погибнут от жажды. Все же — не думаю, что мистер Миллер не спит ночами, беспокоясь об этом. Он убежден, что Южная Калифорния — прекрасная «естественная» для жизни территория. Исходи из этого, Билл. Где бы ни нашел человек массу и энергию, с которой можно работать, и имея для этого достаточно смекалки, он сможет создать любую среду, какая ему потребуется.

После этого я нечасто виделся с Даком. Примерно в это время мы получили извещения, что должны пройти испытания на годность к колонизации Ганимеда, и поэтому стали ужасно заняты. Кроме того, Дак переменился — а может быть, это переменился я. У меня на уме все время был наш отъезд, а Даку его обсуждать не хотелось. А если и говорил на эту тему, то отпускал какое-нибудь ехидное замечание, которое меня обижало.

Папа не разрешал мне бросать школу, пока было еще неясно, признают ли нас годными, но я пропускал много уроков из-за того, что проходил испытания. Они, конечно, состояли из обычных медицинских обследований с некоторыми добавлениями. Испытание на выносливость к перегрузкам, например: тест показал, что я могу выдержать восемь *g*, пока не потеряю сознание. И еще тесты на приспособляемость к низкому давлению и на свертываемость крови — там не нужны такие, у которых идет кровь носом, или люди с варикозными венами. И еще было много всякого другого.

Но испытания мы выдержали. Тогда пришла очередь психологических тестов, которые оказались гораздо тяжелее, потому

что вы никогда не знаете, чего от вас ожидают, и половину времени даже не подозреваете, что подвергаетесь тесту. Началось все с гипноанализа, который ставит человека в невыгодное положение. Откуда вам знать, что вы там говорите, если вас усыпили? Однажды я бесконечно долго сидел и ждал, когда придет психиатр, чтобы меня осмотреть. Там сидели два каких-то клерка: когда я вошел, один из них вытащил из ящика мою медицинскую и психологическую карту и положил на стол. Другой, рыжеволосый, который не переставал глупо ухмыляться, сказал мне:

— О'кей, коротышка, сядь на эту скамейку и жди.

Прошло много времени, прежде чем рыжий взял мою карточку и начал ее читать. Вскоре он фыркнул, повернулся к другому клерку и сказал:

— Эй, Нэд, погляди-ка сюда!

Второй клерк прочел, что ему показывали, и, кажется, тоже нашел это забавным. Я видел, что они внимательно за мной наблюдают, и старался не обращать на это внимания. Второй клерк вернулся к своему столу. Вскоре рыжий подошел к нему с моей карточкой и прочел ему что-то вслух, но так тихо, что я почти ничего не смог разобрать. А то, что я разобрал, заставило меня поежиться.

Когда рыжий кончил читать, он взглянул на меня и засмеялся. Я встал и спросил:

— Что тут такого смешного?

Он *ответил:*

— Не твое дело, коротышка. Садись.

Я подошел к нему и потребовал:

— Дайте-ка мне посмотреть.

Второй клерк сунул карточку в ящик стола. Рыжий сказал:

— Маменькин сынок хочет на это взглянуть, Нэд. Почему ты ему не даешь?

— На самом деле вовсе он этого и не хочет, — ответил тот.

— Да, пожалуй, и правда, не хочет, — согласился рыжий. И добавил: — Подумать только — он мечтает стать взрослым отважным колонистом!

Второй клерк долго смотрел на меня, покусывая ноготь большого пальца. Потом сказал:

— А мне не кажется, что он такой уж смешной. Его могли бы взять поваром.

Это заставило рыжего расхохотаться до колик:

— Держу пари, в фартуке он будет очарователен!

Произойди такое годом раньше, я бы его ударил, хотя он превосходил меня в весе и был явно сильнее. После реплики насчет «маменькиного сынка» у меня напрочь вылетело из головы, что я хочу отправиться на Ганимед. Я жаждал лишь одного: стереть с его рожи эту дурацкую ухмылку. Но ничего такого я делать не стал. Не знаю уж почему, может быть, потому, что в свое время сумел справиться с дикой шайкой хулиганов из патруля Юкки — мистер Кинский говорил, что тот, кто не способен поддерживать порядок без помощи кулаков, не может быть патрульным под его началом. Я просто подошел к столу и попытался открыть ящик. Оказалось, что он заперт. Я посмотрел на них, они по-прежнему ухмылялись, но я оставался серьезным.

— Мне назначено на тринадцать, — напомнил я. — Раз доктора до сих пор нет, можете ему передать, что я ему позвоню. Спрошу, когда мне прийти в другой раз.

Я резко повернулся и вышел.

Дома я рассказал обо всем Джорджу. Он только и сказал, что надеется, что я себе не сильно навредил.

Никакого другого вызова я не получил. Знаете, в чем дело? Они оказались вовсе не клерками, а психометристами, а меня все время фотографировали и записывали на магнитофон. Наконец, мы с Джорджем получили извещения, что нас признали годными и отправят на «Мэйфлауэре», если мы согласны с их требованиями. В тот вечер я не заботился о том, чтобы уложиться в нормы рациона, а закатил настоящий пир.

Нам выдали брошюру с перечислением всех вышеупомянутых требований. «Уплатите все долги» — это меня не тревожило: кроме полкредита, которые я задолжал Слэтсу Кейферу, долгов у меня не было. «Внесите вступительный взнос» — об этом позаботится Джордж. «Завершите все дела с судом высшей категории» — никогда я не представал ни перед каким судом, если не считать суда чести. И еще всякие пустяки, но заботиться о них — это проблемы Джорджа. Но один пункт меня, признаться, встревожил.

— Джордж, — сказал я. — Тут сказано, что эмиграция ограничена и допускаются только семьи с детьми.

Он поднял голову:

— Ну, а мы, по-твоему, не такая семья? Если ты, конечно, не возражаешь, чтобы тебя классифицировали как ребенка.

— А-а, вообще-то да. Я подумал, это означает женатую пару с ребятишками.

— Ладно, не думай об этом.

Честно говоря, папина уверенность меня удивила. Мы были поглощены прививками и определением групп крови, так что в школу я почти не ходил. Когда меня не кололи и не брали кровь, мне было худо от всяких штук вроде тех, которые со мной проделывали в прошлый раз. В конце концов, на нас вытатуировали все медицинские показатели: идентификационный номер, резус-фактор, группу крови, время свертываемости, перенесенные болезни, естественные иммунитеты и сделанные прививки. Девушкам и женщинам эти данные наносили невидимыми чернилами, которые проявлялись только при инфракрасном освещении, или же записывали на подошвах ног.

Меня тоже спросили, не хочу ли я нанести свои данные на подошвы? Я ответил — нет, не хочу калечиться: мне еще слишком многое надо успеть. Мы пришли к компромиссу: пусть записывают мои данные на том месте, на котором я сижу, и после этого два дня я ем стоя. С точки зрения сохранения тайны это место действительно подходящее. Вот только чтобы посмотреть записи, всякий раз приходилось пользоваться зеркалом.

Оставалось совсем мало времени: срок явки в Мохавский космопорт нам назначили на двадцать шестое июня, ровно через две недели. Пора было упаковывать то, что мы возьмем с собой. А разрешено было брать ровно пятьдесят семь и шесть десятых фунта на человека, причем эту цифру не объявили, пока не взвесили нас самих. В брошюре говорилось: «Завершите свои земные дела так, как если бы вы готовились к смерти». Легко сказать! Но когда вы умираете, вы не можете ничего взять с собой, а мы могли захватить пятьдесят семь с лишним фунтов веса.

Вопрос был в том — что включить в эти пятьдесят семь фунтов?

Я отдал в биологический кабинет школы своих шелковичных червей, змей тоже. Дак захотел взять мой аквариум, но я ему не дал: он дважды заводил рыбок, и оба раза они все у него передохли. Я разделил рыбок между двумя ребятами из нашего отряда, у которых были аквариумы. Птиц отдал миссис Фишбейн с нашего этажа. Кошки или собаки у меня не было: Джордж говорит, что девяностый этаж для наших «братьев меньших» — так он их называет — не место. Мои сборы были в разгаре, когда вошел Джордж.

— Ну вот, — одобрительно сказал он, — в первый раз я могу войти к тебе в комнату без противогаза.

Его слова я пропустил мимо ушей: Джордж всегда так выражается.

— Я все-таки не знаю, что с этим делать, — пожаловался я, показывая на кучу, сваленную у меня на кровати.

— А с микрофильмами у тебя как? Все отснял?

— Да, все, кроме этой фотографии.

Это был кабинетный стереоснимок Анны весом в фунт, девять унций.

— Конечно, ее надо взять. А вообще-то, Билл, путешествовать лучше всего налегке. Мы же с тобой пионеры.

— В голову не приходит, что выбросить.

Наверно, выглядел я довольно хмуро, потому что папа сказал:

— Да хватит тебе так жалеть себя. Смотри, я даже ее оставляю, — он поднял трубку. — Думаешь, мне не тяжело?

— Почему? — удивился я. — Трубка немного весит.

— Потому что на Ганимеде не выращивают табак — и не импортируют его.

— А-а... Слушай, Джордж, я бы уложился, если бы не мой аккордеон. Но у меня рука не поворачивается его оставить...

— Гм-м... А ты не подумал, чтобы внести его в особый список как предмет культурного назначения?

— Что-о?

— Прочти внимательно, что написано в инструкции. Предметы культурного назначения по весу не входят в состав личного багажа. Они рассматриваются как приносящие пользу колонии.

Мне и в голову не приходило рассматривать аккордеон с такой точки зрения.

— Они на это не купятся, Джордж!

— А ты попробуй, не бойся. Попытка не пытка.

Через два дня я стоял перед культурной и научной комиссией, пытаясь доказать, какой я для них ценный кадр. Я сыграл «Индюка в соломе», «Опус 81» Неру, вступление к «Рассвету XXII века» Моргенштейна в переложении для аккордеона. А на «бис» я исполнил «Зеленые холмы Земли». Меня спросили, люблю ли я играть для публики, и вежливо сказали, что о решении совета меня известят. Примерно через неделю я получил письмо, предписывающее сдать мой аккордеон в отдел снабжения. Победа! Я оказался «имеющим культурную ценность»!

За четыре дня до отлета Джордж пришел домой пораньше — он ликвидировал свою контору — и спросил, не могу ли я приготовить на обед что-нибудь особенное: у нас будут гости. Я сказал, что по моим подсчетам, мы можем себе кое-что позволить. Выглядел он смущенным.

— Сынок...

— Да, Джордж?

— Ты помнишь тот пункт насчет семей?

— А-а, да.

— Так вот, ты был прав. Но я кое-что от тебя утаил и теперь собираюсь признаться. Я завтра женюсь.

У меня будто язык отсох. Я вытаращил на него глаза. В ушах у меня зашумело. Даже если бы папа меня ударил, я бы не был так удивлен, как сейчас. Наконец, мне удалось раскрыть рот:

— Но Джордж, ты не можешь этого сделать!

— Почему, сынок?

— А как же Анна?

— Анна умерла.

— Но... но...

Это все, что мне удалось сказать. Я удрал в свою комнату и заперся. А после лежал на кровати и пытался думать. Через некоторое время я услышал, как папа подергал дверь. Потом он постучал и позвал:

— Билл!

Я не отвечал. Немного спустя он ушел. Я еще долго лежал. Кажется, я ревел, но причиной слез была вовсе не эта папина новость. Просто я чувствовал себя так же паршиво, как в тот

день, когда умерла Анна: у меня тогда в голове не укладывалось, что я ее никогда уже не увижу. Никогда не увижу больше, как она улыбается, не услышу, как она говорит:

— Держись молодцом, Билл, не унывай!

И я старался не унывать, и она гордо трепала меня по плечу. Как же Джордж может? Привести какую-то чужую женщину в дом Анны? Я встал, посмотрел на себя в зеркало, потом настроил освежитель на игольчатый душ и твердый массаж. После этого я почувствовал себя лучше, только где-то в животе ныло. Освежитель высушил меня и припудрил, потом со вздохом отключился. Под этот вздох мне почудился голос Анны — разумеется, он отдавался только у меня в голове. Она говорила:

— Держись молодцом, не унывай, сынок!

Я снова оделся и вышел. Папа хлопотал с обедом и бестолково суетился. Он ухитрился обжечь пальцы о микроволновую печку — не спрашивайте, каким образом. Мне пришлось выбросить все, с чем он возился, все, кроме салата. Я взял еще кое-что из продуктов и начал действовать. Ни один из нас не произносил при этом ни слова. Я накрыл стол на троих, и папа наконец заговорил:

— Накрой лучше на четверых, Билл. У Молли ведь есть дочка, ты знаешь.

Я уронил вилку:

— Молли? Ты имеешь в виду миссис Кеньон?

— Как, разве я тебе не сказал? Ах да, действительно, ты же не дал мне.

Ее-то я знал. Она работала у папы чертежницей. И дочку я тоже знал — двенадцатилетнюю пигалицу. Почему-то мне стало еще хуже, когда выяснилось, что это миссис Кеньон. Как! Ведь она даже явилась на похороны Анны, и у нее хватило духу пустить слезу. Теперь я понял, почему она так дружелюбно со мной заговаривала каждый раз, когда я появлялся у папы в конторе. Она, оказывается, глаз положила на Джорджа.

Я ничего не сказал. Что тут скажешь?

Когда они пришли, я очень вежливо поздоровался, потом ушел и прикинулся, будто вожусь с обедом. Обед прошел несколько странно. Папа разговаривал с миссис Кеньон, а я только отвечал, когда ко мне обращались. Я не прислушивался к разговору. Я все еще пытался понять, как он мог это сделать. Пигалица со мной раза два заговаривала, но я быстро поставил ее на место. После обеда папа предложил: что, если нам всем четверым пойти в кино? Я пробубнил, что мне еще надо рассортировать вещи. Они ушли. Я все думал и думал о происшедшем. С какой стороны я на это событие ни смотрел, оно мне казалось скверным.

Сначала я решил, что вообще на Ганимед не поеду, раз они тоже едут. Папа потеряет мой вступительный взнос, но я буду зверски работать и выплачу его — не собирался я быть чем-нибудь *им* обязанным! Потом я вдруг представил себе, почему папа так поступает, и мне стало чуть легче, но не особенно. Слишком высокая цена! Папа вернулся домой поздно, один, и постучал ко мне. Дверь не была заперта, и он вошел.

— Ну, сынок? — сказал он.

— Что — ну?

— Билл, я понимаю, что это для тебя неожиданно, но ты с ними уживешься.

Я рассмеялся, хоть мне было вовсе не смешно. Уживусь! Может быть, он может забыть Анну, но я-то ее никогда не забуду.

— И я хочу, — продолжал он, — чтобы ты вел себя как следует. Полагаю, ты сознаешь, что был с ними ужасно груб, только что не плевал им в физиономию.

— Я? Груб? — возразил я. — Разве я не приготовил для них обед? Неужели я не держался вежливо?

— Ты держался вежливо, как судья, выносящий приговор. И настолько же дружелюбно. Следовало бы дать тебе доброго пинка, чтобы заставить вспомнить о хороших манерах.

Наверно, вид у меня был упрямый. Джордж продолжал:

— Ладно, все это позади, забудем. Послушай, Билл, со временем ты поймешь, что это неплохая идея. Все, о чем я тебя прошу, это вести себя по-человечески. Я вовсе не требую, чтобы ты вешался им на шею, но настаиваю, чтобы ты держался нормально, разумно, вежливо и дружелюбно. Постараешься?

— Ну, наверно. — Затем я принялся за свое: — Слушай, пап, почему ты мне заранее не сказал?

Он смутился:

— Это была ошибка. Наверно, я так поступил из-за того, что боялся, как бы ты не начал скандалить — и хотел оттянуть скандал.

— Но я бы понял, если бы ты хотя бы сказал мне... Я знаю, почему ты хочешь на ней жениться.

— Ну?

— Мне следовало намотать на ус, когда ты мне напомнил про эти правила. Тебе приходится на ней жениться, чтобы нам можно было попасть на Ганимед.

— *Что-о?*

— Я догадался правильно, да? Ты же сам мне это сказал. Ты сказал...

— Не говорил я ничего подобного! — папа замолчал, сделал глубокий вдох и продолжал с расстановкой: — Билл, я понимаю, что у тебя вполне могло сложиться такое впечатление, но мне вовсе не улыбается, что ты его так лелеешь. Так вот, разъясняю тебе ситуацию: мы с Молли вовсе не потому собираемся пожениться, что нам надо эмигрировать. Мы эмигрируем, потому что женимся. Ты, наверно, еще слишком юн, чтобы разобраться в этом, но я люблю Молли, и Молли любит меня. Если бы я хотел остаться здесь, осталась бы и она. Но я хочу уехать — и она тоже хочет уехать. Она достаточно умна, чтобы понять: мне необходимо переменить все мое окружение, всю обстановку. Ты меня внимательно выслушал?

Я сказал, что да.

— Тогда — спокойной ночи.

Я ответил:

— Спокойной ночи.

Он повернулся было, чтобы уйти, но я сказал:

— Джордж...

Он остановился. Я выпалил:

— Ты что, не любишь больше Анну, да?

Отец побледнел. Он опять вошел было ко мне в комнату, потом остановился на пороге.

— Билл, — произнес он медленно, — уже несколько лет я тебя и пальцем не трогал, но теперь впервые за все это время мне захотелось задать тебе хорошую порку.

Мне показалось, что сейчас-то он мне ее и задаст. Я ждал и решил, что, если он до меня дотронется, он получит такое, что станет величайшим потрясением в его жизни. Но он не подошел ко мне ближе, он просто закрыл дверь, и дверь нас разделила. Немного спустя я принял еще один душ, вовсе не обязательный, и улегся в постель. Я лежал, наверно, час или больше, раздумывая над тем, что папа хотел ударить меня, и мне так нужно было, чтобы Анна была здесь и сказала, что же мне делать. Потом я включил зеркальные шарики для танцев и глазел на них, пока они меня не доконали.

До самого конца завтрака ни один из нас не произнес ни слова, и ели мы оба не особенно много. Наконец, папа сказал:

— Билл, я хочу попросить у тебя прощения за то, что наговорил тебе вчера вечером. Ты не сказал и не сделал ничего такого, что оправдало бы мое желание поднять на тебя руку. И я не имею права думать или говорить об этом.

— Да нет, все нормально, — я подумал еще немного и добавил: — Наверно, я не должен был так говорить.

— Ты был прав, что высказался. Мне только очень грустно, Билл, что ты мог так подумать. Никогда я не переставал любить Анну и люблю ее нисколько не меньше.

— Но ведь ты сказал... — Я осекся и закончил: — Я просто ничего не понимаю.

— Наверно, невозможно ждать от тебя, чтобы ты все понял. — Джордж поднялся. — Билл, церемония в пятнадцать часов. Ты успеешь переодеться и приготовиться к этому времени? Даже хорошо бы — за час до начала?

Я помешкал, потом сказал:

— Я не смогу, Джордж. Я так сегодня занят.

На лице его не появилось никакого особенного выражения, да и голос звучал обычно, когда он сказал:

— Понятно.

И вышел из комнаты. Немного спустя за ним захлопнулась дверь квартиры. Еще чуть погодя я попытался позвонить к нему в контору, но автосекретарь затянул старую песню насчет: «Не-

хотите-ли-вы записать-что-передать-ему?» Не стал я оставлять никакого поручения. Решив, что до пятнадцати Джордж еще зайдет домой сто раз, я переоделся в свой лучший костюм и даже воспользовался папиным кремом для бритья. Он все не показывался. Я еще раз попытался позвонить в контору — и снова получил: «Не-хотите-ли-вы-записать-что-передать-ему?» Тогда я связался со справочной и узнал номер миссис Кеньон.

Его там не было. Никого там не было.

Время ползло, и я ничего уже не мог поделать. Вот уже настало пятнадцать, и я понял, что мой папа где-то там женится, а я не знал где. В пятнадцать тридцать я отправился в кино. Когда я вернулся домой, на телефоне горела красная лампочка. Я включил прослушивание записи. Это был папа: «Билл, я пробовал тебе дозвониться, но тебя не было, а ждать я не могу. Мы с Молли едем в небольшое свадебное путешествие. Если захочешь со мной связаться, позвони в компанию "Служба розыска, LTD" в Чикаго, — мы будем где-нибудь в Канаде. Вернемся в четверг вечером. До свидания». На этом запись кончалась.

В четверг вечером! А вылет — в пятницу утром!

3. КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ «БИВРЕСТ»

Папа позвонил мне из квартиры миссис Кеньон — то есть Молли — в четверг вечером. Мы были друг с другом вежливы, но оба нервничали. Я сказал, что совершенно готов и надеюсь, что они славно провели время. Он сказал, что да и чтобы я приезжал к ним, и мы все вместе отправимся оттуда в три часа утра. Я ответил, что не знал его планов, поэтому уже купил себе билет в Мохавский порт и заказал комнату в отеле «Ланкастер». Что он хочет от меня теперь? Он подумал и сказал:

— Похоже, что ты уже сам можешь о себе заботиться, Билл.

— Конечно, могу.

— Прекрасно. Увидимся в порту. Хочешь поговорить с Молли?

— Н-нет, пожалуй, только привет ей от меня передай.

— Спасибо, передам.

Он повесил трубку.

Я отправился к себе в комнату и взял вещевой мешок — пятьдесят семь и пятьдесят сотых фунта. Я не мог бы и пушинки туда добавить. Комната моя опустела и стала голой, только скаутская форма болталась на гвозде. Взять ее с собой я не смог, а выбросить — духа не хватало. Я снял ее, собираясь бросить в мусоросжигатель, но вдруг рука моя замерла. Когда записывали на испытаниях мои физические показатели, я весил сто тридцать один и две десятых фунта в одежде, в которой буду стартовать. Но последние несколько дней я ел совсем мало. Я встал на весы — сто двадцать девять и восемь десятых. Взял в руки форму и снова встал на весы — сто тридцать два и пять десятых.

«Уильям, — сказал я себе, — ты не будешь обедать, не будешь завтракать и не будешь пить воду завтра утром.» Скатал форму в узел и взял с собой.

Квартира опустела. Я оставил сюрприз для следующего жильца: еду, которая предназначалась мне на ужин. Затем переключил все рубильники на ноль, кроме холодильника, и запер за собой дверь. Странное у меня было чувство: Анна, Джордж и я жили тут с тех самых пор, как я себя помню! Я спустился на мостовую, пошел по улицам, потом отправился прибрежной линией метро до Мохаве. Через двадцать минут я уже был в гостинице «Ланкастер», пустыня Мохаве.

Вскоре выяснилось, что «номер», который я предварительно заказал, — всего-навсего койка в биллиардной. Я помчался вниз, чтобы выяснить, что случилось, показал администратору свое удостоверение и напомнил, что мне полагается комната. Он посмотрел на документ и спросил:

— Молодой человек, вы пробовали когда-нибудь разместить на ночлег шесть тысяч человек одновременно?

Я сказал, что нет, не пробовал.

— Тогда радуйтесь, что у вас есть койка. Комнату, которую вы заказали, занимает семья с девятью детьми.

Я ушел.

В гостинице был какой-то сумасшедший дом. Я никуда не смог бы пристроиться поесть, если бы даже не обещал себе, что есть не буду: невозможно было подойти к столовой ближе, чем на

двадцать ярдов. Всюду под ногами в огромном количестве путались ребятишки и вопили младенцы. В танцевальном зале сидели на корточках семьи эмигрантов. Я посмотрел на них и подумал: откуда только их таких взяли? Из мусорного бака что ли?

Наконец, я отправился спать. Есть хотелось все сильней и сильней. И с чего это я ввязался в такую неприятность только ради того, чтобы взять с собой скаутскую форму, которую наверняка никогда больше не надену?

Если б только у меня была с собой продуктовая книжка, я бы поднялся и встал в очередь в столовую, — но мы с папой нашу книжку вернули. У меня еще было немного денег и я подумал: может, попытаться найти какого-нибудь торговца, говорят, их тут можно найти. Но папа рассказывал, что так называемые «торговцы» — это просто торгаши-жулики и ни один джентльмен не станет иметь с ними дела. Кроме того, я не имел ни малейшего представления, как такого торгаша разыскать. Я встал, попил воды, снова улегся в постель и проделал упражнения на расслабление. Наконец, я заснул, и мне снился клубничный торт с натуральными сливками, теми, что от коров.

Проснулся я голодным, но тут же вспомнил, что ведь это мой последний день на Земле! Тогда я так разволновался, что даже о голоде забыл. Встал, надел скаутскую форму, а поверх нее — корабельный костюм.

Я думал, мы прямо на борт пройдем. Но оказалось — нет.

Сначала всем пришлось собраться под тентом, укрепленным перед гостиницей возле посадочных туннелей. Никаких вентиляторов, разумеется, и в помине не было, но в такое раннее время пустыня еще не раскалилась. Я нашел букву «Л» и уселся на свой багаж. Папы и его новой семьи еще не было. Я уже начал думать, не лечу ли на Ганимед сам по себе. А вообще-то мне было на это плевать.

За воротами, милях в пяти, виднелись стоящие на поле корабли «Дедал» и «Икар», их сняли с линии «Земля — Луна» ради этого перелета, и еще «Биврест», который, сколько я себя помню, служил паромом между Землей и космической станцией «Нью-Йорк-Верх». «Дедал» и «Икар» были больше, но я надеялся, что попаду на «Биврест», первый корабль, который я видел взлетающим.

Какая-то семья сдавала багаж в камеру. Мать оглядела поле и спросила:

— Джозеф, который же из них — «Мэйфлауэр»?

Муж пытался ей объяснить, но она все равно ничего не понимала. Я чуть не лопнул, пытаясь сдержать смех. Ничего себе, на Ганимед собралась, а так тупа, что не в состоянии даже понять, что корабль, на котором она полетит, построен в космосе и не может никуда сесть.

Все пространство заполнилось эмигрантами и родственниками, приехавшими их провожать, но папа еще не показывался. Вдруг я услышал, как меня окликают по имени, обернулся — это оказался Дак Миллер.

— Привет, Билл, — сказал он. — Я уже боялся, что прозеваю тебя.

— Привет, Дак. Нет, я еще тут.

— Я пытался дозвониться тебе вчера вечером, но на станции отвечали: «Телефон отключен», так что я решил прогулять школу и смотаться сюда.

— Ну, этого делать не стоило.

— Но я хотел тебе привезти вот это,— он вручил мне коробку: целый фунт шоколада.

Я не знал, что и сказать. Поблагодарил его и добавил:

— Дак, мне очень приятно, правда. Но я должен вернуть тебе шоколад.

— Как это? Почему?

— Вес. То есть масса. Я не могу взять больше ни унции.

— Так пронеси его в руках.

— Не поможет. Все равно считается.

Он подумал и предложил:

— Тогда давай, откроем коробку.

— Отлично! — обрадовался я.

Так я и сделал — и предложил ему шоколадку. Сам я только на них смотрел — в животе у меня целая буря поднялась, так хотелось попробовать. Не помню, был ли я когда-нибудь такой голодный. Наконец я сдался и съел одну шоколадку. Решил, что она у меня выйдет вместе с по́том: делалось все жарче и жарче, а у меня под корабельным костюмом была еще скаутская форма — в

пустыне Мохаве в июне месяце так не одеваются! После того как я проглотил шоколадку, пить мне захотелось еще сильнее. Так всегда бывает. Я отошел к питьевому фонтанчику и сделал один очень маленький глоток. Вернувшись, я закрыл коробку с конфетами, вернул ее Даку и велел ему раздать конфеты на следующем сборе скаутов. А заодно рассказать ребятам, как мне хотелось, чтобы они летели вместе со мной. Он пообещал и добавил:

— Знаешь, Билл, я тоже хотел бы полететь. Очень хотел бы.

Я сказал — и мне бы хотелось, чтобы он со мной полетел, но когда же он успел передумать? Дак смутился, но тут как раз появился мистер Кински, а потом и папа с Молли и Пегги-пигалицей, и еще с сестрой Молли, миссис Ван Мэтр. Все пожали друг другу руки, и миссис Ван Мэтр начала плакать, а пигалица захотела узнать, почему я выгляжу таким закутанным и почему так потею? Джордж глядел на меня во все глаза, но тут нас сразу вызвали по именам и мы стали двигаться к воротам. Взвесили Джорджа, Молли и Пегги, и тогда настала моя очередь. Мой багаж, конечно, оказался тютельку в тютельку, а потом встал на весы я. Вышло сто тридцать девять и одна десятая фунта — я мог бы съесть еще одну шоколадку.

— Готово! — объявил человек, который меня взвешивал, потом он поднял голову и спросил: — Что это ты такое на себя навьючил, сынок?

Левый рукав моей формы, который я тщательно закатал, сполз и теперь торчал из-под рукава рубашки. Знаки различия сверкали точно сигнальные огни. Я молчал. Он начал ощупывать пузыри, которые образовались из-за рукавов формы.

— Мальчик, — сказал он, — ты же оделся, будто полярный исследователь, неудивительно, что ты так вспотел. Разве ты не знал, что нельзя надевать на себя ничего, кроме того костюма, в котором тебя занесли в список?

Папа вернулся и спросил, в чем затруднения. Я стоял с пылающими ушами. Вмешался помощник того, который взвешивал, и они спорили, что же теперь делать. Человек, который нас взвешивал, кому-то позвонил и наконец объявил:

— Он не превышает допустимого веса. А если ему угодно считать этот обезьяний костюмчик частью собственной кожи — пусть, это можно и разрешить. Следующий, пожалуйста.

Я двинулся дальше, чувствуя себя дурак дураком. Мы спустились внутрь и поднялись по наклонной полосе, там, слава богу, было прохладно. Через несколько минут мы вышли в погрузочное помещение под ракетой. Конечно же, это был «Биврест» — я это обнаружил, когда грузовой лифт поднялся над землей и остановился у пассажирского люка. Нас отметили в списке. Организовано все было четко. Багаж у нас взяли в погрузочном помещении; у каждого пассажира было свое место в соответствии с его весом. Таким образом, нас снова разделили: меня отправили на палубу сразу под рубкой управления. Я отыскал свое место: койка 14-Д, потом подошел к обзорному иллюминатору, сквозь который были видны «Дедал» и «Икар».

Проворная маленькая стюардесса, немногим выше кузнечика, отметила мое имя в списке и предложила сделать укол, предохраняющий от космической болезни. Я сказал — нет уж, спасибо.

— Бывали в космосе прежде? — поинтересовалась она.

Я признался, что не был. Она настаивала:

— Лучше сделаем.

Я объяснил, что она имеет дело с дипломированным воздушным пилотом и тошнить меня в воздухе не будет. Я не сказал, что имею права только на вождение геликоптера. Она пожал плечами и отвернулась. Громкоговоритель объявил:

— «Дедал» к полету готов.

Я подвинулся, чтобы лучше видеть.

«Дедал» стоял от нас в четверти мили и был выше, чем мы. Контуры него были очень красивые, и он выглядел могучим, сверкая на утреннем солнце. За ним и справа от него, совсем на краю поля, над зданием диспетчерского порта, загорелся зеленый огонь. «Дедал» медленно накренился к югу, всего на несколько градусов. Из его основания вырвалось пламя — сначала оно было оранжевое, затем сделалось ослепительно белым. Оно ударило мощным потоком и сразу же вырвалось из-под земли через выхлопные отверстия. «Дедал» взлетел. Он повисел немного в воздухе, и можно было видеть, как дрожат и мерцают холмы сквозь горячую струю выхлопа. И вдруг он исчез.

Именно — исчез. Взвился, точно перепуганная птица, точно язык белого пламени, прямо в небо, и исчез, хотя мы внутри сво-

его помещения еще могли слышать и ощущать как работают его двигатели. В ушах у меня так и звенело. И сквозь этот звон я услышал, как кто-то позади меня говорит:

— Но я же не завтракала. Капитан должен подождать. Скажи ему, Джозеф.

Это была та самая женщина, которая не понимала, что «Мэйфлауэр» чисто космический корабль. Ее муж пытался ее урезонить, но ему это никак не удавалось. Она стала звать стюардессу. Я слышал, как та ей ответила:

— Мадам, вы не можете сейчас поговорить с капитаном. Он готовится к старту.

Но пассажирке, очевидно, это было без разницы. Наконец, стюардесса ее успокоила, торжественно пообещав, что та сможет позавтракать после старта. Услышав это, я решил тоже попытаться позавтракать. Спустя двадцать минут отправился «Икар», и тогда громкоговоритель объявил:

— Все по местам! Станции ускорения — приготовиться к старту!

Я вернулся к своей койке, стюардесса проследила, чтобы мы все как следует привязались, предупредила, что нельзя отвязываться до тех пор, пока она не разрешит, и ушла на нижнюю палубу. Я почувствовал, как закладывает уши. По кораблю пошел тихий стонущий звук. Я сглотнул — и продолжал делать глотательные движения. Я понимал, что происходит: выкачивают естественный воздух и наполняют пространство смесью гелия с кислородом при давлении в половину нормального. Но женщина — все та же самая — продолжала бунтовать. Она все повторяла:

— Джозеф, у меня голова болит. Джозеф, мне нечем дышать. Сделай же что-нибудь!

Потом она вцепилась в ремни и села. Ее муж тоже уселся и заставил ее снова лечь.

«Биврест» чуть накренился, и громкоговоритель объявил:

— Минус три минуты.

Прошло очень много времени, и он сказал:

— Минус две минуты.

И затем:

— Минус одна минута!

И тут чей-то другой голос начал отсчет:

— Пятьдесят девять! Пятьдесят восемь! Пятьдесят семь!

У меня сердце так неистово забилось, что я почти не слышал этого голоса. Но он продолжал:

— ...Тридцать пять! Тридцать четыре! Тридцать три! Тридцать два! Тридцать один! *Половина*! Двадцать девять! Двадцать восемь!

И вот уже объявили:

— *Десять*!

И потом:

— Девять!

— Восемь!

— Семь!

— И шесть!

— И пять!

— И четыре!

— И три!

— И два!

Я так и не услышал, когда сказали «один», или «пуск», или как там еще говорится. К тому времени что-то на меня упало, и мне показалось, что я под чем-то погребен. Однажды, когда мы с ребятами обследовали пещеру, на меня обрушился целый склон, и пришлось меня откапывать. Теперь я чувствовал что-то похожее — только никто меня не откапывал. Грудь болела. Казалось, ребра не выдержат. Я не в состоянии был даже пальцем пошевелить. Я глубоко сглотнул — и никак не мог выровнять дыхание.

По-настоящему-то я не испугался, потому что понимал, что мы будем стартовать с большим ускорением, но было ужасно скверно. Когда мне удалось немного приподнять голову, я обнаружил, что небо уже сделалось пурпурным. Пока я за ним наблюдал, оно стало черным и появились звезды, миллионы звезд. И все-таки солнце еще сияло через иллюминаторы. Рев двигателей казался просто неправдоподобным, но этот шум почти сразу же начал замирать, и скоро все совершенно смолкло. Говорят, старые корабли были очень шумными даже после того, как достигали скорости звука. «Биврест» был не таков. В нем стало тихо, точно в набитом перьями мешке.

Ничего другого не оставалось, кроме как лежать, уставившись в это черное небо, и пытаться не думать о том весе, который на тебя обрушился. А затем, совершенно внезапно, так что желудок буквально вывернулся наизнанку, веса не стало вовсе.

4. КАПИТАН ДЕЛОНГПРЕ

Разрешите вам объяснить: когда вы впервые начинаете ощущать невесомость, забавного тут мало.

Конечно, преодолеть это можно. Если не преодолеете, вы просто мрете с голоду. Старые космонавты хвастаются, что им это даже нравится — невесомость то есть. Говорят, будто двухчасовой сон в невесомости заменяет целую ночь полноценного сна на Земле. Я-то к ней привык, но чтобы ее полюбить — ну уж нет.

«Биврест» взлетал в течение трех минут с небольшим. Но казалось, будто взлет продолжается много больше, — из-за высокого ускорения: мы взлетели почти при шести *g*. Затем корабль находился в свободном полете более трех часов, и все это время мы падали, пока капитан не начал маневрировать, чтобы попасть на орбиту «Мэйфлауэра». Другими словами, мы падали с высоты более двадцати тысяч миль.

На самом деле такое выражение здесь звучит глупо. Предметы ведь не падают *вверх*, они падают *вниз*. Точно так же когда-то все знали, что мир плоский. А мы падали вверх.

Как и все, я проходил курс космической баллистики в школьной физике, и ей богу, там было множество историй о том, как человек летит в космическом корабле, когда он в свободном полете. Но я вас уверяю, едва ли вы сможете этому поверить, пока сами не попробуете. Взять хотя бы миссис Тарбаттон — ту женщину, которая жаждала позавтракать. Наверно ведь, она ходила в школу, как и все остальные люди. Но она все настаивала, что капитан должен что-то предпринять. Уж не знаю, что бы он мог для нее сделать: разве что подыскать какой-нибудь маленький астероид. Не могу сказать, чтобы я ей не сочувствовал — так же, как и самому себе. Переживали вы когда-нибудь землетрясение? Значит, вы испытали это чувство, когда все, во что вы могли упереться, вдруг

обрушивается на вас же, и *terra firma** уже вовсе не *firma*. Тут тоже происходит нечто подобное, только гораздо хуже. Здесь неуместно повторять школьную физику, но, когда космический корабль движется в невесомости, прямо или в любом другом направлении, корабль и все, что находится в нем, движутся одновременно, и вы бесконечно *падаете* — и желудок ваш чуть ли не вываливается наружу.

Это было первое, что я ощутил. Я был привязан к койке ремнями, так что никуда не поплыл, но почувствовал такую слабость и головокружение, меня так трясло, как будто кто-то пнул меня ногой в живот. Потом рот у меня наполнился слюной, я сглотнул ее и страшно пожалел, что съел эту шоколадную конфету. Но наружу она все-таки не выскочила.

Единственное, что меня спасло, это то, что я не позавтракал. Некоторые другие пассажиры оказались не такими удачливыми. Я старался на них не смотреть. А я-то еще хотел отвязаться, как только мы выйдем в свободный полет, и посмотреть в иллюминатор на Землю! Но в этой обстановке у меня пропал интерес ко всему на свете. Я так и лежал, привязанный, и думал только о том, как мне скверно.

Из люка со следующей палубы вылетела стюардесса, оттолкнулась большим пальцем ноги, зацепилась рукой за центральный столб и парила в воздухе, точно лебедь, оглядывая всех нас. Это было очень славное зрелище — если б только я был в состоянии его оценить.

— Всем удобно? — спросила она бодро.

Вопрос был, конечно, дурацкий, но, кажется, медицинские сестры всегда так держатся. Кто-то застонал, а ребенок с другой стороны каюты принялся плакать. Стюардесса повернулась к миссис Тарбаттон и сказала:

— Теперь вы можете позавтракать. Что бы вы хотели? Яичницу?

Я прижал рукой свою нижнюю челюсть и отвернулся, изо всех сил желая, чтобы она заткнулась. Потом снова взглянул на нее. Та уже заплатила за свою дурацкую реплику — и теперь ей пришлось очищаться.

---

* Твердая земля уже вовсе не твердая *(вольный перевод с латыни)*.

Когда стюардесса покончила с миссис Тарбаттон, я позвал:

— Э-э-э... мисс...

— Эндрюс.

— Мисс Эндрюс, можно мне передумать насчет укола?

— Конечно, дружище, — согласилась она, улыбаясь, и вытащила из сумочки, которая висела у нее на поясе, шприц.

Она сделала мне укол. Это было больно, и на минуту я даже подумал, что сейчас моя шоколадка все-таки выскочит наружу. Но тут все переменилось, и я сделался почти счастливым в своем несчастье. Она отошла от меня и сделала уколы некоторым другим, которые так же, как и я, решили вначале отказаться и это им вышло боком. Другой вид укола она сделала миссис Тарбаттон, чтобы та совсем отключилась. Один или два упрямца уже отвязались и пошли к иллюминатору; я решил, что уже достаточно хорошо себя чувствую, чтобы попробовать тоже.

Это вовсе не так легко, как кажется, — плавать при свободном падении. Я отвязал ремни, сел и больше пока ничего делать не собирался. И вдруг ни с того ни с сего устремился в воздух, изо всех сил пытаясь за что-нибудь уцепиться. Я перекувырнулся в воздухе, стукнулся затылком о низ палубной переборки — и увидел звезды: не те, которые в небе, нет, звезды посыпались у меня из глаз. Затем палуба, уставленная койками, начала медленно приближаться ко мне.

Мне удалось ухватиться за ремень безопасности и встать на якорь. Койка, к которой был приделан этот ремень, была занята маленьким пухлым человечком. Я сказал:

— Извините.

Он ответил: «Ничего», посмотрел на меня с таким видом, будто убить был готов, и отвернулся.

Мне нельзя было оставаться возле него, а на собственное место я не мог вернуться, не хватаясь за другие койки, тоже занятые людьми, поэтому я опять оттолкнулся, на этот раз очень осторожно, и мне удалось удержаться, но тут я ударился о другую переборку. С этой переборки свисали многочисленные поручни и веревки. Я от нее никуда не уплыл, а подтянулся, как обезьяна, к одному из иллюминаторов.

И тут я впервые увидел Землю из космоса.

Сам не знаю, чего я ожидал, но это оказалось нечто совершенно неожиданное. Она висела передо мной и выглядела именно так, как изображается в учебниках по географии, или, скорее, как на заставках телевизионной станции «Нью-Йорк-Верх». И все-таки — она была другая. Я бы определил эту разницу так: одно дело, когда тебе рассказывают о хорошем пинке пониже спины, и совсем другое — когда тебе действительно достается такой пинок.

Не изображение. Сама Земля! Живьем!

Прежде всего, Земля не была расположена точно посередке, как на телевизионном экране, она упиралась в край иллюминатора, а кормовая часть корабля вырезала здоровый кусок Тихого Океана. Отодвигаясь от нас, Земля съеживалась. Пока я там висел, она сморщилась наполовину по сравнению с той Землей, какую я увидел, когда только приблизился к иллюминатору, и делалась все круглей и круглей: Колумб-то был прав. Она поворачивалась передо мной, пока я застыл на месте: край Сибири, затем Северная Америка и, наконец, северная часть Южной Америки пробегали передо мной слева направо. Над Канадой и над восточной частью остальной Северной Америки висели облака: никогда я не видел облаков белее, чем северная полярная шапка. Прямо перед нами солнце отражалось от океана, глазам стало больно. Вся остальная часть океана была почти пурпурной в тех местах, где поверхность не закрывала облака.

Это было так прекрасно, что у меня горло заболело, и мне захотелось протянуть руку и потрогать все это.

А фоном этого зрелища были звезды — куда ярче, крупнее и многочисленнее, чем их можно увидеть из Литл-Америки. Довольно скоро рядом столпился еще народ, люди пытались тоже смотреть, всюду сновали ребятишки, а матери их увещевали: «Ну-ну, не надо, дорогой!» — и отпускали дурацкие замечания. Я отступил, снова привязался к своей койке, обхватил себя одним ремнем так, чтобы не взлететь, и принялся все обдумывать. Можно гордиться, если знаешь, что ты родом с такой огромной красивой планеты. Я вдруг вспомнил, что ведь еще не видел ее всю и не совершал больших путешествий, несмотря на все учебные поездки на уроках географии, скаутский поход в Швейцарию и единственную нашу поездку с Джорджем и Анной в Сиам. И теперь я

так ничего больше на Земле и не увижу. От этой мысли мне сделалось тоскливо.

Я поднял голову: передо мной стоял какой-то мальчишка. Он спросил:

— Что опечалился, Уильям, мой мальчик? Космическая болезнь?

Это был тот подонок Джонс. Встреча меня просто ошеломила. Знал бы я, что он собирается эмигрировать, — да я дважды бы подумал, прежде чем лететь. Я спросил: какого черта, откуда он взялся.

— Естественно, оттуда же, откуда и ты. Помнится, я тебе задал вопрос.

Я ответил, что никакой у меня космической болезни нет, и спросил, откуда у него такое дурацкое предположение. Он потянулся, схватил меня за руку и повернул ее так, что стало видно красное пятнышко от укола. Он засмеялся, а я отдернул руку. Он снова засмеялся и показал мне свою руку: на ней было точно такое же красное пятнышко.

— С лучшими из нас такое случается, — сказал он. — Не робей,— потом предложил: — Пошли. Давай осмотрим это заведение, пока нас снова не заставили привязаться.

Я отправился с ним. Он не был человеком, которого я бы выбрал в друзья, но все-таки как-никак знакомый. Мы добрались до люка, ведущего на следующую палубу. Я начал было пролезать в люк, но Джонс меня остановил:

— Пошли лучше в рубку управления!

— Ты что? Да нас же не пустят!

— Попытка не пытка! Пошли.

Мы отправились другим путем и миновали короткий коридор. Он кончался дверью с надписью: «РУБКА УПРАВЛЕНИЯ — ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Ниже кто-то приписал: *«Это значит — тебе!»* — и кто-то другой добавил: *«Кому? Мне?»* Джонс попробовал дверь, она была заперта. Сбоку виднелась кнопка, он нажал на нее. Дверь отворилась, и мы оказались лицом к лицу с мужчиной с двумя нашивками на воротнике. За ним стоял мужчина постарше, с четырьмя нашивками, он спросил:

— Кто там, Сэм? Скажи им, что сюда нельзя.

Первый мужчина сказал нам:

— Вам что, ребятишки?

Джонс ответил:

— Извините, сэр, мы интересуемся астрогацией. Нельзя ли нам получить разрешение осмотреть рубку?

Я видел, что он собирается нас выставить, и уже стал поворачиваться, чтобы уйти, как вмешался второй мужчина:

— К чертям, Сэм, впусти их!

Младший, пожав плечами, ответил:

— Как скажете, капитан.

Мы вошли, и капитан приказал:

— Уцепитесь за что-нибудь, не плавайте в воздухе. И не трогайте ничего, не то я вам уши отрежу. Ну так кто вы такие?

Мы ему объяснили. Он сказал:

— Рад с тобой познакомиться, Хэнк, и с тобой тоже, Билл. Добро пожаловать на борт,— потом он протянул руку и дотронулся до рукава моей скаутской формы, он опять вылезал наружу: — Сынок, у тебя белье высовывается.

Я покраснел и объяснил ему, как получилось, что я ношу форму под одеждой. Он засмеялся и сказал:

— Так значит, ты нас надул и заставил все-таки ее поднять в воздух? Вот здорово, да, Сэм? Выпьете чашечку кофе?

Они ели бутерброды и пили кофе — не из чашек, конечно, а из полиэтиленовых мешочков, вроде тех, которыми пользуются, когда кормят маленьких детей. На мешочках были даже надеты соски. Я сказал — нет, спасибо. Укол, который сделала мне мисс Эндрюс, помог мне, и я чувствовал себя бодрее, но не настолько хорошо. Хэнк Джонс тоже отказался от кофе.

В рубке управления совсем не было иллюминаторов, только большой телевизионный экран, вделанный в переборку, ведущую к носу корабля, но он был выключен. Я подумал, что сказала бы миссис Тарбаттон, когда б узнала, что капитан вовсе не может видеть, куда мы направляемся, и вроде бы ему это и ни к чему. Я спросил его насчет иллюминаторов. Он сказал, что они только для туристов.

— Ну что бы ты здесь делал с иллюминатором? — спросил он. — Высунул бы голову и высматривал дорожные знаки? Что

нужно, нам тут и без него видно. Сэм, включи видео и покажи ребятишкам.

— Есть, капитан.

Второй мужчина подлетел к своей койке и принялся манипулировать рубильниками. Бутерброд он оставил висеть в воздухе.

Я осмотрелся. Потолок у рубки был круглый, и та ее часть, куда мы вошли, — шире противоположной: противоположная находилась фактически в самом носу корабля, и стены постепенно расширялись. Две койки — одна для пилота, другая — для его напарника, были прижаты к стенке, которая отделяла рубку от пассажирского помещения. Почти все пространство между койками занимал компьютер. Койки выглядели куда роскошнее, чем у пассажиров: они повторяли форму тела, как в больничной кровати, поэтому голову и колени можно было держать поднятыми кверху. А по бокам приделаны подлокотники, чтобы упираться руками и управлять кораблем. Над каждой койкой дугой изгибалась приборная доска, так что можно было наблюдать за показаниями приборов лежа, даже если голова прижата к подушке из-за большой перегрузки.

Загорелся телевизионный экран, и мы увидели Землю: она заполнила его почти весь.

— Это вид с кормы, — объяснил помощник пилота, — передается телевизионной камерой, которая в хвосте. Они у нас расставлены по всем направлениям. Теперь попробуем «вид спереди»!

Он включил другую камеру, но ничего особенного мы не увидели, только несколько крошечных точек, которые могли быть звездами. Хэнк заметил, что гораздо больше звезд можно наблюдать из иллюминатора.

— Экран предназначен вовсе не для наблюдения за звездами, — ответил помощник. — Когда нам нужно наблюдать за звездным небом, мы используем астроглаз. Вроде этого.

Он откинулся на койке, пошарил у себя под головой и натянул на лицо какое-то сооружение: резиновый глазок совпал с одним его глазом, а он даже головы с подушки не поднял. «Астроглаз» — так в шутку называют телескоп с встроенным в него перископом. Нам он посмотреть в прибор не предложил, и я снова повернулся

к приборной доске. Там была парочка радарных устройств, очень похожих на те, какие можно найти в любом поднимающемся в атмосферу корабле, даже в геликоптере, и всякие другие приборы. Назначения большинства из них я не понимал, хотя некоторые были совсем простыми — такие, как определитель скорости приближения, определитель температуры сопла, прибор, определяющий массовое соотношение, скорость реактивной струи и тому подобное.

— Посмотри сюда, — предложил помощник пилота; он что-то привел в действие, на экране очень ярко вспыхнуло крошечное пятнышко, немного помигало, потом исчезло. — Это был «Нью-Йорк-Верх», я засек его радарный мозг. Вы не по телевизору его видите: это радар дает изображение на такой же экран.

Он еще поиграл ручками настройки, замигал другой огонек: две долгие вспышки, одна короткая.

— Это в том месте, где строят «Звездного скитальца».

— А где сейчас «Мэйфлауэр»? — спросил Хэнк.

— Хотите посмотреть, куда направляетесь, да?

Он опять тронул клавиши, загорелся еще один огонек, где-то сбоку: три короткие вспышки, пауза, снова три короткие вспышки... Я усомнился — непохоже, чтобы мы именно туда направлялись. Тогда капитан пояснил:

— Мы движемся кружным путем, чтобы миновать всю эту суматоху. Хватит, Сэм. Закрой свою доску.

Мы вернулись туда, где капитан все еще жевал бутерброды.

— Так ты скаут-орел? — спросил он меня.

Я сказал, что да, и Хэнк сказал, что и он тоже.

— Сколько тебе было лет, когда ты получил это звание? — спросил капитан.

Я ответил — тринадцать. Тут же Хэнк похвастался, что ему было двенадцать, а капитан уверил нас, что он стал «орлом» в одиннадцать лет. Я вообще-то ни одному из них не поверил. Капитан сказал: а теперь вот мы собираемся на Ганимед, и он нам обоим завидует. Второй пилот удивился: чему тут завидовать?

Капитан вздохнул.

— Никакой у тебя романтики в душе, Сэм. Так и будешь водителем парома, пока не помрешь.

— Может, и так, — ответил тот. — Зато я часто ночую у себя дома.

Капитан заявил, что космонавты не должны жениться.

— Вот я, например, — похвастался он. — Я всегда хотел быть космонавтом в глубоком космосе. И получил уже назначение, но меня захватили в плен пираты — и я потерял свой шанс. А к тому времени, когда снова появилась такая возможность, я был уже женат.

— Ах уж эти твои пираты, — проворчал помощник.

Я и глазом не моргнул. Взрослые вечно воображают, будто подростки проглотят любое, что им ни дай. Я стараюсь их не разочаровывать.

— Что ж, чему быть, того не миновать, — сказал капитан. — А теперь, юные джентльмены, можете идти. Нам с мистером Мэйсом придется еще кое-какие цифры подогнать, не то мы можем посадить это ведерко в Южном Бруклине.

Мы его поблагодарили и ушли. На кормовой палубе, где меня прописали, я обнаружил папу, Молли и пигалицу. Папа спросил:

— Ты где пропадал, Билл? Я тебя по всему кораблю ищу.

Я им объяснил:

— Наверху, в рубке управления. С капитаном.

Папа ужасно удивился, а пигалица состроила мне гримасу и сказала:

— Ишь, какой умный, вовсе ты там и не был! Туда никому нельзя.

Я считаю, девчонок надо держать в большом темном мешке, пока они не вырастут настолько, чтобы знать свое место. А после, когда настанет время, можно их или выпустить — или завязать мешок потуже и выкинуть. Не знаю уж, что и лучше.

Молли сказала:

— Замолчи, Пегги!

Я сказал:

— Вот, можешь Хэнка спросить. Он со мной был. Мы...— я оглянулся и увидел, что Хэнк исчез. Но я рассказал им все, что происходило, все кроме истории о пиратах. Когда я закончил, пигалица заныла:

— Я тоже хочу в рубку.

Папа сказал, что вряд ли это получится. Пигалица возмутилась:

— Почему нельзя? Ведь Билл туда ходил.

Молли снова велела ей замолчать:

— Билл — мальчик, и он старше тебя.

Пигалица заявила, что так нечестно. Наверно, она в чем-то была права, но так оно всегда и бывает. Папа продолжал:

— Ты должен быть польщен, Билл: ведь тебя принимал сам знаменитый капитан Делонгпре.

— Что-о?

— Возможно, ты слишком юн и не помнишь этого. Он когда-то дал замуровать себя в автоматическое грузовое судно, использовавшееся для перевозки ториевой руды с лунных шахт, и раскрыл банду преступников, которую радиокомментаторы называли «ториевыми пиратами».

Я ничего не ответил.

Мне хотелось увидеть из космоса «Мэйфлауэр», но нас заставили привязаться до того, как я его отыскал. Зато я как следует нагляделся на «Нью-Йорк-Верх»; «Мэйфлауэр» находился на той же геостационарной орбите, что и космическая станция, и мы уже приближались к нему, когда услышали приказ привязаться. Капитан Делонгпре был пилот что надо. Он не стал тратить время на то, чтобы выводить свой корабль на новую орбиту, он как следует форсировал работу двигателей — в самый точный момент, с точной затратой энергии и в точном направлении. Как говорится в учебниках физики, «любую принципиально разрешимую задачу коррекции орбиты для каждого отдельного корабля, можно решить исключительно при помощи точно рассчитанного ускорения» — при условии, что пилот достаточно искусен.

А Делонгпре именно таким и был. Когда «Биврест» снова вошел в невесомость, я оглянулся через плечо на иллюминатор, и там показался он — долгожданный «Мэйфлауэр». Солнце освещало его вовсю, он был огромным, как жизнь, и находился совсем рядом. При коррекции мы ощутили мягкий удар, и громкоговоритель объявил:

— Контакт достигнут. Можно отвязывать ремни.

Я отвязался и пошел к иллюминатору, через который можно было видеть «Мэйфлауэр». Легко было понять, почему он не мог

нигде приземлиться: у него не было никаких крыльев, никаких стабилизаторов — вся поверхность почти сферическая, только с одной стороны выступал какой-то конус. Конус выглядел очень маленьким — и тут я понял, что на самом деле это «Икар», он разгружался на дальнем конце. Когда до меня это дошло, он сделался вдруг огромным, а крошечные мушки на нем оказались людьми в космических скафандрах.

Один из них чем-то в нас выстрелил — и между нами взвилась какая-то веревка. Прежде чем ее утолщенный конец успел коснуться борта «Бивреста», с него в нашу сторону полыхнул ярко-пурпурный электрический разряд — у меня даже волосы на голове поднялись дыбом, а кожу стало покалывать. Две женщины из нашего купе закричали, и я слышал, как мисс Эндрюс их успокаивала и объясняла им, что это всего-навсего уравнялся электрический потенциал между двумя кораблями. Скажи она им, что это простая молния, она была бы точно так же права, но не думаю, что это сильно бы их успокоило. Я нисколько не испугался: любой мальчишка, который возился с радиоприемником и вообще с какой угодно электроникой, вполне мог бы этого ожидать.

Утолщение веревки шлепнулось о борт нашего корабля, а вскоре за этим тоненьким швартовом последовал другой, более весомый, и нас не спеша пришвартовали. «Мэйфлауэр» приближался до тех пор, пока не заполнил весь иллюминатор. Через некоторое время мне опять заложило уши, а громкоговоритель скомандовал:

— Все по местам — приготовиться в выгрузке!

Мисс Эндрюс велела нам немного подождать, затем настала очередь нашей палубы, и мы потянулись наружу, к той палубе, по которой пришли. Миссис Тарбаттон не пошла со всеми: она и ее муж затеяли какую-то дискуссию с мисс Эндрюс. Выйдя из корабля, мы попали прямо в стальной составной цилиндр около десяти фунтов длины, а через него — на «Мэйфлауэр».

5. КАПИТАН ХАРКНЕСС

Знаете ли вы, что самое неприятное в космических кораблях? Они скверно пахнут.

Даже на «Мэйфлауэре» пахло скверно, а ведь он был совсем новеньким. На нем пахло нефтью и сваркой, растворителями, грязью и пóтом всей рабочей команды, которая там так долго жила. И вот прибыли мы, три нагруженных судна, большинство из нас сильно пропахло тем дурным запахом, который исходит от людей, когда они напуганы или очень нервничают. У меня болел живот, меня почти выворачивало наружу. Хуже всего, что на корабле нет возможности «освежиться» — ванна здесь роскошь. Когда жизнь на новом месте вошла с свою колею, нам вручили талончики на две ванны в неделю, но много ли с того проку — ведь «ванна» означает всего лишь два галлона воды, которой вы можете облиться?

Если вы чувствовали настоятельную потребность принять ванну, вы могли поспрашивать у других, и иногда находился кто-нибудь, кто соглашался продать вам талончик. В моей каюте был один мальчишка, который продавал свои талоны на целых четыре недели вперед, пока нас уже не начало от него тошнить, и тогда мы задали ему принудительную баню при помощи жесткой щетки. Но я несколько опережаю события.

Сжечь свою одежду тоже было нельзя: ее приходилось стирать.

Когда мы прибыли на «Мэйфлауэр», персонал потратил уйму времени, чтобы рассортировать нас и распределить по койкам. Предполагалось, что пассажиры с «Дедала» и «Икара» уже выгрузились к нашему прибытию, но на деле выяснилось, что это вовсе не так, и началась жуткая неразбериха, и в коридорах образовались сплошные транспортные пробки. А пробка, при которой все парят в воздухе, не понимая, где верх, а где низ, раз в восемь сложнее обычной транспортной пробки. Не было никаких стюардесс, чтобы навести порядок, вместо них повсюду сновали эмигранты с плакатами на груди: «КОРАБЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ», но на самом деле надо было помогать им самим. Они так же растерялись, как и все остальные. Все это напоминало любительский спектакль, когда билетеры не могут найти места, указанные на билетах.

Как только я оказался в своей каюте и начал привязываться к койке ремнями, повсюду зазвонили колокола, а в громкоговорителях прозвучала команда:

— Приготовиться к ускорению! Десять минут!

Потом мы стали ждать.

Прошло, наверно, больше получаса. Вскоре начался отсчет времени. Ну, Уильям, сказал я себе, если взлет с Земли был таким тяжелым, так уж тут, наверно, просто все зубы из десен вышибет. Я знал, что нас ждет: свыше девяносто трех миль в секунду. Это же треть миллиона миль в час! Если по-честному, то я испугался. Шли секунды, я ощутил мягкий толчок, который прижал меня к подушкам, — и все. Я просто лежал себе на месте, потолок опять стал потолком, а дверь была подо мной, но чтобы я сделался ужас каким тяжелым — такого не было. Чувствовал я себя прекрасно. Я решил, что это только начало, вот дальше будет — да!

Наверху в каюте располагался обзорный экран, он зажегся, и вот я смотрю в лицо человеку с четырьмя нашивками на воротничке — он был моложе, чем капитан Делонгпре. Человек улыбнулся и сказал:

— Говорит ваш капитан, друзья, капитан Харкнесс. Четыре часа с небольшим корабль останется при одной единице ускорения силы тяжести. Я думаю, пора пообедать, как вы считаете?

Он снова улыбнулся, и я понял, что желудок меня больше не беспокоит и вообще я здорово голоден. Наверно, он решил, что все мы, кроты, просто умрем от голода, когда вернемся к своему нормальному весу. Он продолжал:

— Мы постараемся вас поскорее обслужить. Теперь вы можете развязать ремни, сесть и расслабиться, но я вас попрошу соблюдать осторожность относительно одного обстоятельства. Этот корабль отлично сбалансирован, так что сила тяги проходит как раз через центр тяжести. Иначе мы бы крутились на месте вместо того, чтобы двигаться по прямой, — и могли бы попасть в самый центр Солнца вместо Ганимеда. Думаю, никто из нас не хочет превратиться в жаркое на вертеле, поэтому попрошу вас не отходить без крайней необходимости далее чем на шесть дюймов от ваших коек. На корабле есть автоматический компенсатор ограниченных передвижений, но его нельзя перегружать, поэтому, прежде чем передвигаться дальше как за шесть дюймов от места, где вы находитесь, сначала получите разрешение от представителя корабельной помощи.

Он снова улыбнулся, и на этот раз на лице его неожиданно появилась отвратительная ухмылка.

— Любой нарушивший это правило будет насильно связан ремнями, и как только мы выйдем из режима ускорения, капитан назначит этому человеку наказание.

В нашей каюте никакой корабельной помощи не было; нам оставалось только ждать. Я познакомился с ребятами, одни были старше меня, другие — младше. Был там один высокий светловолосый парень лет семнадцати по фамилии Эдвардс, которого прозвали Крикун. Ему надоело ждать. Я его не осуждаю, кажется, целые часы уже пролетели, а нам все не давали есть. Я решил, что о нас забыли. Эдвардс без конца слонялся у двери, выглядывая наружу. Наконец он сказал:

— Это странно! Не можем же мы тут сидеть целый день. Я за то, чтобы пойти на разведку. Кто со мной?

Один из парней предостерег:

— Капитан же велел сидеть спокойно.

— Ну и что из того? Мы ему не подчиняемся, мы не члены команды.

Я напомнил, что капитан имеет власть над всеми, кто находится на корабле, но он только отмахнулся:

— Чушь какая! Мы имеем право быть в курсе того, что происходит, — и право на то, чтобы нас накормили. Кто со мной?

Один из мальчишек сказал:

— Ты нарываешься, Крикун.

Эдвардс остановился. Наверно, это замечание его встревожило, но отступить он не мог. Наконец он сказал:

— Слушайте, ведь полагается, чтобы тут у нас была корабельная помощь, а ни одного из них с нами нет. Что, если вы, парни, выберете меня членом корабельной помощи, а я принесу вам чего-нибудь пожевать? Ну как?

Вслух никто возражать не стал. Тогда Крикун объявил:

— О'кей, я пошел.

Должно быть, прошло всего несколько секунд после его ухода, как появилась корабельная помощь с огромным ящиком, где лежали упакованные порции еды. Мужчина начал их раздавать, и одна оказалась лишней. Тогда он стал считать койки:

— Разве вас тут не двадцать?

Мы переглянулись, но никто ничего не сказал. Мужчина из корабельной службы вытащил список и устроил перекличку. Эдвардс, естественно, не отозвался, и мужчина ушел, забрав с собой его порцию. Тут появился Крикун, увидел, что мы едим, и спросил, где его обед. Мы ему объяснили.

— Черт возьми! — возмутился он. — Что ж вы, ребята, мне его не взяли? Ну и банда же вы, оказывается!

И ушел опять.

Вернулся он очень скоро, ужасно злой. За ним в каюту вошел член корабельной помощи и привязал его к койке. Мы уже ковыряли в зубах, когда экран на потолке опять загорелся, и там стала видна Луна. Она выглядела так, как будто мы мчимся прямо на нее: Луна быстро приближалась. Я уже начал сомневаться, не перепутал ли капитан Харкнесс запятую в десятичной дроби?

Лежа на койке, я наблюдал, как Луна растет и растет. Через некоторое время стало и того хуже. Но когда Луна выросла настолько, что заполнила весь экран, и уже казалось, что мы наверняка угодим прямо на нее, я заметил, что горы на экране движутся справа налево. Тут я вздохнул с облегчением: в конце концов, старик, наверно, знает, что делает.

В репродукторе раздался голос:

— Сейчас мы проходим мимо Луны и после этого немного изменим курс. Наша относительная скорость в момент максимального приближения — более пятидесяти миль в секунду, зрелище получается захватывающее.

Да уж, скажу я вам, — захватывающее! В какие-то полминуты мы пулей промчались у самой поверхности Луны, а затем она стала удаляться от корабля. Наверно, телевизионную камеру специально все время направляли на Луну, но впечатление получалось такое, как будто мы нырнули в самую ее поверхность, резко повернули и снова выскочили наружу. Только при такой скорости невозможно делать резкие повороты.

Часа через два двигатели отключили. Я уснул, и мне снилось, будто я прыгаю с парашютом, а парашют не раскрывается. Я завопил и проснулся — в невесомости; желудок, казалось, опять вываливался наружу. Я даже не сразу сообразил, где нахожусь.

Репродуктор объявил:

— Ускорение закончено. Начинается раскрутка корабля для создания искусственной тяжести.

Но раскрутка произошла не сразу, а очень медленно и постепенно. Нас отнесло к одной стене, потом мы заскользили вниз по внешней переборке корабля. То, что раньше было внешней переборкой, стало полом: мы на нем стояли, а та плоскость, где помещались койки, превратилась в стену; плоскость с телеэкраном, которая до сих пор была потолком, теперь стала противоположной стеной. Но постепенно мы становились тяжелее. Крикун все еще лежал прикованный к своей койке: мужчина из корабельной помощи так затянул пряжки, что он не мог достать до них сам. Теперь он в своих ремнях повис вдоль стены, точно младенец из индейского племени на спине у матери. Эдвардс закричал нам, чтобы мы помогли ему освободиться.

Опасность ему не грозила, и в таком положении не могло быть слишком неудобно, потому что мы еще не достигли полной силы тяжести. После выяснилось, что капитан держал треть *g*, потому что на Ганимеде именно такое притяжение. Так что не было никакой особой необходимости освобождать Крикуна. И спешить с этим было необязательно. Мы все еще обсуждали ситуацию, и некоторые ребята отпускали насмешливые замечания, которых Крикун совершенно не мог оценить, когда явился тот же самый мужчина из корабельной помощи, развязал Крикуна и велел нам всем следовать за ним.

Вот так мне случилось попасть к «капитанской мачте». «Капитанская мачта» — это нечто вроде судилища, похожее на то, как в древности лорд и хозяин всей деревенской местности сидел и осуществлял высшую и среднюю справедливость. Следом за мужчиной из корабельной помощи, которого звали доктор Арчибальд, мы вошли в каюту капитана Харкнесса. В коридорчике возле каюты уже толпилось множество людей. Немного спустя вышел капитан Харкнесс. Дело Крикуна слушалось первым.

Мы все считались свидетелями, но капитан не всех нас допрашивал: меня, например, не вызывали. Доктор Арчибальд доложил, как Крикун был обнаружен бродящим по кораблю во время ускорения, и капитан спросил Крикуна, слышал ли он приказ оставаться возле своих коек. Крикун юлил и пытался свалить всю

вину на нас, но, когда капитан прижал его к стенке, вынужден был сознаться, что приказ он слышал.

Капитан сказал:

— Сынок, ты недисциплинированный лоботряс. Не знаю, на какие неприятности ты нарвешься, когда станешь колонистом, но у меня на корабле ты уже в неприятность ввязался, — с минуту он размышлял, потом спросил: — Ты сказал, что поступил так потому, что был голоден?

Крикун подтвердил, что да, он ничего не ел с самого завтрака и обеда ему тоже не досталось.

— Десять дней на хлебе и воде, — провозгласил капитан. — Давайте следующее дело.

Крикун выглядел так, как будто ушам своим не верит.

Следующее дело состояло в том же, только это была женщина — одна из крупных и представительных особ, которые вечно всем распоряжаются. Она повздорила со своим представителем корабельной помощи — и пошла, чтобы лично рассказать об этом капитану, в то время как корабль был под ускорением. Капитан скоро во всем разобрался.

— Мадам, — произнес он ледяным тоном, — из-за вашей коровьей тупости вы подвергли опасности все наши жизни. Вы имеете что-нибудь сказать в свою защиту?

Она завела длинную тираду насчет «грубости», которую по отношению к ней проявил человек из корабельной помощи, и о том, что она в жизни своей не видела ничего более абсурдного, чем это обезьянье судилище, и так далее, и так далее. Но капитан ее перебил.

— Вы когда-нибудь посуду мыли? — спросил он.

— Что? Нет!

— Что ж, теперь придется мыть — все следующие четыреста миллионов миль!

6. $E=mc^2$

Когда нас отпустили, я принялся искать папу. Это было не легче, чем высматривать в стоге сена иголку, но я все спрашивал и спрашивал и через некоторое время их нашел. У них с Молли

была отдельная комната, и Пегги тоже болталась там; я подумал, что она с ними живет, что меня ужасно раздосадовало, пока я не разглядел, что там только две койки. Тогда я понял, что Пегги, должно быть, живет в общей спальне. Действительно, потом выяснилось, что все дети старше восьми лет живут в общежитиях. Папа был занят тем, что отвинчивал койки и прикреплял к той плоскости, которая стала полом после того, как корабль начал вращаться. Когда я вошел, он прекратил работу, мы все сели в кружок и стали разговаривать. Я рассказал о капитанском суде. Он кивнул:

— Мы на экране видели. Но я что-то не заметил, чтобы там мелькала твоя физиономия.

Я объяснил, что меня не вызывали.

— Почему? — удивилась Пегги.

— Я-то откуда знаю? — я еще немного повспоминал «мачту» и сказал: — Слушай, Джордж, а ведь капитан на космическом корабле — все равно что на Земле абсолютный монарх, да?

Папа поразмыслил немного и сказал:

— М-м-м... нет, он скорее конституционный монарх. Но все равно монарх.

— Значит, мы должны ему кланяться и называть «Ваше величество»? — поинтересовалась Пегги.

Молли заметила:

— Не думаю, что это было бы умно, Пегги.

— Почему же? По-моему, это будет смешно.

Молли улыбнулась:

— Что ж, расскажи мне, когда ты это выяснишь. Я подозреваю, что он просто перекинет тебя через колено и отшлепает.

— Пусть только попробует! Я закричу.

Лично я ее уверенности не разделял. Я хорошо запомнил эти четыреста миллионов миль мытья посуды и решил, что, если капитан скажет: «Замри!» — я послушно замру. Если капитан Харкнесс и был монархом, он не особенно рьяно правил: первое, чего он от нас захотел, — это чтобы мы провели выборы и избрали корабельный совет. После этого мы его почти и не видели. Голосовать могли все, кому исполнилось восемнадцать. Остальным велели выбирать младший совет — правда, от него особого прока не было.

Но старший — настоящий — совет с этого момента управлял всей жизнью на корабле. Он исполнял даже роль суда — капитан теперь уже не определял меру наказания. Папа мне сказал, что капитан утверждает все действия совета — он обязан это делать, чтобы все было законно, — но я никогда не слыхал, чтобы капитан вмешивался в какие-то решения совета. И знаете, что отмочил совет сразу же после того, как установили часы приема пищи и прочие мелочи? Первым же постановлением нас обязали ходить в школу! Младший совет сейчас же провел экстренное заседание и принял контрпостановление, но это не имело никого значения. Школу для нас все равно открыли.

Пегги входила с младший совет. Я спросил ее, почему она не слагает с себя полномочия, если ничего не может добиться. Вообще-то я просто ее поддразнивал — но на самом деле она выдержала из-за нас целое сражение.

Но на деле оказалось, что школа — это не так уж и плохо. Делать в космосе все равно нечего: если вы увидели хоть одну звезду, значит, вы все их увидели. А первое, чем мы стали заниматься в школе, было устройство нашего корабля, и это всем понравилось. Мы ходили группами по двадцать человек, и так продолжалось весь день, то есть «день» по корабельному времени. «Мэйфлауэр» имел форму волчка с раструбом наружу. Раструб являлся двигателем, хотя главный инженер Ортега, который водил нас туда, называл его «факелом».

Если считать факелообразный конец кормой, то противоположный конец был носом. Там располагалась рубка управления, а вокруг нее — капитанская каюта и каюта старших офицеров. Факел и вся силовая установка были отрезаны от остальной части корабля при помощи радиационного щита, который проходил через весь корабль. От щита до рубки управления тянулся большой грузовой трюм. Он представлял собой цилиндр более ста футов в диаметре и был разделен на ячейки. Мы везли с собой в колонию всевозможные предметы: всякие земные аппараты, машины, концентраты почвенных культур, инструменты. О многом я даже понятия не имел.

Вокруг этого центрального трюма располагались жилые палубы: палуба *A* под самой обшивкой корабля, палуба *B* — под ней, а

палуба *C* находилась внутри. Потолок палубы *D* служил внешней стеной трюма. На палубе *D* были столовые, камбузы, комнаты отдыха, лазарет и все такое, а на остальных трех палубах — жилые каюты и общежития. На палубе *A* каждые десять или пятнадцать футов были ступеньки, потому что она повторяла изгибы внешней обшивки корабля, стало быть, потолки у ней были разной высоты. В самых дальних помещениях у носа и у кормы высота была всего футов шести, и там жили самые маленькие ребятишки, а в самых высоких помещениях палубы *A* потолки тянулись на уровне двенадцати-тринадцати футов.

Живя внутри корабля трудно разглядеть, как все это вместе устроено. И не только потому, что все расположено в разных местах, но и оттого, что искусственная гравитация, которую включили на корабле с момента вхождения в свободный полет, путала все направления — вот например, казалось бы, вы стоите на ровной палубе, но перед вами и у вас за спиной она изгибается очень резко. Но до этого изгиба дойти ну никак нельзя: сколько бы вы ни шли, там опять становилось ровно. А если пройти совсем немного, то оказывалось, что вы сделали петлю и возвратились туда же, откуда пришли, совершив прогулку по всему кораблю.

Никогда в жизни не представить бы мне этого наглядно, если бы мистер Ортега не изобразил нам все на чертеже. Мистер Ортега объяснил нам, что корабль вращается, делая три и шесть десятых оборота в минуту, или шестнадцать полных оборотов в час, и этого достаточно, чтобы придать палубе *B* центробежную силу в одну третью *g*. Палуба *B* на семьдесят пять футов удалена от оси «Мэйфлауэра», а палуба *A*, где я жил, отстояла оттуда еще дальше, и там человек весил, наверно, процентов на десять больше, в то время как на палубе *C* вес делался на одну десятую меньше. На палубе *D* вес становился еще меньше, и у вас могла закружиться голова, если бы вы быстро встали из-за стола в столовой.

Рубка управления помещалась как раз на оси, в нее можно было вплыть по воздуху, когда корабль совершал обороты: так мне говорили, но внутрь меня не допустили ни разу. Обороты корабля имели еще один странный эффект: все вокруг нас становилось «низом». То есть я хочу сказать, что обзорные иллюминаторы можно было разместить только на полу палубы *A*, там они и находились, все четыре — большие, каждый в своем отделении.

Мистер Ортега водил нас на одну из обзорных галерей. Иллюминатор обзора состоял из больших круглых кварцевых пластинок в полу, его огораживали предохранительные поручни. Те, кто вошли в помещение первыми, сразу же отпрянули, как только приблизились к предохранительным поручням, а две девчонки даже завизжали. Я протолкался вперед к поручням, заглянул вниз и... оказалось, что я увидел самое дно Вселенной, за миллион триллионов миль, и все эти мили внизу...

Я не отшатнулся — Джордж уверяет, что я больше акробат, чем акрофоб, — но все же я крепко ухватился за поручни. Кому охота так далеко падать... Кварцевая поверхность не давала отражения, и казалось, что между тобой и потусторонним царством вообще ничего не было. Из-за вращения корабля звезды пробегали мимо иллюминатора, от этого становилось еще муторнее. Слева, покачиваясь, выкатилась Большая Медведица, прошла почти подо мной и ускользнула вправо, через несколько секунд она появилась снова. Я сказал:

— Ну, с меня довольно!

И уступил место, чтобы еще кто-нибудь мог полюбоваться зрелищем, но что-то никто не спешил.

Потом мы отправились на гидропонные фермы — но там ничего особенного интересного не оказалось: просто множество растений — их выращивали, чтобы возмещать кислород, потребляемый нами во время дыхания. Большей частью это были водоросли, но там имелся и огород. Я удивился: как же его выращивали, пока нас еще не было на борту? Мистер Ортега показал нам кран для подачи углекислого газа из установки, которая пряталась в стене:

— Приходилось, разумеется, их снабжать.

Жалко, что я сам не догадался: это же так просто.

Мистер Ортега повел нас в столовую, мы там расселись, и он начал рассказывать об энергетической установке. Он сказал, что развитие космического звездоплавания прошло три стадии. На первой применялись ракеты-корабли, работающие на химическом топливе; они не особенно отличаются от больших немецких ракет, использовавшихся во время Второй мировой войны,— только корабли были многоступенчатыми.

— Вы, ребята, уже не застали те ракеты, — пояснил он, — но это были самые крупные космические корабли, какие когда-либо

строили. Большими их приходилось строить из-за их малой эффективности. Как вам известно, первая ракета, которая достигла Луны, была четырехступенчатой. Последняя ее ступень имела такую же длину, как наш «Мэйфлауэр», но полезная загрузка составляла меньше тонны. С развитием космического звездоплавания корабли становились не крупнее, а, наоборот, все меньше.

Следующим достижением была ракета, работающая на атомном топливе. Это серьезное усовершенствование: отпала необходимость делать их ступенчатыми. Это означает, что корабль типа «Дедал» может оторваться от Земли, не катапультируя и не используя ступенчатых ракет, и долететь до Луны или даже Марса. Но эти корабли сохраняют все недостатки ракет: они зависят от атомной установки, которая должна раскалить реактивную массу и передать движение двигателям, так же как их предшественники зависели от химического топлива, предназначенного для той же цели. Последнее достижение — это корабли, преобразующие массу в энергию, как «Мэйфлауэр», и возможно, это высшая степень развития. Корабль, преобразующий массу в энергию, теоретически способен приближаться к скорости света. Возьмем наше путешествие: ускорение у нас — одно *g*, мы ускорялись около четырех часов двадцати минут — в конце концов, это дало бы нам скорость свыше девяноста миль в секунду. Если бы мы держали такое ускорение немногим меньше года, мы приблизились бы к скорости света. Корабли с преобразующейся массой располагают огромным количеством энергии: при ста процентах эффективности сейчас используется только один процент массы для преобразования в энергию и еще один процент — в качестве реактивной массы. Именно на это будет способен «Звездный скиталец», когда закончат его постройку.

Один из младших ребятишек поднял руку:

— Мистер главный инженер!

— Да, сынок?

— А если бы наш корабль летел еще несколько недель и перешагнул бы скорость света?

Мистер Ортега покачал головой:

— Это невозможно.

— Почему?

— М-м-м... насколько ты продвинулся в математике, сынок?

— По программе начальной школы.

— Боюсь, тогда бесполезно объяснять. Просто поверь мне на слово — умные люди считают, что это невозможно.

Я много размышлял над этим пунктом. Почему же невозможно достигнуть скорости выше световой? Мне известна вся эта старая болтовня насчет того, как Эйнштейновы уравнения доказывают, что скорость выше световой такая же бессмыслица, как вес какой-нибудь мелодии или цвет звука, потому что тут приходится рассматривать корень квадратный из минус единицы, — но все это чистая теория, а из курса истории, которую нам читали, я прекрасно усвоил, что ученые меняют свои теории так же часто, как змеи кожу. Я поднял руку.

— О'кей, — заметил он. — Ты, вихрастый. Говори.

— Мистер Ортега, если допустить, что мы не можем превысить скорость света, что бы случилось, если бы «Звездный скиталец» приблизился к световой скорости — и тут капитан вдруг увеличил бы ускорение до шести *g* и так бы его держал?

— Ну, тогда бы... Нет, лучше так... — он улыбнулся и сделался вдруг моложе. — Слушай, парень, не задавай ты мне этих вопросов. Я всего лишь дремучий инженер, не занимаюсь я теоретической физикой. — Он как будто задумался и добавил: — Если честно, не знаю, что бы произошло, но я бы многое отдал, чтобы это узнать. Может, мы обнаружили бы изнутри, что собой представляет корень квадратный из минус единицы? — Он оживленно говорил дальше: — Продолжим о «Мэйфлауэре». Возможно, вам известно, что, когда не вернулся тот, первый «Звездный скиталец», вторым «Звездным скитальцем» должен был стать «Мэйфлауэр», но проект устарел еще до того, как корабль начали строить. Так что название передали новому межзвездному кораблю, «Звездному скитальцу-III», а этот переименовали в «Мэйфлауэр» и передали его в колониальную службу. Вы, ребятишки, должны оценить, как вам повезло. До сих пор люди, эмигрирующие на Ганимед, должны были добираться туда целых два года и девять месяцев. А вы проделываете весь путь за два месяца.

— А быстрее мы не могли бы лететь? — вякнул кто-то.

— Могли бы, — ответил он. — Но это ни к чему: это не соответствует условиям астрогации и создает дополнительные трудности. Будьте терпеливыми: ваши внуки будут тратить на такое же путешествие неделю, весь путь ускоряясь на одном *g*. Тогда станет так много кораблей, что придется ввести космических инспекторов дорожного движения, и, возможно, нам удастся вывозить с Земли весь излишний ежегодный прирост населения. Ну, хватит об этом, — решил он. — Кто здесь может мне сказать, что означает: E равняется mc квадрат?

Я мог бы ответить на этот вопрос, но я уже раз высказался, а на выскочек всегда смотрят косо. Наконец, один из старших ребят сказал:

— Это означает, что масса может быть преобразована в энергию.

— Верно, — согласился мистер Ортега. — Первой реальной демонстрацией этого закона была атомная бомба, которую взорвали в 1945 в Аламогордо, Нью-Мексико. Это был особый случай: тогда еще не знали, как контролировать реакцию. Все, чего смогли достигнуть, это очень громко бабахнуть. Затем построили урановые энергетические установки, но и это не дало особенных результатов, потому что тут опять был исключительный случай, и только микроскопический процент массы мог быть преобразован в энергию. Это стало возможным лишь с появлением уравнения Килгоуэра — не волнуйтесь, вы будете его изучать, когда станете постарше, если, конечно, заинтересуетесь. Когда Килгоуэр показал, как это осуществляется на деле, мы наконец получили представление о том, что именно означает равенство энергии и массы, сформулированное еще в одна тысяча девятьсот пятом году. Но мы все еще не знали, как управлять процессом. Если бы нам пришлось обращать массу в энергию, нам понадобилась бы дополнительная масса, которая окружала бы область реакции: совершенно особая масса, она не превращалась бы в энергию до тех пор, пока нам это не понадобилось бы, и удерживала бы реакцию там, где нам нужно. Обычные металлы для этого не годятся, с таким же успехом можно было бы использовать мягкое масло. Но уравнение Килгоуэра подсказало еще и способ, каким это сделать, — ког-

да его правильно прочли. Кто-нибудь из вас имеет представление о том, сколько энергии вы получите, если преобразовать в энергию определенное количество массы?

Никто такого представления не имел.

— Это все то же уравнение, — объяснил мистер Ортега, — выведенное добрым старым доком Эйнштейном: *E* равно *mc* квадрат. Получается, что один грамм массы дает девятью десять в двадцатой степени эргов.

Он написал для нас: 1 гр.= 9×10^{20} эргов.

— Кажется, немного, правда? — спросил он. — А если попробуем вот так.

Он написал: 900 000 000 000 000 000 000 эргов.

— Прочтите внимательно. Девятьсот тысяч миллионов миллиардов эргов. Все еще не ухватить смысл, да? Такие цифры просто невозможно себе представить. Ядерная физика оперирует большим количеством нулей, как плотник — множеством гвоздей. Попробуем еще раз. Фунт массы, любой известной массы, скажем, фунт перьев, преобразуется в энергию, равную работе пятнадцати миллионов лошадиных сил в течение часа. Понял ли кто-то из вас теперь, почему «Мэйфлауэр» собирали на орбите и почему он не может приблизиться ни к какой планете?

— Слишком жарко будет, — предположил кто-то.

— «Слишком жарко» — не то слово. Если бы «Мэйфлауэр» стартовал с Мохавского космодрома, весь лос-анджелесский округ мегалополиса Южная Калифорния превратился бы в лужу лавы, а люди до самой Нижней Калифорнии погибли бы от радиации и жары. И теперь вы должны понять, почему по всему кораблю проходят щиты и отделяют силовую установку и факел от всего остального.

К несчастью, с нами был Крикун Эдвардс, он ведь жил с нами в одной каюте. Он спросил:

— А если необходим какой-то ремонт?

— Все в полном порядке, — заверил его мистер Ортега. — В энергетическом преобразователе нет никаких подвижных частей.

Крикун не унимался:

— А если что-то разладится, как вы сможете это наладить, если вам туда не подойти?

Крикун говорил очень запальчиво, и когда мистер Ортега ответил, голос его звучал несколько нетерпеливо:

— Поверь мне, сынок, даже если бы ты мог туда подойти, тебе бы не захотелось. Никогда!

Крикун фыркнул:

— Я могу только сделать вывод, что, если понадобится ремонт, его невозможно будет произвести. Зачем же тогда держат на корабле главных инженеров-механиков? Какой в них прок?

Стало так тихо, что, упади сейчас здесь булавка, было бы слышно. Мистер Ортега покраснел.

— Ну как же, ведь, я полагаю, должен кто-то отвечать на дурацкие вопросы юнцов вроде тебя,— он повернулся ко всем остальным: — Есть еще вопросы?

Естественно, после этого никто не захотел ничего спрашивать. Он добавил:

— Я думаю, на первый раз достаточно. Урок окончен.

Позже я обо всем рассказал папе. Он помрачнел и сказал:

— Думаю, что главный инженер Ортега вам рассказал не всю правду.

— Как?

— Прежде всего, у него достаточно работы по эту сторону щита — сколько там вспомогательного оборудования! Но и до факела добраться можно, если возникнет такая необходимость.

— Да? А как?

— Существует определенная регулировка, которую приходится производить только в крайних случаях. В экстренной ситуации мистер Ортега имеет гордую привилегию нарядиться в скафандр, прогуляться в открытом космосе на корму и совершить такую регулировку.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что помощника инженера-механика через несколько минут после этого назначают инженером-механиком. Главных инженеров подбирают очень тщательно, Билл, и учитывают при этом не только их технические знания.

Меня внутри будто холодом обдало, думать об этом мне больше не хотелось.

7. СКАУТЫ В КОСМОСЕ

Когда остынет первоначальное возбуждение, путешествие в космическом корабле превращается в одно из скучнейших в мире занятий. Пейзажи мимо не проплывают, никакой работы нет, и нет даже места, где можно было бы ею заняться. Нас в «Мэйфлауэр» набилось около шести тысяч, в такой теснотище яблоку негде было упасть.

Возьмем палубу *B* — там спали две тысячи пассажиров. Сто пятьдесят футов в длину от носа до кормы и чуть поменьше пятисот футов по окружности, цилиндрическая форма. В среднем выходит около сорока квадратных футов на пассажира. А сколько еще места занято лестницами, проходами, перегородками и прочим. В результате у каждого хватает пространства ровно для его койки, да столько же — чтобы стоять, пока он не спит.

На таком пространстве не устроишь родео и даже не организуешь игру в «голубое-розовое».

Палуба *A* была побольше, а палуба *C* — поменьше, так как находилась ближе к оси, но в среднем места оставалось столько же. Совет установил дифференцированную систему времени, чтобы как можно рациональнее использовать камбуз и столовые и чтобы мы не спотыкались друг о друга в умывалках. Палуба *A* жила по гринвичскому времени, на палубе *B* установили зону времени «плюс-восемь», или часового пояса Западного тихоокеанского побережья, а на палубе *C* существовала зона времени «минус-восемь» — филиппинское время. Конечно, в результате у нас могли бы быть и разные даты, но дни официально отсчитывались по гринвичскому времени; разделение на пояса ввели только для облегчения порядка приема пищи.

Единственное, о чем мы обязаны были помнить, так это время еды. По утрам вставали рано, не усталые, не раздраженные, и ждали завтрака. Когда завтрак оставался позади, главная проблема заключалась в том, чтобы убить время до обеда. А вся вторая половина дня тянулась в непрестанном ожидании потрясающего события — ужина.

Должен признаться, что принудительную школу нам устроили не зря: два с половиной часа каждое утро и все послеобеденное время у нас были заняты. Некоторые из взрослых ворчали, что мы вечно торчим в столовых и во всех свободных помещениях во время наших уроков, а чего они от нас хотели? Чтобы мы подвешивались на верхние крюки? Сидя в классах, мы занимали куда меньше места, чем если бы свободно повсюду бегали и болтались под ногами у взрослых.

И все-таки это была довольно необычная школа. В трюме лежали запакованные обучающие машины, но мы не могли к ним подобраться, да этого все равно было бы недостаточно, чтобы продвигаться в науках. В каждом классе числилось десятка два ребят и один из взрослых, который что-нибудь о чем-нибудь знал. (Вы бы удивились, когда поняли бы, какое количество взрослых не знают ничего ни о чем!) Взрослые рассказывали нам о том, что лучше всего знали, ребята слушали, и после мы задавали взрослому вопросы. А потом он спрашивал нас. Настоящих-то экзаменов не было; не было ни опытов, ни демонстраций, ни стерео.

Папа говорил, что это лучшая разновидность школы, что университет должен состоять из доски с преподавателем на одном конце и с учеником на другом, вроде качелей. Но папа у меня романтик. Такая была скучища, что не стоило даже пытаться вести дневник: я бы смог достать микропленку — но даже не стал доставать. Время от времени мы с папой по вечерам играли в криббедж — папа каким-то образом ухитрился, не нарушая ограничения в весе, уложить доску и колоду карт. Но он так часто был занят всякими техническими проектами, которые разрабатывал для совета, что времени для игры у него просто не было. Молли попросила, чтобы я научил ее играть, я так и сделал. Потом я обучил Пегги, и она играла здорово для девчонки. Меня немного беспокоило, что я изменяю Анне, сближаясь с Пегги и ее матерью, но я решил, что Анна захотела бы, чтобы я вел себя именно так. Анна всегда проявляла ко всем дружелюбие.

И все-таки у меня оставалось много свободного времени. Ведь при одной трети g и мало двигаясь, я не мог спать больше, чем шесть часов в сутки. Свет выключался на восемь часов, но нас не заставляли сразу ложиться в постель, особенно после тех труд-

ностей, которые возникали в связи с этим в первую неделю. После того как гасили свет, я слонялся по коридорам и валял дурака, обычно вместе с Хэнком Джонсом, пока мы оба не начинали клевать носом. Мы очень много разговаривали. Хэнк оказался не таким уж скверным парнем, если вовремя ставить его на место.

У меня все еще был мой скаутский костюм: я сложил его и держал в койке. Однажды Хэнк подошел, когда я стелил утром постель, и заметил его.

— Послушай, Уильям, — сказал он, — что ты так за него держишься? Пусть мертвое прошлое хоронит своих мертвецов.

— Не знаю, — признался я. — Может, там, на Ганимеде, скауты будут.

— Что-то я об этом не слыхал.

— А почему бы и нет? На Луне скауты есть.

— Это ничего не значит, — сказал он.

Но после нашего разговора о скаутах, у Хэнка появилась блестящая идея: а почему бы не организовать отряд скаутов уже сейчас, на «Мэйфлауэре»? Мы созвали сбор. Пегги известила о нем всех через младший совет, и мы назначили его на пятнадцать тридцать в тот же день, сразу после уроков. То есть пятнадцать тридцать по времени палубы *A*, или гринвичскому. Для ребят с палубы *B* это получалось в семь тридцать утра, а для палубы *C* — за полчаса до полуночи. Ничего удобнее для всех мы просто не могли подобрать. Ребята с палубы *B*, если хотели, могли поторопиться с завтраком и сразу прибежать на сбор, а обитатели палубы *C* могли не ложиться спать до начала сбора.

Пока все собирались, я играл на аккордеоне, потому что отец Хэнка сказал, что до начала собрания надо воодушевить людей музыкой. Мы призывали явиться на сбор «всех скаутов и бывших скаутов», и к пятнадцати сорока все собрались и столпились в коридорах; хотя мы имели в своем распоряжении самую большую столовую, там все не поместились. Хэнк призвал ребят к порядку, а я отложил аккордеон и выполнял роль секретаря: для такого случая я одолжил у офицера связи магнитофон. Хэнк произнес короткую речь. Нетрудно было предположить, что он станет политическим деятелем, когда вырастет. Он сказал, что для всех нас ясна необходимость товарищества, продолжения славных традиций

скаутской организации на Земле и что просто позор все это утратить. Что скаутские традиции — это традиции исследователей и первопроходцев, и нет более подходящего места и времени для всего этого, чем заселение новой планеты. Сам дух Дэниела Буна требует от нас, чтобы мы продолжали скаутскую деятельность.

Я и не думал, что он так сможет выступить. Но звучало это здорово. Он умолк и подмигнул мне. Я встал и сказал, что хочу предложить резолюцию. Потом я ее прочел: она была длинновата, но мы ее сократили. В ней говорилось:

«Да будет решено: мы, нижеподписавшиеся, скауты и бывшие скауты, из разных областей, а ныне пассажиры доброго корабля Мэйфлауэр, имея целью продолжать скаутские традиции и распространить скаутское движение на звезды, организуемся как бойскауты Ганимеда в соответствии с принципами и целями скаутской организации и, поступая так, утверждаем законы скаутства».

Возможно, это было слишком цветисто, но произвело впечатление.

Никто не смеялся. Хэнк сказал:

— Вы прослушали резолюцию, каковы ваши предложения? Кто-нибудь хочет ее поддержать?

Естественно, нас поддержали, со всех концов слышалось одобрение.

Тогда он попросил начать прения. Кто-то возразил, что не надо называть себя бойскаутами Ганимеда, раз мы еще не на Ганимеде. Его приняли холодно, и он заткнулся. Потом кто-то другой отметил, что Ганимед вовсе не звезда, и это делает заявление «распространить скаутское движение на звезды» бессмыслицей. Хэнк объяснил ему, что это поэтическая вольность, что в любом случае прибытие на Ганимед — шаг в верном направлении, что будут еще и следующие шаги. Как насчет «Звездного скитальца»? Тут поднялся такой шум, что ему пришлось замолчать. Самое тяжелое возражение последовало от «Миллиметрового» Мантца, небольшого паренька, который, однако, все же вырос из своих брюк. Он сказал:

— Господин председатель, это незаконный сбор. Вы не имеете никаких полномочий назначать новую скаутскую организацию.

Как член полномочного отряда номер девяносто шесть, Нью-Джерси, я возражаю в принципе против всей процедуры.

Хэнк спросил его, какие, по его мнению, полномочия имеет девяносто шестой отряд, Нью-Джерси, на орбите Марса? Кто-то взвыл:

— Вышвырнуть его вон!

Хэнк постучал по столу:

— Нет необходимости его вышвыривать, но так как брат Миллиметровый считает этот сбор незаконным, то и он принимает в нем участие незаконно. Ему разрешается удалиться, и председатель собрания не станет отныне принимать во внимание его мнение. Будем голосовать?

Провели голосование, и Хэнка единогласно избрали председателем организации. Он назначил ряд комитетов: организационный, для разработки планов и программ, для тестов и связей, и прочее. Последнему комитету поручалось выявить на корабле людей, которые раньше были вожатыми отрядов и верховными командирами, и назначить суд чести. На сборе присутствовали и слушали происходящее, наверное, около десятка взрослых. Один из них, доктор Арчибальд, член корабельной службы палубы *A*, заговорил:

— Господин председатель, я раньше был вожатым скаутов в Небраске. Я хотел бы предложить свои услуги новой организации.

Хэнк посмотрел ему прямо в глаза:

— Благодарю вас, сэр. Ваше предложение будет рассмотрено.

Доктор Арчибальд, кажется, здорово удивился, но Хэнк без запинки продолжил:

— Мы просим помощи всех вас, старших скаутов, мы нуждаемся в ней и ценим ее. Комиссии по связям поручается выявить имена всех тех, кто готов нам помочь.

Было решено, что у нас организуется три отряда, по одному на каждой палубе, так как всякий раз всем собираться одновременно неудобно. Хэнк попросил встать всех скаутов-разведчиков. Их оказалось слишком много, поэтому он попросил остаться стоять только «орлов». Нас насчитывалось около десятка. Хэнк распределил нас, «орлов», по палубам и велел заняться организацией отрядов, и в первую очередь подобрать командиров.

На палубе *А* нашлось только три «орла»: Хэнк, я и мальчишка из другой спальни, которого я раньше не встречал, Дуглас Макартур Окаджима. Хорошая получилась компания: я, Хэнк и Дуг, и я сразу почувствовал, что загружен работой. Мы с Хэнком собирались закончить сбор физическими упражнениями, но для этого не хватало места, поэтому я снова взялся за аккордеон, и все спели «Тропу скаутов» и «Зеленые холмы Земли». Потом мы все хором повторили торжественную клятву:

«Честью своей клянусь, что изо всех сил буду стараться выполнять свой долг перед Богом и своей планетой, что буду развивать в себе физическое здоровье, ум и моральную чистоту».

После клятвы сбор закончился.

Некоторое время мы собирали отряды каждый день. Между сборами отрядов, заседаниями комитетов и собраниями командиров и разведчиков у нас совершенно не оставалось свободного времени. Сначала отряды назывались просто «Отряд А», «Отряд В» и «Отряд С» по названиям палуб, но нам захотелось придумать более выразительные названия, чтобы каждый отряд имел собственное лицо. Во всяком случае, мне хотелось как-то именовать свой отряд: мы собирались начать вербовку новых членов, и привлечь их надо было чем-то более живым, чем «Отряд палубы А».

Кто-то предложил «Космические крысы», но при голосовании это название не прошло, тогда кто-то другой предложил «Дети Мэйфлауэра» — за это название и голосовать не стали, его просто отвергли. После того как мы забаллотировали «Пилигримов», «Отряд глубокого космоса», «Звездных скитальцев» и «Выше в небо», встал паренек по имени Джон Эдвард Форбс-Смит.

— Послушайте, — сказал он, — мы образовали три отряда на базе трех палуб с разными часовыми поясами, так ведь? У палубы *В* калифорнийское время, у *С* — филиппинское, а у нас — гринвичское, или английское. Почему бы нам не утвердить названия, в которых подтверждается этот факт? Мы, например, можем назвать себя отрядом Святого Георгия.

Бад Келли признал, что это идея прекрасная сама по себе, но лучше уж взять Святого Патрика вместо Святого Георгия: в конце концов, Дублин тоже живет по гринвичскому времени, а Патрик — более важный святой.

Форбс-Смит возразил:

— Это с каких же пор?

Бад крикнул:

— Да всегда так было, англичанин проклятый!

Тут уж мы все насели на них обоих, и было решено, что имен святых брать не будем. Но тут у Джонни Эдвардса появилось отличное предложение, основанное на той же идее: мы решили назвать свой отряд отрядом бойскаутов с Ганимеда имени Баден-Пауэлла, такое название связывало нас с английским часовым поясом и никого не обижало. Нашу идею поддержали: отряд палубы *С* назвал себя именем Агинальдо, а палуба *В* выбрала для себя Хуниперо Серра. Когда я это услышал, я пожалел, что наша палуба не живет по калифорнийскому времени, тогда мы сами могли бы его выбрать. Но я с этим примирился: в конце концов, Баден-Пауэлл — тоже очень гордое имя.

Вообще-то все эти имена были достаточно хороши: все трое были разведчиками, исследователями и настоящими мужчинами. Двое из них никогда не имели случая стать скаутами в узко организационном значении этого слова, но все они были скаутами, то есть разведчиками в широком смысле, как Дэниел Бун.

Папа говорит, что от названия — очень многое зависит.

Как только девчонки прослышали про наши дела, они сразу же организовали отряды для девочек, и Пегги стала членом отряда имени Флоренс Найтингейл. Я ничего в этом дурного не вижу, но почему девчонки во всем подражают мальчишкам и копируют все их действия? Все же мы были слишком заняты, чтобы обращать на них внимание: мы пытались возродить скаутскую деятельность в новых условиях. Мы решили утвердить те же ранги и знаки, которые каждый мальчик имел в прежней организации, — то есть звания, а не должности. Если ты был раньше командиром отряда или секретарем, это не имело значения, но если на Земле ты был «орлом», в бойскаутской организации Ганимеда ты и оставался «орлом», если был «щенком» — членом младшей группы, — то таким оставался и здесь. Если у мальчика не было документа, что он скаут, — а у половины ребят его не было, — мы официально утверждали те его звания, о которых он сообщал под скаутской клятвой.

Это-то было просто, а вот устраивать тесты и раздавать нашивки — не очень. Не может же мальчишка сдать экзамен на пасечника, если у вас нет пчел. (Правда, после выяснилось, что среди грузов было несколько замороженных и усыпленных роев, но мы их так и не использовали.) Зато мы могли выдавать нашивку и удостоверение тем, кто специализировался в гидропонике, и проводить для них практику и тесты прямо на корабле. Мистер Ортега устроил нам тест по космической инженерии, капитан Харкнесс — по баллистике и астрогации. К концу пути у нас набралось достаточно тестов и испытаний, чтобы любой мальчик мог получить звание «орла», раз уж у нас имелся суд чести.

Суд чести появился самым последним. По какой-то причине, которую я никак не мог понять, Хэнк все время откладывал рассмотрение окончательного решения комитета по связям — того комитета, который должен назначать скаутских вожатых, специалистов и тому подобное. Я спросил об этом Хэнка, но он только напустил на себя таинственный вид и сказал, что я сам увижу. И скоро действительно я увидел. Мы наконец собрали объединенный сбор всех трех отрядов, чтобы утвердить скаутских вожатых и назначить членов суда чести и все такое. И с тех пор до самого конца всем стали управлять взрослые, а нам снова осталось всего только командовать отрядами и патрулями. Ну и ладно — хотя бы повеселились, пока держалась наша власть.

8. ТРЕВОГА

Когда мы находились в пути уже пятьдесят три дня и до Ганимеда оставалась всего неделя, капитан Харкнесс заставил корабль прецессировать, и мы могли видеть, куда направляемся, — мы, то есть пассажиры, для астронавтов это было без разницы. Понимаете ли, ось «Мэйфлауэра» была направлена почти точно к Юпитеру, а факел — назад, к Солнцу. Так как смотровые иллюминаторы расположены друг от друга под углом в девяносто градусов, мы все время могли разглядывать большую часть неба, но оно не было у нас в поле зрения ни впереди, на пути к Юпитеру, ни позади, по направлению к Солнцу. Теперь капитан наклонил

корабль на девяносто градусов, и мы крутились, если можно так выразиться, вокруг линии нашего полета. Таким образом, можно было видеть и Солнце, и Юпитер из любого иллюминатора, хотя и не одновременно.

Юпитер уже превратился в крошечный ярко-оранжевый диск. Некоторые мальчишки клялись, что различают луны. Если честно, лун я не видел, во всяком случае, первые три дня после того, как капитан прецессировал корабль. Но все равно было так здорово получить возможность разглядывать Юпитер. Марса по дороге мы так и не обнаружили, потому что Марс оказался за Солнцем, на расстоянии трехсот миллионов миль от нас. Мы ничего не видели, кроме прежних звезд, которые видны и с Земли. Даже астероиды не показывались.

На то имелась причина. Когда мы сошли с орбиты станции «Нью-Йорк-Верх», капитан Харкнесс вовсе не направил «Мэйфлауэр» по прямой туда, где будет находиться Юпитер, когда мы прибудем; вместо этого он поднял корабль над плоскостью эклиптики в северном направлении, поднял достаточно высоко, чтобы миновать пояс астероидов. Всем известно, что метеориты не представляют собой реальной опасности в космосе. Если только пилот не делает заведомой глупости, например не ведет свой корабль прямо сквозь голову кометы, практически почти невозможно столкнуться с метеоритом. Слишком между ними большое расстояние.

С другой стороны, пояс астероидов составляет значительную часть небесных отбросов. Старые корабли с ядерными двигателями обычно проходили через этот пояс наудачу, и ни один из них ни разу ни на что не наткнулся. Но капитан Харкнесс, имея в своем распоряжении буквально всю энергию мира, предпочитал для верности астероиды обойти. Так как мы пояс астероидов обогнули, что-нибудь могло бы в нас врезаться, только уж если, как говорится, волк в лесу сдохнет.

Так вот, этот самый волк-то и сдох. В нас что-то врезалось.

Это случилось сразу после подъема (по времени палубы *A*), как раз я заправлял свою койку. В руках я держал скаутскую форму и собирался сложить ее и сунуть под подушку. Я ее не носил

потому, что у других-то ведь не было формы, чтобы являться в ней на скаутские сборы. Но я все еще держал ее у себя в постели.

Вдруг я услыхал самый жуткий шум, какой когда-либо раздавался в моих в ушах. Точно из ружья кто-то выстрелил прямо у меня над ухом, и еще кто-то хлопнул стальной дверью, а какой-то великан разрывал и разрывал целые ярды материи, и все это одновременно.

Потом остался только звон в ушах, голова закружилась и на меня будто столбняк напал. С трудом я помотал головой, посмотрел вниз — оказалось, что я гляжу на свежую дыру в корабле, прямо у меня под ногами, величиной с кулак. Вокруг нее топорщилась изоляция, а в середине дыры я увидел черноту. Потом в ней промелькнула звезда, и я понял, что смотрю прямо в космос.

Что-то сильно шипело.

Не помню, чтобы я вообще о чем-нибудь в тот момент подумал. Я только скомкал свою форму, сел на корточки и сунул ее в дыру. С минуту казалось, что ее туда засосет, потом она сбилась в комок, застряла и дальше не пошла. Но воздух все еще выходил из корабля. Наверно, только в тот момент я и осознал, что мы теряем воздух и что задохнемся в вакууме. Кто-то визжал и кричал у меня за спиной, что его убили, а по всему кораблю объявляли тревогу. Невозможно было проследить за собственными мыслями. Герметическая дверь нашей каюты автоматически захлопнулась, заложилась прокладками — и мы оказались запертыми.

Это меня до смерти перепугало.

Понимаю, что это было необходимо. Понимаю, что лучше уж запечатать одно отделение, обрекая на смерть находящихся в нем людей, чем дать погибнуть всему кораблю, — но ведь я *сам*, лично, оказался в этом отделении. Наверно, у меня не героическая натура. Я чувствовал, как давление воздуха выталкивает наружу затычку, сделанную из моей формы. Какой-то частичкой мозга я припоминал, что форму рекламировали как «пригодную в тропиках самовентилирующуюся ткань», и пожалел, что она не сделана из твердой плащевой пластиковой ткани. Я боялся нажать на нее посильнее: как бы она не улетела совсем и не оставила нас тут дышать вакуумом. Я бы отдал десерты на десять лет вперед в обмен на один клочок резины размером с мою ладонь.

Крики было затихли, но ненадолго. Эдвардс Крикун бился в герметично закрытую дверь и выл:

— Выпустите меня отсюда! *Выпустите меня отсюда!*

На фоне всего этого шума раздался голос капитана Харкнесса, он вызывал через громкоговоритель:

— Эйч-двенадцать! Эйч-двенадцать! Доложите! Вы меня слышите?

И тут все заговорили одновременно.

Я во весь голос взревел:

— Тихо!

И через секунду действительно стало тихо. Пиви Бранн, один из моих «щенков», стоял передо мной и смотрел на меня круглыми глазами:

— Что случилось, Билли? — спросил он.

Я сказал:

— Дай-ка мне подушку с одной из коек. Живо!

Он сглотнул и выполнил приказание. Я сказал:

— Сними наволочку, быстро!

Он так и сделал, только очень долго возился, и протянул ее мне — но у меня не было свободной руки. Я сказал:

— Положи ее мне на руки!

Это была обыкновенная подушка из мягкой пенистой резины. Я вытащил из-под нее одну руку, потом другую, а потом встал на нее коленями и прижал руками. Она немного прогнулась в середине, и я уже испугался, как бы она не прорвалась, но она выдержала.

Крикун опять завопил, а капитан Харкнесс все еще просил, чтобы кто-нибудь из каюты эйч-двенадцать объяснил ему, что происходит. Я снова заорал:

— Тихо! — потом добавил: — Кто-нибудь, стукните Крикуна и заставьте его замолчать!

Идея получила всеобщее одобрение. Трое ребят кинулись ее выполнять.

— Теперь все молчите, — приказал я. — Долго молчите. Если Крикун еще раз откроет рот, стукните его снова. — Я постарался набрать в легкие побольше воздуха и произнес: — Эйч-двенадцать докладывает!

Голос капитана спросил:

— Что у вас за ситуация?

— В корабле дыра, капитан, но мы ее заткнули.

— Это как же? И дыра, она что — большая?

Я объяснил ему — и это было все, что требовалось. Добраться до нас было нелегко, потому что — я только после это обнаружил — наш отсек коридора был изолирован герметичными дверями, а это означало, что им пришлось эвакуировать всех людей из двух кают по обе стороны от нас и напротив. Но вскоре двое мужчин в скафандрах открыли нашу дверь и выставили всех ребят, кроме меня. Потом вернулись. Один из них был мистер Ортега.

— Теперь можешь встать, паренек, — сказал он, и через шлем его голос доносился словно откуда-то издалека.

Второй мужчина сел на корточки и продолжал держать подушку вместо меня. Мистер Ортега держал под мышкой большую металлическую пластину. На одном боку у нее была липкая прокладка. Я хотел остаться и посмотреть, как он будет ставить эту заплату, но он вывел меня из каюты и закрыл дверь. Коридор снаружи был пуст, но я постучал в герметически закрытую дверь, и меня впустили в то помещение, где ждали остальные. Они хотели знать, что происходит, но я не мог сообщить им никаких новостей, потому что меня выставили. Немного спустя мы почувствовали себя легкими, и капитан Харкнесс объявил, что на короткое время корабль перестает вращаться.

Мистер Ортега и второй мужчина вышли и поднялись в рубку управления. Вскоре после этого вращение совсем прекратилось и меня замутило. Капитан Харкнесс транслировал через корабельную систему оповещения все переговоры с людьми, которые вылезли наружу, чтобы чинить дыру, но я ничего не слушал. Пусть-ка попробует кто угодно чем-то интересоваться, когда его так мутит.

Вращение возобновилось: все вернулись на свои места, и нам разрешили вернуться в нашу каюту. Она выглядела по-прежнему, только лист металла был приварен к тому месту, куда попал метеорит.

Завтрак опоздал на два часа, а уроков у нас в то утро не было.

Вот как случилось, что я второй раз попал на капитанскую мачту.

Там были и Джордж, и Молли, и Пегги, и мистер Арчибальд, скаутский вожатый нашей палубы, и все ребята из моей каюты, и все корабельные офицеры. Остальные обитатели корабля наблюдали происходящее на экранах. Я хотел надеть свою форму, но она была вконец испорчена — порвана и вся в грязных пятнах. Я снял с нее свои знаки различия и выбросил ее в корабельный мусоросжигатель.

Первый помощник громко провозгласил:

— Капитанская мачта для наказаний и наград!

Все вроде как подтянулись, вошел капитан Харкнесс и встал перед нами. Папа вытолкнул меня вперед. Капитан посмотрел на меня и спросил:

— Уильям Лермер?

— Да, сэр! — отчеканил я.

Он сказал:

— Я прочту выдержку из вчерашней записи в бортовом журнале: *«Двадцать первого августа в ноль-семь-ноль-четыре по стандартному времени, курсируя в свободном полете согласно плану, корабль был пробит мелким метеоритом. Предохранительные люки сработали удовлетворительно, и отделение, которое оказалось пробито — каюта эйч-двенадцать, — было изолировано без серьезной потери давления во всем корабле. Отделение эйч-двенадцать — спальня; там во время аварии находилось двадцать пассажиров. Один из пассажиров, Уильям Дж. Лермер, наложил временную заплату из материалов, которые нашел под рукой, и ему удалось поддерживать достаточный уровень давления, чтобы люди могли дышать, пока до них сумели добраться ремонтники. Его сообразительность, быстрая реакция и точные действия спасли жизни всех, кто был в отделении».*

Капитан поднял голову от журнала и продолжал:

— Заверенная копия этой записи с подписями свидетелей будет переслана в Межпланетный Красный Крест с рекомендациями для незамедлительных действий. Другую копию мы вручим тебе. Мне нечем тебя наградить, вот разве что словами — прими мою сердечную благодарность. Я знаю, что говорю не только от имени офицеров, но и от лица всех пассажиров, особенно от родителей тех ребят, которые были в твоей каюте.

Он сделал паузу и поманил меня пальцем, чтобы я подошел поближе. И тихим голосом продолжил, обращаясь ко мне одному:

— Это действительно была отличная работа. Ты был на высоте. Имеешь право гордиться.

Я сказал, что считаю — мне просто повезло. Он ответил:

— Возможно. Но такое везение приходит к человеку, только когда он к нему готов, — он еще помолчал, потом спросил: — Лермер, ты когда-нибудь подумывал о том; чтобы учиться на космонавта?

Я ответил: наверно, думал, но никогда не относился к этому всерьез. Он сказал:

— Ладно, Лермер, если когда-нибудь так решишь, дай мне знать. Всегда можешь до меня добраться через Пилотскую Ассоциацию, Луна-Сити.

На этом проведение мачты закончилось, и мы пошли: мы с Джорджем вместе, а Молли и Пегги следом за нами. Я слышал, как Пегги говорила:

— Это *мой* брат!

Молли ее остановила:

— Молчи, Пегги. И не показывай на него пальцем.

Пегги обиделась:

— А почему нет? Он же и есть мой брат — что, разве не так?

Молли сказала:

— Да, правда, но не надо его смущать.

А я вовсе и не смущался.

Позже мистер Ортега разыскал меня и вручил маленький скрученный обломок металла величиной с пуговицу.

— Это все, что от него осталось, — сказал он, — но я решил, что тебе захочется его иметь — это тебе хоть как-то возместит твою испорченную скаутскую форму.

Я поблагодарил его и сказал, что ничего, пусть моя форма погибла, она ведь и мою шею тоже спасла. Я рассмотрел метеорит.

— Мистер Ортега, можно каким-нибудь образом определить, откуда он взялся?

— Не совсем, — ответил он, — разве что ты обратишься к ученым ребятам и попросишь его разрезать, тогда, может, тебе и уда-

ется что-нибудь выяснить. Если, конечно, ты не возражаешь, чтобы его уничтожить.

Я сказал, что нет, лучше я его сохраню — и так и сделал. Он по-прежнему всегда при мне — карманный сувенир. Ортега продолжал:

— Это или кусочек кометы, или обломок погибшей планеты. Точно трудно сказать, потому что там, где мы были, не должно было оказаться ни того ни другого.

— И все-таки — он там оказался.

— Да, как ты говоришь — оказался.

— Мистер Ортега, почему же поверхность корабля не покрывают броней, чтобы не пропустить такую маленькую штучку? — я вспомнил, как выглядела обшивка корабля, когда ее пробило: она казалась ужасно тонкой.

— Ну, во-первых, этот метеорит — настоящий гигант, такие редко встречаются. А во-вторых, знаешь ли ты что-нибудь о космических лучах, Билл?

— Да, наверно, не так уж много.

— Ты несомненно знаешь, что первичная космическая радиация свободно проникает сквозь человеческое тело и не вредит ему. Это то, с чем мы сталкиваемся здесь, в космосе. Но металл для этих лучей не совсем прозрачен, и, когда они сквозь металл проходят, то выбивают из него много всякого другого — вторичную, третичную и четвертичную космическую радиацию. Радиация развивается лавинообразно и становится уже совсем не безопасной. Она может вызывать мутацию и причинить тебе и твоим потомкам массу вреда. Словом, человеку в космосе всего безопасней, когда его защищает слой поверхности корабля только-только достаточный, чтобы сохранить для него воздух внутри и обезопасить от наружных ультрафиолетовых лучей.

Ближайшие два дня Крикун в каюте особо не возникал, нечего ему было сказать, и я уже решил, что, наверно, он получил хороший урок. Но я ошибся. Однажды я наткнулся на него в одном из нижних коридоров, когда никого рядом с нами не оказалось.

— Хочу с тобой потолковать, — объявил он.

— О'кей, — согласился я. — Выкладывай, что у тебя на уме.

— Воображаешь, что ты очень умный? — спросил он,

Не понравилось мне ни то, что он сказал, ни то, каким тоном он это сделал. Я ответил:

— Вовсе я не *не воображаю* себя умным. Я и *есть* умный.

— Ишь ты, воображала нашелся. Хочешь, небось, чтобы я тебе ручку целовал и благодарил за то, что ты мне спас жизнь, да?

Я сказал:

— Ах, вон оно что? Если это тебя волнует, можешь выбросить из головы: я вовсе не для тебя старался.

— Знаю-знаю, — ответил он, — и я тебе нисколько не благодарен, понял?

— Подходяще, — одобрил я. — Вовсе мне ни к чему, чтобы парень вроде тебя считал себя мне благодарным.

Он тяжело задышал:

— С меня хватит! Терпеть еще от тебя...

Следующее, что я почувствовал, был сильный удар кулаком в челюсть. Я упал. На ноги я поднялся с предосторожностями, пытаясь застичь его врасплох. Но это было бесполезно, он снова сбил меня с ног. Я попытался пнуть его лежа, но он вовремя отскочил. После третьего удара я остался лежать надолго. Когда в глазах у меня перестали кружиться звезды, он уже исчез — а я так и не успел его даже пальцем тронуть. Я никогда не был силен в драках: обычно я все еще работаю языком, когда давным-давно пора пустить в ход кулаки. Я пошел к бачку в водой и умылся. Тут неведомо откуда появился Хэнк и спросил, какого дьявола я тут делаю. Я сказал ему, что наткнулся головой на дверь. Папе я сказал то же самое.

Крикун больше меня не беспокоил, и мы с ним с тех пор не разговаривали. В эту ночь я долго лежал без сна, пытаясь разобраться в том, что произошло. И не мог. Тот парень, который выдумал басню насчет того, что «стал сильнее в десять раз, поскольку чист душой», — определенно никогда не встречался с Эдвардсом Крикуном. На мой взгляд, от Крикуна ничего хорошего не дождешься, и я страшно пожалел, что не заткнул его рожей пробитую метеоритом дыру. Я уже и так думал и этак, как бы мне с ним разделаться, но ничего толкового не придумал. Как говорит папа, есть ситуации, из которых просто не существует выхода.

9. ЛУНЫ ЮПИТЕРА

До нашего приближения к Юпитеру ничего особенного больше не случилось, только вот исчез один четырехлетний мальчик. Его родители все обыскали и объявили по радио из рубки управления, чтобы все внимательно смотрели везде, но его так и не нашли. Итак, у скаутской неотложной службы появилась работа.

Корабельные офицеры не могли организовать поиски, потому что там и были-то только капитан и два вахтенных офицера. Да еще мистер Ортега с его помощником. Капитан Харкнесс предоставил план каждому из скаутских вожатых, и мы обрыскали весь корабль с той тщательностью, с какой мальчишка перетряхивает свою одежду в поисках полукредита. В течение двадцати минут мы нашли малыша. Оказалось, что этот дьяволенок забрался в помещение для гидропоники, когда там еще работали люди, а потом его заперли.

Пока он там находился, ему захотелось пить и, естественно, он попробовал растворы, которые используют для поливки растений. Результат был именно таким, какого можно было ожидать. Все это не причинило ему особого вреда, но как он все заблевал! Посмотрели бы вы, в каком виде было после него помещение!

В тот же вечер за игрой я поговорил об этом с папой. Пегги отправилась на сбор девчонок-скаутов, Молли тоже куда-то ушла, и впервые мы остались одни. Мамаша этого младенца такую истерику закатила, как будто на самом деле случилось что-то ужасное — то есть я хочу сказать, ну что страшного может случиться в космическом корабле? Не выпадет же младенец за борт.

Папа сказал — ее реакция была совершенно естественной.

Я спросил:

— Послушай, Джордж, тебе не кажется, что у некоторых эмигрантов вовсе нет тех качеств, которые требуются, чтобы стать колонистами?

— М-м-м... возможно...

Я вообще-то думал о Крикуне, но упомянул миссис Тарбаттон, которая совсем скисла и даже нигде не показывалась, и ту женщину, миссис Григсби, которую назначили мыть посуду.

И еще одного мужчину по фамилии Сондерс, который то и дело вступал в пререкания с советом, пытаясь жить своей собственной жизнью — бесцеремонно и независимо, не обращая внимания на то, какие неудобства он причиняет остальным.

— Джордж, как же такие люди прошли психологические тесты?

Джордж прекратил игру, потом спросил:

— Билл, ты слыхал когда-нибудь о политическом влиянии?

— О чем, о чем? — удивился я.

— Это позорное явление, я понимаю, но ты уже достаточно взрослый, чтобы видеть мир таким, каков он есть, вместо того, каким он должен быть. Возьми такой гипотетический пример: я думаю, что племянница государственного советника просто не может не выдержать психологических тестов. О, на самом-то деле она запросто завалит первый же из них, но комиссия примет нужное решение, если только советник действительно хочет, чтобы его племянница прошла.

Сначала до меня не доходило. И это говорит Джордж! Это совсем на него не похоже, ведь он не циник. Я — да, я-то циник, но Джордж обычно бывает наивен в таких вещах.

— Получается, Джордж, психологические тесты вообще бессмысленны, если такая публика все равно может проскочить.

— Совсем наоборот. Обычно тесты проводятся по-честному. А если кто-то их обходит правдами и неправдами, так это неважно. Старая Матушка-Природа в конечном счете о них позаботится. Тот, кто выживет, — выживет. — Он стасовал колоду и сказал: — Подожди, что я с тобой сделаю в этом коне. Ты пропал!

Он всегда так говорит. Я сказал:

— Всякий, кто таким образом использует свое общественное положение, должен быть уволен.

Джордж мягко согласился:

— Да. Но не горячись, сынок, мы ведь имеем дело с людьми, а не с ангелами!

Двадцать четвертого августа капитан Харкнесс снял вращение и начал готовиться к тому, чтобы нас высадить. Больше четырех часов мы сбавляли ход, а потом перешли на свободный

полет, примерно в шестистах тысячах миль от Юпитера, с противоположной стороны от той, где тогда находился Ганимед. Невесомость по-прежнему не была развлечением, но на этот раз мы были к ней готовы, и все, кто нуждался в уколах, сделали их. Я тоже не стал дурить и позволил себя уколоть.

Теоретически, «Мэйфлауэр» мог обойтись одним сложным маневром, выйдя после падения скорости на круговую орбиту близко к Ганимеду. Практически гораздо лучше было подобраться поближе, избегая столкновения с метеоритами, то есть с «ложными кольцами».

Разумеется, у Юпитера нет таких колец, как у Сатурна, но в той же плоскости, что и его луны, летает множество мелкого небесного мусора. Если бы его накопилось достаточно, он бы выглядел, точно кольца Сатурна. Пока его не так уж много, но пилоту уже приходится вести себя так, будто он преодолевает местность, на которой лежат хрупкие яйца. Так как мы приближались медленно, это дало нам возможность хорошо понаблюдать за Юпитером и его спутниками.

Бóльшая часть того мусора, с которым мы старались не столкнуться, находилась в той же плоскости, что и экватор Юпитера, именно таким образом расположены кольца Сатурна, — так что капитан Харкнесс провел нас над верхушкой Юпитера, прямо над его северным полюсом. Таким образом, мы ни разу не попали в опасную зону, пока не свернули по другую сторону от планеты, чтобы добраться до Ганимеда, — а к тому времени мы летели уже совсем медленно. Но, пролетая мимо северного полюса Юпитера, мы уже летели ничуть не медленно — вот уж нет! Мы делали более тридцати миль в секунду и подобрались к нему совсем близко, примерно на тридцать тысяч миль. Вот было зрелище! Диаметр Юпитера составляет около девяноста тысяч миль, и тридцать тысяч — это слишком близкое расстояние, чтобы реагировать на него спокойно.

Я как следует разглядел его через один из смотровых иллюминаторов, но минуты через две пришлось уступить место тем, кто еще не видел, и смотреть по видиоэкрану в каюте. Странное это было зрелище: мы обычно представляем себе, что по Юпитеру бегут как бы две ленты, параллельные экватору. Но отсюда, с его

«макушки», ленты выглядели кругами. Он напоминал громадную мишень для стрельбы из лука, выкрашенную оранжевым, кирпично-красным и коричневым, — но совсем не видно было другой его половины. Потому что она скрывалась в тени. Прямо на полюсе темнело какое-то пятно. Нам сказали, что это зона постоянно чистой погоды, что небо там всегда спокойное и всегда ясно видна поверхность. Я смотрел, но мне не удалось ничего разглядеть: просто темное место.

Когда мы перелетели через вершину, из затемнения неожиданно возникла Ио — спутник номер один. Величиной Ио примерно с нашу Луну. В тот момент она находилась от нас на таком же расстоянии, как Луна от Земли, так что и размер был примерно такой же.

Только что было сплошное черное небо, и вдруг появился кроваво красный диск; не прошло и пяти минут, он уже сверкал почти таким же ярко-оранжевым светом, как сам Юпитер. Ио просто выскочила в небо, словно по волшебству. Я высматривал сателлит Барнарда, когда мы оказались поблизости от того места, но пропустил его. Это маленький спутник, он расположен меньше чем в одном диаметре Юпитера от его поверхности и делает полный оборот вокруг планеты за двенадцать часов. Меня он интересовал, потому что я знал, что на нем находится юпитерианская обсерватория и что там базируется проект «Юпитер». Может быть, я ничего и не пропустил: сателлит Барнарда всего-то сто пятьдесят миль в диаметре. Говорят, что человек, подпрыгнув на нем, может навсегда улететь в космос. Я спросил об этом Джорджа, а он сказал — ничего подобного, вторая космическая скорость составляет около пятисот футов в секунду и кто только забил мне голову подобной ерундой? Я после проверил, он оказался абсолютно прав. Папа просто сундук, полный всевозможных бесполезных сведений. Он уверяет, что нужно любить факт ради него самого.

Каллисто осталась позади нас, мы миновали ее, но не очень близко. Европа была справа по нашему курсу, почти в девяноста градусах, мы видели ее в полуфазе. Она лежала за четыреста тысяч миль от нас и не казалась такой красивой, как Луна с Земли. Ганимед был от нас почти по прямой линии, и он все время рос на экране. Забавно: Каллисто серебристая, точно Луна, но не такая

яркая, Ио и Европа — ярко-оранжевые, как и сам Юпитер, а Ганимед виделся тусклым! Я спросил об этом Джорджа, он и это знал, как всегда:

— Ганимед раньше был такой же яркий, как Ио и Европа, — объяснил он мне, — это парниковый эффект: ловушка для тепла. Иначе мы не смогли бы там жить.

Об этом-то я, конечно, знал: парниковый эффект — самая важная часть атмосферного проекта. Когда в 1985 экспедиция высадилась на Ганимед, температура поверхности была градусов двести ниже нуля — достаточно холодно, чтобы человеческая доброта замерзла в самом зародыше!

— Но послушай, Джордж, — возразил я, — про ловушки для тепла я, конечно, знаю, но почему он такой темный? Словно его засунули в мешок.

— Свет — это тепло, тепло — это свет, — ответил он. — В чем разница? На поверхности не темно: свет проникает туда и не уходит, это очень удобно.

Я заткнулся. Это было что-то новенькое для меня, и я как следует не понял, так что решил подождать и не ломать себе голову.

Капитан Харкнесс снова начал замедлять ход корабля, когда мы подошли к Ганимеду, и мы очень вкусно поели, пока работали двигатели. В состоянии свободного падения я бы никогда не смог есть, даже под действием укола. Харкнесс выровнял корабль по круговой орбите на расстоянии тысячи миль от Ганимеда. Мы прибыли — теперь только надо было дождаться кого-то, кто доставит нас на место.

Именно по пути на поверхность Ганимеда я начал подозревать, что быть колонистом — совсем не так славно и романтично, как казалось с Земли. Вместо трех кораблей, которые свезли бы нас всех сразу, появился только один корабль, «Джиттербаг», и он мог бы поместится в одно из отделений «Бивреста». В него одновременно влезало только девяносто человек, и это означало, что придется сделать много рейсов.

Мне повезло: пришлось только три дня ждать своего рейса в состоянии невесомости. Но я потерял десять фунтов. Пока мы

ждали, я работал, помогая складывать те грузы, которые с каждым рейсом доставлял «Джиттербаг». Наконец, наступила наша очередь, и мы погрузились в «Джиттербаг». Это был ужасный корабль. Палуб у него не было, вместо них тянулись какие-то полки на расстоянии всего четырех футов друг от друга. Воздух был спертый, и после очередного рейса там даже как следует не убрали. Индивидуальных коек для того, чтобы перенести ускорение, вообще не было: застилали всю палубу подушками, и мы лежали на них, плотно прижатые друг к другу, плечом к плечу, так что в глаза все время попадали чьи-то ноги.

Капитаном была громкоголосая пожилая женщина, которую называли «капитан Хэтти», и она орала на нас и приказывала нам поторапливаться. Она даже не стала тратить время на то, чтобы проверить, все ли мы привязались ремнями.

К счастью, рейс длился не очень долго. Она так резко взяла с места, что я, впервые после тестов, ненадолго вырубился; потом мы падали минут двадцать, она снова затормозила, и мы приземлились с ужасным толчком. И капитан Хэтти заорала на нас:

— Эй, кроты, вылезайте! Приехали!

На «Джиттербаге» был почти чистый кислород, а не смесь кислорода с гелием, как на «Мэйфлауэре». Там мы были при давлении в десять фунтов, теперь же капитан Хэтти сбросила давление и сделала его нормальным для Ганимеда, три фунта на один квадратный дюйм. Конечно, при давлении в три фунта кислорода жить можно — на всей Земле так, остальные двенадцать фунтов составляет азот. Но если внезапно снижают давление, становится трудно дышать: вы не задыхаетесь по-настоящему, но ощущение такое же.

К моменту высадки мы чувствовали себя скверно, а у Пегги пошла носом кровь. Никаких подъемников не было, нам пришлось спускаться по веревочной лестнице. А холод какой!

Падал снег, вокруг завывал ветер и раскачивал лестницу — самых маленьких ребятишек пришлось опускать на веревках. На почве было около восьми дюймов снега, кроме тех мест, где двигатели «Джиттербага» растопили его. Я с трудом мог видеть, так хлестал по лицу ветер, но какой-то мужчина схватил меня за плечо, развернул и заорал:

— Двигайся! Все время двигайся! Вон туда!

Я направился туда, куда он указал. На краю обширного расчищенного пространства стоял другой мужчина, он пел ту же самую песню, и оттуда по снегу шла тропинка, вытоптанная до слякоти. Я разглядел других людей, которые исчезали в снегу впереди, и направился за ними, рысцой, чтобы не замерзнуть. Наверно, до убежища оставалось полмили, и все время донимал холод. Одеты мы были явно не по погоде. Я промерз насквозь, а ноги совершенно промокли к тому времени, как мы вошли внутрь.

Убежище было большим зданием типа ангара, и там оказалось ненамного теплее, потому что дверь все время была распахнута, но все-таки оно защищало от непогоды, и было славно оказаться в помещении. Оно буквально ломилось от людей, некоторые были в корабельных костюмах, а глядя на других, сразу скажешь: эти — ганимедяне. Невозможно было ошибиться и не узнать колонистов.

Они были бородатые, а некоторые отрастили длинные волосы. Я решил, что не стану следовать их примеру: буду гладко выбривать щетину, как Джордж. Я начал повсюду шнырять, пытаясь отыскать Джорджа и компанию, наконец мне это удалось. Он нашел какой-то тюк и усадил на него Молли, а она держала на коленях Пегги. Я обрадовался, когда увидел, что у Пег перестала идти носом кровь, но все лицо у нее было в высохших слезах, крови и грязи. Словом, видок у нее был еще тот!

Джордж выглядел мрачным, примерно таким он ходил в первые дни, когда оказался без своей трубки. Я подошел и сказал:

— Эй, люди!

Джордж обернулся, на его лице появилась улыбка, и он ответил:

— Ох, Билл, надо же, и ты здесь! Ну и как оно все?

— Если хочешь знать мое мнение, — ответил я, — по-моему, все довольно бестолково.

Он снова помрачнел и сказал:

— А я думал, со временем все уладят.

У нас не оказалось возможности это обсудить. Возле нас остановился колонист, снег покрывал его сапоги, а длинные волосы свисали на лицо. Он засунул в рот два пальца и свистнул.

— А ну, заткнитесь, — скомандовал он. — Мне нужны двенадцать крепких мужчин и мальчишек, чтобы грузить багаж.

Он огляделся и стал тыкать пальцем:

— Ты — ты — и ты...

Джордж оказался девятым «ты», я — десятым. Молли начала протестовать. Наверно, если бы она промолчала, Джордж и сам стал бы спорить. Но вместо этого он сказал:

— Нет, Молли, по-моему, это нужно сделать. Пошли, Билл.

И мы снова вышли на холод. Снаружи стоял грузовик на гусеничном ходу, мы погрузились в него и стоя поехали обратно к ракете. Папа проследил, чтобы меня послали внутрь «Джиттербага»: он хотел защитить меня от непогоды, и мне пришлось принять еще дозу ругани капитана Хэтти: мы не в состоянии были работать достаточно быстро, и это ее не устраивало. Но наконец мы все-таки выгрузили из корабля багаж — к тому времени, как я вышел из корабля, он уже весь был в грузовике. На обратном пути мы опять замерзли.

Молли и Пегги не оказалось на том месте, где мы их оставили. Большая комната почти опустела, и нам велели пройти в другое здание через внутреннюю дверь. Я видел, что Джордж очень расстроен из-за того, что Молли исчезла.

Внутри другого здания мы обнаружили две крупные надписи со стрелками: «МУЖЧИНЫ И МАЛЬЧИКИ — НАПРАВО» и «ЖЕНЩИНЫ И ДЕВОЧКИ — НАЛЕВО». Джордж живо свернул налево. Он прошел ярдов десять, и тут его остановила женщина со строгим лицом, одетая, как колонистка, в комбинезон.

— Вам в другую сторону, — сказала она твердо. — Здесь дорога в спальню для женщин.

— Да, знаю, — согласился папа, — но я хочу найти мою жену.

— Вы можете поискать ее за ужином.

— Я хочу видеть ее сейчас.

— Я не имею возможности искать кого бы то ни было в такое время. Вам придется подождать.

— Но...

Мимо нас стали проталкиваться несколько женщин, направлявшиеся в спальню. Папа узнал в одной из них нашу соседку по палубе «Мэйфлауэра».

— Миссис Арчибальд!

Она повернулась:

— Мистер Лермер! Как поживаете?

— Миссис Арчибальд, — настойчиво произнес папа, — не могли бы вы найти Молли и дать ей знать, что я ее жду здесь?

— О чем разговор, мистер Лермер! Конечно.

— Спасибо, миссис Арчибальд, тысяча благодарностей.

— Не за что.

Она свернула по проходу, а мы ждали, не обращая внимания на суровую с виду охранницу. Через некоторое время появилась Молли без Пегги. Можно было подумать, будто папа не видел ее целый месяц.

— Я не знала, что делать, дорогой, — сказала она. — Нам велели идти, и мне казалось, что лучше побыстрее устроить Пегги на ночь. Я знала, что ты нас найдешь.

— И где сейчас Пегги?

— Я уложила ее спать.

Мы вернулись назад, в главный холл. Там стоял стол, за которым сидел какой-то мужчина. У него над головой белела надпись: «ИММИГРАЦИОННАЯ СЛУЖБА — ИНФОРМАЦИЯ». Перед этим столом выстроилась целая очередь, мы встали в хвост.

— Как Пегги? — спросил папа.

— Боюсь, что она простудилась.

— Я надеюсь... — начал папа. — Надеюсь... а-апчхи!

— И ты тоже, — обвиняющим тоном сказала Молли.

— Я вовсе не простудился, — объяснил папа. — Это просто рефлекс.

— Гм-м, — усомнилась Молли.

Дальше очередь тянулась мимо маленького балкончика. Два мальчика моего возраста, облокотившись о перила, разглядывали нас. Они явно были колонистами, один из них пытался отращивать бороду, и она торчала у него клочьями.

Один мальчишка повернулся к другому и сказал:

— Рэйф, погляди-ка, что они нам теперь присылают.

Другой сказал:

— Это грустно.

Первый мальчик показал на меня пальцем:

— Возьмем вот этого — артистический тип, сразу видно.

Второй уставился на меня задумчиво.

— А он живой? — спросил он.

— Неважно, — ответил первый.

Я повернулся к ним спиной, и они оба захохотали. Терпеть не могу воображал.

10. ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Перед нами в очереди стоял мистер Сондерс. Он был недоволен холодом. Он сказал, что возмутительно подвергать людей воздействию погодных условий, как это сделали с нами. Он был вместе с нами в рабочей группе, но не очень-то много работал.

Мужчина за столом пожал плечами:

— Дату вашего приезда назначила колониальная комиссия, от нас это не зависело. Не можете же вы требовать, чтобы мы отложили зиму ради вашего удобства.

— Я этого дела так не оставлю!

— Ваше право, — чиновник за столом вручил ему бланк. — Следующий, пожалуйста, — он посмотрел на папу и спросил: — Что я могу сделать для вас, гражданин?

Папа спокойно объяснил, что хочет быть вместе со своей семьей. Мужчина покачал головой:

— Сожалею. Следующий! Пожалуйста.

Папа остался стоять на месте:

— Вы не можете разлучить мужа и жену. Мы не рабы, не преступники, не животные. Иммиграционная служба безусловно несет за нас какую-то ответственность.

Чиновнику явно надоело его выслушивать:

— Это самая большая партия людей, которую мы должны принять. Мы сделали все, что могли. Это же пограничный пункт для устройства иммигрантов, а не Астор.

— Все, чего я прошу — это минимального места для проживания с семьей, как указано в справочнике Комиссии по Ганимеду.

— Гражданин, эти обещания написаны на Земле. Наберитесь терпения, и о вас позаботятся.

— Завтра?

— Нет, не завтра. Через несколько дней — или через несколько недель.

Папа взорвался:

— Ах, несколько недель, вот как! К чертям, я лучше выстрою себе в поле и́глу, чем с таким мириться.

— Это ваше право. — Чиновник вручил папе листок бумаги. — Если хотите пожаловаться, напишите здесь.

Папа посмотрел на листок, и я тоже. Это был отпечатанный бланк, адресованный в Колониальную комиссию на Земле! Чиновник продолжал:

— Верните жалобу мне в любое время на этой фазе, чтобы ее вовремя успели ультрамикрофильмировать и она могла поступить в почту на обратный рейс «Мэйфлауэра».

Папа взглянул на бумажку, фыркнул, смял ее в комок и зашагал прочь. Молли пошла за ним, на ходу его успокаивая:

— Джордж! Джордж! Не расстраивайся. Мы это переживем.

Папа робко улыбнулся:

— Конечно, родная. Меня убивает совершенство этой системы. Все жалобы направляются в главную контору — за полмиллиарда миль отсюда!

На следующий день аллергический насморк Джорджа разыгрался так, что у него потекло из носу. Пегги стало хуже, Молли тревожилась о ней, а папа пришел в отчаяние. Он куда-то пошел, чтобы поскандалить насчет организации дела. Откровенно говоря, лично мне было не так уж и плохо. Спать в общежитии было совсем не трудно: я мог бы проспать даже трубный глас, возвещающий день Страшного суда. А кормили так, как и обещали. Послушайте только: на завтрак нам дали кукурузные лепешки с сиропом и настоящим маслом, немного колбасы, настоящую ветчину, клубнику с такими густыми сливками, что я даже не понял, что это; чай, молока вволю, пей сколько влезет,

томатный сок, ломоть дыни, яйца — тоже вволю, сколько хотелось.

На столе у всех на виду стояли общие сахарница и солонка, правда, на солонке было крупно написано: «ЭКОНОМЬТЕ СОЛЬ». Кофе отсутствовал, но я бы и не заметил, если бы Джордж не попросил. Не было и некоторых других продуктов, хотя это дошло до меня не сразу. Например, никаких фруктов из тех, что растут на деревьях: ни яблок, ни груш, ни апельсинов. Но какая разница, если можно есть клубнику, арбуз, ананас и все такое? Древесных орехов тоже не давали, зато был жареный арахис. Всякая выпечка из муки считалась роскошью, но поначалу ее отсутствие тоже как-то не замечалось.

На обед нам предоставили большой выбор блюд: кукурузная похлебка или консоме в виде желе, жареный цыпленок или говядина с капустой, кукурузные зерна с сиропом, баклажаны *au gratin**, крошечные жемчужные луковички, тушеные с огурцами, фаршированные помидоры, бататы «Сюрприз», жаренная по-немецки ирландская картошка с подливкой, рубленая капуста со сметаной, ананас и творог с салатом. Потом шло мятное мороженое, пирог с вареньем, взбитые желтки с вином, замороженный крыжовник и три вида пудинга — но с десертами я не очень разобрался. Попытался попробовать всего, накладывая себе чуточку того и немножко другого, и, пока пришел черед десертов, у меня в животе уже места не хватило. Наверно, я малость объелся.

Стряпня не была особенно изощренной, так обычно готовят в скаутских лагерях, но продукты все первый сорт — такие невозможно испортить. Обслуживание тоже напоминало мне лагерь: вставай в очередь, чтобы тебе чего-то положили, никаких тебе скатертей или салфеток. А тарелки приходилось мыть: их нельзя было выбрасывать или сжигать, их ведь доставляли с Земли и они были на вес урана.

В первый день отобрали пятьдесят мальчиков и девочек, которые стояли в очереди за едой, и еще пятьдесят, которые последними закончили есть, и заставили их убирать и мыть посуду. На другой день порядок переменили: взяли среднюю группу. Я по-

* Под корочкой *(фр.)*.

пался оба раза. В первый день на ужин давали грибной суп, запеченную ветчину, жареную индейку, горячий кукурузный хлеб с маслом, холодное заливное мясо, аспарагус со сливками, картофельное пюре с гусиным соусом, маисовый пудинг, шпинат с крутым яйцом и тертым сыром, горошек с морковью со сливками, тушеный салат-латук и еще три вида салатов, замороженный крем, пудинг с изюмом, виноград — и снова клубника с сахарной пудрой.

Кроме того, если захочется, в любое время можно было прийти на кухню и получить чего-нибудь поесть.

Первые три дня не особо тянуло выходить из дома. Шел снег, и, хотя мы, когда прилетели, оказались в солнечной фазе, было довольно темно, Солнца почти не видно, а Юпитера — того и подавно. К тому же часть времени приходилась на затмение. Холода стояли зверские, а у нас все еще не было подходящей одежды. Однажды меня послали с хозяйственным грузовиком в город за продуктами. Города я почти не видел, да Леду и нельзя назвать городом, если ты жил в Диего-Боро, зато я посмотрел гидропонические фермы. Их было три: огромные сараи, по нескольку строений каждый. Назывались они, смотря по тому, что в них выращивали, «Оаху», «Имперская долина» и «Айова». Ничего особенного в них нет, обычное огородничество без почвы. Я не мог долго присматриваться, потому что мерцающее освещение, которым стимулируют рост растений, слепило глаза.

Но что меня заинтересовало, так это тропические растения, которые выращивали в «Оаху», — многих из них я никогда раньше не видел. Я заметил, что большинство растений помечены буквами «МГ», а на немногих были прикреплены таблички «ОЗ». Один из садовников объяснил мне, что «МГ» означает — «Мутации Ганимеда», а «ОЗ» — «Обычные Земные».

Позднее я обнаружил, что все растения, которые выращивают на Ганимеде, представляют собой мутации, приспособленные к природным условиям Ганимеда. Кроме этих ферм было еще одно строение под названием «Техас». Там стояли настоящие коровы, и оно меня очень заинтересовало. Вам известно, что корова постоянно двигает нижней челюстью из стороны в сторону? И, что бы

вам ни говорили, ни один сосок ее вымени не дает сливок. Неохота было отсюда уходить, но запах в «Техасе» стоял такой же, как в космическом корабле. Короткая пробежка по снегу — и я попал в магазин, где совершается вся купля-продажа в Леде, все большие и малые лавки находятся под одной крышей. Я присмотрелся к товарам, собираясь привезти какой-нибудь подарок для Пегги, раз она заболела. Но когда узнал цены...

Подобного шока я никогда в жизни не испытывал! Если бы я купил в этом магазинчике те жалкие пятьдесят восемь фунтов барахла, которые было разрешено взять с собой, они обошлись бы мне — чистую правду говорю! — в несколько тысяч кредитов. Все, что привозилось с Земли, стоило диких денег. За какой-то паршивый тюбик крема для бритья нужно было заплатить двести восемьдесят кредитов! Продавались там и предметы, изготовленные на Ганимеде, в основном ручная работа. Они тоже были дорогие, хотя и не сравнить с ценами, которые заламывали за вещи, привезенные с Земли.

Я поскорее выбрался из этого места. Насколько я мог себе представить, единственной дешевой вещью на Ганимеде была еда. Водитель тягача поинтересовался, где это я шлялся вместо того, чтобы помогать в погрузке.

— Следовало бы тебя тут оставить, прогулялся бы пешочком, — проворчал он.

Я не подыскал подходящего ответа и промолчал.

Вскоре после этого зиму отменили. Накопители тепла повернули на полную мощность, небо прояснилось, и стало очень даже неплохо. Впервые я разглядел небо над Ганимедом вскоре после рассвета на следующей солнечной фазе. Накопители тепла сделали небо бледно-голубым, но на нем светился Юпитер, ярко-красный и огромный. Большой и красивый — никогда мне не надоело бы любоваться Юпитером! Земная Луна в полнолуние выглядит большой, правда? Так вот, Юпитер с Ганимеда кажется в шестнадцать или в семнадцать раз крупнее Луны и покрывает поверхность неба в двести пятьдесят раз большую. Он так и висит в небе, не всходит и не заходит, и остается только удивляться, что же его там держит. Сначала я увидел его в полуфазе — и мне даже

в голову прийти не могло, что он бывает еще прекраснее. Но Солнце передвигалось по небосводу, и через день Юпитер приобрел форму серпа — и сделался еще лучше. В середине солнечной фазы мы, естественно, попали в затмение, а Юпитер стал огромным сияющим красным кольцом в небе; ярче всего сияние было там, где позади него проходило Солнце.

Но самым удивительным он предстал тогда, когда наступила фаза полной темноты.

Пора, наверно, объяснить действие этих фаз: я ведь и сам их не понимал, пока не попал на Ганимед. Ганимед такая маленькая планетка, и она так близко находится к своей главной планете, что приливные волны в горных породах затормозили ее вращение — точно так же, как это произошло с Луной; Ганимед все время повернут к Юпитеру одной и той же стороной, потому-то Юпитер и не движется в ее небе. Солнце движется, другие юпитерианские спутники движутся, звезды движутся, но только не добрый старый Юпитер — он просто висит, и все тут. Оборот вокруг Юпитера у Ганимеда занимает немногим больше земной недели, поэтому у нас три с половиной дня светлые, а после — три с половиной дня темноты. По ганимедскому времени период оборота считается ровно одной неделей, а ганимедские двадцать четыре часа составляют одну седьмую от этого периода.

Исходя из этих расчетов, получается, что ганимедская минута примерно на одну стандартную секунду дольше, чем земная минута, но какая разница? Ученые, ясно, с этим считаются, но у них есть часы, которые показывают оба времени. Так что неделя протекает на Ганимеде следующим образом. Солнце встает в полночь в воскресенье каждую неделю; когда вы просыпаетесь в понедельник утром, оно уже чуть поднялось над восточным горизонтом, а Юпитер — в половинной фазе. Солнце продолжает подниматься все выше, и, примерно, к ужину во вторник оно проходит позади Юпитера. На Ганимеде становится темно, тьма может продолжаться час или больше, максимум — до трех с половиной часов. Зажигаются звезды, а Юпитер проявляет этот самый эффект великолепного красного кольца благодаря своей плотной атмосфере. И после опять становится светло: к тому времени, как нужно ложиться спать во вторник. В полдень четверга Солнце

опускается, и у нас начинается темная фаза, это красивее всего. Тут проявляются все настоящие краски Юпитера, и легче наблюдать другие луны. Они могут оказаться в любом месте и в любых сочетаниях.

Юпитер и его спутники представляют собой в некотором роде Солнечную систему в миниатюре, а с Ганимеда можно все наблюдать, как бы сидя в первом ряду. В небесах всегда что-нибудь новенькое. Кроме одиннадцати «исторических» сателлитов разных размеров, от Ганимеда и до Джей-Десять, или Николсон-Альфа, — это шар, сложенным из скал и льда, всего в пятнадцать миль величиной, — имеется, еще, наверно, дюжина всего по нескольку миль или еще меньше в диаметре, но достаточно крупных, чтобы называться лунами, и Бог знает сколько еще мельче. Иногда эти маленькие луны подходят близко к Ганимеду, и тогда видны их диски, орбиты лун чаще всего сильно эксцентричны. Несколько из них во всякое время светятся заметными огоньками в небе, точно так планеты видны с Земли.

Но Европа и Каллисто всегда имеют вид дисков. Когда Европа проходит между Юпитером и Ганимедом, она выглядит, как Луна с Земли. Она действительно такой же величины, как Луна, а в эти периоды ее отделяют от нас всего четверть миллиона миль. Потом она сворачивает и отодвигается в самый дальний конец — и становится много мельче. Теперь до нее больше миллиона миль, и поперечник ее вчетверо меньше. Ио проходит те же стадии перемен, только она никогда не бывает настолько крупной. Когда Ио и Европа проходят между Ганимедом и Юпитером, вы можете видеть невооруженным глазом, как они двигаются, догоняя свою тень или убегая от нее, в зависимости от фазы. Ио и Европа, находясь в орбите Ганимеда, никогда не удаляются от Юпитера на большое расстояние. Ио держится примерно в пределах двух диаметров от великана, Европа способна отойти от него на шестьдесят градусов.

Каллисто расположена дальше, чем Ганимед, и ходит по всему небосводу. Это зрелище никогда не надоедает. Только здесь начинаешь понимать, какое все-таки земное небо *унылое*. К шести часам утра субботы Юпитер входит в полную фазу, и сто́ит встать пораньше, чтобы это увидеть. Это не только самое роскош-

ное зрелище из всех, какие мне довелось наблюдать, но тут происходит еще и обратное затмение, и вы можете следить, как тень Ганимеда, крошечная черная точка, скользит по поверхности старика Юпитера. И вы начинаете осознавать, насколько *велик* Юпитер — прямо колосс, раз тень всей вашей планеты, падая на него, кажется всего лишь пятнышком.

В Юпитере девяносто тысяч миль поперек экватора, сорок восемь тысяч от полюса до полюса. А в Ганимеде немногим более трех тысяч. В течение следующих двух дней после полной фазы Юпитер начинает уменьшаться, и к полуночи воскресенья он снова в половинной стадии, а Солнце встает, и опять начинается светлая фаза. Но я напрасно ожидал обнаружить, что солнечное освещение здесь тусклое. Юпитер очень далек от Солнца, он получает всего одну двадцать седьмую той доли солнечного света, который достается Земле, и я предполагал, что тут всегда сумерки.

Но все это совершенно не так. Мне стало казаться, что Солнце здесь такое же яркое, как на Земле.

Джордж говорит, что это оптическая иллюзия и что причина ее в том, как работает человеческий глаз. Радужная оболочка глаза попросту отсеивает тот свет, который ей не нужен. Яркий солнечный свет где-нибудь в земной пустыне, может быть, имеет такую же силу, как свет лампы в десять тысяч свечей с расстояния в один фут, а на Ганимеде — этот свет всего как у лампы в четыреста свечей с того же расстояния. Но по-настоящему хорошее яркое искусственное освещение составляет всего двадцать пять свечей, а в «хорошо освещенной комнате» и того меньше.

Если у вас всего только двухгаллонное ведро, какая разница, наполните вы его из океана или из маленького пруда? Солнечный свет на Ганимеде — нечто большее, чем может воспринять глаз, поэтому на вид он такой же яркий, как на Земле.

Но я все-таки заметил, что загореть здесь почти невозможно.

11. ИЗДОЛЬЩИКИ

Джордж получил для нас жилище, когда мы прожили на Ганимеде около недели. Ему повезло гораздо больше, чем другим

эмигрантам, но он вовсе не был этим доволен, не нравилось все это и Молли, да и меня тоже не устраивало. Для того чтобы получить для нас квартиру, ему пришлось пойти на штатную должность инженера колониального управления, а это тянуло за собой целую кучу осложнений: ведь теперь он будет слишком связан своим положением, чтобы взять участок земли для строительства собственного дома. Правда, эта должность давала ему отдельную квартиру, если можно назвать квартирой две комнаты примерно двенадцать на двенадцать футов каждая.

Дело обстояло так: жители колонии делились на желающих построить себе дома на собственных участках и на городских. Горожане работали на местные власти и жили в казенных домах — за исключением немногих, которые открывали собственное дело. В число горожан входили представитель колониальной комиссии, капитан Хэтти, инженеры по гидропонике, медицинский штат, инженеры, работающие на электростанции и на тепловой установке, местный штат проекта «Юпитер» и все, кто работал в любом месте и на любой должности, не связанной с фермерством. Но большинство колонистов хотели обрабатывать свои участки; именно этим намеревался вместе с нами заниматься Джордж. Как все остальные, мы прибыли сюда в расчете на обещанный бесплатный участок земли и на возможность самим выращивать для себя продукты.

Бесплатная-то земля была, целая планета. Но построить дом и основать свою ферму — это ведь совсем другое дело. Предполагалось все таким образом. Колонист с семьей прибывает с Земли и высаживается в Леде. Колониальное управление по прибытии дает ему квартиру в городе, предлагает участок земли для обработки и помогает построить там дом. Правление будет кормить его и его семью в течение земного года — то есть двух ганимедских, — пока он не культивирует два-три акра. Затем ему даются десять ганимедских лет, чтобы расплатиться с управлением. Расплата состоит в том, что он освоит по крайней мере еще двадцать акров для управления. При этом он имеет право в то же время обработать столько же земли и для себя. К концу пяти земных лет он владеет славной маленькой фермой, все бесплатно и без всяких долгов. После этого он может развивать собственное хо-

зяйство, приобретать еще землю, заниматься торговлей и всем, что понравиться. Он встал на ноги и выплатил все долги.

Колониальное управление вложило громадный капитал в атмосферный проект, прежде всего чтобы приспособить планету для жизни. Земля, обработанная колонистами, должна окупить эти вложения; наступит день, когда Колониальное управление будет владеть на Ганимеде тысячами акров лучшей обработанной земли, которую оно тогда сможет продавать Земле для следующих поселенцев. И тогда, если вы захотите эмигрировать с Земли, вам придется платить за эту возможность, и платить немалую цену. Люди вроде нас не смогут такого осилить. К тому времени, когда Ганимед уже закроют для свободной иммиграции, на Каллисто появится атмосфера, пионеры смогут прибывать туда и начинать там все с начала. Банкиры называют это «самоликвидацией», при том, что первоначальные капиталовложения должны поступать с Земли.

Но на деле это вылилось вот во что: когда мы прибыли, на Ганимеде было всего около тридцати тысяч жителей, и планировалось принимать ежегодно (по земному счету) около пятисот иммигрантов: больше корабли старых типов просто не могут доставить. Вы ведь помните, что этим кораблям с ядерным реактором требуется больше пяти лет на путешествие туда и обратно, и для того чтобы привозить ежегодно такое количество людей, понадобится целый флот.

Тут-то «Звездный скиталец-II» переименовали в «Мэйфлауэр» и отдали его Колониальному управлению, в результате чего на Ганимед обрушилось сразу шесть тысяч человек. Мы оказались здесь не более желанными, чем гости, явившиеся с ночевкой в семью, где лежит тяжело больной. Целый земной год колонисты знали, что мы прибываем, но не имели возможности протестовать. В то время как с Земли можно отправить на Ганимед любое сообщение во всякую минуту, за исключением ситуации, когда на пути стоит Солнце; лучший радиопередатчик, которым может похвастаться колония, вынужден радировать на Марс, чтобы оттуда сообщение передали на Землю, да и то только тогда, когда Марс максимально приближается к Юпитеру, — а такой ситуации как раз и не было. Должен признать, они все-таки сделали для нас все, что смогли.

Кормили нас отменно, и им удалось приготовить для всех спальные места. Здание Станции приема иммигрантов прежде разделялось на отдельные помещения для семейных; теперь же перегородки разобрали и использовали их для того, чтобы сколотить топчаны в общих спальнях, в которые нас свалили. Зал для городских собраний перевели в другое здание, а старое помещение превратили в столовые и кухню для нас. Иммигрантов защитили от непогоды и хорошо кормили, хотя мы продолжали существовать почти в такой же теснотище, как на «Мэйфлауэре».

Вы можете спросить: почему же они за целый год не подготовились к нашему приезду, почему не выстроили нам новые дома? Так вот, мы тоже удивлялись, только мы не спрашивали, а требовали и в отчаянии выходили из себя! Но оказалось, что новые дома не выстроили просто потому, что не смогли. До появления землян Ганимед был голой обледенелой скалой. Это, конечно, каждому известно — но понимает ли кто-нибудь, что это значит? Я, например, определенно не понимал.

Ни лесоматериалов. Ни листового железа. Ни изоляционных материалов. Ни проволоки. Ни стекла. Ни труб. Поселенцы Северной Америки строили хижины из бревен — но здесь не было и бревен. Большие гидропонические сараи, пункт приема иммигрантов и несколько других зданий были построены из материалов, доставленных с Земли за полмиллиарда миль. Остальные здания Леды и каждая ферма свободных поселенцев с великим трудом были выстроены из местного камня. Тут все из кожи вон вылезли, чтобы сделать для нас все возможное. Только мы этого ничуть не оценили.

Конечно, нам грех было жаловаться. В конце концов, как напомнил Джордж, первые поселенцы в Калифорнии умирали с голоду, никто не знает, что сталось с роанокской колонией, а две первые экспедиции на Венеру погибли до последнего человека. Мы же были целы и невредимы. В крайнем случае, даже если нам приходилось первое время мириться с бараками, вокруг нас были все эти свободные земли. Правда, при ближайшем рассмотрении оказалось, что ждать нам, похоже, придется долго. Вот почему Джордж сдался и пошел в штат на должность инженера. Ближайшие к городу земельные территории, открытые для свободного заселения, находились за девять миль. Чтобы найти достаточно

земли для шести тысяч человек, большинству из них требовалось отправиться за восемнадцать-двадцать миль.

Что такое двадцать миль? Несколько минут на метро, прыжок вверх и вниз для геликоптера — но, братцы, проходили ли вы когда-нибудь такой путь пешком? А потом — обратно?

В принципе расселить шесть тысяч человек на таком расстоянии от города возможно. Просто это трудно и требовало времени. Обычно вперед отправлялся пионер-разведчик с ружьем и топором; поселенцу же предоставляли быков, запряженных в фургон с мебелью и инструментами. Для быков двадцать миль ничего не значили.

Но на Ганимеде все было совсем не так. У колонии имелись два грузовика на гусеничном ходу, еще один доставили на «Мэйфлауэре». Вот и все транспортные средства для целой планеты — и не только чтобы расселить шесть тысяч человек, но и для повседневных нужд тридцати тысяч людей, которые прибыли сюда раньше нас. Все это нам объяснили на большом собрании глав семей. Меня туда вовсе не приглашали, но собрание проводилось на открытом воздухе, и ничто мне не мешало послушать. Там были главный эколог и главный инженер планеты, собрание вел председатель колониального совета. И вот каковы были перспективы. В чем Ганимед нынче действительно больше всего нуждался, так это не в фермерстве, а в промышленном производстве. Нужны были разведчики-старатели, фабрики, заводы, производящие машины. Нужны были всевозможные металлические предметы, которыми невозможно было обеспечить Ганимед, импортируя их с Земли. Ганимедцы хотели, чтобы мы работали именно над этим, и собирались кормить тех, кто согласится, не только целый год, но неопределенно долго.

Что же касается тех, кто станет настаивать на обработке собственных участков, — что ж, земли сколько угодно, только берите. А вот с машинами положение аховое, так что пройдет два-три года, прежде чем кому-нибудь из иммигрантов удастся обработать свой первый акр земли. Кто-то из первых рядов поднялся и закричал:

— Нас одурачили!

Мистеру Толли, председателю, очень долго пришлось всех успокаивать. Когда ему снова дали говорить, он сказал:

— Может, вас одурачили, может, нет. Это как посмотреть. Я вполне готов допустить, что здешние условия не совсем таковы, как вам их представляли, когда вы улетали с Земли. В самом деле...

Кто-то заорал:

— Как это мило с вашей стороны! — в голосе звучала издевка.

Мистер Толли раздраженно заявил:

— Или сохраняйте порядок, или я отказываюсь вести собрание и распускаю его.

Все замолчали, и он продолжал. Многие из присутствующих земледельцев обработали больше земли, чем смогут засеять. Они могли бы использовать наемную рабочую силу, чтобы вырастить урожай побольше. Каждого человека ждет работа, работа, которая научит его вести фермерское хозяйство на Ганимеде. Это прокормит его жену и детей, пока до него дойдет очередь получить участок. Чувствовалось, что у всей этой толпы мороз пробежал по коже, когда до каждого дошел смысл слов мистера Толли. Все вдруг оказались в положении Иакова, который отработал свои семь лет и услышал, что должен еще семь лет трудиться в поте лица, чтобы получить ту девушку, которая ему по душе. Я и сам чувствовал то же самое, хотя Джордж уже дал согласие работать в управленческом штате.

Слово взял мужчина:

— Господин председатель!

— Да? Ваше имя, пожалуйста?

— Меня зовут Сондерс. Не знаю уж, как на это смотрят остальные, но я фермер. Всегда им был. Я подчеркиваю — фермер, а не издольщик. Я сюда приехал не для того, чтобы наниматься к какому-то боссу. Можете взять себе эту вашу работу по найму и запихнуть ее куда угодно. А я настаиваю на своих правах.

Кое-кто стал аплодировать, толпа начала воинственно вскидывать головы. Мистер Толли посмотрел на оратора и сказал:

— Это ваше право, мистер Сондерс.

— Да? Что ж, я рад, что вам хоть это понятно, господин председатель. А теперь — шутки в сторону. Я хочу узнать две вещи: какой участок земли я получаю и когда предоставят сельскохозяйственные машины, чтобы привести его в должное состояние.

Мистер Толли ответил:

— Насчет первого вопроса вы можете проконсультироваться в земельном управлении. А по поводу второго... Вы же слышали, что сказал главный инженер. Он рассчитывает, что средний срок ожидания сельскохозяйственной техники будет примерно двадцать один месяц.

— Это слишком долго.

— Ничем не могу помочь, мистер Сондерс.

— Ну, так что вы предполагаете делать?

Мистер Толли пожал плечами и развел руками:

— Я не волшебник. Мы попросили Колониальное управление отправить на Землю с обратным рейсом «Мэйфлауэра» срочное распоряжение не присылать нам со следующим кораблем колонистов, но обеспечить нас машинами и оборудованием. Если они согласятся, возможно, к будущей зиме ситуация несколько облегчится. Но вы уже убедились — большинство из вас видело это своими глазами, — что Колониальное управление принимает решения, не посоветовавшись с нами. Первым рейсом «Мэйфлауэра» надо было привезти только грузы, а с людьми могли бы и подождать.

Сондерс задумался.

— К будущей зиме, вот как? Это же пять месяцев пропадет! Ладно, я человек благоразумный. Наверно, придется подождать. Но уж в издольщики не пойду — тут и речи быть не может!

— Я ведь не обещал, что вы сможете начать обработку собственного участка через пять месяцев, мистер Сондерс. Срок может оказаться двадцать один месяц — или еще дольше.

— Ну уж, это ни в коем случае!

— Как хотите. Но вы поставлены перед фактом, не перед теорией. И если вам придется ждать, а вы не желаете работать на кого-то другого, как же вы собираетесь тем временем кормить себя и свою семью?

Мистер Сондерс оглядел толпу и усмехнулся:

— Что ж, господин председатель, в таком случае правительству придется кормить нас до тех пор, пока оно не выполнит свои обязательства по отношению к нам. Я свои права знаю.

Мистер Толли посмотрел на него так, как будто он только что надкусил яблоко и обнаружил внутри мистера Сондерса.

— Вашим детям мы не дадим погибнуть от голода, — сказал он, — но что до вас, вы можете грызть хоть скалы. Не станете работать — не будете есть.

Сондерс пытался протестовать:

— Это вам даром не пройдет! Я подам в суд на Управление, и на вас подам, как на несущего ответственность правительственного чиновника! Вы не имеете права...

— *Заткнитесь!* — заорал на него мистер Толли и продолжал уже спокойнее, обращаясь ко всем нам: — Мы можем прояснить и этот пункт. Вас соблазнили приехать сюда розовыми обещаниями, и теперь ваше разочарование естественно. Но вы подписали контракт с Колониальным управлением там, на Земле. У вас нет контракта с общественным советом Ганимеда, а я его председатель, и граждане Ганимеда не должны вам ровно ничего. Мы стараемся вам помочь просто по своей порядочности и из сочувствия. Если вам не нравится то, что мы вам предлагаем, не пытайтесь навесить все ваши проблемы на меня. Я этого не потерплю. Разбирайтесь с представителем Иммиграционной службы. Он для того здесь и присутствует. Все, собрание закрыто.

Но представителя Иммиграционной службы тут вовсе не было: он и не подумал прийти на собрание.

12. ПЧЕЛЫ И НУЛИ

Нас одурачили, это уж точно. И было совершенно ясно, что никакого выхода нет. Некоторые из иммигрантов отправились на прием к представителю Колониальной службы, но ничего утешительного от него не услышали. Он объявил, что уже сложил с себя свои обязанности, по горло сытый невыполнимыми инструкциями, приходящими за пятьсот миллионов миль из управления на Земле, и тщетными попытками их выполнить. Он уезжает домой, как только сдаст дела сменщику. Все опять взбудоражились: если он может поехать домой, значит, и им можно. «Мэйфлауэр» все еще крутился над нами на орбите, загружаясь. Масса народу потребовала, чтобы их отправили на нем назад.

Капитан Харкнесс твердо сказал: нет, он не имеет права бесплатно перевозить их через половину Солнечной системы. Так что они снова накинулись на представителя Колониальной службы, жалуясь и протестуя еще громче. Наконец, мистер Толли и совет решили вопрос. Ганимеду не нужны недовольные и слабаки. Если Управление отказывается увести обратно тех, кто настаивает на том, что их одурачили, и не желает остаться, тогда следующий корабль не получит разрешения на выгрузку. Представитель сдался и написал Харкнессу распоряжение взять на борт пассажиров.

Наша семья обсудила эти события в палате у Пегги в больнице — так уж пришлось, потому что врачи держали ее там в комнате, где давление было, как на Земле. Остаемся мы или летим назад? Папа оказался в затруднительном положении. На Земле он, по крайней мере, работал сам на себя, здесь же он был только наемным служащим. Если уволиться и взять участок, ему придется два-три ганимедских года на кого-то батрачить, прежде чем он начнет основывать свое хозяйство. Но главным затруднением была Пегги. Несмотря на то что на Земле она выдержала все медицинские испытания, она не могла приспособиться к низкому давлению на Ганимеде.

— Надо смотреть правде в глаза, — сказал Джордж Молли. — Мы должны отправить Пег в те условия, к которым она привыкла.

Молли посмотрела на него: лицо у него вытянулось и стало длиной с мою руку.

— Джордж, ведь ты не хочешь возвращаться, правда?

— Не в этом дело, Молли. На первом месте — благополучие детей, — он повернулся ко мне и добавил: — Ты этим не связан, Билл. Ты достаточно большой, чтобы решать за себя самому. Если тебе хочется остаться, я уверен, это можно устроить.

Сразу я ничего не ответил. Я явился на это семейное сборище в жутко дурном настроении, и не только из-за того, как тут с нами обошлись, — меня сильно задели шуточки тех двух местных мальчишек-колонистов. Но, знаете, что меня завело больше всего? Эта палата с искусственным давлением. Я уже привык к низкому давлению, и оно мне нравилось. В палате у Пегги, где давление поддерживалось таким же, как земное нормальное, я

себя чувствовал так, будто плавал в теплом супе. Я едва мог дышать.

— Не думаю, что мне хотелось бы вернуться, — сказал я.

Пегги сидела в постели, следя за нами огромными глазищами, точно маленький лемур. Теперь она сказала:

— И я не хочу возвращаться.

Молли ничего не ответила, только похлопала ее по руке.

— Джордж, — сказала она, — я много об этом думала. Ты же не хочешь возвращаться, я знаю. И Билл не хочет. Но нам и не надо возвращаться всем. Мы могли бы...

— Об этом не может быть и речи, Молли, — твердо перебил ее папа. — Не для того я на тебе женился, чтобы нам жить врозь. Если приходится возвращаться тебе, вернусь и я.

— Я не об этом. Пегги может вернуться вместе с О'Фарреллами, а моя сестра ее встретит и позаботится о ней на Земле. Она ведь хотела, чтобы я оставила с ней Пегги, когда узнала, что я решила уезжать. Это хороший выход.

Говоря это, она смотрела мимо Пегги.

— Но Молли... — начал папа.

— Нет, Джордж, — перебила она. — Я все обдумала. Мой первый долг — это ты. Ведь о Пегги есть кому позаботиться: Феба будет для нее матерью и ...

К этому моменту Пегги перевела дыхание.

— Не хочу я жить с тетей Фебой! — завопила она и разревелась.

Джордж сказал:

— Так не получится, Молли.

— Джордж, еще и пяти минут не прошло, как ты был согласен оставить здесь Билла, совсем одного.

— Но Билл уже практически мужчина!

— Он еще недостаточно взрослый, чтобы жить одному. И я вовсе не говорю о том, чтобы оставить Пегги одну, Феба будет ее любить и заботиться о ней. Нет, Джордж, если все женское население сбежит домой при первых трудностях, никаких пионеров не будет. Пегги должна вернуться, но я остаюсь.

Пегги прекратила свое нытье ровно на то время, чтобы успеть сказать:

— Не поеду я назад! Не хочу! Я ведь тоже пионер — разве не так, Билл?

Я подтвердил:

— Конечно, Пег, конечно!

Подошел и похлопал ее по руке. Она схватилась за мою ладонь. Не знаю уж, что заставило меня сказать то, что я сказал дальше. Видит небо, эта пигалица всегда меня раздражала своими бесконечными вопросами и тем, что пыталась делать все, что делал я. Но я услышал свой голос, произносящий слова:

— Не беспокойся, Пегги. Если ты поедешь назад, я тоже с тобой поеду.

Папа посмотрел на меня с раздражением и повернулся к Пегги:

— Билл поторопился высказаться, детка. Ты не должна ловить его на слове.

Пегги спросила:

— Но ты ведь сказал это серьезно, разве нет, Билл?

Я уже пожалел о своих словах. Но сказал:

— Конечно, Пегги.

Пегги повернулась к папе:

— Видишь? Но это неважно. Мы ведь не возвращаемся, никто из нас. Пожалуйста, папа — я поправлюсь, я обещаю, что поправлюсь. Мне с каждым днем все лучше и лучше.

Так оно, конечно, и было — в палате с искусственным давлением. Я-то там сидел, обливаясь потом и жалея о том, что раскрыл рот.

Молли сказала:

— Тут уж мне нечего сказать. Что ты думаешь, Джордж?

— М-м-м...

— Ну?

— Что ж, я подумал, что можно ведь одну комнату у нас в доме держать под искусственным давлением. Я мог бы сделать в мастерской небольшой компрессор.

Пегги внезапно прекратила лить слезы:

— Это значит, что мне можно будет выйти из больницы?

— Пока, моя милая, это только идея. Но если папа сможет ее осуществить... — Молли, казалось, сомневалась. — Это не ответ на наши проблемы, Джордж.

— Вероятно, нет. — Папа поднялся и распрямил плечи. — Но я решил одно: мы все едем — или мы все остаемся. Лермеры держатся друг друга. Это решено.

Освоение собственных участков было не единственным, в чем мы ошиблись. На Ганимеде было скаутское движение, хотя весть об этом не дошла до Земли. После высадки мы больше не устраивали сборов скаутов «Мэйфлауэра»: все были слишком заняты, чтобы даже подумать об этом. Состоять в организации скаутов — большое удовольствие, но иной раз на это просто не остается времени. У отрядов Леды тоже не было сборов. Раньше они обычно встречались в городском зале, а теперь мы заняли его под столовую и лишили их места. Наверно, то, что мы оставили их ни с чем, не способствовало их дружескому расположению к нам. Однажды возле магазина мне навстречу попался какой-то мальчишка. Я заметил у него на груди маленькую нашивку. Она была самодельная и не очень аккуратная, но я ее разглядел.

— Эй! — окликнул я его.

Он остановился:

— Сам ты — «эй»! Ты что, меня зовешь?

— Ага. Ты же скаут, да?

— Конечно.

— И я тоже. Меня зовут Билл Лермер. Пожмем друг другу руки!

И я пожал ему руку скаутским пожатием. Он ответил тем же.

— А я Сергей Росков. — Он оглядел меня внимательно. — Так ты один из припозднившихся Джонни?

— Я прибыл на «Мэйфлауэре», — согласился я.

— Я это и имел в виду. Не обижайся — я же и сам родился на Земле. Значит, дома ты был скаутом. Это хорошо. Приходи к нам на сбор, и мы тебя снова запишем.

— Но я не выходил из скаутов, — возразил я.

— Как? А-а, я тебя понял: «Кто однажды стал скаутом, тот скаут навсегда!» Ну что ж, приходи, мы официально это подтвердим.

Это был весьма подходящий случай придержать язык. Но я этого не сделал — о нет! Когда звучит труба Судьбы, я обычно говорю, вместо того чтобы молчать. Я сказал:

— Это и так совершенно официально, официальнее не бывает. Я старший командир отряда Баден-Пауэлла.

— Вот как? Но ты оказался довольно далеко от своего отряда, разве не так?

Я ему все рассказал. Он слушал, пока я не закончил, и сказал спокойно:

— Значит, у вас, недорослков, хватило нахальства называть себя скаутами Ганимеда? Может, вы тут еще желаете что-нибудь захватить? Вы уже заняли наш городской зал — может, вы еще хотите спать в наших постелях?

— Ты что хочешь этим сказать?

— А ничего, — он вроде бы обдумывал ситуацию. — Просто дружеское предостережение, Билл...

— Ну?

— В этих местах только один старший командир отряда, и сейчас он перед тобой. Смотри, не ошибись на этот счет. Но все-таки приходи завтра на сбор, — добавил он. — Добро пожаловать. Мы всегда с радостью записываем новичков.

Я вернулся на приемный пункт и поискал там Хэнка Джонса. Рассказал ему все. Он смотрел на меня с восхищением:

— Уильям, старина, — сказал он. — Надо отдать тебе должное. Это ж какой талант надо иметь, чтобы вот так все испоганить. Все как есть. Это нелегко.

— Думаешь, я все испортил?

— Надеюсь, что пока не все. Что ж, поищем-ка дока Арчибальда и посоветуемся, что можно сделать.

Вожатый нашего отряда работал в больнице; мы подождали, пока разошлись пациенты, и вошли к нему. Он спросил:

— Вы что это — оба заболели или желаете немного посимулировать?

— Док, — сказал я, — мы ошиблись. На Ганимеде есть скауты.

— Это мне известно, — подтвердил он.

— Да-а? — удивился я.

— Мистер Гинзберг, мистер Брюн и я как раз ведем переговоры со старшими скаутскими властями местного отряда, чтобы условиться, каким образом наши отряды примут в местную организацию. Это довольно сложно из-за того, что практически на

«Мэйфлауэре» больше скаутов, чем во всей местной организации. Но они, разумеется, официально зарегистрированы.

Я сказал:

— А-а.

— Через несколько дней соберем общий сбор, тогда окончательно договоримся насчет условий.

Я хорошенько подумал и решил, что лучше ему рассказать все, что произошло. Он слушал, не произнося ни слова. Наконец, я сказал:

— Хэнк считает, что я все испортил. А как думаете вы, док?

— М-м-м... — он замялся. — По-моему, он неправ. Но должен признать, что ты отнюдь не помог в данной ситуации.

Что я мог на это сказать?

— Не смотри на все так трагически, — посоветовал доктор. — Все наладится. А теперь — бегите и не думайте об этом. Возможно, это не имеет никакого значения.

Но кое-что это все же значило. Док и другие улаживали все таким образом, чтобы наши отряды признали как официально существующие, с признанием всех наших рангов и званий. Но после того как Сергей разболтал всем о разговоре со мной, организованные скауты Ганимеда стали считать нас всего только кучкой новичков, независимо от того, кем мы были на Земле. Нам не оставалось ничего иного, как начинать с самого начала. Если мы чего-то стоили, мы должны были это доказать, пройдя испытания. Это было компромиссом. Джордж говорит, подобные споры всегда имеют компромиссные решения. Наши звания были утверждены с испытательным сроком в один ганимедский год, за этот год нам придется пройти испытания, которые здесь отличались от наших. Состав наших отрядов не изменили. Но ввели одно серьезное новшество.

Командиров в наши отряды назначили из состава скаутов Ганимеда: их перевели к нам из отряда Леды. Мне пришлось признать справедливость такого решения. Мог ли я быть отрядным командиром в здешних условиях, если так недавно живу на Ганимеде, что у меня еще не устоит нога *на меди*? Но другие ребята, бывшие командиры наших отрядов, не так легко с этим примирились, когда до них дошло, что во всех их неприятностях виноват я. Хэнк первый заговорил со мной на эту тему.

— Билл, дружище, — заявил он, — ты ведь понимаешь, что популярен теперь, как муравьи на пикнике?

— А мне что за дело? — спросил я.

— Очень большое. Для честных людей самое время выполнить *auto de fé**.

— Какого такого дьявола это означает?

— В данном случае это означает, что тебе лучше перейти в отряд Леды.

— Ты рехнулся? Ты же знаешь, что эти парни о нас думают, особенно обо мне. Я бы там уцелел только при большой удаче.

— Это только показывает, как мало тебе известно о человеческой природе. Естественно, первое время трудновато придется, но это скорейший путь завоевать уважение.

— Хэнк, ты в самом деле свихнулся. В том отряде я ведь и вправду стану новичком — да еще каким!

— В том-то и дело, — спокойно продолжал Хэнк. — Мы все новички, но здесь, в нашем собственном отряде, это не заметно. Если все так и оставить, мы еще долго будем новичками. Но если мы перейдем, мы окажемся вместе с ребятами, которые на самом деле знают, что почем, — и кое-что от их знания перепадет и нам.

— Ты сказал: «мы»?

— Я именно так сказал.

— Понял. Ты решил перейти, а потому изобрел всю эту историю, из-за которой придется перейти мне, а ты как бы хочешь составить мне компанию. Ну, ты прекрасный товарищ!

Он только усмехнулся, совершенно невозмутимо.

— Добрый старый Билл! Стукни только его по башке раз восемь или девять, и он тут же врубится в любую мысль! Это будет не так плохо, Билл. Ровно через четыре месяца и девять дней мы перестанем быть новичками, мы войдем в число опытных людей.

— Откуда такая точная дата?

---

* Auto de fé означает «акт веры». Первоначально в Португалии и Испании так называлось только оглашение, а впоследствии — и приведение в исполнение приговоров Святейшей инквизиции. В массовом сознании выражение в первую очередь закрепилось как сожжение на костре еретиков.

— Очень просто: как раз в тот день следующим рейсом прибудет «Мэйфлауэр», и как только *они* приедут, уже *они*, а не мы, станут припозднившимися Джонни.

— А-а, так!

Словом, так мы и сделали — и первое время приходилось тяжко, особенно мне... как в тот вечер, когда они настояли на том, чтобы я поделился с ними воспоминаниями о своем подвиге. Какой-то подонок разболтал им об истории с метеоритом. Но не таким уж страшным было это поддразнивание, и Сергей всегда останавливал ребят, если слышал их насмешки. Через некоторое время всем это надоело. Сергей вел себя так невыносимо благородно, что меня все время подмывало выдать ему пинка под зад. Из всего, что мне предстояло сделать, чтобы покончить с испытательным сроком и вернуть свое прежнее звание «орла», существенными были только две нашивки — за агрономию и за планетарную экологию, применительно к условиям Ганимеда. Оба предмета трудные, но их стоило изучить. На Ганимеде их необходимо знать, чтобы выжить, вот я ими и занялся.

Экология — самый сложный предмет из всех, какие я когда-либо изучал. Я поделился этими мыслями с Джорджем, и он сказал, что, наверно, политика еще хуже, а если вдуматься, то политика, возможно, только один из аспектов экологии. В словаре сказано, что «экология — наука о взаимодействии жизни организмов и их среды». Не так-то много это объясняет, правда? Это все равно что определить ураган как движение воздуха. Самое трудное в экологии — то, что никогда не знаешь, с чего начинать, так как все воздействует на все остальное. Если в Техасе не вовремя наступят заморозки, они могут воздействовать на стоимость завтрака на Аляске, эта стоимость, в свою очередь, повлияет на улов лосося, а он — на что-нибудь еще. Или взять ту старую историю из учебника: молодые холостяки отбыли в английские колонии, а это означает: дома остались старые девы, а старые девы заводят кошек, кошки ловят полевых мышей, а полевые мыши разрушают шмелиные гнезда, а шмели необходимы, чтобы опылять клевер, а рогатый скот поедает клевер, и рогатый скот обеспечивает старую Англию ростбифом, чтобы кормить солдат, которые будут защищать колонии, куда эмиг-

рировали холостяки, вызвавшие появление большого количества старых дев.

Не очень-то научно звучит, правда? Я хочу сказать, что тут слишком много переменных величин, их и не описать числами. Джордж говорит, что если вы не в состоянии взять единицу измерения и записать ее цифрами, значит, вы знаете о предмете слишком мало, чтобы иметь право назвать то, что вы с ним проделываете, «научным методом», что же касается самого Джорджа, так уж, спасибо, он будет придерживаться своей инженерии. Но в правилах экологии, установленных на Ганимеде, есть некоторые пункты, которые следует усвоить крепко-накрепко всем.

Хотя бы насекомые. На Ганимеде не наступают на насекомое ни при каких обстоятельствах. Когда человек впервые высадился на Ганимеде, там никаких насекомых не было и в помине. Все, которые теперь тут живут, появились потому, что так распорядился совет по бионике, а главный эколог согласился на такое вторжение. Он хочет, чтобы насекомые сохранялись там, где они есть, чтобы они делали то, что положено делать насекомым, пусть жиреют и плодят рои детенышей. Конечно, скаут и так никогда нарочно не наступит ни на какое живое существо, разве что на черных вдов или кого-нибудь в том же роде, но это правило прямо в мозг врезается после того, как тебе объяснили, что, если ты наступил на насекомое и был при этом застигнут, ты заплатишь хороший штраф, а кроме того, тебе придется выдержать ехидную лекцию о том, что без тебя колония обойдется прекрасно, а вот без насекомых навряд ли.

Или возьмем земляных червей. Я-то знаю, что они здесь на вес урана, потому что сам их покупал, прежде чем закончил курс. Фермер не может обойтись без земляных червей.

Приспособить насекомых к планете вовсе не так просто, как кажется. У Ноя было меньше трудностей с животными — каждой твари по паре, — потому что, когда воды схлынули, он все еще находился на планете, которая вполне подходила для его груза. А Ганимед — не Земля. Возьмем пчел — мы ведь привезли пчел в «Мэйфлауэре», но на волю их не выпустили, они все еще хранились в сарае под названием «Оаху» до лучших времен. Пчелам нужен клевер или что-то на него похожее. На Ганимеде клевер

расти будет, но он нам нужен главным образом, чтобы связать атмосферный азот и таким образом освежить обработанную почву. Мы пока клевер не сажали, потому что в воздухе еще не было азота, вернее, было, но слишком мало.

Но я опережаю события. Все это заставляет задуматься над инженерной стороной экологии. До нашего появления Ганимед был голой обледенелой скалой, страшно холодной и фактически лишенной атмосферы, имелись разве что только следы аммиака и метана. Так что самым безотлагательным делом было создать атмосферу, которой человек смог бы дышать.

Материал для нее был — лед. Предстояло использовать достаточно энергии, чтобы преобразовать молекулы воды в водород и кислород. Водород, естественно, поднимается кверху, кислород оседает на поверхности, где им можно дышать. Более пятидесяти лет понадобилось на это. Можете себе представить, сколько требуется энергии, чтобы создать для планеты величиной с Ганимед давление в три фунта кислорода над всей поверхностью? Давление в три фунта на один квадратный дюйм означает девять фунтов массы, потому что на Ганимеде только одна треть земного тяготения. Это значит, что вы должны начать с девяти фунтов льда на один квадратный дюйм Ганимеда — а лед здесь наредкость холодный: больше двухсот градусов ниже нуля по Фаренгейту.

Сначала вы нагреваете лед до температуры таяния, затем вы его оттаиваете, затем расщепляете молекулу воды на кислород и водород — не обычным лабораторным путем при помощи электролиза, но сильным нагреванием в преобразователе. В результате получается давление в три фунта кислородно-водородной массы на квадратный дюйм. Это не взрывчатая смесь, потому что легкий водород поднимается вверх, а пограничный слой слишком близко к вакууму, чтобы поддержать горение.

Но чтобы разложить молекулу воды, требуется 65 000 БТЕ энергии на каждый дюйм поверхности, или, другими словами, на каждые девять фунтов льда. Все это складывается; Ганимед — небольшая планета, но все-таки у нее 135 000 000 000 000 000 квадратных дюймов поверхности. Умножаем эту цифру на 65 000 БТЕ, потом переводим британские единицы в эрги, и тогда получается: 92 500 000 000 000 000 000 000 000 000 000 эргов.

Девяносто два с половиной миллиона миллиардов квадрильонов эргов! Это число — такая красотища, что я его записал в дневник и показал Джорджу. На него оно впечатления не произвело. Джордж сказал, что все числа одинакового размера, и ни на кого, кроме недоумков, длинные ряды нулей не действуют. Он заставил меня вычислить, что означает это число в единицах массы-энергии, при помощи доброй старой формулы $E=mc^2$, так как преобразование массы в энергию использовалось, чтобы дать Ганимеду его атмосферу.

По закону Эйнштейна один грамм массы эквивалентен 9×10^{20} эргов, так что эта фантастически длинная цифра оказывается равной $1{,}03 \times 10^{11}$ граммов энергии, или 113 200 тонн. Это, главным образом, превращенный в энергию лед: какая-то часть того же самого льда, который превратили в атмосферу, — хотя, возможно, в конвертер мог попасть еще какой-нибудь камешек — эта штука способна сожрать все, что угодно. Будем считать, что это был чистый лед; таким образом, получается кубик льда в сто шестьдесят футов длиной по ребру. Это число я как следует прочувствовал.

Я показал полученный ответ Джорджу, его и это не удивило. Он сказал, что я должен бы понимать одно число так же легко, как и другое, что оба они означают одно и то же и что оба числа из одного и того же ряда. Не подумайте, будто атмосфера Ганимеда была создана из кубика льда в сто шестьдесят футов, просто это была масса, преобразованная в энергию, чтобы выполнить этот фокус. Если бы ту массу льда, которую преобразовали в кислород и водород, подвергнули обратному превращению, то лед покрыл бы всю планету более чем двадцатифутовым слоем, как та ледяная шапка, которая когда-то покрывала Гренландию. Джордж говорит — все это доказывает, что на Ганимеде вначале было огромное количество льда и что, если бы у нас не было конвертеров массы, мы бы эту планету не колонизировали никогда в жизни. Иногда мне кажется, что эти инженеры все считают настолько само собой разумеющимся, что от них ускользают многие приятные стороны нашего существования.

Получив на Ганимеде три фунта давления кислорода и, соответственно, используя тепловую ловушку и прогрев планету до

такой степени, чтобы кровь не смерзалась в жилах, колонисты получили возможность передвигаться по поверхности без космических скафандров и жить в комнатах без установок для искусственного давления. Атмосферный проект, однако, на этом еще не был исчерпан. Во-первых, на Ганимеде такая низкая космическая скорость убегания — всего 1,8 миллионов миль в секунду по сравнению с земными семью миллионами, — что новая атмосфера постепенно улетучивается вовне, особенно водород, и будет утрачена за миллион лет или около того. Во-вторых, требуется еще азот.

Для дыхания-то азот нам не нужен, обычно мы не особенно принимаем его во внимание. Но без азота не образуется белóк, из которого строятся мышцы. Большинство растений получают азот из почвы; некоторые, например клевер, люцерна или бобы, берут его и из воздуха и отдают почве обратно. Почва Ганимеда была богата азотом, первоначальная скудная атмосфера частично состояла из аммиака — но настанет день, когда мы должны будем вернуть азот туда, откуда берем. Так что главной задачей атмосферного проекта стало создание азота.

Это не так просто, как разложить воду; такой процесс требует преобразования устойчивого изотопа кислорода-16 в устойчивый изотоп азота-14 с помощью энергоемкой реакции, вероятно, невозможной в природе, — во всяком случае, так говорится в учебниках, — и долгое время действительно считалось, что она теоретически невозможна. Сверх средней школы я не проходил курса атомной физики, так что не знаком с подобными уравнениями. Общий смысл сводится к тому, что такое можно выполнить в соответствующем преобразователе энергии-массы, и в атмосфере Ганимеда появится азот к тому времени, как его почва истощится и ей потребуется должная компенсация.

Углекислый газ проблемы не составлял: на Ганимеде был сухой лед, так же как и «водяной», и он испарялся в атмосферу задолго до того, как первые фермеры-пионеры получили участки. Но это вовсе не означает, что можно начинать хозяйство на своей ферме, имея кислород, углекислый газ и участок земли. Земля-то мертвая. Мертвая, как Христофор Колумб. Голые бесплодные скалы, никакой жизни — ни малейших признаков жизни там никогда и не бывало. От мертвой скалы надо пройти очень длин-

ный путь к богатой, теплой, черноземной почве, кишащей бактериями и червями, к такой почве, какая требуется, чтобы получить урожай.

В этом и заключалась работа поселенцев — создать такую почву. Понимаете, как это сложно? Клевер, пчелы, азот, скорость убегания, энергия, экологический баланс между животными и растениями, газовые законы, экспоненциальные зависимости, метеорология — эколог-математик должен учитывать все и продумывать все заранее. Экология взрывоопасна: то, что представляется небольшим и невинным вторжением, может изменить весь баланс. Каждые слыхал об английском воробье. И об австралийских кроликах, которые чуть не сожрали весь континент, до последнего хозяйства и дома. И о карибской мангусте, которая уничтожила тех самых кур, которых призвана была защищать. И об африканской улитке — она чуть не уничтожила Западное тихоокеанское побережье, пока не нашли паразита, который смог с ней покончить.

Вы берете безобидное полезное насекомое, растение или животное на Ганимеде и не заботитесь о том, чтобы доставить сюда еще и его естественных врагов, и через два-три сезона начинаете жалеть, что не привезли вместо него бубонную чуму. Но все это — работа главного эколога; работа фермера — инженерная агрономия: образование почвы и выращивание на ней растений. Это означает, что надо взять то, что вы здесь нашли изначально: гранитные валуны, на которых растопили лед, куски замороженной лавы, пемзу, песок, скальные породы — разбить все это на мелкие кусочки, верхние несколько дюймов растолочь в муку и, наконец, перемешать полученное с самой матушкой-землей, а затем лелеять то, что вышло, чтобы оно ожило и распространилось кругом. А это непросто.

Но интересно. Я совершенно забыл, что первоначально занялся этим предметом только для того, чтобы выдержать испытания и получить нашивку. Я у всех выспрашивал и доискивался, где можно увидеть различные стадии этого процесса и что из него выходит. Я отправился на фермы, чтобы посмотреть своими глазами. Бóльшая часть светлой фазы ушла у меня на то, чтобы все это изучить. Когда я вернулся в город, выяснилось, что Джордж уже давно меня разыскивает.

— На какие чертовы кулички тебя носило? — поинтересовался он.

— Так, повсюду понемножку, — отвечал я ему, — наблюдал, как работают поселенцы, получившие участок.

Он стал допытываться, где я ночевал и как мне удавалось кормиться.

— Билл, очень хорошо изучать дело ради того, чтобы получить нашивку, но ведь это не значит, что надо превращаться в бродягу, — протестовал он. — Наверно, я тебя в последнее время забросил, ты уж извини. — Он умолк и немного подумал, потом продолжал: — Наверно, тебе лучше поступить в местную школу. Правда, они немногое могут тебе предложить, но это лучше, чем шляться и бездельничать.

— Джордж?

— Да, это, наверно, лучше всего... а?

— Ты что, решил совсем отказаться от того, чтобы взять участок?

Папа сразу встревожился:

— Это тяжелый вопрос, Билл. Я по-прежнему хочу, чтобы у нас была ферма, но как быть, ведь Пегги больна? А решать что-то надо: мы все еще в списке на жеребьевку и должны тащить из шляпы результат.

— Пап, я сам буду осваивать землю.

— Что-о?

— Ты работай на своей должности и заботься о Молли и Пегги. А я буду строить нам ферму.

13. ДЖОННИ ЯБЛОЧНОЕ СЕМЕЧКО

Жеребьевка для нашей группы состоялась через три недели, и на следующий день мы с Джорджем отправились поглядеть, что нам досталось. Участок лежал к западу от города, за хребтом Кнайпера — территория была для меня новой: я проводил свои исследования к востоку от города, за электростанцией, где были расположены почти все полученные по заявкам земли. Мы прошли мимо множества ферм, некоторые на вид были хоть куда: несколь-

ко акров культивированной земли, покрытой буйной зеленой растительностью, и еще гораздо больше акров, обработка которых только-только началась. Это мне напомнило Иллинойс, но здесь явно чего-то не хватало. Я наконец понял, чего именно — деревьев. Но даже без деревьев местность была очень красива. Справа, к северу, возвышались предгорья Биг-Рок-Кэнди. Вдали, от нас миль за двадцать-тридцать, высоко поднимались их покрытые снегами вершины. Слева извивались воды лагуны Серенидад, подходя к нам с юга ближе, чем к Леде. Мы находились футов на двести выше уровня озера. День был ясный, и я пытался увидеть дальний берег, но не уверен, что его разглядел. Пейзаж был просто потрясающий. Папа тоже это почувствовал. Он шагал и насвистывал «Бьюла Ленд», перевирая мелодию. Мне моя музыкальность досталась по наследству от Анны.

Он умолк и сказал:

— Билл, я тебе завидую.

Я сказал:

— Все-таки мы ведь все будем вместе, Джордж. Просто я в авангарде, — я немного подумал и заявил: — Джордж, ты знаешь, что я тут выращу прежде всего после того, как получу первый урожай?

— Что?

— Собираюсь импортировать семена и вырастить для тебя табак.

— Ну нет, сынок.

— Почему же нет? — я почувствовал, что он тронут, когда он сказал «сынок». — У меня получится.

— Это хорошо с твоей стороны, но надо думать о главном. А к тому времени, как мы сможем себе это позволить, я уже позабуду, как зажигать трубку. *Честное слово, я не ощущаю этой потери.*

Мы не спеша прошли еще немного, не говоря ни слова, просто чувствуя нашу близость и отличное настроение. Вскоре дорога сошла на нет. Папа остановился и вытащил из сумки план.

— Должно быть где-то здесь.

На плане изображалось то место, где кончается дорога, а дальше шла пунктирная линия, обозначающая ее будущее продолжение. На плане была обозначена наша ферма; ее ближайший угол

был примерно полумилей дальше, если идти по дороге, которой пока еще не существует. По этому плану край нашего участка — то есть край земли, которая будет нашей, если мы ее освоим, — проходил вдоль северной стороны дороги и тянулся с четверть мили, а оттуда поднимался к подножью гор. Место было помечено «Участок 117-Х-2» и пришлепнуто печатью главного инженера. Папа вылупил глаза на то место, где исчезала дорога. Прямо поперек лежала застывшая лава, слоем толщиной с мою голову, дикая, словно суровая зима в Мэне.

— Билл, — спросил он меня, — можешь побыть индейцем?

— Думаю, это у меня неплохо получится.

— Нам придется пройти по этой лаве, держась прямо на запад.

На словах легко, на деле — не очень. Мы то спотыкались о колдобины в поверхности лавы, то катились по ней на подошвах, словно по льду, то вынуждены были обходить отдельные участки. На вид-то лава мягкая, а на деле это совсем не так. Папа поскользнулся и содрал кожу с голени, а я сбился со счета, сколько шагов мы сделали. Но через некоторое время мы миновали лаву и вышли на поле, покрытое валунами. Это были неровные камни самых разных размеров, крупные — величиной с дом, мелкие — с мой кулак. На самом деле это был всего-навсего мусор, который остался на месте растаявшего льда, образовавшего лагуну Серенидад.

Джордж говорит, что у Ганимеда наверняка была бурная юность: его покрывали пар и вулканы. По булыжному полю идти стало легче, зато придерживаться нужного направления — труднее. Пройдя немного, папа остановился.

— Билл, — позвал он, — ты знаешь, где мы находимся?

— Нет, — признался я, — но заблудиться мы не можем. Если мы будем снова двигаться на запад, мы придем прямо к этому участку.

— Наверно, лучше так и сделать.

— Погоди-ка минутку.

Прямо перед нами возвышался особенно гигантский валун. Я пробрался к нему, и мне удалось взобраться на его верхушку, всего только поцарапав руку.

— Я вижу дорогу, — сообщил я папе. — Мы севернее того места, куда должны попасть. И по-моему, мы забрались слишком далеко.

Я на глаз отметил место и слез. Мы стали пробираться к северу — столько, сколько мне показалось нужным, затем снова повернули к востоку. Наконец я признался:

— Наверно, мы прошли мимо, Джордж. Не очень-то я ловкий индеец.

Он сказал:

— Ах, так? А это что?

Он немного опередил меня и остановился.

Это была аккуратно сложенная пирамида с плоским камнем на вершине. На ней было написано краской: «117-Х-2. Ю-В угол». Последние полчаса мы находились на собственной ферме, тот большой камень, на который я забирался, лежал на ее территории.

Мы присели на плоский удобный камень и огляделись. Ни один из нас ни слова не произнес, но в мыслях у папы и у меня было одно и то же: если это и есть наша ферма, так я свой собственный дедушка. Через некоторое время папа что-то пробормотал. Я спросил:

— Что ты сказал?

— Голгофа, — повторил он громко. — Голгофа, место черепов, — он уставился прямо перед собой.

Я посмотрел в направлении его взгляда: там на вершине одного булыжника лежал другой, и солнце так их высвечивало, что они действительно выглядели похожими на череп. Он злобно глазел на нас. Было так дьявольски тихо, что, казалось, слышно, как растут у вас на голове волосы. Это место меня угнетало. Я бы все на свете отдал за то, чтобы хоть кого-то услышать или увидеть хоть какое-нибудь движение. Все что угодно, пусть бы ящерица выползла из-за скалы — я бы ее просто расцеловал. Но здесь не было никаких ящериц — никогда не было.

Немного спустя Джордж спросил:

— Билл, а ты уверен, что хочешь тут работать?

— Разумеется, уверен.

— Это же не обязательно, ты знаешь. Если ты решишь вернуться назад на Землю и поступить в МТИ, я мог бы устроить тебя на следующий рейс.

Наверно, он подумал, что, если я соглашусь вернуться, я могу взять с собой Пегги, со мной-то она захочет поехать. Может быть, я должен был заговорить об этом. Но я не стал. Я спросил:

— А ты возвращаешься?

— Нет.

— Вот и я нет.

В тот момент это было главным образом из-за упрямства. Я вынужден был признать, что на нашей «ферме» не протекают молочные реки в кисельных берегах; она выглядела довольно угрюмо. Никто, кроме безумного отшельника, не захотел бы поселиться в таком месте.

— Обдумай все, Билл.

— Я уже обдумал.

Мы немного посидели еще, не разговаривая, просто думая свои долгие думы. И вдруг — мы так перепугались, что чуть из собственных сапог не выпрыгнули: кто-то, двигаясь в нашу сторону, выводил, причем довольно искусно, высокие альпийские трели. Еще минуту назад я хотел услышать хотя бы что-нибудь, а теперь, когда это произошло, мне показалось, будто я в темноте наткнулся на чью-то холодную липкую руку.

Мы оба вскочили, папа сказал:

— Какого черта...

Я оглянулся. Прямо к нам шагал огромный мужчина. Несмотря на свои размеры, он скакал по камням, точно горный козел, почти плавая в воздухе из-за низкой гравитации. Когда он приблизился, я понял, что видел его раньше: это был мистер Шульц, он состоял в нашем суде чести. Папа помахал ему, и скоро он добрался до нас. Он был на полголовы выше папы, и из него можно было бы изготовить нас обоих, такой он был громадина. Его грудь была могучая, шириной с мои плечи, а живот еще больше. У него были кустистые курчавые рыжие волосы, а борода покрывала всю грудь, точно сплетение медных пружинок.

— Приветствую вас, граждане, — загудел он, — меня зовут Иоганн Шульц.

Папа представился и представил меня, он пожал нам руки, и моя рука совсем потерялась в его ладони. Он пристально на меня посмотрел и сказал:

— А я тебя где-то видел, Билл.

Я сказал — наверно, на скаутских сборах. Он кивнул и добавил:

— Отрядный командир, да?

Я согласился, что раньше был командиром. Он сказал, как о деле вполне решенном:

— И скоро опять им будешь, — потом повернулся к Джорджу: — Один из киндеров увидел, как вы идете по дороге, так что мама отправила меня поискать вас и привести к чаю, у нас сегодня ее отличный кофейный торт.

Папа сказал, что они очень добры, но мы не хотим их обременять. Мистер Шульц, кажется, его вовсе не слышал. Папа объяснил, для чего мы здесь, и показал ему на пирамиду камней. Мистер Шульц раза четыре кивнул и сказал:

— Значит, соседями будем. Хорошо, хорошо! — и добавил, обращаясь к папе: — Соседи называют меня Джон, или Джонни.

Папа объяснил, что его имя Джордж и что с этого момента они друзья.

Мистер Шульц постоял возле пирамидки, глядя на запад, а потом перевел взгляд на север, в направлении гор. Затем взобрался на большой валун, откуда ему было виднее, и снова посмотрел. Мы вскарабкались за ним. Он показал на небольшое возвышение к западу от нас.

— Вот здесь вы дом поставьте, не слишком далеко от дороги, но не на ней. И сначала обработаете это место, вот тут, а на следующий год работаете сзади, к холмам, — он посмотрел на меня и спросил: — Нет?

Я сказал — думаю, что да. Он заметил:

— Это хорошая земля, Билл. Ты хорошую ферму построишь, — он нагнулся, взял кусок камня и потер его между пальцами. — Хорошая земля, — повторил он.

Он осторожно положил камень назад, выпрямился и напомнил:

— Мама будет нас ждать.

Мама и в самом деле нас ждала, и ее представление о кусочке кофейного торта соответствовало тому, чем когда-то отметили возвращение Блудного Сына. Но прежде, чем войти в дом, мы невольно остановились и с восторгом уставились на дерево. Это было самое настоящее дерево, яблоня, она росла перед домом на лужайке, покрытой голубой травой. Более того, на ее ветках выросло несколько плодов. Я молча стоял, разглядывая дерево.

— Красавица, а, Билл? — спросил меня мистер Шульц.

И я ответил:

— Да.

А он продолжал:

— Самое прекрасное дерево на Ганимеде — и знаешь, почему? Потому что это единственное дерево на Ганимеде.

Он раскатисто расхохотался и ткнул меня пальцем в ребра, как будто сказал что-то смешное. Ребра у меня потом неделю болели. Он объяснил папе все, что ему пришлось сделать для того, чтобы яблоня выросла, как глубоко он выкопал яму, чтобы посадить ее, и как ему пришлось прорывать канал, чтобы она питалась водой. Папа спросил, почему плоды у нее только с одной стороны.

— На будущий год мы ее опылим с другой стороны, — ответил мистер Шульц, — и тогда у нас будут «Деликатесные». И «Римская красавица». В этом году — «Род-Айлендские зеленые» и «Винный сок». — Он потянулся и сорвал одно яблоко. — Вот тебе «Винный сок», Билл.

Я поблагодарил и надкусил яблоко. Не знаю, когда я пробовал что-нибудь такое же вкусное...

Мы вошли в дом, познакомились с мамой Шульц и с четырьмя или пятью другими Шульцами разнообразных размеров, начиная от младенца, ползающего в рассыпанном по полу песке, и кончая девочкой примерно моего возраста и почти такой же высокой. Звали ее Гретхен, и волосы у нее были такие же рыжие, как у отца, только прямые, и она заплетала их в длинные косы. Мальчики же были почти все блондины, включая еще нескольких, с которыми я познакомился позже.

Почти весь дом состоял из большой гостиной, посередине стоял большой стол. Он представлял собой крупную каменную глыбу, наверно, четырех футов в ширину и двенадцати или тринадцати футов в длину, и его поддерживали три каменные колонны. К счастью, камень был такой прочный, что устоял даже после того, как мама Шульц всего на него наставила. По длинным сторонам стола тянулись каменные лавки, а по торцам стояли два настоящих стула, изготовленные из бочек из-под масла и покрытые набивными кожаными подушками.

Мама Шульц вытерла лицо и руки своим фартуком, пожала нам руки и настояла, чтобы папа сел на ее стул: ей ведь особенно сидеть некогда, объяснила она. Потом она вернулась к своей

стряпне, а Гретхен налила нам чаю. Дальний конец комнаты был кухней, и там красовался большой каменный камин. Он производил впечатление настоящего, да так оно в действительности и было, хотя, разумеется, в нем ничего не горело. На самом деле это было просто вентиляционное отверстие. Но папе Шульцу хотелось иметь камин — вот он его и получил. А печка мамы Шульц была пристроена к нему сбоку. Камин, казалось, был облицован голландским изразцом, хотя я не мог в это поверить. То есть я хочу сказать, кто же будет ввозить такие бесполезное вещи, как голландский декоративный изразец, с самой Земли? Папа Шульц заметил, что я разглядываю изразцы, и спросил:

— Хорошо рисует моя маленькая Кэти, правда?

Одна из девчонок средних размеров покраснела, захихикала и вышла из комнаты. Я доел яблоко до самого маленького огрызка и все думал, что же с ним делать в этой безукоризненно чистой комнате, когда папа Шульц протянул руку:

— Дай-ка его мне, Билл.

Я дал. Он взял нож и очень осторожно отделил семечки. Один из ребятишек вышел из комнаты и принес ему тонкий бумажный конверт, папа Шульц положил туда семечки и заклеил его. Потом он вручил конверт мне:

— Вот, Билл, — сказал он, — у меня только одна яблоня, а у тебя восемь.

Я немного удивился, но поблагодарил его. Он продолжал:

— Там, сбоку от твоего будущего дома, есть ущелье. Если ты заполнишь это ущелье почвой, начиная со дна, — слой за слоем, с очень небольшой добавкой привозной земли, ты получишь участок, где смогут вырасти деревья, целый рядок. Когда всходы подрастут, мы их привьем от моей яблони!

Я бережно положил семечки в сумку.

В комнату бурей влетели несколько мальчишек, умылись, и вскоре мы все уже сидели вокруг стола и уплетали жареного цыпленка с картофельным пюре, консервированные помидоры и прочие вкусности. Мама Шульц сидела возле меня и впихивала в меня еду, уверяя, что я ем слишком мало, чтобы удержать душу в теле, что было совершеннейшей неправдой. Потом, пока папа толковал с папой Шульцем, я поближе познакомился с ребятами. Четверых из них я уже знал раньше: они были скаутами. Пятый мальчик,

Иоганн-младший — его называли «Ио», — был старше меня, уже лет двадцати, он работал в городе в конторе главного инженера. Остальные, Гуго и Петер, были оба скаутскими «щенками», потом Сэм, а потом Вик, который, как и я, был среди скаутов-разведчиков. Девочки: Кэти и Анна, которые казались близнецами, но на самом деле ими не были, и еще Гретхен. Разговаривали все одновременно.

Немного спустя, меня позвал папа:

— Билл, ты же знаешь, что мы не получим камнедробилку еще несколько месяцев?

— Ну так что? — я не понимал.

— Какие у тебя планы на это время?

— А-а, вон что. Точно не знаю. Буду изучать то, что мне предстоит делать.

— М-м-м... Мистер Шульц великодушно предлагает пока взять тебя работником к нему на ферму. Что ты думаешь об этой идее?

14. МОЯ ЗЕМЛЯ

Папа Шульц нуждался в помощи для полевых работ не больше, чем я нуждался в лишней паре ушей, но это не помешало мне переехать к ним. В этой семье работали все, кроме младенца, и то можно было вполне рассчитывать на то, что девочка начнет мыть посуду, как только поднимется на ноги. Все постоянно работали, и, кажется, это доставляло им удовольствие. Когда ребятишки не занимались фермой, они делали уроки, а если они не справлялись с домашним заданием, их наказывали тем, что не пускали работать в поле.

Мама проверяла, как они выучили уроки, во время стряпни. Иной раз она выслушивала такие предметы, которых, я убежден, сама никогда не изучала, но папа Шульц тоже их контролировал, так что все было в порядке.

Что до меня, я учился ухаживать за свиньями. И за коровами. И за курами. И обучался искусству обрабатывать платную землю и получать богатую почву. «Платная земля» — это нечто, импортирующееся с Земли: концентрированные почвенные куль-

туры с бактериями и тому подобное. С их помощью можно оживлять почву.

Ужасно много приходилось узнавать нового. Возьмите коров — половина окружающих вас людей не умеет отличить своей правой руки от левой, но кто бы мог подумать, что это так важно для коровы? А ведь это так, я сам это обнаружил, когда попробовал подоить корову с левой стороны. Все здесь требовало упорного труда, примитивного, как на китайской ферме. Тачка была тут самым обычным средством для перевозки груза. Я научился не относиться к тачке с презрением, когда приценился к одной из них в магазине. Всеобщая нехватка техники объяснялась вовсе не недостатком энергии: антенна на крыше дома у Шульцев могла выдать столько энергии, сколько нужно, — просто никаких машин не было. Те немногие машины, какие имелись на планете, принадлежали всей колонии, и это были такие, без которых колония никак не смогла бы обойтись, например камнедробилки, или оборудование для тепловых ловушек, или сама энергетическая установка.

Джордж объяснял это так: каждый рейс с Земли должен был обеспечить баланс между людьми и грузом. Колонисты требовали, чтобы доставляли меньше иммигрантов и больше машин, а Колониальная комиссия всегда настаивала на том, чтобы посылать как можно больше людей, а импортируемые грузы свести к минимуму.

— Комиссия, разумеется, права, — объяснял он. — Если у нас будут люди, у нас будут и машины: мы их сами изготовим. К тому времени, как ты обзаведешься семьей, Билл, иммигранты начнут прибывать сюда с пустыми руками, совсем без грузов, и мы сможем снабдить каждого человека всем, начиная от пластмассовых тарелок и кончая механическим культиватором для обработки полей.

Я заметил:

— Если они будут ждать, пока я обзаведусь семьей, им придется повременить — и здорово. Я считаю, что холостяк может путешествовать быстрее и дальше.

Папа только ухмыльнулся с таким видом, как будто он знает что-то такое, что мне неизвестно, и не скажет мне этого. Я пришел в город, чтобы пообедать с ним и с Молли — и с пигалицей, конечно. Я не так-то часто виделся с ними с тех пор, как поступил на

работу к папе Шульцу. Молли преподавала в школе, Пегги, разумеется, не могла ходить на ферму, а папа был очень занят да еще взбудоражен тем, что в двадцати милях от города обнаружили месторождение окиси алюминия. Он с головой ушел в новый проект и утверждал, что через один ганимедский год возможно будет получать листовой алюминий для продажи.

Вообще говоря, на Ганимеде не так уж тяжело поднимать ферму ручным трудом. Низкая гравитация очень выручает: не особенно утомляешься, таскаясь по полям. Моя масса была сто сорок два фунта, при том, что откармливала меня мамаша Шульц; это означало, что я весил меньше пятидесяти фунтов вместе со своими рабочими сапогами. Легкой была и тачка, даже нагруженная.

Но вы ни за что не догадаетесь, какое преимущество действительно делало работу по-настоящему легкой.

Ни малейших сорняков.

Совершенно никаких сорняков! Мы проявили крайнюю осторожность, чтобы их не завести. Как только нанесешь слой привозной земли, так вырастить урожай — плевое дело: зарой в почву семена и быстрее отступай в сторону, до того, как вырастет стебель и хлестнет тебя прямо по глазам.

Это вовсе не значит, что мы не работали. На ферме всегда есть чем заняться, даже когда не докучают сорняки. И относительная легкость нагруженной тачки приводила только к тому, что мы каждый раз наваливали на нее втрое больше. Но и веселились мы будь здоров. Я никогда прежде не видел семьи, где бы так много смеялись.

Я принес из города свой аккордеон и обыкновенно играл после ужина. Мы пели хором, папа Шульц гудел, сбиваясь с мелодии, и предоставлял всем находить ту тональность, в которой пел он.

Развлекались мы здорово. Гретхен оказалась ужасной насмешницей, когда ей удавалось преодолеть свою застенчивость. Но я всегда мог отыграться: притворялся, будто у нее голова загорелась, и грел руки об ее волосы, или грозил опрокинуть на нее ведро воды, пока она не сожгла дом. Наконец настал день, когда пришла моя очередь получать камнедробилку для работы на моей земле, и я почти пожалел, увидев, что ее привезли: так славно я проводил время у Шульцев.

Но к тому дню я уже научился холостить петухов и сажать рядками пшеницу; научиться-то предстояло еще многому, но не было никаких причин оттягивать начало работы на собственной ферме.

Для того чтобы камнедробилка могла начать функционировать, нам с папой нужно было подготовить территорию фермы: взорвать динамитом самые большие камни. Камнедробилка могла справиться только с валунами размером не более бочонка, зато с такими камнями она разделывалась великолепно. Динамит, благодарение Господу, дешев, и мы извели его огромное количество. Сырье для его изготовления — нитроглицерин, который не приходится импортировать с Земли, глицерин добывается из животных жиров, а азотная кислота — синтетический побочный продукт атмосферного проекта.

Папа провел со мной два уик-энда, изготовляя камни среднего размера из гигантских, потом решил, что может спокойно доверить эти взрывы мне, и я закончил работу сам. На дальнем конце нашего участка протекал ручей из тающих снегов, сбегающих с гор. Взрывами мы прорубили для него новое русло, чтобы он был поближе к тому месту, где мы поставим дом. Пока что мы оставили это русло сухим: мы просто не тронули на дне его огромную глыбу, с тем чтобы взорвать ее позже. Мы уничтожили целиком холмик порядочного размера и опрокинули его в ущелье со стороны озера.

Для этого потребовались огромные заряды, и я чуть было не обзавелся нимбом и парой крылышек, малость недооценив, как далеко летят иные из осколков! Но вообще эта работа была легкой, и мы много развлекались. Я взял напрокат в инженерном управлении виброперфоратор, с его помощью в любом обломке скалы проделывается отверстие в двадцать футов с той же легкостью, с какой нож входит в масло. Потом насыпаешь туда взрывчатки, остальное пространство заполняешь каменной пылью, поджигаешь запал — и удирай со всех ног.

Но с особенным удовольствием я подорвал ту скалу, которая напоминала человеческий череп. Уж это я как следует устроил, так ему с его злобным взглядом и надо! Когда мы проводили взрывные работы, нас посетил гость. Мы с папой только сделали перерыв, чтобы сесть пообедать, как пожаловал Сондерс — «человек из

кулуаров», как папа его прозвал. Мы пригласили его разделить с нами наши припасы: он-то ничего с собой не принес, кроме аппетита. Он все жаловался: на то, на это. Папа пытался переменить тему разговора, расспрашивая, как у него продвигаются взрывные работы. Сондерс ответил, что дело это медленное. Папа спросил:

— Ведь вы получаете камнедробилку после нас, да?

Сондерс подтвердил и сказал, что хочет занять у нас взрывчатки: у него самого времени мало. Взрывчатку папа ему дал, хотя это означало лишнюю прогулку в город и обратно, да к тому же завтра после работы. Сондерс продолжал свое:

— Я хорошенько обдумал нашу ситуацию, мистер Лермер. Мы тут бьемся совершенно понапрасну.

— Вот как? — спросил Джордж.

Сондерс сказал:

— Да, в самом деле! Ну, во-первых, взрывать не должны сами поселенцы, нужно, чтобы власти прислали нам группы специально обученных людей. Это ведь входит в контракт: нам положено получить подготовленную землю.

Папа деликатно ответил, что, возможно, это и неплохая идея, хотя он не знает, где взять достаточное количество обученных команд, чтобы проделать всю работу на полутора тысячах новых ферм.

— Пусть администрация их наймет! — горячился мистер Сондерс. — Пусть специально привезут их с Земли. Теперь, послушайте, мистер Лермер, вы ведь работаете в конторе главного инженера. Вы должны замолвить там словечко насчет всех нас.

Джордж поднял вибратор и приготовился закладывать заряд. Через некоторое время он ответил:

— Боюсь, что вы обратились не по адресу. Я работаю в совершенно другом отделе.

По-моему, мистер Сондерс понял, что его тактика была неверной, потому что после этого он сказал:

— Во-вторых, я тут приглядывался к почве, или к тому, что они называют «почвой», — снова они делают совершенно не то, — он пнул ногой кусок скалы. — Эта штука никуда не годится. На этом вы ничего не сможете вырастить.

— Естественно, — согласился с ним папа. — Сначала надо образовать почву.

— Вот об этом я и говорю, — продолжал мистер Сондерс. — Вы должны иметь почву — богатый чернозем. Они нам говорят, что надо его выращивать — по квадратному футу за один раз. Мол, запахивайте в нее мусор, запускайте земляных червей — и еще множество всяких дурацких штук.

— Вам известен лучший способ?

— Да вот именно что известен! К тому я и клоню. Мы тут все пустяками занимаемся, делаем то, что велит нам шайка бюрократов, которые в жизни не вырастили ни одного урожая, и все ради нескольких дюймов землицы среднего качества — а ведь имеются миллионы кубических футов богатейшего чернозема, и они зазря пропадают.

Папа резко поднял голову:

— Где?

— Да в дельте Миссисипи, где же еще? Чернозем там залегает сотнями футов.

Мы оба на него так и вытаращились, но он говорил совершенно серьезно.

— Всего-то и нужно сделать — как следует все разровнять. А после положить настоящую земную почву на скалу, на глубину по крайней мере двух футов, тогда будет впору и работать. А так, как оно есть, мы только время зазря теряем.

Папа немного выждал, прежде чем отвечать.

— А вы себе представляете, сколько это будет стоить? — спросил он.

Мистер Сондерс отмахнулся от вопроса:

— Это совершенно неважно, важно то, что мы в результате получим. Ведь правительство хочет, чтобы мы здесь поселились, правда? Ну, так если мы все будем держаться вместе и будем на этом настаивать, мы все и получим, — он победоносно вздернул подбородок.

Джордж начал было что-то говорить, потом умолк. Он посыпал заряд сверху каменной пылью, похлопал по нему рукой, потом выпрямился и вытер с лица пот.

— Послушайте, гражданин, — сказал он, — неужели вы не видите, что мы заняты? Я собираюсь поджечь этот запал, предлагаю вам отойти подальше в безопасное место.

— А-а? — спросил Сондерс. — Какой силы заряд? Как далеко надо отходить?

Держал бы он глаза открытыми, сразу бы увидел, какой величины заряд и на сколько нужно отойти. Папа ответил:

— Ну, скажем, мили на полторы — или даже на две. И идите, не останавливайтесь.

Сондерс вылупился на него, негодующе фыркнул и двинулся прочь. Мы отошли от своего устройства и дали ему взорваться. Закладывая следующий заряд, я увидел, как у Джорджа шевелятся губы. Немного погодя он сказал:

— По самым скромным подсчетам вес чернозема по сто фунтов на кубический фут составит весь груз «Мэйфлауэра» за один рейс, и это чтобы доставить одному только мистеру Сондерсу землю для такой фермы, какую он хочет иметь. Если так, то понадобится ровно тысяча ганимедских лет, то есть пятьсот земных, чтобы «Мэйфлауэр» привез сюда землю для всей нашей партии.

— Ты забыл «Крытый фургон», — с воодушевлением напомнил я.

Джордж усмехнулся:

— Ах, да! Когда «Крытый фургон» пройдет комиссию и начнет служить нам, мы сможем уменьшить этот срок до двухсот пятидесяти лет — при условии, что новые иммигранты перестанут прибывать и если выйдет запрещение рожать детей! — он нахмурился и добавил: — Билл, почему некоторые вроде бы вполне взрослые мужчины не в состоянии усвоить примитивную арифметику? — я не нашелся, что ответить, и он продолжал: — Шевелись, Билл, давай-ка кончать все эти взрывы. Боюсь, что придется нам ковыряться с нашим неэффективным способом, даже если он не подойдет нашему другу Сондерсу.

Наутро, согласно расписанию, должна была появиться камнедробилка, и я поджидал ее, стоя на дороге. Она делала миль двадцать в час и занимала всю ширину дороги. Когда камнедробилка подошла к стене лавы, она остановилась. Я помахал оператору, он помахал мне в ответ, потом машина немного поворчала, двинулась вперед и начала пожирать лаву. Для этой машины лава не была препятствием. Виброрезак, встроенный в ее нижнюю

часть, ловко подрезал снизу слой лавы, точно хозяйка, снимающая пирог со сковородки, громадная стальная лопата впереди поддевала лаву и отламывала куски, а транспортер перекладывал их к себе и пережевывал своими челюстями.

Водитель мог по желанию бросать пережеванный материал под задние катки или же отбрасывать его в сторону. Сейчас он отбрасывал в сторону, оставляя чистый слой, выровненный виброрезаком. Получалась дорога — хорошая ровная дорога, пыльноватая, но немного дождя это исправит. Машина была жутко шумная, но водителя это, кажется, ничуть не волновало. Он даже наслаждался: образовывался легкий ветерок, который относил от него пыль. Антисиликозная маска сдвинулась у водителя на лоб, так что видно было, как он усмехался. К полудню он добрался до наших владений и заглушил машину. Мы вместе перекусили, потом он начал выравнивать мою ферму — пять акров, остальное подождет. Мне здорово повезло: ведь я получил землю, готовую к обработке, на много месяцев раньше, чем предполагалось по первоначальному плану: вторым рейсом «Мэйфлауэр» доставил еще три камнедробилки и очень небольшое количество иммигрантов, только чтобы заменить всех тех членов нашей партии, которые сдались и пожелали вернуться домой. Таков был компромисс, выработанный городским советом совместно с Колониальной комиссией.

Грохот сделался еще ужаснее, когда камнедробилка вгрызлась в твердые камни вместо лавы, но для моих ушей он звучал музыкой, и смотреть на это зрелище мне нисколько не надоедало. Каждый разжеванный кусочек камня превращался в кусок земли для моей фермы. К ужину вместе с папой появился водитель второй смены. Некоторое время мы смотрели вместе, потом папа отправился домой в город. Я остался. К полуночи я пошел на ту часть своего участка, которая должна пока оставаться необработанной, отыскал там большую скалу, чтобы она загородила от меня солнце, и лег немного вздремнуть.

Потом я услышал, как оператор, закончивший смену, трясет меня за плечо и говорит:

— Вставай, парень, твоя ферма готова!

Я вскочил, протер глаза и огляделся. Пять акров измельченного грунта и низкий бугорок посередине, где встанет дом. У меня была ферма.

По логике вещей, теперь надо было бы возводить дом, но по графику на следующей неделе я должен был получить «жвачную машину». Это вроде детеныша камнедробилки. Вместо антенны у нее блок питания, квалифицированного обслуживания она не требует, с ней кто угодно может управиться, и она должна закончить то, что начала камнедробилка. В колонии таких жевалок штук сорок.

Камнедробилка оставила после себя слой в несколько футов толщиной, состоящий из камней величиной с мой кулак. Впереди жевалки укреплена вилкообразная лопата, даже несколько лопат разных размеров. Грубая вилка погружается в каменное крошево на глубину примерно в восемнадцать дюймов и подбирает большие булыжники. По мере того как машина продвигается вперед, камни сваливаются в задний бункер и там крошатся до размеров грецкого ореха.

После того как вы прошлись по земле разок этой грубой вилкой, ее надо снять, поставить среднюю вилку и уменьшить расстояние между дробящими камни вилками. На этот раз вы погружаетесь только на десять дюймов, в результате образуется гравий. Потом вы устанавливаете вилку потоньше, а после — самую тонкую, и, когда вы заканчиваете, верхние шесть дюймов или около того превращаются в каменную муку́, мелкую, точно глина — это все еще мертвое вещество, но оно уже готово к тому, чтобы ожить.

Еще, еще, и еще — продвигаешься дюйм за дюймом. Для того чтобы полностью использовать время, на которое дана вам жевалка, приходится трудиться двадцать четыре часа в сутки, пока ее у вас не заберут. Я работал сплошняком весь первый день, не сходя с машины даже для того, чтобы пообедать — так и ел в седле.

После ужина меня сменил папа, из города явился Хэнк, и мы трудились всю ночь, благо, стояла светлая фаза, понедельник.

На другой день к вечеру явился папа Шульц, обнаружил, что я сплю, положив голову на приборную доску, и отослал меня к себе в дом, чтобы я поспал по-настоящему. После этого случая всякий раз, как у меня проходило четыре или пять часов наедине

с машиной, неизменно появлялся один из Шульцев. Не знаю уж, как бы мы с папой управились в темную фазу без Шульцев.

Но они здорово помогли, и к тому времени, когда пришлось отдать жевалку, почти три с половиной акра были уже готовы к тому, чтобы закладывать почву.

На пороге стояла зима, и я всей душой хотел закончить свой дом и жить в нем весь зимний месяц, но, для того чтобы все это выполнить, нужно было как следует погорбатиться. Необходимо было посеять что-то, скрепляющее почву, иначе весна снесет верхний слой. Короткий ганимедский год — отличная идея, и я доволен, что все устроили тут таким образом: земные зимы длиннее чем необходимо. Зато уж здесь вам не дают терять бдительность.

Папа Шульц посоветовал посеять траву: мутированная трава взойдет на стерильной почве подобно тому, как всходят растения в гидропонических растворах. Ковер переплетающихся корней удержит мою почву, даже если зима убьет ее, и корни внесут среду, в которой станут распространяться бактерии.

В основе своей платная земля — это просто хороший земной чернозем, кишащий бактериями, грибками и микроскопическими червями — всем, что требуется, кроме крупных дождевых червей, которых можно туда добавить. Но не годится привозить почву с Земли на Ганимед в качестве груза. В любой полной доверху лопате суглинка найдутся сотни всевозможных животных и растений, которые вам нужны, но там окажется и масса других вещей, которые вам абсолютно ни к чему. Микробы столбняка, например. Или вирусы, вызывающие различные заболевания у растений. Гусеницы. Споры. Семена сорняков. У большинства из них слишком маленькие размеры, чтобы можно было разглядеть их невооруженным глазом, а некоторые нельзя даже отфильтровать.

Поэтому в земных лабораториях, готовя такую платную землю, выводят чистые, беспримесные культуры всего, что необходимо: выращивают мелких червячков, разводят грибки и все прочее, что хотят оставить. Потом берут саму почву и обрабатывают ее так, что она становится безжизненнее самой Луны: подвергают ее радиации, прогревают и испытывают на стерильность. Потом берут все то, что сохранили из живых организмов, и закладывают

в мертвую почву обратно. Это и есть первичная «платная земля», в полном смысле этого слова. А на Ганимеде исходный материал разрезают на шестьдесят четыре части, дают вырасти всему, что там растет, потом каждую часть разрезают еще пополам. Сто фунтов платной земли, которыми снабжают колониста, могут содержать фунт земной почвы.

Делается все возможное, чтобы, как говорят экологи, «ограничить вторжение», чтобы туда попало только желаемое. Я не упомянул одной детали, когда описывал наше путешествие по космосу: в пути нам тщательно простерилизовали одежду и багаж и предупредили, что мы сами должны хорошенько помыться, прежде чем снова наденем свою одежду. Это была единственная отличная баня, которую я получил за два месяца, но после нее мне долго казалось, что от меня пахнет больницей.

Грузовики колонии привезли полагающуюся мне платную землю, чтобы я мог засеять ферму. В то утро я рано покинул дом Шульцев, мне нужно было их встретить. Существуют разные мнения насчет того, как следует распределять платную землю: некоторые поселенцы распределяют ее равномерно повсюду, рискуя, что она погибнет, а некоторые выкладывают небольшие кучки на расстоянии шести-восьми футов одна от другой, в шахматном порядке... надежно, но медленно. Я прикидывал так и этак и не мог ни на что решиться, как вдруг увидел, что кто-то движется по дороге.

Люди шли целой процессией, они катили тачки, их было шестеро. Вот они подошли ближе, и я понял, что это вся мужская часть семейства Шульцев. Я двинулся им навстречу.

Тачки оказались нагружены всяким мусором и отходами — и все для меня! Папа Шульц давно все это собирал, чтобы сделать мне сюрприз. Я не знал, что и сказать. Наконец, у меня вырвалось:

— Ой, папа Шульц, я ведь не знаю, когда смогу с вами расплатиться!

Он проворчал со свирепым выражением лица:

— Какая еще оплата? У нас этого компоста — хоть завались!

Потом он велел мальчикам вывалить груз на верхушку кучи моей платной земли, взял вилы и начал размешивать все это так же тщательно, как мама Шульц, когда она взбивала яичный белок.

Он взял все в свои руки — и мне уже не нужно было ломать голову над тем, какой вариант самый лучший. По его мнению — а вы можете быть уверены, что я с ним не спорил, — того, чем мы располагали, хватало на добрый акр, и по его методу надо было распределить всю массу по земле. Но он не выбрал какой-то определенный акр, он наметил на моем грунте из перемолотых камней семь полосок ярдов по двести каждая. Они отстояли друг от друга на тридцать пять-сорок футов. Каждый из нас взялся за тачку — шестеро Шульцев, да еще я, — и мы рассыпали смесь каждый по своей линии. Когда это было сделано и были поставлены каменные пирамидки, чтобы обозначить, где идут линии, мы прошлись по смеси граблями, втирая ее между полосками в каменную пыль на расстоянии пяти или шести футов по бокам от каждой полоски. Около полудня появились мама Шульц с Гретхен, до ужаса нагруженные, и у нас получился славный пикник, когда мы сделали перерыв в работе.

После обеда Ио нужно было возвращаться в город, но он уже почти закончил свою полоску. Папа Шульц закончил свою и продолжал помогать Гуго и Петеру, которые были еще слишком малы, чтобы управляться с настоящими граблями. Я приналег и закончил свою полосу как раз вовремя, чтобы завершить еще и то, что оставил Ио. К концу дня появился мой папа, он собирался мне помогать весь вечер — была как раз светлая фаза и можно было работать до тех пор, пока вас держали ноги, — но больше уже нечего было делать. И он тоже не знал, как их отблагодарить.

Мне хочется думать, что мы наладили бы ферму и без Шульцев, и может быть, так бы оно и было, — и все-таки я не очень в этом уверен. Пионер нуждается в хороших соседях.

Всю следующую неделю я вносил в почву между полосками искусственные нитраты с энергетической установки колонии — это хуже, чем «платная земля», но зато не так дорого.

Потом я занялся тем, что вручную, как в Библии, сеял траву, а после осторожно проходил по этому месту граблями. Тут объявился этот чертов Сондерс. Он то и дело появлялся, когда папы не было.

Наверно, ему было одиноко. Его семья все еще находилась в городе, а он жил в десятифутовом сарае из камней, который сам построил. Он на самом деле и не разрабатывал ферму, я даже не мог хорошенько понять, чем он там занимается.

Я сказал: «Здрасьте», — и продолжал работу.

Он понаблюдал за мной с кислым видом и сказал:

— Все еще гнешься над этой ерундой и жилы из себя тянешь, юноша?

Я сказал ему, что никаких жил из меня не вытягивается, и спросил, создает ли он себе ферму. Он фыркнул:

— И не думаю.

— Тогда что же вы делаете?

— Билет себе покупаю, вот что.

— Как это?

— Единственное, что можно в этом месте продать, так это чуть улучшенную землю. Я их собираюсь обставить в их игре, вот что. Я сбагрю эту землицу какому-нибудь сосунку, и тогда вместе со своим семейством мы отправимся назад на нашу любимую Землю. Это как раз то самое, что и тебе следовало бы сделать, не будь ты таким законченным дурнем. Никогда у тебя здесь фермы не будет. Это невозможно.

Я начинал уставать от него, но у меня как-то нахальства не хватает напрямую вести себя грубо.

— Не знаю, не знаю, — ответил я. — Посмотрите на мистера Шульца — у него очень славная ферма.

Сондерс снова фыркнул.

— Ты имеешь в виду Джонни Яблочное Семечко?

— Я имею в виду мистера Иоганна Шульца.

— Ясно, ясно — Джонни Яблочное Семечко. Так его все в городе называют. Он же ненормальный. Ты знаешь, что он сделал? Дал мне горсть яблочных семечек, а вел себя при этом так, будто вручает мне богатства царя Соломона.

Я оперся на грабли:

— А разве это не так?

Сондерс плюнул на землю между нами:

— Он просто шут гороховый!

Я поднял грабли и сказал:

— Мистер Сондерс, вы стоите на моей земле, это моя собственность. Даю вам две секунды на то, чтобы с нее убраться — и чтобы духу вашего тут больше никогда не было!

Он отступил и крикнул:

— Эй! Ты мне это прекрати! Ты что это граблями замахиваешься?

Я сказал:

— Мотайте отсюда!

Он смотался.

Дом был проблемой. На Ганимеде все время происходят небольшие сотрясения почвы. Они связаны с «уравновешиванием», которое означает всего только «выравнивание давления», если выражаться точнее, но вообще есть целая наука о том, как горы уравновешивают моря и как давление на всей планете выравнивается. Это связано и с приливно-отливным механизмом, что довольно странно, потому что на Ганимеде нет никаких приливов и отливов: Солнце от него слишком далеко, чтобы оказывать какое-нибудь влияние, и Ганимед всегда повернут к Юпитеру одной и той же стороной. Да, можно проследить небольшие приливы на лагуне Серенидад, когда Европа ближе всего к Ганимеду, имеется даже небольшое воздействие Каллисто и Ио, но я-то имею в виду, что истинных приливов — как, к примеру, на Тихом океане — на Ганимеде не бывает.

Что на нем есть, так это вмороженные приливные напряжения. Мистер Хукер, главный метеоролог, объясняет это тем, что Ганимед находился ближе к Юпитеру, когда начал остывать, и утратил вращение вокруг своей оси, так что образовались такие приливные напряжения на самой планете — нечто вроде окаменелых приливов. Вы знаете, что на Луне тоже бывают такие. А тут явились мы, растопили ледяную шапку и дали Ганимеду атмосферу. Это повсюду нарушило давление, и теперь изостатический баланс устанавливается заново.

Я — калифорнийский мальчишка, мне нужен был дом, устойчивый к сотрясениям. У Шульцев дом был устойчивый, и идея была хорошая, хотя тут никогда не бывало толчков такой силы, чтобы опрокинуть человека, тем более — здание. Но большинство колонистов избавляли себя от лишнего труда: тяжело построить дом, устойчивый к толчкам почвы. Более того, это еще и дорого. Основной список оборудования и инструментов, которые обещаны поселенцу по контракту, выглядит вполне внушительно: мотыга, кирка, лопата, тачка, ручной культиватор, ведро, и так

далее, до конца списка, — но, когда вы начинаете устраивать ферму, вам приходится идти в магазин и покупать массу всего другого. Я уже задолжал акр или полтора, еще до того, как построил дом.

Как и многие, мы пошли на компромисс. Одна комната будет устойчива к колебаниям поверхности, потому что там придется поддерживать высокое давление, — это комната Пегги. К этому моменту ей уже становилось лучше, но она все еще не могла долгое время выносить низкое давление. Если семейство переедет на ферму, придется изолировать ее спальню, построить перед ней шлюз для выравнивания давления и установить компрессор. Все это стоило денег. Прежде чем взяться за строительство дома, мне пришлось заложить еще два акра. Папа попытался поставить свою подпись, но ему прямо сказали, что кредит может иметь поселенец, а он — служит в конторе. Это определило наши планы: построить одну сейсмоустойчивую комнату, а остальные переоборудовать таким же образом позднее. Пока дом будет состоять из гостиной, десять на двенадцать, где буду спать я, крохотной спаленки для Джорджа и Молли и комнаты Пегги. Везде, кроме комнаты Пегги, стены будут из голого камня, а крыша — фабричного изготовления.

Тесновато, правда? Ну так что же? Эйб Линкольн начинал с еще меньшего.

Как только семена были посеяны, я начал тесать камень. Вибропила похожа на виброперфоратор, только она пропиливает щелочку тонкую, как волос, вместо того чтобы буравить дыру. Когда она включена, приходится соблюдать большую осторожность и следить, чтобы пальцы не попали под нее, но камень она обтесывает легко. По контракту вы имеете право пользоваться ею сорок восемь часов бесплатно и еще сорок восемь часов, если нужно, за уменьшенную прокатную плату. Я тщательно распланировал свою работу, и мне удалось справиться за два бесплатные дня. Не хотелось мне влезать в новые долги, потому что очень хотелось устроить еще одну вещь не позднее, чем кончится следующая весна: мерцающие прожекторы. Папа Шульц установил такие у себя в поле, и они почти удваивали ему урожай. Земные растения не привыкли к трем с половиной суткам тьмы, но, если вы можете помочь им прожить темную фазу при искусственном

освещении, старый добрый фотосинтез начинает действовать и оправдывает себя.

Правда, это могло и подождать.

Дом мне построил отряд — тот отряд, в котором я состоял, то есть я имею в виду — отряд «Иноземцев». Для меня это было сюрпризом, но все-таки не совсем, потому что каждому надо было поставить дом, а в одиночку это сделать невозможно. Я сам уже принимал участие в строительстве шести домов — не из чистого великодушия, поймите меня правильно, — мне ведь надо было научиться, как это делается. Но отряд пожаловал задолго до того, как я хоть слово сказал, что готов начинать строительство. Они бодро промаршировали по нашей дороге. Сергей подвел их туда, где должен был подняться дом, и спросил меня:

— Билл, у тебя все скаутские взносы уплачены? — это прозвучало свирепо.

— Ты же знаешь, что все, — ответил я.

— Тогда можешь помогать. Но не мешай нам, — он заулыбался, и я понял, что меня разыгрывали. Он повернулся к отряду и заорал: — Тренировка по строительству дома! Разойдись! Приступай!

Внезапно все стало выглядеть, точно в телевизионной комедии, когда идет ускоренная съемка. Никогда я не видел, чтобы кто-нибудь работал так, как они. Разрешите заметить, скаутская форма еще не делает человека скаутом. Никакой формы ни у кого из нас не было, не могли мы себе позволить специальную одежду только для скаутских занятий.

Кроме «иноземцев» там были Вик Шульц и Хэнк Джонс, оба из отряда «Твердая скала», а еще Дуг Окаджима, который вообще не принадлежал к нашей организации, а состоял в отряде Баден-Пауэлла. Это согрело мне сердце. За последнее время я не особенно часто видел ребят: во время светлой фазы я всегда работал допоздна и не мог ходить на сборы, а в темную фазу хорошенько подумаешь, прежде чем в собачий холод выйти на девятимильную прогулку до города после ужина.

Мне стало неловко при мысли о том, что я их совсем позабыл, а вот они обо мне не забыли, и решил посещать сборы, несмотря на усталость. И сдать испытания на те две нашивки при первом же

подходящем случае. Это напомнило мне еще об одном невыполненном деле — об Эдвардсе Крикуне. Но ведь невозможно терять целый день ради того, чтобы разыскать кого-то и начистить ему физиономию, когда строишь ферму. Кроме того, мне совсем не помешало бы набрать еще фунтов десять веса — не хотелось повторения того случая.

Почти тотчас же появился папа с двумя мужчинами из его конторы и взял на себя устройство и йзоляцию комнаты Пегги. Из того факта, что он вообще пришел, я понял, что он был в курсе всего, да он и сам мне в этом признался. Идея принадлежала Сергею, и вот почему папа меня отговорил, когда я предлагал позвать на помощь соседей. Я отозвал папу в сторону.

— Послушай, Джордж, — шепнул ему я. — Как же, ради всего святого, мы их всех накормим?

— Уж об этом не беспокойся, — засмеялся он.

— Но я как раз беспокоюсь!

Всякий знает, что обязанность поселенца, которому строят дом, — накормить всех строителей, а я был застигнут врасплох.

— Я сказал: не волнуйся, — повторил он.

И через некоторое время я понял, почему он так говорил: пришли Молли с мамой Шульц, Гретхен, сестра Сергея Маруська и еще две девчонки, подруги Пегги, — а уж что они с собой принесли! На Земле они бы такого не достали. Пикник получился превосходный, и Сергею очень трудно было заставить ребят работать после обеда.

Теоретически, Молли настряпала все это у Шульцев, но я знаю маму Шульц — во всяком случае, будем смотреть правде в лицо: Молли не такая уж искусная кухарка.

Молли принесла мне записку от Пегги. Там было написано: *«Дорогой Билл! Пожалуйста, приходи сегодня вечером в город и все мне об этом расскажи. Пожалуйста, прошу тебя!»* Я пообещал Молли, что приду.

К восемнадцати часам того же дня настелили крышу — и дом был готов. Правда, еще не навесили дверь: она пока была в магазине.

И электричества у нас не было, и не будет еще целую неделю. Но у нас был дом, который защитит нас от дождя, и небольшой коровник, хотя ни одной коровы у меня еще не появилось.

15. ЗАЧЕМ МЫ ПРИЕХАЛИ?

Согласно моему дневнику, мы переехали в дом в первый день весны. Гретхен пришла и помогла мне приготовить все для моей семьи. Я предложил позвать еще и Маруську, потому что работы нужно было переделать уйму. Гретхен сказала:

— Делай, как знаешь!

Она, кажется, обиделась, так что я не стал звать Маруську. Эти женщины такие смешные. Как бы там ни было, Гретхен очень хорошо работает.

Я ночевал в доме с тех пор, как его поставили, и даже не стал дожидаться, пока пришли техники инженерной службы, чтобы поставить на крышу антенну и провести свет и тепло до того, как началась зима. Но все это было сделано, и я провел целый месяц в комфорте, отделывая внутренность дома и заготавливая запас льда на лето. Я складывал лед, целые тонны, в расселину рядом с домом, там, где собирался посадить яблони, как только это станет возможно. Лед будет храниться там, пока я не построю настоящий ледник.

Первые несколько месяцев после того, как наши перебрались сюда, были самым счастливым временем, какое я только могу вспомнить. Мы опять были все вместе, и это было здорово. Папа все еще проводил большую часть темной фазы в городе, работая на неполную ставку, не только из-за того, что нам предстояло выплатить долги, но и потому, что он очень интересовался промышленным проектом. Во время светлой фазы мы работали целыми часами бок о бок или, по крайней мере, в пределах слышимости.

Молли, кажется, очень понравилось быть домашней хозяйкой. Я учил ее стряпать, и она схватывала все быстро. На Ганимеде стряпня — это целое искусство. Большинство блюд приходится готовить под давлением, даже печеное, потому что вода кипит при температуре чуть выше ста сорока градусов. Можно помешивать кипящую воду пальцем, если не держать его в воде слишком долго. Потом Молли начала учиться у мамы Шульц, но я не возражал: мама Шульц была настоящая искусница. Молли сделалась и в самом деле неплохой кухаркой.

Пег, конечно, приходилось сидеть у себя в комнате, но мы надеялись, что скоро она сможет выходить. Мы снизили давление до восьми фунтов: наполовину кислород, наполовину азот. И обычно мы ели у нее в комнате. Меня по-прежнему тяготила тяжелая атмосфера, но стоило потерпеть ради того, чтобы семья могла обедать и ужинать вместе. А через некоторое время я уже приноровился к меняющемуся давлению, у меня даже уши перестали болеть. И Пегги смогла выходить из комнаты. Из города мы ее принесли на носилках со специальным куполом — еще один предмет, купленный в кредит, — и папа приспособил к этому куполу газовый аппарат со старого скафандра, который ему дали инженеры, работавшие над Юпитерианским проектом. Пегги научилась забираться в носилки и закрываться там наглухо, а мы могли снижать давление у нее в комнате и выносить ее на свежий воздух, где она получала немного солнечного света, смотрела на горы и на озеро и наблюдала, как мы с папой работаем в поле. Прозрачный пластик купола пропускал ультрафиолетовые лучи, и это было для нее полезно.

Пигалица была довольно худенькая, так что не составляло труда носить ее, даже на носилках. В светлую фазу она довольно много времени проводила на улице. Мы начали свое хозяйство с курицы-наседки и пятнадцати яиц да еще завели пару кроликов. Очень скоро у нас появилось свое мясо. Мы всегда внушали Пегги, будто те жареные цыплята, которых мы едим, куплены у Шульцев, и, по-моему, она так и не догадывалась ни о чем. Поначалу я каждый день ходил на ферму к Шульцам за парным молоком для Пегги, но к середине лета я купил по случаю и по сходной цене двухгодовалую телку. Пегги назвала ее Мэйбл, и ее страшно огорчало, что она не может подойти ее погладить.

Мы постоянно были заняты. Мне все еще не удавалось пройти испытания и получить нашивки, не удавалось и попадать на скаутские сборы. Так много всего нужно было сделать. Устроить пруд, например. В лагуне Серенидад разводили планктон и водоросли, но рыбы там еще не появилось, и даже после того, как ее туда запустят, пройдет еще много времени, пока разрешат рыбную ловлю. Поэтому мы стали разводить рыбу в пруду китайским способом — после того, как я устроил пруд. К тому же по-

стоянно что-то созревало, и необходимо было заботиться о всходах. Моя трава выросла прекрасно, и вскоре после того, как мы все поселились на ферме, пришла пора разводить червей. Папа уже собрался послать образец почвы в город, чтобы там сделали анализ, но рядом случился папа Шульц.

Он услышал, что мы собираемся делать, взял горсть обработанной земли, раскрошил ее, понюхал, попробовал на зуб и сказал мне, что можно запускать червей. Я так и поступил, и они отлично прижились: после мы не раз их встречали во время полевых работ. Когда взошла трава, стали заметны полоски, которые мы когда-то засыпали платной землей. Зараженная бактериями земля тоже распространилась, но не очень. Мне предстояло еще порядком попотеть, пока эти полоски сойдутся вместе, а тогда уже можно будет подумать о том, чтобы снова взять напрокат жевалку и обработать еще полтора акра. Теперь для удобрения новой почвы мы могли пустить в ход свою землю и собственную кучу компоста. Тогда придет пора дробить камни на следующих акрах, но до этого лежал еще долгий путь.

Мы посадили морковь, салат, свеклу, капусту белокачанную, капусту брюссельскую и спаржу. Между рядами посадили кукурузу. Я бы засеял целый акр пшеницей, но об этом и думать было нельзя, пока у нас так мало земли. Возле самого дома мы выкроили участок, где посеяли помидоры, тыкву и немного гороха и бобов. Все эти растения обычно опыляют пчелы, а Молли приходилось заниматься этим вручную, и работа оказалась довольно нудной и кропотливой. Со временем мы надеялись получить пчелиный улей, а энтомологи из кожи вон вылезали, пытаясь вывести при помощи бионики таких пчел, которые могли бы жить на открытом воздухе. Главная трудность заключалась в том, что гравитация у нас была только в одну треть земной, а давление воздуха — немногим больше, чем одна пятая земного, и пчел это, естественно, возмущало: они считали, что в таких условиях летать слишком трудно.

А может быть, пчелы просто по природе консерваторы?

Наверное, я был счастлив — а может быть, всю следующую зиму у меня просто не хватало времени на то, чтобы грустить. Сначала зима казалась приятным отдыхом. Кроме заготовки льда,

ухода за коровой, кроликами и курами, других дел почти не было. К тому же к зиме я сильно переутомился и даже ослабел, хотя не осознавал этого; Молли же, я думаю, с ее выдержкой и терпением, просто выбилась из сил. Не привыкла она к жизни на ферме и не умела к ней так приспособиться, как мама Шульц. Она мучилась без водопровода и канализации, а надежды на то, что она их скоро получит, — не было. Я, конечно, добывал ей воду, разбивая лед в ручье, но это отнюдь не разрешало все ее проблемы, тем более что землю покрывал снег. Но надо признать — она не жаловалась. Не жаловался и папа, но от носа к углам рта у него пролегли глубокие борозды, которые не могла прикрыть даже борода. Но главным образом дело было в Пегги.

Когда мы впервые перевезли ее на ферму, она очень оживилась. Мы постепенно снижали давление у нее в комнате, а она уверяла, что уже здорова, и дразнила нас, что выйдет погулять без всяких носилок. Однажды мы это даже попробовали, по совету доктора Арчибальда, и у нее не пошла носом кровь, но через десять минут она запросилась обратно в дом.

Дело в том, что она никак не могла приспособиться. И не только к давлению: что-то еще было неладно. Это была не ее планета — и она не могла здесь расти. Видали вы когда-нибудь растение, которое никак не может прижиться после пересадки на новое место? Вот так и с ней.

Ее место было на Земле.

Наверно, мы устроились неплохо, но, конечно, была огромная разница между жизнью богатого фермера, вроде папы Шульца, у которого амбар ломится от коровьего навоза, в леднике с потолка свисают окорока и хозяйство оснащено всевозможными современными удобствами, даже вода бежит из крана, — и существованием бедных фермеров, вроде нас, вручную обрабатывающих целину и имеющих кучу долгов Колониальной комиссии. В ту зиму у нас хватало досуга на то, чтобы об этом поразмыслить. Однажды в четверг мы все собрались в комнате у Пегги после обеда. Только что началась темная фаза, и папе нужно было возвращаться в город. Мы всегда устраивали ему проводы. Молли чинила белье, папа с Пегги играли в криббедж. Я принес ак-

кордеон и начал что-то наигрывать. Помню, поначалу настроение у всех было вполне бодрое. Не знаю уж, как это у меня получилось, только вскоре я обнаружил, что наигрываю «Зеленые холмы Земли».

Я эту песню очень давно не играл. Я исполнил ту часть фортиссимо, где поется: «В путь, сыновья великой Терры. Могучий двигатель ревет...», а про себя подумал, что двигатели теперь уже не ревут. Я все еще об этом думал, когда перешел к последнему припеву, к тому, который надо играть очень тихо и мягко: «А под последнюю посадку, судьба, мне шарик мой пошли...» Я поднял голову и увидел, что по щекам у Молли текут слезы.

Ох, как я на себя разозлился! Вскочил, резко положил аккордеон, даже не закончив песню. Папа спросил:

— Билл, в чем дело?

Я пробормотал что-то насчет того, что мне надо проведать Мэйбл, вышел в гостиную, надел на себя тяжелую уличную одежду и на самом деле отправился во двор, хотя к амбару так и не подошел. Падал снег, и уже почти стемнело, хотя Солнце скрылось за горизонтом всего два часа тому назад. Снегопад внезапно прекратился, но небо было все еще затянуто тучами, и Юпитера видно не было. На западе в просвете между тучами проглядывали закатные лучи. Когда глаза мои приспособились к этому слабому освещению, я смог оглядеться: горы, заснеженные до самых оснований, исчезающие в тучах, озеро — просто лист льда, засыпанный снегом, и валуны по краям нашего поля, которые отбрасывали на снег таинственные тени. Пейзаж вполне соответствовал моим чувствам: он походил на место, куда ссылают за тяжкие грехи.

Я попытался понять, что же я-то делаю в таком месте.

На западе тучи чуть раздвинулись, и я увидел одинокую зеленую звезду, которая висела низко над горизонтом, как раз над тем местом, где зашло Солнце. Это была Земля.

Не знаю, много ли прошло времени, только в какой-то момент я вдруг почувствовал чью-то руку у себя на плече. От неожиданности я даже подпрыгнул. Это был папа, весь закутанный для девятимильного похода сквозь тьму и снег.

— Что случилось, сынок? — спросил он.

Я начал было объяснять, но слова застревали у меня в горле. Наконец, я спросил:

— Пап, зачем мы сюда приехали?

— М-м-м... Ты же хотел этого. Помнишь?

— Помню, — согласился я.

— И все же — основная причина, почему мы сюда поехали, — это спасти твоих внуков от голодной смерти. Земля перенаселена, Билл.

Я снова поглядел на Землю. Помолчал, потом произнес:

— Пап, я сделал открытие. Для жизни нужно больше, чем питаться три раза в день. Конечно, здесь мы добьемся урожая — эта почва поможет даже биллиардному шару обрасти волосами. Но не думаю, что можно строить какие-то планы насчет растущих здесь внуков: им тут придется несладко. Я стараюсь всегда признаваться в своих ошибках.

— Ты неправ, Билл. Твоим ребятишкам эта планета понравится. Например, эскимосы. Они ведь любят те места, где живут.

— Сомневаюсь.

— Вспомни: ведь предки эскимосов не были эскимосами, они тоже были иммигрантами. Если ты отправишь своих детишек на Землю в школу, они будут скучать по Ганимеду. Они возненавидят Землю. Они будут слишком много весить, им не понравится воздух, им не понравится климат, им не понравятся люди.

— Гм-м... Слушай, Джордж, а тебе-то тут нравится? Ты доволен, что мы сюда приехали?

Долгое время папа молчал. Наконец, он ответил:

— Я тревожусь за Пегги, Билл.

— Ага, я знаю. Но как насчет тебя самого — и Молли?

— За Молли я не волнуюсь. У женщин настроения часто меняются, от них всякого можно ждать. Но к этому привыкаешь, — спохватившись, он тряхнул головой: — Я опаздываю. Иди-ка в дом, и пусть Молли нальет тебе чашку чаю. Потом пойди и взгляни на кроликов. Мне кажется, самка снова собирается принести потомство, а нам не годится терять крольчат.

Он опустил плечи и двинулся к дороге. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду, и только тогда пошел в дом.

16. ПРЯМАЯ ЛИНИЯ

А потом внезапно наступила весна и все пошло хорошо.

Даже зима показалась нам славной, когда она уже миновала. Зимы для нас были необходимы: ведь без замораживания и оттаивания не может развиваться почва, не говоря о том, что многие растения не дают плодов, если не бывает холодной погоды. А уж четыре-то недели дурной погоды может перетерпеть каждый. Когда наступила весна, папа на время оставил свою работу, мы с ним энергично взялись за дело и засадили все наше поле. Я взял напрокат тележку с моторчиком и сеял поперек своих полосок, чтобы «живая почва» распространялась повсюду. Потом пришлось поломать спину, подготавливая овраг к посадке яблонь. Я давно высадил те семена, которые дал мне папа Шульц, сначала выращивал их в комнате у Шульцев, потом в нашем доме. Шесть из них проросли и теперь достигли почти двух футов в высоту.

Я решил попытаться пересадить их в открытый грунт. Возможно, к следующей зиме придется опять взять их в комнату, но пока стоило выпустить их на волю. Папа тоже заинтересовался моими дерзкими опытами, правда, не только ради плодов — он мечтал получить строительный материал. Строить из дерева вроде бы уже не модно, но попробуйте обойтись без него. Наверно, Джорджу не давала покоя картина, как горы Биг Рок-Кэнди покрываются высокими стройными соснами... в один прекрасный день, в один прекрасный день. Так что мы заложили толстый слой почвы, устроили дренаж и, замахнувшись далеко в ширину, внесли в почву большое количество накопившегося за зиму компоста и добавили немного нашей драгоценной насыщенной земли. Когда мы закончили работу, места было достаточно для двадцати деревьев, а мы посадили там шесть наших маленьких детенышей. Пришел папа Шульц и произнес над ними слова благословения.

Потом мы вошли в дом, чтобы он поздоровался с Пегги, и заполнили почти всю ее крошечную комнатку. Джордж обычно говорит, что, когда папа Шульц вдыхает, давление сразу падает. Немного позже папа разговаривал с папой Шульцем в гостиной и, когда я проходил мимо, Джордж остановил меня:

— Билл, — спросил он, — тебе бы не хотелось прорезать здесь окошко?

Он указал на глухую стену. Я так и вылупился на него:

— Ты что? А как же мы будем согревать дом?

— Я имею в виду настоящее окошко, застекленное.

«Ничего себе!» — подумал я. Никогда в жизни я не жил в доме с настоящими окнами: мы всегда снимали городскую квартиру. Я, конечно, видел окна — в деревенских домах на Земле, но на Ганимеде не было ни единого окошка, и мне никогда не приходило в голову, что оно вообще может быть.

— Папа Шульц собирается прорубить окошко в своем доме. Я и решил, что славно, должно быть, сидеть тут в комнате у окна и любоваться озером в светлые фазы, — объяснил папа.

— Чтобы дом стал домом, нужны окна и камины, — безмятежно изрек папа Шульц. — Теперь, когда мы изготовляем стекло, я надеюсь наслаждаться видом из окна.

Джордж кивнул:

— Триста лет наша раса застекляла окна. А потом люди заперлись в коробках с кондиционированным воздухом и вместо естественного пейзажа стали глазеть на дурацкие картинки в телевизоре. С таким же успехом можно жить и на Луне, как в этих земных комнатах.

Идея была неожиданной, но казалась вполне здравой. Я знал, что в городе стекло изготовляется. Джордж говорит, что изготовление стекла — одно из древнейших ручных ремесел, если не самое древнее, и определенно одно из простейших. Но я-то думал о стекле, имея в виду бутылки и тарелки, а вовсе не оконные стекла. В магазине уже продавались стеклянные банки, раз в десять дешевле, чем привозные. Вид из окна — это была славная идея. Можно прорезать одно окно на юг и любоваться озером, а другое на север, чтобы смотреть на горы. Ведь я смогу даже проделать окно в потолке, лежать в постели и любоваться Юпитером! Уймись, Уильям, сказал я себе, ведь этак следующий дом ты целиком из стекла выстроишь! Когда папа Шульц ушел, я заговорил с Джорджем.

— Послушай, — сказал я, — любоваться видом из окна — идея, конечно, замечательная, особенно из комнаты Пегги. Но сможем ли мы это потянуть?

— Думаю — сможем, — сказал он.

— Я имею в виду, сможем ли мы потянуть это так, чтобы тебе не пришлось снова поступать на работу в городе? Ты же там служил уже просто до потери сознания. Теперь такой необходимости нет — ферма нас прокормит.

Он кивнул:

— Как раз собирался с тобой об этом потолковать, Билл. Я уже решил бросить почти всю работу в городе, кроме вечерних классов, по субботам буду преподавать.

— Это тебе необходимо?

— Понимаешь, Билл, мне нравится преподавать инженерное дело. И пусть тебя не волнует стоимость этого стекла: мы его получим бесплатно. Твоему старику кое-что полагается за то, что он наладил стекольный завод. «Не затыкай рта у вола молотящего», — процитировал он. — А теперь нам с тобой лучше заняться делом: на пятнадцать часов назначен дождь.

Наверно, недели через четыре после этого все луны выстроились в ряд. Это целое событие, которое происходит крайне редко. Ганимед, Каллисто, Ио и Европа выстраиваются по линеечке, и все находятся по одну сторону от Юпитера. Каждые семьсот два дня они составляют почти прямую линию, но все же это «почти» сохраняется. Видите ли, у них у всех разные периоды обращения, от неполных двух дней для Ио до двух с лишним недель для Каллисто, и соотношение их периодов не очень точно выражается в целых числах. Кроме того, их орбиты имеют разные эксцентриситеты и лежат не совсем в одной плоскости. Так что истинно прямая линия получается очень редко — почти никогда. Помимо всего прочего, эта прямая линия включала еще и Солнце; а уж такое происходит только в полную фазу Юпитера.

Мистер Хукер, главный метеоролог, объявил, что по произведенным расчетам подобная совершенно прямая линия повторится снова не раньше чем через двести тысяч лет. Так что вы поймете, до чего нам всем не терпелось на нее посмотреть. Ученые, участники проекта «Юпитер», тоже ждали этого события и вооружились аппаратурой до зубов. Все это происходило в полную фазу Юпитера и означало не только то, что шестое небесное тело — Солнце — включится в прямую линию, но и то, что нам

удастся это наблюдать. Тени Ганимеда и Каллисто будут падать на Юпитер, а Ио и Европа в это время окажутся между нами и Юпитером. Полная фаза наступает в шесть утра в субботу, поэтому мы все поднялись спозаранку, в половине пятого, а в пять уже вышли на улицу. Мы с Джорджем вынесли Пегги на носилках под куполом. Как раз вовремя подоспели.

Была роскошная ясная ночь, самая светлая, какая только возможна. Юпитер горел у нас над головами, точно охваченный пожаром воздушный шар. Ио только что почти «поцеловала» край Юпитера — это называют «первым контактом». Европа уже чуть вошла в его восточный край, и мне пришлось напрячь зрение, чтобы ее увидеть. Если луна находится не в полной фазе, нетрудно бывает ее разглядеть, когда она проходит через Юпитер; но при полной фазе она имеет тенденцию размываться и смешиваться с фоном. Однако обе, Ио и Европа, сияли чуточку ярче Юпитера. Кроме того, они нарушили картину полос Юпитера, и это тоже помогало их разглядеть. На фоне планеты, но все-таки с восточной стороны, скажем, на полпути к центральной точке Юпитера, — находились тени Ганимеда и Каллисто. Я не смог бы их отличить друг от друга, если бы не знал, что тень Ганимеда ближе к востоку. Они были просто маленькими черными точками: три тысячи миль или около того — ничто по сравнению с шириной Юпитера в восемьдесят девять тысяч миль, их там едва можно было различить. Ио выглядела чуточку крупнее, чем эти тени. Европа казалась почти вдвое меньшей — примерно так же видна с Земли Луна.

Мы ощутили легкий подземный толчок, но ничуть не встревожились: мы уже привыкли к толчкам. Кроме того, примерно в то же время Ио «поцеловалась» с Европой. С этого времени и до самого конца зрелища Ио постепенно соскальзывала под — или за — Европу. Они проползали по поверхности Юпитера: луны — очень быстро, а тени скользили медленно. Пока мы находились во дворе, а это продолжалось немногим более получаса, две тени поцеловались и начали сливаться. Ио наполовину скрылась за Европой и казалась большой опухолью у нее на боку. Они были почти на полпути к центру, а тени даже ближе. Как раз перед тем, как наступило шесть часов, Европа (Ио уже больше не была вид-

на, Европа полностью ее закрыла) поцеловала тень, которая к этому времени слилась в одну круглую темную поверхность.

Четыре или пять минут спустя тень выползла на верхушку Европы, все они стояли на одной линии — и я сознавал, что наблюдаю совершенно необычное зрелище, что ничего удивительнее этого я никогда за всю мою жизнь не увижу. Солнце, Юпитер и четыре его самые крупные луны составляли совершенно прямую линию.

Я глубоко вздохнул, не знаю уж, как долго я задерживал дыхание.

— Вот это да! — только и мог подумать и вымолвить я.

— Вполне разделяю твои чувства, Билл, — отозвался папа. — Молли, не пора ли нам унести Пегги в дом? Боюсь, что она начала мерзнуть.

— Да, — согласилась Молли. — Да и я тоже.

— А я сейчас пойду на озеро, — отозвался я.

Разумеется, ожидался грандиознейший прилив. Пока озеро было слишком маленьким, чтобы прилив в нем можно было заметить, но я сделал отметку и надеялся замерить его величину.

— Не заблудись в темноте, — крикнул мне вслед папа.

Я не ответил. Глупое замечание не требует ответа.

Я уже добрался до конца дороги и прошел, должно быть, с четверть мили еще, когда ударил подземный толчок. Он опрокинул меня навзничь — такой мощный толчок я испытал в жизни впервые. В Калифорнии бывали сильные толчки, но они не шли ни в какое сравнение с этим. Долго я лежал вниз лицом, вцепившись в скалу ногтями и пытаясь заставить ее стоять неподвижно. Все качалось, словно у меня был приступ морской болезни. Качалось, качалось и качалось, а вместе с качанием раздавался шум — глубокое басовое грохотание, сильнее, чем гром, и гораздо более зловещее. Скала качнулась и ударила меня в бок. Я вскочил и умудрился каким-то образом устоять. Земля все еще качалась, и грохот продолжался. Я повернул к дому, побежал — это напоминало танец на поверхности дрейфующей льдины. Дважды я падал и снова поднимался. Весь фасад дома обвалился. Крыша покосилась и висела под немыслимым углом.

— Джордж! — завопил я. — Молли! Где вы?

Джордж услышал меня и появился из другой части дома. Теперь я увидел его за покореженной крышей. Он ничего не сказал. Я кинулся к тому месту, где он стоял.

— С тобой все в порядке? — спросил я.

— Помоги мне вытащить Молли, — он запыхался.

Позже я узнал, что Джордж вошел в дом вместе с Молли и Пегги, помог Пег выбраться из носилок и вернуться к себе в комнату, а после снова вышел во двор, предоставив Молли готовить завтрак. Толчок настиг его, когда он возвращался из амбара. Но в тот момент у нас не было времени все это выяснить — мы кинулись голыми руками растаскивать камни, каждый из которых скауты взгромождали наверх вчетвером, дружно покрывая наш дом крышей. Джордж все время кричал:

— Молли! Молли, ты где?

Она лежала на полу у каменного кухонного стола, на который навалилась крыша. Мы освободили ее. Джордж пробрался к ней через обломки:

— Молли! Молли, родная!

Она открыла глаза:

— Джордж!

— Ты цела?

— Что случилось?

— Толчок. С тобой все в порядке? Ты не ранена?

Она села, морщась, будто у нее что-то болело, и сказала:

— Я... кажется, я... Джордж! Где Пегги? *Вытащи Пегги!*

Комната Пегги устояла: бетонные укрепления выдержали, в то время как остальные части дома обвалились. Папа настоял на том, чтобы сначала мы вытащили Молли на воздух, а потом уж стали растаскивать камни, которые мешали проникнуть в шлюз перед комнатой Пегги. Внешняя дверь шлюза сорвалась с прокладки и была широко распахнута — не вовнутрь, как всегда, а наружу. Внутри шлюза было темно: туда не проникал свет Юпитера. Я не мог ничего разглядеть, но когда толкнул внутреннюю дверь, она не поддалась.

— Не могу ее с места сдвинуть, — пожаловался я. — Принеси свет.

— Наверное, давление воздуха ее все еще держит. Покричи Пегги, чтоб забралась в носилки, и мы выпустим из комнаты воздух.

— Мне нужен свет, — повторил я.

— Нет у меня освещения.

— Разве у тебя нет фонарика?

У меня-то фонарик с собой был, когда я отправился на озеро, во время темной фазы мы всегда носили их с собой, но я его где-то обронил во время толчка. Папа повспоминал, потом пробрался через обломки и скоро вернулся.

— Нашел между амбаром и домом, — сказал он. — Наверно, я его уронил.

Он направил свет фонарика на внутреннюю дверь, и я смог оценить ситуацию.

— Выглядит скверно, — тихо сказал папа. — Взрывная декомпрессия.

Между верхней частью двери и дверной коробкой зияла дыра, сквозь которую можно было просунуть палец. Значит, дверь держало не давление, ее заклинило. Папа позвал:

— Пегги! Ох, Пегги, милая, ты меня слышишь?

Ответа не было.

— Возьми фонарик, Билл. И отойди.

Он отступил назад, потом навалился на дверь плечом. Она чуть подалась, но не открылась. Он сильно ударил ее, дверь распахнулась, и Джордж упал на четвереньки. Он с трудом поднялся, пока я светил ему фонариком. Пегги лежала, наполовину свесившись с кровати, будто пыталась встать — и отключилась. Голова ее свисала, и на пол изо рта стекала струйка крови.

Молли появилась сразу же вслед за нами, они с папой положили Пегги на носилки, и папа поднял давление. Пегги была жива: она дышала, задыхалась и брызгала на нас кровью, когда мы пытались ей помочь. Потом заплакала. После того как мы устроили над ней купол, она, кажется, успокоилась — или снова потеряла сознание. Молли ревела, но не устраивала никакой лишней суматохи. Папа выпрямился, вытер лицо и сказал:

— Берись, Билл. Надо отнести ее в город.

Я ответил:

— Да, — и взялся за один конец носилок.

Молли держала фонарик, а мы несли носилки и пробирались через нагромождение камней, которое раньше было нашим домом. Во дворе мы на минутку поставили носилки, и я огляделся. Я посмотрел вверх на Юпитер: тени все еще лежали на его поверхности, а Ио и Европа еще не добрались до западного края. Все происшествие заняло не больше часа. Но не это занимало меня, а то, что небосвод выглядел как-то странно. Звезды светили слишком ярко, и их было слишком много.

— Джордж, — позвал я, — что это случилось с небом?

— Сейчас не время... — начал было он. Но вдруг осекся и очень медленно произнес: — Великий Боже!

— Что такое? — спросила Молли. — В чем дело?

— Назад в дом, все, живо! Нужно забрать всю одежду, какую мы сможем найти! И одеяла.

— Как? Почему?

— Тепловая ловушка! Она не действует — наверно, землетрясение повредило энергетическую установку.

Мы снова начали раскапывать развалины, пока не нашли все, что могло пригодиться. Трудно было только отодвигать камни, сборы не заняли много времени, мы ведь хорошо знали, где у нас что лежит. Одеяла нужны были для Пегги: папа туго обернул ими носилки, точно кокон, и как следует привязал.

— О'кей, Билл, — сказал он. — Теперь — живо вперед.

И вот тут я услышал мычание Мэйбл. Я остановился и посмотрел на папу. Он тоже остановился в нерешительности.

— О, черт возьми! — я впервые слышал, чтобы он ругался. — Не можем же мы оставить ее тут замерзать: она член нашей семьи. Давай, Билл, пошли!

Мы снова поставили носилки и помчались к амбару. Вместо него мы нашли груду обломков, но по жалобному мычанию Мэйбл мы определили, где она. Мы стащили с нее крышу, и она поднялась на ноги. Кажется, она была невредима, но не могла взять в толк, что происходит. Она смотрела на нас с негодованием. Порядочно времени ушло, чтобы вытащить ее из стойла: папа тащил, а я выталкивал ее сзади. Папа отдал веревку Молли.

— А куры? — спросил я. — А кролики?

Некоторых из них раздавило, другие разбрелись по двору. Я почувствовал, как один из кроликов шмыгнул у меня из-под ног.

— Некогда! — рявкнул папа. — Невозможно взять их, все, что мы могли бы для них сделать — это их перерезать. Пошли!

Мы направились к дороге. Молли возглавляла шествие, ведя и таща Мэйбл и неся фонарик. Нам нужен был свет. Ночь, только что казавшаяся слишком яркой и ясной, внезапно нахмурилась. Вскоре мы перестали видеть Юпитер, а потом стало невозможно разглядеть даже собственные пальцы на руке. Дорога под ногами сделалась мокрой: не от дождя, но от внезапной росы. Холод заметно крепчал. А потом хлынул дождь, упорный и холодный. Вскоре он перешел в мокрый снег. Молли отступила назад:

— Джордж! Мы уже дошли до поворота к Шульцам? — спросила она.

— В этом нет толку, — объяснил он ей. — Мы должны положить ребенка в больницу.

— Я не об этом. Разве не надо их предупредить?

— Они не пострадают. У них устойчивый дом.

— Но холод!

— А-а.

Он понял, что она имела в виду, и я тоже, когда об этом подумал. Теперь, когда нет тепловой ловушки, а энергетическая установка разрушена, колония в скором времени будет похожа на ящик, набитый льдом. Какой прок в приемнике энергии у вас на крыше, если нет энергии, которую можно принимать? Будет становиться все холоднее, холоднее и холоднее...

А потом еще холоднее. И еще.

— Продолжаем двигаться, — неожиданно приказал папа. — Решим, что делать, когда подойдем туда.

Но мы ничего не решили, потому что так и не нашли того поворота. К этому времени снег летел нам в лицо, и поворота мы, должно быть, попросту не заметили. Теперь снег был сухой, и острые иголочки больно жалили лицо. Я начал считать шаги, когда мы миновали стены из лавы, отмечающие место, откуда новая дорога вела к нашему дому, а в другую сторону — дальше, к другим

фермам. Насколько я могу судить, мы прошли миль пять, когда Молли остановилась.

— В чем дело? — закричал папа.

— Дорогой, — ответила она, — я не могу найти дорогу. Кажется, я заблудилась.

Я расшвырял снег ногой. Под ним была обработанная земля — совсем мягкая. Папа взял фонарик и посмотрел на часы.

— Мы, должно быть, прошагали ми́ль шесть, — объявил он.

— Пять, — поправил я его. — Самое большее — пять с половиной.

Я объяснил им, что считал шаги. Папа подумал.

— Мы подошли как раз к тому месту, где дорога идет на одном уровне с полем, — заключил он. — Отсюда не больше мили или полмили до ущелья через хребет Кнайпера. После ущелья мы не можем заблудиться. Билл, возьми-ка фонарик и отойди на сто шагов вправо, а потом поверни назад влево. Если это не поможет, двинемся дальше. И, Бога ради, возвращайся по своим собственным следам — иначе ты не сумеешь отыскать нас в этом буране.

Я взял фонарик и отправился. Поворот вправо ничего не дал, хотя я прошел сто пятьдесят шагов вместо ста. Я вернулся, рассказал о своей неудаче и начал сначала. Папа пробурчал мне в ответ нечто невразумительное: он сосредоточенно что-то делал с носилками. На двадцать третьем шаге влево я нашел дорогу. Она шла ниже уровня поля на добрый фут; я оступился, упал и чуть не потерял фонарик. Наконец, мне удалось подняться, и я вернулся к ним.

— Хорошо! — сказал папа. — Просунь-ка шею вот в это.

«Это» оказалось нечто вроде ярма, которое он смастерил из связанных одеял, так что образовалось нечто похожее на веревку, прикрепленную к носилкам. Просунув туда шею, я смог взять тяжесть ноши себе на плечи и только чуть-чуть придерживать носилки руками за свой конец. Носилки были не такие уж тяжелые, но руки у нас начали застывать от мороза.

— Здорово! — похвалил я. — Но послушай, папа, пусть Молли возьмется за твой конец.

— Чушь!

— Вовсе не чушь. Молли вполне в силах это сделать — правда, Молли? А ведь ты знаешь эту дорогу лучше нас, ты же много раз топал по ней в темноте.

— Билл прав, дорогой, — мгновенно откликнулась Молли. — Вот, возьми Мэйбл.

Папа уступил, взял фонарик и веревку Мэйбл. Корова отказывалась идти и пыталась сесть. Кажется, папа пнул ее под зад и стукнул по шее. Она была оскорблена в лучших чувствах, потому что не привыкла к такому обращению, особенно от папы. Но ублажать ее не было времени: становилось все холоднее. Мы двинулись дальше. Не знаю уж, каким образом папа отыскивал дорогу, но он с нее не сбивался. По моим подсчетам, мы прошли еще с час и оставили далеко позади ущелье Кнайпера, когда Молли споткнулась, ноги под ней словно бы подкосились, и она упала на колени прямо в снег.

Я тоже остановился и сел: вымотался я ужасно. Хотелось сидеть и больше никогда не вставать, и пусть себе валит на меня снег. Папа вернулся, обнял Молли и уговорил ее снова взять Мэйбл: нельзя было допустить, чтобы корова пропала на этой равнине. Молли пыталась спорить, но папа ни слова не говоря просто снял петлю с ее плеч. Потом он подошел к носилкам, отогнул с купола одеяло, посветил внутрь фонариком и тут же завернул одеяло на место. Молли спросила:

— Ну, как она?

Папа ответил:

— Еще дышит. Глаза раскрыла, когда свет упал ей на лицо. Пошли дальше.

Он надел на себя петлю, а Молли подхватила веревку и фонарик. Молли не могла видеть то, что увидел я: пластик купола изнутри покрылся изморозью. Папа не видел, как Пегги дышит, он не видел ничего. Я довольно долго думал об этом. Прав ли был папа, солгав? Лжецом он не был, это уж точно, — и все-таки... Тогда мне казалось, что такая ложь в тот момент была лучше правды. Сложно это все. Вскоре я об этом совсем забыл: я был занят только тем, что ставил одну ногу впереди другой и считал шаги. Я больше не ощущал своих ног. Папа остановился, и я уперся в свой конец носилок.

— Слушайте, — сказал он.

Я прислушался — и до меня донесся глухой грохот.

— Толчок?

— Нет. Тише. — Потом он добавил: — Это там, ниже по дороге. А ну, с дороги, все! С дороги! Вправо!

Грохот усилился, и вскоре я различил свет на снегу, позади того места, где мы только что прошли. Папа тоже увидел свет, он ступил на дорогу и начал размахивать фонариком. Грохот умолк прямо перед ним, это оказалась камнедробилка, и она вся была нагружена людьми, люди цеплялись за нее со всех сторон и даже сидели верхом на лопате. Водитель заорал:

— Забирайтесь! Живо!

Тут он увидел Мэйбл и добавил:

— Никакой скотины.

— У нас тут носилки с моей больной дочкой, — заорал ему папа. — Мы нуждаемся в помощи.

Произошло некоторое смятение, потом водитель приказал двоим мужчинам сойти и помочь нам. В этой сумятохе папа куда-то исчез. Только что Молли держала Мэйбл за веревку, и вот уже папа исчез — и корова вместе с ним. Мы взгромоздили носилки на лопату, и несколько мужчин подперли их плечами. Я не мог понять, что случилось с папой, и думал, что, может быть, надо спрыгнуть и поискать его, но тут он появился из темноты и вскарабкался рядом со мной.

— Где Молли? — спросил он.

— Наверху. А где же Мэйбл? Что ты с ней сделал?

— С Мэйбл все в порядке.

Он сложил нож и сунул его в карман. Я не задавал больше вопросов.

17. БЕДСТВИЕ

После этого мы обогнали еще нескольких человек, но водитель уже не останавливался. До города оставалось совсем немного, и он настаивал, что они могут дойти и сами. По его словам, у него аварийный блок питания был на пределе: он проехал весь

путь от самой излучины озера, за десять миль до нашей фермы. Кроме того, я просто не представлял себе, куда бы он стал сажать еще людей. Мы и так сидели очень тесно, и папа вынужден был все время предупреждать всех, чтобы не облокачивались на купол носилок.

Наконец, блок питания истощился, и водитель закричал:

— Эй, все — сходи! На своих двоих дойдете!

Но теперь мы были фактически уже в городе, на окраине, и дойти можно было бы без особых трудностей, если бы не буран. Водитель стал помогать папе с носилками. Он был добрый парень, и, увидев его при свете, я понял, что это тот самый, что обрабатывал наш участок. Через долгое-долгое время мы оказались в больнице, и санитары вытащили Пегги из носилок и поместили в палату под искусственным давлением. Она была жива. В тяжелом состоянии, но жива. Молли осталась с ней. Я бы тоже остался: в больнице было так тепло, у них свой блок питания. Но мне не разрешили.

Папа объяснил Молли, что должен явиться к главному инженеру. Мне велели идти на станцию приема иммигрантов. Я так и сделал. Там все было в таком же состоянии, как в тот день, когда мы прибыли, только холоднее. Я оказался в той же самой комнате, где впервые провел ночь на Ганимеде.

Помещение было переполнено, и с каждой минутой народу набивалось все больше, по мере того как прибывали новые беженцы. Было холодно, хотя не так обжигающе, как снаружи. Электричество, разумеется, было отключено; свет и тепло шли от энергетической установки. В некоторых местах удалось наладить малое освещение, и можно было полуощупью пробираться, куда нужно. Кругом слышались обычные жалобы, хотя, пожалуй, не такие бесконечные, как у иммигрантов. Я-то на них не обращал внимания: я был счастлив оказаться внутри помещения, согреться и почувствовать, как у меня оживают ноги. Мы оставались там тридцать семь часов.

Поесть нам дали только через сутки.

Так вот оно все получилось: металлические здания, такие как станция приема, устояли. Устояли и очень немногие каменные

дома; мы все это узнавали друг от друга. Энергетическая установка вышла из строя, а вместе с ней и тепловая. Никто ничего об этом не сообщал, говорили только, что порядок восстанавливается. Нас набралось так много, что мы согревались теплом друг друга, будто овцы. Ходили слухи, что работают несколько обогревателей, что один из них непременно включается, если температура спускается к точке замерзания. Может, они и включались, но мне ни разу не удалось приблизиться к этим обогревателям, и я думаю, что в том помещении, где я находился, температура даже не поднималась до точки замерзания.

То и дело я присаживался, обхватывал руками колени и погружался в дремоту. Потом пробуждался от очередного кошмара, вскакивал и начинал колотить себя по бокам и расхаживать по помещению. Через некоторое время снова садился на пол — и опять отмораживал себе задницу. Припоминаю, что я повстречал Эдвардса Крикуна в этой толпе и помахал пальцем у него перед носом, говоря, что намерен задать ему перцу. Помнится, он вроде бы посмотрел на меня недоумевающе, словно не мог понять, кто я такой. Но точно не знаю: это могло мне и присниться. Мне кажется, я и Хэнка случайно повстречал и долго с ним разговаривал, но Хэнк потом уверял, что он меня вовсе не видел все эти первые часы.

Спустя долгое-долгое время — казалось, что прошла целая неделя, но часы показывали восемь часов воскресного утра — нам раздали по тарелке тепловатого супа. Он был прекрасен. После него мне захотелось выйти из здания и отправиться в больницу, чтобы найти Молли и проведать Пегги. Меня не выпустили. Снаружи было минус семьдесят, и температура продолжала падать.

Около двадцати двух часов восстановили электрическое освещение, и худшее осталось позади.

Вскоре после того нам дали поесть как следует: суп с сэндвичами, а в полночь, когда взошло солнце, объявили, что все, кто отважится рискнуть, может выйти. Я подождал до полудня понедельника. К тому времени температура поднялась до минус двадцати, и я помчался в больницу. Пегги чувствовала себя лучше — насколько это было возможно. Молли была при ней и лежала с

ней вместе в постели, прижимая ее к себе, чтобы согреть. Хотя в больнице имелась вспомогательная система отопления, она не была рассчитана на такую катастрофу, и там было не теплее, чем на станции. Но Пегги перенесла холод, так как почти все время спала. Она до такой степени пришла в себя, что смогла улыбнуться и поздороваться со мной.

Левая рука Молли была в гипсе и на перевязи. Я спросил, как это вышло, и сразу почувствовал себя дурак дураком. Это случилось во время самого землетрясения, просто я ничего не знал, и Джорджу до сих пор это осталось неизвестно: никто из инженеров еще не вернулся. Казалось просто невероятным, что она справилась со всем, что ей досталось, пока я не вспомнил, что она подхватила носилки только после того, как папа взял у нее веревку с Мэйбл и устроил петлю на шею. Молли — человек что надо.

Когда меня выставили, я потрусил обратно на приемную станцию — и почти тотчас наткнулся на Сергея. В руках у него был карандаш и какой-то список, а окружала его группа старших.

— Что происходит? — спросил я.

— Вот как раз тот парень, которого я ищу, — сказал он. — А я тебя записал в погибшие. Спасательная группа — записываешься?

Я, разумеется, записался. Эти группы составлялись из скаутов, шестнадцати лет и старше. Нас посылали на городских грузовиках на гусеничном ходу, на каждую дорогу выходил один грузовик, и мы работали по двое. Когда мы загружались, я заметил Хэнка Джонса, и нам разрешили работать в паре. Невеселая это оказалась работенка. Нам выдали лопаты, да еще списки с указанием, кто на какой ферме живет. Против имени иной раз стояла пометка: «Известно, что жив», а чаще вовсе было ничего не помечено. Такая пара, как мы, должна была со списком обойти три-четыре фермы, а на обратном пути нас забирал грузовик.

Задача заключалась в том, чтобы разобраться с теми, чьи имена не имели пометки, и — теоретически — вывозить тех, кто жив. Те, кому повезло, были убиты во время землетрясения. Неудачники слишком долго прождали и не смогли добраться до города. Некоторых мы обнаружили на дороге: они пытались дойти до города, но не успели. Самое худшее случилось с теми, чьи дома не рухнули, и они пытались просто отсидеться. Мы с Хэнком набрели на

одну такую пару, они застыли в объятиях друг друга. Твердые, будто окаменели.

Обнаружив кого-нибудь, мы идентифицировали этого человека по списку, а потом забрасывали снегом в несколько футов высотой, так чтобы труп еще немного сохранился после того, как начнется оттепель. Потом, когда мы кончили все дела с людьми на фермах, нам пришлось еще прочесать окрестности в поисках домашнего скота и вытащить каждую тушу на дорогу, чтобы их перевезли в город и заморозили на длительное время. Да, грязная была работенка, на мародерство смахивала. Но, как говорил мне Хэнк, со временем мы все чуточку проголодаемся.

Поведение Хэнка меня немного беспокоило: эта работа его как будто даже веселила. Вообще-то я согласился, что в эти долгие рейды лучше уж смеяться над тем, что мы делали, и через некоторое время я от него даже заразился. Слишком невероятные были все эти события, чтобы так вот сразу их осознать, и нельзя было допустить, чтобы они нас одолели.

Но я лучше понял Хэнка, когда мы добрались до его собственной фермы.

— Сюда заходить необязательно, — сказал он и сделал пометку в списке.

— Разве не надо поискать какой-нибудь скот? — спросил я.

— Не надо. У нас времени мало. Пошли дальше, к Миллерам.

— Они выбрались?

— Не знаю. В городе я никого из них не видел.

Миллеры не выбрались; мы едва успели о них позаботиться, как нас подобрал наш грузовик. Только через неделю я узнал, что родители Хэнка оба погибли при землетрясении. Он тогда вытащил их из дома и положил в ледник, потратив на это много времени, прежде чем двинулся в город.

Как и я, Хэнк был во дворе, когда ударил толчок, он все смотрел, как выравниваются в линию луны. Благодаря тому что самый сильный толчок произошел тотчас после этого небесного явления, множество народу не оказались убитыми в собственных постелях. Но говорят, что именно это выравнивание и послужило причиной землетрясения, спровоцировав его приливными напряжениями. Так что, с одной стороны, это послужило причи-

ной трагедии, но, с другой стороны, оно же многих и спасло. Конечно, само по себе построение лун в прямую линию не вызвало землетрясения, к тому дело уже давно шло — с тех самых пор, как начали атмосферный проект. В гравитации обязательно должно было наступить равновесие.

К моменту землетрясения в колонии насчитывалось тридцать семь тысяч человек. Когда мы закончили перепись, выяснилось, что в живых осталось всего тринадцать тысяч. Кроме того, мы потеряли весь урожай и погиб весь или почти весь скот. Как выразился Хэнк, мы все постепенно начнем голодать.

Нас забросили обратно на приемную станцию, а следующая смена отправилась на спасательные работы. Я отыскал укромное тихое местечко, чтобы немного поспать.

И только-только стал засыпать, как мне почудилось, будто кто-то меня трясет. Это был папа.

— Ты в порядке, Билл?

Я протер глаза:

— Я-то о'кей. Ты видел Молли и Пегги?

— Только что от них. Меня отпустили на несколько часов. Билл, ты видел кого-нибудь из Шульцев?

Я сел, совершенно проснувшись:

— Нет. А ты?

— Нет.

Я рассказал ему, чем был занят все это время. Он кивнул:

— Поспи еще, Билл. Я проверю, есть ли о них сведения.

Заснуть снова я не смог. Вскоре вернулся папа, чтобы сказать мне, что ему ничего не удалось обнаружить — ни по одному из его каналов.

— Я беспокоюсь, Билл.

— Я тоже.

— Надо пойти и выяснить.

— Давай, сходим.

Папа замотал головой:

— Необязательно идти нам обоим. Ты поспи.

Но я все равно пошел с ним.

Нам повезло. Как раз на дороге нам попалась группа спасения, мы проголосовали, и нас посадили. Эта группа должна была

осмотреть именно нашу ферму и ферму Шульцев. Папа сказал водителю, что мы проверим оба места и доложим, когда вернемся в город. Тот не возражал. Нас высадили на повороте, и мы зашагали к ферме Шульцев. Когда мы подходили, мне начали мерещиться кошмары. Одно дело закапывать в снег людей почти незнакомых, и совершенно другое — когда ждешь, что обнаружишь маму Шульц или Гретхен с синими застывшими лицами. Я не мог себе представить мертвого папу Шульца: такие, как папа Шульц, не умирают, они живут вечно. Или это так только кажется?

Но все же я не был готов к тому, что мы нашли.

Мы обошли маленький холмик, который скрывал их дом от дороги. Джордж остановился и сказал:

— Что ж, дом все еще стоит. Его сейсмоустойчивость оказалась надежной.

Я посмотрел на дом и вздрогнул, а потом завопил:

— Ой, Джордж — дерева нет!

Дом был цел, но яблоня — «самое прекрасное дерево на Ганимеде» — исчезла. Я побежал что было сил.

Мы уже подошли к дому, когда отворилась дверь. На пороге стоял папа Шульц.

Все они оказались невредимы, все до одного. От дерева осталась только зола в камине. Папа Шульц срубил его, как только вышла из строя энергетическая установка и температура начала падать — а потом, кусочек за кусочком, предал его огню. Рассказывая нам об этом, папа Шульц выразительным жестом указал на почерневшую топку:

— Глупость Иоганна они это называли. Думаю, теперь они уже не станут считать старого Джонни Яблочное Семечко ненормальным, а?

Он похлопал Джорджа по плечу.

— Но ваше дерево? — по-дурацки спросил я.

— Я другое посажу, много других. — Он замолчал и внезапно сделался серьезным. — Но твои деревья, Уильям, твои храбрые детки-деревца — ведь они погибли, да?

Я сказал, что еще их не видел. Он серьезно кивнул:

— Они погибли от холода. Гуго!

— Да, папа?

— Принеси-ка мне яблоко.

Гуго принес, и папа Шульц преподнес яблоко мне.

— Ты снова их посадишь.

Я кивнул и сунул яблоко в карман.

Они рады были услышать, что мы уцелели, хотя мама Шульц раскудахталась над сломанной рукой Молли. Оказывается, Ио пробрался к нашему участку еще во время первого периода бури, обнаружил, что мы ушли, и вернулся, отморозив в результате своих усилий оба уха. Сейчас он в городе, ищет нас. Но они были в полном порядке, все до одного. Они спасли даже свою живность: коровы, свиньи, куры, люди, все сбились в кучу, от мороза их спас огонь, который дала яблоня. Теперь животные снова были водворены в амбар, раз электростанция опять начала действовать, но в доме все еще сохранились следы их пребывания — и запахи тоже. Мне показалось, что мама Шульц больше расстроена тем, что ее безукоризненную гостиную пришлось превратить в скотный двор, чем масштабами бедствия. Не думаю, будто она осознавала, что большинство ее соседей погибли. Это до нее еще не дошло.

Джордж отверг предложение папы Шульца пойти с нами на нашу ферму и посмотреть, что от нее осталось. Тогда папа Шульц сказал, что он проводит нас до дороги, где ходят грузовики, потому что он хочет добраться до города и посмотреть, чем он может быть там полезен. Мы выпили по кружке крепкого чаю мамы Шульц, *съели по куску хлеба и пошли. Я все думал о Шульцах и* о том, как здорово, что мы нашли их всех живыми и невредимыми, пока пробирались к нашему участку. Я сказал папе, что это просто чудо. Он покачал головой:

— Ничуть не чудо. Они из тех людей, которые всегда выживают.

— А какие люди всегда выживают? — спросил я.

Он очень долго думал над моим вопросом и наконец сказал:

— Именно *такие* люди всегда выживают, такой уж у них тип. И наверно, это единственный способ, которым можно определить такой тип: они выживают.

Я сказал:

— В таком случае и мы тоже из того типа людей, которые всегда выживают?

— Может быть, — согласился папа. — Так или иначе, а через все это мы прошли.

Когда я отсюда уходил, дом был развалиной. С тех пор мне довелось увидеть десятки обрушившихся домов, и все-таки я был в шоке, когда мы поднялись по тропинке и увидели, что он и в самом деле развалина. Наверно, в глубине души я надеялся, что через некоторое время проснусь невредимый в теплой постельке и все будет в полном порядке. Поля были на месте — и это все, что о них можно было сказать. Я соскреб снег с того места, где, как я знал, начинали колоситься посевы. Растения, естественно, погибли, а земля была твердая. Я был абсолютно уверен, что погибли даже земляные черви: ничто не могло предупредить их, чтобы они забрались поглубже, под линию заморозков.

Мои маленькие деревца, конечно, тоже погибли. Мы нашли двух кроликов, прижавшихся друг к другу и застывших, они лежали под обломками, которые остались от амбара. Мы не нашли ни цыплят, ни кур, кроме одной, нашей самой первой. Она все еще сидела на яйцах на гнезде — оно не разрушилось, а сверху его покрывали обломки крыши амбара. Она и с места не сдвинулась, а яйца под ней замерзли. Наверно, это меня больше всего и достало.

Я был всего-навсего парень, который прежде владел фермой.

Папа бродил по дому. Он вернулся в амбар и заговорил со мной:

— Ну, *Билл*?

Я поднял голову:

— Пап, с меня довольно.

— Тогда вернемся в город. Скоро грузовик должен поехать.

— Я хочу сказать: меня это все достало.

— Я знаю.

Сначала я взглянул на комнату Пегги, но здесь папа уже поработал. Там валялся мой аккордеон. На футляр намело снегу через сломанную дверь. Я счистил снег и подобрал инструмент.

— Оставь его, — посоветовал папа. — Он здесь сохранится в целости, а тебе ведь даже некуда его положить.

— Не думаю, что я сюда вернусь, — заявил я.

— Хорошо.

Мы связали в узел все, что собрал папа, добавили туда еще аккордеон, двух кроликов и курицу и понесли все это к дороге. Скоро показался грузовик, мы залезли туда, папа бросил кроликов и курицу в кучу таких же туш, которые удалось где-нибудь найти. Папа Шульц ждал на своем повороте. На обратном пути мы с папой пытались отыскать Мэйбл на дороге, но не нашли. Может быть, ее подобрала другая группа, когда увидели, что она так близко от города. Я был этому рад. Конечно, ее следовало подобрать — но мне не хотелось делать это самому.

Я же не каннибал.

Мне удалось немного поспать и даже чего-то глотнуть, а потом меня отправили в следующую спасательную экспедицию. Колония начинала уже привыкать к новому порядку. Те, у кого уцелели дома, вернулись в них, а о нас, всех остальных, заботились на приемной станции; образ жизни напоминал тот, который установился, когда наша партия только прилетела. Еды, естественно, стало меньше, и впервые за все время, с тех пор как сюда начали прибывать первые колонисты, на Ганимеде ввели нормы на питание.

Нет, голодная смерть нам не грозила. Прежде всего, приходилось кормить не так уж много народу, а продукты все-таки были. По-настоящему тяжкий момент наступил позже. Было решено сдвинуть зиму на три месяца, то есть начать все снова, с весны. Из-за этого наступила путаница в календаре. Но зато у нас появилась возможность получить новый урожай в наиболее короткое время и возместить тот, который мы потеряли.

Папа продолжал выполнять свои инженерские обязанности в конторе.

По плану собирались запустить еще две энергетические установки, возле экватора, и каждая из них могла бы в одиночку обслужить тепловую ловушку. Никак нельзя было допускать еще одной такой катастрофы. Разумеется, оборудование приходилось доставить с Земли, но в одном отношении нам повезло: Марс как раз находился в таком положении, что мог служить посредником между Землей и нами. На Землю тотчас ушло сообщение о нашей трагедии, и вместо следующей партии иммигрантов, с новым рейсом нам должны были доставить все, в чем мы нуждались, чтобы восстановить разрушенное.

До этого мне дела не было. Я по-прежнему жил в городе, хотя Шульцы приглашали меня к себе на ферму. Я зарабатывал свой хлеб тем, что помогал отстраивать и делать сейсмоустойчивыми дома тех, кто уцелел. Но было твердо решено: все мы — Джордж, Молли, Пегги и я — вернемся на Землю первым же рейсом, если только для нас будет место. Решение было принято единодушно, правда, у Пегги не спросили. Так поступить было просто необходимо.

Мы не единственные собрались возвращаться. Колониальное управление, конечно, возражало, но при данных обстоятельствах чиновники были вынуждены отступить. После того как все было оформлено официально и начали составлять списки, мы с папой пошли в контору агента Управления, чтобы подать заявления. Мы были почти последними: папа задержался у себя на работе, а я ждал его. Контора была закрыта, на двери белела бумажка: «Вернусь через полчаса». Мы стали ждать. В комнате ожидания на досках были вывешены списки тех, кто подал заявления о репатриации. Чтобы убить время, я начал их читать, и папа тоже. Я нашел там имя Сондерса и показал Джорджу. Он фыркнул и сказал:

— Невелика потеря!

Фамилия Эдвардса Крикуна там тоже нашлась; возможно, что я на самом деле видел его тогда на приемной станции, хотя с тех пор его не встречал. Мне пришло в голову, что на корабле, вероятно, будет случай загнать его в уголок и отплатить ему, но на самом деле меня не особенно интересовала эта идея. Я перечитал список еще раз. Я ожидал, что увижу имя Хэнка Джонса, но его там не было. Я снова стал перечитывать список, очень тщательно, уделяя внимание каждой фамилии, которая оказывалась знакомой. И начал видеть нечто общее между ними. Через некоторое время чиновник вернулся и открыл дверь. Папа тронул меня за руку:

— Пошли, Билл!

Я сказал:

— Минутку, Джордж. Ты весь список прочел?

— Да, весь.

— Я тут подумал... Знаешь, Джордж, неохота мне быть в одной компании с этими придурками.

Он прикусил нижнюю губу:

— Я отлично тебя понимаю.

Я решился высказаться до конца:

— Поступай как хочешь, Джордж, но я домой не поеду, пока мы здесь не наведем порядок, если вообще когда-нибудь вернусь.

У папы сразу стало ужасно несчастное лицо. Он долго молчал, потом выговорил:

— Я ведь должен отвезти назад Пегги, Билл. А она не поедет без нас с Молли. Ей-то обязательно нужно уехать отсюда.

— Я знаю.

— Ты все это понимаешь, Билл?

— Да, папа, понимаю.

Он пошел подавать свое заявление, насвистывая какую-то песенку — он обычно насвистывал ее после того, как умерла Анна. Наверно, это у него получалось бессознательно. Я подождал его, и вскорости мы вместе оттуда ушли. На другой же день я вернулся на ферму. Не к Шульцам — на свою ферму. Переночевал в комнате Пегги, а наутро занялся уборкой и приведением дома в порядок, да еще приготовился сажать семена, выданные мне бесплатно по случаю стихийного бедствия.

А потом, за две недели до их отъезда на «Крытом фургоне» Пегги умерла, и больше ни для кого из нас не было необходимости возвращаться на Землю. Ио Шульц как раз был в городе, и папа попросил его сказать мне о том, что произошло. Ио пришел, разбудил меня, и я узнал, что Пегги не стало. Он предложил мне пойти с ним к нему домой. Я сказал — нет, спасибо, мне хочется побыть одному. Он взял с меня обещание прийти к ним на следующий день и ушел.

Я снова лег на кровать Пегги.

Она умерла, и я ничего больше не смогу для нее сделать. Умерла, и все из-за меня... если бы я ее не поддержал, они, может быть, уговорили бы ее уехать, когда еще не было слишком поздно. Она вернулась бы на Землю, ходила бы там в школу, выросла бы здоровой и счастливой — жила бы опять в Калифорнии, а не в этом распроклятом месте, где ей нельзя было жить, в месте, которое никогда не было предназначено для человеческого существа.

Я вцепился зубами в подушку и заревел. Я произнес вслух:

— Анна, Анна! Позаботься о ней, Анна. Она еще такая маленькая, она не будет знать, что ей делать.

А потом я перестал реветь и прислушался, почти ожидая ответа Анны и надеясь, что она мне пообещает, что станет заботиться о Пегги. Я ничего не услышал — сначала, а потом мне почудились слова Анны:

— Держись молодцом, Билли...

Только и всего. И снова — очень слабо и будто издалека:

— Не унывай, сынок.

Вскоре я встал, умылся и пошел в город.

18. ИЗЫСКАТЕЛЬСКАЯ ПАРТИЯ

Мы жили все вместе в комнате Пегги, пока мы с папой не посадили семена, которые у нас были, и только после этого мы сделали к комнате сейсмоустойчивую пристройку и проделали в стене большое окно с видом на озеро, и еще окно — это выходило на горы. У Пегги в комнате мы тоже устроили окно, и теперь можно было любоваться видом на противоположную сторону. А через некоторое время мы пристроили еще одну комнату, на всякий случай — вдруг когда-нибудь пригодится. Во всех комнатах были окна, а в гостиной мы сложили камин.

Весь второй сезон после землетрясения дел у нас с папой было невпроворот. К тому времени уже можно было получить вполне достаточно семян, и мы обработали пустующую ферму через дорогу от нас. А потом туда въехали жильцы, некие Эллисы, и они заплатили нам за тот урожай. Плата эта была просто, как говорится, «переводом со счета на счет», но в результате значительно уменьшился наш долг Комиссии. Через два ганимедских года после выравнивания лун следов катастрофы уже практически не было заметно. В окрестностях не осталось ни одного разрушенного дома, в колонии жило сорок пять тысяч жителей, а город процветал. Новые поселенцы прибывали с такой быстротой, что теперь мы уже могли выплачивать Комиссии не обработанной землей, а продуктами.

Наши дела шли не так уж и плохо. Мы завели улей. Купили Мэйбл Вторую, Марджи и Мэми, и я отправлял лишнее молоко в город с грузовиком, который раз в сутки проезжал по нашей до-

роге. Я приучил Марджи и Мэми к ярму и использовал их для пахоты: мы обработали еще пять акров и поговаривали о том, чтобы приобрести лошадь.

У некоторых лошади уже появились, например у Шульцев. Совету пришлось побороться за это, прежде чем было одобрено «вторжение» еще одного биологического вида. Консерваторы выступали в пользу тракторов. Но у нас пока не было оборудования для производства тракторов, а планета по плану должна была стать самоокупаемой — и пожиратели сена одержали победу. Лошади-то могут сами производить себе подобных, чего никак не скажешь о тракторах — они такому трюку пока не обучились.

Более того, хотя я воротил бы от него нос, когда был кротом в Диего-Боро, но жаркое из конины очень вкусное.

События развивались так, что новая комната нам очень даже сгодилась. Появились на свет близнецы — оба мальчика. Если посмотришь на рожденных здесь младенцев, то не скажешь, будто собираются прожить долго. Но все же они справляются с этим — потихоньку. Я купил им в подарок колыбель, сделанную здесь, на Ганимеде, из стеклоткани, проклеенной синтетической смолой. Перестала быть проблемой масса всяких товаров местного производства.

Я пообещал Молли, что, как только младенцы подрастут, я их посвящу в скауты-«щенки». Сборы я теперь посещал чаще, потому что у меня опять был отряд — имени Дэниела Буна, ребята в большинстве новенькие. Свои собственные испытания я все еще не удосужился сдать, но ведь невозможно одновременно поспеть повсюду. Однажды я уже совсем было подготовился и даже в списки попал, но тут как раз свинье приспичило принести выводок поросят, именно в тот самый день, ни раньше, ни позже. Но я твердо решил пройти эти испытания, мне хотелось снова заслужить звание «орла», хотя я уже приближался к такому возрасту, когда нашивки сами по себе не ценятся.

Из моего рассказа может сложиться впечатление, что те, кто выжил в катастрофе, совсем не горевали о погибших. Но это неправда.

Просто когда изо дня в день занимаешься тяжелой работой, голова все время загружена. Мы ведь не первая колония, где погибло

две трети людей, — да и не последняя тоже. Горюешь только до какой-то степени, а уж за ее пределами эти чувства переходят в жалость к самому себе. Это Джордж так говорит.

Джорджу все еще хотелось, чтобы я вернулся на Землю и закончил образование, да и я сам в какой-то степени носился с этой идеей. До меня стало доходить, как многого я не изучил. Мысль о поездке мне нравилась еще и потому, что я ведь не удирал домой сразу после землетрясения с поджатым хвостом. Я поеду как самостоятельный землевладелец, дорогу оплачу сам. Билет был дорогóй: пять акров — а это половина всей моей собственности. Пришлось бы взвалить тяжкий груз на Джорджа и Молли. Но они стояли за это.

Кроме того, у папы имелась на Земле неприкосновенная сумма денег, которую он отложил на мое образование. Все равно их невозможно было использовать иначе: Комиссия здесь принимала в качестве платы исключительно обработанную землю. Но у нас была небольшая надежда на то, что с помощью Совета мы добьемся решения суда там, на Земле, и эти деньги примут для оплаты моего проезда. Тогда мы даже не потеряем ни одного квадратного фута обработанной земли. Словом, ничего не пропадет понапрасну. Мы поговаривали о том, что хорошо бы мне улететь на «Новом ковчеге», а тем временем подоспело новое событие — топографическая съемка планеты.

Нужно было строить на Ганимеде другие поселения, кроме Леды, — это было очевидно еще тогда, когда прилетели мы. Комиссия планировала выстроить еще два порта для прибывающих, возле новых энергетических установок, и образовать три центра роста колонии. Теперешние колонисты должны были построить новые города, включая приемные станции, гидропонические сооружения, больницы, — при условии, что эта работа будет оплачиваться импортными товарами. Это означало, что увеличится поток иммиграции, и Комиссия прямо-таки рвалась делать все это теперь, когда она уже обеспечена кораблями, чтобы обрушить на нас большое количество новоприбывших.

Доброму старому «Джиттербагу» поручили переправить партии пионеров, чтобы выбрать новые участки и снять планы

местности — с ними летели и Сергей, и Хэнк. Я ужасно хотел отправиться с ними, у меня даже во рту становилось горько — так я хотел лететь с ними. Ведь с тех пор, как я жил на Ганимеде, мне ни разу не удалось побывать дальше пятидесяти миль от Леды. А если кто-нибудь спросит меня, когда я окажусь на Земле, каково там у вас на Ганимеде? Если по правде, то я и рассказать-то ничего не смогу: ведь я нигде не был.

Однажды был у меня шанс слетать на сателлит Барнарда в качестве служащего проекта «Юпитер» — но из этого так ничего и не вышло.

Появились близнецы. Пришлось остаться и заботиться о ферме.

Я поговорил с папой.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты опять откладывал отъезд, — серьезно возразил он.

Я объяснил, что это всего на два месяца.

— Гм-м... — произнес он. — А ты уже сдал испытания на нашивки?

Он прекрасно знал, что нет, и я переменил предмет разговора, сообщив ему, что Сергей и Хэнк едут.

— Но они оба старше тебя, — нахмурился он.

— Не так уж намного.

— Но мне кажется, они как раз достигли возраста, который требуется для такой поездки, а ты еще нет.

— Слушай, Джордж, — протестовал я, — правила выдумывают, чтобы их нарушать. Я это от тебя слышал. Там может оказаться какая-нибудь работа, которую я смогу выполнять. Повара, например.

Вот это-то самое место я и получил — повара.

Готовить я всегда умел неплохо — не сравнить, конечно, с мамой Шульц, но неплохо. На этот счет команда никогда не жаловалась.

Капитан Хэтти спустила нас в избранной точке на девять градусов севернее экватора и сто тринадцать градусов западной широты, то есть в тот конец планеты, где не видно Юпитера, и за три тысячи сто миль от Леды. Мистер Хукер говорит, что средняя

температура Ганимеда поднимется на девять градусов к следующему столетию, по мере того как все больше и больше древних льдов растает, — Леда к тому времени станет субтропическим городом, а вся планета будет заселена до половины пути к полюсам. Пока что колонии будут организовываться только на экваторе и вблизи него.

Я пожалел, что пилотом у нас капитан Хэтти — она так невыносимо ругается. Она считает капитанов космических кораблей совершенно особой расой — суперменами. Сама она, по крайней мере, ведет себя так, как будто к ним принадлежит. Недавно Комиссия заставила ее взять запасного пилота — слишком много работы для одного капитана. Пытались также подсадить к ней пилота-стажера — это такой косвенный способ заставить человека подать в отставку, — но она для них слишком твердый орешек. Она пригрозила, что поднимет «Джиттербаг» в воздух и разобьет его... и никто не осмелился с уверенностью сказать, что она блефует. В то время от «Джиттербага» все сильно зависели.

Первоначально «Джиттербаг» предназначался для того, чтобы возить грузы и пассажиров между Ледой и станцией проекта «Юпитер» на спутнике Барнарда, но это было в те далекие дни, когда корабли с Земли действительно опускались в Леде. Потом появился «Мэйфлауэр», и «Джиттербаг» стали использовать в качестве подкидыша. Ходили разговоры о второй ракете-пароме, но ее у нас до сих пор не было, вот почему капитан Хэтти держала их за горло. Членов Комиссии мучили страшные видения, как груженый корабль кружится вокруг Ганимеда, кружится и кружится без малейшей возможности опуститься, точно застрявший на дереве котенок.

Но вот что я скажу о Хэтти: управлять своим кораблем она умела.

Мне кажется, что нервные окончания, выйдя из ее кожи, заканчивались в обшивке корабля. В ясную погоду она в состоянии была даже совершить скользящую посадку на крыльях, несмотря на наш разреженный воздух. Но мне кажется, она просто предпочитала хорошенько перетряхнуть пассажиров, сажая их на двигателях.

Она нас высадила, «Джиттербаг» пополнил запас воды и взлетел. Хэтти должна была высадить еще три партии пассажиров.

Всего «Джиттербагу» предстояло обслужить еще восемь партий пионеров. Он сюда за нами прилетит недели через три.

Отряд возглавлял Поль Дюморье, который стал новым заместителем скаутмастера отряда «иноземцев»; он-то и взял меня в экспедицию поваром. Он был моложе многих, работающих под его началом; более того, он брился, что делало его среди остальных белой вороной и заставляло выглядеть еще моложе. То есть он раньше брился, а в этой экспедиции решил отращивать бороду.

— Скосите-ка лучше эту траву, — посоветовал я ему.

Он ответил:

— Ах, вам не нравится моя борода, доктор Похлебкин?

Это он меня так окрестил за изобретенное мною блюдо — «похлебку всеобщую». Впрочем, ничего дурного он при этом не подразумевал.

Я сказал:

— Она, конечно, скрывает ваше лицо, что весьма неплохо, но вас из-за нее могут принять за кого-нибудь из нас, грубых колонистов. Вам, таким утонченным ребятам из Комиссии, это не подобает.

Он улыбнулся мне с таинственным видом и сказал:

— Может, я как раз этого и добиваюсь.

— Ну что ж, — согласился я, — может быть. Но если вы станете носить ее на Земле, вас могут упрятать в зоопарк.

Ему по работе нужно было лететь обратно на Землю тем же рейсом, на котором собирался и я, на «Крытом фургоне», через две недели после окончания исследований. Он снова улыбнулся и сказал:

— О да, они так и сделают, — и переменил предмет разговора.

Поль был одним из самых славных людей, каких я встречал, и к тому же ужасно умным. Он окончил Южно-Африканский университет, а аспирантуру прошел в Институте Солнечной Системы на Венере — эколог, специализирующийся на планетарной инженерии. Он управлялся с целой шайкой грубых невоспитанных индивидуалистов, не повышая голоса. Бывает в прирожденном лидере нечто такое, что позволяет ему обходиться без грубого принуждения.

Но возвращаюсь к нашим наблюдениям и съемкам — я-то сам мало их видел, потому что с головой зарылся во всякие там горшки

да сковородки, но я знал, что происходит. Долину, где мы находились, нашли по фотографии, сделанной с «Джиттербага», теперь Полю нужно было решить, подходит ли она к идеальной колонизации без особых затрат труда. У нее было то преимущество, что она располагалась по прямой линии в пределах видимости от энергетической станции номер два. Но в общем-то это не было очень существенно. Релейные станции можно поместить где угодно в горах (пока еще безымянных), к югу от нас. Все равно в большинстве новых поселков энергию придется передавать через релейные станции. Кроме фактора безопасности для теплонакопителя, не было причин устанавливать дополнительные энергетические станции, когда вся планета не в состоянии использовать потенциал одной конвертирующей массу установки.

Так что все принялись за работу: бригада инженеров изучала дренаж и вероятные годовые ресурсы воды, топографы снимали план местности, химико-агрономы исследовали, какую почву могут образовать местные горные породы, архитекторы продумывали планировку города и ферм, проектировали ракетодром. И еще было несколько других специалистов, как например минеролог мистер Вилла, который выискивал залежи руд.

Поль был «универсальный специалист» — он держал в уме все сведения и сопоставлял их, ловко управлялся со своей логарифмической линейкой, задумчиво поглядывал в небо и на все выдавал готовый ответ. Итоговым ответом насчет этой долины было: «не пойдет», и мы взгромоздили все грузы на собственные спины и передвинулись в следующую по списку.

Наконец-то я смог хоть немного да осмотреться.

Мы прибыли сюда около пяти часов утра в среду, когда солнце только еще всходило на этой широте, и задача наша была — сделать максимум возможного при светлой фазе. Света Юпитера вполне достаточно для работы на вашем собственном поле, но его не хватит, чтобы изучать неизвестную территорию, а ведь здесь у нас даже и света Юпитера не было, только Каллисто, которая светила нам через одну темную фазу, то есть через каждые двадцать с половиной дней, если выражаться точно. Следовательно, всю светлую фазу мы работали, не переставая, и держались на возбуждающих таблетках.

Так вот, человек, который держится на таблетках, ест вдвое больше того, кто нормально спит в регулярные промежутки. Знаете, у эскимосов есть такая поговорка: «Еда — это сон». Мне нужно было готовить горячую пищу каждые четыре часа. У меня не оставалось времени, чтобы осматривать местность и достопримечательности. Мы перешли в лагерь номер два, разбили палатки, я приготовил поесть на скорую руку, и Поль раздал таблетки снотворного. К тому времени Солнце уже село, и мы совершенно отключились часов на двадцать. Спать было вполне удобно: на топчанах, изготовленных из стеклянных нитей. А над нами была тоже ткань из склеенных стеклянных волокон.

Потом я снова их накормил. Поль раздал еще таблетки снотворного, и мы снова улеглись спать. Поль разбудил меня в понедельник во второй половине дня. На этот раз я приготовил для всех легкий завтрак, а уж потом развернулся, чтобы задать целый пир. К этому времени все хорошенько отдохнули и не были расположены опять отправляться в постель. Так что я их как следует накормил. После обильной еды мы уселись в кружок и несколько часов разговаривали. Я взялся за аккордеон, который по общей просьбе привез с собой, то есть вообще-то Поль это предложил, — и исполнил несколько мелодий. Потом мы опять поговорили немного. Начали спорить о том, где впервые зародилась жизнь, и вспомнили старую теорию, что некогда Солнце светило гораздо ярче — это Джок Монтегью утверждал, химик.

— Помяните мое слово, — повторял он, — когда мы начнем исследовать Плутон, то обнаружим, что жизнь там зародилась раньше, чем у нас. Жизнь постоянна, как масса-энергия.

— Чушь какая-то, — очень вежливо возразил мистер Вилла. — Плутон даже и не настоящая планета: это же бывший спутник Нептуна.

— Ну, значит, на Нептуне, — не сдавался Джок. — Жизнь распространена по всей Вселенной. Помяните мое слово — когда осуществится Юпитерианский проект, жизнь найдут даже на поверхности Юпитера.

— На Юпитере? — взорвался мистер Вилла. — Ну уж, прошу тебя, Джок! Метан, аммиак и холод... Бр!.. Это похоже на поцелуй

тещи. Не шути, пожалуйста. Да на поверхности Юпитера нет даже света, там темно, как в желудке у негра!

— Я это сказал и продолжаю утверждать, — настаивал Монтэгью. — Жизнь постоянна. Везде, где только имеются масса и энергия и присутствуют условия, которые допускают образование достаточно крупных и устойчивых молекул, вы найдете жизнь. Посмотрите на Марс. Посмотрите на Венеру. Посмотрите на Землю — самую опасную планету из всей кучи. Посмотрите на погибшую планету.

Я спросил:

— А ты что об этом думаешь, Поль?

Начальник мягко улыбнулся:

— А я не думаю. У меня нет достаточных сведений.

— Вот слова мудрого человека! — торжествовал мистер Вилла. — Скажи-ка мне, Джок, каким это образом ты стал так хорошо разбираться в подобных вещах?

— А у меня то преимущество, — гордо ответил Джок, — что я не знаю по данному предмету слишком много. В философском споре факты — всегда помеха.

Тем дебаты и кончились, потому что вмешался мистер Сеймур, старший агроном:

— Меня волнует главным образом, не откуда жизнь пошла, а то, как она теперь будет развиваться — здесь.

— В каком смысле? — заинтересовался я.

— Что мы собираемся сделать из этой планеты? Мы способны создать ее такой, какой хотим. На Марсе и Венере — туземная культура. Мы не осмеливаемся сильно менять их облик и никогда их полностью не заселим. Эти юпитерианские луны — дело другое, тут все зависит от нас. Говорят, что человек приспосабливается до бесконечности. Это абсурд: человек не столько приспосабливается сам, сколько приспосабливает к себе среду. Именно этим мы тут и занимаемся. Только как?

— Я-то думал, это все уже как следует продумано и спланировано, — удивился я. — Мы организуем эти новые центры и, когда прибывают люди, распределяем их здесь, как на Леде.

— Да, но чем это кончится? Теперь у нас есть три корабля, они совершают регулярные рейсы. Скоро сюда будет прибывать

по кораблю каждые три недели, потом еженедельно, потом ежедневно. Если мы потеряем бдительность, тут тоже введут нормы на еду, как на Земле. Билл, тебе известно, с какой скоростью растет население Земли?

Я признался, что неизвестно.

— С каждым днем на сто тысяч человек больше, чем накануне. Прикинь-ка.

Я прикинул.

— Это составит... м-м-м... пятнадцать, а может, двадцать кораблей в день. И они, наверно, смогут строить столько кораблей, чтобы увозить всех лишних землян.

— Да, но куда же мы их денем здесь? Если ежедневно у нас высаживается вдвое больше людей, чем нынче живет на всем этом шарике? И не только каждый понедельник, но и по вторникам, средам, четвергам — непрерывно, всю неделю, весь месяц и круглый год — только для того, чтобы население Земли стало стабильным. Говорю вам, ничего не выйдет. Настанет день, когда мы вынуждены будем абсолютно прекратить всякую иммиграцию!

Он агрессивно ощетинился с видом человека, который ждет возражений. И не ошибся. Кто-то сказал:

— Да брось ты, Сеймур! Неужели ты думаешь, что тебе принадлежит это место только потому, что ты первым сюда явился? Ты-то сюда затесался, когда правила еще не были жестокими!

— Нельзя же спорить с математикой, — настаивал Сеймур. — Надо как можно скорее сделать Ганимед автономным и захлопнуть сюда дверь!

Поль покачал головой:

— Не возникнет такой необходимости.

— То есть как? — возмутился Сеймур. — Почему же нет? Вы здесь представитель Комиссии — так что за ответ на этот вопрос имеется у Комиссии?

— Нет никакого ответа, — заявил Поль. — Цифры у вас все правильные, а выводы ошибочные. О, разумеется, Ганимед обязательно должен стать автономным, но десятки кораблей, ежедневно привозящие новых иммигрантов, это ваши фантазии.

— Осмелюсь спросить — почему?

Поль обвел взглядом палатку и извиняюще улыбнулся:

— Можете вы выдержать краткие рассуждения о движении населения? Боюсь, что у меня нет преимущества Джока, и все же я кое-что знаю о нашем предмете.

Кто-то сказал:

— Не наваливайтесь вы на него. Ему уже дышать нечем.

— О'кей, — сказал Поль. — Вы сами начали. Множество людей воображает, что цель колонизации — освободить Землю от перенаселения и голода. Ничто не может быть дальше от истины.

Я удивился:

— Как это?

— Ну сами сообразите. Ведь не только физически невозможно, чтобы маленькая планета выдержала напор большой, как утверждает Сеймур, но есть и другая причина, по которой к нам никогда не будет прибывать по сто тысяч человек в день, причина психологическая. Такое количество желающих эмигрировать людей на Земле никогда в жизни не набрать, хотя рождаться там будет гораздо больше людей, чем захотят уехать. Большинство просто не пожелают расставаться с домом. Большая часть не собирается уезжать даже из собственной деревни, не то что отбыть на далекую планету.

Мистер Вилла кивнул:

— Вот и я придерживаюсь той же точки зрения. Эмигрант-доброволец — белая ворона. Достаточно редко встречается.

— Верно, — согласился Поль. — Но предположим на минутку, что ежедневно сто тысяч человек захотят добровольно эмигрировать на Ганимед и другие колонии смогут их принимать. Облегчит ли это ситуацию у нас на родине, я имею в виду, на Земле? Ответ: «Нет, не облегчит».

Он вроде закончил. И я спросил:

— Извини меня, профана, Поль, но почему?

— Ты изучал когда-нибудь биономику, Билл?

— Чуть-чуть.

— Математическую популяционную биономику?

— М-м-м... нет.

— Но тебе наверно известно, что после самых величайших войн, какие происходили на Земле, населения всегда оказывалось больше, чем до нее, независимо от потерь. Жизнь не только по-

стоянно восстанавливается, как утверждает Джок, жизнь еще и развивается скачкообразно. Основная предпосылка теории популяции, у которой не бывает исключений, это то, что популяция всегда растет не только до крайнего истощения пищевых ресурсов, но и за эти пределы, до самого края, за которым следует голодная смерть. И если мы станем откачивать с Земли по сто тысяч человек в день, население там будет прибавляться по двести тысяч в день, то есть дойдет до биономического максимума для новой экологической динамики Земли.

С минуту длилось молчание — настолько все были ошарашены. Через некоторое время Сергей спросил:

— Вы нарисовали мрачную картину, босс. Каков же выход?

— Его не существует.

Сергей сказал:

— Да я не об этом. Я хотел спросить — что же нас ждет в итоге?

Поль произнес в ответ одно только двусложное слово, и произнес его так тихо, что его бы и не услышали, если бы не воцарилась полная тишина. И вот что он сказал:

— Война.

Все сразу заерзали и зашевелились, это была немыслимая идея. Сеймур сказал:

— Послушайте, мистер Дюморье, может, я и пессимист, но не до такой же степени. Войны теперь уже невозможны.

— Ты так думаешь? — спросил Поль.

Сеймур откликнулся почти агрессивно:

— Вы что, допускаете, что Космический патруль нас подведет? Потому что ведь это единственный путь к войне.

Поль покачал головой:

— Патруль нас не подведет. Но они не смогут это остановить. Полицейских хватает, чтобы прекращать отдельные беспорядки; полиция хороша, чтобы пресекать волнения в зародыше. Но если волнение охватит всю планету, никакая полиция не поможет — у нее не хватит ни сил, ни мудрости. Они попытаются — попытаются со всей отвагой. Но у них ничего не получится.

— Вы в самом деле в это верите?

— Это мое вполне продуманное мнение. И не только мое личное, это и мнение Комиссии. О нет, я не о наших политических начальниках, я о тех, которые занимаются наукой.

— Тогда — какого же дьявола собирается делать Комиссия?

— Строить колонии. Мы считаем, что это важно само по себе. Вовсе не обязательно войны перекинутся в колонии. Я лично не думаю, что их затронет в значительной степени. Это будет похоже на Америку, какой она была в конце девятнадцатого столетия: европейские заморочки обходили ее стороной. Я вполне готов к тому, что война, когда она нагрянет, будет такого масштаба и такой продолжительности, что на определенный период прекратятся межпланетные перелеты. Вот почему я сказал, что эта планета должна быть достаточно независима, автономна. Чтобы обеспечить межпланетные перелеты, необходима высокая техническая культура, а Земля может ее лишится — через некоторое время.

Мне показалось, что идеи Поля были неожиданностью для всех присутствующих, меня так они просто потрясли. Сеймур ткнул в него пальцем:

— Если вы во все это верите, объясните, почему вы возвращаетесь на Землю?

Поль опять заговорил спокойно:

— Я не возвращаюсь. Я собираюсь остаться здесь и сделаться владельцем участка.

И тут я вдруг понял, почему он начал отращивать бороду.

Сеймур сказал:

— Значит, вы ожидаете этого скоро.

Это не был вопрос: это было утверждение.

— Ну, раз зашел об этом разговор, — ответил Поль с некоторым колебанием, — я дам вам прямой ответ. До начала войны осталось не меньше сорока земных лет и не больше семидесяти.

Все присутствующие испустили вздох облегчения. Сеймур продолжал говорить за нас всех:

— Вы считаете — от сорока до семидесяти. Но тогда зачем вам обосновываться здесь? Вы же, скорее всего, не доживете до того, чтобы увидеть эту войну. Хотя сосед из вас, вполне возможно, получится хороший.

— Я мысленно вижу эту войну, — настаивал Поль. — Я знаю, что она неминуема. Так неужели я заставлю своих будущих детей и внуков попытаться ее перехитрить? Нет. Я остаюсь здесь. Если я женюсь, я найду жену здесь. Не стану я растить детишек ради того, чтобы они сделались радиоактивной пылью.

Должно быть, именно в этот момент Хэнк сунул голову в палатку, потому что я не припомню, чтобы кто-нибудь ответил Полю. Хэнк куда-то отлучался, а теперь приподнял входной клапан и выкрикнул:

— Эй, люди! Европа в небе!

Мы все высыпали наружу, чтобы ее увидеть. Мы были здорово растеряны: мне кажется, Поль высказался слишком уж категорически. Наверно, мы в любом случае вышли бы из палатки. Когда все жили у себя по домам, Европу мы видели каждый день, но сейчас мы смотрели на нее совсем другими глазами. Так как Европа оборачивается вокруг Юпитера внутри орбиты Ганимеда, она не особенно удаляется от Юпитера (если считать тридцать девять градусов «не особенно далеко»). Мы находились на сто тринадцатом градусе западной долготы, таким образом Юпитер был на двадцать три градуса ниже нашего восточного горизонта — это означает, что Европа, отойдя дальше всего на запад от Юпитера, будет находиться максимум в шестнадцати градусах над истинным горизонтом.

Извините за арифметику. Но высокие холмы практически заслоняли от нас восток, поэтому Европа только раз в неделю поднималась над холмами, чуть проплывала над ними, висела там целый день — а потом разворачивалась кругом и садилась на востоке, именно там, откуда взошла. Вверх и вниз, точно лифт. Если вы никогда не улетали с Земли, не уверяйте меня, что это невозможно. Так уж оно и есть: Юпитер и его луны вытворяют иной раз забавные штуки.

Тогда Европа впервые совершала такое движение на наших глазах: маленькая серебряная лодочка как бы плыла по холмам, точно по волнам, подняв кверху свои рога. У нас возник небольшой спор, поднимается ли она еще или уже начинает снова садиться; все сравнивали показания своих часов. Некоторые клялись, что им заметно, как она движется, но они никак не могли

прийти к согласию насчет того — в какую сторону. Через некоторое время я замерз и вернулся в палатку.

Но я радовался, что нашу дискуссию прервали. Интуиция подсказывала мне, что Поль высказался куда откровеннее, чем намеревался, и ему, наверно, будет неприятно вспоминать об этом, когда наступит светлая фаза. Я считал, что во всем виноваты снотворные таблетки. Конечно, эти таблетки приносят определенную пользу, но они вынуждают человека слишком много болтать и называть вещи своими именами — предательская это штука.

19. ИНОЙ РАЗУМ

К концу второй светлой фазы стало ясно — во всяком случае, Полю, — что эта вторая долина вполне годится. Она не была безукоризненной, и, возможно, где-нибудь за горным хребтом лежала долина получше, но для поселения она вполне подходила. По какой-то сложной системе, изобретенной Комиссией, Поль определил, что она годна на девяносто два процента, что превышало на семь процентов допустимый минимум. Ну а долина, вполне совершенная, если она где-нибудь есть, подождет тех колонистов, которые найдут ее... в один прекрасный день. Нашу долину мы назвали Счастливой, просто на счастье, а горы, высящиеся к югу от нее, стали именовать пиками Поля, несмотря на его протесты. Поль твердил, что это название все равно не официальное, а мы спорили и доказывали, что проследим, чтобы оно таковым сделалось, — и главный топограф Эйби Финкельштейн так и записал на карте, а мы все расписались.

В третью светлую фазу мы уточнили некоторые детали и в принципе могли бы уже вернуться назад, если бы для этого существовал какой-нибудь способ. Но такого способа не было, так что нам оставалось с помощью таблеток пережить еще одну темную фазу. Некоторые члены экспедиции предпочли не принимать таблетки, а вернуться к более правильному режиму дня; иные круглосуточно играли в покер, но я в игре не участвовал: денег у меня не было, а закрывать все эти «стриты» я был не способен. В эту темную фазу у нас еще возникали какие-то разговоры, но

ни разу дело не дошло до таких серьезных тем, как в первую фазу, и никто больше не стал просить Поля изложить свое мнение о перспективах на будущее.

К концу третьей темной фазы мне уже порядком поднадоело, что я не вижу ничего, кроме духовки нашей портативной кухонной плиты, и попросил Поля, ненадолго меня отпустить. С начала третьей темной фазы мне помогал Хэнк. Он вообще-то работал помощником топографа, у него было задание делать снимки со вспышкой при темной фазе. Предполагалось, что он должен скрытым объективом снимать с южной возвышенности долину при свете мощной вспышки, которая будет произведена на возвышенности западной.

У Хэнка был собственный фотоаппарат, он его недавно купил и очень важничал, вечно нацеливая объектив на разные предметы. На этот раз он попытался сделать кроме официально заказанного ему снимка еще и свой собственный. Все пошло у него наперекосяк, заказанный снимок совсем не получился, к тому же он забыл во время вспышки прикрыть глаза, из-за чего ему дали больничный лист, и он поступил в мое распоряжение как кухонный ассистент. Вообще-то он скоро поправился, но Финкельштейн не захотел брать его обратно. Так что я попросил отпуск для нас обоих, чтобы нам вместе совершить куда-нибудь поход и заняться какими-нибудь исследованиями. Поль нас отпустил.

Да, я не сказал — в конце второй светлой фазы у нас поднялся было страшный переполох: поблизости от западной оконечности долины мы обнаружили лишайник и решили, что на Ганимеде существует своя местная жизнь. Но тревога оказалась ложной — более тщательное расследование показало, что лишайник не только принадлежит к земному виду, но даже был рекомендован советом по биономике для распространения.

Но эта находка доказывала одну очень важную вещь: жизнь распространялась по Ганимеду и укоренялась в точке, расположенной за три тысячи сто миль от того места, куда она вторглась. Мы много спорили, перенеслись ли споры по воздуху, или же наша команда принесла их на своей одежде, или причиной были люди, которые строили здесь энергетическую установку. Конечно, ни к какому решению мы не пришли. Но мы с Хэнком решили

исследовать эти места и посмотреть, не отыщутся ли еще какие-нибудь образцы лишайника. Кроме того, эти места были в стороне от дороги, которой мы шли сюда из лагеря номер один. Полю мы не сказали, что отправляемся за лишайниками, потому что боялись, как бы он нам не запретил: лишайники эти нашли довольно далеко от лагеря. Он нас предупредил, чтобы мы не заходили слишком далеко и чтобы к шести часам вернулись: утром в четверг, в шесть, надо было сворачивать лагерь и переходить на стартовую площадку, куда за нами должен прилететь «Джиттербаг».

Я обещал, потому что действительно не собирался идти особенно далеко. Не очень-то меня заботило, найдем мы лишайник или нет: я чувствовал себя неважно. Но говорить про это не стал — не хотелось лишиться единственного шанса осмотреть местность.

Никаких лишайников мы больше не нашли. Мы обнаружили кристаллы.

Так мы и тащились вдвоем: я, несмотря на боль в боку, счастливый, точно школьник, которого отпустили на каникулы, и Хэнк, который делал никому не нужные снимки скал и потоков лавы. Хэнк болтал о том, что он продаст свой участок и поселится здесь, в Счастливой долине. Он сказал:

— Знаешь, Билл, ведь скоро понадобятся несколько настоящих ганимедских фермеров, чтобы подавать пример новичкам. А кто больше меня знает, как надо на Ганимеде фермерствовать?

— Да почти все, — ответил я.

Он проигнорировал мой выпад.

— В этой местности что-то есть, — продолжал он, оглядывая простиравшуюся кругом долину, которая выглядела точно Армагеддон после последней битвы. — Тут гораздо лучше, чем вокруг Леды.

Я согласился, что эта земля имеет свои преимущества.

— Но она не для меня, — продолжал я. — Не думаю, что мне захочется поселиться в местах, откуда не видно Юпитера.

— Чушь какая! — фыркнул он. — Ты сюда приехал пейзажами любоваться или строить ферму?

— Трудно сказать, — ответил я. — Иной раз мне думается так, а иной раз — по-другому. Иногда у меня вообще ни малейшего представления нет.

Он меня не слушал:

— Видишь вон ту щель?

— Конечно. А что?

— Если мы перейдем тот маленький ледник, мы к ней приблизимся.

— Зачем?

— Я думаю, что она ведет в другую долину — а та может оказаться еще лучше. Никто там пока не бывал. Я-то знаю: я же был в топографической команде.

— Я пытался заставить тебя об этом забыть, — засмеялся я. — Но зачем вообще там смотреть? На Ганимеде, наверно, сто тысяч долин, которых еще никто не видел. Ты что, и в самом деле собираешься торговать недвижимостью?

Меня это не увлекало. Есть что-то в девственной почве Ганимеда, что раздражает; и еще — я хотел быть в пределах видимости от лагеря. Было тихо, точно в библиотеке — даже еще тише. На Земле всегда есть какие-то звуки, даже в пустыне. Через некоторое время эта тишина, голые скалы, лед и кратеры стали действовать мне на нервы.

— Пошли! Не будь неженкой! — позвал Хэнк и начал карабкаться вверх.

Щель вовсе не вела в другую долину, мы вышли по ней к чему-то вроде коридора между холмами. Одна из стен этого коридора была на удивление плоской, как будто ее специально выстроили. Мы прошли какую-то часть пути, и я уже был готов вернуться и остановился, чтобы позвать Хэнка, который взобрался на торчащую на другой стороне скалу, чтобы сделать снимок. Но когда я повернулся, мне в глаза бросилось что-то разноцветное, и я подвинулся, чтобы разглядеть, что это такое. Это были те самые кристаллы.

Я уставился на них, а они, казалось, воззрелись на меня. Я позвал:

— Эй, Хэнк! Беги сюда!

— Что случилось?

— Иди сюда! Здесь нечто такое, что стоит сфотографировать!

Он слез и присоединился ко мне. Немного посмотрев, он затаил дыхание и прошептал:

— Ну, пусть меня в пятницу изжарят!

Хэнк занялся фотоаппаратом. Я никогда не видал таких кристаллов, не видал даже сталактитов в пещерах. Они были шестигранные, за исключением немногих трехгранных, и еще были двенадцатигранники. По величине они были разные: начиная от припадающих к земле малюток, вроде крошечных грибков, кончая высокими стройными стволами, достающими до колен. Позже, в более отдаленных местах, мы обнаружили такие, которые доходили нам до груди. Это были не простые призмы: они ветвились и образовывали утолщения. Но от чего можно было совершенно обалдеть, так это от их окраски.

Кристаллы были всевозможных цветов, причем, если на них смотреть, окраска менялась. Мы в конце концов решили, что они вовсе никак не окрашены: просто это преломление света. Во всяком случае, Хэнк так подумал. Он наснимал целую пленку, а потом предложил:

— Пошли. Поглядим, откуда они берутся.

Не хотел я никуда идти. Оттого, что я карабкался вверх, у меня кружилась голова, а правый бок при каждом шаге жутко болел. Наверно, головокружение усиливалось еще и оттого, что я смотрел на кристаллы: мне начинало казаться, будто они вращаются, и приходилось моргать, чтобы их остановить. Но Хэнк уже двинулся в путь, пришлось и мне отправиться за ним следом. Казалось, кристаллы старались держаться поблизости от сухого русла. Наверно, они нуждались в воде. Мы приблизились туда, где на дне коридора скопилась масса льда — древние залежи, сверху прикрытые снегом последней зимы. Кристаллы прорезали себе путь прямо через этот коридор: лед служил им естественным мостом, и к тому же они расчистили пространство в несколько футов во все стороны от того места, где росли.

Когда мы карабкались по скале, Хэнк потерял равновесие и ухватился за один из кристаллов. Тот сломался, издав высокий чистый звук, наподобие серебряного колокольчика. Хэнк выпрямился, да так и застыл, разглядывая свою руку. Поперек ладони и пальцев шли длинные параллельные царапины. Он глазел на них с самым дурацким видом.

— Это тебе урок, — сказал я.

Потом вытащил походную аптечку и наложил ему повязку. Закончив, я предложил:

— А теперь — обратно.

— Вот еще, — возразил он. — Подумаешь, царапины. Пошли дальше!

Я сказал:

— Послушай, Хэнк, мне надо назад. Что-то мне нехорошо.

— В чем дело? — спросил он.

— Живот болит.

— Это из-за того, что ты объедаешься. Разминка будет тебе только на пользу.

— Нет, Хэнк, мне нужно вернуться.

Он долго смотрел на ущелье с очень раздраженным лицом. Наконец, сказал:

— Билл, кажется, я вижу, откуда берутся эти кристаллы, это не так далеко. Подожди здесь и дай мне взглянуть. Потом я вернусь, и двинем в лагерь. Я недолго прохожу, честное слово, недолго.

— О'кей, — согласился я.

Он отправился, а немного погодя и я пошел за ним. Еще когда я был скаутом-«щенком», мне крепко вбили в башку, что в незнакомой местности разделяться нельзя. Вскоре я услышал, что он кричит. Посмотрел вверх и увидел, что он стоит перед огромной темной дырой в скале. Я крикнул ему:

— Что там такое?

Он ответил:

— НИ ФИГА СЕБЕ, РАЗРАЗИ МЕНЯ ГРОМ! — что-то в этом роде.

— Да что там такое, в конце концов? — повторил я раздраженно и поспешил к нему.

Там было великое множество кристаллов. Они подошли к самому устью пещеры, но не заходили внутрь, а образовали на пороге плотный затор. Поперек ущелья, на дне его, будто взгроможденный туда подземным толчком, лежал огромный камень, монолит, размером с камни Стоунхеджа. Видно было, в каком месте он отвалился от скалы, открыв отверстие. Поверхность надлома была крутая и гладкая, точно в древнеегипетских сооружениях.

Но мы не на этот камень смотрели: мы заглядывали в дыру. Внутри нее было темно, но от пола ущелья и от дальней стены отражался рассеянный свет, просачиваясь внутрь. Глаза мои начали приспосабливаться к темноте, и теперь я мог видеть, куда именно смотрел Хэнк и что заставило его так взволноваться.

Там находились какие-то предметы, природными они явно не были. Я не мог бы вам объяснить, что это за предметы, потому что они не напоминали ничего, что я видел прежде, и подобных изображений мне тоже на глаза не попадалось — ни о чем похожем я даже не слышал. Как прикажете описать то, чего ты никогда раньше не видел и не имеешь подходящих для описания слов? Черт возьми, ведь то, что видишь впервые, даже и не разглядеть, зрение-то еще не ухватывает эту структуру. Но мне было видно, что это не камни, не растения, не животные. Это были сделанные предметы, изготовленные людьми, ну, может, и не людьми, но уж во всяком случае, не могли они образоваться случайно, сами по себе.

Меня так и подмывало подобраться к ним поближе и разглядеть, что же это такое. На минутку я даже забыл, что болен.

Тоже чувствовал и Хэнк. Как всегда, он предложил:

— Пошли! Давай, подойдем ближе!

Но я спросил только:

— Как?

— Ну, нам только... — он осекся. — Давай посмотрим. Если мы обойдем кругом... Нет... Хм-м... Билл, нам придется разбить несколько кристаллов и войти в пещеру прямо посередине. Иначе туда никак не попасть.

Я спросил:

— Тебе что, одной раненой руки мало?

— А я их камнем разобью. Вообще-то это нехорошо: они такие славные, но придется.

— Наверно, те большие ты разбить не сможешь. И еще — ставлю два против одного, что они слишком острые и запросто могут разрезать тебе ботинки.

— А я попробую.

Он подобрал обломок камня и произвел эксперимент: я оказался прав в обоих отношениях. Хэнк прекратил всякие действия, продумал ситуацию и тихонько присвистнул:

— Билл...

— А?

— Видишь этот выступ над отверстием?

— Ну, вижу, и что?

— Он идет влево, дальше от того места, до которого добираются кристаллы. Я хочу сложить кучу камней — повыше, чтобы мы могли достать до этого выступа, тогда мы сможем пройти по нему и спрыгнуть прямо перед входом в пещеру. Кристаллы не добираются слишком близко к входу.

Я внимательно пригляделся и решил, что план годится.

— А как будем выбираться оттуда?

— Мы сможем нагромоздить друг на друга эти штуки, которые там лежат, и вылезти. В крайнем случае, я подниму тебя на плечи, ты выберешься и спустишь мне свой пояс или еще что-нибудь.

Если бы я хорошо соображал, может, я бы с ним и поспорил. Но мы попытались — и все шло хорошо, вплоть до того момента, когда я повис, кончиками пальцев вцепившись в скалу, над самым входом в пещеру. Тут я почувствовал резкую боль в боку и разжал пальцы. Я пришел в себя от того, что меня тряс Хэнк.

— Оставь меня в покое! — простонал я.

— Ты ударился и отключился, — объяснил он. — Не знал я, что ты такой неуклюжий.

Я не отвечал. Только поджал колени к подбородку, чтобы успокоить боль в животе, и закрыл глаза. Хэнк снова встряхнул меня:

— Ты что же, не хочешь посмотреть, что тут такое?

Я отмахнулся от него ногой:

— Не хочу я видеть даже царицу Савскую! Ты что, не врубаешься, что я действительно болен?

И я снова закрыл глаза. Наверно, я отключился. Когда я пришел в себя, Хэнк сидел передо мной по-турецки, держал мой фонарик и светил мне прямо в глаза.

— Долго же ты проспал, приятель, — сказал он мягко. — Лучше тебе?

— Не особенно.

— Попробуй собраться с силами и пойти со мной. Тебе надо на это взглянуть, Билл. Ты просто глазами своим не поверишь.

Это же величайшее открытие со времен... ну, со времен... Неважно, с каких времен. Колумб рядом с нами — щенок. Мы уже знамениты, Билл!

— Может, ты и знаменитый, — буркнул я. — А я больной.

— Где у тебя болит?

— Везде. Живот затвердел, как булыжник — а у булыжника зубы болят.

— Билл, — спросил он серьезно, — тебе вырезали аппендикс?

— Нет.

— Гм-м... Может, надо было его вырезать.

— Да, ты это мне сообщаешь как раз вовремя.

— Не кипятись так!

— Легко сказать — не кипятись, чтоб тебя черти драли!

Я приподнялся на локте, голова у меня дико закружилась:

— Послушай, Хэнк, тебе придется пробраться назад в лагерь и сообщить нашим. Пусть они пошлют за мной грузовик.

— Что ты, Билл, — ответил он нежным голосом, — ты же знаешь, что в лагере нет ничего похожего на грузовик!

Я пытался сражаться с разрешением этой задачи, но это оказалось для меня слишком. В голове у меня помутилось.

— Ну тогда пусть они хотя бы носилки сюда принесут, — сказал я слабым голосом и снова отключился.

Немного спустя я почувствовал, как он возится с моей одеждой. Я попытался отпихнуть его, но ощутил прикосновение чего-то холодного. Я замахнулся наугад, но не попал.

— Спокойно, — приказал он. — Я лед нашел. Не вертись, а то скинешь.

— Не нужен мне этот лед.

— Нужен. Будешь держать компресс со льдом, пока мы отсюда не выберемся, а тогда, может, еще доживешь до того, как тебя повесят.

Я был слишком слаб, чтобы сопротивляться. Снова улегся и закрыл глаза. Когда я их, наконец, открыл, то действительно почувствовал себя лучше; к своему удивлению, вместо того, чтобы умереть, — я просто себя отвратительно чувствовал. Хэнка рядом не было, я позвал его. Он не ответил, и меня охватила паника. И тут он явился, размахивая фонариком.

— А я думал, ты ушел, — объявил я.

— Нет. По правде говоря, я не могу отсюда выбраться. Не могу дотянуться до выступа, и мне никак не одолеть эти кристаллы. Я пытался.

Он поднял одну ногу в ботинке: ботинок был прорван, и на нем виднелась кровь.

— Ты ранен?

— Переживу.

— Не уверен, — сказал я. — Никто не знает, что мы здесь, и ты говоришь, что нам не выбраться. Похоже, что мы умрем с голоду. Хотя лично я не могу сказать, что так уж хочется есть.

— Кстати, — вспомнил он, — я тебе оставил часть нашего завтрака. Боюсь, что там немного, ты так долго спал.

— Не говори о еде!

Меня чуть не стошнило, и я схватился за бок.

— Извини. Но слушай, я ведь не сказал, что нам отсюда не выбраться.

— Сказал.

— Нет, я сказал, что *я* не могу выбраться.

— А в чем разница?

— Это неважно. Но я думаю, что мы выберемся. Ты, кажется, говорил, где бы достать грузовик.

— Грузовик? Ты что, рехнулся?

— Ничего подобного, — ответил Хэнк. — Вон там что-то вроде грузовика имеется. Или, скорее, вроде подмостков.

— Ты уж для начала реши, что это такое.

— Назовем это фургоном. Думаю, я смогу его протащить, по крайней мере, через кристаллы. Мы можем его использовать как мост.

— Ну, так прикати его!

— Он не катится — он шагает.

Я попытался встать:

— Такое я должен увидеть!

— Тогда сдвинься немного с дороги к двери.

С помощью Хэнка мне удалось подняться на ноги:

— Я пошел!

— Хочешь переменить компресс со льдом?

— Может быть, позже.

Хэнк отвел меня в заднюю часть пещеры и показал эту штуку. Не знаю, как описать шагающий фургон, — наверно, с тех пор вам приходилось видеть его изображения. Если бы многоножка была динозавром и была сделана из металла, это и был бы шагающий фургон. Корпус был вогнутый, вроде корыта, и его поддерживали тридцать восемь ног, по девятнадцать с каждой стороны.

— Это, — заключил я, — самое безумное и дикое изобретение, которое когда-нибудь попадалось мне на глаза. Ты его никогда не вытолкнешь из пещеры.

— Подожди, пока сам не увидишь, — посоветовал он. — Ты считаешь это безумным изобретением, а ты бы поглядел, что там еще имеется!

— Например?

— Билл, ты знаешь, что, я думаю, здесь такое? Это ангар для космического корабля!

— Да-а? Не валяй дурака: космический корабль в ангар не поставишь.

— А этот поставишь.

— Ты что, хочешь сказать, что видел там космический корабль?

— Ну, не знаю. Он не похож ни на что из того, что я до сих пор видел, но, если это не космический корабль, я просто не знаю, для чего он годится.

Я захотел пойти и посмотреть, но Хэнк возражал:

— В другой раз, Билл, нам нужно возвращаться в лагерь. И так уже поздно.

Я не сопротивлялся. Опять заболел бок — от ходьбы.

— О'кей, что дальше?

— Вот так.

Он подвел меня к самому концу этой штуковины, корыто здесь спускалось почти до самой земли. Хэнк помог мне забраться туда, велел лечь и пошел к другому концу.

— Парень, который это построил, — рассуждал он, — был, наверно, горбатым лилипутом с четырьмя руками. Держись.

— Ты хоть понимаешь, что делаешь? — спросил я.

— Я уже провел ее футов шесть, а потом надоело. Абракадабра! Придерживай свою шляпу!

Он ткнул палец в какое-то отверстие.

Эта штука начала двигаться — в полной тишине, мягко, без суеты. Когда мы выехали на солнце, Хэнк вытащил палец из отверстия. Я сел. Штука уже на две трети выползла из пещеры, и передняя часть ее обогнула кристаллы. Я вздохнул:

— Ты справился, Хэнк. Если бы мне еще немного льда на бок, думаю, я смог бы идти.

— Погоди секунду, — попросил он. — Попробую что-нибудь сделать. Тут еще какие-то дырки, в которые я не просовывал палец.

— Ну и оставь их в покое.

Вместо ответа он попытался сунуть палец в следующее отверстие. Тележка вдруг двинулась задним ходом.

— Ой! — завопил он и выдернул палец.

Потом запустил его обратно туда, куда засовывал раньше. Там Хэнк его и оставил, пока не наверстал то, что мы потеряли. Остальные отверстия он попробовал осторожнее. Наконец, он нашел ту дырку, которая заставляла машину приподнять переднюю часть на дыбы и повернуть ее налево — нечто подобное проделывают гусеницы.

— Вот так-то! — сказал он счастливо. — Теперь я могу ею управлять.

Мы поехали вниз по каньону.

Хэнк был не совсем прав, считая, будто может ею управлять. Тут больше было похоже, что управляешь лошадью, а не машиной, — или, скорее, одним из этих новых наземных автомобилей с полуавтоматикой. Шагающий фургон подошел к естественному ледяному мостку, по которому проходили кристаллы, и сам по себе остановился. Хэнк пытался заставить фургон пройти сквозь отверстие входа, оно было достаточно широкое, но ничего не получалось. Передний конец дергался, точно фыркающая собака, а потом легко пошел по холму и по нагромождению льда.

Он оставался все время в горизонтальном положении: очевидно, он умел регулировать длину ног.

Когда Хэнк выехал к тому леднику, который мы проходили по пути к ущелью, он остановил фургон и сделал мне свежий ледяной компресс. Очевидно, фургон не возражал против самого льда, он просто отказывался проходить через отверстия в скалах, потому что, когда мы опять поехали вверх, он пересек маленький ледник, медленно и осторожно, но целеустремленно.

Мы направились к лагерю.

— Это, — сказал счастливый Хэнк,— величайший экипаж для пересечения самой непроходимой местности, какой когда-либо был построен. Хотел бы я знать, что заставляет его двигаться. Вот бы мне взять патент на эту штуку! Я бы сразу разбогател!

— Экипаж твой: ты ведь его нашел.

— На самом-то деле он мне вовсе не принадлежит.

— Хэнк, — предположил я, — ты ведь не думаешь, что владелец этого фургона вернется сюда, чтобы его найти, а?

Он посмотрел на меня странным взглядом.

— Нет, я так не думаю, Билл. Слушай, Билл, а давно, по-твоему, эту штуку поставили?

— Даже и гадать не хочется.

На месте лагеря стояла только одна палатка. Когда мы к ней приблизились, кто-то вышел и стал нас ждать. Это был Сергей.

— Где вас, ребята, носило? — спросил он. — И где, Христос спаси и помилуй, вы угнали *это*? И что это такое?

Мы постарались все ему объяснить, как только могли, а после этого объяснять принялся уже он. Оказывается, нас искали до последней минуты, а потом Полю пришлось вернуться в лагерь номер один, чтобы выполнить договоренность с «Джиттербагом». Он поручил Сергею отвести нас туда, если мы объявимся.

— Он записку вам оставил, — добавил Сергей, порывшись в карманах.

Мы прочли:

Дорогие друзья!

Очень жаль, что мне приходится уехать и оставить вас, двух раззяв ненормальных, но вы не хуже моего знаете, что нас поджи-

мает расписание. Я бы сам тут остался, чтобы доставить вас домой, но ваш товарищ Сергей настаивает, что это его преимущественное право. Всякий раз, когда я пытаюсь воздействовать на его рассудок, он заползает еще дальше в нору, скалит зубы и рычит. Как только получите эту записку, немедленно берите ноги в руки и двигайте к лагерю номер один. Бегом, не шагом. Мы задержим «Джиттербаг», но вы ведь знаете, как наша милая старая тетушка Хэтти не любит, чтобы нарушали ее расписание. Если вы опоздаете, ей это вовсе не понравится.

Когда увидимся, я вам так вытяну уши, что они свесятся до самых плеч.

Удачи вам!

Ваш П. Дюм.

P.S. Доктор Похлебкин, я захватил твой аккордеон.

Когда мы прочитали записку, Сергей сказал:

— Очень хочется еще послушать, что вы там нашли — и гораздо больше. Но сейчас надо торопиться в лагерь номер один. Хэнк, думаешь, Билл идти не может?

Я сам за себя ответил, энергично выкрикнув:

— Нет!

Возбуждение спадало, и я опять начал чувствовать себя скверно.

— Гм-м... Хэнк, а этот ходячий склад металлолома нас свезет?

— Да он куда угодно может отвезти. — Хэнк похлопал по нему рукой.

— Как быстро? «Джиттербаг» уже сел.

— Ты уверен? — спросил Хэнк.

— Я видел его след в небе по крайней мере еще три часа назад.

— Тогда поехали.

Этого путешествия я как следует не запомнил. Один раз они остановились и сменили лед на компрессе. Следующее, что я помню, — это как я проснулся от крика Сергея:

— Вон он, «Джиттербаг»! Я его вижу!

— «Джиттербаг», вот они мы! — вторил Хэнк.

Я сел и посмотрел. Мы спускались по склону, корабль был от нас не далее пяти миль, когда из его хвоста вырвалось пламя и он поднялся высоко в небо.

Хэнк застонал. Я снова лег и закрыл глаза.

Я снова проснулся, когда наше сооружение остановилось. Рядом стоял Поль. Положив руки на пояс, он вылупился на нас:

— Ну, самое время вам, пташки, лететь домой! — объявил он. — Но где вы раздобыли эту штуку?

— Поль, — поспешно объяснил Хэнк, — Билл очень болен.

— Ох ты! — Поль влез в шагалку и больше вопросов не задавал. Еще через секунду он обнажил мне живот и большим пальцем начал массировать между пупком и костью таза.

— Здесь больно? — спросил он.

Я был слишком слаб, чтобы двинуть его кулаком. Он дал мне таблетку.

Какое-то время я больше не принимал никакого участия в происходящих событиях, а произошло между тем вот что: капитан Хэтти ждала, по настоянию Поля, часа два, а потом объявила, что должна взлетать. У нее жесткий график, который согласован с «Крытым фургоном», и она не допустит, заявила она, чтобы восемь тысяч человек ждали двоих. Мы с Хэнком сколько угодно можем играть в индейцев, если нам так нравится, но не имеем права шутить с ее графиком. Поль ничего не мог поделать, так что он отослал остальных, а сам остался ждать нас.

В то время я ничего этого не слышал. Я смутно сознавал, что мы едем в шагающем фургоне, и дважды приходил в себя, когда мне меняли ледяной компресс, но весь путь я почти не помню. На самом деле мы двигались на восток, Хэнк управлял фургоном, а Поль был лоцманом — по наитию, на глазок. Прошло очень долгое и нудное время, пока мы не добрались до лагеря пионеров, расположенного за сотню миль, — и оттуда Поль радировал о помощи.

Не помню, как «Джиттербаг» прилетел за нами и как мы в него садились, помню только, как мы высаживались в Леде, то есть я вдруг услышал, как кто-то говорит:

— Давайте, быстрей! У нас тут мальчик с перфорированным аппендицитом!

20. ДОМА

Поднялся жуткий ажиотаж вокруг этой штуки, которую мы нашли, и он до сих пор продолжается, — но эта шумиха прошла мимо меня. Я был слишком занят суетой возле самых Врат Смерти. Тем, что жив, я обязан доктору Арчибальду. И Хэнку. И Сергею. И Полю. И капитану Хэтти. И еще какому-то неизвестному типу, жившему тут очень и очень давно, с расой и внешностью которого я все еще не познакомился, но который построил такую совершенную машину для преодоления труднопроходимой местности.

Я всех поблагодарил, кроме него. Все они приходили меня проведать в больнице, даже капитан Хэтти, которая на меня ужасно ворчала, а потом наклонилась и поцеловала в щеку перед уходом. Я так удивился, что чуть ее не укусил.

Приходили, конечно, Шульцы. Мама Шульц надо мной поплакала, папа дал мне яблоко, а Гретхен почти потеряла дар речи, что было так на нее непохоже. А Молли принесла близнецов, чтобы они на меня поглядели — и наоборот. Редакция ежедневной газеты Леды «Планета» организовала со мной интервью. Они желали знать наше мнение — были ли те штуки, которые мы нашли, изготовлены людьми — или нет? На этот вопрос ответить очень трудно, и личности поумнее меня все еще над этим размышляют.

Кого считать человеком?

Предметы, которые мы с Хэнком обнаружили в той пещере — а после там еще побывали ученые из службы проекта «Юпитер», — не могли быть сделаны людьми, во всяком случае, такими, как мы. Шагающий фургон был еще самый простой из всех находок. До сих пор назначения большинства тех предметов так и не определили. И никто не в состоянии вообразить, как могут выглядеть существа, которые их создали, — нет их портретов.

Кажется удивительным, но ученые пришли к выводу, что у тех существ вовсе нет глаз — таких, какими пользуемся мы. Так что им никакие изображения ни к чему.

Если хорошенько подумать, то само понятие «изображения» оказывается знакомо далеко не всем. Венерианцы не используют никаких картинок, марсиане тоже. Может быть, мы единственная раса во Вселенной, которая додумалась до такого способа создавать представление о вещах.

Значит, они не «люди» — в нашем понимании.

Но в определенном смысле этого слова они все-таки были людьми, хотя я не сомневаюсь, что вскрикнул бы от испуга, если бы встретил одного из подобных существ в темном переулке. Они обладали, как сказал бы Сеймур, важнейшим качеством — они управляли своей средой. Они не были животными, которые должны принимать то, что предлагает им природа; они подчинили природу себе.

Мое мнение, что это были люди.

Из всего самым странным явлением были кристаллы, и по этому поводу я не знаю, что и думать. Каким-то образом эти кристаллы связаны с той пещерой — или ангаром для космических кораблей, или чем бы там ни было. И все же они не могли или не хотели входить в пещеру.

Вот еще одно обстоятельство, которое зарегистрировали ученые проекта «Юпитер», которые туда явились после нас: этот громоздкий шагающий фургон прошел сквозь весь узкий каньон — но ни разу не наступил ни на один кристалл. Хэнк, наверно, очень хороший водитель. Но говорит, что это не его заслуга.

Словом, не спрашивайте меня. Я не понимаю всего, что происходит во Вселенной. Она слишком огромна.

В больнице у меня было достаточно времени подумать — и достаточно вещей, над которыми надо было хорошенько поломать голову. Например, о том, что приближается моя поездка на Землю — чтобы получить образование. Я, конечно, пропустил рейс «Крытого фургона», но это ничего не значило: я мог улететь на «Мэйфлауэре» через три недели. Но хочу ли я улетать? Это была самая первая проблема, которую предстояло решить. В одном я был уверен. Как только встану с постели, я сразу пройду испытание на нашивки. Я слишком долго это откладывал. Близ-

кое соприкосновение со смертью всегда напоминает вам о том, что вы не вечны.

Но опять учиться? Это дело другое. Во-первых, как папа мне сообщил, совет проиграл судебный процесс против Комиссии: папа теперь не может использовать свои земные капиталовложения.

А во-вторых, это то, о чем говорил Поль, когда объяснял, почему он не бреется, — грядущая война.

Наверняка ли Поль знает то, о чем он тогда рассуждал? Если да, позволю ли я себе испугаться? Честно говоря, наверно, нет — Поль говорил, что до войны еще не менее сорока лет. Но ведь я-то не пробуду на Земле больше четырех или пяти, да и вообще — стоит ли бояться того, до чего остается еще так долго? Я пережил землетрясение и реконструкцию. Не думаю, что теперь меня что-нибудь может по-настоящему напугать.

Было у меня такое внутреннее подозрение: если вдруг начнется война, я запишусь добровольцем, а не буду ее избегать. Глупо — может быть.

Нет, войны я не боялся, но держал ее возможность в голове. Почему? Я наконец до этого докопался. Когда Поль пришел меня навестить, я его спросил:

— Послушай, Поль, эта война, о которой ты говорил... Когда Ганимед достигнет той стадии, на которой теперь Земля, это тоже будет означать войну? Не теперь — через несколько столетий?

Он улыбнулся, грустно так:

— К тому времени мы достаточно поумнеем, чтобы избежать такой передряги. По крайней мере, надо надеяться.

У него сделался отрешенный взгляд, и он добавил:

— Новая колония — это всегда новая надежда.

Мне понравилось, как он выразился: «Новая надежда»...

Я как-то слышал, что кто-то назвал так свою дочь — Надежда.

У меня все еще не было ответа на вопрос, лететь ли на Землю, когда в один субботний вечер ко мне пришел папа. Я заговорил с ним о стоимости проезда.

— Я знаю, Джордж, что земля практически моя, но для вас двоих это будет слишком большой расход.

— Напротив, — сказал папа, — мы управимся, для этого и делались сбережения. И Молли за это. Мы и близнецов отправим в земную школу, ты же знаешь.

— Даже если так, у меня нет чувства, что я имею на это право. А какая в этом реальная польза, Джордж? Не нуждаюсь я в каком-то заковыристом образовании. Я думал о Каллисто: это свежая, новая планета, еще не тронутая, с большими возможностями для человека, который все начинает с начала. Я мог бы найти работу в атмосферной экспедиции — Поль замолвит за меня словечко, — и стал бы расти вместе с проектом. Когда-нибудь я могу сделаться главным инженером целой планеты.

— Но не раньше, чем узнаешь о термодинамике больше, чем тебе известно теперь.

— А-а?

— Инженеры не просто «растут», они учатся. Они ходят на занятия.

— А я что, не учусь? Разве я не хожу в два твоих класса? Я могу стать инженером и здесь, для этого не нужно улетать за полмиллиарда миль.

— Чушь какая! Чтобы заниматься, нужна дисциплина. А ты даже свои испытания на нашивки не прошел. Потерял звание «орла».

Хотел я ему объяснить, что одно дело сдать испытания, а совсем другое — заниматься, чтобы их сдать. Я же занимался. Но не смог как следует этого объяснить.

Джордж поднялся:

— Слушай, сынок. Я хочу честно тебе сказать: и не мечтай стать главным инженером целой планеты, если не выучишься как следует. В наши дни даже фермер нуждается в образовании. Без него он останется просто деревенским увальнем, невежественным крестьянином, который сует в землю семена как попало и надеется, что они чудом прорастут. Я хочу, чтобы ты полетел на Землю и получил самое лучшее образование, какое Земля может тебе предложить. Я хочу, чтобы ты получил престижную ученую степень. МТИ, Гарвард, Сорбонна. Окончи какое-нибудь серьезное учебное заведение. Потрать на это определенное время, а уж после делай что хочешь. Ты уж поверь мне, это оправдается сторицей.

Я все это обдумал и ответил:

— Наверно, ты прав, Джордж.

Папа сказал:

— Ну, решай сам. Мне нужно спешить, чтобы успеть на автобус, а то придется шагать на ферму пешком. До завтра.

— Спокойной ночи, Джордж.

Я лежал без сна и все думал, думал... Вскоре пришла миссис Динсмор, ночная няня, выключила свет и пожелала мне спокойной ночи. Но я не спал.

Я понял, что папа прав. Не хочу я быть невежественным. Более того, я уже убедился, что люди, обладающие этими всякими степенями, имеют преимущества — они первыми получают работу, их быстрее продвигают. О'кей, получу корочки и пергамент, а потом вернусь и... Ну, может, отправлюсь на Каллисто, а может, новый участок возьму. Поеду — а потом вернусь.

И все-таки я никак не мог заснуть. Через некоторое время взглянул на свои новые часы — и увидел, что уже почти полночь: через несколько минут рассветет. Я решил, что стоит поглядеть рассвет. Возможно, я в последний раз буду здесь в воскресную полночь. И больше такого не увижу — долго-долго.

Я прокрался по коридору. Старушки Динсмор нигде не было видно. Я выбрался из здания.

Солнце стояло над самым горизонтом, к северу от себя я увидел, как первые лучи упали на верхнюю антенну энергетической установки, расположенной за милю отсюда, на пике Гордости. Было очень тихо и очень красиво. Старый добрый Юпитер над головой был в полуфазе, выпуклый, оранжевый и величественный. К западу от него из тени выходила Ио; пока я наблюдал, она переменила черный цвет на красный, а потом красный на оранжевый.

Интересно, каково будет снова очутиться на Земле? Снова чувствовать себя в три раза тяжелее? Я не ощущал себя тяжелым, я просто нормально себя чувствовал.

Каково это будет — плавать в густом грязном супе, который там называют воздухом?

Каково это — если не с кем пообщаться, кроме кротов? Как я смогу разговаривать с девушкой, которая никогда не была колонисткой, никогда не поднималась с Земли, разве что на вертолете?

Неженки. Взять хотя бы Гретхен — эта девушка запросто может зарезать курицу и сунуть ее в горшок, а земная неженка будет только взвизгивать.

Верхушка Солнца прорвалась над горизонтом и осветила снега на вершине Биг Рок-Кэнди. Теперь я мог видеть всю окружающую местность. Новая, чистая, твердая земля — не то что Калифорния с ее пятьюдесятью-шестьюдесятью миллионами населения, которые чуть ли не наступают друг на друга. Это место было мне по душе — это было *мое* место жительства.

К чертям Калтехи и Кембриджи! Я докажу папе, что вовсе не надо рваться во все эти увитые плющом старые университеты, чтобы получить образование. Да, прежде всего я сдам наконец испытания на «орла».

Разве Эндрю Джонсон, американский президент, не выучился грамоте, одновременно работая? Даже после того, как женился? Дайте нам только время: у нас будут такие же хорошие ученые и образованные люди, как в любом другом месте. Медленный долгий рассвет все продолжался, и лучи солнца высветили ущелье Кнайпера к западу от меня. Я вспомнил ту ночь, когда мы пробирались сквозь бурю. По выражению Хэнка, жизнь колонистов отличается одной прекрасной чертой: она отделяет мужчин от мальчиков.

«Я жил и работал среди мужчин» — эта строчка зазвенела у меня в голове. Райслинг? Или, может быть, Киплинг? Я жил и работал среди мужчин!

Солнце начало добираться до крыш. Оно брызнуло в лагуну Серенидад, превращая ее из черной в пурпурную, а потом в голубую. Это моя планета, это мой дом, и я знал теперь, что никогда отсюда не уеду.

Из двери корпуса выскочила миссис Динсмор и заметила меня.

— Эй, что за странная идея? — прикрикнула она. — А ну-ка, отправляйся на свое место!

Я улыбнулся ей:

— А я и так на своем месте. И никуда не собираюсь отсюда деваться!

СРЕДИ ПЛАНЕТ

© А. Шаров, Р. Волошин, перевод, 2002

1. НЬЮ-МЕКСИКО

— Спокойно, дружище, спокойно!

Дон Харви осадил маленького толстяка-пони. Обычно Лодырь оправдывал свою кличку, но сегодня ему, кажется, пришла охота порезвиться. И Дон, в общем-то, его не винил. День стоял такой, какие бывают только в Нью-Мексико: небо, до блеска отмытое прошедшим ливнем, земля уже сухая, но вдалеке еще висит клочок радуги. Небо было слишком голубым, крутые холмы — слишком розовыми, а дали — слишком яркими, чтобы казаться реальными. Невероятный покой окутывал Землю и заставлял, затаив дыхание, ожидать чуда.

— Нам еще целый день ехать, — предупредил Дон Лодыря, — так что не взмыливай себе бока. Скоро крутой подъем.

Скакал Дон один, а причиной его одиночества было чудесное мексиканское седло, которое родители распорядились прислать ему ко дню рождения. Вещица была прекрасная, разукрашенная серебром, что твой щеголь-индеец. Но на ранчо, в школе, которую посещал Дон, седло это выглядело так же нелепо, как строгий костюм во время клеймения скота, — этого родители Дона не учли. Он-то седлом гордился, но у других мальчишек седла были простые, пастушьи; они подшучивали над ним кто во что горазд, и Дональд Джеймс Харви, впервые появившись на выездке с этим седлом, тут же стал Доном Хайме.

Вдруг Лодырь отпрянул назад. Дон огляделся, увидел, что его испугало, выхватил свой излучатель и выстрелил. Потом он спешился, бросив поводья вперед, чтобы Лодырь остановился, и оценил итоги своих трудов. В тени скалы еще подергивалась довольно крупная змея с семью погремушками на хвосте. Ее срезанная

лучом голова валялась рядом с туловищем. Погремушки Дон решил не забирать. Попади он точно в голову, непременно взял бы трофей, чтобы похвастаться своим стрелковым искусством. А так ему пришлось полоснуть змею лучом наискось. Если он принесет в школу гадину, убитую столь неуклюже, кто-нибудь обязательно спросит, почему он не воспользовался садовым шлангом.

Дон оставил ее валяться и снова забрался в седло, болтая с Лодырем:

— Ничего страшного, просто рогатая змея, — бодренько произнес он. — Она тебя испугалась больше, чем ты ее.

Он пришпорил пони, и они двинулись в путь. Пробежав несколько сотен ярдов, Лодырь снова шарахнулся в сторону, испугавшись на этот раз не змеи, а внезапно раздавшегося звука. Дон осадил его и строго сказал:

— Ты, толстяк-коротышка с куриными мозгами! Когда ты научишься не подскакивать, заслышав телефонный звонок?

Лодырь передернул лопатками и фыркнул. Дон потянулся к луке седла, снял телефонную трубку и ответил:

— Передвижной 6-J-233309, говорит Дон Харви.

— Это мистер Ривз, Дон, — донесся голос директора школы «Ранчито Алегре». — Где ты?

— Направлялся на месу Могила торговца, сэр.

— Возвращайся домой, и как можно скорее.

— Угу! Что-то случилось, сэр?

— Радиограмма от твоих родителей. Если пилот вернулся, я вышлю за тобой вертолет и попрошу кого-нибудь привести твою лошадь.

Дон заколебался. Он не хотел, чтобы на Лодыре ездил кто попало — не ровен час, разгорячат лошадь и не дадут ей остынуть. С другой стороны, радиограмма от родителей наверняка была важной. Предки работали на Марсе, и мать писала исправно, присылая почту с каждым кораблем, но радиограмма, не считая поздравлений на Рождество и ко дню рождения, — дело и вправду неслыханное.

— Скоро буду, сэр.

— Хорошо! — мистер Ривз дал отбой. Дон развернул Лодыря и отправился по тропе обратно. Лодырь оглянулся на седока, взгляд у него был укоризненный и разочарованный.

Принадлежавший ферме вертолет обнаружил всадника всего в полумиле от школы. Дон отмахнулся и сам загнал Лодыря на подворье. Его мучило любопытство, но он задержался, чтобы обтереть и напоить коня, и только потом вошел в дом. Мистер Ривз ждал в своем кабинете. Взмахом руки он пригласил Дона войти и передал ему послание. Вот что в нем было:

«ДОРОГОЙ СЫН, ДЛЯ ТЕБЯ ЗАБРОНИРОВАНО МЕСТО НА "ВАЛЬКИРИИ", ВЫЛЕТ ДВЕНАДЦАТОГО АПРЕЛЯ С "ОКОЛОЗЕМНОЙ". ЛЮБЯЩИЕ ТЕБЯ ПАПА И МАМА».

Дон заморгал, не постигая простого смысла телеграммы.

— Но это же прямо сейчас!

— Да. Ты не ожидал?

Дон задумался. Конечно, в душе он надеялся в конце учебного года попасть домой (если можно назвать возвращением домой полет на Марс, на который его нога никогда не ступала). Эх, если бы они устроили ему местечко на «Вандердекене» тремя месяцами позже...

— В общем-то, нет. Я не могу понять, почему они вызывают меня до конца четверти.

Мистер Ривз плотно соединил подушечки пальцев.

— По-моему, это очевидно.

Дон выглядел изумленным.

— Что вы имеете в виду? Мистер Ривз, ведь вы не думаете, что будет война, правда?

— Дон, я не пророк, — серьезно ответил директор. — Но мне думается, что твои родители обеспокоены и не хотят, чтобы ты оставался в зоне возможных военных действий.

Дон никак не мог прийти в себя. Война — это нечто такое, о чем узнаешь на занятиях. Войн же теперь не бывает. Конечно, на уроках новейшей истории рассказывали о нынешнем колониальном кризисе, но все равно... Он казался чем-то далеким — даже

человеку, который путешествовал столько, сколько Дон. Кризис — дело дипломатов и политиков, а не что-то там житейское.

— Послушайте, мистер Ривз, может быть, они и волнуются, но я-то — нет. Я хотел бы радировать им, что прибуду со следующим кораблем, когда кончатся занятия.

Мистер Ривз покачал головой.

— Нет, я не могу позволить тебе поступать наперекор воле родителей и их недвусмысленному распоряжению. Во-вторых... э-э-э... — директор школы, казалось, с трудом подбирал слова: — ну, в общем, в случае войны тебе, Дональд, может стать тут... скажем так, неуютно.

Казалось, в кабинет ворвался холодный ветер. Дон почувствовал себя одиноким и не по годам взрослым.

— Почему? — резко спросил он.

Мистер Ривз изучал свои ногти.

— Ты точно знаешь, на чьей ты стороне? — медленно спросил он.

Дон задумался. Отец его родился на Земле; мать принадлежала ко второму поколению колонистов Венеры. Но ни одна из этих планет не была их настоящим домом: они встретились и поженились на Луне и вели свои исследования в области планетологии во многих секторах Солнечной системы. Сам Дон родился в космосе, и его свидетельство о рождении, выданное Федерацией, оставило вопрос о его гражданстве открытым. Благодаря происхождению родителей он мог претендовать на двойное гражданство. Он не считал себя венерианским колонистом: в последний раз родители посещали ее так давно, что планета в его представлении стала чем-то нереальным. С другой стороны, только одиннадцати лет от роду он впервые бросил взгляд на ласковые холмы Земли.

— Я — гражданин Системы, — ответил он.

— М-м-м... — протянул директор школы. — Прекрасная фраза, и, возможно, когда-нибудь она будет что-то значить. А пока — говорю это как друг — я согласен с твоими родителями. Марс, по-видимому, останется нейтральной территорией; там ты будешь в безопасности. И опять говорю как друг: для человека, который не определил точно, на чьей он стороне, дела тут могут принять скверный оборот.

— Никто не имеет права сомневаться в моей лояльности! По закону я считаюсь урожденным землянином!

Директор не ответил. Дон воскликнул:

— Глупости все это! Если бы Федерация не выжимала из Венеры последние соки, никаких разговоров о войне и вовсе не было бы.

Ривз поднялся.

— Это все, Дон. Я не собираюсь спорить с тобой о политике.

— Но это правда! Прочтите «Теорию колониальной экспансии» Чемберлена!

Ривз, похоже, был удивлен.

— Где эта книга попала тебе в руки? Явно не в школьной библиотеке.

Дон не ответил. Книгу ему прислал отец, но предупредил, чтобы он держал ее подальше от чужих глаз. Книга эта принадлежала к числу запрещенных. Во всяком случае, тут, на Земле.

— Ты что, якшаешься с буклегерами, Дон? — спросил Ривз.

Дон молчал.

— Отвечай!

Не дождавшись ответа, Ривз тяжело вздохнул и сказал:

— Ладно, не будем об этом. Ступай к себе и собирайся. Ровно в час вертолет отвезет тебя в Альбукерке.

— Да, сэр, — Дон направился к выходу, но тут директор школы остановил его.

— Одну минуту. В пылу нашего... э-э-э... спора я едва не забыл, что на твое имя пришло еще одно послание.

— О! — Дон взял бланк, на котором было напечатано:

«ДОРОГОЙ СЫН, НЕ ЗАБУДЬ ПЕРЕД ОТЛЕТОМ ПОПРОЩАТЬСЯ С ДЯДЕЙ ДАДЛИ. МАМА».

В каком-то смысле второе сообщение удивило даже больше, чем первое; Дон не без труда сообразил, что мать, должно быть, имела в виду доктора Дадли Джефферсона — друга, но не родственника, его родителей, человека, ничего в жизни Дона не значившего. И Дон, запихнув бумажку в карман своих «левисов», вышел из комнаты.

* * *

Он уже долго прожил на Земле, но паковал вещи с энергией бывалого космонавта; зная, что билет дает право на бесплатный провоз только пятидесяти фунтов багажа, Дон принялся раскладывать вещи. Вскоре получилось две кучи. Одна, очень маленькая — на постели. Необходимая одежда, несколько капсул с микрофильмами, логарифмическая линейка, авторучка и врисa — похожий на флейту марсианский инструмент, на котором он давно не играл, потому что это не нравилось остальным ученикам. На постели соседа по комнате выросла куда более внушительная куча ненужного теперь барахла.

Дон взял врису, пару раз пробежал по ней пальцами и положил инструмент в большую кучу. Везти на Марс марсианское изделие — все равно что уголь в Ньюкасл.

В этот миг в комнату вошел Джек Моро, сосед Дона по комнате.

— Что это тут у тебя? Большая уборка?

— Я уезжаю.

Джек поковырял пальцем в ухе.

— Глохну я уже, что ли? Готов поклясться, ты сказал, что уезжаешь.

— Да, — Дон остановил сборы, показал Джеку радиограмму и объяснил, что к чему.

Джек заметно поник.

— Не нравится мне все это. Конечно, год выпускной, я знаю, но чтобы так вот взять и сорваться?.. Как же я теперь буду засыпать без твоего храпа? И с чего вдруг такая спешка?

— Не знаю. Правда, не знаю. Директор говорит, что мои предки сдрейфили из-за войны и хотят вытащить свое дражайшее чадо в безопасное место. Но это же глупо, ты согласен? Я считаю, в наши дни люди воевать не станут: они слишком цивилизованны.

Джек не ответил. Дон подождал, потом резко спросил:

— Ты согласен или нет? Не может быть никакой войны.

— Может, так, а может, и нет, — медленно ответил Джек.

— Ой, да кончай ты!

— Хочешь, помогу тебе паковаться? — предложил сосед.

— Тут паковать-то нечего.

— А эта куча, с ней что?

— Она твоя. Поройся, а хочешь — позови остальных, пусть забирают, кому что надо.

— Чего? Слышь, Дон, да не нужны мне твои вещи. Я их упакую и отправлю за тобой следом.

— Ты когда-нибудь пересылал багаж на другую планету? Это барахло того не стоит.

— Тогда продай. Знаешь что, давай после ужина устроим аукцион?

Дон покачал головой.

— Некогда. Я в час улетаю.

— Что? Ну, ты меня прямо убил, парень. Это мне совсем не нравится.

— Ничего не поделаешь. — Дон снова принялся перебирать вещи.

Несколько одноклассников забрели попрощаться. Сам Дон о своем отъезде не распространялся, и директор, по его мнению, тоже лишнего не болтал, но все-таки слух как-то разнесся. Дон предложил друзьям налетать на добычу, при условии, что Джек будет первым.

Вскоре до Дона дошло, что причиной отъезда никто из них даже не поинтересовался. Это раздражало больше, чем любые назойливые расспросы. Он чувствовал желание сказать кому-нибудь, что просто смешно сомневаться в его лояльности. Да и вообще войны не будет.

Руп Солтер, мальчишка из соседнего флигеля, просунул голову в дверь и стал наблюдать за сборами.

— Сваливаешь, да? Слыхали уже. Решил вот проверить.

— *Я уезжаю, если тебя это интересует.*

— Вот-вот, я про это и говорю. Послушай, Дон Джейми, как насчет твоего циркового седла? Я бы помог тебе от него избавиться, если сойдемся в цене.

— Седло не продается.

— Брось, там, куда ты собрался, лошади не водятся. Назначай цену.

— Теперь седло — Джека.

— И оно не продается, — сказал Моро.

— Вот оно, значит, как? Что ж, вольному воля, — безразличным голосом продолжал Солтер. — А кляча? Свою клячу ты уже кому-нибудь завещал?

Лошади мальчиков, за редким исключением, принадлежали школе, но выпускники пользовались давнишней и очень почетной привилегией «завещать» временную собственность другим школьникам по своему выбору. Дон резко вскинул голову. Только сейчас он подумал о Лодыре. Внезапно он с горечью осознал, что не может взять с собой этого маленького пузатого клоуна — и вообще он как-то совсем забыл подумать о том, что с ним будет.

— Это дело решенное, — ответил Дон, а про себя добавил: «Во всяком случае, настолько, насколько оно касается тебя».

— И кто же теперь у нее хозяин? Лошадь, конечно, так себе, но я хотел бы избавиться от той козы, которая мне досталась. Нет, серьезно, я могу хорошо заплатить.

— Все уже решено.

— Да ладно дурака-то из себя строить. Я же пойду к директору, и лошадь все равно отдадут мне. Завещание лошади — привилегия выпускника, а ты просто сваливаешь до срока.

— Мотай отсюда.

Солтер ухмыльнулся.

— А ты у нас, оказывается, обидчивый. Все вы, туманоеды, слишком круто кипите, чтобы уразуметь свою выгоду. Ну что ж, скоро вас всех уму-разуму научат.

Дон еле сдержался. «Туманоедами» называли тех, кто приезжал с окутанной облаками Венеры. Это прозвище было ничуть не хуже, чем «лайми» или «янки», если только его не произносили глумливым тоном или, как сейчас, намеренно стараясь оскорбить.

Остальные мальчики смотрели на Дона, не зная, полезет он в драку или нет.

Джек быстро поднялся с койки и направился к Солтеру.

— Давай, Солти, отваливай. Некогда нам тут с тобой дурака валять.

Солтер посмотрел на Дона, потом опять на Джека, пожал плечами и сказал:

— Мне тоже особо некогда с вами здесь околачиваться... Но — насчет лошади. Если вы передумаете, то так уж и быть — найду время.

Полуденный звонок из столовой разрядил напряжение. Кое-кто из мальчишек направился к двери; Солтер пошел вместе с ними. Дон остался.

— Пошли, пожуем, — предложил Джек.

— Джек...

— Да?

— Может, ты заберешь Лодыря?

— Дон, ты же знаешь. Я бы взял, ну а Леди Мод? С ней мне тогда что делать?

— Да я все понимаю. Как же мне теперь быть?

— Постой-ка! — Джек просиял. — Ты знаешь этого малыша, Скинти Морриса? Новенького из Манитобы? У него еще нет постоянной, ему только «коз» давали, да и то приходилось в очереди постоять. Уж он-то Лодыря обижать не станет. Я знаю, я давал ему покататься на Моди. Руки у него добрые.

У Дона отлегло от сердца.

— Ты сделаешь это для меня? И договоришься с мистером Ривзом?

— Что? Да ты можешь сам ему об этом сказать за ланчем. Пошли.

— Не пойду. Я не голоден. И не больно мне хочется говорить на эту тему с директором.

— Почему?

— Ну... не знаю. Когда я был у него сегодня утром, мне показалось, что он настроен не совсем... дружелюбно.

— Что он тебе сказал?

— Да дело не в словах. Может, я и впрямь такой мнительный, да только мне показалось, что он и в самом деле рад меня отсюда спровадить.

Дон ждал, что Джек начнет спорит, примется переубеждать. Вместо этого он немного помолчал, потом тихо сказал:

— Не принимай близко к сердцу, Дон. Директор, наверно, и сам-то как на иголках. Ты знаешь, что он получил предписание?

— Какое предписание?

— Тебе ведь известно, что он офицер запаса? Он обратился за указаниями и получил их. Приказ вступает в силу в конце семестра. На период его военной службы руководство школой принимает на себя миссис Ривз.

Дон, уже и без того бывший на пределе, почувствовал головокружение. На период военной службы? Как можно говорить такое, когда никакой войны нет?

— Точно тебе говорю, — продолжал Джек. — Я узнал от повара.

Помолчав, он добавил:

— Послушай, старик, мы друзья, ведь так?

— Ну конечно!

— Тогда скажи мне честно: ты и в самом деле собираешься на Марс? Или отправляешься на Венеру вступать в армию?

— Откуда ты это взял?

— Ладно, молчу. Но знаешь, если это даже и так, все равно между нами все останется по-прежнему. Мой старик говорит, что, когда наступает пора, главное — быть мужчиной и стоять прямо, — он посмотрел в лицо Дональду и добавил: — Как ты поступишь — твое личное дело. Тебе известно, что у меня в следующем месяце день рождения?

— Ну да.

— Так вот, после него я собираюсь записаться на курсы пилотов. Вот почему мне хочется знать, что будешь делать ты.

— Да...

— Но это же ничего не изменит, во всяком случае — между нами. В любом случае ты собираешься на Марс.

— Да. Да, это так.

— Хорошо! — Джек взглянул на часы. — Я должен бежать, иначе они выкинут мою жратву свиньям. Ты точно не идешь?

— Точно.

— До встречи! — Он выбежал из комнаты.

Дон немного постоял, чтобы собраться с мыслями. Старина Джек, должно быть, относился к войне серьезно, раз отказался от Йельского университета ради курсов пилотов. Но он ошибается. Он *должен* ошибаться.

Чуть погодя Дон вышел в кораль. Лодырь подбежал на зов и принялся тыкаться мордой в карманы в поисках сахара.

— Прости, дружище, — грустно сказал Дон. — Даже морковки нет, совсем забыл.

Он постоял, прижавшись щекой к морде лошади, и почесал пони за ушами. Потом тихо заговорил, пустившись в подробные разъяснения, будто Лодырь мог понять слова, дававшиеся Дону с таким трудом.

— Вот такие дела, — заключил он. — Мне нужно уезжать, а тебя мне взять с собой не разрешат.

Он мысленно возвратился к первому дню их дружбы. Лодырь был еще совсем жеребенком, но Дон его тогда испугался. Пони казался большим, опасным, возможно, что плотоядным. Дон ни разу не видел лошадей, пока не прилетел на Землю, и Лодырь был первым конем, которого он увидел вблизи.

Дон внезапно почувствовал, как к горлу подкатывает комок, и замолчал. Продолжать не было сил. Обняв пони за шею, он расплакался. Лодырь тихо заржал, понимая — что-то случилось, и все тыкался в хозяина носом. Дон поднял голову.

— Прощай, малыш, и береги себя. — Он резко повернулся и бегом бросился к общежитию школы.

2. «МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН»

Школьный вертолет высадил его на аэродроме в Альбукерке. Чтобы успеть на ракету, Дону пришлось поторопиться, так как служба управления полетами потребовала от пилота вертолета обойти стороной арсенал в Сандии. Взвешивая багаж, Дональд столкнулся с еще одним новшеством службы безопасности.

— В твоих манатках есть фотоаппарат? — спросил весовщик, когда Дон подал свои сумки.

— Нет. А что?

— А то, что когда мы будем досматривать твой багаж на флюороскопе, то засветим пленку.

По-видимому, рентгеновским лучам не удалось обнаружить в его белье никакой бомбы, так что сумки Дональду вернули, и он поднялся на борт крылатой ракеты «Санта-Фе Трэйл», курсирующей между Юго-Западом и Нью-Чикаго. В салоне он

пристегнул ремни безопасности, улегся на подушки сиденья и стал дожидаться взлета.

Поначалу, на взлете, рев двигателей беспокоил его больше, чем перегрузка. Но шум отстал, как только они перешли звуковой барьер, и наконец дало себя знать ускорение. От перегрузки у Дона потемнело в глазах.

Он очнулся, когда корабль перешел в режим свободного падения, по крутой параболе скользя над равнинами. Дональд сразу же почувствовал сильное облегчение: не надо больше терпеть этот чудовищный гнет, сдавливающий грудную клетку, стискивающий сердце, эту тяжесть, от которой мышцы становятся словно ватные.

Но, не успев насладиться этим благословенным ощущением легкости, он пережил новую напасть: его желудок, казалось, пополз вверх, к горлу. Сначала Дон встревожился, ибо не мог объяснить это неожиданное и невыносимое ощущение. Потом у него возникло дикое подозрение. Возможно ли? Только не это! Этого не может быть... только не космическая болезнь. Нет, только не у него! В конце концов, он родился в невесомости, а космическая тошнота — удел ползающих по земле, этих жалких кротов!

Но подозрение мало-помалу перерастало в уверенность; годы вольготной жизни на планете подорвали его иммунитет. С затаенным смущением Дональд подумал, что и впрямь ведет себя будто крот. Перед взлетом ему не пришло в голову попросить пилюлю от тошноты, хотя он и проходил мимо прилавка, отмеченного ярко-красным крестом.

Вскоре скрываемое стало явным. Дон едва успел схватить один из пластиковых пакетов, которые раздавали пассажирам специально на этот случай. После этого он почувствовал себя лучше, хотя слабость не проходила. Вполуха Дон принялся слушать доносящееся из динамика записанное на пленку описание местности, над которой они пролетали. При подлете к Канзас-Сити небо из черного опять стало лиловым, крылья вновь обрели опору, а пассажиры снова почувствовали перегрузку, когда ракета плавно пошла на посадку. Планировала она со свистом, по длинной пологой траектории. Дон поднял спинку кресла.

Спустя двадцать минут, когда навстречу кораблю понеслась посадочная площадка, радар запустил носовые двигатели, и «Санта-Фе Трэйл» приземлился. Полет занял меньше времени, чем путешествие на вертолете от школы до Альбукерке. И часу не прошло, как корабль проделал в восточном направлении такой же путь, какой в свое время крытые фургоны переселенцев, двигаясь на запад, преодолевали за восемьдесят дней, если все шло хорошо. Ракета местного сообщения приземлилась на поле, на самой окраине города, рядом с огромной, все еще немного радиоактивной равниной, где теперь располагался главный космодром планеты, а когда-то в прошлом — старый Чикаго.

Дон задержался, пропуская вперед семейство индейцев навахо, и сошел с корабля следом за скво. К борту медленно подполз трап-эскалатор. Дональд ступил на него и поехал к зданию вокзала. Внутри он растерялся: в огромном помещении царила суета. Бесчисленные этажи располагались как над поверхностью земли, так и под землей. Станция «Гэри» обслуживала не только «Санта-Фе Трэйл» и «Маршрут 66», но и другие местные ракеты, летающие на Юго-Запад; а кроме того — еще дюжину местных линий. Тут пересекались пути трансокеанских судов и линии грузовых трубопроводов, вдобавок он обслуживал и космические корабли, курсирующие между Землей и станцией «Околоземная», а от нее — к Луне, Венере, Марсу и спутникам Юпитера; эта сеть была чем-то вроде станового хребта империи, включавшей в себя великое множество миров.

Дональд привык и к безбрежной пустоте космоса, и к обширным равнинам Нью-Мексико, поэтому его выводили из себя и угнетали копошащиеся толпы народа. Когда люди ведут себя наподобие муравьев, они теряют достоинство, и Дон чувствовал это, хотя и не мог выразить своих ощущений словами. Но ничего не поделаешь, жизнь есть жизнь. Дон увидел три шара — эмблему «Межпланетных линий» — и пошел по светящимся стрелкам к кассам предварительных заказов.

Равнодушный клерк уверил Дона, что в кассе ничего не знают о заказанном для него месте на «Валькирии». Дон терпеливо втолковал ему, что место бронировали с Марса, и предъявил радиограмму

от родителей. Только после этого клерк нехотя согласился позвонить на «Околоземную». Отделение на спутнике подтвердило заказ. Повесив трубку, клерк повернулся к Дону:

— О'кей, можете прямо тут оплатить билет.

У Дона упало сердце.

— Я думал, он уже оплачен.

У него был при себе аккредитив, подписанный отцом, но денег на оплату полета к Марсу все равно не хватило бы.

— Да? Они мне ничего такого не говорили.

По настоянию Дона клерк опять позвонил на космическую станцию. Да, полет был оплачен, поскольку билет заказывали из пункта назначения. Что же это за служащий, который не способен разобраться в своих бумажках? Полностью побежденный клерк выдал наконец Дону билет на место номер 64 на борту ракетного корабля «Дорога Славы», вылетавшего с Земли на «Околоземную» следующим утром в 9 часов 3 минуты 57 секунд.

— Служба безопасности вас пропустила?

— Что? Это еще зачем?

Клерк, похоже, с радостью ухватился за такую замечательную возможность законным способом увильнуть от своих обязанностей.

Он забрал у Дона билет.

— Вам что, лень новости послушать? Давайте-ка ваши документы.

Дон неохотно вручил ему удостоверение личности; клерк вставил его в опознаватель и вернул.

— Теперь отпечатки больших пальцев, — велел он.

Дон оставил отпечатки и сказал:

— Это все? Я могу получить свой билет?

— И он еще говорит «это все»! Будьте здесь завтра утром примерно за час до отлета. Тогда и заберете билет, если, конечно, Межпланетное бюро расследований разрешит.

Клерк отвернулся. Дон тоже. Он чувствовал себя потерянным и не знал толком, что делать дальше. Директору школы он сказал, что переночует в отеле «Хилтон-Караван-сарай», в котором его семья останавливалась несколько лет назад, в единственной гостинице, название которой он знал. С другой стороны, ему

необходимо было отыскать доктора Джефферсона — «дядюшку Дадли», — раз на этом так настаивала его мать. Едва перевалило за полдень, Дон решил, что пристроит свои сумки, а уж потом отправится на поиски.

Отделавшись от сумок, он нашел свободную переговорную кабину и, отыскав номер доктора, набрал его. Видеофон доктора выразил вежливое сожаление по поводу отсутствия Джефферсона и предложил Дону оставить для него сообщение. Дон стал диктовать, как вдруг послышался мягкий голос:

— Для тебя я дома, Дональд. Где ты, мальчик?

Включился экран видеофона, и Дон оказался лицом к лицу с доктором Дадли Джефферсоном, физиономия которого была ему смутно знакома.

— Ой! Доктор, я на вокзале, в Гэри. Я только что прибыл.

— Тогда хватай такси, и пулей сюда.

— Э-э... Вы, наверно, и так слишком заняты, доктор. Я позвонил потому, что мама просила попрощаться с вами, — в душе он надеялся, что доктор Джефферсон действительно будет занят, чтобы тратить на него свое время. Как бы ни недолюбливал он города, ему вовсе не хотелось провести последний на Земле вечер, обмениваясь любезностями с другом семьи; он хотел поболтаться по улицам в поисках развлечений, которые мог предложить ему этот современный Вавилон. Отцовский аккредитив жег ему карман — Дону не терпелось малость потратиться.

— Ко мне, и никаких разговоров! Увидимся через несколько минут. А я пока выберу тельца поупитаннее и зарежу его. Кстати, ты получил мою посылку? — на лице доктора появилось настороженное выражение.

— Посылку? Нет.

Доктор недобрым словом помянул почтовую службу.

Дон сказал:

— Может, она меня еще догонит? Там было что-то важное?

— А, пустяки! Поговорим потом. Ты оставил адрес для пересылки?

— Да, сэр. «Караван-сарай».

— Хорошо. Пришпорь-ка лошадей, и посмотрим, как быстро ты сумеешь сюда добраться. Чистого неба!

— И мягкой посадки, сэр.

Они оба отключились. Дон вышел из будки и осмотрелся в поисках стоянки такси. Вокзал казался запруженным народом больше прежнего. На глаза то и дело попадалась униформа — не только летная или корабельной обслуги, но и мундиры разных родов войск, равно как и форма вездесущей полиции безопасности.

Дон протолкался сквозь толпу вниз по пандусу, по туннелю с движущейся дорожкой и наконец нашёл то, что искал. На стоянке такси выстроилась целая очередь, и Дон пристроился в хвост. Рядом с очередью растянулась здоровенная, похожая на ящерицу, туша венерианского дракона. Продвинувшись в очереди и поравнявшись с ним, Дон вежливо просвистел приветствие. Дракон повернул к Дону дрожащий на стебельке глаз. К груди рептилии между передними ногами и чуть ниже щупалец была пристегнута маленькая коробочка — водер. Пальцы щупалец забегали по клавишам, и венерианец ответил ему механическим голосом водера, предпочтя его родному свисту.

— Я тоже приветствую вас, молодой господин. Воистину приятно, находясь среди чужаков, услышать вдруг звуки, которые ты познал, будучи еще заключен в яичную скорлупу.

Дон с восторгом отметил, что аппарат инопланетянина произносит слова, как настоящий кокни. Дон рассвистелся в благодарностях и выразил надежду, что собеседника ждет легкая смерть.

Венерианец поблагодарил его, опять с помощью водера, и добавил:

— У вас очаровательное произношение, но не окажете ли вы мне любезность перейти на ваш родной язык, чтобы я мог в нем попрактиковаться?

У Дона мелькнуло подозрение, что тон его свиста, должно быть, ужасен и дракон едва его понимает. Он тотчас перешел на человеческую речь.

— Меня зовут Дон Харви, — сказал он и засвистел снова, но лишь для того, чтобы назвать свое венерианское имя — Туман-над-Водами.

Имя это дала Дону мать, и мальчик не видел в нем ничего смешного. Как и дракон. Он засвистел, впервые с начала беседы, и добавил через водер:

— Меня называют Сэр Исаак Ньютон.

Дон понял, что венерианец, назвав себя таким именем, следовал широко распространенному среди драконов обычаю брать для общения с людьми имя какого-нибудь человека, перед которым венерианцы преклонялись.

Дон хотел спросить Сэра Исаака, не знаком ли он случайно с семейством матери Дона, но очередь шла вперед, а дракон как лежал на месте, так и лежал. Дону пришлось продвинуться вперед, чтобы сохранить свое место в очереди. Венерианец поглядел ему вслед дрожащим на стебельке глазом и просвистел пожелание приятной смерти.

В веренице такси образовалась брешь, и к очереди подъехал грузовичок с платформой, управляемый водителем. Опустились сходни. Дракон встал на шесть своих мощных лап и поднялся на платформу. Дон свистом простился с венерианцем и вдруг с неприятным чувством заметил, что полицейский из службы безопасности сосредоточенно смотрит на него. Дон быстро шмыгнул в свое автоматическое такси и захлопнул верх.

Он набрал адрес и откинулся на спинку сиденья. Маленькая машина устремилась вперед, поднялась по пандусу, прошла сквозь грузовой туннель и въехала на подъемник. Сначала Дон пытался следить, куда его везут, но головоломный муравейник, называемый Нью-Чикаго, был способен довести до несварения желудка любого тополога. И Дон бросил это пустое дело. Похоже, робот-автомобиль знал, куда едет, и во всяком случае это знает диспетчерская машина, от которой такси получало направляющие сигналы. Остаток пути Дон с тревогой думал о билете, который ему так пока и не выдали, о слишком уж бдительном работнике полиции безопасности и, наконец, о посылке от доктора Джефферсона. Впрочем, посылка его мало волновала. Почта сплоховала — это раздражало, но не смертельно. Он надеялся, что мистер Ривз догадается отправить следом за ним на Марс всю почту, не переадресованную до сегодняшнего полудня.

Потом он подумал о Сэре Исааке. Приятно было повстречать соотечественника.

Квартира доктора Джефферсона оказалась глубоко под землей в одном из дорогих городских кварталов. Дон едва не сорвал встречу: такси остановилось у дверей квартиры, но, когда

он попытался выйти, дверца машины открываться не захотела. Это ему напомнило, что сначала надо заплатить за проезд. И тут Дон спохватился: нанял-то он авторобота нанял, но мелочи-то у него при себе не было, и что ему теперь опускать в приемную щель счетчика — неизвестно. Он был уверен, что этот автомобильчик, каким бы он ни считался умным, на аккредитив даже и не посмотрит. Дон вконец расстроился, решив, что сейчас машина доставит его в ближайший полицейский участок, но от этого его избавило появление доктора Джефферсона.

Доктор дал ему мелочь для оплаты проезда и проводил в свою квартиру.

— Не огорчайся, мой мальчик, — сказал он. — Со мной это случается примерно раз за неделю. Дежурный сержант местного отделения держит у себя в столе специальный ящик с монетами на тот случай, если придется выкупать меня у наших механических хозяев. Раз в квартал я рассчитываюсь с ним, да еще на чай добавляю. Садись. Херес?

— Э-э... нет, спасибо, сэр.

— Тогда кофе. Сливки и сахар у тебя под рукой. Что слышно от родителей?

— Ну, как обычно. Оба чувствуют себя хорошо, работы хватает, и все такое.

Рассказывая, Дон озирался по сторонам. Комната была большая, удобная, даже слишком. Хотя книги, расставленные по полкам и разложенные на столах и по стульям, отвлекали внимание от дорогой обстановки. В углу, похоже, горел настоящий камин. Через открытую дверь Дон заметил еще несколько комнат. Он прикинул в уме (и здорово при этом ошибся), как дорого могут стоить подобные хоромы в Нью-Чикаго.

Перед ним было обзорное окно, которое по идее должно было бы выходить в городские недра: вместо этого в нем виднелись поднимающиеся над горным ручьем ели. Пока Дон рассматривал эту картину, из воды выпрыгнула форель.

— Я не сомневаюсь, что работы хватает, — ответил хозяин. — У них всегда так. Твой отец пытается за одну короткую жизнь раскрыть тайны, копившиеся миллионы лет. Занятие невозможное — но у него что-то даже получается. Понимаешь, сынок, когда твой

отец начинал свой жизненный путь, мы даже не помышляли о том, что первая империя в Системе существовала на самом деле. Если, конечно, она была первой, — задумчиво добавил он. — Сейчас мы нащупали развалины на дне двух океанов и по летописям и архивным данным установили их связь с четырьмя другими планетами. Понятно, не все эти открытия — заслуга твоего отца, но без его работы ничего этого не было бы. Твой отец, Дональд, — великий человек, и твоя мать — тоже. Говоря о ком-нибудь из них, я, разумеется, имею в виду их обоих. Угощайся бутербродами.

— Спасибо, — Дон взял сэндвич, и это помогло ему уйти от прямого ответа.

Похвала в адрес родителей была, конечно, приятна, но с такими словами не принято соглашаться вслух.

Но доктор умел поддерживать разговор и без участия собеседника.

— Конечно, мы никогда не получим ответы на все вопросы. Каким образом развалилась на куски и превратилась в космический мусор благороднейшая из планет, колыбель империи? Твой отец провел четыре года в поясе астероидов — ты был там с ним, не так ли? — и не нашел вразумительного ответа. Была ли это планета со спутником — вроде системы «Земля—Луна», — разрушенная приливными силами? Или ее взорвали?

— Взорвали? Но ведь это теоретически невозможно, — заспорил Дон.

Доктор Джефферсон взмахом руки отмел его возражение.

— Все теоретически невозможно до тех пор, пока не происходит на самом деле. Можно написать историю науки наоборот, собрав туда торжественные заверения самых авторитетных ученых насчет того, чего нельзя сделать и что не может случиться. Ты хоть немного изучал математическую философию, Дон? Знаком ли ты с теорией множественных вселенных и с открытыми системами аксиом?

— Э... Боюсь, что нет, сэр.

— Простая идея и очень заманчивая. Возможно все. Именно *все*. И все происходило. В одной вселенной ты согласился выпить этого хереса и нализался как свинья. В другой вселенной пятая планета никогда не разрушалась. В третьей энергия

атома и ядерное оружие — вещи совершенно невозможные, каковыми и считали их наши предки. Эта последняя не лишена привлекательности, во всяком случае для неженок вроде меня.

Он поднялся.

— Не увлекайся бутербродами. Я собираюсь повести тебя в ресторан, а там, кроме всего прочего, будет наверняка и еда... да такая, которую сам Зевс посулил богам, да так и не подал.

— Я не хочу отнимать у вас слишком много времени, сэр, — Дон все еще надеялся побродить по городу в одиночестве.

Он впал в отчаяние, представив себе ужин в каком-нибудь чопорном клубе для толстосумов, после чего последует длинная беседа о высоких материях. А ведь сегодня последний его день на Земле.

— Время? Что такое время? Каждый следующий час жизни столь же нов и свеж, как тот, что мы только что прожили. Ты уже снял номер в «Караван-сарае»?

— Нет, сэр. Я только сдал на вокзале свои сумки.

— Хорошо. Переночуешь здесь. Потом мы пошлем за твоими пожитками.

В поведении доктора произошла едва заметная перемена.

— Но твою почту должны были переслать в гостиницу?

— Да, в гостиницу.

Дон с удивлением заметил, что доктор Джефферсон явно встревожен.

— Хорошо, займемся этим позднее. Тот пакет, который я тебе послал... его быстро переправят?

— Я не знаю, сэр. Обычно почта приходит два раза в день. Если она прибыла после моего отъезда, то пролежит до утра, как обычно. Но если директор вспомнит, то пошлет ее в город со специальным курьером, чтобы я получил все завтра утром до отлета.

— Ты хочешь сказать, что школа не связана с городом пневмопочтой?

— Нет, сэр, повар привозит утреннюю почту, когда ездит за покупками, а дневную сбрасывают на парашюте с рейсового вертолета из Розуэлла.

— Необитаемый остров! Ну ладно, ближе к полуночи проверим. Если посылка не пришла — ничего страшного.

Тем не менее доктор казался встревоженным и почти всю дорогу до ресторана молчал.

Ресторан непонятно почему назывался «Задняя комната», и никакой вывески снаружи не оказалось. Обыкновенная дверь в стене туннеля, такая же, как и все остальные. Несмотря на это, множество людей, похоже, знало, что там такое, и горело желанием туда попасть. Попытки их пресекал исполненный достоинства, сурового вида мужчина, который охранял вход, преграженный обтянутой в бархат веревкой. Он узнал доктора Джефферсона и послал за метрдотелем. Доктор сделал рукой жест, понятный во все времена всем метрдотелям на свете, барьер убрали, и гостей с королевскими почестями провели к столику возле танцевальной площадки. Заметив, какие доктор дал громадные чаевые, Дон вытаращил глаза. И ему даже не пришлось менять выражение лица, когда он увидел подошедшую к их столику официантку.

Не мудрствуя лукаво, он решил, что девушка — прекраснейшее из всех созданий, которых он когда-либо видел. И по фигуре и по тому, как она одета. Джефферсон заметил, с каким видом тот смотрит на официантку, и усмехнулся.

— Сынок, не трать попусту свой энтузиазм. Те, на которых стоит посмотреть — за что, собственно, и деньги заплачены, — будут там, — он махнул рукой в сторону сцены. — Начнем с коктейля?

Дон ответил, что поверить в такое не может, а коктейля ему не надо.

— Ну, как хочешь. Ты уже настоящий мужчина, и один кусочек от запретного плода — исключительно ради пробы — вряд ли тебе повредит. Но обед-то, надеюсь, ты мне заказать позволишь?

На это Дон согласился. Пока доктор обсуждал с плененной принцессой меню, Дон огляделся. Интерьер имитировал улицу поздним вечером; над головой загорались звезды. Помещение опоясывала высокая кирпичная стена, скрывавшая несуществующий средний план и заполнявшая пространство между полом и искусственным небом. Легкий ветерок покачивал кроны нависших над стеной яблонь. У дальней стены зала располагался старинный колодец с журавлем. Дон увидел, как к колодцу подошла еще одна из «принцесс», подняла журавль и достала серебряное ведерко с обернутой салфеткой бутылкой.

Напротив, тоже около танцплощадки, убрали столик, чтобы освободить место для большой прозрачной пластмассовой капсулы на колесах. Дон ни разу таких не видел, но знал ее назначение. Это была марсианская «детская коляска» — передвижной кондиционер, обеспечивающий необходимым прохладным разреженным воздухом уроженца Марса. Сквозь стенки смутно виднелся ее обитатель: хилое тело поддерживал суставчатый сервокорсет, призванный помочь марсиáнину справиться с силой тяжести третьей планеты. Его псевдокрылья уныло повисли, марсианин не шевелился. Дону стало беднягу жаль.

В детстве он встречал марсиан на Луне, но тамошнее тяготение было меньше, чем на Марсе; оно не превращало их в инвалидов, обездвиженных гравитационным полем, чрезвычайно болезненным для существ с подобной эволюционной структурой.

Марсианам было и тяжело, и опасно прилетать на Землю, и Дону стало интересно, что привело сюда этого пришельца. Может быть, дипломатическая миссия?

Доктор Джефферсон отпустил официантку, поднял взгляд и увидел, что Дон во все глаза таращится на марсианина.

— Интересно, зачем он сюда пришел? — проговорил Дон. — Уж наверняка не для того, чтобы поесть.

— А может, он хочет посмотреть, как кормят животных. Я тут тоже отчасти ради этого, Дон. Оглянись вокруг повнимательнее. Такого ты не увидишь нигде.

— Наверное, не увижу... На Марсе уж точно.

— Я не об этом, парень. Содом и Гоморра, которые прогнили насквозь и катятся в яму. «Актерами, сказал я, были духи... и в воздухе прозрачном... растаяли они...», ну и так далее. Вероятно, даже «весь шар земной». Что-то я сегодня разговорился. Ты давай, развлекайся. Скоро это кончится.

Дон растерялся.

— Доктор Джефферсон, вам нравится здесь жить?

— У меня такая же декадентская натура, как и у города, в котором я обретаюсь. Тут моя естественная стихия. Но это не мешает мне отличать кукушку от ястреба.

Доносившаяся непонятно откуда приглушенная музыка оркестра вдруг смолкла, из громкоговорителя раздалось:

— Сводка новостей!

В тот же миг сумеречное небо над головой почернело, и по нему побежали светящиеся буквы, а голос в громкоговорителе принялся вслух читать слова, появлявшиеся на потолке:

«БЕРМУДЫ. ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ. МИНИСТЕРСТВО КОЛОНИЙ ТОЛЬКО ЧТО ЗАЯВИЛО, ЧТО ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТ ПОСЕЛЕНИЙ НА ВЕНЕРЕ ОТКЛОНИЛ НАШУ НОТУ. ИЗ ИСТОЧНИКОВ, БЛИЗКИХ К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ФЕДЕРАЦИИ, ИЗВЕСТНО, ЧТО ТАКОЕ РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ НЕ ЯВИЛОСЬ НЕОЖИДАННОСТЬЮ, И ПРИЧИН ДЛЯ ТРЕВОГИ НЕТ».

Вновь вспыхнул свет и опять зазвучала музыка. Губы доктора Джефферсона растянулись в веселой усмешке.

— Как кстати! — заметил он. — Как своевременно! Эти письмена на стене.

Дон принялся было торопливо комментировать сообщение, но тут началось представление, и он отвлекся. Пока передавали новости, сцена рядом со столиком незаметно ушла в пол, и из образовавшегося углубления поднялось дрожащее в токах воздуха облако, испускавшее лиловое, багровое и розовое сияние. Облако рассеялось, и Дон увидел, что сцена снова вернулась на место, теперь уже с танцовщицами. На заднем плане появилась декорация с изображением горы. Доктор Джефферсон был прав: девушки, на которых стоило поглазеть, выступали на сцене, а не обслуживали столики. Дон так увлекся, что даже не заметил, как принесли заказ. Доктор тронул его за локоть.

— Поешь чего-нибудь, пока не лишился чувств.

— Что? Да-да, сэр. — Дон с аппетитом принялся за еду, но глаза его не отрывались от сцены. В труппе был один мужчина, изображавший Тангейзера, но Дон не знал и знать не хотел, кого этот артист играет; он замечал его, лишь когда тот заслонял собой остальных. Так и с ужином: Дон увидел, что именно ест, успев уже на две трети опустошить тарелку.

— Тебе нравится? — спросил доктор.

Дон внимательно посмотрел на сцену, но вдруг понял, что Джефферсон спрашивает о еде.

— Конечно! Ужасно вкусно! — он с интересом принялся изучать содержимое тарелки. — А что это?

— Неужели не узнаешь? Запеченный детеныш грегариана.

Дону потребовалась пара секунд, чтобы уразуметь, что такое грегариан. В раннем детстве он видел сотни маленьких сатироподобных двуногих существ — *faunas gregariaus veneris Smythii** — но сначала не мог увязать общепринятое в обиходе название с дружелюбными, глупыми существами, которых он и его товарищи по играм, впрочем, как и все остальные колонисты Венеры, всегда называли «толкунами» из-за их неистребимой привычки толпиться, толкаться, тыкаться рыльцами, садиться людям на ноги и вообще всячески выказывать неутомимую жажду физического контакта.

Но съесть детеныша этих самых толкунов? Дон почувствовал себя каннибалом и во второй раз за день чуть не уподобился земному кроту, попавшему в космос. Подавившись, он сумел пропихнуть в себя этот кусок, но больше — нет, с него хватит.

Он вновь повернулся к сцене. Венерианская «гора» исчезла, а вместо нее появился мужчина с усталыми глазами, который без умолку выпаливал шутки, жонглируя при этом горящими факелами. Дона этот номер не заинтересовал, и он принялся разглядывать зал. Мужчина, сидевший от них через три столика, встретился с ним глазами и, будто бы не заметив, сразу же отвернулся. Дон призадумался, затем внимательно оглядел мужчину и, кажется, его узнал.

— Доктор Джефферсон?

— Да, Дон?

— Вы случайно не знаете венерианского дракона, который называет себя Сэр Исаак Ньютон? — спросил он и на всякий случай просвистел настоящее имя венерианца.

— Не делай этого! — резко остановил его доктор.

— Чего не делать?

— Не выпячивай не по делу свое происхождение, во всяком случае сейчас. Почему ты спрашиваешь об этом э-э... Сэре Исааке? — доктор говорил очень тихо, едва шевеля губами.

---

* Фавн стадный венерианский Смита *(лат.)*.

Дональд рассказал ему о случайной встрече на вокзале.

— Когда я оттуда уезжал, то был совершенно уверен, что полицейский за мной следил. И теперь тот же самый человек сидит вон там, только теперь он в штатском.

— Ты уверен?

— Кажется, да.

— М-м... ты можешь и ошибаться. Или он просто пришел сюда после службы, хотя полицейскому тут делать нечего, с его-то жалованьем! Слушай, не обращай на него внимания и давай больше о нем ни слова. И о драконе тоже. И обо всем остальном, что хоть как-то касается Венеры. Сделай вид, будто ты просто веселишься, но очень внимательно прислушивайся ко всему, что я тебе буду говорить.

Дон попробовал так и сделать, но теперь ему было трудно сосредоточиться на веселье. Даже когда вновь появились танцовщицы, он почувствовал, что его так и тянет обернуться и посмотреть на человека, испортившего им вечеринку. Тарелку с запеченным грегарианом убрали, и доктор заказал для Дона блюдо под названием «Гора Этна». Кушанье и вправду напоминало вулкан — над верхушкой даже тянулась вверх струйка пара. Дон зачерпнул немного и понял — а ведь действительно лед с огнем. Блюдо то остужало, то обжигало небо, и он с удивленьем подумал: «Как можно такое есть?» — но из вежливости и с опаской попробовал еще ложечку. Вскоре он обнаружил, что все съедено, и даже пожалел, когда больше ничего не осталось.

В перерыве представления Дон попытался порасспросить доктора Джефферсона, что тот на самом деле думает о военном психозе, но доктор решительно перевел разговор на занятия его родителей и принялся рассуждать о прошлом и будущем Системы.

— Сынок, пусть тебя не волнует день сегодняшний. Все это просто мелкие неприятности, которые неизбежно предшествуют объединению Системы. Через пять сотен лет историки вряд ли их даже отметят. Будет Вторая империя — к тому времени уже шесть планет.

— Шесть? Вы что же, серьезно думаете, что нам когда-нибудь что-то удастся сделать с Юпитером и Сатурном? Вы, наверно, имеете в виду спутники Юпитера!

— Нет, я говорю о шести «настоящих» планетах. Мы подтащим поближе к огоньку Плутон и Нептун, а Меркурий отодвинем подальше, чтобы немножечко поостыл.

Мысль о перемещении планет поразила Дона. Она звучала дико, невероятно, но он не стал спорить, коль скоро его собеседник придерживался мнения, что все в мире возможно.

— Роду человеческому необходимо жизненное пространство, — продолжал доктор Джефферсон. — В конце концов, Марс и Венера населены разумными существами, и мы не можем продолжать их колонизировать, не прибегая к геноциду, да и неясно, чем обернется геноцид, даже с марсианами. Но перестройка этой Системы — не более чем инженерная задача, пустяк по сравнению с тем, что мы еще сделаем. Через пятьсот лет вне Системы будет больше землян, чем внутри нее; нами будет кишеть пространство возле каждой звезды класса *G* в округе. Ты знаешь, что бы я сделал, будь я в твоем возрасте, Дон? Я бы постарался получить койку на «Первопроходце».

Дон кивнул головой.

— Хотелось бы.

«Первопроходец» — звездолет, который не был рассчитан на возвращение, — начали строить на Луне и на орбите вокруг нее еще в те времена, когда Дон и на свет-то не появился. Скоро корабль должен был отправиться в полет. Все или почти все ровесники Дона, по крайней мере в мечтах, хотели на нем полететь.

— Конечно, — добавил доктор, — без невесты тебе не обойтись.

Он показал на сцену, которую снова заполонили танцоры.

— К примеру, вон та блондинка. Как она тебе, ничего? По крайней мере, здоровая.

Дон улыбнулся, сразу почувствовав себя опытным сердцеедом.

— Вряд ли ей понравится судьба пионерки. По-моему, ей и здесь неплохо.

— Лучше спросим ее саму. Сюда, пожалуйста, — доктор подозвал метрдотеля, и сунул ему на лапу. Вскоре блондинка уже была возле их столика, но подсаживаться не стала. Ударил тамтам, его поддержал оркестр, блондинка принялась петь и напела Дону таких нежностей, которые смутили бы его даже в разговоре с гла-

зу на глаз. Он больше не чувствовал себя ловеласом — наоборот, кровь прилила к лицу, и всякое желание брать эту женщину к звездам в момент пропало. Но все равно Дон был доволен.

Артисты уходили со сцены, когда свет внезапно мигнул и из громкоговорителей разнеслось:

— Угроза вторжения из космоса! Угроза вторжения из космоса!

Огни как один погасли.

3. ОБЛАВА

На какое-то бесконечное мгновение воцарилась кромешная тьма и полная тишина; не слышалось даже приглушенного жужжания вентиляторов. Потом посреди сцены вспыхнул крошечный огонек, озаривший лицо выступающего комика. Он нарочито нелепо гнусавил:

— Следующим звуком, который вы услышите, будет... рев труб Страшного Суда! — он хихикнул и быстро затараторил: — Сидите спокойно, ребята, и крепче держите бумажники: кое-кто из прислуги в родстве с начальством. Это просто учения. Во всяком случае, у нас над головами футов сто бетона, а пачка закладных и того толще. Ну а теперь, чтобы вы как следует настроились на следующий номер, выпейте-ка разок за счет заведения! Следующий номер — мой! — он подался вперед и крикнул: — Герти! Тащи-ка то пойло, что мы так и не смогли втюхать клиентам под Новый год!

Дон почувствовал, что напряжение в зале спадает, и тоже расслабился. Поэтому, когда его запястье стиснула в темноте чья-то рука, испуг его был сильнее вдвое.

— Тихо! — шепнул ему на ухо доктор.

Дон послушно поплелся за ним. Джефферсон, по-видимому, хорошо знал, что здесь и где: они вышли из зала, не натолкнувшись ни один стол и лишь однажды впотьмах задев кого-то из публики. Похоже, они шли по длинному коридору, где было темно, как в угольном ящике, потом свернули за угол и остановились.

«Но выходить нельзя, сэр,» услышал Дон чей-то голос. Доктор ответил так тихо, что слов было не разобрать. Что-то зашуршало;

они снова двинулись вперед, вышли в какую-то дверь и повернули налево. Потом зашагали по новому туннелю. Дон был уверен, что это пешеходный туннель возле самого ресторана, хотя в темноте они, кажется, повернули под прямым углом. Доктор Джефферсон по-прежнему сжимал запястье Дона и молча тащил его вперед. Вновь поворот, а за ним — лестница, ведущая вниз.

Поблизости были другие люди, хотя и немного. Один раз кто-то в темноте схватил Дона, он с яростью двинул кулаком, угодил во что-то дряблое и услышал приглушенное мычание. Доктор потащил его вперед еще быстрее.

Наконец, Джефферсон остановился; казалось, он что-то нащупывает в темноте. Из мрака донесся пронзительный женский крик. Доктор проворно отпрянул и, сделав еще несколько шагов вперед, опять остановился.

— Здесь, — сказал он. — Залезай. — Доктор потянул Дона вперед и положил на что-то его руку; Дон ощупал и решил, что это припаркованное такси с откинутым верхом. Он влез в машину, а доктор Джефферсон забрался на заднее сиденье и закрыл за собой верх. — Теперь мы можем поговорить, — сказал он спокойно. — В ту, первую, машину кто-то успел залезть раньше нас. Мы не двинемся с места, пока опять не дадут ток.

Дон внезапно почувствовал, что весь дрожит от волнения. Немного успокоившись, он спросил:

— Доктор, это действительно нападение?

— Сомневаюсь, — ответил Джефферсон. — Это учения, я так полагаю. И если бы не они, вряд ли бы мы смогли по-тихому оттуда убраться.

Дон задумался, а доктор продолжал:

— Чего ты переживаешь? Тебя что, волнует чек? Так у меня там счет.

Дон даже не подумал о том, что они сбежали, не заплатив. Так он и сказал, и еще добавил:

— Кстати, насчет того полицейского — ну того самого, из службы безопасности, которого я вроде бы как узнал? Помните?

— Увы, да.

— Так я, должно быть, ошибся. Похож-то он, конечно, похож, но как он мог меня выследить, даже если, допустим, успел прыг-

нуть в следующее такси? Я же помню, не было там ни одной машины, кроме моей. Так что если даже полицейский и тот же самый, значит, тут чистая случайность. Вовсе он не меня разыскивал.

— А если он разыскивал меня?

— То есть?

— Ничего, не обращай внимания. А что касается слежки... Дон, ты знаешь, как работают эти такси?

— Ну, примерно.

— Если этот полицейский хотел сесть тебе на хвост, он не стал бы брать следующее такси, а позвонил бы и сообщил номер твоего. Этот номер сразу же отследили бы через пульт диспетчерской. Если бы ты вдруг вышел из такси раньше, чем они успели установить слежку, то они просто считали бы код пункта назначения из компьютера. А потом послали бы другого полицейского ждать твоего прибытия и продолжили наблюдение. Когда я позвонил и вызвал такси, к моей линии уже подключились, как и к машине, которая приняла вызов. В итоге, когда мы прибыли в «Заднюю комнату», первый полицейский уже сидел там за столиком. Это был их единственный промах — подсадить человека, которого ты уже видел. Но промах вполне простительный: работы у них сейчас выше головы!

— Но я-то им зачем нужен? Даже если они думают, что я... хм... нелоялен, все равно не такая уж я важная птица.

Доктор Джефферсон помедлил, потом сказал:

— Дон, я не знаю, как долго мы сможем разговаривать. Сейчас можно болтать свободно, потому что все обесточено, и они так же ничего не могут поделать, как и мы. Но как только дадут напряжение, разговорам конец, а мне надо многое тебе рассказать. Когда включат электричество, нельзя будет говорить даже здесь, в машине.

— Почему?

— Считается, что никто этого не знает, но в каждом такси есть микрофон. Частота, на которой ведется управление машиной, может сама по себе использоваться для передачи разговоров в салоне, причем никак не сказывается на управлении движением автомобиля. Поэтому, как только дадут ток, мы уже не будем в

безопасности. Да, это позор, я знаю. Я не рискнул разговаривать в ресторане, даже когда играл оркестр. Они могли навести на нас узконаправленный микрофон. Теперь слушай внимательно. Во-первых, мы должны найти ту посылку, которую я тебе отправил. Просто обязаны. Я хочу, чтобы ты передал ее своему отцу... вернее, ее содержимое. Во-вторых, завтра утром ты должен попасть на шаттл, даже если небо упадет на Землю. В-третьих, ночевать у меня ты все-таки не будешь. Извини, но я считаю, что так лучше. В-четвертых, когда включат ток, мы немного покатаемся по городу, болтая о пустяках и не называя имен. Потом мы подъедем к какой-нибудь телефонной будке, и ты позвонишь в «Караван-сарай». Если пакет там, ты простишься со мной, вернешься на вокзал, заберешь свои сумки, затем поедешь в отель, снимешь там номер и возьмешь почту. Завтра утром ты сядешь в свой корабль и улетишь. Мне не звони. Все понял?

— Угу. Думаю, что да, сэр. — Дон помолчал, а потом выпалил: — Но почему? Может быть, я не вовремя говорю об этом, но, наверно, мне следует знать, почему мы так поступаем.

— Знать? Что именно?

— Ну... Что в посылке?

— Увидишь. Можешь открыть ее, если хочешь, осмотреть — а там сам для себя решай. Если, по-твоему, будет лучше вообще не передавать ее, что ж, твое право. Что же касается остального... каких политических убеждений ты придерживаешься, Дон?

— Э-э... Трудно сказать, сэр.

— М-м-м... В твоем возрасте я тоже не очень-то во всем этом разбирался. Давай скажем так: ты хотел бы разделять убеждения своих родителей — до тех пор, пока не заимеешь собственные?

— Ну конечно!

— А тебе не показалось странным, что твоя мать так упорно советовала меня разыскать? Не стесняйся, я знаю, что молодой человек, приехавший в большой город, не станет по собственному желанию встречаться с малознакомыми людьми. Стало быть, она, наверное, полагала, что встреча со мной важна для тебя, правда?

— Думаю, да.

— Тебе этого достаточно? Человек не может выболтать то, чего не знает, да так оно и спокойнее.

Дон пораскинул мозгами. Слова доктора были вполне разумны, но ему очень уж не хотелось делать что-либо непонятное, не зная зачем это делается и почему. С другой стороны, если бы он просто получил пакет, то, несомненно, передал бы его своему отцу. Это естественно.

Он собрался задать новый вопрос, но тут вспыхнули фонари, и маленькая машина заурчала. Доктор Джефферсон воскликнул: «Ну наконец-то!» — и, склонившись над панелью управления, быстро набрал какой-то код. Автомобиль двинулся вперед. Дон хотел что-то сказать, но доктор покачал головой.

Машина проползла сквозь несколько туннелей, спустилась вниз по пандусу и остановилась на широкой подземной площади. Доктор расплатился и повел Дона через площадь к пассажирскому лифту. Площадь была запружена народом; явственно ощущалось, в каком напряжении находятся все эти люди — предупреждение о космическом налете сделало свое дело. Дон и доктор с трудом проложили себе дорогу через толпу, скопившуюся возле уличного телеэкрана. Дон с облегчением втиснулся в переполненный лифт.

Теперь доктор Джефферсон направлялся к другой стоянке такси — на площади несколькими уровнями выше. Они сели в машину и поехали прочь; в этом автомобиле они провели только несколько минут, потом опять поменяли такси. Дон вконец запутался и спроси его сейчас кто-нибудь, он ни за что не смог бы сказать, где они: на севере или на юге, на западе, на востоке, высоко или низко? Когда они вышли из последнего по счету такси, доктор взглянул на часы и сказал:

— Хватит время тянуть. Сюда.

Он показал на стоявшую поблизости кабину видеофона.

Дон вошел в кабину и позвонил в «Караван-сарай». Есть ли там почта на его имя? Нет. Дон объяснил, что он не останавливался в отеле. Служащий посмотрел еще раз.

— Извините, сэр, почты нет.

Дон вышел и сообщил доктору. Тот покусал губу.

— Сынок, видно, я здорово просчитался. — Он огляделся по сторонам. Рядом никого не было. — И впустую потратил время.

— Может, я чем-то могу помочь?

— А? Думаю, что можешь. Уверен, что можешь. — Он умолк и задумался. — Сейчас мы идем ко мне. Так надо. Но там мы не задержимся. Найдем какую-нибудь гостиницу, только не «Караван-сарай», и, боюсь, что ночью нам с тобой придется поработать. Ты как?

— Ну конечно!

— У меня есть несколько таблеток «время взаймы», они помогут. Послушай, Дон, что бы ни случилось, завтра ты должен попасть на этот корабль. Понял?

Еще бы ему было не понять. Так или иначе он собирался попасть на борт корабля и не видел особых причин, которые могли бы ему помешать. Он уже подумывал про себя, а все ли у доктора Джефферсона в порядке с мозгами.

— Хорошо. Пойдем пешком. Тут близко.

Пройдя полмили туннелями и спустившись на лифте, они оказались на месте. Свернув в туннель, где находилась его квартира, доктор огляделся по сторонам. Пусто. Они быстро пересекли дорогу, и доктор открыл дверь.

В гостиной сидели два незнакомца.

Доктор Джефферсон посмотрел на них и сказал:

— Добрый вечер, господа, — и повернулся к своему гостю: — Спокойной ночи, Дон. Было очень приятно тебя увидеть, и, разумеется, передавай от меня привет родителям. — Доктор сжал руку Дона и решительно подтолкнул его к двери.

Двое мужчин встали. Один сказал:

— Долго же вы добирались до дому, доктор.

— Я забыл о назначенной встрече, джентльмены. Ну, до свиданья, Дон. *Я не хочу, чтобы ты опоздал.*

Произнося последнюю фразу, доктор крепко пожал ему руку. Дон ответил:

— Э... До свиданья, доктор. Спасибо.

Он повернулся, чтобы уйти, но тут человек, который разговаривал с Джефферсоном, быстро загородил Дону дорогу.

— Минутку, пожалуйста.

— Джентльмены, мальчика-то зачем держать? — вступился доктор. — Пусть идет, чтобы мы спокойно могли заниматься делом.

Не отвечая ему, мужчина крикнул:

— Элкинс! Кинг!

Из глубины квартиры появились еще двое мужчин, и тот, который, очевидно, был старшим, приказал:

— Уведите парня в спальню. И закройте дверь.

— Пошли, приятель.

Дон, который молча пытался разобраться в этой непонятной для него ситуации, разозлился. Он был почти уверен, что эти люди — из полиции безопасности, хотя и в штатском. Но его воспитали в убеждении, что честному человеку бояться нечего.

— Подождите! — запротестовал он. — Никуда я не пойду. В чем дело?

Человек, позвавший Дона за собой, подошел к нему и схватил за предплечье. Дон вырвался. Едва заметным взмахом руки командир приказал своему человеку остановиться.

— Дон Харви...

— Ну, чего?

— Я мог бы дать вам сразу несколько ответов. Например, такой, — он показал жетон. — Правда, эту штуку легко подделать. Знаешь, парень, некогда мне заниматься сейчас с бумагами, а то бы за этим добром дело не стало — по всей форме, можешь не сомневаться, с подписями и печатями.

Дон заметил, что голос мужчины звучит мягко и сдержанно.

— Некогда мне, понимаешь? Устал я, да и вообще не хочется забивать голову играми в слова с сопляками. Так что хватит с тебя того, что нас четверо, и все мы тут при оружии. Ну как, пойдешь по-хорошему, или тебе малость поддать под зад и оттащить силком?

Дон уже собирался ответить ему так же, как отвечал когда-то в подобных случаях товарищам по школьным играм, но тут вмешался доктор Джефферсон:

— Сделай то, что они просят, Дональд!

Дон закрыл рот и пошел за полицейским в дальнюю комнату.

Мужчина ввел его в спальню и закрыл дверь.

— Садись, — благодушно сказал он.

Дон не двинулся с места. Страж подошел к нему и толкнул в грудь ладонью. Дон сел.

Мужчина нажал кнопку на пульте управления, и кровать приподнялась, приняв положение, при котором удобно было читать. Потом улегся. Со стороны казалось, будто он спит, но всякий раз, когда Дон смотрел на охранника, тот встречался с ним взглядом.

Дон напрягал слух, стараясь расслышать, что творится в гостиной. Но напрасно: в спальне, где он сидел, была отличная звукоизоляция.

Дон нервничал и тщетно пытался постичь смысл всех этих нелепых событий. Ему казалось почти невероятным, что только сегодня утром они с Лодырем отправились на гору Могила торговца. Интересно, как там сейчас Лодырь, скучает ли по нему этот прожорливый маленький шельмец?

«Нет, наверно», — с грустью подумал он.

Дон украдкой взглянул на охранника. Интересно, а что если, подобравшись и подтянув как можно глубже под себя ноги...

Охранник покачал головой.

— Не надо, — посоветовал он.

— Чего не надо?

— Пробовать на меня напасть не надо. А то выведешь меня из себя, сам же потом и пожалеешь.

Казалось, он снова задремал.

Дон приуныл. Если ему даже удастся напасть на охранника, может, даже его оглушить, там в гостиной все равно еще трое. Допустим, он от них и уйдет. Но куда ему бежать в чужом городе, где у них все схвачено и налажено, да еще как налажено!

Однажды он видел, как кошка, жившая на конюшне, играла с мышью. Душой он был на стороне мыши, но все равно не меньше минуты завороженно наблюдал эту сцену и только потом шагнул вперед и выручил бедного зверька. Кошка ни разу не позволила мыши отбежать на расстояние большее чем длина ее лапы. А теперь мышью был он, Дональд...

— Поднимайся!

Дон вскочил на ноги, испуганно и едва ли сознавая, где он находится.

— Эх, парень, мне бы твою чистую совесть, — восхищенно сказал охранник. — Уметь засыпать, когда хочешь, — дар божий, это уж точно. Пошли, начальник хочет тебя видеть.

Дон первым вошел в гостиную. Там был только напарник его охранника. Дон оглянулся и спросил:

— А где доктор Джефферсон?

— Неважно, — ответил его страж. — Лейтенант терпеть не может, когда его заставляют ждать.

И пошел к выходу.

Дон задержался, и второй полицейский небрежно взял его за руку. Резкая боль пронзила до самого плеча, и Дон покорно побрел за первым охранником. Снаружи их ждала машина с ручным управлением, она была побольше, чем такси-робот. Один охранник нырнул за руль, другой толкнул Дона в пассажирский отсек. Дон сел, попробовал обернуться и понял, что не может этого сделать. Он даже руки поднять не мог. Любая попытка пошевелиться была сродни борьбе со множеством тяжелых одеял. Дон мог только сидеть и дышать.

— Успокойся, — сказал охранник. — Можешь растянуть связки. С этим полем лучше вести себя мирно, не то все это плохо кончится.

Дону пришлось самолично убедиться в правоте полицейского. Незримые оковы, какова бы ни была их природа, держали тем крепче, чем настойчивее он пытался от них избавиться. Но стоило ему расслабиться и вести себя тихо, как он вовсе перестал их ощущать.

— Куда вы меня везете? — спросил Дон.

— А то ты не знаешь? В МБР, куда же еще. В городское отделение.

— За что? Я ничего не сделал!

— Раз не сделал, значит, долго и не задержишься.

Автомобиль остановился в большом гараже. Все трое вылезли и, подойдя к какой-то двери, стали ждать. У Дона было такое ощущение, будто на них кто-то смотрит. Вскоре дверь открылась, и они вошли.

В помещении витал неистребимый дух крючкотворства. Они двинулись по длинному коридору мимо бесконечных рядов кабинетов, где толпились служащие, теснились столы, транстайпы, автоматизированные архивы, стрекочущие механические картотеки. Лифт мигом перенес их на другой уровень, они миновали еще несколько коридоров и остановились у двери какого-то кабинета.

— Заходи, — сказал один из охранников.

Дон вошел. Дверь плавно за ним закрылась. Охранники остались снаружи.

— Садись, Дон.

Это был начальник той самой четверки. Теперь он щеголял в мундире офицера службы безопасности и восседал за письменным столом подковообразной формы.

Дон спросил:

— Где доктор Джефферсон? Что вы с ним сделали?

— Сядь, тебе говорят.

Дон не шевельнулся, и лейтенант продолжал:

— Зачем усложнять себе жизнь? Ты знаешь, где находишься, знаешь, что способов тебя обломать у меня сколько угодно, а некоторые из них весьма неприятны. Может, сядешь и избавишь нас обоих от лишних хлопот?

Дон сел и сразу же заявил:

— Я требую адвоката.

Лейтенант медленно покачал головой, будто усталый и кроткий школьный учитель.

— Молодой человек, да ты, видно, романов начитался. Если б ты вместо этого изучал движущие силы истории, то понял бы, что логика закона чередуется с логикой силы в последовательности, определяемой особенностями культуры. Всякая культура вырабатывает свою основополагающую логику. Ты следишь за моей мыслью?

Дон замялся. Лейтенант продолжал:

— Ну, да это неважно. Дело в том, что требовать адвоката имело смысл лет двести назад, но не теперь. Словесные формы отстают от жизненных фактов. Тем не менее ты получишь адвоката или леденец на палочке — это уж что ты предпочитаешь. Но только после того, как я тебя допрошу. На твоем месте я выбрал бы леденец. Леденец питательнее.

— Без адвоката я разговаривать не буду, — твердо ответил Дон.

— Не будешь? Жаль. Дон, планируя беседу с тобой, я отвел на бесполезную болтовню ровно одиннадцать минут. Из них ты уже четыре потратил, нет, пять. Когда пройдет одиннадцать минут и ты начнешь выплевывать зубы, не забудь, что я не желал тебе зла. Теперь по поводу того, будешь ты говорить или нет. Есть несколько способов развязать человеку язык, и каждый из них имеет своих приверженцев. Наркотики, например веселящий газ, скополамин, пентотал натрия, не говоря уж о некоторых новых, более изысканных и относительно нетоксичных препаратах. Опытный

оперативник может использовать даже обычный алкоголь, и при этом весьма успешно. У меня к наркотикам душа не лежит: они разрушают мозг, а в показаниях полно абсолютно бесполезных сведений. Ты бы удивился, узнав, какие груды хлама могут накапливаться в мозгу человека. Слышал бы ты все, что довелось выслушать мне. Есть еще гипноз со множеством разновидностей. Есть искусственная стимуляция неодолимых потребностей, подобных привыканию к морфию. Наконец, есть старомодное средство — боль. Кстати, я знаю одного мастера своего дела — полагаю, он сейчас находится здесь, — который успешно допрашивает самых несговорчивых, тратя минимум времени и действуя только голыми руками. Разумеется, к той же категории относится старый как мир способ, когда насилие или болевое воздействие применяется не к допрашиваемому, а к человеку, страдания которого для него невыносимы. Например, жена, сын, дочь. Ну, к тебе этот способ так вот сразу применить трудно: вся твоя родня находится на другой планете, — офицер взглянул на часы и добавил: — На треп осталось всего тридцать секунд, Дон. Может, начнем?

— Что? Минутку! Вы сами потратили это время, я почти ни слова не сказал.

— Мне некогда играть в справедливость. Извини. Но, — продолжал он, — кажущегося препятствия, не дающего применить к тебе самый последний способ, о котором я говорил, не существует. За то короткое время, что ты проспал в квартире доктора Джефферсона, мы сумели установить, что на самом-то деле такой объект раздобыть очень даже возможно. И он отвечает всем требованиям. А ты... ты выболтаешь все, лишь бы этому существу не сделали больно.

— Ну и...

— Это некая лошадка по кличке Лодырь.

Дон был застигнут врасплох и ошеломлен.

Офицер продолжал:

— Если ты настаиваешь, мы отложим разговор часа на три, и я распоряжусь доставить сюда твою лошаденку. Это может оказаться любопытным — по-моему, подобная методика к лошадям пока что не применялась. Насколько я понимаю, у них очень чувствительные уши. Кроме того, должен тебе сказать, что если мы возьмем такой труд доставить Лодыря к нам, назад мы его не повезем.

Отправим на бойню, и дело с концом. Не кажется ли тебе, что лошади в Нью-Чикаго — это анахронизм?

У Дона слишком кружилась голова, чтобы он мог дать хоть какой-то связный ответ или даже осознать все эти ужасные намеки. Наконец, он выпалил:

— Вы не посмеете! Вы этого не сделаете!

— Время вышло, Дон.

Дон был сломлен. Он глубоко вздохнул и тупо пробормотал:

— Валяйте, спрашивайте.

Лейтенант взял со стола катушку с пленкой и вставил ее в проектор, экран которого был обращен к нему.

— Назови свое имя, пожалуйста.

— Дональд Джеймс Харви.

— Твое венерианское имя?

Дон просвистел:

— *Туман-над-Водами.*

— Где ты родился?

— Корабль «Внешняя граница», между Луной и Ганимедом.

Вопросам конца не было. Похоже, все ответы уже были заранее перед глазами следователя на экране; раз или два он просил Дона кое-что дополнить или уточнить какую-нибудь деталь. Пройдясь по всей прошлой жизни Дона, офицер потребовал во всех подробностях рассказать о событиях, происшедших с момента получения радиограммы от родителей, в которой ему предписывалось взять билет на «Валькирию» и лететь на Марс. Единственное, о чем умолчал Дон, — это слова доктора Джефферсона о посылке. Он с тревогой ждал, что его вот-вот спросят об этом, но даже если офицер и знал о посылке, виду он не подал.

— Кажется, доктор Джефферсон полагал, что этот так называемый агент службы безопасности следил за тобой? Или, может, за ним самим?

— Понятия не имею. Не думаю, чтобы он знал об этом.

— «Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним», — изрек лейтенант. — Расскажи-ка мне, что именно вы делали, покинув «Заднюю комнату»?

— А что, этот человек и правда за мной следил? — спросил Дон. — Нет, вы не думайте, я этого дракона никогда раньше не

видел; скучно было в очереди стоять, вот я и решил чуток с ним полюбезничать.

— Я уверен, что так и было. Но вопросы задаю я. Продолжай.

— Ну, мы раза два или три меняли такси. Я не знаю точно, куда мы ехали. Город мне незнаком, и я почти сразу запутался. В конце концов мы вернулись в квартиру доктора.

Он не упомянул о звонке в «Караван-сарай». И вновь следователь, если, конечно, он знал об этом пробеле в показаниях, и ухом не повел. Лейтенант сказал:

— Хорошо. Кажется, мы к чему-то пришли.

Он выключил проектор, сел и несколько минут смотрел в никуда.

— Сынок, я ни капли не сомневаюсь в том, что ты потенциально нелоялен.

— Почему вы так говорите?

— Это я так, не обращай внимания. Тебе просто не с чего быть нам преданным: не то воспитание. Но не стоит волноваться. В моем положении человек должен исходить из соображений целесообразности. Ты собирался завтра утром лететь на Марс.

— Разумеется!

— Хорошо. Не думаю, что в твоем возрасте, да еще сидя на отшибе на ранчо, ты наделал бы много дел. Но ты попал в дурную компанию. Не опоздай на корабль. Если завтра ты еще будешь здесь, я, возможно, изменю свое мнение.

Лейтенант встал. Дон тоже.

— Я обязательно попаду на корабль! — согласился Дон и осекся: — Разве только...

— Разве только — что? — резко спросил лейтенант.

— Они не отдадут мой билет, пока в нем не будет визы службы безопасности, — выпалил Дон.

— Вот как? Это в порядке вещей. Я обо всем позабочусь. А сейчас можешь идти. Чистого неба!

Дон не ответил, и лейтенант добавил:

— Не сердись. Было бы проще сначала хорошенько дать тебе в глаз, а потом допрашивать. Но я этого не сделал. У меня самого сын примерно твоего возраста. И лошадку твою я тоже не хотел обижать; так уж получилось, что я люблю лошадей. Я ведь родом из деревни. Ну как, не держишь на меня зла?

— Э... нет, наверное.

Лейтенант протянул руку, и Дон, сам того не желая, пожал ее. Он даже почувствовал симпатию к этому офицеру. И решился задать еще один вопрос:

— Могу я проститься с доктором Джефферсоном?

Выражение лица мужчины изменилось.

— Боюсь, что нет.

— Почему? Вы же будете следить. Разве нет?

Офицер помялся.

— Не вижу причин скрывать от тебя: у доктора Джефферсона были сильные нелады со здоровьем. И нынче вечером у него был приступ, он скончался от паралича сердца.

Дон вытаращил глаза.

— Возьми себя в руки! — отрывисто сказал следователь. — Все там будем.

Он нажал кнопку и приказал вошедшему охраннику проводить Дона. Обратно его выводили другим путем, но он был слишком погружен в свои мысли, чтобы заметить это. Доктор Джефферсон мертв — это казалось невероятным. Такой энергичный, такой жизнерадостный человек... Дон все еще раздумывал об этом, когда его втолкнули в главный пешеходный туннель.

Внезапно ему припомнились слова, сказанные в классе учителем биологии: «В конечном счете любая смерть происходит от остановки сердца».

Дон поднял правую руку и пристально посмотрел на нее. Надо бы вымыть руку, и как можно скорее.

4. «ДОРОГА СЛАВЫ»

У Дона еще были дела, и он не мог торчать тут всю ночь.

Во-первых, наверное, лучше вернуться на вокзал и забрать свои вещи. Дон покопался в своей сумочке-визитке, отыскивая багажную квитанцию и с тревогой думая о том, как будет добираться до космопорта. У него по-прежнему не было мелочи, чтобы расплатиться за роботакси.

Багажную квитанцию Дон не нашел, хотя и вытряхнул из бумажника все, что там лежало. Остальное было на месте: аккредитив,

удостоверение личности, депеши от родителей, поблекшая фотография Лодыря, свидетельство о рождении, всякая всячина. Не было только квитанции. А ведь он помнил, что положил ее именно туда.

Дон подумал о том, чтобы снова вернуться в «муравейник» Бюро расследований. Теперь он был точно уверен, что квитанцию вытащили, и, скорей всего, вытащили, когда он спал. Проклятье, нашел тоже время спать! Может, легавые накачали его лекарствами? Дон решил не возвращаться. Не только потому, что не смог бы найти того офицера (он даже и фамилии-то его не знал), но и — и это было куда важнее — потому, что не хотел вновь там оказаться, даже если бы ему посулили весь багаж, хранящийся на вокзале «Гэри». Ладно, черт с ними, с сумками. До отлета он успеет обзавестись новыми рубахами и штанами.

Дон решил, что лучше отправиться в «Караван-сарай». Но первым делом нужно было выяснить, где он находится. Дон медленно двинулся вперед, высматривая какого-нибудь прохожего, не слишком спешащего и не слишком важного, к которому можно было бы обратиться с вопросом. Подходящий человек попался на следующем перекрестке, он торговал лотерейными билетами.

Продавец оглядел Дона.

— Зачем тебе тащиться туда, дорогуша? — он подмигнул. — Я сам могу подыскать тебе что-нибудь хорошенькое.

— Я лучше знаю, чего мне надо, — упрямо ответил Дон.

Мужчина пожал плечами:

— Как хочешь, дурик. В общем так — топай прямо, пока не дойдешь до площади с электрическим фонтаном, там вставай на тротуар, что ползет к югу. Спросишь кого-нибудь, где тебе сойти. В каком месяце ты родился?

— В июле.

— В июле? Малыш, тебе повезло! У меня как раз остался билет с гороскопом на твой месяц. Гляди.

У Дона не было никакого желания покупать билет, и он уже хотел заявить продавцу-прохиндею, что гороскоп — такая же глупость, как седло на корове, но неожиданно для себя выложил последнюю мелочь, купил билет и сунул бумажку в карман, чувствуя себя идиот идиотом. Продавец сказал:

— Примерно полмили по движущейся дорожке. Только вычеши солому из волос, прежде чем заходить внутрь.

Дон без труда отыскал дорожку, оказавшуюся экспрессом с оплатой заранее. Но лотерейные билеты кассовый аппарат не интересовали. Тогда Дон отправился к гостинице пешком по узкому карнизу, тянувшемуся вдоль тротуара, и скоро отыскал то, что надо.

Залитый светом парадный подъезд занимал ярдов сто туннеля.

Когда Дон вошел, никто не бросился, расшаркиваясь, ему навстречу. Он подошел к портье и попросил комнату. Клерк подозрительно оглядел его с головы до ног.

— Кто-нибудь уже позаботился о вашем багаже, сэр?

Дон объяснил, что багажа у него нет.

— Хорошо. С вас двадцать два пятьдесят, оплата вперед. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь.

Дон расписался и поставил отпечаток большого пальца, потом вытащил отцовский аккредитив.

— Я могу получить наличные?

— А сколько там? — служащий взял карточку. — Конечно, сэр. Ваше удостоверение личности, пожалуйста.

Дон вручил ему документ. Портье засунул его вместе со свежим отпечатком пальца в контрольный аппарат. Раздался подтверждающий сигнал, и клерк вернул удостоверение.

— Ну что ж, вы — это вы. — Он отсчитал деньги, вычтя из них за комнату. — Ваш багаж прибудет отдельно, сэр? — Судя по перемене в его поведении, Дон сделал большой шаг по общественной лестнице.

— А? Нет, но здесь для меня может оказаться кое-какая почта.

Дон объяснил, что утром намерен отправиться на «Дороге Славы».

— Я спрошу в нашем почтовом отделении.

Почты не оказалось, и Дон заметно расстроился. Портье сказал:

— Я распоряжусь, чтобы ваше имя отметили на почте. Если до отлета корабля что-нибудь поступит, вы наверняка это получите, даже если придется отправить посыльного на космодром.

— Большое спасибо.

— Ну что вы! Коридорный!

Дон позволил проводить себя, но тут же почувствовал, что нетвердо держится на ногах. По большим часам, висевшим в фойе, он определил, что новый день уже настал и до взлета осталось

всего несколько часов. Получалось, что за постель он заплатил по семь с полтиной в час, но при таком самочувствии Дон был готов выложить куда больше только ради того, чтобы забиться в какую-нибудь нору.

Лег он не сразу. «Караван-сарай» был роскошным отелем. Даже в его «дешевых» комнатах удобств было хоть отбавляй. Дон настроил ванну так, чтобы в ней циркулировала горячая вода и можно было сидеть, скинул одежду и погрузился в приятно успокаивающую пену. Чуть погодя он изменил настройку и завис в неподвижной теплой воде.

Потом он вздрогнул и выбрался из ванны. Спустя десять минут, сухой, припудренный и взбодренный массажем, Дон снова вошел в спальню, чувствуя себя почти отдохнувшим. В школе на ранчо намеренно поддерживался по-монастырски суровый быт: простые душевые и старые, слишком жесткие кровати. А здешняя ванна одна стоила того, во что ему обошелся номер.

Вспыхнул зеленоватый огонек оповестителя пневмопочты. Дон открыл ее приемник и обнаружил там три посылки. Во-первых, весьма объемистый запечатанный пластиковый мешок с меткой «Караван-сарай. Бесплатный набор». В нем оказались расческа, зубная щетка, пилюля снотворного, порошок от мигрени, кассета короткометражек для прикроватного проектора, направленного на потолок, номер местного издания «Ньюс» и меню завтрака. Во-вторых, открытка от школьного соседа по комнате и, наконец, маленький сверток в обыкновенном почтовом цилиндрике. В открытке говорилось: *«Дорогой Дон, с дневной почтой пришел для тебя пакет. Директор разрешил закинуть его в Альбукерке. Скинти берет Лодыря на свое попечение. Закругляюсь — еще надо посадить эту развалюху. Всего наилучшего. Джек».*

— Добрый старина Джек, — пробормотал Дон и взял почтовую капсулу.

Он взглянул на обратный адрес и испытал нечто сродни потрясению, когда понял, что это, должно быть, и есть тот самый пакет, о котором так беспокоился доктор Джефферсон и, по-видимому, из-за которого он и расстался с жизнью. Дон уставился на посылку, спрашивая себя, неужели гражданина и впрямь могут выволочь из собственного дома, а потом так с ним обращаться, что он не выдержит и умрет?

А действительно ли он умер — тот человек, с которым Дон ужинал всего несколько часов назад? Или агент службы безопасности соврал ему из каких-то своих соображений?

Доля правды, конечно, в его ответе была. Дон своими глазами видел, как они поджидали доктора, чтобы его схватить. В конце концов, Дона самого задержали, запугивали, допрашивали, а багаж просто-напросто стащили. А ведь он ничего такого не совершил! Ровным счетом ничего, черт возьми, просто занимался своими, вполне законными делами.

Дон затрясся от злости. Он позволил сделать из себя пешку! И Дон торжественно поклялся себе, что больше с ним такого не будет. Теперь-то он видит, что по меньшей мере раз шесть мог и должен был проявить упорство. Ему бы сразу начать борьбу, тогда доктор Джефферсон, возможно, сейчас был бы жив. «Если, конечно, он умер», — добавил про себя Дон.

Но он был подавлен проигрышным раскладом. Дон пообещал себе больше никогда не думать о соотношении сил, а только о достижении результата.

Он подавил дрожь и вскрыл посылку. Мгновение спустя лицо его вытянулось. В патрончике не было ничего, кроме мужского перстня — дешевой пластиковой безделушки, какие валяются на любом сувенирном лотке. На нем была выдавлена заглавная буква «*H*» в староанглийском написании и обведена кружком; в бороздках виднелась белая эмаль. Перстень был броский, но очень простенький и если и представлял для кого-то ценность, то только для человека с неразвитым и дурным вкусом.

Дон повертел его так и сяк, потом отложил в сторону и развернул упаковку. Больше ничего не было, даже записки — перстень был завернут в чистую белую бумагу. Дон задумался. Уж наверняка не из-за перстня разгорелся весь этот сыр-бор. Он решил, что существуют лишь две возможности: либо полиция безопасности подменила посылку, и тогда он, вероятно, уже бессилен что-либо сделать, либо пакет был действительно тот, что надо, и кольцо только для отвода глаз. А раз так, то, стало быть, важно лишь остальное содержимое посылки, даже если на вид это просто пустая бумага.

Дон разволновался при мысли о том, что, возможно, повезет сообщение, написанное невидимыми чернилами, и принялся раз-

мышлять, каким способом проявить текст. Нагреванием? Химическими реактивами? Радиацией? И тут он понял, что читать текст, если текст здесь вообще имеется, — не его дело. Понял, и ему стало обидно. Ведь Дону надо было всего лишь передать послание отцу.

Дон решил, что пакет, скорее всего, пустышка или фальшивка, подосланная полицией. Он не мог знать, какие сведения они выжали из доктора Джефферсона. И тут вспомнил, что есть еще один способ проверить это, хотя способ, возможно, заведомо неудачный. Дон подошел к видеофону и попросил соединить его с квартирой доктора. Правда, тот не велел ему звонить, но ведь обстоятельства изменились.

Дону пришлось немножко подождать, потом экран засветился, и он оказался лицом к лицу с тем самым лейтенантом службы безопасности, который его допрашивал. Офицер полиции уставился на Дона.

— О господи, — устало сказал он. — Так ты мне не поверил? Ложись-ка спать; тебе вставать через час или около того.

Ни слова не говоря, Дон дал отбой.

Итак, доктор Джефферсон либо мертв, либо все еще в руках полиции. Что ж, примем как данность то, что пакет — от доктора; теперь он передаст эту бумагу по назначению, сколько бы елейновежливых штурмовиков ни выставил против него Нью-Чикаго! Уловка, которую доктор, по-видимому, использовал, чтобы никто не понял истинного назначения бумаги, заставила Дона задуматься, каким образом скрыть ее важность. Наконец, он достал авторучку, разгладил бумагу и начал писать записку. Бумага была похожа на обычную почтовую, и письмо, набросанное на ней, никого бы не удивило. Впрочем, эта бумага и впрямь могла оказаться писчей.

«*Дорогие мама и папа,*– начал Дон. — *Утром я получил вашу радиограмму и очень обрадовался...*»

Он писал размашистым почерком, заполняя бумагу пустыми фразами, а когда места на листе не осталось, черкнул внизу, что допишет послание и отправит все разом, как только корабль войдет в зону радиосвязи с Марсом. Потом сложил письмо, сунул его в бумажник и спрятал в сумочку, которую обычно носил на запястье. После этого посмотрел на часы.

Господи! Через час вставать. Так какой смысл ложиться вообще?

Но глаза закрывались сами собой. Он увидел, что шкала будильника имела деления от «вежливого напоминания» до «встряски», установил переключатель в крайнее положение и забрался в кровать.

Его мотало туда-сюда, слепящий свет бил в глаза, сирена то чуть затихала, то выла напропалую. Дон мало-помалу пришел в себя и сполз с кровати. Та сжалилась й бушевать перестала.

Боясь, что снова уснет, завтракать в номере он не стал, а натянул одежду и пошел искать гостиничное кафе. Дон выпил четыре чашки кофе, плотно позавтракал, затем освободил номер и, запасшись мелочью, чтобы расплатиться за такси, отправился на вокзал «Гэри». В бюро бронирования «Межпланетных линий» он потребовал билет. Незнакомый клерк посмотрел там-здесь, потом ответил:

— Что-то не видать. И в визированных его тоже нет.

Это была последняя капля.

— Поглядите получше, он должен быть здесь! — воскликнул Дон.

— Но... Минуточку, — служащий взял со стола листок бумаги. — Дональд Джеймс Харви? Получите ваш билет в комнате 4012 на втором этаже.

— А в чем дело?

— Понятия не имею. Я всего лишь кассир. Тут так написано.

Озадаченный и раздосадованный, Дон разыскал нужную комнату. На двери не было никаких надписей, кроме одной: «Входите». Он вошел и... снова оказался лицом к лицу с лейтенантом службы безопасности, которого видел ночью.

Офицер поднял глаза.

— Да убери ты эту кислую рожу, Дон, — сказал он сердито. — Я сегодня спал не больше твоего.

— Чего вы от меня хотите?

— Раздевайся.

— Зачем?

— Зачем-зачем... Обыскивать мы тебя будем, вот зачем. Ты что, думаешь, мы дадим тебе улететь без досмотра?

— Хватит мною командовать, сыт по горло, — медленно проговорил Дон. — Вам надо — вы и раздевайте.

Офицер нахмурился.

— У меня бы, конечно, нашлась для тебя пара убедительных ответов, но я и сам уже сыт по горло. Келли! Артим! Разденьте его.

Спустя три минуты один глаз Дона начал заплывать, а здоровой рукой он бережно поддерживал покалеченную. «Во всяком случае, перелома нет», — решил он. Лейтенант и его подручные удалились в заднюю комнату, забрав сумочку и одежду Дона. Ему пришло в голову, что дверь за спиной не заперта, но Дон сразу же отказался от этой затеи. Вряд ли имело смысл бежать через всю станцию в чем мать родила.

Несмотря на явное поражение, Дон впервые за много часов испытал душевный подъем.

Наконец, лейтенант вернулся и сунул ему одежду.

— Держи. А вот твой билет. Если хочешь переодеться в чистое, твои сумки вон там, за столом.

Дон молча забрал багаж, но переодеваться не стал, время было дороже. Когда он одевался, лейтенант вдруг спросил:

— Когда ты успел нацепить этот перстень?

— Его переслали из школы.

— Дай-ка взглянуть.

Дон стянул кольцо с пальца и швырнул лейтенанту.

— Можешь оставить его себе, ворюга!

Лейтенант поймал кольцо и равнодушно ответил:

— Ну-ну, Дон, против тебя лично я ничего не имею.

Он внимательно осмотрел кольцо и бросил его обратно:

— Лови!

Дон поймал кольцо и снова надел, после подхватил свои сумки и направился к выходу.

— Чистого неба, — сказал лейтенант. Дон не обратил на него внимания.

— Я сказал: чистого неба!

Дон обернулся, посмотрел ему в глаза и ответил:

— Надеюсь, мы когда-нибудь еще встретимся... во внеслужебной обстановке.

И вышел. Все же они обнаружили письмо. Дон заметил, что его нет, когда забирал сумочку и одежду.

На этот раз Дон решил подстраховаться и перед взлетом сделал укол от тошноты. Отстояв очередь на инъекцию, он едва успел

взвеситься до предупредительного сигнала. Уже на входе в лифт Дон увидел, как ему показалось, знакомую личность, неуклюже взбиравшуюся на площадку грузового лифта чуть в стороне. Сэр Исаак Ньютон. Во всяком случае, выглядел он точно так же, как и его вчерашний случайный знакомый, хотя Дон и понимал, что человеку отличить одного дракона от другого почти невозможно.

Дон не стал высвистывать приветствие: события нескольких последних часов убавили в нем простодушия, зато сильно прибавили осторожности. Пока лифт полз вдоль борта вверх, Дон размышлял о случившемся. Невероятно, но с тех пор, как он получил радиограмму, прошло всего двадцать четыре часа, даже меньше. А казалось, прошел целый месяц. Дон чувствовал себя повзрослевшим на десять лет.

Он с досадой подумал, что они его все же перехитрили. И тайнопись на оберточной бумаге, что бы она там ни хранила, благополучно сгинула. Или все-таки — неблагополучно?

Койка под номером 64 на «Дороге Славы» находилась на третьей палубе. Кроме нее тут было еще пять таких же. Каюта была наполовину пустой, и на палубе виднелись дырки от свинченных коек. Дон отыскал свое место, а сумки пристегнул ремнями к багажной сетке в ногах. Затягивая ремни, он услышал у себя за спиной знакомый говорок лондонских окраин, обернулся и просвистел приветствие.

Сэра Исаака осторожно вводили в каюту из грузового трюма снизу. Ему помогали человек шесть из наземной обслуги. Он учтиво свистнул в ответ, продолжая через водер руководить творцами этого инженерного подвига:

— Полегче, друзья, полегче, и все будет в порядке! Так, если двое из вас будут так любезны поставить на трап мою левую среднюю ногу, не забывая при этом, что я не могу ее видеть... Ой, берегите пальцы! Ну вот, теперь я, наверное, и сам справлюсь. А я не задену хвостом что-нибудь хрупкое?

Бригадир грузчиков ответил:

— Шеф, путь свободен. Оп-ля!

— Если вы имеете в виду именно то, что я думаю, — ответил венерианец, — тогда: «На старт! Внимание! Марш!»

Заскрежетала сталь, зазвенело бьющееся стекло, и гигантский ящер неуклюже выполз из люка. Потом он осторожно развернул-

ся и устроился на специально освобожденном для него месте. Люди из обслуги вошли следом и накрепко принайтовили его к палубе стальными лентами. Дракон покосился на бригадира.

— Вы, как я понимаю, главарь этой банды?

— Я тут за старшего.

Щупальца венерианца оторвались от клавиш водера, отыскали висевший рядом с прибором бумажник и извлекли пачку денег. Дракон положил их на палубу и опять занялся клавишами.

— Тогда, сэр, не будете ли вы так любезны принять сие свидетельство моей признательности за хорошо выполненную трудную работу и распределить это между вашими помощниками по справедливости и в соответствии с вашими обычаями, каковы бы они ни были?

Грузчик сгреб деньги и запихнул их в карман.

— *Ясное дело, шеф. Спасибо.*

— Почту за честь.

Рабочие ушли, и дракон переключился на Дона, но не успели они перекинуться парой слов, как с верхней палубы спустились последние пассажиры. Целое семейство под предводительством строгого вида дамочки. Она заглянула в каюту и пронзительно вскрикнула.

Женщина полезла обратно по трапу вверх, преградив путь своему супругу и отпрыскам. Дракон скосил на нее пару глаз, остальными продолжая смотреть на Дона.

— Боже мой! — набрал он на клавиатуре. — Как, по-вашему, будет какой-нибудь толк, если я уверю эту даму в том, что не склонен к антропофагии?

Дон сильно смутился, жалея, что не может откреститься от этой женщины. Как-никак, они с ней одной крови, одного племени.

— Дура она безмозглая, — ответил он. — Пожалуйста, не обращайте на нее внимания.

— Боюсь, что одним негативным отношением не обойдется.

Дон издал непереводимый свист, выражающий на языке драконов презрение, и добавил:

— *Пусть жизнь ее будет долгой и скучной.*

— Ну-ну, — отстучал дракон. — Неразумное беспокойство не менее реально, чем разумное. «Понять — значит простить», как сказал один из ваших философов.

Дон не узнал цитату, и подумал, что это чересчур категоричное мнение — во всяком случае, ему так казалось. Он был уверен, что существуют вещи, которых он никогда не сможет простить, даже прекрасно их понимая. Взять хотя бы недавние события. Он уже хотел заявить об этом дракону, но тут их внимание привлекли звуки, доносившиеся из открытого люка. Два (а то и больше) мужских голоса спорили с одним истеричным женским, который звучал громче всех и время от времени глушил остальные. Вскоре выяснилось следующее: во-первых, дамочка желает поговорить с капитаном; во-вторых, ее хорошо воспитали и ей никогда не приходилось сталкиваться с подобными тварями; в-третьих, она никогда не позволила бы таким мерзким чудовищам прилетать на Землю, и вообще их надо всех истребить; в-четвертых, будь Адольф хотя бы наполовину мужчиной, он бы не стоял тут истуканом и не потерпел бы такого отношения к своей жене; в-пятых, она намерена писать в компанию: если на то пошло, семья ее тоже имеет кое-какое влияние; и — в-шестых — она требует немедленной встречи с капитаном.

Дон хотел вклиниться в разговор, чтобы как-то замять скандал, но сам был заворожен происходящим. Вскоре голоса стали далекими и затихли. Корабельный офицер спустился в люк и огляделся по сторонам.

— Вам удобно? — спросил он Сэра Исаака.

— Вполне, благодарю вас.

Офицер повернулся к Дону.

— Возьмите свои сумки, молодой человек, и следуйте за мной. Капитан решил предоставить в распоряжение его милости всю каюту.

— Это почему? — спросил Дон. — У меня билет на шестьдесят четвертое место, и мне здесь нравится.

Офицер поскреб подбородок, взглянул на Дона, потом обратился к венерианцу:

— Вас это устраивает?

— Безусловно. Почту за честь общество юного джентльмена.

Офицер опять посмотрел на Дона.

— Э... Ну ладно. Все равно не знаю, куда вас перевести, разве что подвесить на крюк.

Он взглянул на часы и чертыхнулся.

— Ладно, я должен спешить, иначе просрочим старт, и придется ждать еще сутки.

С этими словами офицер поднялся по трапу и вышел.

Система оповещения дала последний предупредительный сигнал, потом раздался трескучий голос:

— Все по местам! Пристегнуть ремни! Стартовая готовность!

Вслед за приказом включилась запись: духовой оркестр выводил «Поднять корабль!» Леконта. Пульс Дона сделался частым, волнение нарастало. Он чувствовал себя несказанно счастливым, ему страстно хотелось снова очутиться в космосе, ведь там была его родина. Вчерашние беды и страхи забылись напрочь, потускнели даже воспоминания о ранчо и Лодыре.

Музыку включили с таким расчетом, что заключительные аккорды, в которых слышался рев ракеты, слились с голосом корабельных дюз. «Дорога Славы» дрогнула, чуть приподнялась... и ринулась в открытое небо.

5. «ОКОЛОЗЕМНАЯ»

Перегрузки были не больше, чем накануне на «Санта-Фе Трэйл», но ускорение длилось пять с лишним минут, которые, казалось, растянулись на долгий час. Когда корабль преодолел звуковой барьер, в каюте стало относительно тихо. Дон сделал невероятное усилие и сумел немного повернуть голову. Громадную тушу Сэра Исаака прижало к палубе, и Дон с содроганием представил себе раздавленную на асфальте ящерицу. Глаза-стебельки дракона поникли, будто пожухлая спаржа. Казалось, дракон издох.

Дон с трудом набрал в грудь воздуха и окликнул его:

— У вас все в порядке?

Венерианец не шелохнулся. Его водер был придавлен обвисшими складками шеи. Вряд ли щупальца могли сейчас аккуратно нажимать на клавиши, окажись даже водер на свободе. Дракон не отозвался и на своем родном свистящем наречии.

Дон хотел подойти к нему, но из-за перегрузки имел не больше шансов пошевелиться, чем регбист, оказавшийся в самом низу кучи-малы. Он с усилием вернул голову в первоначальное положение, чтобы хоть дышать было не больно, и принялся ждать.

Когда выключили двигатели, желудок Дона разок негодующе дернулся, но потом успокоился: то ли подействовала инъекция, то ли Дон вновь обрел иммунитет к космической болезни, а может быть, дело было и в том, и в другом. Не дожидаясь разрешающего сигнала из рубки управления, Дон быстро расстегнул ремни и поспешил к венерианцу. Он завис в воздухе, схватившись рукой за стальные ленты, опоясывавшие его спутника.

Теперь дракон уже не был придавлен к палубному настилу, и лишь крепления не давали ему летать по отсеку. Его гигантский хвост метался из стороны в сторону, скребя по палубе и сдирая с нее чешуйки краски.

Глаза-стебельки по-прежнему безвольно свисали и все еще были замутнены. Дракон совершал какие-то бессознательные телодвижения, будто нитка, извивающаяся в потоке воды, и не подавал признаков жизни. Дон сжал кулак и постучал по плоскому черепу существа.

— Вы меня слышите? С вами все хорошо?

Дон расшиб руку, но большего не добился. Сэр Исаак не отзывался. С минуту Дон раздумывал, как ему быть. Соседу явно было худо, но Дона не обучали приемам оказания первой помощи венерианским псевдоящерам. Он перебрал в уме детские воспоминания, пытаясь придумать хоть что-нибудь. Офицер, занимавшийся устройством пассажиров, вплыл в отсек головой «вниз» из носового, или «верхнего», люка.

— На этой палубе порядок? — небрежно осведомился он и развернулся, собираясь удалиться.

— Нет! — закричал Дон. — Перегрузочный шок!

— Что? — Офицер вплыл в каюту и посмотрел на попутчика Дона. Офицер выругался крайне неизобретательным образом и, казалось, не на шутку встревожился.

— Я тут не помощник. Никогда прежде не возил драконов. Как, черт возьми, сделать искусственное дыхание такой громадине?

— Никак, — ответил Дон. — Его легкие полностью защищены панцирной коробкой.

— Похоже, помер. Наверное, у него остановилось дыхание.

Какое-то воспоминание шевельнулось в голове Дона. Он тотчас же за него ухватился.

— У вас есть сигарета?

— А? Не приставай! И вообще курить еще не разрешено.

— Вы не так поняли, — настаивал Дон. — Если у вас есть сигарета, прикурите ее, выдуйте дым в его ноздревую пластину и посмотрите, дышит он или нет.

— А... ну что ж, может, это и неплохая мысль.

Космонавт достал сигарету и зажег ее.

— Только осторожнее, — продолжал Дон. — Они не переносят никотин. Выпустите одну большую струю дыма и сразу гасите сигарету.

— А может, лучше не надо? — засомневался офицер. — Слушай, а ты говоришь совсем как колонист с Венеры.

Дон поколебался, потом ответил:

— Я гражданин Федерации.

Вряд ли сейчас было подходящее время для политических споров.

Дон переместился поближе к подбородку дракона, уперся ногами в палубу и потянул за нижнюю челюсть, открывая ноздревую пластину венерианца, расположенную под головой существа в складках шеи.

Не будь невесомости, Дону не удалось бы этого сделать.

Офицер выдул струю дыма в открывшееся отверстие. Часть ее засосало в ноздрю: дракон был еще жив. Даже слишком жив. Все глазные стебельки настороженно встали торчком, дракон вздернул подбородок, поднимая заодно и Дона, а потом чихнул. Струя воздуха угодила в болтавшегося неподалеку от ноздрей человека, и Дон закувыркался. Несколько секунд его мотало туда-сюда, пока он наконец не ухватился за перила трапа, ведущего к люку.

Офицер потирал запястье.

— Эта зараза меня ударила, — пожаловался он. — Не скоро я еще решусь на такое. Ладно, теперь, надо полагать, все будет в порядке.

Сэр Исаак горестно свистнул. Дон ответил. Космонавт взглянул на него.

— Ты понимаешь эту галиматью?

— Немного.

— Хорошо, попроси его включить эту трещотку, а то я ничего не понимаю.

Дон сказал:

— Сэр Исаак, включите ваш водер.

Венерианец попытался исполнить просьбу. Его щупальца нашарили коробку искусственного голоса и коснулись ее клавиш. Ни звука. Дракон скосил глаз на Дона и просвистел несколько фраз подряд.

— Он с огорчением сообщает, что прибор испустил дух, — перевел Дон.

Офицер вздохнул.

— И зачем я бросил торговать в бакалейной лавке? Ладно, если нам удастся отстегнуть эту штуковину от его телес, я спрошу радиста, может, он ее как-нибудь починит.

— Давайте я, — предложил Дон и втиснулся между палубным настилом и головой дракона.

Он увидел, что коробка водера привинчена к четырем кольцам, приклепанным к чешуе. Дон не сумел разобраться в креплении. Извивающиеся щупальца дракона легли на его руки и мягко убрали их прочь, потом отстегнули коробку и вручили Дону. Тот выбрался из-под дракона и передал офицеру прибор:

— Выглядит так, будто он на ней спал.

— Куча хлама, — согласился офицер. — Ладно, скажи ему, что я попрошу наладить эту штуку, если получится. А еще я рад, что с ним все в порядке.

— Сами скажите. Он понимает по-английски.

— Да? Ну конечно. — Офицер повернулся к венерианцу, который сразу же издал пронзительный свист.

— Что он говорит?

Дон прислушался.

— Говорит, что ценит ваши благие пожелания и просит прощения за несогласие с вами. Он совсем не здоров. И ему срочно нужен... — Дон растерянно умолк, а потом просвистел по-венериански: — *Повторите, пожалуйста.*

Сэр Исаак ответил, и Дон продолжал:

— Он говорит, что ему необходимо немного сахарного сиропа.

— Вот как?

— Так он сказал.

— Я... А сколько?

Пересвистнувшись с венерианцем, Дон ответил:

— Э... Он говорит, что ему нужно по крайней мере четверть... не найду слова... В общем, по-нашему это приблизительно полбарреля.

— Ты хочешь сказать, он требует полбарреля патоки?

— Нет, нет. Четверть этого. Восьмую часть барреля. Сколько это будет в галлонах?

— Без логарифмической линейки трудно сказать. Что-то я растерялся. Даже не знаю, есть ли у нас на борту сироп.

Сэр Исаак издал еще более истошный свист.

— Но если нет, я попрошу кока, он сделает. Скажи ему, пусть успокоится и потерпит.

С этими словами он хмуро взглянул на дракона и был таков.

Дон вцепился в одну из стальных лент и спросил:

— А теперь как вы себя чувствуете?

Дракон извиняющимся голосом ответил нечто вроде того, что сейчас ему бы лучше ненадолго вернуться в яйцо. Дон замолчал и стал ждать.

Навестить больного пассажира явился сам капитан. Корабль шел к орбитальной станции по инерции, с выключенными двигателями, и капитан мог свободно бродить по отсекам, не показываясь в рубке до середины дня по времени Нью-Чикаго. Он пришел вместе с корабельным врачом, а за ними следовал человек с металлическим баком.

Они посовещались, как быть с драконом, поначалу не обращая внимания на присутствие Дона. Но ни один из них не знал языка свиста, на котором общались драконы, и поневоле им пришлось обратиться к Дону. Через него Сэр Исаак снова взялся твердить, что без сиропа ему никак, сироп для него лучшее тонизирующее средство. Капитан встревожился.

— Я где-то читал, что сахар действует на них так же, как на нас алкоголь.

Дон снова перевел сказанное венерианцем: тот просил всего лишь лечебную дозу.

Капитан повернулся к судовому врачу.

— А что нам скажет по этому поводу эскулап?

Доктор уткнулся глазами в переборку.

— Капитан, все это относится к моим служебным обязанностям примерно так же, как отбивание чечетки.

— Черт возьми, приятель! Меня интересует ваше мнение специалиста!

Врач повернулся к капитану.

— Очень хорошо, сэр. Я бы сказал так: если этот пассажир умрет потому, что вы отказали ему в просьбе, это будет выглядеть весьма и весьма скверно.

Капитан закусил губу.

— Будь по-вашему. Но черти б меня драли, если мне хочется, чтобы по моему кораблю шлялись несколько тонн пьяной драконьей туши. Дайте ему лекарство.

— Я, сэр?

— Вы, сэр.

Пока корабль в свободном полете, налить сиропу и дать его вылакать дракону невозможно. А пить через соску, как делают в невесомости люди, он не мог чисто физически. Но все было предусмотрено: сироп налили в бак, в каких на камбузе хранят в условиях невесомости суп или кофе. Бак был снабжен ручным насосом и шлангом.

С согласия Сэра Исаака было решено ввести конец шланга поглубже в его в глотку. Но никто, похоже, не горел желанием взяться за это дело. Хотя *Draco Veneris Wilsonii** — раса цивилизованная, но залезть с головой ее представителю в зубастую пасть того и гляди грозило разрывом международных отношений.

Дон вызвался добровольцем, но, когда остальные тут же с радостью согласились, понял, что поступил опрометчиво. Он полагался на Сэра Исаака, но ведь и Лодырь, помнится, сколько раз нечаянно наступал ему на ногу. Дон надеялся, что дракон в состоянии справиться непроизвольными рефлексами. А то — что проку покойнику в извинениях.

Крепко удерживая конец шланга в нужном положении, он затаил дыхание: вот когда Дон порадовался, что сделал укол против тошноты. У Сэра Исаака, по драконьим понятиям, из пасти вроде как не воняло. Но у драконов на этот счет мерки другие, и Дон был рад, когда сделав дело, выбрался из пасти наружу.

Сэр Исаак с помощью Дона поблагодарил всех и заверил, что теперь быстро поправится. И, похоже, так и уснул, не успев до-

---

* Дракон венерианский Уилсона *(лат.)*.

свистеть свое заверение до конца. Корабельный врач приподнял веко одного из глаз-стебельков и посветил в него карманным фонариком.

— Вроде, подействовало. Пусть теперь отлежится. Будем надеяться, что не помрет.

Все ушли. Дон оглядел своего приятеля и, решив, что сидеть с ним нет смысла, двинулся следом за остальными. В каюте не было иллюминатора, а Дону хотелось хоть разок посмотреть на Землю, пока она еще рядом. Нужный иллюминатор оказался тремя палубами ниже.

Они удалились от Земли всего на пятнадцать тысяч миль. Дону пришлось вплотную прильнуть к стеклу, чтобы увидеть всю Землю сразу. От планеты было ну просто не оторвать глаз — такая она была красивая, и Дон чувствовал легкую грусть от того, что ее покидает. Она висела на фоне бархатистого мрака, в котором сияли точечки звезд, и была залита солнечным светом, таким ярким, что слепило глаза. От этого зрелища просто дух захватывало.

Линия терминатора отодвинулась далеко в Тихий океан, взгляду открывались Гавайи и вся Северная Америка. Северо-западную часть побережья окутывали грозовые тучи, но на Среднем Западе было довольно ясно, а Юго-Запад вырисовывался совершенно отчетливо. Дон легко нашел Нью-Чикаго, увидел Большой Каньон и, сориентировавшись по нему, приблизительно определил местонахождение ранчо. Он был уверен, что при помощи небольшого телескопа мог бы разглядеть саму школу.

Наконец он оторвался от иллюминатора и погрузился в легкую и приятную ностальгическую хандру. Но скоро замечания других пассажиров начали его выводить из себя — не обычное веселое зубоскальство туристов, а глубокомысленные реплики «бывалых» путешественников, покидавших Землю во второй раз. Он отправился обратно в свою каюту.

Дон вздрогнул, когда кто-то его окликнул по имени, и обернулся. К нему подплыл знакомый офицер с водером Сэра Исаака в руках.

— Кажется, вы дружите с тем ученым крокодилом, который летит в вашей каюте. Не отнесете ли ему эту штуку?

— Разумеется.

— Радист говорит, что надо бы ее отремонтировать получше, но, во всяком случае, теперь она снова действует.

Дон взял водер и направился к корме. Дракон, казалось, спал. Потом один его глаз повернулся к Дону, и Сэр Исаак просвистел приветствие.

— Вот ваша коробка, — сообщил Дон. — Вам ее пристегнуть?

Сэр Исаак вежливо отказался. Дон вложил прибор в суетливые щупальца, и дракон пристроил его как надо. Затем он пробежался по клавишам, проверяя, работает прибор или нет, и издавая при этом звуки, похожие на кряканье вспугнутых уток. Дракон остался доволен и заговорил по-английски:

— Достояние мое приумножено долгом перед вами за все то, что вы для меня сделали.

— Ну что вы, — ответил Дон. — Просто двумя палубами выше я встретил помощника капитана, и он попросил меня заодно занести ваш прибор.

— Я имею в виду не этот искусственный голос, а вашу своевременную помощь, когда я почувствовал сильное недомогание и пребывал в опасности. Без вашей сообразительности, без вашей готовности разделить ил с незнакомым чужеземцем и, между прочим, без вашего знания истинного наречия я мог бы лишиться шанса дожить до счастливой смерти.

— Да чешуя все это! — ответил Дон, чувствуя себя немного польщенным. — Мне ж это ничего не стоило.

Он заметил, что речь дракона стала замедленной и слегка невнятной, как будто его щупальца утратили свою обычную ловкость. Кроме того, речь Сэра Исаака была построена донельзя правильно и еще больше расцвечена кокни. Водер как попало смешивал придыхательные согласные, превращая *т* в *ф*. Дон был уверен, что землянин, учивший Сэра Исаака говорить, — истинный лондонец-кокни, с рождения слышавший колокола Сент-Мари-ле-Боу.

Еще Дон заметил, что его приятель никак не может решить, каким из глазом на него смотреть. Сэр Исаак обращал их к Дону один за другим, словно пытаясь отыскать тот, который видит наиболее ясно. Возможно, подумал Дон, Сэр Исаак неверно рассчитал лечебную дозу.

— Позвольте мне, — продолжал венерианец все с тем же тяжеловесным достоинством, — самому судить о важности оказанной вами услуги.

Он сменил тему разговора:

— Это слово: «чешуя»... Не могу понять, в каком смысле вы его употребляете. Вы имеете в виду твердые покровные пластинки некоторых животных?

Дон попробовал объяснить, как мало и как много может означать слово «чешуя». Дракон поразмыслил и отстучал на клавиатуре ответ:

— Полагаю, я уловил толику смысла. Семантическое наполнение этого слова скорее эмоциональное и непостоянное, нежели упорядоченное и дескриптивное. Его референтом является состояние духа человека, правильно?

— Вот именно, — радостно ответил Дон. — Это слово может означать все что угодно. Все зависит от того, как вы его произносите.

— Чешуя, — попробовал выговорить дракон. — Чешуя. Кажется, я начинаю чувствовать его вкус. Восхитительное слово: «чешуя». Тонкие оттенки языка нужно постигать при помощи живых носителей оного, — продолжал он. — Быть может, я сумею отплатить вам за услугу, ознакомив вас с маленькими премудростями наречия моего народа, которым вы уже владеете с великим искусством? Чешуя.

Это укрепило Дона в подозрении, что его собственный свист стал настолько омерзительным, что годится только для торговли воздушной кукурузой, а не для настоящего общения.

— Я, конечно, был бы рад освежить свое знание языка, — ответил он. — Мне уже много лет не доводилось говорить на «истинном наречии», с самого детства. Меня учил историк, работавший вместе с моим отцом в развалинах... — Дон просвистел название. — Быть может, вы с ним знакомы? Его зовут Профессор Чарльз Дарвин, — и он просвистел подлинное имя венерианского ученого вдобавок к земному.

— Вы спрашиваете, знаю ли я (свист)? Он мой брат. Его десятиюродная бабушка и моя восьмиюродная бабушка — были одним яйцом. Чешуя! — и дракон добавил: — Он хоть и молод, но весьма образован.

Услышав, как Профессора Чарльза Дарвина называют юнцом, Дон был слегка ошеломлен. В детстве он считал Профессора чуть ли не ровесником тех самых руин. Ему пришлось напомнить себе, что Сэр Исаак, возможно, смотрит на вещи по-другому.

— Вот здорово! — сказал Дон. — А может, вы знали тогда и моих родителей? Доктора Джонаса Харви и доктора Синтию Харви?

Дракон уставился на него во все глаза.

— Так вы — их яйцо? Я не имел чести встречаться с ними лично, но все цивилизованные особи знают о них и об их работе. Более я не удивляюсь вашей собственной незаурядности. Чешуя!

Дон был и смущен, и доволен. Не зная, что сказать, он предложил Сэру Исааку немного поднатаскать его в «истинном наречии», и дракон с охотой взялся за дело. Этим они и занимались, когда раздался предупредительный сигнал, и голос из рубки управления пропел:

— Ускорение! Пристегнуть ремни! Приготовиться к коррекции курса.

Дон оттолкнулся от бронированных боков своего друга и вернулся к себе в койку. Устроившись, спросил:

— С вами все будет в порядке?

Дракон издал звук, который показался Дону икотой, и набрал на клавиатуре:

— Я в этом уверен. На сей раз я укреплен.

— Надеюсь. Вот что, может, я позабочусь о вашем водере? Не хотите же вы его опять раздавить.

— Если вам угодно, пожалуйста.

Дон снова вернулся к дракону, взял водер и прикрепил его к своим сумкам. Он едва успел пристегнуть ремни, когда навалилась первая волна перегрузок. На этот раз все прошло легче, чем при взлете с Земли: и гравитация была не такая сильная, и ускорение длилось не так уж долго, ведь корабль не преодолевал гигантского притяжения планеты, а только выравнивал свою эллиптическую орбиту, чтобы она точно совпала с круговой орбитой «Околоземной», узловой космической станции, к которой они направлялись.

Капитан сделал один длинный и мощный рывок, потом выждал и повторил ускорение — два раза, но понемножку. Дон заметил, что обратного импульса не понадобилось, и одобрительно кивнул: пилотаж что надо! Капитан знал свое дело. Из динамика донеслось певучее:

— Есть стыковка! Можно расстегнуть ремни. Приготовиться к высадке.

Дон вернул Сэру Исааку водер, а потом потерял венерианца из виду, потому что дракона снова должны были оттащить на корму и извлечь через грузовой люк. Дон попрощался с ним свистом и двинулся к носу корабля, таща за собой сумки. Он должен был сойти с корабля по пассажирскому трапу.

Станция «Околоземная» висела в небе беспорядочной грудой. В течение долгих лет ее строили, перестраивали, достраивали и обустраивали для выполнения разных задач. Это был спутник погоды, астрономическая обсерватория, станция наблюдения за метеорными потоками, телевизионный ретранслятор, станция наведения управляемых снарядов, глубоковакуумная физическая лаборатория, стерильная бактериологическая станция для проведения экспериментов в условиях невесомости, и еще невесть что.

Но в первую голову это был грузопассажирский перевалочный космический узел, место встречи земных крылатых ракет малой дальности с космическими межпланетными лайнерами. Поэтому на станции имелись заправочные цистерны, механические мастерские, ремонтные эстакады, способные принять и самые крупные суда, и самые маленькие ракеты. К услугам пассажиров и персонала «Околоземной» имелся вращающийся барабан-отель «Годдард» с искусственным тяготением и земной атмосферой.

Отель «Годдард» торчал из «Околоземной», словно из кучи хлама тележное колесо. Ось, вокруг которой он обращался, проходила сквозь его центр и выдавалась в космос. С этой трубой соединялся пассажирский рукав корабля, через который проходила посадка и высадка пассажиров. После этого корабль подтягивали к грузовому шлюзу в неподвижном борту основного тела станции. В момент стыковки «Дороги Славы» с «Околоземной» здесь было еще три корабля: «Валькирия», которая летела на Марс, — на ней-то и было забронировано место для Дона; «Наутилус», только что прибывший с Венеры и на котором Сэр Исаак рассчитывал вернуться домой, а также «Прилив» — шаттл «Земля—Луна», курсирующий на встречных маршрутах со своей родной сестрой, ракетой «Отлив».

Два лайнера и «Прилив» уже были пришвартованы у корпуса станции. «Дорога Славы» состыковалась со шлюзовой камерой

отеля, и команда сразу же начала выпускать пассажиров. Дон дождался своей очереди, потом двинулся вперед, цепляясь за перила подтягивая следом свои сумки, и вскоре оказался в отеле, правда, в цилиндрической оси «Годдарда» он по-прежнему ничего не весил.

Какой-то человек в комбинезоне направил Дона и еще десяток пассажиров в середину шлюзовой камеры, где располагался большой лифт. Движущаяся по кругу дверь была открыта и очень медленно поворачивалась — с той же скоростью, с какой вращался и весь отель.

— Давайте внутрь, — скомандовал мужчина, — и смотрите, чтобы ноги были направлены к полу.

Дон вплыл вместе с остальными и увидел, что изнутри кабина представляет собой куб. На одной стороне большими буквами было написано: «ПОЛ». Дон нащупал поручень и устроился с таким расчетом, чтобы его ноги оказались на полу, когда появится притяжение. Мужчина в комбинезоне также вошел в лифт и направил кабину к внешнему краю отеля.

Поначалу гравитация не ощущалась. Во всяком случае, к «полу» пассажиров не тянуло. У Дона закружилась голова, когда в результате все убыстрявшегося вращения пришла в движение жидкость в его среднем ухе. Он вспомнил, что уже бывал в таком лифте. Тогда ему было одиннадцать лет и он летел на Землю поступать в школу. Но неприятные ощущения, которые Дон испытал в тот раз, он уже успел подзабыть.

Вскоре лифт остановился. «Пол» и впрямь сделался полом, хотя сила тяжести была значительно меньше одного *g*, голова перестала кружиться. Лифтер открыл двери и гаркнул:

— Все выходите!

Дон подхватил сумки и вышел в просторное помещение. Тут уже толпилось больше половины пассажиров корабля. Дон огляделся в надежде отыскать своего знакомого дракона, потом вспомнил, что прежде корабль должны подтянуть к грузовому шлюзу, и лишь потом венерианец сможет его покинуть. Он поставил свои сумки на пол и уселся на них.

Похоже, люди в толпе волновались, но почему — непонятно. Дон услышал, как одна женщина сказала:

— Это ни в какие ворота не лезет! Мы здесь уже полчаса, а никто, похоже, даже не знает, что мы прибыли.

— Потерпи, Марта, — ответил ей стоявший рядом мужчина.

— «Потерпи»! Ничего себе, потерпи! Отсюда только один выход, да и тот на замке. А если пожар?

— Ну и куда ты тогда побежишь, дорогая? Снаружи-то все равно вакуум.

— Надо было ехать на Бермуды, я же предлагала! — не унималась женщина.

— Как это ты предлагала?

— Ну что ты все придираешься к пустякам!

Пришел и разгрузился второй лифт, потом еще один. На борту корабля никого не осталось. Шли минуты, пассажиры ворчали, и даже Дон начал недоумевать по поводу скверного обслуживания. Но вот открылась единственная дверь — не та, что вела в лифт, — и в отсек вместо служащего гостиницы вошли трое в военной форме. Двое крайних держали наизготовку полицейские ружья, какими обычно стреляют по демонстрантам, а человек, шествовавший посередине, был вооружен пистолетом, сейчас убранным в кобуру.

Он выступил вперед, расставил ноги и уперся сжатыми кулаками в бедра.

— Прошу внимания! Всем замолчать!

Требование было немедленно выполнено. В голосе человека слышались звенящие командные нотки — такого послушаешься не раздумывая.

— Я сержант Макмастерс из Космической гвардии республики Венера. Мой командир прислал меня, чтобы ознакомить вас с возникшей ситуацией.

После еще одной короткой немой сцены поднялся ропот, в котором слышались и возмущение, и тревога, и неверие, и негодование одновременно.

— Тихо! — рявкнул сержант. — Успокойтесь. С вами не сделают ничего плохого, если сами не будете нарываться. Наша республика, — продолжал он, — взяла станцию в свои руки, и сейчас всех вывозят отсюда вон. И вас, кротов, отправят откуда приехали. Те, кто летит домой, на Венеру, полетят туда, если, конечно, пройдут проверку на благонадежность. А теперь давайте разбираться, кто из вас кто.

Вперед протиснулся какой-то нервный толстяк.

— Вы хоть понимаете, что говорите, сэр? «Республика Венера»! Ну и ну! Да это просто пиратство!

— Ты, пузо, а ну вернись в строй.

— Вы не смеете! Я желаю говорить с вашим командиром.

— Слушай, жирная туша, — процедил сержант, — осади-ка назад, пока не схлопотал сапогом в брюхо.

Мужчина растерялся, потом испуганно попятился назад и смешался с толпой.

Сержант продолжал:

— Те из вас, кто летят на Венеру, постройтесь вот тут, у двери. Приготовьте удостоверения личности и свидетельства о рождении.

Если до сих пор пассажиры были одной дружной компанией попутчиков, то теперь они разделились на два враждующих лагеря. Кто-то крикнул: «Да здравствует Республика!», а потом послышался громкий шлепок, с каким кулак врезается в тело. Один из гвардейцев стремительно бросился в толпу и сразу же пресек беспорядки. Сержант вытащил из кобуры пистолет и сказал голосом смертельно уставшего человека:

— Пожалуйста, без политики. Давайте делом займемся.

Кое-как удалось выстроить очередь. Вторым в ней стоял человек, который приветствовал рождение нового государства. Глаза его сияли, а из носа капала кровь. Протягивая сержанту свои бумаги, он заявил:

— Сегодня великий день! Я его ждал всю жизнь.

— Кто ж не ждал? — ответил сержант. — Ладно, идите на оформление. Эта дверь. Следующий!

Дон попробовал успокоиться и унять смятение в мыслях. Наконец-то его заставили поверить, что это произошло. Та самая война, в невозможности которой он все время себя убеждал. Города еще не бомбили, но был уже форт Самтер новой войны, и у Дона хватило ума это сообразить. Он и без пинка в брюхо прекрасно понимал очевидное. А когда до него дошло, что он едва успел унести ноги, — это его потрясло вконец. Вполне возможно, что после «Валькирии» к Марсу очень, очень долго не полетит ни один корабль. Может быть, несколько лет — ведь пересадочная станция-то теперь в руках мятежников.

Пока сержант ничего не сказал о пассажирах, направлявшихся на Марс. Дон решил, что первым делом сержант, естественно, постарается отделить друг от друга приверженцев враждующих сторон, а поэтому лучше всего держать рот на замке и ждать.

Очередь застопорилась, и Дон услышал голос сержанта:

— Вас не туда занесло, приятель. Вы возвращаетесь на Землю.

Мужчина, которому он это сказал, ответил:

— Ну, нет! Взгляните на мои документы. Я эмигрирую на Венеру.

— Вы малость опоздали. Обстоятельства изменились.

— Ну и что? Я знаю, что изменились. И я поддерживаю Венеру.

Сержант почесал в затылке.

— Парня нет в списке. Аткинсон, пропусти этого человека, пусть лейтенант с ним разбирается.

Укомплектовав группу желающих лететь на Венеру, сержант подошел к висевшему на стене телефону.

— Джим? Это Мак из «детской». Дракона уже вытащили? Нет? Ладно, скажешь, когда «Дорога» опять будет у шлюза. Хочу ее загрузить.

Он опять взглянул на толпу.

— Вот что, кроты, тут задержка вышла, так что я собираюсь перевести вас в другое помещение до тех пор, пока мы не сможем отправить вас обратно на Землю.

— Минутку, сержант! — окликнул его какой-то пассажир.

— Ну, чего тебе?

— А кто летит на Луну, нам где ждать?

— Чего? Обслуживание прекращено. Вы возвращаетесь на Землю.

— Ну послушайте, сержант, давайте мыслить трезво. Меня лично совершенно не интересует политика. Мне все равно, кто заправляет этой станцией. Но у меня дела на Луне. Мне необходимо туда попасть. Задержка обернется потерями в миллионы.

Сержант уставился на него.

— Вот жалость-то. Знаешь, братец, я сроду не держал в руках за раз больше тысячи. Даже жуть берет, это надо же — потерять миллионы, — внезапно он резко переменился. — Слушай, придурок,

а ну-ка подумай, что будет с крышей Тихо-Сити, если в нее угодит бомба? А теперь — в две шеренги! Стройся!

Дон с тревогой прислушивался к разговору, но про Марс сержант так ни слова и не сказал. Дон пристроился в самый конец очереди и остановился, когда хвост ее поравнялся с дверью.

— Проходи, малыш, — велел Дону сержант.

— Я не собираюсь возвращаться на Землю.

— Вот как?

— Я лечу на Марс на «Валькирии».

— Да уж, ясное дело. Ты хочешь сказать, что собирался лететь. Но теперь ты полетишь назад на Землю на «Дороге Славы».

— Слушайте, мистер, — упрямо заявил Дон. — Я должен попасть на Марс. Там мои родители, они ждут меня.

Сержант покачал головой.

— Малыш, мне тебя жаль. Взаправду жаль. «Валькирия» не полетит на Марс.

— Что?

— Ее переоборудовали в крейсер Космической гвардии. Она полетит на Венеру. Так что тебе, по-моему, лучше вернуться на Землю. Жаль, что ты не встретишься со своими стариками, но война есть война.

Дон медленно вдохнул и выдохнул и заставил себя сосчитать до десяти.

— Я не вернусь на Землю. Я останусь здесь до тех пор, пока на Марс не пойдет какой-нибудь корабль.

Сержант вздохнул.

— Коли так, жди лучше на какой-нибудь звезде.

— Что? Это еще почему?

— Потому, — медленно ответил сержант, — что как только мы отсюда взлетим, поблизости не останется ничего, кроме этакого ма-а-ленького радиоактивного облачка. Так что, ежели хочешь, чтобы счетчик Гейгера весело трещал на твою пыль, — то пожалуйста.

6. НЕБЕСНОЕ ЗНАМЕНИЕ

Дон не нашелся, что ответить. Его древние предки, каждый миг подвергавшиеся опасности, может быть, и восприняли бы

подобное известие спокойно, но жизнь в цивилизованном обществе не подготовила Дона к следующим один за другим ударам судьбы.

Сержант продолжал:

— Так вот, парень, я считаю, что тебе лучше улететь на «Дороге Славы». Твои родители сказали бы тебе то же самое. Возвращайся и найди себе тепленькое местечко в деревне — в городах некоторое время будет небезопасно.

Но Дон ничего такого и слышать не хотел.

— Я не собираюсь возвращаться на Землю! Эта планета мне не родная.

— Да? Какое же у тебя гражданство? Впрочем, какая разница: все, у кого нет гражданства Венеры, будут отправлены на «Дороге Славы».

— Я гражданин Федерации, — ответил Дон, — но могу претендовать и на венерианское подданство.

— Состав Федерации в последнее время несколько изменился, — сказал сержант. — А что ты там говорил насчет гражданства Венеры? Давай-ка не будем зря препираться и посмотрим твои документы.

Дон протянул сержанту свои бумаги. Макмастерс мельком глянул на свидетельство о рождении, а затем удивленно уставился на него.

— Родился в свободном полете! Чтоб меня на атомы разнесло, да ведь таких, как ты, немного наберется, верно?

— Полагаю, вы правы.

— Ну и кто же ты тогда получаешься?

— Читайте дальше. Моя мать родилась на Венере. Через нее я — урожденный венерианец.

— Но твой отец родился на Земле.

— И там я тоже могу считаться гражданином Земли.

— Вот как? Но это же глупость.

— Все по закону.

— Похоже, у нас в скором времени появятся новые законы. Просто не знаю, куда тебя определить. Ну, а сам-то ты куда хочешь? На Венеру или на Землю?

— Я лечу на Марс, — просто ответил Дон.

Сержант посмотрел на него и вернул документы.

— Сдаюсь. Из тебя слова толкового не вытянешь. Придется спрашивать у начальства. Пойдем-ка со мной.

Он провел Дона по коридору в маленькое помещение, превращенное во что-то наподобие караулки. Тут находилось еще два солдата; один печатал на машинке, второй просто сидел сложа руки. Сержант просунул в дверь голову и сказал прохлаждавшемуся солдату:

— Эй, Майк, последи-ка за этой лйчностью. Смотри, как бы он не унес с собой станцию, — и опять повернулся к Дону. — Дайка мне еще раз твои документы.

Он взял бумаги и вышел.

Солдат по имени Майк посмотрел на Дона и больше не обращал на него внимания. Дон придвинул свои сумки к стене и уселся на них.

Спустя несколько минут вернулся Макмастерс. На Дона он даже не посмотрел.

— У кого есть карты? — спросил он.

— У меня.

— Нет уж, свои крапленые оставь при себе, Майк. Приличные карты есть?

Третий солдат закрыл машинку чехлом, выдвинул ящик и вытащил оттуда колоду. Все трое сели к столу, и Макмастерс принялся тасовать. Повернувшись к Дону, он спросил:

— На «интерес» сгонять не желаешь, а, паренек?

— Нет, пожалуй, нет.

— Смотри, дешевле нигде не научишься.

Солдаты играли где-то около получаса, и все это время Дон молча обдумывал свое положение. Сержант, видимо, знал, что говорил: лететь на Марс на «Валькирии» не получится, «Валькирия» летит не туда. Ждать следующего корабля бесполезно — и от станции, и от комнаты, в которой сейчас он сидел, скоро ничего не останется.

Где же выход? Земля? Нет! Там у него нет ни одного родственника, ни одного мало-мальски близкого человека. Теперь, когда доктор Джефферсон не то умер, не то исчез, у него там и из знакомых взрослых-то никого не осталось. Поджав хвост, вернуться на ранчо?..

Нет уж! Из коротких штанишек он уже вырос и в школе ему делать нечего.

Была и более важная причина: нью-чикагская служба безопасности поставила его в положение чужака; теперь он не мог вернуться на Землю, отныне там для него не было места.

«Да-а, выбор совсем как у Хобсона, — подумал он. — Остается одна Венера. Я могу отыскать там людей, которых когда-то знал, или знакомых папы и мамы. Разнюхаю, что к чему, и найду какую-нибудь возможность отправиться на Марс. Так будет лучше всего». Приведя мысли в порядок, он почти успокоился.

Зазвонил телефон.

— Макмастерса к аппарату!

Сержант отложил карты и, подняв защитный экран, взял трубку. Вскоре он дал отбой и обернулся к Дону.

— Ну что ж, парень, Старик определил твой статус. Теперь ты — «перемещенное лицо».

— Что это значит?

— Как только республика Венера провозгласила свою независимость, со всеми этими играми кончено. У тебя нет гражданства. Старик велел отправить тебя туда, откуда ты прилетел. На Землю.

Дон вскочил и расправил плечи.

— Не полечу я на Землю.

— Вот как? — мягко произнес Макмастерс. — Ладно, тогда посиди немного. Когда будет надо, мы тебя сами оттащим, — он снова уткнулся в карты.

Дон остался стоять.

— Слушайте, я передумал. Если нельзя на Марс, я лечу на Венеру.

Макмастерс оторвался от игры и посмотрел на него.

— Если коммодор Хиггинс что-то сказал, значит, все — точка. Майк, возьми эту примадонну и сунь ее к остальным кротам.

— Но...

Майк поднялся на ноги.

— Эй ты! Пошевеливайся!

Комната, куда впихнули Дона была битком набита оскорбленными самолюбиями. Землян никто не охранял, и поселенцев

среди них не было. Люди вслух обменивались впечатлениями о последних событиях:

–...Возмутительно! Мы должны разбомбить все их поселения, сравнять их с землей!

–...Надо выбрать депутацию и послать к этому ихнему командиру, чтобы ему твердо заявили...

–...Говорил же я тебе: не нужно лететь!

–...Переговоры? Этим мы распишемся в собственной слабости!

–...Неужели вы не понимаете: война уже кончена! Господи, это же не просто пересадочная станция или придорожный склад! Это главный пункт управления ракетами! Отсюда они могут расстреливать любой город Земли, словно уток в пруду!

Прислушавшись к последнему замечанию, Дон принялся размышлять. До сих пор ему не доводилось сталкиваться с вопросами военной тактики, и до нынешнего момента все значение нападения на «Околоземную» было выше его понимания. Раньше Дон воспринимал это лишь в свете своих личных проблем.

Неужели мятежники готовы зайти так далеко — стереть с лица Земли города Федерации? Разумеется, причин для недовольства у колонистов хватает, и все-таки... Однажды, правда, такое уже случилось, но это было давно, теперь-то люди стали цивилизованнее, чем были! Разве нет?

— Харви! Дональд Харви!

Все как один обернулись на крик. В дверях стоял венерианский гвардеец и выкликал имя и фамилию Дона. Дон отозвался:

— Я здесь!

— Пойдем со мной.

Дон подхватил сумки и вышел в коридор. Подождав, пока солдат закроет дверь, он спросил:

— Куда вы меня ведете?

— С вами хочет поговорить коммодор. — Солдат посмотрел на багаж Дона. — Не нужно волочь с собой все это барахло.

— Нет уж, лучше я возьму сумки с собой.

— Как хочешь. Только не тащи их в кабинет командира.

Они спустились на две палубы ниже — сила тяжести здесь была намного сильнее — и остановились у двери, перед которой торчал часовой.

— Это Харви — парень, за которым посылал Старик.

— Входите.

Дон подчинился. Комната была просторная и красивая. Раньше здесь находился кабинет управляющего отелем. Сейчас за его столом сидел мужчина в военной форме, еще совсем молодой, но уже с сединой в волосах. Он поднял на Дона глаза, и тот подумал, что это очень умный и живой человек, хотя и страшно усталый.

— Дональд Харви?

— Да, сэр. — Дон протянул документы.

Командир отодвинул бумаги в сторону.

— Уже видел, не надо. Слушай, Харви, от тебя у меня сплошная головная боль. Я уже один раз вынес решение по твоему делу.

Дон молчал, и мужчина добавил:

— А вот теперь оказалось, что мне нужно его пересмотреть. Ты знаком с венерианцем, которого зовут?.. — и он просвистел имя.

— Немного, — ответил Дон. — Мы летели на «Дороге Славы» в одной каюте.

— Хм-м... Интересно, это было запланировано заранее?

— Заранее? Но как я мог это сделать заранее?

— Все можно организовать... В истории бывали шпионы и помоложе.

Дон покраснел.

— Вы что, считаете — я шпион?

— Нет, это лишь одна из возможностей, которые я обязан учитывать. Ни один военный не любит, когда на него оказывают политическое давление, но приходится уступать. Я уступил. На Землю ты не вернешься, а полетишь на Венеру, — командир встал. — Но предупреждаю: если ты шпион, то даже все драконы Венеры не спасут твою шкуру!– обернувшись к телефону, он набрал номер, какое-то время ждал ответа, затем сказал: — Скажите ему, что его дружок у меня и дело улажено, — и повернулся к Дону:– Возьми трубку.

Дон услышал радостный голос, густо приправленный кокни:

— Дон, мой мальчик, это ты?

— Да, Сэр Исаак.

В голосе дракона послышалось облегчение.

— Когда я справлялся о твоей судьбе, то обнаружил, что имеет место какое-то нелепое намерение отправить тебя обратно в это ужасное место, откуда мы только что улетели. Я заявил, что в данном случае произошла какая-то ошибка. Боюсь, в этом деле мне пришлось проявить некоторую твёрдость. Чешуя!

— Теперь все в порядке. Спасибо, Сэр Исаак.

— Не стоит. Я по-прежнему у тебя в долгу. При первой возможности приходи меня навестить. Придешь?

— О, конечно!

— Благодарю тебя! Будь здоров! Чешуя!

Дон отошел от телефона и увидел, что командир мятежников с любопытством его разглядывает.

— Ты знаешь, кто он — этот твой друг?

— Кто он? — Дон просвистел венерианское имя и добавил: — Он называет себя Сэр Исаак Ньютон.

— И это все, что ты знаешь?

— Все, вроде бы.

— Хм-м... — Командир помолчал, потом сказал: — Думаю, будет нелишним сказать тебе, что именно вынудило меня к подобным действиям. Сэр Исаак, как ты его называешь, ведет свою родословную прямиком от Первого Яйца, которое попало в болота Венеры в День Творения. Поэтому и пришлось мне возиться с тобой. Часовой!

Дон без единого слова позволил себя увести. Вряд ли много кто из землян был допущен к тайнам господствующей на Венере религии; вполне возможно, что такой чести вообще не удостаивался никто. Это была одна из тех религий, которые не очень-то распространяют. Но никто не осмелился бы смеяться над этим верованием. Все принимали его всерьез. Житель Венеры — выходец с Земли — мог и не верить в Священное Яйцо и во все, что было с ним связано; но он быстро убеждался в том, что о таких вещах лучше говорить с почтением. Так было и выгоднее, и гораздо безопаснее.

Так значит, Сэр Исаак — Сын Яйца! Дон почувствовал благоговение, которое нисходит даже на самых ревностных демо-

кратов при встрече с коронованной особой. Неужели Дон запросто беседовал с ним, словно с обычным престарелым драконом, торгующим овощами на городском рынке?

Но скоро мысли Дона устремились в более практичное русло. Уж если кто-нибудь и мог помочь ему попасть на Марс, так это, пожалуй, Сэр Исаак. Дон снова и снова обдумывал такую возможность и решил, что он еще попадет домой!

Но Дону не удалось вот так сразу повидаться со своим венерианским знакомым. Вместе с гражданами Венеры и техниками «Околоземной», чьи симпатии склонялись на сторону Республики, его направили на корабль «Наутилус». Когда стало известно, что Сэр Исаак летит на «Валькирии», что-либо предпринимать было уже поздно.

Командир десанта, коммодор Космической гвардии Хиггинс перенес свой флаг с «Околоземной» обратно на «Наутилус» и, не откладывая, принялся действовать дальше. Штурм «Околоземной» оказался почти бескровным: сыграли свою роль внезапность и удачный выбор момента для нападения. Нужно было закончить операцию прежде, чем на Земле заметили бы нарушение графика движения кораблей.

«Наутилус» и «Валькирия» были уже готовы для далекого путешествия. Команду «Прилива» перевели на «Дорогу Славы», отправляющуюся на Землю, а экипаж лунника укомплектовали людьми из десанта. Сам корабль был заправлен и снаряжен для выхода в дальний космос. Хотя и предназначенный для коротких рейсов на Луну, корабль вполне годился для путешествия к Венере. Космический перелет — вопрос не расстояния, а разницы гравитационных потенциалов. Перелет с «Околоземной» на Венеру требует гораздо меньших затрат энергии, чем тяжелая борьба с притяжением Земли при путешествии от Нью-Чикаго до орбитальной станции.

«Прилив» стартовал по медленной экономичной параболе, и теперь всю дорогу к Венере он пролетит в свободном полете, по инерции. «Валькирия» рванула по быстрой гиперболе, приближающейся к прямой. Она должна была прибыть одновременно с «Наутилусом» или даже раньше. Тот отправлялся в последнюю

очередь, поскольку Хиггинс, прежде чем уничтожить станцию, собирался выступить по глобальной телевизионной сети.

Все передачи общемирового значения велись из телецентра «Околоземной», либо транслировались через его установки. С тех пор когда «Наутилус», этот троянский конь космоса, пришвартовался к станции, регулярное телевещание не прерывалось. Офицер подразделения «Джи-6» (пропаганда и психологическая война) выбрал для выступления коммодора перед населением Земли время, первоначально предназначавшееся для передачи «Стиви Броди рассказывает» — программы новостей самого популярного в мире ведущего. Мистер Броди выступал сразу после очередной части телесериала «Семья Калликак», также собиравшего значительную аудиторию.

В конце концов «Дорогу Славы» отпустили с пассажирами к Земле, но вся радиоаппаратура корабля была приведена в негодность. «Наутилус» дрейфовал в пространстве на стационарной орбите в нескольких сотнях миль от станции. Телецентр на обезлюдевшей «Околоземной» продолжал работать в автоматическом режиме. Речь коммодора была уже записана; ленту вставили в магнитофон, который должен был автоматически запустить ее сразу по окончании очередной части сериала.

Дон смотрел передачу, сидя в салоне лайнера вместе с сотней других штатских. Глаза присутствующих неотрывно следили за экраном, установленным у дальней переборки. Был организован специальный канал, транслировавший программу со станции на «Наутилус», и сигнал подавался во все помещения корабля, чтобы передачу могли смотреть и слушать и пассажиры, и экипаж.

К концу очередной части сериала Селеста Калликак была арестована по подозрению в убийстве мужа, Бадди Калликак по-прежнему находился в больнице, и особых надежд на выздоровление не было. Папаша Калликак все еще где-то пропадал, а мамашу подозревали в спекуляции продовольственными карточками, но сама Селеста смотрела на жизнь с оптимизмом, считая, что только хорошие люди умирают молодыми. После обычного рекламного ролика («Единственное мыло, в состав которого с гарантией входят все витамины, необходимые организму!») на экране появи-

лась заставка Стива Броди — ракетный след, собирающийся в изображение ведущего, и на этом фоне — голос, возвестивший: «Стив Броди сообщает завтрашние новости СЕГОДНЯ!»

Внезапно передача прервалась, экран померк. Из динамика раздалось:

— Мы прерываем передачу для экстренного выпуска новостей.

Экран опять засветился, но теперь на нем появился коммодор Хиггинс.

На его лице не было и следа той вымученной бодренькой улыбки, которую напяливает на себя всякий, кто выходит в эфир. Хиггинс выглядел угрюмо и голос его был мрачен.

— Я — коммодор Хиггинс, командир штурмовой группы «Освобождение» Космической гвардии Республики Венера. Космическая гвардия заняла станцию «Околоземная». Теперь судьба земных городов полностью в наших руках.

Он сделал паузу, чтобы смысл его слов дошел до каждого слушателя. Дон обмозговал положение, и оно ему совсем не понравилось. Было известно, что на «Околоземной» достаточно ядерных боеголовок и ракет, чтобы разгромить любую страну или союз стран, выступивших против Федерации. Точное количество ракет с атомными зарядами было военной тайной, и по различным оценкам на станции их имелось от двух сотен до тысячи. Среди пассажиров «Наутилуса» пополз слух, что Космическая гвардия обнаружила на станции семьсот тридцать две ракеты, готовых к запуску. Помимо этого, были якобы найдены детали, из которых можно собрать еще немало ракет, а также дейтерий и тритий в количестве, которого бы хватило для снаряжения дюжины водородных сверхбомб.

Неважно, правда это была или нет. Ясно одно: на «Околоземной» достаточно ядерного оружия, чтобы превратить Федерацию в радиоактивный ад. Несомненно, подземные убежища укроют немалую часть населения, но все равно жители покинут подвергшийся бомбардировке город, так что замысел своей цели достигнет в любом случае. Многие к тому же погибнут. Сколько их будет — сорок миллионов? Пятьдесят? Дон не знал.

Коммодор продолжал:

— Но мы сознаем всю свою ответственность. Города Земли не будут подвергнуты бомбардировке. Свободные граждане Республики Венера не желают гибели своим братьям на Земле. Единственная наша цель — установление независимости нашей планеты, возможность самим управлять нашими делами, освобождение от разоряющих нас налогов. Тем самым мы, свободный народ, призываем все угнетенные и обездоленные нации последовать нашему примеру и принять нашу помощь. Посмотрите вверх, в небо! Над вашими головами пролетает та самая станция, с которой сейчас я обращаюсь к вам. Ожиревшие и тупые правители Федерации превратили «Околоземную» в кнут надсмотрщика. Больше сотни лет эта небесная военная база защищала империю от праведного гнева их жертв. Сейчас мы уничтожим ее. Через несколько минут это отвратительное пятно в чистом небе, этот пистолет, приставленный к виску каждого жителя вашей планеты, прекратит свое существование. Взгляните на новое солнце, которое вспыхнет на короткий миг. Знайте: этот свет — свет Свободы, зовущий Землю к освобождению!

Угнетенные граждане Земли! Этим знаком мы, свободный народ Республики Венера, приветствуем вас!

Коммодор закончил свою речь, но продолжал сидеть перед камерой, глядя в глаза своей огромной аудитории, и вслед за его словами зазвучал вдохновенный гимн «Утренняя звезда надежды». Дон не знал гимна новой нации, но и он почувствовал, как на него нахлынуло воодушевление.

Внезапно экран погас, и сразу же вспыхнул свет, такой яркий, что проник даже сквозь затемненные иллюминаторы и больно ударил по глазам. Дон все еще ошеломленно вертел головой, когда из громкоговорителей корабельной трансляции послышался голос:

— Можно снять защитные экраны с иллюминаторов.

Старшина, дежуривший возле большого иллюминатора салона, уже откручивал закрывавший его металлический щит. Дон подошел и выглянул наружу.

В космосе разгоралось новое — ослепительно белое, раздувающееся на глазах — солнце. То, что на Земле приняло бы форму уродливого гриба — как это не раз и бывало, — здесь выглядело идеальной сферой, выросшей до невероятных размеров. Сфера

все росла и росла; ярко-белая поначалу, теперь она отливала серебристо-фиолетовым, затем покрылась пурпурными, красными и оранжевыми пятнами. Огненный шар продолжал распухать, пока не закрыл собою всю Землю.

В момент взрыва «Околоземная», превратившаяся в радиоактивное космическое облако, проходила над северной Атлантикой. Гигантский раскаленный шар был виден с большей части населенных территорий Земли — огненный знак в небе.

7. В ОБХОД

Сразу после взрыва «Околоземной» на корабле завыли сирены, и по громкой связи всему экипажу была передана команда: «К ускорению — по местам стоять!» «Наутилус» рванулся вперед, ложась на курс, который после утомительного перелета должен был его привести к Венере. После того как была набрана скорость и кораблю придали вращение, чтобы создать искусственную гравитацию, двигатели были отключены. Дон отстегнул ремни и поспешил в радиорубку. По пути его дважды останавливали часовые, и каждый раз ему приходилось с ними препираться.

Дверь оказалась открытой; люди, что сидели внутри, были, видимо, очень заняты и не обратили на Дона никакого внимания. Он помешкал в дверях, потом вошел. Его тотчас схватили за шиворот.

— Эй! Какого черта ты тут шляешься?

— Я только хотел отправить радиограмму, — робко отозвался Дон.

— Да ну? Что ты об этом думаешь, Чарли? — Схвативший Дона человек повернулся к солдату, склонившемуся над пультом.

Тот сдвинул наушник с одного уха.

— Типичный диверсант. У него в каждом кармане по атомной бомбе.

В дверях, ведущих во внутренний отсек, появился офицер.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Он проник сюда, сэр. Говорит, ему нужно отправить радиограмму.

Офицер оглядел Дона с ног до головы.

— Сожалею, но — нельзя. Радиомолчание. Никаких передач.

— Но мне очень нужно! — в отчаянии произнес Дон и коротко объяснил причину. — Я просто обязан сообщить родителям, где нахожусь.

Офицер покачал головой.

— Мы не смогли бы связаться с Марсом, даже будь это разрешено.

— Но, сэр, разве нельзя отправить сообщение на Луну, чтобы они его передали на Марс?

— Думаю, можно, но мы этого делать не станем. Видишь ли, паренек, я сочувствую тебе и понимаю твои трудности, но командир не позволит нарушить радиомолчание даже по более важной причине, чем твоя. Так что и не надейся. Безопасность корабля — превыше всего.

Дон задумался.

— Боюсь, что вы правы, — уныло признал он.

— На твоем месте я не стал бы очень уж переживать. Твои родители сообразят, где ты находишься.

— Как? Не понял. Они же думают, что я лечу на Марс.

— Нет, они так не думают. Во всяком случае, скоро перестанут так думать. Теперь ни для кого не секрет, что произошло, — вся Система об этом знает. Твои родители уж как-нибудь выяснят, что ты добрался до «Околоземной» и что ты не вернулся на «Дороге Славы». Методом исключения можно установить, что ты направляешься на Венеру. Возможно, они как раз посылают запрос о тебе в отделение «Межпланетных линий».

Офицер обернулся и приказал:

— Уилкинс, напишите объявление: «Радиомолчание. Никакие сообщения не отправляются». Это не дело, чтобы всякие гражданские врывались в рубку — им, видите ли, надо послать поздравление тете Хетти.

Дона поместили в салоне третьего класса вместе с тремя дюжинами мужчин и несколькими мальчишками. Кое-кто из пассажиров, оплативших перелет высшим классом, понятно, был недоволен. Дон и сам имел билет первого класса до Марса на «Валькирии» — и, глядя на то, как жалобщики, поджав хвост, воз-

вращаются от командира, — порадовался, что ему хватило благоразумия не ерепениться. Каюты первого класса, расположенные в носовой части корабля, были заняты военными.

Койка оказалась вполне удобной, и в шуме и сплетнях кормового кубрика космический перелет уже не казался таким тоскливым и скучным, как в изолированной каюте первого класса. Уже в первую неделю путешествия главврач объявил, что все желающие могут погрузиться в анабиоз. Через день-другой кубрик наполовину опустел: людей собрали, заморозили и уложили в камеры, где им предстояло проспать несколько долгих недель.

Дон не захотел ложиться в анабиоз. Он слушал разговоры соседей по каюте, которые, зная о этом предмете лишь понаслышке, рассуждали о том, влияет ли анабиоз на продолжительность человеческой жизни.

— Давайте взглянем на вопрос с такой точки зрения, — изрек один из пассажиров. — Вам отпущено столько-то лет. Это заложено в генах. Если отбросить возможность несчастного случая, вы живете столько, сколько вам отпущено. Но если поместить ваше тело в морозильник, темп жизни замедляется. Если можно так выразиться, ваши жизненные часы останавливаются. И все это время уже не учитывается. И если вам было суждено прожить восемьдесят лет, то теперь к этому сроку прибавляются три месяца, или что-то около. И лично я такой возможностью воспользуюсь.

— Большей ошибки даже представить себе нельзя, — отвечал ему другой. — Я хочу сказать, что вы совершенно неправы. В данном случае вы лишь укоротите свою жизнь на три месяца. Нет, это не для меня!

— Вы сумасшедший. Лично я намерен погрузиться в сон.

— Как хотите. И вот еще что... — Его оппонент наклонился и заговорил доверительно — но так, чтобы его мог услышать не иначе как весь кубрик: — Говорят, эти ребятишки с нашивками на рукавах подвергнут вас допросу, когда вы начнете засыпать. И знаете, зачем им это нужно? Да затем, что коммодор считает, будто бы на «Околоземной» к нам проникли шпионы.

Дону было все равно, кто из них прав. Он слишком любил жизнь, чтобы временно «умереть» только ради избавления от

скуки долгого перелета. Но последнее замечание его встревожило. Шпионы? Неужели агенты МБР действуют прямо под носом высших чинов Космической гвардии? Впрочем, МБР, как говорят, способно проникать всюду. Дон оглядел своих соседей, гадая, кто из них мог путешествовать под чужим именем.

Вскоре он выкинул эту мысль из головы. Во всяком случае, им МБР больше не интересовалось.

Не знай Дон о том, что он находится на «Наутилусе», который летит на Венеру, он вполне мог бы вообразить, что летит на Марс на «Валькирии». Корабли были одного класса, а пустота космоса везде одинакова. Правда, теперь Солнце постепенно росло вместо того, чтобы уменьшаться, но кто станет смотреть прямо на Солнце, даже с Марса? Распорядок дня на корабле соблюдался исходя из гринвичского времени, точно так же, как и на любом другом космическом лайнере; завтрак начинался точно по звонку; координаты корабля передавались каждый «вечер», а «ночью» выключался свет.

Даже присутствие на борту военных не бросалось в глаза.

Им были отведены каюты в носовой части, и гражданские допускались туда только по делу. Лишь на сорок второй день полета Дону потребовалось сходить туда, чтобы забинтовать порезанный палец. Когда он возвращался назад на корму, ему на плечо легла чья-то рука.

Дон узнал сержанта Макмастерса. На кителе у него красовалась звезда — знак корабельного полицейского в звании главного старшины.

— А ты здесь откуда? — спросил он. — Чего шляешься?

Дон показал порезанный палец.

— Я не шляюсь, — ответил он. — Вот, на перевязку ходил.

Макмастерс посмотрел на палец.

— Порезался, говоришь? Так вот, ты попал не в тот коридор. Ты идешь прямиком в бомбовый отсек, а вовсе не к пассажирским каютам. Слушай-ка, а ведь мы уже встречались, верно?

— Еще бы.

— Да-да, я помню. Ты — тот самый парень, который думал, что полетит на Марс.

— Я и лечу на Марс.

— Вот как? Видать, ты любишь ходить в обход: лишние сотни миллионов миль тебе нипочем. И если уж зашел разговор об окольных путях, то объясни, с какой стати ты оказался в коридоре, ведущем в арсенал?

Дон почувствовал, как его лицо заливает краска.

— Да не знаю я, где у вас тут бомбы хранятся. Если я не туда иду, взяли бы да показали.

— Иди за мной. — Сержант отвел Дона двумя палубами ниже — здесь благодаря вращению корабля сила тяжести была заметно больше — и впихнул его в кабинет. — Тут пока посидишь. Скоро придет дежурный офицер.

Дон остался стоять.

— Не нужен мне дежурный офицер. Я хочу к себе, в кубрик.

— Садись, тебе говорят. Я помню все твои выкрутасы. Может быть, ты и впрямь заблудился, а может, и цель какую имел.

Дон подавил гнев и сел.

— Не обижайся, — сказал Макмастерс. — По глотку кофе, а?

Он подошел к кофейнику и налил две чашки.

Дон помялся, но чашку взял. Кофе оказался венерианским: черным, горьким и очень крепким. Дон почувствовал, что Макмастерс начинает ему нравиться. Сержант отхлебнул кофе, поморщился и сказал:

— Ты, парень, родился в рубашке. Сейчас ты уже мог быть покойником.

— Почему это?

— Тебя собирались отправить на Землю на «Дороге Славы», так?

— Ну и что?

— Неужели до кормы новости не доходят? Ведь «Слава»-то так до Земли и не добралась.

— А что случилось? Авария?

— Какое там! Эти кроты из Федерации встали на уши и расстреляли корабль на подлете. Думаю, они не сумели установить с ним связь и решили, что «Слава» набита взрывчаткой. Сбили они ее, короче.

— Ох!..

— Вот я и говорю: ты, мол, родился в рубашке, раз должен был лететь на том корабле.

— Но меня там не было. Я лечу на Марс.

Макмастерс уставился на него и рассмеялся.

— Да у тебя, видать, в мозгах пластинку заело! Прямо как у толкуна.

— Может быть, но до Марса я все равно доберусь.

Сержант отставил чашку.

— Ты когда-нибудь головой думать будешь? Пойми, эта война будет длиться десять, а то и пятнадцать лет. Кто знает, может, за все это время на Марс не отправят ни одного корабля.

— Ну... доберусь как-нибудь. А с чего вы взяли, что война продлится так долго?

Макмастерс помолчал, закуривая.

— Ты историю изучал?

— Немножко.

— Помнишь, как американские колонии отделились от Англии? Они копошились там восемь лет, а воевали только время от времени. А ведь Англия была достаточно сильной, чтобы подавить восстание за один уикэнд. Почему она этого не сделала?

Дон не знал.

— Так вот, — ответил ему сержант. — Ты, верно, не изучал историю, но коммодор Хигинс знает ее отлично. Он-то и разработал этот план. Спроси его о любом восстании, и он сходу тебе объяснит причины его провала или успеха. Англия не смогла справиться с колониями потому, что в те времена была по уши в других войнах, не в пример этой. Казалось, что подавление американского мятежа — чепуха, что-то вроде полицейской облавы. Но сил на это уже не было; время шло, дело вылетало в копеечку и, кроме неприятностей, ей уже ничего не светило. Так что Англия дала задний ход и признала независимость восставших.

— Хотите сказать, что и теперь будет что-то похожее?

— Конечно, ведь коммодор Хигинс подтолкнул ситуацию куда надо. Честно говоря, республике Венере противостоять Федерации трудновато. Уверяю тебя, я патриот не хуже любого другого, но я смотрю фактам в глаза. Населения-то на Венере раздва и обчелся, и в смысле материальных ресурсов Федерации — их здесь не более одного процента. Венера ни за что не сможет победить, если Федерация не будет слишком занята другими де-

лами. А обстановка сейчас именно такова — или скоро станет такой.

Дон задумался.

— Наверное, я полный дурак.

— Неужели до тебя не дошло, для чего мы уничтожили «Околоземную»? Да одним ударом коммодор сделал Землю полностью беззащитной. Он мог бы взорвать некоторые — да хоть все — города Земли, но что от этого было бы толку? Бомбардировка только восстановила бы против нас все население шарика. А так нас поддерживают две трети. Не просто поддерживают, но сами душой горят, сами чувствуют, что пора, потому что над их головами не висит больше «Околоземная», неоткуда больше пускать ракеты, как только запахнет жареным. И Федерации, чтобы вернуть прежний порядок, понадобятся годы, если она вообще когда-нибудь встанет на ноги. Наш коммодор — мужик умный! — Сержант поднял глаза. — Смирно! — заорал он и вскочил на ноги.

В дверях стоял лейтенант.

— Интересная лекция, профессор. Она прекрасно прозвучала бы в университетской аудитории.

— Никакой я не профессор, — ответил Макмастерс. — Я всего лишь сержант, с вашего позволения.

— Ладно, сержант, проехали, — лейтенант обернулся к Дону. — Кто такой и что он здесь делает?

— Ждет вас, сэр, — Макмастерс объяснил, что случилось.

— Ясно, — ответил дежурный и спросил Дона: — Вы готовы отказаться от своего права не давать показания против самого себя?

Дон явно был озадачен.

— В общем, дело такое, — объяснил Макмастерс. — Нам надо решить, применить ли к тебе некое устройство или посадить тебя до конца полета в карцер.

— Устройство?

— Детектор лжи.

— Ах, это? Пожалуйста. Мне скрывать нечего.

— Хотел бы я сказать то же самое о себе. Садись сюда, — Макмастерс открыл шкафчик, присоединил к голове Дона электроды, а повыше локтя прикрепил датчик артериального давления. —

А теперь, — сказал он, — говори правду: зачем ты болтался у арсенала?

Дон стал рассказывать. Макмастерс задал ему еще несколько вопросов, а лейтенант тем временем наблюдал за экраном, расположенным за спиной у Дона. Вскоре он сказал:

— Хватит, сержант. Гоните его туда, где ему положено быть.

— Слушаюсь, сэр. Пойдем, — и вдвоем они вышли из каюты. Когда они отошли настолько, что можно было говорить без помех, Макмастерс продолжил оборванный лейтенантом разговор: — Я хотел тебе сказать, что по всем этим причинам война затянется надолго. Этот *status* останется *quo*, пока Федерация будет занята подавлением мятежей и массовых беспорядков у себя дома. Время от времени они будут посылать к нам какого-нибудь сопляка с заданием, достойным настоящего мужчины, а мы — намыливать ему холку и отправлять обратно. Через несколько лет Федерация обнаружит, что мы обходимся ей дороже, чем того стоим, и признает нас в качестве независимого государства. И все это время полетов на Марс не будет. Вот так-то!

— И все-таки я туда доберусь! — упрямо сказал Дон.

— Значит, тебе придется идти пешком.

Они дошли до палубы *G*. Дон огляделся и заявил:

— Дальше я дорогу знаю. Тогда я, должно быть, спустился на одну палубу ниже.

— На две, — ответил Макмастерс. — Пойдем, я тебя провожу до кубрика. Знаешь, а все-таки у тебя есть возможность попасть на Марс, думаю, что — единственная.

— Что? А как, расскажите?

— Пошевели мозгами. Пассажирских рейсов не будет — по крайней мере, пока война. Но мое тебе слово — и Федерация, и Республика в конце концов пошлют на Марс свои десантные силы; каждая из этих команд попытается захватить тамошние сооружения для своих. На твоем месте я поступил бы в Космическую гвардию. Не в Воздушные силы и не в Наземные войска, а именно в Космическую гвардию.

Дон задумался.

— Но откуда я знаю, что меня пошлют именно туда? Шансов-то у меня не много, верно?

— Ты в казарменной политике что-нибудь понимаешь? Устройся работать писарем. Сумеешь вовремя лизнуть кому надо задницу — тебя оставят на главной базе. Там ты будешь в курсе всех слухов и в конце концов узнаешь, когда они соберутся отправить корабль на Марс. Тогда опять лизнешь нужную задницу — и ты уже в списке команды! Точно тебе говорю, это единственный способ попасть на Марс. Вон твоя дверь. И не показывайся больше на носу корабля.

Несколько дней Дон обдумывал слова Макмастерса. До сих пор им владела навязчивая мысль, что, попав на Венеру, он должен что-нибудь такое придумать, чтобы перебраться на Марс. Макмастерс заставил его взглянуть на дело с другой стороны. Конечно, можно рассуждать о том, что неплохо бы попасть на корабль, направляющийся на Марс, — законно там или незаконно, купив билет или в качестве члена экипажа, а может, и просто «зайцем». Но допустим, что кораблей на Марс не будет вообще. Заблудившаяся собака найдет дорогу домой, но человек не собака — без корабля он не одолеет и мили космической пустоты. Это исключено.

Но вступить в Космическую гвардию... Похоже, это крайнее средство, даже если оно и поможет. Дон знал об армейских порядках немного, но в его душу закралось мрачное подозрение: а вдруг сержант слишком упростил положение. Попытка использовать Космическую гвардию, чтобы попасть на Марс, могла привести к тому же исходу, что и попытка оседлать канзасский смерч.

С другой стороны, Дон находился в том возрасте, когда перспектива военной карьеры привлекательна сама по себе. Будь его чувства к Венере хоть немного сильнее, он без труда убедил бы себя, что его долг — стать на сторону колонистов и сражаться с ними в одних рядах. И неважно, попадет он на Марс или нет.

Военная служба привлекала Дона и по другой причине: она придала бы его жизни определенный смысл. Дон уже начинал понимать, в чем состоит главная трагедия перемещенного лица в военное время: он сразу теряет все свои корни. Человеку необходима свобода, но мало кто из людей достаточно крепок духом, чтобы стремиться к абсолютной свободе. Человек желает ощущать себя частью общества, имеющего установленные, всеми исполняемые

правила отношений между его членами. Порой люди вступают в иностранные легионы в поисках приключений, но чаще подписывают контракт, чтобы обрести какие-то обязанности, законы и табу, иметь время для труда и для отдыха, завести друзей, собеседников, а также заполучить сержанта, которого можно будет ненавидеть, — короче, чтобы определиться.

Дон оказался «перемещенным» в полном смысле этого слова, как никто за всю историю Земли: у него даже планеты не было, которую он мог бы назвать своей. Сам он еще не понимал до конца духовной своей обделенности, но, проходя мимо солдат Космической гвардии, поглядывал на них и уже прикидывал, как он сам будет выглядеть в этом мундире.

«Наутилус» не стал опускаться на поверхность планеты, не стал он и пристыковываться к космической станции. Корабль лишь замедлил ход и вышел на двухчасовую орбиту ожидания, проходившую над полюсами планеты, в нескольких сотнях миль над серебристым покрывалом облаков. Колонии Венеры были слишком молоды и бедны, чтобы позволить себе роскошь приобрести большую орбитальную станцию. Прибывший корабль выходил на быструю парковочную полярную орбиту, двигаясь вокруг вращающейся планеты и как бы разрезая ее на дольки — словно наматывая нитку на клубок.

С любой точки Венеры можно было запустить шаттл, который пристыковывался к находящемуся на орбите кораблю, а затем возвращался в свой порт или любую другую точку, затратив минимум топлива. Как только «Наутилус» оказался на парковочной орбите, к нему сразу же направились такие шаттлы. Они были похожи скорее на самолет, чем на ракету: хотя герметичные корпуса и запасы воздуха позволяли им летать в космосе до стыковки с кораблем на орбите, но у них были также и крылья, а помимо ракетных, имелись обычные прямоточные реактивные двигатели, предназначенные для полетов в атмосфере. Эти корабли, как лягушки, были приспособлены к жизни в двух разных средах.

Шаттл запускался с планеты при помощи катапульты, затем включалась реактивная тяга, и корабль поднимался на своих крыльях, пока не достигал в холодной выси разреженной стратосфе-

ры скорости в три тысячи миль в час. Здесь реактивные двигатели, захлебывающиеся от недостатка кислорода, уступали место ракетным, разгонявшим шаттл до орбитальных скоростей порядка двенадцати тысяч миль в час — скоростей, с которыми корабль мог подойти к находящемуся на орбите космическому лайнеру.

Точный маневр! От пилотов требовался точный математический расчет, учитывающий параметры орбит, скорости, состояние верхних слоев атмосферы, расход топлива, и еще виртуозное владение искусством маневра, превосходящее все возможности математического расчета, — но при всем этом достигалась экономия средств. После того как шаттл был загружен, ему для схода с орбиты требовался лишь короткий импульс ракетными двигателями — и он переходил на более низкую орбиту, пересекающую в конце концов атмосферу, что позволяло пилоту вести корабль словно планер, гася огромную скорость во все уплотняющихся по мере спуска воздушных слоях. Теперь от пилота вновь требовалось мастерство, поскольку он должен был не просто снизить скорость, но и сохранить ее для полета к месту посадки. Шаттл, застрявший где-нибудь в диком месте, в тысяче миль от порта, мог никогда уже больше не подняться, даже если пилот и пассажиры уцелеют после такой посадки.

Дон отправился вниз на «Сайрусе Бьюкенене», небольшом суденышке, с размахом крыльев едва ли в три сотни футов. Наблюдая в иллюминатор за тем, как шаттл подводят к шлюзовой камере, Дон заметил, что нарисованный на носу корабля знак «Межпланетных линий» — три шара — неаккуратно, видимо, в спешке, закрашен, а поверх нанесено через трафарет: «Воздушные силы Республики Венера». Закрашенная эмблема, зримое свидетельство мятежа, подействовала на Дона сильнее, чем даже гибель «Околоземной». «Межпланетные» были могущественны, пожалуй, не меньше правительства, и влияние имели тоже не меньшее. Кое-кто даже считал, что эта компания и есть настоящее правительство. А теперь повстанцы осмелились захватить корабли величайшего транспортного концерна и закрасить его эмблемы.

Дон ощутил на лице ледяное дыхание самой Истории. Макмастерс оказался прав: теперь Дон поверил, что ни один корабль отсюда на Марс не отправится.

Когда пришла его очередь, Дон протиснулся сквозь шлюз в салон шаттла. Стюард «Бьюкенена» все еще щеголял в форме «Межпланетных», но эмблемы компании были сорваны, а на рукавах кителя красовались нашитые шевроны. Изменилось также и отношение к пассажирам: стюард обращался с ними деловито и распорядительно, но без прежней лакейской угодливости.

Перелет был долгим и утомительным. В салоне стояла жара, как это всегда бывает при торможении в атмосфере. Лишь через час корабль «встал на крыло», и вскоре Дон и остальные пассажиры почувствовали, как сила тяжести вжимает их в кресла. Потом пилот, решив, что корпус слишком нагрелся, поднял шаттл повыше и перевел его в режим свободного падения. Такая процедура повторялась снова и снова: корабль скакал, словно пущенный по воде плоский камушек, и эти движения космической шлюпки вызывали у пассажиров ощущение неудобства и тошноту.

Дона все это мало волновало. Он снова чувствовал себя космонавтом, и его желудок больше не реагировал на ускорение и даже на невесомость. Сначала ему было интересно вновь оказаться в облаках Венеры, но потом стало скучно. Прошло немало времени, и Дон, очнувшись от дремоты, почувствовал, что движение корабля изменилось: шаттл со свистом снижался, выходя на завершающий участок полета, и пилот выводил корабль на посадку по радару. «Сайрус Бьюкенен» коснулся поверхности планеты, подпрыгнул и, сотрясаясь, помчался по воде, все замедляя движение, пока наконец не остановился. После долгой заминки корабль подтянули на буксире к причалу, стюард поднялся на ноги и объявил:

— Нью-Лондон! Республика Венера! Приготовьте документы.

8. «ЛИСИЦЫ ИМЕЮТ НОРЫ, И ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ — ГНЕЗДА»

Первым делом Дон собирался отыскать отделение ИТТ и отправить оттуда радиограмму родителям. Но сразу покинуть корабль не удалось. Сначала у пассажиров проверили документы, а затем каждого подвергли личному досмотру и допросу. Прошло несколько часов, а Дон все еще сидел у дверей кабинета службы

безопасности, ожидая вызова. Его непонятный статус отодвинул Дона в самый конец очереди.

Он был голоден, устал и томился от скуки; зудели руки, исколотые от кистей до плеч — так проверялся иммунитет к всевозможным инфекциям и грибковым заболеваниям, распространенным на Второй планете. Поскольку Дон жил здесь раньше, иммунитет к местным болезням у него сохранился, и это было большой удачей — в противном случае пришлось бы провести не одну неделю в карантине и сделать еще множество прививок. Дон почесывал руки и думал, а что если ему устроить скандал, но дверь наконец открылась и выкликнули его имя.

Дон вошел в кабинет. Офицер воздушных сил, сидевший за столом, просмотрел его документы.

— Дональд Харви?

— Да, сэр.

— Честно говоря, даже не знаю, что с тобой делать. Личность мы твою установили, тут особых проблем не было — просто сравнили отпечатки пальцев с теми, что были взяты у тебя, когда ты еще жил здесь. Но ты не гражданин Венеры.

— Как это — не гражданин? Здесь родилась моя мать.

— М-м-м... — Офицер побарабанил пальцами по крышке стола. — Не знаю, я не юрист. Я понимаю, что ты имеешь в виду, но ведь, когда твоя мать родилась, Республики Венера еще не существовало. Сдается мне, случай твой спорный, и прецедент по нему еще предстоит создать.

— И что мне теперь делать? — медленно спросил Дон.

— Не знаю. Я не уверен, что у тебя вообще есть законное право оставаться здесь.

— А я и не собираюсь. Я тут проездом.

— Что?

— Я здесь проездом, потому что лечу на Марс.

— Вот оно как! Я ознакомился с твоими документами и могу тебе лишь посочувствовать. Давай-ка поговорим серьезно, а?

— Я лечу на Марс, — упрямо повторил Дон.

— Да, да, конечно! А я после смерти полечу в рай. Ну, а до тех пор ты — житель Венеры, хотим мы этого или нет. Несомненно,

суд со временем установит, есть ли у тебя местное гражданство. Так вот, мистер Харви, я решил вас не задерживать.

— Как? — испуганно переспросил Дон; ему и в голову не приходило, что его свобода находится под вопросом.

— Да. На мой взгляд, ты не представляешь угрозы для безопасности Венеры, и мне не хочется отправлять тебя в карантин. Веди себя прилично и сообщи свой адрес, когда найдешь место, где остановиться. Вот твои документы.

Дон поблагодарил офицера и, подняв с пола сумки, быстро вышел. В коридоре он остановился, чтобы хорошенько почесать зудящие руки.

В доке напротив здания была пришвартована амфибия, ее водитель скучал, сидя за рулем. Дон сказал:

— Простите, пожалуйста, я хотел бы отправить радиограмму. Вы не подскажете, где это можно сделать?

— Ради бога. Отыщи здание ИТТ — оно на улице Бьюкенена, это на Большом острове. Ты что, на «Наутилусе» прилетел?

— Верно. А как дотуда добраться?

— Садись. Минут через пять я отправлюсь. Там есть еще пассажиры?

— Вроде, нет.

— По разговору ты что-то не сильно похож на туманоеда, — водитель посмотрел на Дона.

— Я его наглотался, еще когда был маленьким, — сказал Дон. — Просто я уезжал на несколько лет, в школе учился.

— Успел, значит, в последнюю секунду вернуться?

— Да, пожалуй.

— Повезло тебе. В гостях хорошо, а дома лучше, — водитель с любовью оглядел сумрачное небо и темную воду.

Вскоре он завел двигатель и отдал швартовы. Маленькое суденышко двинулось в путь по узким каналам, огибая острова и видневшиеся под водой песчаные отмели. Через несколько минут Дон высадился в начале улицы Бьюкенена, самой крупной магистрали Нью-Лондона, столицы планеты.

У причала слонялось несколько человек, которые тут же стали к нему приглядываться. Двое из них оказались агентами по сдаче квартир; отделавшись от них, Дон двинулся по улице. Здесь

толклось немало народу, но сама улица была узкой, кривой и грязной. Сквозь густой туман светили огни реклам, установленных по обе стороны улицы. Одна из них призывала:

ЗАПИШИСЬ В АРМИЮ СЕГОДНЯ ЖЕ!!!
ТЫ НУЖЕН РОДИНЕ!

Буквы на второй вывеске были гораздо больше:

ПЕЙТЕ КОКА-КОЛУ
НЬЮ-ЛОНДОНСКАЯ РАЗЛИВОЧНАЯ ФАБРИКА

Пройдя по улице несколько сотен ярдов и добравшись почти до другого конца Большого острова, Дон наконец отыскал то, что нужно. Это было нетрудно, поскольку компания занимала самое большое здание острова. Дон перешагнул через комингс, который ограждал вход, и вошел в местное отделение «Интерпланетной Телефонной и Телевидеокорпорации». За конторкой сидела молодая девушка.

— Я хотел бы отправить радиограмму, — сказал ей Дон.

— Именно этим мы и занимаемся, — она протянула ему бланк и ручку.

— Спасибо, — наморщив лоб, Дон принялся составлять текст.

Ему нужно было успокоить родителей, передав им максимум информации, потратив при этом минимум слов. Вскоре он протянул бланк в окошко.

Увидев адрес, девушка вскинула брови, но ничего не сказала. Сосчитав слова и заглянув в справочник, она сказала:

— Сто восемьдесят семь пятьдесят.

Дон отсчитал деньги, при этом с беспокойством подумав, что в бюджете его теперь сильная брешь.

Девушка взглянула на купюры и вернула их Дону обратно.

— Вы что, смеетесь?

— А что такое?

— Да это же деньги Федерации. Хотите, чтобы у меня были неприятности?

— М-да... — Дон вновь почувствовал холодок в животе, ставший уже почти привычным. — Слушайте, но я ведь только что с

«Наутилуса». У меня не было времени обменять деньги. А нельзя послать сообщение наложенным платежом?

— На Марс?

— Что же мне тогда делать?

— Дальше по улице будет банк. На вашем месте я бы сходила туда.

— Да-да, спасибо, — он протянул руку за своим бланком.

Девушка его остановила:

— Вот еще что: если хотите, можете отправить свою радиограмму. У вас есть две недели, чтобы расплатиться.

— Да? Что ж, спасибо!

— Не стоит. Все равно сообщение отошлют не раньше чем через две недели, и до тех пор вы платить не обязаны.

— Как две недели? Это почему?

— Потому что Марс сейчас находится по ту сторону Солнца. Луч не пройдет. Придется подождать.

— А почему бы не отправить через релейную станцию?

— Идет война — вы что, не заметили?

— Ага, — Дон почувствовал себя дурак дураком.

— Мы по-прежнему принимаем частные сообщения, предназначенные для пересылки по каналу «Земля—Венера» в оба конца — при условии цензуры и возможного изменения текста. Но гарантировать, что ваше сообщение будет передано с Терры на Марс, мы не можем. Если бы у вас был на Земле человек, который мог бы оплатить вторую пересылку...

— Боюсь, это невозможно.

— Впрочем, это может и не иметь значения. Вряд ли Земля стала бы передавать вашу радиограмму, даже согласись кто-нибудь оплатить счет. Цензор Федерации может наложить запрет. Так что давайте мне текст, и я его зарегистрирую. Оплатите потом. — Девушка прочитала сообщение. — Да, пожалуй, вы влипли. Сколько вам лет... — она еще раз посмотрела на бланк, — ...Дон Харви?

Дон ответил.

— Хм-м... А выглядите вы старше. Я старше вас; похоже, мне придется стать для вас бабушкой. Если потребуется совет, заходите к нам и спросите бабушку Изобел. Изобел Костелло.

— Спасибо вам, Изобел.

— Ну что вы. Это обычная услуга, предоставляемая ИТТ, — девушка улыбнулась. Дон почувствовал легкое смущение.

Банк располагался почти в самом центре острова — Дон запомнил, когда проходил мимо. На стекле была вывеска: «БАНК АМЕРИКИ И ГОНКОНГА». Надпись была заклеена пластиковой лентой, а внизу было выведено белилами: «НЬЮ-ЛОНДОНСКАЯ ТРАСТОВАЯ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ КОМПАНИЯ». Дон вошел внутрь, встал в самую короткую очередь, и уже через несколько минут выкладывал свою просьбу. Кассир указал большим пальцем на стол, который стоял за барьером:

— Туда.

За столом сидел пожилой китаец в длинном черном халате. Дон подошел поближе, китаец поднялся на ноги, поклонился и спросил:

— Чем могу быть полезен, сэр?

Дон объяснил, чего хочет, и положил на стол банкира пачку купюр. Китаец, не прикасаясь к деньгам, осмотрел их и ответил:

— Прошу прощения, но...

— Что такое?

— Вы пропустили срок законного обмена денег Федерации на валюту республики.

— Но я не мог раньше! Я только что прилетел!

— Очень жаль. Но правила составляю не я.

— И что же мне делать?

Банкир на мгновение смежил веки.

— В этом несовершенном мире всем нужны деньги. Вы можете что-нибудь оставить в залог?

— Нет. Кажется, нет. У меня только одежда, да вот еще эти сумки.

— Какие-нибудь драгоценности?

— У меня есть кольцо, но, наверно, оно недорого стоит.

— Дайте посмотреть.

Дон вытащил кольцо, присланное ему доктором Джефферсоном, и протянул старику. Китаец надел часовую лупу и осмотрел кольцо.

— Боюсь, вы правы. Это даже не янтарь — простой пластик. И все же пусть оно будет символом залога — обязательство честного

человека надежнее всяких цепей. Я дам под это кольцо пятьдесят кредитов.

Дон взял у него кольцо обратно и на мгновение заколебался.

Должно быть, оно не стоило и десятой части того, что давал старик... Да еще желудок настойчиво давал о себе знать. И все же мать потратила по меньшей мере вдвое больше, чтобы быть уверенной, что кольцо (или бумага, в которую оно было завернуто, — поправил себя Дон) дойдет до него, да и гибель доктора Джефферсона как-то связана с этой безделкой.

Он надел кольцо на палец.

— Это было бы нечестно. Уж лучше я поищу работу.

— У вас есть гордость. В любом молодом и растущем городе всегда можно найти занятие; желаю вам удачи. Найдете работу — приходите, и мы откроем кредит под ваши будущие заработки. — Банкир покопался в складках своего халата и извлек оттуда бумажку в один кредит. — Сначала поешьте, решения лучше принимать на сытый желудок. Окажите мне честь принять эти деньги как подарок человеку, впервые переступившему порог нашего банка.

Гордость его ответила «нет», но желудок кричал «да!». Дон взял кредит и сказал:

— Спасибо! Это так любезно с вашей стороны! Я отдам его при первой возможности.

— Лучше передайте его тому ближнему, который больше всего будет нуждаться.

Банкир нажал на столе кнопку и поднялся на ноги.

Дон еще раз поблагодарил его и ушел.

У дверей банка болтался какой-то человек. Пропустив Дона немного вперед, он пошел следом. Занятый своими мыслями, Дон не обратил на него внимания. Постепенно в Дона начинало закрадываться подозрение, что почва уходит у него из-под ног, прежний его мир рухнул, и возврата назад нет. Всю жизнь он прожил в безопасности. Ему и в голову ни разу не приходило, с каким трудом большинство людей поддерживают свое существование, иногда выигрывая, но чаще проигрывая — и умирая. Но никогда не прекращая борьбы. Пройдя по грязной улице сотню ярдов, Дон слегка воспрянул духом и попытался оценить положение. Сейчас у него нет возможности сообщить о себе родите-

лям, и дело тут даже не в двух неделях ожидания — просто он оказался на мели и не может заплатить по высшему тарифу.

Без денег, голодный, без крыши над головой... ни друзей, ни даже знакомых... — если не считать Сэра Исаака, но его приятель-дракон мог оказаться где угодно, хоть на другой стороне планеты. Уж во всяком случае, не так близко, чтобы с его помощью решать проблему яичницы с ветчиной!

Дон решил снять на время эту проблему при помощи купюры, полученной от банкира. Он вспомнил о ресторанчике, который заметил в двух шагах позади, и резко остановился. Сзади на него налетел человек.

— Извините, — сказал Дон прохожему, заметив, что тот был тоже китаец. Он не удивился — едва ли не половина рабочих, завербованных в первые годы существования колонии на Венере, были выходцами с Востока. Дону показалось, что лицо человека ему знакомо — может быть, это один из пассажиров, летевших вместе с ним на «Наутилусе»? Но потом он вспомнил, что видел этого человека на причале в начале улицы.

— Это я виноват, — сказал тот. — Нужно было смотреть под ноги. Простите, что я вас ушиб.

Незнакомец улыбнулся еще более обаятельно.

— Ничего страшного, — отозвался Дон. — А виноват я. Просто решил вернуться назад, ну и...

— В банк?

— Куда?

— Это не мое дело, но я видел, как вы выходили из банка.

— Вообще-то, — ответил Дон, — я не собирался обратно в банк. Я искал какую-нибудь забегаловку и вспомнил, что видел поблизости что-то похожее.

Мужчина посмотрел на его сумки.

— Только что прибыли?

— Да, на «Наутилусе».

— Не советую идти в тот ресторан — разве что у вас есть лишние деньги, которые не жаль выкинуть на ветер. Это заведение — обыкновенная ловушка для туристов.

Дон вспомнил про свою единственную бумажку в один кредит и забеспокоился.

— А можно где-нибудь перекусить подешевле? Приличное дешевое кафе?

Человек подхватил его под руку.

— Я вас провожу. Тут есть одно заведение на берегу. Хозяин — мой двоюродный брат.

— Я не хотел бы вас беспокоить...

— Ерунда. Я и сам как раз собирался подкрепить своего внутреннего человека. Кстати, меня зовут Джонни Линг.

— Рад познакомиться, мистер Линг. Я — Дон Харви.

Ресторанчик располагался в тупичке в самом начале улицы Бьюкенена. На вывеске было написано:

ОБЕДЕННЫЙ ПАВИЛЬОН ДВУХ МИРОВ
Отдельные столики для дам
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, КОСМИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ!

Трое толкунов стояли у входа, принюхиваясь к запахам и прижимаясь судорожно подергивающимися носами к стеклянной двери. Джонни Линг отодвинул их в сторону и впихнул Дона внутрь.

За стойкой стоял толстый кантонец, управлявшийся с кассовым аппаратом, а заодно с плитой.

— Привет, Чарли! — закричал Джонни.

— Здорово, Джонни, — отозвался толстяк и быстро затараторил, сыпля проклятиями и свободно мешая кантонский диалект китайского, английский, португальский и приправляя все это языком свиста. Одному толкуну удалось протиснуться в дверь, и он устремился к стойке с пирожками, топоча копытцами по полу. Чарли с удивительным для его габаритов проворством рванулся вперед, ухватил грегариана за ухо и вытолкал воришку наружу. Потом, продолжая ругаться, подошел к стойке, взял кусок черствого пирога и вернулся к двери. Он бросил его маленьким фавнам, и те, блея и хныча, устроили из-за пирога свалку.

— Если бы ты их не приваживал, Чарли, — сказал Джонни, — они бы к тебе не лезли.

— Не твоего ума дело!

Несколько клиентов работали челюстями у стойки, на случившееся они и внимания не обратили. Линг придвинулся к толстяку поближе и спросил:

— Задняя комната свободна?

Чарли кивнул и повернулся к нему спиной. Линг провел Дона в маленький кабинет, расположенный в глубине ресторанчика. Усевшись, Дон взял меню и принялся его изучать, прикидывая, что он может заказать на один кредит. Линг забрал у него карточку.

— Давай-ка я сам закажу. Чарли и вправду отличный повар.

— Но...

— Ты мой гость. И не спорь со мной.

В этот миг появился Чарли, неслышно вынырнув из-за прикрывающей вход портьеры. Они с Лингом быстро обменялись несколькими фразами по-китайски, и Чарли вышел, но вскоре вернулся, неся горячие яичные пирожки-трубочки. Почуяв восхитительный запах, желудок Дона положил конец всяким протестам.

Вслед за хрустящими пирожками подали первое. Такого Дон еще никогда не пробовал. Это была китайская кухня, но уж во всяком случае, не дежурное кушанье из какой-нибудь забегаловки. Дону почудилось, что он уловил привкус венерианских овощей, какие пробовал еще в детстве, но полной уверенности не было. Но, как бы там ни было, еда оказалась что надо; Дон почувствовал согревающее ощущение сытости и выбросил из головы тревожные мысли.

За едой он, сам того не заметив, принялся рассказывать Лингу о своей жизни, в особенности о том, что так неожиданно привело его на Венеру. С этим человеком было легко разговаривать, к тому же Дону казалось невежливым просто сидеть и молча уплетать угощение.

Вскоре Линг откинулся в кресле и вытер рот.

— Тебе пришлось немало пережить, Дон. Это уж точно. Что ты собираешься теперь делать?

Дон нахмурился.

— Если б я знал! Мне нужно найти работу — все равно какую. Нужно найти жилье. Нужно наскрести, заработать, занять — словом, где-нибудь найти денег, чтобы дать знать своим старикам. А то они будут беспокоиться.

— Но у тебя ведь были какие-то деньги?

— Да, только деньги Федерации. Здесь они ничего не стоят.

— А Дядюшка Том не захотел их обменять. У старика каменное сердце, при всех его улыбочках. В глубине души он так и остался ростовщиком.

— Дядюшка Том? Так этот банкир — ваш дядя?

— Нет, конечно, это просто так говорится. Он еще в давние времена основал здесь что-то вроде ломбарда, в котором первопроходцы закладывали свои счетчики Гейгера. Постепенно он прибирал к рукам все их имущество. Вскоре он завладел едва ли не половиной всех здешних рудников и заделался банкиром. Но мы по-прежнему зовем его «Дядюшка Том».

Дон подумал, а не слишком ли настойчиво Джонни упирает на то, что к банкиру он никакого отношения не имеет, но задерживаться на этой мысли не стал — ему-то собственно какое до этого дело. Линг продолжал:

— Знаешь, Дон, а ведь на банке свет клином не сошелся. Деньги Федерации можно обменять и не только там.

— О чем это вы?

Линг обмакнул палец в лужицу и начертил на столешнице знак универсального кредита.

— Разумеется, банк — единственное место, где можно обменять деньги законно. Но тебя это разве беспокоит?

— Ну...

— Только не думай, что обмен денег — это что-то дурное. Принимая соответствующий закон, власти не спрашивали твоего мнения. А ведь деньги-то твои, верно?

— Думаю, вы правы.

— Деньги твои, и ты можешь поступать с ними, как тебе хочется. Надеюсь, ты понимаешь, что все это — строго между нами?

— Понимаю.

Дон молчал, и Линг заговорил снова:

— А теперь поговорим чисто гипотетически: сколько у тебя с собой денег Федерации?

— Около пяти сотен кредитов.

— Покажи-ка.

Дон помедлил. Линг нетерпеливо сказал:

— Ну, в чем дело? Неужели ты мне не доверяешь? В конце концов, это всего лишь пустые бумажки.

Дон вытащил деньги. Глянув на них, Линг вынул бумажник и принялся отсчитывать купюры.

— Банкноты у тебя слишком крупные, трудно будет избавиться, — заявил он. — Как насчет пятнадцати процентов?

Деньги, которые он выложил на стол, выглядели точь-в-точь как те, что были у Дона, за одним-единственным исключением — на них была надпечатка: «Республика Венера».

Он быстро прикинул в уме. Пятнадцать процентов — это семьдесят пять кредитов, то есть меньше половины той суммы, которую он должен был заплатить за радиограмму на Марс. Он собрал свои деньги и принялся запихивать их в бумажник.

— В чем дело?

— Мне это не подходит. Я сказал вам, что для отправки радиограммы нужно сто восемьдесят семь с половиной.

— Ладно: двадцать процентов. Я делаю тебе скидку только потому, что ты молод и попал в беду.

Двадцать процентов — это всего лишь сотня.

— Нет.

— Да ты сам-то подумай! Я смогу их толкнуть на десять, ну от силы на двадцать процентов дороже того, что даю тебе. Да я вообще могу оказаться в прогаре! Вложенные деньги приносят восемь процентов — при теперешнем экономическом буме. А твои деньги придется пока припрятать, значит, я буду ежегодно терять на них восемь процентов. Если война затянется, эти убытки потянут за собой новые. Ты что, думал, тебе предложат больше?

Теория финансового обращения была выше понимания Дона; он знал лишь, что его не интересует сумма, меньшая той, которая необходима для отправки радиограммы на Марс. Он покачал головой.

Линг пожал плечами и собрал свои деньги.

— Дело твое. Кстати, у тебя очень красивое кольцо.

— Спасибо.

— Сколько, ты сказал, тебе нужно?

Дон повторил.

— Понимаете, мне же только радиограмму родителям послать. А так — ну на что мне еще здесь деньги? Я же могу работать.

— Я взгляну на кольцо, не возражаешь?

Дону не очень-то хотелось выпускать кольцо из своих рук, но, видимо, иначе от Линга по-хорошему было не отделаться. Джонни нацепил кольцо себе на костлявый палец, на котором оно болталось почти свободно.

— О, точь-в-точь мой размер. И буковка как раз для меня.

— Как это?

— Мое второе имя ведь — Генри. Короче говоря, Дон, я серьезно хочу тебе помочь. Давай сойдемся на двадцати процентах плюс я покрываю недостающие для посылки радиограммы деньги в уплату за это кольцо. Идет?

Дон и сам не мог объяснить, чем ему это предложение не по душе. Линг почему-то перестал ему нравиться, и Дон уже начал жалеть о том, что вообще пошел с ним обедать. И тут ему пришла в голову мысль.

— Это фамильная реликвия, — сказал он. — Кольцо не продается.

— Вот как? По-моему, в твоем положении не до сантиментов. Здесь кольцо стоит дороже, чем на Земле, — а я даю тебе даже больше, чем оно стоит. Не валяй дурака!

— Я знаю, что вы предлагаете больше, хотя с чего это вдруг — непонятно, — ответил Дон. — Как бы то ни было, кольцо не продается. Отдайте.

— А если я не отдам?

Дон глубоко вздохнул.

— Тогда, — медленно сказал он, — я буду с вами драться.

Линг помедлил, глядя ему в глаза, затем снял кольцо и уронил его на стол. Потом, не сказав ни слова, вышел из кабинета.

Дон смотрел ему вслед, стараясь понять, что же все-таки происходит. Он так и сидел, задумавшись, когда портьера откинулась, вошел хозяин ресторана и бросил на стол счет.

— Один кредит шесть центов, — бесстрастно объявил Чарли.

— Разве мистер Линг не заплатил? Он же пригласил меня с ним пообедать.

— Один кредит шесть центов, — повторил Чарли. — Вы ели, вы и платите.

Дон поднялся на ноги.

— Где тут у вас моют посуду? Я могу приступить прямо сейчас.

9. «ГРОБОВЫЕ» ДЕНЬГИ

Еще не настала ночь, а работа мойщика посуды, которую выполнял Дон, чтобы заплатить за обед, похоже, сделалась для него постоянной. Дон подсчитал, что при такой оплате ему потребуется как минимум вечность, чтобы наскрести достаточно денег и отправить радиограмму родителям, но кормили зато трижды в день, а еда у Чарли была выше всяких похвал. Несмотря на внешнюю грубость, Чарли оказался в общем-то неплохим человеком. Свою резкую неприязнь к Джонни Лингу он выразил на том же — явно не для детских ушей — *lingua franca**, на котором общался с толкунами. Никакой ему Джонни не родственник, говорил он, а если он кому-то и родственник, то — и добавлял что-нибудь этакое, вроде собачьей матери.

Когда последний посетитель ушел, а последняя тарелка была вымыта и вытерта, Чарли постелил Дону на полу в той самой комнате, где тот обедал. Раздевшись и улегшись в постель, Дон вспомнил, что надо бы позвонить в отдел безопасности порта и сообщить свой адрес. «Успеется, позвоню завтра», — подумал он, засыпая; к тому же в ресторане не было телефона.

Дон проснулся от ощущения тяжести. В комнате было темно. На какой-то жуткий миг ему показалось, что кто-то навалился на него сверху и хочет ограбить. Окончательно проснувшись, Дон вспомнил, где он, и понял, что было причиной испуга. Толкуны. Два зверька забрались к нему в постель: один приткнулся Дону к спине и обхватил за плечи; второй калачиком свернулся в

* Франкский язык *(итал.)*. Ранее обозначал смешанный язык, сложившийся в средние века в районе Средиземноморья (Левант) на основе французской, прованской, итальянской лексики и служивший средством общения — главным образом торгового — арабских и турецких купцов с европейскими, которых в Леванте всех подряд именовали франками (откуда и пошло название). В современном понимании означает функциональный тип языка, который используется в качестве средства общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов.

ногах. Оба тихонько посапывали. Видно, кто-нибудь зазевался, и они проскользнули в открытую дверь.

Дону стало смешно: нашел, кого испугаться. Да на этих ласковых тварей и рассердиться-то было всерьез нельзя. Он почесал между рожек того из них, что был ближе:

— А ну-ка, детки, это моя постель! Убирайтесь отсюда, пока я не разозлился.

Незваные гости что-то проблеяли и лишь теснее прижались к Дону. Тот поднялся и, взяв их за уши, вытолкал за портьеру.

— И не вздумайте возвращаться!

Они оба очутились в постели раньше, чем Дон.

Дон подумал и решил их оставить. Все равно в комнате не было двери, чтобы закрыться. Конечно, можно вывести их на улицу, но в помещении было темно, а Дон, попавший сюда впервые, понятия не имел, где здесь включается свет. Будить Чарли тоже не хотелось. К тому же спать с ними было не противно: толкун — зверек маленький, чистый, во всяком случае ничем не хуже собаки, свернувшейся в ногах у хозяина. Даже лучше, ведь на собаках бывают блохи.

— Ну-ка подвиньтесь, — велел он. — А мне спать где прикажете?

Уснуть удалось не сразу; Дона все еще тревожил прошлый кошмар.

Он сел, всматриваясь в темноту, и нащупал деньги, которые убрал под матрац. Затем он вспомнил о кольце и, чувствуя себя полным идиотом, натянул носок и как можно глубже засунул туда свою драгоценность.

Скоро все они уже дружно спали.

Дона разбудило испуганное блеяние над ухом. В следующее мгновение все смешалось. Он уселся, пробормотав: «Да заткнитесь, вы!» — и хотел шлепнуть соседа, но тут же почувствовал, как его запястье сжимает чья-то рука — не четырехпалая крохотная толкунья, а рука человека.

Дон пнул ногой, угодив при этом во что-то мягкое. Кто-то крякнул, рядом снова заблеяли, на этот раз испуганнее, чем раньше, зацокали по полу копытца. Дон ударил еще, едва не перело-

мав себе на ноге пальцы; рука, что его держала, разжалась. Послышались возня и громкие стенания толкунов. Вскочив на ноги, Дон отпрянул назад. Шум утих, но он продолжал всматриваться в темноту, пытаясь понять, что же случилось. В этот миг вспыхнул ослепительный свет, и он увидел в дверях Чарли: в халате, в руках — огромный блестящий топор.

— Что здесь происходит? — крикнул Чарли.

Дон постарался как можно доходчивее рассказать хозяину обо всем — о толкунах, о ночных кошмарах, о хватающей в темноте руке.

— Есть надо перед сном меньше, — ответил на это Чарли, но на всякий случай обыскал помещение.

Дон следовал за ним по пятам.

Увидев на окне сломанный шпингалет, Чарли ничего не сказал и тут же пошел проверять кассу и сейф. Похоже, там ничего не тронули. Чарли прибил сломанный шпингалет, выставил толкунов на улицу, и сказал Дону:

— Иди спать, — и отправился к себе в комнату.

Дон попытался заснуть, но прошло немало времени, прежде чем он сумел успокоиться. Деньги и кольцо были на месте. Кольцо он надел на палец и уснул, сжав руку в кулак.

Наутро у Дона, воевавшего с бесчисленными тарелками, было достаточно времени на размышления. Мысль его была о кольце.

С пальца Дон его снял — не только потому, что не хотел держать в горячей воде, но и потому, что опасался выставлять его напоказ.

Неужели вору нужно было кольцо, а не деньги? Это ни в какие ворота не лезло — охотиться за безделушкой ценой в полкредита! Ну, может быть, в пять кредитов, ведь здесь, на Венере, все стоит дороже. Но уж во всяком случае, больше чем на десятку оно не тянуло явно.

Дон начал думать, что все это неспроста: уж слишком много людей интересовались колечком. Дон вспомнил, как развивались события. Доктор Джефферсон рискнул жизнью — и погиб — ради того, чтобы кольцо попало на Марс. Это казалось нелепым, вот почему Дон, как следует перед тем поразмыслив, решил, что он должен был доставить родителям упаковку. Логично, как ему тогда казалось, решил. К тому же такое решение подтверждали

действия сотрудников службы безопасности, отобравших при обыске упаковку.

Похоже, что, как бы дико это ни выглядело, дело именно в нем — в кольце. Но даже если и так, то с какой стати кольцо могло кому-то понадобиться на Венере? Мало того, что он сам только что прибыл, — он даже не предполагал, что попадет в эти края.

Дон без труда придумал бы сотню способов, как сведения о его прибытии могли просочиться сюда, но подобные мысли просто не пришли ему в голову. Более того, он даже представить себе не мог, что кто-то станет интересоваться его особой.

Но чего ему явно было не занимать, так это упрямства. И обращаясь к мойке, он дал страшную клятву, что, несмотря ни на что, попадет на Марс и, как его просил Джефферсон, передаст это кольцо отцу.

К середине дня поток клиентов наконец схлынул, и Дон расправился с последней тарелкой. Вытерев руки, он заявил Чарли:

— Мне нужно сбегать в город.

— Что такое? Уже отлыниваешь?

— Мы сегодня вечером работаем, так?

— Еще бы. У меня здесь не чайный домик.

— Так вот: я работаю утром и вечером, и в середине дня мне нужен небольшой перерыв. Тех тарелок, что я намыл, вам на несколько часов хватит.

Чарли пожал плечами и отвернулся. Дон вышел.

По туманным, запруженным людьми улицам он пробирался к зданию ИТТ. Клиентов в зале было немного — в основном они разговаривали по телефону или дожидались своей очереди у кабин. Изобел Костелло сидела у себя за конторкой и, похоже, была не особенно занята работой, хотя у окошка и торчал какой-то солдат. Дон отошел к дальнему концу стойки и стал ждать, когда она освободится.

Вскоре Изобел отделалась от солдата и подошла к Дону.

— Да не мой ли это трудный ребеночек? Как дела, малыш? Поменял свои деньги?

— Нет, в банке их не приняли. Придется забрать у вас мою радиограмму.

— Не спеши: с Марсом все равно пока связи нет. Может, еще разбогатеешь.

Дон невесело рассмеялся:

— Вряд ли! — и рассказал девушке все, что с ним за это время случилось.

Изобел кивнула.

— Могло быть хуже. Старик Чарли — неплохой человек, но в той части города небезопасно. Будь осторожен, особенно по ночам.

— Постараюсь. Изобел, ты не поможешь мне в одном деле?

— Если ты не попросишь чего-нибудь невозможного, незаконного или скандального — что ж, пожалуйста.

Дон выудил из кармана кольцо.

— Ты не могла бы подержать у себя вот это? Спрятать куда-нибудь, пока я за ним не приду?

Она взяла кольцо, подняла к глазам и стала его рассматривать.

— Осторожно! — предупредил Дон. — Его нельзя никому показывать.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что оно у тебя. Спрячь.

— Ну ладно.

Девушка вышла. Вернулась она уже без кольца.

— К чему такая таинственность, Дон?

— Я бы и сам хотел это знать.

— Вот как?

— Ни о чем больше меня не спрашивай. Я только хочу, чтобы ты его сохранила. Кто-то пытается его у меня отнять.

— Но... слушай-ка, это на самом деле твое кольцо?

— Да. Это все, что я могу сказать.

Изобел всмотрелась в его лицо.

— Ладно, Дон. Я о нем позабочусь.

— Спасибо.

— Надеюсь, все будет хорошо. Кстати: загляни как-нибудь еще раз. Я хочу познакомить тебя с управляющим.

— Хорошо.

Изобел отошла и занялась клиентом. Дон подождал, пока освободится кабинка, позвонил в отдел безопасности космопорта и сообщил адрес. Покончив с делами, он вернулся к своим тарелкам.

Была почти полночь и через руки Дона прошла уже не одна сотня тарелок, когда Чарли выпроводил последнего посетителя и запер двери. Они вместе уселись за поздний ужин. Один ел палочками, второй — вилкой. Дон так устал, что еда застревала в горле.

— Чарли, — спросил он, — как ты управлялся здесь в одиночку?

— Было двое работников, но оба завербовались. Разве хотят теперь мальчишки трудиться; у них одно на уме — поиграть в солдатики.

— Выходит, я работаю за двоих? Слушай, а не нанять ли тебе еще одного помощника, а то, глядишь, и я захочу в армию.

— Работать лучше.

— Может, и лучше. Это ты по себе судишь: я еще ни разу не встречал человека, который бы так много работал.

Чарли откинулся на стуле и скрутил сигарету из местной «балдежной травы».

— Я работаю и думаю о том дне, когда вернусь обратно домой. У меня будет маленький садик, ограда. Маленькая птичка, которая будет для меня петь, — он разогнал рукой клубы дыма и показал на обшарпанные стены. — Когда я работаю, я всего этого не вижу. Я вижу свой маленький садик.

— А...

— Я коплю деньги, чтобы вернуться домой, — он глубоко затянулся. — *Я вернусь домой — живой или в гробу.*

Дон понял, о чем идет речь; еще в детстве он слышал о «гробовых деньгах». Все иммигранты-китайцы надеялись вернуться домой, но чаще всего туда отправляли контейнер с гробом. Молодые китайцы, родившиеся на Венере, смеялись над этим обычаем: их домом была Венера, а Китай они воспринимали как набившую оскомину сказку.

Он решил рассказать Чарли о своих злоключениях, тщательно избегая упоминаний о кольце и всем, что было с ним связано.

— Как видишь, я так же сильно хочу на Марс, как ты — в Китай.

— До Марса далеко.

— Далеко. И все равно я должен туда добраться.

Чарли докурил сигарету и встал.

— Держись Чарли. Трудись как трудишься, и я возьму тебя в долю. Когда-нибудь вся эта чушь с войной кончится, и мы оба

отправимся куда хотим, — он повернулся и собрался уходить. — Доброй ночи.

— Доброй ночи.

На этот раз Дон лично проверил, не забрались ли к ним опять толкуны, и только потом отправился к себе спать. Уснул он быстро. Всю ночь он карабкался по горам, их склоны были сложены из тарелок и не было им ни конца, ни края. А где-то далеко-далеко светил Марс.

Дону еще повезло, он нашел себе пристанище в ресторанчике: город был переполнен людьми. Даже до политического кризиса, превратившего Нью-Лондон в столицу нового государства, город был весьма оживленным местом — торговым центром для раскиданных на миллионы квадратных миль селений и главным космопортом планеты. С началом войны было *de facto* введено эмбарго на межпланетную торговлю, что со временем могло заставить город затянуть пояс потуже, но недавние события коснулись пока только застрявших в городе космонавтов, которые слонялись по улицам в поисках развлечений.

Их было, в общем-то, не так много; гораздо больше в городе насчитывалось политиков. На Губернаторском острове, отделенном лиманом от Большого, проходила сессия Генеральных штатов новой Республики. Рядом, в губернаторской резиденции, расположились глава государства, глава правительства и его министры.

Последние немедленно устроили шумную склоку из-за помещений и секретарей. Волна бюрократии захлестнула Большой и Южный острова, Восточную косу и остров Могильного камня. Началась грызня за дома и участки, и цены на землю подскочили до головокружительной высоты. Вслед за государственными мужами и чиновниками, занявшими выборные посты, ринулись куда более многочисленные прихлебатели — клерки, которые что-то делали, и специальные помощники, которые не делали ничего, разнообразные спасители мира, люди, несущие в мир Послания, лоббисты «за» и лоббисты «против», люди, заявлявшие, что представляют интересы местных драконов, но так как-то и не удосужившиеся выучить язык свиста, и драконы, которые вполне могли представлять свои интересы сами — что они и делали.

Как ни странно, Губернаторский остров не утонул под такой тяжестью. К северу от столицы, на острове Бьюкенена, вырастал новый город — учебные лагеря Воздушных сил и Наземных войск республики. Генеральные штаты выражали озабоченность этим фактом: мол, устройство военной базы под самым боком столицы есть ни что иное, как приглашение к национальному самоубийству, поскольку одна водородная бомба может стереть в пыль и правительство, и бóльшую часть вооруженных сил — и тем не менее все оставалось по-прежнему. Военные выдвигали тот довод, что личному составу необходимо обеспечить досуг, а если построить лагеря на безлюдье, солдаты дезертируют и разбегутся по своим фермам и шахтам.

Многие и вправду подались в дезертиры. А тем временем Нью-Лондон прямо-таки кишел солдатней. В «Ресторане Двух Миров» было не протолкнуться с утра до ночи. Старый Чарли метался от плиты к кассе, а Дон обжигал руки горячей мыльной водой. Как только освобождалась минутка, он бежал в пристройку набить топку котла маслянистыми поленьями дерева *чика*, которые приносил дракон по имени Маргаритка (несмотря на такое имя, дракон был самец). Греть воду электричеством вышло бы, конечно, дешевле: электроэнергия была побочным продуктом атомного реактора, расположенного от города к западу, и доставалась практически задарма. Но электрооборудование стоило бешеных денег, да и достать его было практически невозможно.

Такие обычные для фронтира контрасты встречались в Нью-Лондоне на каждом шагу. Грязные, неасфальтированные городские улицы освещались эектроэнергией от атомных станций. Самоходки на реактивной тяге связывали город с другими поселениями, но в городской черте жители большей частью передвигались на своих двоих, а транспорт — такси и метро — заменяли гондолы. Некоторые из них были механизированы, но в основном приводились в движение с помощью человеческих мускулов.

Нью-Лондон был уродливым, неудобным, недостроенным городом, но чем-то все-таки он бодрил. Дону нравилось кипение уличной жизни — нравилось гораздо больше, чем оранжерейная роскошь Нью-Чикаго. Жизнь здесь была оживленной, словно возня

щенков в корзинке, и энергичной, как удар в челюсть. В самом воздухе витали новые надежды и проблемы...

Проработав в ресторане неделю, Дон ощущал себя так, будто работает здесь всю жизнь. Несчастным он себя не чувствовал, нет. Конечно, работа была нелегкой и он по-прежнему рвался на Марс, хотя думал об этом нечасто, но он хорошо спал, хорошо ел, не болтался без дела... К тому же вокруг было полно собеседников, с кем можно было поговорить, поспорить — космонавты, гвардейцы, политики, те что помельче, словом самый обычный люд, которому были не по карману заведения другого ранга. Заведение Чарли вскорости превратилось в клуб, где кипели политические дебаты, оно стало агентством городских новостей, фабрикой слухов. Сплетня, родившаяся за тарелкой приготовленного Чарли кушанья, частенько уже назавтра появлялась на первых полосах нью-лондонской «Таймс».

Дон пользовался вытребованным у Чарли правом на послеобеденный отдых, даже если у него не намечалось никаких особенных дел. Когда Изобел была не слишком занята, он водил ее в кафе напротив выпить по стаканчику кока-колы; девушка до сих пор оставалась его единственным другом вне ресторанных стен. Как-то раз Изобел сказала:

— Давай-ка зайдем ко мне. Я хочу познакомить тебя с управляющим.

— Зачем?

— Это насчет твоей радиограммы.

— Да, конечно, я и сам собирался, но сейчас это не имеет смысла. Денег у меня все равно нет. Придется недельку подождать, а там я, может быть, попрошу в долг у Чарли. Думаю, Чарли даст, чтобы я не бросил работу — другого-то на мое место он еще набегается искать.

— Ничего у тебя не получится — лучше найди другую работу. Пойдем.

Девушка пропустила Дона за стойку, провела в заднюю комнату и представила пожилому человеку с озабоченным лицом.

— Это Дон Харви, тот самый молодой человек, о котором я говорила.

Мужчина протянул руку.

— Да-да, что-то насчет радиограммы на Марс. Кажется, дочь мне об этом говорила.

Дон обернулся к Изобел.

— Дочь? Ты мне не сказала, что управляющий — твой отец.

— Ты меня не спрашивал.

— Но... впрочем, неважно. Рад с вами познакомиться, сэр.

— Взаимно. Так вот насчет этой радиограммы...

— Я и сам не понимаю, зачем Изобел привела меня сюда. Я не могу заплатить. У меня только деньги Федерации.

Мистер Костелло озабоченно рассматривал свои ногти.

— Мистер Харви, в соответствии с правилами мы осуществляем межпланетную связь только за наличный расчет. Я был бы не прочь взять купюры Федерации, но не имею права: это нарушение закона, — он уставился в потолок. — Разумеется, на черном рынке деньги Федерации имеют хождение...

Дон печально усмехнулся.

— Знаю. Но пятнадцать-двадцать процентов — слишком низкий для меня курс. Мне не хватит, чтобы расплатиться за радиограмму.

— Двадцать процентов? Текущий курс — шестьдесят!

— Правда? А я чуть было не свалял дурака.

— Это неважно. Я вовсе не собирался советовать вам отправиться на черный рынок, мистер Харви. Во-первых — потому, что сам нахожусь в непростом положении, представляя компанию, принадлежащую Федерации и до сих пор не экспроприированную. И вместе с тем я вполне лояльный гражданин республики. Если вы сейчас уйдете и вернетесь с деньгами республики, я должен буду сообщить в полицию.

— Папа!

— Помолчи, Изобел. Во-вторых, молодому человеку негоже впутываться в такие дела, — он помолчал. — Но мы, возможно, найдем способ выйти из создавшегося положения. Ведь ваш отец не отказался бы оплатить такую радиограмму?

— Еще бы!

— Но я не могу отправить ее наложенным платежом. Что ж, пишите переводной вексель на имя вашего отца, и я приму его в качестве оплаты.

Дон ответил не сразу, а сначала обдумал предложение. Казалось, это то же самое, что отправить сообщение наложенным платежом — против этого он ничего не имел, — но делать долги от имени отца без его согласия Дону не хотелось.

— Послушайте, мистер Костелло, ведь вы еще очень долго не сможете предъявить вексель к оплате — так почему бы мне не оставить долговую расписку, по которой я расплачусь как можно быстрее? Может быть, так будет лучше?

— И да, и нет. Принять вашу расписку попросту означает отправить ваше межпланетное сообщение в кредит, а это запрещено. С другой стороны, переводной вексель на имя вашего отца представляет собой финансовый документ, который равноценен наличной сумме, даже если я не могу получить деньги немедленно. Согласен, все это тонкости космического права, но ими и определяется разница между тем, что я могу и что не могу сделать, следуя правилам корпорации.

— Спасибо, — медленно произнес Дон, — но мне кажется, что нам надо обождать. Может быть, мне удастся где-нибудь подзанять.

Мистер Костелло перевел взгляд с Дона на Изобел и беспомощно пожал плечами.

— Ладно, пишите расписку, — отрывисто сказал он. — Пишите на мое имя, а не на компанию. Заплатите, как только сможете, — он еще раз глянул на дочь, которая в ответ одобрительно улыбнулась.

Дон составил расписку. Как только они с Изобел отошли достаточно далеко, чтобы отец девушки их не услышал, Дон сказал:

— Это очень щедро с его стороны.

— Подумаешь! — ответила девушка. — Это всего лишь показывает, как далеко может зайти заботливый папочка, чтобы его дочка не упустила своего шанса.

— Что? Что ты хочешь сказать?

Изобел улыбнулась.

— Ничего. Бабушка Изобел просто тебя разыгрывает. Не бери в голову.

Он улыбнулся.

— Куда же мне тебя повести? Пойдем к «Голландцу», выпьем по кока-коле?

— Уговорил.

Когда Дон вернулся в ресторан, то кроме горы немытых тарелок он обнаружил, что в зале идет жаркий спор по поводу обсуждаемого Штатами законопроекта о воинской повинности. Дон навострил уши: если будет всеобщая мобилизация — его загребут точно и надо бы их опередить, записавшись в Космическую гвардию добровольцем. Совет Макмастерса относительно «единственного способа попасть на Марс» крепко сидел у него в голове.

Большинство спорщиков склонялись в пользу воинской повинности, и Дон тоже не возражал; проект казался ему дельным, несмотря на то что он сам подпадал под его действие. Один спокойный невысокий человек, до сих пор молча слушавший окружающих, откашлялся и сказал:

— Повинности не будет.

Последний оратор, второй пилот, до сих пор носивший на воротничке три круга, удивился:

— С чего бы это? Откуда тебе-то знать, коротышка?

— Я побольше вашего знаю. Позвольте представиться: сенатор Оллендорф от провинции Куи-Куи. Во-первых, воинская повинность нам не нужна; сам характер нашего конфликта с Федерацией не требует большой армии. Во-вторых, у нашего народа не тот темперамент, чтобы мириться с повинностью. В ходе процесса выборочной иммиграции здесь у нас на Венере сложилась нация упрямых индивидуалистов, почти анархистов. Они не примут принудительного призыва. В-третьих, налогоплательщики не одобрят большую армию; у нас и так больше добровольцев, чем мы можем содержать. И наконец, я и мои коллеги собираемся похоронить проект, соотношением голосов три к одному.

— Послушайте, любезный, — словно жалуясь, спросил пилот, — зачем было называть три первые причины?

— Я просто репетировал свою завтрашнюю речь, — ответил сенатор. — Кстати, сэр, если вы так уж болеете за призыв, то отчего вы не вступили в Космическую гвардию? Вас бы наверняка взяли.

— Что ж, я отвечу — так же, как ответили вы. Первое, или во-первых, я — не местный, так что война эта не моя. Во-вторых, сейчас у меня первый отпуск с тех пор, как прекратили полеты ко-

раблей класса «Комета». А в-третьих — я завербовался вчера и теперь пропиваю свой аванс. С вас довольно?

— Разумеется, сэр! Позвольте вас угостить.

— Вам следовало бы знать, что старый Чарли подает только кофе. Так что возьмите чашку и расскажите, что творится на Губернаторском острове. Нам хотелось бы получить сведения из первых рук.

Ушки Дон держал на макушке, а рот (не всегда) на замке. Помимо прочего ему удалось узнать, почему в этой «войне» не велось никаких военных действий, кроме уничтожения «Околоземной». Дело было не только в том, что из-за значительной удаленности — от тридцати до ста пятидесяти миллионов миль — военные коммуникации сильно растягивались. Главной причиной был страх перед ответным ударом, и, вероятно, именно из-за этого и создалось нынешнее патовое положение.

Техник-сержант Воздушных сил принялся разъяснять всем, кто пожелал его слушать:

— Начальство нас сейчас по полночи держит в состоянии стартовой готовности. Какого черта? Терра напасть не осмелится, и заправилы Федерации прекрасно об этом знают. Войне конец.

— С чего вы взяли, будто они не нападут? — спросил Дон. — По-моему, в нас попасть так же просто, как в сидящую на воде утку.

— Это верно. Одна бомба — и наш городишко целиком сдует в болото. И Бьюкенена это тоже касается. И Куи-Куи-тауна. Но что это им даст?

— Не знаю, но под атомную бомбу мне попасть не хочется.

— Не бойся, не попадешь. Пошевели мозгами. Допустим, они уничтожат кучку торгашей и толпу политиков — но остальная-то территория не пострадает. Республика Венера сохраняет свою мощь — потому, что во всем этом болотном мире есть лишь три цели, которые имеет смысл подвергнуть ядерной бомбардировке — три цели, которые я уже назвал. Что же из этого следует?

— Говорите, я слушаю.

— Они получат ответный удар — теми бомбами, которые коммодор Хиггинс позаимствовал на «Околоземной». Мы захватили несколько самых быстроходных кораблей, и перед нами — самые крупные цели, какие только знала история. Все пространство

от Детройта до Боливара: металлургические заводы, электростанции, фабрики. Они не решатся щелкнуть нас по носу, зная, что мы готовы им врезать под дых. Надо мыслить логично!

Мужчина, спокойно сидевший у дальнего конца стойки, выслушал сержанта и мягко сказал:

— Да, но почему вы думаете, что руководство Федерации будет мыслить логично?

Сержант удивился.

— Что? Да ну вас! Говорю: война кончена! Нам пора по домам. Лично у меня сорок акров лучших рисовых полей на Венере; урожай-то, спрашивается, кто собирать будет? А я вместо этого сижу здесь и дурака валяю. Пора бы уже и правительству почесаться.

10. «В МЫСЛЯХ МОИХ ВОЗГОРЕЛСЯ ОГОНЬ»*

Правительство не сидело сложа руки; уже на следующий день законопроект был принят. Дон узнал об этом в середине дня. Как только улеглась послеобеденная суматоха, он вытер руки и отправился в город на вербовочный пункт. У дверей уже выстроилась очередь. Он встал в хвост и принялся ждать.

Через час Дон очутился перед столом. Вконец измотанный офицер протянул Дону бланк.

— Напиши свое имя. Поставь внизу подпись и отпечаток большого пальца. Потом подними правую руку.

— Минуточку, — сказал Дон. — Я хочу служить в Космической гвардии. А тут написано — «Наземные войска».

Офицер вполголоса выругался.

— И этот туда же. Сынок, все вакансии в Космической гвардии были заполнены уже к девяти утра — теперь я даже в очередь тебя не поставлю.

— Но я не хочу в пехоту. Я... я — космонавт!

Офицер ругнулся опять, но злобы у него теперь поубавилось.

---

* Псалтирь, XXXVIII, стих 4.

— Что-то не похоже. Слушай, меня уже тошнит от вас всех, вспомнивших в последнюю секунду о патриотизме. Вам бы лишь в грязи не барахтаться, вот в космос и проситесь. Вали-ка ты, парень, домой! Когда понадобишься, мы тебя вызовем, но на Космическую гвардию не рассчитывай! Готовься к тому, что пойдешь в пехоту. Тебе понравится.

— Но...

— Катись отсюда!

Дон вышел. Когда он вернулся в ресторан, Чарли взглянул на часы и спросил:

— Ну что, сынок, ты уже солдат?

— Не нужен я им.

— Вот и хорошо. Подай-ка мне несколько чашек.

Времени было хоть отбавляй, и, склонившись над грязной посудой, Дон размышлял над создавшимся положением. Хотя к неудачам он относился спокойно, все же совет Макмастерса был не так уж по идее и плох. И вот шанс потерян — пусть не очень надежный, но кто знает, может, это был его единственный шанс добраться до Марса. Теперь единственное, что ему светило, — это протрубить всю войну — месяцы? годы? — в Наземных войсках, так и не приблизившись ни на шаг к своей цели. Шестьдесят-семьдесят миллионов миль: с такого расстояния вряд ли до кого-нибудь докричишься.

Дон прикинул, а что если попытаться получить отмазку от службы, упирая на земное гражданство, но тут же отказался от подобной затеи. Один раз он уже на этом сыграл — сказал, что он гражданин Венеры, и добился права лететь сюда. Да и не в его было натуре сейчас говорить одно, а через минуту совсем другое. К тому же сердцем он был за республику, как бы там ни решили в конце концов юристы вопрос о его подданстве.

Но даже если у него хватило бы наглости на подобное заявление, он не мог представить себя за колючей проволокой лагеря для интернированных. Насколько он знал, такой лагерь уже был построен где-то на Восточной косе. Просидеть там всю войну...

И чтобы Изобел таскала ему по воскресеньям передачи?

Не надо себя обманывать, Дон, мой мальчик: Изобел — патриотка каких поискать, она сбросит тебя, как грязную иловую вошь.

«Что нельзя излечить, то нужно терпеть», — говорил Конфуций, а может, кто-то еще. Дон попал на Венеру и не очень-то по этому поводу горевал. В любом случае, у Федерации не было никаких прав распоряжаться на этой планете. Чья она, в конце-то концов?

Больше всего ему хотелось связаться с родителями, сообщить им, что кольцо доктора Джефферсона находится у него, даже если его нельзя доставить немедленно. Кстати, нужно сходить в ИТТ, узнать, не приходила ли на его имя почта. Жалко, что у Чарли нет телефона!

Дон вспомнил еще об одной возможности, которой он так и не воспользовался, — Сэр Исаак. Дон искренне хотел встретиться со своим другом-драконом сразу после посадки, но это оказалось не так-то просто. В Нью-Лондоне Сэр Исаак не высадился, и куда он отбыл, Дону узнать так и не удалось. Может быть, в Куи-Куи-таун или в Бьюкенен; как-никак дракон был ОВП — «Очень Важной Персоной» и мог потребовать от Воздушных сил посадку там, где пожелает. Он может находиться где угодно на планете, площадь суши у которой много больше, чем у Земли.

Конечно, такую важную персону разыскать можно, но для этого первым делом потребовалось бы навести справки в Управлении по делам аборигенов, расположенном на Губернаторском острове. А это означает двухчасовую поездку, учитывая путь на гондоле туда-обратно плюс бюрократические проволочки, без которых уж точно не обойдется. Дон решил, что у него на это нет времени.

Но теперь это время найти придется. Уж Сэр Исаак сумеет ему помочь устроиться в Гвардию сверх всяких квот. Правительство всячески ублажало драконов, чтобы те относились к новому режиму лояльно. Люди жили на Венере постольку, поскольку их терпели аборигены, и правительство это прекрасно понимало.

Дона немного смущала идея делать что-то по блату, но в данном случае ничего другого не оставалось.

— Чарли!

— Что?

— Не разбрасывайся чистыми ложками. Мне нужно еще раз сгонять в город.

Чарли недовольно хмыкнул. Дон снял фартук и ушел.

Изобел за стойкой не оказалось; Дон назвал свое имя дежурному клерку и прошел в приемную ее отца. Мистер Костелло посмотрел на него и сказал:

— Очень рад, что вы пришли, Дональд. Я хотел с вами встретиться.

— Дошла моя радиограмма?

— Нет, я хотел вернуть вашу расписку.

— А что случилось?

— Я не смог отправить ваше сообщение и не знаю, когда у меня это получится. Если такая возможность будет, я опять возьму вашу расписку — или наличные, если они у вас заведутся.

У Дона появилось неприятное ощущение, что его вежливо выпроваживают.

— Секундочку, сэр. Мне казалось, что сегодня — первый день, когда можно посылать сообщения. Может быть, завтра-послезавтра это будет сделать проще?

— Теоретически — да. Но и сегодня условия вполне подходящие. Только с Марсом нет связи.

— А завтра?

— Я, наверное, неясно выразился. Мы попытались послать к Марсу сигнал; ответа не последовало. Тогда мы включили радар. Отраженный импульс пришел точно в срок — через две тысячи двести тридцать восемь секунд, так что ложные отражения исключаются. Итак, канал связи работает удовлетворительно и сигнал наш дошел нормально. Но станция «Скиапарелли» не отвечает — связи нет.

— Может быть, у них что-то неисправно?

— Сомневаюсь. Все их системы продублированы. Видите ли, станция имеет очень важное значение для астрогации. Нет, я думаю, ответ тут простой.

— Какой же?

— Силы Федерации захватили станцию для своих целей. Мы не сможем связаться с Марсом до тех пор, пока они нам этого не позволят.

Покидая кабинет управляющего, Дон был мрачнее тучи. Когда он вышел из здания, то лицом к лицу встретился с Изобел.

— Дон!

— А, Бабуля, привет.

Девушка была слишком возбуждена, чтобы заметить, как он расстроен.

— Дон, я только что была на Губернаторском острове! И знаешь что? Они хотят сформировать женский корпус!

— Серьезно?

— Законопроект уже в комиссии. Я просто сгораю от нетерпения. Я вступлю туда обязательно! Я уже записалась.

— Правда? Что ж, этого можно было ожидать, — он задумался и добавил: — Я тоже был на призывном пункте.

Изобел обвила его шею руками, что весьма заинтересовало публику, которая была в зале.

— Дон! — она его отпустила, и красный от смущения Дон при этом облегченно вздохнул, а затем добавила: — Никто от тебя этого не просил, Дон. В конце концов, это ведь не твоя война; твой дом на Марсе.

— Ну, не знаю. Если на то пошло, Марс — тоже мне не родная планета. Но меня не взяли: сказали, пришлют повестку.

— Все равно я тобой горжусь.

Всю дорогу до ресторана на душе у Дона кошки скребли: так он и не набрался мужества и не заставил себя ей признаться, почему он пошел добровольцем и почему ему показали на дверь. Подходя к ресторану, он уже почти что созрел еще раз сходить на призывной пункт и завербоваться в пехоту. Он говорил себе, что раз Марс молчит, значит оборвалась та последняя ниточка, которая связывала его с прошлым, и надо начинать жизнь по новой. Уж лучше пойти добровольцем, чем по повинности.

Потом он все же решил сначала съездить на Губернаторский остров и послать хоть какую-то весточку Сэру Исааку. Нет смысла служить в пехоте, когда у тебя есть друг, который в силах помочь с переводом в Космическую гвардию. Теперь-то, как пить дать, Гвардия не оставит Марса в покое, и он запросто может попасть в состав экспедиции. Он еще там побывает!

И наконец, ему пришла в голову мысль подождать день-другой ответа от Сэра Исаака: ясное дело, сразу поступить в Гвардию будет проще, чем переводиться потом из других родов войск.

Да, так будет разумнее всего. Но почему-то эта мысль не сильно его утешила.

Той же ночью Федерация нанесла удар.

Разумеется, нападение было чистейшей глупостью; сержант, владелец рисовой фермы, был прав: Федерация не могла рисковать своими городами ради того, чтобы покарать венерианские поселки. Да, сержант был прав, но только со своей точки зрения.

Он рассуждал логично, но у сильных мира сего своя, совершенно иная логика. Их жизнь основана на сомнительных умственных построениях, столь же хрупких, как и их репутации. Они не могли снести вызова, брошенного их власти. Федерация не могла позволить себе не проучить мятежников. «Валькирия», обращавшаяся по орбите вокруг Венеры, была без предупреждения превращена в радиоактивное облако. «Адонис», двигавшийся по той же орбите, но в тысячах милях позади, заметил вспышку и успел послать сообщение в Главный штаб, который был расположен в Нью-Лондоне, но потом и сам превратился в огненный шар.

Дон, крепко спавший после тяжелого трудового дня, проснулся от воя сирен. Он уселся в темноте на постели и принялся трясти головой, прогоняя остатки сна. Ощутив внезапный прилив возбуждения, Дон понял, что это были за звуки и что они означают. Но панике он поддаваться не стал: вчера поговаривали о том, что ночью будет учебная тревога.

Все-таки он поднялся на ноги и, потянувшись к выключателю, обнаружил, что электричество вырубили. Дон ощупью разыскал одежду и, угодив не в ту штанину ногой, чуть не упал. Он уже почти оделся, когда к нему подошел человек с маленьким мерцающим огоньком. Это был Чарли; в одной руке он держал свечу, в другой — свой любимый топор, которым пользовался не только в работе, но и в «общественной жизни».

Сирены не умолкали.

— Что там, Чарли? — спросил Дон. — Думаешь, на нас в самом деле напали?

— Уж скорее какой-нибудь тупица сел на кнопку.

— А что — может быть. Слушай, я сейчас сбегаю в город и узнаю.

— Лучше сиди дома.

— Я быстро.

На выходе из дверей Дону пришлось протискиваться сквозь толпу толкунов, которые блеяли от ужаса и пытались всем гуртом пролезть в ресторан, под крылышко своего друга Чарли. Дон растолкал их и двинулся вдоль по улице. Два зверька увязались за ним, похоже, они были не прочь спрятаться у него в карманах.

По сравнению с ночами Венеры самая темная ночь на Земле — здесь что-то вроде сумерек. Энергия, похоже, была отключена по всему городу; пока он не добрался до улицы Бьюкенена, Дон даже пальцы на руке мог пересчитать только на ощупь. На Бьюкенена тут и там вспыхивали случайные огоньки, да тускло светилось несколько окон. Где-то далеко впереди метался светлячок ручного фонарика. Дон пошел на его свет.

На улицах было полно народу. Дон то и дело напарывался на людей, прислушиваясь к обрывкам разговоров. «...Полностью разрушен». «Обычная учебная тревога. Я работаю космическим инспектором и точно знаю...» «К чему было выключать свет? Все равно они нащупают реактор детекторами...» «Эй! Сойди с моей ноги!» Примерно на полпути толкуны наконец отстали от Дона: видать, грегарианы наткнулись на кого-нибудь, кто поласковей, и прицепились к нему.

Дон остановился там, где толпа была самой плотной: у здания нью-лондонской «Таймс». Внутри включили аварийное освещение, и можно было прочитать бюллетени, которые развесили в окнах.

Вот что в них было:

«ЭКСТРЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ (НЕОФИЦИАЛЬНО): ПО СООБЩЕНИЮ КРЕЙСЕРА "АДОНИС", КРЕЙСЕР "ВАЛЬКИРИЯ" ВЗОРВАЛСЯ В 00.30 НОЧИ. ПРИЧИНЫ НЕ СООБЩАЮТСЯ. МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ ОТВЕРГАЮТ ВОЗМОЖНОСТЬ НАПАДЕНИЯ, СЧИТАЯ БОЛЕЕ ВЕРОЯТНОЙ ДИВЕРСИЮ. ОЖИДАЕМ ПОСЛЕДУЮЩИХ СООБЩЕНИЙ ОТ ДЕЖУРНОГО ОФИЦЕРА "АДОНИСА"».

«БЕРМУДЫ (ПЕРЕХВАТ): БЕСПОРЯДКИ В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ КАК "НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ИНЦИДЕНТ", УСТРОЕНЫ РЕЛИГИОЗНЫМИ ПРОПОВЕДНИКАМИ. УТВЕРЖДАЕТСЯ, ЧТО МЕСТНАЯ ПОЛИЦИЯ ДЕРЖИТ СИТУАЦИЮ ПОД КОНТРОЛЕМ ПРИ ПОМОЩИ ПАТРУЛЯ ФЕДЕРАЦИИ».

«БЕРМУДЫ (ПЕРЕХВАТ): ИСТОЧНИК, БЛИЗКИЙ К МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ, ПРЕДСКАЗЫВАЕТ СКОРОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА НА ВЕНЕРЕ. СООБЩАЕТСЯ, ЧТО ПРЕДСТАВИТЕЛИ МЯТЕЖНЫХ КОЛОНИЙ ВЕДУТ ПЕРЕГОВОРЫ С ПОСЛАМИ ФЕДЕРАЦИИ НА ЛУНЕ В АТМОСФЕРЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ (ПРИМЕЧАНИЕ: ДАННОЕ СООБЩЕНИЕ НЕОФИЦИАЛЬНО ОПРОВЕРГАЕТСЯ ГУБЕРНАТОРСКИМ ОСТРОВОМ)».

«НЬЮ-ЛОНДОН (ГЛАВНЫЙ ШТАБ ПЛАНЕТЫ, ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ): ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ПОДТВЕРЖДАЕТ, ЧТО "ВАЛЬКИРИЯ" ИМЕЕТ ПОВРЕЖДЕНИЯ, НО ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО МАСШТАБ УЩЕРБА ЗНАЧИТЕЛЬНО ПРЕУВЕЛИЧЕН. СПИСОК ЖЕРТВ БУДЕТ ОБНАРОДОВАН ПОСЛЕ ИЗВЕЩЕНИЯ РОДСТВЕННИКОВ. В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ОЖИДАЕТСЯ РАЗВЕРНУТЫЙ ОТЧЕТ КОМАНДИРА "АДОНИСА"».

«ЭКСТРЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ (НЕОФИЦИАЛЬНО): В КУИ-КУИ РАДАРАМИ ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ НЕОПОЗНАННЫЕ КОРАБЛИ, СОВЕРШАЮЩИЕ ПОСАДКУ К СЕВЕРУ И СЕВЕРО-ЗАПАДУ ОТ ПОСЕЛЕНИЯ. МЕСТНЫЙ ГАРНИЗОН ПОДНЯТ ПО ТРЕВОГЕ. ГЛАВНЫЙ ШТАБ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ КОММЕНТАРИЕВ. СООБЩАЮТ, ЧТО КОРАБЛЕЙ ОКОЛО ТРИДЦАТИ И ЧТО ОНИ ПРОДОЛЖАЮТ ПРИБЫВАТЬ».

Дон протиснулся сквозь толпу, прочел бюллетени и прислушался к разговорам. Чей-то безликий голос заявил:

— Они не станут высаживать десант, это старо, как рукопашный бой. Если им и вправду удалось спалить наши корабли — в чем лично я сомневаюсь, — то они просто-напросто сядут на орбиту и передадут ультиматум по радио.

— Ну а если все-таки десант? — спросил кто-то.

— Ерунда. Это сообщение — попытка посеять панику. Среди нас предатели.

— Это все знают.

Человек, неясной тенью мелькнувший в окне, прикрепил новый листок. Помогая себе локтями, Дон протолкался поближе.

«ЭКСТРЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ (ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ): ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОТДЕЛ ГЛАВНОГО ШТАБА ПОДТВЕРЖДАЕТ, ЧТО НА НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАШИХ СУДОВ БЫЛО СОВЕРШЕНО НАПАДЕНИЕ СО СТОРОНЫ НЕОПОЗНАННЫХ КОРАБЛЕЙ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО, ИЗ СОСТАВА СИЛ ФЕДЕРАЦИИ. ОБСТАНОВКА НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ, НО НЕ КРИТИЧЕСКАЯ. ПРИЗЫВАЕМ ГРАЖДАН ОСТАВАТЬСЯ В ДОМАХ, НЕ ПРЕДАВАТЬСЯ ПАНИКЕ, ИЗБЕГАТЬ ЛИШНИХ РАЗГОВОРОВ И ОКАЗЫВАТЬ ВСЕМЕРНУЮ ПОДДЕРЖКУ МЕСТНЫМ ВЛАСТЯМ. В ТЕЧЕНИЕ СУТОК ОЖИДАЮТСЯ ДАЛЬНЕЙШИЕ СООБЩЕНИЯ. ПОВТОРЯЕМ: ОСТАВАЙТЕСЬ ДОМА И ОКАЗЫВАЙТЕ ПОДДЕРЖКУ ВЛАСТЯМ».

Какой-то доброволец громко прочел бюллетень вслух. Толпа молчаливо слушала. Пока он читал, умолкли сирены и загорелось уличное освещение. Тот же человек, который до сих пор жаловался на кромешную темноту, закричал:

— На кой черт включили иллюминацию? Да это же прямая наводка для бомбежки!

Больше сообщений не было; Дон выбрался из толпы и пошел к зданию ИТТ. Не то чтобы он ожидал встретить там в этот час Изобел; он надеялся узнать еще какие-нибудь новости. Не успев добраться до ИТТ, Дон напоролся на отряд военной полиции, разгонявший уличную толпу. Военная полиция заставила его повернуть назад и рассеяла скопление людей у здания газеты. Когда Дон уходил, единственным существом, которое там оставалось, был дракон, глаза которого смотрели в разные стороны; казалось, он читает все бюллетени сразу. Дон хотел задержаться, чтобы спросить дракона, не знаком ли он с Сэром Исааком, и если да, то где его можно отыскать. Но патрульные оттеснили Дона. Дракона они даже не пытались оторвать от его занятия, и скоро вся улица осталась в полном распоряжении псевдо- ящера.

Старый Чарли так спать и не ложился. Он сидел в кресле и курил, держа под рукой топор. Дон рассказал ему все, что удалось узнать.

— Как по-твоему, Чарли, они высадятся на планету?

Чарли встал, подошел к столу, вытащил из ящика точильный камень и принялся легкими касаниями править лезвие топора.

— Все может быть.

— А нам что делать, ты как думаешь?

— Ложиться спать.

— Я не смогу заснуть. Для чего ты затачиваешь эту штуку?

— Это мой ресторан, — старик взял топор и взвесил его в руке. — И это моя страна.

Он метнул оружие. Топор два раза перевернулся в воздухе и вонзился в деревянный столб в противоположном конце зала.

— Осторожнее! Ты можешь кого-нибудь поранить.

— Иди спать.

— Но...

— Тебе нужно хотя бы немного выспаться. Иначе завтра будешь жалеть.

Он повернулся к Дону спиной, и тот не смог из него больше вытянуть ни слова. Махнув на Чарли рукой, Дон вернулся в свою каморку; спать он решил не ложиться, а хорошенечко все обдумать. До него еще долго доносился скрежет точила по стали.

Дона снова разбудили сирены: уже почти рассвело. Он вышел в кухню. Чарли все еще торчал у плиты.

— Что происходит?

— Завтрак.

Одной рукой Чарли снял со сковороды поджаренное яйцо и положил его на ломоть хлеба, другой — разбил еще одно и вылил его в кипящий жир. Накрыв яичницу сверху вторым куском хлеба, он протянул сэндвич Дону.

Дон взял бутерброд и, прежде чем начать говорить, положил себе в рот кусок.

— Спасибо. Но какого черта включили сирены?

— Идет бой. Послушай.

Откуда-то издалека послышался приглушенный взрыв; не успел он затихнуть, как совсем неподалеку раздалось сухое шипение лучемета. В туманном воздухе отчетливо пахло горелым деревом.

— Вот это да! — громко воскликнул Дон. Голос его звенел. — Они и вправду высадились!

Его челюсти по инерции пережевывали бутерброд.

Чарли хмыкнул. Дон продолжал:

— Пора сматываться отсюда.

— Куда?

Крыть Дону было нечем. Он прикончил сэндвич и выглянул в окно. Запах гари усилился. В конце улицы появился военный отряд. Солдаты бежали рысцой.

— Смотри-ка! Форма не наша!

— Конечно, нет.

Отряд остановился. От него отделились трое солдат и двинулись по переулку, останавливаясь у всех дверей и колотя в них прикладами.

— Выходите! Эй, вы! Все на улицу!

Двое подошли к ресторану, один из них всадил ногой в дверь. Створки распахнулись.

— Выходите на улицу! Мы сейчас подожжем здание!

Тот, что кричал, был одет в зеленую маскировочную форму с двумя шевронами; он держал в руках «рейнольдс», а на спине у него был пристроен блок питания к излучателю. Он осмотрелся.

— Вот это — то, что нам надо! — он обернулся к товарищу: — Джо, поищи лейтенанта! — И сказал Чарли: — А ты, приятель, зажарь-ка нам десяток яиц. И побыстрее — сейчас будем поджигать.

Дон замер на месте, не зная, что делать и что отвечать. С «рейнольдсом» шутки плохи. Было похоже, что Чарли думает то же самое — он безропотно подошел к плите.

И вдруг китаец повернулся лицом к солдату. Рука его сжимала топор. Дон так и не понял, что произошло дальше. Блеск полированной стали, глухой шлепок, словно по колоде мясника, и топор почти по самую рукоятку вонзился солдату в грудь.

Тот не издал ни звука — лишь удивленно оглянулся и медленно повалился, не выпуская из рук оружия. Он распластался на полу, и лучемет выскользнул из его пальцев.

Пока солдат падал, его напарник стоял неподвижно, держа оружие наизготовку. И лишь когда командир выпустил излучатель из рук, он поднял свой лучемет и выстрелил старому Чарли прямо в лицо. Потом он повернулся и прицелился в Дона. Дон замер, глядя в черный зрачок излучателя.

11. «ТЫ МОГ БЫ ВЕРНУТЬСЯ НА ЗЕМЛЮ»

Сердце Дона, ударило, ему показалось, всего три раза, не больше, пока они так стояли. Но вот солдат чуть опустил оружие и заорал:

— Выходи! Быстро!

Дон не сводил глаз с лучемета. Солдат дернул стволом, и Дон вышел на улицу. Душа его потемнела от гнева: сейчас ему больше всего хотелось прикончить солдата, убившего старину Чарли. Не имело значения, что в гибели Чарли была виновата война; Дон не думал, не хотел думать о ее жестоких законах. Но что он мог сделать с пустыми руками против оружия? Ничего. И он подчинился. Дон еще не успел выйти из ресторана, когда солдат принялся поливать из «рейнольдса»; Дон услышал как свистит луч, ударяя в сухое дерево.

Солдат яростно хлестал по стенам огнем; казалось, еще секунда — и здание взлетит на воздух. Когда Дон выскочил из ресторана на улицу, тот пылал не меньше чем в десяти местах. Солдат выпрыгнул вслед за Доном и ткнул его в спину горячим стволом:

— Пошевеливайся! Марш по улице!

Дон побежал по направлению к улице Бьюкенена.

Улица была забита людьми, солдаты в зеленом гнали толпу к городской окраине. По обе стороны мостовой пылали дома: солдаты сжигали город, но жителям давали возможность спастись. Дона вместе с толпой затолкали в какой-то переулок, до которого еще не добралось пламя. Вскоре горожан вывели за городскую черту, и они двинулись по дороге. Дон ни разу здесь не бывал, но из разговоров понял: их ведут на Восточную косу.

В тот самый лагерь, где новое правительство собиралось держать интернированных. Большая часть людей была слишком потрясена, чтобы о чем-нибудь сейчас беспокоиться. Где-то близко кричала женщина; ее голос то нарастал, то делался тише, словно сирена.

Народу пригнали в десять раз больше, чем вмещал лагерь. Бараки были забиты до предела, и даже на улице люди стояли

вплотную. Охрана лишь заталкивала колонистов внутрь и сразу же о них забывала. Люди сгрудились на маленьком пятачке, а с обложенного тучами неба им на головы опускался пепел их сожженных домов.

Дон сумел взять себя в руки еще по дороге в лагерь. Когда его загнали за проволоку, первым делом он попытался разыскать Изобел. Дон протискивался сквозь толпу, расспрашивал, заглядывал в лица. Несколько раз ему показалось, что он ее наконец нашел, но каждый раз это была не она. Отца ее он тоже нигде не встретил. Многие из людей, которым он задавал вопросы, говорили, что да, где-то они ее видели, но след всегда обрывался. Дону уже начинало мерещиться: вот Изобел мечется, погибая в огне, вот она лежит мертвая, с пробитой головой в переулке.

Его поиски оборвал металлический голос. Громкоговорители ожили и по всем концам лагеря разнеслось:

— Внимание! Спокойствие! Слушайте приказ. Говорит полковник Ванистарт, миротворческие силы Федерации. Я говорю от имени военного коменданта Венеры. Всем жителям планеты объявлена амнистия — всем колонистам, за исключением членов мятежного правительства и офицеров армии мятежников. Вас отпустят после установления личности. Восстанавливается кодекс законов, действовавший до мятежа. По усмотрению военного коменданта могут вводиться новые. Внимание! Распоряжение номер один! Города Нью-Лондон, Бьюкенен, Куи-Куи-таун будут стерты с лица планеты. Отныне разрешается существование населенных пунктов с населением не более тысячи человек. Без особого распоряжения могут собираться вместе не более десяти человек. Запрещено формирование военизированных организаций. Колонистам под страхом смерти запрещено иметь энергетическое оружие.

Голос умолк. Дон услышал, как за его спиной кто-то сказал:

— И что же нам теперь делать? Куда идти? Как жить?..

На этот риторический вопрос тут же последовал ответ. Динамик загрохотал:

— Федерация не собирается оказывать помощь разгромленным мятежникам. Гражданам, оставшимся без жилья, следует рассчитывать только на поддержку колонистов, которые не ли-

шились имущества! Советуем вам по выходе из лагеря разойтись по окрестностям. Ищите себе временное пристанище у фермеров и в небольших деревнях.

— Вот тебе и ответ, Клара, — сказал кто-то убитым голосом. — Им наплевать, выживем мы или сдохнем.

— Но как же мы уйдем? — ответила женщина. — У нас нет гондолы.

— Вплавь... или пешком по воде.

На территорию лагеря вступили солдаты и принялись выводить к воротам группы по пятьдесят человек. С толпой они обращались, как гуртовщики — со скотом. Дон рванулся к выходу, надеясь увидеть Изобел, и сам того не желая попал во вторую группу. Дон предъявил бумаги, и сразу же произошла неувязка: его имени в списках не оказалось. Он объяснил, что прибыл сюда последним рейсом на «Наутилусе».

— Так какого черта ты молчал? — хмуро спросил солдат, производивший проверку. Он повернулся и достал другой список: — Ханнеган... Хардекер... Ага! Харви. Дональд Джей. Так. Погодика, тут стоит галочка. Сержант, у этого парня против фамилии пометка — «политический».

— Давай его в караулку, — устало сказал сержант.

Дона впихнули в домик, который стоял у ворот. Таких, как он, набралось примерно с десяток. Вид у всех был встревоженный. Тут же его провели в небольшой закуток позади караульного помещения. Человек, который вполне мог сойти за высокого, не будь он такой толщины, спросил:

— Дональд Джеймс Харви?

— Да, я.

Человек подошел поближе, осмотрел Дона со всех сторон, и лицо его расплылось в счастливой улыбке:

— Ну добро пожаловать, сынок! Как я рад нашей встрече!

Дон не понял, лицо его вытянулось. Мужчина между тем продолжал:

— Полагаю, мне нужно представиться. Стэнли Бэнкфилд, к твоим услугам. Офицер первого класса, политическая полиция, Международное бюро расследований. В данный момент — специальный советник его превосходительства губернатора.

При упоминании МБР Дон весь напрягся. Толстяк это заметил — его маленькие глазки, спрятанные за складками жира, замечали все. Он сказал:

— Не волнуйся, сынок. Я не хочу тебе ничего плохого; я просто рад тебя видеть. Но побегать мне за тобой пришлось ой-ей-ей сколько — полсистемы объехал. Был момент, я даже решил, что ты погиб на «Дороге Славы» — мир праху ее, — и горькими слезами оплакал твою кончину. Да-да, сэр! Я проливал слезы. Но теперь все позади, и все хорошо, что хорошо кончается. Так что давай его.

— «Что» давать?

— Ну-ну, я же все о тебе знаю — чуть не каждое слово, которое ты говорил, начиная с детских пеленок. Я даже кормил сахаром Лодыря, твоего пони. Ну, давай его сюда.

— Что давать-то?

— Кольцо, кольцо! — Бэнкфилд протянул к Дону свою мясистую ладонь.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Бэнкфилд энергично повел плечами.

— Я говорю о кольце из пластика, с буквой «эйч», которое тебе передал покойный доктор Джефферсон. Видишь, я прекрасно знаю, о чем говорю. Я знаю, что оно у тебя, и намерен его забрать. Мой подчиненный оказался настолько глуп, что отпустил тебя вместе с кольцом, — и он за это наказан. Надеюсь, ты не хочешь, чтобы со мной случилось нечто подобное? Так что давай его сюда.

— Теперь я знаю, о чем вы говорите, — сказал Дон, — но у меня его нет.

— Как? Что ты несешь? Тогда где оно?

Мозг Дона лихорадочно работал. Если он им скажет про Изобел, МБР сразу же бросится по ее следу. Нет, он этого не допустит, даже если ему придется откусить собственный язык.

— Думаю, что оно сгорело, — сказал он.

Бэнкфилд наклонил голову.

— Дональд, мальчик мой! Похоже, ты меня хочешь обмануть — ведь хочешь, я в этом уверен! Прежде чем ответить, ты колебался — я же заметил. Такие занудные стариканы, вроде меня, все замечают.

— Но это правда, — уверял Дон. — Во всяком случае, мне так кажется. Один из ваших орангутангов сжег дом, как только я из него вышел. Думаю, вместе с домом сгорело и кольцо. А может, и не сгорело.

На лице Бэнкфилда появилось сомнение.

— Что за дом?

— «Обеденный павильон Двух миров». Райский переулок, в начале улицы Бьюкенена.

Бэнкфилд ринулся к двери, на ходу отдавая распоряжения.

— Возьмите столько людей, сколько потребуется, и просейте пепел до последней пылинки. Выполняйте!

Он вернулся обратно и вздохнул.

— Я не имею права упускать ни одного шанса, — сказал он. — Ну, а мы покамест поразмышляем над другой возможностью: а что, если ты солгал? Скажи, зачем ты снимал кольцо в ресторане?

— Я мыл тарелки.

— Как это?

— Я там работал и получал за это стол и ночлег. Мне не хотелось портить кольцо горячей водой, поэтому я хранил его в комнате.

Бэнкфилд поджал губы.

— Ты меня почти убедил. Звучит правдоподобно. И все же давай помолимся за то, что ты сейчас не врешь. Если ты наведешь меня на кольцо, я сумею очень щедро отблагодарить тебя. Ты мог бы вернуться на Землю, причем со всеми удобствами, и я могу даже обещать скромную ежегодную выплату — у нас для этого есть специальные фонды.

— Похоже, не видать мне награды, разве что ваши люди найдут кольцо.

— Господи упаси! Боюсь, в этом случае ни ты, ни я не вернемся на Землю. Нет, сэр! В таком случае мне придется остаться здесь и посвятить остаток жизни тому, чтобы сделать твое существование как можно более неприятным, — он усмехнулся. — Я шучу. Наверняка с твоей помощью мы его найдем. А теперь расскажи мне, что ты с ним сделал. — Бэнкфилд по-отечески положил руку на плечо Дону.

Дон попытался сбросить его ладонь, но понял, что ничего не получится. Бэнкфилд продолжал:

— Будь у меня кой-какое оборудование, мы могли бы уже сейчас все выяснить. Впрочем, можно сделать и так... — Рука, обнимавшая плечо Дона, резко дернулась книзу; Бэнкфилд схватил левый мизинец Дона и вывернул. Дон вскрикнул от боли.

— Прости! Такие методы не по мне. Бывает, специалист так поусердствует над клиентом, что из того фиг уже что вытянешь. Уж лучше мы подождем пару минут, пока я свяжусь с медиками — полагаю, в нашем случае пентотал натрия будет в самый раз. Это средство сделает тебя более сговорчивым, а? — Бэнкфилд снова подошел к двери. — Дежурный! Отведите мальчишку в карцер и давайте сюда Мэтьюсона!

Дона вывели из караулки и впихнули в загон, огороженный колючей проволокой. Площадка имела в длину футов сто и в ширину — тридцать; одной стороной — бóльшей — «карцер» граничил с забором, который опоясывал лагерь, другая — отделяла его от внешнего мира. Войти сюда можно было только через караульное помещение.

Сейчас тут сидело несколько десятков человек, большинство из них — мужчины в гражданском. Но было здесь и несколько женщин, а также офицеров Воздушных сил и Наземных войск — все еще одетых по форме, но без оружия.

Дон сразу же стал приглядываться к женщинам, но Изобел среди них не было. Он и не ожидал ее здесь увидеть, и все-таки почувствовал как тоскливо заныло в сердце. Времени почти не оставалось: Дон со страхом понял, что его вот-вот схватят, введут ему в вену препарат, и станет он болтливым младенцем, у которого что на уме, то и на языке. Его ни разу не допрашивали при помощи «сыворотки правды», но он прекрасно знал о том, как действует пентотал. Даже глубокий гипноз не поможет человеку, попавшему в руки опытного специалиста.

А он был уверен, что Бэнкфилду опыта не занимать.

Дон отошел в дальнюю часть загона — инстинктивно, без цели, так перепуганное животное забивается в угол клетки, — и стоял там, приглядываясь к верху забора в нескольких футах над головой. Плотная, прочная ограда могла выдержать какой угодно напор, ну разве что здесь случится дракон, но за сетку вполне можно было уцепиться и взобраться наверх. Взобраться-то было можно,

только там, наверху, тянулись еще три ряда проволоки; на нижнем примерно через каждые десять футов висели маленькие красные таблички: *череп со скрещенными костями и надпись* — «ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ».

Дон оглянулся. Туман сделался гуще из-за поднимающегося над горящим городом дыма, он совсем скрыл из виду караульное помещение. Ветер поменял направление и дыма еще прибавилось. Дон понял, что кроме пленников его никто не увидит.

Он попробовал взобраться, но обнаружил, что ему мешают *ботинки. Сбросив их, он вновь полез на забор.*

— Не стоит, — раздался позади баритон.

Дон оглянулся. За его спиной стоял майор Наземных войск: без головного убора, рукав разорван и вымазан кровью.

— Забудь об этом, — сказал майор. — Мгновенная смерть. Я знаю, сам строил.

Дон спустился на землю.

— А можно его как-нибудь отключить?

— Конечно — только снаружи. — Офицер грустно хмыкнул. — Я и об этом позаботился. Один выключатель находится под замком в караулке, второй — на главном распределительном щите в городе. Больше рубильников нет. — Майор кашлянул. — Прошу прощения: дым.

Дон посмотрел в сторону горящего города.

— Распределительный щит на электростанции, — сказал он негромко. — Интересно...

— Да? — Майор проследил за его взглядом. — А кто его знает! Хотя... электростанция защищена от пожара.

Где-то сзади уже кричали:

— Харви! Дональд Джей Харви! Выходи вперед и на середину!

Дон полез на ограду.

Прежде чем коснуться нижнего ряда проволоки, он помедлил секунду, затем дотронулся до нее тыльной частью ладони. Ничего страшного не случилось, и он перевалился на противоположную сторону. Упал он неудачно, ударившись о землю запястьем, но тут же вскочил на ноги и побежал.

За спиной послышались крики; Дон, не останавливаясь, посмотрел назад. Через забор лез кто-то еще. Обернувшись, Дон

услышал, как шипит луч. Силуэт на заборе скорчился, сжался, навроде мухи, которая попала в огонь.

Подстреленный поднял голову. Дон услышал голос, это кричал майор:

— Венера и Свобода!

И майор свалился обратно в загон.

12. МОКРАЯ ПУСТЫНЯ

Дон мчался, не разбирая дороги и не соображая, куда его несет. Вновь услышав злобное шипение луча, он метнулся влево и побежал быстрее, а затем, когда его скрыли заросли ведьминой метлы, повернул направо. Он мчался во все лопатки, легкие работали как кузнечные меха. Внезапно Дон остановился. Впереди была вода.

На мгновение он замер, осматриваясь и прислушиваясь. В туманном сумраке ничего нельзя было разобрать, в ушах звучала лишь бешеная колотушка сердца. Но нет, вдалеке кричали, потом послышалось, как сквозь кусты кто-то тяжело ломится. Дону показалось, что звук раздается справа; он повернул налево и побежал вдоль берега, выискивая глазами гондолу, лодку или хоть что-нибудь плавающее.

Берег загибался влево. Дон бежал вдоль, но потом остановился, сообразив, что этот путь выведет его к узкому перешейку, соединявшему Большой остров с Восточной косой. Он решил, что там наверняка стоят часовые. Во всяком случае, они там были — он помнил, — когда его вместе с толпой гнали к лагерю.

Дон прислушался — да, за ним все еще гнались, постепенно окружая со всех сторон. Впереди виднелся лишь изогнутый берег, ведущий обратно в плен.

Лицо Дона на мгновение исказило отчаяние, но тут же он его подавил и, решительно шагнув в воду, двинулся прочь от берега.

В отличие от большинства колонистов, Дон умел плавать. Жители Венеры не плавали: для купанья местная вода не годилась. Своей луны у Венеры нет, поэтому нет и приливов. Солнце притягивает воды планеты, но гораздо слабее. Моря не замерзают, и температура

воды никогда не приближается к критическому значению 4 °С, при которых вода земных рек, озер и прудов перемешивается и очищается. На Венере не бывает ни ураганов, ни бурь, и воды ее спокойно лежат на поверхности планеты, год за годом, поколение за поколением, миллиарды лет накапливая на дне всякую дрянь.

Дон продвигался вперед, стараясь не думать о черной сернистой грязи, в которую он вошел. Здесь было мелко; за спиной остались пятьдесят ярдов воды, но он погрузился едва по колено. Оглянувшись, Дон решил идти дальше: если он видел берег, то и преследователи так же легко могли его разглядеть на воде. Дон напомнил себе, что двигаться нужно очень внимательно, чтобы не пойти ненароком по кругу.

Внезапно дно провалилось на фут или где-то около; он оступился и, потеряв равновесие, стал судорожно бултыхаться в воде. Но вот он собрался с силами и с трудом выполз обратно, поздравляя себя с тем, что не окунул лицо и глаза в грязь.

Послышался крик, и одновременно с криком — шипение, будто на раскаленную плиту плеснули водой, но только намного громче. В десяти футах от Дона поднялось облако пара и медленно растворилось в туманном воздухе. Он пригнулся и приготовился бежать, но бежать было некуда. Вновь раздался крик, отчетливо разнесшийся над водой. Туман приглушал звуки, но слова было разобрать нетрудно:

— Сюда! Сюда! Он в воде!

Откуда-то издалека в ответ донеслось:

— Идем!

Дон снялся с места, с опаской переступая по дну. Нащупав край обрыва, он потрогал его ногой и убедился в том, что и там, погрузившись по плечи, можно стоять и даже идти. Он медленно продвигался вперед, стараясь не создавать шума и с трудом сохраняя равновесие, когда за его спиной раздалось шипение луча.

У стоявшего на берегу солдата хватило ума сообразить, что палить наугад в колышущийся туман бесполезно. Куда лучше направить ствол горизонтально и, словно шлангом, водить лучом у самой поверхности воды. Дон присел, оставив над водой только лицо.

Луч прошел в нескольких дюймах над его головой; он отчетливо слышал шипение и чувствовал запах озона.

Внезапно шипение стихло, его сменила однообразная, старая как мир казарменная брань.

— Но, сержант... — отвечал голос.

— Я тебе дам «сержант»! Взять живым, тебе ясно? Приказ слышал? Угробишь парня — я тебя ржавым ножом разрежу! Хотя нет: отдам тебя мистеру Бэнкфилду, ублюдок ты эдакий!

— Но, сержант... он же уходил по воде! Я должен был его остановить!

— Заладил: «сержант, сержант»! Найди лодку. Возьми инфракрасный искатель! Включи портативный радар! Вызови базу — пусть пришлют вертолет!

— Лодку? Да где ж я ее возьму?

— Достань! Он не мог далеко уйти. Мы его найдем — живого или мертвого. И если мертвого, то лучше тогда тебе самому глотку свою перерезать!

Дон послушал-послушал и неслышно отправился вперед — от голосов подальше. Уже невозможно было разобрать, куда именно он идет: его окружали только черная гладь воды и туман. Какое-то время дно шло ровно, но затем начало круто понижаться. Идти дальше было нельзя, и Дон был вынужден остановиться.

Он задумался, стараясь не удариться в панику. Большой остров еще поблизости, и лишь туман укрывает его от тех, кто на берегу. Совершенно ясно, что при помощи какого-нибудь поискового устройства — скажем, инфракрасного искателя или иного потомка радара — они наколют его, словно жука на булавку. Вопрос лишь в том, как скоро здесь будет аппаратура.

А может, плюнуть на все и сдаться — и пошла она прахом, эта ядовитая жижа? Сдаться и рассказать Бэнкфилду, что, если ему нужно кольцо, то он должен найти Изобел Костелло? Дон наклонился вперед, с силой оттолкнулся ногами и поплыл брассом, стараясь держать лицо над водой.

Брассом Дон плавал не очень хорошо, к тому же приходилось все время держать лицо над водой, и плыть так было вдвое труднее. Начала болеть шея, а затем боль перекинулась на мышцы плеч и спины. Прошло еще какое-то время, позади остались бесчисленные метры водной поверхности — и болело уже все тело, даже

глаза; и все равно Дону казалось, что он замер на одном месте, словно и не плывет, а бултыхается в большой ванной с серыми стенами из тумана. Было просто невероятным, что среди бесчисленных островков, составлявших провинцию Бьюкенен, можно заплыть так далеко и хоть на что-нибудь ни разу не натолкнуться... на песчаную отмель или, скажем, глинистую косу.

Дон перестал грести, лишь отталкивался ноющими ногами и шевелил кистями рук. Ему почудился шум лодочного мотора, но так это или нет — точно было сказать нельзя. Впрочем, Дону было уже на все наплевать: пусть плен, лишь бы кончились поскорей эти мучения. Но звук, или призрак звука, исчез где-то вдали, и он снова был один на один с этой серой безликой пустыней.

Он согнул спину, собираясь плыть дальше, и тут его нога задела за дно. Дон осторожно вытянул ногу, задрав при этом повыше голову... да, так оно и есть. Он замер на пару секунд, отдыхая, потом потрогал вокруг себя дно. С одной стороны оно опускалось, с другой шло ровно или даже с легким подъемом.

Вскоре плечи его вылезли из воды, но ноги еще увязали в иле. Он шел ощупью, будто слепец, — глаза, самое большее, что могли сделать, — это помочь удерживать равновесие. Нога его проверяла перед собой дно, находя места, где оно поднимается, и возвращаясь назад, когда дно снова начинало уходить вниз.

Вода доходила ему уже лишь до пояса, когда глаза заметили впереди в тумане какое-то темное пятно. Дон рванулся вперед и тут же вновь провалился по шею. Затем дно быстро пошло на подъем, и через несколько секунд Дон выполз на сушу.

После этого его решимости хватило только на то, чтобы укрыться за деревцами *чика*, росшими в нескольких футах от воды. Теперь его нельзя было обнаружить со стороны водоема. Дон осмотрел себя. К ногам присосалось около дюжины иловых вшей, каждая размером с ладонь ребенка. Морщась от отвращения, он отодрал их, затем снял шорты, рубашку и, отделавшись еще от нескольких паразитов, порадовался, что ему не встретился кто похуже — эволюция, создавшая венерианских драконов, породила немало совершенно жутких существ, которые были так же близки к аборигенам, как к человеку горилла. Многие из них были двоякодышащие, и в этом — другая причина неумения колонистов плавать.

Скрепя сердце Дон вновь натянул на себя мокрую грязную одежду и уселся, опершись спиной о ствол дерева. Он все еще отдыхал, когда от воды донесся голос мотора; теперь ошибки быть не могло. Дон замер, надеясь, что деревья укроют его от чужих глаз и что лодка пройдет мимо.

Лодка подошла к берегу и поплыла вдоль него, удаляясь вправо. Дон уже было почувствовал облегчение, когда двигатель вдруг умолк. В тишине раздались голоса:

— Придется осмотреть эту кучу грязи. Керли, пойдешь ты и Джо.

— Капрал, а как он хоть выглядит, этот парень?

— Да как тебе сказать... Капитан ничего толком не объяснил. Короче говоря, этот парень примерно твоего возраста. Хватай любого, кого увидишь. Он безоружен.

— Вернуться бы сейчас в Бирмингем.

— Давай, пошел!

Дон тоже пошел — правда, в другую сторону, двигаясь как можно быстрее и стараясь при этом не шуметь. Остров был покрыт густой шапкой растительности; Дон надеялся, что площадь его достаточно велика — если так, то отчего бы и не сыграть в прятки? Он отшагал уже около сотни ярдов, когда его напугало какое-то движение впереди: в отчаянии у него мелькнула мысль, что с лодки вполне могли высадить два патруля.

Но испуг сразу прошел: он увидел, что впереди не люди, а грегарианы. Они тоже заметили Дона и тут же пустились в пляс, приветливо блея и прижимаясь к его ногам.

— Тихо! — настойчиво прошептал Дон. — Меня же из-за вас поймают!

Толкуны на его слова не обратили никакого внимания: им хотелось одного — поиграть. Дон решил плюнуть на них и пошел вперед в окружении пятерки зверьков. Он раздумывал, как ему отделаться от этих лизунчиков, которые своими нежностями могли залюбить его до смерти или привести в руки преследователей, и в этот миг процессия вышла на поляну.

Здесь расположилось все стадо — примерно две сотни голов — от малышей, которые тут же облепили его колени, до седобородого патриарха, пузатого, ростом Дону с плечо. Они радостно приветствовали человека, приглашая его остаться.

Теперь ему стало ясно главное. Он не сделал дугу и не приплыл обратно к Большому острову: там обитали лишь полудомашние зверьки-попрошайки, вроде тех, что кормились при ресторане; и в стада те не собирались.

Внезапно Дону в голову пришла мысль, что он может обратить навязчивое дружелюбие грегарианов себе на пользу. Ясно было, что в покое они его не оставят. Если он покинет стадо, хотя бы несколько зверьков увяжутся следом, блея, пыхтя и привлекая тем самым внимание солдат. С другой стороны...

Дон двинулся к середине поляны, распихивая на ходу своих новых приятелей. Протиснувшись в самую гущу толпы, он уселся на землю.

Трое малышей проворно вскарабкались ему на колени. Дон их не стал прогонять. Тут же его с радостным визгом облепили взрослые и подростки и, сопя, принялись обнюхивать его и тыкаться носами в макушку. Теперь Дон был со всех сторон окружен их тельцами. Время от времени кого-нибудь из зверьков выталкивали наружу, и он отправлялся пощипать травку, но все равно Дон был надежно скрыт от постороннего взгляда. Он ждал.

Прошло достаточно времени, прежде чем послышалось еще более возбужденное блеяние. Несколько секунд Дону казалось, что его личная охрана разбежится, привлеченная новой забавой, но стоявшие во внутреннем круге грегарианы предпочли остаться, попрежнему окружая Дона живой стеной. Послышались голоса:

— Бог ты мой, сколько их здесь, этих козлят!

И сразу же:

— Эй! Отвали! Кончай меня облизывать!

Послышался голос Керли:

— Джо, да никак он в тебя влюбился? Кстати, Соупи велел хватать все, что движется. Может, привести к нему этого?

— А ну! — раздался шлепок и послышался тонкий визг толкуна — удивленный и обиженный.

— Давай-ка поджарим его и возьмем с собой, — продолжал Керли. — Говорят, они вкусные — пальчики оближешь!

— Ты что, на охоту сюда приехал? Смотри, как бы Соупи не отправил тебя к Старику. Идем, пора делом заняться.

Дон следил, как солдаты пробираются в обход стада. По доносящимся звукам он мог даже сказать, когда солдаты начинали

отгонять от себя самых прилипчивых из этих созданий. Погоня прошла, а Дон еще долго сидел, поглаживая по голове уснувшего на его руках малыша. Потом он и сам задремал.

Вскоре стало смеркаться. Стадо принялось устраиваться на ночлег. Когда наступила полная темнота, все уже улеглись, кроме часовых на краю поляны. Дон очень устал и даже понятия не имел, что ему делать дальше, и он растянулся рядом с грегарианами. Его голова покоилась на чьей-то мягкой спине, а на нем самом, как на кровати, устроились двое малюток.

Какое-то время он раздумывал, в какое влип положение, затем пришла мысль о еде и — главное — о воде: что же он будет пить? А потом он уже ни о чем не думал.

Его разбудило просыпающееся стадо. Вокруг раздавались чихание, топот, жалобное повизгиванье продирающих глаза малышей. Дон окончательно проснулся и вскочил на ноги; он примерно знал, чего ожидать: стадо собиралось мигрировать. Грегарианы редко остаются на одном острове два дня подряд. В начале ночи они спят, а затем, пока еще не настал рассвет и их естественные враги не очень активны, зверьки идут дальше. Они переходят с острова на остров по бродам, которые известны лишь одним вожакам — возможно, благодаря врожденным способностям. Вообще-то грегарианы умеют плавать, но делают это очень редко.

Дон подумал, что скоро от них избавится. Приятные ребята, но все хорошо в меру. Потом он передумал. Если грегарианы собираются перейти на другой остров, то уж, конечно, не на Большой, а значит, этот другой будет от него еще дальше. Так чего ж он теряет? Хуже не будет.

Голова немного кружилась, но мысль показалась ему разумной. Стадо снялось с места, и Дон пошел вместе с ним, стараясь держаться в первых рядах. Вожак вывел стадо на берег примерно в четверти мили от стоянки и ступил в воду. Стояла почти кромешная тьма, и Дон почувствовал воду, лишь только когда вошел. Вода доходила ему до щиколоток, и глубже не становилось. Он передвигался рысцой, стараясь оставаться в толпе, чтобы не сбиться с дороги и не угодить в яму. Он надеялся, что этот их переход не будет связан с заплывами.

Начало светать, и грегарианы прибавили ходу; Дон с трудом поспевал за ними. Вдруг старик, шедший во главе стада, замер,

фыркнул и сделал крутой поворот. Дон не мог понять, почему: в воздухе висел такой густой утренний туман, что один участок водной поверхности ничем не отличался от другого. Тем не менее выбранный вожаком путь оказался совсем мелким. Стадо прошло еще около километра, время от времени поворачивая, и наконец старик выбрался на берег. Дон не отставал.

Обессиленный, он уселся на землю. Вожак, казалось, был чем-то слегка озадачен: он остановился, замер на месте, все остальные тем временем вышли на сушу и столпились вокруг него. Старик недовольно фыркнул и занялся своим делом — повел стадо к пастбищу. *Дон собрался с силами и двинулся следом.*

Они как раз выходили из береговых зарослей, когда Дон увидел справа забор. Он почувствовал прилив сил.

— До свидания, ребята! — воскликнул он. — Я тут схожу.

Он повернул к забору, а большая часть зверьков отправилась за своим вожатым. Подходя к ограде, Дону пришлось задержаться, чтобы отогнать увязавшихся за ним толкунов. Потом он пошел вдоль проволоки. «Рано или поздно, — сказал он себе, — я найду ворота, которые ведут к людям. Неважно, кто это будет. Меня там накормят и помогут мне спрятаться».

Туман был очень густым, и Дон порадовался, что тут есть забор, которого можно держаться. Чувствуя себя слегка не в себе, он шагал вдоль ограды; настроение было бодрое.

— Стой!

Дон замер на месте и помотал головой, пытаясь припомнить, где он теперь находится.

— Ты под прицелом, — сказал голос. — Так что давай помедленнее и подними руки.

Дон напряг зрение, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в тумане и прикидывая, не стоит ли дать деру. И тут же понял, что проиграл: после всего, что было, бежать сейчас он попросту никуда не сможет.

13. ТУМАНОЕДЫ

— Пошевеливайся, — сказал солдат, — не то буду стрелять!

— Ладно, ладно, — устало ответил Дон и пошел вперед, подняв руки над головой.

Пройдя несколько шагов, он увидел человеческую фигуру. Еще пара метров, и он рассмотрел солдата, направившего на него оружие. Глаза солдата были прикрыты выпуклыми очками инфракрасного искателя, в которых он походил на какое-то невероятное пучеглазое существо с другой планеты.

Когда Дон приблизился на расстояние нескольких шагов, солдат снова остановил его и велел медленно повернуться спиной. Получив разрешение повернуться обратно, Дон увидел, что тот сдвинул очки на лоб, и из-под них выглядывают дружелюбные голубые глаза. Оружие солдат опустил.

— Да, видочек же у тебя, — сказал солдат. — Яйца ради, чем это ты занимался?

Только теперь наконец до Дона дошло, что на солдате не пятнисто-зеленые цвета Федерации, а хаки Наземных республиканских войск.

На кухне фермы, что была за оградой, командир, лейтенант Басби, которому подчинялся солдат, пробовал задавать Дону вопросы, но быстро понял, что от задержанного в таком состоянии ничего не добьешься. Распорядившись насчет медицинской помощи, он отправил парня к хозяйке, чтобы та сделала ему ванну и накормила.

Только во второй половине дня Дон почувствовал себя лучше; шрамы, что остались после иловых вшей, залепили пластырем, и теперь Дон уже вполне мог рассказывать о себе и своих злоключениях.

Басби выслушал его и кивнул.

— Я верю тебе на слово, — сказал он. — Трудно представить шпиона Федерации здесь, да еще в такой одежде и в таком состоянии.

И он принялся подробно расспрашивать Дона, что тот видел в Нью-Лондоне, сколько там, по его мнению, солдат, как они вооружены и так далее. К сожалению, Дон мог рассказать ему очень мало. Он пересказал лейтенанту «Закон о чрезвычайном положении» — все, что осталось у него в памяти.

Басби опять кивнул.

— Мы слышали его по приемнику мистера Вонга, — он ткнул большим пальцем в угол комнаты и на мгновение задумался. —

Чисто они все это обстряпали. Ну просто один к одному повторили операцию коммодора Хиггинса: города бомбить не стали — уничтожили только корабли, а потом сели и спокойненько выкурили нас из городов.

— А хоть какие-нибудь корабли у нас остались? — спросил Дон.

— Не знаю. Сомневаюсь. Впрочем, это не имеет никакого значения.

— Почему?

— Потому что они сами себя перехитрили. Что они теперь могут нам сделать? Да ничего. Воевать с туманом — единственное, что им осталось. А мы глотаем этот туман с детства и знаем планету лучше, чем они.

Остаток дня и всю ночь Дону позволили отдыхать. Прислушиваясь к разговорам солдат, он пришел к выводу, что Басби — не просто благодушный оптимист и что положение вовсе не такое уж безнадежное. На первый взгляд, все выглядело хуже некуда — насколько было известно, силы Федерации уничтожили все корабли Космической гвардии. Судя по радиопередачам, «Валькирия», «Наутилус» и «Адонис» погибли, а вместе с ними — Хиггинс и большая часть его людей. О судьбе «Прилива» никто не знал, но это ничего не значило. Те крохи информации, которыми располагали на Венере, складывались наполовину из слухов, наполовину — из официальной пропаганды Федерации.

Возможно, у Воздушных сил еще сохранились боевые машины, спрятанные где-нибудь в буше, но пользы от них было мало: все это были стратосферные шаттлы, которым для запуска требовались стационарные катапульты. Что касается Наземных войск, то добрая половина их личного состава погибла или попала в плен на базе на острове Бьюкенена и в других гарнизонах помельче. Оставшихся в живых солдат отпустили, но из офицеров на свободе остались только те, которые, подобно Басби, к моменту нападения были откомандированы из своих частей.

Расчет Басби тогда занимался обслуживанием радарной установки за чертой Нью-Лондона; лейтенант спас свое подразделение, оставив ненужную теперь станцию.

Разумеется, гражданское правительство молодой республики было низложено, и почти все его члены — схвачены. Старшие

военные чины, арестованные во время первого штурма, тоже выбыли из игры. Дон удивился, что при таких обстоятельствах Басби продолжает действовать так, будто во главе армии по-прежнему еще стоят генералы, а он сам командует подразделением регулярной армии, которому поставлена четкая боевая задача. Его подчиненные не утратили *esprit de corps**. Похоже было, что они готовы месяцами и даже годами вести партизанскую войну, преследуя и изматывая силы Федерации, и в окончательной победе нисколько не сомневались.

Один солдат объяснил Дону:

— Им нас не поймать. Мы знаем эти болота, а они — нет. Они не смогут уйти дальше чем на десять миль от города, даже если оборудуют свои катера радарами и всякими навигационными приборами. А мы проникнем к ним ночью и, перерезав им глотки, уже к завтраку будем дома. Мы не дадим им вывезти с планеты ни тонны радиоактивной руды, ни унции лекарств. Пребывание здесь им так дорого обойдется, что они предпочтут убраться подобру-поздорову.

Дон кивнул.

— Как говорил лейтенант Басби, им до смерти надоест воевать с туманом.

— Басби?

— Ну да, лейтенант, ваш командир.

— Вот как его зовут... А я что-то не уловил.

На лице Дона появилось удивленное выражение.

— Видишь ли, я тут только с нынешнего утра, — объяснил солдат. — Меня сегодня освободили, и я намылился домой, а настроение у меня было так себе. Я зашел сюда, к Вонгу перехватить чего-нибудь съедобного, и встретился с лейтенантом... как его? Басби? Ну вот, он опять призвал меня на службу. И, надо сказать, это снова вселило в меня надежду. Огонька не найдется?

Укладываясь спать в сарае мистера Вонга вместе с парой десятков солдат, Дон узнал, что большинство людей не принадлежит к первоначальному составу подразделения Басби, в котором насчитывалось всего пять человек — все они были техниками-элек-

*Сословный дух, корпоративный дух, дух чести *(фр.)*.

тронщиками. Прочие члены партизанского отряда оказались отбившимися от своих частей солдатами. Оружие сохранили немногие, но это с лихвой восполнялось вновь обретенной надеждой.

Прежде чем заснуть, Дон принял решение. Поначалу он хотел, не откладывая дела в долгий ящик, переговорить с Басби, но потом подумал, что не стоит беспокоить офицера посреди ночи. Наутро, проснувшись, Дон обнаружил, что солдаты ушли. Он выскочил во двор, где миссис Вонг кормила цыплят, и по ее подсказке отправился к берегу. Лейтенант готовил своих людей к маршу. Дон торопливо подошел к нему.

— Лейтенант! Можно с вами поговорить?

Басби нетерпеливо отмахнулся:

— Я занят.

— Всего минуту. Пожалуйста!

— Ну ладно, чего тебе?

— Скажите, где я могу записаться добровольцем?

Басби нахмурился. Дон стал настаивать, объясняя, что он уже собрался было записаться в армию, а тут началась война.

— Если ты хотел вступить в армию, то мог бы сделать это уже давно. Но все равно, ты сам говорил, что большую часть жизни провел на Земле. Так что, извини, — ты не наш.

— Но я же один из вас.

— А мне сдается, что ты — юнец, голова которого забита романтическими бреднями. Ты не дорос даже до права голоса.

— Я достаточно взрослый, чтобы воевать.

— А что ты умеешь?

— Ну, я неплохо стреляю. Во всяком случае, из ручного оружия.

— Что еще?

Дон лихорадочно соображал; только теперь ему пришло в голову, что от солдата требуется не только желание сражаться. Он умел ездить верхом. Но здесь это ничего не значило.

— Да, вот еще: я умею довольно прилично говорить на языке драконов.

— Это уже что-то. Нам нужны люди, способные общаться с аборигенами. Что-нибудь еще?

Дон хотел напомнить, что он сумел выжить, пробираясь по бушу, но лейтенант об этом и сам знал. Это всего лишь доказывало, что

Дон — настоящий «туманоед», несмотря на свою сложную биографию. А о предметах, которые он изучал в школе на ранчо, Басби и вовсе будет не интересно слушать, подумал Дон.

— Я умею мыть посуду.

На лице Басби появилось что-то вроде улыбки.

— Вот это — ценное качество для солдата. И все же, Харви, я сомневаюсь, что ты нам подойдешь. То что нам предстоит, это не маршировать на военном параде. Нам придется скитаться по безлюдным местам, и, скорее всего, мы так и не получим жалования, которое нам полагается. Это означает голодную жизнь, грязь, непрерывное передвижение. Ты не только рискуешь погибнуть в бою; если тебя поймают — сожгут за измену.

— Да, сэр. Все это я обдумал еще ночью.

— И хочешь после этого воевать?

— Да, сэр.

— Подними правую руку.

Дон поднял руку. Басби продолжал:

— Даешь ли ты торжественную клятву защищать Конституцию Республики Венера от всякого врага, внутреннего и внешнего, и добросовестно служить в Вооруженных силах республики в период военного положения вплоть до последующего увольнения правомочным на это командиром, а также подчиняться законным приказам вышестоящих офицеров?

Дон глубоко вздохнул.

— Клянусь.

— Очень хорошо, солдат. Теперь — марш в лодку.

— Есть, сэр!

Впоследствии у Дона было много — да еще как много! — случаев пожалеть о своем решении. Впрочем, как и у каждого, кто добровольно поступил на военную службу. В основном-то он был доволен, но вслух об этом не признался бы никому: он быстро приобрел чисто солдатскую привычку постоянно жаловаться на войну, погоду, кормежку, туманы и глупость верховного командования. Бывалый солдат умеет заменять развлечения, отдых и даже еду этим древним, общепринятым и вполне безобидным литературным жанром.

Дон обучился приемам ведения партизанской войны: бесшумно ходить, беззвучно наносить удар и исчезать в темноте, прежде чем противник успеет поднять тревогу. Выживали лишь те, кто постиг эту науку в совершенстве; те, кому это не удавалось, погибали. Дон выжил. Он научился и массе других вещей: засыпать на десять минут, когда выдавалось время, просыпаться при первом же шорохе, бодрствовать ночь напролет, а то и две-три кряду. Вокруг губ появились не по возрасту глубокие морщины, а на левой руке красовался бледный сморщенный шрам.

У Басби он задержался недолго: его перевели в подразделение гондольерной пехоты, действующей между Нью-Лондоном и Куи-Куи. Его новые товарищи по оружию гордо именовали себя «рейдерами Марстена»; Дон был принят в подразделение в качестве переводчика с языка драконов. Произнести пару фраз на языке свиста или, что чаще встречалось, понять стандартные формы пиджина, употребляемые при купле-продаже, могли многие колонисты, но лишь единицы умели свободно общаться с аборигенами. Во время долгого пребывания на Земле Дон был лишен разговорной практики, но он учился языку в детстве, и его наставником был дракон, который относился к нему как к родному. Родители Дона владели речью аборигенов так же свободно, как и английским, так что мальчик постоянно практиковался в языке вплоть до одиннадцатилетнего возраста.

Драконы здорово помогали бойцам Сопротивления; они хотя и не были по своей природе воинственны, но симпатизировали поселенцам — точнее, они ненавидели солдат Федерации. Колонисты сумели ужиться с драконами — в чем и состояла политика «просвещенного эгоизма» Сайруса Бьюкенена. Человеку, родившемуся на Венере, и в голову бы не пришло сомневаться, что существовавшая здесь издревле раса — раса драконов — разумна, жизнеспособна и цивилизованна ничуть не меньше чем их собственная. И в то же время для большинства солдат Федерации, впервые оказавшихся на этой планете, драконы представлялись безобразными, омерзительными животными, которые не способны к общению, но тем не менее ведут себя вызывающе, только и требуя льгот, на которые ни одно животное не имеет права.

Такое отношение к драконам лежало глубоко в подсознании, и никакие распоряжения, никакие дисциплинарные взыскания не могли исправить подобное положение. Это чувство оказалось сильнее и еще меньше зависело от логики, чем любое аналогичное противостояние на Земле: белые и негры, неевреи и евреи, римляне и варвары — всего и не перечислишь. Сам офицер, отдававший соответствующий приказ, не был способен правильно воспринимать ситуацию, ведь он родился не на Венёре. Даже первый политический советник губернатора, умный и проницательный Стэнли Бэнкфилд, не мог до конца понять, что невозможно добиться нормальных отношений с драконами, если (образно выражаясь) похлопывать их по головке и разговаривать с ними свысока.

Такой характер отношений установился из-за двух серьезных инцидентов, случившихся в самый первый день войны. В Нью-Лондоне один дракон — тот самый, которого Дон застал за чтением бюллетеней «Таймс», — серьезно пострадал от огня лучемета, хотя и не был убит. Он был совладельцем местного банка, и ему принадлежало множество ториевых рудников. Еще худшее случилось в Куи-Куи: там ракетой убило дракона. Она попала в открытый в этот момент, на его беду, рот. И этот дракон оказался родственником аборигенов, происходящих по прямой линии от Великого Яйца.

Впрочем, все эти случаи не вызвали прямой враждебности со стороны таких высокоразвитых существ, как драконы, каждое из которых было не слабее, скажем, трех носорогов или среднего танка. Псевдоящеры не были воинственны: они достигали своих целей иными способами.

Всякий раз когда по своим обязанностям Дону доводилось вести беседу с аборигенами, он спрашивал их, не знакомы ли они с его другом Сэром Исааком, называя, разумеется, настоящее имя дракона. Дон обнаружил, что даже те, кто не знал Сэра Исаака лично, хотя бы слыхали о нем. Еще он заметил, что знакомство с почтенным драконом поднимает его собственный престиж. Тем не менее Дон даже не пытался передать Сэру Исааку весточку: какой смысл просить его о переводе в Космическую гвардию, если самой Гвардии больше не существовало.

Дон несколько раз пробовал разузнать, что с Изобел Костелло. Он расспрашивал беженцев, драконов, бойцов Сопротивления, которых становилось все больше и которые свободно ходили туда-сюда. Но девушку найти так и не удалось. Как-то раз Дону сказали, что она находится в лагере на Восточной косе; по другим сведениям, ее вместе с отцом депортировали на Землю, но ни один из этих слухов не подтвердился. В сердце к нему закралось неприятное подозрение, что девушка погибла во время первого нападения.

О кольце Дон не думал — он печалился о самой Изобел. Хотя и терялся в догадках, что же это такое за кольцо, если из-за него за ним гонялись от планеты к планете. И не найдя ответа, решил, что Бэнкфилд, несмотря на свой опыт и высокое положение, просто ошибся и что самой ценной вещью была обертка, а сотрудникам Бюро расследований не хватило мозгов разобраться во всем этом деле. Вскоре Дон совсем забыл о кольце. Ну пропало — и пропало.

А его родители на Марсе? Что ж, всему свое время. Когда-нибудь война кончится, космическое перелеты возобновятся, а пока нет смысла расстраиваться.

А сейчас его рота была рассредоточена на четырех островках к юго-юго-западу от Нью-Лондона; они стояли там лагерем уже третий день. Пожалуй, еще ни разу отряд не задерживался на одном месте так долго. Дон, прикомандированный к штабу, находился на том же острове, что и капитан Марстен. Сейчас он дремал в гамаке, натянутом между двумя деревьями в зарослях ведьминой метлы.

Штабной вестовой разбудил Дона, встав на безопасном расстоянии и резко дернув гамак за веревку. Дон мгновенно проснулся и схватился за нож.

— Спокойно! — велел ему посыльный. — Старик хочет тебя видеть.

Дон построил соответствующую фигуру речи, непристойный смысл которой сводился к тому, что капитан может сделать с этим своим желанием, и бесшумно соскользнул на землю. Затем сложил гамак и сунул его в карман. Сетка хотя и весила каких-то четыре унции, но недешево обошлась Федерации. Дон обращался с гамаком бережно: прежний владелец оказался малость

неосторожен, и сетка ему уже была не нужна. Свое оружие Дон захватил с собой тоже.

Командир роты сидел у складного столика под навесом из веток.

Дон подошел поближе и стал ждать. Марстен поднял на него глаза и сказал:

— Тебе, Харви, поручается особое задание. Отправляешься немедленно.

— Поменялись планы?

— Нет, ночью мы пойдем в рейд, но без тебя. Одна важная драконья шишка возжелала, видите ли, поговорить. Вот ты к нему и отправишься. Прямо сейчас.

Дон помешкал.

— Черт побери, командир! Я уж совсем было настроился поучаствовать в заварушке. Давайте я поеду завтра. Драконы — народ неторопливый, время для них ничего не значит.

— Отставить, солдат. Будешь считаться отбывающим отпуск: в распоряжении Главного штаба указано, что ты можешь пробыть там довольно долго.

Дон прищурился.

— Если мне приказано куда-то ехать, это не значит, что я в отпуске. Это просто командировка.

— А ты, Харви, оказывается, настоящий кухонный адвокат.

— Так точно, сэр.

— Сдай оружие и сними знаки различия. Первую часть пути проделаешь под видом эдакого славного паренька-фермера. Для пущей убедительности подыщи в амбаре какой-нибудь инвентарь. Ларсен отвезет тебя на лодке. Все, свободен.

— Есть, сэр! — уходя, Дон бросил через плечо: — Удачной охоты, капитан.

Марстен впервые за все это время улыбнулся.

— Спасибо, Дон.

Сначала они плыли каналами, такими извилистыми и узкими, что от электроники было не больше толку, чем от невооруженного глаза. Большую часть времени Дон проспал, положив голову на мешок с кислозернянкой. Предстоящее задание мало

его беспокоило: он был уверен, что тот, кому потребовался переводчик, — кем бы он там ни оказался, — явится на рандеву и все ему объяснит.

На другой день они добрались до берега Большого Южного моря, и Дон пересел на борт сумасшедшей посудины, причем это определение в равной степени относилось как к самой посудине, так и к ее команде. Плоским блюдцем на реактивной тяге футов пятнадцати в поперечнике управляли два юных экстраверта, не боявшиеся ни людей, ни болот. Надводная часть глиссера была накрыта приземистым конусом, свернутым из листа полированного металла, который отражал направленные горизонтально лучи радара вверх или в сторону. Этот колпак не защищал от радарного поиска из космоса — импульсы, расходясь по конусу, после отражения от колпака возвращались бы обратно прямо туда, откуда они пришли. Но главным преимуществом глиссера была скорость.

Дон лежал пластом на дне лодки, вцепившись в поручни и размышляя о преимуществах ракетного транспорта, а сумасшедшая штуковина тем временем неслась, подскакивая, по водной глади. Он старался не думать о том, что произойдет, столкнись глиссер с корягой или с каким-нибудь крупным морским животным. Менее чем за два часа суденышко прошло около трехсот километров, потом замедлило ход и остановилось.

— Конечная остановка! — сказал розовощекий мореход. — Пассажирам приготовить багажные квитанции! Женщины и дети выходят по центральному эскалатору.

Антирадарный колпак приподнялся. Дон встал, разминая затекшие ноги:

— Где мы?

— Станция Драконвилль-на-Болоте. А вот и делегация встречающих. Осторожнее на ступеньках.

Дон напряженно всматривался в туман. Похоже, на берегу собралась целая толпа аборигенов. Он спрыгнул с борта, и его ботинки тут же утонули в грязи. Он поспешно выбрался на твердую почву. За его спиной хлопнул антирадарный колпак, и сумасшедшая посудина тут же рванула прочь, в считанные секунды набрав скорость и сразу исчезнув в тумане.

— Могли бы хоть помахать на прощание, — пробормотал Дон и обернулся к драконам. И замер в растерянности: людей не было видно, а указаний на этот счет ему никаких не дали. Может быть, офицера, которого надеялся встретить Дон (уж теперь-то ему самое время было здесь появиться!), по дороге где-нибудь ранили?

Драконов было семь, и все они молча приближались к нему. Дон окинул их взглядом и просвистел вежливое приветствие, отметив про себя, что аборигены похожи друг на друга как две капли воды. И тут дракон, выступавший в центре семерки, воскликнул с акцентом, от которого на память сразу же приходила рыба и жареная картошка:

— Дональд, мой мальчик! Как я рад тебя видеть! Чешуя!

14. «ТАК ДАВАЙ ЖЕ ЕГО СЮДА!»

Дон проглотил застрявший в горле комок и, позабыв о всяких приличиях, воскликнул:

— Сэр Исаак! Сэр Исаак!

И, спотыкаясь, бросился навстречу.

Вряд ли это удобно — пожимать дракону руку, целовать его или обнимать. Дон ограничился тем, что кулаками лупил Сэра Исаака по бронированной туше, одновременно стараясь прийти в себя. От чувств он не мог выговорить ни слова, а все вокруг подернулось влажной дымкой. Сэр Исаак невозмутимо ждал, потом заявил:

— А теперь, Дон, я хотел бы познакомить тебя с моей семьей...

Дон взял себя в руки, откашлялся и облизнул губы, готовясь к беседе на языке свиста. Водер был только у Сэра Исаака; вполне возможно, остальные драконы не понимали даже простейших английских слов.

— *Пусть их смерть будет прекрасной!*

— Мы благодарим тебя.

Дочь, сын, внучка, внук, правнучка, правнук — целых четыре поколения драконов, если считать и Сэра Исаака, пришли встретить Дона. В соответствии с обычаями драконов присутствие представителей еще одного поколения означало наивысшую сте-

пень уважения, какая только возможна, и Дон был просто ошеломлен. Он знал, что Сэр Исаак относится к нему как к другу, но все равно отнес такой знак уважения на счет своих родителей.

— *Мои мать и отец благодарят вас за доброту, которую вы проявили к их яйцу.*

— *Каково первое яйцо, таково и последнее.* Мы рады видеть тебя, Дональд.

Встречая прибывшего гостя, члены семьи обступают его с боков, и шествие медленно направляется к гнезду. Но даже неторопливая поступь дракона вдвое быстрее, чем человеческий бег.

Сэр Исаак опустился на грунт и предложил:

— Воспользуйся моими ногами, мальчик; идти нам предстоит далеко.

— Нет, я пойду сам.

— Нет-нет, ни в коем случае!

— Ну что ж...

— Оп-ля! Надеюсь, я правильно помню ваше выражение.

Дон вскарабкался на спину дракону и устроился у задней пары глаз. Глаза повернулись к нему и внимательно присмотрелись. Дон заметил, что Сэр Исаак предусмотрительно вставил в шейные роговые пластины пару колец, чтобы ему было удобно держаться.

— Ну как?

— Все в порядке. Я готов.

Дракон встал на ноги, и процессия отправилась в путь. Дон чувствовал себя сейчас словно Маленький Тумай.

Дорога, по которой они шли, была такой древней, что невозможно было понять — построена ли она специально или тут поработала природа. С милю она тянулась вдоль берега; то и дело по пути им попадались другие драконы: одни двигались по дороге, другие работали на своих заболоченных полях, а потом дорога свернула в глубь материка. Вскоре, выбравшись на осушенную местность, они сошли с оживленной дороги и углубились в туннель. Туннель был искусственного происхождения — тут уж сомневаться не приходилось: дорожное полотно двигалось, набирая скорость, в ту сторону, куда направлялся идущий (если этот идущий — дракон, или такого же, как дракон, веса); их и без того резвая рысь таким образом ускорялась во много раз. Дон затруднился бы

определить, с какой скоростью они двигались и какое расстояние преодолели.

Наконец, они оказались в огромном зале — огромном, если даже брать по драконьим меркам. Движущееся полотно дороги как бы влилось в пол зала и остановилось. Тут их уже поджидали остальные члены семейства, поначалу представленного теми семью драконами, которые встречали Дона на берегу. Ему не пришлось напрягать мозги, отыскивая приличествующие случаю выражения: в соответствии с этикетом гостя тут же препроводили в отведенные для него покои, чтобы он мог отдохнуть и восстановить силы.

По понятиям аборигенов, помещение было довольно скромных размеров, но Дону оно показалось громадным. В главной комнате точно по центру находился бассейн глубиной около шести футов; его длины хватало, чтобы в несколько гребков проплыть из конца в конец. Именно этим Дон с превеликой радостью и занялся. Вода в бассейне была настолько же чистой, насколько грязной она была в том море, которое Дон только что пересек, и, насколько он мог судить, температура ее составляла 36,6 °С, как у человеческого тела.

Дон лег на спину, вглядываясь в искусственный туман, скрывавший высокий потолок. «Вот это жизнь!» — думал он. Это была лучшая ванна, которую он когда-либо встречал с той поры, как побывал в нью-чикагском «Караван-сарае». Как давно это было! Его *одноклассники, наверно, уже окончили школу*. Дон внезапно почувствовал, как волнами на сердце накатывает тоска.

Но даже самая что ни на есть роскошь когда-нибудь надоедает. Дон выбрался из бассейна, взял свою одежду и попробовал соскрести с нее застарелую грязь. Сюда бы, подумал он, стирального порошка или, на худой конец, серого мыла, того, что варили фермеры. Он босиком обошел помещение, подыскивая, куда бы повесить сушиться одежду. В «маленькой» комнате-спальне он внезапно остановился.

Там его уже ждал ужин. Кто-то загодя накрыл стол, даже не позабыли расстелить белоснежную скатерть — стол был карточный, его форма и каждая линия прямо в глаза кричали: «Гранд-Рапидс». На придвинутых к нему стульях, снизу, и вправду обна-

ружилось фабричное клеймо «Гранд-Рапидс» — Дон специально перевернул один из них и проверил.

Стол был сервирован в соответствии с человеческими обычаями. Правда, суп был налит в кофейную чашку, а кофе — в тарелку, но все это были мелочи, к которым и придираться не стоит. В конце концов, главное — и суп, и кофе были горячими. Еще подали тосты из хлеба, выпеченного из кислозернянки, и яичницу, приготовленную, насколько мог судить Дон, из натуральных яиц.

Он положил свою мокрую одежду на теплые плитки пола, хорошенько ее разгладил и, пододвинув к столу стул, взялся за дело.

— Как говорил наш капитан, никогда нам не было так хорошо, — пробормотал он с набитым ртом.

В углу напротив лежал мягкий матрац, набитый пенистой массой. Дону хватило одного взгляда, чтобы сообразить, что это — армейский (офицерский) матрас «зеленых». Койка и одеяла отсутствовали, да в них и не было особой нужды. Пообедав, Дон раскинулся на постели; он знал, что его не вызовут и не потревожат до тех пор, пока он сам этого не захочет. Только сейчас Дон понял, как он устал, и еще — что ему много над чем надо теперь подумать.

Сэр Исаак... Одно воспоминание рождало другое. Дон вновь подумал о своей школе. Сосед по комнате — что с ним теперь? Может, забрали в армию — армию противника? Дон надеялся — нет... хотя душой понимал, что Джек наверняка пошел добровольцем. Каждый делает то, что должен, и обо всем судит по-своему. Джек не враг ему — какие они враги?! Старина Джек! Дон надеялся, что невероятные повороты войны не сведут их вместе в бою — к лицу лицом.

А Лодырь? — подумал он: помнит он еще своего хозяина или забыл?

Потом в памяти всплыло лицо старого Чарли — как оно вдруг обуглилось, потеряло человеческие черты... Сердце у Дона сжалось от проснувшейся боли. Что ж, он отомстил за Чарли, сполна отомстил. Но снова пришла печаль, когда он вспомнил про Изобел.

Уже почти засыпая, он принялся размышлять, зачем командованию потребовалось посылать его к Сэру Исааку. Правда ли ему предстояло работать здесь на войну, или дракон просто узнал, где он находится, и попросил прислать его сюда погостить? Последнее казалось более вероятным: в военных операциях драконам отводилась настолько важная роль, что штаб воспринял бы просьбу принца Яйца как приказ.

Дон почесал шрам на левой руке и заснул.

Завтрак был нисколько не хуже ужина. Правда, на этот раз в его появлении не было ничего загадочного. Столик на колесиках прикатила молодая драконихa — Дон догадался о ее возрасте по тому, что ее задние глазные стебельки еще не развились. Должно быть, драконихе не исполнилось и сотни венерианских лет. Дон просвистел ей «спасибо», она вежливо свистнула в ответ и удалилась.

Дон подумал, что Сэр Исаак, должно быть, нанял слуг из людей: иначе было трудно объяснить, почему кушанья подавали приготовленными, ведь драконы и понятия не имеют о кухне. Они предпочитают свежую пищу, причем оставляют на ней для пущего смака немного ила. Разумеется, дракон мог бы вскипятить воду и варить в ней яйцо сколько нужно, но было совершенно невозможно представить, как бы он справился с более сложной кухней. Приготовление пищи — искусство эзотерическое и ведомое одним лишь людям.

Впрочем, все эти мысли не убавили его аппетита.

После еды, дополнительно подкрепив силу духа чистой и относительно аккуратной одеждой, он приготовился к тяжкому испытанию — знакомству с многочисленными членами семьи Сэра Исаака. При всем опыте переводчика с «истинного наречия», перспективка таких продолжительных церемоний, да еще когда главная — а значит, без изобретательности здесь просто не обойдешься — роль не чья-нибудь, а его, прямо-таки устрашала Дона. Но все же он надеялся справиться, сделав этим честь своим родителям и не унизив гостеприимства хозяина.

Дон наскоро побрился без зеркала и только собрался выйти, как услышал, что кто-то произнес его имя. Это его удивило: он знал, что потревожить здесь гостя — на это бы не осмелился ник-

то, даже если бы гость безвылазно сидел в своей комнате неделю, месяц, да хоть бы он остался там навсегда.

В дверях показался Сэр Исаак.

— Дон, мой дорогой мальчик, простишь ли ты мне, старику, что я столь поспешно и бесцеремонно врываюсь к тебе в нарушение всех обычаев, словно в комнату одного из своих детей?

— Ну конечно, Сэр Исаак.

Дон был озадачен: если Сэр Исаак куда-то торопится, то это, пожалуй, первый случай спешки в истории драконов.

— Если ты уже поел, то, пожалуйста, пойдем со мной.

Дон подчинился, а про себя подумал, что за ним, должно быть, следили: очень уж вовремя пришел к нему Сэр Исаак.

Старик-дракон вывел Дона из его покоев, затем они спустились по коридору в комнату, которую по драконьим стандартам можно было бы вполне посчитать уютной: ее размеры составляли примерно сотню на сотню футов.

Дон решил, что здесь, должно быть, у Сэра Исаака кабинет: стены были увешаны полками, на которых один на другом покоились свитки книг, а на полу возвышался обычный вращающийся стол, установленный на уровне щупальцев дракона. На одной из стен над стеллажами красовалось нечто, как показалось Дону, напоминающее стенную роспись. Но в картине Дон так и не смог ничего разобрать — те три цвета инфракрасного диапазона, которые видят драконы, для людского зрения просто-напросто недоступны. Но потом Дон решил, что роспись и вправду может не иметь никакого смысла, как не имеет смысла значительная часть земной живописи.

И тут в глаза ему бросилась одна очень важная деталь: в комнате стояли два кресла.

Сэр Исаак предложил ему сесть. Опустившись в кресло, Дон взял себе на заметку, что оно — из самой современной автоматической мебели: кресло само принимало удобную для человека форму. Тут же выяснилось, для кого предназначалось второе: в кабинете появился мужчина — стройный, подтянутый, лет пятидесяти на вид. Лысину его обрамляли седые жесткие волосы. Манеры вошедшего прямо говорили о том, что он привык отдавать распоряжения, которым беспрекословно подчиняются.

— Доброе утро, джентльмены! — Мужчина обернулся к Дону. — Итак, вы — Дональд Харви. Меня зовут Фиппс, Монтгомери Фиппс, — он говорил так, будто его слова все объясняли. — А ты подрос. В последний раз, когда я тебя видел, мне пришлось отлупить тебя по заднице за то, что ты укусил меня за большой палец.

В присутствии этого человека, да еще с такими начальственными замашками, Дон чувствовал себя не очень уверенно. Он подумал, что это один из знакомых его родителей, с которым он встречался в далеком детстве, но вспомнить его не мог.

— Я вас укусил? А за что это? — спросил он.

— А? — мужчина внезапно издал смешок, похожий на лай собаки. — Думаю, все зависит от того, с какой точки зрения взглянуть на данный вопрос. Полагаю, мы остались квиты: отшлепал я тебя прилично. — Он повернулся к Сэру Исааку: — Мэлат придет?

— Он обещал, что постарается. Скоро будет.

Фиппс уселся во второе кресло и забарабанил пальцами по подлокотнику.

— Что ж, придется подождать, хотя я не вижу в его присутствии особого смысла. Мы и так уже слишком задержались: надо было встретиться еще вечером.

Сэр Исаак сумел заставить водер заговорить возмущенным тоном:

— Вечером? Когда гость только что прибыл?

Фиппс пожал плечами.

— Ладно, не будем об этом. — Он обратился к Дону: — Как тебе понравился обед, сынок?

— Все было очень здорово.

— Это моя жена приготовила. Сейчас она занята в лаборатории, но потом я тебя с ней познакомлю. Она химик, настоящая волшебница — и в лаборатории, и на кухне.

— Я хотел бы ее поблагодарить, — любезно ответил Дон. — Кстати, вы сказали «лаборатория»?

— Да, и еще какая. Сам потом увидишь. Там работают многие талантливые ученые Венеры. Все, что потеряла Федерация, досталось нам.

У Дона на языке вертелась сотня вопросов, но все они застряли у него в горле: в комнату кто-то входил, точнее, что-то въез-

жало. Глаза Дона сделались круглые, когда он увидел марсианскую «коляску» — герметичный самодвижущийся экипаж, в котором поддерживаются марсианские атмосферные условия и без которого ни один марсианин не способен передвигаться ни на Венере, ни на Земле. Маленький экипаж въехал в комнату и подкатил к собравшимся; существо внутри коляски приподнялось и, усевшись при помощи механического экзоскелета, попыталось расправить свои псевдокрылья. Потом тонким усталым голосом, усиленным через динамик, сказало:

— Мэлат-да-Тон приветствует вас, друзья мои.

Фиппс поднялся на ноги.

— Мэлат, старина, тебе надо бы вернуться в свой резервуар. Ты же надорвешься.

— Я буду жить столько, сколько понадобится.

— А вот малыш Харви. Очень похож на своего папашу, верно?

Сэр Исаак, смущенный такой фамильярностью, вмешался в разговор и представил гостей друг другу. Дон лихорадочно пытался припомнить что-нибудь из марсианского высокого стиля, но так и не вспомнив, ограничился простыми словами:

— Рад познакомиться с вами, сэр.

— Ну что вы, это честь для меня, — отозвался слабый голосок. — Высокий отец отбрасывает длинную тень.

Размышляя над тем, как бы ответить, Дон решил, что недостаток хороших манер, как, к примеру, у толкунов, имеет свои преимущества. В разговор вмешался Фиппс:

— Давайте-ка лучше начнем, пока Мэлат совсем не скис. Что скажете, сэр Исаак?

— Отлично. Дон, я полагаю, ты знаешь, что я всегда рад видеть тебя в своем доме.

— Э-э... Да, спасибо, Сэр Исаак.

— Ты помнишь, что я приглашал тебя еще тогда, когда не знал про тебя ничего, кроме происхождения и возвышенности твоего духа?

— Да, сэр, конечно, помню. Я хотел, я, правда, хотел вас видеть, только не знал, где вы высадились на планету. Я даже пробовал вас искать, но тут на Венере появились эти «зеленые». Простите меня. — Дону было неловко, сам-то он знал прекрасно,

почему все время откладывал поиски Сэра Исаака: просто нужды не было заняться ими всерьез, пока жизнь не заставила.

— Я тоже пытался тебя отыскать, Дональд, но, к сожалению, мне это не удалось. И только совсем недавно туман донес до меня слухи о том, где ты находишься и чем занимаешься. — Сэр Исаак замолчал. Казалось, ему трудно подобрать нужные слова. — Теперь ты знаешь, что этот дом — твой дом и что я всегда рад тебя видеть. Так сможешь ли ты простить меня, если узнаешь, что приглашен по делу?

Дон решил, что отвечать надо на «истинном наречии».

— *Разве могут глаза оскорбить хвост? Разве может отец обидеть своего ребенка?* Чем я могу помочь вам, Сэр Исаак? Я и сам уже понял: что-то такое происходит.

— Даже не знаю, с чего лучше начать... Рассказать ли о Сайрусе Бьюкенене, который умер вдали от своего народа, но умер счастливым, сделав нас своим народом? Или о странных и запутанных обычаях людей, которые — во всяком случае, нам иногда так кажется — способны откусить даже собственную ногу? Или перейти сразу к недавним событиям, происшедшим с тех пор, как в небе мы с тобой разделили ил?

Фиппс нетерпеливо пошевелился.

— Давайте лучше я, Сэр Исаак. Не забывайте, мы с этим юношей — одной крови. И нам не надо будет ходить кругами. Я могу объяснить ему ситуацию в двух словах. Ничего трудного в этом нет, поверьте.

Сэр Исаак опустил свою тяжелую голову.

— Как хотите, друг мой.

Фиппс обратился к Дону:

— Молодой человек, вы, верно, и не догадывались о том, что, когда ваши родители вызывали вас на Марс, они собирались использовать вас как курьера, который должен был передать некое послание.

Дон внимательно посмотрел на собеседника.

— Да нет, я об этом знал.

В его голове шевельнулись воспоминания, которые он попытался связать с теперешней ситуацией.

— Правда? Что ж, тогда совсем просто. Давай-ка его сюда!

— Что давать?

— Да кольцо, что же еще. Давай мне сюда кольцо.

15. НЕ СУДИТЕ ПО НАРУЖНОСТИ

— Минутку! — ответил Дон. — Вы все путаете. Я знаю, про какое кольцо вы говорите, но ведь дело не в нем, а в бумаге, в которую оно было завернуто. Обертку забрали люди из Бюро расследований.

На лице Фиппса появилась озабоченность, затем он рассмеялся.

— Вот как? Говоришь, забрали? Они так же ничего не поняли, как и ты. Ведь главное-то как раз — кольцо. Давай его сюда.

— Нет, все-таки это вы ошибаетесь, — медленно произнес Дон. — Или мы говорим про разные кольца, — он задумался. — А может, его подменили в Бюро еще до того, как посылка попала ко мне? Я уверен, в моем кольце никакого письма не было. Кольцо из прозрачного пластика, по-моему, полистирола, в нем не то что письма, в нем комара не спрячешь. Просто негде там прятать.

Фиппс нетерпеливо пожал плечами.

— Не тебе со мной спорить, можно там спрятать что-нибудь или нельзя. Это было то самое кольцо, которое нам нужно, будь уверен. Мы знаем, что в Бюро кольца не меняли.

— Откуда вы знаете?

— Черт побери, парень! От тебя требовалось одно: передать кольцо. А уж было в нем чего или не было — это наша забота.

Дон подумал, что, укусив по молодости палец Фиппса, он был не так уж неправ.

— Подождите-ка! Да, я должен был передать кольцо. Так сказал доктор Джефферсон — вы знаете, кто это такой?

— Я знаю, кем он был, но мы не встречались.

— Так вот, он хотел, чтобы я передал это кольцо. Джефферсон погиб — по крайней мере, мне так сказали. В любом случае, я теперь не могу с ним посоветоваться. Но сказал он мне совершенно определенно, кому я должен его передать: своему отцу. А не вам.

Фиппс раздраженно стукнул по подлокотнику.

— Знаю, знаю! Если бы все шло так, как надо, ты передал бы кольцо отцу и не было бы всех этих проблем! Эти горячие головы из Нью-Лондона должны были... впрочем, неважно. Из-за восстания ты попал не на Марс, а сюда. И теперь мне приходится собирать все по крупицам. Да, ты не можешь передать послание отцу, но если ты отдашь кольцо мне, оно к нему попадет, в этом не сомневайся. Я и твой отец работаем ради одного и того же дела.

Дон, поколебавшись, сказал:

— Мне, конечно, очень неловко, но какие у вас есть доказательства?

Водер Сэра Исаака издал звук, похожий на человеческое покашливание.

— Кхм!

Фиппс и Дон повернулись к нему.

— Полагаю, — сказал дракон, — мне следует вмешаться в дискуссию. Уважаемый Фиппс, я знаком с Дональдом несколько дольше вас — если это можно назвать знакомством.

— Прошу вас, продолжайте.

Сэр Исаак повернул к Дону чуть ли не все свои глаза.

— Милый Дон, ты мне доверяешь?

— Э-э... полагаю, да, Сэр Исаак. Но мне кажется, что я все же должен получить доказательства. Ведь кольцо-то чужое, не мое.

— Что ж, это веская причина. Давай подумаем: что могло бы тебя убедить? Если, скажем...

Дональд прервал его, почувствовав бессмысленность того, что здесь происходит:

— Простите меня, но я, кажется, превратил разговор в спор, хотя, если честно, то и спорить-то, собственно говоря, не из-за чего.

— Почему?

— Кольца у меня уже нет. Оно потерялось.

Несколько минут в комнате стояла тишина. Потом Фиппс сказал:

— Мне кажется, у Мэлата обморок.

Поднялась суматоха, тележку с марсианином увезли, и все принялись напряженно ждать. Напряжение спало только тогда, когда пришло сообщение, что Мэлат плавает в своей специаль-

ной кровати, отдыхает и чувствует себя хорошо. Совещание продолжили втроем. Фиппс сверлил Дона взглядом.

— Это все ты! Из-за тебя он чуть душу не отдал.

— При чем здесь я?

— Мэлат тоже был курьером, он оказался здесь потому же, почему и ты. Он вез вторую половину послания — послания, которое ты потерял! И тем самым ты лишил его последней надежды вернуться домой раньше, чем его убьет гравитация! Он и так нездоров, а ты еще к этому добавил.

— Но...

В этот момент вмешался Сэр Исаак:

— Дональд не виноват. Молодежь следует наказывать, только если к тому имеется серьезный повод, причем после тщательных размышлений. Иначе семье придется об этом сожалеть.

Фиппс бросил взгляд на дракона и вновь обратился к Дону:

— Извините, я очень устал. Что сделано — то сделано. Самое главное: куда девалось кольцо? Найти его как-нибудь можно?

На Доне просто лица не было:

— Боюсь, что уже нельзя.

Он коротко рассказал о попытках отнять у него кольцо и как он не нашел подходящего места, чтобы его спрятать.

— Я не думал, что это такая важная штука, но раз уж я обещал доктору Джефферсону, надо было свое обещание выполнять — наверное, иногда я бываю слишком упрям. Короче говоря, я сделал лучшее из того, что мне пришло тогда в голову: я передал кольцо другу и попросил его спрятать. Я подумал, что будет вернее всего отдать его на хранение человеку, про которого никто никогда не подумает, что кольцо у него.

— Звучит разумно, — признал Фиппс, — но кто этот человек?

— Одна девушка, — насупившись, сказал Дон. — Мне кажется, она погибла, когда напали «зеленые».

— Это точно?

— Я почти уверен. У меня была такая работа, что я мог расспрашивать многих людей, но со дня нападения эту девушку никто не видал. Я уверен, она погибла.

— Ты можешь и ошибаться. Как ее зовут?

— Изобел Костелло. Ее отец заведовал местным отделением ИТТ.

Лицо Фиппса вытянулось дальше некуда, потом он откинулся в кресле и разразился хохотом. Затем, вытерев выступившие на глазах слезы, спросил:

— Вы слышали, Сэр Исаак? Нет, вы слышали? Мы толкуем о синей птице, а она — у вас на заднем дворе! Бабушка потеряла очки, а они у нее на лбу!

Ничего не понимая, Дон переводил взгляд с Фиппса на дракона.

— Что такое? — спросил он с обидой в голосе.

— Что такое? Сынок, Джим Костелло и его дочка живут здесь со второго дня, как на нас напали. — Он вскочил на ноги. — Сиди здесь, никуда не уходи, я сейчас вернусь.

Фиппс и вправду вернулся очень быстро.

— Каждый раз путаюсь с этими вашими телефонами, Сэр Айк, — сказал он. — Но, как бы то ни было, они сейчас придут.

Он уселся и тяжело вздохнул.

— Когда-нибудь я сам себя сдам в психушку. Как полного идиота.

Фиппс замолчал, лишь изредка отпуская смешки. Сэр Исаак, казалось, созерцал свой пупок, которого у него отродясь не было. У Дона внутри бушевала буря, он почувствовал облегчение такое большое, что его нельзя было даже назвать приятным. Изобел жива!

В конце концов успокоившись, он спросил:

— Слушайте, может быть, кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

Сэр Исаак приподнял голову и притронулся щупальцем к клавишам.

— Прости меня, малыш. Я задумался о других вещах. Очень, очень давно, когда моя раса была молода, а люди еще не...

В разговор вмешался Фиппс.

— Извини, старина, но думаю, у меня получится покороче. А подробности ты расскажешь потом, — и, не дожидаясь согласия, обратился к Дону: — Так вот, Харви. Существует одна орга-

низация — заговор, тайная ложа — называй как хочешь. Для нас это — просто «Организация». В нее входим мы с Сэром Исааком, Мэлат, а также твои родители. И доктор Джефферсон тоже в нее входил. Большинство членов организации — это ученые, но не только. Единственное, что всех нас объединяет, — вера в достоинство и естественную ценность свободного разума. По-разному мы боролись — и без особого, надо сказать, успеха — против сложившейся в течение двух последних столетий политики ограничения личной свободы, той, которую проводили разные правительственные или близкие к правительственным организации, покрупнее и помогущественнее, чем наша.

На Земле наша группа имеет многих предшественников и корни у нее очень древние. Я говорю об объединениях ученых, которые боролись с секретностью и насилием над свободой мысли; художников, боровшихся с цензурой; обществах юридической помощи гражданам и о многих других организациях, чаще всего — действовавших без какого-либо успеха, а иногда — так и просто по-идиотски. Около ста лет назад подобные группы были вынуждены уйти в подполье; слабые погибли, болтливые выдали себя сами и их ликвидировали, а выжившие объединились.

Здесь, на Венере, начало нашей работе было положено после достижения взаимопонимания между Сайрусом Бьюкененом и местной доминирующей расой. На Марсе, кроме людей — о них я скажу позже, — в организацию вступили те, кого мы называем «жрецами». Впрочем, это плохой перевод: я думаю, точнее их было бы назвать «судьями».

— «Старшие братья», — перебил его Сэр Исаак.

— Как? А что — пожалуй, это хорошее поэтическое определение. Впрочем, неважно. Главное в том, что организации на Марсе, Венере и Земле стремились...

— Подождите, — остановил его Дон. — Если вы ответите на один мой вопрос, то я, наверно, пойму все, что хочу понять. Я — солдат Республики Венера, и мы ведем войну. Скажите, эта ваша организация — я имею в виду ее отделение на Венере, — поможет она нам вышвырнуть с планеты «зеленых»?

— Не совсем так. Видишь ли...

Дон так и не узнал, что они ему хотели сказать: речь Фиппса была прервана другим голосом:

— Дон! Дональд!

И он оказался в объятиях представительницы своей расы.

Казалось, Изобел вот-вот сломает ему шею. Дон был смущен, растроган и счастлив. Он осторожно разнял ее руки и, заметив, что отец девушки как-то странно на него смотрит, попробовал сделать вид, будто ничего не произошло.

— Э-э... здравствуйте, мистер Костелло.

Костелло подошел ближе и пожал ему руку.

— Здравствуйте, мистер Харви. Рад вас видеть.

— Я тоже рад. Я просто счастлив, что вы живы и здоровы. Я думал, что вы погибли.

— Мы были близки к этому.

Изобел сказала:

— Дон, ты так повзрослел! И такой худой!

Дон улыбнулся.

— А ты все такая же, Бабуля.

В разговор вмешался Фиппс:

— Мне бы не хотелось мешать вашей трогательной встрече, но время уходит. Мисс Костелло, нам нужно кольцо.

— Кольцо?

— Он говорит о том кольце, которое я у тебя оставил, — пояснил Дон.

— Кольцо? — спросил мистер Костелло. — Мистер Харви, вы подарили моей дочери кольцо?

— Ну, не совсем так. Дело в том, что...

Фиппс вновь встрял в разговор:

— Речь идет о том самом кольце, Джим, о кольце с посланием. Харви был вторым курьером и, похоже, твоя дочка стала его помощницей.

— Вот как? Тогда я ничего не понимаю, — он посмотрел на дочь.

— Кольцо у тебя? — спросил Дон. — Ты его не потеряла?

— Потерять твое кольцо? Нет, конечно, Дон. Но я думала... впрочем, неважно. Можешь его забрать.

Изобел огляделась. Присутствующие в четырнадцать глаз, если учитывать все глаза Сэра Исаака, выжидающе уставились

на нее. Отойдя на пару шагов, она на секундочку отвернулась, а когда повернулась обратно, в руке у нее было кольцо. Она протянула его Дону.

— Вот, держи.

Фиппс тут же потянулся к нему. Изобел отдернула руку и передала кольцо Дону. Фиппс открыл было рот, закрыл, потом снова открыл.

— Ну ладно. Теперь давай его сюда, Харви.

Дон опустил кольцо в карман.

— Вы так и не объяснили, с какой стати я должен вам его отдавать.

— Но... — Лицо Фиппса налилось кровью. — Это же просто нелепо! Если бы мы знали, что оно здесь, мы бы и посылать за тобой не стали — взяли бы кольцо и даже тебя не спрашивали.

— Ну уж нет!

Фиппс обернулся к Изобел.

— Что такое, девушка? Почему?

— А я бы его вам просто не отдала. Дон сказал, что кто-то пытается его у него отнять. Я и не знала, что вы — один из них!

Фиппса, который и так был от злости пунцовый, чуть не хватил удар.

— Я не намерен терпеть, чтобы важные дела превращали здесь в какие-то детские игры! — В два широких шага он подошел к Дону и схватил его за руку. — Хватит болтать, давай сюда послание!

Дон оттолкнул его и отступил на полшага. Все это он проделал одним плавным движением, и Фиппс, скосив глаза вниз, увидел у своего живота острие клинка. Дон держал нож свободно — большой палец поверх, два других снизу, как это делают знающие в таких вещах толк люди.

Казалось, Фиппс с трудом верит своим глазам. Дон тихо сказал:

— Отойдите от меня.

Фиппс попятился.

— Сэр Исаак!

— Да-да, Сэр Исаак, — подхватил Дон, — неужели вы потерпите все это в вашем доме?

Щупальца дракона впились в клавиши, но водер издал лишь какой-то неясный звук. Дракон сделал еще одну попытку и медленно произнес:

— Дональд, этот дом — твой дом. Тебе здесь ничто не угрожает. Прошу тебя — ради той услуги, что ты мне оказал, — убери оружие.

Дон мельком глянул на Фиппса, выпрямился, и нож куда-то исчез. Фиппс облегченно вздохнул и повернулся к дракону.

— Ну, Сэр Исаак, что вы думаете делать дальше?

На сей раз Сэр Исаак не стал включать водер.

— *Удалитесь,* — просвистел он.

— Что-что?

— Вы принесли в этот дом раздор. Разве вы оба не принадлежите к моей семье, и разве вы оба не находитесь в моем доме? И все же вы угрожали ему. Прошу вас, уйдите, пока не успели причинить еще большей печали.

Фиппс открыл было рот, но передумал и молча вышел. Дон сказал:

— Сэр Исаак, мне так жаль. Я...

— Пусть воды сомкнутся над этим. Пусть ил погребет все это. Дональд, дорогой мой, ну как мне тебя убедить, что твои почтенные родители, если бы они могли дать тебе совет, одобрили бы все, о чем мы просим?

Дон задумался.

— Мне кажется, Сэр Исаак, что все дело в этом самом «дорогом мальчике». Я вам не «дорогой мальчик». И никому другому. Моих родителей здесь нет, и я не уверен, что, будь они тут, я спросил бы у них совета. Теперь я уже взрослый человек. Конечно, я не так стар, как вы — для этого мне не хватает нескольких сотен лет. Даже по человеческим меркам я еще молод, и мистер Фиппс все еще видит во мне мальчишку. Вот в этом он ошибается. Я — не мальчик, и я хочу знать, что здесь происходит, и только потом принять собственное решение. Я уже вот как наслушался всех этих громких фраз, которыми пытались мной помыкать. Хватит, больше так не пойдет, мне нужно знать факты.

Прежде чем Сэр Исаак смог ответить, Изобел громко захлопала в ладоши. Дон спросил ее:

— Изобел, ты об этом что-нибудь знаешь?

— Я? Ничего. Для меня все эти дела — сплошной мрак. Я просто аплодирую твоей речи.

— Моя дочь, — быстро заговорил Костелло, — ничего об этом не знает. А я знаю, и, думаю, вы тоже имеете право знать.

— Еще бы!

— Вы позволите, Сэр Исаак?

Дракон величественно наклонил голову, и Костелло продолжил:

— Давайте, спрашивайте. Я постараюсь отвечать честно.

— Хорошо. Что это за послание в кольце?

— Видите ли, точно я сказать не могу — если бы мы это знали точно, кольцо нам вообще не понадобилось бы. Насколько я знаю, в послании содержится некая научная информация из области физики — о гравитации, инерции, спи́не и прочих такого рода вещах. Теория поля. Информация чрезвычайно сложная, и сообщение, конечно же, очень длинное — и я, пожалуй, не сумел бы там ничего понять, даже если бы его прочитал. Я же не какое-нибудь там светило теоретической физики — я простой инженер-связист, да и то уже многое подзабыл.

Дон был сбит с толку.

— Не понимаю. Кто-то запихивает в кольцо учебник физики, а мы играем в сыщиков и воров, гоняем по всей Системе. По-моему, это глупо. Да и невозможно.

Он вынул кольцо и принялся его рассматривать. На свет пластик был совершенно прозрачным. Обычный дешевый сувенир. Ну разве можно упрятать в таком объемистый труд по физике?

Сэр Исаак сказал:

— Дональд, дорогой мой маль... Ох, прошу прощения... Чешуя! Ты думаешь, если что-то выглядит слишком просто, то это настоящая простота. Можешь не сомневаться: послание там, внутри. Теоретически возможно создать матрицу, каждая молекула которой что-либо означает. Именно так устроены мозговые клетки. Умей мы работать так тонко, можно было бы уместить всю Британскую энциклопедию в объеме булавочной головки. Именно булавочной головки! Но тут все гораздо проще.

Дон еще раз осмотрел кольцо и опустил его в карман.

— Ну ладно. Но я так и не понял, к чему, собственно, из-за него столько шума.

Ответил ему мистер Костелло:

— Мы тоже не все понимаем. Послание должно было попасть на Марс. Там на месте специалисты готовы пустить его в дело. Лично я, пока не попал сюда, имел лишь самое общее представление о проекте. Основная идея состоит вот в чем: уравнения, содержащиеся в данной работе, поясняют, как устроено пространство и как с ним обращаться. Я не могу даже представить себе все возможные применения этого, но нам известны два возможных приложения. Во-первых, мы можем установить силовое поле, которое не пробьет даже водородная бомба. Во-вторых, мы можем создать корабль с такими двигателями, что ракета покажется по сравнению с ним пешеходом. Только не спрашивайте меня, как это сделать — такие вещи вне моей компетенции. Спросите у Сэра Исаака.

— Но только после того, как я изучу содержание работы, — сухо заметил дракон.

Дон ничего не ответил. Несколько секунд в комнате царила тишина, которую нарушил Костелло:

— Ну что? Может быть, вы хотите спросить о чем-нибудь еще? Я не совсем понимаю, что вам известно, и поэтому не знаю — что вам рассказывать.

— Мистер Костелло, вы знали об этом послании, когда я разговаривал с вами в Нью-Лондоне?

Костелло покачал головой.

— Я знал лишь о тех надеждах, которые наша организация возлагала на проводимые на Земле работы. Я знал, что они должны быть завершены на Марсе, — видите ли, я был связным, «почтовым ящиком», так сказать, и все сообщения с Венерой осуществлялись через меня, раз уж мой пост давал мне возможность осуществлять межпланетную связь. Я не знал о том, что курьер — вы, и, тем более, мне даже в голову прийти не могло, что вы доверили послание организации моей единственной дочери, — он кисло улыбнулся. — Должен признаться, я даже не сообразил, что ваши мать и отец состоят в нашей организации, иначе у нас не возникло бы никаких вопросов по поводу вашей телеграммы —

могли вы заплатить или нет. Переписка организации отмечается особыми знаками, которые мне известны. Их в вашей телеграмме не оказалось. Ну, а фамилия Харви встречается очень часто.

— А знаете, — задумчиво сказал Дон, — пожалуй, если бы доктор Джефферсон объяснил мне, что именно я везу, а вы больше бы доверяли Изобел и хотя бы намекнули ей о том, что здесь происходит, мы много бы чего избежали.

— Может быть. Но люди порой погибают из-за того, что знают слишком много. С другой стороны, нельзя выдать того, чего не знаешь.

— Вы правы. Но мне кажется, что нужно бы устраивать дела так, чтобы людям не приходилось мотаться по планетам, набив карманы секретами и боясь проболтаться.

Костелло и дракон согласно склонили головы. Человек сказал:

— Это как раз то, чего мы хотим — в конечном итоге. Именно такого мира.

Дон обратился к хозяину дома:

— Сэр Исаак, когда мы с вами встретились на «Дороге Славы», вы знали о том, что доктор Джефферсон использует меня как посыльного?

— Нет, Дональд, хотя я должен был догадаться об этом, узнав, кто ты такой. — Дракон помолчал и добавил: — У тебя есть еще вопросы?

— Нет, *я хотел бы просто немного подумать.*

Слишком много событий за такое короткое время. Масса новой информации. Взять хотя бы то, что говорил про кольцо мистер Костелло — о том, к чему все это могло привести, если, конечно, инженер не ошибался. Космический двигатель, который позволил бы шутя обгонять корабли Федерации... способ защиты от атомных и даже термоядерных бомб... Располагай Республика такими возможностями, можно было бы запросто послать Федерацию куда подальше!

Но, *с другой стороны, этот тип, Фиппс, говорил, что вся эта* возня затеяна вовсе не для того, чтобы разгромить «зеленых». Организация собирается передать кольцо — что бы в нем ни было — на Марс. Зачем? На Марсе даже нет постоянных поселений людей — только научные станции и экспедиции вроде той, в которой

участвуют родители Дона. Марс вообще не пригоден для человека — если на то пошло. Тогда почему Марс?

Кому верить? Изобел, конечно. Он доверился ей, и девушка не подвела. Ее отцу? Изобел и ее отец — разные люди, девушка даже понятия не имела, чем занимается мистер Костелло. Дон взглянул на Изобел; она смотрела на него большими серьезными глазами. Дон посмотрел на ее отца. Что делать? Как ему поступить?

Мэлат? Голос из бочки! Фиппс? Может быть, у него золотое сердце и он очень любит детей, но почему Дон ему должен верить? Да, все они действительно знали про доктора Джефферсона, знали о кольце, возможно, и про родителей его знали — но ведь Бэнкфилд тоже обо всем этом знал. Дону нужны *доказательства,* а не пустые слова. Теперь-то он уже знает достаточно и пережил тоже достаточно, чтобы понять, какую важную вещь он вез. Он *не имеет права* ошибиться.

Дон вдруг понял, что у него есть способ проверить все это. Фиппс говорил, будто бы Мэлат вез вторую половину послания, а первая содержалась в кольце. Если выяснится, что вторая половина подходит к той, что лежит у него в кармане, то это и будет лучшим доказательством того, что те, кто устроили эту встречу имеют право получить послание.

Но черт побери! В таком случае ему придется разбить яйцо, чтобы узнать, свежее оно или стухло. Он должен получить доказательства до того, как отдаст кольцо. Дон уже сталкивался со способом передачи сообщений, состоящих из двух частей. Обычный прием, к которому прибегали в армии. И прибегали к нему исключительно в тех случаях, когда было жизненно важно не допустить перехвата сообщения, когда лучше потерять его, чем отдать в руки врага.

Он посмотрел на дракона.

— Сэр Исаак...

— Слушаю тебя, Дональд.

— Что будет, если я не отдам кольцо?

Сэр Исаак ответил не задумываясь, торжественно и очень серьезно:

— Что бы ни произошло, ты — мое яйцо. Это — твой дом, и ты можешь жить здесь или уйти отсюда, ничего не опасаясь. Ты совершенно свободен в своих поступках.

— *Благодарю вас, Сэр Исаак,* — просвистел Дон, называя дракона его настоящим именем.

— Мистер Харви... — По голосу Костелло чувствовалось: он хочет сказать что-то срочное и важное.

— Да?

— Вы знаете, почему речь драконов называют «истинным наречием»?

— Э-э... вообще-то, нет.

— Потому, что это действительно истинное наречие. Видите ли, я изучал сравнительную семантику. В языке свиста нет даже понятия, обозначающего ложь. *Если в языке нет соответствующего символа, то говорящий даже не может подумать об этом.* Спросите Сэра Исаака, мистер Харви! Спросите на его родном языке. Если он ответит, то лишь чистую правду!

Дональд посмотрел на старого дракона. У него мелькнула мысль о том, что Костелло прав — у драконов нет слова для обозначения понятия «ложь»: они либо не додумались до него, либо не имели нужды в неправде. Сможет ли Сэр Исаак солгать? Или он настолько сжился с людьми, что способен вести себя и мыслить как человек? Дон посмотрел на Сэра Исаака, встретив взгляд восьми пульсирующих драконьих глаз. Откуда знать человеку, о чем думает дракон?

— Спросите его! — настаивал Костелло.

Дон не верил Фиппсу. Никакая логика не могла его заставить поверить и Костелло — просто не было к тому причин. Изобел тут ни при чем.

Но кому-то ведь надо верить, в конце концов! Хотя бы иногда. Человеку нельзя в одиночку. Что ж, пусть это будет дракон, тот самый, с которым они вместе «делили ил».

— Не надо, — сказал Дон. — Вот.

Он полез в карман, достал оттуда кольцо и надел его на одно из драконьих щупалец.

Щупальце обволокло кольцо пульсирующей плотью.

— *Благодарю тебя, Туман-над-Водами.*

16. MULTUM IN PARVO*

Дон взглянул на Изобел и увидел, что она стоит серьезная, торжественная, но вроде бы его действия одобряет. Ее отец тяжело опустился в соседнее кресло.

— Уф! — вздохнул он. — А вы крепкий орешек, мистер Харви. Заставили меня поволноваться.

— Извините. Я должен был подумать.

— Теперь это уже не имеет значения. — Костелло обернулся к Сэру Исааку. — Может быть, поискать Фиппса? Как вы думаете?

— Не надо, — раздался от дверей голос. Все присутствующие обернулись — все, кроме Сэра Исаака, которому не было нужды поворачиваться. Фиппс вошел и остановился у порога. — Я пришел в тот момент, когда ты кончал говорить, Джим. Я вам нужен?

— Да, нужен.

— Тогда одну секунду. Я пришел совсем по другой причине, — он повернулся к Дону. — Я должен извиниться перед вами, мистер Харви.

— Ну что вы, все в порядке.

— Нет уж, позвольте мне сказать. Я не имел никакого права принуждать вас к сотрудничеству. Поймите меня правильно: нам необходима ваша помощь. И я буду и дальше уговаривать вас, спорить с вами до тех пор, пока мы не получим кольцо. Я погорячился и начал не с того конца. Нервы на пределе — это все они виноваты.

— Ну, я тоже вел себя не ахти, — сказал Дон, — так что забудем об этом.

Он повернулся к дракону:

— Сэр Исаак, вы позволите?

Он протянул руку к щупальцу, и на его раскрытую ладонь упало кольцо. Дон подал его Фиппсу.

Несколько секунд Фиппс тупо глядел на кольцо. Потом поднял голову, и Дон с удивлением увидел в глазах у мужчины слезы.

---

*Многое в малом *(лат.)*.

— Я не стану благодарить вас, — сказал Фиппс. — Когда вы увидите, что из всего этого выйдет, это будет значить для вас гораздо больше, чем какая-то там благодарность. В этом кольце заключены жизнь и смерть многих, очень многих людей. Вы сами в этом убедитесь.

От чувства, с которым все это было сказано, Дону стало не по себе.

— Могу себе представить, — серьезно ответил он. — Мистер Костелло уже рассказывал мне про защиту от бомб и про более быстроходные корабли, и я так думаю — все мы на одной, в общем-то, стороне. Надеюсь, что я не ошибаюсь.

— Ошибаетесь? Какое там ошибаетесь! И не «в общем-то», а совершенно точно! А теперь, когда у нас есть вот это, — он поднял руку, в которой было зажато кольцо, — у нас появился шанс спасти наших людей на Марсе!

— На Марсе? — переспросил Дон. — Погодите! Что значит — «на Марсе»? Кого спасать? От чего?

Теперь пришел черед удивляться Фиппсу.

— Но разве не поэтому вы отдали кольцо?

— Что значит поэтому?

— Разве Джим... А я думал, что вы уже...

Раздался голос водера Сэра Исаака:

— Джентльмены, судя по всему, возникло предположение, что...

— *Подождите!* — воскликнул Дон. Фиппс открыл было рот, но Дон торопливо его перебил: — Я совсем уже ничего не понимаю. Может мне кто-нибудь объяснить, что происходит? Только кто-нибудь один, а не все сразу.

И Костелло принялся рассказывать.

В течение многих лет Организация потихоньку сооружала на Марсе исследовательский центр. Это была одна из тех планет в Системе, где большинство людей составляли ученые. Федерация держала там лишь небольшой гарнизон. Марсу не придавалось никакого особенного значения: планета считалась местом, где безобидные волосатики-интеллектуалы могут копаться в развалинах и изучать обычаи древней угасающей расы.

Офицеры секретной службы из МБР на Марс обращали внимание мало, не видя в этом необходимости. Если туда порой и попадал кто-нибудь из агентов, ему показывали работы, которые военного значения не имели.

У группы, что обосновалась на Марсе, не в пример ученым Земли, не было современного оборудования — всех этих кибернетических машин-мастодонтов, неограниченных источников атомной энергии, сверхмощных ускорителей частиц, огромных лабораторий. Но зато у них было другое — свобода. На Марсе были проведены теоретические исследования, заложившие основы новых направлений в физике. В их основу легли таинственные записи, оставшиеся со времен Первой Империи — почти мифической эпохи политического единства Солнечной системы. Дону было приятно услышать, что его родители тоже внесли немалый вклад в работу над этой проблемой. Было известно — во всяком случае об этом свидетельствовали древние марсианские записи, — что корабли Первой империи совершали межпланетные перелеты, длившиеся не месяцы, не недели, а какие-то считаные дни.

Имелись пространные описания этих кораблей и их двигателей, но языковые барьеры, несходство основных понятий и различия технологий создавали препятствия, казавшиеся специалистам по сравнительной семантике непреодолимыми и которые едва не доводили их до нервных срывов, причем порой в буквальном смысле этого слова. Чтобы получить представление о возникавших при расшифровке трудностях, можно представить себе учебник по современной электронике, написанный на санскрите, да еще в стихах, где едва ли не половина основных понятий считается чем-то само собой разумеющимся.

Создать точный и вразумительный перевод древних рукописей оказалось невозможно. Чтобы восполнить недостающее, пришлось вложить в работу немало труда и таланта.

Когда теоретическая работа продвинулась настолько, насколько это было возможно, члены Организации доставили результаты на Землю для тайной экспериментальной проверки и для перевода теории на язык современной техники. Поначалу между планетами шел непрерывный обмен информацией, но по мере того как проблема приобретала все более секретный характер, члены Орга-

низации все менее и менее охотно соглашались на поездки из опасения выдать то, что они знают. К тому моменту, когда на Венере разразился кризис, уже несколько лет существовала практика отправки самых важных сведений с курьерами, которые ничего не знали и, следовательно, не могли проболтаться, — такими, как Дон, — либо с инопланетными существами, которые были физически невосприимчивы к методам служб безопасности. Например, применять к венерианскому дракону «третью степень» не только непрактично, но даже просто смешно. По иным, но, впрочем, не менее очевидным причинам силовые методы полиции также оказывались бесполезны и по отношению к марсианам.

Дона выбрали в последний момент, он оказался, если можно так выразиться, «оказией», вот только обострение отношений с Венерой спутало вдруг все карты. Причем весь ужас положения стал ясен лишь после налета коммодора Хиггинса на «Околоземную». Конструкторские данные — та половина, которую вез Дон, — вместо Марса попали на Венеру и затерялись там в дыму *восстания и ответного удара «зеленых»*. *Мятежные поселенцы*, преследовавшие те же цели, что и Организация, сами того не ведая, лишили себя великолепного шанса свергнуть власть Федерации.

Сообщение между членами Организации, находившимися на Венере, Земле и Марсе, с грехом пополам было восстановлено, причем действовать приходилось под самым носом полиции Федерации. На всех трех планетах у Организации имелись свои люди в ИТТ — такие, как например Костелло. Ему и его дочери помогли бежать потому, что он слишком много знал; ареста и допроса Костелло допустить было нельзя. Новый «почтовый ящик» был организован на Губернаторском острове при помощи агента, служившего в войсках связи Федерации техником-сержантом. Связь с сержантом поддерживалась через дракона, у которого был контракт на уборку мусора на базе «зеленых». У этого дракона не было водера, а сержант, в свою очередь, не знал языка свиста, но щупальце всегда может вложить в руку записку.

Канал связи, несмотря на опасности и преграды, заработал; вот только теперь члены Организации не могли совершать межпланетные путешествия. Из всех пассажирских линий сохранился один маршрут: Земля—Луна. Венерианская группа предприняла

отчаянную попытку завершить проект, предварительная подготовка которого осуществлялась на Марсе. Это не было невозможным — при условии, что венерианцы сумеют отыскать недостающую часть послания, снарядить корабль, отправить его на Марс и там полностью закончить работу.

Они надеялись... и надежда жила в них до самого последнего времени, когда стало известно о том, что в Организации на Земле случилось непоправимое — один из высокопоставленных членов был арестован и не смог себя вовремя убить.

Федерация уже выслала боевые корабли с десантом, который должен был расправиться с марсианским отделением Организации.

— Минутку! — *воскликнул Дон.* — Мистер Костелло, разве вы не говорили мне, когда мы встречались в Нью-Лондоне, что Федерация уже высадила свои войска на Марсе?

— Не совсем верно. Я сказал, что Федерация, по-видимому, захватила станцию «Скиапарелли», на которой размещалось отделение ИТТ. В некотором смысле так и произошло — во всяком случае, они ввели жесткую цензуру и прекратили всякое сообщение с Венерой. Для этого им хватило горстки солдат гарнизона, постоянно находившегося на Марсе. Но теперь в дело пущены регулярные части. Они-то и должны ликвидировать Организацию.

Ликвидировать Организацию... Дон перевел это зубодробительное выражение на нормальный язык: убить всех, кто против. Значит, и его родителей тоже...

Он потряс головой. Эта мысль как-то не укладывалась в сознании. Хотя он много лет не видел родителей, совсем не помнил их лица — все равно он не мог представить их мертвыми. Он подумал, а может, он сам умер, раз потерял способность переживать.

Впрочем, неважно. Нужно что-то предпринимать.

— Что нам делать? Как их остановить?

— Первым делом — перестанем терять время! — ответил Фиппс. — Мы уже и так полдня потеряли. Сэр Исаак?

— Да, друг мой. Давайте поторапливаться.

* * *

Помещение представляло собой обычную лабораторную мастерскую, разве что, когда ее строили, учитывали габариты драконов. Иначе и быть не могло: здесь работали ровно дюжина драконов, человек пятьдесят мужчин и несколько женщин. Все, кто мог оторваться от работы, захотели присутствовать при вскрытии кольца. Пришел даже Мэлат-да-Тон. Он держался в своем контейнере при помощи механического корсета, и его хрупкое тело переливалось цветами, говорящими о сильном волнении.

Дон и Изобел взобрались на эстакаду у входа, откуда можно было все видеть, не мешая работе. Прямо напротив размещался стереоэкран. Он светился, но изображения на нем пока не было. Внизу стоял микроманипулятор, рассчитанный на дракона. Остальную площадь лаборатории занимали прочая аппаратура и инструменты. Дон рассматривал их с удивлением — но не потому, что это были конструкции драконов (многие из них явно вышли из-под человеческих рук). Всякое лабораторное оборудование кажется непосвященному странным. Предметы, изготовленные аборигенами, были привычны Дону; две технологии — людей и драконов — настолько переплелись, что человеку, особенно живущему на Венере, не казались странными соединения, выполненные простой скруткой вместо сварки или болтов, он не находил необычными сцепленные друг с другом овоиды там, где человек использовал бы винты.

За микроманипулятором, положив щупальца на управление, сидел Сэр Исаак. Над его головой нависало устройство, снабженное восемью окулярами. Дракон тронул переключатель, и на экране появилось цветное объемное изображение кольца. Увеличенное изображение имело в поперечнике около восьми футов. Экран заполнила печатка кольца, на которой было вырезано залитое эмалью углубление в форме заглавной *«Н»* в белом эмалевом кружке.

Изображение дрогнуло и изменилось. Теперь была видна лишь часть буквы, но зато настолько увеличенная, что эмаль, втертая в неглубокие канавки, стала похожей на обломки каменных плит. На экране возникла тень какого-то цилиндрического инструмента — в фокусе был только его конец, — из которого вдруг

появилась огромная маслянистая капля и, отделившись от «пера», растеклась по эмали. «Каменные обломки» начали рассыпаться на мелкие куски.

На эстакаду взобрался Монтгомери Фиппс. Увидев Дона и Изобел, он уселся рядом с ними на край платформы. Видимо, он хотел загладить свою недавнюю резкость.

— Вам будет о чем рассказать своим внукам, — сказал он. — Старина Сэр Айк за работой. Лучший микрооператор в Системе: может вытащить любую молекулу, посадить ее куда надо и заставить стоять на задних лапах.

— Фантастика какая-то, — кивнул Дон. — Я и не знал, что Сэр Исаак — лаборант.

— Как бы не так! Он — великий физик! Неужели ты еще не понял, почему он себе выбрал такое имя?

Дон смутился. Он знал, что драконы берут себе человеческие имена, но считал, что те воспринимают их как некую данность наподобие его собственного венерианского имени.

— Почти весь его род — ученые, — продолжал Фиппс. — У Сэра Исаака есть внук, который взял себе имя Галилео Галилей, — ты с ним не знаком? Есть у них и Доктор Эйнштейн, и Мадам Кюри, есть специалистка по химическому синтезу, назвавшая себя — одному Яйцу известно почему, — Маленький Лютик. Но Сэр Айк — самая среди них голова. Он летал на Землю, чтобы помочь в разработке нашего проекта. Ты ведь знал об этом? А? Знал?

Дон признался, что нет. Изобел спросила:

— Мистер Фиппс, вы говорите, что Сэр Исаак работал над проектом на Земле. Почему же тогда он не знал, какая в кольце информация?

— Что-то знал, чего-то не знал. Он работал в области теории. А из кольца мы надеемся извлечь готовые инженерные разработки, причем осуществить их можно будет средствами, привычными для людей. Это совершенно разные вещи.

Дон задумался. До сих пор «наука» и «техника» представлялись ему более или менее тесно связанными понятиями; Дону не хватало образования, чтобы осмыслить огромную разницу между ними. Он заговорил о другом.

— А вы сами работали в лаборатории, мистер Фиппс?

— Я? Великое небо, конечно, нет! У меня ж руки-крюки! Я изучаю движущие силы истории. Когда-то эта наука была теоретической, теперь — прикладная. Что ж, в этом месте пусто.

Фиппс смотрел на экран. Растворитель, каждая капля которого выглядела размером с бочку, смыл эмаль на краю буквы *«Н»*; под слоем краски пластик оказался янтарного цвета и был совершенно прозрачен.

Фиппс вскочил на ноги:

— Не могу сидеть спокойно. Ужасно нервничаю. Пожалуйста, извините меня.

— Ну что вы, конечно.

На эстакаду взобрался дракон. Фиппс отошел в сторону, и дракон остановился с ним рядом.

— Привет, мистер Фиппс! Не возражаете, если я тут пристроюсь?

— Ради Бога. Вы знакомы с ребятами?

— Да, я уже встречался с этой леди.

Дон представился, назвав оба своих имени, и дракон, в свою очередь, свои — *Освежающий Дождь* и Джозефус («Зовите меня просто Джо»). Для Дона Джо оказался вторым после Сэра Исаака драконом, который имел водер и умел им пользоваться. Дон с интересом посмотрел на дракона; было ясно, что Джо учился английскому не у того кокни, который преподавал язык Сэру Исааку... «Наверняка у техасца», — решил Дон.

— Для меня большая честь находиться в вашем доме, — сказал Дон.

Дракон устроился поудобнее и опустил голову так, что его подбородок оказался на уровне человеческих плеч.

— Это не мой дом. Наши снобы пустили меня сюда лишь потому, что я умею делать некоторые вещи лучше других. Я здесь только работаю.

— Ну что вы... — Дон хотел было вступится за Сэра Исаака, какой, мол, из него сноб, но, подумав, решил не встревать в драконьи дела и вновь повернулся к экрану. Следящая камера переместилась на эмалевое кольцо вокруг буквы *«Н»*, и на экране было видна его дуга примерно в пятнадцать-двадцать градусов. Увеличение выросло настолько, что крохотный сектор расширился

до огромных размеров. На эмаль вновь уронили каплю растворителя; жидкость разъела краску.

— Вот теперь, пожалуй, что-то получается, — сказал Джо.

Эмаль таяла, словно снег под весенним дождем. Но на этот раз вместо прозрачного пластика под ней открылось нечто вроде переплетения стальных труб, лежащих в неглубокой канаве.

Воцарилась полная тишина — и вдруг кто-то радостно вскрикнул. Дон только теперь понял, что и сам он все это время сидел, затаив дыхание.

— Что это? — спросил он у Джо.

— Проволока. А ты чего ждал?

Сэр Исаак прибавил увеличение и сдвинул рабочее поле на соседний сектор. Осторожно, словно мать, купающая своего первенца, он смывал слой краски, покрывающий свернутую в кольцо проволочку. Затем на экране появился микроскопический захват. Очень аккуратно покопавшись в бороздке, он извлек оттуда проволочный конец.

Джо встал на ноги и сказал:

— Пора за работу. Теперь моя очередь.

Дракон сошел с эстакады. Дон заметил, что у Джо еще не вполне отросла правая средняя лапа, отчего тот выглядел несколько перекошенно, словно автомобиль со спущенной шиной.

Проволочку медленно и осторожно очистили от краски и выпрямили. С начала операции прошло больше часа — и вот уже микроманипулятор держит в своих «пальцах» добычу: четыре фута стальной проволоки, настолько тонкой, что различить ее невооруженным глазом, даже драконьим, было бы просто невозможно.

Сэр Исаак оторвался от окуляров.

— Проволока Мэлата готова? — спросил он.

— Все готово.

— Вот и прекрасно, друзья мои. Тогда начнем.

Обе проволочки вставили в обычные микропроволочные проигрыватели, включенные параллельно. У контрольного пульта, надев на голову наушники, с озабоченным лицом сидел мистер Костелло. Он следил за синхронизацией фрагментов, записанных на разные проволочки вперемежку, так, чтобы полную информа-

цию нельзя было считать ни с одной из них по отдельности. Стальные паутинки начали медленно раскручиваться, и из динамика раздалось писклявое бормотание, порой на мгновение прерывавшееся, — это было похоже на морзянку, передаваемую с очень высокой скоростью.

— Нет синхронности, — объявил Костелло. — Перемотай назад.

Сидевший напротив оператор сказал:

— Очень не хочется перематывать, Джим. Такое ощущение, что дунь на них и они порвутся.

— Если проволока порвется, Сэр Исаак починит ее. Так что давай перематывай!

— Может быть, ты поставил какую-нибудь задом наперед?

— Заткнись и включай перемотку.

Через некоторое время бормотание возобновилось. Для Дона это был все тот же бессмысленный писк, но мистер Костелло кивнул:

— То, что надо. Запись идет с самого начала?

Дон услышал техасский выговор Джо:

— Все тип-топ.

— Ладно, тогда пусть крутится, а вы начинайте воспроизводить запись. Постарайтесь замедлить скорость раз в двадцать.

Костелло щелкнул переключателем. Невнятный звук прекратился, но механизмы продолжали разматывать невидимые проволочки. Вскоре из репродуктора послышался человеческий голос; речь звучала басовито, с дрожью и неразборчиво. Джо остановил воспроизведение, подправил настройку и вновь запустил аппаратуру. Опять послышался голос, и на сей раз это было чистое, приятное и очень отчетливое контральто.

— Заголовок, — объявил голос. — «Некоторые замечания к практическому применению уравнений Хорста–Милна». Содержание: Часть первая. О конструировании генераторов для реализации свободного от деформации прямолинейного движения. Часть вторая. Генерация пространственно-временных разрывов: закрытых, открытых, свернутых. Часть третья. О создании областей с временным псевдоускорением. Часть первая, глава первая. Основы конструирования простейших генераторов и систем управления. Из уравнения семнадцать приложения А видно, что...

Голос продолжал говорить, не умолкая ни на секунду. Дон прислушивался, ему было страшно интересно, хотя он и не понимал ни слова. Он почувствовал, что засыпает, когда голос вдруг произнес:

— Иллюстрация! Иллюстрация! Иллюстрация!

Костелло, притронувшись к клавише, отключил звук и спросил:

— Камеры готовы?

— На полном ходу!

— *Переключайте!*

На экране стало постепенно появляться изображение. Дон решил, что это — какая-то электронная схема, а может — спагетти в тарелке. Когда рисунок проявился полностью, вновь зазвучал голос.

Через два с лишним часа прослушивания, прерываемого лишь короткими репликами, Дон обернулся к Изобел:

— Все равно мне с этого никакого толку, ничего нового я здесь не узнаю. Может, пойдем отсюда?

— Давай.

Они спустились с эстакады в туннель, ведущий к жилым помещениям. По пути им встретился Фиппс, лицо которого прямотаки светилось от счастья. Дон кивнул ему и хотел было пройти мимо, но Фиппс его задержал.

— А я уж собрался тебя искать.

— Меня?

— Да. Я подумал, что ты, наверно, захочешь взять это — ну, как сувенир, что ли, — и протянул Дону кольцо.

Дон взял его и внимательно рассмотрел. На одной из палочек, которые составляли *«Н»*, там, где была смыта эмаль, темнело едва заметное пятнышко. Окружающее букву кольцо было очищено от краски и имело узкую неглубокую прорезь, в которую Дон едва мог просунуть ноготь.

— Оно вам больше не нужно?

— Мы вытянули из него все, что могли. Пусть оно останется у тебя. Когда-нибудь любой музей отвалит за него хорошие деньги.

— Нет, — сказал Дон. — Уж лучше я его отвезу отцу. Когда все кончится.

17. ПЕРЕВЕСТИ ЧАСЫ

Дон переселился из огромных, под стать Гаргантюа, комнат, где его поселили вначале, туда, где жили все остальные люди. Разумеется, Сэр Исаак разрешил бы ему остаться в гигантских залах, пока не остынет Солнце, но оставаться тут Дону казалось не только глупым — ведь эти комнаты строились в рост драконов, — но и простонапросто неудобным. Человеку, привыкшему к партизанской войне, такое большое открытое пространство действовало на нервы.

Люди занимали одну из драконьих квартир, комнаты которой поделили для этой цели на небольшие клетушки. Драконье «корыто», которым люди пользовались вместо бассейна, и обеденный стол были для всех общими. Дон жил в одной комнате с доктором Роджером Конрадом, высоким худощавым молодым человеком, на лице которого постоянно светилась чудаковатая улыбка. Узнав о том, что Конрад пользуется среди остальных ученых немалым авторитетом, Дон слегка удивился.

Он редко встречался с соседом, как, впрочем, и с остальными — даже Изобел была постоянно занята канцелярской работой. Группа трудилась день и ночь с лихорадочным напряжением. Да, кольцо было вскрыто и теперь у них имелись все необходимые для работы данные, но военная эскадра была уже на пути к Марсу. Никто не знал, да и не мог знать, успеют ли ученые и инженеры закончить работу вовремя, чтобы спасти коллег.

Однажды — была уже глубокая ночь — перед тем как лечь спать, Конрад попытался кое-что разъяснить Дону.

— У нас нет подходящего оборудования, а инструкции рассчитаны на земную и марсианскую технику. Драконы все делают по-другому. У нас здесь мало людей, и очень трудно сляпать из хозяйства драконов то, что нам нужно. Сначала мы думали установить оборудование на этих маленьких суденышках, на которых летают вокруг Марса. Ты их видел?

— Только на фотографиях.

— Я тоже живьем ни разу. Как ракетные корабли они полная ерунда, но герметичны и места внутри хватает. А теперь нам приходится подлаживать конструкцию к местным шаттлам.

Надстратосферный шаттл, которому «подстригли уши» — то есть убрали крылья, предназначенные для полета-планирования в атмосфере, — уже ждал своего часа в крытом ангаре неподалеку от дома Сэра Исаака. Он-то и должен был полететь на Марс — если удастся его к этому подготовить.

— Сплошная головная боль, — добавил Конрад.

— Но мы справимся?

— Мы обязаны справиться. Мы не можем провести заново все конструкторские расчеты — у нас нет для этого нужной техники, не говоря уже о том, что нет времени.

— Я про это и спрашиваю. Вовремя мы закончим?

Конрад вздохнул.

— Хотел бы я знать.

Все, кто трудился над проектом, почти физически ощущали давление времени. В столовой повесили карту, на которой отмечалось текущее положение Солнца, Венеры, Земли и Марса. Каждый день, во время обеда, точки, обозначающие планеты, передвигали вдоль линий орбит: Землю — на градус, Венеру — несколько больше, Марс — на полградуса с хвостиком.

Длинным пунктиром, начинавшимся на орбите Земли и оканчивавшимся в точке встречи с Марсом, изобразили траекторию, по которой, скорее всего, будет передвигаться эскадра. Единственное, что было известно наверняка, — дата вылета кораблей; их траектории и момент прибытия рассчитывались исходя из относительного расположения планет и максимальной скорости. При этом предполагалось, что их дозаправят на одной из околоземных парковочных орбит.

Для ракетного корабля годится не всякая орбита. Разумеется, военный корабль, получивший неотложную боевую задачу, не полетит по экономичной эллиптической траектории — в таком случае путешествие к Марсу заняло бы 258 земных суток. Но даже если двигаться по гиперболе, не жалея топлива, корабль с обычным ракетным двигателем выполнит свою задачу не скоро.

Подле карты висели земной календарь и часы, показывавшие время по Гринвичу. Тут же вывешивался листок с цифрой, которую всякий раз уменьшали на единицу, когда часы завершали очередной суточный цикл. Эта цифра означала число дней до

расчетного момента прибытия эскадры на Марс. По оценкам, таких дней оставалось всего тридцать девять.

Дон наслаждался жизнью, вот где был настоящий солдатский рай: ешь, сколько влезет, — горячо, вкусно и подают всегда вовремя, спи, пока не проснешься, чистая одежда, ванна, никаких тебе обязанностей и опасностей. Одно плохо — слишком скоро все это стало у него поперек горла.

Видя кипящую вокруг лихорадочную деятельность, Дон прямо сгорал от стыда и всюду лез со своей помощью. Но скоро понял, что если ему что-то и поручают, то, единственно, чтобы отвязаться. В сущности, ничего дельного ему предложить не могли; у специалистов, на пределе своих возможностей пытавшихся заставить работать невероятной сложности электронные схемы, попросту не было времени на такого помощника. Дон к ним больше не приставал, он стал жить, как и жил, особенно ничего не делая, и скоро обнаружил в себе способность засыпать днем. Результатом такого открытия стала ночная бессонница.

Он все не мог понять, что же мешает ему отдыхать спокойно. Тревога за родителей?

Конечно, что же еще! Пусть их образы потускнели в памяти, все равно Дона постоянно мучала совесть из-за того, что они там — в опасности, а он здесь — сидит сложа руки. Больше всего ему хотелось сейчас уехать отсюда, раз толку от него все равно никакого, вернуться к привычным занятиям — туда, где между боями ни о чем не болит голова, а уж когда ты в деле — тревоги хоть отбавляй. Медленно ползти под прикрытием ночи, вокруг ни звука, только слева и справа дышат твои товарищи, ползти и думать, какие еще ловушки понаставили на пути «зеленые», чтобы на них не могли внезапно напасть... затем быстрый удар и — со всех ног бегом к лодке, вслепую, ничего не видя, не слыша, только ощущая костями черепа трели ультразвукового свистка офицера...

Да, ему хотелось назад.

Дон отправился к Фиппсу, чтобы обсудить это дело, и нашел его в кабинете.

— А, это ты?! Закурим?

— Нет, спасибо.

— Настоящий табак, а не эта ваша «балдежная трава».

— Спасибо, я не курю.

— Честно говоря, ты не много теряешь. По утрам во рту сплошная помойка... — Фиппс закурил сигарету и откинулся в кресле.

— Слушайте, вы здесь главный... — начал Дон.

Фиппс выпустил дым и осторожно сказал:

— Ну, скажем так: я — координатор. Технической работой я даже не пытаюсь руководить.

Дон отмахнулся.

— В том деле, о котором я хочу поговорить, вы — главный. Понимаете, мистер Фиппс, здесь я никому не нужен. Не могли бы вы распорядиться и отправить меня обратно в часть?

Фиппс выпустил аккуратное кольцо дыма.

— Очень жаль, что тебе это пришло в голову. Хочешь работу? Моим помощником?

Дон покачал головой.

— Я уже устал от этих «собери палочки и разложи их в ряд». Мне нужно настоящее дело — мое дело. Я солдат, идет война, и мое место там. Когда мне могут дать транспорт?

— Никогда.

— Что?

— Мистер Харви, я не могу вас отпустить: вы слишком много знаете. Если бы вы отдали кольцо, не задавая лишних вопросов, вы могли бы вернуться в свое подразделение уже через час, но вам обязательно нужно было все знать. А теперь мы не можем зря рисковать — а вдруг вас заберут в плен? Вы же знаете, что «зеленые» допрашивают каждого пленного по полной программе. Нет, мы рисковать не можем — по крайней мере, сейчас.

— Но, черт побери, сэр! Меня не возьмут в плен! Я уже давно это решил.

Фиппс пожал плечами.

— Если вы успеете пустить себе пулю в лоб — тогда все в порядке. Но мы не можем быть в этом уверены, несмотря на ваше решение. Рисковать нельзя: слишком высокая ставка.

— Вы не можете держать меня силой! Не имеете права!

— Не имею. Но отсюда вы все равно не уйдете.

Дон открыл рот, закрыл и вышел.

* * *

Наутро он проснулся с твердым намерением положить этой проблеме конец. Конрад уже встал и собрался уходить. Остановившись в дверях, он сказал:

— Дон...

— Чего тебе, Родж?

— Если у тебя хватит сил оторваться от подушки, приходи в энергетическую лабораторию. Там будет кое-что интересное. Мне кажется, это стоит посмотреть.

— Да? А в котором часу?

— Ну, скажем, часиков в девять утра.

Дон появился в лаборатории, где собрались, должно быть, все местное людское население и добрая половина многочисленного семейства Сэра Исаака. Парадом заправлял Роджер Конрад. Он колдовал у консоли управления, приборы на ней ни о чем не говорили непосвященному. Повозившись какое-то время с ручками настройки, Конрад поднял глаза и сказал:

— Ну, ребята, смотрите на птичку — там, над столом.

Он нажал кнопку.

Над лабораторным столом возник и завис в воздухе ничем не поддерживаемый серебристый шар диаметром примерно в два фута. Он был идеальной сферической формы и полностью отражал свет. Дон подумал, что больше всего он напоминает шар с рождественской елки. Конрад торжествующе улыбнулся.

— Отлично. Тони, ударь-ка его топором!

Тони Винсенте, самый сильный из лаборантов, поднял припасенный заранее большой топор.

— Как его раскроить — сверху или сбоку?

— Как хочешь.

Винсенте занес топор над головой и нанес мощный удар.

Топор отскочил.

Шарик даже не дрогнул, и на его зеркальной поверхности не осталось ни трещинки. Улыбка на мальчишеском лице Конрада сделалась еще шире.

— Конец первого акта, — объявил он и нажал другую кнопку. Шар бесследно исчез, словно испарился.

Конрад склонился над пультом.

— Акт второй! — объявил он. — Только что мы показали лишь половину наших возможностей. А теперь отойдите от стола, — и вскоре, подняв голову, скомандовал: — Внимание! Цельсь! Огонь!

На этот раз в воздухе повисла уже полусфера. Ее искривленная поверхность была обращена кверху.

— А теперь, Тони, засунь туда демонстрационный объект!

— Секундочку, сначала прикурю. — Винсенте зажег сигарету, глубоко затянулся и сунул сигарету вместе с пепельницей под полусферу. Конрад вновь поколдовал над пультом, и полусфера опустилась на стол, закрыв собой пепельницу.

— Может быть, кто-нибудь хочет пощупать ее топором? — спросил Конрад.

Желающих сразиться с непонятной штуковиной не нашлось. Конрад опять что-то сделал, и полусфера приподнялась. Сигарета как ни в чем ни бывало продолжала дымить.

— Как вам понравится идея опустить такой колпак на столицу Федерации на Бермудах и подержать его там, пока мы с ними не договоримся? — спросил Конрад.

Естественно, эта идея встретила общую поддержку. Все — или почти все — присутствующие здесь члены Организации имели венерианское гражданство и чувствовали себя повстанцами, независимо от того, чем конкретно они сейчас занимались. В гуле возбужденных голосов послышался вопрос Фиппса:

— Доктор Конрад, а что это собственно было? Не объясните попопулярней? Я имею в виду — как эта штука работает? О ее невероятных возможностях мы догадываемся.

Лицо Конрада стало серьезным.

— М-м-м... Видите ли, шеф, проще всего, наверно, было бы сказать так: фазарта модулирует гарбаб в таком фазовом соотношении, что трималину приходится бэстать — или, говоря другими словами, кто-то запустил мышь в ванную. А если серьезно, популярного объяснения просто не существует. Если вы согласитесь провести вместе со мной лет пять за математикой, то я, пожалуй, смог бы подтянуть вас к тому состоянию невежества и непонимания, в котором пребываю сам. Некоторые из тензорных уравнений, мягко говоря, необычны. Но нам были даны четкие указания, и мы сумели их выполнить.

Фиппс кивнул.

— Спасибо — именно эти слова я и хотел услышать. Придется порасспросить Сэра Исаака.

— Ради бога. Я и сам с удовольствием послушаю.

Несмотря на то что коллективу лаборатории удалось смастерить часть оборудования, описанного в проволочном послании, беспокойство Дона не проходило. Ежедневно сменяющиеся цифры на стене столовой напоминали ему, что время уходит, а он по-прежнему не у дел. Дон уже не пытался выклянчить разрешение вернуться в зону боевых действий; он принялся строить планы, как выбраться туда самому.

Ему доводилось видеть карты Большого Южного моря, и он примерно представлял, где сейчас находится. К северу лежали пространства, на которых не жили даже драконы, но их кровожадных сородичей там было хоть отбавляй. Эта местность считалась непроходимой. Южный путь по берегу моря был гораздо длиннее, но он пролегал по территориям драконов, а дальше начинались приграничные фермы людей. Располагая недельным запасом продуктов и зная язык свиста, можно было надеяться добраться до ближайшего поселения, а оттуда податься дальше. Что же касается прочего, то у него есть нож и смекалка, к тому же сейчас Дон был куда лучше подготовлен к жизни среди болот, чем в то время, когда бежал от людей Бэнкфилда.

Он принялся тайком выносить еду из столовой и прятать ее у себя в комнате.

До предполагаемого побега оставались лишь день и ночь, когда Фиппс пригласил его в свой кабинет. Поначалу Дон идти не хотел, но потом решил, что это будет выглядеть подозрительно.

— Присядь-ка, — предложил Фиппс. — Сигарету? Ах, да, я забыл. Чем ты занимался в последнее время? Нашлась для тебя работа?

— Куда там!

— Прости. Слушай, Харви, ты вообще-то задумывался над тем, как будет выглядеть мир, когда все это закончится?

— В общем-то нет... — Дон попробовал себе такое представить, но его фантазия была слишком бедна, чтобы говорить об этом кому-нибудь вслух. Что же касается его... Война со временем кончится —

во всяком случае, ему так казалось, — он разыщет своих родителей, ну, а потом...

— Каким бы ты хотел видеть будущий мир?

— Не знаю, — ответил Дон. — Я не из этих — не из «политически мыслящих». Мне, в общем-то, все равно, как им будут управлять. Главное, должна быть свобода. По-моему, человек должен иметь возможность делать то, что он хочет и может. Его нельзя принуждать.

Фиппс согласно кивнул.

— У нас с тобой гораздо больше общего, чем ты мог подумать. Сам я далек от пуризма в политике. Всякое правительство, которое становится слишком могущественным и преуспевающим, уже само по себе опасно. Именно это произошло с Федерацией — а ведь начинала она вполне прилично, — и теперь понадобилось малость укоротить ей руки. Чтобы граждане могли вкусить хоть чуточку этой самой свободы.

— Может быть, у драконов идея и правильная — никаких организаций крупнее, чем семья.

Фиппс покачал головой.

— То, что годится для драконов, не годится для нас. Кроме того, семья может подавлять индивидуальность не хуже любого правительства. Взгляни на здешнюю молодежь: им приходится ждать лет пятьсот, прежде чем они смогут хотя бы чихнуть без особого разрешения. Я спрашиваю твое мнение потому, что сам не знаю ответа — а ведь я занялся динамикой истории еще тогда, когда тебя и на свете не было. Я знаю лишь, что мы собираемся выпустить в мир такие силы, об истинном могуществе которых мы можем только догадываться.

Дон удивился:

— Мы и без этого умели летать в космос. Какая разница, просто теперь мы будем летать быстрее. Ну, а все остальное — так, по-моему, это неплохая идея: накрыть города куполом, чтобы их нельзя было разрушить даже ядерной бомбой.

— Согласен. Но это пока начало. Я тут набросал список возможных последствий — это только то, что мне пришло в голову. Во-первых, ты недооцениваешь важности увеличения скорости перелетов. Что же касается прочего, то я и сам не очень-то все представляю. Годы, понимаешь, уже не те, с воображением туго-

вато. Но как тебе нравится такая идея: теперь прямо отсюда мы можем перебрасывать воду на Марс, причем в огромных количествах. — Фиппс сморщил лоб. — Мало того, мы могли бы передвигать сами планеты.

Дон поднял глаза. Где-то он уже про такое слышал... Но где?

— Впрочем, неважно, — продолжал Фиппс. — Я лишь хотел узнать точку зрения молодого человека, имеющего более свежий взгляд на вещи. Ты можешь на досуге над этим поразмышлять. Наши лабораторные черви, уж конечно, не станут задумываться над такими пустяками. Физики творят чудеса, но не ведают, какие чудеса могут получиться из этих чудес, — он помолчал и добавил: — Мы переводим часы, но не знаем, какое время они будут показывать.

Фиппс замолчал, и Дон с облегчением подумал, что разговор закончен. Он поднялся на ноги.

— Нет, нет, подожди, — попросил его Фиппс. — Я хотел сказать тебе кое-что еще. Ты собрался уходить, ведь правда?

Дон вздрогнул и застыл на месте.

— С чего вы взяли?

— Значит, правда. Одним прекрасным утром мы проснемся и увидим, что твоя кровать пуста. А потом будет много беспокойства, пока все будут искать тебя и тащить обратно.

Дон успокоился.

— Это Конрад вам настучал, — сказал он с обидой.

— Конрад? Почему Конрад? Сомневаюсь, что наш уважаемый доктор способен разглядеть что-нибудь большее, чем электрон. Поверь, я сам не дурак. Я работаю с людьми — это моя профессия. Согласен, в первую нашу встречу я обошелся с тобой грубо, но ты вспомни, как я был страшно измотан. Усталость — это ведь легкая форма сумасшествия. Но дело вот в чем: ты собираешься сбежать, а я не могу тебя остановить. Я неплохо знаю драконов и уверен, что Сэр Исаак не позволил бы мне помешать тебе, решись ты уйти. Ведь ты, черт тебя подери, *его яйцо*! Но я не имею права позволить тебе сбежать. Причины я тебе объяснял, и они остаются в силе. Поэтому я предпочел бы прикончить тебя, только бы ты не ушел.

Дон пригнулся, перенеся вес тела на одну ногу.

— Думаете, получится? — тихо спросил он.

Фиппс усмехнулся.

— Нет, не думаю. Именно поэтому я нашел другой выход. Ты знаешь, что мы подбираем команду для космического корабля. Не хочешь на нем полететь?

18. «МАЛЕНЬКИЙ ДАВИД»

У Дона отвисла челюсть; он так и остался стоять с раскрытым ртом. К чести его надо сказать, что хотя такая мысль и приходила ему в голову, серьезно он к ней не относился. Дон был не настолько тщеславен, чтобы рассчитывать попасть в этот полет, — хотел, конечно, очень хотел, но понимал, что от его желания ничего не зависит.

— Честно говоря, — продолжал Фиппс, — я собираюсь это сделать единственно для того, чтобы удержать тебя подальше от ищеек Федерации. Но мне кажется, что я сумел бы найти и другое оправдание. Мы хотим подготовить к полету столько людей, сколько сможет поднять «Маленький Давид», чтобы потом комплектовать из них экипажи других кораблей. Но мои возможности ограничены. Большинство в нашей группе — люди немолодые, либо это близорукие хлюпики-гении, пригодные лишь для работы в лаборатории. А ты молодой, здоровый, у тебя быстрая реакция — уж я-то знаю! К тому же ты с пеленок привык к космосу. Конечно, до квалифицированного пилота тебе далеко, но это не будет иметь такого уж большого значения: корабли-то эти — для всех в новинку. Итак, Харви, не хотите ли отправиться на Марс, с тем чтобы вернуться капитаном своего собственного корабля, который сможет нанести удар по хищникам Федерации, снующим вокруг Венеры? Ну если не капитаном, то уж старшим помощником это точно, — добавил Фиппс, подумав о том, что на двухместном корабле меньшего поста Дону просто никак не занять.

Хочет ли он? Не то слово! Дон уже собрался выпалить «да», но от неожиданности у него отнялся язык. И тут его пронзила ужасная мысль; от Фиппса не укрылось отразившееся на миг на лице Дона замешательство.

— Что случилось? — резко сказал он. — Испугался?

— Испугался? — с обидой переспросил Дон. — Конечно же, испугался. Меня пугали так часто, что теперь я уже не боюсь испугаться еще один раз. Не в этом дело.

— Тогда в чем? Отвечай!

— Да в том, что сейчас я нахожусь на военной службе. И не могу отправиться на прогулку за миллионы миль. Это называется дезертирство. Меня после этого, чего доброго, сначала повесят, а уж потом станут задавать вопросы.

Фиппс облегченно вздохнул:

— Ясно. Думаю, это можно уладить. Положись на меня.

Так оно и вышло. Уже через три дня Дон получил новый приказ, на этот раз в письменном виде. Конверт был доставлен на остров таинственным способом, о котором Дон мог только гадать.

В приказе говорилось:

Дональду Дж. Харви,
сержанту-специалисту 1-го класса.

Передано по каналам связи.

1. Вы направляетесь для выполнения особого задания на неопределенный срок.

2. Выполнение задания связано с переездами.

3. Задание выполняется в интересах Республики. Когда Вы сочтете, что Ваши обязанности исчерпаны, Вам следует доложить об этом местным властям и потребовать, чтобы Вас обеспечили транспортом для переезда к месту дислокации Генерального штаба, где Вы отчитаетесь начальнику штаба лично.

4. На время выполнения задания Вам присваивается временное звание младшего лейтенанта с сохранением прежнего денежного довольствия.

За командующего,

Дж. С. Басби, подполковник (временное звание)

С приказом ознакомлен:
1. Приказ доставлен курьером.

Генри Марстен, капитан (временное звание)
Командир 16-й гондольной тактической группы

К бланку приказа скрепкой была пришпилена записка:

P.S. Дорогой «лейтенант»!

Это, вероятно, самый глупый из приказов, которые я в жизни визировал. Какого дьявола ты там задумал? Может быть, женился на одной из драконих? Или застал какого-нибудь крупного деятеля в неприличном виде? Во всяком случае, желаю тебе не скучать и — доброй охоты!

Марстен

Дон положил приказ и записку в карман. Время от времени он залезал туда, чтобы их потрогать.

Дни бежали один за другим, и пунктирная линия все ближе и ближе тянулась к Марсу. Ученые все больше нервничали. На стене столовой появилась еще одна цифра — дата, к которой нужно было подготовить «Маленького Давида», если они хотели поспеть вовремя.

К этому дню корабль был окончательно снаряжен. За двадцать минут до старта Дон все еще сидел у Сэра Исаака, а его багаж (если пожитки Дона можно назвать багажом) уже был погружен на борт. Прощаться с Сэром Исааком оказалось много тяжелее, чем мог ожидать Дон. Его голова не была заморочена чепухой насчет «проекции образа отца» или чем-нибудь в этом роде, он просто понимал, что дракон был для него единственным родным существом, куда роднее, чем двое людей на далекой планете, к которой он собрался лететь.

Взглянув на часы, Дон почти с облегчением увидел, что уже опаздывает.

— Пора! — сказал он. — До старта девятнадцать минут.

— Да, мой дорогой Дональд. Ваша раса так недолго живет, что вечно спешит.

— Что ж... Прощайте.

— *Доброго пути, Туман-над-Водами.*

Выйдя из кабинета Сэра Исаака, Дон остановился, высморкался и привел себя в порядок. Из-за колонны вышла Изобел.

— Дон, я пришла попрощаться.

— Что? Ах да, конечно. Разве ты не пойдешь посмотреть, как стартует корабль?

— Нет.

— Что ж, как хочешь. Но мне нужно бежать, Бабуля.

— Я же говорила: хватит меня так называть!

— Сама же наврала про свой возраст. Вот и живи теперь с таким прозвищем, Бабуля.

— Дон, ты упрямая скотина! Возвращайся. Ты меня понял?

— Ну конечно! Мы скоро вернемся.

— Будь осторожен. Ты такой глупый, не можешь сам о себе позаботиться. Ну ладно... Чистого неба!

Она схватила его за уши, быстро поцеловала и убежала.

Дон смотрел ей вслед, растерянно потирая губы. Да, думал он, девчонки такой непонятный народ, почище драконов. А вдруг они тоже принадлежат к другой расе? Он поспешил на стартовую площадку. Казалось, тут собрались чуть ли не все колонисты. Экипаж уже погрузился на борт. Дон пришел последним, за что и был награжден мрачным взглядом капитана Родса, командира «Маленького Давида». До этого Родс работал на «Межпланетных линиях», затем служил в Воздушных силах. В колонии он появился три дня назад. Скупой на язык, Родс почти все время проводил в обществе Конрада. Дон погладил карман и подумал о том, не получил ли и Родс такого же странного приказа.

«Маленького Давида» вытащили на берег и установили на направляющие. В катапульте никакой нужды не было; впрочем, если бы и была — что толку? Все три стартовые катапульты находились в руках десантного корпуса Федерации. До старта корабль был замаскирован ветками; теперь их скинули, дорога в небо была открыта.

Дон посмотрел на «Маленького Давида» и подумал, что тот скорее похож на огромную, удивительно уродливую бетономешалку, чем на обычный корабль. Из левого и правого бортов сиротливо торчали обрубки ампутированных крыльев. Остроконечный нос был срезан, а на его место водрузили бульбу радарной установки. На корпусе тут и там — везде, где требовалась переделка, — виднелись сварные швы: корабль переоборудовали в спешке, и людям было не до красоты.

Ракетные двигатели были сняты, а там, где раньше находился топливный бак, теперь разместилась ядерная энергетическая установка. Большая часть пассажирского салона была занята массивным противорадиационным экраном, предназначенным для

защиты экипажа от губительного излучения реактора. По всей поверхности фюзеляжа, искажая изящные обводы корпуса, торчали выпуклые диски — Конрад называл их «антеннами». Именно они должны были искривлять пространство. Но, как полагал Дон, на антенны они не очень-то были похожи.

Экипаж «Маленького Давида» состоял из девяти человек: Родса, Конрада, Дона и еще шестерых. Все они были молоды и зачислены в экипаж на правах стажеров, за исключением Конрада, которого величали «офицер по хреновинам» — это было неблагозвучно, но зато коротко, во всяком случае много короче, нежели «офицер по специальному оборудованию». На корабле находился лишь один пассажир — старина Мэлат. Он на глаза не показывался, Дон тоже не особо стремился его увидеть. Кормовую часть жилого отсека загерметизировали, и воздух там поддерживался разреженным, сухим и холодным — соответственно потребностям марсианина.

Команда была уже на борту, шлюз задраили, и Дон занял свое место. Несмотря на то что большая часть салона была заполнена новым оборудованием, в крохотном суденышке оставалось еще достаточно пассажирских кресел. Капитан Родс уселся в кресло за пультом управления и гаркнул:

— Пост ускорения! Пристегнуть ремни!

Дон щелкнул замками.

Родс обернулся к Конраду, который все еще был на ногах. Ученый небрежно заявил:

— Минутку, джентльмены. У нас не было времени на испытания, так что запуск — тоже весьма занимательный эксперимент. Может случиться любая из трех вещей, — он сделал паузу.

— Ну что ж, выкладывайте! — отрывисто сказал Родс.

— Первое. Возможно, вообще ничего не произойдет. Нас могут подвести мелкие просчеты в теории. Второе — система может сработать. И, наконец, третье: ракета взорвется. — Конрад ухмыльнулся. — Может быть, сыграем по маленькой в тотализатор?

Никто не ответил. Конрад опустил глаза и сказал:

— Ну что ж, отлично. Дави педаль, капитан!

Дон подумал, что вдруг наступила ночь, а корабль ни с того ни с сего перешел в режим свободного падения. Желудок Дона, уже свыкшийся с высокой силой тяжести на Венере, сделал неприятный ска-

чок и жалобно заскулил. Конрад, который так и не пристегнулся ремнями, плавал в воздухе, держась рукой за пульт управления.

— Простите, джентльмены! — сказал он. — Небольшая ошибочка. Давайте-ка, для удобства нашего пассажира, установим тут гравитацию, как на Марсе.

И положил пальцы на клавиатуру.

Дон внезапно почувствовал, как его тело вновь обрело вес, примерно на треть обычного, и желудок вернулся на место. Конрад сказал:

— Отлично, капитан, можете им разрешить отстегнуться.

Сзади кто-то спросил:

— Что случилось? Не сработало?

— Сработало лучше не бывает, — ответил Конрад. — Все это время мы идем с ускорением... — он помолчал, сверяясь с показаниями приборов, — в двадцать *g*.

Корабль мчался в темноте, отрезанный от прочей Вселенной тем, что ученые называли «разрывом непрерывности» — хотя эти слова не совсем правильно отражают сущность явления. Лишь во время каждой второй вахты Конрад на несколько минут отключал поле, чтобы дать капитану Родсу возможность сориентироваться непосредственно по звездам. В эти минуты в корабле наступала невесомость и в иллюминаторах ярко светили звезды. Затем вновь опускалась темнота, и «Маленький Давид» возвращался в свой обособленный, замкнутый мир.

После каждой коррекции капитан тихо ругался и трижды перепроверял свои расчеты.

Между вахтами, когда не было других дел, Конрад вел занятия со стажерами, ровно столько, насколько ему хватало терпения. Для Дона большинство его лекций казалось такой же абракадаброй, как и памятная попытка ученого объяснить суть дела Фиппсу.

— Я ничего не понимаю, Родж, — признался он после того, как терпеливый учитель в третий раз повторил сказанное.

Конрад пожал плечами и улыбнулся:

— Не принимай к сердцу. К тому времени когда ты поставишь оборудование на собственном корабле, ты будешь знать его, как нога свой родной башмак. А сейчас — давай-ка еще разок повторим.

Если не считать этих занятий с Конрадом, делать было совершенно нечего, а корабль был слишком тесен и мал. Почти беспрерывно шла игра в карты. У Дона с самого начала денег было не густо. Вскоре он и вовсе остался на мели, и с картами было покончено. Он только спал и думал.

Он решил, что Фиппс прав: такие скорости, и правда, изменят мир. Отныне люди будут совершать межпланетные путешествия так же просто, как сейчас на Земле перелетают с континента на континент. Это будет то же самое, что пересесть с парусника на трансокеанскую ракету, только изменение это произойдет мгновенно, а не растянется на три сотни лет.

Может быть, когда-нибудь он опять слетает на Землю — что ни говори, а у этой планеты тоже есть свои приятные стороны. Верховая езда, например. Интересно, помнит ли его Лодырь?

Дон мечтал научить Изобел ездить верхом. Хотел бы он посмотреть на ее лицо, когда она впервые увидит лошадь!

Но одно было Дону совершенно ясно: на Земле он не останется никогда. На Венере и Марсе ему тоже не хотелось задерживаться надолго. Теперь он знал, что его место — там, где он родился, в космосе. Любая планета была для него чем-то вроде гостиницы, и только в космосе — его родной дом.

Может быть, он отправится к звездам на «Первопроходце». Дон вдруг подумал о том, что если, дай бог, они выберутся из этой передряги живыми, то член экипажа «Маленького Давида», будет, пожалуй, иметь неплохие шансы на участие в Долгом Полете. Конечно, на «Первопроходец» будут брать только супружеские пары, но это он препятствием не считал. Дон был уверен, что к нужному моменту он уже женится, хотя и не мог сказать, откуда у него такая уверенность. Ну а Изобел как раз из тех девушек, что пойдут за своим мужем хоть на край света, она не станет запирать его дома. Но в любом случае, «Первопроходец» отправится в путь нескоро, ведь на нем еще нужно будет установить привод Хорста–Милна–Конрада.

Как бы там ни было, Дон собирался после войны немного попутешествовать. Когда он вернется из этого полета, его должны будут перевести в Гвардию, а служба в Космической гвардии даст ему хорошее положение при увольнении в запас. Если на то пошло, уже сейчас, считай, он служит в Космической гвардии!

Макмастерс говорил правду: единственный способ попасть на Марс — это отправиться туда в составе военного подразделения.

Дон осмотрелся. В салоне вовсю шел картеж, а двое парней дулись в кости. В слабом поле искусственного тяготения кубики лениво кувыркались по палубе. Конрад откинул спинку своего кресла и спал, разинувши рот. Да уж, подумал Дон, кому бы сейчас показать такую картинку — ударная группа, собравшаяся спасать мир. Больше всего это напоминало неубранную постель.

В обычное пространство они должны были выйти на одиннадцатый день, и, если расчеты правильны, где-то рядом должны были оказаться корабли Федерации — настолько близко, что «Маленький Давид» финиширует едва ли не «грудь в грудь» с ними. На смену занятиям по двигательным установкам пришли тренировки на боевых постах. Арта Френкеля Родс назначил вторым пилотом, у него был кое-какой опыт управления кораблем; Конраду помогал Франклин Чанг, тоже ученый-физик. Из четырех оставшихся двое обслуживали радиостанцию, двое — радар. Боевым постом Дона стало «сиденье мертвеца» — специальное такое сиденье за пилотскими креслами, стояло оно посреди корабля. Он должен был держать рубильник с пружиной, который стоит лишь отпустить — как тут же корабль взорвется. Устройство это известно уже не одно столетие и называется «рукоять мертвеца». Название не слишком веселое, а все потому, что срабатывает такая штука только после смерти обслуживающего.

На первом занятии Конрад проверил, как справляется на своих постах экипаж, а затем подошел к креслу Дона.

— Ты понял, что от тебя нужно?

— Конечно. Сначала этой вот кнопкой я привожу в состояние готовности заряд, а потом хватаюсь за «рукоять мертвеца».

— Ничего подобного! Сначала ты берешься за рукоять, а потом нажимаешь кнопку!

— Ах да, конечно. Я просто перепутал.

— Хорошо, ты сейчас перепутал, а не в бою! Запомни, лейтенант: если ты ее отпустишь, все полетит к чертовой матери.

— Ладно, запомню. Слушай, Родж, а эта штука, она что — взрывает атомную бомбу, да?

— Скажешь тоже — атомную. Для нас это слишком дорогое удовольствие. Но можешь не сомневаться: той взрывчатки, что мы

имеем, нам за глаза хватит. Так что, как бы нам ни хотелось взорвать корабль при угрозе захвата, не отпускай ручку ни в каком другом случае. Если захочется почесаться — будь выше этого.

Подошел Родс, кивком головы велел Конраду отойти в сторону и тихим голосом, чтобы не слышали остальные, спросил у Дона:

— Харви, вы довольны своим заданием? Против ничего не имеете?

— Да нет, ничего, — ответил Дон. — Другие ведь в технике разбираются лучше меня. Так что, мое место здесь.

— Я говорю не о том, — поправил его капитан. — Вы могли бы заменить любого другого, кроме меня и Конрада. Но я хочу быть уверенным, что вы справитесь с этой работой.

— Что ж тут трудного? Взяться за одно, нажать на другое — и насмерть держаться за первое. Для этого высшая математика не нужна.

— И опять вы меня не поняли. Я вас не знаю, Харви. Мне известно, что у вас есть боевой опыт. А у остальных его нет, потому-то вам и доверили этот пост. Люди, которые вас знают, считают, что вы справитесь. Я не беспокоюсь за то, что вы позабудете держать эту ручку, но хочу знать: когда понадобится отпустить ее, вы сможете это сделать?

Дон ответил почти мгновенно, но этого мгновенья хватило, чтобы в памяти отозвалось многое: доктор Джефферсон, совершивший самоубийство — теперь он в этом больше не сомневался; Чарли, губы которого дрожали, но рука оставалась твердой; тот голос, что долетел до него сквозь туман: «Венера и Свобода!»

— Думаю, смогу, если это потребуется.

— Отлично. Про себя я бы так не сказал. А теперь я полагаюсь на вас, сэр. Если случится непоправимое, не допустите захвата корабля!

И капитан вернулся к своему креслу.

Напряжение нарастало, и нервы у людей были закручены почти до предела. Главное, не было полной уверенности, что корабль придет к Марсу одновременно с кораблями противника. Эскадра вполне могла отправиться по другому пути — не по тому, который ученые посчитали для нее самым удобным. Не было уверенности даже в том, что силы Федерации еще не достигли цели. А вдруг

они уже там? Если так — то выбить оттуда их будет уже непросто. Аппаратура «Маленького Давида», рассчитанная на бой в открытом космосе, не годилась для сражения на поверхности планеты.

У Конрада была и другая причина для беспокойства, впрочем, по его виду трудно было сказать, что он о чем-нибудь беспокоится: оружие ведь могло сработать вовсе не так, как они задумывали. Уж кому-кому, а Роджеру было прекрасно известно, как ненадежна теория, когда дело доходит до практики. Он-то знал, что даже самые замечательные теории часто обращаются в пшик, стоит лишь не учесть вовремя какой-нибудь из законов природы. Практику не заменишь ничем, а ведь новое оружие так и не было до сих пор испытано. Он уже не был тем улыбчивым Конрадом, что вначале, и теперь, когда спорил с Родсом о расчетном времени «выхода», все чаще и чаще гостило в его голосе раздражение.

В конце концов они утрясли свои разногласия; полчаса спустя Родс спокойно сказал:

— Пора, джентльмены. Занять боевые посты!

Он уселся в свое кресло, пристегнулся ремнями и рявкнул:

— Доложить о готовности!

— Второй пилот готов!

— Радиостанция готова!

— Радар готов!

— Спецвооружение готово.

— «Мертвец» готов! — подвел Дон черту под перекличкой.

Потянулись долгие секунды ожидания. Родс ровным голосом сообщил через микрофон Мэлату, что скоро корабль войдет в невесомость, а затем скомандовал:

— Готовность номер один!

Дон покрепче сжал рукоятку самоподрыва.

Внезапно он ощутил невесомость; в иллюминаторах на носу и в бортах появились звезды. Марса было не видно, Дон решил, что он где-то «внизу». Солнце осталось за кормой и не светило в глаза. Обзор был хороший: «Маленький Давид» начинал как пассажирский крылатый шаттл, и перед креслами пилота имелся впереди блистер, какие обычно устанавливают в самолетах. Оттуда, где сидел Дон, все было видно не хуже, чем Роду и второму пилоту, и гораздо лучше, чем всем остальным.

— Радар? — спросил Родс.

— Не спешите, капитан! Даже со скоростью света... Так-так! Сигнал!

— Удаление и координаты объекта!

— Тета триста пятьдесят семь запятая два; фи минус ноль запятая восемь; радиус удаления шесть восемь ноль...

— Данные вводятся автоматически, — резким голосом оборвал Конрад.

— Прицелами отслеживаете?

— Пока нет.

— В радиусе действия?

— Нет. По-моему, мы должны затаиться и подпустить их как можно ближе. Они не могли нас заметить.

Скорость корабля была уменьшена, чтобы облегчить маневрирование, но «Маленький Давид» все же сближался с источником отраженного сигнала не менее чем на девяносто миль за секунду. Дон напряг глаза, пытаясь разглядеть корабли, если это от них отражался радарный луч. Бесполезно — протоплазменные сканеры явно уступали электронным.

Нервы у всех были на пределе. Расстояние все уменьшалось, и наконец стало казаться, что источником сигнала служит не военная эскадра, а какой-нибудь шальной астероид. И в этот миг тишину разорвал писк радиопеленгатора, настроенного на нужную частоту.

— Засекай! — крикнул Родс.

— Сейчас, — раздалось в ответ, и после короткой паузы: — Они требуют, чтобы мы назвали себя. Все в порядке, это наши клиенты.

— Отключайся. — Родс обернулся к Конраду. — Ну, что у вас?

— Надо подойти ближе. Тяните время. — Лицо Конрада посерело и взмокло от пота.

Родс нажал кнопку и заговорил в микрофон:

— А вы кто такие? Сначала назовите себя.

Из громкоговорителя над капитанским креслом раздался усиленный аппаратурой голос:

— Назовите себя, или будете уничтожены!

Родс опять посмотрел на Конрада. Тот был слишком занят, чтобы оглядываться. Родс заговорил в микрофон:

— Сторожевой корабль «Маленький Давид», капер под флагом Республики Венера. Немедленно сдавайтесь.

Дон вновь напряг зрение. Теперь ему показалось, что вдали сверкнули три звездочки.

Ответ задержался лишь на то время, которое потребовалось радиолучам, чтобы достичь адресата.

— Флагман Федерации «Миротворец» — пиратскому судну «Маленький Давид». Сдавайтесь, или будете уничтожены.

На безмолвный вопрос Родса Конрад ответил, скривив неуверенное лицо:

— Пожалуй, далековато. Трудно целиться. Боюсь промазать.

— Времени нет! Давай!

Теперь Дон уже достаточно четко различал корабли, невероятно выросшие в размерах. И вдруг один из них сделался серебристым шаром, а следом — второй и третий. На том месте, где секунду назад была эскадра мощных военных кораблей, теперь висела гроздь гигантских шаров, словно снятых с рождественской елки Гаргантюа. Шары раздувались, смещаясь влево, и вот они уже сверкают за кормой «Маленького Давида»... «Сражение» кончилось.

Конрад судорожно вздохнул.

— Вот и все, капитан. — Он обернулся и добавил: — Дон, нам всем будет как-то легче, если ты поставишь свой механизм на предохранитель. Он больше не понадобится.

Под ними проплывал Марс, коричневато-красный и удивительно красивый. На «Скиапарелли», межпланетной радиостанции ИТТ, уже сидела огромная серебристая «шляпа», и теперь можно было не опасаться, что об их атаке станет известно раньше чем надо. Капитан Родс связался с местной станцией связи и предупредил о своем прибытии. Менее чем через час корабль должен был опуститься в районе да-Тон. Мэлат вылез из своей банки. От его болезного вида пропал и след — марсианин был свеж как огурчик и ради того, чтобы посмотреть на родные свои места, даже не побоялся выбраться в теплый, плотный и влажный воздух кабины.

Чтобы лучше все видеть, Дон вновь уселся в свое боевое кресло. Уже легко было различить сказочные каналы Марса; они расчерчивали поверхность планеты, порой окрашенную в мягкий зеленый, но большей частью в оранжевый и кирпично-красный. На юге хозяйничала зима, и казалось, что на планету, как поварской колпак, нахлобучили белую шапку. Сразу вспомнился старый

Чарли; Дон подумал о нем с легкой грустью — легкой, потому что время брало свое: слишком много чего с той поры случилось.

Марс, даже не верится... Родители, наконец-то он их увидит — скоро, может, уже сегодня — и отдаст папе кольцо. Они-то уж наверняка думали, что все будет совсем по-другому.

Ничего, в следующий раз он постарается не выбирать окольных путей.

КОММЕНТАРИИ

К повести «Ракетный корабль "Галилей"»

Стр. 25. ...с Жюлем Верном соседствовал «Справочник инженера» Мерка... «Семь знаменитых романов» Уэллса... «Атомную энергию в военных целях» Смита.... с пухлыми томами «Ракет» Лея и «Природы физического мира» Эддингтона... зачитанный том «Когда земля вздрогнула» Хаггарда... — «Справочник Мерка» — выдержавшая многие издания популярная настольная книга любого инженера в 30–40-х годах XX века. «Семь знаменитых романов» (или «Семь научно-фантастических романов Г. Дж. Уэллса») — выпущенный в США в 1934 году однотомник, в который вошли романы «Машина Времени», «Остров доктора Моро», «Война миров», «Когда спящий проснется», «Пища богов», «Первые люди на Луне» и «Освобожденный мир». «Атомная энергия в военных целях» Генри Де Вольфа Смита — официальный доклад по разработке атомной бомбы под покровительством правительства Соединенных Штатов, опубликован в 1945 году Принстонским университетом. «Ракеты» — книга об истории, технике и перспективах космических исследований немецкого ученого и писателя-популяризатора Вилли Лея (1906–1969), эмигрировавшего в США в 1935 году. «Природа физического мира» — книга сэра Артура Стэнли Эддингтона(1882–1944), английского астронома, физика и писателя, опубликованная в 1929 году. «Когда земля вздрогнула» (1919) — роман о гибели Атлантиды английского писателя сэра Генри Райдера Хаггарда (1856–1925).

Стр. 26. ...после Аламогордо... мир полностью и необратимо преобразился... — имеется в виду испытание первой из трех созданных в 1945 году американских атомных бомб. Операция имела кодовое обозначение «Тринити» («Троица»). Взрыв был произведен в 5 часов 30 минут 16 июля. Именно этот взрыв обозначил начало атомной эры.

...Полларда, и Дэвидсона, и новую книгу Гамова... — Дж. Поллард и У. Дэвидсон — американские ученые-физики, авторы университетских курсов элементарной и ядерной физики. Георгий (Джордж) Гамов (1904–1968) — русский по рождению американский ядерный физик и космолог, защитник теории Большого взрыва, автор гипотезы о генетическом коде.

Стр. 30. ...затем была война и Манхэттенский проект... — проект «Манхэттен» — кодовое обозначение секретного института, который был создан в 1942 г. в США для разработки и создания ядерной бомбы под руководством генерала Лесли Гровса.

Стр. 38. ...встал перед общиной и произнес: «Сегодня я уже мужчина»... — то есть семья Мори принадлежит к общине квакеров, секте протестантов, которая возникла в Англии в XVII веке. Основал ее религиозный деятель и писатель Джон Фокс (1642–1691). Сами себя они называют «обществом друзей», а квакерами («трясущимися») их прозвали за пацифизм, одну из базовых черт общины. В шестнадцать лет каждый вступающий в общину — из детей общины — произносит вышеприведенную фразу и клянется быть верным принципам безусловной честности, обязательного труда, уважения к старшим и так далее.

Стр. 51. ...Саймон Легри... — персонаж романа американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896) «Хижина дяди Тома», рабовладелец.

Стр. 57. ...стратосферные костюмы, разработанные для ВВС... — разработкой именно таких костюмов занимался Хайнлайн во время Второй мировой войны на экспериментальной станции морской авиации в Филадельфии.

Стр. 58. ...характеристика соединений де Кампа... — Лайон Спрэг де Камп (1907–2000) — американский писатель-фантаст, один из родоначальников жанра фэнтези и современной альтернативно-исторической литературы. Окончил калифорнийский институт технологии, во время второй мировой войны служил во флоте вместе с Айзеком Азимовым и Робертом Хайнлайном. Наиболее известные его произведения — юмористический цикл о волшебнике Гарольде Ши в соавторстве с Флетчером Прэттом. Один из инициаторов многоавторского продолжения саги о Конане. В голливудском фильме по сценарию Хайнлайна «Место назначения — Луна», при съемках использовались скафандры модели де Кампа.

Стр. 63. ...армейские винтовки Гаранда... — полуавтоматические самовзводные магазинные винтовки, состоявшие на вооружении армии США во время Второй мировой и Корейской войн, у нас более известны как «М-1». Получили название по имени изобретателя Джона К. Гаранда (1888–1963).

Стр. 79. ...рассказывать о турбине Герона... — Герон Александрийский, греческий ученый и изобретатель, который дал систематическое изложение основных достижений античного мира по математике и прикладной механике (в частности, вывел формулу, выражающую площадь треугольника через длину трех его сторон). Также изобрел ряд автоматов, в том числе паровую турбину.

Стр. 81. ...рассчитывал гомановские орбиты... — иначе «эллипс Гомана», траектория перелета с минимальной характеристической скоростью (то есть скоростью, которую приобрела бы ракета под действием тяги своего двигателя в идеальном случае — при отсутствии иных сил, как, например, тяготения, сопротивления атмосферы и так далее) между двумя планетами.

Стр. 91. ...Привезите побольше зеленого сыра... — некогда в Европе была распространена поговорка, что луна сделана из зеленого сыра.

Стр. 133. ...фальшиво насвистывая «Пляску смерти»... — распространенный карнавальный танец в костюмах, изображающих скелеты. Музыкальных произведений с таким названием много.

Стр. 135. ...Нижинский из тебя не получится... — Вацлав Нижинский (1889–1950) — знаменитый русский артист балета и балетмейстер, в 1907–1911 годах солист труппы императорского Мариинского театра, в 1909–1913 участник гремевших на весь мир Русских сезонов, в 1916–1917 солист труппы Дягилева.

Стр. 136. ...позвоните в Автомобильный клуб... — Американский автомобильный клуб (ААА) — разветвленная, активная и многосторонняя организация, имеющая на территории США густую сеть авторемонтных мастерских, выпускающая карты и дорожные атласы, занимающаяся страхованием автомобилей и т.д. и т.п.

Стр. 138. ...Аноксия!.. — Аноксия — отсутствие кислорода в отдельных тканях, органах или организме в целом.

Стр. 146. ...мистер де Форрест... — Ли де Форрест (1873–1961) — американский инженер, автор множества изобретений в области радиотехники и звукового кино; в частности, создатель триода (1906), лампового детектора и разработанного на его базе усилителя, так называемого «аудиона де Форреста».

Стр. 159. ...Большой корабль нацистов, «Вотан»... — Вотан (Водан) — в западногерманских мифах бог войны, хозяин Вальхаллы, вождь богов. Олицетворение духовной власти и мудрости. В Скандинавии ему соответствует Один.

К повести «Космический кадет»

Стр. 215. ...переключились на бейсик... — имеется в виду бейсик-инглиш, искусственный язык, разработанный английским психологом и лингвистом Чарлзом К. Огденом (1889–1957).

Стр. 217. ...лейтенант Эзра Далквист... — персонаж рассказа Хайнлайна «Долгая вахта».

Стр. 218. ...на этот раз это была «Валгалла» из «Гибели богов»... — то есть из оперы немецкого композитора и дирижера Рихарда Вагнера (1813–1883). Гибель богов, премьера которой состоялась в 1876 году, завершает тетралогию «Кольцо нибелунгов», куда так же входят «Золото Рейна», «Валькирия» и «Зигфрид».

Стр. 220. ...Видите ли, сэр, я с Ганимеда... — Ганимед — спутник Юпитера, один из так называемых галилеевых, самый крупный спутник в Солнечной системе, превосходит по размерам Меркурий, хотя уступает этой планете по массе. Был открыт Галилео Галилеем в 1610 г., хотя на открытие претендовал и немецкий астроном Симон Мариус, который и предложил название, ставшее общеупотребительным лишь с середины XX в. Состоит в основном из горных пород и водяного льда.

Стр. 236. ... вспомнилось про желудок: тот вряд ли когда-нибудь свыкнется с невесомостью... — автобиографическая до некоторой степени деталь. Проходя службу на эсминце, Хайнлайн до последнего дня страдал морской болезнью.

Стр. 239. ...кем была святая Варвара... — святая Варвара была обезглавлена язычниками в конце III века н.э. Согласно преданию, она до последнего мгновения жизни молилась о том, чтобы «все поминающие ее не погибли от внезапной смерти».

Стр. 246. ...может, и нет зданий со стенами, затянутыми плющом... — самая характерная внешняя особенность наиболее старых и уважаемых университетов и колледжей США. Все они расположены на северо-востоке страны, в Новой Англии, и имеют неофициальное название Плющевая Лига.

Стр. 249. ...патрульный ракетный корабль «Симон Боливар»... — Симон Боливар (1783–1830) — политический авантюрист, предводитель в борьбе южноамериканских колоний за независимость от Испании, с 1819 по 1830 г. президент Великой Колумбии — республики, созданной на территории освобожденных Венесуэлы, Новой Гранады (нынешние Колумбия и Панама) и провинции Кито (ныне Эквадор). В 1813 году Национальный конгресс Венесуэлы официально провозгласил Боливара Освободителем.

Стр. 250. ...с катапульты пика Пайк... — Пайкс-Пик находится в центральной части штата Колорадо, в переднем хребте Скалистых гор; высота его — 14110 футов (4304 м). Катапульта построена в рассказе Хайнлайна «Человек, который продал Луну».

Стр. 252. ..сэр Галахэд... — (или Галахад) один из рыцарей Круглого стола короля Артура. По легенде великий маг и волшебник Мерлин посетил страну Бенвик, что в Бретани, где королем был король Бан, а у его супруги Элейны был тогда сын — отрок Галахад. Мерлин предска-

зал, что Галахад станет в будущем славнейшим мужем мира. Предсказание сбылось, а имя стало нарицательным для подлинного рыцаря.

...звуки марша «Кораблю — взлет!»... — название песни и сборника Райслинга, героя рассказа Хайнлайна «Зеленые холмы Земли».

Стр. 265. ...собрать этих йеху... — слово изобретено британским писателем, общественным деятелем, деканом собора Святого Патрика в Дублине (Ирландия) Джонатаном Свифтом (1667–1745). Так назывались омерзительные на вид и чрезвычайно тупые существа, с которыми столкнулся Лемюэль Гулливер, сначала хирург, а потом капитан нескольких кораблей, попав в страну разумных лошадей-гуингнмов.

Стр. 277. ...можете приготовить мятный джулеп?.. — исходный напиток был завезен в Европу из Персии лет триста тому назад. Коктейль с тем же названием состоит из виски, сахарного сиропа, содовой или минеральной воды и мяты.

Стр. 304. ...тиамин хлорид... — то есть витамин B_1.

Стр. 308. ...маркиз де Сад... — французский офицер и писатель Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (1740–1814), который ввел в европейскую литературу откровенные сцены извращенного секса. Самое известное произведение — роман «Жюстин» (1791). От его имени происходит слово «садизм», хотя сам маркиз де Сад никогда не был садистом.

Стр. 309. ...основывающуюся на законе прецедента... — слово образовано от латинского praecedens, «предшествующий» и означает поведение в определенной ситуации, которое при аналогичных обстоятельствах рассматривается как образец. В странах, признающих его обязательность, прецедент является источником права, на его основе разработан ряд норм современного морского и торгового права, а в Великобритании, США, Австралии и Канаде, а также некоторых других странах прецедент является одной из первооснов законодательства.

Стр. 338. ...ПРК «Телега Чарльза»... — «Телега Чарльза» — другое название Ковша, группы звезд в созвездии Большой Медведицы. Вероятно, название произошло от староанглийского carles wagn — «крестьянская телега».

Стр. 344. ...получила в штабе название «Операция "Самаритянин"»... — самаритянин — член иудейской общины, которую не выслали во время ассирийского завоевания Израиля в 772 г. до н.э., а оставили в Самарии, центральном районе Палестины. Когда изгнанники вернулись домой, они отказали помогать тем, кто остался жить здесь (самаритянам), в перестройке храма, и тогда самаритяне выстроили собственный храм на горе Гезирим к северу от Иерусалима. Потомки изгнанников считали потомков самаритян еретиками и отщепенцами. В притче Христа о

добром самаритянине вразрез с общественным мнением говорится о достойном человеке.

Стр. 348. ...на старом «Персивале Лоуэлле»... — Американский астроном Персиваль Лоуэлл (1855–1916) происходил из талантливой семьи: его брат Эббот Лоуренс Лоуэлл (1856–1943) был известным педагогом и политологом, президентом Гарвардского университета в 1909–1933 годах; сестра Эми Лоуэлл (1874–1925) — известная поэтесса и литературный критик. Сам Персиваль Лоуэлл наиболее известен тем, что первым высказал и до последних дней отстаивал гипотезу об искусственном происхождении открытых в 1877 году итальянским астрономом Джованни Скиапарелли (1835–1910) марсианских каналов.

Стр. 361. ...профессор назвал ее Люцифер... — Люцифер — буквально «несущий свет», в греческих и римских мифах молодой мужчина с факелом в руках, персонификация утренней звезды (планета Венера на рассвете). В христианстве трансформировался в ангела, который поднял мятеж против Бога, был сброшен в ад и переименован в Сатану, Князя тьмы.

Стр. 367. ...не клером... — то есть передача шла не открытым текстом.

Стр. 368. ...заняться «Томасу Пейну»... — Томас Пейн (1737–1809) — особо колоритная фигура в истории Соединенных Штатов и Войны за независимость. Просветитель, философ, публицист, англичанин Томас Пейн вместе с французом маркизом де Лафайетом стоял у истоков американской Конституции, хотя не принадлежал к числу ее формальных авторов (как, впрочем, и только что упомянутый Лафайет, и сам автор проекта Декларации независимости США Томас Джефферсон). Герой Войны за независимость, гражданин Пейн, тем не менее даже вынужден был в 1787 году покинуть США и вернуться в Англию. Ни первый президент США Джордж Вашингтон, ни второй — Джон Адамс не разрешили ему вернуться в Америку. Осуществить это удалось лишь тогда, когда третьим президентом стал его друг Томас Джефферсон. Гражданин Пейн — это едва ли не имя нарицательное, это — ролевая установка: человек, для которого дело и судьба дела в политике важнее собственных лавров и судьбы.

...в Вальпургиеву ночь... — то есть ночь на первое мая, когда католики чтят память святой игуменьи Вальпургии. В дохристианские времена у германских и кельтских народов эта ночь была праздником в честь прихода весны и пробуждения сил природы. С распространением христианства за Вальпургиевой ночью закрепилось значение бесовского шабаша, оргии ведьм и чертей на горе Броккене, расположенной в горах Гарца; ее коническая гранитная вершина поднимается на 1142 м.

Стр. 369. ... в криббедж... — криббедж — карточная игра, разработанная сэром Джоном Саклингом во времена английского короля Карла I Стюарта (1600–1649). Модифицированная старинная игра нодди

(«простак») первоначально была рассчитана на двух игроков, сегодня существуют разновидности для троих и четверых. Наиболее популярным вариантом остается игра на двоих в трех модификациях: пятикартный, шестикартный и семикартный криббедж.

Стр. 371. «Туземцы здесь дружелюбны...» — английский мореплаватель Джеймс Кук (1728–1779), открыв в 1778 году Гавайские острова, именно так охарактеризовал в судовом журнале их обитателей.

Стр. 385. «Говори за себя одного, Джон»... — цитата из романа «Марсианский стрелок» про Джона Картера американского писателя-фантаста Эдгара Райза Берроуза (1875–1950).

Стр. 418. ...бортовой журнал «АСТАРТЫ»... — Астарта — великая богиня войны и чувственной любви, олицетворение планеты Венера на Среднем Востоке, покровительница городов Тира, Сидона и Элата. Так же ей поклонялись в Египте и земле Ханаанской.

Стр. 421. ...в колониальном издании каталога «Сирс и Монтгомери»... — намек на сеть торгующих по каталогам универмагов «Сирс Робак», которая покрывает всю территорию США.

Стр. 422. ...а подумаешь про Колумба с его «Санта-Марией»... — «Санта-Мария» — каракка длиной около 23 метров, шириной около 7, осадкой 3 метра и грузоподъемностью приблизительно 400 тонн, построенная на верфях Галисии и изначально носящая имя «Маригаланте» и прозвище «Гальега» («галисийка»). Переименовал ее сам Колумб.

Стр. 422. Или про драккары викингов... — слово «викинг» произошло от скандинавского «vikinghr» (VIII в.), дословно означающего «живущий в вике», особом военизированном поселении. Юноши, уходящие в вик, окончательно и бесповоротно рвали все связи с семьей и родом. То есть викингами называли людей, которые не желали жить в племени и подчиняться его законам. По Л. Н. Гумилеву многовековые набеги викингов явились следствием пассионарного толчка, рассекшего раннефеодальную Европу. К IX веку слово «викинг» приняло оскорбительный оттенок, вроде современного «пират, бандит».

Стр. 423. ...прокатившись в бочке по Ниагарскому водопаду. — Ниагарский водопад расположен на реке Ниагара, которая служит одним из участков границы между Канадой и США. Козьим островом водопад разделяется на левую, канадскую, часть шириной около 800 м и высотой 48 м, через которую проходит около 95% всего расхода воды, и правую, американскую, шириной около 300 м и высотой 51 м. С канадской стороны в обход водопада сооружен судоходный канал Уэлленд. Над водопадом перекинут мост.

С конца прошлого века спуститься по Ниагарскому водопаду каким-либо экзотическим способом стало довольно популярным развлечением. Сейчас это запрещено.

Стр. 432. ...деловито просматривала иллюстрации в «Сатеди ивнинг пост» издания 1971 года. — То есть газету, на страницах которой публиковались многие рассказы «лунного цикла» Хайнлайна.

К повести «Красная планета»

Стр. 451. ...почти церера... — астероид, первая из открытых малых планет, самая большая и массивная из них. Размеры составляют по разным оценкам от 930 до 970 км, радиус орбиты при вращении вокруг Солнца — 415 млн км; период обращения вокруг собственной оси — 9 часов, а вокруг Солнца — 4,6 года.

...с собой в Малый Сырт... — Малый и Большой Сырт — ранее считалось, что это возвышенности на Марсе на границе между северными равнинами и южными высотами. По новым данным это вулканическое плато, а темный цвет происходит от базальта и относительно малого количества песка. Название происходит от римского имени крупного залива Сидра у берегов Ливии.

Я интересуюсь ареографией... — то есть географией Марса.

Стр. 452. ...в Копаис... — Копайское болото (Copais Palus) — местность в северном полушарии Марса, названа в честь заболоченного озера к северу от горы Геликон в Беотии, Греция.

Стр. 455. ...атмосферное давление Марса не достигает и половины... — среднее атмосферное давление на уровне моря для Земли равно 760 мм ртутного столба или 1013,25 гПа. Марсианские колонисты поддерживали в помещениях давление на уровне двух третей земной нормы, то есть около 507 мм рт.ст., что соответствует высоте около 3500 м над уровнем моря. По Хайнлайну марсианское давление приблизительно 200–250 мм рт.ст. На самом же деле за среднее давление на Марсе, примерно соответствующее среднеуровневой поверхности, от которой отсчитывают высоту гор и глубину впадин, принята величина в 4,6 мм рт.ст. Правда, работая над романом в 1948 году, Хайнлайн не мог об этом знать; данные были получены посадочными модулями американских космических аппаратов «Викинг-1» и «Викинг-2» в 1976 году.

...между двумя рукавами Стримонского канала... — Стримон — в греческой мифологии речной бог, сын Океана и Тетис (по другой версии Понта и Талассы). Персонификация одноименной реки.

Стр. 456. ...атональной диафрагмы... — диафрагмой у человека и млекопитающих называется грудобрюшная преграда — сухожильно-мышечная перегородка, отделяющая грудную полость от брюшной.

Стр. 457. ...слушали сегодняшние деймосские новости?.. — Деймос — более удаленный от поверхности спутник Марса, небольшой, неправиль-

ной формы. Назван в честь сына греческого бога Ареса и богини Афродиты, имя в переводе означает «ужас».

Стр. 467. ...в канал Оэроэ... — Оэроэ — в греческой мифологии наяда, дочь реки Асопос в Беотии.

Стр. 474. ...наткнулся на буджума... — персонаж популярной абсурдистской поэмы «Охота на Снарка» Льюиса Кэрролла.

Стр. 481. ... Джеймс Мэдисон Марло... — герой повести назван в честь четвертого президента США, Джеймса Мэдисона (1751–1836), стоявшего во главе американской администрации два срока, с 1809 по 1817 год. Он был спонсором Билля о правах, первых десяти поправок к Конституции.

Стр. 565. ...проктор... — прокторами называются служащие, которые следят за соблюдением дисциплины в университетах (зародилась эта должность в Оксфорде и Кембридже), а также адвокаты и поверенные при специальных церковных судах. Хайнлайн нередко применял его как замену терминов «надзиратель», «судебный исполнитель» и других.

Стр. 569. ...рассуждаем о солипсизме... — солипсизмом (от латинских solus — «единственный» и ipse — «сам») именуется крайняя форма субъективного идеализма, несомненной реальностью признающая исключительно самого сознающего субъекта, а все остальное объявляющая существующим лишь в его сознании. Основоположником солипсизма считается Джордж Беркли (1685–1753), английский философ и епископ Клойнский (Ирландия), который сформулировал главные положения учения в «Трактате о началах человеческого знания» (1710). В этическом смысле солипсизмом иногда называют крайний эгоизм, эгоцентризм.

Стр. 576. ...определить тембр голоса, как по отпечаткам пальцев — человека... — идея такого прибора была выдвинута «отцом американской фантастики» Хьюго Гернсбеком (1884–1967) в романе «Ральф 124 С 41+» (1911). Герой романа изобрел аппарат, который записывал человеческий голос в виде графика, похожего на сейсмограмму: тонкие параллельные линии с зигзагами разных размеров — от маленьких волнообразных завитков до длинных горбов. «Как не бывает двух совершенно одинаковых отпечатков пальцев,— пояснял Ральф,— так нет и двух идентичных голосов. Экспертам не составляет труда различать характеризующие каждого человека особенности произношения, интонации, манеру говорить, тембр голоса и множество других признаков». В 1968 году американский ученый доктор Керста запатентовал свой «звукоспектрограф», причем впервые он был применен именно для решения криминалистической задачи...

Стр. 622. Бери пример с Черной Королевы... — Черная Королева, персонаж повести Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» (1871), советовала: «Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!»

К повести «Фермер в небе»

Стр. 630. ...космический корабль «Мэйфлауэр»... — «Мэйфлауэром» назывался построенный в 1615 году барк, на котором в 1620 году пересекли Атлантику «отцы пилигримы», основатели английской колонии, ставшей впоследствии Соединенными Штатами.

Стр. 635. Это делает Ганимед ближе, чем Плимут-Рок был от Лондона... — Плимут-Рок (Плимутская скала) расположена на побережье Массачусетского залива. Здесь было основано первое поселение в Новой Англии — Плимутская колония, на месте которой находится сегодня город Плимут. Но «Мэйфлауэр» отправился в плаванье не из Лондона, а из британского порта Плимут (по этой причине и американскому поселению было дано именно такое название).

Стр. 640. ...не дальтоники, не гемофилики... — Дальтонизм — врожденная частичная цветовая слепота, неспособность различать главным образом красный и зеленый цвета, чаще всего встречающаяся у мужчин. Название болезнь получила по имени английского химика и физика Джона Дальтона (1776–1844), который сам страдал ею и первым в мировой практике описал. Гемофилия (от греческого «гемо», то есть «кровь», и «филия» — «склонность, близость») — наследственное заболевание мужчин, характеризующееся повышенной кровоточивостью вследствие удлинения времени свертывания крови и недостатка в крови особого вещества — антигемофильного глобулина.

Стр. 646. ...Мохавский космопорт... — Пустыня Мохаве расположена на юго-западе США, в южной части штата Калифорния; частью ее является знаменитая Долина Смерти. Общая площадь пустыни — около тридцати тысяч квадратных километров. Островерхие хребты, высотой до 3366 м, чередуются здесь с широкими, заполненными песком котловинами. Осадков выпадает 40–150 мм в год, но нередки периоды, когда их вовсе не бывает годами — здесь находится так называемый «полюс сухости» североамериканского континента.

Стр. 653. ... космический корабль «Биврест»... — Биврест (или Бильрёст, то есть, в переводе с древнеисландского, «трясущаяся дорога») — в северных мифах радужный мост, который соединяет Землю и Асгард, обиталище богов.

Стр. 664. ...поездку с Джорджем и Анной в Сиам... — то есть в Таиланд. Сиамом эта страна называлась до 1939 года, а также в период с 1945 по 1948 год.

Стр. 668. ...так ты скаут-орел?.. — Прохождение любого испытания, а также каждый достойный поступок в скаутской организации отмечается вручением особого значка. Обладатель двадцати одного такого значка получает звание «скаут-орел».

«Капитанская мачта» — это нечто вроде судилища... — Так называется заседание, в ходе которого командир корабля выслушивает дела тем или иным образом провинившихся матросов и принимает по ним решения.

Стр. 679. ...хотя главный инженер Ортега, который водил нас туда, называл его «факелом»... — в других романах Хайнлайна можно встретить выражения: «факельные корабли Ортеги», «факел Ортеги», то есть главный инженер «Мэйфлауэра» также конструктор этого типа двигателей.

Стр. 681. ...больше акробат, чем акрофоб... — Акрофобия — боязнь высоты (греч. «акрос» — высота и «фобос» — страх). Акробат в переводе с греческого означает «поднимающийся вверх»

Стр. 684. ...сформулированное еще в одна тысяча девятьсот пятом году... — в статье А. Эйнштейна «К электродинамике движущихся тел».

Стр. 690. Сам дух Дэниэла Буна... — Бун Дэниел (1734–1820) — знаменитый американский первопроходец, герой фронтира. Вместе с братом охотился в диких тогда лесах штата Кентукки, в 1775 г. привел на территорию группу поселенцев. В следующем году возглавил местных ополченцев, воевал с индейцами, был захвачен в плен и бежал. В 1782 г. стал шерифом округа и заместителем главного землеустроителя графства. Его имя обросло множеством легенд и в 1925 г. было внесено в национальную «Галерею славы».

Стр. 692. ...а Патрик — более важный святой... — Святой Патрик (ок. 389 — ок. 461) — христианский миссионер, ставший первым епископом Ирландии, а после смерти и причисления к лику святых — ее небесным патроном.

Стр. 693. ...имени Баден-Пауэлла... — Роберт Стефенсон Смит, барон Баден-Пауэлл (1857–1941) — английский генерал, участник англо-бурской войны, в 1908 году основал первую бой-скаутскую организацию.

...Агинальдо... — Агинальдо Эмилио (1869–1964) — один из предводителей филиппинской национально-освободительной революции 1896–1898 годов, впоследствии — президент Филиппинской республики.

...выбрала для себя Хуниперо Серра... — Мигуэль Хосе Хуниперо Серра (1713–1784) — испанский католический священник, миссионер, немало сделавший для обращения в христианство американских индейцев в Мексике, и в частности — в Калифорнии, входившей тогда в состав Мексики.

...имени Флоренс Найтингейл... — Флоренс Найтингейл (1820–1910) — английская медсестра, особенно прославившаяся во время крымской войны; впоследствии сделала очень много для коренной реорганизации госпиталей и больниц.

Стр. 694. ... заставил корабль прецессировать... — Прецессией называется такое движение оси твердого тела (в данном случае — «Мэйфлауэра»), при котором она описывает круговую коническую поверхность.

Стр. 705. ...у Юпитера нет таких колец, как у Сатурна... — Это не совсем так. Ранее считалось, что кольца Сатурна, открытые в 1656 году голландским астрономом Христианом Гюйгенсом (1629–1695), являются уникальным астрономическим объектом. Но в конце XX века космическими станциями «Пионер-10», «Вояджер-1» и «Вояджер-2» были обнаружены кольца и у Юпитера, Урана и Плутона. Ширина системы колец Юпитера около 6000 км, толщина — около 1 км. Состоит она из частиц, размеры колеблются от нескольких миллиметров до нескольких метров. Но Хайнлайн все-таки прав: таких выразительных, как у Сатурна, колец Юпитер не имеет.

Стр. 706. ...я высматривал сателлит Барнарда... — Имеется в виду открытый в 1892 году американским астрономом Эдуардом Э. Барнардом (1857–1923) спутник Юпитера Амальтея.

Стр. 713. ...выстрою себе в поле и́глу... — то есть зимнее жилище канадских эскимосов, которое строится из вырезанных из слежавшегося снега блоков и в законченном виде имеет форму купола со входом в виде длинного коридора.

Стр. 715. ...«Оаху», «Имперская долина» и «Айова»... — Оаху — третий по величине и первый по значимости остров Гавайского архипелага, вошедшего в 1959 году в состав США в качестве пятидесятого штата. Имперская долина (Империал-Вэлли) — район орошаемого земледелия на юго-востоке Калифорнии, являющийся частью пустыни Колорадо. Айова — штат в центральной части США со столицей Де-Мойн; здесь развито овощеводство и хлебопашество.

Стр. 718. Кроме одиннадцати «исторических» сателлитов... — На сегодняшний день известны по крайней мере 63 спутника Юпитера. Первые четыре — самые крупные — были открыты Галилео Галилеем в 1610 году и потому называются «галилеевыми» (Ио, Европа, Ганимед и Каллисто). Пятый — Амальтея — был открыт 9 сентября 1892 года Барнардом. Ко времени написания романа известно было 11 спутников.

Стр. 722. ...никто не знает, что сталось с роанокской колонией... — Роанокская колония была организована английским мореплавателем и пиратом сэром Уолтером Рэли (1552–1618) на открытом им острове к северо-востоку от Каролины. Мероприятие закончилось неудачей, колония погибла (видимо, от тропических болезней).

Стр. 736. ...65 000 БТЕ энергии... — БТЕ — британская тепловая единица, равная 0,252 ккал.

Стр. 740. Джонни Яблочное Семечко... — это прозвище Джонатана Чэпмена (1775–1847), одного из самых знаменитых пионеров-первопроходцев Америки. Главное, чем он был знаменит, — это яблоневые рощи, которые он сажал по всему Огайо и западной Пенсильвании. Начиная с 1801 года и до самой смерти Джонатан Чэпмен, иногда на лошади, чаще —

на собственной спине, доставлял в самые глухие и необжитые уголки штата кожаные мешки с яблочными семечками, расчищал участки земли и засевал их, стараясь превратить свою страну в цветущий сад.

Стр. 743. ...Голгофа, место черепов... — Голгофой (Черепом) называется горная возвышенность, расположенная к северо-западу от Иерусалима; в евангельские времена она находилась «недалеко от города», «вне врат», но сегодня принадлежит к собственно городской территории. Согласно христианскому преданию, здесь был погребен Адам, а по словам евангелистов именно тут был установлен крест, на котором распяли Христа. Существуют две версии происхождения названия Голгофы: по первой оно дано из-за сходства холма с формой черепа; по второй — из-за того, что в библейские времена место это было усеяно черепами казненных здесь преступников. Именно это второе толкование и имеет в виду Джордж.

Стр. 773. ...«Не заграждай рта у вола молотящего», — процитировал он... — То есть не мешай подкормиться тому, кто на тебя работает (Новый завет, 1-е послание к коринфянам, 9–9).

Стр. 801. Плутон даже не настоящая планета... — Это лишь одна из устаревших версий. Согласно современным представлениям, Плутон — планета «приблудная», захваченная Солнечной системой. Главным аргументом в пользу подобных гипотез является то, что орбита Плутона наклонена под углом 17 градусов к плоскости эклиптики.

Стр. 808. ...закрывать все эти «стриты»... — «Стрит» в покере — это любые последовательные пять карт любых мастей (например: король пик, дама треф, валет бубен, десятка пик, девятка червей), «стрит-флеш» — это последовательность из пяти карт одной масти; туз в обоих случаях может быть как самой старшей, так и самой младшей картой.

Стр. 815. ...даже царицу Савскую... — Легендарная красавица, царица Эфиопии, одна из жен царя Соломона. Упоминается в библейской Третьей Книге Царств (гл.10, ст.1–14).

Стр. 828. ...разве Эндрю Джонсон... — Эндрю Джонсон (1808–1875), американский политический деятель, вице-президент (март–апрель 1865) в администрации 16-го президента США Авраама Линкольна, после его убийства ставший 17-м президентом США (1865–1869). Джонсон выдвинул так называемую программу Реконструкции Юга, которая и после ликвидации Линкольном института рабства сохранила на Юге всю власть в руках крупных землевладельцев-плантаторов. Не имел формального образования.

К повести «Среди планет»

Стр. 834. ...просто рогатая змея... — Рогатая змея (или кераст, crotalus ceraster) — один из видов гремучей змеи. Водится она на юге-

западе США и севере Мексики; название свое получила за выдающиеся над глазами наподобие рогов наросты.

...на месу Могила торговца... — Меса (или меза) — характерная для рельефа юга США и Мексики небольшая столовая возвышенность с обрывистыми склонами, образующаяся в результате ветровой и водяной эрозии обширных плато.

Стр. 835. ...на «Валькирии»... — Валькириями (то есть буквально «выбирающими убитых») в скандинавской мифологии называли воинственных дев, подчиненных богу Одину и участвующих в распределении побед и смертей в битвах. Павших в бою храбрых воинов валькирии уносят в Валгаллу, небесный чертог Одина, где прислуживают им, поднося выпивку и следя, чтобы пиршественные чаши не пустовали.

...на «Вандердекене»... — Капитаном призрачного «Летучего Голландца» был шкипер Ван дер Декен, хотя некоторые источники утверждают, что Ван Страатен.

Стр. 837. ...якшаешься с буклегерами... — Boot-leg *(англ.)* имеет также значение «изготовление, транспортировка и продажа запрещенных спиртных напитков». Занимались этим люди, именуемые бутлегерами. Book *(англ.)* — книга.

Стр. 838. ...все равно что уголь в Ньюкасл... — Ньюкасл-эпон-Тайн расположен на северо-востоке Англии в графстве Тайн-энд-Уир близ каменноугольного бассейна Метрополитен.

Стр. 840. ...ничуть не хуже, чем «лайми» или «янки»... — «лайми» (от названия цитрусового плода лайма) называли английских моряков, которым с 1795 года выдавали сок лайма в качестве противоцинготного средства. Прозвище жителей северных и восточных штатов США «янки», по слухам, произошло от «Ян-киис» (то есть Ян-сыр). Сначала так называли голландских пиратов, а затем голландцы, жители Нового Амстердама, стали называть так английских переселенцев.

Стр. 842. ...вышел в корраль... — Корралем (или коралем) называется загон для скота (от искаженного португальского слова curral).

Стр. 843. ...мене, мене, текел, упарсин... — В библейской Книге пророка Даниила (гл.V, ст.1–31) рассказывается, как последний царь вавилонский из халдейской династии Валтасар во время осады его столицы Вавилона войсками Кира, царя персидского, и Дария, царя мидийского, устроил во дворце пышное пиршество, где вместе с приближенными кощунственно пил вино из похищенных в Иерусалимском храме золотых и серебряных сосудов. В разгар пира таинственная рука начертала на стене роковые слова: «Мене, мене, текел, упарсин», которые призванный в пиршественный зал пророк Даниил объяснил следующим образом: «мене» — исчислил Бог царство твое и положил ему конец; «текел» — ты взвешен

на весах и найден очень легким; «упарсин» — разделено царство твое и отдано мидийцам и персам.

Стр. 848. ...как настоящий кокни... — то есть как уроженцы Ист-Энда, Лондон, которые отличались неграмотной, грубой, зато сочной, с изобилием метафор и скрытых рифм речью.

Стр. 855. ...изображавший Тангейзера... — Тангейзер (ок.1205–1270) — немецкий поэт-миннезингер, персонаж произведений Эрнста Амадея Гофмана, Генриха Гейне и оперы Рихарда Вагнера «Тангейзер». Искусство миннезингеров возникло в XII веке под влиянием провансальских трубадуров; они воспевали любовь к Прекрасной Даме, служение Богу и сюзерену, крестовые походы и т.д.

Стр. 858. ...возле каждой звезды класса G... — По интенсивности линий в спектрах звезд в зависимости от физических условий в их атмосферах (температур, давлений и т.д.) все звезды делятся на спектральные классы O-B-A-F-G-K-M, причем этот ряд расположен в порядке убывания температуры (от 30 000 гр.К до 3000 гр.К). Звезды спектральных классов O и B — голубые, A и F — белые, G — желтые (к ним относится и наше Солнце), K — оранжевые, M — красные.

Стр. 871. ...«Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним»... — «Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним, а праведник смел, как лев» (Книга притч Соломоновых, стих 28-й).

Стр. 882. ...не склонен к антропофагии... — то есть к людоедству.

Стр. 891. ...с рождения слышавший колокола Сент-Мари-ле-Боу.. — то есть истинный кокни, родившийся на свет в пределах слышимости колоколов церкви Сент-Мари-ле-Боу на Боу-стрит в Ист-Энде, Лондон.

Стр. 892. ...семантическое наполнение этого слова скорее эмоциональное и непостоянное, нежели упорядоченное и дескриптивное. — То есть «это слово описывает не предметы и явления, а чувства говорящего, и значение его сильно зависит от обстановки.

Стр. 894. ...барабан-отель «Годдард»... — Роберт Хатчингс Годдард (1882–1945) — американский ученый, один из пионеров космонавтики, положивший начало созданию жидкостных ракетных двигателей: 16 марта 1926 года он впервые в мире осуществил запуск такой ракеты, взлетевшей на 12,5 м в высоту и пролетевшей 56 м от точки старта.

Стр. 897. ...но это был уже форт Самтер новой войны... — Форт Самтер защищал вход в гавань города Чарлстона, штат Южная Каролина. Его обстрел мятежниками-конфедератами 12 апреля 1861 года послужил началом Гражданской войны.

Стр. 902. ...выбор совсем как у Хобсона... — Хобсоновским выбором иносказательно именуется выбор безальтернативный. В Англии, в Кембридже, некий Томас Хобсон (1544–1631), сдавая напрокат лошадей,

поставил дело таким образом, что клиенту всякий раз волей-неволей приходилось брать лошадь, стоявшую в ближайшем к дверям конюшни стойле.

Стр. 917. ...этот status останется quo... — status quo переводится с латыни как «положение, которое...» и, как правило, является составной частью более сложных оборотов. Также употребляется в смысле «существующее положение».

Стр. 918. ...попытка оседлать канзасский смерч.. — такая попытка удалась лишь Пекосу Биллу, самому дикому из фольклорных героев Дикого Запада, персонажу многочисленных историй и анекдотов, среди которых есть и рассказ о том, как этот храбрый ковбой прокатился верхом на смерче.

«Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда». — В Евангелии от Матфея (VIII-20) сказано: «И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову».

Стр. 950. ...станция «Скиапарелли» не отвечает... — Джованни Вирджинио Скиапарелли (1835–1910), итальянский астроном, член-корреспондент с 1874 и иностранный почетный член с 1904 года Петербургской Академии наук, открывший в 1877 году «каналы» на Марсе.

Стр. 952. ...«Адонис», двигавшийся по той же орбите... — Адонис, финикийское божество города Библ. В греческих мифах — прекрасный юноша, сын Мирры, превращенной в мирровое дерево, который полюбился богине любви Афродите (Венере), за что бог войны Арес подстроил ему смерть на охоте от клыков дикого зверя. Из капель его крови появились цветы, также названные его именем. По другой версии его смерть — дело рук богини охоты Артемиды.

Стр. 979. ...стандартные формы пиджина... — Пиджинами (от искаженного английского business — «дело») называют структурно-функциональный тип языков, не имеющий коллектива исконных носителей и развившихся путем существенного упрощения структуры языка-источника. Используются они как средство межэтнического общения в среде смешанного населения. На Земле зарегистрировано около полусотни пиджинов и пиджинизированных языков — в основном, в Юго-Восточной Азии, Океании и Африке.

Стр. 985. ...словно Маленький Тумай... — герой рассказа Редъярда Киплинга «Тумай, сын Тумая» из первой «Книги джунглей».

Стр. 986. ...обнаружилось фабричное клеймо «Гранд-Рапидс»... — В городке под таким названием на юго-западе штата Мичиган находится крупнейшее мебельное производство, и потому название «Гранд-Рапидс» стало нарицательным для мебельного ширпотреба вообще, независимо от места его реального производства.

СОДЕРЖАНИЕ

РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ» 5

КОСМИЧЕСКИЙ КАДЕТ 193

КРАСНАЯ ПЛАНЕТА 443

ФЕРМЕР В НЕБЕ 625

СРЕДИ ПЛАНЕТ 829

КОММЕНТАРИИ 1037